

История мира от историков в двадцати пяти томах,
том 04. От Греции до римского завоевания

Генри Смит Уильямс

THE HISTORIANS' HISTORY OF THE WORLD

A comprehensive narrative of the rise and development of nations
as recorded by over two thousand of the great writers of
all ages: edited, with the assistance of a distinguished
board of advisers and contributors,
by

HENRY SMITH WILLIAMS, LL.D.

IN TWENTY-FIVE VOLUMES

VOLUME IV—GREECE TO THE ROMAN CONQUEST

The Outlook Company
New York

The History Association
London

1904

Содержание

[ИСТОРИЯ МИРА ОЧИМИ ИСТОРИКОВ](#)

[Авторы и редакторы.](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ЭВОЛЮЦИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[ГЛАВА XXXVII. ЦАРСТВОВАНИЕ ТЕРРОРА В АФИНАХ](#)

[ЛИСАНДР](#)

[ЖЕСТОКОСТИ ТРИДЦАТИ](#)

[СИКОФАНТЫ](#)

[ВОССТАНИЕ ТРАСИБУЛА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XXXVIII. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ](#)

[КОНЕЦ АЛКИВИАДА](#)

[ЖИЗНЬ В АФИНАХ](#)

[АРИСТОФАН](#)

[ЕВРИПИД](#)

[ГЛАВА XXXIX. СОКРАТ И СОФИСТЫ](#)

[ПРЕСЛЕДОВАНИЕ СОКРАТА](#)

[ПЛАТОНОВО ОПИСАНИЕ ПОСЛЕДНИХ ЧАСОВ ЖИЗНИ СОКРАТА](#)

[ОЦЕНКА СОКРАТА ГРОТЕ](#)

[ГЛАВА XL. ОТСТУПЛЕНИЕ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ](#)

[ДЕЛА ПЕРСИИ](#)

[ОПИСАНИЕ КУНАКСЫ КСЕНОФОНОМ](#)

[ОТСТУПЛЕНИЕ](#)

[КСЕНОФОНТ ОТРАЖАЕТ ТРУДНОСТИ](#)

[КОНЕЦ ПОХОДА](#)

[ЗНАЧЕНИЕ ПОСТИЖЕНИЯ КСЕНОФОНА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XLI. ВЕРХОВЕНСТВО СПАРТЫ](#)

[СРАВНЕНИЕ ГРОТА СПАРТАНСКОГО И АФИНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ](#)

[ЖЕСТОКОСТЬ СПАРТАНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ](#)

[ДЕГЕНЕРАЦИЯ СПАРТЫ](#)

ГЛАВА XLII. СПАРТА В АЗИИ

ВОЙНА ЛАЦЕДАМОНА И ЭЛИ

ЗАГОВОР КИНАДОНА

АГЕСИЛАЙ В АЗИИ

ПЕРСИДСКОЕ ЗОЛОТО

ВОЙНА В ГРЕЦИИ

ЗАГОВОР ЛИСАНДА

АГЕСИЛАЙ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

СНОСКИ

ГЛАВА XLIII. КОРИНФСКАЯ ВОЙНА

БИТВА ПРИ КНИДЕ

БИТВА ПРИ КОРОНЕ

СУХОПУТНЫЕ СОБЫТИЯ КОРИНФСКОЙ ВОЙНЫ

ВЕЛИКИЕ ПОСТУПКИ КОНОНА

КОНОН ВОЗОБНОВЛЯЕТ СТРОИТЕЛЬСТВО ДЛИННЫХ СТЕН

ПОСЛАНИЕ АНТАЛКИДА

МИР КОРОЛЯ

СНОСКИ

ГЛАВА XLIV. ВОЗВЫШЕНИЕ ФЕБЫ

РАЗГРОМ МАНТИНЕИ

ОЛИНФСКАЯ ВОЙНА

НЕВЗГОДЫ ФЕБА

СУДЬБА ЭВАГОРА И АЗИАТСКИХ ГРЕКОВ

ВОССТАНИЕ ФОРА

ВТОРОЙ АФИНСКИЙ СОЮЗ

КОРКИРА

СУД НАД ТИМОТЕЕМ

КОНГРЕСС В СПАРТЕ

АТЕНЫ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ТЕБЕ

СНОСКИ

ГЛАВА XLV. ДЕНЬ ЭПАМИНОНДА

СПАРТА ВТОРГАЕТСЯ В БОЭТИЮ

БИТВА ПРИ ЛЕКУТРАХ

ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКТРЫ

ЯСОН ТЕССАЛСКИЙ

ФОН ШТЕРН О ПОЛИТИКЕ ФЕБА

[КОНГРЕСС В АФИНАХ](#)

[ВОССТАНОВЛЕНИЕ МАНТИНЕИ](#)

[АРКАДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ](#)

[СПАРТАНСКАЯ НЕТЕРПИМОСТЬ К ТРУСОСТИ](#)

[ФЕБИНЦЫ В ПЕЛОПОННЕСЕ](#)

[ОСНОВАНИЕ МЕССЕНЫ](#)

[АТЕНЫ В СОЮЗЕ С СПАРТОЙ](#)

[ВТОРОЕ ВТОРЖЕНИЕ В ПЕЛОПОННЕС](#)

[ЭКСПЕДИЦИЯ В ТЕССАЛИЮ](#)

[ПОСОЛЬСТВО В ПЕРСИЮ И СЪЕЗД В ТЕБЕ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XLVI. КОГДА ТЕБЕ СТАЛИ ВЕРХОВНЫМИ](#)

[СОВМЕСТНАЯ РАБОТА ЭПАМИНОНДА И ПЕЛОПИДА](#)

[КОНЕЦ ПЕЛОПИДА](#)

[БИТВА ПРИ МАНТИНЕЕ И СМЕРТЬ ЭПАМИНОНДА](#)

[РАССКАЗ КСЕНОФОНА О ТОМ, КАК СРАЖАЛСЯ ЭПАМИНОНДАС](#)

[ОЦЕНКА ЭПАМИНОНДАСА ГРОТЕ](#)

[СМУТА ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ЭПАМИНОНДА](#)

[ГЛАВА XLVII. ТИРАНЫ В СИЦИЛИИ](#)

[ГЛАВА XLVIII. ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ](#)

[РАННЯЯ ИСТОРИЯ МАКЕДОНИИ](#)

[ФИЛИПП-ОРГАНИЗАТОР](#)

[ВОЕННАЯ ДИСЦИПЛИНА](#)

[МАКЕДОНСКАЯ КУЛЬТУРА](#)

[ОЛИМПИА, МАТЬ АЛЕКСАНДРА](#)

[МАКЕДОНСКАЯ ФАЛАНГА](#)

[ВОСХОЖДЕНИЕ ФИЛИППА](#)

[ГЛАВА XLIX. ТРИУМФЫ ФИЛИППА](#)

[ДЕМОСТЕН, ОРАТОР](#)

[ЭСХИН, СОПЕРНИК ДЕМОСТЕНА](#)

[НЕПОПУЛЯРНОСТЬ ДЕМОСТЕНА](#)

[ЛУЧШАЯ СТОРОНА ФИЛИППА](#)

[СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА](#)

[ПЕРВАЯ ФИЛИППИКА](#)

[ФИЛИПП И АФИНЫ](#)

[МИРНЫЙ ДОГОВОР](#)

[НАКАЗАНИЕ ФОКИЯН](#)

[Отношение афинян](#)

[МАКЕДОНСКАЯ ПАРТИЯ](#)

[ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ](#)

[ИНТРИГИ ФИЛИППА И НАЧАЛО ВОЙНЫ](#)

[ТРЕТЬЯ ФИЛИППИКА](#)

[ФИЛИПП ВОЗВРАЩАЕТСЯ В БОЙ](#)

[ОСАДА ПЕРИНФА И ВИЗАНТИИ](#)

[УПАДОК ПРЕСТИЖА ФИЛИППА; СКИФСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ](#)

[КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ АМФИСЫ](#)

[СОЮЗ МЕЖДУ АФИНАМИ И ТЕБЕ](#)

[АРМИИ НА РАВНИНЕ ХЕРОНЕЙ](#)

[БИТВА ПРИ ХЕРОНЕ](#)

[ФИЛИПП ЗАХВАТЫВАЕТ ТЕБЕ](#)

[МИР ДЕМАДА](#)

[ФИЛИПП В ПЕЛОПОННЕСЕ](#)

[ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТРИГИ; СЕМЕЙНЫЕ СВАРКИ](#)

[СМЕРТЬ ФИЛИППА](#)

[РЕЗЮМЕ ХАРАКТЕРА ФИЛИППА](#)

[ОЦЕНКА ФИЛИППА ГРОТОМ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА I. АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ](#)

[СРАВНЕНИЕ ФИЛИППА И АЛЕКСАНДРА ЮСТИНОМ](#)

[МОЛОДОСТЬ АЛЕКСАНДРА ПО КВИНТУ КУРЦИЮ](#)

[Аристотель как его учитель](#)

[Буцефал](#)

[ПЕРВЫЕ ПОСТУПКИ АЛЕКСАНДРА](#)

[ДЕМОСТЕН ВЫСМЕИВАЕТ АЛЕКСАНДРА](#)

[АЛЕКСАНДР ПРОМЕЧАЕТСЯ ПО ГРЕЦИИ](#)

[АЛЕКСАНДР ПОДЧИНЯЕТ СЕВЕР](#)

[ВОССТАНИЕ ФЕБА](#)

[СУДЬБА ФЕБА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА II. АЛЕКСАНДР ВТОРГАЕТСЯ В АЗИЮ](#)

[ПЛАНЫ ЗАВОЕВАНИЯ](#)

[ПРОБЛЕМА И ВОЙСКА](#)

[ЧИСЛЕННОСТЬ АРМИИ](#)

[ФАЛАНГА И КАВАЛЕРИЯ](#)

[ЛЕГКИЕ ВОЙСКА](#)

[СОСТОЯНИЕ ПЕРСИДСКОЙ ИМПЕРИИ](#)

[ВХОД В АЗИЮ, СОГЛАСНО АРИАНУ](#)

[БИТВА НА ГРАНИКУ](#)

[Мужество и опасность Александра](#)

[ПОСЛЕДСТВИЯ ПОБЕДЫ АЛЕКСАНДРА](#)

[ГЛАВА LII. ИССОС И ТИР](#)

[Галикарнас](#)

[ГОРДИЙ](#)

[ДАРИЙ СОБИРАЕТ НОВУЮ АРМИЮ](#)

[ДАРИЙ В ИССЕ](#)

[ПОДГОТОВКА К БИТВЕ](#)

[БИТВА ПРИ ИССЕ](#)

[Бегство Дария](#)

[ОТ ИССА К ТИРУ](#)

[ОСАДА ТИРА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА LIII. ОТ ГАЗЫ ДО АРБЕЛЫ](#)

[ОСАДА ГАЗЫ ПО АРРИАНУ](#)

[СОБЫТИЯ ИЗ КНИГИ КВИНТА КУРЦИЯ](#)

[АЛЕКСАНДР В ЕГИПТЕ](#)

[ПОСЕЩЕНИЕ АММОНА](#)

[АЛЕКСАНДР ПОКИДАЕТ ЕГИПЕТ](#)

[БИТВА ПРИ АРБЕЛЕ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА LIV. ПАДЕНИЕ ПЕРСИИ](#)

[ВХОД В ВАВИЛОН, ОПИСАННЫЙ КВИНТОМ КУРЦИЕМ](#)

[НА ГРАНИЦЕ ПЕРСИИ](#)

[ПАСТУХ-ПРОВОДНИК](#)

[ОСВОБОЖДЕННЫЕ ПЛЕННИКИ; РАЗГРАБЛЕНИЕ ПЕРСЕПОЛИСА](#)

[КУРЦИЙ РАССКАЗЫВАЕТ О ОГРОМНОЙ ДОБЫЧЕ](#)

[КУРЦИЙ ОПИСЫВАЕТ ОРГИЮ И СЖИГАНИЕ ПЕРСЕПОЛИСА](#)

[НОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАВОЕВАНИЯ](#)

[ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ДАРИЯ](#)

[ЗАГОВОРЫ ПРОТИВ АЛЕКСАНДРА](#)

[ПОЛОНОС БЕССА](#)

[ПРЕДЕЛ ПРОДВИЖЕНИЯ АЛЕКСАНДРА НА СЕВЕР](#)

[АЛЕКСАНДР УБИВАЕТ СВОЕГО ДРУГА](#)

[РАСКАЯНИЕ АЛЕКСАНДРА](#)

[ЗАГОВОР ЦАРСКИХ ПАЖЕЙ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА LV. ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ](#)

[ВОЙНА С ПОРУ](#)

[ВОСТОЧНАЯ ГРАНИЦА](#)

[ПОХОД НА ЗАПАД](#)

[ХРАБРЫЕ МАЛЛИАНЦЫ](#)

[ТЯЖЕЛАЯ РАНА АЛЕКСАНДРА И СКОРБЬ АРМИИ](#)

[ПОЛУЗАПУСТЫННЫЙ ПОХОД](#)

[ЧРЕЗМЕРНОСТИ И ЖЕСТОКОСТИ, ОПИСАННЫЕ КУРЦИЕМ](#)

[ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕРХА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА LVI. КОНЕЦ АЛЕКСАНДРА](#)

[ЕГО ПРОЕКТЫ](#)

[БРАК ГРЕЦИИ С ПЕРСИЕЙ](#)

[МЯТЕЖ](#)

[ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ](#)

[СКОРБЬ О ГЕФЕСТИОНЕ](#)

[В ВАВИЛОН](#)

[ПОСЛЕДНЯЯ БОЛЕЗНЬ](#)

[СМЕРТНОЕ ПОСТЕЛЬНОЕ АЛЕКСАНДРА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА LVII. РАЗЛИЧНЫЕ ОЦЕНКИ АЛЕКСАНДРА](#)

[ЕГО НЕДОСТАТКИ И ДОСТОИНСТВА \(АРРИАН\)](#)

[ЕГО УДАЧА \(ЭЛИАН\)](#)

[ЕСЛИ БЫ АЛЕКСАНДР ПЫТАЛСЯ ЗАХВАТИТЬ РИМ \(ЛИВИЙ\)](#)

[Патриотическая оценка величия Рима](#)

[ЕГО НЕВЕРОЯТНАЯ СИЛА \(ГРОТ\)](#)

[ЕГО ЖЕСТОКОСТЬ \(МЕНАРД И РОЛЛИН\)](#)

[ЕГО ПЛОХОЕ ВЛИЯНИЕ \(НИБУР\)](#)

[ЕГО МОТИВЫ \(ДРОЙЗЕН\)](#)

[ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФЕДЕРАЛИЗАЦИЮ \(ПЁЛЬМАНН\)](#)

[ЕГО НАСЛЕДИЕ \(ГЕГЕЛЬ\)](#)

[НАСТОЯЩАЯ СЛАВА АЛЕКСАНДРА \(УИЛЕР\)](#)

[ГЛАВА LVIII. ГРЕЦИЯ ВО ВРЕМЯ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА](#)

[КОНФЕДЕРАЦИЯ ПРОТИВ МАКЕДОНИИ](#)

[ВОЙНА В ГРЕЦИИ](#)

[ДЕЛА В АФИНАХ](#)

[ДЕМОСТЕН И ЭСХИН](#)

[ОБОЖАВАНИЕ АЛЕКСАНДРА; ЗОЛОТО ГАРПАЛА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА LIX. ПРЕЕМНИКИ АЛЕКСАНДРА](#)

[СОВЕТ В ВАВИЛОНЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА](#)

[ПЕРДИККАС, МЕЛЕАГР, ЭВМЕН И МАРИОНЕТОЧНЫЙ ЦАРЬ](#)

[ДОГОВОР](#)

[РАЗДЕЛ](#)

[ПОСМЕРТНЫЕ ПЛАНЫ АЛЕКСАНДРА](#)

[ПОХОРОНЫ АЛЕКСАНДРА, ОПИСАННЫЕ ДИОДОРОМ](#)

[НАСЛЕДНИКИ АЛЕКСАНДРА](#)

[Арридей, слабоумный](#)

[Диадохи](#)

[Женщины-претендентки](#)

[СМЕРТЬ ПЕРДИККА](#)

[ПОДВИГИ ЭВМЕНА](#)

[ИМПЕРИЯ АНТИГОНА](#)

[ПОЛИСПЕРХОН ПРОТИВ КАССАНДРА](#)

[ЛИСИМАХ](#)

[КАССАНДР У ВЛАСТИ](#)

[ПРИНЯТИЕ ЦАРСКОГО ТИТУЛА](#)

[ОСАДА РОДОСА](#)

[ПАДЕНИЕ АНТИГОНА](#)

[ДЕМЕТРИЙ НА СВОБОДЕ](#)

[СМЕРТЬ КАССАНДРА; ДЕМЕТРИЙ ПОБЕЖДАЕТ И ПРОИГРЫВАЕТ](#)

[ЛИСИМАХ, АРСИНОЯ И АГАТОХЛ](#)

[СЕЛЕВК; АНТИГОН; ПТОЛЕМЕИ](#)

[ПТОЛЕМЕЙ КЕРАУН В МАКЕДОНИИ](#)

[АНАРХИЯ В МАКЕДОНИИ](#)

[АНТИГОН ГОНАТ](#)

[ХРЕМОНИДСКАЯ ВОЙНА](#)

[СЫН ПИРРА ЗАХВАТЫВАЕТ МАКЕДОНИЮ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА LX. СОБЫТИЯ В ГРЕЦИИ ПОСЛЕ СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА](#)

[ЛАМИЙСКАЯ ВОЙНА](#)

[ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕМОСТЕНА; СМЕРТЬ ЛЕОСТЕНА](#)

[ЛЕОННАТ](#)

[СМЕРТЬ ЛЕОННАТА; МОРСКАЯ ВОЙНА; ВОЙНА В ФЕССАЛИИ](#)

[РАЗРУШЕНИЕ СОЮЗА](#)

[КАПИТУЛЯЦИЯ](#)

[КОНЕЦ ДЕМОСФЕНА](#)

[ОЦЕНКА ДЕМОСТЕНА ГРОТЕ](#)

[АНТИПАТР В ГРЕЦИИ](#)

[СМЕРТЬ АНТИПАТРА И ДЕМАДА](#)

[ПОЛИСПЕРХОН И КАССАНДР](#)

[ОЛИМПИА И ЭВМЕН](#)

[ИМПЕРСКИЙ УКАЗ О ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗГНАННИКОВ](#)

[СОРЕВНОВАНИЯ В АФИНАХ](#)

[ИНТРИГИ ФОКИОНА](#)

[ПОЗОР ФОКИОНА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА LXI. ПРОВАЛ ГРЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ](#)

[ЭЛЛАНИЯ В МИРЕ](#)

[АТЕНА ПОД ВЛАСТЬЮ ДЕМЕТРИЯ; СПАРТА ЗА СТЕНАМИ](#)

[ПОСЛЕДНИЕ ДЕЙСТВИЯ ОЛИМПИАДЫ](#)

[ПТОЛЕМЕЙ В ГРЕЦИИ](#)

[АТЕНА ПАССИВНЫЕ И ПОДЧИНЕННЫЕ](#)

[УСПЕХ ДЕМЕТРИЯ В ГРЕЦИИ](#)

[БИТВА ПРИ ИПСЕ](#)

[ГЛАВА LXII. ПОХОДЫ ПИРРА](#)

[ПРЕДЫСТОРИЯ ПИРРА](#)

[ПОСЛЕДНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕМЕТРИЯ](#)

[КОНЕЦ ЛИСИМАХА, ЦАРЯ МАКЕДОНИИ](#)

[СМЕРТЬ СЕЛЕВКА](#)

[ВТОРЖЕНИЕ ГАЛЛОВ](#)

[ЗАЩИТА ХРАМА В ДЕЛЬФАХ](#)

[ПИРР И РИМЛЯНЕ](#)

[ПИРР, ПРИЗВАННЫЙ ТАРЕНТИНАМИ](#)

[ПИРР В СИЦИЛИИ; ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИТАЛИЮ](#)

[МАГНА ГРЕЦИЯ ПОДЧИНЕНА РИМЛЯНАМИ](#)

[ВОЗВРАЩЕНИЕ ПИРРА В МАКЕДОНИЮ](#)

[ЭКСПЕДИЦИЯ ПИРРА ПРОТИВ СПАРТЫ](#)

[СМЕРТЬ ПИРРА](#)

[АНТИГОНА ГОНАТА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА LXIII. СОЮЗЫ И ИХ ВОЙНЫ](#)

[ЭТОЛЯНЕ](#)

[ЭТОЛСКИЙ СОЮЗ](#)

[АХЕЙСКИЙ СОЮЗ И АРАТ СИКИОНСКИЙ](#)

[АРАТ УПРАВЛЯЕТ СОЮЗОМ](#)

[АРАТ ЗАХВАТЫВАЕТ КОРИНФ](#)

[СПАРТА ПОД ВЛАСТЬЮ КЛЕОМЕНА](#)

[АНТИГОН ПРИЗЫВАЕТ](#)

[СОЦИАЛЬНАЯ ВОЙНА](#)

[СОЮЗ С РИМОМ](#)

[ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ СВОБОДЫ ГРЕКОВ](#)

[ЭТОЛЯНЕ РАЗГРОМЛЕНЫ](#)

[ГРЕЦИЯ НА МИЛОСТИ «ДРУЖЕСТВЕННОГО» РИМА](#)

[РИМ ПРОТИВ ФИЛИППА](#)

[ПЕРСЕЙ, ЦАРЬ МАКЕДОНИИ](#)

[УНИЖЕНИЕ ГРЕЦИИ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА LXIV. ПОСЛЕДНИЕ КАТАСТРОФЫ](#)

[МАКЕДОНСКОЕ ВОССТАНИЕ](#)

[АХЕЙСКАЯ ВОЙНА](#)

[РАЗРУШЕНИЕ КОРИНФА](#)

[ГРЕЦИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ РИМЛЯН](#)

[ГЛАВА LXV. ЦАРСТВО СЕЛЕВКИДОВ](#)

[СЕЛЕВК](#)

[АНТИОХ СОТЕР](#)

[СЕЛЕВК ФИЛОПАТОР](#)

ГЛАВА LXVI. ЦАРСТВО ПТОЛЕМЕЕВ

ПТОЛЕМЕЙ ФИЛАДЕЛЬФ

ПТОЛЕМЕЙ ЭВЕРГЕТ

ПТОЛЕМЕЙ ФИЛОПАТОР

ЭПИФАН

ФИЛОМЕТОР И ФИСКОН

РИМСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

ПТОЛЕМЕЙ АУЛЕТ; КЛЕОПАТРА И КОНЕЦ

ГЛАВА LXVII. СИЦИЛИЙСКИЕ ДЕЛА

АГАТОХЛ

ПИРР И РИМЛЯНЕ

ГРЕЦИЯ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ РЕЗЮМЕ РАЗВИТИЕ ЭЛЛИНСКОГО ДУХА

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

Глава XXXVII. Царство террора в Афинах

Глава XXXVIII. Восстановление демократии

Глава XXXIX. Сократ и софисты

Глава XL. Отступление десяти тысяч

Глава XLI. Спартанское господство

Глава XLII. Спарта в Азии

Глава XLIII. Коринфская война

Глава XLIV. Возвышение Фив

Глава XLV. День Эпаминонда

Глава XLVI. Когда Фивы были вершиной могущества

Глава XLVII. Тираны в Сицилии

Глава XLVIII. Возвышение Македонии

Глава XLIX. Триумфы Филиппа

Глава L. Александр Великий

Глава LI. Александр вторгается в Азию

Глава LII. Иссы и Тир

Глава LIII. От Газы до Арбелы

Глава LIV. Падение Персии

Глава LV. Завоевание Индии

Глава LVI. Конец Александра

Глава LVII. Различные оценки Александра

Глава LVIII. Греция при жизни Александра

[Глава LIX. Преемники Александра](#)

[Глава LX. Дела в самой Греции после смерти Александра](#)

[Глава LXI. Провал греческой свободы](#)

[Глава LXII. Подвиги Пирра](#)

[Глава LXIII. Лиги и их войны](#)

[Глава LXIV. Последние бедствия](#)

[Глава LXV. Царство Селевкидов](#)

[Глава LXVI. Царство Птолемеев](#)

[Глава LXVII. Сицилийские дела](#)

[ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ГРЕЦИИ](#)

[КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ](#)

[СНОСКИ](#)

[СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АВТОРОВ С
КРИТИЧЕСКИМИ И БИОГРАФИЧЕСКИМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта Гутенберга «История мира в двадцати пяти томах», том 04

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: История мира в двадцати пяти томах, том 04

От Греции до римского завоевания

Редактор: Генри Смит Уильямс

Дата выпуска: 6 сентября 2017 г. [электронная книга № 55497]
Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: английский

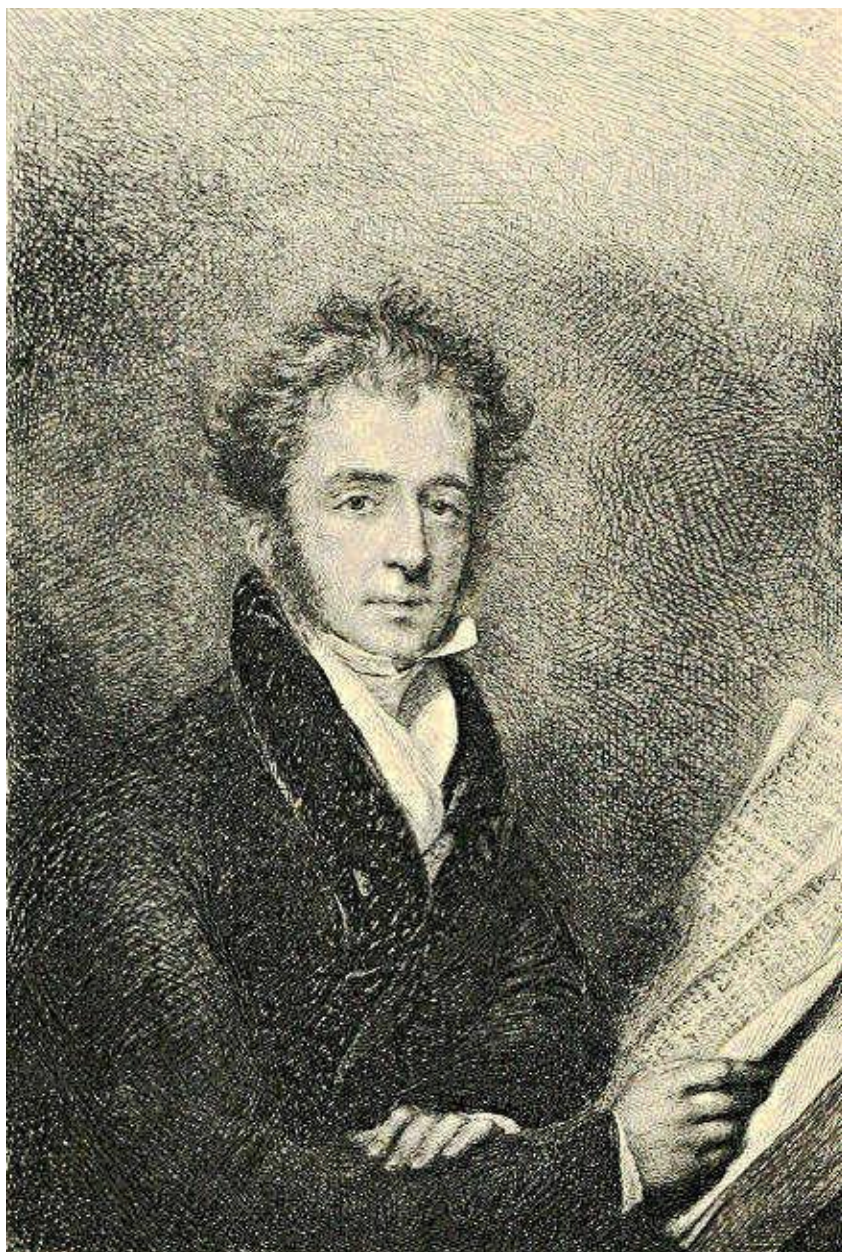
Благодарности: Произведено Дэвидом Эдвардсом и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИСТОРИЯ МИРА В 25 ТОМАХ, ТОМ 04» ***

Примечание транскрибатора: в результате редакционных недочетов в оригинале некоторые ссылки в тексте не имеют соответствующих записей в списках ссылок и наоборот.

ИСТОРИЯ МИРА ОЧИМИ ИСТОРИКОВ

ГРОТЕ

ИСТОРИЯ МИРА ОТ ИСТОРИКОВ

Всеобъемлющее повествование о возникновении и развитии народов, записанное более чем двумя тысячами великих писателей всех веков: под редакцией, при содействии

выдающегося совета консультантов и авторов ,
ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМСОМ, доктором юридических наук.

В ДВАДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ
ТОМ IV — ОТ ГРЕЦИИ ДО РИМСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

The Outlook Company
Нью-Йорк

The Историческая ассоциация
Лондон
1904

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1904 Г.
АВТОР: ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.

Все права защищены.

Издательство J. J. Little & Co.
Нью-Йорк, США.

Авторы и редакторы.

Проф. Адольф Эрман, Берлинский университет.
Проф. Жозеф Алеви, Коллеж де Франс.
Проф. Томас К. Чейн, Оксфордский университет.
Проф. Эндрю К. МакЛафлин, Мичиганский университет.
Проф. Давид Х. Мюллер, Венский университет.
Профессор Альфред Рамбо, Парижский университет.
Профессор Эдуард Мейер, Берлинский университет.
Д-р Джеймс Т. Шотвелл, Колумбийский университет.
Профессор Теодор Нёльдеке, Страсбургский университет.
Профессор Альберт Б. Харт, Гарвардский университет.
Д-р Пол Броннле, Королевское азиатское общество.
Д-р Джеймс Гэрднер, С.В., Лондон.
Проф. Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф, Берлинский университет.
Профессор Х. Марнали, Будапештский университет.
Д-р Г. В. Ботсфорд, Колумбийский университет.
Проф. Юлиус Веллхаузен, Гёттингенский университет.
Проф. Франц Р. фон Кронес, Грацский университет.
Профессор Вильгельм Золтау, Университет Заберна.
Проф. Р. В. Роджерс, Теологическая семинария Дрю.
Проф. А. Вамбери, Будапештский университет.
Профессор Отто Хиршфельд, Берлинский университет.
Барон Бернардо ди Сан Северино Кваранта, Лондон.
Профессор Ф. Йорк Пауэлл, Оксфордский университет.
Д-р Джон П. Питерс, Нью-Йорк.
Д-р С. Раппопорт, Школа восточных языков, Париж.
Профессор Герман Дильс, Берлинский университет.
Проф. К. В. К. Оман, Оксфордский университет.
Проф. И. Гольдзихер, Венский университет.
Проф. Э. К. Флеминг, Университет Западной Вирджинии.
Проф. Р. Козер, Берлинский университет.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ IV

ГРЕЦИЯ

СТРАНИЦА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ. ЭВОЛЮЦИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ	автор д-р Герман Дильс	xiii

ГЛАВА XXXVII

ЦАРСТВО ТЕРРОРА В АФИНАХ (404-403 гг. до н. э.)		1

(Лисандр.) [2](#). Жестокость Тридцати, [3](#). Сикофанты, [4](#). Восстание Фрасибула, [10](#).

ГЛАВА XXXVIII

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ (403-400 гг. до н. э.)		16

Конец Алкивиада, [23](#). Жизнь в Афинах, [25](#). Аристофан, [27](#). Еврипид, [30](#).

ГЛАВА XXXIX

СОКРАТ И СОФИСТЫ (около 425-399 гг. до н. э.)		33

(Преследование Сократа,) [36](#). Описание Платоном последних часов жизни Сократа, [39](#). Оценка Сократа Гротом, [45](#).

ГЛАВА XL

ОТСТУПЛЕНИЕ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ (404-399 гг. до н. э.)		49

(Дела Персии,) [49](#). Рассказ Ксенофонта о Кунаксе, [53](#). Отступление, [59](#). Описание Ксенофонтом трудностей, [61](#). Конец похода, [63](#). Значение подвига Ксенофонта, [64](#).

ГЛАВА XLI

СПАРТАНСКОЕ ГОСПОДСТВО (480-240 гг. до н. э.)		66

(Сравнение Гроте спартанского и афинского правления,) [72](#). Жестокость спартанской гегемонии, [76](#). Дегенерация Спарты, [77](#).

ГЛАВА XLII

[СПАРТА В АЗИИ \(400-394 гг. до н. э.\)](#)

[82](#)

(Война Лакедемона и Элиды,) [86](#). Заговор Кинадона, [90](#). Агесилай в Азии, [91](#). Персидское золото, [95](#). Война в Греции, [96](#). Заговор Лисандра, [99](#). Агесилай возвращается, [101](#).

ГЛАВА XLIII

[КОРИНФСКАЯ ВОЙНА \(394-387 гг. до н. э.\)](#)

[104](#)

Битва при Книде, [107](#). Битва при Коронее, [108](#). Сухопутные дела Коринфской войны, [111](#). Великие деяния Конона, [115](#). Конон восстанавливает Длинные стены, [117](#). Посольство Анталцидаса, [119](#). Мир царя, [123](#).

ГЛАВА XLIV

[ВОЗВЫШЕНИЕ ФИВ \(387-371 гг. до н. э.\)](#)

[126](#)

Разгром Мантинеи, [127](#). Олифская война, [129](#). Взятие Фив, [130](#). Судьба Эвагора и азиатских греков, [133](#)(. Восстание Фив,) [135](#)(. Второй Афинский союз,) [140](#)(. Коркира,) [144](#)(. Суд над Тимофеем,) [148](#)(. Съезд в Спарте,) [151](#)(. Афины покидают Фивы,) [153](#)(.

ГЛАВА XLV

[ДЕНЬ ЭПАМИНОНДА \(371-367 гг. до н. э.\)](#)

[154](#)

Спарта вторгается в Беотию, [156](#). Битва при Левктрах, [157](#). Значение Левктр, [159](#). Ясон Фессалийский, [160](#). Фон Штерн о политике Фив, [165](#)(. Конгресс в Афинах,) [167](#)(. Восстановление Мантинеи,) [167](#)(. Аркадская революция,) [169](#)(. Нетерпимость спартанцев к трусости,) [171](#)(. Фиванцы на Пелопоннесе,) [172](#) (. Основание Мессены,) [175](#) (. Афины в союзе со Спартой,) [177](#) (. Второе вторжение в Пелопоннес,) [177](#) (. Поход в Фессалию,) [180](#) (. Посольство в Персию и съезд в Фивах,) [182](#) (.)

ГЛАВА XLVI

[КОГДА ФИВЫ БЫЛИ ВЕРШИНОЙ МОГУЩЕСТВА \(368-360 гг. до н. э.\)](#)

[185](#)

Совместная работа Эпаминонда и Пелопида, [185](#). Конец Пелопида, [189](#). Битва при Мантинее и смерть Эпаминонда, [191](#). Рассказ Ксенофонта о том, как сражался Эпаминонд, [194](#). Оценка Эпаминонда Гротом, [196](#). Смятение после падения Эпаминонда, [199](#)(.

ГЛАВА XLVII

[ТИРАНЫ В СИЦИЛИИ \(410-337 гг. до н. э.\)](#)

[202](#)

ГЛАВА XLVIII

[ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ \(490-357 гг. до н. э.\)](#)

[208](#)

(Ранняя история Македонии,) [210](#). Филипп, организатор, [215](#). Военная дисциплина, [216](#). Македонская культура, [217](#). Олимпиада, мать Александра, [219](#). Македонская фаланга, [220](#). Возвышение Филиппа, [221](#).

ГЛАВА XLIX

[ТРИУМФЫ ФИЛИППА \(359-336 гг. до н. э.\)](#)

[222](#)

Демосфен, оратор, [222](#). Эсхин, соперник Демосфена, [223](#). Непопулярность Демосфена, [224](#). Лучшая сторона Филиппа, [225](#). Священная война, [227](#). Первая Филиппика, [227](#)(. Филипп и Афины,) [229](#)(. Мирный договор,) [231](#)(. Наказание фокийцев,) [232](#)(. Отношение афинян,) [232](#)(. Македонская партия,) [233](#)(. Патриотическая партия,) [234](#) (. Интриги Филиппа и начало войны,) [235](#) (. Третья Филиппика,) [236](#) (. Филипп возвращается в бой,) [237](#) (. Осада Перинфа и Византия,) [238](#) (. Падение престижа Филиппа; экспедиция в Скифию,) [238](#) (. Крестовый поход против Амфиссы,) [239](#) (. Союз между Афинами и Фивами,) [241](#) (. Армии на равнине Херонеа,) [243](#) (. Битва при Херонеа,) [245](#) (. Филипп захватывает Фивы,) [247](#)(. Мир Демада,) [248](#). Филипп в Пелопоннесе, [249](#). Политические интриги; семейные раздоры, [250](#). Смерть Филиппа, [251](#). Оценка характера Филиппа, [253](#). Оценка Филиппа Гротом, [254](#).

ГЛАВА L

[АЛЕКСАНДР БЕЛИКИЙ \(336-335 гг. до н. э.\)](#)

[256](#)

Сравнение Филиппа и Александра Юстином, [257](#). Юность Александра по Квинта Курция, [258](#). Аристотель как его учитель, [261](#). Буцефал, [263](#). Первые подвиги Александра, [263](#). Демосфен высмеивает Александра, [265](#). Александр прорывается через Грецию, [267](#)(. Александр завоевывает Север,) [268](#)(. Восстание Фив,) [269](#)(. Судьба Фив,) [271](#)(.)

ГЛАВА LI

[АЛЕКСАНДР ВТОРГАЕТСЯ В АЗИЮ \(334 г. до н. э.\)](#)

[274](#)

Планы завоевания, [274](#). Проблема и войска, [276](#). Размер армии, [277](#). Фаланга и кавалерия, [278](#) (. Легкая пехота,) [280](#)(. Состояние Персидской империи,) [281](#)(. Вступление в Азию, по Арианну,) [283](#)(. Битва при Гранике,) [284](#)(. Мужество и опасность Александра,) [287](#)(. Последствия победы Александра,) [289](#)(.)

ГЛАВА LII

[ИССЫ И ТИР \(334-332 гг. до н. э.\)](#)

[290](#)

Галикарнас, [292](#). Гордиум, [295](#). Дарий собирает новое войско, [297](#) (. Дарий в Иссе,) [299](#) (. Подготовка к сражению,) [301](#) (. Битва при Иссе,) [302](#) (. Бегство Дария,) [303](#) (. От Иссы до Тира,) [305](#) (. Осада Тира,) [307](#) (.

ГЛАВА LIII

[ОТ ГАЗЫ ДО АРБЕЛЫ \(332-331 гг. до н. э.\)](#)

[312](#)

(Осада Газы по Арианну,) [312](#). События по Квинта Курция, [314](#). Александр в Египте, [315](#). Визит к Аммону, [317](#). Александр покидает Египет, [318](#). Битва при Арбеле, [320](#).

ГЛАВА LIV

[ПАДЕНИЕ ПЕРСИИ \(331-327 гг. до н. э.\)](#)

[329](#)

Вход в Вавилон по описанию Квинта Курция, [329](#). На границе Персии, [331](#). Пастух-проводник, [332](#). Освобожденные пленники; разграбление Персеполя, [334](#). Курций рассказывает об огромной добыче, [335](#). Курций описывает оргию и сожжение Персеполя, [336](#). Новое значение завоевания, [338](#). Преследование Дария, [338](#). Заговоры против Александра, [342](#). Пленение Бесса, [346](#). Предел продвижения Александра на север, [348](#). Александр убивает своего друга, [348](#). Раскаяние Александра, [350](#). Заговор царских пажей, [353](#).

ГЛАВА LV

[ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ \(327-324 гг. до н. э.\)](#)

[355](#)

Война с Пором, [358](#). Восточная граница, [360](#). Поход на запад, [362](#). Храбрые маллиане, [363](#). Тяжелая рана Александра и скорбь армии, [365](#). Поход по пустыне, [367](#). Излишества и жестокости, описанные Куртием, [369](#). Возвращение Неоарха, [371](#).

ГЛАВА LVI

[КОНЕЦ АЛЕКСАНДРА \(324-323 гг. до н. э.\)](#)

[375](#)

Его планы, [375](#). Брак Греции с Персией, [377](#). Мятеж, [379](#). Последняя экспедиция, [383](#). Скорбь по Гефестиону, [384](#). В Вавилон, [386](#). Последняя болезнь, [390](#). Смертное ложе Александра, [391](#).

ГЛАВА LVII

[РАЗЛИЧНЫЕ ОЦЕНКИ АЛЕКСАНДРА](#)

[393](#)

Его пороки и добродетели (Арриан), [393](#). Его благосклонность к судьбе (Элиан), [394](#). Если бы Александр попытался завоевать Рим (Ливий), [395](#). Патриотическая оценка величия Рима, [398](#). Его непобедимость (Гроте), [399](#). Его подлость (Менар и Роллин), [401](#). Его пагубное влияние (Нибур), [403](#). Его мотивы (Дройзен), [405](#). Его влияние на федерализацию (Пёльман), [407](#). Его наследие (Гегель), [408](#). Истинная слава Александра (Уилер), [409](#).

ГЛАВА LVIII

[ГРЕЦИЯ ВО ВРЕМЯ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА \(333-323 гг. до н. э.\)](#)

[410](#)

(Конфедерация против Македонии), [411](#). Война в Греции, [412](#). Дела в Афинах, [413](#). Демосфен и Эсхин, [414](#). Обожествление Александра; золото Харпала, [416](#).

ГЛАВА LIX

[ПРЕЕМНИКИ АЛЕКСАНДРА \(323-232 гг. до н. э.\)](#)

[420](#)

Совет в Вавилоне после смерти Александра, [422](#). Пердиккас, Мелеагр, Эвмен и марионеточный царь, [425](#). Соглашение, [426](#). Раздел, [427](#). Посмертные планы Александра, [428](#). Похороны Александра, описанные Диодором, [430](#). Наследники Александра, [431](#). Арридей, слабоумный, [431](#). Диодохи, [432](#). Женщины-претендентки, [433](#). Смерть Пердика, [435](#). Подвиги Эвмена, [436](#). Империя Антигона, [437](#). Полисперхон *против* (Кассандра), [438](#). Лисимах, [441](#). Кассандр у власти, [442](#). Принятие титула «царь», [446](#). Осада Родоса, [447](#). Падение Антигона, [449](#). Деметрий на свободе, [450](#). Смерть Кассандра; Деметрий побеждает и проигрывает, [452](#). Лисимах, Арсиноя и Агафокл, [454](#). Селевк; Антигон; Птолеми, [455](#).

Птолемей Кераун в Македонии,) [457](#) (. Анархия в Македонии,) [458](#) (. Антигон Гонат,) [459](#) .Хремонидская война, [460](#) .Сын Пирра захватывает Македонию, [461](#) .

ГЛАВА LX

[СОБЫТИЯ В ГРЕЦИИ ПОСЛЕ СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА \(323-318 гг. до н. э.\)](#) [463](#)

Ламийская война, [463](#) . Возвращение Демосфена; смерть Леостена, [466](#) . Леоннат, [467](#) . Смерть Леонната; морская война; война в Фессалии,[468](#) (. Распад союза,) [469](#) (. Капитуляция,) [470](#) (. Конец Демосфена,) [470](#) (. Оценка Демосфена Гротом,) [472](#) (. Антипатр в Греции,) [474](#) (. Смерть Антипатра и Демада,)[476](#) (. Полисперхон и Кассандр,) [477](#) (. Олимпиада и Эвмен,) [478](#) (. Императорский указ об отзыве изгнанников,) [479](#) (. Соревнование в Афинах,) [480](#) (. Интриги Фокиона,) [481](#) (. Позор Фокиона,) [482](#) (.)

ГЛАВА LXI

[КРАХ ГРЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ \(318-279 гг. до н. э.\)](#) [486](#)

Эллада в мире, [487](#) . Афины под властью Деметрия; Спарта за стенами, [488](#) (. Последние акты власти Олимпиады,) [490](#) (. Птолемей в Греции,) [493](#) (. Афины пассивны и раболепны,) [494](#) (. Успех Деметрия в Греции,) [497](#) (. Битва при Ипсе,) [498](#) (.)

ГЛАВА LXII

[ПОДВИГИ ПИРРА \(около 360-272 гг. до н. э.\)](#) [502](#)

Предшественники Пирра, [503](#) . Последние приключения Деметрия, [504](#) . Конец Лисимаха, царя Македонии, [505](#) . Смерть Селевка,[506](#) (. Вторжение галлов,) [506](#) (. Оборона храма в Дельфах,) [507](#) (. Пирр и римляне,) [508](#) (. Пирр, призванный тарентинцами,) [508](#) (. Пирр на Сицилии; его возвращение в Италию,) [510](#) (. Великая Греция, покоренная римлянами,)[511](#) (. Возвращение Пирра в Македонию,) [512](#) (. Поход Пирра на Спарту,) [512](#) (. Смерть Пирра,) [513](#) (. Антигон Гонатас,) [514](#) (.)

ГЛАВА LXIII

[ЛИГИ И ИХ ВОЙНЫ \(249-167 гг. до н. э.\)](#) [516](#)

Этолийцы, [516](#) . Этолийский союз, [517](#) . Ахейский союз и Арат Сикионский, [518](#) . Арат контролирует союз, [520](#) . Арат захватывает Коринф, [521](#) . Спарта под властью Клеомена, [523](#) . Призыв Антигона, [524](#) . Социальная война, [526](#) . Союз с Римом, [528](#) . Провозглашение свободы Греции, [531](#) . Разгром этолийцев, [531](#) . Греция в руках «дружественного» Рима, [533](#) . Рим против Филиппа, [535](#) (. Персей, царь Македонии,) [537](#) (. Унижение Греции,) [538](#) (.)

ГЛАВА LXIV

[ПОСЛЕДНИЕ БЕДСТВИЯ \(156 г. до н. э. — 540 г. н. э.\)](#) [540](#)

(Македонское восстание,) [542](#) . Ахейская война, [542](#) . Разрушение Коринфа, [545](#) . Греция под властью римлян, [546](#) .

ГЛАВА LXV

[ЦАРСТВО СЕЛЕВКИДОВ \(323-65 гг. до н. э.\)](#) [552](#)

Селевк, [553](#). Антиох Сотер, [555](#). Селевк Филопатор, [559](#).

ГЛАВА LXVI

[ЦАРСТВО ПТОЛЕМЕЕВ \(323-30 гг. до н. э.\)](#)

[562](#)

Птолемей Филадельф, [568](#). Птолемей Эвергет, [570](#). Птолемей Филопатор, [572](#) (. Эпифан,) [573](#). Филометр и Фискон, [573](#). Римское вмешательство, [575](#). Птолемей Аулет; Клеопатра и конец, [576](#).

ГЛАВА LXVII

[СИЦИЛИЙСКИЕ ДЕЛА \(317-216 гг. до н. э.\)](#)

[578](#)

Агафокл, [578](#). Пирр и римляне, [583](#).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ РЕЗЮМЕ

[РАЗВИТИЕ ЭЛЛИНСКОГО ДУХА](#) д-р Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф

[587](#)

[КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ](#)

[614](#)

[ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ГРЕЦИИ](#)

[617](#)

ЭВОЛЮЦИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

НАПИСАНО СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЫ

Д-РОМ ГЕРМАНОМ ДИЛСОМ

Профессор Берлинского университета.

Основной закон развития гласит, что каждое поколение должно заменить и вытеснить предыдущее. Родители рожают ребенка, и когда ребенок достигает полной зрелости, они сами уходят в небытие; та же участь постигает их детей и внуков.

То же самое происходит и с народами. Одна цивилизация поднимается над остальными, затем заходит, уступая место новой энергии более молодых народов, которым она завещает свое культурное наследие. Некоторое время старая материнская нация остается в памяти как учитель и образец, но в конце концов, когда новое поколение народов становится достаточно сильным, чтобы вести независимую жизнь, старое исчезает, чтобы больше не вернуться.

Кажется, что мы сами достигли такой стадии. Народы классической эпохи давно ушли, но в эпоху Возрождения культура их времени воскресла из мертвых. Множество дочерей унаследовали наследие этой матери — Италия, Франция, Англия, Германия и многие другие — и добавили к нему что-то свое, каждая по-своему. Затем они переросли подражание и простое повторение античности, перейдя к выражению в действии своей собственной независимой культуры; и теперь, кажется, настало время, когда современный дух требует абсолютной свободы действий во всех сферах, без малейшей ссылки на традиции древности. Для современного техника, современного натуралиста, современного историка, современного художника, современного поэта древний мир не несет никакого послания. Он мертв — мертв безвозвратно, как можно сказать.

Однако есть одна сфера, в которой он не умер, где он по-прежнему дает свежий стимул умам людей изо дня в день, где он по-прежнему признается руководством для каждого нового предприятия. Эта сфера — философия.

Последняя и самая высокая вершина, на которую может взобраться мыслящее человечество, — это всеобъемлющее видение всех вещей, которое мы, немцы, называем *Weltanschauung*, а греки называли *Philosophia*. В спекуляциях на эту безграничную тему мы мало продвинулись вперед по сравнению с греками; более того, даже самые современные философы, которые на основе биологических знаний построили самые современные из всех концепций мира, бессознательно соглашались с зачатками греческой естественной науки VI века до нашей эры ( ). Пусть кто-нибудь сравнит «космологическую перспективу», к которой пришел Эрнст Геккель в своей книге *«Die Welträthsel [Загадка Вселенной]»* (1900) стр. 15, «с самой высокой точки монистической науки, достигнутой на сегодняшний день», с тем, чему учил Анаксимандр во времена правления Кира, и он с удивлением обнаружит, что современность едва ли продвинулась вперед хотя бы на один шаг. Вечность, бесконечность и безграничность Космоса; его субстанция с ее атрибутами материи и энергии, которые в вечном движении занимают безграничное пространство; само вечное движение в его периодических изменениях становления и исчезновения; постоянный прогресс распада и разрушения в бесчисленных небесных телах, которые уступают место новым образованиям подобного характера; процесс биогенеза на нашей собственной планете, благодаря которому в течение эонов появилась животная жизнь и благодаря которому, посредством постепенных метаморфоз, позвоночные развились из своих самых ранних форм, млекопитающие из позвоночных, первичные обезьяны из млекопитающих, и, наконец,

посредством прогрессивной эволюции ( ) человек появился в конце третичного периода — все эти положения уже были признаны и сформулированы в зародыше греческим мыслителем, жившим в первое поколение греческой философии. Сумма прогресса, достигнутого за две с половиной тысячи лет, то, что тогда было предположено, а не выявлено на основе эмпирического рассмотрения нескольких фактов, теперь подробно продемонстрировано научными наблюдениями.

Но эти основные положения, которые современный ученый считает своими собственными достижениями, потому что ему пришлось заново завоевывать их своим трудом, избавляясь от ошибок древнего и средневекового мира, не имеют большого значения по сравнению с гораздо более значительным количеством вопросов, которые все еще остаются без ответа. Ду Буа-Раймон, как хорошо известно, в 1880 году описал эти «загадки мира» как частично нерешенные, частично неразрешимые. Их семь: (1) Природа материи и силы; (2) происхождение движения; (3) первое начало жизни; (4) приспособление природы к определенным целям; (5) возникновение ощущений и сознания; (6) происхождение мысли и речи; (7) свобода воли.

Легко увидеть, что по сравнению с этими фундаментальными вопросами, которые можно обобщить в один великий вопрос «Бог и мир», вся последовательность космических исследований от Анаксимандра до Геккеля имеет лишь второстепенное значение. Это, так сказать, поверхность вопроса; и даже если, вместе с Гете, мы чувствуем неадекватность афоризма поэта и натуралиста Галлера «В сердце природы не может проникнуть ни один сотворенный дух», мы не можем не видеть, что пока мы, бедные смертные, лишь грызем кожуру и что потребуются еще столетия труда, чтобы проникнуть в ее алмазную твердость.

Таким образом, все, что было достигнуто до сих пор, является, так сказать, лишь прелюдией к абстрактному представлению космических принципов, и, следовательно, зачатки изучения этой сферы гораздо менее далеки от ее нынешнего состояния, чем в любом другом отделе интеллектуальной деятельности человечества. И поэтому даже в наши дни изучение греческой философии является не только наиболее интересной, но и, безусловно, наиболее непосредственно полезной частью изучения античности. Ни один человек, который не изучил досконально системы Демокрита, Платона и Аристотеля, не может стать глубоким философом в наше время.

«Любовь к мудрости» — так с V века до н. э. греки называли любое интеллектуальное усилие, отвлеченное от практики и направленное на теорию жизни. Масштабы этого стремления, естественно, варьировались в разные периоды. В зачаточном состоянии греческой спекуляции, *то есть* в VI и V веках до нашей эры, люди с широко раскрытыми, детскими глазами вглядывались в чудеса природы, окружавшие их, и пытались найти в естественных науках решение загадки существования. Философия тогда была в основном воплощением научных и математических исследований, то есть тем, что мы сегодня называем «наукой».

Затем наступил беспокойный период, представленный софистами, время юношеских бурь и стрессов, из которого к концу V века развилась зрелая философия идей. Термин «философ» начинает приобретать профессиональное значение. Наряду с софистами, которые за деньги предоставляли «культуру», существовали философы, которые без вознаграждения направляли ход образования. Поначалу, правда, это образование ограничивалось моралью. Но у Платона оно расширилось до изучения математики, логики, физики и этики, а также политики, образуя пирамиду, построенную на самой широкой из возможных основ и завершающуюся идеей Добра. К тому времени «философ» стал означать того, кто способен постичь вечную идею (Платон, «Государство» VI, 484 А). Затем, в «Всеобщей энциклопедии» Аристотеля, эта платоновская структура была доведена до совершенства, приспособлена к

человеческим потребностям и стала пригодной для жизни. При нем идея « » и термин «философ» достигли своего максимального распространения. После этого оба начали сужаться. Конец IV века стал свидетелем распада греческого государства, на неустойчивую структуру которого философы никогда не закрывали глаза.

С падением эллинской муниципальной системы и подъемом македонского суверенитета возникает новый мир, в котором лидерами являются монархи, а не отдельные граждане. Взгляды и сфера деятельности индивидуума ограничиваются. Люди становятся выдающимися в практических делах, экспертами в искусстве жить, менее стремящимися разгадать загадку вселенной, чем загадку личного «я», уводя людей от суматохи внешних дел и ведя их к невозмутимому спокойствию философского убеждения, как к надежному убежищу. Поэтому в системах Стоа, Эпикура и Пиррона обозначение «философ» приобретает значение советника по вопросам поведения в жизни, который в условиях отсутствия политической свободы, царившей в то время, поддерживал идеал внутренней свободы, которому не мог угрожать ни один тиран.

По мере того как сфера философии в эллинистическом мире сужалась до рассмотрения полезного и практического, сфера ее влияния расширялась. Поход Александра открыл Восток для греческой цивилизации, и усердный и субъективный темперамент молодежи семитских народов был привлечен мудростью греков. Между странами Запада и Востока начался активный процесс эндосмоса и экзосмоса. В период с III по I век до н. э. этот обмен породил новую цивилизацию, которая была предназначена стать основой *Imperium Romanum* в мирских делах и *Imperium Christi* в духовных. Но в этот период четкие очертания развития стали стираться.

По мере того как эллинская нация расширялась, включая в себя эллинистические народы, а национальный язык Греции становился общим средством общения на Востоке, да и во всем цивилизованном мире, эклектизм, сформировавшийся из определенных элементов древнегреческой философии под доминирующим влиянием стоиков, набирал силу во всех сферах. Во времена Христа греческая философия была незаменимым условием высшей культуры, а Афинский университет с его профессорами, назначение которых вскоре взяло на себя государство, был тем местом, где должны были учиться как образованные римляне, так и каппадокийцы. Греческий частный учитель, рекомендованный руководителем той или иной школы в Афинах, становится постоянным учреждением в знатных римских семьях и пользуется презрением, подобающим такому *греку*, занимающему первое место среди рабов в доме.

Однако времена быстро меняются. При философе Марке философия получила доступ в придворные круги и вскоре стала незаменимой в конфликте с растущей мощью христианства. После того как христианское мировоззрение победило при Константине, Афинский университет стал оплотом язычества. Неоплатонизм, новая философия, порожденная энтузиазмом Востока, созвучная философия Платона и эрудиция Аристотеля, сражалась в последней битве с отчаянной храбростью. Но хотя ее поборники в большинстве своем превосходили по мужеству, нравственному характеру и научным знаниям епископов, которым они противостояли, философия и древний мир сыграли свою роль. В конце античного периода надзиратель любого ремесла (например, надзиратель каменотесов в *Passio Sanctorum IV Coronatorum*) в народном языке назывался *philosophus*, чтобы отличать его от ремесленников. *Sic transit gloria mundi*.

I

Используя термин «философия» в качестве ориентира, мы провели быстрый поверхностный обзор прогресса в области знаний, которые она охватывала за эти

одиннадцать столетий своего развития (585 г. до н. э. — 529 г. н. э.). Теперь мы рассмотрим более подробно три этапа, охватывающие собственно греческую эпоху, *то есть* первые три века, от Фалеса до Пиррона (585-270), уделяя особое внимание изучению их внутренней эволюции.

Греческий народ — почти последний из всех цивилизованных народов древнего мира, который появился на арене истории и занял важное место в сознании людей. Долгий период, в течение которого греки жили среди своих арийских сородичей, плодотворный с точки зрения интеллектуального прогресса, о чем свидетельствует их язык, полностью исчез из исторической памяти этого народа. И все же зачатки научного знания, должно быть, приходится на этот период, поскольку смутное предвидение вечного и непрерывного движения зародилось в умах людей из наблюдения за Луной (*tēpē*, от корня *tē*, измерять), из хронологии и последующего наблюдения космических законов. Из первых тысячелетий, когда эллины жили на Балканском полуострове, тогдашней будущей родине, бок о бок с коренными жителями и другими мигрирующими племенами, до нас дошли только мифические записи; но по зданиям и памятникам, которые земля отдала лопатам Шлимана и Эванса, мы можем составить некоторое представление о могуществе этих правителей и великолепии рыцарской жизни, которую они вели.

Слабое отражение средневековья Греции сохранилось в эпической поэзии Гомера, самые древние части которой датируются 1000 годом до нашей эры, а самые поздние относятся ко времени Фалеса, то есть к шестому веку. Гомерские барды не философствуют, как полагали стоики, они смотрят на жизнь живыми глазами в духе истинных художников и воспроизводят ее «не с бледным оттенком мысли, словно с больничной койки». Лишь в нескольких поздних отрывках «Илиады» и «Одиссеи» мы улавливаем странные нотки, которые плохо гармонируют с той *радостью жизни*, которая является основной темой эпосов. Мы видим, что в те напряженные дни, когда греки были нацелены на распространение своей торговли до самых дальних концов земли и удовлетворение постоянно растущего спроса населения на продовольствие и власть, нация начинает переходить от беззаботной легкомысленности рыцарской эпопеи к более суровой и задумчивой дидактической поэзии Гесиода. Действительно, в одном из поздних отрывков «Одиссеи» (*Некия*) мы замечаем явное отражение орфической космологии, в которой под именем фракийского барда древней древности печальная и пессимистическая поэзия, посвященная греху и покаянию, контрастирует с оптимистическим принятием существующего порядка вещей, характерным для Гомера.

Силы, которые привели к зарождению философии в начале VI века, были три. Во-первых, существовавшая в то время поэзия, которая воплотила в простой форме ряд спекулятивных наблюдений на тему Космоса, таких как представления об Океане, окружающем Землю, о Зевсе, обитающем в эфире над ней, о Тартаре под ней и так далее. Чтобы преобразовать эти образы в «идеи» и объединить их в однородную и связную концепцию, требовались лишь хладнокровие и склонность к систематизации. Еще одну услугу оказало изучение географии, математики и астрономии, развившееся благодаря длительным путешествиям милетийцев и фокейцев по Средиземному морю после того, как они вытеснили финикийцев. В Милете, который в VII веке успешно открыл Эвксинский порт, возникла школа мореплавания, в которой обучались как Фалес, так и Анаксимандр. Милет, где примерно в то же время началась торговля с Египтом и было начато создание постоянных фабрик, таких как Навкратис, также стал местом встречи геометрии и астрономии египтян, чьи знания ранее были сильно переоценены, с гораздо более совершенной астрономической наукой вавилонян. Отчеты моряков, карты, каталог звезд, все это в сочетании с восточной традицией и беспристрастной проницательностью греков дало миру первую науку, т. е. исследование, основанное на эмпиризме, проверенное методами математики и логики и

направленное на гармоничное толкование Космоса. Чтобы дать название этому исследованию, ионийцы разработали идею *Historia*, которая в шестом веке заменила *Philosophia*; последняя вошла в употребление только в пятом веке.

Здесь я должен упомянуть третий элемент, хотя он и не проявляется в самых ранних представителях ионийской философии. Это склонность к мистицизму, к абстрагированию от мира, которая тогда начала развиваться в орфической школе и оставила следы своего влияния с все большей отчетливостью в Анаксимандре, Пифагоре, Гераклите и Эмпедокле. Она способствовала возникновению трансцендентального идеализма, который, хотя мы и не находим его в зрелом виде в нематериальных концепциях этих первых философов-натуралистов, тем не менее содержит зародыш дуалистической идеи Платона о вселенной. Не то чтобы кривая развития шла по гладкой восходящей линии от Фалеса до Платона; она демонстрирует спиралеобразные изгибы, неотделимые от исторических процессов, поскольку каждая новая тенденция вызывает антагонистический принцип по отношению к тому, что израсходовало свою силу, и таким образом вызывает необходимость реакции в ретроспективном смысле.

Фалес, который в начале VI века пользовался большой репутацией в своем родном городе Милете и во всей Малой Азии, называет воду началом всех вещей. Это не была новая идея. До него поэты говорили об Океане, о происхождении богов и о потопе, из которого мир родился заново. И бесконечное море не могло не быть близким мыслям морского народа.

Новым и подлинно философским элементом в этом утверждении является скорее монистическое стремление отнести все явления к одной единственной причине, которую следует искать не на небе, а на земле. Ведь тем, что считается началом, является не Океан или, возможно, Посейдон, как в более древних космогониях, а эта осязаемая субстанция воды, из которой все вещи происходят и к которой все они возвращаются. Эта первоначальная материя действительно считается одушевленной божественным духом, но эта божественность не является личностью. Ей нет места на Олимпе. Скорее, это выражение имманентной силы, которую этот философ распознал в непостижимых свойствах магнита и назвал «душой». Это наделение природы душой характерно для зарождения спекулятивной мысли, и поэтому ионийская философия также называется гилозоизмом (учением о живой материи). Монистический импульс, который связывает мир и эту единственную и предполагаемую божественную первозданную силу, диаметрально противоположен политеистической тенденции популярной религии Греции. Даже у первых греческих философов это стремление к единству указывает на монотеизм, который проповедовал ионийский философ Ксенофан в конце того же века.

Из всех достижений Фалеса его предсказание солнечного затмения (28 мая 585 г.) вызвало наибольшее удивление, хотя его научная значимость является самой незначительной из всех. Ведь, как бесспорно доказывает история астрономии, Фалес и все его поколение не обладали элементарными знаниями, необходимыми для расчета затмений, и не имели ни малейшего представления о том, как они происходят. Следовательно, он мог только использовать по фиксированной методике какую-то формулу, которую халдеи получили из эмпирических наблюдений при расчете периода затмений в восемнадцать лет и одиннадцать дней (*Сарос*). Это правило подходит только для приблизительных предсказаний. На самом деле Геродот, самый ранний свидетель этого события, утверждает, что Фалес допускал погрешность в целый год для наступления затмения.

Сам Фалес не оставил после себя никаких письменных трудов, и эта ионийская *история* впервые появляется в полном свете дня с Анаксимандром из Милета, который основал

ионийскую школу примерно на поколение позже. В нем три силы ярко выражены и определены: во-первых, научный дух, который побудил его дать видимое выражение географическим идеям своих соотечественников с помощью карты земной поверхности и сделать систематическое описание небес с неподвижными и вращающимися небесными телами. С ним возникла концепция созвездий как системы сфер, вращающихся друг через друга и внутри друг друга, и именно его математическое воображение привело его к предположению о существовании определенных фиксированных интервалов между вращающимися сферами, произвольно определенных по количеству, но выражающих в своих пропорциях идею гармонии.

Здесь мы видим зародыш спекуляций Пифагора, на которых, как хорошо известно, основаны законы Коперника и Кеплера. Поэтическая жилка ионийского характера проявляется не только в этом интуитивном восприятии, но и в уместности его образов, когда он называет эти сферы «колесами колесниц», из ободов которых, как спицы, выходят огненные пламена солнца, луны и т. д. Научный элемент в его системе проявляется в том, как он биологически развивает идею Фалеса о воде. Если все вещи когда-то были водой, то организмы не могли быть изначально созданы как наземные животные. Следовательно, человек, который теперь приходит в мир совершенно беспомощным, постепенно эволюционировал из рыбообразных существ — это первая зародыш дарвинизма.

Наконец, в нем явно проявляется пессимистический мистицизм, возникший в последнее время. Когда он рассматривает происхождение всех индивидуальных существ как ошибку, совершенную ими, отделившись от Все-Единого, мы можем понять его только с помощью орфических религиозных идей, в которых рождение рассматривается как упадок и падение с блаженных престолов богов, а земная жизнь представляется долиной страданий. Смерть, следовательно, является наказанием, которое индивидуум платит за свою самонадеянность, будь то человек или небесное тело. Потому что Земля и все другие Космосы обречены на исчезновение в «Бесконечности», которая соответствует древней идее Хаоса и, как и она, не представляется как вакуум, а как материя в неопределенной форме. Эта черед с созидания и уничтожения, это вечное движение предвосхищает вечный поток Гераклита Эфесского, который в конце VI и начале V века преобразовал учение Анаксимандра в более острую диалектику.

По сравнению с этим эфесским мыслителем последователи Анаксимандра в Милете и все их последователи до конца V века погружаются в полную неизвестность. Однако прежде чем обратить наше внимание на Гераклита, мы должны сначала рассмотреть человека, который перенес ионийскую *историю* из Ионии в Италию и там с удивительной усердностью разработал как ее научную, так и мистическую сторону, а именно Пифагора.

Пифагор покинул Самос около 530 года и направился в Кротон в южной Италии, где он нашел девственную почву для своих трудов. Математическая основа, на которой основана ионийская школа, достигает чрезмерного преобладания у Пифагора. С его именем связаны эпохальные максимы, и, вероятно, не без оснований. Но спекулятивная склонность ионического ума побудила его установить число как принцип; бесконечность Анаксимандра была арифметически представлена как нечетная, *то есть* то, что не может быть разделено на два. Поскольку сосуществуют только четные и нечетные числа, священная Тройка состоит из Единства и Двойственности, как и Четверка (*tetraktys*), корень Бытия. Просто сложив эти первые четыре числа, получаем Декас ($1 + 2 + 3 + 4 = 10$). Космос состоит из десяти небесных тел, соответствующих этому Декасу, с добавлением неба фиксированных звезд в качестве самой внешней оболочки, а также Земли и «анти-Земли» (*антихтон*), содержащей центральный огонь, в ее сердце. Земля и другие звезды двигались вокруг этого центра, и здесь мы впервые видим современную концепцию, которая объясняет видимое

суточное движение небес вращением Земли. Эта элементарная идея, разработанная позднее пифагорейцами, и в частности Аристархом Самосским в александрийский период, составляет первую отправную точку, которую мы можем отнести к коперниканской системе Вселенной.

Пифагор сделал поразительное открытие, что гармонические интервалы семиструнной лиры можно свести к простым рациональным пропорциям (октава = 1:2, квинта 2:3, кварта 3:4, целый тон 8:9). Затем он искал подобную схему в гармонии сфер, и, поскольку геометрическая привычка греческого ума преобразовывала эти арифметические отношения в линии и плоскости, весь процесс, в результате которого возникла вселенная, казался суммой в арифметике.

Сильный оттенок мистицизма, который Пифагор привнес с собой из орфических влияний своей родной страны в свой новый дом в Италии, послужил здоровым коррективом этому преувеличенному рационализму. Каждая религиозная секта процветает лучше в колонии, чем в метрополии, как показывает случай Уильяма Пенна и многих других. Аристократический и религиозный союз, основанный Пифагором в Кротоне, процветал, и вскоре вся южная Италия и Сицилия были покрыты филиалами этого ордена. Его религиозные идеи, особенно идея переселения душ, не были новыми, хотя их считали исключительно пифагорейскими. Орфический мистицизм точно так же принял представление о падении духа и его очищении посредством всевозможных перевоплощений в тела людей и животных. Но серьезность, с которой благородные люди жили в соответствии с этими идеями на практике и связывали их с результатами научных исследований, произвела сильное впечатление на древний мир; а тесное братство, которое связывало пифагорейцев со всех концов света, провозгласило идеал мужской дружбы, который послужил образцом для создания Академии и подобных философских обществ.

Но слишком ярко выраженный политический характер этих пифагорейских обществ содержал в себе семена их разрушения. В конце VI и начале V века аристократический принцип повсеместно пришел в упадок, и в самой Италии пифагорейцы подверглись нападкам со стороны Ксенофана из Колофона, который высмеивал аристократические физические упражнения, которым предавались даже выдающиеся пифагорейцы (такие как Милон), и хвалился интеллектуальными упражнениями своей собственной *Софии*. Следует признать, что упомянутая мудрость носила скорее негативный, чем позитивный характер.

Ксенофан атаковал Гомера, Библию древних, в стихах яростной сатиры, показывая богов, изображенных там, как примеры всякого рода безнравственности. Благодаря беспрецедентной энергии, с которой он перенес монистическую тенденцию ионического рационализма на религиозную проблему, он, первым из греков, создал монотеистическую концепцию Божества, которую ни один из более поздних философов не осмелился отстаивать с такой непоколебимой смелостью перед лицом политеизма вульгарной толпы. Аристократическому подчинению авторитету в вопросах веры, требуемому пифагорейцами, этот демократический философ противопоставил прерогативу сомнения, и в результате он был прославлен скептиками всех веков как их знаменосец. На этом этапе физических наблюдений действительно возникают сомнения относительно природных объектов. Ксенофан обнаруживает, что радуга — это оптическая иллюзия. Он быстро обобщает свой скептицизм: солнце и другие звезды — не что иное, как огненные испарения. Это предположение приведет к дальнейшим результатам среди его элейских друзей.

Тем временем в метрополии спекуляции продвигались огромными шагами. Гераклит, потомок королевской династии Эфеса, удалился от своих демократически настроенных сограждан в высокомерную изоляцию. Вместо того, чтобы заниматься научными сплетнями, которые приводили к тому, что ионийская *история* терялась в деталях, он сделал акцент на

обширной цепочке вещей. Он взял за отправную точку фундаментальные законы мышления, а не принципы математики. Выбор физических положений, которые он поэтически вывел из своих наблюдений за природой, является гораздо больше, чем простой природной символикой. Огонь, постоянно превращающийся в воду и землю и столь же постоянно испаряющийся вверх к небесному огню, является для него типом вечного изменения явлений, которое скрывает вечный и неизменный Закон (*логос*), идентичный во всем, кроме названия, Гармонии пифагорейцев, которая выражается в вечно неизменных числах. Закон человека, говорит он, питается божественным законом, проявляющимся в огне.

Здесь мы видим зародыш обширной схемы закона, который связывает Бога и мир, физику и мораль в компактное целое в пантеизме стоической философии. Поскольку он ставит огонь и душу на одну ступень, из этого следует, что физиология и психология человека объяснимы одной и той же формулой «*»*», к которой он также искусно приспосабливает орфические идеи. Таким образом, Гераклит оказал большое влияние на последующие поколения, и система Гегеля явно опирается на него.

Не менее велико влияние Парменида, Канта древнего мира. Происходя из ионийской аристократической семьи, которая во время оккупации Фокеи (560 г.) укрылась в Элее в Италии, он продолжает традицию философской поэзии Ксенофана, чей пантеистический монизм он защищает в острой полемике с «двуглавым» Гераклитом. Бытие — единое, вечное, неделимое, неизменное, неподвижное — является единственным интеллектуально понятным. Все остальное — множественность, делимость, подвижность, изменчивость — логически непостижимо и, следовательно, несуществующее. Разум (*логос*) является, следовательно, мерилем всех вещей. Его система абстрактна и логична до абсурда, но его постулат о том, что это монистическое Бытие должно быть ограничено, как глобус, одинаково закрытый во всех направлениях, напоминает нам, что мы все еще находимся в эпохе физики. В нем скептицизм Ксенофана укрепляется в утверждении, что все, что противоречит его логическому постулату о Единственном Существующем — такое как множественность, цвет, движение, становление и прекращение существования — является лишь иллюзией.

Логическая и скептическая предвзятость элеатов превосходит придиричивая диалектика Зенона, чьи доказательства против движения и множественности до сих пор озадачивают современных мыслителей. С одной стороны, эта точная манипуляция законами мышления, представляющая собой кульминационную точку ионического рационализма, искупает негативный софизм, который начинал отрицать реальность и воспринимаемость самих вещей (Протагор, Горгий), а с другой стороны, положительным результатом этого строгого определения высшего понятия Бытия стало появление ряда систем, которые возникли почти одновременно, хотя и подвергались взаимному влиянию, немного раньше середины V века. Такова была доктрина элементов, проповедуемая Эмпедоклом из Агригента, который вновь обнаружил идею нетленного принципа в четырех корнях Бытия (четыре элемента) и привнес в учение Гераклита смену внешнего мира путем введения двух полярных сил любви и ненависти.

Идея элемента в бесконечном делении (которому нельзя было избежать в мировом процессе Эмпедокла) и в бесконечном разнообразии качеств была ярко выражена ионийцем Анаксагором в его *гомойомере*. Этому хаосу он противопоставил мыслящий и направляющий разум (*nous*) как отдельное существование, тем самым окончательно порвав с идеей гилозоистического союза материи и силы, который уже угрожал развалиться в системах Гераклита и Парменида, и выдвинув позитивный дуализм Бога и мира, т. е.

Вселенского Разума, работающего для достижения predetermined целей, и слепой хаотичной массы материи.

Более важным, чем любой из этих двух, является Левкипп из Милета, основатель атомистической теории, который, как справедливо утверждает Теофраст, исходит из позиции Парменида. Ибо он находит однородное, вечное, полное, неделимое и неизменное Существование, которому нельзя приписать никаких качеств, в «атоме» и решает трудности, возникшие для элеатов из идеи множественности, предполагая существование бесконечного числа таких единиц. Отсюда следует механическая интерпретация природы, которая оказалась из всех древних систем наиболее полезной для объяснения физических и физиологических фактов. Объясняя сенсорные впечатления механической передачей от объекта к субъекту, он выдвигает первую теорию сенсорного восприятия, и поскольку вследствие этого предположения он рассматривает такие качества, как цвет, вкус и т. д., как субъективные сенсорные впечатления, которым объективно соответствуют атомы в различных комбинациях, он закладывает основу для различия между первичными и вторичными качествами, которое до наших дней не было должным образом оценено.

Вообще говоря, ценность теории Левкиппа была признана только со времен Ренессанса. Хотя Демокрит из Абдеры расширил замечательную систему своего учителя, распространив ее на новые области знания, укрепил ее, борясь с сенсуализмом Протагора и другими теориями, возникшими из-за неправильного понимания Левкиппа, и, прежде всего, довел ее до высокой степени математической и понятийной точности, тем не менее атомистическая школа, которая продолжала существовать в Абдере до IV века, почти полностью вышла из памяти. Платон игнорировал ее, хотя косвенно перенял многие из ее теорий; только Аристотель использовал ее, хотя и не в отношении основных положений ее учения; а Эпикур, который заимствовал из нее почти всю свою теоретическую науку, именно этим поглощением сыграл главную роль в уничтожении абдерских писаний, что стало величайшей потерей, которую когда-либо понесла наука.

Как можно объяснить это поразительное пренебрежение атомистической философией? В некоторой степени тем фактом, что Левкипп поселился на варварском севере, вдали от Афин, которые после Персидских войн становились все более и более *пританеем*, или центральным очагом тепла для Эллады, и притягивали к себе все таланты со всех концов; а также тем фактом, что естественные науки, которые доминировали в шестом веке и в начале пятого — и считались, по сути, единственным легитимным видом научного мышления — к середине пятого века утратили свое влияние на умы людей. Мы имеем доказательства этого в элеатизме, который, вместе с Зеноном и Меллисом, посвятил себя чисто диалектическим вопросам и отказался от интерпретации природы. Мы видим это, опять же, в Эмпедокле, который в своей второй серии дидактических стихотворений (*Katharmoi*) бросается в объятия орфического мистицизма; и в его ученике Горгии, который прошел путь от физики к нигилизму, а оттуда — к простой поверхностной риторике. Самое убедительное доказательство мы находим в самом Демокрите, который включил в сферу своих исследований индуктивную логику, эстетику, грамматику и этику, а также старые вопросы физики. Таким образом, во время Пелопоннесской войны был подготовлен путь для новой эпохи, которая развернулась на сцене Афин, а Сократ, Платон и Аристотель стали ее героями.

II

Сократ, афинянин, принес философию, как говорит Цицерон, с небес на землю; то есть вместо односторонних спекуляций о природе он занимался столь же односторонним изучением этики. Своим практичным, деловым подходом он воспользовался достижениями

элеатской онтологии, чтобы закрепить фундаментальные идеи морали и продемонстрировать возможность научного доказательства перед лицом нигилистических заблуждений софистики, которая отчаивалась в обоих. Столько мы можем принять как достоверное из полученных сведений. Все детали его учения окутаны сомнением, поскольку мы не располагаем историческими свидетельствами о нем, а лишь работами апологетического характера, в которых либерально и оправданно используются прерогативы вымысла. Ни Платон, ни Ксенофонт (последний из которых взялся за перо только после появления огромного количества сократической литературы) не могут быть приняты в качестве исторических свидетельств без дальнейших размышлений. Тем не менее, как ученики Сократа, так и его противники, Аристофан и Спинтар (отец Аристоксена), свидетельствуют о необычайной личности этого человека ( ).

Права личности не признавались до V века. Атомистическая теория Левкиппа и Демокрита видит Вечное и Постоянное не во Всем-Едином Ксенофана и Парменида, а в индивидууме. Философия софистов разрывает узы авторитета, и в девизе «Человек (индивидуум) — мера всех вещей» Протагор устанавливает хартию субъективных склонностей. Эту хартию принимает Сократ, но он противопоставляет свободе индивидуальной воли противодействующую силу послушания велениям индивидуальной совести. Но совесть, как подразумевают немецкое и латинское названия, означает знание. Поэтому человек должен действовать по своему собственному суждению, но только в той мере, в какой его действия основаны на научно определенных нормах. Таким образом, Сократ вкладывает более глубокий смысл в наставление дельфийского бога «Познай самого себя», признавая независимость воли.

Поскольку традиционные обычаи и законы государства таким образом молчаливо отвергаются (и в этом вопросе Аристофан в своей карикатуре судил более правильно, чем признают апологеты Платон и особенно Ксенофонт), Сократ является проповедником новой частной морали, которая пересекает публичную мораль классической античности. Его смертный приговор вполне понятен, хотя и остается актом грубого, реакционного насилия. Величие души, столь превосходящее обычный уровень человечества, которое, по всем свидетельствам, философ проявил перед лицом приближающейся смерти, повлияло на гораздо более широкий круг людей, чем его ученики и современники. Его мученичество закрепило победу идеальной философии в Афинах.

Сам Сократ представляет собой полную индивидуальность, поэтому его метод образования был полезен для самых разных личностей. Какие контрастные типы мы находим в Ксенофонте, фанатичном и глупом кавалерийском офицере, и Платоне, остроумном и глубоком мыслителе; в цинике Антисфене, полном гордости нищеты, и легкомысленном придворном Аристиппе! Все они в своих сочинениях изображали скорее самих себя, чем своего учителя, и все же каждый из них в той или иной степени имеет в себе его часть.

Из всех этих учеников Сократа только двое оказали влияние на последующие поколения: Антисфен и Платон, оба афиняне, первый — плебей и основатель философии пролетариата, второй — происходивший из старинного дворянского рода, аристократ в чистом виде во всех своих философских идеях. Антисфен довел практичный и деловой характер своего учителя до крайности. Для него добродетель — это вопрос характера, и поэтому он презирует пустые слова и ученость. Логика и математика излишни, добродетель — единственное добро, порок — единственное зло; все остальное не имеет значения. Эта скудность теории компенсируется силой воли. Сила характера, свобода от предрассудков общепринятых обычаев, общепринятой религии или общепринятого правительства — вот что отличает истинного свободного человека, человека, свободного душой, от раба.

Впечатление, производимое этим королем в лохмотьях в эпоху упадка, было поразительным. Его лающий голос казался предупреждающим криком пролетария, призывающим людей вернуться к природе и простоте жизни. Его острые и остроумные сочинения читались с удовольствием. Его школа, которая может похвастаться одним учеником всемирной известности в лице Диогена, постепенно слилась со стоической школой, которая обязана кинизму популярным тоном своей влиятельной системы этики. Со времени рождения Христа кинизм возродился, как и в древности, в облике нищего проповедника- , провозглашающего евангелие отречения и поднимающего зеркало перед коррупцией эпохи. Этот новый кинизм был одним из важнейших предшественников христианского апостольства. Он вновь пробудился в эпоху Возрождения, найдя своего остроумнейшего представителя в лице Монтеня, по стопам которого впоследствии пошел Ж. Ж. Руссо. В нем мы видим лучший типичный пример силы и слабости этого антинаучного движения.

Платон, антитеза Антисфена, продолжил в прямой линии нить афинской философии. Он выполнил, в самом широком смысле этого слова, задачу, которую Сократ только начал — задачу создания науки, дискредитированной софистами, на новой основе.

Мы лишь неполно знакомы с жизнью Платона и этапами его развития, поскольку хронология его диалогов до сих пор не определена ни абсолютно, ни относительно, и остается сомнительным, насколько их художественное замысел позволяет полностью раскрыть его систему. Ибо истинным трудом Платона были не его литературные произведения, которые он сам считал второстепенными и которые, очевидно, воспроизводят лишь часть его исследований и размышлений, а его Академия, в которой с 80-х годов IV века он собирал самых способных ученых из числа молодежи Греции для учебы и жизни в общине. Если бы все события этой Академии были сохранены (как информация, которую Аристотель дает нам о последних годах), возможно, мы смогли бы отчетливо проследить развитие этого замечательного человека. Ведь Платон является одновременно самой одаренной и самой сложной личностью древней Греции, и глубины и тайны его натуры не были полностью проникнуты даже его близкими друзьями, даже Аристотелем; тем более мы, живущие в наше время. Однако того, что у нас есть, вполне достаточно, чтобы хотя бы обозначить его место в этом кратком обзоре.

Если из рядов греческих мыслителей, которых мы рассмотрели до сих пор, выбрать самых выдающихся лидеров и отметить линии связи между ними, то мы увидим, как все они сходятся в Платоне. Он является центром древней философии, к которому стремится все, что было до него, и откуда яркий свет и тепло изливаются на потомков вплоть до наших дней.

Один только диапазон его достижений достаточно ясно показывает это. Как и ионийцы, он охватывает космологию, физику и антропологию. Как и пифагорейцы, он с все возрастающей преданностью занимается изучением математики, вероятно, как основой своих спекуляций. Как и Ксенофан, он вступает в школу древнего орфического мистицизма и в «Тимее» возвышает его до теологии, кульминацией которой является монотеизм. Как и элеаты, он размышляет над проблемами онтологии. Как и Гераклит, он исследует вечное течение генезиса; размышляет об идеалах культуры и политических теориях софистов, борется с идеальным методом Сократа, сражается с враждебными философами сократической школы с одной стороны и с другой (Аристипп, Евклид и Антисфен), и, наконец, сражается с самим собой, поскольку его спекуляции все больше развиваются в теологическом и математическом направлениях. Ибо, как истинный слуга Истины, Платон до самой старости считает себя находящимся в процессе роста и обучения. Ничто не вызывает у него такой ненависти, как догматизм. Тем не менее, есть так много мнений,

которых он придерживался с непоколебимой постоянностью, что мы, вероятно, вправе говорить о системе Платона.

В центре этой системы лежит то, что выкристаллизовалось в более живой форме из сухих концепций сократовского метода — область идей. Так же как Парменид воспринимал Бытие в вечном Всесущем, доступном только Разуму, так и Платон видит бытие отдельных вещей в том, что относится к их общему началу ( ) и как таковое может быть постигнуто Разумом. Но так же, как элеатское «Единое» существует даже вне признания его как объективного бытия, так и эти вечные и неизменные архетипы (*ideai*) живут сами по себе как объективные сущности, которые существуют совершенно отдельно от отдельных объектов, которые участвуют в их форме. Эти архетипы, как и элеатское Всесущее, носят имя единицы (монады), только в схеме Платона таких монад много, и их неизменность не исключает идею причинности. Таким образом, его «идеи» являются «единицами» Парменида в многообразии и «представлениями» Сократа, наделенными метафизикой дыханием жизни.

Для Сократа идея Добра и Добродетели лежала в основе его учения, и таким образом преобладание идеи Добра подтверждается его учеником, и в своей теологической разработке эта абстрактная идея преобразуется в Высший Разум, первопричину Бытия, которая тождественна Божеству.

Что касается элеатов, то внешний мир был иллюзией чувств и в любом случае чем-то иррациональным, поэтому материя и мир явлений, занимающий промежуточное положение между материей и идеями, труднопостижим, а понятие Платона о Мировой Душе, парящей между ними, столь же противоречиво и неясно, как и понятие о человеческой душе. Ведь у этого одаренного поэта-философа многое остается на пороге сознания и не может пробиться к яркому свету, что согласуется с его собственными учениями, которые находят ясность и единство смысла только в Вечном и Божественном, неясность и двусмысленность — в промежуточной земной сфере генезиса, а полную тьму и непостижимость — в нижней сфере материи и небытия. Эти три стадии повторяются в его теории души, которая от желания поднимается к мужеству и, в конечном итоге, к разуму. Его этика и политика, которые, согласно его эллинским идеям, являются одним и тем же, рассчитаны на три класса человечества — железный, серебряный и золотой. Последние два, военный и ученый классы, являются единственными, которые принимаются во внимание в системе образования его идеального государства; о пролетариате нет необходимости беспокоиться, хотя Антисфен и его последователи считали именно этот класс единственным, способным к подлинной философии. Но Платон, как аристократ, которым он был, имеет в виду избранный тип человечества, возвышенный исключительным интеллектом над грубой толпой и солидным средним классом и призванный философией, *то есть* учением об идеях, к руководству идеальным государством.

Учение софистов отменило закон. Платон также не знает закона на высоком уровне своего идеального государства. Но ограничение закона кажется излишним там, где каждый индивид обучен быть идеальным человеком. Вынужденный горьким опытом смягчить свои требования к человеческой природе и государству к концу своей жизни, он набросал в «Законах» модель государства на основе старой устоявшейся системы правления. Но эта система, как и метафизика его старости, кажется, как бы отступлением от его идеалов. Все, чего достиг Платон, — это воспитание в своей Академии поколения учеников, которые намного превосходили общий уровень образования и нравственности и которые, хотя и не смогли спасти государство, тем не менее поддерживали высокий уровень знаний и идеал нравственности для человечества в условиях коррумпированного общества.

Величайшим из этих академиков был Аристотель из Стагиры, который продемонстрировал универсальность и тщательность исследований, которые кажутся нам

совершенно непостижимыми. Как и Платон, он твердо придерживался мнения, что знание никогда не бывает полным, но что истина может быть найдена благодаря неустанному упорству в научном исследовании ( ). Вероятно, именно по этой причине он подарил миру несколько диалогов, адаптированных к вкусам публики, и с помощью некоторых своих учеников собрал и опубликовал сборники историко-филологических и научных материалов в непритязательной форме; но систематические лекции, в которых он излагал более продвинутым последователям своей школы результаты своих размышлений и обширных эмпирических наблюдений, а также критический анализ своих предшественников, никогда не были им опубликованы. Он работал над этими трудами всю свою жизнь, и многие из дидактических сочинений, которые были отредактированы его учениками после его смерти и которые являются всем, что мы имеем из всего корпуса работ Аристотеля, несут на себе явные следы постепенного роста, исправлений и дополнений.

В таком кратком обзоре, как настоящий, невозможно дать даже краткое изложение содержания этой замечательно составленной энциклопедии, которая считалась богатейшим хранилищем всех видов эмпирической и спекулятивной науки с начала христианской эры до современности. Существенные моменты, в которых его жизненное дело превосходит дело Платона, следующие:

Платон никогда не доходил до того, чтобы свести свои великие открытия и интуитивные озарения во всех областях науки в единое целое, поскольку по научным и этическим соображениям он был против догматических определений, неотделимых от любого систематического трактата. Аристотель же сделал это, разделив всю философию на три основные части (теоретическую, практическую и поэтическую) и выделив подразделения (логику, физику, метафизику, этику, политику и т. д.) внутри этих частей с помощью четко обозначенных границ и строго точных методов. Он является платоником во всем и считает себя таковым. Даже там, где он проявляет наибольшую независимость, как в разработке силлогизмов или в биологии, невозможно не заметить его задолженность смелым спекуляциям своего учителя.

Если бы все произведения Платона и его учеников, созданные между 388 и 348 годами, сохранились до наших дней, окончательная связь между Аристотелем и исследованиями Академии была бы, вероятно, еще более очевидной, чем она есть. Тем не менее, между спекуляциями этих двух великих философов есть заметная разница. Платон полностью отделил универсальное и сущностное в вещах от земного и поместил его в небесах за пределами земли.

Аристотель полностью отвергает этот трансцендентализм. Всеобщее не может существовать без архетипа, сущность должна быть имманентной ему. Следовательно, индивидуум является единственной истинной субстанцией, содержащей субстанцию и материю. Это противостояние мнений относительно «универсалий», как хорошо известно, является отправной точкой средневековой схоластики (номинализм, реализм).

Движение пассивной субстанции к активной форме, *то* есть реализация Возможного, приводит к идее развития, генезиса (хотя и не в современном смысле), на которой потерпели крах спекуляции Платона, и проходит мимо жесткого элеатизма Платона, чтобы соединиться с Гераклитом, философом изменения, в котором Аристотель видит конечную причину всего движения и всех вещей в Божестве, самом вечном, как и мир, который «стремится к Нему, как жених к невесте». Таким образом, душа также является образцом тела, а значит, целью его существования. Тело является лишь инструментом (*organon*) души. Таким образом, Аристотель впервые вводит название и идею органического существа и проводит четкое различие между этими одушевленными существами (растениями, животными и человеком) и неодушевленной природой. В этике и политике его спекуляции

следуют по стопам Платона, за исключением того, что и в этой области мышления ( ) он смягчает бескомпромиссную строгость своего учителя благодаря своей врожденной склонности к исторически сложившемуся и практически возможному и обращает ее в более полезное русло. Однако этико-политические размышления обоих философов адаптированы к аристократическому классу, доминировавшему в то время в Греции. Александр, ученик Аристотеля, завоевал Восток еще при жизни своего учителя, но мнение философа о том, что вновь завоеванный континент должен управляться другими законами, чем законы Эллады, было практически неосуществимо. Его этика полностью провалилась перед лицом новой политической ситуации, сложившейся в результате.

III

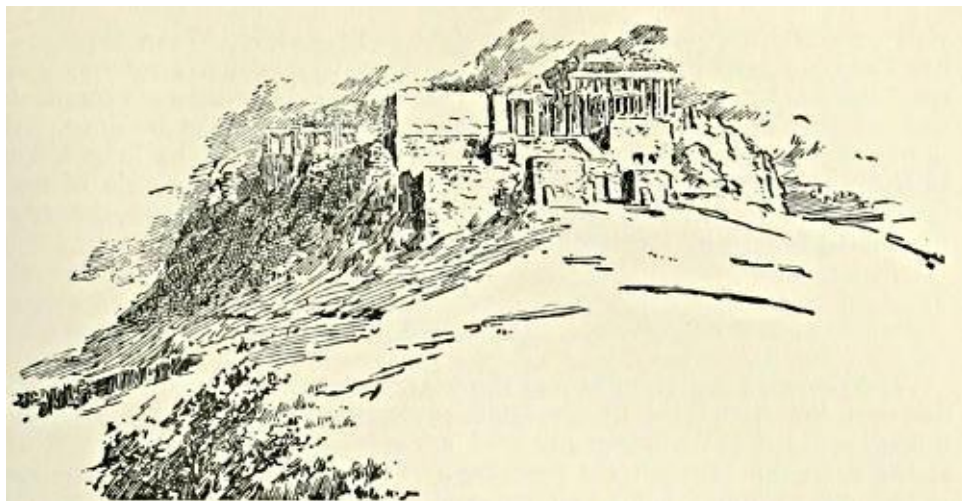
В этот момент космополитический кинизм, который еще во времена Антисфена превзошел узкий партикуляризм эллинизма, и стоицизм, построенный позже на его фундаменте, оказались наиболее подходящими для того времени формами. Зенон, происходивший из финикийской семьи и выросший на Кипре, то есть на полуазиатской земле, разработал эту теорию жизни в Афинах, куда он прибыл вскоре после смерти Аристотеля (около 320 г.). После дуализма, который преобладал от Анаксагора до Платона и Аристотеля, в котором Бог и Мир противопоставлялись друг другу как антагонистические принципы, теория Зенона возвращается к монистической тенденции ионического периода. Как и та, она реалистична, даже грубо материалистична, в отличие от идеализма афинской философии. Результатом является последовательный пантеизм, в котором душа и тело представляют собой аналог Бога и мира. Оба они имеют одинаковую сущность и лишь временно разделены преходящим различием проявлений. Мораль Зенона строга и направлена не на умеренность страстей (как у Платона и Аристотеля), а на их искоренение. Неумолимый закон, который держит мир и человека в узах, из которых нет выхода, требует повиновения, и добровольное повиновение ему является добродетелью.

Поскольку главной целью стоической школы является тренировка воли, а мудрость как таковая является лишь средством для достижения цели, в ее учениях преобладает догматическая форма, соответствующая восточным способам мышления и деспотической системе современного правительства. Отсюда мы можем понять, как эта несколько грубая, как бы вытянутая, но эффективная форма философии доминирует во всем мире с этого времени и до примерно II века н. э. По сути, она представляет собой возрождение гераклитизма, так же как антистетическая философия эпикурейства, которая преобладала в течение того же периода времени, по сути напоминает абдерскую систему.

Эпикур (родился в 342 году) был сыном афинянина, но родился на Самосе. Таким образом, у него была возможность познакомиться с философией Демокрита, которая ценилась в Ионии больше, чем в Афинах. Однако он не интересовался знанием ради самого знания, а ради его практического применения. В этом отношении, а также в своем последовательном материализме, он близок к стоической школе.

В догматической позитивности и неизменности Эпикур значительно превосходит даже стоическую философию. Для него главным является образ жизни, который вызывает спокойную веселость характера благодаря отказу от всех тревожных мыслей (таких как смерть, бессмертие или божественное наказание) и беспокойных страстей, и благодаря которому его последователи, находясь здесь, на земле, становятся причастниками счастья богов. Эта философия спокойствия гармонизировала с идеалами жизни, которые были распространены в тот период ( ), а горячее превозношение дружбы среди этого свободомыслящего братства и их идеал человеческой свободы и достоинства в некоторой степени компенсируют пустоту их теории жизни.

Наконец, скептицизм принимает форму школы в Греции с Пирроном, который умер в том же году, что и Эпикур, в 270 г. до н.э. Он тоже заботится только о спокойствии ума, но он достигает его не догматической верой в ту или иную систему учений, а верой ни во что, считая, что ничто не является правильным и важным. Этот радикальный скептицизм вынужден сомневаться даже в себе самом. В результате он нейтрализует сам себя и тем самым знаменует спонтанное распад эллинской философии.

Афинский Акрополь

ГЛАВА XXXVII. ЦАРСТВОВАНИЕ ТЕРРОРА В АФИНАХ

Опустошенные Афины! Хотя твои боги бежали,
Твои храмы безмолвны, а слава твоя умерла,
Хотя все, что у тебя было прекрасного и доблестного,
Спит в могилах или гниет в волнах,
Хотя власть и слава покинули тебя и забыли,
Опустошенные Афины, ты все еще прекрасны!

—Уинтроп МАКВОРТ Прэд.

[404 г. до н. э.]

В капитуляции, по которой Афины сдались, насколько ее условия описаны Ксенофоном, не упоминается о каких-либо изменениях, которые должны были произойти в форме правления; и, если верить Диодору, одна из статей прямо предусматривала, что афиняне должны пользоваться своей наследственной конституцией. Вероятно, это ошибка; но если такая формулировка и была использована в договоре, то, по-видимому, она была предназначена скорее для оскорбления, чем для обмана народа; и авторы этой статьи, которые также должны были ее толковать, имели в виду не свободную конституцию, при которой город процветал со времен Солона, а какую-то древнюю форму бесправия, которая давно была забыта, но могла быть восстановлена из забвения благодаря трудам таких антикваров, как Никомах. По крайней мере, не вызывает сомнений, что спартанское правительство, если и не ставило целью свержение демократии, то рассматривало такую революцию как один из самых верных и важных результатов своей победы. Но оно, возможно, полагало, что его афинские сторонники будут достаточно сильны, чтобы осуществить ее без его вмешательства. Из заявления Лисия мы узнаём, что Лисандр, увидев начало сноса стен, оставил своих друзей завершать работу и отплыл на Самос, единственное место в Эгейском море, где власть Спарты не признавалась.

Если это было так, то он едва успел осадить Самос, как его присутствие потребовалось в Афинах. Ферамен, Критий и их соратники хотели придать законный вид власти, которую они намеревались узурпировать, и свергнуть конституцию от имени народа. Но они не считали безопасным полагаться на свое собственное влияние для первого шага; и хотя Агис все еще был под рукой, он мог не так горячо поддержать их взгляды и не обладал таким же весом, как Лисандр. Поэтому, когда был назначен день собрания для рассмотрения вопроса о реформе конституции, Лисандра пригласили принять участие в дискуссии. Термен привлек к себе основную часть управления этим делом. Он предложил, чтобы верховная власть на данный момент была передана тридцати лицам, которые должны были быть уполномочены разработать новый свод законов, который, однако, должен был соответствовать древним учреждениям, согласно модели, разработанной Драконтидом.

ЛИСАНДР

Присутствие Лисандра и близость пелопоннесских войск удержали сторонников свободы от выражения своих чувств по поводу этого предложения. Но его суть и направленность были ясны, и по собранию прошел ропот неодобрения. Фераменс отнесся к нему с презрительным вызовом, но Лисандр заставил его замолчать более серьезным аргументом.

Он призвал недовольных обратить внимание на то, что они находятся в его власти и больше не защищены договором. Укрепления не были снесены в установленный срок, и поэтому, строго говоря, договор был недействителен. Их жизни были потеряны и могли оказаться в опасности, если они отвергнут предложение Ферамена. Оно было принято без дальнейших колебаний; и список Тридцати, из которых десять были названы Фераменом, десять — афинскими эфорами, а десять были номинально оставлены на выбор собрания, был принят с таким же единодушием. В него вошли имена, некоторые из которых вскоре стали печально известны: Полиарх, Критий, Мелобий, Гипполох, Евклид, Иеро, Мнесилох, Хремо, Ферамен, Аресий, Диокл, Федрий, Херилай, Анаэтий, Пизон, Софокл (не поэт, который к тому времени уже умер), Эратосфен, Харикл, Ономакл, Феогнис, Эсхин, Феоген, Клеомед, Эразистрат, Фидо, Драконтид, Эвмат, Аристотель, Гиппомах, Мнезитид. Кроме того, был назначен совет из десяти человек — возможно, самим Лисандром — для управления Пиреем. Как только это дело было улажено, Лисандр отплыл со своим флотом на Самос, а пелопоннесская армия эвакуировала Аттику.

Самийцы, блокированные с суши и с моря, были вынуждены капитулировать до конца лета; им было позволено покинуть город, но не уносить с собой никакой части своего имущества, кроме одежды, которую они носили.

Эти условия можно было бы счесть мягкими, если бы они были виновны в каких-либо жестоких злодеяниях, но, возможно, Лисандр не рассматривал их поведение в таком свете. Однако он, вероятно, был нетерпелив вернуться домой и продемонстрировать плоды своей победы своим восхищенным соотечественникам, и поэтому, возможно, был более склонен к переговорам с осажденными. Когда они ушли, он заменил их изгнанниками, которые были изгнаны в разное время в ходе гражданских распрей на острове, передал им все имущество побежденной стороны и назначил совет из десяти человек, чтобы управлять ими и обеспечить их послушание. Затем он отпустил союзников по домам, а сам с лакедемонским флотом вернулся в Лаконию.

Он привез с собой афинские галеры, сдавшиеся в Пирее, последние остатки той морской державы, которую он разбил, трофеи, взятые в Эгоспотами, и 470 талантов [94 000 фунтов стерлингов или 470 000 долларов], остаток дани, которую он собрал с азиатских городов во время отсутствия Кира. Но мы склонны сделать вывод из рассказа, который, хотя и не упоминается Ксенофоном, приводится несколькими более поздними авторами ( ) с слишком подробными и правдоподобными обстоятельствами, чтобы их можно было отвергнуть, что он ранее отправил более крупную сумму — возможно, не намного меньше тысячи талантов — которую, как говорят, он доверил заботе Гиллиппа, героя Сиракуз. Гиллипп страдал той же слабостью, которая привела к позору его отца Клеандрида. Он не смог устоять перед искушением присвоить часть сокровищ, был обнаружен и изгнан, а затем покончил с собой, объявив голодовку. Но даже сумма, упомянутая Ксенофоном, была, вероятно, самой большой, которая когда-либо доставлялась в Спарта за один раз. К ней добавились венки и различные другие подарки, которые были подарены Лисандру многими городами, стремившимися выразить свою благодарность и восхищение или завоевать благосклонность завоевателя.

Этот приток богатства вызывал зависть у некоторых спартанцев, которые опасались его влияния как на внешнюю политику, так и на внутренние институты: пример Гиллиппа, хотя и не был чем-то необычным, мог подтвердить их опасения, и, по-видимому, было выдвинуто предложение посвятить все сокровища дельфийскому богу. Но Лисандр и его друзья энергично сопротивлялись этой мере и убедили эфоров или народ оставить сокровища в государственной казне. Часть была использована для увековечения триумфа Спарты и заслуг лиц, которые в основном помогли его достичь. Сам Лисандр украсил один из

спартанских храмов памятниками своих двух побед, при Нотионе и Эгоспотами; и первую из них действительно можно справедливо считать открывшей путь к второй. В Амиклах были посвящены треножники необычайных размеров, а в Дельфах — статуи покровителей-близнецов, Зевса, Аполлона Артемиды и Посейдона, составляющие часть большой группы, в которую входили статуи Лисандра, изображенного получающим венец от Посейдона, его предсказателя Абаса, Гермона Мегарийского, капитана его галеры, и более двадцати девяти других лиц, спартанцев или уроженцев других городов, отличившихся при Эгоспотами, долгое время свидетельствовали о благодарности Спарты богам и людям.

ЖЕСТОКОСТИ ТРИДЦАТИ

Тем временем партия, узурпировавшая верховную власть в Афинах, раскрывала истинный характер своего господства. Первой заботой Тридцати было обеспечить себя инструментами, подходящими для их целей; они заполнили все важные посты своими людьми. Эфорство, по-видимому, слилось с их собственным ведомством. Совет уже в основном состоял из их сторонников и нуждался лишь в нескольких очистительных изменениях; теперь он должен был стать единственным трибуналом для государственных судебных процессов.

Из текста истории Ксенофонта можно сделать вывод, что законодательные функции, которые они якобы взяли на себя, были лишь номинальными; но из намека, который он делает в другом месте, мы понимаем, что они время от времени пользовались этой ветвью своей власти, чтобы издавать законы или полицейские постановления, либо в качестве меры предосторожности, либо в качестве предлога, и что они осуществляли цензурный контроль над занятиями и поведением своих подданных. Однако вполне вероятно, что они никогда не намеревались публиковать какой-либо свод законов, тем более конституцию, которая могла бы ограничить их власть. Их главной целью, в которой они, по-видимому, были единодушны, было отменить политику Фемистокла и Перикла: низвести Афины до ранга мелкого городка, отрезанного от моря, без колоний и торговли, неспособного сопротивляться воле Спарты или вызывать ее ревность. По-видимому, с целью разумно обозначить эту ведущую максиму своего правления, они изменили расположение бемы, с которой ораторы обращались к собранию в Пниксе, так что с нее больше не было видно моря и Саламина. Они еще более явно дали понять о своем намерении, сделав шаг к его осуществлению, продав материалы великолепного арсенала, на строительство которого было потрачено тысячу талантов, за три таланта подрядчику, который взялся за его снос и расчистку. Возможно, позднее, в целях собственной безопасности, они разрушили крепости на границах Аттики. Если бы они достигли своих целей, то историю Афин можно было бы считать завершенной, поскольку она перестала бы оказывать существенное влияние на ход событий в остальной Греции и могла бы представлять интерес только в связи с внутренними изменениями или распрями олигархии.

СИКОФАНТЫ

К счастью для их страны, различия в их характерах были слишком велики, чтобы их можно было примирить даже чувством общего интереса, и стали источником разногласий, которые оказались фатальными для их власти. Люди, чьи способности и энергия давали им превосходство над остальными, были увлечены бурными страстями к крайностям, от которых отшатывались их более осторожные и умеренные соратники, но которые они не могли предотвратить. В течение некоторого времени они сохраняли видимость приличия в своих действиях, и некоторые из их поступков были настолько общеприемлемы, что средства, хотя и противоречащие закону и справедливости, могли показаться многим

оправданными целью. Первые преследования были направлены главным образом против класса людей, которые были всеобщим предметом ненависти и более всех других способствовали тому, что государство погрузилось в бедствия, от которых они сами теперь справедливо страдали, доносчики, или сикофанты, как их называли в Афинах, которые извращали законы, коррумпировали суды и зарабатывали себе позорное существование, вымогая деньги у богатых и робких граждан, но особенно у иностранцев, подчинявшихся афинской юрисдикции, которые таким образом, больше чем из-за каких-либо других обид, отчуждались от суверенного государства. Наиболее известные из этих вредителей республики были с энтузиазмом осуждены советом, и их наказание было с удовольствием встречено всеми честными людьми. Однако удовлетворение, которое это вызвало, должно быть, было несколько ослаблено в некоторых умах размышлением о том, что форма разбирательства, по которой они были осуждены, была такой, при которой самые невинные люди всегда могли подвергнуться той же участи.

ГРЕЧЕСКАЯ ТЕРРАКОТА

(В Британском музее)

Согласно новому регламенту, Тридцать лично председательствовали на судебных процессах, проводимых советом: перед скамьями, на которых они сидели, были поставлены два стола для приема шариков или жетонов, с помощью которых советники объявляли свой вердикт, и которые теперь, вместо того чтобы тайно опускаться в ящик, открыто складывались на доске, чтобы Тридцать могли видеть, как проголосовал каждый человек. Однако это были не единственные дела, которые они выносили на рассмотрение совета, даже в начале своего правления. Лица, которые до сдачи города были арестованы на основании информации, частично полученной путем подкупа, а частично вымогательства с

помощью угроз или пыток, и обвиненные в заговоре против государства, но на самом деле не виновные ни в чем, кроме выражения своей приверженности конституции, которая теперь была отменена, вскоре после этого были подвергнуты фиктивному суду и казнены.

[404-403 гг. до н. э.]

Даже такие казни можно было бы считать временным злом, сопутствующим любой политической революции: и среди Тридцати были те, кто не хотел умножать их больше, чем это было необходимо для их безопасности. Но большинство, и прежде всего Критий, не намеревались останавливаться на достигнутом: и, возможно, вскоре стали заметны некоторые признаки недовольства, которые дали им повод настаивать на необходимости более жестких мер и дополнительных гарантий. Двое из них, Эсхин и Аристотель, были по общему согласию отправлены в Спарту, чтобы получить отряд войск для охраны цитадели. Обоснованием для этого было то, что в городе находились бунтовщики, которых необходимо было удалить, прежде чем их правительство сможет утвердиться на прочной основе; и они обязались содержать гарнизон до тех пор, пока его присутствие будет необходимо. Из слов Ксенофонта можно понять, что к этому времени Лисандр уже вернулся в Спарту; если это так, то с момента капитуляции города прошло более шести месяцев. Лисандр, присутствуя или отсутствуя, оказывал на них свое влияние и убедил эфоров отправить желаемые войска под командованием Каллибия, который был наделен полномочиями гармоста. Его прибытие освободило Крития и его коллег от всех ограничений, которые до сих пор накладывались на них из-за страха перед своими согражданами. Они заискивали перед ним с подобострастием, соразмерным с беззаконием тирании, которую они надеялись осуществлять с его одобрения и помощи.

Отношения, которые они с ним поддерживали, хорошо иллюстрирует один факт. Афинянин по имени Автолик, из хорошей семьи и солидного положения, который в молодости прославился победой в гимнастике, каким-то образом обидел Каллибия, который, согласно спартанскому обычаю, поднял дубинку, чтобы ударить его. Но Автолик, еще не привыкший к такой дисциплине, предотвратил удар, повалив его на землю. Говорят, что Лисандр, когда Каллибий пожаловался на это оскорбление, заметил, что он не умеет управлять свободными людьми. Однако он хорошо понимал тех, с кем ему приходилось иметь дело в основном, и вскоре Тридцать удовлетворили его, казнив Автолика.

В ответ на такое почтение он предоставил им свои войска, чтобы те могли вести в тюрьму кого захотят: и теперь список политических преступлений внезапно ужасающе расширился. Теперь для уничтожения выбирались не только те, кто сделал себя ненавистным своими преступлениями или ранее отличался оппозицией правящей партии, но и люди с безупречным характером, без каких-либо сильных политических пристрастий, которые завоевали доверие народа своими заслугами или услугами и могли быть заподозрены в том, что предпочитают народное правление олигархии, при которой они жили. Ксенофонт, по-видимому, считает, что Критий был охвачен неутолимой жадой крови из-за воспоминаний о своем изгнании. Но, по-видимому, главными движущими силами его поведения были не обида, а амбиции и алчность, и он с большой хладнокровием рассчитывал плоды своих гнусных поступков. Его выбор жертв определялся не только политической завистью; не менее сильным побуждением была непосредственная выгода от конфискации их имущества. Неясно, каким из этих мотивов следует объяснить казнь Никерата, сына Никия, который разделил судьбу своего дяди, но, возможно, был вовлечен в это дело скорее из-за своего богатства, чем из-за родства с Евкратом. Возможно, именно по этой причине, а не из-за услуг, которые он оказал народу, Антифон, [ц](#) который во время войны за свой счет оснастил две галеры, был теперь приговорен к смерти. И, скорее всего, именно по этой причине Леон,

житель Саламина, который, по-видимому, пользовался всеобщим уважением, и большое число его сограждан были вытащены из своих домов и преданы палачу. Случай Леона особенно примечателен тем, что он проливает свет на политику олигархов. После прибытия лакедемонского гарнизона они начали обходиться без помощи совета, и Леон был казнен без какого-либо суда. Но они не считали целесообразным всегда использовать иностранные войска для своих убийственных дел; в таких случаях они часто использовали афинян в качестве своих исполнителей, а также людей, не принадлежащих к их партии, с целью вовлечь их в вину и ненависть за свои действия. Когда они решили уничтожить Леона, они послали за Сократом и четырьмя другими лицами и приказали им пойти и привести его из Саламина. Поскольку его невиновность была не менее известна, чем судьба, которая его ожидала, Сократ, покинув присутствие Тридцати, вместо того, чтобы подчиниться их приказам, вернулся домой. Остальные выполнили свое поручение.

Эти зверства вскоре вызвали всеобщую тревогу, поскольку никто не мог понять, какими принципами или правилами они будут ограничены в будущем; напротив, были основания опасаться, что они будут постоянно умножаться и усугубляться. Ферамен, наделенный острым чутьем, которое позволяло ему легко улавливать настроения общественности, рано осознал опасность, в которую бросались его коллеги, и он упрекнул Крития в неосторожности, заключавшейся в том, что они создавали себе врагов, казнив людей только за то, что те занимали высокие посты или оказывали выдающиеся услуги при демократии, ведь не было никакой гарантии, что они не станут мирными и полезными подданными олигархии, так как было время, когда и Критий, и он сам добивались популярности у народа. Но Критий утверждал, что теперь они находятся в положении, которое могут удержать только с помощью силы и террора, и что каждый, кто имеет возможность помешать их планам и не предан их интересам, должен рассматриваться как враг.

Этот аргумент, по-видимому, на время удовлетворил Ферамена. Но поскольку кровавые деяния следовали одно за другим с возрастающей быстротой, а ропот всех честных граждан, хотя и заглушаемый на публике, начал находить выход в частных кругах, Ферамен снова предупредил своих коллег, что олигархия не сможет долго просуществовать на своей нынешней узкой основе. Он хотел, чтобы они могли обойтись без иностранного гарнизона, и предвидел, что, если они будут продолжать свой нынешний курс, то никогда не смогут безопасно его распустить. Его совет теперь произвел на них некоторое впечатление, но, по-видимому, их встревожило не столько указанная им опасность, сколько само предупреждение. Они знали, что он был человеком, который никогда не присоединялся к партии, которую считал обреченной, и подозревали, что он, возможно, замышляет возглавить новую революцию, как во времена Четырехсот. И хотя его характер был настолько хорошо известен, что он получил прозвище «[121](#)», которое выражало его « » готовность менять сторону и ловкость, с которой он приспосабливался к любым изменениям обстоятельств, он все же мог снова стать центром притяжения для недовольных. Чтобы защититься от этой опасности, они решили укрепить свои позиции с помощью меры, подобной той, которая была принята прежней олигархией. Они составили список из трех тысяч граждан, которые должны были пользоваться своего рода правом голоса, которое, возможно, никогда не было точно определено, но одним из его важнейших привилегий было то, что ни один из них не мог быть казнен без суда перед советом. Все остальные афиняне были объявлены вне закона и оставлены на милость Тридцати, которые могли поступать с их жизнью и имуществом так, как считали нужным.

Ферамен против нового устройства, как из-за небольшого числа привилегированных, так и из-за произвольного ограничения, которое показывало бы, что отбор не производился по каким-либо заслугам.

Поскольку они намеревались править силой, он считал неразумным создавать такую диспропорцию между их силой и силой управляемых. Его возражения были отклонены, но не полностью проигнорированы. Возможно, они послужили поводом для мер предосторожности, которые были приняты сразу же после этого. Под предлогом проверки все граждане были лишены оружия, за исключением всадников и трех тысяч, которые таким образом получили возможность справиться с остальными. Тридцать теперь считали себя полностью в безопасности и становились все более и более безрассудными в удовлетворении своей алчности и жестокости. В условиях ухудшения финансового положения Афин содержание гарнизона было для них тяжелым бременем, и, помимо других чрезвычайных мер по сбору средств, они, по-видимому, прибегали к разграблению храмов. Но это было средство, которое, вероятно, требовало некоторой осторожности и секретности и которое не могло быть применено за пределами определенных границ. Более безопасным и продуктивным средством, по-видимому, было то, которое предложили Пизон и Феогнис, два из их числа, которые заметили, что несколько проживающих в городе иностранцев были известны своей враждебностью к олигархии, и это давало повод для грабежа всего этого сословия.

Поэтому они предложили, чтобы каждому из Тридцати был назначен один из богатых иностранцев, которого он должен был казнить и завладеть его имуществом. Ферамен очень верно заметил, что сикофанты, которые сделали демократию ненавистной для многих, никогда не делали ничего столь несправедливого, как то, что теперь замыслили люди, привыкшие называть себя лучшими из людей, поскольку они никогда не отнимали и деньги, и жизнь; и он с полным основанием опасался, что эта мера вызовет враждебность иностранцев к правительству в целом. Но его коллеги, после того что они уже сделали, не были склонны рассматривать этот вопрос с моральной точки зрения, и, пренебрегая ненавистью своих сограждан, они не боялись вызвать враждебность иностранцев. Предложение было принято, и Ферамену предложили выбрать свою жертву вместе с остальными, но он отказался замарать свои руки невинной кровью. Однако было решено начать с десяти жизней, и, чтобы скрыть истинный мотив, двумя из жертв должны были стать бедняки, которые, таким образом, будут считаться наказанными за какое-то политическое преступление.

[403 г. до н. э.]

Люди, способные на такие действия, не могли долго терпеть присутствие соратника, который отказывался брать на себя полную долю их вины и ненависти. Коллеги Ферамена решили избавиться от неудобного наблюдателя, который вскоре мог оказаться опасным противником. Сначала они попытались в частной беседе донести до членов совета свое недоверие к его замыслам, а затем согласовали план открытого нападения на него. Но чтобы обеспечить его успех, они окружили зал заседаний группой самых смелых из своих молодых последователей, вооруженных кинжалами, которые они не особо старались скрывать. Затем Критий выступил с обвинением против присутствовавшего Терамена.

Терамены выступил с защитой, которая в отношении обвинений Крития в большинстве пунктов была удовлетворительным оправданием его поведения. Шум одобрения, пронесшийся по собранию, предупредил Крития, что он не может с уверенностью рассчитывать на его покорность в осуждении Терамена; и, посоветовавшись на несколько минут со своими коллегами, он призвал своих вооруженных помощников и разместил их вокруг ограды, внутри которой заседал совет. Затем он сказал членам совета, что, по его мнению, он не выполнил бы свой долг, если бы позволил ввести своих друзей в заблуждение, и что люди, которых они сейчас видят вокруг себя, также заявляют, что не

позволят человеку, явно стремящемуся к разрушению олигархии, уйти безнаказанным. Согласно новой конституции, ни один из трех тысяч не мог быть казнен без приговора совета, но все, кто не был включен в этот список, могли быть казнены без суда тридцатью. Поэтому он объявил, что с единодушного согласия своих коллег он вычеркнул имя Ферамена из списка и приговорил его к смерти.^b

Ксенофонт дает яркое описание сцены, которая последовала за этим: «Услышав это, Ферамен прыгнул на алтарь Весты и сказал: «Но я, господа, прошу вас о том, что является строго законным — чтобы Критий не имел права исключать меня или любого из вас, кого он пожелает, но чтобы решение принималось в соответствии с законом, который эти люди приняли в отношении тех, кто включен в список, и в соответствии с этим законом должно быть принято решение и в отношении вас, и в отношении меня. И я, клянусь богами, прекрасно понимаю, что этот алтарь не защитит меня, но я хочу показать, что эти люди не только крайне несправедливы по отношению к людям, но и безбожны по отношению к богам. Однако я удивлен, что вы, добрые и честные люди, не выступили в свою защиту, зная, кроме того, что мое имя не легче стереть, чем любое из ваших». После этого глашатай Тридцати приказал Одиннадцати прийти за Фераменом; и когда они вошли с офицерами, во главе с Сатиром, самым смелым и бесстыдным из них, Критий сказал: «Мы передаем вам этого Ферамена, осужденного по закону: вы, Одиннадцать, арестуйте его, отведите в надлежащее место и выполните свой долг по отношению к нему». Сказав это, Сатир, с помощью других офицеров, вытащил осужденного с алтаря. Ферамен, как и следовало ожидать, призвал богов и людей посмотреть на то, что происходит. Но совет молчал, видя, что оба товарища Сатира находятся на скамье подсудимых, а пространство перед зданием совета заполнено стражниками, и зная, что они пришли с кинжалами. Так они увели человека через рыночную площадь, а он громко кричал о том, как с ним обращаются. И об этом его высказывании тоже рассказывают. Когда Сатир сказал, что он пожалеет, если не замолчит, он спросил: «А разве я не пожалею, если замолчу?».

«Кроме того, когда его принудили умереть и он выпил болиголов, говорят, что он вылил на пол то, что осталось, сказав: «Пусть это будет для милого Крития». Я понимаю, что эти слова не стоят упоминания, но я считаю замечательным в этом человеке то, что, когда смерть была близка, ни его здравый смысл, ни его юмор не покинули его душу».^c

В Терамене мы находим многое, что заслуживает осуждения, и ничего, что заслуживает одобрения, за исключением того, что он не последовал за своими развратными товарищами в их злодейской карьере. Если у него были основания жаловаться на то, что они не пощадили автора своего возвышения, то другие жертвы их тирании имели гораздо больше причин радоваться его судьбе. Похоже, он умер, не вызвав сочувствия ни у одной из сторон, которых он поочередно ухаживал и бросал.

Его смерть освободила Тридцать — среди которых, вероятно, Сатир был немедленно избран на его место — от последних ограничений страха или стыда, которые удерживали их в рамках приличия; и теперь они приступили к более смелым и решительным мерам. Они подражали древним тиранам, которые часто изгоняли из столицы в провинцию низшие слои населения, которым было трудно найти работу, и запрещали всем афинянам, не входящим в список Трех тысяч, входить в город.

Но олигархи, по-видимому, предприняли этот шаг не столько с целью обеспечения своей безопасности, сколько для облегчения грабежей и убийств. Они продолжали посылать своих эмиссаров, чтобы те арестовывали граждан и конфисковывали их имущество, которые теперь были рассеяны по всей Аттике в соответствии с их указом. Большая часть изгнанников укрылась в Пирее, но когда выяснилось, что ни густонаселенный город, ни их сельские убежища не могут укрыть их от преследований угнетателей, многие начали искать

убежище в иностранных городах, и вскоре Аргос, Мегара и Фивы были переполнены афинскими изгнанниками.

Олигархи, несмотря на лакедемонский гарнизон и свою уверенность в спартанской защите, начали тревожиться по поводу положения, в которое они себя поставили, и бояться мести своих изгнанных врагов, которые ждали поблизости удобного случая для нападения на них; и они обратились к спартанскому правительству с просьбой вмешаться с целью предотвратить опасность. Спартанцы, возможно, под влиянием Лисандра, издали указ, который показал, насколько они были опьянены процветанием. Он давал афинским правителям право арестовывать изгнанников в любом греческом городе и под страхом сурового наказания запрещал кому-либо вмешиваться в их пользу.

Но этот указ был не только недалёковидным, но и бесчеловечным; он продемонстрировал деспотичный дух, который не мог не вызвать всеобщего беспокойства и отвращения; но его цель была недостижима для спартанской власти. В Аргосе и Фивах, а вероятно, и в других городах, предписание и угроза были проигнорированы; изгнанники по-прежнему находили гостеприимное убежище. Тебаны, в частности, постарались продемонстрировать свое презрение к спартанскому прокламации, приняв встречный указ, предписывающий принимать преследуемых афинян во всех беотийских городах; что в случае любой попытки изгнать их, каждый беотийский гражданин должен оказать помощь в их спасении; и что им не должно препятствовать в любой экспедиции, которую они могут предпринять против партии, ныне владеющей Афинами.

Эта мера, хотя и проникнута духом, столь отличным от того, с которым фиванский полководец проголосовал за истребление афинского народа, была продиктована не справедливостью или состраданием к Афинам, а ревностью и обидой на Спарту. Вскоре после окончания войны возникли причины, отдалившие фиванцев от их старого союзника. Они всегда были склонны высоко ценить услуги, которые они оказали пелопоннесской стороне, и теперь считали, что они не были должным образом вознаграждены. Они выдвинули ряд требований, касающихся добычи, собранной в Декелее, а также сокровищ, увезенных в Спарту Лисандром, которые, по-видимому, в основном по его настоянию, были отвергнуты или проигнорированы. Поэтому они не могли без большого недовольства смотреть на то, как Афины оказались в руках приспешников Лисандра.

ВОССТАНИЕ ТРАСИБУЛА

[404-403 гг. до н. э.]

Фрасибул, как и Алкивиад, был официально изгнан Тридцатью, хотя не известно, находился ли он в Афинах, когда было установлено их правление. Однако он был в Фивах, когда их жестокая тирания начала изгонять сотни граждан в изгнание, и настроения, царившие в то время в Фивах, побудили его взяться за освобождение своей страны. Получив небольшой запас оружия и денег от своих фиванских друзей, он пересек границу с отрядом из примерно семидесяти беженцев и захватил крепость Филе, которая стояла на возвышенности, выступающей из склона горы Парнес, с которой она была соединена узким хребтом с отвесными склонами, в двенадцати или тринадцати милях от Афин. Укрепления либо уцелели, когда другие аттические крепости были разрушены Тридцатью, либо вскоре были восстановлены до состояния, пригодного для обороны. Олигархи, уверенные, что вскоре смогут сокрушить столь слабого врага, выступили против них с Тремя тысячами и своими всадниками-сторонниками.^{[b](#)}

ШЛЕМ ОФИЦЕРА

По прибытии некоторые молодые люди, в порыве безрассудства, сразу же напали на это место, однако не добились никакого результата и отступили, получив много ранений. Когда тридцать человек захотели окружить его укреплениями, чтобы захватить его, перекрыв все поставки продовольствия, ночью выпал очень сильный снег, и на следующий день они вернулись в город, потеряв очень много своих последователей в результате нападения людей из Филы. Однако, зная, что они также будут грабить страну, если не будет стражи, которая бы этому помешала, они отправили на границу, на расстоянии пятнадцати стадий от Филы, всех, кроме нескольких лакедемонийских стражников и двух эскадронов конницы. Те разбили лагерь на неровной местности и приступили к дежурству. К этому времени в Филах собралось около семисот человек, которых Тразибр взял с собой и ночью выступил в поход; остановившись в трех-четырех стадиях от стражи, он остался там в тишине. Когда наступил рассвет, и враг начал вставать и покидать свои посты по необходимости, а конюхи шумели, чистя лошадей, в этот момент отряд с Тразибулом снова взял оружие и бросился на них. Некоторых из них они убили, а всех остальных разгромили и преследовали на протяжении шести или семи стадий, убив более ста двадцати пехотинцев, а из всадников — Никострата (прозванного Красивым) и Агафодоса ( ) и еще двух, которых они застали врасплох, когда те еще спали. Вернувшись и воздвигнув трофей, они собрали все захваченное оружие и багаж и отступили в Филу. Теперь в помощь пришли всадники из города, но на месте уже не было никого из врагов; поэтому, дождавшись, пока их родственники заберут тела убитых, они вернулись в город.

После этого Тридцать, больше не считая свое дело безопасным, захотели обеспечить себе Элевсин, чтобы иметь место для убежища, если понадобится. Отдав приказ кавалерии, Критий и остальные из Тридцати прибыли в Элевсин; проведя смотр конницы, сославшись на то, что они хотят узнать, сколько их и сколько дополнительных гарнизонов потребуется, они приказали всем записать свои имена и, по мере того как каждый записывал свое имя, выходить через потайную дверь к морю. На пляже они выстроили свою кавалерию по обе

стороны, и когда каждый из них поочередно выходил, их слуги связывали его. Когда все были арестованы, они приказали Лисимаху, командующему кавалерией, отвести их в город и передать Одиннадцати. На следующий день они созвали в Одеон тяжеловооруженных из списка и остальную кавалерию; тогда Критий встал и сказал: «Установление нынешней формы правления выгодно вам, господа, не меньше, чем нам. Поскольку вы будете разделять с нами честь, вы должны разделять и опасности. Поэтому вы должны проголосовать против арестованных здесь элевсинцев, чтобы у вас были те же основания для доверия и страха, что и у нас». И, указав на определенное место, он приказал им открыто опустить туда свои голоса. В то же время лакедемонийская стража под оружием заняла половину Одеона; и эти меры были одобрены теми гражданами, которые заботились только о своей выгоде.

[403 г. до н. э.]

После этого Фрасибул взял тех из Филы, кто к тому времени собрался в количестве около тысячи человек, и ночью пришел в Пирей. Узнав об этом, Тридцать немедленно вышли на помощь вместе с лакедемонянами, кавалерией и тяжеловооруженными войсками, а затем продвинулись по дороге, ведущей в Пирей. Войска из Филы некоторое время пытались остановить их продвижение, но когда стало ясно, что для охраны большой окружной стены потребуется значительное количество людей, а их было не так много, они в плотном строю двинулись в Мунихию. Войска из города выстроились так, чтобы заполнить дорогу, занимая не менее пятидесяти щитов в глубину. В таком порядке они поднялись на холм. Войска из Филы также заполнили дорогу, но их тяжеловооруженные солдаты занимали не более десяти рядов; за ними, однако, были выстроены как щитonosцы, так и легкие метатели дротиков, а за ними — прашники. Они действительно составляли многочисленное войско, поскольку к ним присоединились жители этого места. Когда враг приближался, Фрасибул приказал своим людям опустить щиты, и, опустив свой собственный, но сохранив остальное оружие, он встал посреди них и сказал следующее:

«Сограждане, я хочу сообщить некоторым из вас и напомнить другим, что из тех, кто наступает на нас, те, кто находится на правом фланге, — это те, кого вы разгромили и преследовали пять дней назад; а те, кто находится на крайнем левом фланге, — это Тридцать, которые лишили нас нашей страны, хотя мы не были виновны ни в чем, изгнали нас из наших домов и преследовали наших самых дорогих родственников. Но теперь они действительно оказались в положении, о котором никогда не думали, а мы всегда молились, чтобы оно наступило. Ибо мы выступили против них с оружием в руках; и видя, что в прежние дни нас арестовывали и за столом, и во сне, и на рынке, а других из нас изгоняли, хотя мы не только не были виновны ни в каком преступлении, но даже не были в стране; по этим причинам боги теперь явно сражаются на нашей стороне. Даже в ясную погоду они поднимают бурю, когда это выгодно нам; и когда мы нападаем, хотя наших врагов много, они позволяют нам, которых мало, воздвигать трофеи. И теперь они поставили нас в такое положение, что наши противники не могут бросать свои копья и дротики дальше тех, кто стоит перед ними, потому что это холм, а мы, бросая вниз с холма копья, дротики и камни, достигнем их и смертельно раним многих из них. И можно было бы подумать, что первые ряды, во всяком случае, должны сражаться на равных условиях; но в данном случае, если вы будете стрелять из своего оружия с энтузиазмом, как подобает вашему характеру, никто не промахнется, поскольку дорога заполнена ими, и, стоя на страже, они все время будут прятаться под своими щитами; так что мы сможем как ударить их, когда захотим, как слепых, так и прыгнуть на них и опрокинуть. Но, господа, мы должны действовать так, чтобы каждый из нас мог осознавать, что он внес наибольший вклад в победу. Ибо это (если Бог даст) теперь вернет нам и страну, и дома, и свободу, и почести, и детей (у тех, кто их

имеет), и жен. О, благословенны те из нас, кто, как победители, смогут увидеть этот сладчайший из всех дней! И счастлив будет тот, кто падет! Ибо никто, каким бы богатым он ни был, не будет иметь такого славного памятника. Итак, когда придет время, я начну песню, и когда мы призовем Марса на помощь, давайте все единодушно отомстим этим людям за оскорбления, которые мы перенесли».

Сказав это, он повернулся лицом к врагу и замер. Ибо их пророк приказал им не наступать, пока кто-нибудь из их стороны не падет или не будет ранен: «Когда же это произойдет, — сказал он, — я пойду впереди, и победа будет за вами, кто последует за мной, а мне, по крайней мере, я так верю, будет смерть». И он не лгал; но когда они взяли оружие, он сам, как будто ведомый судьбой, первым бросился вперед, упал на врага и был убит, и похоронен у переправы через Кефис; а остальные одержали победу и преследовали их до равнинной местности. Там были убиты из Тридцати Критий и Гипподамов, из десяти военачальников в Пирее — Хармид, сын Главкона, и из остальных около семидесяти. Победители забрали оружие, но не грабили одежду своих сограждан. Когда это было сделано и они возвращали тела погибших по перемирию, многие с обеих сторон подошли и стали беседовать друг с другом. И Клеокрит, глашатай посвященных,^[3] обладавший очень красивым голосом, утихомирил их и обратился к ним со следующими словами:

«Сограждане, почему вы изгоняете нас из нашей страны? Почему вы хотите убить нас? Ведь мы никогда не причиняли вам вреда, а делили с вами самые торжественные обряды, самые благородные жертвоприношения и праздники; мы были вашими товарищами в танцах, в школах и на войне; мы вместе с вами сталкивались со многими опасностями на суше и на море ради общей безопасности и свободы обеих сторон. Во имя богов наших отцов и матерей, во имя родства, сродства и товарищества (ибо все это мы имеем общее друг с другом), перестаньте грешить против своей страны и не поддавайтесь на уговоры тех самых безбожных тридцати, которые ради собственной выгоды за восемь месяцев убили почти больше афинян, чем все пелопоннесцы за десять лет войны. И когда мы могли бы жить вместе в мире, эти люди навязывают нам ту войну, которая из всех является самой позорной, самой тяжкой, самой безбожной и самой ненавистной как для богов, так и для людей — войну друг с другом. Но, тем не менее, будьте уверены, что за некоторых из тех, кого мы сейчас убили, не только вы, но и мы пролили много слез». Такова была его речь. Остальные вражеские полководцы, услышав такие свежие призывы, отвели своих людей обратно в город.

На следующий день Тридцать, весьма подавленные и одинокие, собрались на совет, а Три тысячи, где бы они ни находились, были в раздоре друг с другом. Ибо те, кто действовал более жестоко и поэтому боялся, горячо утверждали, что они не должны подчиняться тем, кто находится в Пирее; а те, кто был уверен, что не сделал ничего плохого, как размышляли сами, так и убеждали остальных, что нет необходимости в этих беспорядках, и говорили, что они не должны подчиняться Тридцати и позволять им разрушать государство. Наконец они проголосовали за их смещение и избрание других: и соответственно избрали десять человек, по одному от каждого племени.

Тридцать ушли в Элевсин, а десять, вместе с командирами кавалерии, обратили свое внимание на тех, кто остался в городе и находился в состоянии великого смятения и недоверия друг к другу. Кавалерия также разбила лагерь в Одеуме со своими лошадьми и щитами; из-за своей неуверенности они продолжали патрулировать стены после наступления вечера со своими щитами, а к утру — со своими лошадьми, постоянно опасаясь, что кто-то из Пирее может напасть на них. Теперь их было много, и они были самые разные люди, и они делали себе оружие, одни из дерева, другие из лозы, и белили его. Не прошло и десяти дней, как, пообещав, что все, кто присоединится к войне, даже если они чужаки,

будут иметь равные привилегии, они вышли в поход, с множеством тяжеловооруженных и легкооруженных. У них было также около семидесяти всадников; они совершали набеги днем, уносили древесину и зерно, а ночевали снова в Пирее. Из жителей города никто больше не выходил под оружие, но кавалерия иногда захватывала грабителей из сил в Пирее и беспокоила их фалангу.

Статуя Дианы

И тогда тридцать человек из Элевсина и те, кто был в списке из города, послали послов в Лакедемон и убеждали их прийти на помощь, так как народ восстал против лакедемонян. Лисандр, рассчитав, что можно быстро подавить тех, кто находился в Пирее, когда они были осаждены как с суши, так и с моря, если однажды они будут отрезаны от всех поставок, присоединился к получению ста талантов, одолженных им, и сам был отправлен в качестве гармоста, а его брат Либис — в качестве адмирала. Сам он отправился в Элевсин и собрал большое войско пелопоннесских тяжеловооруженных воинов, а адмирал следил за тем, чтобы по морю к ним не поступали провиантские грузы, так что жители Пирея вскоре снова оказались в затруднительном положении, а жители города, напротив, вновь воодушевились, поверив в Лисандра.

Когда дела шли таким образом, царь Паусаний, полный зависти при мысли о том, что Лисандр преуспевает в этих мерах и тем самым сразу же завоевывает репутацию и делает Афины своими, получил согласие трех эфоров и возглавил экспедицию.^[4] К нему присоединились все союзники, кроме беотийцев и коринфян.

Павсаний разбил лагерь в местечке под названием Халипедум, недалеко от Пирея, сам заняв правое крыло, а Лисандр со своими наемниками — левое. Он послал послов к тем, кто находился в Пирее, приказав им уйти в свои дома, но когда они не послушались его приказа, он напал на них (по крайней мере, судя по шуму), чтобы не показаться открыто желающим

им добра. Когда он безрезультатно отступил после нападения, на следующий день он взял две бригады лакедемонян и три эскадрона афинской кавалерии и отправился в гавань Муте, чтобы разведать, в каком направлении Пирей будет легче всего окружить.

Когда он отступал, группа осажденных подбежала к нему и доставила ему неприятности; раздраженный этим, он приказал всадникам атаковать их на полной скорости, а тем, кто уже прошел период юности, сопровождать их, а сам он последовал за остальными. Они убили около тридцати легко вооруженных и преследовали остальных до театра в Пирее. Там все копьеносцы и тяжелая пехота из отряда в Пирее как раз вооружались. И вот легко вооруженные солдаты, немедленно бросившись вперед, начали метать, бросать, стрелять и стрелять из пращ. Лакедемоняне, когда многие из них были ранены, оказавшись в очень тяжелом положении, начали медленно отступать; и тогда их противники бросились на них с еще большей энергией. Увидев это, Фрасибул и остальные тяжеловооруженные пошли на помощь своим людям и быстро выстроились перед остальными в восемь рядов. Паусаний, находясь в очень тяжелом положении и отступив на четыре или пять стадий к холму, приказал лакедемонянам и остальным союзникам продвигаться и присоединиться к нему. Сформировав там очень глубокую фалангу, он повел ее против афинян. Те приняли его атаку, но затем некоторые из них были загнаны в грязь у Галаи, а остальные отступили, и около ста пятидесяти из них были убиты. Паусаний воздвиг трофей и отступил.

Даже в этих обстоятельствах он не разгневался на них, а тайно послал в Пирей и проинструктировал тех, кто там находился, с какими предложениями они должны послать к нему и к эфорам, которые были там, послов. Они последовали его совету. Он также посеял раздор среди жителей города и посоветовал как можно большему числу людей собраться и прийти к спартанским офицерам, заявив, что они вовсе не хотят воевать с жителями Пирея, а хотят примириться и чтобы обе стороны были друзьями лакедемонян. Эфоры и комитет, назначенный для рассмотрения этого вопроса, выслушав все их заявления, отправили пятнадцать человек в Афины и приказали им, по согласованию с Паусанием, добиться наилучшего примирения сторон, насколько это возможно. Так они примирили их на условии, что те заключат мир друг с другом и вернутся в свои дома, за исключением Тридцати, Одиннадцати и Десяти, которые командовали в Пирее ( ). Если кто-либо из тех, кто находился в городе, боялся оставаться там, было решено, что они должны поселиться в Элевсине.

После того как эти договоренности были выполнены, Паусаний распустил свою армию, а группа из Пирея поднялась с оружием на Акрополь и принесла жертву Афине. Но через некоторое время, услышав, что группа в Элевсине нанимает наемников, они вышли против них *в полном составе*; и когда их командиры собрались на совещание, они казнили их, но послали к другим их друзей и родственников и убедили их примириться. И, поклявшись не помнить прошлых обид, они жили вместе под одним правительством, а народная партия соблюдала свои клятвы.⁴

СНОСКИ

[1] Этот Антифон был спутан со знаменитым оратором.

[2] *Котурн* — обувь, подходящая для любой ноги.

[3] [То есть один из причастников элеусинских мистерий].

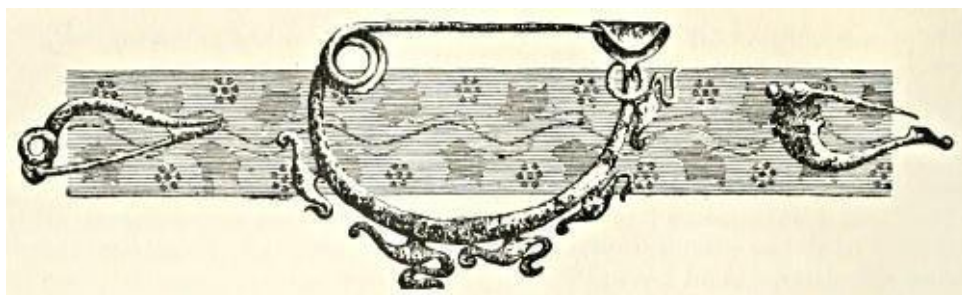
[4] [Этот любопытный метод вмешательства в интересах Афин интерпретировался по-разному. Тирлволл делает из него целую драму о благожелательной двуличности. По мнению других, Пausаний был просто движим желанием пресечь амбиции Лисандра и положить конец дальнейшим жестокостям Тридцати, которые уже завоевали всеобщую симпатию простого народа и демократического дела Афин.]

ГРЕЧЕСКАЯ ТЕРРАКОТОВАЯ ФИГУРКА

(В Британском музее)

ГРЕЧЕСКИЕ ПРЯЖКИ

(В Британском музее)

ГЛАВА XXXVIII. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

Период между поражением при Эгоспотах (октябрь 405 г. до н. э.) и восстановлением демократии, санкционированным соглашением, заключенным с Пausанием (летом 403 г. до н. э.), представляет собой два года жестоких и разнообразных страданий для Афин.

После таких лет страданий для афинского населения было невыразимым облегчением вновь обрести власть над Афинами и Аттикой, заменить своих внутренних тиранов обновленным демократическим правительством и увидеть, как их иностранные враги не только покидают страну, но даже обязуются договором поддерживать дружеские отношения в будущем. Что касается власти, то Афины были лишь тенью своего прежнего величия. У них не было империи, дани, флота, укреплений в Пирее, длинных стен, ни одного укрепленного места в Аттике, кроме самого города.

В первую эпоху своего восстановления афиняне не придавали большого значения этим потерям, настолько невыносимым было давление, от которого они только что избавились, и настолько желанным было восстановление комфорта, безопасности, собственности и независимости на родине. Сама чрезмерность тирании, совершенной Тридцатью, придала особое значение восстановлению демократии. В их руках олигархический принцип (заимствуя выражение у Берка) «фактически и мгновенно породил самое грубое из тех зол, которые были заложены в его природе»; осуществив обещание той прямолинейной олигархической клятвы, о которой Аристотель упоминает как о принятой в различных олигархических городах — причинить народу как можно больше зла. Тем более полной была реакция чувства к предшествующей демократии, даже в умах тех, кто раньше был ею недоволен. Для всех людей, богатых и бедных, граждан и метиков, сравнительное превосходство демократии во всех основных аспектах хорошего правления было теперь очевидным. За исключением тех, кто отождествлял себя с Тридцатью как партнеры, сторонники или инструменты, почти никто не чувствовал, что его жизнь и имущество были гораздо более защищены при прежней демократии и снова станут такими, если эта демократия будет восстановлена.

Первой мерой, принятой Фрасибулом и его соратниками после заключения договора с Пausанием и возвращения в город, было заключение торжественной клятвы об амнистии за прошлое с теми, с кем они только что воевали. Аналогичные клятвы об амнистии были заключены и с жителями Элевсина, как только этот город перешел под их власть. Единственными лицами, исключенными из этой амнистии, были Тридцать, Одиннадцать, которые руководили всеми их злодеяниями, и Десять, которые правили в Пирее. Даже эти лица не были окончательно изгнаны: им была предоставлена возможность явиться и предстать перед судом (что было обычной практикой в Афинах в случае каждого магистрата, покидающего свою должность); таким образом, в случае оправдания они могли бы воспользоваться амнистией наравне со всеми остальными. Мы знаем, что Эратосфен, один из Тридцати, впоследствии вернулся в Афины, поскольку сохранилась мощная речь Лисия, призывающая к правосудию в отношении него как человека, приведшего к смерти Полемарха (брата Лисия).

Кроме того, из той же речи мы узнаем, что ненависть к Тридцати среди нескольких государств, окружающих Аттику, была настолько велика, что были приняты официальные декреты об их изгнании или запрете на въезд. Сыновья даже тех из Тридцати, кто не вернулся, могли оставаться в Афинах и пользоваться своими правами граждан без

притеснений, что было редким проявлением умеренности в греческой политической борьбе.

Первым публичным голосованием афинян после заключения мира со Спартой и возвращения изгнанников было восстановление прежней демократии в чистом виде, выбор девяти архонтов и сената из пятисот по жребию, а также избрание полководцев — все как и прежде. По-видимому, этому восстановлению прежней конституции частично противостоял гражданин по имени Формисий, который, служив вместе с Фрасибулом в Пирее, теперь предложил, чтобы в будущем политические права были ограничены владельцами земли в Аттике. Его предложение, как считалось, поддерживали лакедемоняне, и оно было рекомендовано как способствующее улучшению отношений между Афинами и Спартанцами. Оно было представлено как компромисс между олигархией и демократией, исключаящий как бедных свободных граждан, так и тех, чья собственность состояла либо из движимого имущества, либо из земель за пределами Аттики; таким образом, общее число лишенных гражданских прав составило бы пять тысяч человек. Поскольку Афины теперь лишились своего флота и морской империи, а значение Пирея было значительно уменьшено не только этими потерями, но и сносом его отдельных стен и Длинных стен, Формизий и другие сочли, что настал благоприятный момент для исключения морского и торгового населения из списка граждан. Многие из этих людей, должно быть, жили в достатке и даже в роскоши, но большая часть из них была бедна, и Формизий, конечно, использовал обычные аргументы, с помощью которых пытались доказать, что бедные люди не имеют отношения к политическим решениям и действиям. Но это предложение было отклонено; оратор Лисий был среди его противников и составил речь против него, которая была произнесена или должна была быть произнесена каким-то видным гражданином на собрании.

К сожалению, от этой речи сохранился только фрагмент, в котором предложение справедливо критикуется как вредное и несвоевременное, лишаящее Афины значительной части их законной силы, патриотизма и гармонии, и даже способных служить гоплитами или всадниками людей — в момент, когда они едва поднимались из состояния полного упадка. Никогда, конечно, заблуждение, связывающее политическую порочность или неспособность с бедным положением, а политическую добродетель или здравый смысл с богатством, не было так явно разоблачено, как в связи с недавним опытом Афин. Замечание Фрасибула было вполне верным — за несколько месяцев Тридцать, при поддержке класса всадников, состоявшего из богатых людей, совершили больше злодеяний, как против личности, так и против собственности, чем бедное большинство демоса одобрило за два поколения демократии. Кроме того, мы знаем из свидетельства, неблагоприятного для демократии, что бедные афинские граждане, служивших на кораблях и в других местах, точно подчинялись своим командирам, в то время как более богатые граждане, служивших гоплитами и всадниками и претендовавших на более высокую индивидуальную оценку, были гораздо менее дисциплинированными в государственной службе.

Предложение Формисия было отклонено, и прежняя демократия была восстановлена без оговорок, вместе с постановлениями Дракона и законами, мерами и весами Солона. Но при более тщательном рассмотрении выяснилось, что вторая часть резолюции была несовместима с только что принятой амнистией. Согласно законам Солона и Дракона, виновные в злодеяниях, совершенных при правлении Тридцати, были признаны виновными и подлежали суду. Чтобы избежать этих последствий, по предложению Тисамена был принят второй псефизм, или декрет, о пересмотре законов Солона и Дракона и их повторном введении в силу с такими дополнениями и поправками, которые могли бы быть сочтены целесообразными. Пятисот граждан были только что избраны народом в

качестве *номотетов*, или законодателей, одновременно с избранием сената из пятисот человек по жребию; из этих номотетов сенат теперь выбрал нескольких избранных, чья обязанность состояла в том, чтобы рассмотреть все предложения по поправкам или дополнениям к законам старой демократии и вывесить их для общественного ознакомления перед статуями эпонимных героев в течение текущего месяца. Затем созывались сенат и весь орган из пятисот номотетов, чтобы каждый мог отдельно рассмотреть как старые законы, так и новые предложения; номотеты предварительно приносили присягу, обязывающую их принимать справедливые решения. Пока шло обсуждение, каждый частный гражданин имел право войти в сенат и высказать свое мнение с обоснованием за или против любого закона. Все законы, которые были одобрены таким образом (сначала сенатом, а затем номотетами), но никакие другие, передавались магистратам и высекались на стенах портика под названием Пециле для всеобщего сведения, как будущие регуляторы города. После того, как законы были обнародованы путем такой публичной надписи, сенат Ареопага был обязан следить за их надлежащим соблюдением и исполнением магистратами. Был назначен временный комитет из двадцати граждан, который несил общую ответственность за город в течение времени, занятого этой ревизией. Как только законы были пересмотрены и публично высечены на Позциле в соответствии с вышеуказанным декретом, были приняты два заключительных закона, которые завершили цель граждан.

Первый из этих законов запрещал магистратам действовать в соответствии с каким-либо законом, не входящим в число вывешенных, или разрешать действовать в соответствии с ним, и провозглашал, что ни один псефизм, ни сената, ни народа, не может отменять какой-либо закон. Он также возобновил старый запрет (датируемый временами Клизфена и первых истоков демократии) на принятие специального закона, налагающего прямые ограничения на любого отдельного афинянина, кроме как по результатам тайного голосования шести тысяч граждан.

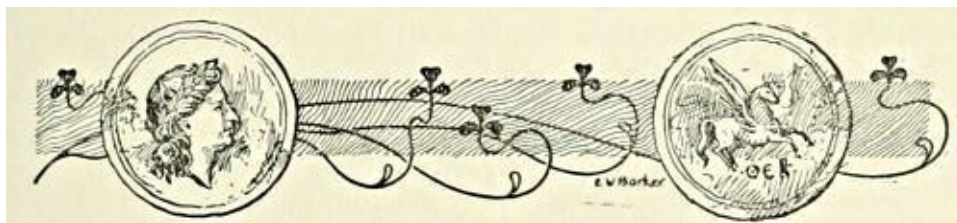
Второй из двух законов предписывал, что все судебные решения и арбитражные решения, принятые при предыдущей демократии, должны считаться действительными и не подлежащими обжалованию, но формально аннулировал все, что было принято при Тридцати. Кроме того, закон предусматривал, что пересмотренные и записанные законы должны вступать в силу только со времени архонтаства Евклида, то есть со времени назначения архонтов после недавнего возвращения Фрасибула и восстановления демократии.

Этими незабываемыми постановлениями все действия, совершенные до назначения архонта Евклида и его коллег (летом 403 г. до н. э.), были исключены из числа оснований для уголовного преследования любого гражданина. Чтобы более полно обеспечить выполнение этого положения, в присягу, которую ежегодно принимали сенаторы, а также в присягу, которую принимали гелиастические дикасты, была добавлена специальная оговорка. Сенаторы поклялись не принимать никаких обвинений и не производить никаких арестов на основании фактов, имевших место до архонтства Евклида, за исключением только « » Тридцати и других лиц, явно исключенных из амнистии и находящихся в настоящее время в изгнании. К ежегодной присяге гелиастов также было добавлено положение: «Я не буду помнить прошлые обиды и не буду поощрять других, кто их помнит; напротив, я буду голосовать в соответствии с действующими законами», которые, согласно провозглашению, вступали в силу только со времени архонтства Евклида.

Дополнительными постановлениями была обеспечена полная соответствие судебных разбирательств недавно принятой амнистии и то, что ни прямо, ни косвенно никто не будет преследоваться за проступки, совершенные до правления Евклида. И действительно,

амнистия была добросовестно соблюдена: вернувшиеся из изгнания из Пирея и всадники с другими сторонниками Тридцати в Афинах снова слились в одну гармоничную и равную демократию.

ГРЕЧЕСКИЕ ПЕЧАТИ

За восемь лет до этих событий мы были свидетелями олигархического заговора Четырехсот, который на мгновение увенчался успехом, но впоследствии был сокрушен; и мы имели возможность отметить, что в связи с этим событием победившие люди не проявили никакой реакционной жестокости, несмотря на серьезную провокацию в отношении прошлого и крайнюю тревогу за будущее. Мы заметили, что Фукидид, не являвшийся сторонником афинской демократии, выбрал именно этот случай — когда можно было бы предположить, что проявление мстительного импульса было бы вероятным и естественным — чтобы выразить самые безусловные похвалы их умеренному и мягкому поведению. Если бы историк дожил до описания правления Тридцати и последовавшего за ним восстановления, мы не сомневаемся, что его выражения были бы еще более теплыми и эмоциональными в том же смысле. Немногие события в истории, древней или современной, более удивительны, чем поведение афинского народа после восстановления демократии после свержения Тридцати; и когда мы рассматриваем это в совокупности с аналогичным явлением после смещения Четырехсот, мы видим, что ни то, ни другое не было результатом каприза или случайности момента; оба зависели от постоянных черт характера народа. Если бы мы не знали ничего, кроме событий этих двух периодов, мы были бы вправе, основываясь только на этих доказательствах, отвергнуть целую череду презрительных эпитетов — легкомысленный, вспыльчивый, ревнивый, несправедливый, жадный и т. д. — которые так часто произносились недоброжелательными или враждебными критиками в отношении афинского народа. Народ, чей привычный характер и нравственность заслуживали бы эти эпитеты, не мог бы поступать так, как поступали афиняне как после Четырехсот, так и после Тридцати. В их истории можно найти отдельные поступки, которые заслуживают сурового осуждения, но что касается постоянных элементов характера, как нравственного, так и интеллектуального, то ни один народ в истории не давал более убедительных доказательств, чем афиняне в этих двух памятных случаях.

Если мы проследим за действиями Тридцати, то увидим, что всадники и привилегированные три тысячи гоплитов в городе сделали себя сторонниками всех видов гнусных преступлений, которые только можно было вообразить, чтобы раздражать чувства изгнанников. Последние, вернувшись, увидели перед собой людей, которые без суда и следствия предали на смерть их родственников, захватили и разграбили их имущество, изгнали всех из города, а большую часть из них даже из Аттики, и удержали власть не только путем свержения конституции, но и путем приглашения и субсидирования иностранных гвардейцев. Такие зверства, задуманные и приказанные Тридцатью, были осуществлены с помощью и в интересах (как справедливо заметил Критий) тех жителей города, которых изгнанники застали по возвращении. Теперь Фрасибул, Анит и остальные изгнанники увидели, что за несколько месяцев их отсутствия их имущество было разграблено и присвоено другими: можно предположить, что их земли, которые, вероятно,

не были проданы, а переданы отдельным членам или сторонникам Тридцати, были им возвращены; но движимое имущество не могло быть возвращено, и убытки, которые они понесли, были огромны.

[403-402 гг. до н. э.]

Люди, которые стали причиной этих потерь и извлекли из них выгоду — зачастую с большой жестокостью по отношению к семьям изгнанников, как мы знаем по делу Лисия — теперь находились в Афинах, и все они были хорошо известны пострадавшим. Точно так же сыновья и братья Леона и других жертв Тридцати видели перед собой тех самых граждан, руками которых их невинные родственники были без суда и следствия отправлены в тюрьму и казнены. Масштабы причиненного зла были бесконечно больше, чем во времена Четырехсот, а провокация, по всем основаниям, как публичным, так и частным, была жестокой до степени, никогда не превосходившей в истории. Однако, несмотря на всю эту боль, еще свежую в их сердцах, мы видим, что победоносная толпа, как в первом, так и во втором случае, хоронит прошлое в безразличной амнистии и заботится только о будущем гармоничном развитии обновленной и всеобъемлющей демократии. Мы видим, как чувство общности в народе дважды противостоит чувству фракционности в восходящей олигархии; дважды торжествует над сильнейшими противоположными мотивами, над самыми горькими воспоминаниями о несправедливых убийствах и грабежах, над всем тем страстным порывом реакционных appetitов, который характеризует момент политического восстановления.

«Кровавым будет правление того царя, который возвращается в свое царство из изгнания», — говорит латинский поэт: действительно, кровавым было правление Крития и тех олигархов, которые только что вернулись из изгнания: «суров демос (замечает Эсхил), который только что избавился от нищеты». Но афинский народ, вернувшись из Пирея, продемонстрировал редкое явление восстановления после жестокого несправедливого обращения, пожертвовав всем сильным импульсом мести ради щедрого и обдуманного внимания к будущему развитию республики. Фукидид отмечает, что умеренность политической антипатии, которая преобладала в Афинах после победы народа над Четырьмястами, была главной причиной, которая возродила Афины из их великой общественной депрессии и опасности. Это замечание еще более справедливо в отношении восстановления после Тридцати, когда общественное положение Афин находилось на самом низком уровне унижения, из которого ничто не могло спасти их, кроме образцовой мудрости и патриотизма со стороны их победоносного народа. Ничто другое не могло бы позволить им осуществить это частичное возрождение — в независимую и могущественную единую государственность, хотя и лишенную имперской власти, — которое станет материалом для последующей части нашей истории.

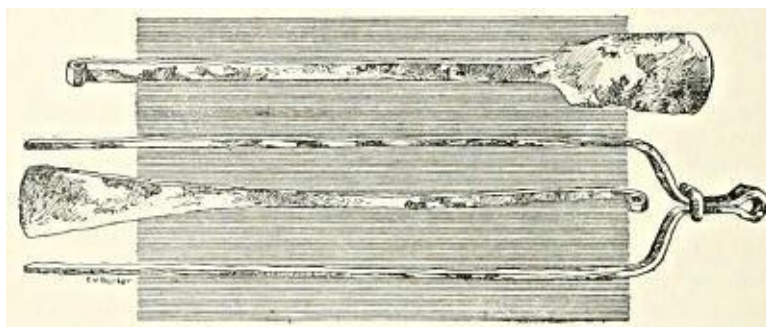
Если нам нужны были дополнительные доказательства их способности принимать самые широкие и разумные решения в сложной политической ситуации, мы могли бы найти их в «» — еще одной из их мер в этот критический период. Десять человек, которые унаследовали олигархическое президентство в Афинах после смерти Крития и изгнания Тридцати, заняли у Спарты сумму в сто талантов [20 000 фунтов стерлингов или 100 000 долларов] с явной целью вести войну против изгнанников в Пирее. После заключения мира эту сумму необходимо было вернуть, и некоторые лица предложили обратиться к имуществу тех лиц и той партии, которые взяли деньги в долг. Очевидная справедливость этого предложения, несомненно, ощущалась с особой силой в то время, когда государственная казна находилась в крайней нищете. Тем не менее, как демократические лидеры, так и народ решительно выступили против этого, решив признать долг государственным обязательством; в этом

качестве он был впоследствии ликвидирован, после некоторой задержки, вызванной нехваткой средств в казне.

Необходимость нового сбора и публикации (если можно так выразиться) законов ощущалась еще до прихода к власти Тридцати. Но такой проект было трудно реализовать без одновременного пересмотра законов в целом, устранения всех вопиющих противоречий и исправления того, что могло явно не устраивать современников по существу или по стилю. Теперь псефизм Тисамена, одна из первых мер обновленной демократии после Тридцати, предписывал такую переработку и создавал орган по переработке; но теперь был предложен и принят дополнительный указ Архина, касающийся алфавита, на котором должны были быть составлены переработанные законы. Ионический алфавит, то есть полный греческий алфавит из двадцати четырех букв, как он сейчас пишется и печатается, использовался в Афинах повсеместно в течение значительного времени — по-видимому, в течение двух поколений; но из-за упорного следования древним обычаям законы по-прежнему продолжали записываться старым аттическим алфавитом, состоящим всего из шестнадцати или восемнадцати букв. Теперь было постановлено, что этот скудный алфавит должен быть упразднен, а пересмотренные законы, а также все будущие публичные акты должны быть написаны полным ионическим алфавитом.

Отчасти благодаря этой важной реформе, отчасти благодаря ревизионному органу, отчасти благодаря посредничеству Никомаха, который по-прежнему оставался Анаграфом [«писарем» старых законов], пересмотр, запись и публикация законов в новом алфавите были наконец завершены. Но, по-видимому, на это ушло два года — или, по крайней мере, прошло два года, прежде чем Никомах предстал перед судом. По-видимому, он выдвинул ряд собственных новых предложений, которые были приняты номотетами: за это он подвергся нападкам на суде по делу об ответственности, а также по еще более серьезному обвинению в коррупции и фальсификации решений этого органа — записывая то, что они не санкционировали, или умалчивая о том, что они санкционировали.

Архонтство Евклида, непосредственно следовавшее за анархией (как назывался период правления Тридцати), стало таким образом важнейшим моментом или эпохой в истории Афин. Мы не можем сомневаться в том, что законы вышли из этой ревизии значительно измененными, хотя, к сожалению, мы не располагаем подробностями по этому вопросу. Мы знаем, что по предложению Аристофона политические права были настолько ограничены, что в будущем гражданином по рождению мог быть только сын граждан обоих родителей, тогда как ранее достаточно было, чтобы гражданином был только отец. Оратор Лисий, по своему положению метик, не только понес большие потери, едва избежав смерти от рук Тридцати (которые фактически казнили его брата Полемарха), но и внес значительную сумму для поддержки вооруженных усилий изгнанников под руководством Фрасибула в Пирее. В качестве награды и компенсации за такие заслуги последний предложил предоставить ему гражданские права, но, как нам известно, этот указ, хотя и был принят народом, впоследствии был обжалован Архином как незаконный или неформальный и отменен. Лисий, таким образом лишившись гражданства, прожил остаток своей жизни как *изотель*, или невольный человек в лучших условиях, освобожденный от особых обязанностей, возлагаемых на класс метиков.

ГРЕЧЕСКИЕ КАМИННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

(В Британском музее)

Такой отказ в предоставлении гражданства такому выдающемуся человеку, как Лисий, который действовал и страдал во имя демократии, в сочетании с вышеупомянутым указом Аристофона, подразумевает степень усиления строгости, которую мы можем объяснить лишь частично. Афины должны были обеспечить не только возобновление своей демократии. Они также должны были приспособить свое законодательство и управление к своему будущему развитию как изолированного государства, без империи и иностранных колоний. Для этой цели, должно быть, потребовались существенные изменения: среди прочего, мы знаем, что Совет Элленотамии (первоначально названный так за сбор и управление данью на Делосе, но постепенно привлекавший к себе все более расширенные функции, пока в конечном итоге, непосредственно перед приходом к власти Тридцати, не стал главным казначеем государства) был упразднен, а те из его обязанностей, которые не исчезли вместе с потерей иностранной империи, были переданы двум новым должностным лицам — казначею по военным делам и управляющему теориконом, или фондом религиозных праздников.

Пока существовала Афинская империя, граждане Афин были рассеяны по всему Эгейскому морю в самых разных качествах — как поселенцы, купцы, мореплаватели, солдаты и т. д., что, должно быть, в значительной степени способствовало смешанным бракам между ними и женщинами других греческих островных государств. Более того, нам даже известно, что жителям Эвбеи было дано специальное разрешение на *вступление в брак* с афинянами — факт (отмеченный Лисием), имеющий некоторое значение для иллюстрации тенденции афинской империи к умножению семейных связей между Афинами и союзными городами. Согласно закону, действовавшему до Евклида, каждый сын от такого брака по рождению был афинским гражданином; в то время это было выгодно Афинам, поскольку укрепляло связи их империи, и, с более широкой точки зрения, было чрезвычайно полезно для укрепления панеллинской симпатии. Но когда Афины лишились и своей империи, и своего флота и оказались ограниченными пределами Аттики, мотива для продолжения такого положения больше не осталось, и инстинктивное для греческого менталитета чувство исключительности города вновь стало преобладающим. Таково, пожалуй, объяснение нового ограничительного закона, предложенного Аристофоном.

Фрасибул и отважная горстка изгнанников, которые первыми захватили Филу, получили в награду не более тысячи драхм [40 фунтов стерлингов или 200 долларов] на общее жертвоприношение и вотивные подношения, а также оливковые венки в знак благодарности от своих соотечественников. Долг, который Афины были должны Фрасибулу, действительно был таким, что его нельзя было погасить деньгами. В значительной степени именно его личному патриотизму мы можем приписать не только восстановление

демократии, но и ее благополучное функционирование после восстановления. Насколько иными были бы последствия восстановления и поведение народа, если бы это событие было осуществлено таким человеком, как Алкивиад, применявшим свои большие способности главным образом для удовлетворения собственной алчности и укрепления своей власти!

КОНЕЦ АЛКИВИАДА

[405-403 гг. до н.э.]

К моменту восстановления демократии Алкивиада уже не было в живых. Вскоре после катастрофы при Эгоспотами он искал убежища в сатрапии Фарнабаза, больше не считая себя в безопасности от преследований лакедемонян в своих фортах на Фракийском Херсонесе. Он увез с собой значительную часть своего имущества, хотя еще больше оставил в этих фортах: как он его приобрел, мы не знаем. Но, переправившись, по-видимому, через Босфор в Азию, он был ограблен фракийцами в Вифинии и понес большие потери, прежде чем смог добраться до Фарнабаза во Фригии. Возобновив отношения личного гостеприимства, которые он заключил с Фарнабазом четыре года назад, он теперь просил сатрапа предоставить ему безопасный проход до Суз. Афинские послы, которых Фарнабаз после своего прежнего примирения с Алкивиадом в 408 г. до н. э. обязался сопроводить в Сузы, но был вынужден по приказу Кира удержать в плену, только что были освобождены из трехлетнего заключения и получили возможность спуститься к Пропонтиде; и Алкивиад, который первоначально и задумывал эту миссию, пытался убедить сатрапа выполнить обещание, которое тот дал, но не смог выполнить. Надежды оптимистичного изгнанника, возвращающегося к истории Фемистокла, заставили его ожидать в Сузах такого же успеха, какой выпал на долю последнего: и этот замысел не был невыполнимым для человека, чьи способности были всемирно известны и который уже служил министром у Тиссаферна.

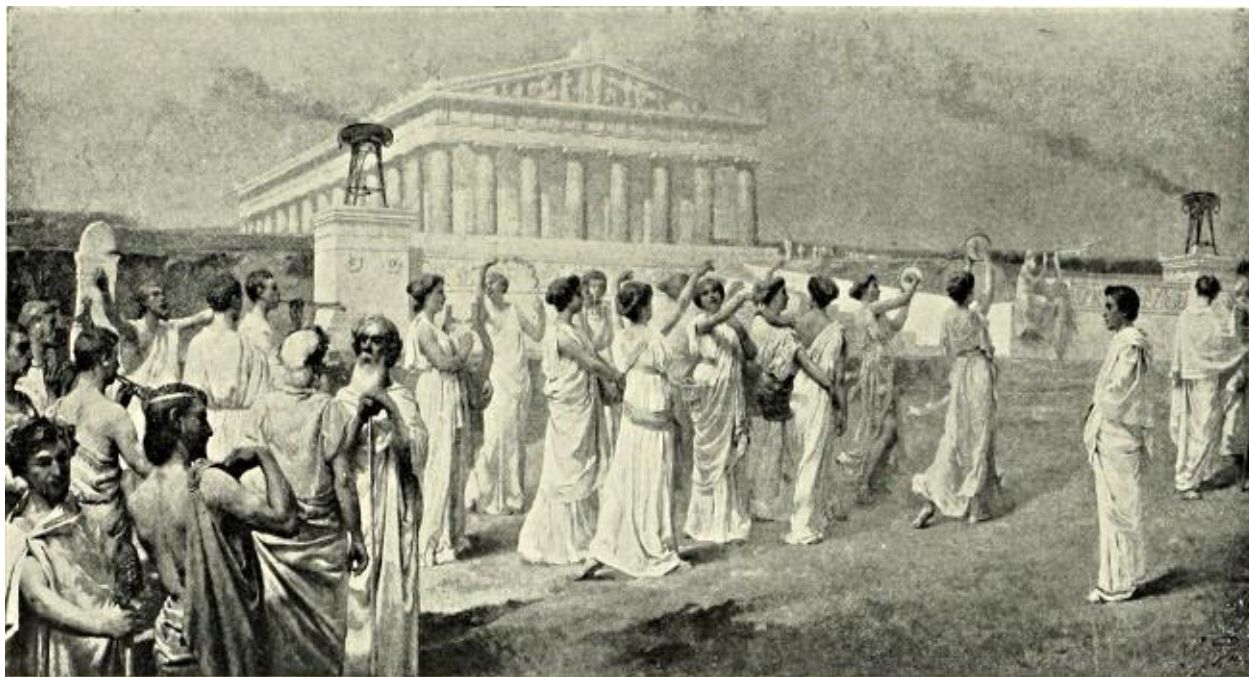
Двор в Сузах в это время находился в особом положении. Недавно умерший царь Дарий Нот был сменен своим старшим сыном Артаксерксом Мнемонем, но младший сын Кир, которого Дарий пригласил к себе во время своей последней болезни, после смерти отца попытался сместить Артаксеркса с престола — или, по крайней мере, был заподозрен в этом. Кир был схвачен и должен был быть казнен, но царица-мать Парисатис убедила Артаксеркса помиловать его и отправить обратно в его сатрапию на побережье Ионии, где он усердно, хотя и тайно, трудился, чтобы приобрести средства для свержения своего брата; это была памятная попытка, о которой мы более подробно расскажем ниже. Но его планы, хотя и тщательно замаскированные, не ускользнули от внимания Алкивиада, который хотел заслужить признание за их раскрытие в Сузах и стать инструментом их срыва. Он сообщил о своих подозрениях и о своем намерении Фарнабазу, которого он пытался пробудить, предупредив об опасности для империи, чтобы таким образом добиться своего отправления в Сузы в качестве информатора и помощника.

Фарнабаз и без того был ревнивым и враждебно настроенным по отношению к Лисандру и лакедемонянам (о чем мы вскоре увидим явные доказательства) — и, возможно, к Киру, поскольку таковы были обычные отношения соседей-сатрапов в Персидской империи ( ). Но лакедемоняне и Кир теперь были всемогущими на азиатском побережье, так что он, вероятно, не осмеливался раздражать их, отождествляя себя с миссией, столь враждебной и опасной для обоих. Соответственно, он отказался удовлетворить просьбу Алкивиада, однако разрешил ему жить во Фригии и даже назначил ему пособие. Но цели, к которым стремился изгнанник, вскоре стали более или менее известны тем, против кого они были направлены. Его неугомонный характер, предприимчивость и способности были настолько хорошо

известны, что вызывали как преувеличенные опасения, так и преувеличенные надежды. Не только Кир, но и лакедемоняне, тесно связанные с Киром, и декархии, которые Лисандр установил в азиатских греческих городах и которые удерживали свою власть только благодаря поддержке лакедемонян, — все они были обеспокоены перспективой увидеть Алкивиада снова в действии и командовании среди стольких нестабильных элементов. Несомненно, что изгнанники, которых изгнали эти декархии, и недовольные граждане, оставшиеся на родине под их властью из-за страха изгнания или смерти, поддерживали с ним переписку и видели в нем вероятного освободителя. Кроме того, спартанский царь Агис по-прежнему испытывал к нему личную неприязнь, которая уже (несколько лет назад) привела к отправке из Спарты в Азию приказа убить его. Здесь достаточно элементов враждебности, мести и опасений, направленных против Алкивиада, даже без учета рассказа Плутарха о том, что Критий и Тридцать послали Лисандру известие о том, что олигархия в Афинах не сможет удержаться, пока Алкивиад жив.

[404 г. до н. э.]

Спартанские власти отправили специальное сообщение (или скайтале) Лисандру в Азию, приказывая ему обеспечить казнь Алкивиада. Соответственно, Лисандр передал этот приказ Фарнабазу, в сатрапии которого проживал Алкивиад, и попросил его исполнить. Фарнабаз отправил своего брата Магея и дядю Сисамитра с отрядом вооруженных людей, чтобы убить Алкивиада в фригийской деревне, где он проживал. Эти люди, не осмеливаясь ворваться в его дом, окружили его и подожгли. Однако Алкивиад, сумев потушить пламя, выбежал навстречу своим нападавшим с кинжалом в правой руке и плащом, обернутым вокруг левой, который служил ему щитом. Никто из них не осмелился подойти к нему, но они обрушили на него град дротиков и стрел, пока он не погиб, не имея ни щита, ни доспехов. Женщина, с которой он жил, Тимандра, обернула его тело своими одеждами и совершила над ним все последние торжественные обряды.

ГРЕЧЕСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОЦЕССИЯ

Таково было деяние, которое Кир и лакедемоняне не постеснялись предписать, а дядя и брат персидского сатрапа — исполнить, и в результате которого этот прославленный

афинянин погиб, не достигнув пятидесяти лет. Если бы он остался в живых, мы не сомневаемся, что он снова сыграл бы заметную роль, поскольку ни его характер, ни его способности не позволили бы ему оставаться в тени, но было ли бы это выгодно для Афин, остается под вопросом. Несомненно, что, если рассматривать всю его жизнь, то добро, которое он сделал для Афин, не шло ни в какое сравнение с гораздо большим злом. Он был главной причиной катастрофической сицилийской экспедиции, хотя нельзя сказать, что это предприятие было вызвано каким-то конкретным человеком: оно было скорее результатом национального порыва. Сначала, как советник, он больше всех других способствовал тому, что афиняне ввязались в это неосторожное приключение, а затем, как изгнанник, он больше всех других (за исключением Никия) способствовал тому, что это приключение обернулось катастрофой, а его последствия — еще большей катастрофой. Без него Гиллипп не был бы отправлен в Сиракузы, Декелея не была бы укреплена, Хиос и Милет не подняли бы восстание, не возник бы олигархический заговор Четырехсот. Нельзя также сказать, что его первые три года политической деятельности в качестве афинского лидера, в ходе которых он реализовывал свои собственные замыслы — союз с Аргосом и кампании на Пелопоннесе — принесли какой-либо пользу его стране. Напротив, ведя наступательную игру, когда у него едва хватало сил на оборону, он позволил лакедемонянам полностью восстановить свою ущербную репутацию и господство благодаря важной победе при Мантинее. Период его жизни, действительно полезный для его страны и действительно славный для него самого, длился три года и закончился его возвращением в Афины в 407 году до н. э. Результаты этих трех лет успеха были сведены на нет неожиданным приходом Кира в качестве сатрапа: но именно в тот момент, когда Алкивиаду следовало проявить еще большее мастерство, чтобы реализовать свои обещания перед лицом этого нового препятствия, — в этот критический момент мы видим, как он испорчен неожиданным приемом, который недавно был устроен ему в Афинах, и с треском проваливается даже по сравнению с прежними заслугами, благодаря которым он заслужил этот прием.

Если от его достижений мы перейдем к его настроениям, целям и средствам, то в греческой истории найдется мало персонажей, которые заслуживают столь мало уважения, независимо от того, рассматриваем ли мы его как государственного деятеля или как частного человека. Его цели — это чрезмерная амбиция и тщеславие; его средства — хищнические и безрассудные, начиная с его первых переговоров со Спартой и спартанскими послами и заканчивая концом его карьеры. Маневры, с помощью которых его политические враги сначала добились его изгнания, были действительно подлыми и в высшей степени виновными. Но мы должны помнить, что если его враги были более многочисленными и жестокими, чем враги любого другого политика в Афинах, то семена этого были посеяны его собственной чрезмерной надменностью и презрением к ограничениям, как юридическим, так и социальным. С другой стороны, он ни разу не был побежден ни на суше, ни на море. Он никогда не испытывал недостатка в мужестве, способностях, предприимчивости, умении обращаться с новыми людьми и новыми ситуациями — качествах, которые в сочетании с его высоким происхождением, богатством и личными достижениями были достаточны, чтобы на время сделать его первым человеком в каждой партии, которую он поддерживал — афинской, спартанской или персидской, олигархической или демократической. Но ни в одной из них он так и не сумел завоевать прочного доверия; все они поочередно изгоняли его. В целом, мы найдем немногих людей, у которых выдающиеся способности к действию и командованию были бы так полностью испорчены совокупностью плохих моральных качеств, как у Алкивиада.^b

ЖИЗНЬ В АФИНАХ

[404-403 гг. до н. э.]

Состояние Афин после изгнания Тридцати в некоторых отношениях было, по-видимому, менее плачевным, чем то, в котором они находились после битвы при Платеях. Вполне возможно, что вторжения Ксеркса и Мардония нанесли меньший ущерб их территории, чем методичные и длительные разорения, причиненные пелопоннесцами во время Декелейской войны. Но в 479 году город, как и страна, в течение двух лет подряд находился во власти разъярённого врага. Все, что было необходимо как для украшения, так и для защиты, нужно было возводить заново. Однако казна была пуста: торговля, вероятно, еще не приносила значительных доходов и была сильно нарушена войной; государство не имело зависимых колоний или союзников, плативших дань, и находилось под пристальным вниманием самых могущественных из своих союзников.

[403-402 гг. до н. э.]

Торговля не только была прервана блокадой, но и понесла еще больший ущерб от тирании Тридцати, которые разгромили или отпугнули самых богатых и трудолюбивых иностранцев: и туча, которая продолжала висеть над перспективами государства даже после восстановления свободы и спокойствия, отпугивала тех, кто мог бы захотеть вернуться. Общественное бедствие было настолько велико, что совет с большим трудом мог обеспечить средства для покрытия обычных расходов. Даже древние жертвоприношения, предписанные священными канонами, были прерваны, потому что казна не могла выделить три таланта [600 фунтов или 8000 долларов] на их проведение; а выплата ссуды в два таланта, предоставленной фиванцами, вероятно, в помощь изгнанникам, была настолько задержана по той же причине, что возникла угроза военных действий с целью взыскания долга. Флот Афин сократился до четверти того, что он был до времени Солона, и был ограничен этим количеством договором, который нельзя было нарушить или обойти без неминуемой опасности; Пирей снова был без укреплений: арсенал был в руинах: даже городские стены нуждались в ремонте, который не мог быть произведен из-за нехватки денег; и со всех сторон были враги, которые радовались ее унижению и были побуждаемы как своими страстями, так и интересами не дать ей снова поднять голову.

Рога для питья

Коррупция в афинских судах, вероятно, началась с того момента, когда их деятельность значительно расширилась, поскольку большая часть союзников утратила независимость и была вынуждена обращаться к Афинам для разрешения всех важных дел. В то же время рост богатства и расширение торговли привели к увеличению числа судебных споров внутри страны. Народ все больше и больше интересовался судебными разбирательствами, даже до того, как его внимание привлекли к ним какие-либо другие стимулы. Введение Периклом оплаты присяжных усилило этот импульс новым мотивом, который, когда Клеон утроил ее размер, действовал еще сильнее и на более широкий класс. Значительное число граждан

начало рассматривать исполнение своих судебных функций как регулярный источник удовольствия и прибыли.

ФОРТУНА

(после Надежды)

Но распространение этой легкомысленной привычки было не самой худшей чертой афинских судов. В наиболее важных делах, уголовных преследованиях, они редко были абсолютно беспристрастными, и их обычная предвзятость была направлена против подсудимого. При исполнении своих обязанностей присяжный не забывал о своем качестве гражданина и не был равнодушен к тому, как исход судебного разбирательства может повлиять на государственные доходы, и поэтому он склонялся к решениям, которые пополняли казну конфискациями и денежными штрафами, а также служили для устрашения и унижения богатых классов, к которым он относился с ревностью и завистью. На этом печально известном характере судов основывалась власть позорных льстецов, которые жили за счет вымогательства и обычно выбирали объектами своих нападок богатых граждан с робким характером и спокойными привычками, которые были неспособны защищать себя и боялись появляться на публике. Такие люди могли, конечно, нанять адвоката, но обычно считали за лучшее подкупить доносчика, чем подвергать себя риску и несомненным неудобствам судебного разбирательства. Иностранцы, проживавшие в Афинах, не были избавлены от этой неприятности; и хотя они не были объектами страха или зависти, они находились в очень невыгодном положении в споре с афинским обвинителем. Но прежде всего благородные и состоятельные граждане подчиненных государств имели основания трепетать при мысли о том, что их могут вызвать в Афины, чтобы ответить на любые обвинения, которые легко было выдумать против них и связать с обвинением в враждебных намерениях или нелояльных чувствах, и были готовы заткнуть рты ораторам золотом.

Нет никаких сомнений в существовании тех зол и пороков, которые мы описывали, хотя наиболее полная информация, которой мы располагаем по этому вопросу, почерпнута не из чисто исторических источников, а из драматических сатир Аристофана. Однако все еще может оставаться вопрос о том, в какой степени следует учитывать комическое преувеличение или политические предрассудки поэта; и кажется вероятным, что краски, которыми он изобразил своих соотечественников, в некоторых отношениях слишком мрачны. О том, что большинство народа не опустилось до такой степени разврата, можно судить по скорби и возмущению, которые, как свидетельствуют записи, он проявлял в некоторых случаях, когда его вводили в заблуждение и он выносил несправедливый приговор, запятнав себя кровью невинных: как Калликсен, который, однако, не был хуже других сикофантов, хотя и был среди тех, кто вернулся после изгнания Тридцати и воспользовался амнистией, умер, всеми ненавидимый, от голода.

АРИСТОФАН

[ок. 425-400 гг. до н. э.]

Патриотизм Аристофана был честным, смелым и в целом мудрым. Он еще не достиг возраста, в котором закон позволял поэту состязаться за драматическую премию, и поэтому был вынужден использовать чужое имя, когда в год после смерти Перикла он создал свое первое произведение, в котором его главной целью, по-видимому, было показать контраст между древними и современными нравами. В следующей пьесе его насмешки были направлены скорее на недостатки или извращения политических институтов и, возможно, на демократическую систему заполнения государственных должностей по жребию. Однако в обеих пьесах он, вероятно, подверг критике многих из самых заметных деятелей того времени ( ) и либо личной сатирой, либо нападками на злоупотребления, благодаря которым процветали демагоги, вызвал враждебность Клеона, который пытался уничтожить его с помощью судебного преследования. Номинальным основанием для этого, по-видимому, было утверждение, что поэт, который, по некоторым сведениям, был дорийского происхождения, не имел законного права на избирательное право. Но на самом деле его обвиняли в том, что в своей последней комедии он подверг афинскую магистратуру насмешкам иностранных зрителей. Однако Клеон потерпел неудачу; и хотя попытка была повторена еще раз или два, возможно, другими врагами Аристофана, она провалилась настолько, что, по-видимому, вскоре ему вновь удалось беспрепятственно пользоваться общественной поддержкой; и он не только был воодушевлен отомстить Клеону новой пьесой, в которой демагог был показан лично и был представлен самим поэтом, — который, как говорят, не мог найти актера, который взялся бы за эту роль, и даже не смог найти подходящую маску для нее, — но в то же время он рискнул провести эксперимент, который, по-видимому, никогда раньше не проводился на комедийной сцене.

АРИСТОФАН

Народ привык видеть, как на сцену выходят самые выдающиеся афинские государственные деятели и полководцы и представляются в смешном свете, но он еще никогда не видел своего собственного отражения, как в зеркале, которое отражало бы основные черты его характера, конечно, не без преувеличения, присущего случаю, но все же с правдивостью, которую нельзя было бы ошибочно истолковать или обойти. Это было сделано в той же пьесе, которая разоблачала наглость и алчность Клеона; а глупости и недостатки собравшейся толпы, которая под своим собственным именем Демос предстает в виде старого старческого, не лишнего хитрости, но неспособного управлять собой, наиболее ярко подчеркиваются присутствием ее недостойного фаворита, который представлен не по имени, но так, что его можно сразу узнать, как лживого, вороватого, жадного, льстивого пафлагонского раба. Смелость поэта увенчалась таким успехом, что вместо того, чтобы оскорбить публику, он получил первую премию; но во всех других отношениях он не достиг своей цели, поскольку Клеон, как мы видели, сохранил свое влияние до конца жизни, а народ проявил столь же малое желание исправить свои привычки и изменить свои меры, как если бы портрет, который он увидел, был не менее симпатичным, чем забавным. Но исход этой попытки не удержал его от другой, которая, если бы не аплодисменты, венчавшие первую, могла бы показаться столь же опасной. Как в *«Всадниках»* он направил свою сатиру против верховного собрания, так и в *«Осах»*, которые он представил за год до смерти Клеона, он атаковал другую крепость его власти, суды, с еще более острым насмешками.

Средства, с помощью которых Аристофан передавал свои политические уроки, какими бы странными они ни казались нам, вероятно, были выбраны мудро, с целью как привлечь внимание зрителей к своей практической цели, так и смягчить строгость своих наставлений и порицаний. Поскольку время сохранило лишь несколько фрагментов ранних и современных произведений комедийного жанра, только из отчетов древних критиков мы можем составить какое-либо представление о его отношениях с театральными конкурентами. Говорят, что он не только внес несколько улучшений в структуру старой политической комедии, доведя ее до высшего совершенства, но и смягчил резкость и грубость своего старшего соперника Кратина, которого описывают как комического Эсхила. Не совсем ясно, в каком смысле следует понимать это утверждение, поскольку трудно представить, что сатира Кратина могла быть более свободной или разнузданной. Но разница, по-видимому, заключалась в неподражаемом изяществе, с которым Аристофан обращался с каждой темой, которую он затрагивал. Нам известно, что даже в этом качестве

его превосходил Эуполис, который, как говорят, также проявлял больше энергии воображения при придумывании своих сюжетов. Еще одно свидетельство представляет Эуполиса как более похожего на Кратина в жестокости и грубости своих инвектив; а свидетельство философа Платона, который в эпитафии назвал душу Аристофана святилищем Граций, изучал его произведения как образец стиля для составления своих собственных диалогов и удостоил его места в одном из своих шедевров, кажется достаточным доказательством того, что, по крайней мере, в элегантности его вкуса и изяществе его юмора ему не было равных.

Насколько Аристофан был серьезен в своем предмете, насколько он был далек от того, чтобы рассматривать его просто как повод для проявления своего искусства, и насколько он был мало подвержен личным предубеждениям, которые иногда ему приписывали, доказывается не столько остротой его насмешек, сколько теплотой его любви к Афинам, которая проявляется даже под комической маской. В своих сохранившихся пьесах он нигде не выражает желания изменить форму афинских институтов. Он только сожалеет о коррупции общественного духа, указывает на ее признаки и причины и нападает на людей, которые ей способствуют. Он искренне любит Афины другой эпохи, но эта эпоха не является далекой древностью; она, если и не входит в его собственную память, то достаточно близка, чтобы ее помнили пожилые зрители. Он действительно оглядывается на дни Мильтиада и Аристида как на период, когда слава Афин была на пике. Но и времена Миронида и Фукидида, соперника Перикла, по его мнению, также относятся к старым добрым временам, по которым он тоскует; а беды его собственного времени имеют еще более недавнее происхождение. Он связывает их с мерами Перикла, с положением, в которое тот поставил Афины по отношению к подчиненным государствам, и прежде всего с войной, в которую он втянул Афины.

Пелопоннесскую войну он рассматривает как исключительно дело рук Перикла и предпочитает приписывать ее его опасениям за собственную безопасность или влиянию Аспасии, а ссору с Мегарой — лишь поводом или прикрытием для нее. Он считает войну основной причиной власти таких демагогов, как Клеон и Гипербол. Он надеется, что, если мир будет восстановлен, народ вернется к своим сельским занятиям, старым вкусам и привычкам, что ассамблея и суды перестанут привлекать людей, что сократится количество судебных разбирательств и исчезнет профессия сикофантов. В *«Всадниках»* Клеон упрекается в том, что он стал причиной отклонения предложений Спарты, потому что знал, что именно война дает ему возможность грабить подчиненные города, и что, если народ будет освобожден от ограничений городских стен и вновь вкусит блага мира и сельской жизни, он больше не сможет использовать его в своих целях. Отсюда мы, возможно, можем сделать вывод, что когда в конце той же пьесы Демос (олицетворение народа) появляется, как будто только что поднявшись из волшебного котла, обретя силу и красоту юности, в одежде и с осанкой, достойными спутника Аристида и Мильтиада ( ), с открытыми глазами, осознающими свои прошлые ошибки, и с намерением исправить их, поэт не считал представленное таким образом изменение безнадежным и тем более не хотел дать понять, что оно невозможно.

Не без основания Аристофан, как и все афиняне, которые любили и сожалели о древних временах, с отвращением относился к софистическим кругам, считая их не только семинариями демагогов и льстецов, но и школами безбожия и разврата. Внимание афинской молодежи отвлекалось от военных и спортивных упражнений, от полевых игр и от наслаждения досугом, который когда-то считался самым ценным привилегией греческого свободного человека, к сидячим занятиям, которые в лучшем случае только раздували их самодовольство и побуждали их отбросить скромность, присущую их возрасту, и преждевременно выходить на публику, чтобы продемонстрировать свои новые знания и

вытеснить старших и более серьезных граждан с бемы или преследовать их в народных трибуналах: это само по себе он считал большим злом.

В последней сцене «Всадников» одно из решений, которое принимает Демос, заключается в том, что он запретит безбородым юношам, которые теперь проводят так много времени в общественных местах, где они развлекаются, обсуждая достоинства ораторов на техническом языке, посещать агору и Пникс и заставит их ходить на охоту, вместо того чтобы принимать декреты. Но еще более тревожным злом было то, что в качестве подготовки к этому пагубному результату религиозные убеждения молодых афинян должны были быть поколеблены, их нравственные чувства извращены, их почтение к максимам и обычаям древности уничтожено; что предметы, которые никогда прежде не рассматривались, кроме как с ужасающим отчуждением — существование и природа богов, обязательства, вытекающие из семейных и гражданских отношений — должны были подвергаться тщательному и непочтительному рассмотрению. По мнению Аристофана, было относительно неважно, какой оборот приняли такие дискуссии или какова была точная природа софистических теорий. Вред был уже нанесен, когда столь священные вещи стали предметом исследования и споров. Но он видел зло гораздо яснее, чем средство от него. Он хотел бы вернуть своих соотечественников на полвека назад и заставить их оставаться на той стадии, которой они достигли в своем интеллектуальном прогрессе; и кажется, что он хотел бы видеть школы новой философии насильственно подавленными и с этой целью пытался направить народное возмущение против них. Единственный случай, когда эта попытка увенчалась успехом, был тем, в котором сам поэт, будь он лучше осведомлен, наверняка хотел бы, чтобы она провалилась.

ЕВРИПИД

Аристофан внимательно следил за всеми проявлениями софистического духа и был достаточно проницателен, чтобы понять, что они не ограничивались какой-то конкретной сферой, а пронизывали все области мысли и действия. Естественно, он с особым вниманием наблюдал за его влиянием в тех областях литературы и искусства, которые были наиболее близки ему самому. Он смог проследить его в нововведениях, которые произошли в музыке и лирической поэзии, но прежде всего в трагической драме: и Еврипид, последний из трех трагических поэтов, известных нам по своим произведениям, казался ему одним из самых опасных софистов и по этой причине был одним из главных объектов его язвительного насмешки. Серьезность, с которой Аристофан нападал на него, по-видимому, усиливалась по мере роста его репутации; из трех комедий, в которых он фигурирует, последняя, поставленная после его смерти, содержит гораздо более суровую и тщательно продуманную критику его поэзии. Однако не совсем точно, был ли Еврипид даже в конце своей карьеры так же популярен, как Софокл. В ответе на вопрос Сократа в разговоре, который, вероятно, слышал Ксенофонт в конце Пелопоннесской войны, Софокл упоминается как бесспорно самый замечательный в своем искусстве.

Часто отмечалось, что успех Еврипида, если его измерять наградами, которые он, как говорят, получил, не кажется очень большим: и, возможно, есть основания подозревать, что он во многом обязан аплодисментами, которые получал при жизни, благосклонности партии, которая была сильна скорее своим положением и богатством, чем численностью; той же, которую, как говорят, возглавлял Алкивиад и которая лишила Аристофана награды.

Алкивиад нанял Еврипида, чтобы тот прославил его олимпийские победы, и его покровительство было достаточно, чтобы распространить славу поэта как в своей стране, так и за рубежом. Анекдот о славе, которую он приобрел на Сицилии, вполне согласуется с этой точкой зрения, как и приглашение, которое он получил незадолго до своей смерти от

Архелая Македонского, при дворе которого он и закончил свою жизнь, и восхищение, которое выразил ему Дионисий Сиракузский, купив по высокой цене его таблички и перо, чтобы посвятить их в храме Муз.

Аристофан был далек от того, чтобы быть слепым к поэтическим достоинствам Еврипида, настолько, что его соперники обвиняли его в заимствовании у него, и в одной из своих утраченных пьес он признавал, что в своей дикции он подражал лаконичности трагического поэта, но утверждал, что его мысли были менее вульгарными. Насколько тщательно он изучал произведения трагической драмы, насколько ярко он воспринимал подлинный характер греческой трагедии и особый гений каждого поэта, достаточно хорошо доказывает то, как он вел вымышленный спор между Эсхилом и Еврипидом. Но его критика, вероятно, была бы менее суровой, если бы он не считал Еврипида менее значимым в его поэтическом характере, чем в его связи с софистической школой. Еврипид действительно был учеником Анаксагора и, вероятно, Протагора и Продика. Говорят, что в его доме Протагор прочитал одно из его произведений, за что был обвинен в атеизме. Он также был в близких отношениях с Сократом, который, как сообщают, помогал ему в написании трагедий, и, возможно, действительно делал это, так же как Продик и Анаксагор; и эта связь, как мы увидим, сама по себе была для Аристофана достаточным основанием для подозрений и неприязни. Сила Еврипида заключалась в страстных и трогательных сценах, и он, как и другие поэты, искал ситуации и персонажей, которые давали ему наилучшую возможность проявить свои способности. Но он слишком часто поддавался искушению воздействовать на чувства зрителей, показывая страдания, которые были совершенно чужды героическому достоинству людей, которые их переносили, и которые поэтому были унижены вызываемым ими сочувствием. Страдания его героев часто заключались главным образом в телесных лишениях, которые могли пробудить только сочувствие животной природы зрителя.

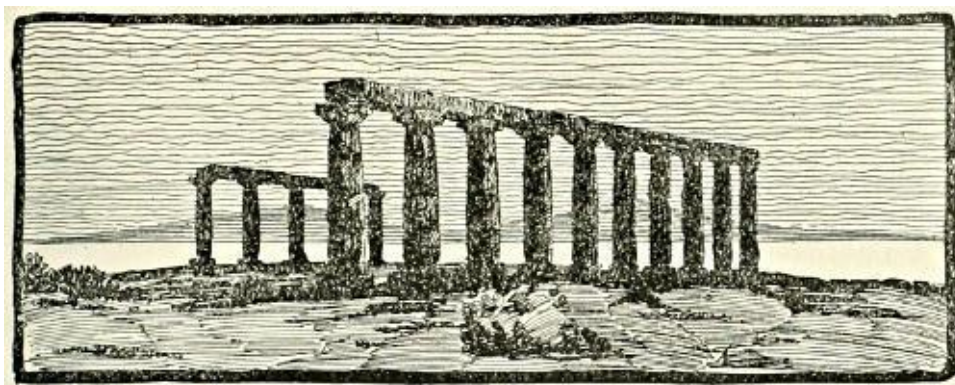
Его нерелигиозность контрастирует с благочестием Эсхила, который призывает богиню Элевсинских мистерий; эта намекающая фраза после преследования Алкивиада легко давала понять, к какой партии принадлежал Еврипид. Вероятно, с той же точки зрения Аристофан рассматривал пьесы, основанные на рассказах о преступных страстях.

Еврипид, несомненно, был побужден выбрать такие темы, некоторые из которых были новыми для греческой сцены, главным образом потому, что они давали ему возможность проявить свой особый драматический талант. Но в его руках они редко не давали повода для софистической защиты поведения, противоречащего греческим обычаям и чувствам, что для Аристофана казалось гораздо более вредным, чем сам пример. Но его пьесы были также перемежаны моральными парадоксами, которые, как говорят, не раз вызывали возмущение зрителей. Очень известной стала строка, в которой самый благочестивый из его героев проводит различие между клятвой языка и клятвой ума, используя формулировку, которая могла бы служить оправданием любого клятвопреступления, и Аристофан останавливается на ней, по-видимому, как на яркой иллюстрации софистического духа. Похоже, что эти и другие упомянутые нововведения не могли быть призваны вызвать всеобщий восторг публики. Хотя мы должны отвергнуть рассказ некоторых его греческих биографов, который, к тому же, не согласуется с хронологией, о том, что судьба его учителя Анаксагора отвратила его от философских поисков и побудила обратить свои мысли к драматургии, мы все же могли бы удивляться его неосмотрительности, если бы не казалось вероятным, что он стремился удовлетворить вкусы не столько широкой публики, сколько того класса людей, которые получали удовольствие от новых знаний, и был на самом деле

любимым поэтом не столько простого народа, сколько партии, которая становилась все более и более влиятельной на протяжении всей его драматической карьеры.

Однако Еврипид занимает лишь второстепенное место среди учеников и сторонников софистической школы, которых атаковал Аристофан. Лицом, которое он выбрал в качестве ее представителя и на которого он пытался возложить всю тяжесть обвинений, которые он выдвигал против нее, был Сократ. В комедии *«Облака»*, поставленной в 423 году, через год после того, как *«Всадники»* были встречены с таким восторгом, Сократ был выведен на сцену под своим собственным именем как главный софист, учитель школы свободомыслия. История рассказывает о молодом расточительном человеке, который из-за своей страсти к лошадям вверг своего отца в долги и, будучи передан под опеку Сократа, благодаря его наставлениям научился обманывать своих кредиторов, но также научился считать сыновнее послушание и уважение, а также благочестие к богам беспочвенными и устаревшими предрассудками; и вряд ли можно усомниться в том, что под этим персонажем поэт имел в виду Алкивиада, которому он идеально подходит по общим чертам и который, возможно, вызывал у зрителей ассоциации, которые сейчас не воспринимаются читателем. На первый взгляд кажется, что в этом произведении Аристофан должен быть признан виновным либо в самых гнусных мотивах, либо в грубой ошибке. Ведь характер Сократа в большинстве пунктов прямо противоречил принципам и практике, которые он приписывает здесь и в других местах софистам и их последователям. Тем не менее, в *«Облаках»* этот замечательный человек предстает в самом отвратительном и смешном свете, и пьеса заканчивается тем, что отец заблудшего юноши готовится уничтожить его и его школу.^с

Остатки храма в Метапонте

ГЛАВА XXXIX. СОКРАТ И СОФИСТЫ

Только после того, как выдающиеся таланты Перикла успокоили бури войны и междоусобиц, наука, которая за это время получила большое развитие среди азиатских греков, возродилась в Афинах с новой силой. Анаксагор из Клазомен, наставник и друг Перикла, воспитанный в духе ионийской школы, как говорят, первым ввел в Афинах то, что можно по праву назвать философией. Ему приписывают первое введение в европейской Греции идеи одного вечного, всемогущего и всеблагого Существа или, как он, по словам Фалеса, выразился, совершенного разума, независимого от тела, как причины или создателя всех вещей. Боги, почитаемые в Греции, конечно, не пользовались у него большим уважением; солнце и луна, обычно считавшиеся божествами, были для него просто материальными субстанциями, солнце — каменным шаром, луна — землей, почти похожей на нашу. Учение, столь противоречащее системе, от которой зависела оценка всех праздников, процессов, жертвоприношений и оракулов, столь очаровывавшей простой народ, вряд ли могло распространяться без осуждения. Даже наука, которая позволяла людям рассчитывать затмения, была оскорбительной, поскольку она снижала важность и мешала прибыли жрецов, авгуров, толкователей и провидцев. Поэтому против Анаксагора было выдвинуто обвинение в безбожии; общее мнение было на стороне обвинителей, и все, что власть и влияние Перикла могли сделать для его уважаемого друга, — это обеспечить ему возможность бежать из Аттики.

Но в то время как физические и метафизические спекуляции занимали людей, имеющих свободное время, другие науки были более привлекательными для амбициозных и нуждающихся. Афины всегда были великим полем для приобретения славы и прибыли в этой области; однако первыми, кто достиг в ней выдающихся успехов, были иностранцы: Горгий из Леонтины на Сицилии, Продик с маленького острова Кеос и Гиппий из Элиды. Говорят, что все они приобрели значительные богатства благодаря своей профессии. Их успех побудил многих последовать их примеру, и Греция, но особенно Афины, вскоре наполнились теми, кто под именем софистов, профессоров мудрости, брался преподавать все науки. Дефицит и дороговизна книг придавали большую ценность тем знаниям, которые мог передать человек с богатым интеллектом и готовой и ясной речью. Никто, не обладая красноречием, не мог взяться за преподавание, так что софисты, давая уроки красноречия, сами были примером. Они часто бывали во всех общественных местах: на агоре, в общественных прогулочных зонах, в гимназиях и портиках, где они привлекали к себе внимание, демонстрируя свои способности в спорах друг с другом или с теми, кто хотел с ними поговорить.

Профессия софиста процветала не так давно, и ни один афинянин не приобрел славы в какой-либо области философии, когда необычные таланты, необычные манеры и увлечения Сократа, сына Софроника, привлекли внимание общественности. Его отец был скульптором и не упоминается как особо выдающийся в своей профессии, но как человек он, по видимому, пользовался уважением среди самых выдающихся деятелей республики: он был особенно близок с Лисимахом, сыном великого Аристиды. Сократ, унаследовавший весьма скудное состояние, был полностью поглощен приобретением и передачей знаний. Возвышенные принципы теологии, которым учил Анаксагор, рано произвели на него глубокое впечатление. Они побудили его задуматься о том, каким должно быть отношение человека к такому Существованию, каким Анаксагор описывал своего Создателя; и ему пришло в голову, что, если провидение Бога вмешивается в управление этим миром, то отношение человека к человеку, которое поэты и священники мало рассматривают как связанное с

религией и которое до сих пор почти полностью игнорировалось философами, должно быть основной частью отношения человека к Богу. Ему также пришло в голову, что, несмотря на грубые недостатки, которые он видел в религии, морали и правительствах Греции, хотя излюбленные исследования философов, касающиеся природы Божества, образования мира, законов небесных тел, могли, развлекая, возможно, также расширять и совершенствовать умы нескольких спекулятивных людей, тем не менее, исследование социальных обязанностей было бесконечно более важным и могло быть бесконечно более полезным для человечества в целом. Наделенный от природы чрезвычайно проницательным умом и необыкновенной красноречивостью, он уделил этому исследованию все свое внимание; и когда, благодаря размышлениям, подкрепленным беседами с софистами и другими способными людьми, он приходил к какому-либо мнению, он сообщал его не в виде наставления, которое, как показала судьба Анаксагора, было опасно, а путем постановки вопроса и, в ходе вопрошающего спора, приводил своих слушателей к правильному выводу.

Его ученик Ксенофонт рассказывает нам, как он проводил время. Он всегда был на публике. Рано утром он ходил на прогулки и в гимнасии; когда агора наполнялась, он был там; а днем — везде, где мог найти больше всего компании. Обычно он был главным оратором. Живость его манеры делала его беседы увлекательными и поучительными, и он никому не отказывал в их преимуществах. Тем не менее он был очень терпеливым слушателем и предпочитал быть слушателем, когда другие были способны и готовы дать ценную информацию компании. Он обычно не отказывался от приглашений, которые часто получал, на частные развлечения, но не брался за частные уроки, и никакие уговоры не могли заставить его облегчить свою бедность, приняв, как софисты и риторика, вознаграждение за то, что он давал публично.

В разнообразии своих высказываний о социальных обязанностях ему было нелегко, и, возможно, он и не желал полностью избегать религиозных или политических тем, опасных в условиях ревнивой тирании демократии. Остается вопросом, насколько он был подвержен суеверию, но его честность настолько очевидна, что справедливее будет приписывать ему некоторую слабость в легковёрности, чем какое-либо намерение обмануть. Если верить его собственному рассказу, переданному двумя его главными учениками, он считал себя божественно вдохновленным к делу, которому посвятил свою жизнь, исследуя и обучая обязанностям человека перед человеком. По его представлению, божественный дух постоянно сопровождал его; его голос, отчетливо слышимый, никогда не давал ему явных повелений, которые он не был готов выполнить, но часто запрещал то, что он намеревался сделать. Раскрытие природы Божества не входило в число его притязаний. Он только настаивал на совершенной доброте и совершенной мудрости Верховного Бога, создателя всех вещей, и на постоянном надзоре его провидения над делами людей. Включая в это, он считал, что все, что делается, говорится или просто желается людьми, известно Божееству, и что невозможно, чтобы оно было довольно злом. Единство Бога, хотя и подразумеваемое во многих из его известных речей, он не утверждал прямо, а скорее осторожно избегал споров о существовании многочисленных богов, признаваемых в Греции, но решительно отрицал слабости, пороки и преступления, обычно приписываемые им. Однако, не предлагая никаких нововведений в формах поклонения и религиозных обрядах, столь разнообразных в разных греческих государствах и вызывающих больше сомнений и споров, чем любые другие обстоятельства языческой религии, он считал, что люди не могут поступать неправильно в этих вопросах, если они следуют законам своей страны и уставам своих предков. Поэтому он регулярно приносил жертвы как на общественных алтарях, так и в своей семье. Он, по-видимому, был убежден, что божество различными знаменами открывает людям будущее: в оракулах, снах и всеми другими способами, обычно признаваемыми теми, кто знаком с известной наукой о гадании. «Там, где мудрость людей

бессильна, — говорил он, — мы должны стремиться получить информацию от богов, которые не откажут в понятных знамениях тем, кому они благосклонны». Соответственно, он сам обращался к оракулам и рекомендовал то же самое делать другим при любом сомнении по важным вопросам.

Обстоятельства афинского правительства в его время не могли побудить человека с его характером предлагать себя для политических должностей. Он считал, что может быть гораздо более полезен своей стране в той особой сфере, которую он выбрал для себя и которую действительно можно было бы назвать общественной. Он не только не стремился к должности, но и не принимал участия в политической борьбе. Во время нескольких революций он вел себя совершенно пассивно. Но он не отказывался ни от чего: напротив, он активно участвовал во всем, что считал своим гражданским долгом. Когда его призвали служить в тяжелом вооружении, он был образцовым рядовым солдатом и в этом качестве сражался при Потидее, Амфиполе и Делионе. Мы находим упоминания о нем на гражданской службе: в одно время он был президентом общего собрания, а в другое — членом совета пятисот. В каждой ситуации он отличался своей непоколебимой честностью. Будучи президентом, он сопротивлялся насилию собравшегося народа, который проголосовал за декрет, по сути или по форме противоречащий конституции. Ни мольбы, ни угрозы не могли заставить его дать необходимое одобрение своей должности. Как члена совета мы уже видели его в должности притана на суде над шестью полководцами, упорно сопротивляющимся несправедливости народной тирании, но бесполезным из-за отсутствия такой же стойкости у его коллег, которые поддались буре. Под властью Тридцати мы снова видели его, правда, не на должности, но осмелившегося отказаться от должности, недостойной и незаконной, которую тирания всемогущего Крития хотела возложить на него.

Мы не знаем, когда Сократ впервые прославился как софист, поскольку в то время его относили к этой категории людей. Когда Аристофан в театре направил свой юмор против него, он уже был одним из самых выдающихся, но его выдающееся положение, по-видимому, было тогда еще недавним. Это было примерно в десятый или одиннадцатый год Пелопоннесской войны ( ), когда ему было шестьдесят четыре или шестьдесят пять лет, что, по обычаю старой комедии, он был выставлен на публичное посмеяние на сцене под своим собственным именем, как один из персонажей драмы, в комедии Аристофана под названием «Облака», которая сохранилась до наших дней. Зрители, привыкшие безразлично относиться к клевете и считать законным и уместным все, что может развлечь толпу, аплодировали остроумию и даже одобрили произведение, но высокая оценка характера Сократа помешала поэту добиться того полного успеха, на который он рассчитывал. Корона, которой награждали автора пьесы, наиболее понравившейся публике, и которую Аристофан так часто выигрывал, в этот раз ему не была присуждена.

Прошло двадцать два года с момента первой постановки «Облаков»; прошли бурные времена завоеваний, вызванных иностранным врагом и четырьмя революциями в гражданском правительстве страны; последовали почти три года спокойствия, которое принесла революция под руководством Фрасибула и которое должно было быть закреплено актом амнистии, когда молодой человек по имени Мелет пошел к царю-архонту, в обычной форме подал информацию против Сократа и обязался возбудить против него судебное преследование. Обвинение было следующим: «Мелет, сын Мелета, из района Питтос, под присягой заявляет следующее против Сократа, сына Софрониска, из района Алопеке: Сократ виновен в поношении богов, которых признает город, и в проповеди других новых богов; кроме того, он виновен в развращении молодежи. Наказание — смерть».

ГРЕЧЕСКАЯ ТЕРРАКОТА

(В Британском музее)

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ СОКРАТА

[399 г. до н. э.]

Ксенофонт начинает свои *«Воспоминания»* о своем уважаемом учителе с того, что выражает удивление тем, как афиняне могли быть убеждены приговорить к смерти человека, который был настолько явно невиновен и обладал столь высокими достоинствами. Элиан, хотя и не сравнимый по авторитету с Ксенофонтом, тем не менее, по нашему мнению, дал ответ на этот вопрос. «Сократ, — говорит он, — не любил афинскую конституцию. Он видел, что демократия тиранична и изобилует всеми пороками абсолютной монархии». Но хотя политические обстоятельства того времени заставляли современных писателей высказываться с осторожностью, тем не менее и Ксенофонт, и Платон заявили достаточно, чтобы показать, что утверждение Элиана было обоснованным; и дальнейшее доказательство, если оно необходимо, можно извлечь из другого раннего писателя, почти современника и глубоко сведущего в политике своего времени, оратора Эсхина. Действительно, хотя это и не было указано в обвинительном заключении, но обвинители Сократа в суде утверждали, что он был недоволен демократией; и в доказательство они утверждали, что всем известно, что он высмеивал то, что предписывала афинская конституция, а именно назначение на магистратские должности по жребию. «Таким образом, — говорили они, — он учил своих многочисленных последователей, молодых людей из ведущих семей города, презирать установленный порядок вещей, быть буйными и мятежными; и его успех был виден в поведении двух самых выдающихся из них, Алкивиада и Крития. Даже лучшие вещи он обращал в свои злые цели: из произведений самых уважаемых поэтов, и в частности Гомера, он выбирал отрывки, чтобы подкрепить свои антидемократические принципы».

Сократ, по-видимому, действительно не был склонен отрицать свое неодобрение афинской конституции. Сама его защита, как сообщает Платон, содержит материалы, на основании которых можно было бы обвинить его в нелояльности по отношению к суверенитету народа, что в условиях ревливой тирании афинской демократии иногда подвергало человека наказанию за государственную измену. «Вы хорошо знаете, — говорит он, — афиняне, что, если бы я занимался общественными делами, я бы давно погиб, не принеся никакой пользы ни вам, ни себе. Пусть правда вас не обижает: это не особенность вашей демократии или вашего национального характера; но везде, где народ является сувереном, ни один человек, осмеливающийся честно противостоять несправедливости, частым и чрезмерным проявлениям несправедливости, не может избежать гибели».

Без этого доказательства мы могли бы вполне обоснованно полагать, что, хотя Сократ был хорошим и верным подданным афинского правительства и не способствовал бы

никаким мятежам или политическому насилию, он все же не мог любить афинскую конституцию. Он желал здоровых перемен, достигаемых мягкими средствами, и, по-видимому, главной целью его деятельности было привить подрастающему поколению принципы, которые могли бы незаметно привести к желаемым переменам. Его ученики были в основном сыновьями самых богатых граждан ( ), чье благополучное положение позволяло им посещать его занятия; некоторые из них с энтузиазмом принимали его учение, другие просто восхищались остроумием его аргументов и живостью его манеры и, желая повторить его триумфы над оппонентами, по его примеру с готовностью вступали в споры по всем темам, которые он обычно обсуждал. Таким образом, занимаясь этим и имея таких последователей, хотя сам он избегал должностей и публичных дел, те, кто управлял или желал управлять государством благодаря своему влиянию на многих, могли, возможно, не без оснований считать его тем, кто был или мог стать грозным противником; и, вероятно, не было трудно возбудить против него народную ревность.

Мелет, который выступил в качестве его главного обвинителя, был, по словам Платона, человеком, не пользовавшимся большим уважением. К нему вскоре присоединился Ликон, один из самых влиятельных ораторов своего времени и явный покровитель риторов, которые, как и поэты, считали, что учение морального философа наносит ущерб их интересам. Но Анит, человек, который по рангу и общему уважению едва ли уступал кому-либо в республике, занимавший высокий пост и пользовавшийся репутацией в Пелопоннесской войне, а также бывший главным соратником Фрасибула в войне против Тридцати и восстановлении демократии, объявил себя сторонником обвинения. Ничто в обвинении не могло, по какому-либо известному закону Афин, повлиять на жизнь обвиняемого. В Англии ни один человек не был бы привлечен к суду по столь неопределенному обвинению: ни одно большое жюри не стало бы его слушать. Но в Афинах, если партия была достаточно сильна, закон не имел большого значения. Когда Ликон и Анит выступили, Сократ понял, что его осуждение уже решено.

Однако своим образом жизни и ходом своих мыслей на протяжении многих лет он настолько подготовил себя ко всем событиям, что вероятность его осуждения, далеко не вызывая тревоги, была для него скорее поводом для радости ( ), как счастливое событие в его возрасте. Ксенофонт говорит, что, согласившись на небольшую мольбу, Сократ мог бы легко добиться оправдания. Обычно обвиняемые, когда их приводили в суд, оплакивали свою судьбу, со слезами молили о милости и, показывая своих детей на беде, пытались вызвать сострадание. Однако никакие увещевания и мольбы его друзей не могли убедить его на такое недостойное поведение. Он считал, по его словам, что более уважительно по отношению к суду, а также более подобающе для него самого, воздержаться от всего этого, хотя и осознавал, что их чувства, вероятно, настолько отличаются от его, что приговор будет вынесен в гневе за это. Соответственно, когда ему было предложено выступить в свою защиту, он сказал народу, что он защищается не ради себя, а ради них, желая, чтобы они избежали вины за несправедливый приговор.

Вынесенный приговор не изменил его. Он снова обратился к суду, заявил о своей невиновности по предъявленным ему обвинениям и заметил, что даже если бы все обвинения были полностью доказаны, то все же в совокупности они не составляли, согласно любому известному закону, преступления, караемого смертной казнью. «Но», — заключил он, — «пора уходить: я умирать, вы жить, но что из этого принесет больше пользы, знает только Бог».

СОКРАТ В ТЮРЬМЕ

В Афинах обычно казнь следовала сразу за приговором, как правило, на следующий день. Но случилось так, что приговор Сократу был вынесен накануне дня, назначенного для священной церемонии коронации галеры, которая несла ежегодные подношения богам, почитаемым на Делосе: и древняя традиция запрещала все казни до возвращения священного судна. Таким образом, смерть Сократа была отсрочена на тридцать дней, в течение которых его друзья имели свободный доступ к нему в тюрьме. Все это время он замечательно поддерживал свою стойкость. Были согласованы меры для его побега; тюремщик был подкуплен, судно подготовлено, а в Фессалии обеспечено безопасное убежище. Никакие аргументы, никакие мольбы не могли убедить его воспользоваться этой возможностью. Он всегда учил обязанности повиновения законам и не хотел подавать пример их нарушения. Бесполезно было убеждать его, что он был несправедливо осужден: он всегда считал, что зло не оправдывает зло. Он с полным спокойствием ждал возвращения священного сосуда, размышлял о бессмертии души, преимуществах добродетели, счастье, которое дает ее стремление на протяжении всей жизни, и в окружении друзей принял роковой кубок и умер.

Писатели, которые после Ксенофонта и Платона описывали смерть Сократа, по-видимому, считали своим долгом соперничать с теми, кто предшествовал им, в придании пафоса этой истории. Здесь же цель заключалась скорее в том, чтобы сделать ее понятной: показать ее связь с политической историей Афин; извлечь из нее иллюстрацию политической истории. Великодушие Сократа, главный фактор пафоса, безусловно, заслуживает восхищения; однако это не то, в чем он больше всего превосходил других людей. Исключительная заслуга Сократа заключалась в чистоте и полезности его манер и разговоров; в ясности, с которой он видел, и в стойкости, с которой он выполнял все моральные обязанности в слепой и коррумпированной эпохе; в бескорыстности и усердии, с которыми он посвящал себя

благополучию других; и в расширенной и теплой доброжелательности, откуда, по-видимому, состояло его высшее и почти единственное удовольствие — делать добро. Чистота христианской морали, которую в действительности редко можно увидеть на практике, тем не менее стала настолько привычной в теории, что считается почти само собой разумеющейся и даже близкой человеческому разуму. Только те, кто потрудится собрать из сочинений его современников и предшественников информацию о том, как мало о ней знали до его времени, насколько тупым к справедливому моральному чувству был на самом деле человеческий разум; насколько медленным был прогресс в исследовании моральных обязанностей, даже там, где были приложены не только большие усилия, но и с усердием задействованы величайшие способности; и, когда они были обнаружены, насколько трудно было установить их с помощью доказательств, не вызывающих споров, или даже доказательств, которые должны были бы быть общепризнанными для человеческого разума.

Именно благодаря свету, который Сократ распространил своей доктриной, подкрепленной его практикой, с преимуществом того, что и доктрина, и практика были продемонстрированы в наилучшем виде в несравненных сочинениях таких учеников, как Платон и Ксенофонт, его жизнь стала эпохой в истории Афин и человечества.^b

Нам очень повезло, что мы обладаем длинным и сочувственным описанием последних сцен его жизни в непревзойденной прозе его ученика Платона. Хотя оно изложено в форме диалога и слишком длинно, чтобы привести его полностью, представление Сократа настолько ярко и правдиво, что часть его необходимо привести.^a

ОПИСАНИЕ ПЛАТОНОМ ПОСЛЕДНИХ ЧАСОВ ЖИЗНИ СОКРАТА

Когда мы вошли, мы застали Сократа только что освобожденным от оков, а Ксантиппа, которую вы знаете, держала его маленького сына и сидела рядом с ним. Как только Ксантиппа увидела нас, она громко заплакала и сказала то, что обычно говорят женщины в таких случаях: «Сократ, твои друзья теперь будут разговаривать с тобой в последний раз, а ты с ними». Но Сократ, глядя на Критона, сказал: «Критон, пусть кто-нибудь отведет ее домой». После чего некоторые из слуг Критона увела ее, а она плакала и била себя.

Сократ же, сидя в постели, подтянул ногу и потер ее рукой, и, потирая ее, сказал: «Какая непостижимая вещь, друзья мои, кажется, то, что люди называют удовольствием; и как удивительно оно связано с тем, что кажется его противоположностью, болью, в том, что они не могут присутствовать в человеке одновременно, но если кто-то стремится к одному и достигает его, он почти всегда вынужден принять другое, как будто они оба соединены вместе из одной головы.

«И мне кажется, — сказал он, — что если бы Эзоп заметил это, он сочинил бы басню о том, как Божество, желая примирить эти враждующие принципы, когда не смогло этого сделать, соединило их головы вместе, и отсюда, кого бы ни посещал один, другой следует сразу за ним; как, кажется, и в моем случае, поскольку раньше я испытывал боль в ноге от цепи, а теперь, кажется, наступило удовольствие.

«Как бы боковая дорожка ведет нас в наших исследованиях, предпринятых разумом», потому что, пока мы обременены телом, а наша душа заражена таким злом, мы никогда не сможем полностью достичь того, чего желаем; и это, как мы говорим, является истиной. Ибо тело подвергает нас бесчисленным препятствиям из-за необходимости его поддержки, и, кроме того, если нас постигают какие-либо болезни, они мешают нам в нашем поиске того, что есть; и оно наполняет нас тоской, желаниями, страхами, всевозможными фантазиями и

множеством абсурдов, так что, как говорится в истинной правде, из-за тела нам никогда не удастся достичь какого-либо прогресса в мудрости.

«Ибо ничто иное, кроме тела и его желаний, не вызывает войн, мятежей и соперничества; ибо все войны между нами возникают из-за нашего желания приобрести богатство; и мы вынуждены приобретать богатство из-за тела, будучи поработоченными его служением; и, следовательно, по всем этим причинам мы мешаем себе в стремлении к философии. Но хуже всего то, что, если оно оставляет нам свободное время и мы приступаем к рассмотрению какого-либо предмета, оно постоянно вторгнется в наши исследования, вызывает беспокойство и смущение и сбивает нас с толку, так что мы не можем из-за него различить истину. Таким образом, нам было наглядно продемонстрировано, что, если мы когда-либо хотим познать что-либо чисто, мы должны отделиться от тела и созерцать вещи сами по себе, используя только душу. И тогда, как кажется, мы обречем то, чего желаем и что, по собственному признанию, любим, — мудрость, когда умрем, как показывает разум, но не пока мы живы. Ибо если невозможно познать что-либо чисто в соединении с телом, то из этого следует одно из двух: либо мы никогда не сможем приобрести знание, либо только после смерти; ибо тогда душа будет существовать сама по себе, отдельно от тела, но не раньше. И пока мы живы, мы, как кажется, будем ближе всего к знанию, если не будем иметь никакого общения с телом, кроме того, что требует абсолютная необходимость, и не будем позволять себе быть оскверненными его природой, но будем очищать себя от него, пока сам Бог не освободит нас. И, будучи чистыми и освобожденными от глупости тела, мы, по всей вероятности, будем с другими, подобными нам, и сами познаем всю истинную сущность, и это, вероятно, и есть истина; ибо нечистым не позволено достичь чистоты. Такие вещи, Симмиас, я думаю, должны думать и говорить друг другу все истинные любители мудрости. Тебе так не кажется?

«Безусловно, Сократ».

«Если это так, друг мой, — сказал Сократ, — то есть большая надежда для того, кто прибудет туда, куда я иду; там, если где-либо, можно обрести то совершенство, ради которого мы так много трудились в нашей прошлой жизни; так что путешествие, которое теперь предстоит мне, начинается с доброй надеждой, и так будет для любого другого человека, который считает, что его ум был как бы очищен».

«Конечно», — сказал Симмиас.

«Но разве очищение не заключается в том, как было сказано в предыдущей части нашего разговора, в том, чтобы как можно больше отделить душу от тела и приучить ее собираться и собираться сама по себе со всех сторон, отдельно от тела, и жить, насколько это возможно, как сейчас, так и в будущем, в одиночестве, как бы освобожденная от оков тела?»

«Конечно», — ответил он.

«Так это называется смертью, это освобождение и отделение души от тела?»

«Безусловно», — ответил он.

«Но, как мы утверждали, те, кто правильно занимается философией, особенно и исключительно стремятся освободить ее, и это и есть само изучение философов, освобождение и отделение души от тела, не так ли?»

«Похоже на то».

«Тогда, как я сказал вначале, не было бы смешно для человека, который всю свою жизнь стремился жить как можно ближе к смерти, когда смерть наступает, скорбеть? Разве это не было бы смешно?»

«Как это может не быть смешно?»

«На самом деле, Симмиас, — продолжил он, — те, кто правильно изучает философию, учатся умирать, и для них смерть менее всего страшна из всех людей. Судите сами. Поскольку они вообще ненавидят тело и желают сохранить душу, разве не было бы неразумно, если бы, когда это произойдет, они испугались и опечалились, а не обрадовались тому, что отправляются в то место, где по прибытии могут надеяться обрести то, чего жаждали всю жизнь, а именно мудрость, и освободиться от связи с тем, что ненавидели? Сколько из них по собственной воле желали спуститься в Аид из-за человеческих объектов любви, своих жен и сыновей, побуждаемые именно этой надеждой увидеть там и быть с теми, кого они любили; и должен ли тот, кто действительно любит мудрость и твердо лелеет именно эту надежду, что нигде больше он не обретет ее достойным образом, кроме как в Аиде, скорбеть о смерти и не идти туда с радостью? Мы должны думать, что он с радостью пойдет, мой друг, если он действительно философ; ибо он будет твердо убежден в том, что нигде, кроме как там, он не обретет мудрость в ее чистоте; и если это так, то не было бы ли очень неразумно, как я только что сказал, если бы такой человек боялся смерти?»

«Очень, по Юпитеру», — ответил он.

«Но правильно, друзья мои, — сказал он, — что мы должны учитывать следующее: если душа бессмертна, то она требует нашей заботы не только в настоящее время, которое мы называем жизнью, но и во все времена; и опасность теперь представляется ужасной, если кто-то пренебрегает ею. Ибо если бы смерть была избавлением от всего, то для нечестивых было бы большим выигрышем, когда они умирают, избавиться одновременно от тела и от своих пороков вместе с душой; но теперь, поскольку она, по-видимому, бессмертна, у нее не может быть другого убежища от зла и безопасности, кроме как стать как можно более доброй и мудрой. Ибо душа отправляется в Аид, не имея ничего, кроме своей дисциплины и образования, которые, как говорят, приносят мертвым наибольшую пользу или вред в самом начале их путешествия туда.

«Когда мертвые прибывают в место, куда их ведет их демон, сначала их судят, как тех, кто жил хорошо и благочестиво, так и тех, кто жил иначе. А те, кто, по-видимому, прожили среднюю жизнь, отправляются в Ахерон и, сев на свои корабли, прибывают к озеру, где и обитают, и когда они очищаются и понесут наказание за свои грехи, они освобождаются, и каждый получает награду за свои добрые дела, согласно своим заслугам: но те, кто, по-видимому, неизлечимы из-за величины своих преступлений, либо из-за совершения многих и великих святотатств, либо многих несправедливых и незаконных убийств, либо других подобных преступлений, тех подходящая судьба бросает в Тартар, откуда они никогда не выходят. Но те, кто, по-видимому, виновны в излечимых, но тяжких преступлениях, такие как те, кто в гневе совершил насилие над отцом или матерью и прожил остаток своей жизни в покаянии, или те, кто стал убийцами подобным образом, эти обязательно должны попасть в Тартар, но после того, как они упали и пробыли там год, волна выбрасывает их, убийц в Коцит, а отцеубийц и матереубийц — в Пирифлегетон. Но когда, уносимые течением, они прибывают к Ахеросийскому озеру, там одни взывают к тем, кого они убили, а другие — к тем, кому они причинили вред, и, взывая к ним, умоляют и просят их позволить им выйти на озеро и принять их; и если те соглашаются, они выходят и освобождаются от своих страданий, а если нет, их уносят обратно в Тартар, а оттуда снова к рекам, и они не перестают страдать, пока не убедят тех, кому причинили вред, ибо такой приговор был вынесен им судьями. Но те, кто прожил исключительно святую жизнь, — это те, кто, освободившись и выйдя из этих областей земли, как из тюрьмы, прибывают в чистое обиталище наверху и живут в верхних частях земли. И среди них, те, кто достаточно

очистился философией, будут жить без тел во все будущее время и придут в обители, еще более прекрасные, чем эти.

«Поэтому человек должен быть уверен в своей душе, если в этой жизни он пренебрегал всеми удовольствиями и украшениями тела как чуждыми его природе и, считая, что они приносят больше вреда, чем пользы, усердно занимался приобретением знаний и украсил свою душу не чуждым, а собственным украшением — умеренностью, справедливостью, мужеством, свободой и истиной, таким образом, ждет своего перехода в Аид, как тот, кто готов уйти, когда судьба позовет его. «Вы же, — продолжал он, — Симмиас, Кебес и остальные, каждый из вас уйдет в будущем; но сейчас судьба зовет меня, как сказал бы трагический писатель, и мне пора отправляться в баню; ибо мне кажется, что лучше выпить яд после того, как я искупаюсь, и не беспокоить женщин мытьем моего мертвого тела».

Когда он так сказал, Критон ответил: «Да будет так, Сократ, но какие указания ты хочешь дать им или мне, касающиеся твоих детей или любого другого дела, выполнение которых будет для нас наибольшей услугой?»

«То, что я всегда говорю, Критон, — ответил он, — ничего нового: заботясь о себе, вы окажете услугу и мне, и моим близким, и себе, что бы вы ни делали, хотя сейчас вы и не должны этого обещать; но если вы будете пренебрегать собой и не будете жить в соответствии с тем, что было сказано сейчас и ранее, то даже если вы сейчас многое обещаете, и то искренне, вы не принесете никакой пользы».

«Тогда мы постараемся так и поступить, — сказал он, — но как нам похоронить тебя?»

«Как вам угодно, — сказал он, — только поймайте меня, и я не ускользну от вас». И в то же время, улыбаясь мягко и оглядываясь на нас, он сказал: «Я не могу убедить Критона, друзья мои, что я тот Сократ, который сейчас беседует с вами и который систематизирует каждую часть беседы; но он думает, что я тот, кого он скоро увидит мертвым, и спрашивает, как ему похоронить меня. Но то, о чем я когда-то долго рассуждал, что, выпив яд, я больше не останусь с вами, а уйду в какое-то счастливое состояние блаженных, я, кажется, убеждал его напрасно, хотя я хотел одновременно утешить и вас, и себя. Будьте же вы поручителями для Критона, — сказал он, — в обязательстве, противоположном тому, которое он взял на себя перед судьями; поскольку он взял на себя обязательство, что я останусь; но вы будьте поручителями того, что, когда я умру, я не останусь, а уйду, чтобы Критон легче перенес это и, увидев мое тело сожженным или похороненным, не скорбел обо мне, как будто я перенес что-то ужасное, и не говорил на моих похоронах, что Сократ вынесен, унесен или похоронен. Ибо будь уверен, — сказал он, — превосходный Критон, что говорить неуместно не только предосудительно само по себе, но и наносит вред нашим душам. Ты должен быть мужественным и сказать, что ты хоронишь мое тело, и хоронишь его так, как тебе угодно и как, по твоему мнению, наиболее соответствует нашим законам».

Сказав это, он встал и пошел в комнату, чтобы принять ванну, а Критон последовал за ним, но нам он велел подождать его. Мы же ждали, беседуя между собой о том, что было сказано, и снова обдумывая это, а иногда говоря о нашем несчастье, о том, как тяжело оно будет для нас, искренне полагая, что, как те, кто лишился отца, мы проживем остаток нашей жизни как сироты. Когда он искупался и к нему привели его детей, ибо у него было два маленьких сына и один взрослый, и пришли женщины из его семьи, он поговорил с ними в присутствии Критона и дал им такие наставления, какие хотел, а затем велел женщинам и детям уйти и вернулся к нам.

К тому времени уже близился закат, ибо он провел внутри довольно много времени. Но когда он вышел из бани, он сел и после этого мало говорил; тогда вошел офицер из числа одиннадцати и, стоя рядом с ним, сказал: «Сократ, я не буду упрекать тебя в том, в чем

упрекаю других, что они злятся на меня и проклинают меня, когда по приказу архонтов я приказываю им выпить яд. Но ты, во всех других случаях за время твоего пребывания здесь, показался мне самым благородным, кротким и замечательным человеком из всех, кто когда-либо бывал в этом месте; и поэтому я теперь твердо убежден, что ты не будешь злиться на меня — ведь ты знаешь, кто виноват, — а на них. Итак, поскольку ты знаешь, что я пришел тебе объявить, прощай и постарайся как можно легче перенести то, что неизбежно». И в то же время, разрыдавшись, он отвернулся и удалился.

А Сократ, глядя ему вслед, сказал: «И тебе тоже прощай; мы поступим так, как ты велел». Одновременно обратившись к нам, он сказал: «Как этот человек вежлив! Все время, что я был здесь, он навещал меня, иногда беседовал со мной и показал себя самым достойным из людей; и теперь как великодушно он плачет обо мне. Но пойдем, Критон, давай послушаемся его, и пусть кто-нибудь принесет яд, если он уже готов; а если нет, пусть этот человек его растолчет».

Тогда Критон сказал: «Но я думаю, Сократ, что солнце еще над горами и еще не зашло. Кроме того, я знаю, что другие пили яд очень поздно, после того как им было объявлено об этом, и ужинали и пили свободно, а некоторые даже наслаждались объектами своей любви. Не торопись же, ведь еще есть время».

На это Сократ ответил: «Эти люди, о которых ты говоришь, Критон, поступают так по уважительной причине, потому что думают, что таким образом они выиграют, а я тоже по уважительной причине не буду так поступать; потому что я думаю, что, выпив немного позже, я ничего не выиграю, кроме как стану смешным для самого себя, будучи таким любителем жизни и щадящим ее, когда ее уже не осталось. Иди же, — сказал он, — повинуйся и не сопротивляйся».

Услышав это, Критон кивнул стоящему рядом мальчику. Мальчик вышел, пробыл некоторое время и вернулся, приведя с собой человека, который должен был дать яд, принесший его уже измельченным в чаше.

Увидев его, Сократ сказал: «Что ж, мой добрый друг, поскольку ты искусен в этих делах, что мне нужно делать?»

«Ничего другого, — ответил тот, — кроме как, выпив его, походи, пока не почувствуешь тяжесть в ногах, а потом ляг; так он подействует».

И в то же время он протянул чашу Сократу. А тот принял ее очень бодро, не дрожа и не меняя ни цвета лица, ни выражения, но, как обычно, пристально глядя на человека, сказал: «Что ты скажешь об этом зелье, с точки зрения принесения жертвы кому-либо, законно ли это или нет?»

«Мы измельчаем столько, Сократ, — сказал он, — сколько, по нашему мнению, достаточно для питья».

«Я понимаю тебя, — сказал он, — но, безусловно, законно и правильно молиться богам, чтобы мой переход отсюда туда был счастливым; поэтому я молюсь об этом, и да будет так». И, сказав это, он выпил чашу легко и спокойно. До этого момента большинству из нас с трудом удавалось сдерживать слезы, но когда мы увидели, как он пьет и допивает чашу, мы больше не смогли сдерживаться; и, несмотря на себя, слезы потекли ручьем, и я, закрыв лицо, плакал не за него, а за свою судьбу, лишившую меня такого друга. Но Критон, еще до меня, не в силах сдержать слез, встал.

Аполлодор же и до этого не переставал плакать, а потом, в порыве скорби, рыдая и стеная, пронзил сердца всех присутствующих, кроме самого Сократа. Но тот сказал: «Что вы делаете, мои замечательные друзья? Я, в основном, именно по этой причине отослал женщин, чтобы

они не совершили подобной глупости. Ибо я слышал, что умирать нужно с хорошими предзнаменованиями. Поэтому успокойтесь и терпите».

Услышав это, мы постыдились и сдержали слезы. Но он, походив, когда сказал, что у него ноги тяжелеют, лег на спину, ибо так велел ему тот человек. В то же время тот, кто дал ему яд, взял его за руку и через некоторое время осмотрел его ноги и ступни; затем он сильно нажал на его ступню и спросил, чувствует ли он это; тот ответил, что нет. После этого он нажал на его бедра и, поднимаясь все выше, показал нам, что он становится холодным и негибким. Затем Сократ прикоснулся к себе и сказал, что когда яд достигнет его сердца, он уйдет. Но теперь части вокруг нижней части живота были почти холодными; когда он открылся, потому что его накрыли, он сказал, и это были его последние слова: «Критон, мы должны петуха Эскулапу; заплати его, поэтому, и не пренебрегай этим».

«Будет сделано», — сказал Критон, — «но подумай, не хочешь ли ты сказать что-нибудь еще».

На этот вопрос он не ответил; но вскоре после этого он сделал судорожное движение, и человек накрыл его, а его глаза застыли; и Критон, заметив это, закрыл ему рот и глаза.

Так закончилась жизнь нашего друга, человека, которого можно назвать лучшим из всех, кого мы знали в то время, и, более того, самым мудрым и справедливым.

ОЦЕНКА СОКРАТА ГРОТОМ

Так погиб «*parens philosophiæ*» — первый из этических философов; человек, который открыл для науки как новую, богатую и ценную материю, так и новый метод, запомнившийся не только своей оригинальностью и эффективностью, но и глубокой философской основой, на которой он покоится. Хотя Греция дала миру великих поэтов, ораторов, философов-спекулятивников, историков и т. д., другие страны, имея с самого начала преимущество греческой литературы, почти сравнялись с ней во всех этих областях, а в некоторых даже превзошли ее. Но где нам искать аналог Сократа, как в греческом мире, так и за его пределами? Перекрестный допрос (*elenchus*), который он не только первым применил, но и использовал с такой непревзойденной эффективностью и для таких благородных целей, с тех пор как он провел свой последний разговор в тюрьме, больше не применялся; ведь даже его великий преемник Платон был писателем и лектором, а не диалектиком, владеющим искусством беседы. Никто и никогда не был достаточно силен, чтобы натянуть его лук, и тем более использовать его так, как он. Его жизнь остается единственным, но весьма убедительным свидетельством того, как много можно достичь с помощью такого интеллектуального допроса, насколько силен интерес, который он может вызвать, насколько энергичным может быть стимул, который он может дать, пробуждая дремлющий разум и порождая новую умственную силу.

ГРЕЧЕСКАЯ ВАЗА

Часто принято представлять Сократа как проповедника морали, и именно в этом качестве он, вероятно, заслужил всеобщее почтение, связанное с его именем. Это, действительно, верное свойство, но не характерное или выдающееся, и не то, благодаря которому он оказал постоянное влияние на человечество. С другой стороны, Аркесилай и Новая Академия более века спустя считали, что следуют примеру Сократа (и Цицерон, по-видимому, тоже так считал), когда они рассуждали против всего — и когда они установили в качестве системы, что против каждой утвердительной позиции может быть выдвинута равная по силе отрицательная аргументация в качестве противовеса. По моему мнению, такое представление о Сократе не только неполно, но и неверно. Он не испытывал такого систематического недоверия к способности ума достигать уверенности. Он проводил четкую (хотя и ошибочную) грань между познаваемым и непознаваемым. В отношении физики он был более чем скептиком; он считал, что человек не может ничего знать: боги не хотели, чтобы человек приобретал такую информацию, и поэтому устроили все так, чтобы она была недоступна для его понимания, за исключением самых простых явлений повседневной жизни; более того, человек не только не мог приобрести такую информацию, но и не должен был стремиться к ней. Но в отношении тем, касающихся человека и общества, взгляды Сократа были совершенно противоположными. Это была область, которую боги явно отвели не только для человеческой практики, но и для человеческого изучения и приобретения знаний; область, в которой с этой целью они управляли явлениями по принципам постоянной и наблюдаемой последовательности, чтобы каждый человек, приложивший необходимые усилия, мог их познать.

Более того, Сократ пошел еще дальше — и этот шаг вперед является фундаментальным убеждением, на котором основан весь его миссионерский импульс. Он считал, что каждый человек не только может знать эти вещи, но и должен их знать; что он не может действовать правильно, если не знает их; и что его непреложным долгом является изучать их так же, как он изучал бы профессию; в противном случае он не лучше раба, недостойного доверия как свободное и ответственное существо. Сократ был убежден, что ни один человек не может вести себя как справедливый, умеренный, мужественный, благочестивый, патриотичный агент, если он не научился правильно понимать, что такое справедливость, умеренность, мужество, благочестие, патриотизм и т. д. Он был одержим истинно беконовской идеей, что сила устойчивого морального действия зависит от рационального понимания моральных целей и средств и ограничивается им. Но когда он смотрел на умы вокруг себя, он замечал, что немногие или никто не имели такого понимания или когда-либо стремились его приобрести — и в то же время каждый человек был убежден, что он обладает им, и действовал с уверенностью, основанной на этом убеждении. Итак, Сократ обнаружил, что первое препятствие, которое ему предстояло преодолеть, было всеобщее «заблуждение о знании без реальности», против которого он объявил столь решительную войну; и против которого, хотя и в другой форме и в отношении других предметов, не менее решительно объявил войну Бэкон две тысячи лет спустя: «*Opinio copiae inter causas inopiae est*».

Если же философы Новой Академии считали Сократа либо скептиком, либо сторонником систематического отрицания, то они неверно истолковали его характер и приняли за конечную цель первый этап его процесса — тот, который Платон, Бэкон и Гершель называют очищением интеллекта ( ). Эленх, как его использовал Сократ, был проникнут самым истинным духом позитивной науки и составлял незаменимый предшественник ее достижения.

Несмотря на негативность своих средств, Сократ был строго позитивен в своих целях; его нападки предпринимались только с четким видом на положительный результат; чтобы стыдить их за иллюзию знания и подстегивать их и вооружать для приобретения реального, уверенного, всеобъемлющего, самоочевидного знания — как условия и гарантии

добродетельной практики. Сократ был действительно противоположностью скептика; никто никогда не смотрел на жизнь более позитивным и практичным взглядом; никто никогда не преследовал свою цель с более ясным представлением о пути, по которому он шел; никто никогда не сочетал в себе таким образом поглощающий энтузиазм миссионера с остротой ума, оригинальностью, изобретательностью и обобщающим пониманием философа.

Его метод до сих пор сохраняется, насколько такой метод может сохраняться, в некоторых диалогах Платона. Это процесс вечной ценности и универсального применения. Очищение интеллекта, которое Бэкон обозначил как необходимое для рационального или научного прогресса, сократический *эленх* предлагает единственный известный инструмент для его хотя бы частичного достижения. Как бы мало ни применялся этот инструмент после смерти его изобретателя, его необходимость и польза никуда не исчезли и никогда не исчезнут. Есть лишь немногие люди, чьи умы не находятся в той или иной степени в состоянии ложного знания, против которого боролся Сократ: нет человека, чьи представления не были бы сначала сформированы спонтанными, непроверенными, бессознательными, неподтвержденными ассоциациями, основанными на забытых деталях, смешивающими *несопоставимые* или противоречивые элементы и оставляющими в его уме старые и привычные фразы и оракульные утверждения, за которые он никогда не отвечал перед самим собой: нет человека, который, если он предназначен для энергичных и плодотворных научных усилий, не считал бы необходимым элементом самообразования разбивать, распутывать, анализировать и реконструировать эти древние умственные соединения — и который не был бы вынужден к этому своими собственными неуклюжими и одинокими усилиями, поскольку гигант разговорного эленхуса больше не стоит на рыночной площади, чтобы оказать ему помощь и стимул.

Слушать о том, что какой-либо человек, особенно столь прославленный, был приговорен к смерти по таким обвинениям, как ересь и предполагаемое развращение молодежи, вызывает в наши дни чувство возмущенного осуждения, силу которого я не желаю ослаблять. Этот факт навсегда останется в истории как одно из тысяч злодеяний нетерпимости, религиозной и политической. Но преобладающее в настоящее время мнение основано на убеждении, что такие вопросы, как ересь и еретическое учение молодежи, не подлежат судебному разбирательству. Даже в современном мире такое убеждение появилось недавно, а в V веке до н. э. оно было неизвестно. Сам Сократ не согласился бы с ним, и все греческие правительства, как олигархические, так и демократические, признавали обратное. Свидетельство Платона по этому вопросу является решающим. Когда мы рассматриваем две позитивные общины, которые он создает в трактатах «*О государстве*» и «*О законах*», мы видим, что ничто не волнует его больше, чем установление непреодолимой ортодоксии в учении, мнениях и образовании. Несогласный и свободомыслящий учитель, такой как Сократ в Афинах, не смог бы проработать и недели в платоновской республике. Платон, конечно, не приговорил бы его к смерти, но заставил бы замолчать и, в случае необходимости, изгнал бы. Это, по сути, логичный вывод, если исходить из того, что государство должно определять, что является ортодоксией и ортодоксальным учением, и подавлять все, что противоречит его собственным взглядам. Все греческие государства, включая Афины, придерживались этого принципа вмешательства в деятельность несогласных учителей. В любом другом государстве Греции, как и в платоновской республике, Сократ был бы быстро арестован, даже если бы и не подвергся суровому наказанию; в Афинах ему разрешалось говорить и преподавать публично в течение двадцати пяти или тридцати лет, а затем он был осужден, когда стал стариком. Из этих двух применений одного и того же вредного принципа, безусловно, второе является более умеренным и менее вредным.

Во-вторых, сила этого последнего соображения, как смягчающего обстоятельства в отношении афинян, значительно возрастает, когда мы задумываемся о количестве личных врагов, которых Сократ нажил себе в ходе своего перекрестного допроса. Здесь было множество людей, в том числе самых выдающихся и влиятельных в городе, которых, помимо общих убеждений, побуждала особая антипатия к неприятному учителю, чтобы привести в действие дремлющий государственный принцип нетерпимости. Если при такой провокации ему было позволено дожить до семидесяти лет и публично высказываться в течение стольких лет, прежде чем появился какой-либо реальный Мелет, — это явно свидетельствует об эффективности сдерживающих настроений среди народа, которые делали его практические привычки более либеральными, чем его провозглашенные принципы.

В-третьих, любой, кто читал отчет о суде и защите Сократа, увидит, что он сам внес в результат не меньший вклад, чем все три обвинителя вместе взятые. Он не только не сделал всего, что можно было сделать без позора, чтобы обеспечить оправдание, но и использовал почти такие же категоричные выражения, какие Мелет сам хотел бы вложить ему в уста. Он сделал это сознательно, имея высокое мнение как о себе, так и о своей миссии, и считая чашу с болиголовом в его возрасте не бедствием. Только благодаря такому явному и оскорбительному самовозвеличиванию он добился первого голосования дикастерии, даже тогда с минимальным большинством, по которому он был признан виновным: только благодаря еще более му проявлению того же рода, доходящему до чего-то похожего на оскорбление, он добился второго голосования, которое вынесло смертный приговор. Теперь было бы нечестно не учитывать влияние такого поступка на умы дикастерии. Они вовсе не были склонны по собственной воле применять к нему признанный принцип нетерпимости. Но когда они обнаружили, что человек, стоявший перед ними, обвиняемый в этом преступлении, обращался к ним в тоне, которого дикасты никогда раньше не слышали и который им было трудно выслушать спокойно, они не могли не склониться к тому, чтобы поверить всем худшим выводам, которые выдвигали его обвинители, и считать Сократа опасным человеком как с религиозной, так и с политической точки зрения, против которого необходимо было отстаивать величие суда и конституции.

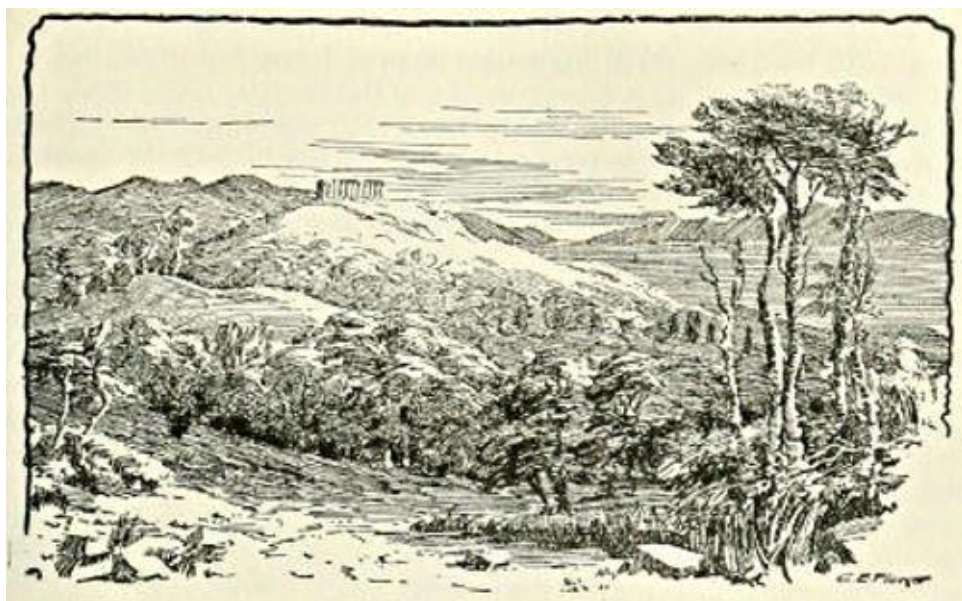
Поэтому, оценивая этот памятный инцидент, хотя нельзя отрицать вредный принцип нетерпимости, все обстоятельства показывают, что этот принцип не был ни раздражительным, ни преобладающим в афинском обществе; что даже большое количество побочных антипатий не вызывало его против какого-либо конкретного человека; что более либеральные и великодушные настроения, которые смягчали его злобу, были устойчивыми и не поддавались легко; и что осуждение следует считать одним из наименее мрачных пунктов в сущно мрачном каталоге.

Добавим, что, как и сам Сократ, который в своем возрасте не считал собственное осуждение и смерть несчастьем, а скорее благоприятным проявлением божественной милости, избавившей его как раз вовремя от мучительного осознания интеллектуального упадка, которое побудило Демокрита приготовить для себя яд, так и его друг Ксенофонт идет еще дальше, и, протестуя против обвинительного приговора, восхваляет способ смерти как предмет триумфа; как самый счастливый, самый почетный и самый милостивый способ, которым боги могли запечатлеть полезную и возвышенную жизнь.

Диодор утверждает, а другие более поздние авторы с преувеличением повторяют, что после смерти Сократа афиняне горько раскаялись в том, как они с ним поступили, и даже пошли на то, что казнили его обвинителей без суда. Я не знаю, на каком основании сделано это утверждение, и я совершенно в него не верю. Судя по тону *«Воспоминаний»* Ксенофонта, есть все основания предполагать, что память о Сократе по-прежнему была непопулярна в

Афинах, когда был составлен этот сборник. Платон тоже покинул Афины сразу после смерти своего учителя и оставался в изгнании в течение многих лет: я думаю, что это косвенно дает основание предполагать, что в афинском обществе не произошло такой реакции, о которой говорит Диодор; и то же предположение подтверждается тем, как оратор Эсхин говорит об осуждении полвека спустя. Я не вижу причин полагать, что афинские судьи, которые, несомненно, считали себя оправданными и более чем оправданными в осуждении Сократа после его собственной речи, изменили свое мнение после его смерти.^d

---

Руины храма Зевса

ГЛАВА XL. ОТСТУПЛЕНИЕ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ

В последние годы Пелопоннесской войны дела Греции стали более, чем раньше, связаны с делами Персии; и в течение короткого затишья, последовавшего за долгими беспорядками в первой стране, некоторые события во второй стране требуют внимания. Подробности уводят нас далеко от Греции, но, помимо информации о греческих делах, которую нельзя найти в других источниках, они имеют очень важное отношение к греческой истории, поскольку дают представление об обстоятельствах, которые привели к революции, осуществленной греческими войсками, одной из величайших в мировой истории.

ДЕЛА ПЕРСИИ

В результате Пелопоннесской войны азиатские греки сменили господство Афин не на господство Лакедемона, завоевательной греческой державы, а на господство иностранного, варварского повелителя, царя Персии, который в то время был союзником Лакедемона. К концу того же года, когда война закончилась захватом Афин, умер Дарий, царь Персии, второй по счету. Его преемником стал его старший сын Артаксеркс, также второй по счету, который благодаря своей необычайной памяти был известен среди греков под прозвищем Мнемон, «Внимательный». Старый царь, в своей последней болезни, желая еще раз увидеть своего любимого сына Кира, послал за ним из его правительства в Лидии. Принц, повинуясь просьбе отца, путешествовал в обычном для восточных вельмож стиле, с свитой, по численности почти равной армии; и чтобы продемонстрировать в своей охране новое великолепие войск, о которых так много слышали в верхних провинциях, но которые еще никто не видел, он за большую плату нанял триста тяжеловооруженных греков под командованием Ксения из Паррасии в Аркадии. В качестве друга и советника он взял с собой Тиссаферна, сатрапа Кари.

[404-401 гг. до н. э.]

После смерти Дария, которая последовала вскоре, ревность, едва ли отделимая от деспотического трона, но, как говорят, разжигаемая беспринципным Тиссаферном ( ), побудила нового монарха заключить в тюрьму своего брата, смерть которого, как предполагалось, последовала бы вполне естественно, если бы не мощное заступничество царицы-матери Парисатис. Восстановленный благодаря ее влиянию не только в свободе, но и в великой власти, доверенной ему его снисходительным отцом, Кир, тем не менее, сильно возмущался унижением, которое он перенес.

Похоже, что он действительно мало чем был обязан доброте своего брата. Ревнуя способности и популярность Кира, опасаясь его мести и, возможно, не без оснований, его амбиций, Артаксеркс прибег к той несчастной восточной политике, которая заключалась в разжигании гражданской войны между военачальниками своих провинций, чтобы лишить их возможности вести войну против трона. Оронт, родственник королевской семьи, правитель цитадели Сарды, был подталкиваем советами монарха к восстанию против своего вышестоящего начальника, под непосредственным руководством которого он, по решению тех же советов, находился и, по-видимому, по-прежнему должен был действовать. Кир покорил его и простил. Когда представился второй случай, Оронт снова поднял восстание; снова, несмотря на тайную поддержку двора, оказался неспособным поддержать свое восстание; и, прося о прощении, получил от великодушного Кира не только прощение, но и благосклонность. Но согласно сообщению, которому доверял Ксенофонт, сама царица-

мать Парисатис, будь то под влиянием известной вражды Артаксеркса к Киру или по какой-либо другой причине, подтолкнула своего младшего сына к тому, чтобы он стремился к трону и жизни старшего Артаксеркса ( ). Однако, по крайней мере, одно кажется определенным: вскоре после своего возвращения в Малую Азию Кир начал подготовку к этому преступному замыслу. Следует признать, что для прикрытия он, по-видимому, не был полностью лишен того, что могло дать ему право на самооборону; однако его основными мотивами, очевидно, были амбиции и месть.

Разрозненное, шаткое и разваливающееся состояние этой империи, которая при первом Дарии казалась такой сплоченной и действительно была такой могущественной и процветающей, благоприятствовало его планам. Египет, чье длительное восстание было подавлено первым Артаксерксом, снова поднял бунт, а верность других отдаленных провинций была более чем сомнительной. В пределах его обширного наместничества большая провинция Пафлагония, управляемая своим собственным вассальным князем, лишь неуверенно подчинялась персидскому трону; горцы Мизии и Писидии открыто воевали с более мирными подданными равнин; а ликаонцы, овладев укрепленными местами, удерживали даже равнинную местность в независимости и отказывались платить привычную дань. Таким образом, большая часть Малой Азии находилась в состоянии более или менее открытого восстания. С одной стороны, это отвлекало внимание царского совета и силы его войск, с другой — давало Киру неоспоримый повод для увеличения военной силы, находящейся под его непосредственным командованием.

Как мы уже видели, Кир, впервые прибыв в окрестности греческих колоний, проникся симпатией к греческому характеру.

Как только был принят план захвата трона его брата, младший Кир с еще большим усердием расширил свои связи среди греков. Только они, среди народов того времени, знали, как обучать армии, чтобы тысячи людей могли действовать как единая машина. Поэтому их тяжеловооруженные войска обладали такой силой в бою, что никакое количество более неорганизованных войск, какими бы храбрыми они ни были, не могло им противостоять. Благодаря недавней длительной и обширной войне Греция изобиловала опытными офицерами и солдатами низшего ранга, хорошо обученными в военном деле, но мало знакомыми с мирным образом жизни. Таким образом, появилась возможность набрать греческих наемников практически в любом количестве. Требовалось лишь проявить осторожность, чтобы не вызвать тревоги при дворе в Сузах, что было несложно благодаря несовершенным принципам и еще более несовершенной практике персидской администрации. Поэтому Кир приказал своим греческим командирам в нескольких городах набирать как можно больше греков, особенно пелопоннесцев, под предлогом укрепления своих гарнизонов против предполагаемых попыток Тиссаферна. В Милете, где его популярность была очень велика, был организован заговор с целью восстания против него, но прежде чем он был осуществлен, он был раскрыт, и по приказу сатрапа зачинщики были казнены, а многие из их сторонников изгнаны. Кир не только защищал беглецов, но и осаждал Милет с суши и с моря, и эта новая война дала дополнительный повод для набора войск.

Несмотря на характерную для Кира откровенность, честь и строгое уважение к правде, его друг и панегирист Ксенофонт не скрывает от нас, что он мог опуститься до двуличия, когда того требовали его амбиции. Далекий от признания какого-либо намерения неповиновения главе империи, он снизошел до того, что попросил у брата, против трона и жизни которого уже были направлены его приготовления, королевскую власть для присоединения Ионии к его непосредственному правлению. Просьба была удовлетворена; по просьбе, как говорили,

Парисатис, которая сохраняла большое влияние на своего старшего сына, в то время как она подстрекала младшего к гнусным замыслам против него.

Среди многих греков, допущенных к беседам и столу Кира, был Клеарх, лакедемонянин, который, прослужив в армии своего государства на протяжении Пелопоннесской войны, в возрасте пятидесяти лет все еще не мог найти себе места. Ища возможности для военной службы, он думал, что нашел ее в Фракийском Херсонесе, где греческие поселенцы подвергались набегам соседних варваров, и он настойчиво представлял и просил эфоров, пока не получил назначение на должность там. Поспешно отправляясь в путь, он был настигнут в Коринфе приказом об отзыве. Разочарование было для него невыносимым; он решил не подчиняться почитаемому скайталу и, вопреки ему, продолжил действовать в соответствии с полученным поручением. За это он был заочно приговорен к смертной казни, что привело к его пожизненной ссылке.

Какие надежды оставались теперь у Клеарха, неизвестно; но потребность в военных талантах, постоянно и широко проявлявшаяся среди различных воюющих республик и разбросанных колоний греков, всегда давала некоторые перспективы для авантюристов, имевших значительную военную репутацию; и в тот момент еще более привлекательное поле деятельности, возможно, всегда находившееся в поле его зрения, открылось при дворе Кира. Он отправился туда, и, несмотря на суровый внешний вид, угрюмое лицо, резкий голос и грубые манеры, принц, обнаружив в нем нужный ему характер после короткого общения, подарил ему десять тысяч дариков, что составляло около восьми тысяч фунтов стерлингов.

Клеарх не подвел эту великодушную щедрость. Используя весь подарок принца на набор войск, он предложил, как частный авантюрист, ту защиту херсонеситам, которую, как генерал лакедемонских войск, он был уполномочен предоставить, но которую лакедемонское правительство, хотя и претендовало на роль защитника греческого имени, в конце концов отказалось предоставить. Его услуги были приняты, и его успехи в борьбе с варварами, а также необычная дисциплинированность и безобидность его войск в дружественной стране так порадовали не только жителей Херсонеса, но и всех греков Геллеспонта, что, несмотря на то, что он обычно находил средства к существованию за счет врага ( ), они добровольно вносили значительные взносы для оплаты его армии. Таким образом, с помощью дисциплины, порой чрезмерно строгой, он сохранил общую привязанность своих подчиненных, и таким образом войско поддерживалось в высшем порядке, готовое к службе Киру.

Обстоятельства в Фессалии предоставили еще одну возможность. Аристипп, выдающийся фессалиец, вероятно изгнанный из-за фракционных распрей, был принят в круг доверенных лиц принца. Вернувшись впоследствии на родину и став главой своей партии, он столкнулся с такими расколами, что началась гражданская война. Тогда Аристипп подумал, что может извлечь выгоду из того права, которое давала ему древняя доктрина гостеприимства, на щедрость Кира. Он запросил наборные деньги на две тысячи человек с жалованьем на три месяца. Кир предоставил их на четыре тысячи человек и на шесть месяцев, оговорив лишь, что без предварительного согласования с ним не должно заключаться никаких договоренностей с противной стороной. Таким образом, для Кира незаметно был сохранен еще один отряд войск.

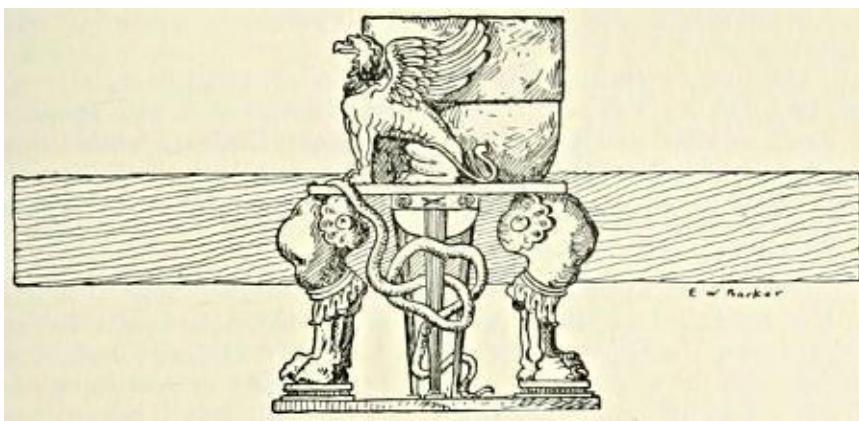
Проксен, фиванский аристократ первого ранга с высокими связями, обладавший талантами, культивированными под руководством знаменитого Горгия, манерами, позволявшими завоевывать симпатии, и характером, заслуживавшим уважения, недовольный положением дел в своем городе, в возрасте около тридцати лет перешел ко двору Кира с прямой целью найти работу, честь и богатство и, по выражению Ксенофонта, общаться с людьми, занимающими самые высокие посты, чтобы заработать средства для

деятельности, а не быть вынужденным принимать милости. Благодаря таким преимуществам Проксен не только привлек внимание, но и завоевал дружбу Кира, который поручил ему собрать греческое войско под предлогом, который персидский двор не мог не одобрить, — подавления восстания писидийцев.

Таким образом, находясь на службе у принца, Проксену нужно было обзавестись в своей иностранной резиденции другом, который по характеру, знаниям и увлечениям был бы ему близок. С этой целью он написал молодому афинянину, с которым давно был в близких отношениях, Ксенофону, сыну Грилла, ученику Сократа, горячо призывая его приехать и воспользоваться благосклонностью принца, к которому он обещал его представить. В тогдашней ситуации в Афинах было достаточно причин, чтобы отвлечь честного человека от карьерных амбиций. Поэтому Ксенофонт, не видя там для себя никаких перспектив, принял приглашение своего друга; и именно этим обстоятельством мы обязаны его прекрасным повествованием о последующих событиях, которое, как и *«Илиада»*, остается самым старым и образцовым произведением в своем роде.

Что касается греческой сухопутной армии, Кир довольствовался тем, что можно было получить путем переговоров с отдельными лицами и соблазном жалованья. Но он желал сотрудничества греческого флота, которое в сложившихся в Греции обстоятельствах можно было получить только благодаря благосклонности лакедемонского правительства. Поэтому он направил в Лакедемон доверенного министра, чтобы тот потребовал дружеского возмещения за помощь в войне с Афинами. Эфоры, публично признав справедливость его требования, отправили приказ Самию, тогдашнему командующему азиатской станцией, присоединиться к флоту принца и следовать указаниям его адмирала, египтянина Тамоса.

Когда подготовка была завершена и приближался благоприятный сезон для действий, все ионийские гарнизоны были отправлены в Сарды и поставлены под командование Ксениаса, аркадца, командующего греческой гвардией, которая сопровождала Кира в Верхнюю Азию. Остальные греческие войска получили приказ присоединиться к ним: одни в Сардах, другие в местах, расположенных дальше на восток. В то же время была собрана очень большая армия азиатов, которых греки называли собирательным названием «варвары» ( ). Предлогом для этих масштабных приготовлений было истребление мятежных писидийцев, и на тот момент этого было достаточно для войск. Однако это больше не могло ослепить Тиссаферна, который, не желая доверять другим сообщать то, что он знал или подозревал, отправился со скоростью, которую позволял способ передвижения восточного сатрапа, в сопровождении пятисот всадников, чтобы лично сообщить об этом царю. Тем временем Кир выступил из Сард с уже собранными войсками через Колоссы в Келенаю во Фригии, большой и густонаселенный город, где он остановился на тридцать дней. Там к нему присоединилась последняя часть его греческих войск, которая теперь насчитывала около одиннадцати тысяч тяжеловооруженных воинов и две тысячи копьеносцев. Его азиаты или варвары насчитывали около ста тысяч.^b

ГРЕЧЕСКИЙ МРАМОРНЫЙ СТУЛ

ПОВЕСТЬ КСЕНОФОНА О КУНАКСЕ

[401 г. до н. э.]

О следующей знаменитой картине сражения Плутарх написал восторженно: «Многие историки описывали это сражение, но Ксенофонт сделал это с такой живостью и энергией, что мы не читаем рассказ о нем — мы видим его и чувствуем всю опасность». Эта похвала вполне заслужена, и все же, как яркий пример менталитета древнего историка с его любовью к длинным отступлениям, следует отметить, что в самом разгаре битвы Ксенофонт делает паузу, чтобы вставить целую главу, посвященную жизни Кира. Эта глава здесь опущена, а остальная часть описания приводится в устаревшем переводе, сделанном в 1749 году Эдвардом Спелманом.^a

Оттуда Кир прошел через страну Вавилон и за три дня пути преодолел двенадцать парасангов.^b Когда они прибыли в конец третьего дня марша, Кир около полуночи провел смотр своих войск, как греческих, так и варварских, на равнине (поскольку он ожидал, что на следующее утро появится царь во главе своей армии, готовый дать ему сражение), и передал командование правым флангом Клеарху, а левым — Менону Фессалийскому, в то время как сам выстроил своих людей. После смотра, как только наступил день, пришли дезертиры от великого царя, которые принесли Киру отчет о его армии; тогда Кир, созвав генералов и капитанов греков, посоветовался с ними относительно порядка сражения; когда он ободрил их следующими убеждениями:

«О греки! Я использую вас в качестве своих союзников не из-за нехватки варваров, а потому, что считаю вас превосходящими их по численности; по этой причине я взял вас на свою службу. Проявите же себя достойными той свободы, которой вы пользуетесь и которой, по моему мнению, вы чрезвычайно счастливы; будьте уверены, что я предпочел бы свободу всему, чем я обладаю. Но чтобы вы понимали, в каком сражении вам предстоит участвовать, я объясню вам: их много, и они наступают с громкими криками, и если вы сможете им противостоять, то я почти стыжусь подумать, каких людей, по-вашему, производит наша страна. Но вы — солдаты; ведите себя храбро, и если кто-то из вас захочет вернуться домой, я позабочусь о том, чтобы он вернулся, вызывая зависть своей страны; но я уверен, что мое поведение побудит многих из вас скорее следовать за моей судьбой, чем возвращаться домой».

Здесь Гаулит, изгнанный из Сами, человек, верный Киру, присутствующий при этом, сказал так: «Некоторые говорят, о Кир, что ты обещаешь многое сейчас, потому что

находишься в такой опасности, о чем, в случае успеха, ты не вспомнишь; а другие говорят, что, даже если ты и вспомнишь свои обещания и захочешь их выполнить, это будет не в твоей власти».

Услышав это, Кир сказал: «Господа! Мое отцовское царство на юге простирается до тех мест, которые непригодны для жизни из-за жары, а на севере — до тех, которые непригодны из-за холода. Все, что находится между ними, находится под управлением друзей моего брата; и, если мы победим, я должен буду передать власть над ним вам, моим друзьям; поэтому я не боюсь, что в случае успеха у меня не хватит для каждого из моих друзей; я боюсь только, что у меня не будет достаточно друзей, которым я мог бы это дать. Но каждому из вас, греки, помимо того, о чем я упомянул, я обещаю золотую корону». Услышав это, офицеры с еще большим энтузиазмом поддержали его дело и доложили об этом остальным. После этого к нему пришли греческие полководцы и некоторые рядовые, чтобы узнать, чего им ожидать в случае победы; всех он отпустил с большими надеждами, а все, кого он принял, советовали ему не вступать в бой лично, а оставаться в тылу. И тогда Клеарх задал Киру следующий вопрос: «Как ты думаешь, Кир, твой брат рискнет вступить в сражение?» «Конечно», — ответил Кир, — «если он сын Дария и Парисатис и мой брат. Я никогда не получу всего этого без сражения».

Пока солдаты готовились к сражению, было установлено, что число греков составляло десять тысяч четыреста тяжеловооруженных воинов и две тысячи четыреста копейщиков, а число варваров на службе у Кира — сто тысяч воинов и около двадцати колесниц, вооруженных косами. Говорили, что армия врага насчитывала двенадцать сотен тысяч человек и двести колесниц, вооруженных косами; кроме того, у них было шесть тысяч всадников под командованием Артагера. Они выстроились перед царем. Армией царя командовали четыре генерала, полководца и вождя, каждый из которых командовал тремястами тысячами человек; это были Аброкомас, Тиссаферн, Гобрий и Арбак. Но из этого числа только девятьсот тысяч были присутствовали в сражении, вместе со ста пятьдесят колесницами, вооруженными косами: Аброкомас, выйдя из Финикии, прибыл через пять дней после сражения. Таков был отчет, который дезертиры дали Киру перед сражением, который впоследствии был подтвержден пленными. От Эфса ( ) Кир за один день прошел три парасанга, все его войска, как греческие, так и варварские, шли в боевом порядке, потому что он ожидал, что царь будет сражаться в тот день: в середине их марша был ров шириной в пять сажений и глубиной в три. Этот ров простирался на двенадцать парасангов вверх, пересекая равнину до стены Мидии. На этой равнине находятся каналы, берущие начало из реки Тигр; их четыре, каждый шириной сто футов и очень глубокий, по ним плывут баржи, груженные зерном. Эти каналы впадают в Евфрат; они находятся на расстоянии одного парасанга друг от друга, и через них перекинуты мосты.

Рядом с Евфратом между рекой и рвом находился узкий проход шириной около двадцати футов. Как только великий царь услышал, что Кир выступил против него, он велел укрепить этот ров. Кир и его войско прошли через этот проход и оказались внутри рва. В тот день царь не вступал в сражение, но появилось много следов от лошадей и людей, которые отступали. Здесь Кир послал за Силаном, гадателем из Амбракии, и дал ему три тысячи дариков (161), потому что за одиннадцать дней до этого, когда он приносил жертву, Силан сказал Киру, что царь не будет сражаться в течение десяти дней. На что Кир ответил: «Если он не будет сражаться в течение десяти дней, то он не будет сражаться вообще: и, если то, что ты говоришь, окажется правдой, я дам тебе десять талантов», которые он и выплатил ему по истечении десяти дней. Поскольку царь позволил армии Кира беспрепятственно пройти через этот перевал, Кир и остальные пришли к выводу, что он отказался от всяких мыслей о сражении, так что на следующий день Кир шел с меньшей осторожностью, а на третий день ехал на своей колеснице, и лишь немногие шли перед ним в строю; большая

часть солдат не соблюдала порядок, многие из них везли свое оружие в повозках и на вьючных лошадях.

Было уже около того времени суток, когда рынок обычно переполнен, армия находилась недалеко от места, где они намеревались разбить лагерь, когда Патагьяс, перс, один из тех, кому Кир доверял больше всего, был замечен мчащимся к ним на полной скорости, его лошадь была вся в поту, и сразу же кричал всем, кого встречал, как на своем языке, так и по-гречески, что король приближается с огромной армией, марширующей в боевом порядке. После этого возникла большая суматоха, греки и все остальные ожидали, что он атакует их, прежде чем они успеют выстроиться в боевой порядок. Кир спрыгнул со своей колесницы, надел кольчугу, сел на лошадь, взял в руки копья и приказал всем остальным вооружиться и занять свои места. Они быстро выстроились: Клеарх на правом фланге, близ реки Эвфрат ( ), рядом с ним Проксен, а за ним остальные; Менон и его люди были размещены слева от греческой армии. Из варваров тысяча пафлагонских всадников вместе с греческими копьеносцами стояли рядом с Клеархом справа. Слева Ариэй, генерал-лейтенант Кира, был размещен с остальными варварами. Кир расположился в центре с шестьюстами всадниками: они были в больших кольчугах и набедренных доспехах, и все в шлемах, кроме Кира, который стоял, готовый к атаке, с непокрытой головой; говорят, что и остальные персы обычно так же обнажают головы в день сражения. Все лошади в армии Кира были в налобных и нагрудных доспехах, а всадники — в греческих мечях.

Был уже полдень, а врага все еще не было видно. Во второй половине дня появилась пыль, похожая на белое облако, которая вскоре распространилась по равнине, как тьма; когда они приблизились, сразу же заблестела медная броня, и появились их копья и ряды. Слева у врага находился отряд всадников, вооруженных белыми кольчугами (говорят, что ими командовал Тиссаферн), за ними шли всадники с персидскими щитами, а за ними — тяжеловооруженные воины с деревянными щитами, доходящими до ног (говорят, что это были египтяне); затем шли другие всадники и лучники. Все они шли в соответствии со своими странами, каждая нация была выстроена в плотный прямоугольный квадрат: а перед ними были расставлены колесницы, вооруженные косами, на значительном расстоянии друг от друга. На этих колесницах косы были закреплены поперек осей, а другие — под корпусом колесницы, направленные вниз, чтобы они могли разрезать все, что встретится на их пути. Цель этих колесниц заключалась в том, чтобы прорвать ряды греков.

Теперь стало ясно, что Кир, призывая греков противостоять крикам варваров, ошибался, поскольку те не шли с криками, а как можно тише и спокойнее, ровным и медленным шагом. Здесь Кир, ехавший вдоль рядов вместе с переводчиком Пигресом и тремя или четырьмя другими, призвал Клеарха привести своих людей напротив центра врага, потому что там находился царь: «Если мы прорвем его, — сказал он, — наша задача будет выполнена». Но Клеарх, наблюдая за их центром и понимая из слов Кира, что царь находится за левым флангом греческой армии (поскольку царь был настолько превосходил по численности, что, стоя в центре своей армии, он находился за левым флангом армии Кира), Клеарх, говоря я, не согласился отвести свое правое крыло от реки, опасаясь быть окруженным с обеих сторон, но ответил Киру, что он позаботится о том, чтобы все прошло хорошо.

Теперь варвары регулярно наступали, а греческая армия стояла на том же месте, и ряды формировались по мере прибытия солдат. Тем временем Кир, ехавший на небольшом расстоянии перед рядами, осматривал как армию врага, так и свою собственную. Ксенофонт,

афинянин, наблюдавший за этим из греческой армии, подъехал к нему и спросил, есть ли у него какие-либо приказы. Кир остановил лошадь и приказал ему сообщить всем, что жертвоприношения и жертвы обещают успех. Когда он говорил это, он слышал шум, пробежавший по рядам, и спросил, что это за шум. Ксенофонт ответил, что слово произносится сейчас во второй раз. Кир удивился, кто должен дать его, и спросил, какое это слово; тот ответил: «Юпитер-хранитель и Победа». Услышав это, Кир сказал: «Я принимаю, пусть это будет слово». Сказав это, он вернулся на свой пост.

Когда две армии оказались на расстоянии трех или четырех стадий друг от друга, греки запели пеан и двинулись вперед. Поскольку это движение вызвало небольшое колебание в боевом порядке, те, кто остался позади, ускорили свой марш и сразу же подняли общий крик, как это принято у них, когда они призывают бога войны, и все побежали вперед. Некоторые говорят, что они били копьями по щитам, чтобы напугать лошадей врага. Но варвары, не дойдя до дальности полета их дротиков, развернули лошадей и бежали, а греки преследовали их со всей скоростью, призывая друг друга не бежать, а следовать в строю. Здесь некоторые колесницы были пронесены через своих же людей без колесничих, другие — через греков, некоторые из которых, увидев их приближение, разделились, а другие, ошеломленные, как зрители на ипподроме, были застигнуты врасплох; но даже, как сообщалось, не пострадали, и ни один другой грек не был ранен в бою, за исключением одного на левом фланге, который, как говорили, был ранен стрелой.

Кир, видя, что греки одержали победу на их стороне и преследуют врага, обрадовался и уже был почитаем как царь окружающими его людьми; однако он не был настолько увлечен, чтобы покинуть свой пост и присоединиться к преследованию; но, держа своих шестьсот всадников в одном строю, он наблюдал за движениями царя, хорошо зная, что тот находится в центре персидской армии: во всех варварских армиях генералы всегда располагаются в центре, считая этот пост самым безопасным, по обе стороны от которого их силы равномерно распределены, и, если им нужно отдать какой-либо приказ, он доходит до армии в два раза быстрее. Таким образом, король в тот момент находился в центре своей армии, однако за левым флангом Кира; и, увидев, что перед ним нет противника и не наблюдается никаких движений, чтобы атаковать войска, выстроенные перед ним, он повернул налево, чтобы окружить их армию. Тогда Кир, опасаясь, что он окажется позади него и отрежет греков, выдвинулся против царя и, атаковав своими шестьюстами всадниками, разбил тех, которые были выстроены перед ним, обратил в бегство шесть тысяч человек и, как говорят, собственноручно убил их командира Артагеса.

После этого разгрома шестьсот всадников Кира также рассеялись в погоне, и вокруг него осталось очень мало людей, и то почти все те, кто обычно обедал за его столом. вместе с ними он обнаружил царя и окружавших его людей и, не в силах сдержаться, сразу же воскликнул: «Я вижу этого человека!», после чего с яростью бросился на него и, ударив его в грудь, пронзил его кольчугу, как рассказывает врач Ктесий, который утверждает, что он лечил эту рану. Когда он наносил удар, кто-то с большой силой бросил в него копьем и ранил его под глазом: и теперь царь и Кир сражались врукопашную, а окружавшие их люди защищали каждого из них. В этом сражении Ктесий (который был с царем) сообщает нам, сколько человек пало на его стороне; с другой стороны, сам Кир был убит, и восемь самых значительных из его друзей лежали мертвыми на нем. Когда Артапат, который пользовался наибольшим доверием среди всех его министров, увидел, что Кир пал, он, как говорят, спрыгнул с лошади и бросился к нему; некоторые говорят, что царь приказал убить Артапата на теле Кира; другие говорят, что он вытащил свой ятаган и убил себя сам, потому что он носил золотой ятаган, цепь, браслеты и другие украшения, которые носят самые значительные персы, и был очень уважаем Киром как за свою привязанность, так и за верность.

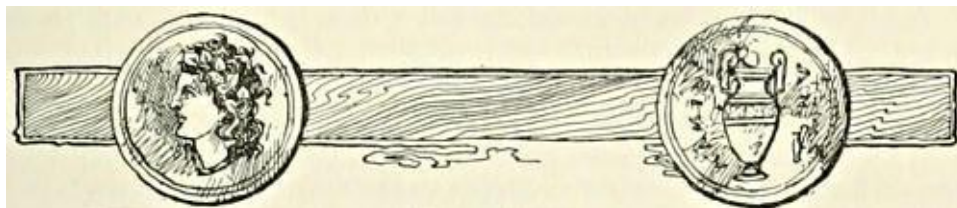
Когда Кир был убит, его голову и правую руку отрубили на месте, и царь со своими людьми, преследуя врага, ворвался в его лагерь; а те, кто был с Ариеем, больше не сопротивлялись, а бежали через свой лагерь к прежнему посту, который, как говорили, находился в четырех парасангах от поля битвы. Царь со своими войсками, помимо прочего, захватил любовницу Кира, фокейку, которая, как говорят, была женщиной большого ума и красоты. Другая, милезийка, которая была младшей из двух, также была захвачена войсками царя, но сбежала обнаженной в квартал греков, которые остались охранять багаж. Те, собравшись, убили многих из тех, кто грабил лагерь, и потеряли часть своих людей; однако они не бежали, а спасли милезийку, вместе с людьми и имуществом, и, в общем, все остальное, что было в их квартале. К этому времени царь и греки находились на расстоянии около тридцати стадий друг от друга, преследуя врага, который был напротив них ( ), как будто они одержали полную победу; а войска царя грабили лагерь греков, как будто они тоже были повсюду победителями. Но когда греки узнали, что царь со своими людьми находится среди их обоза, а царь, со своей стороны, услышал от Тиссаферна, что греки обратили в бегство тех, кто был перед ними, и продолжили преследование, он собрал свои войска и привел их в порядок. С другой стороны, Клеарх посоветовался с Проксеном, который был ближе всего к нему, следует ли им отправить отряд или всем вместе идти на помощь лагерю.

Тем временем было замечено, что царь снова движется вперед и, по-видимому, решил напасть на их тыл; после чего греки развернулись и приготовились идти в том направлении, чтобы принять его. Однако царь не продвигался в том направлении; но, как и раньше, он прошел мимо их левого фланга, и теперь он повел своих людей обратно тем же путем, взяв с собой тех, кто перешел на сторону греков во время сражения, а также Тиссаферна с его войсками: Тиссаферн не бежал при первом столкновении, а проник со своей конницей туда, где были размещены греческие копьеносцы, вплоть до реки; Однако, прорываясь, он не убил ни одного из их людей, но греки, разделившись, ранили его людей как мечами, так и дротиками. Эпистен из Амфиполя командовал копейщиками и проявил в этой ситуации большую доблесть.

Тиссаферн, осознав свое невыгодное положение, отступил; придя в лагерь греков, он нашел там царя, и, объединив свои войска, они двинулись вперед. Когда они подошли к левому флангу греков, те испугались, что их атакуют с фланга и, поворачивая вправо и влево, будут беспокоить с обеих сторон; чтобы этого избежать, они решили открыть этот фланг и прикрыть тыл рекой. Пока они совещались по этому поводу, царь прошел мимо них и выстроил свою армию напротив их армии в том же порядке, в котором он сражался вначале. Когда греки увидели, что они приближаются в боевом порядке, они снова запели пеан и пошли вперед с гораздо большей энергией, чем раньше. Однако варвары не остались, чтобы принять их, а бежали быстрее, чем в первый раз, и греки преследовали их до деревни. Там они остановились, потому что над деревней возвышалась возвышенность, на которой развернулись войска царя. У него не было пехоты, но холм был покрыт конницей таким образом, что греки не могли видеть, что происходит. Однако они сказали, что видели там царское знамя, которое представляло собой золотого орла с распростертыми крыльями, сидящего на копье.

Когда греки продвинулись к ним, всадники покинули холм, некоторые бежали в одну сторону, а другие — в другую. Однако постепенно холм очистился от них, и в конце концов все покинули его. Клеарх не поднялся на холм со своими людьми, а остановился у его подножия и послал Лиция Сиракузского и еще одного человека с приказом разведать место и доложить о нем. Ликий поднялся на холм, осмотрел его и донес, что враг в спешке бежал. Пока все это происходило, приближался закат. Здесь греки остановились и, лежа под своим оружием, отдыхали. Между тем они удивлялись, что ни Кир, ни кто-либо из его людей не

появлялся, ибо они не знали, что он мертв, а полагали, что он либо ушел в погоню, либо поехал вперед, чтобы занять какую-нибудь позицию. Тогда они посоветовались между собой, оставаться ли им на месте и послать за багажом, или вернуться в лагерь. Наконец они решили вернуться и прибыли к своим палаткам около ужина. Так закончился тот день. Там они обнаружили, что большая часть их багажа была разграблена, включая все провизию, а также повозки, полные муки и вина, которые Кир приготовил, чтобы раздать их грекам, если его армия когда-нибудь будет испытывать недостаток в необходимых вещах. Говорили, что этих повозок было четыреста, и все они были разграблены войсками царя, так что большая часть греков осталась без ужина и не ела даже обеда, потому что, прежде чем армия смогла остановиться, чтобы пообедать, появился царь. И так они провели ночь.⁴

ГРЕЧЕСКИЕ ПЕЧАТИ

ОТСТУПЛЕНИЕ

Когда битва при Кунаксе закончилась, греки, чей лагерь тем временем был разграблен, отвергли требование персидского царя о безоговорочной капитуляции и, хотя к этому времени их число сократилось до десяти тысяч, решили пробиться в Малую Азию, что означало марш через вражескую страну на расстояние, равное 1850 милям по маршруту, который они прошли от Эфеса до Кунаксы.

Ксенофонт, один из их лидеров, посвятил этому походу греков, который обычно называют «Отступлением десяти тысяч», отдельное произведение. Это один из самых известных военных подвигов древности ( ), который ярко демонстрирует превосходство Греции, поскольку смелое и успешное предприятие этих десяти тысяч греков принесло славу не только им самим. Оно является общим достоянием их эпохи, их народа и культуры, которой он достиг, и самым ярким образом подчеркивает контраст между относительной ценностью персидской и греческой цивилизаций и политических институтов. Группа греков бросила великолепный вызов правителю огромной Персидской империи, огромной армии и всем интригам его сатрапов. Это была победа греческой хитрости и мастерства над жесткой и механической организацией Персии, греческой науки над интеллектуальной бедностью Востока, греческой тактики над персидской неразберихой; наконец, победа подлинного чувства чести и патриотической гордости над коварством, трусостью и раболепием.

Маршрут, по которому шли Десять тысяч, не был тем же, по которому они шли в Кунаксу; он пролегал через Месопотамию, Мидию, Армению и вдоль южного побережья Черного моря до Фракии. Храбрые греки не знали пути через эти страны; у них не было ни карт, ни надежных проводников; им приходилось идти через пустыни и дикие места, пересекать горы и ущелья, проходить через территории вооруженных варварских племен и целых провинций; тем не менее, им удалось достичь границы своей страны с относительно небольшими потерями.

Вскоре после того, как они начали свой поход, Артаксеркс заключил с ними договор при посредничестве сатрапа Тиссаферна, который унаследовал сатрапию Кира, в силу которого им было позволено беспрепятственно возвращаться домой в сопровождении последнего во главе персидской армии и с необходимыми провизиями в пути. Но Тиссаферн заставил

греков ждать более двадцати дней, прежде чем вернулся из лагеря царя, и когда он наконец вернулся и отправился с ними в путь через Мидию, он проявил себя настолько подозрительным и вызывал такие постоянные и нарастающие трения между греческими войсками и своими собственными, что в конце концов греческий полководец Клеарх попросил о встрече с сатрапом. Его просьба была удовлетворена, и Клеарх, доверяя чести вражеского вождя, отправился в персидский лагерь в сопровождении всех двадцати четырех офицеров, входивших в его военный совет. Как только они достигли лагеря, их вероломно взяли в плен, а их охрану перебили. Вскоре их увезли в королевскую столицу и там казнили всех вместе.

Персы надеялись этим вероломным ударом повергнуть греков в смятение и таким образом без особого труда победить их; но они были не мало удивлены, когда (в резком контрасте с духом и организацией их собственной армии) из рядов греческих солдат и младших офицеров сразу же и, как бы, спонтанно возник новый корпус генералов и новых подчиненных офицеров. Дело в том, что в греческой армии каждый год производились новые назначения на все должности; не было регулярного продвижения по службе, и ни один офицер не имел постоянного звания; напротив, человек, который в одном году занимал должность офицера, в следующем часто служил рядовым солдатом. Благодаря этому почти каждый рядовой солдат был способен занять место офицера, и было легко назначить новых командиров для больших и малых подразделений армии. Ксенофонт, который до сих пор сопровождал поход не в качестве рядового или офицера, а просто как друг и товарищ одного из генералов, был первым, кто после вероломного поступка Тиссаферна призвал своих соотечественников не поддаваться персидскому требованию о капитуляции, а пробиваться с оружием в руках через вражескую страну. Только один из полковников и капитанов, собравшихся вокруг него, возразил против его предложения. Это вызвало подозрения у остальных, и, присмотревшись к нему повнимательнее, они заметили по его проколотым ушам, что он по происхождению не грек, а перс. Его немедленно изгнали, а Ксенофонт и четверо других были назначены преемниками генералов, захваченных персами.

С того дня Ксенофонт стал душой греческой армии, которая обязана ему своим окончательным освобождением и в котором она по праву видела абсолютное доверие. Он был достаточно благоразумен, чтобы не командовать от своего имени, а от имени Хирисофа из Спарты, хотя последний был полностью лишен способностей и знаний, необходимых для того, чтобы провести своих соотечественников через сердце Персидской империи. Мотивом Ксенофонта в этом было, с одной стороны, не вызывать неприязни спартанцев, которые стали хозяевами Греции после Пелопоннесской войны, а с другой — держать свой народ в более строгой дисциплине благодаря страху перед спартанским вождем. Руководствуясь замечательным тактическим мастерством, которое соответствовало всем новым требованиям места и обстоятельств, греки продолжали свой поход, постоянно преследуемые и беспокоимые персами, к суровой и негостеприимной горной местности в районе Верхнего Тигра. Здесь они столкнулись с жестоким и воинственным племенем кардухов, которые, как и современные курды, возможно, являющиеся их потомками, никогда не были покорены и отвергали все предложения о разрешении мирно пройти через их территорию. Персы, не осмеливаясь идти дальше, теперь отказались от преследования Десяти тысяч, и те вошли в суровую и крутую страну кардухов и, несмотря на постоянные нападения жителей, благодаря превосходству своей военной дисциплины и опыта, за семь дней достигли другой стороны горного хребта и границ Армении. Этот поход через страну кардухов был самой тяжелой частью их путешествия и стоил им больше потерь и страданий, чем все атаки персидской армии.⁴ Мы снова обращаемся к яркому описанию словами самого Ксенофонта в английском переводе Спелмана.

ОПИСАНИЕ КСЕНОФОНОМ ТРУДНОСТЕЙ

В стране таохов у них начали заканчиваться припасы: таохи жили в крепостях, куда они перевезли все свои припасы. Наконец армия прибыла к крепости, в которой не было ни города, ни домов, но где собралось большое количество мужчин и женщин со своим скотом. Хирисоф приказал атаковать это место, как только он подошел к нему, и когда первая рота потерпела поражение, на смену ей пришла другая, а затем еще одна, поскольку место было окружено обрывами, и они не могли атаковать его со всех сторон одновременно. Когда Ксенофонт подошел с арьергардом, копейщиками и тяжеловооруженными воинами, Хирисоф сказал ему: «Ты пришел очень вовремя, потому что это место должно быть взято, иначе армия умрет с голоду».

После этого они созвали военный совет, и Ксенофон спросил, что может помешать им взять это место; Хирисоф ответил: «К нему нет другого подхода, кроме этого, и когда кто-либо из наших людей пытается его захватить, они скатывают камни с нависающей скалы, и те, на кого они падают, получают то, что ты видишь»; указывая при этом на некоторых из своих людей, у которых были сломаны ноги и ребра. «Но, — сказал Ксенофонт, — когда они израсходуют все камни, что у них есть, что тогда помешает нам подняться? Ведь я не вижу ничего, что могло бы противостоять нам, кроме нескольких человек, и из них не более двух или трех вооруженных. Пространство, через которое мы должны пройти, подвергаясь ударам камней, составляет около ста пятидесяти футов в длину, из которых сто футов покрыты большими соснами, растущими группами, и если наши люди встанут за ними, что они могут страдать от камней, которые бросает или скатывает враг? Остальная часть этого пространства составляет не более пятидесяти футов, которые, когда камни перестанут лететь, мы должны пройти со всей возможной быстротой». «Но, — говорит Хирисоф, — как только мы попытаемся пройти в место, покрытое деревьями, они начнут обрушиваться на нас град камней». «Это, — отвечает Ксенофонт, — именно то, что нам нужно, потому что таким образом они будут уничтожены быстрее. Однако, — продолжает он, — давайте, если сможем, продвинемся к тому месту, откуда нам придется пробежать всего лишь небольшое расстояние и откуда мы также сможем, если сочтем это целесообразным, легко отступить».

После этого Хирисоф и Ксенофонт вместе с Каллимахом из Паррасии, одним из капитанов, продвинулись вперед (поскольку последний в тот день командовал капитанами в тылу), а все остальные офицеры остались в стороне от опасности. Затем около семидесяти человек продвинулись под деревья, не группой, а по одному, каждый укрываясь, как мог. Агасий из Стимфалии и Аристоним из Мефидрии, которые также были капитанами арьергарда, вместе с некоторыми другими остались позади, за деревьями, поскольку там было небезопасно находиться более чем одной роте. В этой ситуации Каллимах применил следующую уловку. Он продвинулся на два-три шага от дерева, под которым стоял, но, как только начали лететь камни, быстро отступил, и при каждой вылазке было израсходовано более десяти телег камней. Когда Агасий увидел, что делает Каллимах, и что на него устремлены взоры всей армии, опасаясь, что он может оказаться первым, кто войдет в это место, он, не предупредив ни Аристонима, который стоял рядом с ним, ни Эврилоха из Лусии, которые были его друзьями, ни кого-либо другого, вышел вперед один, с намерением опередить остальных. Когда Каллимах увидел, что он проходит мимо, он схватил край его щита. Тем временем Аристоним, а за ним и Эврилох, пробежали мимо них обоих: все они были соперниками в славе и постоянно соперничали друг с другом. И, соревнуясь таким образом, они заняли это место: ведь в тот момент, когда один из них поднялся наверх, свыше больше не бросали камни.

И здесь последовало действительно ужасное зрелище: сначала женщины сбрасывали своих детей в пропасть, а затем и самих себя. Затем то же самое сделали мужчины. И здесь

Эней Стимфалийский, военачальник, увидев одного из варваров, который был богато одет, бегущего с намерением броситься вниз, схватил его, а другой, тянувший его за собой, и оба они упали с обрыва и разбились на куски. Таким образом, мы взяли очень мало пленных, но захватили значительное количество волов, ослов и овец.

Оттуда греки продвинулись через страну халибов и за семь маршей прошли пятьдесят парасангов. Это был самый храбрый народ, который они встретили за весь свой поход, и он вступил в близкое сражение с греками. У них были льняные кольчуги, доходившие ниже пупка, и вместо кисточек — толстые скрученные шнуры. У них также были поножи и шлемы, а на поясе — короткие сабли, подобные лакедемонийским, которыми они перерезали горло побежденным, а затем, отрезав им головы, уносили их в знак триумфа. Они имели обыкновение петь и танцевать, когда думали, что враг их видит. У них были копья длиной в пятнадцать локтей с одним острием. Они оставались в своих городах, пока греки не прошли мимо, а затем следовали за ними, постоянно преследуя их. После этого они отступили в свои крепкие укрепления, в которые занесли свои припасы, так что греки не могли снабжаться ничем из своей страны, а жили на скоте, который они забрали у таохийцев.

Теперь они подошли к реке Харпасус, шириной в четыреста футов. Оттуда они продвинулись через страну скифов и за четыре дня пути прошли двадцать парасангов, пересекая равнину и проходя через несколько деревень, в которых они остановились на три дня и запаслись провизией. От этого места они за четыре дня прошли двадцать парасангов до большого и богатого города с многочисленным населением, который назывался Гимниас. Правитель этой страны послал к грекам человека, чтобы тот провел их через территории своих врагов. Этот проводник, придя к войску, сказал, что за пять дней доставит их в место, откуда они увидят море. Если нет, он согласился быть казненным. И когда он провел их на территории, принадлежащие его врагам, он попросил их опустошить страну огнем и мечом. Из этого было очевидно, что он пришел с этой целью, а не из-за какой-либо доброжелательности по отношению к грекам. На пятый день они прибыли к святой горе под названием Техес. Как только люди, которые шли в авангарде, поднялись на гору и увидели море, они громко закричали, и когда Ксенофонт и те, кто шел в арьергарде, услышали это, они решили, что другие враги атакуют их с фронта, потому что люди, принадлежащие к стране, которую они сожгли, следовали за их арьергардом, некоторых из которых те, кто за них отвечал, убили, а других взяли в плен в засаде. Они также захватили двадцать щитов, сделанных из сырой кожи быков с шерстью.

Шум все усиливался по мере их приближения, и люди, как только подходили, бежали к тем, кто все еще продолжал кричать, и их крики усиливались с увеличением числа, так что Ксенофонт, думая, что произошло что-то необычное, сел на лошадь, взял с собой Лиция и его лошадь и поехал им на помощь. И вскоре они слышали, как солдаты кричали: «Море! Море!» и приветствовали друг друга. При этом все бросились бежать, как арьергард, так и остальные, а выючные животные и лошади были погнаны вперед. Когда все поднялись на вершину горы, они обнялись друг с другом, а также со своими генералами и капитанами со слезами на глазах. И сразу же люди, по чьему приказу неизвестно, собрали большое количество камней и соорудили большую горку, на которую положили большое количество щитов, сделанных из сырой кожи быков, палок и щитов, взятых у врага. Сам проводник разрезал щиты на куски и призвал остальных сделать то же самое. После этого греки отправили своего проводника обратно, подарив ему подарки из общественного запаса: лошадь, серебряный кубок, персидское платье и десять дариков. Но больше всего проводник хотел, чтобы солдаты дали ему несколько своих колец, и многие из них дали ему их. Показав им деревню, где они должны были разместиться, и дорогу, ведущую к макронам, с наступлением вечера он ушел, отправившись в обратный путь той же ночью. [c](#)

КОНЕЦ ПОХОДА

Наконец, через четыре месяца после битвы при Кунаксе, они вошли в Трапезу, первый греческий город, к которому они прибыли, и отпраздновали свое безопасное прибытие к своим соплеменникам жертвоприношениями и играми. Отсюда они продолжили свое отступление, некоторые по морю, а некоторые по суше. Но когда они вновь вдохнули воздух Греции и страх перед варварами прошел, между ними закрались раздор и алчность, и они оказались настолько неприятными гостями, что даже жители греческих колоний на южном побережье Черного моря пытались избавиться от них как можно скорее. Совершая многочисленные набеги в поисках добычи и неся немалые потери по пути, они прошли через Вифинию в Византию, а оттуда направились вглубь Фракии, где Сеуф, правивший тогда страной, нанял грубых и воинственных авантюристов, в которых превратились остатки Десяти тысяч. В течение нескольких месяцев они помогали ему распространять свою власть на различные фракийские племена. Наконец, они были наняты спартамцами, которые в то время воевали с Персидской империей, и таким образом вернулись в Азию.

Остатки всей армии насчитывали шесть тысяч человек, а расстояние, которое они преодолели от поля битвы при Кунаксе до примерно середины южного побережья Черного моря, составляло не менее двух тысяч миль. Они проделали этот путь за восемь месяцев. Но весь поход от Эфеса до Кунаксы и оттуда до этого региона на Черном море занял пятнадцать месяцев (с февраля 401 года до начала июня 400 года до н. э.), а поход от последнего места до места, где они присоединились к спартанской армии в Малой Азии (март 399 года до н. э.), занял девять месяцев.

Ксенофонт, который оказал наиболее заметную услугу в этом памятном походе, вернулся в Грецию после того, как привел остатки Десяти тысяч к спартанской армии в Малой Азии. Несколько лет спустя он принял активное участие в экспедиции против персов, проводимой его другом, спартанским царем Агесилаем, и после возвращения последнего сражался в битве при Коронее. Находясь в Азии с Агесилаем, он был изгнан из своего родного города по решению народа, потому что принимал участие в войне против персидского царя, который в то время был союзником Афин, и потому что его аристократические взгляды и предпочтение политической системе Спарты вызвали ненависть демагогов и зависть народа. После битвы при Коронее он сопровождал Агесилая в Спарту и оставался там некоторое время, а затем поселился в загородном поместье в окрестностях Олимпии, которое он либо получил в дар от спартанцев, либо купил на огромное состояние, накопленное им в Азии. Здесь и в Коринфе он написал часть своих произведений. Приговор об изгнании из Афин вскоре был отменен, но вряд ли он когда-либо возвращался в свой родной город, хотя позднее он убедил своего сына Грилла принять участие в одной из военных экспедиций афинян. Грилл пал в битве при Мантинее, и, по преданию, известие о его смерти было доставлено его престарелому отцу, когда тот стоял у алтаря, принося жертву богам. Ксенофонт был увенчан венком, в соответствии с греческим обычаем носить венки во время праздников. Он сразу же снял его с головы, но воспринял известие о смерти сына с крайним спокойствием, сказав, что знал, что он был всего лишь смертным. Когда ему сказали, что Грилл сражался с большой доблестью, он снова надел венок, закончил жертвоприношение и добавил к нему молитву, в которой поблагодарил богов за достоинство своего сына. Ксенофонт умер в Коринфе в 355 году до н. э. в возрасте девяноста лет.^е

ЗНАЧЕНИЕ ПОСТИЖЕНИЯ КСЕНОФОНА

Мир никогда не переставал трепетать от сочувственного воспоминания о том радостном крике десяти тысяч воинов Ксенофонта: «*Талатта! Талатта!*» (Море! Море!). Он имеет родство с чувствами измученных и израненных детей Израиля, достигших границ Земли Обетованной. Он возвышается над обычными кризисами истории, как купол храма над городом. Он занимает свое место среди таких вершин эмоций, как вид Рима, который открылся Аттиле, и вид Иерусалима, который открылся крестоносцам с минаретов, и крик «Земля!» на кораблях Колумба. Он находит странно современную параллель в первом взгляде на океан американских солдат во время похода Шермана к морю.

Как и все эти живописные события, оно означало для истории человечества нечто большее, чем просто драматический момент. Это было прелюдией к триумфу Александра в греческой истории. Оно показало грекам, что их амбиции не должны ограничиваться маленькими приходами, в которых они жили. Оно раскрыло тот факт, что великое царство персидского монарха, которого греки всегда называли «Царем», было похоже на плод Мертвого моря: блестящий снаружи, но гнилой внутри. Единственным стимулом, который греки испытывали к панеллинскому духу, была непосредственная угроза со стороны Персии. Небольшие отряды патриотов рассеяли толпы восточных подданных, направленных против них, но они и не могли мечтать, что их успех в наступательной войне будет равен славе оборонительной борьбы.

Но здесь было все меньшее число десяти тысяч греков, объединенных ничем, кроме желания денег, которых они так и не получили. И эта сравнительно небольшая группа наемников разграбила самые потаенные уголки Персидской империи ( ) и так и не нашла армию, достаточно большую или отважную, чтобы противостоять ей в открытом бою. Завоевание такой империи казалось вполне по силам любому греческому полководцу. Первым, кто попытался это сделать, был второстепенный спартанский царь Агесилай, который потерпел неудачу. И Персидская империя сопротивлялась нападениям еще пять поколений, пока новая кровь Македонии и безграничные амбиции Александра не предприняли попытку. До его прихода удары других были лишь гимнастикой. Когда он пришел, он не постеснялся признать накануне битвы при Иссе, что его вдохновил подвиг Десяти тысяч.

Между тем, без учета его отдаленных последствий, анабазис и катабазис армии Ксенофонта сами по себе являются славными. Он сам кратко подводит итог этому достижению в заключении своего труда.

[401-399 гг. до н.э.]

«Губернаторами королевства, по крайней мере той его части, которую мы прошли, были: в Лидии — Артемас, во Фригии — Артакамас, в Ликаонии и Каппадокии — Митридат, в Киликии — Синнезис, Феникии и Аравии — Дернес; Сирии и Ассирии — Белесис; Вавилона — Ропарас; Мидии — Арбакс; Фасианов и Гесперитов — Тирибаз; кардухи, халибы, халдеи, макроны, колхи, мосинеки, коэты и тибарены были независимыми народами; в Пафлагонии — Корилас; в Вифинии — Фарнабаз; а в Европе среди фракийцев — Сеуф.

«Общая продолжительность путешествия, анабазиса и катабазиса, составила 215 дней марша, 1155 парасангов, 34 650 стадий. Продолжительность анабазиса и катабазиса составила один год и три месяца».

Если считать, что парасанг равен трем с двумя пятыми милям, то общее расстояние, пройденное за пятнадцать месяцев, составило бы 3927 миль. Рукописи не все согласны в отношении цифр, но общий марш можно принять как почти четыре тысячи миль через страну, полную враждебности и вероломства, страну, не нанесенную на карту и неизвестную

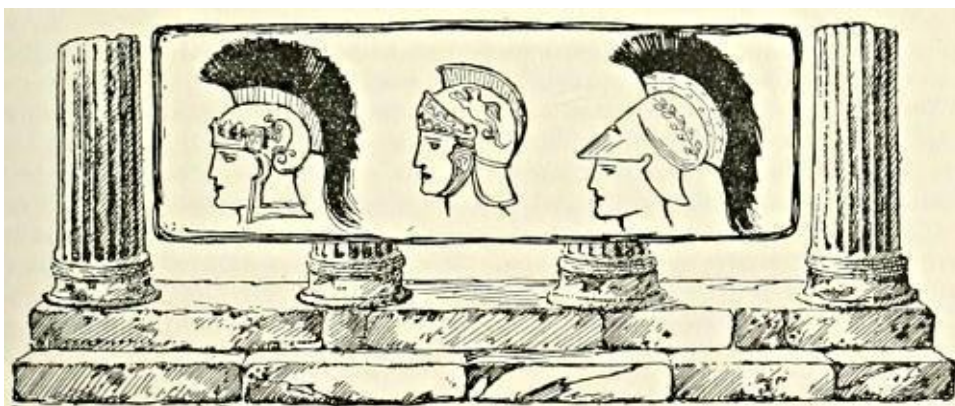

грекам. Этот подвиг, который вполне можно назвать подвигом банды отчаянных, занимает высокое место в истории как абсолютный подвиг храбрости и как указатель греческих амбиций.^а

СНОСКИ

^[5] [Парасанг равнялся примерно $3\frac{1}{2}$ английским милям].

^[6] [Дарик, названный в честь Дария, был золотой монетой весом примерно в один суверен, или пять долларов. Аттический талант оценивался примерно в 200 фунтов стерлингов или 1000 долларов.]

ГРЕЧЕСКАЯ МЕДАЛЬ

ГЛАВА ХІ. СПАРТАНСКОЕ ПРЕВОСХОДСТВО

В сознании большинства людей существует неизбежное предубеждение в пользу блестящих и утонченных идеалов Афин в противовес упрямому и бесплодному вероучению спартанцев. Поэтому мы слышали больше об афинской стороне, чем о спартанской в их совместных войнах. По мере приближения к периоду славы Спарты, целесообразно кратко проанализировать и обобщить ее идеалы и достижения до этого периода, когда, как отмечает спартофил Мюллер, Спарта добилась своего прогресса, отказавшись от своих почитаемых верований. Следующее следует читать с учетом того, что оно написано спартанским сторонником.

Спарта, завоевав Мессинию и Тегею, заняла первое место в Пелопоннесе, что она подтвердила изгнанием тиранов и свержением Аргоса. Примерно с 580 года до н. э. она действовала как признанный полководец не только Пелопоннеса, но и всего греческого мира. Однако сам союз был образован только жителями этого полуострова на основе фиксированных и регулярных законов, в то время как другие греки присоединялись к нему только временно. Порядок старшинства, соблюдаемый членами этого союза, можно понять из надписи на подножке статуи Зевса, которая была посвящена в Олимпии после Персидской войны, при этом ионийцы, которые были союзниками только на время, были опущены. Он выглядит следующим образом: Лакедемон, Коринф, Сикион, Эгина, Мегара, Эпидавр, Тегея, Орхомен, Флиос, Троизен, Гермiona, Тиринс, Микены, Лепреум и Элида; последнее государство было довольно последним местом, поскольку оно принимало незначительное участие в войне.

Защитники перешейка перечислены следующим образом: лакедемоняне, аркадцы, элейцы, коринфяне, сикионцы, эпидаврийцы, флиасийцы, троезенцы и гермионийцы, что почти совпадает с другим списком, за исключением того, что аркадцы, присутствовавшие со всей своей силой, а также элейцы занимают более раннее место; а мегаряне и эгинцы опущены, поскольку не принимали участия в обороне. Этот регулярный порядок старшинства сам по себе является доказательством прочного союза. Тегеаты, поскольку они присоединились к стороне Лакедемона, пользовались несколькими привилегиями, и в особенности почетным местом в левом крыле союзной армии. Аргос оставался исключенным из народов Пелопоннеса, поскольку он никогда не подчинялся командованию Спарты; ахейцы, равнодушные к внешней политике, присоединились к союзу лишь на время; но мантинцы, хотя в последнее время и следовали политике Аргоса, долгое время были привержены Пелопоннесскому союзу; в конце Персидской войны они послали армию, которая прибыла слишком поздно для битвы при Платеях, но ранее вместе с другими аркадцами помогала защищать перешеек; они также участвовали в первые дни сражения при Фермопилах и в это время все еще были верными союзниками лакедемонян. Их последующее отступление от Спарты можно частично объяснить их стремлением получить власть над Паррхасией, которая находилась под защитой Лакедемона, их враждебностью по отношению к Тегее, которая осталась верной Спарте после великой войны с Аркадией, начавшейся около 470 г. до н. э., а также укреплением своего города и установлением демократического правительства под влиянием Аргоса.

[480-432 гг. до н. э.]

Верховенство Спарты проявлялось в экспедициях всего союза и в сделках того же характера. В первом случае спартанский царь — после того, как было решено, что никогда

не следует посылать двух вместе — был главнокомандующим, в полномочиях которого сохранилось многое от власти древних гомеровских князей. Однако иногда Спарта была вынуждена уступать свои привилегии другим полководцам, особенно на море, как, например, флот в Саламине — Эврибиаду. Когда планировалась какая-либо экспедиция, спартанцы обращались к союзным государствам с просьбой подготовить людей и припасы. Максимальный объем, который каждое государство могло быть призвано предоставить, был зафиксирован раз и навсегда, и только в каждом конкретном случае определялось, какая часть этого объема была необходима. Аналогичным образом, денежные средства и припасы назначались на регулярной основе, так что армия со всем своим снаряжением могла быть собрана по простому призыву. Но сельскохозяйственные работы, праздники и естественная медлительность дорийского народа часто очень задерживали сбор этой армии. Взносы, в основном, пожалуй, добровольные, как от государств, так и от частных лиц, регистрировались на камне: до сих пор сохранилась надпись, найденная в Тегее, в которой записаны военные поставки эфесян, мелианцев и т. д. в виде денег и зерна. Но лакедемоняне никогда не требовали от Пелопоннесского союза регулярных ежегодных взносов, независимых от обстоятельств, которые фактически были бы данью: когда однажды такая мера была предложена царю Архидаму, он ответил, что «война не потребляет по правилам».

Однако Перикл справедливо считает, что отсутствие наемных войск и накопленных сокровищ было невыгодным для пелопоннесцев. Цель экспедиции объявлялась публично, однако в некоторых случаях, когда требовалась секретность, о ней не знали ни государства, ни их армия. Отдельные союзные государства, если того требовала необходимость, могли также немедленно созвать армию других государств, но не ясно, в какой степени этот призыв был для них обязательным. Спартанская военная конституция, которую мы объясним ниже, распространялась на всю союзную армию, но, несомненно, она по-разному сочеталась с тактикой различных народов. На военный совет, который, кроме того, только обсуждал, но не принимал решений, спартанский царь созывал лидеров различных государств вместе с другими командирами и, как правило, наиболее выдающимися лицами в армии.

Согласно конституции Пелопоннесского союза, все общие действия, такие как объявление войны или заключение мира или договора, согласовывались на съезде союзников. Но поскольку регулярных собраний такого рода не было, несколько государств посылали послов (ἄγγελοι), подобных депутатам (πρόβουλοι) ионийцев, которые обычно оставались вместе только в течение короткого времени. Все члены имели равные голоса (ισόψηφοι), и большинство иногда принимало решения вопреки сильной оппозиции; Спарта часто проигрывала голосование, поскольку Коринф всегда был готов выступить с оппозицией. Однако у нас мало информации о точном состоянии конфедерации; вероятно, исходя из аристократических настроений пелопоннесцев ( ), в целом авторитет имел большее значение, чем количество голосов; а для крупных предприятий, таких как Пелопоннесская война, помимо согласия других союзников, было необходимо согласие главного государства. Когда съезд созывался в Спарте, послы часто вели переговоры с общественным собранием спартанцев.

Но на внутренние дела, законы и учреждения союзных государств конфедерация не имела никакого законного влияния. Основопологающим законом было то, что каждое государство должно было, в соответствии со своими древними обычаями, быть независимым и верховным; и большая честь Спарте в том, что, пока существовал союз, она никогда, даже когда представлялась благоприятная возможность, не лишала ни одно пелопоннесское государство этой независимости. Споры между отдельными государствами также не выносились на рассмотрение союзнического конгресса, который, ввиду превосходства Спарты, мог бы поставить под угрозу их свободу; обычно они передавались на рассмотрение

Дельфийского оракула или арбитрам, выбранным обоими государствами. Для споров между гражданами разных государств существовала полностью свободная и равная система правосудия. Юрисдикция государств также была абсолютно свободна от иностранного вмешательства. Таковы основные черты конституции Пелопоннесского союза, единственного союза, который в период расцвета Греции сочетал в себе обширные полномочия с справедливостью и уважением к независимости своих более слабых членов.

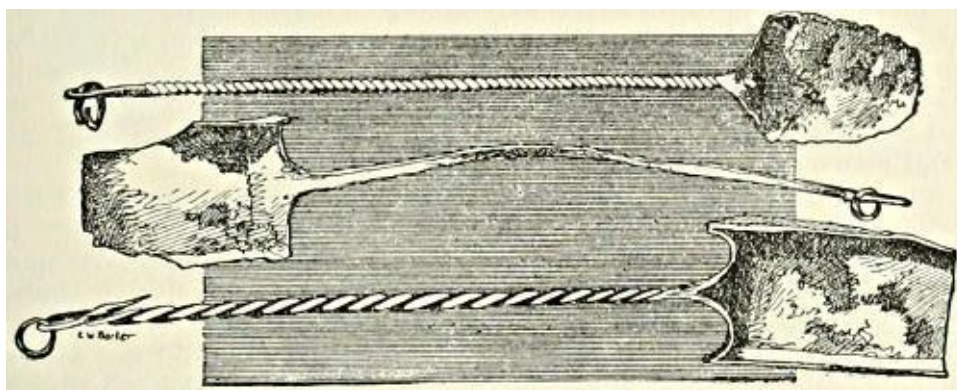
[580-479 гг. до н. э.]

Спарта стала главой этого союза не по соглашению и тем более не путем узурпации, но по молчаливому признанию она была лидером не только этого союза, но и всей Греции, и действовала в этом качестве во всех международных отношениях примерно с 580 года до н. э. Крезис стремился заключить с ней союз, а ионийцы, подвергаясь давлению со стороны Кира, обратились за помощью к спартанцам, которые, с забавным незнанием положения дел за морем, думали устроить царя Персии угрозой военных действий. Примечательно, что в то время в Спарте находились скифские послы, с которыми, как говорят, был согласован большой план операций против Персии. В 520 году до н. э. платейцы поставили себя под защиту Клеомена, который направил их в Афины; вестник из Спарты изгнал Алкмеонидов из их города; после этого Аристагор обратился к покровителю Греции за помощью против национального врага; а когда эгинцы дали персам землю и воду, афиняне обвинили их в предательстве перед спартанцами; и, наконец, во время Персидской войны Греция нашла в высоком авторитете этого государства единственное средство для осуществления союза, столь необходимого для ее безопасности и успеха.

В этой войне был образован новый союз, который простирался за пределы Пелопоннеса; общность опасности и победы, помимо временного объединения, привела к созданию союза, предназначенного для продолжительного существования. Именно собрание этого союза — постоянный конгресс в Коринфе во время войны и в Спарте после нее — урегулировало внутренние разногласия в Греции, пригласило Аргос, Коркиру и Гело присоединиться к союзу, а затем призвало Фемистокла ответить за свои действия. Столько он сделал для решения текущей чрезвычайной ситуации. Но в то же время Паусаний, регент Спарты, после великой победы при Платеях убедил союзников заключить новый договор. Под покровительством богов конфедерации, в частности Элевсинского (или Греческого) Юпитера, они взаимно обязались поддерживать независимость всех государств и соблюдать многие другие условия, о которых уже ничего не известно. В частности, платейцам была обещана безопасность от опасности. Ионийцы также после битвы при Микале были приняты в эту конфедерацию.

Великолепные победы над персами на некоторое время вывели Спарту, которая была приспособлена к спокойной и пассивной жизни, из ее естественной сферы, и ее царь Паусаний хотел предать свою страну ради блеска азиатского принца. Но это государство вскоре осознало свои истинные интересы и больше не посылало полководцев в Азию, «чтобы ее генералы не стали хуже»: оно также хотело избежать дальнейшей войны с персами, считая, что Афины лучше подходят для ее ведения, чем оно само. Если бы сохранилась речь, в которой Гетозмаридас Гераклид доказал советникам, что Спарте нецелесообразно стремиться к господству на море, мы, несомненно, обладали бы глубоким представлением о тех вещах со спартанской стороны, на которые мы теперь привыкли смотреть афинскими глазами. Неверно и то, что господство над греками было фактически передано от Спарты Афинам, если рассматривать этот вопрос так, как его рассматривала Спарта, каким бы большим ни было влияние этой перемены на мощь Афин. Но Спарта

продолжала удерживать свое превосходство на Пелопоннесе, и большинство народов материковой Греции присоединились к ней, в то время как только греки Малой Азии и островов, которые ранее были подданными Персии и тогда были освобождены лишь частично, возможно, слишком презируемые Спартой, подчинились Афинам. Однако полное освобождение Малой Азии от персидского ига, которое считается одним из главных подвигов Афин, на самом деле так и не было осуществлено. Афинская империя не помешала вассалам и подданным персидского царя править греками Малой Азии вплоть до самого побережья. Не нужно приводить больше доказательств, чтобы опровергнуть ложность рассказа, который обычно дают панегирические риторы Афин.

ГРЕЧЕСКИЕ ЛОПАТЫ

(В Британском музее)

[479-465 гг. до н. э.]

Пелопоннес меньше всего интересовался этими событиями, так как по неизвестной причине возникли внутренние разногласия, которые привели к открытой войне между Спартой и Аркадией. Мы знаем только, что между битвой при Платеях (в которой Тегея, как и позже, проявила большую верность Спарте) и войной с илотами (*т. е.* между 479 и 465 гг. до н. э.) лакедемоняне сражались в двух великих битвах: одной против тегеацев и аргивян при Тегее, другой против всех аркадцев, за исключением мантинейцев, при Дипее (ἐν Διπαίῃσι) на территории Меналии. Тисамен, элемец из рода Ямидов, участвовал в обеих битвах в составе спартанской армии; и в обеих Спарта одержала победу.

[465-451 гг. до н. э.]

Эта война еще не была закончена, когда в 465 г. до н. э. сильное землетрясение разрушило Спарту, и внезапная гибель угрожала поглотить главное государство Греции. Ведь в надежде полностью уничтожить своих правителей многие илоты подняли восстание, и война была названа Третьей Мессенской войной. В связи с этим лакедемоняне, предвидя утомительную осаду, призвали на помощь своих союзников; на этот призыв откликнулись, среди прочих, афиняне; однако спартанцы, как мы уже видели, отпустили их до взятия крепости.

Сразу после отзыва афинян из Итомы обиженный народ Афин аннулировал союз со Спартой, который существовал со времен Персидской войны. Затем последовала война с морскими городами Арголиты, в которой Афины, после многих неудач, наконец удалось уничтожить флот Эгины и подчинить этот остров (457 г. до н. э.). Бездействие Спарты во время этих удивительных успехов ее врага (ведь когда она заключила перемирие с

Афинами, она, должно быть, частично предвидела его последствия) кажется доказательством того, что она была полностью занята окончательным захватом Итомы и урегулированием своих интересов в Аркадии.

Пятилетнее перемирие 451 г. до н. э. было лишь перемирием между Афинами и Пелопоннесским союзом, которое позволило Беотии самостоятельно сбросить афинское иго. По истечении этих пяти лет Мегара восстала против афинян, в результате чего пелопоннесцы вторглись в Аттику, что, хотя и не принесло немедленных результатов, вскоре привело к заключению Тридцатилетнего перемирия, по которому Афины уступили свои завоевания в Мегаре и на Пелопоннесе и вернулись к своим прежним границам на материке.

Если мы теперь рассмотрим события, которые были кратко описаны, то можно заметить, что принцип, по которому постоянно действовали лакедемоняне, заключался в самообороне, восстановлении утраченного или сохранении того, что было под угрозой опасности; тогда как афиняне всегда стремились к нападению или завоеванию, или к изменению существующих институтов. В то время как спартанцы в этот период, даже после величайших побед, не завоевали ни пяди земли, не подчинили ни одного независимого государства и не уничтожили ни одного существующего учреждения, афиняне в течение более или менее длительного времени подчинили своему господству обширные территории, расширили свой союз (как его называли) во всех направлениях и не уважали никаких связей, когда они вступали в противоречие с их планами по созданию империи.

Но поразительная энергия афинян, которая из одной точки держала всю Грецию в постоянном напряжении, почти парализовала Спарту; естественная медлительность этого государства становилась все более и более очевидной: оно, как бы насильно пересаженное в чужую область, только постепенно начинало понимать политику Афин. Очевидно, что принципы афинской политики прямо противоречили общему чувству справедливости, которое исповедовали греки, и особенно уважению к кровному родству; и это фундаментальное различие было истинной причиной Пелопоннесской войны. В первую очередь, дорийцы противостояли ионийцам, и поэтому в известном оракуле она была названа Дорийской войной. Это был союз свободных греков против злой амбиции одного государства, сухопутных сил против морских: флот пелопоннесцев в начале войны был очень незначительным. Поэтому прошло некоторое время, прежде чем воюющие стороны даже столкнулись друг с другом; суша была средством связи для одной стороны, море — для другой: поэтому государства, дружественные Афинам, были вынуждены немедленно построить длинные стены с целью соединить главный город с морем и изолировать его от суши. Большие отряды людей, обученных ведению войны, сражались против богатства: пелопоннесцы вели войну с помощью местных жителей, тогда как Афины укомплектовывали свой флот — основу своей мощи — в основном иностранными моряками, так что коринфяне справедливо говорили, что мощь Афин была скорее куплена, чем завоевана. Основным принципом политики Перикла, который также был принят Фукидидом в знаменитом введении к его *«Истории»*, было то, что не страна и народ, а движимое и личное имущество в собственном смысле этого слова делают государства великими и могущественными. Война означала сохранение древних обычаев в противовес стремлению к нововведениям: первое было главной чертой дорийцев, второе — ионийцев. Дорийцы хотели сохранить свое древнее достоинство и власть, а также свои обычаи и религиозные чувства; ионийцы же обычно стремились к чему-то новому. Это был союз народов и племен против произвольно образованного союза: аристократия противостояла демократии: это различие проявилось в первой половине войны, когда Афины изменились, а Спарта лишь восстановила правительства; ибо в данном случае власть Спарты строго

использовалась только для поддержания древних установлений, поскольку аристократия может быть свергнута, но не может быть образована в одно мгновение.

ГРЕЧЕСКАЯ ТЕРРАКОТОВАЯ СТАТУЭТКА

(В Британском музее)

Этих очевидных различий достаточно, чтобы обосновать результат, к которому мы хотим прийти. «Честность и открытость» дорического характера, благородная простота древних времен Греции вскоре исчезли в эту бурную эпоху. Поэтому Спарта и пелопоннесцы выходят из борьбы измененными и, как бы, противоположными; и еще до ее окончания проявляют характер, который раньше, вероятно, был у них лишь в зародыше.

[460-405 гг. до н. э.]

Но во второй половине войны, когда спартанцы отказались от своих огромных сухопутных вооружений и начали оснащать флоты наемными моряками; когда они научились считать деньги главным инструментом ведения войны и просили их у двора Персии; когда они стремились не столько защищать государства, связанные с ними родством и союзом, сколько распустить Афинский союз; когда они начали укреплять завоеванные государства с помощью своих гармостов и олигархов, навязанных народу, и обнаружили, что тайное управление политическими клубами более отвечает их интересам, чем открытые переговоры с правительством ( ); мы видим, как с одной стороны развивается энергия и ловкость, впервые проявившиеся в предприятиях великого Брасида, а с другой — мирская политика, проявленная в Гиллиппе, а затем еще сильнее в Лисандре; когда потомки Геракла сочли целесообразным променять львиную шкуру на лисью. И поскольку предприятия, проводимые в духе прежних времен, либо полностью проваливались, либо оставались безрезультатными, эта новая система, хотя государство и пришло в упадок изнутри, принесла с собой, по иронии судьбы, внешнюю славу и победу.^{[b](#)}

Какую бы благородную веру ни приписывал Спарте до этого времени любящий Спарту Мюллер, как указано выше, несомненно, что внезапное обретение огромной и непредвиденной власти изменило ее настроение, и, как говорит Бэри, «она цинично отбросила свои высокие моральные принципы и поддалась жажде угнетения». Гроте не был поклонником Спарты, но тем не менее он хорошо обосновывает свои обвинения в ее адрес.^{[a](#)}

СРАВНЕНИЕ ГРОТЕ СПАРТАНСКОГО И АФИНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

[405-404 гг. до н. э.]

Спартанская империя началась с решительной победы при Эгоспотах в Геллеспонте (сентябрь или октябрь 405 г. до н. э.). Таким образом, вся мощь Афин была уничтожена, и лакедемонянам оставалось подчинить только сам город и Пирей; это было неизбежно и действительно произошло в апреле 404 г. до н. э., когда Лисандр торжественно вошел в Афины, разобрал Пирей и разрушил большую часть Длинных стен. За исключением самих Афин, жители которых отсрочили момент подчинения героической, хотя и тщетной борьбой с ужасами голода, и Самоса, ни один другой греческий город не оказал сопротивления Лисандру после битвы при Эгоспотах, которая не только лишила Афины всего их военно-морского флота, но и перевела его к нему, сделав его адмиралом самого большого греческого флота, который когда-либо собирался вместе со времен битвы при Саламине.

Союзники, особенно Фивы и Коринф, не только смягчили свою ненависть и страх перед Афинами, теперь, когда они утратили свою мощь, но даже прониклись сочувствием к страданиям изгнанников и стали испытывать отвращение к своевольным посягательствам Спарты; в то же время спартанский царь Паусаний вместе с некоторыми эфорами также завидовали произвольному и деспотичному поведению Лисандра.

Из мрачных, но хорошо подтвержденных подробностей мы узнали, в каких условиях начался тот период истории, который называется лакедемонийской империей. Такие явления ни в коем случае не ограничивались стенами Афин. Напротив, «год анархии» (используя этот термин в том смысле, в котором его применяли афиняне), возникший из того же сочетания причин и действующих лиц, был общим для очень большой части городов по всей Греции. Лакедемонский адмирал Лисандр в первый год своего командования флотом организовал в большинстве союзных городов фракционные объединения некоторых из главных граждан, которые поддерживали с ним личные связи. Благодаря их усилиям в своих городах он смог вести войну энергично и отплатил им, с одной стороны, по возможности поддерживая их несправедливости в своих городах, а с другой — обещая еще больше укрепить их позиции, как только победа будет обеспечена.

В большинстве городов он установил олигархию из десяти граждан, или декархию, состоящую из его собственных сторонников; в то же время он назначил в каждый город лакедемонского гармоста, или губернатора, с гарнизоном, чтобы поддерживать новую олигархию. Декархия из десяти сторонников Лисандра, поддерживаемая лакедемонянским гармостом, стала общей схемой греческого правления во всем Эгейском море, от Эвбеи до фракийских прибрежных городов и от Милета до Византии. Лисандр лично отплыл со своим победоносным флотом в Византию и Халкидон, в города Лесбоса, на Тасос и в другие места, а Этеоника отправил во Фракию с целью перестроить правительства повсюду. Не только те города, которые до сих пор были на стороне Афин, но и те, которые действовали как союзники Спарты, подверглись той же внутренней революции и тому же иностранному давлению. Везде новая декархия Лисандра заменила прежние правительства, будь то олигархические или демократические.

В каком духе будут править эти новые декархии, состоящие из отборных олигархических сторонников, отличающихся смелостью и амбициями, которые к беззастенчивой жажде власти, характерной для самого Лисандра, добавили жажду личной выгоды, от которой он был свободен, и теперь собирались возместить себе услуги, уже оказанные ему, — об этом нам достаточно рассказывает общая аналогия греческой истории, хотя мы и не располагаем конкретными деталями. Но в отношении этого вопроса мы руководствуемся не только

общей аналогией; у нас есть еще и аналогичный случай с Тридцатью в Афинах, подробности правления которых хорошо известны и уже упоминались выше.

Исократ, который с возмущенным ужасом говорит об этих декархиях, осуждая те черты, которые они имели общего с триаконтархией в Афинах — внесудебные убийства, грабежи и изгнания — отмечает еще одно злодеяние, которого мы не находим в последней: насильственные надругательства над мальчиками и женщинами. Ничего подобного не приписывается Критию и его товарищам; и то, что люди, которые причинили столько зла, удовлетворяя другие насильственные порывы, остановились на этом, является весомым доказательством сдерживающей силы афинских нравов. Децемвиры, назначенные Лисандром, подобно децемвиру Аппию Клавдию в Риме, обрели бы власть, позволяющую им удовлетворять как свои страсти, так и свою неприязнь, и вряд ли они стали бы ограничивать первые больше, чем вторые. Лисандр, в своей чрезмерной надменности победы, награждая своих самых преданных сторонников возвышением, включающим в себя всевозможные вольности и тиранию, осквернил зависимые города бесчисленными убийствами, совершенными как по частным, так и по общественным мотивам. Ни один грек никогда раньше не обладал такой огромной властью обогащать друзей или уничтожать врагов, как в ходе этой всеобщей реорганизации Греции; и никогда еще ни одна власть не была так прискорбно злоупотреблена.

Сложив воедино все эти причины зла — декархии, гармоствы и подавляющую диктатуру Лисандра — и интерпретируя другие части греческого мира по аналогии с Афинами под властью Тридцати, мы можем с уверенностью утверждать, что первые годы спартанской империи, последовавшие за победой при Эгоспотами, были годами всепроникающей тирании и многообразных внутренних бедствий, которых Греция никогда раньше не переживала. Тяготы войны, суровые во многих отношениях, теперь закончились, но их сменило состояние страданий, не менее тяжелое, потому что оно называлось миром. И что делало эти страдания еще более невыносимыми, так это то, что они были горьким разочарованием и вопиющим нарушением обещаний, неоднократно и явно провозглашенных самими лакедемонянами.

Более тридцати лет до этого — еще до начала Пелопоннесской войны — спартанцы заявляли, что вмешиваются только с целью освобождения Греции и свержения узурпированного господства Афин. Подобно союзным монархам Европы в 1813 году, которые, требуя от народа самых напряженных усилий для борьбы с императором Наполеоном, обещали свободные конституции, но не дали ничего после того, как победа была обеспечена, лакедемоняне давали самые решительные и неоднократные заверения в общей автономии, чтобы привлечь союзников против Афин, даже демонстративно отрекаясь от каких-либо имперских устремлений.

Победа при Эгоспотами и ее последствия жестоко разочаровали всех. Речь Брасида, закрепленная торжественными клятвами лакедемонских эфоров в 424 г. до н. э., и действия лакедемонянина Лисандра в 405-404 гг. до н. э., начало всемогущества Спарты, находятся в таком буквальном и вопиющем противоречии, что можно почти представить, как первый из них предвидел возможность появления такого преемника и пытался заранее опозорить и обезоружить его. В то время не было необходимости умиротворять союзников и тем более выполнять прежние обязательства, так что ничто не мешало естественным амбициям спартанских эфоров, которые позволили адмиралу действовать по своему усмотрению. Но прежние заверения, хотя Спарта и могла их игнорировать, не были забыты другими; и воспоминание о них придавало дополнительную горечь угнетению децемвиров и гарностов. В полном соответствии со своим бесправием во всей восточной Греции, Спарта

отождествляла себя с энергичной тиранией Дионисия в Сиракузах, помогая как ее установить, так и поддерживать; это противоречило ее прежним принципам действия, что поразило бы историка Геродота.

[405-371 гг. до н. э.]

Империя Спарты, образованная в конце 405 г. до н. э., сохраняла свое величие в течение чуть более десяти лет, до морской битвы при Книде в 394 г. до н. э. Это поражение уничтожило ее флот и морское господство, но не умалило ее силу на суше, которую она сохраняла до своего поражения от фиванцев при Левктрах в 371 г. до н. э. На протяжении всего этого времени ее устоявшейся практикой было содержание спартанских гарнизонов и гарнизонов в зависимых городах на континенте, а также на островах. Даже хийцы, которые были ее самыми активными союзниками в течение последних восьми лет войны, были вынуждены подчиниться этой тяжелой участи; кроме того, у них был отнят весь флот. Но местные декархии, хотя и были первоначально установлены Лисандром повсеместно во всех морских колониях, просуществовали как система не так долго, как гармоствы. Поскольку они в значительной степени состояли из личных кандидатов и союзников Лисандра, они частично пострадали от реакционной ревности, которая со временем проявилась против его чрезмерного господства. Просуществовав некоторое время, они утратили поддержку спартанских эфоров, которые объявили городам (мы не знаем точно, когда) разрешение возобновить свои прежние формы правления. Некоторые из декархий таким образом были распущены или изменены различными способами, но несколько, вероятно, продолжали существовать, если у них было достаточно сил, чтобы сохраниться; ведь не похоже, что эфоры когда-либо систематически их уничтожали, как Лисандр систематически их создавал.

Таков был результат по всей Греции, когда та долгая война, которая была начата во имя всеобщей автономии, закончилась битвой при Эгоспотами. На смену имперским Афинам пришла не обещанная автономия, а еще более имперская Спарта. Ужасающую картину дает филолаконский Ксенофонт в 399 г. до н. э., описывая господство, которое осуществляли во всех греческих городах не только эфоры и государственные чиновники, но даже частные граждане Спарты.

У нас есть более одной картины афинской империи в речах враждебных ораторов, которые имели все основания вызывать в сердцах своей аудитории сильнейшую антипатию к ней. У нас есть речи коринфских послов в Спарте, в которых они подталкивали спартанских союзников к Пелопоннесской войне; речь послов из Митилены, произнесенная в Олимпии перед спартанскими союзниками, когда город восстал против Афин и остро нуждался в поддержке; речь Брасида на народном собрании в Аканте; а также несколько речей Гермократа, внушавших его сицилийским соотечественникам ненависть и страх перед Афинами. Любой, кто прочитает эти речи, увидит, что они почти исключительно сосредоточены на великом политическом зле, присущем самому факту существования ее империи, лишаящей столь многие греческие общины их законной автономии, помимо налагаемого дани. То, что Афины уже поработили многие города и только выжидали возможности поработить еще больше, является темой, на которой они подробно останавливаются. Но о практических жалобах — о жестокости, угнетении, грабежах, многочисленных изгнаниях и т. д., о высокомерных правонарушениях, совершенных отдельными афинянами — не сказано ни слова. Если бы был малейший повод для введения таких провокационных тем, насколько более впечатляющим было бы обращение Брасида к симпатиям акантов! Насколько яростными были бы обвинения митиленских послов вместо того сдержанного и почти извиняющегося языка, который мы сейчас читаем у Фукидида! Афины уничтожили автономию своих подчиненных союзников и сурово, а иногда даже

жестоко наказывали мятежников. Но что касается других моментов несправедливости, то молчание обвинителей, таких как те, о которых только что упоминалось, считается весомым оправданием.

[405-403 гг. до н. э.]

Ситуация меняется, когда мы переходим к периоду после битвы при Эгоспотами. Здесь мы также видим, что спартанская империя подвергается критике (как и афинская империя ранее) в противовес автономии, на которую претендовал каждый город и которую Спарта не только обещала обеспечить, но и провозгласила единственной причиной войны. Однако это не является главной причиной недовольства — на первый план выходят другие темы. Децемвиры и гармоствы (некоторые из которых были гелотами), постоянные инструменты спартанской империи, воспринимались как более болезненные, чем сама империя; как признает заранее Брасидас в своей речи в Аканте. В то время, когда Афины были подчиненным городом Спарты, управляемым тридцатью лисандровцами и лакедемонским гармостом в Акрополе, чувство унижения, вызванное подчинением, было поглощено еще более ужасными страданиями, вызванными злодеяниями тех отдельных правителей, которых установила имперская держава. Теперь Афины не устанавливали местных правителей — ни десятки, ни тридцатки из числа местных жителей — ни афинских гармостов, ни гарнизонов. Это само по себе было неопишущим освобождением по сравнению с положением городов, подчиненных не только спартанской империи, но и, в рамках этой империи, местным децемвирам, таким как Критий, и спартанским гармостам, таким как Аристарх или Аристодем. Город, подчиненный Афинам, должен был нести определенные бремена, налагаемые его собственным правительством, которое в случае невыполнения обязательств или правонарушения подлежало суду перед народным афинским дикастерией. Но этот же дикастерий (как ясно указано Фукидидом) был убежищем для каждого подчиненного города; не в меньшей степени от отдельных афинских правонарушителей, чем от неправомерных действий других городов. Ни в одном пункте нельзя доказать, что замена афинской империи спартанской была выгодна ни для подчиненных городов, ни для Греции в целом, в то время как во многих отношениях она привела к значительному и серьезному усугублению страданий. И это злоупотребление властью тем более прискорбно, что после битвы при Эгоспотами Спарта получила драгоценную возможность — такой, какой Афины никогда не имели и которая больше никогда не повторялась — реорганизовать греческий мир на мудрых принципах и с целью обеспечения панеллинской стабильности и гармонии.

Теперь она стояла без конкурентов во главе греческого мира и в тот момент могла бы вполне обоснованно надеяться привлечь его членов к любой либеральной и пангелленской организации, если бы она попыталась сделать это с должной серьезностью. К сожалению, под влиянием Лисандра она пошла по противоположному пути, основав новую империю, гораздо более угнетательную и ненавистную, чем Афинская, с немногими преимуществами и без каких-либо оправданий, присущих последней. Поскольку она вскоре стала еще более непопулярной, чем Афины, ее момент расцвета благотворного панеллинского союза также прошел — и больше не вернулся.⁶

ЖЕСТОКОСТЬ СПАРТАНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ

Пелопоннесская война имела катастрофические последствия для общественной морали. Ее длительность и особо кровопролитный характер, вызывавшие повсеместное недоверие, возбуждавшие страсти, обожествлявшие грубую силу, привели к ухудшению нравов греков, от которого они так и не смогли полностью оправиться. Жестокость царица на поле боя, жестокость царица в партийных спорах. «Вот какую клятву, — говорит Аристотель, — сегодня принимают в нескольких городах олигархии: „Я буду врагом народа и причиню ему все зло, на которое я способен“». Мы можем противопоставить этой убийственной клятве клятву, данную гелиастами Афин после тирании: «Я забуду все прошлые злодеяния и не позволю никому другому помнить о них и упоминать их». Но Афины даже в своем упадке всегда оставались либеральными и щедрыми, так же как их изуродованные статуи остаются прекрасными во всей своей деградации.

ГРЕЧЕСКАЯ УРНА

(В Британском музее)

Система ведения войны также изменилась. Мы показали, как уже произошла одна военная революция: замена аристократической армии прежних времен демократической армией V и VI веков. И теперь наступала эпоха наемников, когда во всех греческих городах нанимали солдат, чтобы они сражались бок о бок с гражданами. Но чтобы платить этим наемникам, нужны были деньги, и Греция обратилась к Персии, которая была единственной страной, имевшей деньги; отсюда ее нищенская позиция по отношению к Великому Царю и постоянное вмешательство преемников Ксеркса в дела Эллады. Эта зависимость от иностранной державы и жесткость общественного настроения впервые были замечены в последние годы войны; они вновь проявились в год после заключения мира, в Год анархии, как греки называли начало спартанского господства.

Кровь лилась повсюду, потому что повсюду были установлены олигархические правительства. В Тасосе произошла массовая резня. В Милете восемьсот граждан, принадлежавших к народнической партии, были выманы из своих убежищ Лисандром и казнены. В Византии, Этее и большей части городов Малой Азии были совершены аналогичные злодеяния. На Самосе все жители были изгнаны, имея право взять с собой только одну одежду. Переход Хиоса и его флота на сторону Спарты обеспечил ей победу; в

награду за это наиболее видные граждане города были сосланы, а все триеры конфискованы. Ликофрон, уроженец Фера, после отчаянных сражений стал правителем провинции Фессалия. «После этого, — рассказывает Ксенофонт, — любое слово лакедемонянина выполнялось; даже гражданин, ведущий частную жизнь, мог устраивать все по своему усмотрению». Сам Ксенофонт, по-видимому, разделял этот страх, поскольку после отступления Десяти тысяч он отказался от звания главнокомандующего, которое его товарищи хотели присвоить ему, опасаясь, что Спарта может не одобрить передачу командования в руки афинянина. Островитяне, особенно те, кто предал дело Афин, надеялись, что с приходом к власти Лакедемона, который был союзником Великого царя, обязательства, установленные Аристидом и Периклом для защиты их торговли, будут сняты. Но они обнаружили, что просто сменили хозяев, поскольку Спарта продолжала взимать прежнюю дань, которая составляла 1000 талантов [200 000 фунтов стерлингов или 1 000 000 долларов] в год.

Афины, более ловкие в создании своей империи, действовали без жестокости, насилия и грабежей, поэтому даже в период величайшего несчастья не испытали утраты своих опор. Спарта не была столь мудрой в создании королевств; сила была единственным инструментом, которым она умела пользоваться, и для нее использование силы было равносильно ее злоупотреблению. Афины также применяли силу, но всегда соединяли ее с справедливостью. Афины сделали себя политическим, военным и судебным центром империи, а кроме того, были метрополией искусств и литературы для всей Эллады. Ничего великого или славного, ничего полезного или многообещающего не могло исходить из лакедемонского господства; оно грозило рухнуть в час своего возведения. Тысяча причин способствовала его быстрому распаду; многие из них были в Спарте или Греции, остальные — в других странах.

ДЕГЕНЕРАЦИЯ СПАРТЫ

[353-240 гг. до н. э.]

Результаты учреждений Ликурга продолжали проявляться. Население спартанского города с каждым днем уменьшалось, как будто изнашиваемое трением его железных учреждений. Узкий круг, который он начертил вокруг себя, никогда не расширяясь, а всегда уменьшаясь, в конце концов охватил лишь незначительное число спартанцев. Многие погибли на войне, другие, погруженные в нищету, не могли больше занимать свои места за общественными столами. Аристотель говорит: «Тот, кто не имеет средств, чтобы вносить вклад в расходы на эти столы, должен лишиться своих политических прав». Спартанцы знали, что им грозит гибель из-за нехватки граждан; крик, поднявшийся, когда четыреста двадцать спартанских воинов были заключены в тюрьму на острове Сфактерия, все еще звучал в ушах каждого. Аристотель далее заявляет: «Территория Спарты, способная прокормить полторы тысячи всадников и тридцать тысяч гоплитов, сегодня едва поддерживает тысячу воинов». В собраниях из четырех тысяч человек едва ли можно было увидеть сорок спартанцев; кроме того, неравенство условий росло по мере уменьшения численности населения.

Золотая и серебряная валюта уже давно перестала быть запрещенной, а бескорыстность лакедемонян — восхваляемой. Было известно множество примеров их продажности: Эврибиад был куплен Фемистоклом, Плистонакс и Клеандрид — Периклом, Леотихид — Алевадами, адмирал и капитаны флота — Тиссаферном. Цари, сенаторы, эфоры — все они неоднократно получали взятки, а Гиллипп, освободитель Сиракуз, которому было поручено доставить в Спарту добычу из Афин, оставил для себя тридцать талантов [6000 фунтов

стерлингов или 30 000 долларов]. Отсюда замечание собеседника в «Алкивиаде»: «В Лакедемонии больше золота и серебра, чем во всей остальной Греции; деньги стекаются туда со всех сторон и остаются там; страна похожа на львиную берлогу: видны следы тех, кто входит, но следов уходящих нет». Военачальники, вернувшиеся из портов Азии, привезли с собой огромные богатства и, более того, вкус к роскоши и беззаботной жизни, одним словом, к разврату; все погрузилось в безудержную расточительность и пороки, порождаемые обладанием богатством.

[405-240 гг. до н. э.]

После Пелопоннесской войны эфор Эпитад принял закон, разрешающий гражданам распоряжаться своей собственностью и землей. Последствия этого ретра проявились так быстро, что Аристотель был вынужден написать: «Земля перешла в руки немногих». Во времена Агиса IV вся территория принадлежала ста спартамцам. Таким образом, правительство становилось все более олигархическим. Всеми государственными делами занимались эфоры и сенат, даже к народному собранию обращались редко, и в результате правители, которых было немного, тем более ревностно относились к привилегиям своего положения и были менее склонны терпеть их ущемление. Кроме того, открыть свои ряды для повторного приема семей, изгнанных бедностью, означало бы подвергнуть себя риску, отказавшись от большинства, какой-либо территориальной реформы, ведущей к новому разделу огромных владений, которые теперь были сосредоточены в руках немногих. Общественные интересы могли указывать на это, но частные интересы решительно противились этому, и частные интересы победили.

В результате между привилегированными и низшими классами возникла жестокая вражда; последние состояли из спартамцев, лишенных своих прав, освобожденных илотов, лаконийцев, которым были предоставлены определенные права, и детей спартамских отцов высшего сословия и иностранных матерей. Этим классам были даны названия, которые разделяли их и отличали друг от друга; несомненно, между ними существовала также большая разница в условиях жизни. Ниже равных, которые составляли ограниченную олигархию, находились низшие, или спартамцы, которые были исключены из общественных трапез, и *неодамоды*, или гелоты, освобожденные от рабства за услуги, оказанные государству, и, наконец, *периэки*. Хотя эти люди не участвовали в фактическом управлении своей страной, они высоко ценили значение своих услуг для государства; и в разное время из этого класса вышло много выдающихся деятелей, сыновей спартамских отцов и гелотских матерей, таких как Лисандр, Гиллипп и Калликратид. В мстительной речи против Лакедемона фиванцы в Афинах заявили, что спартамцы набирали своих военных правителей из числа людей, в жилах которых текла гелотская кровь; и действительно, многие из этих людей накопили навыки, которые дали им амбиции покинуть низшее положение в , которое им отводило обычай. Когда Клеомен III пообещал свободу тем гелотам, которые смогут внести в казну сумму в пять мин [21 фунт стерлингов или 108 долларов], шесть тысяч человек явились к нему.

Однако два королевских дома Лакедемона были сохранены, и именно они должны были поддерживать дисциплину в государстве. Но вновь приобретенное богатство Спарты в сочетании с растущим авторитетом эфоров значительно ослабило власть царей. Сведенные к роли наследственных полководцев, эти монархи не могли отправляться в поход без сопровождения десяти надзирателей, которые под названием советников на самом деле руководили всеми военными операциями. В последние годы Пелопоннесской войны

решающие сражения велись на море, и флотами командовали, пленников продавали, города выкупали и субсидии получали от Великого царя люди, не имевшие чисто спартанской крови. Аристотель в своей *«Политике»* называет должность адмирала среди них «второй королевской властью».

Лисандр не подчинялся велениям амбиций, когда, будучи ведущим гражданином Спарты, он взялся реформировать политическую систему города в своих интересах. «Он не мог, — говорит Плутарх, — без сожаления смотреть на город, славу которого он так много сделал, управляемый царями, которые не имели больше способностей к правлению, чем он сам, поэтому он разработал план лишения правящих домов их достоинства, чтобы сделать его общей апанажом всех Гераклидов». Раскрытие заговора Кинадона [описанного ниже] показало бездну ненависти, зияющую под социальной системой Спарты, и в то же время тревожное единодушие чувств между низшими классами, как свободными, так и рабами. Эта ситуация могла легко привести к гражданской войне, но Спарта, с той бдительностью, которую вызывает постоянное недоверие во всех олигархиях, обнаружила и сорвала все заговоры, которые были организованы против нее.

Однако, несмотря на эту вражду между классами, несмотря на многие другие трудности, такие как конфликт между царями, с одной стороны, и сенаторами и эфорами, с другой, в результате которого цари были почти сведены к положению подданных, а также соперничество между самими царями, спартанское правительство, благодаря концентрации власти в руках немногих, было достаточно сильным, чтобы предпринимать действия против других государств. Внутри страны и за рубежом эфоры и гармоствы, так называемые примирители, осуществляли постоянную диктатуру, держа гарнизоны в Мегаре, Эгине, Танагре, Фарсале, Геракле в Трахинии, у входа в Фермопилы; также союзником Спарты был Дионисий Сиракузский. Но эта власть, каким бы широким ни было ее распространение, была едва ли больше, чем влияние, и влияние это уже было на спаде, поскольку нация, лишенная граждан, не имеет ресурсов внутри себя.

Притеснения Спарты оскорбляли тех, кто все еще любил свободу и не имел, чтобы утешить себя за ее утрату, преимуществ, которые Афины предлагали своим подданным — обширную торговлю, великолепие публичных праздников, искусства и поэзии. Спарта, столь же алчная и более угнетающая, лишала своих подданных всего. Она взимала с них ежегодную дань в размере тысячи талантов [200 000 фунтов стерлингов или 1 000 000 долларов], которая исчезала в Лакедемонии, чтобы больше никогда не появиться, и те, кто снабжал ее войсками, как ахейцы и аркадцы, или кораблями, как коринфяне, или вспомогательными войсками, как фиванцы, не получали ничего в ответ.

Тяжесть этого дорийского правления вскоре стала ощущаться, и многие сожалели о господстве Афин, которое было доброжелательным даже в своих чрезмерностях. То, что греки с побережья Фракии или Азии, те люди, которые никогда не умели говорить «нет» ( ), дрожали при виде спартанского плаща или жезла власти, не было ничем удивительным, поскольку они были привычны к послушанию. Не то чтобы двойное рабство — олигархов, друзей Лисандра, и лакедемонийских гармоств — не было для них тяжелым бременем. Но Спарта не должна была рассчитывать на такую покорность в материнской стране. Она не колебалась высказываться как суверен в вопросе об афинских изгнанниках и принимать декреты как единственная власть для всей Греции. Мы видели, как отреагировали Фивы.

Фивы, континентальная держава, давно стремились играть в центральной Греции ту роль, которую играла Спарта на Пелопоннесе. Между этим государством и Афинами могла быть ревность, но не обязательно столкновение интересов, как в ее отношениях с Лакедемонией. В опьянении победой Спарта посчитала, что осторожность больше не нужна, и, возмущенная тем, что фиванцы забрали в Декелее десятину, принадлежавшую Аполлону,

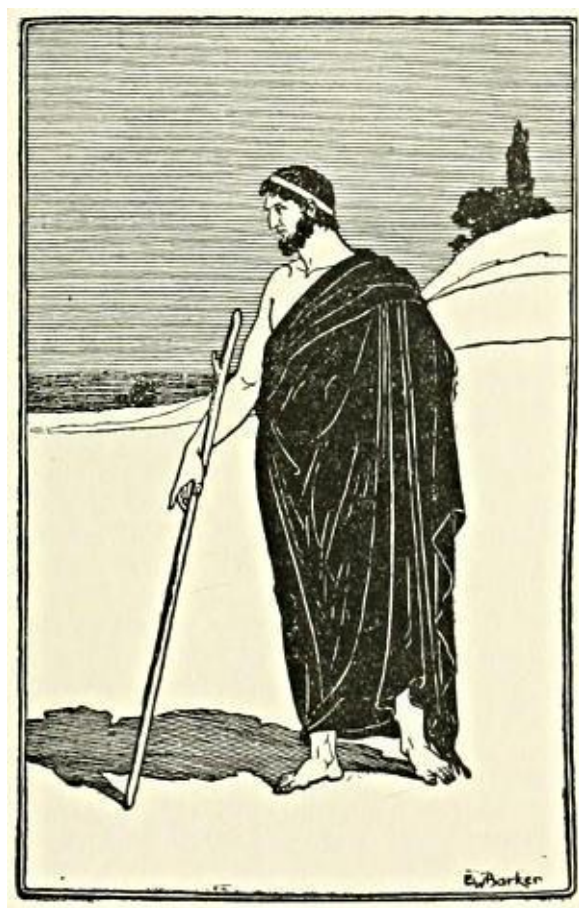
с презрением отвергла их требования на долю в добыче и сокровищах, привезенных Лисандром, — четырнадцать сотен семьдесят талантов, оставшуюся часть аванса, выданного Киром. Коринф, который был принят не лучше, объединился с Фивами, и это стало еще одним поводом для жалоб Спарты на этот город. Аргивяне в дискуссии о установлении границ настаивали, что их аргументы превосходят аргументы противников. «Тот, кто сильнее в этом споре, — сказал Лисандр, вытаскивая меч, — лучше всех рассуждает о границах». Мегарец на конференции говорил очень громким голосом. «Друг мой, — обратился к нему Лисандр, — твоим словам нужен город, чтобы они стали хорошими». Еще более бесцеремонно Спарта обошлась с элейцами, как мы увидим позже.

К властным требованиям спартанского правительства добавились отдельные акты насилия, которые часто вызывают большее отвращение, потому что одна жертва, даже если она никому не известна, вызывает больше сострадания, чем весь народ, подавленный поражением; и меньше опасности в посягательстве на общественную свободу, которая является достоянием всех, чем в угрозе, путем пренебрежения правдой и правом, чести или жизни отдельного человека.

Добрый и гостеприимный житель Левктры, Скедад, однажды принял в своем доме двух молодых лакедемонян, которые были сильно поражены красотой двух дочерей своего хозяина. Вернувшись из путешествия в Дельфы, куда они отправились, чтобы проконсультироваться с оракулом, эти два лакедемонянина застали дочерей одних в доме и изнасиловали их, после чего убили и бросили их тела в колодец. Когда на следующий день Скедад вернулся, его дочери, к его удивлению, не вышли ему навстречу, а его собака, жалобно вылая, бегала туда-сюда от хозяина к колодцу. Встревоженный Скедад заглянул в колодец, обнаружил преступление и узнал от соседей, кто его совершил. Он немедленно отправился в Лакедемон. В Арголиде он встретил человека, столь же несчастного, как и он сам, чей сын пал жертвой жестокости спартанца. Этот отец верил в справедливость Лакедемона, но не получил ее. Тем не менее Скедаус продолжил свое путешествие, и когда он прибыл в Спарту, рассказал свою историю эфортам, царям, всем гражданам, которых встретил, но никто не обратил на нее внимания. Тогда, желая вызвать божественный гнев на Спарту, он призвал всех богов неба и земли, особенно фурий мести, и покончил с собой. Позже в Левктрах была возведена гробница его несчастных дочерей.

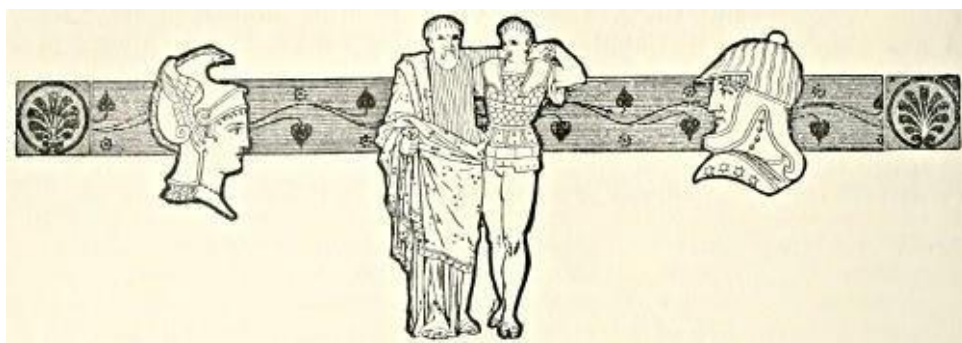
По сравнению с теми немногими фактами такого рода, которые стали нам известны, сколько же их ускользнуло от нашего внимания? Мы осознаем это еще полнее, когда задумываемся о той ненависти, которую Спарта вызывала повсюду, даже на Пелопоннесе.

Аркадцы и ахейцы служили ей исключительно из страха; они заявляли, что она была цитаделью, расположенной на их фланге, чтобы охранять весь полуостров. В Лакедемоне их чувства были хорошо известны. По возвращении из похода, в котором был потерян весь спартанский корпус, в Коринфской войне, о которой мы скоро расскажем, Агесилай входил в города только ночью и покидал их на рассвете, чтобы его люди не видели радости, которую проявляли жители по поводу этой катастрофы.⁴

ГРЕЧЕСКИЙ ФИЛОСОФ

(по Хоупу)

ГЛАВА XLII. СПАРТА В АЗИИ

Когда лакедемоняне положили конец Афинской империи, они не претендовали ни на господство на азиатском континенте, ни на свободу греческих республик, находившихся там: верность азиатских греков перешла от афинского народа к персидскому царю, а под его властью — к сатрапам Фарнабазу и Тиссаферну. Мы видели, что среди греков Азии Кир был популярен, а Тиссаферн — непопулярен; настолько, что в результате своего рода восстания против сатрапа ионийцы примкнули к принцу. Поэтому исход похода против царя и назначение Тиссаферна на высокий пост, который занимал Кир, не могли не вызвать у них сильную тревогу. Но, с другой стороны, славное отступление греков, сопровождавших принца, и явное свидетельство превосходства греческого оружия, которое давало их безопасное возвращение, давали повод для обнадеживания. Если удастся заручиться поддержкой Лакедемона, чьи советы руководили объединенными силами Греции, то, как надеялись, нечего было опасаться мести сатрапа. Поэтому, отказавшись признать его власть, ионийцы послали послов в Лакедемон, чтобы просить о защите.

Лакедемонское правительство, не ожидая дружбы от царя и Тиссаферна из-за их связи с Киром и не придавая ей большого значения, поскольку слава о подвигах кирской армии научила презирать их вражду, решило, что ионийцы должны быть защищены. Возможно, обстоятельства внутри страны могли способствовать принятию этого решения. Могло быть желательным задействовать часть своего народа на службе за границей; а для службы против врага, столь известного своим богатством и столь мало известного своей храбростью и военным мастерством, среди бедных содружеств Пелопоннеса нашлось бы много добровольцев. От союзников требовалось четыре тысячи человек. Только тысяча была добавлена из Лакедемона: и все они были из числа так называемых неодамодов, которые, благодаря необходимости войны, поднялись из положения рабов до ранга граждан, но по возвращении мира были так неприязненно восприняты, что повод отправить их на службу за границей был бы приемлем как для правительства, так и для них самих. Кавалерия была очень нужна для войны в Азии, но максимальная сила, которую мог собрать Пелопоннес, была очень небольшой, а главные граждане самых богатых республик, которые ее составляли, не были самыми охотными участниками далеких приключений. Поэтому было обращение к Афинам, где недавние беспорядки, крайняя политическая ревность и полное отсутствие защиты от капризов народа сделали положение аристократов ( ) настолько нестабильным, что предложение о выплате жалованья за триста всадников было там с готовностью принято. Тимброн был назначен главнокомандующим в Азии с титулом гармоста.

[400-399 гг. до н.э.]

Из их привязанности к делу Кира и последующего страха перед местью царя, по-видимому, возникло восстание греческих подданных Персидской империи, которое в противном случае было бы проявлением грубой неблагодарности по отношению к благодетельному правительству. Свидетельство, приведенное здесь Ксенофоном, замечательно совпадает со всеми сохранившимися свидетельствами Геродота и Фукидида и убедительно подтверждает то, что было отмечено ранее, а именно, что в деспотизме Персидской империи царила необычная щедрость. Государственные обязательства выполнялись, собственность была в безопасности; тогда, в отличие от нынешнего удивительно варварского правительства той же прекрасной страны, быть богатым не было преступлением. Крупные поместья, даже предоставленные иностранцам, переходили к их

потомкам; и вместо тирании, которая сейчас обезлюживает города и провинции и против которой оставшиеся подданные обращаются за покровительством к какому-нибудь иностранному послу, персидское правительство так широко распространяло либеральную защиту на всех, что греческие города могли предпочесть власть персидского царя власти афинского или лакедемонского союзов и процветать под ней. Но персидское правительство, хотя и было в целом мягким и либеральным, со времени правления Ксеркса всегда было слабым и находилось на грани распада. Лакедемонский полководец Тимброн, который с относительно небольшими силами совершал завоевания против него, не проявлял значительных способностей на поле боя, а в лагере и в кварталах его дисциплина была очень слабой. Союзники страдали от разнузданности его армии, и в результате в Лакедемонии были высказаны такие жалобы, что по истечении года он был приговорен к изгнанию.

Дерциллид, сменивший его, был более подходящей фигурой для такого важного и сложного командования. Уже служивший в Азии под командованием Лисандра, он знал характеры двух сатрапов, которые делили между собой, практически независимо друг от друга, власть над западными провинциями. Инструкции эфоров предписывали ему вести армию в Карию, наследственное правительство Тиссаферна. Но желание отомстить за позор, который он ранее понес, когда, будучи гармостом Абидоса, в результате обвинения Фарнабаза, по крайней мере, согласно современному историку, помог своему другу, побудило его поступить иначе. Он вступил в переговоры с Тиссаферном, и этот трусливый сатрап, недоброжелательный к Фарнабазу и всегда более склонный к переговорам, чем к сражению, вместо того чтобы использовать огромную власть, которой он был наделен для общей защиты империи, договорился о частном мире для своих провинций и согласился, чтобы греческие войска без его сопротивления прошли в сатрапию Вифинии. Дерциллид, обеспечив таким образом безопасность богатых полей Ионии, которые в противном случае в его отсутствие могли бы пострадать от персидской кавалерии, ускорил свой поход на север; и на протяжении всего пути от Крии до границ Эолии он поддерживал строгую дисциплину, что принесло ему еще больший авторитет среди союзников, поскольку контрастировало с разнузданностью, от которой страдала страна, когда ею командовал Тимброн.

Обстоятельства в Эолии вполне могли привлечь внимание полководца, даже если бы он не был движим мстостью. В соответствии с той либеральной политикой, которая уже не раз отмечалась как обычная для персов, Фарнабаз назначил Зениса, грека из Дардана, правителем или, по выражению Ксенофонта, сатрапом этой прекрасной страны, столь интересной в древнейшей истории как царство Приама и место действия Троянской войны ( ). Зенис умер молодым, оставив вдову Манию, также дарданку. Эта необыкновенная женщина просила о передаче ей власти покойного мужа и подкрепляла свои просьбы подарками, столь приятными для сатрапа, и доказательствами, столь убедительными в отношении ее собственных талантов и духа, что она добилась своего. Получив власть, она не только не разочаровала сатрапа, но, напротив, превзошла его ожидания. Она не только обеспечила всеобщее повиновение, но и, собрав отряд греческих наемников, подчинила морские города Лариса, Хамаксит и Колоны, которые до сих пор сопротивлялись персидскому господству. Она сама присутствовала при осадах, наблюдая за операциями со своей колесницы, и благодаря мудро распределенным похвалам и подаркам она возбудила такое соперничество, что ее армия приобрела репутацию, превосходящую любую другую наемную армию в Азии. Когда Фарнабаз потребовал войска для подавления вторжений мятежных мисийцев и писидийцев, она лично приняла участие в походе. Благодаря ее умелому поведению и высокой репутации он всегда относился к ней с большим уважением и иногда даже просил ее помощи в своем совете.

Мания была другой Артемисией, и авторитет Ксенофонта в истории сатрапа Дардании в немалой степени подтверждает рассказ Геродота о царице Галикарнаса. Но, хотя Мания могла управлять провинциями и вести армии, тем не менее, несмотря на поощрение, которое грубые недостатки как греческого, так и персидского правительства давали для смелых злодеяний, она не могла защитить себя от внутреннего предательства. Ей едва исполнилось сорок лет, когда она была убита в своем дворце Мидиасом, который женился на ее дочери. Но одно убийство не удовлетворяло целям этого отвратительного злодея. Был убит и ее сын, многообещающий семнадцатилетний юноша. Убийца имел наглость просить сатрапа о преемственности правления покойной Мании, подкрепляя свою просьбу щедрыми подарками. Но, похоже, он основывал свои надежды скорее на знании общего характера и обычаев персидской знати, чем на личном характере Фарнабаза. Тот с благородным негодованием отказался от подарков и заявил, что не будет жить, пока не отомстит за Манию. Мидий готовился поддерживать себя силой или интригами, в зависимости от обстоятельств. Он захватил Гергис и Скепсис, укрепленные города, в которых хранились сокровища Мании, но другие города провинции единодушно отказались признать его власть и присоединились к Фарнабазу.

Дерциллид прибыл на границу в этот критический момент. Сатрап был не готов; имя лакедемонянина было популярно, и города Лариса, Хамаксит и Колоны в один день открыли свои ворота. Затем было распространено заявление о том, что целью Дерциллида и лакедемонского правительства было предоставление полной независимости эолийским городам; они желали только союза для обороны и нападения, с размещением армии в пределах их стен, когда это могло потребоваться для службы, целью которой была общая свобода всего греческого народа. Гарнизоны состояли в основном из греков, привязанных к Мании, но равнодушных к интересам Фарнабаза. Города Неандрия, Илиум и Коцилиум присоединились к приглашению спартанского полководца. Надежда на большое вознаграждение за свою верность побудила правителя Кебрены присоединиться к сатрапу, но с приближением армии народ вскоре заставил его сдаться.

Затем Дерциллид двинулся на Скепсис. Убийца Мидиан, опасаясь одновременно спартанского полководца, персидского сатрапа и граждан Скепсиса, решил, что его лучшая надежда — договориться с первым. Он предложил провести переговоры, на что Дерциллид согласился. Освободив самого Мидиаса от ответственности за преступление, вернув ему всю частную собственность и щедро удовлетворив все его требования, он конфисковал богатства Мании, которые теперь принадлежали сатрапу, общему врагу; и он хвастался, что обогатил военную казну на сумму, равную годовому жалованью восьми тысяч человек, чем вызвал благодарность армии.

Таким образом, по выражению Ксенофонта, за восемь дней захватив девять городов, он послал Фарнабазу предложение о перемирии. Этот великодушный сатрап, не получивший помощи из столицы империи и покинутый и преданный великим соседним военачальником, чья особая обязанность заключалась в том, чтобы оказывать ему помощь, с готовностью принял это предложение. Ксенофонт действительно говорит, что он был мало озабочен потерей Эолии, считая эту провинцию, находящуюся под защитой Лакедемона, пока он сам был в мире с Лакедемоном, скорее полезным барьером против других врагов. Смысл этого, по-видимому, можно понять только из того, что следует далее. Витонийцы, хотя и были данными империи, которым он помог против киреанской армии, всегда были

разнузданными, иногда, возможно, мятежными, и часто совершали враждебные грабежи среди более мирных и оседлых жителей его сатрапии. Среди этих людей Дерциллид решил провести зиму, как на вражеской территории, и Фарнабаз не выразил никакого недовольства.

С тех пор как он был в Азии, Дерциллид не участвовал ни в одной крупной битве и не брал ни одного города штурмом; но в армии, которая при его предшественнике была настолько незаконной, что вызывала страх скорее у друзей, чем у врагов, он восстановил строгую дисциплину и при этом оставался любимцем этой армии. С этой армией он внушил страх двум великим сатрапам, каждый из которых командовал провинцией, равной могущественному царству, и оба вместе действовали под властью самой могущественной империи в мире; так что, обеспечив независимость и безопасность длинной цепи ионийских и эолийских колоний, он мог направить свои взгляды в другое русло на благо греческого имени.

Фракийский Херсонес, некогда княжество прославленного Мильтиада, в последнее время в значительной степени принадлежавшее другому великому и необычному человеку, Алкивиаду, и благодаря своей плодородности, множеству гаваней и выгодному положению для торговли всегда привлекавший к себе предприимчивых авантюристов из Греции, тем не менее постоянно подвергался страшным набегам диких орд фракийцев, которые считали своей славой жить грабежом. Херсонеситы в прошении о защите, направленном в Лакедемон, заявили, что, если им не будет предоставлена защита, они будут вынуждены покинуть страну. Дерциллид, узнав об этом, еще до того, как приказ из Лакедемона дошел до него или был отправлен другой человек с поручением, решил выполнить эту задачу. Он направил Фарнабазу предложение о продлении существующего перемирия, которое было немедленно принято; обеспечив таким образом спокойствие в Азии, он переправил свою армию на европейский берег. Сразу же он посетил фракийского князя Сеута, который очень гостеприимно его принял; уладив, по-видимому, к своему удовлетворению, вопросы, которые были общими для его республики и этого князя, он двинулся на Херсонес. Там он задействовал свою армию не для грабежей и разрушений, а для возведения вала через перешеек, чтобы обеспечить мир в этой богатой стране и среди трудолюбивого народа. Начатое весной, оно было завершено до осени, и армия была переправлена обратно в Азию. Затем Дерциллид прошел по азиатским городам, чтобы осмотреть положение дел, и с удовлетворением обнаружил повсюду мир, процветание и всеобщее довольство.

Теперь эфоры отправили приказ о ведении войны в Карию; армия под командованием Дерциллидаса должна была выступить туда, а флот, которым тогда командовал Фаракс, должен был сотрудничать с ней. Первым результатом этих непродуманных мер ( ) стало, по-видимому, создание или, по крайней мере, ускорение союза между двумя сатрапами, Тиссаферном и Фарнабазом, чьи длительные разногласия в немалой степени способствовали тем большим успехам, которых греки, имея силы, в иных обстоятельствах неспособные соперничать с Персидской империей, смогли добиться. Фарнабазус, не имея поддержки со стороны двора в Сузах и подло преданный, или даже хуже, чем преданный, Тиссаферном, своим непосредственным начальником, смирился с потерей Эолии. Но как только угроза нападения на Карию дала вероятность того, что Тиссаферн будет склонен изменить свое поведение, Фарнабаз отправился к нему и заявил о своей готовности активно сотрудничать в мерах по изгнанию греков из Азии. Это предложение, к которому ревность и малодушие Тиссаферна в ином случае вряд ли прислушались бы, стало приемлемым благодаря неосмотрительной жестокости спартанского правительства. Оба сатрапа вместе отправились в Карию и, уладив вопросы обороны этой страны, вернулись, чтобы принять командование армией, угрожавшей Ионии уничтожением.

Дерциллид уже шел на Карию, когда к нему дошла весть, что все его успешные до сих пор усилия по обеспечению благосостояния колоний вот-вот окажутся совершенно напрасными. В этих тревожных обстоятельствах его избавила от забот заинтересованная малодушие Тиссаферна. Фарнабаз был готов вступить в бой, но Тиссаферн, уже более чем наполовину удовлетворенный тем, что его имущество в Карии больше не находилось в непосредственной опасности, сначала хотел попробовать провести переговоры. Поэтому к греческому полководцу был отправлен вестник. На состоявшихся переговорах Дерциллидас настаивал на простом предложении: «Все греческие города должны быть независимыми». Сатрапы согласились на это с условием, «что греческая армия должна покинуть территорию царя» (под чем, по-видимому, подразумевалась Азия, включая греческие колонии), «а лакедемонские правители должны покинуть греческие города». На этих условиях было заключено перемирие, которое должно было действовать до тех пор, пока не станет известно решение царя и лакедемонского правительства.

Это был первый договор, о котором сообщают достоверные или даже вероятные свидетельства, согласно которому с ранних времен Лидийской монархии азиатские греки должны были быть полностью освобождены от иностранного господства. По-видимому, все ионийские и эолийские города таким образом сразу же обрели мирную независимость: карийцы, по-видимому, ждали подтверждения договора со стороны персидского царя и лакедемонского правительства. Но это была тихая революция: никаких великих сражений, придающих ей блеск; никаких ярких событий, привлекающих внимание писателя в той мере, в какой они способны произвести впечатление на воображение читателя. Тем не менее, она составляет памятную и интересную эпоху в греческой истории; и слава Дерциллида, менее блестящая, но гораздо более чистая, чем слава большинства великих людей Греции, хотя, будучи запечатленная пером Ксенофонта, она действительно защищена от забвения, заслуживает более широкого и более острого внимания, чем мы видим, со стороны писателей, темой которых была греческая история или панегирик греческому характеру.

ВОЙНА МЕЖДУ ЛАКЕДЕМОНОМ И ЭЛИСОМ

В той системе, если ее можно так назвать, которая в некоторой степени скрепляла различные члены греческой нации, мы находим странную смесь неопределенных и иногда противоречивых притязаний, более или менее общепризнанных. В то время как лакедемоняне, обладая слишком мало определенной властью, руководили политическими и военными делами Греции, элейцы утверждали свое прерогативное право на своего рода религиозное превосходство, также слишком мало определенное, но все же в определенной степени общепризнанное, хотя, как и превосходство лакедемонян, не всегда в той степени, в какой претендовали на него его обладатели. В расколе Пелопоннеса, произошедшем во время Пелопоннесской войны, мы видели, как имперское государство Лакедемон было вызвано в элейский трибунал, подобно тому, как британская корпорация может быть вызвана в суд в Вестминстере; на него был наложен штраф, его гражданам было запрещено участвовать в общих играх и жертвоприношениях нации, пожилой и уважаемый спартаец, который, по всей видимости, нарушил элейские декреты, был публично подвергнут позорному наказанию; и, наконец, эти меры были подкреплены открытой враждой и союзом с врагами Спарты. Необходимость времени заставила лакедемонян заключить мир, не отомстив за эти оскорбления, но их подавленная обида возродилась и усилилась из-за

того, что они сочли новым унижением. До окончания Пелопоннесской войны Агис, царь Лакедемона, был отправлен, в соответствии с предполагаемым пророческим указанием, для совершения жертвоприношения Юпитеру в Олимпии. Элейцы запретили эту церемонию, утверждая, что, согласно древнему закону, нельзя обращаться к оракулу за успехом в войнах между греками, и они не разрешали молиться о победе в такой войне. В этой идее есть благотворительность, либеральный и расширенный патриотизм, настолько созвучные духу, с которым, как говорят, Ифит основал Олимпийские игры, и настолько противоположные принципам, которые впоследствии стали преобладать в Греции, что они, кажется, обозначают закон древним и подлинным. Однако лакедемоняне не менее обиделись на элейцев за то, что те выдвинули в такой ситуации то, что, если бы учитывались только те максимы, которые преобладали в последующие века, выглядело бы совершенно новым.

ГРЕЧЕСКАЯ ВАЗА

Приговор, вынесенный лакедемонянам, и наложенный штраф, запрет на проведение игр, наказание Лихаса, союз с Афинами и Аргосом, последовавшие за этим военные действия и, наконец, отказ в разрешении на проведение жертвоприношений в Олимпии, указаны современным историком как мотивы, побудившие лакедемонян к войне. Однако из его слов мы можем заключить, что существовали и другие причины: в то время Элидой управляла демократическая партия, а Элида подчиняла себе многие города Элеи. Лакедемоняне не требовали олигархии во всех государствах Греции, поскольку недавно они разрешили восстановление демократии в Афинах, и даже их собственное правительство имело элементы демократии, но они всегда с особой ревностью относились к господству демократического государства.

[399 г. до н. э.]

В соответствии с этим решением в Элиду были отправлены послы с заявлением, что «лакедемоняне считают справедливым и правильным, чтобы города, подчиненные элейцам, были возвращены к независимости». Элейцы, ссылаясь на право завоевания, отказались отказаться от своей суверенитети; и тогда эфоры приказали царю Агису вторгнуться в их страну. За этим последовало обычное опустошение греческими войсками, но землетрясение, которое было воспринято как божественное предупреждение, напугало пожилого царя и его суеверный народ, и они ушли из Элеи,¹⁴ а войска были отправлены домой. Будь то знак

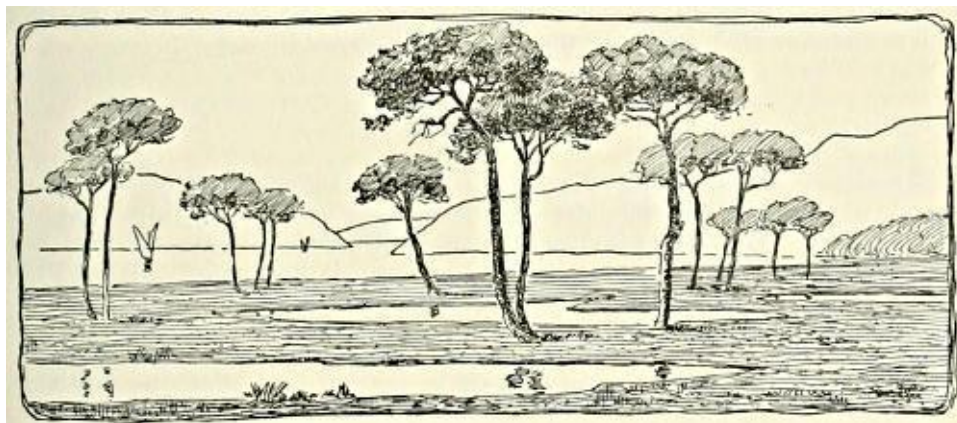
благосклонности богов или слабости их врагов, такое поведение очень ободрило элейцев. В любом случае, это укрепило их надежду привлечь на свою сторону многие греческие государства, известные своей неприязнью к Лакедемону. Но если лакедемонское господство было тираническим, то их, по-видимому, было не менее тираническим; и хотя они лелеяли надежду на иностранную помощь, они не принимали более мудрых мер предосторожности, чем другие греческие государства, для обеспечения приверженности своих подданных. Следующей весной Агис снова вторгся в Элею с армией, в которую входили все союзники, за исключением Коринфа и Беотии. Лепреум немедленно перешел на его сторону; Макист и Эпиталиум быстро последовали его примеру; а когда он продвинулся вглубь страны, их примеру последовали Леприна, Амфидолия и Марганея. В связи с этим отступничеством своих городов элейцы оказались совершенно неспособны противостоять лакедемонской армии на поле боя. Агис беспрепятственно продвинулся к Олимпии и принес жертву, теперь уже не запрещенную, на алтаре Юпитера. Территории восставших городов, конечно, были пощажены, но грабежи и разорение сопровождали путь от Олимпии до Элиды, куда царь направил свой поход. Страна страдала не только от завоевательной армии. Возможность грабежа привлекла соседних аркадцев и ахейцев, и было унесено столько рабов, скота и зерна, что все рынки Пелопоннеса были переполнены элеанской добычей. Предполагалось, что Агис не захочет, а не то что не сможет, захватить саму Элиду, которая не была укреплена. Уничтожив многие красивые здания на окраинах, он продвинулся к Киллене, главному морскому порту элейцев, и опустошение распространилось от гор до моря.

Уже не раз отмечалось, что едва ли какое-либо несчастье могло постигнуть греческое государство, которое не принесло бы выгоды или, по крайней мере, надежды на выгоду значительной части его подданных. Аристократическая партия в Элиде, угнетаемая демагогом Фрасидеем, рассматривала нынешние страдания своей страны как средство облегчения, но без какого-либо более глубокого понимания политических или моральных принципов, чем те, которыми могли руководствоваться самые дикие дикари или самые развратные представители низших слоев населения в цивилизованных странах. Они предложили убить Фрасидея и нескольких его доверенных друзей, а затем, от имени республики, начать переговоры с Лакедемоном. Они полагали, что народ, лишенный своего лидера и боящийся оружия лакедемонян, согласится, и таким образом главная власть в государстве, конечно, перейдет в их руки. Заговор провалился из-за ошибки, в результате которой был убит не Тразид, а другой человек. Народ, полагая, что его любимец убит, погрузился в молчаливую угрюмость, но пока заговорщики вооружались и расставляли свои силы, пробудился демагог, которому пьянство и наступивший сон помешали действовать накануне. Народ немедленно собрался вокруг него; последовала битва, и заговорщики, потерпев поражение, бежали в лагерь лакедемонян.

[398 г. до н. э.]

Ведение войны было таким, каким мы так часто видели в Греции. Когда лакедемонийской армии больше не осталось, чем заняться, кроме грабежа, Агис отправился домой, оставив только гарнизон в Эпиталии на Альфее, где он поселил элейских беженцев. Поэтому грабежи продолжались время от времени в течение осени и зимы. Элида, в отличие от Афин, не могла выдержать постоянных разорительных набегов на свою территорию. Поэтому весной года Тразидэй начал переговоры со Спартанцами и сразу же предложил независимость всем городам, над которыми элейцы претендовали на власть по праву завоевания, предложив сохранить только Эпиум, территорию которого они купили у жителей за тридцать талантов, справедливо уплаченных. Однако лакедемоняне, считая или делая вид, что считают эту покупку принудительной, потребовали, чтобы Эпиум был свободным, как и остальные. Такое явное стремление лакедемонян угнетать Элиду

побудило жителей деревень на территории Писа заявить о своих правах на управление олимпийским храмом, который, по их утверждению, был насильно отнят у их предков элейцами, когда их город был разрушен. Но каким бы ни было древнее право, лакедемонийская администрация, считая этих необразованных претендентов непригодными для должности, имеющей большую торжественность и достоинство в глазах всей Греции, не стала вмешиваться. Поэтому на условиях, что каждый город Элеи будет, как свободная республика, отдельным членом лакедемонского союза, что фактически означало подчинение Лакедедону, был заключен мир; а Элида, согласно лакедемонскому декрету, принятому до войны, смиренная и наказанная, также была восстановлена в своем месте в этом союзе.

БЕРЕГА ЭЛИДЫ

Обвинение в безбожии, под которым лакедемоняне начали войну, возможно, побудило их к более показательному проявлению уважения к богам в конце войны. Сам Агис был уполномочен принести в Дельфах десятую часть добычи. По возвращении он заболел в Гераи и вскоре после прибытия в Лакедемон скончался. Великолепием его похорон лакедемоняне, вероятно, хотели также продемонстрировать свою набожность, а также выразить свое мнение о заслугах покойного принца. Однако они просчитались в своей оценке преобладающих предрассудков греческого народа. Почитание богов, по общему мнению, лучше всего проявлялось в пышных процессиях и дорогостоящих зрелищах, которые и составляли основную часть религиозного культа, но всеобщее мнение осуждало великолепие похорон Агиса как превосходящее то, что подобает самому прославленному смертному.^b

Когда дни траурных торжеств прошли и необходимо было назначить другого царя, Леотихид, который утверждал, что он был сыном Агиса, и его брат Агесилай выступили в качестве соперников за трон. Леотихид сказал: «Закон, Агесилай, предписывает, что царствовать должен не брат, а сын царя; хотя, если сына нет, брат может в этом случае стать царем». Агесилай ответил: «Тогда я должен быть царем». «Как же так, — сказал Леотихид, — когда я еще жив?» «Потому что, — ответил Агесилай, — тот, кого ты называешь своим отцом, сказал, что ты не его сын».¹⁹ «Но моя мать, которая знает гораздо лучше него, по-прежнему утверждает, что я его сын». «Однако Нептун, — сказал Агесилай, — показал, что то, что ты утверждаешь, неправда, поскольку он изгнал твоего отца из ее покоев землетрясением; и время, которое, как говорят, является самым правдивым свидетелем, подтверждает его слова, поскольку ты родился через десять месяцев после того, как он сбежал от нее, и больше никогда не был замечен в ее покоях». Так они спорили. Но Диопит, человек, который придавал большое значение оракулам, поддержал Леотихида и сказал, что есть оракул Аполлона, предписывающий им «остерегаться прерывистого правления».

Однако Лисандр ответил ему от имени Агесилая, что «он не думает, что бог желает, чтобы они опасались, что их царь споткнется и споткнется, а скорее того, что царствовать будет тот, кто не принадлежит к царской семье; ибо царская власть непременно будет хромой, когда государством будут править люди, не происходящие от Геракла». Народ, выслушав такие аргументы обеих сторон, избрал Агесилая своим царем.

ЗАГОВОР КИНАДОНА

Агесилай не пробыл на троне и года, когда, принося одну из жертв, назначенных для города, авгур сказал ему, что боги предсказывают какой-то заговор самого опасного рода. Через пять дней после завершения этой жертвы кто-то сообщил эфорам о заговоре и сказал, что «Синадон был лидером в этом деле». Кинадон был человеком крепкого телосложения и сильного ума, но не принадлежал к числу равных. Когда эфоры спросили информатора, что он может рассказать о том, как заговор будет осуществлен, тот ответил, что «Кинадон, выведя его за пределы форума, попросил его сосчитать, сколько спартанцев находится на форуме; и я, — продолжил он, — сосчитав царя, эфоров, сенаторов и еще около сорока человек, спросил его: «А зачем, Кинадон, ты велел мне их сосчитать?» «Считай их врагами, — ответил он, — а всех остальных, кто сейчас находится на форуме, а их более четырех тысяч, — союзниками». Он также сказал, что Кинадон иногда указывал ему на улицах на одного, а иногда на двух врагов и говорил, что все остальные люди были союзниками, и что из всех спартанцев, находившихся на своих поместьях в деревне, один, а именно хозяин, был врагом, в то время как на каждом поместье было множество союзников. Когда эфоры спросили, сколько, по словам Кинадона, было посвящено в заговор, он ответил, что тот сказал ему, что «совместно с главными заговорщиками было не так много людей, но они были надежными и заявляли, что поддерживали связь со всеми илотами, недавно освобожденными рабами, низшими гражданами и жителями окрестностей города; потому что всякий раз, когда среди них упоминались спартанцы, никто не мог удержаться от того, чтобы показать, что он с удовольствием съел бы их заживо». Когда эфоры далее спросили, «откуда, по их словам, они собираются достать оружие», он ответил, что Кинадон сказал ему: «Те из нас, кто уже объединился, говорят, что у нас достаточно оружия»; а что касается множества, то он сказал, что Кинадон, проведя его на железный рынок, показал ему множество кинжалов, мечей, копьев, топоров, тесаков и кос, и добавил, что «все инструменты, с помощью которых люди возделывают землю или рубят дерево или камень ( ), могут служить оружием, а большая часть ремесленников имеет достаточно инструментов, чтобы сражаться, особенно против невооруженных врагов». Когда доносчика наконец спросили, «когда планировалось осуществить заговор», он ответил, что «ему было дано указание быть готовым дома».

Эфоры, выслушав его показания, пришли к мнению, что он сообщил о хорошо спланированном заговоре, и были сильно встревожены; они даже не созвали так называемое меньшее собрание, но некоторые сенаторы, посоветовавшись между собой, решили отправить Кинадона в Аулон в сопровождении нескольких молодых людей с поручением привести с собой некоторых жителей этого места и нескольких илотов, чьи имена были записаны на его скитале. Они также просили его привести с собой некую женщину, которая, как говорили, была самой красивой в том месте и, как полагали, развращала всех лакедемонян, как старых, так и молодых, которые туда приезжали. Кинадон уже выполнял подобные поручения для эфоров, и теперь они передали ему скиталь, на котором были написаны имена лиц, подлежащих аресту. Когда он спросил, «кого из молодых людей он должен взять с собой», они сказали ему: «Иди и попроси старшего из *гиппагретов* послать с тобой шестерых или семерых из своих людей, которые могут быть под рукой». Они заранее позаботились о том, чтобы *гиппагреды* знали, кого он должен послать, и чтобы посланные были предупреждены, что они должны обеспечить безопасность Кинадона. Кроме того, они сообщили Кинадону, что пошлют три повозки, чтобы не везти пленников пешком, тщательно скрывая от него, что посылают их исключительно для его безопасности. Они не арестовали его в городе, потому что не были уверены, насколько далеко распространился заговор, и хотели сначала услышать от самого Кинадона, кто его сообщники, прежде чем сами узнают, что на них донесли, чтобы они не

успели сбежать. Те, кто его арестовал, должны были держать его в плену, а когда узнают от него имена его сообщников, как можно скорее отправить их в письменном виде эфорам. Эфоры были настолько нацелены на достижение своей цели, что даже отправили отряд всадников на подмогу тем, кто отправился в Аулон.

Как только Синадон был задержан, и всадник прибыл с именами тех, кого он внес в свой список, они немедленно арестовали предсказателя Тисамена и других главных заговорщиков; а когда Синадон был приведен обратно и допрошен, и он полностью сознался и назвал своих сообщников, они наконец спросили его: «С какой целью он вступил в такой заговор?». Он ответил: «Чтобы не уступать никому в Лакедемон». Вскоре после этого его приковали за руки и шею к деревянному ошейнику, избили и пронзили копьями; в таком состоянии его и его сообщников провели по городу. Так они понесли наказание по закону.^с

АГЕСИЛАЙ В АЗИИ

[396 г. до н. э.]

Вскоре после этого события в Спарту прибыл сиракузский гражданин по имени Герод, который только что вернулся из Финикии, и сообщил о том, что он был свидетелем подготовки в финикийских портах к большому вооружению, которое, как он узнал, должно было состоять из трехсот галер. Он не смог выяснить цель этого вооружения, но это побудило его ускорить свой отъезд, чтобы он мог донести эту весть до Греции. Спартанское правительство было встревожено ( ) и созвало конгресс союзников, чтобы обсудить превентивные меры. Но для Лисандра эта информация стала очень удобной возможностью возобновить свои амбициозные планы и восстановить свое влияние среди азиатских греков. Однако он, по-видимому, осознавал, что к нему с подозрением относятся на родине и что предложение, исходящее непосредственно от него и направленное на его собственное возвышение, вероятно, будет воспринято негативно. Поэтому он решил воспользоваться своим другом Агесилаем для достижения своей цели и легко убедил его взять на себя с небольшими силами задачу занять персидские войска в Азии, чтобы защитить Грецию от угрозы вторжения.

Агесилай, который был в расцвете сил, не менее стремился проявить свои военные таланты на таком блестящем поле, чем Лисандр — возобновить свои интриги и вернуть своих людей на должности, с которых они были смещены. Поэтому он предложил взять на себя командование экспедицией в Азию, для чего ему требовалось не более двух тысяч неодамодных воинов и шести тысяч союзников, и пожелал, чтобы его сопровождал совет из тридцати спартанцев — который, как он, вероятно, знал, по обычаю будет ему навязан — и Лисандр среди них. Его предложение было принято, и все его просьбы удовлетворены, с добавлением шестимесячного жалованья для армии. Коринф, Фивы и Афины были призваны предоставить свои войска, но все они отказались.

Это был первый случай со времени экспедиции Менелая, когда царь Спарты предпринял вторжение в Азию; и Агесилай, отчасти, возможно, из-за предзнаменования, а отчасти ради собственной славы, был готов связать свое предприятие с воспоминанием об этом героическом приключении. Поэтому он остановился в Авлиде, чтобы принести там жертву по примеру Агамемнона. Но прежде чем он завершил обряд, беотархи послали отряд всадников, чтобы заставить его отказаться от своего намерения, и те не только доставили сообщение, но и разбросали части жертвы, которые нашли на алтаре. Однако он сдержал свое возмущение, снова отплыл в Гераст, где нашел большую часть своего вооружения, и отплыл с ним в Эфес.

Вскоре после его прибытия он получил сообщение от Тиссаферна, призывающее его объяснить цель своего прихода. Агесилай ответил, что его цель — восстановить независимость азиатских греков, которой пользовались их братья по другую сторону Эгейского моря. Сатрап предложил перемирие до тех пор, пока царь не примет решение по этому требованию; он обязался поддержать его всем своим авторитетом и заявил, что верит, что двор согласится с ним. Агесилай согласился на это предложение, потребовав лишь гарантии соблюдения обязательств, и даже эта гарантия сводилась лишь к клятве Тиссаферна, которую он торжественно дал Дерциллиду и двум другим спартанским посланникам, присланным для ратификации соглашения. Однако ни одна из сторон и не думала о мире. Тиссаферн, как только принес клятву, послал к царю просьбу о подкреплении, чтобы иметь возможность выйти в поход; а Агесилай, который хорошо знал о его намерениях и, вероятно, не согласился бы на перемирие, если бы не это, хотя и соблюдал его со строгой верностью, несомненно, не терял времени в отношении своих собственных приготовлений.

В это время между ним и Лисандром возник разлад, который был почти неизбежен, учитывая характеры и взгляды этих двух людей. Слухи о походе и о роли, которую в нем должен был сыграть Лисандр, по-видимому, вновь разжег пламя раздора в азиатских городах, которые после изгнания его сторонников некоторое время оставались спокойными благодаря мудрому терпению эфоров и разумному управлению Дерциллидаса. Когда он прибыл в Эфес, его дверь сразу же осадила толпа просителей, желавших получить разрешение угнетать своих соотечественников под его покровительством. После победы при Эгоспотами Лисандр, как человек, который в то время обладал непреодолимой властью Спарты, был окружен чрезмерной раболепностью со стороны азиатских греков. Они не довольствовались обычными почестями в виде золотых венцов и статуй, но воздвигали алтари, приносили жертвы, пели пеаны и посвящали ему праздники как богу: это был первый пример той грубой лести, которая впоследствии стала обычным явлением среди греков и была систематизирована римлянами. Когда он вновь появился в Азии, хотя и в свите спартанского царя, все по-прежнему полагали, что сущность власти принадлежит ему и что он будет руководить осуществлением царской власти, как сочтет нужным. Он не опровергал это убеждение, поскольку сам его разделял. Он рассчитывал на покорность Агесилая, которого считал в первую очередь обязанным своей дружбой, сначала за трон, а затем — что было не менее важным — за командование в Азии. Но его коллеги, остальные тридцать, считали, что почитание, оказываемое ему союзниками, унижает не только королевское достоинство, но и их собственное, и жаловались Агесилаю на его самонадеянность.

НОСЫ ГРЕЧЕСКИХ ГАЛЕР

Сам царь был этим обижен и решил положить этому конец, но не дружеским увещанием, а способом, наиболее раздражающим чувства Лисандра. Он отклонял все просьбы, которые обращались к нему в надежде на заинтересованность Лисандра, и в конце концов его намерение стало настолько очевидным, что Лисандр был вынужден сообщить своим клиентам, что его заступничество, вместо того чтобы помочь, только помешает их делам. Однако он обладал достаточным самообладанием, чтобы подавить или скрыть свое недовольство, и после очень мягкого упрека Агесилаю за жестокость его поведения попросил перевести его с места его унижения в другое место, где он мог бы по-прежнему заниматься государственной службой. Царь с готовностью согласился и отправил его в Геллеспонт, где вскоре он добился значительного успеха для спартанской армии. Он убедил высокопоставленного перса по имени Спитридат, который был оскорблен Фарнабазом, поднять восстание и прийти со своей семьей, сокровищами и двумя сотнями всадников в Кизик, а оттуда отплыть с ним и его сыном в Эфес и представить их Агесилаю, который принял их с большим удовольствием и воспользовался этой возможностью, чтобы получить информацию о положении Фарнабаза. Этот инцидент привел к видимому примирению между ним и Лисандром, но у нас есть основания подозревать, что, по крайней мере, с одной стороны, оно было неискренним.

Как только Тиссаферн получил такое пополнение своих сил, которое казалось ему достаточным для победы над Агесилаем, он сбросил маску и послал спартанскому царю сообщение, приказывая ему немедленно покинуть Азию или готовиться к войне. Совет и союзники были несколько напуганы его высокомерным тоном и очевидной силой, но Агесилай, который ожидал такого результата и не желал ничего другого, велел послам передать своему господину благодарность за то, что он своим вероломством дал грекам преимущество. Затем он приказал своим войскам приготовиться к долгому походу, отправил сообщение городам, лежащим на пути в Карию, чтобы они запаслись провизией для его армии, и призвал города Ионии, Эолии и Геллеспонта выставить свои контингенты. Агесилай рассчитывал на такой эффект от эгоистических страхов сатрапа и, вместо того чтобы искать его в Карии, двинулся в противоположном направлении, к резиденции Фарнабаза. Поскольку это вторжение было совершенно неожиданным, он обнаружил, что города на его пути не готовы к сопротивлению, и собрал огромную добычу. Он проник

почти до Даскилия, не встретив врага. Но в тех краях он столкнулся с отрядом персидской конницы и в результате последовавшей стычки почувствовал на себе превосходство противника в снаряжении и подготовке. На следующий день, когда он приносил жертву, Ксенофонт замечает — как будто рассказывая о провидении, а не о человеческом замысле — что жертвы оказались несовершеннолетними, и Агесилай не продвигался дальше, а отступил к Эфесу.

[396-395 гг. до н. э.]

Там он провел зиму, готовясь к следующей кампании, и в частности занялся формированием кавалерийского отряда, который, как он понимал, был необходим для успеха и безопасности его будущих операций. Для этой цели он составил список самых богатых людей в греческих городах и обязал каждого из них, в качестве условия освобождения от личной службы, предоставить одного всадника. Весной он собрал свои войска в Эфесе и подверг их активной подготовке, возбуждая их соперничество наградами, которые он обещал за самые доблестные проявления и высочайшую степень мастерства во всех видах военного искусства. Ксенофонт, как старый солдат, с восторгом вспоминает военную суматоху, царившую в это время в Эфесе, где школы борьбы и ипподром постоянно оживлялись упражнениями воинов, рынок был богато снабжен лошадьми и оружием всех видов, а все ремесла, связанные с войной, работали на полную мощность. Среди других ухищрений для поднятия боевого духа своих войск Агесилай, по-видимому, позаимствовал идею из одной из хитростей Кимона и приказал выставить на продажу своих персидских пленников обнаженными, чтобы греки могли сравнить их изящность с крепостью тел, закаленных упражнениями в палестре.

Прежде чем он снова вышел на поле боя, прошел год с начала его экспедиции, Лисандр и его соратники были заменены новым составом советников и вернулись домой. Агесилай публично объявил, что намерен взять кратчайший путь в самую богатую часть страны врага. Это объявление было сделано не столько для подготовки собственных войск, сколько для Тиссаферна, который пришел к выводу, что, если бы это было намерением Агесилая, он бы не раскрыл его, и что теперь Кария, безусловно, является его настоящей целью. Поэтому он повторил расположение войск предыдущего лета. Но пока он ждал врага со своей кавалерией в долине Меандра, Агесилай направил свой поход к равнинам Сард, самым богатым в Западной Азии. В течение трех дней он пересекал их, не встречая врага, но на четвертый день персидская кавалерия, которую, по-видимому, Тиссаферн послал вперед, как только он услышал о передвижениях Агесилая, внезапно появилась и отрезала многих последователей лагеря, которые разбрелись по стране в поисках добычи.

Тиссаферн уже прибыл в Сарды, и его соотечественники, многие из которых, вероятно, понесли значительные потери от вторжения, резко осудили его за то, что он оставил их без защиты, и, по-видимому, даже обвинили его в предательстве. Жалобы были доведены до сведения двора, где у него был один непримиримый и могущественный враг в лице злобной Парисатис, которая жаждала отомстить ему за вражду к ее любимому сыну. Она уже обнаружила ( ), что Артаксеркс был достаточно слаб, чтобы пожертвовать своими самыми верными слугами ради ее обиды, даже зная, что она была разжигается именно теми услугами, которые они оказали ему самому; и, согласно наиболее вероятному рассказу, именно в соответствии с ее просьбой он теперь приказал казнить Тиссаферна. Исполнение приговора было поручено Титраусту, который был назначен преемником Тиссаферна в его сатрапии и получил указание начать переговоры с Агесилаем. Соответственно, после выполнения первой части своего поручения, которое он выполнил по-турецки, поручив его подчиненному, который застал Тиссаферна в бане, Титрауст послал послов для переговоров

со спартанским царем. Он сделал вид, что считает Тиссаферна виновником ссоры между своим господином и греками, и, как будто цель их похода была теперь достигнута смертью врага, предложил Агесилаю вернуться домой. Что касается азиатских греков, Артаксеркс был готов признать их независимость при условии, что они будут платить прежнюю дань. Агесилай ответил, что не имеет полномочий заключать мир без санкции правительства своей страны, но что он передаст персидские предложения в Спарту. Тем временем Титраст очень хотел, чтобы военные действия в его провинции были приостановлены, и, ссылаясь на свои заслуги в казни Тиссаферна, просил Агесилая, пока тот ждал ответа на предложенные условия, направить свои войска против сатрапии Фарнабаза. Агесилай согласился на это при условии, что Титрауст покроет расходы на поход, и получил за это тридцать талантов [6000 фунтов стерлингов или 30 000 долларов]. Это был шаг, выходящий за рамки прежних прецедентов: даже Тиссаферн, хотя и не постеснялся заключить отдельное перемирие, не платил врагу субсидию за вторжение в другую часть владений своего господина.

[395 г. до н. э.]

Во время своего похода на территории Фарнабаза Агесилай получил лестные отзывы о том, как его действия оценивались в Спарте, и о настроениях, которые там преобладали, чтобы поддержать его в продолжении войны. Из депеши, которая дошла до него, когда он находился недалеко от Кимы, он узнал, что ему было поручено управление морскими делами, что он уполномочен назначать кого угодно на должность адмирала и по-прежнему регулировать действия флота по своему усмотрению. Таким образом, объединение верховного командования армией и флотом в одном лице было беспрецедентным проявлением доверия и ярким свидетельством новой энергии, которую амбиции придали спартанским советникам. Агесилай немедленно принял меры по созданию флота и, разумно распределив бремя между морскими союзниками и используя свое влияние на богатых людей, собрал 120 новых галер. Но он был менее благоразумен и удачлив в выборе адмирала и, вместо того чтобы искать наиболее подходящего кандидата, руководствовался личными симпатиями, назначив брата своей жены Писандра. Когда это дело было решено, он продолжил свой поход к сатрапии Фарнабаза.

ПЕРСИДСКОЕ ЗОЛОТО

Эти приготовления, возможно, в сочетании с другими признаками, убедили Титрауста в том, что Агесилай не намеревался уходить из Азии, а скорее склонялся к расширению, чем к сокращению своих планов, и питал большие надежды на завоевание империи. Он понял, что добился лишь временного облегчения, и задумался, как можно с большей выгодой использовать золото, которое было его последней опорой. История противостояния между Грецией и Персией давала несколько поучительных уроков, которые теперь были особенно актуальны. В то время, когда первый Артаксеркс был сбит с толку успехом афинян в Египте, он, как мы видели, послал агента с взятками в Спарту, чтобы добиться отвлечения внимания в свою пользу. Титраст теперь прибег к аналогичному средству. Он послал в Грецию родосца по имени Тимократ с суммой в пятьдесят талантов, которую тот должен был с должной осторожностью распределить между ведущими деятелями тех государств, которые можно было бы наиболее легко склонить к тому, чтобы прервать продвижение Агесилая, развязав войну против Спарты на ее территории. Не только сама эта миссия была общеизвестным и неоспоримым фактом, но и Ксенофонт с такой же уверенностью называет имена лиц, получивших деньги. Мы можем, по крайней мере, рискнуть предположить, что, хотя это и побудило их к большей активности, оно не повлияло на их политические взгляды: мы даже

сомневаемся, что это привело к каким-либо событиям, которые не произошли бы почти так же быстро и без этого. Для Агесилая и его друзей было вполне естественно приписывать разочарование своих надежд продажности своих противников. Но сам Ксенофонт отмечает, что афиняне, хотя и не получили никакой доли золота, были полны желания воевать в надежде восстановить свою независимость. И из его собственного повествования ясно, что подобные чувства ревности или обиды по отношению к Спарте уже преобладали в Фивах, Коринфе и Аргосе и только ждали случая проявить себя в открытой враждебности, но не нуждались в коррупционном влиянии, чтобы их возбудить.

Антилаконская партия в Фивах — та же самая, которая, без сомнения, укрывала афинских изгнанников, устроила оскорбление Агесилая в Аулисе и поэтому имела основания опасаться его недовольства, если он когда-нибудь вернется в Европу как завоеватель Азии, — запустила первые пружины вражды. Склонность к войне они обнаружили уже существующей; нужен был только предлог, и его они легко придумали. Были найдены средства, чтобы побудить локрийцев из Опуса вторгнуться на территорию, которая долгое время была предметом спора между ними и их соседями фокийцами. Фокийцы ответили вторжением в Опунтскую Локрию, и фиванцы вскоре были убеждены присоединиться к локрийцам и вторгнуться в Фокию. Фокидцы, как и предвиделось, обратились за помощью к Спарте, где, как признает Ксенофонт, были в высшей степени готовы воспользоваться любым предлогом для войны с Фивами; а нынешний период процветания казался спартанскому правительству наиболее благоприятным для унижения державы, которая столько раз проявляла к нему враждебность.

ВОЙНА В ГРЕЦИИ

Таким образом, была объявлена война, и Лисандр был отправлен в Фокиду с поручением собрать все силы, которые он мог собрать там и среди племен, проживавших вокруг горы Эта, и с ними отправиться в Халиарт в Беотии, где Паусаний с пелопоннесскими войсками должен был присоединиться к нему в назначенный день. Лисандр с обычной для него энергией выполнил поручение и, кроме того, сумел убедить Орхоменос, подчинявшийся Фивам, провозгласить свою независимость. Паусаний, перейдя границу Лаконии, ждал в Тегее войска, которые он запросил у союзников. По-видимому, они прибывали медленно, а Коринф отказался принимать участие в походе. Фиванцы, видя угрозу вторжения, послали посольство, чтобы убедить афинян объединиться с ними против Спарты ( ). Прежде чем это решение могло быть принято, в Афинах нужно было преодолеть многое: воспоминания о давней наследственной вражде, о враждебности, проявленной Фивами во время последней войны, и особенно в ее конце; чувство слабости и страх спровоцировать державу, которая недавно довела Афины до грани разрушения. Афиняне желали восстановить свое превосходство в Греции, и самым простым способом достичь этой цели было объявить себя защитниками всех, кто страдал от спартанской тирании. Если они были склонны бояться могущества врага, им нужно было только подумать о том, каким образом было свергнуто их собственное. Спарта теперь также правила над нежелающими подчиняться подданными и обиженными союзниками, которым нужен был только лидер, чтобы поднять их на восстание против нее. По сути, у нее не осталось ни одного искреннего друга. Аргос всегда был враждебен; Элида только что была глубоко обижена. Коринф, Аркадия и Ахайя видели, что их услуги, оказанные во время войны, были вознаграждены наглой неблагодарностью, и подвергались контролю хармостов, которые даже не были гражданами Спарты, а были гелотами — рабами дома и хозяевами за границей. Города, когда-то подчинявшиеся Афинам, которые были соблазнены перспективой свободы, обнаружили, что их надежды были обмануты, и стонали под двойным игом иностранного правителя и внутренней олигархии. Персидский царь, которому Спарта в основном обязана своей победой, сразу

после этого был ею воспринят как враг. Афины теперь могли поставить себя во главе конфедерации, гораздо более могущественной, чем империя, которую они потеряли; и спартанское господство было бы свергнуто легче, чем афинское, в той мере, в какой союзники Спарты были сильнее подданных Афин.

ГРЕЧЕСКАЯ ТЕРРАКОТОВАЯ ЛАМПА

Эти аргументы нашли отзыв у аудитории; их поддержали многие голоса, и собрание единодушно высказалось в пользу союза с Фивами. Тразиб, который вынес постановление, напомнил фиванцам, что Афины собираются отплатить за обязательство, которое они наложили на них, когда отказались согласиться с их цепями, активными усилиями и с большим риском. Ведь ей пришлось бы столкнуться с враждой Спарты, пока Пирей оставался все еще неукрепленным. Оба государства готовились к войне.

Лисандр, собрав все силы, которые он мог поднять на севере, двинулся на Галиарту, но обнаружил, что Паусаний еще не прибыл туда. Ему не было свойственно оставаться где-либо без дела, и он стремился овладеть городом. Сначала он попытался вести переговоры, чтобы склонить его к восстанию. Но в городе находились войска из Фив и Афин, чье присутствие устрашало недовольных, и тогда он решил рискнуть и пойти на штурм. Близ стен города произошло сражение, в котором Лисандр был убит. Из сравнения всех свидетельств ясно, что он был перехвачен между основными силами фиванцев и гарнизоном, который совершил вылазку; известно, что он пал от руки гражданина Халиарта. Его войска были обращены в бегство и укрылись на холмах — отрогах горного хребта Геликон, возвышавшихся недалеко за городом. Победители преследовали их с большой энергией и неосторожно продвигались вперед по возвышенности, пока трудности местности не заставили их остановиться, и беглецы, заметив их затруднение, обернулись против них, обрушили на них град снарядов, свалили на их головы глыбы камней и, наконец, в беспорядке, потеряв более двухсот человек, загнали их на равнину. Уныние, вызванное этой катастрофой, было снято на следующий день, когда выяснилось, что остатки армии Лисандра рассеялись ночью.

Но ликование фиванцев по поводу этой победы было омрачено через несколько часов появлением Паусания, который получил известие о сражении на дороге из Платы в Феспии и ускорил свой марш к Галиарту. Однако, по словам Диодора, он привел с собой не более шести тысяч человек; но столь небольшие силы вряд ли могли вызвать тревогу, описанную Ксенофоном, который с легким оттенком юмора показывает, как лагерь фиванцев колебался между крайностями самонадеянности и уныния. На следующий день их боевой дух снова поднялся с прибытием Фрасибула и афинской армии; и их уверенность усилилась, когда они поняли, что Паусаний не проявляет никакого желания вступить в сражение. Его положение было чрезвычайно затруднительным. Согласно греческим обычаям, он был обязан вернуть тела убитых, число которых, по некоторым данным, достигало тысячи, либо силой, либо с согласия победителей. Большая часть из них лежала так близко к городским стенам, что попытка унести их силой была бы сопряжена с большими трудностями и опасностью, даже если бы он одержал победу; а враг был настолько силен в кавалерии, что

исход сражения был бы весьма неопределенным, тем более что его собственные войска с неохотой участвовали в экспедиции. Поэтому он созвал военный совет, и после зрелого обсуждения большинство пришло к решению — если только оно не было единогласным — просить разрешения унести тела погибших. Однако фиванцы не удовлетворились этим признанием своего превосходства и отказались предоставить перемирие, если только захватчики не уйдут из Беотии. Эти условия были с радостью приняты Паусанием и его советом, хотя войска восприняли их как унижение, которого лакедемонийская армия никогда раньше не испытывала. Общее уныние и плохое настроение, царившие во время отступления, усугублялись оскорбительным поведением фиванцев, которые сопровождали их на протяжении всего марша через Беотию и ударами заставляли всех, кто хоть немного отклонялся от линии, возвращаться на дорогу.

Поведение Паусания в этом деле, по-видимому, было совершенно безупречным. Он действительно не смог добраться до Галиарта в назначенный день, но прибыл на следующий день; и если учесть, что ему пришлось собирать армию из многих мест и что союзники в целом были настроены против экспедиции, то он, скорее, заслуживает похвалы за то, что смог собрать армию почти в назначенный срок. Катастрофический исход можно было объяснить только неосторожностью Лисандра; и решение военного совета о возвращении убитых, даже если оно и не было явно обусловлено обстоятельствами дела, не могло быть обоснованно приписано Паусанию как преступление. Тем не менее, по возвращении в Спарту он был подвергнут смертной казни, и характер предъявленных ему обвинений показывал, что он не мог рассчитывать на справедливый суд, а был заранее обречен на жертву общественному предубеждению или частной страсти; поскольку обвинение охватывало не только его поведение во время последней экспедиции, но и снисходительность, которую он проявил по отношению к афинским беженцам в Пирее; хотя его меры в том случае, по-видимому, были встречены с общей одобрением в то время и оказались недальновидными только в результате событий. Но под воздействием раздражения, вызванного недавним позором и разочарованием, спартанский сенат был не более способен прислушиваться к голосу разума и справедливости, чем афинское собрание в некоторых подобных случаях; и вполне вероятно, что друзья Лисандра сделали все возможное, чтобы разжечь общественные настроения против его старого противника. Павсаний не явился на суд; он был приговорен к смерти и вынужден был искать убежища в почитаемом святилище Афины Алеи в Тегее, где и закончил свои дни. Его сын Агесиполис унаследовал трон.

Лисандр оставил свою семью в бедности, что доказывало, что его амбиции были совершенно чисты от всякой корысти. Но, если верить истории, которая стала популярной после его смерти и рассказывается такими авторитетными источниками, что мы едва ли можем предположить, что она не имеет под собой оснований, он не был удовлетворен ни славой, ни властью. Говорят, что он задумал уравнивать привилегии двух королевских домов и сделать королевскую должность выборной и открытой для всех спартанцев, несомненно, в надежде получить ее для себя.⁴

ЗАГОВОР ЛИСАНДА

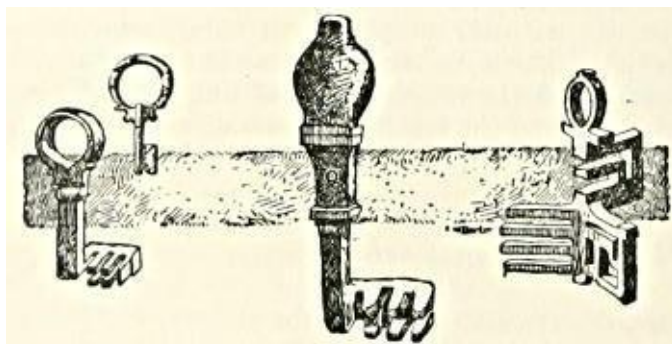
[404-395 гг. до н. э.]

Мелодраматический план по захвату трона, который приписывают Лисандру, был опровергнут Тирлвеллом и Митфордом, но Гроте, Бери и другие принимают его, и он достаточно любопытен, чтобы заслуживать упоминания в этой хронике:

Когда Гераклиды смешались с дорийцами и поселились в Пелопоннесе, в Спарте было большое и процветающее племя из их числа. Однако не все они имели право на престолонаследие, а только две семьи, Эвритиониды и Агиды; остальные же не участвовали в управлении из-за своего высокого происхождения. Что же касается общих наград за добродетель, то они были доступны всем людям, отличившимся заслугами. Лисандр, который был из этого рода, как только увидел, что его великие деяния возвысили его и он обрел друзей и власть, стал беспокоиться о том, что город, который обязан ему своим величием, должен управляться другими, не имеющими более высокого происхождения, чем он сам. Поэтому он замыслил изменить правило, ограничивающее право на престол только двумя семьями, и открыть его для всех Гераклидов. Некоторые говорят, что его намерение состояло в том, чтобы распространить эту высокую честь не только на всех Гераклидов, но и на всех граждан Спарты, чтобы она принадлежала не столько потомкам Геракла, сколько тем, кто походил на Геракла в той добродетели, которая причисляла его к богам. Он также надеялся, что когда корона будет устроена таким образом, ни один спартанец не будет иметь больше прав на нее, чем он сам.

Сначала он приготовился вовлечь граждан в свой план и выучил наизусть речь, написанную для этой цели Клеоном из Галикарнаса. Но вскоре он понял, что для такой великой и сложной реформы нужны более смелые и необычные методы. И так как в трагедии используются механизмы, когда более естественные средства не помогают, он решил поразить народ оракулами и пророчествами, хорошо зная, что красноречие Клеона будет малоэффективно, если он сначала не покорит их умы божественными санкциями и ужасами суеверия. Эфор рассказывает нам, что он сначала попытался подкупить жрицу Дельфийского оракула, а затем жриц Додонского оракула с помощью некоего Ферекла; не добившись успеха ни в одном из этих случаев, он сам отправился к оракулу Аммона и предложил жрецам большие суммы золота. Они тоже с негодованием отвергли его предложения и послали представителей в Спарту, чтобы обвинить его в этом преступлении. Когда эти ливийцы узнали, что он был оправдан, они простились со спартанцами следующим образом: «Мы будем выносить более справедливые суждения, когда вы приедете жить к нам в Ливию». По-видимому, существовало древнее пророчество, что лакедемоняне когда-нибудь поселятся в Африке. Весь этот план Лисандра был не обычным, он не возник из случайных обстоятельств, а был тщательно продуман и осуществлен с необычайным искусством и ловкостью, так что его можно сравнить с математической демонстрацией, в которой из некоторых первоначально принятых принципов вывод делается через ряд сложных и запутанных шагов. Поэтому мы объясним его подробно, взяв за руководство Эфора, который был и историком, и философом.

ГРЕЧЕСКИЕ ДВЕРНЫЕ КЛЮЧИ

В Понте жила женщина, которая заявляла, что забеременела от Аполлона. Многие отвергали ее утверждение, а многие верили в него. Поэтому, когда она родила сына, несколько самых выдающихся людей взяли на себя особую заботу о его образовании и по той или иной причине дали ему имя Силен. Лисандр взял это чудесное рождение за основу и построил на нем все свое здание. Он выбрал таких помощников, которые могли бы придать этой истории известность и сделать ее не подлежащей сомнению. Затем он распространил в Дельфах и Спарте еще одну историю о том, что некоторые древние оракулы хранились в частных архивах жрецов, к которым нельзя было прикасаться или заглядывать, пока в будущем не появится человек, который сможет ясно доказать, что он сын Аполлона, и он должен будет истолковать и обнародовать эти оракулы. Подготовив таким образом почву, Силен должен был появиться как сын Аполлона и потребовать оракулы. Священники, которые были в сговоре, должны были расспросить его обо всем и строго проверить его происхождение. Наконец, они должны были притвориться убежденными в его божественном происхождении и показать ему книги. Затем Силен должен был публично прочесть все эти пророчества, в частности то, ради которого и был задуман весь этот план, а именно, что для чести и интересов Спарты было бы лучше отстранить нынешнюю династию царей и выбрать других из лучших и достойнейших людей в республике. Но когда Силен вырос и приступил к исполнению своей роли, Лисандр с горечью увидел, что его план провалился из-за трусости одного из актеров, чье сердце не выдержало в самый разгар действия. Однако ничего из этого не было обнаружено при жизни Лисандра.

Бедность Лисандра, которая была обнаружена после его смерти, придала блеск его добродетели. Тогда выяснилось, что, несмотря на деньги, которые прошли через его руки, власть, которую он осуществлял над столькими городами, и, по сути, великую империю, которой он владел, он несколько не улучшил семейное состояние. Эфор рассказывает нам, что впоследствии, после некоторых споров между союзниками и спартанцами, было сочтено необходимым проверить письма Лисандра, и для этой цели Агесилай отправился в его дом. Среди прочих бумаг он нашел политический документ, в котором было рассчитано, насколько целесообразно было бы лишить Эвритионидов и Агидов права наследования и избирать царей из числа лиц, имеющих наибольшие заслуги. Он собирался представить его гражданам и показать, каковы были истинные принципы Лисандра. Но Лакратид, человек разумный и главный из эфоров, удержал его от этого, объяснив, как неправильно было бы выкапывать Лисандра из могилы, когда эта речь, написанная так искусно и убедительно, должна была быть похоронена вместе с ним.

Среди других почестей, оказанных памяти Лисандра, та, о которой мы упомянем, не является наименее значимой. Некоторые люди, которые при его жизни обручились с его дочерьми, когда узнали, что он умер в бедности, отказались от своих обязательств. Спартанцы оштрафовали их за то, что они стремились к союзу, когда видели богатство, и разорвали его, когда обнаружили бедность, которая была лучшим доказательством честности и справедливости Лисандра. По-видимому, в Спарте существовал закон, который наказывал не только тех, кто оставался в состоянии безбрачия или женился слишком поздно, но и тех, кто женился неудачно; и он был направлен главным образом против людей, которые вступали в брак с представителями богатых, а не хороших семей. ^e

ВОЗВРАЩЕНИЕ АГЕСИЛАЯ

[395 г. до н. э.]

В то время как в Греции происходили эти события, Агесилай вел войну в Азии с такой активностью и успехом, что это могло вызвать тревогу при персидском дворе и доказать

мудрость мер предосторожности, принятых Титраустом. В походе на провинцию Фарнабаза его сопровождал Спитридат, который убеждал его продвигаться в Пафлагонию и обещал сделать Котиса, царя этой страны, своим союзником. Котис, который в других источниках называется Корилас, был одним из тех могущественных наследственных вассалов персидского царя, чье подчинение стало чисто номинальным, и в последнее время он отказался даже от видимости покорности. Артаксеркс, неосторожно или коварно, подверг его послушание испытанию, вызвав или пригласив его ко двору. Но пафлагонский принц был слишком осторожен и слишком хорошо знал характер персидского правительства, чтобы довериться его власти, и он открыто отказался подчиниться королевскому приказу. Переговоры с врагами Артаксеркса не усугубили бы его проступок, но укрепили бы его безопасность. Ничто не могло быть более приятным для Агесилая, чем возможность приобрести столь могущественного союзника; он с радостью принял посредничество Спитридата, который не только выполнил свое обещание и убедил Котиса прибыть в греческий лагерь и лично заключить союз со Спартой, но и убедил его перед отъездом оставить подкрепление в виде тысячи всадников и двух тысяч копейщиков в армии Агесилая.

Чтобы вознаградить Спитридата за эту важную услугу таким образом, который укрепил бы интересы Греции в Азии, Агесилай с большим тактом договорился о браке между Котисом и дочерью Спитридата, с тем чтобы каждая сторона считала себя обязанной другой и обе считали его своим благодетелем. Поскольку сезон был слишком поздним для путешествия по суше через Пафлагонские горы, молодая дама была отправлена по морю под охраной спартанского офицера в владения своего будущего супруга; а Агесилай вернулся, чтобы занять свои зимние квартиры на территории Фарнабаза и в резиденции сатрапа в Даскилиуме. Здесь были парки, охотничьи угодья и леса, изобилующие дичью всех видов, а вокруг находилось много больших деревень, в которых было достаточно провианта для обычного снабжения княжеского двора. Поле огибала извилистая река, полная разнообразной рыбы. Здесь греческая армия провела зиму в комфорте и изобилии, совершая, когда представлялась возможность, походы по окрестностям, в то время как Фарнабаз был вынужден скитаться по ним как бездомный беглец, унося с собой свою семью и сокровища, для которых он не мог найти постоянного убежища, и даже при таком скифском образе жизни он никогда не был свободен от опасений за свою личную безопасность.

Однако иногда он бродил поблизости от греков и однажды застал их врасплох во время одной из их грабительских вылазок; и хотя у него было только две колесницы с косами и около четырехсот всадников, он рассеял отряд из семисот греческих всадников своими колесницами и заставил их, потеряв сто человек, искать укрытия у своей тяжелой пехоты. Через несколько дней после этой стычки Спитридат узнал, что сатрап расположился лагерем в деревне Кава, примерно в двадцати милях от него, и сообщил об этом Гериппиду. Гериппид, который любил блестящие предприятия, сразу же загорелся надеждой овладеть лагерем сатрапа и самим сатрапом и попросил Агесилая предоставить ему для этой цели две тысячи тяжелой пехоты, столько же копьеносцев, пафлагонскую кавалерию и кавалерию Спитридата, а также столько греческой кавалерии, сколько захочет принять участие в этом приключении. Он получил все, о чем просил, но ночью, в час отправления, обнаружил, что на назначенном месте не явилось и половины добровольцев. Тем не менее, опасаясь насмешек со стороны своих коллег, если он откажется от своего замысла, он упорствовал в своем предприятии и, маршируя всю ночь, на рассвете прибыл к лагерю Фарнабаза. Он одолел отряд мисийцев на аванпосте, но их сопротивление дало время для побега Фарнабаза и его семьи, которые, однако, оставили лагерь с большим сокровищем в виде питьевой посуды и дорогой мебели, попавших в руки нападающих. Но Гериппид, заботясь о своей чести, хотел

передать всю добычу в руки офицеров, которые в спартанской армии соответствовали римским квесторам, и принял меры, чтобы лишить своих союзников права на долю в ней; таким образом он лишил спартанское вооружение преимущества, гораздо более важного, чем стоимость добычи. Спитридат и пафлагонцы, возмущенные таким обращением, на следующую ночь покинули лагерь и, отправившись в Сарды, поступили на службу к Ариэю, который вновь поднял восстание и воевал с царем. Агесилай был более потрясен этой потерей, чем любыми другими неудачами, которые он встретил в ходе своей экспедиции, и, по-видимому, сожалел об этом больше по личным, чем по общественным причинам.

Вскоре после этого ему представилась возможность приобрести гораздо более ценного союзника. Грек из Кизика, который был связан узами гостеприимства с Фарнабазом и недавно вступил в такие же отношения с Агесилаем, предложил ему организовать встречу между ним и сатрапом. Были согласованы предварительные условия и назначено место встречи под открытым небом, куда Агесилай прибыл в сопровождении Тридцати, и они сели на траву, чтобы дожидаться Фарнабаза. Он прибыл в сопровождении свиты слуг, которые, согласно персидскому обычаю, приступили к расстиланию ковра и подушек для своего господина. Но Агесилай ( ), умный перс, пораженный контрастом спартанской простоты с его собственным нынешним гораздо более благополучным положением, приказал убрать эти предметы роскоши и, в своем великолепном одеянии, без церемоний сел на зеленой траве рядом с Агесилаем.

[395-394 гг. до н. э.]

После обмена формальными приветствиями Фарнабаз открыл конференцию, высказав недовольство жестоким обращением, которому он подвергся. Он напомнил своим слушателям о том, с каким рвением и постоянством он поддерживал дело Спарты в войне с Афинами. Тем не менее, враждебность спартанцев привела его к такому положению, что даже на своей собственной территории он не знал, где найти еду, кроме той, которую он мог собрать, как собака, из остатков их грабежей; в то время как его прекрасные родовые особняки, его приятные леса и парки были сожжены, вырублены и разграблены. Если, заключил он, именно его невежество не позволило ему примирить такое поведение с обязательствами справедливости и благодарности, то он хотел бы, чтобы спартанцы просветили его.

Эта речь, по словам Ксенофонта, поразила Тридцать стыдом, и прошло некоторое время, прежде чем Агесилай нарушил наступившую тишину. Личная дружба, сказал он, должна уступить место государственным интересам. Спартанцы, находясь в состоянии войны с царем Персии, были вынуждены рассматривать всех его подданных как своих врагов, в том числе и Фарнабаза, как бы они ни были рады приобрести его в качестве друга. И то, что они теперь предлагали ему, заключалось не в том, чтобы он сменил одного господина на другого, а в том, чтобы он сразу стал их союзником и независимым от любого вышестоящего. И они предлагали ему не бедную и бесплодную независимость, а богатое приращение к его наследственным владениям, которое их помощь позволила бы ему получить за счет его соотечественников, которые тогда были бы вынуждены признать его своим господином. В ответ на эти предложения Фарнабаз сказал, что откровенно выскажет им свое мнение. Если царь попытается поставить над ним какого-либо другого полководца, он откажется от своей верности и вступит в союз со Спартой; но если его господин доверит ему верховное командование в этой части своих владений, он сделает все возможное, чтобы защитить их. Агесилай пожал ему руку, заверил его в своей горячей привязанности и, под

влиянием благородного чувства, забыв о том, что только что оправдывал свое прошлое поведение, пообещал немедленно вывести свои войска из его территорий и, даже если война продолжится, воздерживаться от вторжения в них, пока есть другие места, где он может использовать свои силы. На этом встреча закончилась.

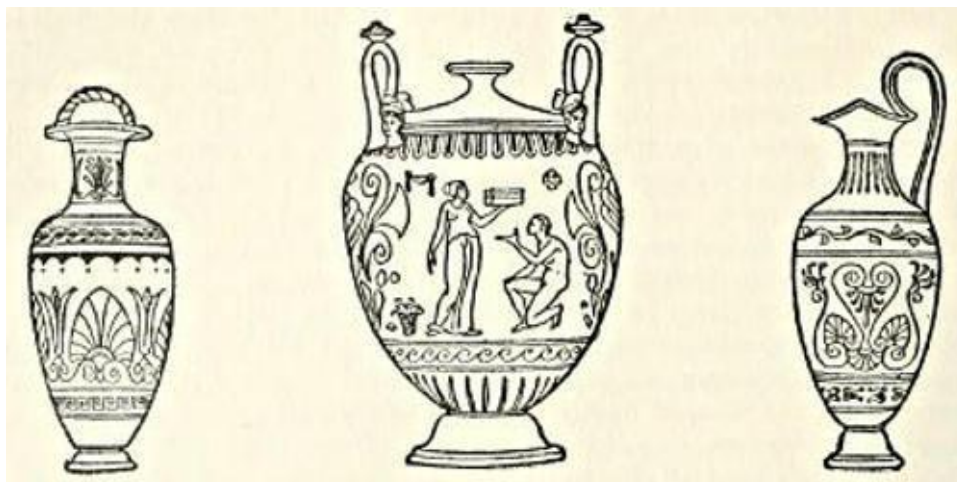
Агесилай сдержал свое слово и вывел свои войска из сатрапии Фарнабаза, где, вероятно, он и так не остался бы надолго, поскольку приближалась весна, и он задумывал новую экспедицию, в ходе которой намеревался продвинуться как можно дальше вглубь страны. Этим шагом он надеялся, если не получить более решающего преимущества, то по крайней мере отделить все оставленные им провинции от Персидской империи. С этим замыслом он продвинулся к равнине Фив, где разбил лагерь и начал собирать все силы, которые мог набрать из союзных городов. Он был в разгаре этих приготовлений, когда получил сообщение от эфоров, которое принес спартанец по имени Эпицидид, который сообщил ему о новом повороте событий в Греции и призвал его как можно скорее выступить на защиту своей страны. Агесилай принял эту весть с мужеством, хотя она остановила его на заре самой блестящей карьеры, которая когда-либо открывалась перед греком, и подчинился приказу эфоров с такой же быстротой, как если бы он присутствовал в их совете в Спарте.^d

СНОСКИ

[7] [Элея здесь используется для обозначения района, столицей которого был город Элис.]

[8] [Обычно считалось, что Альцивиад был отцом Леотихида.]

ГРЕЧЕСКИЕ ВАЗЫ

ГЛАВА XLIII. КОРИНФСКАЯ ВОЙНА

[394 г. до н. э.]

Перед отъездом Агесилай был озабочен двумя главными задачами: обеспечить безопасность азиатских греков в свое отсутствие и собрать многочисленную и хорошо вооруженную армию для похода в Грецию. Для достижения первой цели он назначил Эвксена главой с титулом гармоста и передал ему командование отрядом из четырех тысяч человек. Для достижения второй цели он предложил награды городам, которые предоставят лучшие войска, а также командирам наемников, всадников, тяжеловооруженных воинов, лучников и копейщиков, чьи отряды будут лучшими по подбору, оснащению и дисциплине. Наградами были в основном изящно выполненные оружия, но за особые заслуги или заслуги лиц более высокого ранга были предусмотрены золотые венки; Ксенофонт упоминает, что расходы на эти награды составили четыре таланта, что было значительной суммой для того времени, но меньше тысячи фунтов стерлингов. Тремя судьями были назначены три лакедемонянина и по одному офицеру из каждого азиатского города, но решение или его объявление было разумно отложено до прибытия армии в Фракийский Херсонес.

Поскольку ведущие деятели лакедемонской администрации были неспособны ни вести войну против могущественного союза, образованного против них, ни предотвратить ее на приемлемых условиях, отзыв Агесилая, по-видимому, был необходимой мерой. Армия, собранная их врагами, была такой, какую редко видели в войнах в Греции. Аргос предоставил семь тысяч тяжеловооруженных воинов; Афины уже восстановили свою силу и могли послать шесть тысяч воинов и шестьсот всадников; Беотия, Коринф, Эвбея и Локрида составили в общей сложности двадцать четыре тысячи тяжеловооруженных воинов и более полутора тысяч всадников; к ним присоединился большой отряд лучших легкооруженных воинов Греции, акарнанов, озолийских локридов и малийцев. Общее число воинов всех видов должно было составить пятьдесят тысяч. Заявленной целью было вторжение в Лаконию. «Государство Лакедемона, — сказал коринфянин Тимолай в ходе обсуждения плана операций, — похоже на реку, которая у истоков легко переходима вброд, но чем дальше она течет, тем больше в нее впадают других рек, тем больше увеличивается глубина и сила течения. Таким образом, лакедемоняне всегда выходят из своих земель только со своими войсками, но по мере продвижения, получая подкрепление из других городов, их армия разрастается и становится грозной. Поэтому я считаю целесообразным атаковать их, если возможно, в самом Лакедемоне; в противном случае, чем ближе к Лакедемону, тем лучше».

Против столь могущественного союза союзники, которыми теперь могли командовать лакедемоняне, были в основном из небольших греческих городов и ни один из них не находился за пределами Пелопоннеса. Выступив в поход с шестью тысячами пехотинцев и шестьюстами всадников, к ним присоединились мантинцы и тегеанцы, численность которых не указана, а также не более семи тысяч пятисот тяжеловооруженных воинов из Эпидавра, Гермियोны, Троэзена, Сикиона, Ахайи и Элиды. Аристодем, член королевской семьи, как регент, командовал от имени короля Агесипола, который был еще мальчиком.

Часто возникают обстоятельства, которые делают армии конфедератов менее эффективными, пропорционально их силе, чем армии, подчиняющиеся единому командованию. Спор о главнокомандовании, сопровождавшийся разногласиями по поводу порядка боевых действий (одни генералы выступали за более глубокие, другие — за более

протяженные фаланги), дал лакедемонянам возможность собрать свои силы и выйти далеко за пределы своих границ, чтобы встретить врага недалеко от Коринфа. В описании подготовительных жертвоприношений Ксенофонт делает замечательное признание, что эти церемонии иногда были инструментами политики. Он говорит, что пока беотийцы занимали левый фланг своей армии, они не спешили вступать в бой, но как только им удалось добиться изменения своего положения в линии, так что афиняне оказались против лакедемонян, а они сами — против ахейцев, они объявили, что признаки жертв благоприятны. Этим нечестным уловкой они, возможно, спасли себя от гибели. В последовавшей битве ахейцы бежали, и все союзники лакедемонян также уступили своим противникам. Но афиняне потерпели поражение с большими потерями; и превосходная дисциплина лакедемонян настолько превосходила численное превосходство противника, что, потеряв всего восемь человек, они в конце концов остались хозяевами поля сражения, на котором, если верить панегирику Ксенофонта Агесилаю за то, что он упустил в своей общей истории, пало не менее десяти тысяч солдат союзной армии.^[9] Однако, вероятно, хотя сами лакедемоняне понесли небольшие потери, их союзники пострадали сильно, поскольку победа, по-видимому, была лишь немного более решающей, чем предотвращение вторжения в Пелопоннес.

Тем временем Агесилай ускорял свой поход из Азии. Он пересек Геллеспонт примерно в середине июля. В Амфиполе он встретил Дерциллида, который был послан, чтобы сообщить ему о победе, одержанной под Коринфом. Он немедленно отправил этого способного и популярного офицера в Азию, чтобы тот сообщил благодарную новость греческим городам, расположенным там, и подготовил их к его скорейшему возвращению, которое теперь казалось вполне вероятным.

Через Фракию и Македонию страна была дружественной или боялась открыто высказывать враждебность. Фессалия, враждебно настроенная и могущественная благодаря численности населения и богатству, полученному благодаря природной плодородности почвы, была, однако, слишком плохо управляема, чтобы оказывать какое-либо систематическое сопротивление. Ущелья гор, граничащие с Македонией, где небольшие силы могли эффективно противостоять большим, по-видимому, были оставлены открытыми. Но влияние главных городов — Ларисы, Кранона, Скотуссы и Фарсала, находившихся в тесном союзе с беотийцами, — решило остальное, и когда лакедемонийская армия пересекла равнину, отряд всадников, собранный со всей провинции, преследовал ее на протяжении всего марша. Агесилай был чрезвычайно доволен тем, что с помощью своей конницы ( ), собранной из разных источников и полностью сформированной им самим, а также благодаря разумной поддержке пехоты, он разбил и рассеял фессалийскую конницу, самую знаменитую в Греции.

На следующий день после этой победы он достиг высокогорья Фтии, и оттуда страна была дружественной вплоть до границы Беотии. Но там его ждали новости, неприятные для народа, неприятные для него лично и такие, что почти мгновенно затмили его некогда светлые перспективы, которые, как показывает историк, его друг и спутник в походе, он до сих пор с любовью лелеял, — завоевание Азии и слава во всем мире. В то время как неправомерные действия лакедемонской администрации вызвали в Греции создание союза, который намеревался подавить Лакедемон превосходством сухопутных войск и с этой целью вести войну непосредственно в Лаконии, в другом месте возник враждебный флот, достаточно мощный, чтобы одним ударом лишить ее нового господства на море. Цепочка обстоятельств, приведших к этому событию, хотя и не хватает меморандумов для его полного расследования, требует некоторого внимания.

КОРИНФСКАЯ ВАЗА

(В музее Наполеона III)

Мы видели, как Кипр в очень раннем возрасте из финикийского острова стал греческим, а Саламис — первым греческим городом, основанным на нем. Затем мы наблюдали, как кипрские греки подчинились персидской власти. Разрушение флота, бездеятельность двора и последовавшие за этим разногласия в совете Персии давали киприотам, в отличие от других подданных империи, возможность и повод для нового восстания; интересы Персии, Греции, Финикии, тиранов, олигархов и демократов, вероятно, вступили бы в противоречие друг с другом. Таково, насколько можно судить, было положение дел, которое впервые побудило афинскую амбицию обратить свой взор на Кипр, когда афинский флот, поднявшись на руинах персидского, расширял власть Афин со всех сторон при первом правлении Перикла. Этот взгляд, быстро переключившийся на другие объекты, был, однако, после смены афинской администрации возобновлен; и Кимон, как мы видели, умер, командуя на Кипре. Политика Афин, конечно, предполагала удержание господства там, как и везде, путем поддержки демократических интересов. Но после смерти Кимона войны настолько захватили афинское правительство, что оно не могло прилагать значительных усилий на таком расстоянии; а кипрские города в основном управлялись своими князьями или тиранами под верховной властью Персии.

Среди беженцев из Греции был Эвагор, молодой человек, который утверждал, что является потомком древних князей Саламина из рода Теукера. Узнав о положении дел, этот молодой человек принял смелое решение, имея при себе лишь около пятидесяти соратников по изгнанию, преданных его делу, попытаться вернуть то, что он считал своим отцовским княжеством. Из Соли в Киликии, своего места убежища, они перебрались на кипрский берег и ночью прошли в Саламину. Хорошо зная это место, они взломали небольшие ворота, вероятно, как в мирное время, не охраняемые, прошли прямо к дворцу и, после ожесточенного сражения, победив стражу тирана, в то время как народ в основном держался в стороне, они остались хозяевами города, а Эвагор восстановил свою власть.

Эта небольшая революция на отдаленном острове стала, благодаря цепочке событий, не поддающихся человеческому предвидению, главной причиной великих революций в Греции. Между афинской демократией и тираном Саламина (ибо именно таким титулом Эвагор обычно обладал среди греков) сложились необычайно тесные отношения, в результате чего тиран был принят в число афинских граждан ( ). Когда Афины были

разрушены в результате поражения при Эгоспотами, Конон бежал туда с восемью триерами, спасшимися от общего уничтожения флота. Конон был ранее знаком с Эвагором, и восемь триер под его командованием, оснащенных и укомплектованных опытными моряками, позволяли ему, ища убежища, оказать важную услугу. Афинский беженец стал самым доверенным министром кипрского князя, или, скорее, его соратником в предприятии. Вступив в переговоры с Фарнабазом, он расположил этого сатрапа к Эвагоре, что принесло ему такую пользу, что, не вызывая недовольства при дворе и не встречая сопротивления со стороны других сатрапов, он смог присоединить к своим владениям несколько городов острова.

В то время как Агесилай угрожал завоеванием Азии, а Фарнабаз, получивший благодаря своей щедрости и милосердию передышку от давления на себя, тем не менее опасался, что эта сатрапия, отделенная от основной части империи, может стать зависимой от лакедемонского союза, Конон предположил, что продвижение лакедемонийских войск, казавшееся непреодолимым на суше, можно было бы наиболее легко и эффективно остановить с помощью отвлекающего маневра на море. В распоряжении сатрапа находился значительный флот финикийских кораблей; у Эвагора был флот, который мог бы сотрудничать с ним; интересы Афин, все еще значительные на острове и в азиатских греческих городах, благоприятствовали этой цели; и сам Конон пользовался уважением в этих городах, особенно среди их моряков. Еще до того, как Агесилай покинул Азию, проект, основанный на этих предложениях, по-видимому, был в стадии продвижения. Вскоре после его отъезда, благодаря совместным усилиям Фарнабаза, Эвагора и Конона, был собран флот, значительно превосходивший лакедемонийский; и великодушный Фарнабаз принял решение, необычное для персидского сатрапа, лично взять на себя номинальное командование, проявив здравый смысл, по-видимому, оставив фактическое командование более способному и опытному Конону.

БИТВА ПРИ КНИДЕ

Возле Книда они встретили лакедемонский флот, и храбрый, но неопытный Писандр, зять Агесилая, не стал избегать сражения. Конон и Эвагор возглавили греческие войска против него: Фарнабаз взял на себя особое командование финикийским флотом, сформировав вторую линию. Согласно сообщениям, греческие войска превосходили лакедемонский флот по численности, хотя Ксенофонт не говорит об этом с уверенностью. Союзники, находившиеся слева от лакедемонской линии, встревоженные видом значительного превосходства врага, вскоре бежали. Писандр был быстро побежден. Его галера была отнесена к берегу Книда, и большая часть экипажа спаслась, но он сам отказался покинуть корабль и был убит на борту. Победа Конона была полной: по словам Диодора, было захвачено пятьдесят кораблей.

Такова была катастрофа, известие о которой встретило Агесилая по его прибытии на границу Беотии. Первая информация поразила его крайней скорбью и унынием. Однако вскоре, осознав, насколько невыгодным в сложившихся обстоятельствах может быть сообщение об этом, он сумел взять себя в руки и скрыть все проявления своих чувств. Его армия состояла в основном из добровольцев, привязанных, конечно, к его личности, но в большей степени к его удаче, и связанных не столько необходимостью, сколько не очень твердыми принципами, чтобы участвовать в ожидаемых бедствиях. С такой армией он должен был через несколько дней встретиться с объединенными силами одного из самых могущественных союзов, когда-либо созданных в Греции. Поддержать или, по возможности, повысить уверенность и рвение своих войск, пусть даже с помощью меры, эффективность которой будет кратковременной, могло иметь огромное значение. Поэтому он распорядился

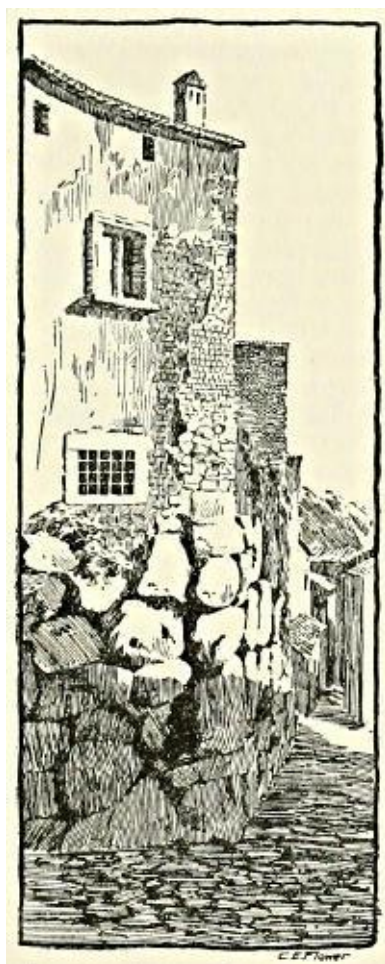
авторитетно распространить сообщение о том, что Писандр, ценой своей жизни, одержал полную победу; и, чтобы придать весомость этой истории, он распорядился провести церемонию евангельского жертвоприношения и раздать принесенных в жертву быков солдатам.

Возобновив свой поход, он встретил в долине Коронея союзную армию, состоявшую из отборных войск Беотии, Афин, Аргоса, Коринфа, Эвбеи, Локрии и Энии. Ожидая этого грозного союза, он внимательно следил за любой возможностью пополнить свои силы. Часть войск он получил от греческих городов во время своего похода через Фракию. На границе Беотии к нему присоединились войска Фокиды, а также беотийского Орхомена, всегда враждебного Фивам. Из Пелопоннеса была отправлена лакедемонская мора для его подкрепления, а также половина мора, которая находилась в гарнизоне в Орхоменосе. Таким образом, численность двух армий была почти равна, но азиатские греческие войска, составлявшие большую часть армии Агесилая, считались гораздо более слабыми, чем европейские. В духе учреждений Ликурга Агесилай, в остальном простой, даже как спартанец, в своей одежде и манерах, уделял большое внимание тому, что наш великий драматический поэт назвал «почестями и торжественностью войны», осознавая, насколько это привлекает внимание генерала, дает солдату удовлетворение собой и связывает его воображение со службой, которой он занимается. Красный или малиновый цвет, по видимому, был обычным цветом униформы греков, и армия Агесилая, по выражению Ксенофонта, выглядела «вся в латуни и малине».

БИТВА ПРИ КОРОНЕ

Согласно обычной практике ведения войны среди греков, когда армии приближались друг к другу, вскоре начиналась битва. В данном случае обе армии покинули выгодные позиции: Агесилай двинулся с берега Кефисса, а союзники — от подножия Геликона, чтобы встретиться на равнине. Обе армии соблюдали полную тишину, пока не подошли друг к другу на расстояние примерно в фурлонга, после чего союзники издали военный клич и бросились вперед. На несколько меньшем расстоянии противоположная армия побежала навстречу атаке. Лакедемоняне, находившиеся справа, где занял позицию Агесилай, мгновенно разгромили аргивян, своих ближайших противников, которые, едва дождавшись атаки, бежали к Геликону. Киреанцы подтвердили в Греции репутацию, которую они заработали в Азии, и были настолько превзойдены ионийцами, золийцами и геллеспонтийцами, от которых ожидали меньшего, что, все вместе нанеся удар копьями, они заставили центр союзной армии отступить. Победа казалась настолько очевидной, что некоторые из азиатов хотели оказать Агесилаю обычный знак уважения, увенчав его венцом, когда ему донесли, что фиванцы разгромили орхоменцев, которые занимали крайнее левое крыло, и проникли к обозу. Немедленно изменив направление, он двинулся к ним.

Фиванцы поняли, что они отрезаны от своих союзников, которые уже далеко бежали с поля боя. Фиванцы обычно атаковали колонной, направляя свой удар не на всю линию противника, а на выбранную точку. Так они выиграли битву при Делионе против афинян в восьмом году Пелопоннесской войны. К такому построению прибегли теперь их способные вожди, решившись на смелую попытку прорвать линию победоносных лакедемонян, уже не надеясь на победу, а стремясь присоединиться к своим разгромленным союзникам в отступлении. Ксенофонт хвалит храбрость Агесилая, очевидно, не без некоторого сомнения в его суждениях, который, по его словам, решил сразиться с ними лицом к лицу, хотя, если бы он раскрыл свою линию и пропустил их, их фланги и тыл были бы открыты для него.

Руины древней стены в Коре

(с наложенной современной конструкцией)

Затем последовал жестокий бой. Щит прижимался к щиту, удар отвечал ударом; среди ран и смерти не слышалось криков; однако, по словам историка, сопровождавшего спартанского царя, не было и полной тишины, поскольку в гул оружия вкраплялись рычание ярости. Настойчивость, дисциплина и мастерство в оружии фиванцев были таковы, а сила их сплоченной колонны такова, что, после того как многие пали, часть из них действительно прорвала лакедемонийскую линию и достигла высокогорья Геликона; но большая часть, вынужденная отступить, была в основном перебита. В этом упорном сражении Агесилай был тяжело ранен. Его слуги несли его с поля битвы, когда группа всадников подошла, чтобы спросить приказ относительно около восьмидесяти фиванцев, которые с оружием в руках достигли храма. Несмотря на свои страдания, помня об уважении, которое полагается оказывать божеству, он приказал дать им свободу пройти невредимыми, куда им угодно. В манере философа-историка, рассказывающего эту историю, подразумевается, что среди греков в таких обстоятельствах обычный ум подтолкнул бы к мести; и даже в случае Агесилая этот великодушный поступок объясняется не человечностью, а суеверием; не верой в то, что божество ценит милосердие и доброту между людьми, а страхом, или, скорее, желанием внушить страх, перед его негодованием за любое проявление неуважительного отношения к себе. Когда преследование закончилось, победившая армия с тревогой занялась перетаскиванием убитых врагов в свои ряды: замечательное свидетельство того же великого писателя о том, что в войне все еще преобладало, в степени, которая может нас удивить, то варварство, которое в описании Гомера поражает, хотя в его время было менее удивительным.

Рано утром следующего дня войскам было приказано выстроиться с оружием, все в венках. Сам Агесилай не смог присутствовать, и полемарх Гилий командовал церемонией поднятия трофея, которая сопровождалась музыкой армии и всеми торжественными обрядами, которые могли бы вдохновить солдат на бодрость и самоудовлетворение.

Почему же не были приняты меры, чтобы извлечь выгоду из преимуществ, которые, по-видимому, открывала победа, не показано. Фиванцы, как обычно, послали просьбу о разрешении похоронить своих мертвых, и им было предоставлено перемирие, очевидно, на более длительный срок, чем требовалось для этой цели. Тем временем лакедемонская армия отступила в Фокиду, дружественную или нейтральную страну, чтобы провести церемонию, которой греческое суеверие придавало большое значение, — посвящение десятой части добычи, собранной Агесилаем во время его командования в Азии. Она составляла сто талантов, что, возможно, было чуть больше двадцати тысяч фунтов.

После этого второго триумфального обряда армия, под командованием Гилиса, продвинулась в соседнюю враждебную провинцию Озолийскую Локриду, где, по-видимому, целью было лишь собрать добычу, которая, согласно греческим обычаям, могла служить солдатам вместо жалованья. Зерно, товары, все, что могли найти в деревнях алчные войска, было захвачено. Локрийцы, не имея возможности предотвратить ущерб, тем не менее сделали все, что могли, чтобы отомстить. Заняв ущелья, через которые необходимо было пройти при возвращении в Фокиду, они доставили столько неприятностей, что Гилий был вынужден взять на себя командование отборным отрядом, чтобы преследовать их.

Запутавшись в горах, он сам был убит, и вся группа была бы уничтожена, если бы офицеры, оставшиеся с командованием основными силами, не пришли на помощь в нужный момент. Агесилай, все еще неспособный к физическим нагрузкам из-за ран, переправился по морю в Лаконию, а армия была распределена по квартирам.

Если бы какой-либо другой автор когда-либо давал основания для такого предположения, мы могли бы заподозрить, что рассказ Ксенофонта о битве при Коронее был написан под влиянием пристрастия к его другу и покровителю и что победа была не столь полной, как он ее описал.¹⁰⁰ Однако у нас есть информация об обстоятельствах, которые могли послужить поводом для линии поведения, которой придерживался Агесилай. Поражение Книда вызвало большую и быструю революцию в азиатской Греции.

И таким образом, структура лакедемонской империи, казавшаяся столь прочной после Пелопоннесской войны и с тех пор расширявшаяся благодаря способностям полководцев в Азии, была в значительной степени почти мгновенно разрушена.

Большинство главных офицеров и многие рядовые из многочисленных азиатских войск под командованием Агесилая были глубоко заинтересованы в этой революции. Основные источники дохода для всех исчезли, и поэтому равнина Короней, по-видимому, стала последним полем славы для киреанцев. Мы не находим упоминания о них в дальнейшем у Ксенофонта: явное доказательство того, что их дальнейшая судьба не была блестящей, не такой, о которой он мог бы с удовлетворением рассказать. Вероятно, они рассеялись, некоторые вернулись домой, некоторые отправились на поиски новой службы, и больше никогда не собирались вместе.^b

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ДЕЛА КОРИНФСКОЙ ВОЙНЫ

Ксенофонт не был таким же приверженцем точного изложения событий, как Фукидид, и история, рассказанная ниже, у разных историков изложена в разном порядке; некоторые откладывают массовое убийство в Коринфе на два года, до 392 г. до н. э. Резня, которую Ксенофонт с его симпатиями к спартам представляет как хладнокровное убийство, трезвыми историками объясняется лишь тем, что правительство предвидела аналогичный шаг со стороны оппозиции.

Коринф по-прежнему оставался театром военных действий. Лакедемонский гарнизон оккупировал Сикион и часто совершал набеги на территорию Коринфа. Союзники Коринфа были очень довольны тем, что таким образом избежали бедствий войны, которая велась за счет Коринфа. Но та часть коринфян, которая по политическим мотивам желала возобновить связи со Спартой, нашла в этом новую мотивацию для своих замыслов и начала проводить тайные собрания, чтобы согласовать меры по восстановлению мира. Их действия были замечены противниками, которые решили противодействовать им с помощью одной из тех жестоких массовых расправ, которые так часто омрачают страницы греческой истории. Мы не знаем, насколько достоверно утверждение Ксенофонта о том, что все главные союзники Коринфа — аргивяне, беотийцы и афиняне — в равной степени участвовали в заговоре, или же он говорит только об иностранном гарнизоне. Его ужас вызван главным образом безбожностью убийц, которые выбрали для своего деяния праздничный день, чтобы с большей вероятностью найти своих врагов вне дома, и при исполнении своего замысла не обращали внимания на самые священные вещи и места, но оскверняли даже алтари и изображения богов кровью своих жертв.

К сожалению, это не было новым проявлением партийной ярости, но, возможно, немногие сцены такого рода были спланированы с большей жестокой хладнокровностью или сопровождались большим количеством шокирующих обстоятельств, хотя не следует забывать, что это описывает Ксенофонт. Однако Пасимел, один из преследуемых, уже ранее подозревал о заговоре, и во время беспорядков группа молодых граждан собралась с ним на месте для занятий спортом за стенами города. Они немедленно побежали, чтобы захватить Акрокоринт, где они некоторое время защищались от атак своих врагов. Но неблагоприятное предзнаменование, вероятно усилившее осознание их слабости, заставило их решить отступить и искать спасения в изгнании. Однако, несмотря на вероломство своих врагов, они поддались на уговоры своих друзей и родственников, а также клятвам лидеров противоположной партии, отказались от своего намерения и вернулись в свои дома.

Но едва их опасения за личную безопасность улеглись, как положение в государстве вновь стало казаться невыносимым, и они были готовы пойти на любой риск ради перемен. Противоположная партия зашла так далеко в своей вражде к Спарте или в своем рвении к демократии, что сделала все возможное для установления полного единства как гражданских прав, так и территории между Коринфом и Аргосом. Границы, разделявшие два государства, были устранены, так что название Коринфа или Аргоса могло применяться ко всему государству. Но поскольку именно влияние Аргоса привело к этому союзу, поскольку были приняты арговские институты и арговские права были переданы коринфянам, недовольные имели некоторые основания жаловаться, что Коринф утратил свою независимость и достоинство, в то время как Аргос получил увеличение территории в результате этой сделки. Но еще больше их раздражала потеря своего положения и влияния, которые были полностью уничтожены в результате союза; они больше не пользовались никакими исключительными привилегиями, никакими правами, которыми не обладала вся аргосско-коринфская община; и это было право голоса, которое они ценили не больше, чем положение иностранца. Поэтому они решили предпринять отчаянную попытку

восстановить прежнее положение Коринфа в Греции и вернуть себе прежнее положение в Коринфе.

[392 г. до н. э.]

Пасимел и Алкимены взяли на себя руководство этим предприятием. Они добились тайной встречи с Пракситом, спартанским полководцем в Сикионе, и предложили впустить его и его войска в стены, соединявшие Коринф с Лехеоном, его портом на западном побережье залива. Он знал этих людей и принял их предложение; в назначенный час ночью он прибыл с морой лакедемонян, отрядом сикионцев и коринфских изгнанников к воротам, где заговорщики ухитрились устроиться на дежурство. Его пропустили без сопротивления, но поскольку пространство между стенами было большим, а он привел с собой лишь небольшой отряд, он устроил небольшое укрепление, чтобы обезопасить себя до прибытия ожидаемой помощи. На следующий день он оставался в тишине и не подвергался нападениям, хотя, помимо гарнизона города, за его спиной в Лехее находился отряд беотийцев. Но из Аргоса была вызвана помощь, и на следующий день аргивские войска прибыли и, уверенные в своем численном превосходстве, сразу же отправились на поиски врага. Их поддерживали коринфские сторонники и отряд наемников под командованием Ификрата, афинского полководца, который в этой войне заложил основу своей военной славы.

Превосходство лакедемонянских войск над другими греками и страх, который они внушали, даже когда их было значительно меньше, снова ярко проявились в последовавшем сражении. Аргивяне прорвали укрепления и прогнали горстку сикионцев к морю. Но когда подошли лакедемоняне, они без сопротивления бросились бежать и направились к городу. Но, встретив коринфских изгнанников, которые разгромили наемников и возвращались с преследования, они были отброшены назад, и те, кто не успел спастись, перебравшись по лестницам через стену, были убиты лакедемонянами, как стадо овец. Лахеум был взят, а беотийский гарнизон был перебит. После победы к Пракситу присоединились ожидаемые отряды союзников, и он сначала использовал их для разрушения Длинных стен на участке, достаточном для прохода армии. Затем, перейдя перешеек, он захватил и укрепил гарнизоном города Сидус и Кроммион. По возвращении он укрепил высоты Эпицеи, которые контролировали один из важнейших перевалов, а затем распустил свою армию и вернулся в Спарту.

Теперь стали очевидны два важных следствия длительной серии военных действий, в которых участвовали все греческие государства. Число людей, которые были вынуждены заниматься войной как средством к существованию, настолько увеличилось, что противоборствующие державы могли вести борьбу с помощью наемных войск. Еще одним результатом длительной практики войны было то, что она стала все больше и больше изучаться как искусство и совершенствоваться с помощью новых усовершенствований.

Так, Ификрат уделил свое внимание совершенствованию легкой пехоты, которая до сих пор считалась малозначительной в греческой военной системе. Он сформировал новый отряд копьеносцев, который в некоторой степени сочетал в себе преимущества тяжелой и легкой пехоты и был одинаково приспособлен для боя и преследования. Для достижения этих целей он заменил древнюю кольчугу льняным кольчужным доспехом и уменьшил размер щита, в то же время удвоив длину копья и меча. Во главе этого корпуса он совершал частые набеги на Пелопоннес, а на территории Флиуса застал врасплох войска маленького государства в засаде и нанес им такой большой урон, что флиусийцы были вынуждены впустить в свой город лакедемонийский гарнизон. Но в Аркадии войска Ификрата вселяли такой ужас, что им позволяли безнаказанно грабить страну, а аркадцы не рисковали

встретиться с ними на поле боя. С другой стороны, они сами не менее боялись лакедемонян, которые научили их держаться в стороне, что доказало особое превосходство спартанской военной подготовки.

Лакедемонская *мора*, размещенная в Лехее, в сопровождении коринфских изгнанников, беспрепятственно разграбляла окрестности Коринфа. Однако она не смогла помешать афинянам восстановить пролом, который Пракситас проделал в Длинных стенах, которые они считали барьером, защищающим Аттику от вторжения. Все трудоспособное население Афин, вместе с группой плотников и каменщиков, вышло на перешеек и, восстановив западную стену за несколько дней, без спешки завершило строительство другой. Однако их работа была уничтожена в течение того же лета Агесилаем, вернувшимся из похода в Арголиду, целью которого было дать аргосцам почувствовать на себе последствия войны, которую они помогли разжечь и которую они были самыми активными сторонниками. Разграбив все их территории, он двинулся на Коринф, штурмом взял недавно отремонтированные стены и отвоевал Лехеум. Здесь он встретил своего брата Телеутия, который благодаря своему влиянию, которое в этом случае было более эффективным, чем в случае с Писандером, был назначен командующим флотом и, прибыв с небольшим отрядом для поддержки его операций, захватил несколько трофеев в гавани и доках.

[392-391 гг. до н.э.]

Но появление Телеутия в Коринфском заливе было связано с другими событиями, более важными, чем любые другие, произошедшие на Пелопоннесе после возвращения Агесилая из Азии. Чтобы изложить их в непрерывной последовательности вместе с их последствиями, мы будем следовать порядку Ксенофонта и вернемся к ним после краткого рассказа о том, как велась война в Греции в ходе последующих кампаний вплоть до ее окончания.

Весной 392 года Агесилай предпринял новую экспедицию с целью заставить коринфян пойти на уступки, отрезав их от одного из главных источников снабжения — крепости Пирей, расположенной у подножия горы Герания на западном берегу залива. Пленники и добыча были выведены и прошли перед Агесилаем, сидевшим в соседнем здании на берегу небольшого озера. Его триумф был усугублен присутствием послов из различных государств, в том числе из Фив, где партия, желавшая мира, сумела добиться отправки посольства с целью выяснить условия, которые Спарта готова была предоставить. Агесилай, чтобы еще больше насладиться их унижением, сделал вид, что не замечает их присутствия, в то время как Фаракс, их проксен, стоял рядом с ним, ожидая возможности представить их. Как раз в этот момент подъехал всадник, его лошадь была покрыта пеной, и сообщил царю о бедствии, которое только что постигло гарнизон Лехея, о потере почти всей моры, которая была перехвачена и уничтожена Ификратом и его копьеносцами. Само по себе это событие было настолько незначительным, что едва ли заслуживало упоминания, если бы не важность, придаваемая ему в то время, и известность, которую оно сохраняло на протяжении многих поколений.

В конце концов, общие потери лакедемонян составили не более 250 человек. Тем не менее, это вызвало определенную степень смятения и уныния с одной стороны и ликования с другой, что значимо в той же степени, в какой это бедствие кажется нам незначительным, а подвиг — несущественным.

Ничто так ясно не показывает слабость Спарты и силу ее имени, как важность, придаваемая как ею самой, так и ее врагами этому незначительному событию. Агесилай, достигнув цели своей экспедиции, отправился домой. Он взял с собой остатки

разгромленной моры, оставив другую на ее месте в Лехее. Но его поход через Пелопоннес был похож на поход римской армии, возвращавшейся из Каудинских уз. Он входил в города, где был вынужден отдыхать, только поздно вечером и покидал их на рассвете. В Мантинее, хотя он прибыл туда уже в темноте, он не стал останавливаться, чтобы его люди не испытали унижительной радости своих враждебно настроенных союзников. С другой стороны, Ификрат, ободренный своим успехом, решил добиться новых преимуществ и отвоевал Сидус, Кроммион и Эноз, где Агесилай оставил гарнизон.

Его достижение настолько напугало коринфских изгнанников в Сикионе, что они больше не рисковали повторять свои грабительские набеги по суше, а переправились через залив и высадились недалеко от Коринфа, где видели возможность причинить неприятности. Даже в более поздние времена уничтожение лакедемонийской моры, состоявшей из 250 человек, продолжало упоминаться как величайшее военное действие в его жизни и считалось достойным упоминания на одной странице с Марафоном и Платеями.

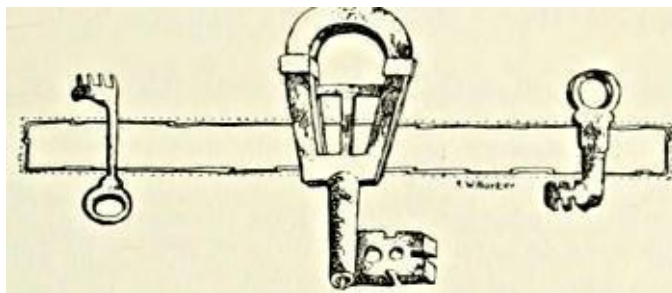
Вполне вероятно, что эта победа Ификрата сопровождалась еще одним результатом, о котором Ксенофонт не счел нужным упомянуть. Похоже, что она не только помешала фиванским послам выполнить свою миссию, но и положила конец переговорам, которые в то же время велись между Афинами и Спартой и достигли уже очень продвинутой стадии. Несмотря на незначительность этих событий, они, возможно, как сами по себе, так и по впечатлению, которое они произвели, являются самыми важными из всех, произошедших в Греции до окончания войны. Мы были бы рады узнать немного больше о причинах, которые заставили Ификрата покинуть это поле деятельности вскоре после его победы, поскольку они, возможно, пролили бы некоторый свет на внутреннее положение дел в Коринфе. Но Ксенофонт сообщает нам только то, что он был уволен аргивянами после того, как казнил нескольких коринфян из их партии; из каких мотивов и под каким предлогом — мы не узнаем, и не ясно, оказало ли это какое-либо влияние на отношения между Афинами и Аргосом.

[391-390 гг. до н. э.]

В следующем году, по-видимому, на Пелопоннесе не велось никаких военных действий, за исключением мелких стычек или взаимных набегов между Сикионом и Коринфом, которые сам Ксенофонт считает не заслуживающими более чем общего упоминания. Но Агесилай направил свои войска против Акарнании, где он проявил свою обычную способность и установил спартанское господство почти без кровопролития. Афинский флот стоял в Эниаде, чтобы перехватить его, если, как и ожидалось, он попытается пересечь залив с любой части побережья непосредственно ниже Калидона. Чтобы избежать этого, он прошел через сердце Этолии к Риуму по дорогам, по которым, как отмечает Ксенофонт, ни одна армия, большая или малая, не могла пройти без согласия этолийцев. Они разрешили ему пройти, потому что надеялись, что его влияние поможет им вернуть Наупакт. В Риуме он переправился через пролив и вернулся домой.

Это событие подтвердило правильность политики умеренности, которую он проводил вопреки желанию своих союзников. Следующей весной, когда он готовился ко второму вторжению в Акарнанию, акарнаняне, встревоженные перспективой потери урожая, от которого в основном зависело существование народа, мало знакомого с искусством и торговлей, отправили послов в Спарту для заключения мира и подчинились условиям, которые диктовал Агесилай. В том же году его молодой коллега Агесиполь, который к тому времени достиг совершеннолетия, был назначен командующим экспедицией против Аргоса. Экспедиция не принесла никаких результатов, кроме добычи, с которой он вернулся в

Спарту. Тем временем, благодаря амбициям Спарты и патриотическим усилиям Конона, Афины смогли сделать несколько важных шагов к обеспечению своей независимости и восстановлению хотя бы части своей былой мощи.^е

Ключи от греческих дверей

ВЕЛИКИЕ ПОСТУПКИ КОНОНА

За little more than a month (июль и август) было сражено три великих сражения — при Коринфе, Книде и Коронее: первое и третье на суше, второе на море. В каждом из двух сражений на суше лакедемоняне одержали победу: они остались хозяевами поля сражения, и враг просил их предоставить перемирие для захоронения погибших. Но если мы спросим, к каким результатам привели эти победы, то ответ будет таким: обе они оказались совершенно бесплодными. Даже повествование Ксенофонта, глубоко окрашенное как его симпатиями, так и антипатиями, указывает нам, что преобладающим впечатлением, которое унесли с поля битвы при Коронее все, было впечатление от огромной силы и упорства фиванских гоплитов — предвкушение того, что должно было произойти при Левктрах!

Если две сухопутные победы Спарты не принесли никаких результатов, то совсем иначе обстоит дело с ее морским поражением при Книде. Это поражение было полно последствий, которые последовали одно за другим и носили самый катастрофический характер. Как и в случае с Афинами при Эгоспотами, потеря флота, каким бы серьезным она ни была, послужила лишь сигналом к бесчисленным последующим потерям. Фарнабаз и Конон с их победоносным флотом плыли от острова к острову и от одного континентального морского порта к другому в Эгейском море, чтобы изгнать лакедемонийских гармостов и положить конец империи Спарты. Ненависть, которую она вызывала, была настолько всеобщей, что эта задача оказалась легче, чем ожидалось. Осознавая свою непопулярность, гармосты почти во всех городах по обе стороны Геллеспонта покинули свои посты и бежали, услышав лишь новость о битве при Книде. Везде Фарнабаз и Конон были приняты как освободители и встречены с подарками гостеприимства. Они пообещали не вводить никаких иностранных войск или правителей, не укреплять никаких отдельных цитаделей ( ), а гарантировать каждому городу его подлинную автономию. Эта политика была принята Фарнабазом по настоятельной просьбе Конона, который предупредил его, что если он проявит какое-либо намерение подчинить города, то все они станут его врагами, что каждый из них по отдельности будет стоять ему долгой осадой и что в конечном итоге против него будет сформирована коалиция. Такие либеральные и разумные идеи, когда стало видно, что они искренне претворяются в жизнь, вызвали сильное чувство дружбы и даже благодарности, так что морская империя лакедемонян была распущена без единого выстрела, почти спонтанными действиями самих городов. Хотя победоносный флот появлялся во многих разных местах, нигде ему не приходилось подавлять сопротивление или предпринимать ни одной осады. Кос, Нисир, Теос, Хиос, Эритрея, Эфес, Митилена, Самос — все они провозгласили свою независимость под защитой новых завоевателей. Фарнабаз вскоре

высадился в Эфесе и двинулся по суше на север, в свою сатрапию, оставив флот из сорока триер под командованием Конона.

[394-393 гг. до н. э.]

Единственным исключением из этого общего всплеска антиспартанских настроений был Абидос, расположенный на азиатской стороне Геллеспонта; и для Спарты счастливым случаем оказалось то, что в момент битвы при Книде в городе находился способный и опытный Дерциллид. Дерциллид собрал жителей Абидоса, воодушевил их против царившей эпидемии и призвал их заслужить благодарность Спарты, оставаясь ей верными, пока другие отступали, заверив их, что она по-прежнему способна обеспечить им защиту. Его призывы были восприняты с одобрением. Абидос остался приверженным Спарте, был приведен в хорошее состояние обороны и стал единственным безопасным пристанищем для беглых гармостов из других городов Азии и Европы.

Дерциллид эффективно удерживал свои позиции как в Абидосе, так и в Сестосе, игнорируя требование Фарнабаза немедленно их эвакуировать. Сатрап угрожал войной и фактически опустошил земли вокруг Абидоса, но безрезультатно. Его гнев на лакедемонян, и без того значительный, усугубился разочарованием, когда он обнаружил, что пока не может изгнать их из своей сатрапии, и он решил действовать против них с еще большей энергией и даже нанести им удар рядом с их родными домами. С этой целью он передал Конону приказ подготовить к следующей весне мощный военно-морской флот, а пока держать в блокаде и Абидос, и Сестос.

Как только наступила весна, Фарнабаз сел на борт мощного флота, оснащенного Кононом, и направился к Мелосу, к различным островам Кикладского архипелага и, наконец, к побережью Пелопоннеса. Здесь они провели некоторое время на побережье Лаконии и Мессении, высаживаясь в нескольких местах, чтобы разграбить страну. Затем они высадились на острове Китера, который они захватили, предоставив лакедемонийскому гарнизону возможность безопасного отступления и оставив на острове гарнизон под командованием афинца Никофема. Покинув затем без гаваней, опасное и плохо снабженное побережье Лаконии, они проплыли по Сароническому заливу к Коринфскому перешейку. Здесь они обнаружили союзников — коринфян, беотийцев, афинян и т. д. — ведущих войну с лакедемонянами в Сикионе, используя Коринф в качестве своего центрального поста. Линия через перешеек от Лехея до Кенхрей (два порта Коринфа) теперь была укреплена системой оборонительных сооружений, чтобы ограничить лакедемонян пределами Пелопоннеса; так же как Афины, до своих больших потерь в 446 г. до н. э., владея как Мегарой, так и Пегами, смогли удержать внутреннюю дорогу на полпути между ними, где она пересекает высокий и труднопроходимый гребень горы Геранея, таким образом занимая единственные три дороги, по которым лакедемонийская армия могла пройти от Коринфского перешейка в Аттику или Беотию. Фарнабаз общался с союзниками в самой дружественной манере, заверил их в своей решительной поддержке против Спарты и оставил им значительную сумму денег.

Появление персидского сатрапа с персидским флотом, как повелителя Пелопоннесского моря и Саронического залива, было явлением, поразившим греков. И если это и не было столь же оскорбительным для греческих чувств, то само по себе было печальным доказательством того, насколько панеллинский патриотизм был подавлен Пелопоннесской войной и спартанской империей. С момента битвы при Саламине вблизи Саронического залива не было видно ни одной персидской тиары; и только сильный личный гнев Фарнабаза на лакедемонян ( ) и его желание отомстить им за ущерб, нанесенный Дерциллидом и Агесилаем, могли заставить его удалиться так далеко от своей сатрапии.

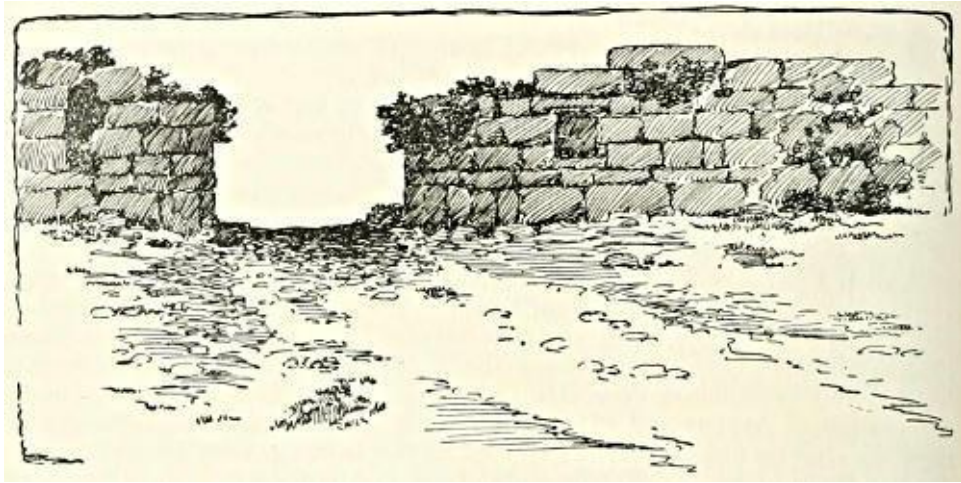
Именно этим гневом воспользовался Конон, чтобы получить от него еще более важное благодеяние.

С 404 года до н. э., в течение одиннадцати лет, Афины оставались без стен вокруг своего морского порта Пирея и без длинных стен, соединяющих город с Пиреем. К такому положению Афины были приведены приговором своих врагов, которые прекрасно понимали, что в таком состоянии Афины не смогут вести торговлю — у них было мало вооруженных и торговых кораблей, — слабо защищаться даже от пиратов и вообще не защищаться от агрессии со стороны госпожи морей. Конон теперь умолял Фарнабаза, который собирался возвращаться домой, оставить флот под его командованием и позволить ему использовать его для восстановления укреплений Пирея, а также длинных стен Афин. Обещая содержать флот за счет пожертвований с островов, он заверил сатрапа, что ничто не нанесет Спарте такого разрушительного и унижительного удара, как восстановление Афин и Пирея с их полными и связанными между собой укреплениями. Таким образом, Спарта была бы лишена самого важного урожая, который она пожинала в результате долгой борьбы в Пелопоннесской войне. Возмущенный лакедемонянами, Фарнабаз искренне поддержал эти планы и, уезжая, не только оставил флот под командованием Конона, но и предоставил ему значительную сумму денег на расходы по укреплению.

КОНОН ВОЗОБНОВЛЯЕТ СТРОИТЕЛЬСТВО ДЛИННЫХ СТЕН

Конон энергично и без промедления приступил к работе. Он покинул Афины в 407 г. до н. э. как один из совместных адмиралов, назначенных после опалы Алкивиада. Он окончательно расстался со своими соотечественниками после катастрофы при Эгоспотами в 405 г. до н. э., сохранив жалкие остатки из восьми или девяти кораблей из того благородного флота, который в противном случае полностью перешел бы в руки Лисандра. Теперь он вернулся в 393 г. до н. э. как второй Фемистокл, освободитель своей страны и восстановитель ее утраченной силы и независимости. Все руки были задействованы в работе; плотники и каменщики были наняты на средства, предоставленные Фарнабазом, чтобы как можно быстрее завершить укрепления. Беотийцы и другие соседи с энтузиазмом помогали в качестве добровольцев — те же самые, которые одиннадцать лет назад танцевали под звуки веселой музыки, когда были снесены прежние стены; настолько полностью изменились чувства Греции с того времени. Благодаря такому искреннему сотрудничеству работа была завершена в течение лета и осени без какого-либо сопротивления, и Афины вновь обрели укрепленный Пирей и гавань с парой длинных стен, прямых и параллельных, надежно соединяющих его с городом. Афинский народ не только высек на столбе публичное голосование, с благодарностью запечатлевшее подвиги Конона, но и воздвиг статую в его честь.

Значение этого события для будущей истории Афин было неопишмым. Хотя оно не вернуло ей ни прежнего флота, ни прежней империи, оно восстановило ее как город, не только самоопределяющийся, но даже частично возвышенный. Оно возродило Афины, если не до уровня Афин Перикла, то, по крайней мере, до уровня Афин Исократа и Демосфена: оно придало им вторую волну силы, достоинства и коммерческого значения на полвека, которое было предназначено пройти, прежде чем они были окончательно подавлены превосходящей военной силой Македонии. Те, кто помнит необычайную стратегию, с помощью которой Фемистокл (восемьдесят пять лет назад) сумел укрепить Афины, несмотря на низкую, но грозную зависть Спарты и ее пелопоннесских союзников, понимают, насколько осуществление проекта Фемистокла зависело от случая. Теперь и Конон в своем восстановлении был благословлен необычными стечениями обстоятельств, которые никто не мог предсказать. События развивались настолько странно, что энергия, с которой Дерциллид сохранил Абидос, косвенно принесла Спарте еще большее зло в виде новых кононических стен. Для Спарты было бы лучше, если бы Фарнабаз сразу же вернул Абидос, а также остальную часть своей сатрапии; в этом случае у него не осталось бы никаких неотмщенных обид, которые раздражали бы его, и он остался бы на своей стороне Эгейского моря, снабжая Конона скромным флотом, достаточным для того, чтобы лакедемонский флот не стал снова грозным на азиатской стороне, но оставляя стены Пирея (если можно заимствовать выражение Платона) «продолжать спать в лоне земли».

ОСТАТКИ ВЕЛИКОЙ СТЕНЫ В МЕССЕНЕ

Присутствие Фарнабаза и Конона с их командными силами в Сароническом заливе и щедрость, с которой первый предоставил денежную помощь второму для восстановления полных укреплений Афин, а также коринфянам для продолжения войны, по-видимому, дали союзникам превосходство над Спартой в том году. Планы Конона были обширными. Он был первым, кто организовал для защиты Коринфа наемную армию, которая впоследствии была усовершенствована и стала более эффективной благодаря Ификрату; а после того, как он закончил укрепления Пирея длинными стенами, он занялся демонстрацией своей силы среди островов с целью заложить основу для восстановления морской мощи Афин.⁴

В то время как эти работы продолжались, коринфяне, используя полученную субсидию, оснастили эскадру, с помощью которой их адмирал Агафин прочесал Коринфский залив. Спартанцы послали Полемарха с несколькими галерами, чтобы противостоять ему, но их командир вскоре был убит, а Поллис, занявший его место, был вынужден из-за ранения, полученного в другом сражении, уступить его Гериппиду. Гериппид, по-видимому, изгнал коринфян из их позиций в Риуме, а Телеутиас, сменивший его, восстановил полное господство в заливе и, как мы видели, смог таким образом сотрудничать с Агесилаем в Лехее.

ПОСОЛЬСТВО АНТАЛКИДА

[393-390 гг. до н.э.]

Но этот частичный успех не уменьшил тревоги, с которой спартанское правительство относилось к действиям Конона, который продолжал восстанавливать афинское господство на побережье и островах Эгейского моря. Оно поняло, что необходимо изменить свою политику в отношении персидского двора и, по крайней мере на данный момент, отказаться от планов завоевания Азии и ограничиться противодействием усилиям афинян и установлением своего собственного господства среди европейских греков. И оно не отчаивалось подчинить персидский двор этим целям. Для этой цели Анталцид, ловкий политик из школы Лисандра, был отправлен к Тирибазу, который теперь занимал место Титрауста в Западной Азии, для ведения переговоров о мире. Его миссия вызвала опасения враждебного союза, и из Афин, Беотии, Коринфа и Аргоса были отправлены послы [в том числе Конон], чтобы сорвать его попытки и поддержать интересы союзников при дворе сатрапа. Однако Анталцид сделал Тирибазу весьма приемлемые предложения и сопроводил их аргументами, которые убедили сатрапа в том, что интересы его господина полностью совпадают с интересами Спарты. Он отказался от всех притязаний своего правительства на

греческие города в Азии и согласился, чтобы они оставались под властью царя. Что касается островов и других городов, он не просил ничего, кроме независимости. Таким образом, по его мнению, не осталось бы никаких причин для войны между Грецией и Персией. Царь не мог бы ничего выиграть от нее и не имел бы причин бояться ни Афин, ни Спарты, пока другие греческие государства оставались независимыми. Тирибаз был полностью удовлетворен, но не имел полномочий согласиться на эти условия, по крайней мере, против воли государств, которые в настоящее время были в союзе с его господином; и они отказались присоединиться к договору на этих условиях.

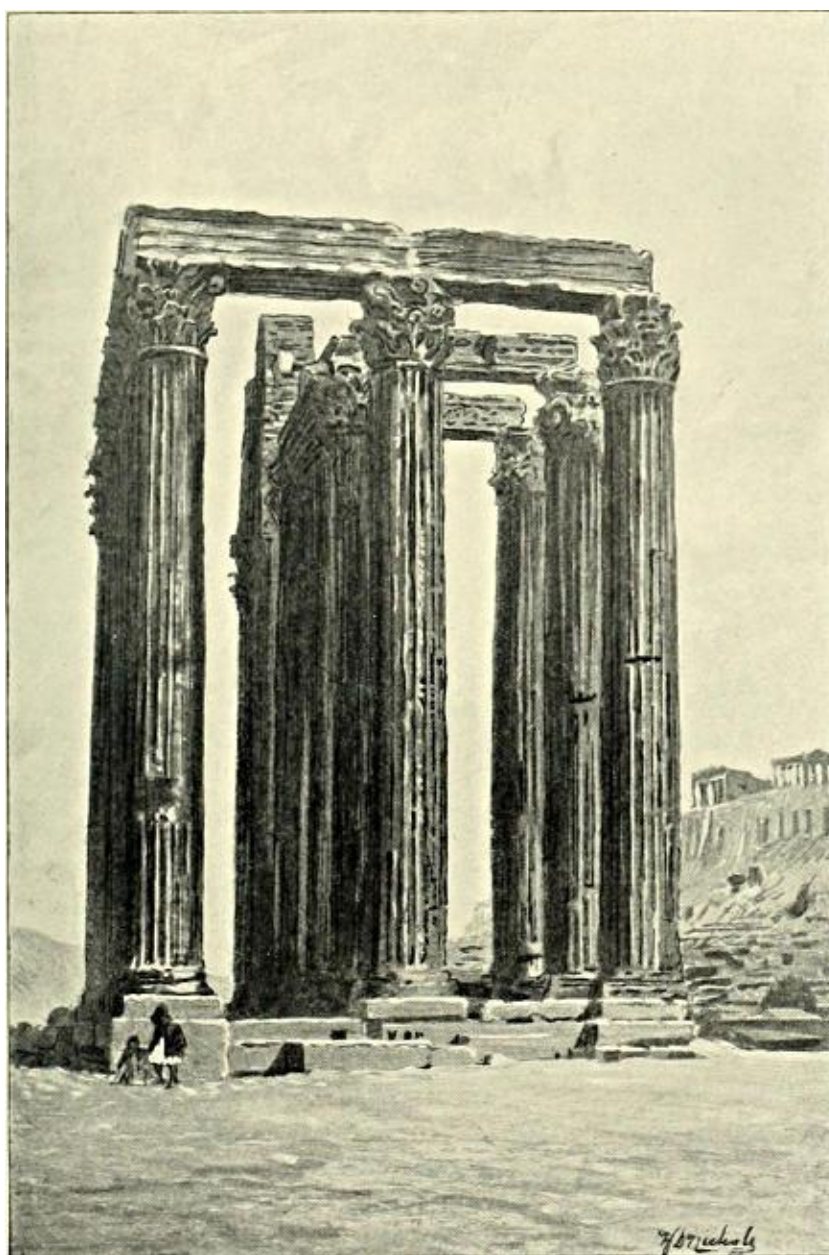
Но, хотя сатрап не осмелился открыто вступить в союз со Спартой без согласия своего господина, он не постеснялся в частном порядке снабдить Анталцида деньгами для создания флота, чтобы вести войну с государствами, которые все еще считались союзниками Персии: и, приведя Конона в Сарды, бросил его в тюрьму под предлогом того, что тот злоупотребил его доверием и использовал силы царя для укрепления Афин. Затем он отправился ко двору, чтобы доложить о своих действиях и узнать волю царя. Возможно, скорее из-за каких-то придворных интриг или смутных подозрений, чем из намеренного желания принять политику, противоположную политике Тирибаза, Артаксеркс задержал его при дворе и послал Струтаса, чтобы тот занял его место. Струтас, возможно, был свидетелем азиатских походов Агесилая и не мог сразу избавиться от впечатления, что спартанцы были самыми грозными врагами его господина. Поэтому он немедленно объявил о своем намерении перейти на сторону афинян и их союзников.

Спартанское правительство, возможно, слишком поспешно, придя к выводу, что их перспективы дружественных отношений с Персией теперь полностью закрыты, решило возобновить военные действия в Азии и послало Тимброна — по-видимому, того же офицера, которого мы уже видели там в качестве командующего и который по возвращении в Спарту был оштрафован за проступок — для вторжения на территорию царя. Струтас воспользовался его промахами и, однажды выйдя во главе небольшого отряда, чтобы атаковать часть персидской кавалерии, которая была специально выставлена на его пути, внезапно появился с превосходящими силами, убил его и флейтиста по имени Терсандр, любимого спутника его веселых часов, и разгромил остатки его армии, которая подошла следом за ним, с большими потерями. Дифрида́с был послан из Спарты, чтобы собрать разрозненные остатки его армии и набрать новые войска для защиты союзных городов и продолжения войны со Струтасом. Телеутиасу было приказано отплыть в Азию с двенадцатью галерами, которые он имел с собой в Коринфском заливе, чтобы заменить Экдика и продолжить войну на Родосе или в другом месте, где представится возможность. Его первое приключение после того, как он принял командование в Книде, иллюстрирует сложные отношения и нестабильное состояние греческой политики в этот период. Телеутиас, чьи силы были увеличены за счет пополнений, полученных на Самосе, до двадцати семи галер, по пути из Книды в Родос столкнулся с эскадрой из десяти кораблей, посланной афинянами на помощь Эвагоре, который восстал против царя Персии, их союзника и врага Спарты, чей адмирал, тем не менее, уничтожил или захватил всю эскадру.

[390-388 гг. до н. э.]

Афиняне теперь сочли необходимым вмешаться в защиту своих родосских друзей и послали Тразибула — героя Филы — с сорока галерами, чтобы остановить действия Телеутия. Он считал, что может оказать более важные услуги республике на севере Эгейского моря и в Геллеспонте, где у него не будет врагов на море. Поэтому он сначала отплыл к побережью Фракии, урегулировал вражду между двумя одрисскими князьями Амадоком и Сеутом ( ) и заключил с ними обоими союзный договор с Афинами. Затем он

отправился в Византий, где, перевесив чашу весов в пользу демократической партии, обеспечил ей превосходство и, вместе с тем, превосходство интересов Афин. Таким образом, ему удалось восстановить один из основных источников дохода Афин — десятину с судов, прибывающих из Эвксинского моря. Перед тем как покинуть Босфор, он также привлек Халкидон к афинскому союзу. Тразибр теперь подчинил себе несколько городов Лесбоса и собрал большую добычу с земель тех, кто отказался подчиниться. Затем он приготовился вернуться на Родос, но сначала отплыл на восток, чтобы взыскать дань с южного побережья Азии. Здесь его карьера внезапно закончилась. Он бросил якорь в Эвримедоне недалеко от Аспенда, где получил денежные средства. Но аспендианцы напали на него ночью и убили в его палатке. Замечание Ксенофонта о том, что он умер, имея репутацию очень хорошего человека, можно считать достаточным доказательством того, что великие услуги, которые он оказал своей стране, были не единственной причиной уважения со стороны его современников, и что подозрения, высказанные в его адрес, были совершенно беспочвенными.

РУИНЫ ХРАМА ОЛИМПИЙСКОГО ЗЕВСА

Процветание, к которому Тразибр восстановил дела Афин в Геллеспонте, вызвало беспокойство в Спарте. Анаксиб получил три галеры и денежное пособие, достаточное для набора тысячи наемников. По прибытии в Геллеспонт он вел успешную войну с соседними городами, подчиненными Фарнабазу или союзными Афинам, и нанес большой ущерб афинской торговле. В конце концов афиняне были вынуждены послать Ификрата с восемью галерами и около двенадцатью сотнями копьеносцев, в основном тех, кто служил под его командованием в Коринфе, чтобы противодействовать действиям Анаксибия. Анаксибий был застигнут врасплох засадой. Он приказал своим людям спастись бегством, а сам, по его словам, должен был умереть на месте; он велел принести ему щит и сражался до последнего, вместе с несколькими своими спартанскими товарищами. Остальные бежали в беспорядке в Абидос, потеряв около 250 человек.

Несмотря на успехи афинян в Геллеспонте, враг нашел способ беспокоить и угрожать им на их территории. До сих пор они поддерживали мирные отношения с Эгиной, но спартанцы теперь решили использовать остров для нападений на побережье Аттики. Вскоре после этого Телеутиас был сменен новым спартанским адмиралом Гиераксом и вернулся домой. Иеракс отплыл на Родос, оставив своего вице-адмирала Горгопаса с двенадцатью галерами на Эгине. Афиняне в крепости вскоре оказались в более тяжелом положении, чем эгинцы в городе, и через пять месяцев после их прибытия из Афин был отправлен сильный флот, чтобы доставить их домой. Тем временем спартанское правительство возобновило свой план достижения цели путем переговоров и вновь отправило Анталцида, как человека, чье влияние на Тирибазу открывало бы самый быстрый доступ к персидскому двору, в качестве адмирала вместо Гиаркса. Анталцид был сопровожден в Эфес Горгопасом и его флотом, и по прибытии отправил Горгопаса с десятью галерами обратно в Эгину. Остальную часть флота, которая присоединилась к нему в Эфесе, он передал под командование своего лейтенанта Николоха, а сам отправился по более важным делам ко двору Артаксеркса.

Горгопас по возвращении столкнулся с афинской эскадрой под командованием Эунома и был преследован им до порта Эгины, куда он прибыл незадолго до захода солнца. Эуном отплыл вскоре после наступления темноты, с огнем на корме своей галеры, чтобы держать свою эскадру вместе. Горгопас, чьи люди тем временем высадились на берег и отдохнули, снова сел на корабль и, следуя за врагом, пересек залив, руководствуясь его огнем и принимая все меры, чтобы заглушить или ослабить обычные звуки галер в движении. У мыса Зостер, когда афиняне высаждались на берег, тишину ночи нарушил звук трубы, и после короткого сражения при свете луны Горгопас захватил четыре их галеры; остальные ушли в Пирей. Но вскоре после этого Хабриас, отправленный с эскадрой из десяти галер и восьмисот копьеносцев на помощь Эвагоре, высадился ночью на Эгине и устроил засаду со своими копьеносцами. На следующий день, согласно заранее согласованному плану, отряд тяжеловооруженной пехоты, прибывший с ним под командованием Деменета, продвинулся вглубь острова. Горгопас выступил им навстречу со всеми силами, которые смог собрать, и, проходя мимо засады, был разгромлен и пал в бою вместе с некоторыми другими спартанцами и тремя-четырьмя сотнями других солдат. Эта победа на время избавила афинскую торговлю от неприятностей, ибо, хотя Этеоник все еще оставался в Эгине, у него не было денег, чтобы заплатить морякам, и поэтому он не мог осуществлять свою власть.

[388-387 гг. до н. э.]

В этой чрезвычайной ситуации Телеутиас был послан, чтобы принять командование. Его прибытие было встречено с восторгом людьми, которые уже служили под его

командованием и ожидали немедленной выплаты жалованья. Однако он созвал их и сообщил, что не привез с собой денег и что у них нет других средств для удовлетворения своих нужд, кроме собственной активности и мужества. Лучше всего было не полагаться в вопросах пропитания ни на милость греков, ни на милость варваров, а обеспечивать себя за счет врага. Воины выразили полное доверие его руководству и пообещали подчиняться всем его приказам. В ту же ночь, после ужина, он приказал им сесть на корабли с дневным запасом провианта и на двенадцати галерах переправиться через залив к Пирею. Когда они подошли к гавани на расстояние около полумили, они отдохнули до рассвета, а затем вошли в гавань. Он приказал атаковать только военные корабли, которые могли находиться в гавани, захватить столько торговых судов, сколько можно было удобно взять на буксир, и увести столько пленных, сколько можно было взять из остальных. Эти приказы были не только выполнены с готовностью и успехом, но некоторые из его людей, высадившись на пристани, схватили нескольких торговцев и судовладельцев, которые там собрались, и поспешили отвести их на борт. Пока афинские войска шли на помощь Пирею, который, как предполагалось, был взят, он отступил из гавани, отправил три или четыре своих галеры с трофеями в Эгину, а с остальными продолжил путь вдоль побережья до Суниона. По пути он захватил еще больше трофеев, так как его эскадра, выйдя из афинской гавани, была принята за дружественную. В Сунионе он нашел несколько судов, груженных зерном и другими ценными грузами, на которых он отплыл в Эгину. Добыча этой авантюры принесла солдатам месячное жалованье, подняла их боевой дух и укрепила их преданность своему командиру, который продолжал использовать их в этой грабительской войне: единственной, для которой были достаточны его небольшие силы.

Однако афиняне по-прежнему сохраняли господство в Геллеспонте, где Николох, который после отправления Анталцида отплыл на север с двадцатью пятью галерами, был блокирован в Абидосе афинской эскадрой из тридцати двух кораблей, которая стояла на противоположном берегу Херсонеса под командованием Диотима и Ификрата. Но ситуация полностью изменилась с прибытием Анталцида, который в 387 году вернулся с Тирибазом из персидского двора, где он был удостоен особой милости Артаксеркса и полностью достиг главной цели своей миссии, убедив царя помочь Спарте в ведении войны до тех пор, пока афиняне и их союзники не примут мир, который будет диктован от имени царя на условиях, предварительно согласованных между ним и спартанским послом. Узнав о положении Николоха, он отправился по суше в Абидос и принял командование блокированной эскадрой, с которой vyplыл ночью. Пополнения увеличили его флот до восьмидесяти кораблей и дали ему полное господство на море, так что он смог перенаправить торговлю Эвксинского моря из Афин в порты союзников Спарты.

Афиняне теперь видели, что они не только подвергаются постоянным притеснениям со стороны Эгины, но и рискуют вновь попасть под власть врага и лишиться всех плодов победы Конона. Поэтому они искренне желали заключить мир на честных условиях. Большинство других государств, вероятно, еще больше стремились к прекращению конфликта, от которого они не могли ожидать никакой выгоды. Поэтому, когда Тирибаз от имени своего господина созвал съезд депутатов, чтобы выслушать предложения, которые он был уполномочен объявить ( ), все воюющие стороны с готовностью направили своих министров для участия в нем. В присутствии этого собрания Тирибаз, показав царскую печать, зачитал указ своего господина, который был составлен в следующем имперском стиле:

«Царь Артаксеркс считает правильным, чтобы греческие города в Азии, а также острова Клазомены и Кипр принадлежали ему, но чтобы все остальные греческие города, как малые, так и великие, оставались независимыми, за исключением Лемноса, Имброса и Скироса, которые должны, как и прежде, принадлежать афинянам. Если какое-либо государство

откажется принять этот мир, я буду вести против него войну вместе с теми, кто согласится с этими условиями, на суше и на море, с помощью кораблей и денег».

МИР КОРОЛЯ

[387-386 гг. до н. э.]

Договор, основанный на этих условиях, был ратифицирован всеми сторонами почти без возражений. Небольшая задержка возникла со стороны фиванцев, которые не хотели расставаться с суверенитетом, который они до сих пор осуществляли над многими беотийскими городами, и желали, по крайней мере, сохранить свои притязания, ратифицировать договор от имени всех других беотийцев. Но Агесилай, которому было поручено принять клятву их министров, отказался принять ее в таком виде и потребовал от них строгого соблюдения персидского постановления и явного признания независимости всех других государств. Одно препятствие для всеобщего мира все еще оставалось. Правительства Коринфа и Аргоса не считали себя связанными договором изменить отношения, которые до сих пор существовали между ними, и только когда Агесилай пригрозил им войной, они согласились: один уволить, а другой вывести аргосский гарнизон из Коринфа. Его уход сопровождался немедленной реакцией в состоянии коринфских партий. Виновники массового убийства, зная, что они всеобщим презрением со стороны своих сограждан, считали, что больше не могут чувствовать себя в безопасности на родине, и покинули город. Большинство из них нашли убежище в Афинах, где их встретили гораздо более почетным приемом, чем они заслуживали. Изгнанники из противоположной фракции были возвращены, и их возвращение распустило союз с Аргосом и восстановило влияние Спарты и олигархические институты.

Этот договор, который долгое время прославлялся под названием «Мир Анталцида», был, несомненно, шедевром политики и, по-видимому, не заслуживает той критики, которую он вызвал со стороны афинских ораторов и Плутарха и которая была повторена некоторыми современными писателями как нарушение политической морали. Спарта в своих сделках с Персией во время Пелопоннесской войны не раз признавала право персидского царя на господство над азиатскими греками; она никогда не обязывалась поддерживать их независимость; и даже если бы она это сделала, возрождение морской мощи Афин и их союз с Персией стали бы достаточным поводом для отказа от обязательств, которые она больше не могла выполнять. Положение в пользу Афин, возможно, было призвано лишь вызвать ревность и раздор между Афинами и ненавистными беотийцами. Ему приписывают более глубокий политический смысл; его считают уловкой, с помощью которой Спарта оставила себе повод для уклонения от условий договора, которые она строго соблюдала в отношении других государств. Однако сомнительно, была ли необходима явно оговоренная исключительная оговорка в отношении трех островов, которые Афины могли сохранить за собой, и, если бы она была необходима, могла ли она послужить предлогом, под которым Спарта, лишив Фивы суверенитета в Беотии, могла бы сохранить за собой Мессинию и подчиненные районы Лаконии ( ). Спарта не позволила поднять вопрос по этому поводу. Она была назначена толкователем договора; она толковала его не по правилам разума, а по правилам силы, с мечом в руках и поддержкой Персии.^e

Этот знаменательный договор, который иногда называют «Миром Анталцидаса» по имени его главного греческого посредника, в настоящее время чаще называют «Миром короля», и это мудро, поскольку именно король извлек из него наибольшую выгоду.

Тирлволл, на чью беспристрастность в этом вопросе всегда можно положиться, говорит о нем так: «И таким образом, мир Анталцидаса, который якобы устанавливал независимость греческих государств, подчинил их более чем когда-либо воле одного. Не только в этом отношении внешний вид противоречил реальному положению вещей. Положение Спарты, хотя и казалось сильным, было искусственным и неустойчивым; в то время как величественное отношение, с которым персидский царь диктовал условия Греции, скрывало глубокое осознание того, что его трон существовал только благодаря терпению, и что лучшей гарантией его безопасности было разобщение народа, над которым он возвышался с таким величественным видом». Нибур, для которого спартанцы почти всегда были лицемерами, говорит следующее: «Как бы ни был болезненным этот мир для греков, которые были вынуждены оставить власть над своими соотечественниками в руках варваров, лицемерие спартанцев, которые этим миром позволили персам вмешиваться во внутренние дела Греции, было еще хуже».

Гроте, чья история является ярким обоснованием Афин, типа демократии, в противовес Спарте, типу олигархии, не может одобрить соглашение, ведущее к такому унижению афинян, а также всего греческого мира. Он говорит: «Мир или соглашение, носящее имя Анталкида, было серьезным и печальным событием в греческой истории. Его истинный характер нельзя описать лучше, чем в кратком замечании и ответе, которые мы находим в цитате у Плутарха. «Увы, Эллада (заметил кто-то Агесилаю), когда мы видим, как наши лаконяне *становятся медизами!*» «Нет (ответил спартанский царь), скорее меды *становятся* лаконями». Эти два утверждения не исключают друг друга. Оба были совершенно верны. Соглашение было заключено на основе отдельного партнерства между спартанскими и персидскими интересами. Она была инициирована спартанцем Анталкидом и предложена им Тирибазу на том основании, что она точно соответствовала целям и желаниям персидского царя, как мы узнаем даже от филолаконского Ксенофонта. В то время как Спарта и Персия получили большую выгоду, ни одно другое греческое государство не получило ничего, поскольку конвенция была изначально сформулирована».

Джордж У. Кокс в своей *«Общей истории Греции»* признает, что этот договор был унижительным как для Спарты, так и для остальной Греции, поскольку мир не был заключен в форме соглашения, а был навязан Греции указом Персии. Это был действительно указ, «посланный из Суз», подобно другому королевскому указу, обращенному к подданным, на которых персидский царь смотрел с восточным презрением. Кокс пишет об этом с большим воодушевлением:

«Персидский царь решил рассматривать принятие мира спартанцами как акт подчинения, не менее значимый, чем подношение земли и воды. В том позоре, который это влекло за собой, одно было столь же позорным, как и другое; но у Спарты теперь не было даже того слабого оправдания, которое она давно выдвинула для привлечения помощи варваров. Она больше не боролась за самосохранение. Короче говоря, Спарта приняла мир Анталцида с твердым намерением разделить и править; и все ее действия, которые на первый взгляд могут показаться имеющими иное значение, в каждом случае осуществляют это золотое правило деспотизма. Проклятием эллинской расы и в конечном итоге гибелью самой Спарты ( ) было то, что эта максима льстила инстинкту, который они лелеяли со слепой упрямством, пока он не стал их гибелью. Если бы не Спарта, консолидация Афинской империи давно бы сдержала это самоизолирующееся чувство в надлежащих пределах. Теоретически спартанцы, навязав мир Анталкидаса, вернули нескольким греческим государствам абсолютную власть управлять своими делами и вести войны друг с другом. На практике Спарта была решительно настроена на то, чтобы их армии действовали только по ее указанию, чтобы в ее казну поступали дань, сбор которой был осужден как самое страшное преступление имперских Афин, и чтобы в правительстве олигархических фракций

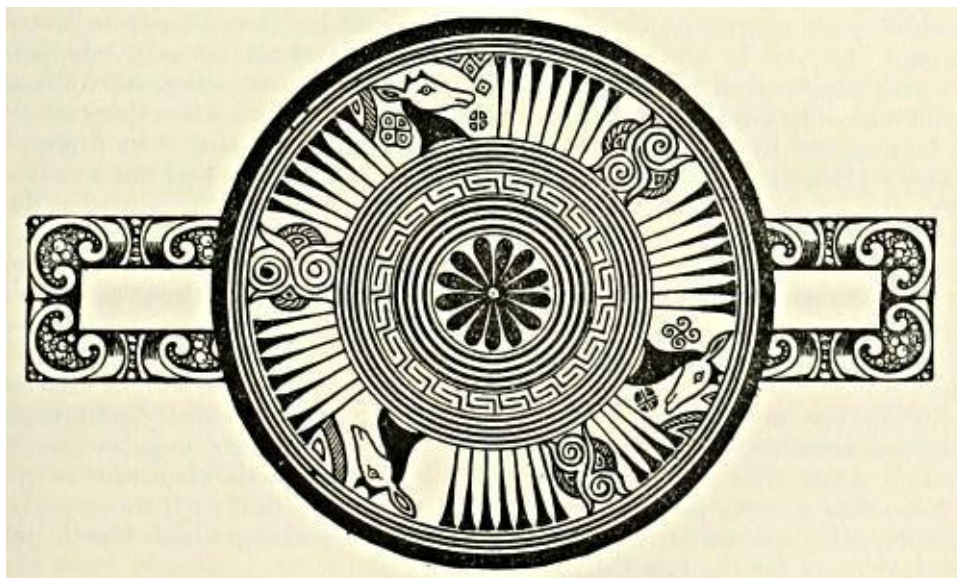
она имела самую сильную материальную гарантию абсолютного подчинения греческих городов. Чтобы обеспечить этот результат, эллинские государства Малой Азии были брошены на произвол персидских сборщиков налогов и оставлены испытывать всю горечь рабства, от которого Афины спасли их около девяноста лет назад».

Результатом, который никто не мог предвидеть после принятия этого унижительного титула греческой независимости, стал внезапный и стремительный подъем города Фивы, который до этого был второстепенным или третьестепенным городом, отличавшимся главным образом тем, что занимал неверную позицию в греческих вопросах. Теперь Фивы вот-вот вспыхнут пламенем под влиянием Эпаминонда, одного из самых благородных и великолепных имен во всей блестящей истории Греции.^а

СНОСКИ

[9] [Это утверждение Ксенофонта, по мнению Грота, является либо ошибочным прочтением, либо явным преувеличением. Диодор говорит, что спартанцы потеряли 1100 человек, а союзники — 2800.

[10] [По этому поводу Берри говорит: «Хотя битва при Коронее, как и битва при Коринфе, была технической победой спартанцев, история и в этом случае должна поздравить сторону, которая была внешне побеждена... Это было большим моральным подспорьем для Фив в будущих войнах с Лакедемоном».]

ГРЕЧЕСКИЕ БУЛАВКИ И ПРЯЖКИ

(В Британском музее)

ГЛАВА XLIV. ВОЗНЕСЕНИЕ ФЕБА

Блестящее расширение могущества Спарты после «Мира царя» тесно связано с именем Агесилая. Поэтому, чтобы правильно понять значение и результаты мира Анталкидаса, мы должны сначала составить некоторое представление о тенденциях и политической позиции этого выдающегося человека. Только справедливая оценка его личности поможет нам не блуждать между Сциллой и Харибдой диаметрально противоположных взглядов на цель мира и политику Спарты в тот период.

Агесилай с самого начала был типичным представителем Спарты своего времени. Все его мысли и энергия были сосредоточены исключительно на своем государстве, и его целью, как и целью всей современной политики Спарты, было возвысить это государство до положения первой державы в мире, чтобы обеспечить ему гегемонию в делах Эллады. С этой целью он с поразительной последовательностью трудился на протяжении всей своей долгой жизни, от своей первой кампании в Азии до экспедиции в Египет, и все его действия, будь то в качестве победоносного монарха или авантюрного вождя наемников, были направлены на одну цель — отстаивание авторитета Спарты. И когда этой цели нельзя было достичь силой оружия, он был способен достичь ее дипломатическими ходами. Поэтому несомненно, что мир Анталкида не был заключен без его ведома и согласия, даже если обстоятельства заставляли его оставаться в тени во время переговоров в Азии.

Лакедемон обнаружил, что не в состоянии удержать силой оружия положение, которое он приобрел в результате событий Пелопоннесской войны, и если Спарта не хотела отказаться от гегемонии в Греции, она должна была попытаться заключить выгодный мир и союз с Персией. Этому проекту способствовали несвоевременные попытки Афин восстановить свое морское господство, и спартанцы, правильно оценив ситуацию, связали эти попытки со своими примирительными переговорами с Персией. Маловероятно, что этот шаг, который закрыл для Агесилая путь к славе в Азии, был для него легким; это была политическая необходимость, неизбежное следствие линии, по которой развивалась греческая политика в течение последних тридцати лет.

Персия и Спарта были одинаково заинтересованы в предотвращении возрождения морской мощи Афин, и обеим нужен был мир, чтобы восстановить власть в своих владениях. Это было естественной основой для переговоров. Великий царь был назначен верховным арбитром в делах Греции, и ему было гарантировано владение греческими городами в Малой Азии. Спартанцы никогда не питали панеллинских чувств. Вся их политическая организация и развитие делали практически невозможным, чтобы судьба их сородичей в Азии вызвала у них какой-либо интерес. Когда их интересы в Ионии были утрачены в результате военных событий, документальное признание этого факта не могло вызвать никаких угрызений совести у любого истинного спартанца. И хотя именно эти пункты мирного договора вызвали глубочайшее возмущение у таких людей, как Платон и Демосфен, в остальной Греции время национального энтузиазма уже прошло. Даже в Афинах народ забыл свою давнюю ненависть к Персии, поскольку он был обязан Великому Царю единственным светлым пятном в смутные военные времена, а государственные деятели не могли закрывать глаза на тот факт, что политические грехи Греции с 411 года и постоянные обращения к Персии за поддержкой и посредничеством, которые с тех пор стали привычными, неумолимо вели ее к такому концу.

Второй основной параграф касался внутренних дел Греции. Каждое государство, большое или маленькое, должно было стать автономным. Если первый пункт содержал важную

уступку Великому царю, то этот, который провозглашал автономию, был сделан в первую очередь с целью обеспечить преимущество Спарте. Он мог иметь только одну цель — утвердить гегемонию Спарты в Греции. Эта статья, которая так привлекательно звучала для греков, была смертным приговором для растущей мощи афинского морского союза, для господства Фив в Беотии, для союза Аргоса и Коринфа; она уничтожила в зародыше любую силу, которая могла бы угрожать положению Спарты. Ее собственное господство на Пелопоннесе не было поставлено под угрозу провозглашением свободы, поскольку ее союзники уже были автономными номинально, в то время как власть враждебной коалиции была разрушена одним ударом. Таким образом, победитель при Книде разделил добычу с побежденным врагом, который так хорошо умел воспользоваться подходящим моментом, чтобы проявить себя незаменимым союзником. Как сюзерен Эллады, Артаксеркс, который не смог подавить мятежников в своей собственной стране, диктует там мир, мир, который провозглашал свободу государств, но тем не менее с самого начала был призван поработить их, и Спарта позволяет назначить себя исполнителем договора, который должен вновь обеспечить ей господство в Греции. Это было не концом ее проектов, а их началом.

[387-386 гг. до н. э.]

Взгляд на историю последующих лет показывает, как она преследовала эти планы. Прежде всего, спартанцы обратили свое внимание на внутренние дела Пелопоннеса. Первое, что им нужно было сделать, — это утвердить свою власть у себя дома. За долгие годы войны старые связи между Спартой и ее союзниками ослабли; то тут, то там к власти пришли демократические элементы; были попытки уклониться от военной службы; открыто ликовали по поводу неудач Спарты. Ситуация требовала энергичных мер. Мы уже видели, как это началось с Коринфом во время мирных переговоров в Спарте. Под угрозой вооруженного вторжения аргивский гарнизон был вынужден уйти, и союз между двумя государствами был расторгнут; коринфские демократы покинули город, изгнанники были возвращены, и Коринф, более тесно связанный с Лакедемоном, чем когда-либо, снова стал его оплотом против внешних врагов.

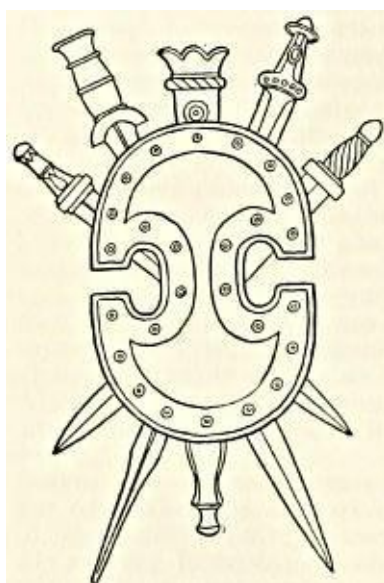
РАЗГРОМ МАНТИНЕИ

Следующим шагом было вернуть власть в других демократических государствах в руки олигархии. Первой пострадала Мантинея. Этот город всегда был камнем преткновения в глазах Спарты. *Слияние городов* ( ) и укрепление Мантинеи (ш) произошли по инициативе Аргоса после Персидских войн, и дружба со Спартой вряд ли была главным мотивом этих действий. После Никийского мира город присоединился к основанному Аргосом союзу против Спарты и принял активное участие в войне. Неблагоприятный исход кампании вынудил Мантинию вновь подчиниться Спарте и заключить мир на тридцать лет, но, тем не менее, демократическое правительство осталось у власти, и враждебность по отношению к Спарте сохранилась, как и прежде. Народ открыто демонстрировал свою враждебность, пренебрегая обязанностью военной службы; и после поражения *мора* на перешейке Агесилай был вынужден пройти через город под покровом тумана и темноты, чтобы избежать презрения и злорадного удовлетворения жителей.

[386-385 гг. до н. э.]

Теперь настал день расплаты. Спартанские послы прибыли в Мантинию, принеся с собой множество жалоб, а также требование снести городские стены. Поскольку это требование было отклонено, Спарта объявила войну. Агесилай просил освободить его от командования армией, поскольку мантинцы оказали его отцу большие услуги во время Мессенской войны.

Агесиполь выступил против Мантинеи и попытался заставить народ подчиниться, опустошив его территорию. Когда этот способ оказался безрезультатным, он осадил город. Жители упорно сопротивлялись, но были вынуждены сдаться без условий после того, как Агесиполь перекрыл реку Офис, протекавшую через город, и таким образом вызвал наводнение, которое привело к падению его стен из необожженного кирпича. По заступничеству Пausания, который жил в изгнании в Тегее, лидерам народа и сторонникам демократии, которых было шестьдесят, было позволено безопасно уйти, части населения было позволено жить в Мантинее как в неукрепленном месте, а остальные были вынуждены поселиться в четырех отдельных незащищенных деревнях. В каждую из этих деревень был назначен спартанский ксенагос. Ксенофонт добавляет, что манфийцы сначала были возмущены тем, что их выселили, но впоследствии выразили удовлетворение тем, что было сделано, поскольку при аристократическом правлении они могли вести спокойную жизнь рядом со своими поместьями и без надоедливых демагогов. Это воспроизведение спартанского и олигархического взгляда на данный вопрос.

ГРЕЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Как в древности, так и в современности отношение к Мантинее неизменно осуждалось как акт жестокого и варварского насилия и произвольной жестокости, результат политики Агесилая. В этом общем и (в определенной степени) справедливом осуждении правителя спартанского государства того времени был упущен один момент. В демократической конституции спартанцы видели лишь царство революционного террора, угнетавшего мирную и трезвую часть общества, их собственных друзей и сторонников. Помочь последним, вернуть их к власти, они считали долгом суверенного государства. Политика Спарты была уверена в своих целях, и в ее последовательности заключается секрет превосходства Спарты в этот период. И если мы правы в предположении, что спартанец должен был перестать быть спартанцем, прежде чем он мог бы по-другому воспринимать положение дел, то нет никаких оснований для личных оскорблений и скандальных обвинений в адрес писателя, который отражает мнения своего окружения.

[385-383 гг. до н.э.]

Наказание Мантинеи произвело глубокое впечатление на другие города Пелопоннеса. С большими надеждами на столь же энергичное вмешательство в их пользу аристократические изгнанники из Флиуса немедленно обратились к Спарте с просьбой,

чтобы спартанцы ходатайствовали о возвращении их в свои дома. Достаточно было одного предупреждения эфоров муниципальным властям, чтобы они приняли обратно друзей, которых они изгнали без достаточных оснований, чтобы вызвать принятие декрета, отменяющего приговор об изгнании и обещающего изгнанникам возвращение их собственности. Дух сопротивления был сломлен судьбой Мантинеи.

Затем спартанцы обратили свое внимание на Беотию. Хотя Беотийский союз, не основанный на принципе автономии, был распущен вторым пунктом мирного договора, они чувствовали необходимость принять меры предосторожности против любой попытки со стороны Фив — города, который они считали виновником всей этой злополучной войны и который до последнего сопротивлялся им, чтобы восстановить свою власть. Поэтому в качестве первого шага спартанский гарнизон был оставлен в дружественном городе Орхоменосе, а Теспии и Танагра были побуждены присоединиться к Спарте. Но самым чувствительным ударом по Фивам было восстановление Платы. С одной стороны, фиванцы были лишены права пользования платийской территорией, а с другой — новооснованный город, полностью зависимый от Спарты, стал отличной базой для нападения на сами Фивы. Здесь мы снова видим в действии неумолимую и энергичную политику Спарты.

ОЛИНФСКАЯ ВОЙНА

[383 г. до н. э.]

Более серьезные осложнения в греческих делах вскоре дали спартанцам возможность проявить себя как хозяев Эллады. Весной 383 года послы из городов Аполлония и Аканф прибыли в Спарту, чтобы просить поддержки против растущей мощи Олинфско-Халкидского союза. Их просьбу поддерживали представители Аминта, царя Македонии, который считал, что безопасность его владений находится под угрозой из-за посягательств Олинфа. Олинфяне все более энергично стремились утвердить власть союза. Им удалось убедить почти все города Халкидики присоединиться к их конфедерации; они продвинулись в сторону Македонии и даже привлекли Пеллу на свою сторону. Теперь союз был в состоянии угрожать войной любым городам, которые отказывались присоединиться, и разрабатывать далеко идущие планы. Благодаря соглашению с Афинами и Фивами он надеялся обеспечить себе влияние в центральной Греции. Благодаря этой энергичной и хорошо продуманной централизации было создано федеративное государство, прекрасно рассчитанное на то, чтобы служить оплотом могущества Эллады против Фракии и новой отправной точкой для цивилизации варварского Севера.

Оглядываясь назад на пути, по которым развивалась история Греции, мы неизбежно приходим к выводу, что только строгий союз, образование тесно связанных между собой государств, мог бы остановить быстрый процесс политического упадка ( ). Это убеждение лежит в основе либерального признания и симпатии, которые большинство современных ученых испытывают к усилиям Олинфского союза. Остается открытым вопросом, реализовались ли бы когда-нибудь блестящие видения будущего, которые, в частности, Гроут намечает для лиги, даже если бы она не попала в дни произвольного господства Спарты. Централизация и объединение были противны греческому менталитету, и любая попытка в этом направлении была обречена на провал из-за фанатичной любви к автономии среди греческих государств.

Обращение Аполлонии и Аканфа, которые желали сохранить свою древнюю конституцию, и одновременные действия угнетенного Аминтаса предоставили Спарте желанную возможность для нападения на Халкидидийский союз. Несомненно, морская мощь Олинфа и неуклонное расширение союза давно привлекали всеобщее внимание и были предметом

тревожных размышлений. Необходимо было также предотвратить любой риск того, что этот союз станет еще более могущественным и займет авторитетное положение в центральной Греции. Политика Спарты требовала, чтобы любое значительное развитие силы в других государствах было подавлено. Было принято решение о войне против олинфян, и по просьбе послов Эвдамид был немедленно отправлен с такими силами, которые можно было быстро собрать.

НЕВЗГОДА ФЕБА

[383-380 гг. до н. э.]

Его брат Фебидас должен был последовать за ним с остатками войск, предназначенных для кампании во Фракии, как только будет завершена мобилизация, которая, вероятно, затянулась из-за того, что новая военная система применялась впервые. К концу лета 383 года Фебидас был готов к отправлению. Он прошел мимо Фив. Там, как рассказывает Ксенофонт, партийные распри достигли крайней степени. Должность полемарха занимали Леонтиад и Исмений, которые были смертельными врагами, каждый из них был лидером отдельной группы сторонников. На тот момент антилаконская партия была в подъеме. Был обнародован указ, согласно которому никому не разрешалось вступать в армию для участия в походе против Олинфа. Когда Фебид появился перед стенами города, Леонтиад, чья семья всегда поддерживала тесные отношения со Спартой, попытался завоевать его расположение всевозможными услугами, а затем убедил тщеславного и амбициозного полководца предпринять внезапный удар против Кадмеи. Таким образом он собирался привести к власти сторонников Спарты и обеспечить активную помощь Фив в Олинфской войне.

Фебидас согласился с предложенным заговором, и для его осуществления был назначен день праздника Тесмофории. В этот день женщины города самостоятельно праздновали праздник в древнем храме Деметры на Кадмее. Фебидас должен был сделать вид, что снимает лагерь и отправляется в поход на север. Пока совет собирался в зале на рыночной площади, а жара полудня удерживала остальное население в домах, Леонтиад поскакал за уходящим полководцем, незаметно привел его к цитадели и открыл ему ворота. Затем он поспешил к совету, сообщил о том, что произошло, и арестовал Исмения как мятежника. Лидеры и сторонники оппозиции, числом около трехсот человек, были вынуждены бежать в Афины, спасая свои жизни. Захват Кадмеи был политической необходимостью, логическим следствием усилий Спарты по обеспечению гегемонии. Опыт последней войны не был потрачен напрасно.

В то время как Агесилай продолжал свою победоносную карьеру в Азии, в Греции по инициативе Персии была сформирована коалиция против Спарты, и Фивы проявили наибольшую активность в продвижении этого антиспартанского союза, который представлял собой серьезную угрозу для существования Лакедемона. На этот раз Спарта вновь вступала в войну на границах Греции; если бы удача отвернулась от нее, если бы она проиграла сражение, у нее не было бы никакой гарантии против возможности — даже вероятности — того, что враждебные Фивы, все еще едва покорные, могли бы снова восстать, перекрыть путь отступления спартанской армии и создать серьезные препятствия для подкрепления. «Кадмея была решающим пунктом для безопасности линии марша», — говорит Куртий. Если предстояла длительная война на далеком севере, было необходимо, чтобы эта позиция находилась в руках друзей. И единственным способом достичь этой цели было передать бразды правления в руки олигархической партии в Фивах и укрепить цитадель спартанскими гоплитами для их защиты. Успех этого шага доказывает, насколько оправданным было решение Фебидаса выбрать окольный путь.

Этот акт насилия, захват фиванской цитадели в мирное время, вызвал бурю возмущения по всей Греции. Даже в самой Спарте поднялся шум народного недовольства против Фебидаса, потому что (как добавляет Ксенофонт) он действовал без надлежащего разрешения или приказа. По-видимому, спартанское правительство сочло целесообразным возложить ответственность за это действие на Фебидаса, и поэтому, несмотря на молчание Ксенофонта по этому поводу, в истории о том, что он был смещен с должности и приговорен к уплате непомерного штрафа, вероятно, есть доля правды. Гнев Греции вполне мог быть причиной этого фиктивного приговора. Штраф так и не был взыскан, и в следующем году он занимал должность спартанского гармоста в Беотии. В остальном, протесты Леонтиада и Агесилая, который открыто утверждал, что единственным моментом, который следует учитывать при рассмотрении дела, является то, было ли нарушение Фебидаса выгодным для государства или нет, быстро убедили спартанцев в правомерности и необходимости этого решающего удара. Цитадель не была эвакуирована, и в отношении Исмения были возбуждены судебные разбирательства в связи с союзом. В Фивах был созван торжественный трибунал, состоящий из трех спартанских комиссаров и одного представителя от каждого города союза, чтобы вынести приговор Исмению. Он был приговорен к смерти. Самым отвратительным аспектом этого судебного убийства, которое было просто актом мести бывшему лидеру антиспартанской коалиции, является фарс с трибуналом, который должен был представлять национальные идеи и интересы.

Дорога в Фракию теперь была безопасна, и война против Олинфа велась с максимальной энергией.

Вероятно, весной 382 года Телеутиас, брат Агесилая, выступил против города с большой армией. Он пополнил свои войска в Фивах и получил вспомогательные контингенты от Аминтаса и Дердаса, принца Элимеи. Это было началом ожесточенной и затяжной борьбы. После нескольких успехов, которые позволили ему продвинуться к самому Олинфу, опустошая по пути всю страну, он пал в жаркой битве, и его смерть стала сигналом к всеобщему бегству. Вся его армия была сметена и уничтожена. С удивительным упорством спартанцы продолжали войну; весной 380 года была сформирована еще одна огромная армия, и командование ею было поручено молодому царю Агесиполису. Он был удачлив в бою, но летом того же года скончался от сильной лихорадки. Его преемнику в командовании, Полибиаду, осталось заставить сдаться голодающий город, лишенный доступа к морю и ограбленный своих урожаев в результате затяжной и опустошительной войны. В 379 году союз был распущен, а гордый город вынужден был нести военную службу спартанцам; могущественный главный город Халкидики стал скромным членом лакедемонийского союза.

Тем временем сам Пелопоннес стал ареной новой борьбы. Уже упоминалось, что изгнанные аристократы из Флиуса были допущены к возвращению по просьбе Спарты и получили обещание о восстановлении их собственности. Но здесь, как и везде, попытки экспроприации наталкивались на почти непреодолимые препятствия. Возможно, не хватало доброй воли для продвижения процесса, поскольку вряд ли в большинстве случаев судьи сами не владели имениями изгнанников. Но, по крайней мере, вначале, похоже, не было чрезмерных трудностей или задержек с выплатой компенсации, и мы слышим, что в кампании Агесипола флиасийцы проявили себя как ревностные союзники Спарты, продемонстрировав щедрость и оперативность своих вкладов. После отъезда Агесипола, как рассказывает Ксенофонт, флиасийцы, надеясь избавиться от вмешательства Спарты, пренебрегли урегулированием хаотичных претензий. Вернувшиеся аристократы, обнаружив, что их требования игнорируются беспристрастным арбитражным судом, обратились со своими жалобами в Спарту. Власти их собственного города наказали их за это произвольное действие, и эфоры, убежденные изгнанниками и Агесилаем, верным другом последних, решили начать кампанию против Флиуса. Флиасийцы просили о мире, но, естественно, не могли согласиться с требованием Агесилая о безоговорочной сдаче своей цитадели.

Затем началась утомительная осада, во время которой Агесилай был вынужден прибегнуть ко всем возможным уловкам, чтобы успокоить гнев лакедемонян и их союзников, которые не хотели наживать врагов среди многочисленного населения долины Асопа ради нескольких олигархов. Это было первым признаком раздора между союзниками Пелопоннесского союза, который был обречен оказать парализующее влияние на будущие военные предприятия лакедемонян. Благодаря доблестной обороне Дельфиона, которому Ксенофонт не отказывает в заслуженной похвале, город продержался в два раза дольше, чем ожидалось. Наконец, в 379 году нехватка продовольствия вынудила жителей заключить мир, и, неразумно игнорируя Агесилая, они обратились напрямую к Спарте. Спарта передала право принятия решения исключительно королю, и наказание, которое ждало Флион, было, естественно, не менее суровым за попытку отстранить Агесилая. Была назначена комиссия, состоящая из пятидесяти олигархов и пятидесяти граждан, и им было дано право решать, кто из жителей должен остаться в живых, а кто нет. Им также было поручено разработать конституцию. Для защиты нового порядка вещей в акрополе временно оставили лакедемонский гарнизон. Таким образом, в Флионе, как и в Олинфе, Спарта одержала победу.

В этом месте как Ксенофонт, так и Диодор, с целью создать более яркий фон для последующих событий, дают краткий обзор расширения власти и господства Спарты до этого момента. И действительно, от мира Анталцида до покорения Олинфа история Греции — это не что иное, как история расширения спартанской власти. В союзе с царем Персии, тираном Сиракуз и царем Македонии, воля Спарты была «непреодолимой от утесов Тайгета до Афона ( )». Параграф об автономии разбил все антиспартанские коалиции. В Коринфе, ключевом городе Пелопоннеса, была восстановлена олигархия, Беотия стала вассалом Спарты, угрожающий Олинфский союз был уничтожен, а руины Мантинеи и кровавые трибуналы в Флии показали, какое наказание Спарта готова была наложить на любую попытку мятежа или неповиновения. Спартанские гармоны со своими гарнизонами командовали цитаделями повсюду, и под их защитой олигархические правители держали население в оковах. Во времена Лисандра спартанские владения были более обширными, но Спарта никогда не обладала в Элладе большей властью и меньшей сдержанностью. Афины могли с неустанной настойчивостью стремиться к установлению господства на море; они

могли заключить союз с Хиосом сразу после мира с Кингом, союз, который был предшественником морского союза, который вскоре должен был возродиться; но как незначительны были такие вещи по сравнению с доминирующим положением Спарты, находившейся теперь на вершине своей славы! И тем, что ее воля и слово были законом в Греции, Спарта в основном обязана была устойчивой и последовательной политике Агесилая.

Седовласый монарх мог с гордостью смотреть на достигнутое им. Он воздвиг могучее сооружение: хотя оно было построено с помощью жестокости и произвола и скреплено кровью и жестокостью, тем не менее, было трогательно видеть, как на глазах его основателя камень за камнем сбрасывались вниз, пока от него не осталось ничего, кроме обширных руин, свидетельствующих о его былой величии.^b

СУДЬБА ЭВАГОРА И АЗИАТСКИХ ГРЕКОВ

[394-380 гг. до н. э.]

В первые годы своего правления Эвагор, без сомнения, регулярно платил дань и не предпринимал никаких шагов, которые могли бы оскорбить персидского царя. Но по мере роста его власти росла и его амбиция. Мы видим, что к 390 г. до н. э. он был вовлечен в борьбу не только с персидским царем, но и с Амафоном и Китионом на своем собственном острове, а также с великими финикийскими городами на материке. Какими шагами и в какой именно период началась эта война, мы не можем определить. Во время битвы при Книде (394 г. до н. э.) Эвагор не только платил дань, но и сыграл главную роль в том, что персидский флот под командованием Конона был направлен против лакедемонян, а сам он служил на борту корабля. Фактически (если верить Исократу), именно необычайной энергии, способностям и силе, проявленным им в тот раз на службе у самого Артаксеркса, можно приписать ревность и опасения последнего по отношению к нему. Без всякой причины, в тот самый момент, когда он пользовался ревностными услугами Эвагора, великий царь вероломно начал маневрировать против него и вынудил его вступить в войну в целях самообороны. Эвагор принял вызов, несмотря на неравные силы, с таким мужеством и эффективностью, что сначала добился заметных успехов. При поддержке своего сына Пнитагора он не только разгромил и унизил Аматус, Китион и Соли, которые под руководством принца Агириса присоединились к Артаксерксу, но и оснастил большой флот, атаковал финикийцев на материке с такой энергией, что даже захватил великий город Тир; кроме того, он убедил некоторые киликийские города выступить против персов. Он получил мощную помощь от Акориса, местного независимого царя Египта, а также от Хабриаса и войск, посланных афинянами. Начавшаяся, по-видимому, около 390 г. до н. э., война против Эвагора длилась более десяти лет, стоила персам больших усилий и огромных денежных затрат. Афины дважды посылали ему на помощь флот в знак благодарности за его долгую защиту Конона и его энергичные усилия в битве при Книде, хотя тем самым они рисковали нажить себе врагов в лице персов.

[380-374 гг. до н. э.]

Сатрап Тирибаз понимал, что пока он ведет войну в Греции, ему невозможно сосредоточить свои силы против князя Саламина и египтян. Отчасти поэтому персы предприняли чрезвычайные усилия, чтобы совместно со Спартой диктовать условия мира Анталкида и собрать в Ионии такой флот, который заставил бы Афины и Фивы подчиниться. Одним из условий этого мира было то, что Эвагор должен был быть брошен, а весь остров Кипр признан принадлежащим персидскому царю. Хотя Эвагор был таким

образом отрезан от Афин и лишен всякой другой греческой помощи, кроме наемников, которых он мог себе позволить, ему все же помогали Аккорис из Египта и даже Гекатомн, принц Карики, тайными денежными подарками. Но теперь, когда мир Анталкида был заключен в Азии, персидские сатрапы полностью владели греческими городами на азиатском побережье и могли переправить в Киликию и на Кипр не только свой флот из Ионии, но и дополнительные контингенты из этих самых греческих городов.

Эвагор защищался с непоколебимой решимостью, по-прежнему поддерживаемый Аккорисом из Египта; в то же время Тир и несколько городов в Киликии также продолжали восстание против Артаксеркса, так что усилия персов были рассеяны, и война закончилась только через десять лет после ее начала. В целом она обошлась им (если верить Исократу) в 15 000 талантов денег [3 000 000 фунтов стерлингов или 15 000 000 долларов] и столь тяжелыми человеческими потерями, что Тирибаз согласился на предложения Эвагора о мире, согласившись оставить ему полное владение Саламином в обмен на уплату оговоренной дани.

СТАТУЯ МИНЕРВЫ В РАЗРУШЕННОМ ХРАМЕ В АФИНАХ

По-видимому, вскоре после заключения мира саламинец по имени Никореон организовал заговор против его жизни и власти, но был обнаружен, по странному стечению обстоятельств, до момента исполнения замысла и вынужден был спасаться бегством. Он оставил в своем гареме юную дочь под опекой евнуха (грека, родом из Элиды) по имени Тразидэй, который, полный мстительной симпатии к делу своего господина, рассказал о красоте молодой леди как самому Эвагору, так и Пнитагору, самому выдающемуся из его сыновей, участнику доблестной обороны Саламина от персов. Оба они, не зная друг о друге, поддались искушению тайно встретиться с ней, чтобы евнух провел их в ее комнату: оба они были там убиты его рукой.

Так погиб грек, отличавшийся выдающейся энергией и интеллектом, удивительно свободный от пороков, обычных для греческих деспотов, и в этом отношении резко контрастировавший со своим современником Дионисием, чья военная энергия была так глубоко запятнана преступлениями и насилием. Никокл, сын Эвагора, правил в Саламине после него и проявлял большое уважение, сопровождаемое щедрыми подарками, к

афинскому Исократу, который хвалит его как мирного и доброжелательного князя, привязанного к греческим занятиям и искусствам, знакомого с греческой философией благодаря личным исследованиям и, прежде всего, подражающего своему отцу в справедливом обращении и отсутствии несправедливости по отношению к людям и собственности, что в значительной степени способствовало комфорту и процветанию города.

[387 г. до н. э.]

Теперь мы вернемся от эпизода, касающегося Эвагора — интересного не только благодаря выдающимся качествам этого принца, но и благодаря тому, что он дает представление о борьбе эллинизма с финикийским элементом на Кипре — к общим последствиям мира Анталцида в Центральной Греции. Впервые со времени битвы при Микале в 479 г. до н. э. персы стали настоящими хозяевами всех греков на азиатском побережье. Сатрапы не теряли времени, чтобы укрепить свое господство. Во всех городах, которые они подозревали, они строили цитадели и размещали постоянные гарнизоны. В некоторых случаях их недоверие или недовольство доходило до того, что они полностью разрушали город. И таким образом, эти города, уже однажды значительно ухудшившие свое положение, перейдя от легкого подчинения Афинам к жестокому правлению лакедемонийских гармостов и местных децемвиров, теперь перешли к еще более деспотичным хозяевам, совершенно лишенным симпатий со стороны эллинов. Как в публичном вымогательстве, так и в злодеяниях по отношению к отдельным лицам, комендант и его наемники, которых содержал сатрап, были, вероятно, более алчными и, безусловно, более необузданными, чем даже гармосты Спарты. Кроме того, персидские вельможи требовали красивых юношей в качестве евнухов для своей службы и красивых женщин в качестве обитательниц своих гаремов. То, что было взято для их удобства, не подлежало ни возврату, ни возмещению. В то время как азиатские греки были таким образом превращены Спартой и персидско-спартанским соглашением Анталцида в положение, ухудшенное во всех отношениях, они в то же время были брошены в качестве неохотных помощников, чтобы укрепить руки Великого царя против других греков — против Эвагора на Кипре и, прежде всего, против островов, прилегающих к побережью Азии — Хиоса, Самоса, Родоса и т. д. Эти острова теперь подвергались той же опасности со стороны своих подавляющих персидских соседей, от которой они были спасены почти столетие назад Делосским союзом и Афинской империей, в которую этот союз был преобразован. Все покровительственное объединение, которое гений, энергия и панеллинский пыл Афин сначала организовали и так долго поддерживали, теперь было разрушено; в то время как Спарта, которой оно обязано своим исчезновением, сдав азиатских греков, уничтожила даже безопасность островитян.⁴

ВОССТАНИЕ ФЕБЫ

Стремление к завоеваниям на Востоке, которые теперь казались невозможными, лишило лакедемонян власти, или, скорее, господства в Греции, приобретенного благодаря успеху в Пелопоннесской войне, и которое они могли бы разумно ожидать сохранить и укрепить. Не только их власть, но и их безопасность были угрожаемы оружием враждебного союза, который был сформирован и поддержан богатством Персии. Афины, их соперник, их превосходство, их подданные, но всегда их неумолимый враг, восстановили свои стены и флот и стремились к господству на море ( ). Фивы и Аргос осознали свою естественную силу и пренебрегли признанием превосходства или следованием за знаменем любой иностранной республики. Меньшие государства Пелопоннеса устали подчиняться каждому

бессмысленному призыву к войне, от которого они не получали никакой выгоды, кроме удовлетворения амбиций своих спартанских господ. Ценные колонии в Македонии и Фракии, и в особенности богатые и густонаселенные города Халкидической области, без кровопролития завоеванные добродетельным Брасидасом, отказались от интересов Спарты, когда Спарта отказалась от интересов справедливости. Практически не осталось следов от памятных трофеев, воздвигнутых в ходе двадцатисемилетней войны. Восточные провинции (бесспорно самые важные из всех) были безвозвратно утрачены; и этот быстрый упадок могущества произошел в течение десяти лет и был вызван главным образом роковым блеском побед Агесилая в Азии.

В течение пяти лет спартанцы содержали в Кадмее в Фивах гарнизон из полутора тысяч человек. Защищенные таким корпусом иностранных войск, который мог быть усилен в кратчайшие сроки, сторонники аристократии приобрели абсолютное господство в делах республики, которые они вели таким образом, как это лучше всего соответствовало их собственным интересам и удобству Спарты. Не претендуя на описание изгнаний, конфискаций и убийств, в которых они были виновны, для целей общей истории достаточно отметить, что несчастные жертвы их мести пострадали от бедствий, подобных тем, которые обрушились на Афины при тридцати тиранах. Суровость правительства в конце концов довела фиванцев до отчаяния, и как преследуемые изгнанники за границей, так и угнетенные подданные внутри страны были готовы принять любые меры, какими бы смелыми и рискованными они ни были, которые давали им слабую надежду на облегчение.

[382-379 гг. до н. э.]

Среди фиванских беженцев, которые укрылись в Афинах и которых теперь громко требовала Спарта, был Пелопид, сын Гиппокла, молодой человек, чьи выдающиеся достоинства могли бы по праву сделать его объектом зависти, если бы он не был вовлечен в несчастья своей страны. Он не уступал никому по происхождению, превосходил всех по богатству, преуспевал в мужественных упражнениях, столь ценимых греками, и не имел себе равных в еще более ценных качествах — великодушии и мужестве. Он имел наследственную привязанность к демократической форме правления и до недавней печальной революции был отмечен своими многочисленными друзьями и сторонниками как человек, наиболее достойный управлять государством. Пелопид часто советовался со своими соратниками в Афинах о способах возвращения в свою страну и восстановления демократии, воодушевляя их примером патриота Фрасибула, который с горсткой людей вышел из Фив и осуществил подобное, но еще более трудное предприятие. В то время как они тайно обсуждали эту важную задачу, Меллон, один из изгнанников, представил на их ночном собрании своего друга Филлида, недавно прибывшего из Фив, человека, чья предприимчивость, необыкновенная ловкость и хитрая смелость по праву заслуживают уважения истории.

Филид был сильно привязан к делу изгнанников, но благодаря своей льстивой уступчивости и услужливому раболепию он завоевал полное доверие Леонтиада, Архия и других магистратов, или, скорее, тиранов, республики. В делах и в удовольствиях он был одинаково необходим своим хозяевам; его усердие и способности обеспечили ему важную должность секретаря совета; и недавно он пообещал Архию и Филиппу, двум самым развратным из тиранов, что устроит для них вечеринку, во время которой они смогут насладиться обществом и самыми прекрасными женщинами Фив. Был назначен день этого позорного свидания, которого эти магистраты-развратники ждали с величайшим нетерпением; а в промежутке Филлидас отправился в Афины под предлогом личных дел.

[379 г. до н. э.]

В Афинах были согласованы время и средства для осуществления заговора. Группа фиванских изгнанников собралась на Триасийской равнине, на границе Аттики, где семь или двенадцать самых молодых и предприимчивых добровольно предложили свои услуги, чтобы проникнуть в столицу и сотрудничать с Филлидом в уничтожении магистратов. Расстояние между Фивами и Афинами составляло около тридцати пяти миль. Заговорщикам предстояло пройти тринадцать миль по враждебной территории. Они переоделись в одежды крестьян, прибыли в город к вечеру с сетями и охотничьими удочками и прошли через ворота, не вызвав подозрений. В течение той ночи и следующего дня дом Харона, богатого и уважаемого гражданина, друга Филлида и решительного врага аристократии, предоставил им безопасное убежище, пока благоприятный момент не призвал их к действию.

ХАРОН ВЫЗВАН ПЕРЕД МАГИСТРАТАМИ

Наступал важный вечер, когда хитрый секретарь подготовил свое долгожданное развлечение в сокровищнице. Не было упущено ничего, что могло бы поласкать чувства и усыпить ум в мечтах о наслаждении. Но тайный и смутный слух, распространившийся по городу, висел, как обнаженный кинжал, над сладострастными удовольствиями праздника. Было мрачно сообщено, что некоторые неизвестные чужаки, предположительно группа изгнанников, были приняты в доме Харона. Все уловки Филлидаса не смогли отвлечь гостей от их ужаса. Они отправили одного из своих ликторов или слуг, чтобы потребовать немедленного явления Харона. Заговорщики уже надевали доспехи, надеясь, что их немедленно вызовут для осуществления своего замысла. Но каково было их удивление и ужас, когда их хозяину и защитнику было строго приказано явиться перед магистратами! Самые оптимистичные из них были убеждены, что их замысел стал достоянием общественности и что они все погибнут, не осуществив ничего, достойного их мужества. После мгновения страшных раздумий они убедили Харона немедленно подчиниться приказу. Но этот твердый и патриотичный фиванский воин сначала пошел в комнату своей жены, взял своего младенца, единственного ребенка, и представил его Пелопиду и Меллону,

прося их сохранить в своих руках этот дорогой залог его верности. Они единодушно заявили о своем полном доверии к его чести и умоляли его уберечь от опасности беспомощного младенца, который в будущем мог стать мстителем за обиды своей страны. Но Харон был непреклонен, заявив, что «его сын никогда не сможет надеяться на более счастливую судьбу, чем умереть с честью вместе со своим отцом и друзьями».

Сказав это, он обратился с короткой молитвой к богам, обнял своих товарищей и ушел. Еще не дойдя до казны, он встретил Архия и Филлида. Первый спросил его в присутствии других магистратов, чье беспокойство заставило их встать из-за стола: «Кто эти чужеземцы, которые, как говорят, прибыли на днях и теперь гостят в твоём доме?» Харон так искусно сдержал свои эмоции и ответил на вопрос с таким хорошо притворным удивлением, что значительно успокоил беспокойство тиранов, которое полностью исчезло после шепота Филлидаса, что «эта нелепая молва, без сомнения, была распространена с единственной целью — помешать их удовольствиям».

Они едва вернулись на банкет, как Фортуна, словно желая сбить с толку ловкость Филлида, подняла новую и весьма тревожную опасность. Из Афин прибыл курьер, явно спешащий и взволнованный, желая увидеть Архия, которому он передал письмо от афинского магистрата с таким же именем, его давнего друга и гостя. Это письмо раскрывало заговор; секрет не был доведен до сведения посланника, который, однако, имел приказ попросить Архия немедленно прочитать депешу, поскольку она содержала вопросы крайней важности. Но этот беспечный сластолюбец, чьи мысли были полностью поглощены ожидаемой сценой удовольствий, ответил с улыбкой: «Дела завтра», — положил письмо под подушку кушетки, на которой, согласно древнему обычаю, он лежал во время развлечений, и возобновил разговор с Филлидом.

Дело дошло до кризиса; Филлидас на мгновение удалился; заговорщики приступили к действию; их оружие было спрятано под струящимися складками женских одежд, а лица были затенены и скрыты под грузом венков и гирлянд. В этом обличье они предстали перед магистратами, опьяненными вином и глупостью. По заданному сигналу они вытащили кинжалы и осуществили свой замысел. Харон и Меллон были главными действующими лицами в этой кровавой сцене, полностью режиссированной Филлидасом. Но оставалась еще более сложная задача. Леонтиад и другие пособники тирании были еще живы и могли отомстить за убийство своих соратников. Заговорщики, воодушевленные первым успехом и под руководством Филлидаса, с помощью ничего не подозревающего секретаря последовательно проникли в их дома. Когда началась суматоха и беспорядки, Леонтиад схватил свой меч и смело приготовился к обороне. Пелопид заслужил честь уничтожить главного виновника рабства и позора Фив. Его соратники погибли без сопротивления; имена этих людей могут быть преданы справедливому забвению, поскольку они не отличались ничем запоминающимся, кроме своей жестокой и угнетательной тирании.

Меры заговорщиков были столь же энергичными, сколь и осторожными. Прежде чем поднять тревогу в городе, они направились к различным тюрьмам, которые были переполнены несчастными жертвами произвола власти. Каждая дверь была открыта для Филлида. Пленники, охваченные радостью и благодарностью, усилили своих освободителей. Они взломали арсеналы и снабдились оружием. Улицы Фив теперь оглашались криками тревоги и ужаса; в каждом доме и семье царила суматоха и шум; жители были в полном движении; одни зажигали огни, другие в диком беспорядке бежали к общественным местам, и все с нетерпением ждали наступления дня, чтобы узнать неизвестную причину этого ночного смятения.

В момент страшной тишины, прервавшей шум мятежа, глашатай ясным и громким голосом объявил о смерти тиранов и призвал к оружию друзей свободы и республики.

Среди других, кто откликнулся на это долгожданное приглашение, был Эпаминонд, сын Полимниса, юноша с выдающимися достоинствами, который сочетал в себе мудрость мудреца и великодушие героя с проявлением всех мягких и благородных добродетелей; он не имел себе равных в знаниях и красноречии, а по происхождению, доблести и патриотизму не уступал Пелопиду, с которым он завязал дружбу в юности. Принципы философии Пифагора, которую он усердно изучал у Лисия из Тарента, заставили Эпаминонда отказаться от участия в заговоре, чтобы не замарать руки кровью соотечественников. Но когда меч был вынут из ножен, он с энтузиазмом встал на защиту своих друзей и родины, и его примеру последовали многие храбрые и великодушные юноши, которые с неохотой терпели двойное иго внутренней и внешней тирании.

С наступлением утра из Триасийской равнины прибыли вооруженные фиванские изгнанники. Число сторонников заговорщиков постоянно увеличивалось за счет притока новых помощников со всех концов города. Окруженные такой непобедимой группой сторонников, Пелопид и его соратники направились на рыночную площадь, созвали общее собрание народа, объяснили необходимость, цель и масштабы заговора и, при всеобщем одобрении своих сограждан, восстановили демократическую форму правления.

В истории каждого народа можно найти примеры доблести и отваги. Но революция в Фивах продемонстрировала не меньшую мудрость замысла, чем предприимчивую храбрость в исполнении. Среди суматохи действий и пыла победы заговорщики проявили достаточно хладнокровия и дальновидности, чтобы понять, что Кадмея, или цитадель, удерживаемая лакедемонским гарнизоном из полутора тысяч человек, будет усилена при первых известиях об опасности благодаря активным действиям Спарты. Чтобы предотвратить это тревожное событие, которое могло бы сделать последствия заговора неполными и неопределенными, они приказали гонцу, которого сразу после уничтожения тиранов они отправили к своим друзьям в Триасийскую равнину, отправиться в Афины, чтобы сообщить новость о революции, которая не могла не быть весьма приятной для этого государства, и просить немедленной помощи афинян, чье превосходство в штурме укрепленных мест было признано греками и варварами. Это сообщение имело самые благотворные последствия. Острый ум афинян с энтузиазмом воспользовался драгоценной возможностью ослабить Спарту, которая, если бы ее упустить, могла бы никогда не вернуться. Было отправлено несколько тысяч человек, и не было потеряно ни минуты ни на подготовку, ни на путь, так что они достигли Фив на следующий день после того, как Пелопид восстановил демократию.

Своевременное прибытие этих вспомогательных войск, скорость которых превзошла самые смелые надежды фиванцев, усилило их рвение к штурму цитадели. События осады описываются по-разному. Согласно наиболее вероятному описанию, гарнизон оказал очень слабое сопротивление, будучи запуган стремительной энергией и энтузиазмом, а также растущим числом нападающих, которые уже насчитывали четырнадцать тысяч человек и получали постоянную подмогу из соседних городов Беотии ( ). Прошло всего несколько дней, когда лакедемоняне пожелали капитулировать на условиях, что им будет позволено безопасно уйти со своим оружием. Их предложение было с готовностью принято, но, по видимому, они не требовали и, по крайней мере, не получили никаких выгодных условий или гарантий безопасности для тех несчастных фиванцев, чья приверженность спартанским интересам сильно побуждала их к защите. При первых признаках мятежа эти несчастные люди вместе со своими женами и семьями укрылись в цитадели. Большая часть из них жестоко погибла от рук своих соотечественников; лишь немногие были спасены благодаря гуманному вмешательству афинян. Эпаминонд справедливо подозревал, что революция не может быть осуществлена без пролития гражданской крови.^f

ВТОРОЙ АФИНСКИЙ СОЮЗ

[379-378 гг. до н. э.]

Политика создает странные союзы. Мелкая зависть маленьких греческих городов, называемых странами, была для них столь же важной и горькой, как и вражда между империями. Однако, конечно, когда два из них ссорились, они всегда были готовы принять помощь от соседних общин, какими бы ни были их недавние отношения. Теперь мы увидим зрелище, более странное, чем союз Афин и Спарты, а именно — возобновление союза утонченных и высокомерных афинян с гражданами Фив, хотя для афинян само слово «беотийский» с незапамятных времен было синонимом слова «свинья», прозвищем, обозначающим вероломство, симпатию к Азии и деревенскую грубость.

Непосредственным результатом театральной революции в Фивах стала смерть трех ведущих генералов, причастных к ней. Спарта в отвращении казнила двух из побежденных гармостов без должного суда. Афиняне казнили одного из генералов, который пришел на помощь фиванцам, а другого объявили вне закона. Они еще не были готовы сделать шаг к возобновлению древних войн со Спартой. Фиванцы чувствовали себя теперь полностью отданными на милость лакедемонян, и, действительно, только спартанец мог, по-видимому, прийти им на помощь. Сфодриас, гармост из Феспий, был достаточно горяч, чтобы мечтать о том, чтобы застать Афины врасплох и захватить Пирей. Однако он так медленно шел, что к рассвету дошел только до Элевсина. Тогда, утратив возможность застать врага врасплох, он отступил, опустошая проходящую территорию. Афины продемонстрировали свое намерение сохранить мир со Спартой, наказав опрометчивых офицеров, которые отправились на помощь Фивам, и тем не менее здесь был спартанский полководец, шедший на Афины и сеявший хаос в окрестностях. От Спарты потребовали немедленного отречения от этого поступка и казни Сфодриаса. Сфодриас не осмелился вернуться в Спарту для суда, чувствуя, что его судьба предрешена. И так бы и было, если бы не влияние Агесилая, который был человеком мягким и не смог устоять перед мольбами своего сына, который был в дружеских отношениях с сыном Сфодриаса. Следовало оправдание, и Афины не могли не почувствовать себя оскорбленными и вынужденными открыто выступить на стороне Фив. Началась война, которая длилась шесть лет. Как обычно, она приняла форму войны между двумя союзами.

Спарта почувствовала необходимость действовать мягко по отношению к своим оставшимся союзникам после того, как увидела, что Хиос, Византий, Родос и Митилена сразу же перешли на сторону Афин. Спарта разделила свой союз на десять классов: сама была первым, аркадские государства — вторым и третьим, Элида — четвертым, ахейцы — пятым, Коринф и Мегара — шестым, Сикион, Флиос и города Арголического залива Акте — седьмым, акарнаны — восьмым, фокийцы и локрийцы — девятым, Олинф и другие города на побережье Фракии — десятым.

Афинам казалось, что судьба вновь вынудила их возглавить союз против Спарты, союз, который должен был вернуть им бывшее господство на море. Этот союз, который Бузольт ⁴ и другие называют вторым Афинским союзом, Белох ⁵ называет третьим и пишет о нем следующее:

«Тем временем Афины с энтузиазмом стремились восстановить дважды утраченное господство на морях. Сразу после заключения «Мира короля» был возобновлен союз с Хиосом, Митиленой, Метимной и Византием; Родос также заключил договор с Афинами, поскольку его союз в Малой Азии распался после смерти Глоса около 379 года. Попытка восстановить прежние отношения с халкидийцами во Фракии была быстро сорвана

вмешательством Спарты; но вместо этого, как мы видели, весной 378 года Фивы заключили союз с Афинами. И теперь, после окончательного разрыва со Спартой, Афины призвали всех эллинов и варваров, не находившихся под властью Персии, объединиться в союз против посягательств Спарты. Положения «Мира царя» должны были стать основой для этого союза. Автономия всех государств, вступивших в союз, была гарантирована; персидский царь должен был быть признан повелителем азиатского континента; Афины отказались от всех притязаний на свои старые колониальные владения, и в будущем афинянам должно было быть запрещено приобретать дома и земли в любой точке конфедерации. Для управления делами был создан конгресс (*синедрион*), который заседал в Афинах и в котором делегаты от всех союзных государств имели место и право голоса, но сами Афины — нет. Для принятия мер было необходимо согласие как главного города [Афин], так и синедриона. Средства на флот лиги покрывались за счет взносов (*syntaxeis*), размер которых синедрион устанавливал в соответствии с текущими потребностями. Управление этим фондом и руководство войной принадлежали Афинам.

«Афины пошли на большие жертвы, чтобы заложить основу для создания этого нового союза. Это было полным разрывом с их политической практикой, существовавшей до «Мира царя», окончательным отказом от восстановления империи в ее прежней форме, как они планировали со времен Фрасибула. И более того: тысячи афинских граждан потеряли последнюю надежду на возвращение собственности за пределами Аттики, которую их отцы потеряли в результате катастрофы 404 года. Но эти жертвы не были напрасными. Государства Эвбеи сразу вступили в новый союз, за исключением Ореуса, который удерживался спартанским гарнизоном; также северные Спорады, Пепаретус, Скиатус и Икус; Тенедос в устье Геллеспонта, Перинт и Маронея во Фракии; Парос и другие соседние острова. Кроме того, вернулись прежние союзники Афин: Хиос, Митилена, Митимна, Византий, Родос и Фивы.

«Таким образом, одним махом Афины вновь стали господствующей силой в Эгейском море; теперь они могли вновь взять на себя управление храмом Делоса, которое они утратили на несколько лет.

«В то же время началась реорганизация аттического флота. Это было крайне необходимо, поскольку во время Коринфской войны его материальная часть была в значительной степени выведена из строя, а усилия по ее восстановлению были явно недостаточными. Существовало более ста триер, но большинство из них были старыми и едва пригодными для плавания. Было начато строительство большого количества новых боевых кораблей, которое велось настолько умело, что по прошествии двадцати лет (357-6) осталось 289 триер, несмотря на большие требования, предъявляемые к аттическому флоту. Для покрытия этих расходов и оплаты военных затрат на имущество в Аттике был введен чрезвычайный налог».

[378-376 гг. до н. э.]

Таким образом, мы снова видим Афины с союзом союзников за спиной. Они больше не обладают прежним престижем. Деньги, которые им доверяют, являются взносами (*syntaxeis*), а не данью (*phoros*). Они настолько ревниво относятся к афинским амбициям, что ни один гражданин Афин не может даже приобретать собственность среди союзников. Сама табличка, на которой был высечен этот договор, сохранилась до наших дней, хотя и разбита на множество осколков. В ней говорится, что главная цель союза — оборона, объединение «для того, чтобы заставить спартанцев оставить греков в покое и свободе с нетронутыми землями». Главными деятелями в организации этого союза и в привлечении союзников были блестящий оратор Каллистрат, которого называли Аристидом второго союза, и

проницательные полководцы Ификрат, Хабриас и Тимофей, достойный сын великого адмирала Конона. Главный недостаток конфедерации заключался в том, что она связывала Афины неестественным союзом с Фивами, их заклятым врагом, который мог служить лишь лестницей, которую можно было выбросить, как только по ней поднялись. Таким образом, война становится в основном войной между Спартой и Афинами, в которой, как отмечает Холм^h, «Афины всегда играли роль зрителя, который сидит тихо, сохраняя свои силы, чтобы выступить в качестве миротворца между обоими противниками».

Фивы вступили в войну с горячим энтузиазмом. Их лидером был восходящая звезда Эпаминонд, военный гений первоклассного уровня, одаренный музыкант, философ и оратор. Он обладал редкими качествами скромности, чистого патриотизма, безразличия к деньгам и партийности. Его союзником был Пелопидас, который командовал новой организацией, имевшей некоторые шансы встретиться в равном бою со знаменитыми спартанскими гоплитами. Этот *Hieros Lochos*, или Священный отряд присяжных друзей, был любопытным отрядом из трехсот молодых людей, сражавшихся парами и связанных греческими идеями дружбы. Они были обучены высокой степени гимнастической силы и, хотя сначала были выбраны просто для службы в первых рядах, позже стали использоваться как отдельный полк с непреодолимой силой в атаке.

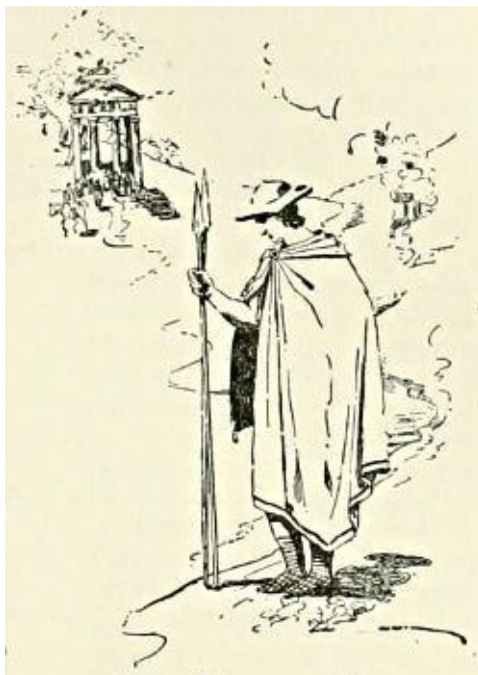
Прежде чем они узнали о силе этого отряда, фиванцы выкопали ров и построили вал вокруг самой плодородной части своей территории для защиты от вторжений спартанцев. Вскоре после восстания в городе в 378 году до н. э. спартанский царь Клеомброт совершил набег на эту землю, но безрезультатно. Позже царь Агесилай совершил две экспедиции, которые также оказались безрезультатными, за исключением грабежей. Спартанец Фебидас совершил набег в 377 году и был убит в катастрофическом поражении. Чтобы облегчить голод, вызванный уничтожением двух урожаев, фиванцы послали за двумя галерами с зерном, которые были захвачены спартанцем Алкетасом, а экипажи были заключены в тюрьму в цитадели в Ореусе на Эвбее. Пленники захватили крепость и овладели городом, который теперь присоединился к союзу с Афинами. В 376 году Агесилай, который был болен из-за разрыва кровеносного сосуда во время своей предыдущей кампании, был вынужден оставаться в своей комнате, и спартанцы отправили армию под командованием Клеомброта, которая была отбита у перевалов Киферона. Спартанцы отправили флот, чтобы перекрыть поставки зерна в Афины и заблокировать их порт.

Афины, вновь получившие возможность выходить в море, оснастили флот из восьмидесяти галер, который они доверили Хабриасу. Чтобы отвлечь спартанский флот под командованием Поллиса от Пирея, он осадил Наксос, который колебался между Афинским союзом и Спартанским. Поллис принял вызов и, хотя у него было только шестьдесят галер, дал сражение между Паросом и Наксосом. Это была тяжелая битва, и спартанцы, по-видимому, потеряли все свои корабли, кроме одиннадцати, и эти, по словам Диодора, были бы уничтожены, если бы не судьба полководцев в битве при Аргинусах, которые, как помним, так спешили преследовать разгромленного врага, что не остановились, чтобы забрать своих раненых и убитых с тонущих обломков собственного флота. Они были казнены в час своего триумфа, и этот урок не был забыт Хабриасом в его победе тридцать лет спустя.

[376-374 гг. до н. э.]

Однако слава Наксоса была достаточной. И хотя это не было столь значительным успехом, как победа Конона в битве при Книде, она была более приятной для афинян, потому что была одержана не флотом азиатов, которым просто командовал афинянин, а полностью афинскими кораблями и людьми. В этой битве командование левым флангом было

поручено Фокиону, который занимает важное место в более поздней истории Афин. Этот успех при Наксосу в 376 году избавил Афины от голода, восстановил их престиж на море и привлек к союзу семнадцать новых городов вокруг Эгейского моря, а также принес значительные поступления в казну. В том же году афиняне также наказали восстание на Делосе, где восстановление их власти не было полностью приветствовано. Теперь велась подготовка к кругосветному плаванию вокруг Пелопоннеса с флотом под командованием Пинотена. В 375 году он отплыл и присоединил к афинскому союзу острова Коркира и Кефаллия, часть Акарнании и короля молоссов. В Ализии Тимофей с его шестидесятью галерами был атакован спартанцем Николохом с пятидесятью пятью галерами. Афинянин выиграл эту схватку, но отказался от последующего вызова и увеличил свой флот до семидесяти кораблей.

ГРЕЧЕСКИЙ ВОИН В ДОРОЖНОМ КОСТЮМЕ

(По мотивам Хоупа)

Экспедиция достигла цели, которая побудила фиванцев предложить ее, то есть она помешала Спарте совершить свое обычное вторжение в Беотию. Однако Афины сочли флот очень тяжелым и обременительным расходом, и каждый капитан триеры был вынужден выделить 28 фунтов стерлингов или 140 долларов на оплату своего экипажа. Афиняне теперь предложили фиванцам внести определенную сумму в счет расходов на экспедицию, которая была для них столь экономичной, но те отказались, и Афины, вполне естественно, обратились к Спарте. В 374 году был заключен мир, но он был сразу же нарушен из-за того, что Тимофей вмешался в дела Закинфа и навлек на себя гнев Спарты. Так война продолжалась.

Между тем, годом ранее фиванцы были активны и добивались все больших успехов. Они обратились против трех соседних городов в Беотии, которые были давними жертвами Фив и получили независимость в соответствии с миром Анталцида. Этими городами были Платеи, Феспии и Орхомен. Они ненавидели Фивы из-за горьких воспоминаний о прежнем угнетении и продолжали сопротивляться ( ) их растущей самонадеянности, хотя другие беотийские города были втянуты в союз и хотя они сами подвергались сильным нападениям. Только в 372 году Платеи были взяты врасплох, и все их жители были изгнаны.

Они нашли убежище в Афинах, которые с давних времен были дружны с Платеями. Фивы также заставили Феспии снести свои укрепления. Все это только возродило в Афинах давнюю ненависть к Фивам, но подпитало дерзость беотийцев. Вероятно, в 375 году до н. э. Пелопид, возглавлявший Священный отряд, неожиданно столкнулся с двумя спартанскими морями, каждая из которых по отдельности равнялась его трем сотням и каждая из которых находилась под командованием полемарха. Один из его людей прибежал к Пелопиду, восклицая:

«Мы попали в окружение врага».

«А почему бы им не оказаться в окружении нас?» — ответил Пелопид. И сразу же бросился в атаку.

В первом столкновении были убиты два спартанских военачальника. Это привело две моры в замешательство, и Пелопид, пробившись сквозь них, вместо того чтобы отступить, развернулся и успешно разгромил каждую из мор. Что касается количества участников, то это было не более чем серьезные беспорядки, но, как мы уже видели ранее, любой удар по престижу спартанских воинов заставлял всех греков содрогаться, а здесь новая организация или клуб из негероического города Фивы уничтожил спартанские войска, превосходившие его по численности в два раза. Это был еще один удар по спартанской гордости и новое топливо для роста уверенности фиванцев в себе. В 374 году экспедиция против Фокиды была остановлена спартанскими войсками под командованием Клеомброта, но примерно в это же время афиняне, по-видимому, вернули себе Ороп, который спартанцы захватили в 411 году. В этом же году лакедемонийская гордость была еще более уязвлена Коркирой. Об этом расскажет Ксенофонт.

КОРКИРА

[375-372 гг. до н. э.]

Лакедемоняне, снова готовясь отправить флот, собрали шестьдесят кораблей из самого Лакедемона, из Коринфа, Леукаса, Амбракии, Элиды, Закинфа, Ахайи, Эпидавра, Троэзена, Гермiona и Халианы. Назначив Мнасиппа адмиралом, они поручили ему заниматься делами в этом море в целом и предпринять попытку захватить Коркиру. Они также послали к Дионисию, заявив, что в его интересах, чтобы Коркира не попала в руки афинян.

Мнасипп, собрав свой флот, отплыл в Коркиру. Помимо войск из Лакедемона, с ним было не менее полутора тысяч наемников. Высадившись на острове, он сразу же овладел им и опустошил страну, которая была прекрасно возделана и засажена, а по полям были разбросаны красивые дома и хорошо построенные винные погреба; так что солдаты, по их словам, достигли такой степени роскоши, что пили только вино с ароматным запахом. С полей было унесено большое количество рабов и скота. Наконец он разбил лагерь со своими сухопутными войсками на холме, удаленном от города примерно на пять стадий и возвышающемся над страной, чтобы, если кто-нибудь из коркирян выйдет на поля, он мог отрезать им отступление; свои корабли он разместил на противоположной стороне города, в месте, где, по его мнению, они могли бы наблюдать и останавливать любые суда, приближающиеся к побережью. В дополнение к этим мерам он, когда не мешала непогода, бросал якорь галерам перед гаванью. Таким образом, он держал город в состоянии блокады.

В результате коркиряне не могли получать продовольствие со своих земель, поскольку они были захвачены с суши, а по морю им ничего не могли доставить, потому что они уступали в морской силе, поэтому они сильно страдали от нехватки продовольствия и,

послав к афинянам, просили у них помощи и заявили, что «они потеряют очень ценное владение, если будут лишены Коркиры, и в то же время значительно укрепят силу своих врагов, поскольку ни одно государство в Греции, кроме Афин, не может предоставить больше кораблей или денег»; они добавили также, что «остров Коркира удачно расположен по отношению к Коринфскому заливу и городам, лежащим на нем, а также для разграбления территории Лаконии, но наиболее удачно по отношению к противоположному континенту и проходу от Сицилии к Пелопоннесу». Афиняне, выслушав эти доводы, пришли к мнению, что они должны уделить этому вопросу пристальное внимание, и отправили Стесикла в качестве генерала с шестьюстами пельтастами, попросив Алкета помочь в их переправке через воду. Эти войска были высажены на побережье ночью и проникли в город Коркира.

Афиняне также решили оснастить шестьдесят дополнительных кораблей и избрали Тимофея их командующим. Тимофей, не имея возможности укомплектовать эти корабли дома, отплыл к разным островам и попытался набрать экипажи оттуда, полагая, что без должной подготовки будет нелегко плавать вокруг кораблей, столь хорошо дисциплинированных, как корабли врага. Но афиняне, полагая, что он тратит впустую весь сезон, подходящий для экспедиции, потеряли терпение, лишили его командования и назначили на его место Ификрата. Ификрат, как только стал командующим, с максимальной быстротой укомплектовал свои корабли и заставил триерархов приложить все усилия. Он также забрал у афинян все корабли, которые находились на побережье Аттики, а также корабли Парала и Саламина, заметив, что «если дела в Коркире пойдут успешно, он вернет им много кораблей». Его флот насчитывал в общей сложности около семидесяти кораблей.

В это время жители Коркиры так сильно страдали от голода, что из-за большого числа дезертиров Мнасипп объявил, что «все дезертиры в будущем будут проданы в рабство». Но когда они, несмотря на это, продолжали дезертировать, он в конце концов подверг их бичеванию и отправил обратно. Однако жители города отказались принимать рабов в город, и в результате многие из них погибли за стенами города. Мнасипп, заметив это, вообразил, что город уже почти в его руках, и начал принимать новые меры в отношении своих наемников, некоторых из которых он уволил со службы, а тем, кто остался, продолжал задолжать двухмесячную плату, хотя, как говорили, не из-за нехватки денег, ибо большинство городов, вследствие того что экспедиция проходила по морю, прислали ему деньги вместо людей. Но когда жители города заметили со своих башен, что вражеские позиции охраняются не так строго, как раньше, и что солдаты разбредаются по окрестностям, они совершили вылазку, взяли некоторых из них в плен, а некоторых убили.

Мнасипп, заметив, что произошло, вооружился и поспешил со всеми своими тяжеловооруженными войсками на помощь своим людям, приказав также капитанам и центурионам вывести наемников. Некоторые из капитанов, заметив, что «нелегко было подчинить себе людей, не давая им пропитания», ударил одного из них своим посохом, а другого рукояткой копья. Таким образом, все они вышли без боевого духа ( ) и с чувством ненависти к своему генералу, что никоим образом не способствовало боевым действиям. Однако, когда он выстроил свои войска, он обратил в бегство тех из врагов, которые находились у ворот города, и погнался за ними; но преследуемые, когда они подошли близко к стене, развернулись и стали бросать в него камни и дротики из гробниц; а другие, выскочив из других ворот, обрушились плотным строем на край его линии. Люди Мнасиппа, выстроившиеся в восемь рядов и считая свое крыло слишком слабым, попытались развернуться, но когда они начали отступать со своих позиций, враг бросился на них, как будто они собирались бежать, и они сами больше не пытались развернуться, а те, кто был ближе всего к ним, бросились бежать. Мнасипп в то же время не мог поддержать отряд, попавший в затруднительное положение, так как враг давил на него спереди, и у него оставалось все меньше и меньше людей. Наконец враг, собравшись в одно целое, совершил

общее нападение на тех, кто остался с Мнасиппом, число которых теперь действительно сократилось до очень небольшого, а жители города, наблюдая за развитием событий, вышли из города, убили Мнасиппа и присоединились к общему преследованию. Преследователи, вероятно, захватили бы лагерь и укрепления, если бы не заметили толпу на рынке, а также слуг и рабов, и, приняв их за эффективную группу защитников, не повернули бы назад. Однако коркиряне воздвигли трофей и вернули тела погибших в соответствии с перемирием.

После этого события жители города стали смелее, а те, кто был вне города, были в крайнем унынии, ибо говорили, что Ификрат уже почти подошел, и коркиряне действительно приступили к оснащению своих кораблей. Но Гипермен, который был вторым командиром после Мнасиппа, укомплектовал все лакедемонийские корабли, которые были там, и, обогнув лагерь, загрузил их рабов и другим имуществом и отправил в путь. Сам он с морскими пехотинцами и теми из солдат, кто выжил, остался охранять укрепления; но в конце концов и они в крайнем беспорядке сели на корабли и отплыли, оставив после себя большое количество зерна и вина, а также многих рабов и больных, ибо они очень боялись, что афиняне застанут их врасплох на острове. Однако они благополучно прибыли в Леуку.

Ификрат, как только начал свое путешествие, продолжал, следуя по пути, готовить все необходимое для сражения. Он оставил свои большие паруса дома, как будто собирался в бой, а другие паруса, даже при благоприятном ветре, использовал мало; вместо этого он переправлялся с помощью весел, что позволяло его людям сохранять лучшую форму, а кораблям — лучше держать курс. Кроме того, когда экипажи собирались обедать или ужинать, он часто отводил один край флота на некоторое расстояние от берега напротив места, где они собирались, а затем, развернув корабли и выстроив их в линию носами к берегу, по сигналу давал им старт, чтобы они мчались друг к другу к берегу. тогда большое преимущество получали те, кто первым добирался до воды и всего необходимого и первым заканчивал трапезу; а для тех, кто приходил последним, было большим наказанием находиться в невыгодном положении во всех этих отношениях, поскольку все они были вынуждены снова выходить в море, когда он давал сигнал; ибо тем, кто высаживался первым, везло делать все без спешки, а тем, кто высаживался последним, приходилось все делать в спешке.

Если он приземлялся, чтобы пообедать на вражеской территории, он не только выставял часовых, как и полагалось, на берегу, но и, подняв мачты на своих кораблях, вел наблюдение оттуда. Люди, стоявшие на мачтах, действительно видели гораздо дальше, чем те, кто находился на ровной местности, поскольку смотрели вниз с более высокой позиции. Где бы он ни ужинал или спал, он не разводил ночью костра в лагере, но держал свет перед лагерем, чтобы никто не мог подойти незамеченным. Кроме того, если погода была спокойной, он часто возобновлял плавание сразу после ужина; и если ветер гнал корабли, люди отдыхали, пока корабли плыли, но если приходилось грести веслами, он заставлял их отдыхать по очереди. Днем он иногда по заданным сигналам вел свои корабли в линию друг за другом, а иногда бок о бок, так что, продолжая свое путешествие, они практиковались и приобретали все необходимое для морской войны и таким образом прибыли к морю, которое, как они полагали, было занято врагом. Они обедали и ужинали в основном на территории врага, но, поскольку они не делали там ничего лишнего, Ификрат избежал всех атак благодаря внезапности, с которой он возобновил свое плавание, которое вскоре завершил. Примерно в то время, когда умер Мнасипп, он находился в Сфагиях в Лаконии. Оттуда он продвинулся к побережью Элиды, проплыл мимо устья Альфея и бросил якорь у мыса под названием Иктис. На следующий день он отплыл оттуда в Кефаллению, расположив свой флот таким образом и держа курс так, чтобы в случае необходимости он мог подготовить все

необходимое для сражения и сразу вступить в бой; поскольку о судьбе Мнаsipпа он не слышал никаких сообщений от очевидцев и подозревал, что это может быть ложная информация, предназначенная для того, чтобы ввести его в заблуждение, он оставался на чеку. Но когда он прибыл в Кефалонию, он получил полное изложение фактов и остановился там, чтобы дать своим людям возможность отдохнуть.

Покорив города на Кефалонии, он отплыл в Коркиру. Здесь он получил первую разведывательную информацию о том, что Дионисий посылает десять галер на подкрепление лакедемонянам. Поэтому он лично обошел побережье, определил, откуда можно было бы увидеть приближающиеся корабли, и где люди могли бы подавать сигналы, чтобы их было видно в городе, и разместил в этих местах часовых, договорившись с ними, какие сигналы они должны подавать, когда враг подойдет и бросит якорь. Затем он выбрал двадцать своих капитанов, которые должны были быть готовы следовать за ним, когда бы он ни послал к ним гонца, и предупредил их, что если кто-либо из них не последует за ним, он не должен будет жаловаться на любое наказание, наложенное на него. Как только поступил сигнал о приближении этих кораблей и были отправлены посланцы к капитанам, их поспешность заслуживала восхищения, ибо не было ни одного из тех, кто собирался отплыть, кто не сел бы на корабль с максимальной скоростью. Отправившись к месту, где находились корабли врага, он обнаружил, что люди с остальных кораблей сошли на берег, но Меланипп, родосский капитан, убеждал других командиров не оставаться там и, посадив свою команду на корабль, отплывал. В результате Меланипп, хотя и встретил корабли Ификрата, тем не менее спасся, но все корабли из Сиракуз были захвачены вместе с их экипажами. Ификрат, отрезав носы кораблей, отбуксировал их в гавань Коркиры и установил фиксированную сумму выкупа для каждого из пленников, за исключением Криниппа, главного капитана, которого он держал под стражей, как будто собирался вымогать с него огромную сумму или продать его в рабство. Однако тот умер от горя, покончив с собой. Остальных пленных Ификрат отпустил, взяв с коркирян гарантии выплаты выкупа.

Он содержал своих моряков, в основном, нанимая их на сельскохозяйственные работы на службе у коркирян. С пельтастами и тяжеловооруженными из флота он переправился в Акарнанию, где оказывал помощь дружественным городам, если в этом была необходимость, и вел войну против тиреев, народа, отличавшегося большой храбростью и занимавшего сильно укрепленное место. Затем, приведя из Коркиры флот, состоявший теперь из около девяноста кораблей, он сначала направился в Кефалонию и собрал там дань как с тех, кто был готов ее дать, так и с тех, кто не хотел. Затем он приготовился к грабежам на территории лакедемонян и к тому, чтобы из городов в тех краях, приверженных врагу, принять в союз тех, кто был готов присоединиться к нему, и вести войну с теми, кто отверг его предложения.^c

СУД НАД ТИМОТЕЕМ

ГРЕЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Успешный исход экспедиции в Коркиру, вызвавший всеобщее удовлетворение в Афинах, был не менее выгоден Тимофею, чем Ификрату. В ноябре 373 г. до н. э. и тот, и другой, а также его квестор, или военный казначей, Антимак, предстали перед судом. Каллистрат, вернувшись домой, выступил против квестора, возможно, против Тимофея, как один из обвинителей, хотя, вероятно, в духе большей мягкости и умеренности, вследствие недавнего совместного успеха и общего хорошего настроения, царившего в городе. И в то время как острота обвинения против Тимофея была таким образом сглажена, защита была усилена не только многочисленными друзьями-гражданами, выступавшими в его пользу с возросшей уверенностью, но и необычным явлением в виде двух влиятельных иностранных сторонников. По просьбе Тимофея, как Алкитас из Эпира, так и Иасон из Фера приезжали в Афины незадолго до суда, чтобы выступить в качестве свидетелей в его пользу. Он принял их и разместил в своем доме в Гипподамийской агоре, главной площади Пирея. А поскольку он тогда испытывал некоторое затруднение из-за нехватки денег, он счел необходимым одолжить у Пасиона, богатого банкира, жившего по соседству, различные предметы роскоши, чтобы оказать им честь — одежду, постельные принадлежности и две серебряные чаши для питья. Эти два важных свидетеля должны были дать показания о преданном служении и достойных качествах Тимофея, который пробудил в них горячий интерес и стал причиной их союза с Афинами; союз, который они сразу же закрепили, переправив Стесикла и его отряд через Фессалию и Эпир в Коркиру. Умы членов суда были бы сильно впечатлены, увидев перед собой такого человека, как Ясон из Фера, в тот момент самого влиятельного человека в Греции; и мы не удивляемся, узнав, что Тимофей был оправдан. Хотя он и был теперь оправдан, его репутация так сильно пострадала от всего этого дела, что следующей весной он с радостью принял приглашение персидских сатрапов, которые предложили ему командование греческими наемниками ( ) на своей службе в египетской войне; то же самое командование, от которого незадолго до этого ушел Ификрат.

Этот адмирал, чьи военно-морские силы были усилены большим количеством коркирских триер, без сопротивления совершал набеги на Акарнанию и западное побережье Пелопоннеса, так что изгнанные мессенцы, находившиеся в далеком изгнании в Гесперидах в Ливии, начали надеяться, что Афины вернут им Навпакт, который они занимали под их защитой во время Пелопоннесской войны. И пока афиняне были хозяевами на море как к востоку, так и к западу от Пелопоннеса, Спарта и ее союзники, обескураженные провалом своей экспедиции против Коркиры в предыдущем году, по-видимому, оставались бездействующими. С такими настроениями они были сильно потрясены религиозным беспокойством, вызванным страшными землетрясениями и наводнениями, которые обрушились на Пелопоннес в этом году и которые считались знаками гнева бога Посейдона. В этом году на Пелопоннесе произошло больше таких страшных бедствий, чем когда-либо прежде, особенно одно, самое страшное из всех, в результате которого были разрушены два города Гелика и Бура в Ахайе, а также погибла большая часть их населения. Десять лакедемонских триер, которые случайно были пришвартованы на этом берегу в ночь, когда произошло бедствие, были уничтожены натиском воды.

В этих удручающих обстоятельствах лакедемоняне прибегли к тому же маневру, который так хорошо послужил их целям пятнадцатью годами ранее, в 388-387 гг. до н. э. Они снова послали Анталцида в качестве посланника в Персию, чтобы просить как денежную помощь, так и новое персидское вмешательство для обеспечения соблюдения мира, носившего его имя; этот мир был теперь нарушен (по мнению лакедемонян) восстановлением Беотийского союза под руководством Фив. И, по-видимому, в течение осени или зимы персидские послы действительно прибыли в Грецию, требуя, чтобы все воюющие стороны прекратили войну и урегулировали свои разногласия на основе принципов мира Анталцида. Персидские сатрапы, в это время возобновившие свои усилия против Египта, были заинтересованы в прекращении военных действий в Греции, чтобы увеличить число греческих наемников, из которых Тимофей несколько месяцев назад ушел из Афин, чтобы принять командование.

Однако, помимо этой перспективы персидского вмешательства, которое, несомненно, не осталось без последствий, сама Афина все больше склонялась к миру. Общее страх и ненависть к лакедемонянам, которые привели Афины к союзу с Фивами в 378 г. до н. э., теперь уже не были преобладающими. Афины фактически возглавляли значительный морской союз, и вряд ли они могли надеяться на его расширение, продолжая войну, поскольку морская мощь Лакедемона уже была унижена. Кроме того, афиняне все больше отдалялись от Фив. Древняя антипатия между этими двумя соседями на время была заглушена общим страхом перед Спартой. Но как только Фивы восстановили свою власть в Беотии, ревность Афин снова начала расти.

В течение последних трех или четырех лет Платеи, как и другие города Беотии, были вновь включены в союз под руководством Фив. Восстановленный Спартой после мира Анталцидаса как так называемый автономный город, он был укреплен ею как опорный пункт против Фив и больше не мог сохранять реальную автономию после того, как спартанцы были изгнаны из Беотии в 376 г. до н. э. В то время как другие беотийские города были рады освободиться от своих филолаконских олигархий и вновь присоединиться к федерации под властью Фив, Платеи, как и Феспии, подчинились союзу только под принуждением, ожидая благоприятного случая для выхода из него с помощью Спарты или Афин. Вероятно, осознавая растущую холодность отношений между афинянами и фиванцами, платейцы тайно пытались убедить Афины принять и оккупировать их город, присоединив Платею к Аттике; этот проект был опасен как для Фив, так и для Афин,

поскольку привел бы их к открытой войне друг с другом, в то время как ни одна из них еще не была в мире со Спартой.

[373-371 гг. до н. э.]

Эта интрига, став известной фиванцам, побудила их нанести решающий удар. Боэотарх Неокл немедленно вывел фиванские вооруженные силы из собрания и по окольному пути через Гисию направился в Платею, которую он застал покинутой большинством взрослых мужчин и неспособной оказать сопротивление. Платейцы, разбежавшиеся по полям, обнаружили, что их стены, их жены и их семьи находятся во владении победителя, и были вынуждены принять предложенные им условия. Им было позволено уйти в безопасности и унести с собой все свое движимое имущество, но их город был разрушен, а его территория вновь присоединена к Фивам. Несчастные беженцы были вынуждены во второй раз искать убежища в Афинах, где их снова радушно приняли и восстановили в тех же правах гражданства, которыми они пользовались до мира Анталцида.

Тебы теперь вмешивались не только в дела Платы, но и в дела Феспий. Не доверяя настроениям феспийцев, они заставили их снести укрепления своего города, как они уже делали пятьдесят два года назад, после победы при Делионе, подозревая их в симпатиях к Афинам. Такие действия фиванцев в Беотии вызвали сильное возмущение в Афинах, где платейцы не только явились в качестве просителей, явно демонстрируя признаки своего бедственного положения, но и патетично изложили свою позицию перед собранием, призвав на помощь, чтобы вернуть свой город, которого они только что лишились. По вопросу, столь трогательному и столь полному политических последствий, было, несомненно, составлено и произнесено много речей, одна из которых, к счастью, дошла до нас; она была составлена Исократом и, возможно, действительно произнесена платейским оратором перед народным собранием. Здесь впечатляюще изложена тяжелая судьба этого интересного маленького сообщества, включая горькие упреки, высказанные с немалой риторической преувеличенностью, в адрес многочисленных злодеяний, совершенных Фивами как по отношению к Афинам, так и к Платеям.

В конце концов было принято решение — сначала Афинами, а затем, вероятно, большинством союзников, собравшихся в Афинах — выдвинуть предложения о мире Спарте, где, как было хорошо известно, преобладало аналогичное настроение. Об этом намерении было сообщено фиванцам, которых, кроме того, пригласили направить послов в столицу Лакедемона, если они захотят присоединиться к переговорам.

Весной 371 года до н. э., когда члены лакедемонийского союза собрались в Спарте, туда прибыли послы из Афин и Фив, а также из различных членов афинского союза. Среди афинских послов по крайней мере двое — Каллиас (наследственный *дадух*, или факелоносец элеусинских церемоний) и Автокл — были представителями знатных афинских семей; их сопровождал оратор Каллистрат. Из фиванцев единственным известным человеком был Эпаминонд, в то время один из беотархов.

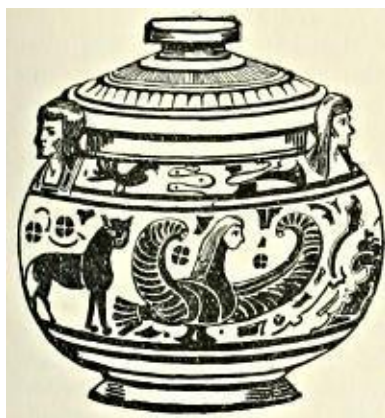
КОНГРЕСС В СПАРТЕ

[371 г. до н. э.]

О дебатах, которые имели место на этом важном конгрессе, мы имеем очень неполные сведения; а о более частных дипломатических беседах, не менее важных, чем дебаты, мы не имеем никаких сведений. Ксенофонт приводит речь каждого из трех афинян, но ничьих

других. Речь Каллиаса, который объявляет себя наследственным прокшеном Спарты в Афинах, хвастлива и пуста, но в духе явно филолаконская; речь Автокла — противоположна по тону, полна сурового осуждения прошлого поведения Спарты; речь Каллистрата, произнесенная после двух других — в то время как враги Спарты ликовали, ее друзья были унижены, а обе стороны молчали, под свежим впечатлением от упреков Автокла — сформулирована в духе примирения, признавая ошибки обеих сторон, но осуждая продолжение войны как вредную для обеих и показывая, насколько общие интересы обеих сторон указывали на мир.

Этот оратор, представляющий афинскую дипломатию того времени, ясно признает мир Анталкидаса как основу, на которой Афины были готовы вести переговоры, автономию для каждого города, как малого, так и большого: и таким образом, совпадая с взглядами персидского царя, он с безразличием отвергает угрозу, что Анталкидас возвращается из Персии с деньгами, чтобы помочь лакедемонянам в войне. Афины и Спарта должны были стать взаимными партнерами и гарантами, разделив главенство в Греции по четкой линии разграничения, но при этом ни одна из них не должна была вмешиваться в принцип всеобщей автономии. Фивы и их претензии на президентство в Беотии должны были быть отложены по взаимному согласию.

ГРЕЧЕСКАЯ КУВИШИН

(В Британском музее)

Именно на этой основе был заключен мир. Обе стороны должны были распустить свои вооруженные силы; гарнизоны и гарнизонные войска были повсеместно выведены, чтобы каждый город мог пользоваться полной автономией. Если какой-либо город не соблюдал бы эти условия и продолжал бы применять силу против любого другого, все имели право взять в руки оружие для поддержки пострадавшей стороны; но никто, кто не был к этому склонен, не был обязан брать в руки оружие. Это последнее условие освобождало союзников Лакедемона от одной из самых тягостных цепей.

Все стороны согласились с указанными условиями, и на следующий день была произнесена клятва. Спарта дала клятву от своего имени и от имени своих союзников; Афины дали клятву только от своего имени — их союзники дали клятву по отдельности, каждый город от своего имени. Почему было сделано такое различие, нам не известно, поскольку, по-видимому, принцип разделения применялся одинаково к обоим союзам. Затем настала очередь клясться фиванцам, и здесь и произошла роковая заминка. Эпаминонд, посол Фив, настаивал на том, чтобы принести клятву не от имени Фив отдельно, а от имени Фив как президента Беотийского союза, включающего все беотийские города. Спартанские власти, с другой стороны, и Агесилай в первую очередь, решительно

противились этому. Они требовали, чтобы он принес клятву только от имени Фив, а беотийские города принесли клятву каждый отдельно. Уже в ходе предварительных дебатов Эпаминонд смело выступил против господства Спарты. В то время как большинство депутатов были подавлены ее величием, представленным энергичным Агесилаем в качестве спикера, он, подобно афинянину Автоклу, при сильной поддержке со стороны многих присутствующих депутатов, провозгласил, что ничто не поддерживает войну, кроме ее несправедливых притязаний, и что мир не может быть прочным, пока эти притязания не будут отброшены. Приняв окончательно определенные условия мира, он представился, чтобы присягнуть им от имени Беотийского союза. Но Агесилай, требуя, чтобы каждый из беотийских городов принес присягу самостоятельно, сослался на те же принципы свободы, на которые только что сослался сам Эпаминонд, и спросил его, не имеют ли все беотийские города такое же право на автономию, как и Фивы. Эпаминонд мог бы ответить вопросом, почему Спарте только что было позволено принести клятву как от своего имени, так и от имени своих союзников. Но он занял более высокую позицию. Он утверждал, что президентство в Беотии принадлежало Фивам на таких же правах, как и суверенитет Лаконии — Спарте. Он напомнил собранию, что когда Беотия была впервые завоевана и заселена ее нынешними жителями, все другие города были основаны управляемый беотархами, выбранными всеми и из всех, с Фивами в качестве президента, был ровесником первого заселения страны; что отдельная автономия каждого из них была ограничена установленным институтом, передававшим беотархам и советам, заседавшим в Фивах, управление внешними отношениями всех вместе.

Все это было заявлено фиванским оратором перед пятью спартанскими комиссарами, собравшимися для определения судьбы пленников после капитуляции Платеи; когда он потребовал осуждения платейцев как виновных в измене предковским институтам Беотии, спартанские комиссары признали законность этих институтов, вынеся суровый приговор смерти нарушителям. Более того, в то время, когда господство Фив над беотийскими городами было значительно ослаблено их антиэллинским сотрудничеством с вторгшимися персами, сами спартанцы со всей своей мощью помогали им восстановить его как противовес Афинам. Эпаминонд мог доказать, что главенство Фив над беотийскими городами было краеугольным камнем федерации — правом не только древним, но и явно признанным и энергично отстаиваемым самими спартанцами. Он мог также доказать, что это право было столь же древним и законным, как и их собственное право управлять лаконскими городами, которое было завоевано и удерживалось (как хвастливо провозгласил один из лучших их воинов) исключительно благодаря спартанской доблести и остроте спартанского меча.

Эмоциональная речь такого содержания, произнесенная перед собравшимися в Спарте депутатами и обвиняющая спартанцев не только в их господстве над Грецией, но даже в их господстве внутри страны, была как бы предзнаменованием грядущих событий. Она подняла вопрос, который до этого ни один грек не осмеливался поднимать. Это было новостью, поразившей всех — вероятно, чрезмерной в глазах Каллистрата и афинян, но для самих спартанцев невыносимо болезненной и оскорбительной. У них уже был долгий список неприязни, который нужно было уладить с Фивами; их собственное правонарушение, когда они захватили Кадмею; их последующее унижение, когда они потеряли ее и не смогли вернуть; их недавние неудачи и провалы в последние семь лет войны против Афин и Фив. Чтобы усугубить эту глубоко укоренившуюся череду враждебных ассоциаций, их гордость была теперь уязвлена в неожиданном месте, самом чувствительном из всех. Агесилай, переполненный национальным чувством, которое в сознании спартанца считалось первой из добродетелей, был уязвлен до самой глубины души. Будь он афинским оратором, подобным Каллистрату, его гнев нашел бы выход в оживленной речи. Но царь Спарты

стремился лишь покончить с этими оскорбительными дискуссиями с презрительной резкостью, не оставляя самонадеянным фиванцам никакого среднего пути между смиренным отказом и признанием вражды. Возмущенно вскочив со своего места, он сказал Эпаминонду: «Говори прямо: ты оставишь каждому из беотийских городов отдельную автономию или нет?» На что тот ответил: «А ты оставишь автономию каждому из лаконских городов?» Не сказав ни слова, Агесилай немедленно велел вычеркнуть имя фиванцев из списка и объявил их исключенными из договора.

Так закончился этот памятный конгресс в Спарте в июне 371 года до н. э. Между спартанцами и афинянами и их союзниками был заключен мир. Но фиванцы были исключены, и их представители вернулись домой (если верить Ксенофону) удрученные и печальные. Однако такой человек, как Эпаминонд, наверняка хорошо понимал, что ни его требования, ни его аргументы не будут приняты Спартой. Поэтому, если он был разочарован результатом, то только потому, что рассчитывал на поддержку афинян или других, но не получил ее.

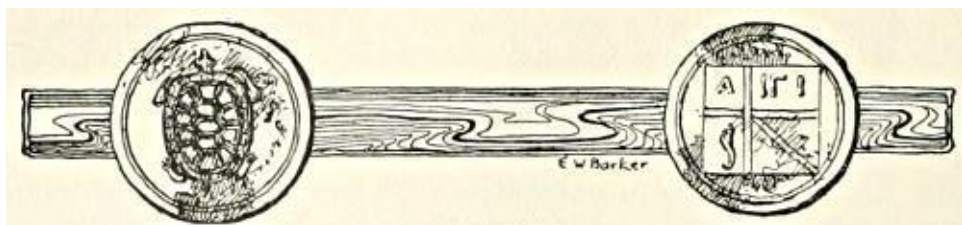
АТЕНЫ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ТЕБ

На протяжении всего конгресса афинские депутаты скорее были настроены против Фив, чем в их пользу. Из-за своей симпатии к платейцам они не были склонны поддерживать президентские претензии Фив, хотя в целом в политических интересах Афин было сохранение Беотийского союза как оплота против Спарты. Тем не менее, отношения Афин с Фивами после конгресса, как и до него, оставались дружескими, но скорее номинальными, чем искренними. Фивы находились в состоянии войны только со Спартой и ее союзниками, не имея ни одного союзника. В целом Каллистрат и его коллеги проявили большую осторожность и успешно отстояли интересы Афин на этом конгрессе. Они вывели Афины из союза с Фивами, который был заключен семь лет назад из-за общего страха и неприязни к Спарте, но который больше не имел достаточных оснований, чтобы оправдать затраты на продолжение войны; в то же время выход из союза был осуществлен без нарушения добросовестности. За последние семь лет войны Афины получили значительные выгоды. Они приобрели большую морскую мощь и союзников на море, в то время как их враги, спартанцы, потеряли свою морскую мощь в той же пропорции. Афины теперь были доминирующим лидером морской и островной Греции, в то время как Спарта по-прежнему оставалась ведущей силой на суше — но только на суше; между ними было установлено молчаливое партнерство, при котором каждая сторона признавала другую в своей половине эллинской гегемонии. Более того, Афины проявили благоразумие, определив свою долю и выйдя из игры, когда их приобретения достигли максимума, не рискуя будущими непредвиденными обстоятельствами.^e

СНОСКИ

---

^[11] [То есть объединение группы поселений в один город или столицу.]

ГРЕЧЕСКИЕ ПЕЧАТИ

ГЛАВА XLV. ДЕНЬ ЭПАМИНОНДА

Спарта столкнулась не с новым врагом, а со старым, который обрел новую силу в городе Фивы. В этом городе появился необыкновенный человек, который своим влиянием поднял свой народ на вершину греческой политики. Этот человек был Эпаминонд, безусловно, один из величайших людей — некоторые считают его даже величайшим — которых когда-либо производила Греция.

Были философские историки, которые сомневались в влиянии отдельного человека на ход человеческих событий. Согласно одной точке зрения, всегда события создают человека, великий человек появляется, когда он нужен, и потому что он нужен. Но такие случаи, как случай Эпаминонда, плохо согласуются с этой теорией. Ничто не кажется более очевидным, чем то, что Фивы приобрели большое влияние и отняли скипетр власти у Спарты исключительно потому, что великий полководец Эпаминонд случайно был фиванцем. Ведь совершенно бесспорно, что во все предыдущие годы, когда Фивы постоянно участвовали в греческих войнах, они занимали подчиненное положение, и столь же очевидно, что они сразу же впали в относительную незначительность, как только Эпаминонд умер.

Именно Эпаминонд лично возглавил фиванцев в сражении со спартанцами, в первом бою, в котором спартанская армия была разгромлена в открытом бою, и успех Эпаминонда, вероятно, был обусловлен тем, что его гений разработал новую форму тактики. Метод сгущения тяжеловооруженных солдат в то, что впоследствии стало известно как македонская фаланга — оружие, с помощью которого Александр одержал свои победы, — как говорят, действительно был придуман Эпаминондом. Филипп Македонский, который впоследствии стал повелителем Греции, в детстве был пленником в Фивах, и предполагается, что именно там он зародил идею, которая впоследствии, когда была воплощена в жизнь, позволила его македонским воинам разгромить истинных греков так же легко, как в прежние времена греки разгромили персов. Что еще Филипп мог почерпнуть из опыта Эпаминонда, сказать трудно, но с этой точки зрения становится ясно, что гений великого фиванского полководца, возможно, сыграл гораздо более важную роль в истории окончательного поражения Греции, чем может показаться на первый взгляд.

Однако, если отбросить в сторону такие неосязаемые ассоциации, становится ясно, что слава Эпаминонда пострадала из-за относительной незначительности эпохи, в которой он жил. Историки по общему согласию отводят ему первое место среди великих греков, но для большинства читателей, для которых такие имена, как Фемистокл, Перикл и Александр, являются привычными, имя Эпаминонда почти неизвестно. Это пренебрежение было неизбежным, поскольку события, в которых фигурировал этот герой, были событиями заката великой нации ( ); событиями, которые, далеко не способствуя укреплению греческой мощи, были лишь последними подготовительными этапами к окончательному падению. Странно думать о том, что период между окончанием Пелопоннесской войны и окончательным завоеванием Греции Филиппом Македонским был дольше, чем весь период правления Перикла. Эта эпоха отделена от золотого века греческой культуры лишь одним поколением, но как странно отличается ее значение для последующих поколений. Гордая Афина теперь является домом для разбитого и унылого народа. Спарта, после короткого момента славы, лежит в прахе. Восход Фив не был более стремительным, чем их падение.

Глядя на этот период, можно почувствовать, что Греция уже перестала существовать, и все же можно усомниться, что какой-либо современный гражданин, скажем, Афин, мог вообще осознать огромные изменения, которые произошли в духе и статусе греческой

нации. В Афинах все еще были великие люди. Возможно, афинянам того времени казалось, что великих людей было столько же, сколько и раньше. Еврипид и Софокл, конечно, не оставили достойных преемников, но Аристофан прожил до позднего возраста, а в области искусства Пракситель, по мнению современников, мог легко соперничать с Фидием, в области философии и науки были такие имена, как Платон, Аристотель и Ксенофонт, а в ораторском искусстве не было ни одного имени, которое могло бы соперничать с Демосфеном.

Такие имена показывают, что греческий гений не исчез за один час. Нация, однажды достигшая величия, не может быть свергнута за одно поколение, если только все ее население не будет уничтожено или рассеяно, как это произошло с Ниневией. Тем не менее, несомненно, что афинская культура находилась в период упадка, как бы мало это ни было очевидно для современных свидетелей. Оглядываясь назад и учитывая все, что мы узнали о кажущихся неизменными пределах существования наций благодаря изучению других народов, мы приходим к выводу, что, возможно, не имело большого значения, что крепкие македонцы с севера ворвались и погасили последнюю искру афинской мощи.

Состояние Греции в это время показывает, что в ходе длительных потрясений все старые чувства и связи были утрачены, и что Греция теперь достигла точки, когда большинство государств не могли существовать без покровителя. Требовалось страшное испытание, которому греки подвергались в течение почти целого столетия, прежде чем они стали способны жить под действительно свободной федеративной конституцией, подобной Ахейскому союзу: прочному союзу в одно целое, когда изолированное существование отдельных государств стало невозможным. Состояние Греции было неописуемо печальным, и повсюду происходили самые ужасные сцены.

Спартанцы могли бы теперь наслаждаться миром, но они по-прежнему были неисправимы. Когда их преследовали большие трудности, они всегда подписывали договоры, но когда опасность миновала и договоры нужно было выполнять, они чувствовали себя неловко; они никогда не могли заставить себя проявить самоконтроль или отказаться от чего-либо. Фиванцы, казалось, были готовы принять мир, но спартанцы по-прежнему настаивали на необходимости отделения Фив от Беотии, хотя они и не брали на себя гарантии мира; в мире Анталцида они так поступили, но сейчас дело обстояло иначе. Царь Клеомброт расположил свою армию в Фокиде; эта армия должна была быть распущена, и таково было мнение нескольких разумных людей; но большинство считало, что ее следует использовать для принуждения фиванцев освободить беотийцев ( ). Правящая партия в Спарте теперь надеялась без труда заставить Фивы, которые были покинуты всеми другими греками, особенно потому, что некоторые беотийские города, такие как Орхомен, перешли на сторону Спарты. Орхоменос все еще мечтал о своем былом великолепии и славе, о мифических временах, когда Фивы были отделены от Беотии, когда Орхоменос был самым могущественным городом, а Фивы платили ему дань. Эти воспоминания лелеялись орхоменийцами с большой и нежной привязанностью, как если бы Амальфи в настоящее время желал восстановить притязания на свое бывшее величие.

СПАРТА ВТОРГАЕТСЯ В БЕОТИЮ

Поэтому Клеомброт, полный надежды, вступил в Беотию после подписания мира, требуя, чтобы Беотия выполнила условия мира и отказалась от Фив, а каждый город провозгласил свою независимость. Другие беотийские города, за исключением Орхомена и Феспий, были достаточно разумны, чтобы понять, что их зависимость от Фив с обширными правами гораздо лучше, чем независимость; и Фивы поддерживали гораздо большее число беотийцев. Тебанцы, к которым присоединились их беотийские союзники, вышли на поле

боя.^b Клеомброт, обладавший редким для спартанских полководцев военным талантом, сорвал все планы тебанцев. Вместо того чтобы идти по шоссе, он повернул на юг, разгромил фиванские войска и захватил порт Креусис с двенадцатью фиванскими триремами. Затем он двинулся на север через горы в Феспии и разбил лагерь на возвышенности в месте с незабываемым названием — Левктры.^c

К счастью для Беотии, в то время эпаминонд был беотархом. Пелопид, также беотарх, командовал *Иеросом Лохосом* [Священным отрядом], *элитой* граждан. Если бы Эпаминонд был обычным человеком, он бы почти сразу же после выхода из города повернул назад, поскольку предзнаменования, которым древние придавали такое большое значение, странным образом накопились в такой степени, что могли бы поколебать даже твердый ум, не совсем защищенный от суеверий. Например, когда армия выходила из ворот, она встретила глашатая, возвращавшего дезертира и произносившего злое слова: «Вас не следует выводить из города». Затем поднялся сильный ветер, унес ленты, которыми они украсили себя для жертвоприношения, и эти ленты зацепились за столб на могиле. Это вызвало неопишное смятение, но Эпаминонд процитировал великолепную строку из «Илиады»:

εἴς οἱωνὸς ἄριστος ἀμύνεσθαι περὶ πατρὸς!¹²²

и смело выступил в поход. Жаль, что у нас нет жизнеописания Эпаминонда, написанного Плутархом; с его беотийским патриотизмом он наверняка создал бы приятную биографию; но как он справился бы с этим, учитывая его суеверные представления, мы не знаем. Все фиванцы знали, что им предстоит сражение со спартанцами, и с тяжелым сердцем они выступили против врага, который еще ни разу не был побежден на поле боя. Но уверенность Эпаминонда была непоколебима. Хотя сам он был вооружен против всякого суеверия, он охотно позволял своим солдатам укреплять себя верой в сверхъестественные знаки ( ) и не противился распространению среди своих войск слухов о том, что доспехи Геракла исчезли из его храма в Фивах, месте рождения бога, и что, следовательно, сам бог взял в руки оружие, чтобы сражаться за своих сограждан. Он вел подготовку с полной уверенностью и делал все, что было возможно в данных обстоятельствах. Он предвидел, что спартанцы будут верить в превосходство своей тактики, поскольку общее мнение было таково, что их тактика глубоких масс была непобедима, точно так же, как верили в уставную подготовку Фридриха II после Семилетней войны, когда все государства приказали обучать свои войска в соответствии с ним, полагая, что таким образом они смогут выигрывать сражения, как он. Кроме того, Эпаминонд должен был преодолеть гордость спартанцев. Чтобы противостоять их тактике и сломить их гордость, он разработал отличное расположение войск, используя систему поражения масс еще большими массами.

БИТВА ПРИ ЛЕКУТРЕ

Спартанцы выстроились вместе со своими союзниками. Эпаминонд продвигался по косой линии, выдвигая вперед левое крыло и удерживая правое; но затем он приказал левому крылу постепенно отступать влево, и таким образом сформировал на этом крыле огромную массу. С помощью этого он теперь нанес самый энергичный удар по правому крылу врага, где были размещены сами спартанцы. Обычный полководец поступил бы наоборот, направив свои силы против той части, от которой не следовало ожидать такого мощного сопротивления. Пелопид руководил атакой и приказал массе продвигаться с огромной скоростью. Мы не знаем, верно ли утверждение, что фиванцы продвигались вглубь на пятьдесят человек. У нас есть только свидетельство Ксенофонта, но мы не видим причин его отрицать. Войска, должно быть, были отлично обучены, потому что, несмотря на плотность массива, они продвигались с такой быстротой, как будто это были легкие войска, точно так

же, как в настоящее время войска продвигаются в атаку с штыками, а не по манере фалангитов, которые в противном случае продвигались с нарочитой торжественностью. Спартанцы сделали умелый ход: чтобы не быть обойденными с фланга, они повернули направо, намереваясь бросить свою кавалерию на правое крыло беотийцев. Но беотийцы атаковали с такой точностью и быстротой, что, опередив их, разгромили лакедемонян и спартанцев. Там пал Клеомброт, и спартанцы были разгромлены так решительно, как только было возможно. Армия, конечно, не распалась, но было абсолютно невозможно найти какой-либо повод, чтобы сказать, что они одержали победу в каком-либо месте, в чем греки обычно были чрезвычайно изобретательны. Требуется пристрастность Ксенофонта, чтобы оставить нерешенным вопрос о том, были ли спартанцы разгромлены.^[13]

После битвы они, по-видимому, оставались вместе некоторое время, но среди них не было никого, кто мог бы взять на себя командование. Между тем, поскольку в Спарту поступило сообщение о сопротивлении беотийцев, другая спартанская армия под командованием Архидама, сына Агесилая, перешла через Истм и теперь приближалась, но обнаружила, что спартанцы уже потерпели поражение. Все, что он мог сделать, это собрать остатки разгромленной армии и вернуться с ними. По-видимому, они осуществили отступление под защитой перемирия. Единственными союзниками фиванцев в битве при Левктрах были фессалийские войска принца Ясона из Фера: одно из явлений эпохи, когда старый порядок вещей исчез, а новые институты были сформированы.

Если верить Диодору, битва при Леуктрах была прямым наказанием за клятвопреступление: Клеомброт, как говорят, заключил перемирие с фиванцами, но по прибытии подкрепления из Пелопоннеса нарушил его. Одно из этих повествований должно быть ложным, либо его, либо Ксенофонта; если подкрепление под командованием Архидама прибыло до битвы, то рассказ Ксенофонта необходимо отвергнуть. Клеомброт, возможно, постигло то особенное несчастье, которое случается со многими неудачниками: все плохое и позорное приписывается ему. Еще больше склоняет нас к недоверию к рассказу Диодора то, что если Архидам присутствовал на сражении, то нельзя было сказать, что после сражения спартанская армия осталась без полководца. Диодор, вероятно, слишком охотно подхватил рассказ, который возлагает вину на спартанцев; он был придуман либо Эфором, либо Каллисфеном.

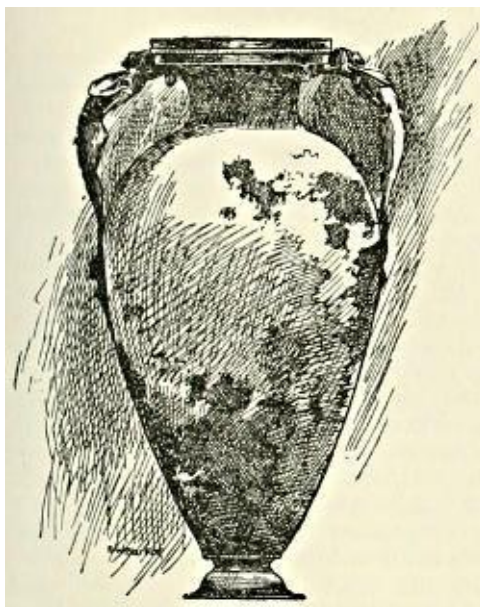
Потери спартанцев в сражении оцениваются по-разному. По одним данным, они составили 4000 человек, включая, помимо лакедемонян и спартанцев, всех остальных союзников; другие упоминают только 1000 убитых, в число которых входили только лакедемоняне; еще другие оценивают их число в 1700 человек; но эта последняя цифра является ошибочной, как правильно заметил Шнайдер в примечании к Ксенофону, и возникла в результате поспешного взгляда на цифры, написанные буквами греческого алфавита. Мы можем считать само собой разумеющимся, что в сражении пало не менее 1000 лакедемонян; но включает ли эта цифра спартанцев или нет, — это вопрос, на который невозможно ответить. Но факт остается фактом: число спартанцев было настолько мало, что сила спартанских граждан как целого была полностью парализована поражением в этой битве. Когда-то было 9000 граждан, впоследствии их число, по некоторым данным, достигло 8000, но в то время не могло быть и 1000 настоящих граждан, а еще позже их осталось всего 700. В Левктрах погибли несколько сотен из них. Древние спартанские граждане, безусловно, не были более многочисленны, чем веницианская *знать*. Теперь они должны были ощутить на себе последствия своей жалкой эгоистичной политики ( ), которая с такой ревностью предоставляла право голоса перизкам, что исключала из него многих выдающихся людей как непригодных и недостойных, лишая их всякой надежды на его получение.

Вся Греция была потрясена известием об этой победе; казалось невозможным, что Спарта могла быть разгромлена на поле боя. Сами спартанцы были совершенно подавлены. Их союзники отвернулись от них, и в мгновение ока все государства Пелопоннеса, которые до сих пор следовали их знаменам, разорвали с ними связи и провозгласили свою независимость; фокийцы, локрийцы и другие союзники за Истмом немедленно заключили мир и союз с беотийцами. Не прошло и полутора лет, возможно, это было даже той же зимой после битвы при Левктрах, когда беотийцы вторглись в Пелопоннес. Спартанцы были охвачены паникой и отступили. Беотийцы провозгласили себя защитниками свободы, и нет сомнений, что личные качества и выдающиеся способности Эпаминонда повсюду вызывали большое доверие, в то время как национальный характер фиванцев, безусловно, вызывал противоположные чувства.^b

ЗНАЧЕНИЕ ЛЕВКТРЫ

Битва при Левктрах, безусловно, была одной из тех битв, которые решают судьбу стран и дают новый поворот истории. Она не только выдвинула на первый план выдающегося по величии лидера во главе новой и ревностной нации, но и привела к полному краху Спарты. Она сделала возможным первое вторжение в эту страну, которая, не имея стен, чувствовала себя окруженной нерушимым гранитом в мускулах своих воинов. Другие народы Греции, несмотря на всю свою ненависть к Спарте, никогда не смогли ее завоевать. Считалось достаточной славой обогнуть Пелопоннес или основать крепость на какой-нибудь части побережья. Осталось только новому пришельцу из Фив, которого Ксенофонт даже не упоминает в своем рассказе о битве при Левктрах, вторгнуться в Спарту и доказать, что ее гранитная стена из солдат была лишь суеверием, которое рухнуло под натиском новой фиванской формации, которую современные футболисты возродили и назвали «летающим клином».

ГРЕЧЕСКАЯ ВАЗА

(В Британском музее)

Битва при Леуктрах важна тем, что показывает, что курс греческой империи принимал северное направление. На этом пути Фивы были лишь ступенькой к Македонии. Выйдя за

пределы небольшого полуострова, на котором она до сих пор обитала, греческая амбиция заключалась в том, чтобы найти себя на неограниченном поле завоеваний, откуда она обратилась бы не логически на запад, где Рим был молодым и бесславным, а на восток, с его древней и гнилой цивилизацией и накопленным богатством.

Однако на данный момент достаточно осознать, что Спарта пала и больше никогда не поднимет голову. Вспоминая все лучшее в спартанской жизни и спартанской философии, нельзя не испытывать глубокого сожаления. Кажется, настал момент для элегии. Но для некоторых историков, которые видят в Спарте в лучшем случае только тупую гору консерватизма, а в худшем — чудовище лицемерия, жестокости и инертности, кажется, настал момент для радости, что с греческого герба снято пятно. Никто не бывает более суров и красноречив, чем Кокс, который в свою защиту говорит: «Меня обвиняют в чрезмерной строгости по отношению к Спарте. Я с удовольствием согласился бы с этим, но пока я не убежден в этом, я не могу изменить своих слов». Затем он приступает к яркой филиппике, из которой мы можем процитировать следующий отрывок:

«Так закончилась битва, которая сделала Эпаминонда первым полководцем своего времени, и так пала держава, которая вполне заслужила право на стабильность, если жестокая тирания и попираание законов могли дать такое право. Ликурговская дисциплина, которая подавила все, что придавало Афинам изящество и красоту жизни, действительно была бы малоценна, если бы она не создала видимость безразличия, которое рассматривало более щедрые и нежные инстинкты человечества как худшие из пороков.

«Таким образом, был сыгран еще один акт в великой драме, и весь эллинский мир наконец понял, что обещания свободы, данные Спартой, были с самого начала и до конца ложью — ложью, сначала скудно завуалированной риторикой Брасидаса, но впоследствии высказанной с неприкрытой наглостью. Она не выполнила ни одного обещания, не сняла ни одного бремени, не исправила ни одного злоупотребления. Она приветствовала падение Афин как начало золотого века для Эллады, и для его осуществления она помогала и поощряла своих победоносных полководцев в создании повсюду обществ убийц. Ее враги были повержены, и она попирала их без тени сострадания. Ее союзники были слишком подавлены осознанием своей неполноценности, чтобы действительно оспаривать ее волю, а она отказывалась делиться добычей со своими партнерами по грабегам. Она свергла афинскую империю с судами, которые, по крайней мере, предлагали свободным или подчиненным союзникам средства для исправления нанесенных или полученных обид; и в целях улучшения положения она с гигантской жестокостью напустила на них толпу алчных и похотливых тиранов, против которых она не хотела слышать никаких жалоб.

«Короче говоря, господство Спарты с самого начала и до конца было господством высокомерного насилия и незаконной тирании. И оно не могло быть иным, чем было. Много говорилось о золотых возможностях, которые предоставил Спарте ход событий и которые она сознательно упустила, возможностях, представившихся сначала в виде неограниченной свободы действий после захвата афинского флота в Эгоспотами, а затем, когда возвращение киренских греков поставило ее во главе великолепной армии в ее невольном конфликте с персидским царем. Но на самом деле абсурдно говорить о возможностях наслаждаться прекраснейшими пейзажами человеку, который убил в себе всякое чувство красоты, о возможностях для великодушных поступков человеку, вся жизнь которого является проявлением неизменного и последовательного эгоизма. Будь то после Эгоспотами или после возвращения Десяти тысяч, для Спарты ( ) было невозможно сделать что-либо для создания настоящего пангелленского союза, другими словами, настоящей греческой нации, без более или менее значительного возвращения к делам Афин.

Возвращение к любой такой системе было бы для спартанцев тем же, чем смена кожи для эфиопа или пятен для леопарда».

Прежде чем вернуться к растущей славе Эпаминонда, необходимо сделать паузу, чтобы отметить внезапное явление уникального гения, Ясона из Фера, который вспыхивает и поражает Грецию, но сразу же угасает. Он является яркой личностью и важен как предупреждающая вспышка непреодолимой бури, поднимающейся на севере.^a

ЯСОН ФЕРСКИЙ

Известие о роковом ударе при Левктрах, донесенное до Лакедемона, было встречено с большой великодушием и со всей той притворной безразличностью, которую предписывали установления Ликурга. Это случилось в последний день праздника, называемого «Голые игры»; и хор мужчин был на сцене перед собравшимся народом, когда прибыл офицер, ответственный за доставку депеш. Эфоры присутствовали, как того требовала их официальная обязанность, и им были переданы депеши. Не прерывая развлечений ( ), они сообщили имена убитых их родственникам, добавив предупреждение, что женщины должны избегать обычного громкого плача и молча переносить беду. На следующий день все родственники погибших, как обычно, появились на публике, ведя себя торжественно и триумфально, в то время как немногие родственники выживших, которые показались на улице, тщательно демонстрировали в своем поведении унижение и уныние.

Это была значительная часть лучших сил республики, которая после столь больших потерь в битве оставалась в опасности, которую в тот момент было невозможно оценить. Поэтому нужно было приложить все усилия, чтобы спасти ее. Из шести моров, на которые для военных целей был разделен лакедемонский народ, мужчины четырех, в возрасте до тридцати лет после юности (таков был срок, означавший, вероятно, возраст около четырнадцати лет), выступили под командованием Клеомброта; однако исключение составляли те, кто в то время занимал какую-либо государственную должность. Эфоры приказали оставшимся двум морам выступить вместе с отсутствующими морями в возрасте до сорока лет, не делая исключений для тех, кто занимал должности. Командование, поскольку Агесилай еще не оправился достаточно, чтобы взять его на себя, было поручено его сыну Архидаму. Одновременно были ускорены запросы о помощи союзников: интересы Лакедемона, противоположные притязаниям и предполагаемым целям Фив, преобладали в Тегее, Мантинее, Флии, Коринфе, Сикионе и во всех ахейских городах, так что из всех этих мест контингент войск был отправлен с готовностью.

Тем временем ведущие фиванцы, желая сделать комплимент, который мог бы способствовать их интересам в Афинах, поспешили туда с известием о своем блестящем успехе. Но впечатление, произведенное этим сообщением, было неблагоприятным для их взглядов: напротив, оно показало, что ревность, ранее столь широко распространенная среди афинян по отношению к Лакедемону, уже перенеслась на Фивы. Таким образом, непрекращающиеся споры между греческими республиками, которые, безусловно, были источником прочной славы для некоторых, не приносили, однако, ни прочной власти, ни прочного мира никому; напротив, они постоянно порождали новые разногласия и постоянно ослабляли народ. Помощь Лакедемону в его неотложной опасности пришла не от его собственных усилий, не от интереса, который все греческие республики имели в том, чтобы не дать Фивам приобрести то господство, которым Лакедемон угнетал их, а от силы, недавно возникшей или возродившейся в уголке страны, откуда на протяжении веков Греция не привыкла опасаться чего-либо грозного.

Ясон из Фера в Фессалии был одним из тех необыкновенных людей, в которых иногда сочетаются превосходные умственные и физические способности. Он был создан, чтобы

быть героем, если бы жил в эпоху Ахилла, а как политик мог бы соперничать с Фемистоклом или Периклом. Он имел преимущество, родившись в знатной семье в своем городе, одном из главных в Фессалии, и, по-видимому, приобрел там большую популярность. О ранних годах его жизни мало что известно, но мы находим упоминание о нем как о генерале ферийцев примерно за шесть лет до битвы при Левктрах, когда он командовал войсками, посланными на помощь Неогену, главе Гистиии в Эвбее. В междоусобных распрях в Фессалии стало обычным делом нанимать наемные войска. Ясон отличался усердием в обучении таких войск, мужеством и умением командовать ими, а также искусством привязывать их к своим интересам.

О состоянии Фессалии в это время в целом мы можем составить некоторое представление из того, что современный историк [Ксенофонт] рассказал о Фарсале ( ), одном из самых значительных городов этой страны. Лидеры фракций, раздиравших Фарсал, уставшие от разрушительной борьбы, пришли к необычному соглашению. К счастью, у них был согражданин, Полидам, известный во всей Фессалии своим высоким происхождением, обширными владениями и тем великолепным гостеприимством, которым славилась фессалийцы, но еще более известный своей честностью. Фарсальцы доверили этому человеку командование своей цитаделью и исключительное управление государственными доходами, предоставив ему в целом княжескую власть. На этой необычной должности Полидамас имел счастье преуспеть во всем, кроме противостояния амбициям слишком политичного и могущественного Ясона.

Тиран или патриот, как угодно, в своем родном городе Ферах Ясон приступил к подчинению большинства фессалийских городов, одних с помощью политики, других с помощью оружия, под власть, которая в Греции обычно называлась конфедерацией. Сила Фарсала, направляемая способностями Полидама, была использована для их защиты. Но сам Фарсал был под угрозой, когда Иасон направил предложение о встрече с вождем, которое было принято. На этой встрече ферийский вождь заявил о своем «намерении подчинить Фарсал и города, зависимые от Фарсала, себе», но при этом объявил, что «желает достичь этого скорее путем переговоров, чем с помощью насилия, и с пользой для Полидама, а не в его ущерб». Полидамас, — сказал он, — в силах убедить фарсальцев, но он не в силах защитить их, о чем достаточно свидетельствуют результаты всех его недавних усилий. Что касается него самого, то он решил занять первое место в Греции, а второе предложил Полидамасу. Какими будут их преимущества в случае политического союза, могли оценить как Полидамас, так и он сам.

«Кавалерия Фессалии насчитывала шесть тысяч человек; тяжеловооруженная пехота превышала десять тысяч; многочисленные жители окружающих гор, подданные фессалийских городов, были отличными стрелками. В дополнение к этой силе у него было шесть тысяч наемников на его службе; такое войско, по выбору людей и совершенству дисциплины, не было ни в одном греческом государстве. Но связь с Афинами не соответствовала его взглядам, поскольку афиняне стремились быть первой морской державой Греции, а он хотел сделать Фессалию первой. Три необходимыми условиями для морской мощи были древесина, рабочая сила и доходы. Первое Афины получали из Македонии, которая была гораздо более удобна для снабжения Фессалии. Второе — их подданные из Пенестии были ресурсом, которому Афины не имели равных». (Пенесты были завоеванным народом, приведенным в состояние своего рода вассальства под властью фессалийцев, для которых они выполняли подчиненные и тяжелые обязанности, но не находились в таком суровом и унижительном рабстве, как гелоты Лаконии ( ), поскольку мы видим, что они были допущены к военной службе в кавалерии, которая, как правило, считалась среди греков доступной только гражданам, занимавшим положение выше самого низкого.

Тессалийские республики, всегда признававшие некие общие узы союза, имели обыкновение назначать для чрезвычайных случаев общего военного командующего, генерал-капитана тессалийского народа, с титулом Тагус. Именно к этому высокому званию и великому командованию стремился Ясон, и, по-видимому, для этого было необходимо одобрение фарсалийского правительства. Но он был далек от того, чтобы ограничивать свои взгляды этим. Даже командование всей Грецией не удовлетворяло его амбиций. «То, что вся Греция может быть подчинена их владычеству, — заметил он Полидаму, — казалось вероятным из того, что он уже сказал: но он считал завоевание Персидской империи еще более легким достижением; практическое доказательство этого давали возвращение киреанских греков и большие успехи, достигнутые Агесилаем с очень небольшими силами, что делало это уже не просто предметом спекуляций».

Полидамас в ответ признал справедливость рассуждений Ясона, но сослался на свои связи с Лакедемоном, которые он ни за что не хотел предавать, как на препятствие, которое казалось ему непреодолимым. Иасон, похвалив его за верность своим обязательствам, с готовностью согласился, чтобы он отправился в Лакедемон и изложил свои обстоятельства; и если он не сможет получить помощь, которая дала бы ему разумную надежду на успешное сопротивление, то он будет явно оправдан как перед своими союзниками, так и перед своими согражданами, приняв предложенное ему предложение. Полидамас, вернувшись в Фессалию, попросил и получил от Ясона разрешение оставить под своим личным командованием цитадель Фарсала, которая была с такой честью доверена его заботе. В качестве гарантии своей верности новым обязательствам он отдал своих детей в заложники. Фарсальцы, убежденные согласиться, были приняты на условиях мира и дружбы Иасоном, который затем был избран без противодействия тагом Фессалии.

Первой задачей Иасона на его высоком посту было выяснить, какую армию может предоставить вся страна, теперь признавшая его своим конституционным военачальником, и оказалось, что она насчитывала более восьми тысяч всадников, двадцать тысяч тяжеловооруженных пехотинцев и, по выражению современного историка, достаточное количество копейщиков, чтобы воевать со всем миром. Следующей его заботой были доходы, которые могли бы дать ему возможность придать энергию этой армии. Ясон был амбициозен, но не алчен, и он хотел иметь лояльных подданных. Поэтому он требовал от зависимых государств вокруг Фессалии только ту дань, которая была ранее установлена под властью тагуса Скопаса. Во время битвы при Левктрах Ясон уже был этим грозным правителем и находился в союзе с Фивами. Поэтому, когда фиванцы отправили афинскому народу отчет об этом великолепном сражении, они не преминули сообщить об этом и тигу Тессалии, добавив просьбу о его содействии в полном свержении тирании, столь долгое время осуществлявшейся лакедемонянами над греческим народом. Обстоятельства были таковы, что Иасон не мог остаться равнодушным. Приказав оснастить флот, он встал во главе своих наемников, своей постоянной армии, и, взяв с собой кавалерию, которая была в тот момент под его командованием, начал свой поход. Он достиг Беотии без потерь, продемонстрировав, как отмечает современный историк, что быстрота действий часто может быть более эффективной, чем сила.

Ясон, союзник Фив, был связан с Лакедемоном не политическим союзом, а общественным и наследственным гостеприимством. Довольный унижением своих хозяев, он не желал, чтобы его союзники стали слишком могущественными. Поэтому, достигнув лагеря фиванцев, он возразил против предложения фиванских полководцев немедленно атаковать лакедемонян и стал советником мира; действуя в качестве посредника, он быстро добился успеха и добился перемирия. Лакедемоняне поспешили воспользоваться возможностью, чтобы добраться до безопасного места. Джейсон, выступив таким образом в роли арбитра Греции, поспешил вернуться в Фессалию. Проходя через враждебную провинцию Фокиду,

имея время для осуществления своей мести, для которой ему раньше не хватало сил, он ограничился небольшим городком Гиамполис, опустошив его пригороды и территорию и убив многих жителей. Затем предстояло пройти мимо лакедемонской колонии Гераклея. Он служил Лакедемону в Леуктре, потому что считал это в своих интересах, и без колебаний и страха нанес ущерб Лакедемону в его колонии Гераклея, потому что процветание этой колонии мешало его планам. Гераклея находилась в очень важном месте, контролируя единственную легко проходимую дорогу между странами на севере и юге. Поэтому он разрушил укрепления.

ГРЕЧЕСКИЙ ЛУЧНИК

Явно являясь теперь величайшим правителем Греции, могущественным не только благодаря своей собственной силе, но и благодаря многочисленным союзам, в то время как со всех сторон его союзников пытались привлечь на свою сторону, Ясон предложил продемонстрировать свое величие на приближающихся Пифийских играх. Он приказал всем республикам, подчинявшимся власти тагуса Фессалии, откормить быков, овец, коз и свиней для жертвоприношений, и предложил в награду золотую корону тому государству, которое предоставит лучшего быка, чтобы вести стадо к богу. Благодаря очень легкому налогу, взимаемому с каждого из них, он собрал более тысячи быков и десять тысяч мелкого рогатого скота. Он назначил день, немного предшествующий празднику, для сбора вооруженных сил Фессалии, и в Греции ожидали, что он возьмет на себя президентство. Возникло опасение, что он может захватить сокровища Дельф, так что дельфийцы обратились к своему оракулу за указаниями от бога по этому поводу. Согласно сообщениям, ответ был похож на тот, который был дан их предкам, когда Ксеркс вторгся в Грецию: «забота о сокровищах будет делом самого бога».

До наступления периода великолепных представлений этот необыкновенный человек, после смотра ферийской кавалерии, сидя и принимая всех, кто хотел с ним поговорить, был убит семью молодыми людьми, которые подошли к нему под предлогом обсуждения спорного вопроса. Присутствующие стражники или друзья тагаса убили одного из них на месте, а другого — когда тот садился на лошадь; но остальные воспользовались суматохой момента и возможностями, которые обычно предоставляли обстоятельства во всей Греции, и им удалось скрыться. Что послужило поводом для этого убийства и какую выгоду от него предполагали получить, нам не известно. Нет никаких признаков политических мотивов: историк не отмечает никаких попыток революции, но то, что он упоминает,

свидетельствует о популярности Ясона среди фессалийцев, а также о недостатке представлений о морали и истинной политике, которые в целом преобладали в Греции. Братья покойного, Полидор и Полифрон, были назначены совместно преемниками титула тагаса: убийцы не смогли найти убежища в Фессалии, но в различных городах других частей Греции их приняли с почестями: это, по словам современного историка, свидетельствует о том, насколько сильно опасались, что Ясон достигнет своей цели и станет правителем страны. Таково было несчастное положение Греции: в условиях слабости ее маленьких республик люди были вынуждены одобрять самые гнусные средства, когда другие перспективы не срабатывали, чтобы избавиться от своих страхов и обеспечить себе безопасность в настоящем. Таким образом, убийство стало настолько общепризнанным, или, по крайней мере, настолько мало предосудительным, что преступникам всегда давалась надежда на спасение благодаря быстрому бегству.^е

ФОН ШТЕРН О ПОЛИТИКЕ ФЕБА

В работах Лахмана, Куртиуса и других авторов мы сталкиваемся с представлением, что Эпаминонд начал освободительную войну против Спарты как грек, а не в интересах одной только Беотии, и что благополучие или бедствие всего греческого народа было главным мотивом всего, что он делал или не делал. Поскольку гегемония Беотии (рассматриваемая в этом аспекте как результат самых благородных панеллинских устремлений) является для наших историков полюсом и центром их взгляда на последующий период, мы можем легко увидеть первостепенную важность принятия или отрицания таких устремлений для общего блага Греции при формировании мнения об этой части истории. Поэтому становится обязательным более тщательно изучить этот вопрос.

Никто никогда не оспаривал, что до битвы при Левктрах фиванцы никогда не имели возможности или повода обратить свое внимание и свои силы на более широкое поле для проявления патриотизма. Какую железную настойчивость они были вынуждены проявлять, какие испытания им пришлось перенести, чтобы сохранить свое существование и реализовать местное единство, к которому они стремились! Маловероятно и невозможно, чтобы в эти годы борьбы за освобождение от спартанского господства, в ходе борьбы, исход которой постоянно оставался неопределенным, они лелеяли планы на благо всей Греции. Целенаправленная цель, к которой они стремились, не сворачивая ни вправо, ни влево, доказывает, насколько острой была дальновидность и насколько решительной была программа фиванских лидеров, и в то же время показывает, как мало места они уделяли пустым мечтам и иллюзиям, которые неизменно влекут за собой некоторое пренебрежение потребностями момента.

Таким образом, битва при Левктрах знаменует собой важный поворотный момент в глазах вышеупомянутых ученых. «Победа, — говорит Куртий, — должна была рассматриваться как национальный акт, от которого все греки должны были извлечь выгоду», — отсюда и посылка посольств с поля битвы в Афины и Фессалию. Но действительно ли желание быть признанным благодетелем всей Эллады было истинным мотивом отправки этих послов? Фивы действительно одержали победу, но вражеская армия была далека от уничтожения и по-прежнему занимала страну в огромном количестве. Изолированные и лишенные союзников, Фивы едва ли могли надеяться на то, что смогут обеспечить плоды своей победы, если не сумеют теперь завоевать могущественных союзников. Позиция Афин, естественно, имела первостепенное значение. Для Фив было крайне важно помешать союзу между Спартой и Афинами и, по возможности, заручиться поддержкой своего могущественного соседа.

Настроение Афин не благоприятствовало таким усилиям. Если осознание того, что мир был для них первоочередной необходимостью, заставляло афинян не желать новых трудностей ради Спарты, то они тем более не чувствовали себя обязанными поддерживать дело Фив. Посольство оказалось безрезультатным. Миссия в Фессалию была более успешной, поскольку Иасон из Фера быстро подготовился прийти на помощь. Фиванцы не осмеливались атаковать лагерь врага до его прибытия, и когда он появился в Беотии с армией, они умоляли его предпринять совместный с ними штурм. Но даже тогда одного только упоминания с его стороны о трудностях, стоящих на пути, было достаточно, чтобы отвратить фиванцев от их замысла и побудить их согласиться на его предложения о посредничестве. Мы видим, что они были далеки от ощущения себя хозяевами положения; только уход спартанской армии, казалось им, мог обеспечить безопасность их собственного положения, которое было первым плодом их победы.

[371-370 гг. до н. э.]

Кроме того, Фивы должны были преодолеть последнее сопротивление беотийскому единству в пределах своих границ. Теспии и Орхомен должны были быть подчинены силой, прежде чем можно было думать о дальнейшем продвижении. Следующие шаги были естественно предприняты с целью объединения государств средней Греции; и путем заключения договоров с Фокидой, Локридой, Этолией и Акарнанией, которые признали право победителя при Левктрах быть главой и вождем новой амфикионии, Фивы стремились достичь положения, на которое их успех давал им наилучшее право. Но кажется крайне маловероятным, что во всех этих действиях Фивы имели в виду интересы всей Греции, что они лелеяли идею национального восстания против спартанского гнета, что, расширяя свое господство, они стремились исправить несправедливость, причиненную другим грекам в прежние времена Спартой, и что, как предполагает Куртий, проект восстановления Мессении был уже окончательно сформулирован. Фиванские лидеры не могли не замечать, что борьба со Спартой отнюдь не закончилась битвой при Левктрах, но политические условия того времени не давали им пока возможности сформировать определенные решения и планы относительно того, как достичь этой цели. Куртий, несомненно, заходит слишком далеко, когда предполагает, что в то время Эпаминонд был единственным хозяином положения и контролировал судьбы греков. Фиванцы даже не рискнули перенести борьбу на пелопоннесскую землю и лишить Беотию ее войск из-за угрожающей позиции, занятой Иасоном из Фера на севере.

Тиран был якобы союзником фиванцев, но его амбиции и независимые планы становились все более заметными. Уходя из Беотии после битвы при Левктрах, он захватил Гераклею и разрушил городские стены; он не хотел, чтобы кто-либо мог помешать ему свободно входить в Элладу. Теперь, летом 370 года, он собирал великолепную армию для участия в Пифийских играх в Дельфах. Его цель заключалась не только в том, чтобы продемонстрировать свою царскую власть. Дельфы, резиденция и центр амфикионов, всегда были связующим звеном между Фессалией и другими греческими государствами. Своим великолепным поклонением богу в жертвенном шествии Ясон намеревался возобновить старые, утратившие силу отношения; опираясь на то, что фессалийские племена составляли большинство в древнем амфикионском совете, он хотел узурпировать опеку над оракулом и управление играми, а также обеспечить себе влияние в греческой политике, соразмерное его могуществу. Большой отряд войск, который должен был сопровождать его в этой процессии, достаточно подчеркивал эти притязания и требования. Северные греки не были не осведомлены об угрожавшей им опасности — как, по всей вероятности, и фиванцы. Рассказ Ксенофонта вполне доказывает, с каким опасением они следили за его шагами и как велико было беспокойство среди жителей северной Греции.

Внезапная смерть Ясона стала для эллинов избавлением от кошмара, а тот факт, что его убийцы были прославлены как спасители от тирании и угнетения, является несомненным свидетельством настроений, вызванных в Греции его последним предприятием. Но для Фив и союза средней Греции было абсолютно невозможно вести войну против Спарты на Пелопоннесе, пока Ясон планировал свой поход на Дельфы. Они не могли вывести войска из Беотии, не рискуя тем, что он воспользуется этим обстоятельством, чтобы в полной мере реализовать свои амбициозные планы. [a](#)

КОНГРЕСС В АФИНАХ

Недоброжелательность, с которой в Афинах восприняли известие о битве при Левктрах, по-видимому, была вызвана лишь давней ревностью и враждебностью, с которыми афиняне привыкли относиться к своим северным соседям и которые возродились, как только дела Фив пошли в гору. Ведь в самом событии, с точки зрения их собственных интересов, они не могли увидеть ничего прискорбного. И они без промедления приступили к тому, чтобы воспользоваться ударом, нанесенным влиянию Спарты. По-видимому, во всей Греции, и не в последнюю очередь в самой Спарте, преобладало мнение, что спартанская мощь понесла смертельный удар; и Ксенофонт дает понять, что афиняне были удивлены, обнаружив, что некоторые из пелопоннесских государств все еще придерживались прежнего главы своего союза. Они верили, что настало время, когда Афины могут занять место Спарты в качестве хранителя мира Анталкидаса и перенять все преимущества, которые их соперник извлек из этого титула. Поэтому они созвали в своем городе конгресс, на который пригласили представителей не только своих старых союзников, но и всех государств Греции, которые были готовы принять мир Анталкидаса в качестве основы своих взаимных отношений. По-видимому, на конгрессе присутствовали многие, если не большинство членов Пелопоннесского союза, и резолюция, принятая в виде клятвы, которой каждое государство должно было ратифицировать договор, была сформулирована следующим образом: «Я буду соблюдать договор, ниспосланный царем, и декреты афинян и их союзников, и если на какое-либо из государств, давших эту клятву, будет совершено нападение, я буду помогать ему всеми силами». Таким образом, Афины смогли добиться большей гарантии выполнения договора, чем на последнем съезде, созванном с той же целью в Спарте, где ни одна из сторон не была обязана обеспечивать его соблюдение силой оружия; и все же обязательство о взаимной защите теперь подвергало тех, кто его принял, опасности конфликта как со Спартой, так и с Фивами. Элида с радостью присоединилась бы к союзу, который отделил бы ее от Спарты и мог бы защитить ее, но она не хотела отказываться от своих притязаний на суверенитет над трифилийскими городами. Конгресс, с другой стороны, постановил, что каждый город, большой или маленький, должен быть одинаково независимым, и по всему региону были разсланы комиссары, чтобы получить соответствующую клятву от магистратов каждого государства. По словам Ксенофонта, ее приняли все, кроме элейцев.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ МАНТИНЕИ

Нам было бы интересно узнать, какие из пелопоннесских государств присоединились к этому союзу. Но вся информация, которую Ксенофонт дает по этому поводу, позволяет нам только сделать вывод, что, по крайней мере, мантинцы были среди них. Одним из первых последствий битвы при Левктрах, по-видимому, была революция, которая свергла мантинейскую аристократию; и декларация конгресса в Афинах — хотя она и выражала тот же самый принцип, на котором, как заявляли спартанцы, они действовали, когда рассеяли мантинейцев по их четырем деревням — теперь была истолкована демократической партией ( ) как разрешение восстановить свое политическое единство и отстроить свой город; и эта работа была немедленно начата. Спартанское правительство считало, что

восстановление Мантинеи докажет всей Греции, что она больше не представляет угрозы даже для своих ближайших соседей; но, стремясь избежать этого унижения, оно прибегло к шагу, который еще яснее выдавал его слабость и показывал, насколько оно было обескуражено недавним поражением. Агесилай, который к тому времени выздоровел, был отправлен в Мантинию, чтобы использовать все свое наследственное влияние для прекращения работ; ему было поручено обещать, что, если работы будут отложены на время, он добьется согласия спартанского правительства и даже некоторой помощи в покрытии расходов на строительство. Ему не разрешили вынести это предложение на обсуждение народного собрания, но сообщили, что постановление народа требует немедленного начала работ. Хотя он воспринял этот отказ как личное оскорбление и хотя это было вызовом власти государства, в Спарте не сочли целесообразным прибегать к оружию, и последний договор, заключенный с Афинами, послужил поводом для согласия. Ведь теперь признавалось, что независимость Мантинеи была нарушена, когда она была раздроблена в интересах аристократической партии. Некоторые другие аркадские города прислали рабочих, чтобы помочь мантинийцам, а Элида выделила три таланта [600 фунтов стерлингов или 3000 долларов] на расходы по укреплению. Новый город был построен таким образом, чтобы быть защищенным от таких атак, которые оказались фатальными для того, который он заменил.

Пелопоннес в течение нескольких лет был сильно взволнован политическими потрясениями и был ареной непрекращающихся борьбы между двумя ведущими партиями, сторонниками аристократических и демократических институтов. Похоже, что принципы, на которых якобы был основан мир Анталцида, вселили в сторонников демократии надежду, что они смогут установить свое господство везде, где они были сильнее, без какого-либо препятствия со стороны Спарты. Ее поведение по отношению к Флиусу и Мантинее, должно быть, подорвало эти надежды; однако они, по-видимому, возродились, когда новый союз между Фивами и Афинами, заключенный после восстановления Кадмеи и восстания нескольких морских государств, вынудил Спарту проявить большую сдержанность по отношению к своим оставшимся союзникам. Во многих местах аристократическая партия была побеждена и подверглась суровым репрессиям за угнетение, которое она осуществляла в период своего господства. Но эти победы были лишь началом серии ожесточенных и кровавых столкновений. Изгнанники постоянно выжидали возможности вернуть то, что они потеряли, и попытки, удачные или неудачные, обычно заканчивались массовыми убийствами. Олигархические изгнанники из Фигалеи, захватив крепость недалеко от города, напали на него во время праздника, когда толпа собралась в театре, и устроили большую резню среди беззащитных людей, хотя в конце концов были вынуждены отступить и укрыться в Спарте. Коринфские изгнанники, которые нашли убежище в Аргосе, потерпели неудачу в аналогичном предприятии и убили друг друга, чтобы не попасть в руки противоположной партии, которая немедленно провела строгое расследование в Коринфе и приговорила многих к смерти или изгнанию по обвинению в пособничестве заговору. Подобные сцены имели место в Мегаре, Сикионе и Флионе. Слияние демократических изгнанников из других городов привело к постоянному неестественному возбуждению в Аргосе, и были демагоги, которые воспользовались этим, чтобы поднять народ против более богатых граждан и подтолкнуть его к заговору в целях самообороны.

Аресты множились, пока число заключенных не достигло двенадцати сотен; и народ, не терпя затягивания судебных разбирательств, вооружившись дубинками, поднялся на них и убил всех: эта кровавая казнь вошла в историю под названием «скитализм».^[14] Демагоги, которые разжигали ярость толпы, теперь пытались сдержать ее от дальнейших эксцессов, но эта попытка только обернулась против них самих, и большинство из них разделили

судьбу своих жертв. Их кровь, казалось, умилила адские силы: пламя, лишенное топлива, погасло, и спокойствие было восстановлено. Следует считать признаком замечательного превосходства афинского характера и институтов над аргосскими то, что в аналогичных обстоятельствах, в деле о бюстах Гермеса, когда религиозный и политический фанатизм объединили свое влияние, чтобы взбудоражить народ, в Афинах не было подобного зрелища.

АРКАДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ГРЕЧЕСКИЙ СОЛДАТ С БУЛАВОЙ

Обладая территорией, более обширной, чем любой другой регион Пелопоннеса, населенной выносливым народом, гордящимся своим древним происхождением и вековым владением землей, а также своими особыми религиозными традициями, Аркадия — греческая Швейцария — никогда не имела никакого веса в делах нации; эта земля служила лишь перевалочным пунктом для вражеских армий и посылала своих сыновей в войска иностранных держав — греческих или варварских — и проливать свою кровь в сражениях, к которым они не имели никакого отношения. Битва при Левктрах открыла перспективу реализации этой идеи. Мантинейский аристократ Ликомед, человек большого состояния и высокого происхождения в своем родном городе, по-видимому, был либо автором, либо самым активным инициатором проекта, который был сформулирован и, по крайней мере частично, реализован в том же году (371). Цель состояла в том, чтобы объединить аркадский народ в одно целое, но при этом не уничтожить независимость отдельных государств; с этой целью было предложено основать метрополию, учредить национальный совет, наделенный высшей властью в области внешних дел, особенно в отношении мира и

войны, и создать вооруженные силы для защиты общественной безопасности. И хотя нет оснований сомневаться в том, что Ликомед и те, кто разделял его взгляды, в первую очередь стремились спасти свою страну от унижительного подчинения своему властному соседу и поднять ее до почетного положения среди греческих государств, они, несомненно, не упускали из виду усиление своей партии, которое произошло бы в результате этого события, в ее борьбе с внутренними противниками. Их план не мог не понравиться фиванцам, в той же мере, в какой он вызывал тревогу у спартанцев, и очень рано был доведен до сведения Эпаминонда. Через несколько месяцев после битвы при Левктрах было созвано собрание аркадцев из всех главных городов для обсуждения этой меры, и в соответствии с его постановлением группа колонистов, собранных из разных мест, приступила к основанию нового города, который должен был стать резиденцией общего правительства и был назван Мегалеполис, или Мегалополис (Великий город).

Город был спроектирован в очень больших масштабах, и величина общественных зданий соответствовала его размерам; театр был самым просторным в Греции. Население должно было быть набрано из большого числа древнейших аркадских городов. Павсаний приводит список из сорока городов, которые должны были внести свой вклад в его строительство. Большая часть из них, по-видимому, была полностью покинута своими жителями; другие сохранили остатки населения, но в состоянии деревень, подчиненных Мегалополису. Трапезус оказал упорное сопротивление, и его граждане, пережившие борьбу, предпочли покинуть свою родину, чем сменить место жительства, и, найдя средства для отправления в Эвксин, были гостеприимно приняты как родственники в городе с таким же названием. Ликосура, которая гордилась тем, что была самым древним городом под солнцем, была пощажена из уважения к святости одного из ее храмов. Районы, которые таким образом были лишены населения, так и не восстановили его и в значительной степени остались не возделанными.

Наиболее интересная тема, связанная с этим событием, — конституция, в соответствии с которой должна была быть объединена Аркадия, — к сожалению, окутана величайшей неясностью. Мегалополис был местом, назначенным для заседаний верховного совета аркадского органа. Но об этом совете мы знаем только то, что его обычно называли «Десятью тысячами» — название, которое вызывает ряд сложных вопросов. То, что это было представительное собрание и оно не должно было состоять только из мегалополитанцев, ясно как из терминов, которыми оно описывается, так и из самой сути дела: это была бы привилегия, которую другие города никогда бы не предоставили колонии, образованной из самых незначительных поселений. С другой стороны, то, что столь многочисленный орган собирался либо в установленные сроки, либо по мере необходимости из других частей Аркадии, едва ли менее трудно понять.

Десять комиссаров были назначены для надзора за первым заселением колонии и удостоены звания основателей. Двое из них, Ликомед и Опелеас, были манфинянами; двое, Тимон и Проксен, были лидерами демократической партии в Тегее. Из остальных двое были из Клитора, двое из Меналуса и столько же из паррхасийских кантонов. Поскольку были основания опасаться, что Спарта может попытаться прервать работу на самом начальном этапе, Эпаминонд послал Паммена, одного из своих самых способных офицеров, с тысячей отборных солдат для охраны и помощи колонистам; поэтому его также можно считать одним из основателей, но не похоже, что он имел первоочередное, а тем более, как иногда утверждалось, исключительное право на этот титул. Однако не в Мегалополисе возникло

сопротивление этому предпринятию, а в других местах разгорелись ожесточенные споры между сторонниками и противниками новой меры.

Самая ожесточенная борьба развернулась в Тегее, главном центре спартанского и аристократического влияния в Аркадии. Хотя Проксен и Тимон были назначены основателями Мегалополиса, Стасипп и его сторонники не переставали прилагать все усилия, чтобы противодействовать плану объединения и сохранить Тегею в ее прежнем подчиненном положении по отношению к Спарте — или, как выражается Ксенофонт, вероятно, на их языке, в наслаждении своими наследственными институтами. Проксен и другой демократический лидер по имени Каллибий, осознавая, что, хотя они и были в меньшинстве в олигархических советах, большинство граждан было на их стороне, прибегли к оружию. Стасипп и некоторые из его сторонников были настигнуты. Их враги, убедив их сдаться, доставили их связанными на телеге в Тегею, где после фиктивного суда, в котором мантинцы выступали в качестве судей, казнили всех. Оставшиеся в живых сторонники, числом около восьмисот человек, бежали в Спарту.

Безопасность Спарты, казалось, требовала, чтобы она не пассивно подчинялась удару, нанесенному последним остаткам ее влияния в Аркадии, а среди тегейских беженцев было несколько личных друзей Агесилая и, вероятно, других ведущих спартанцев, которые просили о возмездии и мести манфинянам и их политическим противникам. Вмешательство Мантинеи в гражданские распри Тегеи было истолковано как нарушение принципа, который был признан во всех договорах, заключенных после мира Анталцида, и поэтому давало законное основание для взятия в руки оружия: на этом основании Мантинее была объявлена война. Но самым сильным мотивом, побудившим спартанское правительство к этому шагу, по-видимому, была необходимость предпринять какие-то усилия, чтобы восстановить доверие и бодрость духа в стране. Несмотря на героический прием, с которым была встречена весть о битве при Леуктрах, она произвела глубокое уныние, от которого город еще не оправился. После возвращения разгромленной армии возник серьезный вопрос о том, как следует поступить с солдатами.

СПАРТАНСКАЯ НЕТЕРПИМОСТЬ К ТРУСОСТИ

Согласно прецедентам более ранних времен, спартанец, спасший свою жизнь бегством, подвергался лишению всех гражданских привилегий и позору; и мы видели, что было сочтено необходимым наложить временное унижение на пленных, которые сдались — с разрешения своих начальников — в Сфактерии. Некоторые считали, что позор, который спартанское оружие понесло в Леуктре, можно было стереть только строгим применением древнего военного права. Но Агесилай и, вероятно, большинство других членов правительства понимали, что такая строгость была бы сейчас весьма несвоевременной; и, согласно Плутарху, он был уполномочен разработать новые правила по этому вопросу, но вместо каких-либо формальных нововведений просто предложил на этот раз приостановить действие закона, не ущемляя его применения в будущем. Однако именно по этой причине было тем более желательно отвлечь внимание народа от недавнего бедствия новой экспедицией, и Агесилай к тому времени достаточно оправился от болезни, чтобы принять командование.

Ксенофонт говорит, что он выступил с одной морей, вероятно, имея в виду только спартанскую часть своих войск. Однако ни одна из сторон не была готова сражаться: Агесилай, потому что его главной заботой было сохранить силы Спарты; аркадцы, потому что они ожидали, что к ним скоро присоединится фиванская армия, так как они были проинформированы элейцами, что Фивы одолжили у Элиды десять талантов для целей задуманной экспедиции. Возможно, эта же информация усилила желание Агесилая

вернуться домой. Но чтобы его отступление не выглядело как проявление страха, он остался на три дня перед Мантинеей и опустошил равнину, а затем с максимальной скоростью отступил. Тем не менее честь Спарты была восстановлена, и упавший дух его соотечественников был поднят результатами событий в окрестностях Мантиней.

ФЕБСАНЦЫ В ПЕЛОПОННЕСЕ

Фебаны действительно наступали с мощной армией и вскоре присоединились к аркадянам, которые использовали перерыв после отступления Агесилая для вторжения на территорию Гераи, в Мантинею. Победа при Левктрах настолько изменила их положение, что теперь они располагали силами почти всей северной Греции, за исключением Аттики. Даже Фокида, хотя и оставалась враждебной, как и прежде, была вынуждена помочь им против своих бывших союзников. Все города Эвбеи, локрийцы как восточные, так и западные, акарнаны, трахинцы из Гераклаиды и малиане вступили в состав армии, а Фессалия предоставила кавалерию и копьеносцев.

По данным Диодора, все силы, собравшиеся в Мантинею, насчитывали пятьдесят тысяч человек, по данным Плутарха — семьдесят тысяч, из которых сорок тысяч были вооружены тяжелым оружием. Заявленной целью экспедиции была защита Мантиней, но поскольку теперь она больше не была в опасности, а время года — середина зимы — было неблагоприятным для военных операций, несколько фиванских полководцев предложили вернуться. Они ожидали, что все перевалы, которые были естественно труднопроходимыми, будут сильно охраняться, и не могли сразу смириться с мыслью о поиске врага, который до недавнего времени считался почти непобедимым, в его собственной стране, где он будет воодушевлен самыми сильными мотивами для чрезвычайных усилий. Их опасения были преодолены только тогда, когда они получили приглашения и заверения в поддержке от самой Лаконии и были ободрены некоторыми провинциалами, которые пришли с этой целью в лагерь, ожидая, что появление их армии вызовет всеобщее восстание подчиненного населения, которое, как говорили, уже отказалось подчиняться приказам правительства, когда его призвали на защиту Спарты. Им также сообщили, что один из главных перевалов, ведущий через Карию и Селласию в долину Евротаса, совершенно не охраняется; некоторые жители Карии предложили свои услуги в качестве проводников и были готовы поручиться своей жизнью за правдивость своих утверждений. Тогда было единодушно решено о вторжении.

Чтобы отвлечь внимание врага и ускорить свои собственные действия, захватчики разделили свои силы, чтобы одновременно проникнуть в Лаконию по разным маршрутам. Селласия была местом сбора для всех четырех дивизий. Тебаны и элейцы, по-видимому, не встретили сопротивления. Аргивяне обнаружили, что перевалы охраняются отрядом войск, состоящим частично из беотийских беженцев, под командованием спартанца по имени Александр, который, однако, был побежден и пал вместе с двумя сотнями своих людей. Перевал Скиритис также мог быть занят, и, учитывая его естественную крепость, считалось, что аркадийцы никогда не смогут его взять; но Исколаус, спартанец, который был размещен недалеко от него в деревне Иум с гарнизоном неодамодских войск и около четырехсот изгнанных тегеанцев, вместо того, чтобы обеспечить безопасность перевала, решил удерживать позиции в деревне, где он был окружен врагом и убит почти со всеми своими людьми. Затем четыре дивизии без дальнейшего сопротивления соединились, и, разграбив и сожгли Селласию, спустились к берегам Еврота и разбили лагерь в святилище Аполлона у входа в равнину Спарты. На следующий день они продолжили свой поход по левому берегу реки, разбухшей от зимних дождей, пока не достигли моста, который пересекал ее прямо

напротив города. Группа вооруженных солдат, появившаяся на другой стороне, удержала их от попытки перехода, и они продолжили свой путь, все еще держась левого берега, чтобы разграбить и уничтожить жилища, густо разбросанные в окрестностях столицы, которые, судя по описанию Ксенофонта, который говорит, что они были полны хороших вещей, по-видимому, были в основном виллами более богатых спартанцев и, вероятно, были лучше укомплектованы и обставлены, чем их дома в городе.

Это был первый случай, когда из Спарты, с тех пор как она перешла во владение дорийцев, были видны пожары, разведенные вражеской армией; и горе и смятение, вызванные этим зрелищем у женщин и пожилых мужчин, были пропорциональны не только его необычности, но и гордости и уверенности, с которыми многовековые традиции научили их считать свою землю неприкосновенной, а свой город, хотя и не укрепленный стенами, — неприступным.

В этой чрезвычайной ситуации все взоры были обращены на Агесилая. Поскольку он полностью осознавал опасность, он ясно понимал, какой курс действий может дать единственную надежду на спасение. Оставаться строго в обороне и в случае нападения использовать неровности местности, расположение улиц и зданий на окраинах города, а тем временем поддерживать спокойствие и послушание внутри города — это было все, что оставалось сделать; и для этого, с имеющимися в его распоряжении средствами, требовались все его способности. Спартанцы, распределенные по обширной территории, которую им предстояло защищать, выглядели настолько жалко, что правительство сочло необходимым прибегнуть к мере, которая ранее применялась в менее срочных случаях: вооружить столько гелотов, сколько удалось привлечь в армию обещанием освобождения. И несмотря на жестокий замысел, который в прежние времена скрывался за подобным предложением, теперь явилось более шести тысяч добровольцев. Их услуги были приняты с трепетом и использовались с постоянным недоверием, пока прибытие некоторых иностранных вспомогательных войск не дало правительству немного больше уверенности. Через несколько дней небольшой отряд, вероятно менее шести тысяч человек, собранный из Коринфа, Сикиона, Пеллены, Эпидавра, Троэзена, Гермियोны и Халии, был поочередно переправлен через Арголический залив в Брасию на побережье Лаконии, пересек горы и, хотя враг расположился лагерем всего в двух-трех милях, проник в город.

Тем временем вторгшаяся армия, разорив восточную часть равнины до Амикл, переправилась через реку и повернула фронт в сторону Спарты. Поскольку самая большая ширина равнины лежит между рекой и подножием Тайгета, здесь было найдено еще больше добычи, чем на другой стороне, и это было единственной целью внимания большей части союзников. Похоже, что только фиванские полководцы смогли удержать свои войска от разграбления и приняли меры предосторожности против внезапного нападения со стороны города. Эпаминонд больше всего хотел втянуть врага в сражение, и, как говорят, он попытался спровоцировать Агесилая, чей характер не всегда был устойчив к провокациям. Но в этот раз он сдержал свои чувства и успокоил всеобщее возбуждение своим авторитетом и личным примером. У спартанцев была небольшая кавалерия, значительно уступавшая союзникам не только по численности, но и по состоянию; однако она была выстроена на равнине к югу от города. Ее появление скорее усилило, чем ослабило уверенность нападающих. Но в соседнем здании, которое по традиции было посвящено покровителям-близнецам, скрывалось около трехсот молодых спартанских пехотинцев, которые, когда враг приблизился, вышли из засады, чтобы поддержать атаку, которую одновременно проводила их собственная кавалерия. Эта неожиданная атака привела в замешательство наступавшие отряды « », и хотя их преследовали на небольшое расстояние, они не остановились, пока не достигли фиванской фаланги, и даже часть пехоты была настолько встревожена их бегством, что отступила.

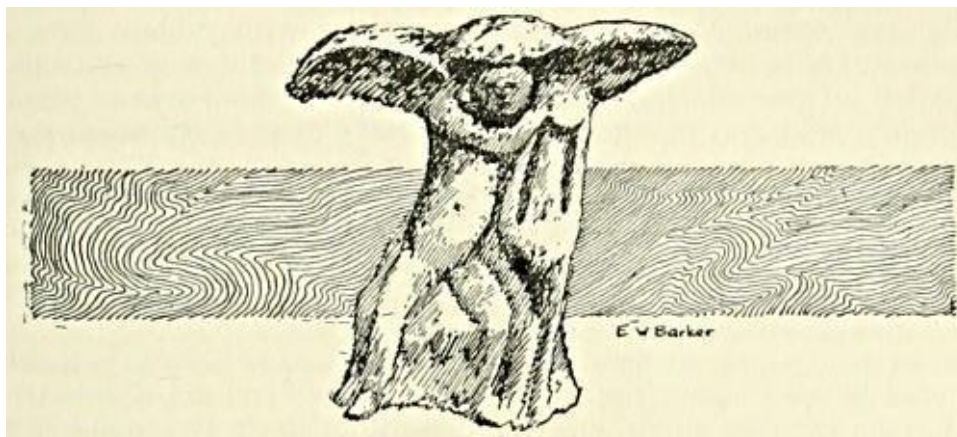
Возможно, именно в этот момент, когда союзники наступали, группа из примерно двухсот человек, которые в большинстве своем давно подозревались правительством, заняла Иссориум, одну из высот на окраине города в сторону реки. Поскольку они не получали никаких приказов, было очевидно, что они действовали с предательскими намерениями, и некоторые предложили немедленно изгнать их силой. Однако Агесилай счел более разумным, поскольку масштабы заговора были неизвестны, попробовать более мягкий подход; он поднялся на высоту с одним сопровождающим, сделал вид, что они неправильно поняли его приказ, и приказал им разместиться в разных кварталах. Они подчинились, думая, что им удалось избежать разоблачения, но пятнадцать из них были арестованы по приказу Агесилая и казнены без суда и следствия ночью. Подавление этой попытки, возможно, привело к раскрытию другого, более опасного заговора, в котором были замешаны несколько спартанцев. Их арестовали в доме, где они проводили тайные собрания ( ). Чем яснее была их вина, тем опаснее, вероятно, казалось привлечь их к суду; однако в государстве не было власти, которая могла бы законно казнить спартанца без суда. Даже власть эфоров еще никогда не заходила так далеко. Однако после консультации с Агесилаем они решили обойтись без юридических формальностей, и заключенные были преданы тайной казни. Дезертирство, имевшее место среди илотов и лаконских войск, тщательно скрывалось от общественности, но это, возможно, свидетельствует не столько о его частоте, сколько о бдительности Агесилая.

Сообщения, поступившие в лагерь союзников о положении дел в Спарте, не побудили Эпаминонда повторить попытку, в которой кавалерия была отбита, или продлить свое пребывание в окрестностях столицы. Он направил свой поход на юг и опустошил всю долину Евротаса вплоть до побережья. Некоторые не укрепленные города были преданы пламени, и в течение трех дней подряд велся штурм Гитиона, военно-морского арсенала Спарты, но без успеха. Если Эпаминонд намеревался воспользоваться недовольством, которое, как предполагалось, царило среди подданного населения по отношению к правительству, для осуществления постоянной революции, то опустошение, совершенное его союзниками, которое он, вероятно, не мог сдержать, должно было противодействовать этому. По словам Ксенофонта, к нему присоединились некоторые провинциалы, но большинство, вероятно, рассматривало захватчиков как врагов. Их пребывание затянулось на несколько недель. Наконец пелопоннесские войска начали отступать со своей добычей, оставив страну почти опустошенной. Растущий дефицит продовольствия и сокращение численности войск в сочетании с суровыми условиями сезона, вероятно, побудили Эпаминонда отступить, даже если, как Ксенофонт дает понять своим читателям, его единственной задачей после пересечения границы было возвращение домой. Но историк тщательно умалчивает о главной цели, которую преследовал Эпаминонд и которую он достиг во время своего пребывания на полуострове.

Он обдумывал удар, гораздо более разрушительный для могущества и процветания Спарты, чем вторжение на ее территорию. Его замысел состоял в том, чтобы лишить ее Мессении, собрать мессенцев на земле их предков и основать новый город, где они могли бы сохранить свою независимость. Он уже послал в различные регионы, где были рассеяны остатки героического народа, приглашение вернуться в свою древнюю родину.

ОСНОВАНИЕ МЕССЕНИИ

Итома была рекомендована как самые воодушевляющие воспоминания, так и преимуществами своего прочного и центрального положения; и западный склон хребта, на котором стояла древняя крепость, был выбран для нового города, Мессены. Фундамент был заложен с особой торжественностью, и, если верить Павсанию, Эпаминонд в этом случае не постеснялся прибегнуть к благочестивому обману, чтобы показать, что это предприятие одобрено волей богов. Имя Аристомена призывали с особым почтением не только мессенцы, но и греки всех племен, принимавшие участие в основании города: и победа при Левктрах была, пожалуй, впервые приписана его сверхъестественному вмешательству. Но хотя Эпаминонд не пренебрегал помощью, которую можно было получить от благочестивого и патриотического энтузиазма, он уделял не меньшее внимание всем материальным средствам, обеспечивающим долговечность его дела. Было найдено наиболее разумное использование природных преимуществ места; над планом работали самые признанные архитекторы того времени, а над его реализацией — самые искусные мастера; и укрепления Мессены, которые несколько веков спустя вызвали восхищение Павсания ( ), до сих пор оправдывают его похвалу благодаря прочной и красивой кладке сохранившихся до наших дней руин.

ГРЕЧЕСКАЯ ТЕРРАКОТОВАЯ ФИГУРА

(В Британском музее)

Когда укрепления Мессены были доведены до такого состояния, что присутствие армии больше не требовалось, Эпаминонд, оставив там гарнизон, начал свой поход домой. Строительство Мессены настолько связано со строительством Мегалополиса в рассказах Диодора и Павсания, что мы, возможно, можем сделать вывод, что он не прошел через Аркадию, не оказав важной помощи в последнем деле, которым все еще занимались жители Мегалополиса.

Однако на перешейке его все еще ждал враг. В своем отчаянии спартанцы обратились за помощью к Афинам, и их послов сопровождали посланцы из пелопоннесских государств, которые все еще придерживались их, среди которых, по-видимому, наиболее горячо поддерживали их просьбу Коринф и Флиос. Они апеллировали к великодушию, ревности, страхам и надеждам афинян.

Среди народа уже сложилось общее настроение, если не в пользу Спарты, то, по крайней мере, в сильном неприятии Фив. Ассамблея, выслушав послов ( ), не стала прислушиваться к аргументам противоположной стороны, а постановила, что все силы республики должны выступить на помощь Спарте, и назначила Ификрата командующим. Армия была немедленно собрана; и Ксенофонт описывает войска как настолько увлеченные делом, что они роптали, когда Ификрат на несколько дней остановился в Коринфе. Но когда они

возобновили поход, ожидая, по словам историка, что их поведут на какое-то славное сражение, ничего подобного не произошло. Похоже, что Ификрат не желал искать врага и, возможно, услышав, что Спарта избавлена от непосредственной опасности, довольствовался нападением на некоторые места в Аркадии, либо ради грабежа, либо в надежде, что это отвлечение внимания ускорит отступление врага из Лаконии. Но не похоже, что его действия оказали какое-либо влияние на действия фиванской армии. Когда Эпаминонд начал продвигаться к перешейку, он разместился там, чтобы охранять проходы на южной оконечности, но из-за какой-то оплошности, которую Ксенофонт отмечает с явным удивлением как чрезвычайную неудачу его военного мастерства, он оставил открытым самый удобный из них — со стороны Кенхрей, и фиванцы без какого-либо сопротивления проникли на перешеек. Отряд кавалерии, который был отправлен для наблюдения за их движениями и который, по словам Ксенофонта, был больше, чем требовалось для этой цели, но недостаточен для любой другой, подошел так близко, что вступил в перестрелку и потерял несколько человек при отступлении. С этим небольшим преимуществом над одним из величайших полководцев того времени, Эпифаном ( ), который командовал войсками единственной державы, которую теперь можно было считать соперником Фив, Эпаминонд завершил эту памятную кампанию.

Услуги, которые он оказал своей стране, в целом были должным образом оценены его согражданами, но они вызвали, а не устранили зависть некоторых менее способных умов, и сама экспедиция, несмотря на ее успех, дала им повод для нападков на него. Годовой срок, на который он занимал должность беотарха, истек, по-видимому, вскоре после его вступления в Пелопоннес, и он и его коллеги сохранили свое командование без какого-либо явного санкционирования еще на три или четыре месяца. На этом основании он и Пелопид были по отдельности обвинены в преступлении, караемом смертной казнью. Это было всего лишь экспериментом, чтобы проверить силу их популярности, поскольку их поведение, хотя и нарушало букву закона, явно соответствовало воле народа. Действительно, несколько удивительно, что их противники решились на такую попытку, и еще более удивительно, что, как мы узнаем из Плутарха, исход дела считался сомнительным, поскольку Пелопид был привлечен к суду первым. Говорят, что Эпаминонд заявил о своей готовности умереть, при условии что на его могиле будут высечены названия Левктры, Спарты и Мессены, а также деяния, с которыми его имя было связано. Однако оба были оправданы самым почетным образом; и Пелопид, менее великодушный или более раздражительный, чем его философский друг, который простил бы безобидное проявление злобы, впоследствии использовал формы закона, чтобы сокрушить своих главных обвинителей.^h

Нибур отмечает, что восстановление Мессены «является нерушимым памятником Эпаминонду», но делает из этого несколько обескураживающий моральный вывод:

«Восстанавливая Мессену, Эпаминонд подчинился велениям благоразумия и своего благородного сердца; и он не мог поступить иначе, даже если бы предвидел последствия. Следует отметить, что это снова один из тех случаев, когда осуществление справедливости не привело к счастливым результатам. Восстановление Мессены привело в более поздний период греческой истории к ужасным последствиям. Мессенцы, будучи, по своей особой ситуации, непримиримыми врагами Спарты ( ), были вынуждены искать поддержки против нее; и они предпочли сделать это на самом большом расстоянии, что сделало их покорными слугами Македонии и вечными врагами и предателями Греции. Не было народа, столь преданного душой и телом царю Филиппу, как мессенцы. Смерть Филопёмена является примером вреда, который Мессения причинила Греции, и неизгладимым клеймом на имени Мессении. Вещи, которых должен желать каждый честный человек, в конце концов часто приводят к самым печальным последствиям».^h

АТЕНЫ В СОЮЗЕ С СПАРТОЙ

В условиях существующего давления на Лакедемон и на государства, интересы которых все еще связывали их с лакедемонской *cause*, было очень важно сохранить и, по возможности, улучшить их связи с Афинами. Поэтому туда были отправлены министры, наделенные полными полномочиями для согласования системы командования и плана операций на следующую кампанию. Только первое вызвало некоторые трудности. Афинский совет, в то время, по-видимому, находившийся под влиянием мудрых и умеренных людей, согласился с пелопоннесцами, что, учитывая все обстоятельства, в интересах союза и в целях справедливости афиняне должны руководить операциями на море, а лакедемоняне — на суше. Но одна из партий в Афинах, оратором которой был Кефисодот, решила завоевать популярность у народа, выступив против этого соглашения. Когда предложение совета было вынесено на обсуждение общего собрания (поскольку в условиях деградации конституции Солона все меры исполнительной власти должны были утверждаться этим бурным собранием), Кефисодот убедил недальновидную толпу, что их обманывают. Он сказал, что в лакедемонийском флоте ( ) триерархи будут лакедемонянами и, возможно, несколькими тяжеловооруженными, но основная часть экипажей будет состоять из илотов или наемников. Таким образом, афиняне будут командовать в лакедемонийском флоте почти исключительно рабами и изгоями из других народов, тогда как в афинской армии лакедемонийцы будут командовать лучшими людьми Афин. Если они хотят действительно равного разделения военной власти, в соответствии со справедливым толкованием условий союза, то командование морскими и сухопутными силами должно быть разделено поровну. Народное тщеславие поддалось этому бесполезному аргументу, и собрание проголосовало за то, чтобы командование как морскими, так и сухопутными войсками поочередно принадлежало афинянам пять дней и лакедемонянам пять дней. В этом решении раздражительной толпы, которое было особенно подходящим для ослабления усилий как на море, так и на суше, лакедемоняне, под давлением обстоятельств, сочли разумным согласиться.

ВТОРОЕ ВТОРЖЕНИЕ В ПЕЛОПОННЕС

Весной в Коринфе была собрана армия, чтобы предотвратить проход фиванцев и их северных союзников в Пелопоннес. Но превосходные способности фиванских военачальников взяли верх. Они застали врасплох аванпост. Все еще сомневаясь в своих силах пробиться через крутой спуск Онейских гор, они связались с лакедемонийским полемархом и, будь то из-за его вероломства или слабости, добились перемирия, благодаря которому они благополучно присоединились к силам своих пелопоннесских союзников, аркадцев, аргивян и элейцев. Объединившись, они обнаружили, что превосходят армию лакедемонского союза. Не встретив сопротивления, они наказали эпидаврийцев за их приверженность лакедемонским интересам, разорив их земли. Затем они попытались захватить одну из ворот Коринфа, но коринфяне подчинились умелому руководству афинского полководца Хабриаса, который находился там с отрядом наемников, и были отбиты с некоторыми потерями. Однако даже способности Хабриаса не смогли предотвратить разорение территории Коринфа перед лицом столь значительного превосходства сил. Весь Пелопоннес казался теперь открытым для фиванцев, когда давление фессалийских войск под командованием Александра из Феры на их северных союзников и опасения, что оно распространится на саму Беотию, внезапно вынудили фиванцев покинуть полуостров. Тогда все пелопоннесцы из союза, взяв отпуск, разошлись по своим домам.

Расформирование армии Фиванского союза принесло Лакедемону самое счастливое облегчение. Все свободное время, которое это давало, по-видимому, было необходимо для урегулирования беспорядков внутри самой Лаконии. Наступательные операции были оставлены на откуп вспомогательным войскам, присланным Дионисием, правившим в то время в Сиракузах; это было достаточно замечательное войско, как само по себе, так и своими действиями, чтобы заслужить внимания. Пехота состояла из галлов и испанцев; кавалерия, по-видимому, из сицилийских греков, была настолько превосходна, что, хотя насчитывала едва ли более пятидесяти всадников, она доставила фиванцам больше хлопот, опустошая земли Коринфа, чем вся остальная армия. После того как другие войска обеих сторон были отозваны, только эта заморская армия предприняла вторжение в Сикионию, разгромила сикионцев в сражении и штурмом взяла форт на их территории. Удовлетворенные славой и добычей, они сели на корабли и на двадцати триремах, сопровождаемых конвоем, вернулись в Сиракузы.

До сих пор способные лидеры фиванских советов, пользуясь широко распространенной враждебностью по отношению к Лакедемону, поддерживали единодушие и рвение своего союза под верховной властью Фив. Но было маловероятно, что каким-либо образом столь много государств можно было бы долго удерживать в терпеливом подчинении столь новому господству. Долгое почтение греческих республик к лакедемонскому командованию, во многих случаях достигавшее ревностной, а иногда и всеобщей лояльности по отношению к превосходящему народу, является, пожалуй, уникальным политическим явлением в истории человечества. Но это почтение было оказано верховенству, которое не было получено внезапно, а выросло из необычных институтов, в рамках которых жили лакедемоняне; это сделало их действительно высшим народом, очевидно наиболее подходящим в раздробленном и беспокойном состоянии греческой нации для командования на войне и арбитража в мире: поэтому даже тогда, когда политическая мощь Лакедемона была на спаде, по-прежнему, как нам рассказывают, лакедемоняне пользовались таким уважением, что на Олимпийских и других национальных собраниях лакедемонянин был объектом любопытства и восхищения для чужеземцев, даже больше, чем победители в играх. Превосходство Афин, хотя и в редких случаях или только на короткое время, подкрепленное лояльностью, подобной той, которой пользовался Лакедемон, возникло внезапно, но было результатом долгой подготовки. Более совершенное законодательство, более развитые таланты и манеры, а также необычайная череда способных людей во главе дел дали афинянам эффективное превосходство, которое видели и чувствовали жители других республик. Но Фивы, не имея никакого преимущества в виде древних предрассудков в пользу своих притязаний, не имея никаких общественных институтов, достойных восхищения, недавно выйдя из-под политического подчинения, обладая, правда, многочисленным и дисциплинированным населением, которое могло вселять некоторый страх, тем не менее стали столь внезапно выдающимися только благодаря блеску талантов немногих, и главным образом одного выдающегося человека, возглавлявшего их советы и командующего их армиями. Поэтому, если бы в каком-либо другом государстве конфедерации, где военная сила не была значительно уступала, произошло бы подобное проявление выдающейся личности, это государство вскоре почувствовало бы себя равным Фивам и было бы готово разорвать связи, предполагающие признание их превосходства.

Такая личность уже некоторое время выделялась среди аркадцев в лице Ликомеда из Мантинеи, человека, не уступавшего никому из своих соотечественников по рождению, превосходившего большинство по богатству, уже прославившегося в совете как главный инициатор аркадского союза и в оружии как вождь аркадских войск. Ликомед, по-видимому, уже видел то, что впоследствии стало широко известно, что если какие-либо соображения общего блага Греции и влияли на советы Фив, то они были полностью подчинены стремлению сделать Фивы верховными над греческой нацией. Он решил противостоять этому стремлению. Поэтому на общем собрании аркадских государств, созванном в новом городе Мегалополисе, он заявил, что «Пелопоннес, среди всех его нынешних разнообразных жителей, был родной страной только для аркадцев; остальные были на самом деле чужаками. Аркадцы были не только самыми древними, но и самыми могущественными из греческих племен; они были самыми многочисленными и превосходили всех по физической силе. Было общеизвестно, что войска ни одного другого греческого народа не пользовались таким же спросом. Лакедемоняне знали их ценность: они никогда не вторгались в Аттику без аркадских вспомогательных войск; и фиванцы теперь не рискнули бы вторгнуться в Лаконию без них. Поэтому, если аркадцы знали свои интересы, они больше не должны были подчиняться фиванцам, а настаивать на равенстве в командовании. Раньше они поднимали Лакедемон, теперь они поднимали Фивы, и вскоре они обнаружили бы, что фиванцы — всего лишь другие лакедемоняне».

Поочередно льстя и стимулируя аркадский народ, Ликомед получил над ним эффективное командование; и естественным следствием подчинения прихотей толпы контролю способного человека стало то, что аркадцы добились успеха, и их успехи были блестящими. Аргивяне вторглись в Эпидаврию. Знаменитый афинский полководец Хабриас, возглавлявший афинские и коринфские войска, перехватил их отступление. Аркадцы были встревожены судьбой своих союзников; было созвано собрание; интересы Ликомеда определили выбор полководцев, и аркадская армия, несмотря на большое невыгодное положение, без потерь вытеснила аргивян. Затем была предпринята экспедиция в Лаконию; территория Асины была разорена, а лакедемонийский полемарх Геранор, командовавший там, был разгромлен и убит. За этим последовали многочисленные грабительские набеги, обычные для греческой войны; и когда какая-либо цель привлекала внимание, ни ночь, ни погода, ни расстояние, ни трудности пути не останавливали аркадцев, так что они приобрели репутацию лучших воинов своего времени.

Поскольку аркадцы явно не собирались больше признавать превосходство Фив, их сила, дисциплина и успешная деятельность в военном деле, хотя и осуществлявшаяся в интересах союза, не могли не вызвать некоторую ревность и опасения у фиванского правительства. Прямого разрыва отношений не произошло, но дружба охладела и стала неустойчивой. Между тем новая энергия аркадского правительства привлекла внимание скромных и угнетенных, которые всегда составляли значительную часть населения, а иногда и государств среди греческих республик. Жители Элиды долгое время претендовали на суверенитет над жителями нескольких городов Элиды и всего района под названием Трифилия ( ) на границе с Мессенией и в целом его поддерживали. В крепости в Трифилии, называвшейся Ласион, чтобы помочь в удержании жителей, они позволили некоторым аркадским изгнанникам поселиться. В конце концов они объединились с соседними соотечественниками, в частности с марганеями и сциллунтинами, в оппозиции к правительству Элиды. Затем они обратились за поддержкой к новому союзу Аркадии: они заявили, что являются аркадцами, и в петиции, адресованной новому объединенному правительству, выразили желание быть взятыми под его защиту. В то же время элейцы

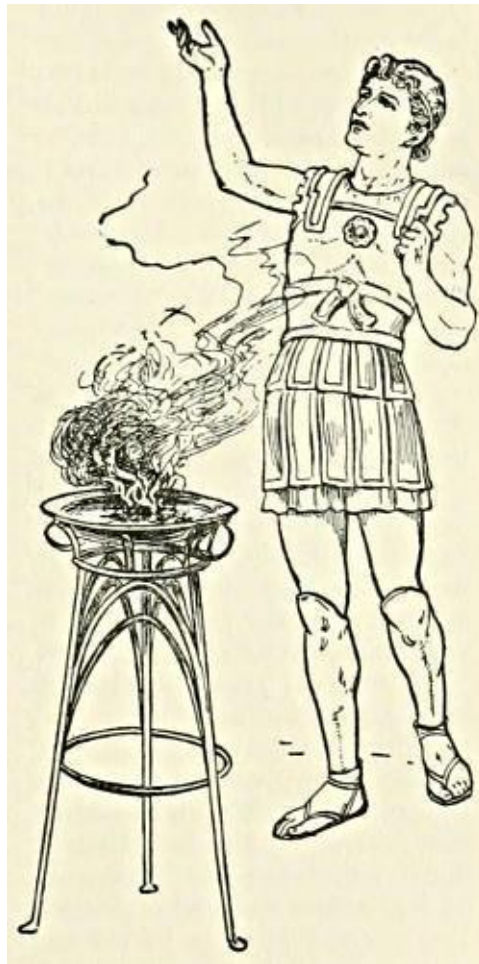

настаивали на помощи со стороны своих союзников из Аркадии, чтобы восстановить свое прежнее господство над городами, которые лакедемоняне вернули к независимости. Аркадийцы пренебрегли этой просьбой и публичным постановлением объявили, что просьба трифилийцев обоснована и что их соплеменники должны быть свободны. В результате Элис еще больше отдалился от Аркадии, чем Аркадия от Фив.

Растущий раскол в противостоящих конфедерациях сулил большие преимущества Лакедемону. Между тем, несмотря на недостатки в гражданском устройстве и плохое управление, лакедемоняне потеряли лучшую половину своей территории, но их переговоры за рубежом по-прежнему имели вес и велись умело и успешно. Именно в этот критический момент Филиск, грек из Абидоса, прибыл в качестве посланника сатрапа Вифинии Ариобарзана, якобы для того, чтобы от имени персидского царя выступить посредником в заключении всеобщего мира между греческими республиками. Это новое вмешательство Персии в дела Греции было вызвано интригами лакедемонян. Филиск предложил созвать конгресс в Дельфах, и представители Фив и государств Фивского союза с готовностью встретились там с представителями Лакедемона. Как свидетельствует историк, не являющийся их другом, фиванцы не испытывали страха перед Персией: когда Филиск потребовал в качестве обязательного условия, чтобы Мессения вернулась под власть Лакедемона, они категорически отказались от мира, поставив условие, что Мессения должна остаться свободной.

Эта решимость была твердо продемонстрирована, переговоры быстро закончились, и обе стороны приготовились к войне. Филиск затем дал достаточное доказательство своей приверженности лакедемонскому делу, потратив большую сумму денег, доверенную ему сатрапом, на набор наемников для лакедемонской службы. Тем временем отряд вспомогательных войск Дионисия Сиракузского, состоявший в основном из галлов и испанцев, как и в предыдущем году, присоединился к лакедемонской армии; и пока афиняне еще только готовились к походу, под командованием Архидама, сына Агесилая, была сражена битва. Объединенные силы Аргоса, Аркадии и Мессении были разгромлены, и, если верить Диодору, более десяти тысяч человек были убиты, причем, как сообщают все историки, без потери ни одного спартанца. После серии бедствий известие об этом необыкновенном успехе произвело такое впечатление в Лакедемоне, что, по словам современного историка, слезы радости, начиная с самого Агесилая, пролились из глаз старейшин и эфоров, а в конце концов и всего народа. Однако среди друзей лакедемонян, поскольку не было слез печали, это сражение стало известно под названием «безслезное сражение» при Мидее.

ЭКСПЕДИЦИЯ В ТЕССАЛЛИЮ

ГРЕЧЕСКИЙ ОФИЦЕР ПРИНОСИТ ЖЕРТВУ В КАНУН БИТВЫ

Война с Фессалией теперь давила на Фивы. Все еще подталкивая Лакедемон своими союзниками и вассалами на Пелопоннесе, она не только могла обеспечить защиту своим северным подданным и союзникам от преемника самого грозного правителя того времени, но и могла стремиться к господству или влиянию, которое отвечало бы цели господства, среди густонаселенных и богатых, но плохо организованных городов Фессалии. В то время как алчность и амбиции тирана Александра из Фера вызывали необходимость принятия мер по защите и обороне, склонность к восстанию, которую его тирания вызвала среди тех, над кем простиралась его власть, давала вероятность планам по расширению власти тем, кто мог поддержать восстание. Соответственно, Пелопид был отправлен в Фессалию с армией с полномочиями действовать там по своему усмотрению; однако не в интересах фессалийцев, которые просили о защите, а в интересах беотийцев, которые притворялись общими защитниками: такого рода поручения обычно открыто признавали во все времена демократии, стремящиеся к бесстыдной амбиции, в то время как более приличные манеры самых коррумпированных дворов, откуда такие поручения могли исходить, обычно прикрывали их завесой. Пелопид проник в Ларису и при содействии ее народа изгнал гарнизон тирана. Затем он расширил переговоры на Македонию и заключил договор с Александром, царем этой страны, который желал союза с Фивами, чтобы лучше противостоять угнетению, которое он чувствовал или опасался со стороны морской мощи и амбициозной политики Афин, которые постоянно стремились распространить свое господство или влияние на все города на всех берегах Эгейского моря. Его младший брат Филипп, тогда еще мальчик, впоследствии великий Филипп, отец еще более великого Александра, как говорят, сопровождал Пелопида в его возвращении в Фивы; то ли для

получения образования и расширения дружеских связей, то ли, как утверждают более поздние авторы, в качестве заложника, чтобы гарантировать выполнение оговоренных условий.

Вернувшись к своему командованию в Фессалии, Пелопид не смог добиться своего обычного успеха. Согласно Диодору и Плутарху, рискнув выступить в качестве добровольного переговорщика от имени своей страны в присутствии развратного тагаса, он был схвачен и заключен в тюрьму. Но Полибий приписывает его несчастье явной неосторожности, а высказывание Демосфена подразумевает, что он был взят в плен в бою. Усилия фиванского правительства отомстить за него также не увенчались успехом. Беотархи, которые отважились проникнуть глубоко в Фессалию с армией, насчитывавшей, по некоторым данным, восемь тысяч пехотинцев и шестьсот всадников, не найдя ожидаемой поддержки со стороны фессалийского народа, были вынуждены отступить перед более сильной армией тагуса; и, пересекая фессалийскую равнину, преследуемые превосходящей кавалерией, они понесли тяжелые потери. То, что армия не была полностью уничтожена, приписывают способностям Эпаминонда, служившего на низкой должности, но призванного голосами солдат восполнить недостатки генералов. Переговоры, вероятно, поддержанные оружием, но не без некоторых уступок, в конце концов привели к освобождению Пелопида в начале 367 года.

ПОСОЛЬСТВО В ПЕРСИЮ И КОНГРЕСС В ФЕБЕ

[368-367 гг. до н. э.]

Сердечная поддержка Афин, силы наемников, которые должен был добавить Филиск, растущее отвращение аркадцев к делу Фив и беспорядки в северных провинциях, а также давление фессалийских войск на фивскую конфедерацию — все это вместе, по-видимому, могло восстановить решающее превосходство Лакедемона, по крайней мере, на его полуострове; а затем, судя по опыту, оно вряд ли ограничилось бы этим. Но способные руководители фиванского совета заметили, что первым и, возможно, самым мощным фактором, повлиявшим на изменение обстоятельств, были переговоры с Персией; и они решили также обратить свое внимание на Персию и попробовать, не удастся ли им с помощью переговоров еще более эффективно, чем с помощью оружия, помешать лакедемонянам. Министр из Лакедемона, Эвтикл, фактически проживал при персидском дворе. На этом основании был созван конгресс конфедерации, и в соответствии с общим решением Пелопид был отправлен в Сузы от имени Фив в сопровождении министров из Аргоса, Элиды и Аркадии. Афиняне, ревниво относящиеся к этой мере, также отправили своих министров, Тимагара и Леона.

Пелопид был удостоен особых почестей при персидском дворе. Высокопоставленный перс был назначен сопровождать Пелопида обратно в Грецию с рескриптом от царя, в котором были изложены условия его дружбы. В нем требовалось, чтобы «лакедемоняне признали независимость Мессении; чтобы афиняне сложили свой флот; чтобы в случае отказа им была объявлена война; и чтобы, если какой-либо греческий город откажется выставить свой контингент для такой войны, первые военные действия были направлены против этого города; чтобы те, кто принял эти условия, считались друзьями царя, а те, кто их отклонил, — врагами».

Если мы сравним стиль и дух этого рескрипта и то, как он был предложен объединенной Греции, с условиями и обстоятельствами мира Анталкидаса, то вряд ли сможем обнаружить, в чем заключалось различие между ними; почему один был так сильно осужден, а другой, хотя и не получил особого одобрения, был в некотором роде вытеснен из поля зрения

благодаря внушительному изобилию панегириков, которыми древние и современные писатели наградили великодушный патриотизм Пелопида и его великого соратника в политике и на войне, Эпаминонда. Но, возможно, мы можем прийти к выводу, что политический принцип был упущен из виду как в панегирике, так и в порицании; что заслуги отдельных лиц значительно повлияли на общее мнение; однако что большое различие заключалось в партийном духе. Однако, если оставить политические принципы Пелопида в той неясности, которую мы, по-видимому, не можем удовлетворительно прояснить, и обратить внимание на его политические способности, то мы увидим их в самом выгодном свете, в их истинном великолепии, не благодаря его явным панегиристам, а благодаря беспристрастному современному историку, который не был его другом. Они очевидны в успехе его переговоров с Персией, о которых этот историк дал полное свидетельство; и эти переговоры, несомненно, были делом, изобилующим трудностями и требующим большого проникательности, чтобы провести их и довести до столь выгодного завершения.

Но фиванцы, по-видимому, были слишком возгоржены своим успехом в этом необыкновенном и очень важном деле, чтобы проявить совершенную осторожность в своем политическом поведении ( ); не было возможности сдержать либо ошибочные действия их способных вождей, либо, скорее, народную самонадеянность, вызванную плохостью их конституции, о чем свидетельствует Полибий. Они сразу же взяли на себя роль арбитров Греции. Их призывы к созыву конгресса представителей нескольких республик в Фивах были в целом выполнены. Перс, сопровождавший возвращение Пелопида, присутствовал на конгрессе с рескриптом царя в руках. Он был зачитан и переведен участникам конгресса, а печать царя была демонстративно выставлена на всеобщее обозрение. Фиванцы предложили в качестве условия дружбы с царем и Фивами, чтобы депутаты немедленно принесли клятву о принятии условий от имени своих городов. Однако, поскольку съезд собрался в Фивах, депутаты не были готовы принять закон Фив.

Ликомед не просто возражал против предложенной присяги, он настаивал на том, что «Фивы не были тем местом, где должен был собираться конгресс». Фиванцы с негодованием воскликнули, что он сеет раздор в союзе, и он объявил о своем решении больше не участвовать в конгрессе; другие аркадские депутаты согласились с ним, и все они вместе удалились. В результате конгресс, по-видимому, распался, не приняв никакого решения.

Разочарованные и потерпевшие неудачу, фиванцы все же не могли решиться отказаться от своего плана присвоить себе верховенство над греческим народом, которое так долго принадлежало Лакедемону, причем в значительной степени по добровольному согласию большинства. Они отправили отдельные запросы в каждый город с просьбой принять предложенные условия, ожидая, что страх перед объединенной враждой Фив и царя, как пишет современный историк, заставит всех по отдельности подчиниться. Однако коринфяне показали пример твердого отказа, добавив, что «они не хотят ни союза, ни обмена клятвами с царем», и за ними последовала большая часть городов. И таким образом, продолжает Ксенофонт, попытка Пелопида и фиванцев завоевать власть над Грецией в конце концов провалилась.

Если мы отказываемся признать Тебам заслугу в их первой успешной борьбе против тирании Лакедемона, то на нашей стороне будет сам Эпаминонд, который не принимал участия в революции до тех пор, пока не закончились заговоры, предательства и убийства, и дело не перешло в руки всего народа, готового к появлению лидеров и жаждущего их. Нам может быть сложнее решить, заслуживает ли одобрения или осуждения то упорство, с которым фиванцы впоследствии продолжали утверждать свое господство над городами Беотии и тем самым отказывались от мира с Грецией, когда он был предложен на условиях,

которые на первый взгляд могли показаться всем, чего мог желать истинный греческий патриотизм, — всеобщей независимостью. Ибо где можно было найти санкцию этого мира? К сожалению, эффективность любого великого интереса, пронизывающего страну, была подавлена и потеряна в множестве узких, но насущных интересов партий и отдельных лиц, разделяющих каждое маленькое сообщество. Как только была бы установлена независимость беотийских городов, в каждом из них произошла бы революция или была бы предпринята попытка ее совершить. Как только друзья Фив были бы побеждены, а друзья Лакедемона возобладали бы в этих городах, как долго Фивы могли бы быть в безопасности от второго подчинения Лакедемону, более тяжкого, чем предыдущее? В той мере, в какой эти соображения могут оправдать отказ от присоединения к афинскому договору, в той же мере они могут оправдать и персидское посольство, хотя вряд ли высокомерие, которое, по-видимому, вдохновило успех в этих переговорах. Но каким должно было быть дальнейшее поведение Фив, чтобы обеспечить себе спокойствие, не вмешиваясь в дела соседних государств, или как обеспечить спокойствие среди этих государств, не обладая и не используя власть для их контроля, определить не так легко. Ведь дело честного государственного деятеля, находящегося в условиях редко прекращающихся внутренних распрей между фракциями и амбиций заинтересованных соседей, не так просто и очевидно, как обычно готово предположить самонадеянное невежество и часто утверждает осведомленное мошенничество, преследующее свои интересы. Насколько плохо Греция была в это время подготовлена к внутреннему спокойствию, покажет все, что последует за всем, что предшествовало в ее истории.^e

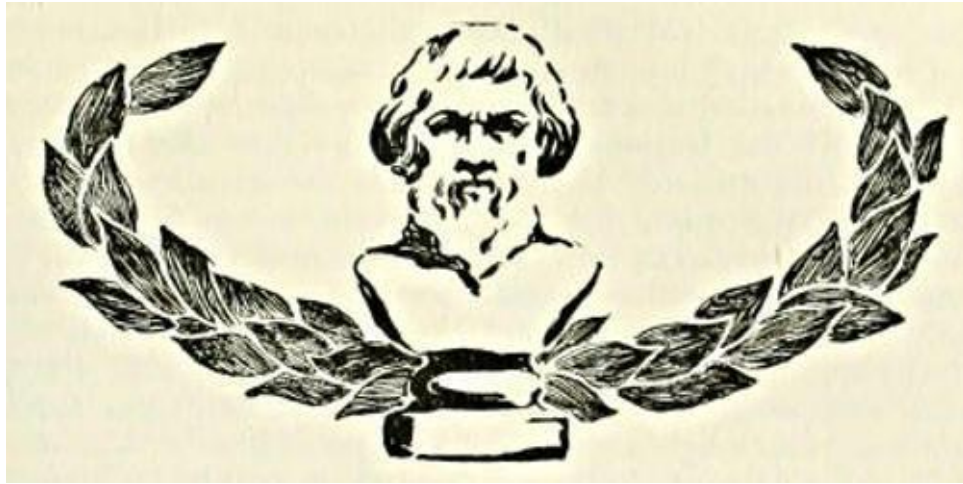
СНОСКИ

[12] [Это слова Гектора в «Илиаде», XII, 243. Поскольку предзнаменования были неблагоприятными, Полидамас предупреждает его не сражаться, но «гордый Гектор» презрительно отвечает, как указано выше: «Лучшее предзнаменование — это защита отечества», и, сказав это, он напал на греков с более чем обычным успехом].

[13] [Гроте говорит: «К дискредитации Ксенофонта, Эпаминонд никогда не упоминается в его повествовании о сражении, хотя он по сути признает, что исход сражения был решен непреодолимой силой фиванцев, примененной к одной точке фаланги врага; факт, который и Плутарх, и Диодор явно относят к гению полководца».]

[14] [σκούταλις — от оружия (σκούταλη), дубинки, которая, по-видимому, использовалась в основном.]

ГЛАВА XLVI. КОГДА ТЕБЫ БЫЛИ ВЕРХОВНЫМИ

СОВМЕСТНАЯ РАБОТА ЭПАМИНОНДА И ПЕЛОПИДА

Фиванцы имели все основания беречь свои силы и защищать свою республику от гражданских раздоров, поскольку число их противников увеличивалось по мере их успехов. Хотя они могли с гордостью оглянуться на то, чего достигли, их будущее отнюдь не было обеспечено. Они действительно сорвали неоправданные замыслы своих врагов. Спартанцы, которые полтора года назад лелеяли надежду уничтожить раздробленных фиванцев во имя бога, теперь оказались в полной беспомощности, в то время как фиванцы угрожали им почти такой же судьбой, с которой сами столкнулись; основание города, который предлагал безопасное убежище всем угнетенным и изгнанным жителям Лаконии, нанесло смертельный удар правящему дорийскому государству; уничтожение Пелопоннесского союза навсегда сломало спартанское господство.

Но сама быстрота, с которой были сброшены оковы, создала много трудностей, с которыми фиванцам пришлось столкнуться, когда они приступили к воссоединению разрозненных частей в новое целое. Гегемония Спарты, как и Афин, основывалась на древних народных традициях; каждая из них оправдывалась выдающимися качествами соответствующих государств, исключительной военной подготовкой и храбростью спартанцев, культурным и демократическим судебным устройством афинян; все греческие города-государства были связаны с тем или иным из этих государств на более или менее длительный период; следовательно, подчинение одному из них не было позором для любого города, поскольку предки его жителей уже находились в аналогичных отношениях.

Совершенно иная ситуация сложилась в случае с Фивами, которые ни своим историческим прошлым, ни величием и значимостью своего интеллектуального и нравственного прогресса и гражданских институтов не казались оправданными и подходящими для занятия столь выдающегося положения. Как бы пелопоннесцы ни восхищались храбростью, дисциплиной и отличным нравом фиванских войск, их военная репутация была слишком свежа, чтобы в глазах эллинов сравниться со славой спартанского оружия и его военным искусством; а ведь воинская доблесть и физическая ловкость были единственными достоинствами, которые фиванцы могли предъявить в поддержку своих притязаний на господство в Элладе. Они пренебрегали мореплаванием, хотя благоприятное положение страны с ее обширным побережьем на обоих берегах и отличными рейдами, особенно в Аулисе, давало много преимуществ; они всегда проявляли нежелание и презрение к торговле и промышленности и, как следствие, часто испытывали нужду в деньгах; в интеллектуальном и художественном прогрессе они не только отставали от Афин и эллинов Малой Азии, но и дорийские государства Спарта, Коринф, Сикион и Эгина также развивали более богатую культуру; сочинение лирических стихов и искусство игры на флейте были единственными достижениями, в которых беотийцы достигли какого-либо мастерства.

Чувство справедливости и гуманности было мало развито; жестокие и кровожадные по своему характеру, они преследовали своих врагов и соперников с кровожадной страстью, так что во время своей второй экспедиции на Пелопоннес Эпаминонд спас от мучительной смерти лишь нескольких аристократических беженцев из Беотии, отрицая их происхождение. Кроме того, склонность фиванцев к чувственным удовольствиям и их любовь к роскошным пирам и банкетам составляли разительный контраст с афинской простотой и умеренностью, а также с суровой и безрадостной жизнью спартанцев.

Уже отмечалось, что Эпаминонд был свободен от всех этих недостатков и пороков и делал все, что в его силах, чтобы их устранить; но он столь сильно превосходил своих сограждан, что его влияние ослаблялось именно этим фактом. Судил своих соотечественников по себе и предполагал, что они обладают той же добродетелью и нравственностью, тем же энтузиазмом по поводу славы и величия своей родины, что и он сам, и влек их в предприятия, которым ни их сила, ни их способности не были равны; он вступал на пути, которые они, с их недостаточным политическим образованием, не могли безопасно пройти. Поэтому справедливо было сказано, что вместе с телом Эпаминонда в могилу была унесена и слава Фив.

Когда срок его командования на поле боя истек, Эпаминонд вернулся домой, где ему вновь пришлось испытать неблагодарность сограждан. Народ, вновь восставший против него, не только обошел его вниманием при выборах беотархов, но, как рассказывают, обманутая толпа назначила его надзирателем дорог и каналов (телеархом), однако благодаря своему добросовестному управлению он придавал важность этой незначительной должности. Как на высшей, так и на низшей должности этот великодушный человек стремился работать на благо своей страны; его душа была свободна от мелких человеческих слабостей, которые так часто, как тёмная тень, прилипают к таланту и достоинствам. Это проявилось в другой сцене в следующем году.

Возвращаясь из похода в Фессалию, он, спасая Пелопида, с радостью вернулся домой, но слишком поздно, чтобы уберечь Фивы от позорного кровопролития. За это время вооруженные толпы, подстрекаемые страстными демагогами, выступили против Орхомена, где, как утверждалось, был раскрыт аристократический заговор, разрушили ненавистный город, убили знатных и влиятельных граждан, а остальных продали в рабство вместе с их женами и детьми. Так древний и знаменитый город Орхомен, некогда богатая столица минийцев, исчез из числа греческих городов. «Будь я дома, — сетовал Эпаминонд, — этого злодеяния никогда бы не произошло».

В Сузах, несмотря на свой отказ преклонить колено, Пелопид завоевал такую высокую благосклонность царя благодаря славе своих подвигов и воспоминаниям о древнем братстве по оружию, которое так долго существовало между Фивами и Персией, что условия мира, которые Артаксеркс объявил послам, оказались полностью соответствующими идеям и интересам Фив и их умелого представителя.

Но эта награда, выполнение которой, а вместе с ним и верховенство над Элладой, было поручено фиванцам, вызвала возмущение и сопротивление в других государствах. В Афинах посол Тимагарас был приговорен к смерти за свою близость с Пелопидасом; в Спарте было высказано несогласие с признанием мятежных мессенцев; в Аркадии народ возмутился признанием прав Элеи на сюзеренитет над районом Трифилия, который присоединился к Аркадскому союзу, а депутат Антиох, известный как боксер и борец, выразил свой гнев дома, высмеивая персов: «У царя, — сказал он, — было множество пекарей, поваров, виночерпиев и привратников, но, несмотря на тщательные поиски, он не смог найти людей, способных противостоять эллинам в бою; изобилие денег и богатств было тщетным зрелищем; знаменитое золотое платановое дерево едва ли могло дать тень саранче».

[368-365 гг. до н. э.]

При таком положении дел неудивительно, что принятие мира столкнулось с непреодолимыми трудностями. Послы, вызванные в Фивы следующей весной, отказались принести присягу, а аркадский депутат Ликомед даже возразил против места собрания, благодаря которому фиванцы наделяли свой город превосходством, и ушел в гнев. Попытки добиться согласия отдельных государств не увенчались большим успехом,

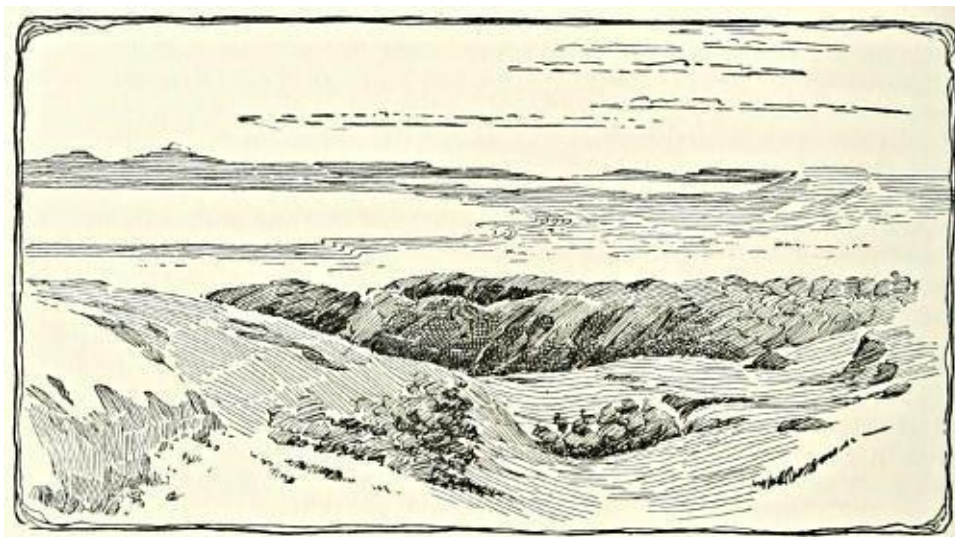
поэтому общая война возобновилась, а вместе с ней и кровопролитные междоусобные распри в каждом городе, бегство и преследование побежденных. Напрасно Эпаминонд, во время своей третьей пелопоннесской экспедиции, пытался внедрить принципы мягкости и гражданской терпимости в Ахайе: фивская республика, подстрекаемая аркадскими демократами, упразднила его учреждения и направила в страну магистратов, которые одобрили изгнание олигархов и установление неограниченных народных правительств, пока беженцы, собравшись вместе, силой не заставили их отозвать и вновь не перевели Ахайю в спартанский союз, после чего преследования приняли иную форму.

В Сикионе богатый и влиятельный гражданин Эуфрон, поддерживаемый аркадскими и аргивскими вспомогательными войсками, поставил новое содружество под защиту Фив и на конфискованное имущество изгнанных врагов нанял наемников, с помощью которых стал правителем своего родного города в качестве демагога и тирана. С помощью хитрости и вероломства, грабежей и преступлений он долгое время удерживал власть, пока, наконец, не был побежден и изгнан аристократической армией и убит в Фивах, куда некоторые из его врагов последовали за ним, на глазах у совета. Виновник этого деяния сумел так искусно защитить себя, что остался безнаказанным; но жители Сикиона почитали Евфрона, освободившего их от ига аристократов, как второго основателя своего города.

Таким образом, на всей территории Пелопоннеса царила ужасная партийная ярость; общины и отдельные лица, движимые страстью и местью, совершали дикие злодеяния и преступления. Исократ в своей речи под названием *«Архидам»* так описывает ситуацию на Пелопоннесе:

«Каждый город имеет своих противников, и поэтому мы наблюдаем опустошение страны, разрушение городов, подрыв правительств, пренебрежение законами. Люди боятся своих врагов меньше, чем своих сограждан. Богатые предпочитают бросить свое имущество в море, чем отдать его бедным; с другой стороны, бедные не желают ничего больше, чем ограбить богатых. Жертвоприношения приостановлены; люди убивают друг друга у алтарей. Из одного города изгнано больше людей, чем раньше из всего Пелопоннеса».

Законы больше не имели общего применения, поскольку древнее господство Спарты рухнуло, а превосходство Фив еще не было окончательно установлено ( ); все общие интересы исчезли, и в союзах и сецессиях учитывались только сиюминутные выгоды. Даже религиозное благоговение исчезло из умов людей; вотивные дары и сокровища храмов были конфискованы для оплаты наемных войск. Величайшие военные подвиги совершались без всякой цели; доблесть и воинский дух растрачивались в авантюрных сражениях и предприятиях. Однако, несмотря на такое беспорядочное положение дел, Спарта не могла восстановить свою мощь и авторитет: о свободе гражданства и восстановлении Мессении больше не говорили. С помощью сиракузских наемников, которых послал им Дионисий Младший, полководцы действительно сумели вернуть под свою власть город Селласия с перевалами в Аркадию; но с другой стороны, они были вынуждены позволить не только коринфянам, но и флиасийцам, самым верным союзникам Спарты, совершившим много доблестных поступков и проводящим множество походов против сикионцев и аргивян, заключить отдельный мир с Фивами. Сами они отказались присоединиться к нему, несмотря на уговоры своих друзей, потому что не могли решиться признать независимость мессенцев, чего от них требовали.

Вид на Коринф из Аркадии

[368-367 гг. до н.э.]

Поскольку Коринф, Флиос, Эпидавр и другие города теперь вступили в союз с Фивами, Аркадия заключила с Афинами договор о нападении и обороне, которому Эпаминонд, в качестве посла, тщетно пытался противодействовать речью против Каллистрата перед национальным советом Десяти тысяч. Но Ликомед, создатель этого союза, не смог пожать плоды своих трудов. По дороге домой он был жестоко убит несколькими аркадскими беженцами. Мечта об аркадской гегемонии была похоронена вместе с ним. Ни один другой государственный деятель не был способен привести эту некультурную, раздробленную нацию солдат и пастухов, чуждую любого рода совместных действий, к более высоким и патриотическим целям. Мелкие пограничные распри вновь привлекли все внимание аркадийцев, а растущее отчуждение между Мантинеей и Тегеей и ревность обеих к Мегалополису препятствовали укреплению и развитию единого государства. Вскоре споры с Элидой привели к другим осложнениям, чреватые последствиями, которые потребовали новой военной экспедиции со стороны фиванцев.

После битвы при Левктрах элейцы вновь завладели территорией Трифилии, которая когда-то была отнята у них спартамцами; но жители, недовольные правлением элейцев, обратились к аркадцам и, апеллируя к древним связям между народами, попросили и получили прием в Аркадский союз. Похоже, что сюзеренитет Элиды над Трифилией был признан в мире, установленном Персией, но распоряжения последней были приняты здесь так же плохо, как и везде; поэтому обе стороны были готовы отстаивать свои права силой оружия.

[365-364 гг. до н.э.]

Чтобы укрепить свои позиции, элейцы заключили союз со Спартой и освободили пограничный город Ласион на западном склоне Эриманфа в пользу группы олигархических беженцев из Аркадии. В этом поселении правительство Мегалополиса увидело враждебные намерения, поскольку оттуда олигархи могли без труда установить предательские связи с теми, кто думал так же, как они, и они воспользовались случаем, чтобы навестить мирную маленькую страну разрушительной войной. Они дошли с грабежами и разрушениями до самой столицы, разжег кровопролитную гражданскую войну между народной партией и олигархическими семьями ( ) и довели жителей до отчаяния. Напрасно элейцы вызвали

вторжение дружественных спартанцев на территорию Мегалополиса; после героической борьбы аркадцы заставили лакедемонийского царя Архидама сдать крепкий горный город Кромнус, который он занял быстрым движением, и вынудили его к катастрофическому отступлению, во время которого сто лакедемонийских граждан попали в руки победителей. И поскольку приближалось время Олимпийских игр, они захватили святое место и передали право судить соревнования писатам.

Элейцы, разгневанные этим посягательством на их права, выступили со своими сосредоточенными силами и на священной земле, на глазах у собравшихся на праздник, провели кровопролитное сражение, которое в конце концов закончилось их поражением. Элейцы были вынуждены уступить место аркадцам и довольствоваться исключением праздника из ряда олимпийских лет на том основании, что он был отмечен в нарушение закона и порядка. Конфедеративное правительство Аркадии завладело сокровищами храма и, несмотря на протесты мантинейцев, использовало их для покрытия расходов на войну и оплаты национальных сборов и *эпарити*. Это усугубило раскол и разногласия, которые уже некоторое время делили аркадийскую конфедерацию на два лагеря и теперь переросли в разлад, который привел к серьезным последствиям. Мантинейцы, уступавшие по численности в федеральном правительстве и национальном совете, вновь обратились к спартанцам, в то время как демократы из Тегеи, которые тогда имели преимущество в руководстве объединенной Аркадией, придерживались союза с Фивами.

КОНЕЦ ПЕЛОПИДА

[364-357 гг. до н.э.]

Фиванцы не принимали участия в этих событиях на Пелопоннесе, за исключением содержания провинциальных губернаторов (хармостов) и гарнизонов в Тегее, Сикионе и других городах с целью защиты своих интересов и поддержки демократии. Сложности в Фессалии и попытки Антиоха ( ) отнять у афинян господство на море отняли всю энергию их государственных деятелей. Вскоре после отступления Эпаминонда и Пелопида после спасения последнего Александр, жестокий тиран Фера, возобновил свои планы завоевания горной страны, покорил города ахейцев, фтиотов и магнетов и распространил свой военный деспотизм на всю страну. Тогда угнетенный и угрожаемый народ вновь обратился за помощью к фиванцам, которые теперь собрали армию из семи тысяч гоплитов, чтобы сурово отомстить нарушителю мира. Но в день, назначенный для отправления, произошло солнечное затмение, которое настолько напугало суеверный народ, что поход пришлось отложить.

Пелопид, беотарх, который был выбран для руководства этим предприятием, не испугался волнения и решил осуществить план самостоятельно, возглавив двести всадников, будучи уверенным, что при его появлении фессалийские солдаты и добровольцы массово присоединятся к нему. И его ожидания не были обмануты. Уже в Фарсале он оказался во главе таких сил, что рискнул штурмовать линию холмов, называемую «Собачьими головами» (*Cynoscephalæ*), которую удерживал Александр с гораздо более сильной армией. Ряды врага уже давали сдачу, когда Пелопид, в порыве победы и мести, бросился на убегающего тирана и, отделившись от своих людей, встретил смерть от копий телохранителей. Обезумевшие от гибели своего храброго вождя, фиванцы и их соратники с новой энергией ( ) бросились в атаку и одержали полную победу. И как будто честь этого успеха принадлежала исключительно погибшему полководцу, они сложили добычу и оружие убитых врагов рядом с его телом, как памятник победе, и предались глубочайшему горю. Многие обрезали свои волосы или гривы своих лошадей, многие провели день в своих

палатках, не едя и не разжигая костра. И когда тело везли в Фивы, все города по пути выражали свое сочувствие траурными торжествами, а в его родном городе величественные похоронные церемонии свидетельствовали о глубокой любви и почете фиванцев к согражданину, который так хорошо им служил, который со славных дней Освобождения всегда входил в число беотархов, чье имя ассоциировалось с самыми знаменитыми деяниями и самыми гордыми воспоминаниями, и который был не менее известен своим рыцарским и великодушным характером, чем своим героическим духом и чистым патриотизмом.

Вся армия вышла на поле боя, чтобы отомстить за его смерть, и вместе с союзниками из Фессалии вскоре поставила тирана в такое затруднительное положение, что он просил о мире, который победители с большей великодушием, чем дальновидностью, ему предоставили. Он был вынужден покинуть занятые им города, ограничить свое владение Ферами и окрестностями и нести военную службу фессальцам; это соглашение не обеспечивало ни удовлетворительной защиты от повторения подобных посягательств, ни мощного союза для фессальцев. Как и на Пелопоннесе, в Фессалии теперь царило состояние беспорядка и разложения, которое в конечном итоге подготовило северному завоевателю путь в сердце Эллады.

Еще в течение семи лет Александр продолжал свои гнусные деяния, обратив свое внимание на пиратство и грабеж островов и прибрежных городов. В общей неразберихе его дерзость дошла до того, что, как говорят, он однажды застал Пирей в момент неосторожности и унес богатую добычу. Наконец, по наущению его жены Фебы, которая ранее подговорила заключенного Пелопида против своего жестокого мужа, он был убит ее братьями.

[366-362 гг. до н. э.]

Пиратские экспедиции, которыми Александр терроризировал северные воды, вероятно, проводились с ведома и попустительства Фив с целью досадить афинянам. Последние, особенно после союза со Спартой, прилагали самые активные усилия, чтобы восстановить свое влияние над морскими государствами, хотя их средства и силы были невелики, а наемники и пельтасты, укомплектовывавшие их корабли, мало подходили для замены старой гражданской армии. Ификрат в течение трех лет курсировал по северным водам, пытался вернуть греческие города во Фракии и Македонии к их прежним отношениям с Афинами и неоднократно нападал на Амфиполь, но не смог отвоевать эту древнюю колонию; Тимофей подчинил Самос и с помощью восставшего персидского правителя Ариобарзана захватил Сестос и Критот на Фракийском Херсонесе, благодаря чему были восстановлены отношения с Византием, а также завоевал прочное положение в Халкидике и заливе Термы, захватив Потидею и Тороне, а также Метону и Пеллу. Эти успехи Афин, хотя и незначительные по сравнению с их прежним господством над морем и побережьями, и ненадежные ввиду невозможности постоянно обеспечивать наемных войска жалованьем и продовольствием, тем не менее пробудили ревность Фив.

Проницательный Эпаминонд не мог не заметить, что его родной город мог достичь гегемонии в Греции только в том случае, если бы власть над морем была отнята у афинян, и, будучи столь же смелым и предприимчивым, сколь и проницательным, он попытался убедить своих соотечественников ( ) построить флот. Фивы должны были стать морской державой, чтобы, как он заявил перед народом, «поставить Пропилеи Афинского Акрополя под надзор Кадмеи»; не то чтобы он хотел приучить могущественные национальные силы к соблазнительной жизни на море и тем самым ослабить тяжеловооруженную милицию; старый способ ведения войны, основанный на обычаях, воспитании и традициях, должен

был и впредь преобладать; но для обеспечения надежного господства в Элладе флот был незаменим. Голос этого великого полководца был настолько влиятелен, что, несмотря на протесты популярного оратора Менеклида, народ Фив немедленно принял решение о строительстве и оснащении ста триер и создании собственных верфей.

Он сам взял на себя командование флотом, и с его приходом острова Хиос и Родос, а также важный город Византий были склонены отделиться от Афин. Роковым для Фив и их патриотического лидера было то, что их появление повсюду приводило к ослаблению еще сохранившихся федеративных связей и распаду всех сил, но не позволяло им самим достичь высоты великой державы. Ни один иностранный враг не мог бы найти средства, столь хорошо приспособленные для развала и ослабления эллинской нации, как дезорганизующая и разъединяющая политика фиванского полководца.

БИТВА ПРИ МАНТИНЕЕ И СМЕРТЬ ЭПАМИНОНДА

Афиняне, разгневанные на фиванцев за нападение на их морское господство и оккупацию города Ороп на северо-восточной границе, вскоре нашли возможность выразить свое недовольство с помощью оружия. В Аркадии вражда сторонников демократического государственного единства, во главе с тегеанами, против защитников древней федеративной организации на олигархических принципах под знаменем мантинейцев достигла высокой степени возбуждения. Ситуация еще более усугубилась, когда фиванский наместник арестовал ряд граждан из Мантинеи, которые симпатизировали лаконям и праздновали в Тегее недавно заключенный мир с Элидой, и, как говорили, намеревались воспользоваться этой возможностью для осуществления замысла, который поставил бы город в зависимость от спартанцев: испугавшись угрожающей позиции своих сторонников, наместник снова освободил их; но после подачи жалобы в Фивы, обиженные аркадцы не получили желаемого удовлетворения за это нарушение мира, а напротив, освобождение заключенных было осуждено. Тогда мантинейцы объединились с лакедемонянами, афинянами, ахейцами и элейцами и приготовились к борьбе против народной партии в Тегее и Мегалополе, а также против фиванцев, которые приближались для защиты последнего и сохранения границы против Лакедемона.

[362 г. до н. э.]

Весной 362 года Эпаминонд с значительной армией, состоящей из союзников-беотийцев, эвбейцев, фессалийцев и т. д., без сопротивления прошел через Немею в Тегею, где собрал вокруг себя войска союзников-аркадийцев, аргивян и мессенцев, в то время как противная сторона собрала свои силы в Мантинее. Когда фиванский полководец узнал, что Агесилай и лакедемонское войско направляются к месту встречи их сторон и уже достигли города Пеллана на границе Аркадии и Лаконии, он поспешно решил ночным маршем продвинуться на Спарту и захватить столицу врага, лишенную защитников, «как пустое гнездо».

Этот план, несомненно, увенчался бы успехом, поскольку в городе оставалось лишь небольшое число граждан, если бы Агесилай, узнав об этом замысле от дезертира, не послал гонца к своему сыну Архидаму с приказом немедленно привести город в состояние обороны, а сам не отправился обратно с кавалерией. Таким образом, когда Эпаминонд приблизился к берегам Еврота, почти одновременно с Агесилаем, он обнаружил, что город так хорошо охраняется, что после ожесточенного сражения был вынужден отступить с потерями. Правда, ему удалось проникнуть на рыночную площадь, но когда он попытался штурмовать верхние части города, он встретил упорное сопротивление. Жители снесли свои дома и воздвигли баррикады, чтобы перекрыть подступы. Защищенные этими укреплениями и преисполненные патриотическим энтузиазмом, спартанские граждане под руководством

старого царя и его сына совершили подвиги доблести и доказали, как говорит Ксенофонт, что никто не может легко удержать свои позиции против отчаявшихся людей. Даже женщины и дети внесли свой вклад, бросая с крыш камни, утварь и снаряды. Исадас, красивый сын Фебидаса, особенно отличился своим героизмом и смелостью. Разочаровавшись в своих надеждах заставить Спарту врасплох, Эпаминонд отказался от атаки, тем более что он узнал, что вся объединенная армия врага вышла из Мантинеи и спешит на помощь осажденному городу.

Теперь он разработал план, чтобы компенсировать неудачу предприятия против Спарты, захватив город Мантинея, теперь лишенный своих войск, или, по крайней мере, разграбить запасы зерна и стада скота, собранные там. Обманув врага с помощью сигнальных костров и имитации атаки, он провел армию обратно в Тегею сложным ночным маршем. Здесь он предоставил краткий отдых уставшей пехоте, в то время как конница продвигалась к Мантинее. Но Эпаминонд понял, что судьба против него. Фиванцы уже подошли к городу на расстояние семи стадий [почти миля], когда увидели, как афинские вспомогательные войска входят в ворота с противоположной стороны. Гегесилай, вождь афинской кавалерии, был засыпан мольбами мантинцев, опасавшихся за свою собственность, и он сразу же выступил против врага, с которым сразился под стенами города в ожесточенном кавалерийском бою, из которого афиняне в конце концов вышли победителями. В этой предварительной стычке при Мантинее пали храбрые афинские военачальники Кефисодор и Грилл, сын Ксенофонта. Их память по-прежнему чтится их согражданами. Грилл был изображен художником Эуфроном в момент убийства фиванца своим копьем, и это обстоятельство, в связи с путаницей между предыдущей стычкой и основным сражением, могло послужить поводом для появления истории о том, что Эпаминонд был убит Гриллом.

Все силы обеих сторон теперь сосредоточились на равнине Мантинеи и Тегеи, решив определить будущую судьбу Греции в решающей битве. У Эпаминонда были веские причины желать этого решения. Две неудачные кампании с изнурительными и бесплодными походами не способствовали укреплению его репутации как полководца, а длительная задержка неизбежно ослабила бы дух его солдат, которые с такой преданностью придерживались его, и подорвала бы престиж Фив. Кроме того, его сторонники превосходили числом противника. Численность его армии составляла тридцать тысяч тяжеловооруженных солдат и три тысячи всадников; силы противника были меньше на десять тысяч гоплитов и тысячу всадников. Вера в Эпаминонда вдохновила его солдат на величайший энтузиазм перед сражением; они с нетерпением полировали свои шлемы и щиты, затачивали мечи и копья, а аркадские воины с дубинами приняли фиванское знамя.

В расположении и порядке своей боевой линии Эпаминонд следовал в основном тому же плану, который так хорошо сработал в Левктрах, только для того, чтобы обмануть и закрепить преимущество над врагом, он приказал войскам, выстроенным для сражения, сделать вид, что они отступают к западным высотам; затем, когда враг, полагая, что сражение будет отложено, начал нарушать боевой порядок, он внезапно совершил быструю и яростную атаку, так что с первого же удара его левое крыло, где находились фиванцы и самые храбрые из союзников, сломило левое крыло врага, состоявшее из спартанцев и мантинейцев. Уже все крыло начало колебаться и бросилось в беспорядочное бегство; когда, в самый момент, когда он был близок к полной победе, Эпаминонд, смело продвигаясь вперед, был поражен в грудь копьем, брошенным из вражеских рядов, с такой силой, что древко отломилось, а железо осталось в ране.

Он был еще жив, когда его вынесли из мелея, но падение их вождя потрясло дух и уверенность войск и вызвало такое смятение, что наступающая колонна замерла, как парализованная, и не воспользовалась своей победой. Правое крыло, состоявшее из

кавалерии и пельтастов, было разгромлено противостоящими афинянами, и таким образом сражение осталось без решающего исхода, хотя фиванцы сохранили владение полем битвы, а спартанцы первыми обратились с просьбой о заключении обычного перемирия для захоронения погибших, что всегда рассматривалось как признак поражения. Однако обе стороны установили памятники победе. Эпаминонд был тяжело ранен, и врачи заявили ему, что извлечение копья приведет к его смерти. С лесистой возвышенности он наблюдал за сражением, прикрывая рану рукой, пока ему не принесли его щит, который был потерян в суматохе, и не сообщили о победе фиванцев. Тогда он сказал: «Теперь пора умирать». Он попросил привести к нему двух своих храбрых соратников, Дайфанта и Иолаидаса, и, узнав, что они тоже погибли в сражении, посоветовал своим согражданам заключить мир; затем, с спокойным и безмятежным выражением лица, он вытащил железо из своей груди и сдал свой героический дух. Его любимый Кефисодор пал рядом с ним и был похоронен им на поле битвы. Когда друзья, стоявшие вокруг него, сетовали, что он не оставил после себя детей, он, как сообщается, шутливо ответил: «Разве я не оставляю вам двух благородных дочерей — битвы при Леуктрах и Мантинее?»^{[b](#)}

Сандалии, которые носили греческие солдаты

В последней главе своей книги «Эллиники» Ксенофонт с опозданием отдает должное гению Эпаминонда, которого он даже не упомянул в своем рассказе о Левктрах. В этой великолепной и общегреческой битве при Мантинее Ксенофонт потерял сына, который погиб мужественно и был удостоен чести в виде памятника, воздвигнутого мантийцами. Отец, сам будучи солдатом, оставил менее бранный памятник в своей истории, заключение которой мы цитируем ниже:

РАССКАЗ КСЕНОФОНА О ТОМ, КАК ЭПАМИНОНДА СРАЖАЛСЯ

Эпаминонд, осознав, что ему придется покинуть Тегею через несколько дней, поскольку срок экспедиции скоро истечет, и что, если он оставит без защиты тех, к кому он пришел как союзник, они будут осаждены и покорены врагами, а он сам сильно пострадает в репутации, поскольку был отбит в Спарте с многочисленным отрядом тяжеловооруженных войск горсткой людей; потерпев поражение в кавалерийском сражении при Мантинее и став причиной объединения лакедемонян, аркадцев, ахейцев, элеанцев и афинян в результате своей враждебной экспедиции на Пелопоннес, — счел по этим причинам невозможным уйти без боя; поскольку он полагал, что в случае победы все его предыдущие неудачи будут забыты, а в случае смерти его смерть будет славной, поскольку он пытался оставить власть над Пелопоннесом своей стране. То, что он рассуждал таким образом, мне не кажется несколько удивительным, ибо таковы рассуждения людей, жаждущих славы; но то, что он так дисциплинировал свою армию, что она не падала духом ни днем, ни ночью, не уклонялась от опасностей и, несмотря на скудные запасы провианта, была готова подчиняться приказам, мне кажется гораздо более удивительным. Ибо когда он наконец приказал им готовиться к сражению, всадники по его слову начали усердно полировать свои шлемы; тяжеловооруженные войска аркадцев наносили на свои щиты дубинки, как тебанцы, и все воины затачивали свои копья и мечи и полировали свои щиты.

После того как он вывел их, подготовленных таким образом, стоит обратить внимание на то, как он поступил. Прежде всего, как и следовало ожидать, он выстроил свои войска и тем самым дал явные признаки того, что готовится к сражению. Однако когда его армия была выстроена так, как он хотел, он не повел ее кратчайшим путем к врагу, а направил к горам на западе и напротив Тегеи, чтобы у врага сложилось впечатление, что он не будет сражаться в тот день. потому что, когда он приблизился к холмам, после того как его основные силы выстроились в полном составе, он приказал своим людям сложить оружие у подножия холмов, чтобы создать впечатление, будто он разбивает лагерь. Поступая таким образом, он ослабил решимость сражаться, которая была в сердцах большинства врагов, и заставил их покинуть свои посты на поле боя. Но когда он вывел на передний план роты, которые во время марша находились на флангах, и укрепил часть, в которой он был

размещен, придав ей форму клина, он немедленно отдал приказ своим войскам возобновить оружие и начал продвигаться, а они следовали за ним. Что же касается врага, то, увидев, что фиванцы, вопреки их ожиданиям, наступают, никто из них не смог остаться на месте: одни бежали на свои позиции, другие выстраивались в линию, третьи запрягали лошадей, четвертые надевали нагрудные доспехи; однако все они больше походили на людей, идущих на верную гибель, чем на тех, кто готов нанести удар.

Эпаминонд вел свою армию, как военный корабль, направленный носом на врага, рассчитывая, что, где бы он ни атаковал и прорвал их ряды, он нанесет поражение всей их армии; он был готов решить исход сражения сильнейшей частью своих войск; более слабые части он отодвинул на расстояние, зная, что в случае их поражения они вызовут панику среди своих людей и уверенность у врага. Враг, со своей стороны, выстроил свою кавалерию как отряд тяжеловооруженной пехоты, с плотной глубиной, без пехоты для поддержки; но Эпаминонд, напротив, сформировал из своей кавалерии сильный клин и разместил роты пехоты для поддержки, полагая, что, прорвав кавалерию врага, он разгромит всю их силу, поскольку трудно найти людей, которые останутся на месте, увидев, что часть их союзников бежит; и чтобы афиняне не могли послать подкрепление с левого фланга той части врага, которая находилась ближе всего к ним, он разместил напротив них, на возвышенности, отряды конницы и тяжеловооруженной пехоты, желая внушить им опасение, что, если они пойдут на помощь другим, его собственные войска атакуют их с тыла.

Таким образом он начал сражение; и его ожидания оправдались, поскольку, добившись успеха в той части, на которую он нанес удар, он заставил весь отряд врага бежать. Но когда он сам пал, те, кто выжил, не смогли эффективно воспользоваться своей победой; потому что, хотя основные силы врага бежали перед ними, его тяжеловооруженные войска не убили ни одного из них и даже не продвинулись дальше места, где произошла атака; и хотя кавалерия также отступила, его собственная кавалерия не преследовала и не убивала ни всадников, ни пехотинцев, а, как люди, которые были побеждены, в трепете ускользнула среди бегущих противников. Другие пехотные отряды и пельтасты, которые участвовали в успехе кавалерии, продвинулись к левому флангу врага, как будто они были хозяевами поля битвы, но там большая часть из них была убита афинянами.

Когда сражение закончилось, его результат оказался совершенно противоположным тому, чего все ожидали; поскольку почти вся Греция собралась на это событие и выстроилась на поле, никто не предполагал, что, если произойдет сражение, одна сторона победит и станет господствующей, а другая будет побеждена и станет подчиненной; но божественная сила распорядилась так, что обе стороны воздвигли трофеи как победители, и ни одна из сторон не мешала другой в этом; обе стороны, как победители, вернули убитых по перемирию, и обе стороны, как побежденные, приняли их по перемирию; и ни одна из сторон, хотя каждая утверждала, что победа принадлежит ей, не получила больше, чем имела до битвы, ни в виде земель, ни в виде городов, ни в виде власти. Более того, после конфликта в Греции царила еще большая неразбериха и беспорядки, чем до него.⁴

ОЦЕНКА ЭПАМИНОНДАСА ГРОТОМ

Едва ли какой-либо другой персонаж греческой истории был оценен с таким единодушием, как Эпаминонд. Он заслужил всеобщее восхищение — искреннее и сердечное, а от некоторых — даже восторженное. Цицерон провозгласил его первым человеком Греции. Суждение Полибия, хотя и не сформулированное столь категорично в одном эпитете, высказано в не менее значимой и хвалебной манере. И это мнение было сформировано не только историками и критиками. Лучшие деятели, сочетавшие в себе качества солдата и патриота, такие как Тимолеон и Филопмен, ставили Эпаминонда в

пример для подражания. Часто звучавшее замечание, которое приходит на ум всякий раз, когда мы говорим об Эпаминонде, хотя его полная сила будет ощутима только тогда, когда мы перейдем к последующей истории, — что с ним началось и закончилось достоинство и господствующее влияние Фив. Период его активной политической жизни охватывает шестнадцать лет, от возрождения Фив как свободного сообщества, изгнания лакедемонийского гармоста и гарнизона и свержения правящей олигархии до рокового дня при Мантинее 379-362 гг. до н. э. Его выдающееся и беспрецедентное господство относится к последним восьми годам, с победы при Левктрах в 371 г. до н. э. На протяжении всего этого периода все, что мы знаем, и все, что мы можем разумно предположить, полностью подтверждают суждение Полибия и Цицерона, которые имели возможность узнать гораздо больше. И это, следует заметить, несмотря на то, что Эпаминонд подвергается суровому осуждению, поскольку главный сохранившийся свидетель его современников является явно враждебным. Даже филолаконский Ксенофонт не находит ни проступков, ни упущений, которые можно было бы раскрыть в столице, враг Спарты — упоминает его только для того, чтобы записать то, что достойно уважения, и проявляет извращенную предвзятость, в основном замалчивая или преуменьшая его триумфы. Человек, чья красноречивость бросила вызов Агесилаю на съезде, непосредственно предшествовавшем битве при Левктрах, — человек, который в этой битве лишил Спарту ее славы и перенес венец в Фивы, который через несколько месяцев не только опустошил всю девственную территорию Лаконии, но и отрезал лучшую ее половину для восстановления независимости Мессены, и основал враждебную аркадскую общину Мегалополис на ее границе — автор этих роковых бедствий вызывает у Ксенофонта такое невыносимое раздражение и антипатию, что в первых двух он умалчивает имя, а в третьем — замалчивает сам факт. Но в последней кампании, предшествовавшей битве при Мантинее, в которой Спарта не понесла никаких существенных потерь, а смерть Эпаминонда смягчила все предубеждения против него, не было такого сильного давления на верность историка. Соответственно, заключительная глава «Эллиники» Ксенофонта содержит обширную и безоговорочную хвалебную речь о военных заслугах фиванского полководца; его смелые предприятия ( ), его всеобъемлющую дальновидность, его заботу об избежании ненужной опасности для солдат, его превосходную дисциплину, его хорошо скомбинированную тактику, его богатые агрессивные ресурсы в нанесении ударов по слабым местам врага, который довольствуется тем, что следует за его ударами и парирует их (используя сравнение Демосфена), как неумелый боксер, и добивается успеха в этом только благодаря случайной помощи.

[379-362 гг. до н. э.]

Усилия стратегического гения — тогда впервые придуманные и примененные, направленные на то, чтобы нанести сокрушительный удар по одной точке вражеской линии, в то время как остальная часть его армии оставалась относительно в тылу, пока исход сражения не был решен — ясно отмечены Ксенофоном, наряду с их триумфальным результатом, в битве при Мантинее; хотя та же самая комбинация на поле битвы при Левктрах в его описании замазана, как будто она была настолько обыденной, что не требовала упоминания о вожде, который ее придумал. Сравните Эпаминонда с Агесилаем — насколько велико превосходство первого — даже в повествовании Ксенофонта, искреннего поклонника второго! Как очевидно нам дают понять, что только роковая рана копьем в Мантинее помешала ему пожать плоды серии замечательных маневров и стать арбитром Пелопоннеса, включая саму Спарту!

Одни только военные заслуги Эпаминонда, если бы они принадлежали генералу наемников, не сопровождавшиеся никакими другими достоинствами, сделали бы его человеком высокого и оригинального гения, превосходящим всех других греков, как

предшественников, так и современников. Но особенность этого великого человека заключается в том, что нам не приходится брать что-то из одной стороны его характера, чтобы компенсировать недостатки в другой. Его великолепные военные способности никогда не использовались в личных целях — ни для корысти, ни для амбиций, ни для чрезмерного тщеславия. Бедный в начале своей жизни, он умер, не оставив даже средств на оплату своих похорон, пренебрегая многочисленными возможностями обогатиться, которые предоставляла ему его должность, а также самыми щедрыми предложениями от иностранцев. По своему природному темпераменту он был настолько мало амбициозен, что друзья обвиняли его в вялости. Но как только опасная угроза Фивам потребовала этого, он проявил в их защите столько же энергии, сколько и самые амбициозные из ее граждан, без той придирчивой требовательности, часто встречающейся у амбициозных людей, в отношении степени прославления или почтения, причитающихся ему от соотечественников. И его личное тщеславие было настолько слабо, что даже после грандиозного успеха при Левктрах мы видим его служащим в Фессалии рядовым гоплитом в рядах и в городе эдилом или низшим уличным магистратом под титулом Теларха. Это яркий пример способности и готовности как командовать, так и подчиняться, которые, по мнению Аристотеля, в совокупности составляют характерную черту достойного гражданина ( ). Однажды он навлек на себя недовольство сограждан своей мудрой и умеренной политикой в Ахайе, которую они по своей недалёковидности решили отменить. Мы также не можем сомневаться в том, что он часто подвергался нападкам со стороны политических цензоров и врагов — что было обычным явлением в любом свободном государстве, — но ни одна из этих причин не нарушила достоинства и спокойствия его политического курса. Поскольку он никогда не добивался популярности с помощью недостойных уловок, он сносил непопулярность без ропота и без гневного отказа от патриотического долга.

Мягкость его антипатии к политическим оппонентам внутри страны была непоколебимой; и, что еще более примечательно, среди прецедентов и практики греческого мира, его враждебность по отношению к иностранным врагам, беотийским диссидентам и фиванским изгнанникам была неизменно свободна от реакционной мести. На предыдущих страницах этой книги приведены достаточные доказательства редкого сочетания качеств в одном человеке — высокой бескорыстности не только в отношении коррупционных доходов, но и в отношении более соблазнительных проявлений амбиций, в сочетании с справедливой мерой привязанности к сторонникам и беспрецедентной мягкостью по отношению к врагам ( ). Его дружба с Пелопидом никогда не нарушалась в течение пятнадцати лет их совместной политической карьеры — отсутствие ревности было заметным и заслуживающим уважения для обоих, хотя больше всего для Пелопида, более богатого, а также менее значительного из двух. Им обоим, а также их гармоничному сотрудничеству Фивы обязаны своим недолгим великолепием и господством. Однако, сравнивая одного с другим, мы видим, что Пелопиду не хватает не только выдающегося стратегического гения и яркой красноречивости, но даже постоянной бдительности и благоразумия, которые никогда не покидали его друга. Если бы Пелопид имел Эпаминонда в качестве своего спутника в Фессалии, он вряд ли доверился бы добросовестности и не оказался бы в темнице ферийского Александра; он также не бросился бы в безумном порыве навстречу верной гибели при виде ненавистного тирана в последующей битве.

В красноречии Эпаминонд, несомненно, нашел бы себе равных в Афинах, но в Фивах у него не было ни равных, ни предшественников, ни преемников. В новой фазе, в которую вступили Фивы после изгнания лакедемонян из Кадмеи, такой дар был вторым по важности после великих стратегических качеств; а сочетание обоих возвысило их обладателя до посланника, советника, оратора своей страны, а также ее военного министра и главнокомандующего. Стыд признать Фивы ведущим государством в Греции, воплощенный

в распространенных фразах о беотийской глупости, значительно смягчался, когда их представитель на собрании конгресса говорил с плавной красноречивостью гомеровского Одиссея, а не громким, кратким и поспешным хвастовством Менелая. Обладание такой красноречивостью в не вдохновляющей атмосфере Фив подразумевало гораздо большую умственную силу, чем аналогичное достижение в Афинах. У Эпаминонда она была неразрывно связана с мышлением и действием — тем тройным сочетанием мышления, речи и действия, которое Исократ и другие афинские софисты ставили перед своими слушателями как основу и условие достойной гражданской жизни. К физической подготовке и военной практике, общим для всех фиванцев, Эпаминонд добавил горячий интеллектуальный импульс и широкий круг обсуждений с окружающими его философами, свойственный только ему.

Он не был втянут в общественную жизнь случаем рождения или богатством, не был поднят и поддержан олигархическими клубами и даже не был изначально определен к этому какой-либо спонтанной амбицией. Но великая революция 379 года до н. э., изгнавшая из Фив как лакедемонский гарнизон, так и местную олигархию, правившую с его помощью, вынудила его выступить вперед из-за сильнейших обязательств как долга, так и интереса, поскольку только энергичная защита могла спасти его и всех других свободных фиванцев от рабства. Подобная необходимость выдвинула на первый план Американскую революцию и первую Французскую революцию, самые образованные и способные люди страны, независимо от того, были ли они амбициозны по своему характеру или нет. Как давление времени подтолкнуло Эпаминонда вперед, так оно же побудило его соотечественников искать компетентного лидера, где бы он ни находился; и ни в одном другом живом человеке они не могли найти такого же сочетания солдата, полководца, оратора и патриота. Просматривая всю греческую историю, мы находим столь же многогранное совершенство только в Перклике; хотя он и уступал Эпаминонду как полководец, Перкл должен считаться превосходящим его как государственный деятель. Но для обоих верно одно и то же: и их вклад в значительной степени иллюстрирует источники греческого совершенства — ни один из них не был исключительно продуктом школы практики и опыта. Оба они принесли в эту школу умы, закаленные в беседах с самыми образованными философами и софистами, доступными им, — умы, обученные разнообразным интеллектуальным комбинациям и более широкому кругу предметов, чем те, которые выносились на обсуждение общественного собрания, умы, знакомые с рассуждениями, которые скрупулезный благочестивый Никиас отвергал, а преданный военный патриот Пелопида презирал.

В одном пункте политика, рекомендованная Эпаминондасом своим соотечественникам, выглядит сомнительной с точки зрения мудрости — его совет соперничать с Афинами за морскую и военно-морскую мощь. В этом совете нельзя увидеть ту же точную оценку постоянных причин — ту же дальновидную точку зрения на условия силы Фив и слабости их врагов, которая диктовала основание Мессены и Мегалополиса. Эти два города, однажды основанные, так прочно укоренились, что Спарта не смогла убедить даже своих союзников помочь в их уничтожении; это явное доказательство здравого рассуждения, которым руководствовался их основатель.

Что бы сделал Эпаминонд — следовал ли бы он столь же благоразумным и проникательным принципам, если бы он пережил победу при Мантинее, — мы не можем даже предположить. Он оказался бы тогда на вершине славы и обладал бы такой полнотой власти, которой ни один грек никогда не обладал, не злоупотребляя ею. Но все, что мы знаем об Эпаминонде, оправдывает предположение, что он оказался бы равным, более чем любой другой грек, даже этому великому испытанию; и что его преждевременная смерть лишила его будущего, не менее почетного для него самого, чем благотворного для Фив и Греции в целом.^d

СМЕРТЬ ЭПАМИНОНДА И ПУТАНИЦА, КОТОРАЯ ЗА НЕЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО

[362-361 гг. до н. э.]

Так умер Эпаминонд — самый способный полководец, самый благородный гражданин, самый безупречный человек, даже если и не величайший государственный деятель, в греческом мире. Сочетание военных способностей с гражданской добродетелью, физической силы с интеллектуальной культурой и красноречием, мужественной смелости с человеческими чувствами, практических способностей с идеальными устремлениями, заслуг со скромностью, славы с смирением, власти с простотой завоевало ему восхищение последующих поколений, как и всего древнего мира. Он пал жертвой прискорбной братоубийственной войны; и города и граждане, вместо того чтобы плакать и бить себя в грудь в покаянии над трупом этого великодушного человека, ревностно спорили между собой о чести пронзить его грудь смертельным ударом. Но так велико было его влияние даже после смерти, что вскоре после этого все греческие государства последовали его совету и заключили мир, основанный на признании *статус-кво*. Им всем нужно было время, чтобы принять новые решения и собрать новые силы. Только Спарта держалась в стороне, упорно отказываясь признать политическую независимость Мессении.

Агесилай не прожил долго после смерти своего противника. Через год после битвы при Мантинее он отправился в Египет с армией наемников в сопровождении тридцати спартанских граждан, чтобы сражаться на стороне мятежных царей Тахуса и Нектанебо против персов, мстя за то, что Артаксеркс провозгласил независимость Мессении. Но он не добился большой славы. Вместо того, чтобы быть назначенным главнокомандующим боевыми силами, как он надеялся, ему пришлось довольствоваться должностью капитана наемников ( ). Египтяне были очень разочарованы, увидев вместо рыцарственного короля, увенчанного славой, восьмидесятилетнего старика, немощного, небольшого роста и плохо одетого, который, лишенный восточного королевского достоинства, пышности и торжественности восточных правителей, сел на траву со своими последователями, чтобы поделиться скудной трапезой. Через некоторое время он покинул страну Нила, чтобы через Кирену вернуться в свою страну, получив королевское вознаграждение от Нектанебо, но так и не встретившись с персами в бою. Однако он умер в пути. Его скорбящие спутники взяли тело Агесилая, чтобы похоронить его в Спарте, городе его отцов, чью высшую мощь и упадок он видел собственными глазами. Что касается полководческих способностей и великодушия, спартанский царь значительно уступал фиванскому гражданину, но он равнялся с ним в простоте привычек и образа жизни, в добровольной бедности, в презрении к земным богатствам, в неподкупной честности и горячем патриотизме. Это были последние яркие звезды в свободной Элладе; но в то время как Эпаминонд сиял для последующих поколений как образец высокодуховного патриотического полководца, Агесилай указывал своим соотечественникам на приключенческий путь зарубежных путешествий и приучал их к бесчестному ремеслу наемника, которому отныне все больше и больше предавались грубые граждане Спарты.

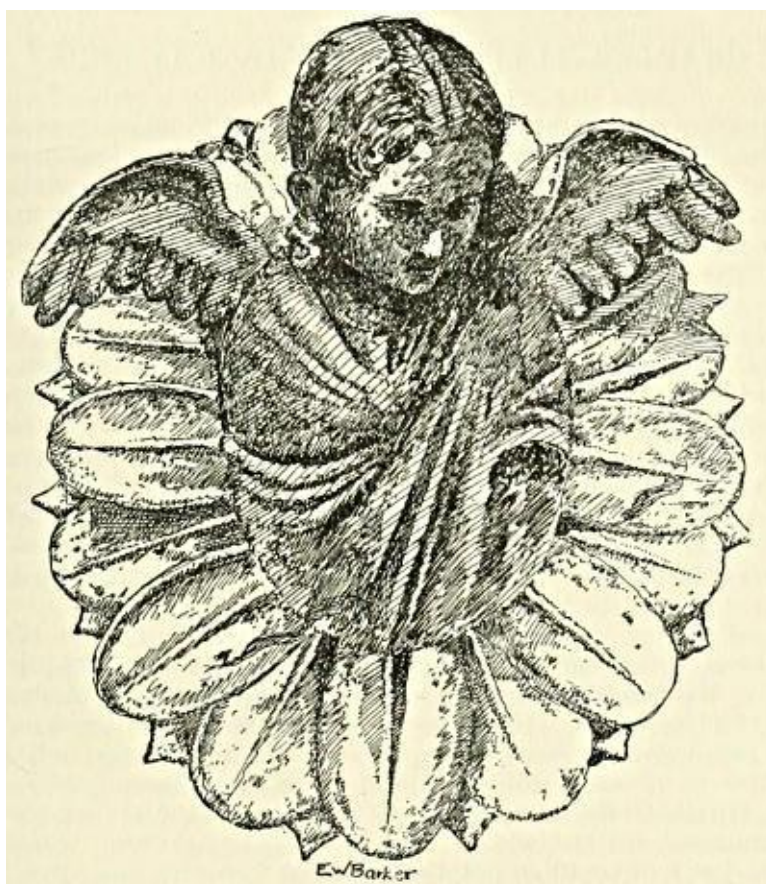
[361-360 гг. до н. э.]

Афиняне лучше использовали свои возможности. Пока жил Эпаминонд, их предприятия на море не увенчивались успехом, в результате чего несколько их полководцев были приговорены к смерти (как Леостен и Каллистен) или подвергнуты штрафу (как Кефисодот), поскольку они нанесли ущерб государству из-за своей халатности и неудачных предприятий. Но после битвы при Мантинее они не только сумели полностью изгнать фиванцев с побережья, но и вновь объединили под своей морской гегемонией большую

часть островов Эгейского моря (Эвбею, Хиос, Самос, Родос и др.); укрепить свою власть в Халкидике, Македонии и в заливе Термы; а после убийства фракийского правителя Котиса двумя молодыми людьми, воспитанными в Афинах, вновь подчинить своей власти фракийский Херсонес и открыть морской путь к плодородному побережью Понта через Геллеспонт. Как убийцы тирана, юноши из Энуса, совершившие этот «божественный» поступок в отношении Котиса, были удостоены афинянами прав гражданства и золотых венков. Но вместе с удачей афинян вернулись и старые злоупотребления. Разнузданные наемники, получавшие мизерную плату, совершали акты вымогательства и угнетения; верховная ассамблея часто нарушала договоры, основанные на равенстве прав, налагала на союзные города налоги и пошлины, делила территории между аттическими колонистами (клерухами) и забывала о принципах милосердия и умеренности, которые привлекли столько желающих вступить во вторую морскую конфедерацию. Кроме того, не хватало способных лидеров, которые могли бы заменить стареющих полководцев, таких как Ификрат, Хабриас и Тимофей, а также ослабевало патриотическое чувство. Полководцы, больше заботясь о собственной выгоде, чем о величии своего города, пытались приобрести независимые владения и господства, чему способствовало растущее число наемников, которые заменяли всех гражданских рекрутов. Эти условия в сочетании с тайными интригами фиванцев вызвали новую волну недовольства и привели к печальной социальной войне, которая привела к распаду второго Афинского морского союза в то время, когда он уже включал около семидесяти городов, так же как бедствия последних лет Пелопоннесской войны стали причиной распада первого. ^b

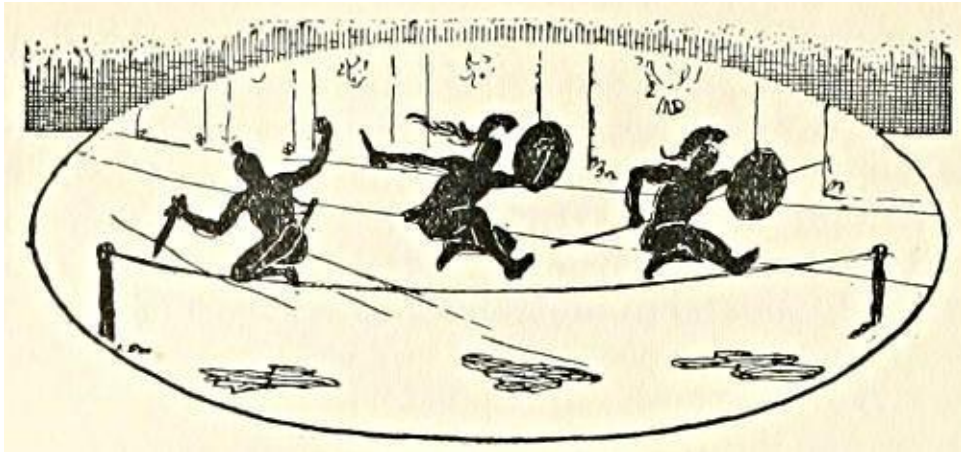
С тех пор, как мы оставили афинских солдат и моряков гнить в шахтах Сицилии, в истории Греции произошли большие изменения. Еще большее изменение вот-вот произойдет. Об этом достаточно сказать одно слово: «Македония». Прежде чем проследить за подъемом этих северян, будет полезно кратко ознакомиться с напряженной обстановкой на Сицилии. ^a

ГРЕЧЕСКАЯ ТЕРРАКОТА

(В Британском музее)

ГЛАВА XLVII. ТИРАНЫ В СИЦИЛИИ

[410-405 гг. до н. э.]

Отсутствие федерации, которое, несмотря на военное превосходство греков, позволило персидскому царю стать хозяином азиатской Греции и арбитром европейской Греции, было готово передать всю Сицилию в руки карфагенян. Сегеста, постоянно воюющая с Селином, обратилась к ним за помощью в 410 г. до н. э., как несколько лет назад она обращалась к афинянам. Карфаген тогда был на пике своей мощи; он собрал армию из ста тысяч наемников и послал их на Сицилию под командованием Ганнибала, внука того самого Гамилькара, который был убит в битве при Гимере за семьдесят лет до этого. Он начал с того, что захватил Сегесту от имени Карфагена, а затем осадил Селину, которая была взята в 409 году после героического сопротивления. Все жители, мужчины и женщины, старики и дети, были убиты. Город был разрушен до основания; разбросанные руины его храмов можно увидеть и по сей день. Гимера также была полностью разрушена. Большинству жителей удалось бежать перед последним штурмом; осталось около трех тысяч человек, которых Ганнибал казнил пытками на том самом месте, где пал его дед.

Два года спустя он снова прибыл на Сицилию с Гимилконом во главе 180 000 наемников, ливийцев, нумидийцев, иберийцев и кампанцев, и осадил большой торговый город Агригент, самый важный на Сицилии после Сиракуз. Он приказал разрушить гробницы для строительства насыпи; чума, которая распространилась в его армии и от которой он сам умер, была сочтена мстью богов. Его коллега Гимилк принес детей в жертву Молоху в качестве искупительного жертвоприношения. Сиракузцы, пришедшие на помощь Агригенту, полностью разгромили отряд из сорока тысяч иберийцев и кампанцев. Но город начал страдать от голода; большой конвой с зерном был захвачен карфагенянами. Жители Агригента, избалованные роскошью и неспособные выносить тяготы военной жизни, наняли на службу наемников; те предали их и перешли на сторону врага. После шестимесячной осады большинство жителей покинули город ночью и бежали в Гелу. Гимилько немедленно вошел в город и отдал его на разграбление, убил всех оставшихся жителей и разрушил здания, построенные карфагенскими пленниками после битвы при Гимере. Великолепные руины до сих пор свидетельствуют о великолепии Агригента, самого богатого из греческих городов и одного из самых красивых в мире (406).

После победы над афинскими войсками и флотом Сиракузы стали столицей Сицилии. Новый свод законов, составленный Диоклом, сделал ее конституцию еще более демократичной ( ); магистраты избирались путем голосования. Мало что известно об этом законодательстве, которое, как говорят, было принято другими сицилийскими городами. Глава аристократической партии, Гермократ, прославившийся в войне против афинян, командовал флотом, посланным Сиракузами на помощь пелопоннесцам, и был разгромлен вместе с ними при Кизике. Сиракузяне вышли из войны, в которой им нечего было выиграть, и изгнали Гермократа. Он попытался вернуться в свою страну с помощью вооруженной силы и погиб при этой попытке. Среди тех, кто сражался вместе с ним, был писец по имени Дионисий, который был ранен и оставлен умирать; это обстоятельство позволило ему избежать приговора к изгнанию, который был вынесен последователям Гермократа.

Вторжение карфагенян стало причиной новых разногласий в Сиракузах; разрушение Агригента вызвало тревогу. На народном собрании Дионисий обвинил полководцев в том, что они либо по неспособности, либо по измене привели Сицилию к беде. Он был осужден к

штрафу за разжигание распрей, но богатый горожанин, историк Филист, пообещал оплатить все наложенные на него штрафы. Он продолжал подстрекать народ и убедил его выбрать новое правительство, членом которого он сам был. Оставалось только избавиться от своих коллег. «Они тоже предают республику, — сказал он, — и продались карфагенянам». Он отозвал изгнанников, чтобы сделать их своими сторонниками. Его послали в Гелу, чтобы спасти народ от угнетения богачей; он приговорил некоторых знатных людей к смерти и распределил их богатства между своими солдатами. По возвращении в Сиракузы он увидел народ, выходящий из театра: «Вот как вас обманывают, — воскликнул он, — они развлекают вас зрелищами, в то время как солдаты лишены средств к существованию, а враг стоит у наших ворот. Верните мне власть, которую вы мне доверили; я не буду делиться ею с предателями». Его друзья сказали: «Какая честность! Он единственный честный человек!» И его сделали генералиссимусом войск, жалованье которых он немедленно удвоил. Затем, как делали Писистрат и многие другие, он объявил, что существуют заговоры с целью убить его, потому что он любит народ. Ему была предоставлена охрана из шестисот человек; он увеличил ее до тысячи и выбрал ее из числа самых бедных людей. Он нанял наемников, освободил рабов, заполнил все правительственные должности людьми, преданными его судьбе, и поселился на острове Ортигия, где находились арсеналы и откуда он управлял большим портом (405).

[405-368 гг. до н. э.]

Став тираном благодаря глупости народа, Дионисий сражался с карфагенянами не более успешно, чем генералы, которых он обвинил в измене. Он не смог спасти ни Гелу, ни Камарину, и все население этих двух городов укрылось в Сиракузах. Недовольные этими поражениями, сиракузяне попытались, но уже слишком поздно, восстать против него. При поддержке наемников он подавил восстание, приговорил к смерти некоторых из своих врагов, изгнал других из города и удерживал власть с помощью страха. Чума остановила продвижение карфагенян и заставила их заключить мир, но они сохранили все свои завоевания, то есть более двух третей Сицилии, в обмен на пункт договора, признающий Дионисия тираном Сиракуз. Он укрепил остров Ортигия, превратив его в цитадель, изгнав жителей, чтобы освободить место для своих наемников. Затем он отдал лучшую часть сиракузской территории своим друзьям и магистратам; остальная часть была распределена поровну между гражданами, освобожденными рабами и иностранцами, проживающими в городе. Это изменение в распределении собственности вызвало восстание; он заперся в своей крепости Ортигия ( ) и его наемники восстановили его власть. Несколько дней спустя, когда жители были в полях, занятые сбором урожая, он велел обыскать все дома и изъять все оружие. Когда он посчитал себя абсолютным хозяином Сиракуз, он захотел распространить свою власть на все восточное побережье Сицилии. Он захватил Этну и Энну, разрушил Наксос и Катану, которые были преданы ему предателями, и продал их жителей, чтобы отдать их земли сикелам из окрестных стран и своим наемникам из Кампании. Испуганные леонтинцы открыли ему ворота и были увезены в Сиракузы. Регианцы, обеспокоенные его продвижением, отправили армию в Сицилию, но, покинутые мессенцами, которые сначала присоединились к ним, они заключили мир с Дионисием и вернулись в Италию.

Тем временем Дионисий готовился отомстить карфагенянам. Сиракузы были окружены валами, которые делали их неприступными. Рабочие из всех соседних стран, привлеченные высокой заработной платой, были наняты для изготовления большого количества оружия и военного снаряжения; именно в это время была изобретена катапульта для метания камней и стрел. Было построено множество военных кораблей, некоторые из них по новой модели с четырьмя или пятью рядами гребцов. Когда эти приготовления были завершены и

наемники собраны со всех сторон, Дионисий объявил войну карфагенянам и, во главе армии из восьмидесяти тысяч человек, последовательно отвоевал все города, которые они завоевали семь лет назад: Гелу, Камарину, Агригент, Селину и Гимеру, осадил их главную крепость на острове Мотия на западной оконечности Сицилии и взял ее с помощью своих военных орудий (397 г.). Но в следующем году Гимильк высадился в Панорме со ста тысячами человек, отвоевал Мотью и все завоевания Дионисия, разрушил Мессану и, после морской победы в поле зрения Катании, осадил Сиракузы с суши и с моря. Дионисий был вынужден вернуть гражданам оружие, которое он у них отобрал, и вскоре снова стали появляться признаки восстания. Но в карфагенской армии снова разразилась чума. Химилько заплатил триста талантов [60 000 фунтов стерлингов или 300 000 долларов] за разрешение увести с собой карфагенских граждан, которые были в его армии, оставив всех своих наемников, которые были взяты в плен и проданы в рабство. Военные действия продолжались еще два года, и карфагеняне наконец заключили мир, уступив Тавромениум (392 г.).

Этот договор дал Дионисию возможность обратить свое оружие против Великой Греции, завоевание которой он давно обдумывал. Он захватил Каулонию, Гиппоний, Сцилаций и отдал их земли локрийцам, которые заключили с ним союз. Кротон также попал в его власть, несмотря на энергичное сопротивление. Регион, который он осаждал в течение одиннадцати месяцев, в конце концов сдался; он разрушил город и продал всех жителей. Сиракузские изгнанники искали убежища на Адриатическом море и поселились в Анконе (387 г.). Затем Дионисий опустошил побережья Лация и Этрурии, где он украл тысячу талантов из храма Агиллы, заключил союз с галлами, которые только что захватили Рим, нанял большое количество из них в качестве наемников и послал их на помощь Спарте, которая недавно возобновила союз с Сиракузами и теперь воевала с фиванцами. Он основал город Лиссус в Иллирии и восстановил изгнанного принца в Эпире. В 383 году он начал третью войну против карфагенян; после чередующихся побед и поражений был заключен договор, который устанавливал границы их владений по реке Халикус. В четвертой войне он захватил Селинус, Энтеллу и Эрикс, но, поскольку его флот был уничтожен напротив Лилибея, ему не удалось изгнать их с острова, и война снова закончилась договором.

По мнению древних, Дионисий был типичным безбожным, алчным и подозрительным тираном. В храме Зевса в Сиракузах он заменил золотое одеяние бога на шерстяное, сказав, что оно слишком холодное зимой и слишком теплое летом. Он украл золотую бороду Эскулапа, сказав, что сын не должен иметь бороды, когда у его отца, Аполлона, ее нет. Когда он возвращался с благоприятным ветром из похода, в котором он разграбил храмы, он сказал: «Смотрите, как боги защищают безбожных».

О его вечном страхе ходило множество анекдотов: он всегда носил доспехи под одеждой; его комната была окружена рвом, который можно было пересечь только по подъемному мосту; когда он обращался к народу, то делал это с вершины башни; он не смел бриться, и его дочери выжигали ему бороду раскаленными ореховыми скорлупками; тюрьмы в карьерах были устроены так, что он мог слышать малейший шум. Один из его придворных по имени Дамокл хвастался счастьем царей: Дионисий сказал, что позволит ему насладиться им в течение одного часа; он уложил его на диван из пурпура и золота перед хорошо накрытым столом, и вдруг Дамокл заметил над своей головой меч, подвешенный на одном волоске. Этот анекдот имеет все признаки философской притчи. Те, что были связаны с литературными притязаниями Дионисия, едва ли более достоверны. Говорят, что он отправил Филоксена, который критиковал его стихи, в карьеры; через некоторое время он

велел привести его обратно и прочитал ему другие стихи, которые считал лучшими; Филоксен встал и сказал: «Пусть они отведут меня обратно в карьеры».

[368-357 гг. до н. э.]

Дионисий часто посылал трагедии на афинские соревнования, но не имел большого успеха; однако во время Фиванской войны он послал наемников на помощь спартанцам, которые тогда были союзниками афинян; поэтому последние присудили приз одной из его трагедий под названием «*Выкуп Гектора*». Он отпраздновал этот успех великолепным пиром, на котором напился до бесчувствия. Его охватила лихорадка, от которой он и умер. Некоторые говорят, что его отравил сын. Он правил тридцать восемь лет (367).

Дионисий был двоеженцем; в один день он женился на локрианке и сиракузской девушке, дочери одного из своих самых активных сторонников. Сын первой, названный в честь отца Дионисием и известный как Дионисий Младший, без труда унаследовал его власть. Дион, брат его второй жены, без труда взял на себя управление государством, поскольку новый тиран не думал ни о чем, кроме удовольствий. Дион, большой поклонник Платона, пригласил его на Сицилию еще при жизни Дионисия Старшего, который, однако, не очень хорошо принял философа и, как говорят, даже продал его в рабство. Это должно было научить Платона, что двор царя — не место для философа; однако после смерти Дионисия и вступления на престол его сына он вернулся по просьбе Диона и был очень хорошо принят Дионисием Младшим, который брал уроки геометрии и уменьшил роскошь стола, но не предпринял никаких попыток осуществить коммунистические теории Платона в Сиракузах. Однако через некоторое время он решил, что Дион интересуется философией только для того, чтобы отвлечь его внимание от государственных дел. Он перехватил письмо, которое Дион написал карфагенским полководцам с просьбой направлять свои сообщения только ему. Дионисий показал письмо Диону, обвинил его в измене и заставил отплыть в Италию. Платон не смог добиться возвращения своего друга. Дионисий даже заставил свою сестру Арету, жену Диона, выйти замуж за другого человека (360 г.). Дион вернулся три года спустя с восемьюстами людьми, которых он набрал в Греции, и появился перед Сиракузами во время отсутствия Дионисия. Жители приняли его с энтузиазмом, но он не смог захватить цитадель Ортигия (357 г.). Дионисий, потерпевший поражение в морском сражении, удалился в Локриду со своими богатствами, но его сын Аполлократ остался в цитадели, гарнизон которой долгое время держался. В городе возникли споры; требовали принятия аграрного закона. Дион был изгнан, затем возвращен, и голод заставил гарнизон Ортигии сдаться, и он остался хозяином Сиракуз. Настало время восстановить республику, как он и обещал, но его любовь к философии не заставила его отказаться от власти. Он даже приговорил к смерти демагога за то, что тот требовал разрушить крепость Ортигия, построенную с единственной целью защитить тиранию от народа. Вскоре после этого он сам был убит своим близким другом, афинянином Каллиппом (354 г.).

[357-343 гг. до н. э.]

После двухлетнего правления Каллипп был свергнут Гиппаринном и Нисаем, братьями Дионисия и племянниками Диона. Они правили поочередно. Затем Дионисий, после десятилетнего отсутствия, неожиданно захватил город. Но Гикетас, тиран Леонтин, заставил его укрыться на острове Ортигия. В условиях этой анархии и под угрозой нападения карфагенян сиракузцы обратились за помощью к Коринфу, который послал одного из своих граждан, Тимолеона, на помощь своей колонии. Тимолеон ранее спас жизнь своего брата Тимофана в сражении. Позже Тимофан пытался узурпировать тиранию в Коринфе, и Тимолеон присоединился к убийцам своего брата. Преследуемый проклятием

матери и мучимый совестью, он жил в уединении, когда коринфяне доверили ему миссию освобождения Сиракуз от тирании. Он выступил с двенадцатью сотнями человек и, ускользнув от карфагенского флота, высадился в Тавромениуме, на восточном побережье Сицилии. Когда он достиг Сиракуз, Дионисий был осажден в своей крепости Гикетом; видя, что он не может защищаться от двух врагов одновременно, вместо того, чтобы договориться с Гикетом, он предложил сдать Ортигию Тимолеону при условии, что его отправят в Коринф с его богатствами. Он прожил там несколько лет и, как говорят, открыл школу для детей, чтобы иметь хотя бы подобие королевской власти.

Тимoleon занял Ортигию, но его положение было сложным, поскольку Гикетас призвал на помощь карфагенян, и под командованием Маго они заполнили порт ста пятьюдесятью кораблями, а город — шестью тысячами человек. К счастью, Тимoleon получил из Коринфа подкрепление в виде десяти кораблей с войсками. Катана и другие греческие города вдоль побережья объявили о своей поддержке. Маго, узнав, что коринфскому гарнизону удалось захватить Ахрадину, главный пригород Сиракуз, поверил, что Гикетас предал его, и опасался, что все греки объединятся против него. Он погрузил своих солдат на корабли и отплыл в Карфаген. Гикетас, оставшийся только со своими войсками, не мог больше сопротивляться: он вернулся со своей армией в Леонтины, и Тимoleon, не потеряв ни одного человека, стал хозяином Сиракуз.

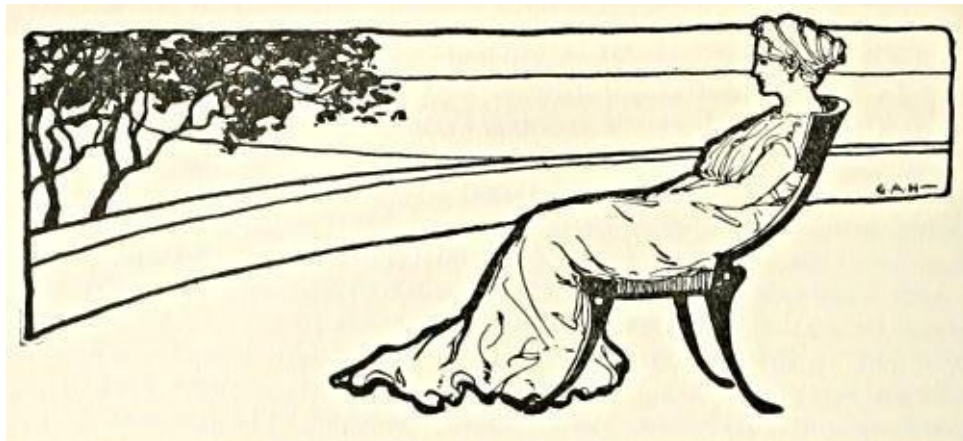
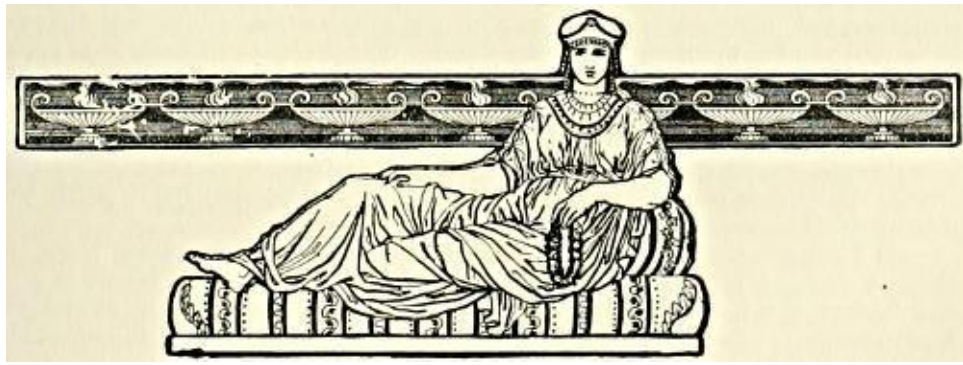
Он начал с того, что сделал то, от чего отказался Дион: он разрушил крепость Ортигия, построил на ее месте суды и восстановил демократическое законодательство Диода. Город был наполовину опустошен; он вернул изгнанников и объявил на публичных играх в Греции, что Сиракузы нуждаются в колонистах. На этот призыв откликнулись шестьдесят тысяч человек. Чтобы облегчить бедность населения, он раздал незанятые земли бедным ( ) и продал статуи тиранов, за исключением статуи Гело, победителя карфагенян. Затем он обратил свое внимание на свержение тирании в других сицилийских городах и начал с того, что заставил Гикета жить просто как частное лицо. Лептин, тиран Энгиума, согласился уехать на Пелопоннес, как сделал Дионисий, поскольку Тимoleon хотел показать грекам тиранов, которых он изгнал из Сицилии. Он также захватил Аполлонию и Энтеллу и вернул им свободу. Все греческие города встали на его сторону, потому что он разрешил им самоуправление в соответствии с их собственными склонностями. Следуя их примеру, несколько сиканских и сицилийских городов попросили принять их в союз с ним.

[343-337 гг. до н. э.]

Испугавшись начала союза между городами и растущего процветания Сиракуз, карфагеняне высадили семьдесят тысяч человек в Лилибее. Тимoleon, которому удалось собрать только одиннадцать тысяч человек, тем не менее выступил против врага, которого застал врасплох на берегу ручья Кримис на территории Селиунта. Он занял выгодную позицию, атаковал карфагенян, когда те переходили реку, и убил десять тысяч из них, из которых три тысячи были карфагенскими гражданами. Он не наложил на них обременительных условий, поскольку Сиракузы не были в состоянии вести длительную войну: границы их территории были установлены у реки Халикус, к западу от Агригента, и они согласились больше не помогать тиранам (338). Тимoleon победил тех, кто еще остался; Гикетас, который снова захватил власть, был казнен, как и Мамерк, тиран Катаны, Гиппон, тиран Мессаны, и некоторые другие. Затем Тимoleon помог в восстановлении и заселении городов, разрушенных карфагенянами, например, Гелы и Агригента, изгнал из Этны банду кампанцев, бывших наемников Дионисия, которые превратили город в пристанище для разбойников. Наконец, завершив свою работу, он отрекся от власти. Но он всегда сохранял большой моральный авторитет; к концу жизни он ослеп, и всякий раз, когда происходило

важное обсуждение, его несли на рыночную площадь, и его совету всегда следовали. Он умер через восемь лет после своего прибытия на Сицилию (337 г.), и расходы на его похороны были оплачены из государственной казны. Сиракузцы учредили ежегодные игры в его честь, «потому что, — говорилось в указе, — он изгнал тиранов, победил варваров, заново заселил города и вернул сицилийцам их законы и учреждения».^{[b](#)}

ГЛАВА XLVIII. ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАКЕДОНИИ

Мы видели, что Греция никогда не была единой нацией. На протяжении всей истории греческого народа даже существовали споры о том, кого именно следует включать в категорию «греков». В частности, этот вопрос поднимался в отношении македонцев, когда они пришли к власти под руководством царя Филиппа, отца Александра Великого. Македонцы говорили на диалекте греческого языка, и Филипп горячо утверждал, что он и его народ имеют право считаться настоящими греками. Это утверждение горячо оспаривалось до тех пор, пока народ Греции в узком смысле этого слова имел силу противостоять человеку, которого он считал узурпатором; но в конце концов требование Филиппа получило официальное признание, и его подчинение Греции не рассматривалось как завоевание иностранца, а лишь как установление гегемонии одного греческого государства над другими, причем Македония теперь взяла на себя лидерство, которое поочередно принадлежало Афинам, Спарте и Фивам.

В самом широком смысле такой взгляд на македонцев как на настоящих греков, возможно, не был нелогичным. Вопрос о точном происхождении эллинов до сих пор остается весьма спорным, но чем больше исследуется этот вопрос, тем более очевидным становится, что этот замечательный народ был смешанной расой. Этнологи отмечают, что на протяжении всей истории смешанные расы развивали наибольший потенциал, и Греция не является исключением из этого правила. О греках говорят как об арийцах и, следовательно, естественно ассоциируют их с персами и индийцами, с одной стороны, и германскими расами, с другой. Однако на самом деле такая близкая родство, вероятно, существует только в отношении их языка. Если теория «средиземноморской расы» с ее центральноафриканским происхождением верна, то с этнологической точки зрения греки были гораздо ближе к так называемым хамитским египтянам и так называемым семитским евреям, вавилонянам, ассирийцам и финикийцам, чем к другим так называемым арийским расам.

Все дискуссии по этому вопросу все еще остаются несколько проблематичными, но даже при самом беглом физическом осмотре становится совершенно ясно, что греки по своему физическому типу гораздо ближе к темнокожим и темноглазым средиземноморским расам, чем к светлокожим и голубоглазым индогерманским племенам. Тем не менее, язык греков однозначно принадлежит к индогерманской семье. Вполне возможно, объяснение этой аномалии можно найти в теории доисторического вторжения в Грецию германской расы с севера, которая смешалась со средиземноморской расой, уже владевшей этой землей, и привнесла в нее элементы индогерманского языка, но не смогла наложить отпечаток своих физических черт на первоначальных обитателей этого небольшого полуострова. Любой, кто на мгновение задумается над известной историей английского народа как этнической расы в противовес истории языка, на котором он говорит, сразу поймет, насколько ошибочными могут быть выводы о расовом статусе, основанные исключительно на английском языке, если они не подтверждаются другими историческими источниками информации. Это лишь один из многих примеров, иллюстрирующих, как филологи постепенно осознали, что выводы, основанные исключительно на филологических данных, не должны слишком уверенно применяться к вопросам чисто этнологическим. Так и в случае с греками, факт их арийского языка не должен заставлять нас забывать о вероятности того, что в качестве расы эллины в недавнем прошлом не были близкородственны другим расам, говорящим на индогерманских языках. То, что греки пришли на свою избранную землю из какого-то неизвестного региона и что они обнаружили там население, которое постепенно исчезло,

предположительно смешавшись с захватчиками, мы уже рассматривали как распространенную традицию.

Но это лишь один из доказательств, которые ясно показывают, что, когда кто-то использует слово «грек», он имеет в виду смешанную расу, не имеющую определенных доказательств общего происхождения и зачастую не имеющую более прочных связей, чем те, которые обеспечивает общий язык. В одном смысле, следовательно, греком был любой, кто говорил на греческом языке как на родном, независимо от того, был ли он родом с небольшого полуострова Греции, с одного из островов Эгейского моря, с побережья Малой Азии, с острова Сицилия, из южной Италии или Македонии.

Однако с другой точки зрения совершенно очевидно, что македонцы в некоторых отношениях отличались по своему темпераменту от типичных греков и, в частности, от типичных афинян. Трудно представить себе Филиппа или Александра родом из Афин. Мы научились почитать афинян за их культуру, любовь к прекрасному, художественные инстинкты и, в особенности, за их абстрактную философию. Но при всем этом нельзя избавиться от ощущения, что в некотором смысле афиняне даже в самый блестящий период были детьми. Они были тщеславны, высокомерны, эмоциональны, непостоянны; короче говоря, полной противоположностью всего того, что обычно составляет великого лидера или великий политический народ. Спартанец, конечно, был более похож на македонянина, но редко какой спартанец демонстрировал ту широту политических взглядов, которая была характерна для Филиппа и Александра и которая, по крайней мере, в зародыше была присуща значительной части их соратников и полководцев. И действительно, рассматривая македонскую расу в целом, приходишь к выводу, что это была более крепкая раса, с более твердым характером, хотя и, возможно, неизбежно, с более низким эстетическим уровнем и менее развитой культурой.

Итак, в зависимости от того, с какой точки зрения рассматривать этот случай, можно было бы заключить, что Филипп был прав, утверждая, что его царство было частью Греции, или что афиняне были правы, оспаривая это утверждение. Но каким бы ни было теоретическое право в этом вопросе, здесь, как и всегда в истории народов, сила определяла практическое или политическое право, а сила была на стороне Филиппа. Он был великим полководцем и появился в то время, когда сила самой Греции была почти полностью разрушена внутренними распрями. Тем не менее, он стремился к мирному завоеванию; он хотел править Грецией, но править ею с помощью дипломатии, а не меча, и ему это почти удалось. Если бы не упорное сопротивление Афин, подталкиваемых Демосфеном, он, вероятно, достиг бы всего, чего хотел, не нанеся ни одного военного удара против народа, которого он с удовольствием считал своими соотечественниками; но враждебность Афин в конце концов сделала неизбежным обращение к оружию, и на поле битвы при Херонее Филипп доказал, что меч сильнее голоса или пера, и добился полного подчинения всей Греции.

Добившись этого, Филипп был готов к вторжению в Персию, которое он давно планировал. Но как только его приготовления были завершены, он был убит рукой убийцы. Таким образом, его амбиции были прерваны, а дело его жизни осталось незавершенным. Что бы он достиг, если бы остался в живых, конечно, остается загадкой. Он был еще в расцвете сил, когда погиб, и уже доказал, что его способности были первоклассными, и вполне вероятно, что если бы ему позволили осуществить запланированное вторжение в Азию, он бы успешно его провел. Но все размышления на эту тему, конечно, бессмысленны. В данном случае слава Филиппа была почти затмевана славой его более блестящего сына, и история подъема Македонии кажется важной для последующих веков не столько потому, что это история свержения греческой независимости, сколько потому, что это история подготовки к Александру. Прежде чем перейти к событиям того необыкновенного периода,

который навсегда вошел в историю как эпоха Александра Македонского, мы должны более подробно рассмотреть рассказ об этой подготовке.

РАННЯЯ ИСТОРИЯ МАКЕДОНИИ

Эсхил приписывает царю Пеласгу из Аргоса утверждение, что жилища его народа, названного в его честь пеласгами, простирались до чистых вод Стримона, охватывая в своем протяжении высокогорье Додоны, район вокруг Пинда и обширную область Пеонии. По словам старого воина из Марафона, жители земель, орошаемых реками Халиакмон и Аксиус, принадлежали к той же расе, что и древние народы, населявшие регионы от Олимпа до Тенарума и к западу от Пинда. Эта высокая гора, отделяющая Фессалию от Эпира и высокогорья Додоны, образует на своем северо-западном склоне, вплоть до Шар-Дага древнего Скардаса, стену, разделяющую Македонию и Иллирию, затем поворачивает на восток к истоку Стримона и продолжается слева от реки на юго-восток под названием Орбел, пока не достигает побережья, образуя таким образом естественную границу между Македонией и Пеонией и удерживая фракийские народы на востоке и севере. Внутри этой огороженной территории, пересеченной реками Халиакмон, Аксиус с его притоками и Стримон, находятся вторая и третья горные цепи, которые, как и Пиндус-Скардус-Орбел, концентрически окружают внутренние прибрежные земли, Пеллу и Фессалоники. Окруженные этим двойным кругом долин, через которые протекают три реки, Халиакмон и Аксиус, идущие бок о бок к морю, жители этого района по природе отделены от остального мира и образуют своего рода отшельническую расу, общим территориальным центром которой являются низменности побережья.

Согласно Геродоту, народ, позже названный дорийцами, был вытеснен из Фессалии и поселился недалеко от Пинда в долине Халиакмона, где был известен под именем македонцев. Согласно другим источникам, Аргей, от которого, как полагают, происходят македонцы, прибыл из Аргоса в Орестисе и поселился в районе истоков реки Галиакмон, что объясняет происхождение имени Аргеад, данного роду царей. Существуют и другие предания, широко распространенные в то время ( ), которые утверждают, что три брата, Гераклиды из княжеского рода Аргоса, происходившие от Темена, отправились на север в Иллирию, затем проникли в Македонию и поселились в Эдессе, недалеко от могучих водопадов, которые отмечают вход вод в плодородные прибрежные земли. В Эдессе, также называемой Эге, Пердиккас, младший из трех братьев, основал королевство, которое в процессе своего неуклонного роста объединило под именем Македония соседние районы Эматия, Мигдония, Боттия, Пиерия и Амфакситис.

Они принадлежали к той же пеласгической расе, которая когда-то населяла всю эллинскую землю, но были рассматриваемы эллинами, уровня культуры которых они ни в коей мере не достигали, как не более чем варвары или полуварвары. Религия македонцев и их обычаи свидетельствуют об этом общем происхождении; и хотя на границах происходило некоторое смешение с фракийцами и иллирийцами, македонский язык сильно напоминал более древние греческие диалекты.

Медальон Филиппа II

До самого последнего времени гетеры сохранялись в македонской системе ведения войны. Прибыв в эту землю, как они несомненно и сделали, с основанием королевства, македонские Гераклиды постигла та же участь, что и их предшественников на Пелопоннесе, которые, будучи иммигрантами в чужой стране, были вынуждены установить для себя право и власть путем полного свержения местной власти; с той лишь разницей, что здесь, больше чем в других дорийских землях, смешение старых и новых черт образовало целое, которое, сохраняя энергию и грубую угрюмость предков, представляло собой картину героических времен в ее наименее поэтическом аспекте. Некоторые обычаи были похожи на обычаи древних франков: воин, который никогда не убивал врага, должен был носить удавку на шее; охотник, который никогда не сбивал дикого кабана на бегу, должен был сидеть за банкетом, а не лежать. При сжигании тела умершего дочь покойного была назначена тушить пламя погребального костра после того, как тело было сожжено; также рассказывается, что трофеи, завоеванные Пердиккой в его первой победе над местными племенами, были разорваны, в соответствии с волей богов, львом в знак того, что были приобретены друзья, а не побеждены враги; и с тех пор македонцы никогда не воздвигали трофеев после победы над врагом, будь то эллином или варваром, — этот обычай соблюдали и Филипп после Хаэронейской битвы, и Александр после завоевания Персии и Индии.

Трон принадлежал по наследственному праву правящей династии, но преемственность не всегда была настолько четко установлена, чтобы исключить всякие сомнения или споры. Чем больше власть обладала королевская семья, тем больше мудрости и способностей требовалось от тех, кто ею обладал, и слишком часто случалось, что ленивый, неспособный несовершеннолетний должен был уступить трон своему способному брату или двоюродному брату.

Существовала еще одна опасность. Многочисленные примеры показывают, что младшим сыновьям царей, а также иностранцам, передавались части земли, которые становились наследственными владениями, правда, под сюзеренитетом царя, но с такими княжескими привилегиями и контролем, что владельцы были свободны содержать собственные войска. Арридеус, младший брат первого Александра, таким образом, стал владельцем княжества Элимиотис в верхней части страны, которое переходило из поколения в поколение его рода; а брату Пердикаса, Филиппу, было даровано поместье на верхнем Аксиосе. Королевство не могло укрепить свою власть, пока эти княжеские роды не были полностью подчинены и пока пеоны, агрианцы и линксты поддерживали их, устанавливая независимых князей на своих границах. Александр I, по-видимому, был первым, кто заставил линкстов, пеонов,

орестов и тимфов признать македонское господство, но князья этих родов сохранили свой ранг и все свои княжеские владения.

[490-480 гг. до н. э.]

О конституции и управлении Македонии до нас дошло слишком мало сведений, чтобы мы могли точно судить о масштабах власти царя; но когда нам сообщают, что царь Архелай в последнее десятилетие Пелопоннесской войны ввел в действие совершенно новый свод законов, что Филипп II, чтобы унифицировать валюту своего царства, ввел повсеместно усовершенствованную систему чеканки монет, а также провел полную реформу в военных делах, мы не можем не прийти к выводу, что царство обладало большой и широкой властью. Безусловно, привычки и обычаи сыграли большую роль в установлении права и компенсировали недостатки конституции. Можно сказать, что македонское правление мало походило на азиатский деспотизм, так как его народ был далек от рабского подчинения. «Македоняне — свободные люди», — говорит древний писатель. Они не были пенастами, как большинство населения Фессалии, и не были гелотами, как спартанцы, — они были крестьянским народом, владевшим независимой и наследственной собственностью и имевшим общую систему законов и местных судов, но все они были обязаны нести военную службу по призыву короля страны. Даже в более поздний период вооруженные силы по-прежнему считались союзом всего населения, имевшим место в общественных собраниях, советах и судах.

В этой армии на первый план вышла многочисленная аристократия под названием *гетеры*, или «товарищи по оружию», как их называют в песнях Гомера. Членов этого сословия трудно назвать дворянами, поскольку отличительными чертами их положения были просто большие владения, благородное происхождение и тесная связь с личностью царя, который всегда вознаграждал их верную службу подарками и почестями. Семьи тех княжеских родов, которые ранее владели независимыми владениями в верхней части страны и сохранили их даже после перехода под сюзеренитет более могущественного Македонского царства, также не остались в стороне, а вместе со своими последователями подчинились условиям, которые преобладали в царстве. В этих землях, населенных аристократами и крестьянами, не было крупных городов в эллинском понимании этого слова; поселения на побережье были независимыми эллинскими колониями, что резко контрастировало с поселениями во внутренних районах.

Примерно во время Персидской войны, при правлении первого Александра, начали появляться несомненные признаки взаимопонимания между Македонией и Грецией. Уже отец Александра дал убежище Гиппию, сыну Писистрата, после его бегства из Афин, и подарил ему земли в македонском владении. Сам Александр, будучи вынужденным следовать за персидской армией в Элладу, приложил все имевшиеся в его распоряжении средства — в частности, в битве при Платеях — для оказания помощи грекам; а благодаря своему происхождению от Теминедов из Аргоса ( ), которое обеспечило ему допуск к Олимпийским играм, он был провозглашен эллином.

Как и он, непосредственные преемники Александра с разной энергией и способностями стремились привести свою страну в максимально тесный контакт с торговлей, политической жизнью и культурой греков. Близость богатых торговых колоний Халкидики, которая привела их к тесным и частым отношениям с основными державами Эллады, которые, постоянно воюя друг с другом, искали или опасались македонского влияния; почти постоянные внутренние распри, раздиравшие саму Элладу и вынуждавшие многих выдающихся людей покидать свои дома в поисках мира и чести при богатом дворе Пеллы — все это были причины, которые мощно способствовали прогрессу Македонии.

Особенно богатым на прогресс и события было правление Архелая. Хотя остальная часть Эллады была раздираема и отвлечена Пелопоннесской войной, под его умелым руководством Македония постоянно продвигалась вперед. Он построил крепости, которых ранее не было в стране, проложил улицы и развил организацию армии, «достигнув, по словам Фукидида, большего блага для Македонии, чем все восемь царей, которые были до него». Он учредил праздничные игры по образцу элладских в Дионе, недалеко от могилы Орфея, на которых почитали Зевса Олимпийского и муз. Его двор, место сбора поэтов и художников и общий центр всей македонской аристократии, был образцом для развития всего народа, а сам Архелай в глазах своих современников считался самым богатым и счастливым из людей.

За правлением Архелая последовал период усиления внутренних конфликтов, вызванных, вероятно, реакцией на нововведения, введенные растущей королевской властью и направленные против новых обычаев и культуры, установленных двором. Эти современные тенденции, как и следовало ожидать, нашли своих главных сторонников среди княжеских семей и части гетеров и были поддержаны политикой ведущих эллинских государств, в то время как народ, по-видимому, был совершенно равнодушен к преимуществам, которые они предлагали.

Еще во времена царя Архелая произошло восстание, возглавленное линкэстским принцем Аррибеем в союзе с элимейским Сиррасом, либо для мести за смещение законного наследника престола, либо для поддержки притязаний Аминтаса, сына Арридея, который был внуком Аминтаса, исчезнувшего по вине Пердика. Архелай добился мира, выдав свою старшую дочь замуж за Сирраса, а младшую — за Аминтаса. Согласно преданию, он был убит во время охоты. Его сын Орест, который был несовершеннолетним, унаследовал трон под регентством Эропа, но регент убил Ореста и сам стал царем. Эроп, несомненно, был сыном Аррибея, принадлежавшего к роду Вакхиадов из Линкестии, поселившихся на границах Иллирии, которые так часто помогали его предкам в их восстаниях против македонских царей. Поведение Эропа, его сыновей и внуков в течение следующих шестидесяти лет показывает, что они упорно противостояли новым монархическим тенденциям королевского дома и неуклонно поддерживали более либеральную систему прежних времен. Постоянная череда восстаний и частые смены правителей, которые последовали за ними, являются свидетельством непрекращающихся борьбы между членами королевской династии и партией партикуляристов.

Эроп был вполне способен поддерживать достоинство своего положения, но после его смерти в 392 году Аминтас занял трон; он был убит Дердасом в 391 году, и сын Эропа, Паусаний, стал царем. В свою очередь, он был свергнут Аминтасом, сыном Арридея (390-369 гг. до н. э.), в лице которого древнейшая линия королевского дома вновь обрела свои права.

Годы его правления были отмечены внутренними беспорядками, которые сделали Македонию легкой добычей для любого нападения. Возможно, по призыву линкестийцев, иллирийцы вторглись в страну и опустошили ее, разгромили армию царя и вынудили самого царя бежать за пределы границ. Аргей был на троне два года, но остается неясным, был ли он братом Паусания или линкестийцем. Однако с помощью Фессалии Аминтас вернулся и восстановил свое царство, которое он застал в плачевном состоянии: все города и прибрежные земли находились во власти олинфян, а даже Пелла закрыла свои ворота перед царем.

В результате мира Анталцидаса последовала экспедиция спартанцев против Олинфа, к которой присоединились Аминтас, а также Дердас, принц Элимеи, с четырьмя сотнями всадников. Но успех не был так легко достижим, как предполагалось, и Дердас был взят в плен. Когда Олинф был окончательно покорен (380 г. до н. э.), Фивы подняли восстание, и Спарта потерпела поражение при Наксосе и при Левктрах. Олинф возобновил Халкидидский союз, а Ясон из Фера, объединив силы Фессалии, заставил Аминтаса III вступить в его союз. На пороге блестящего успеха Ясон был убит (370 г. до н. э.). Нерешительный Аминтас не сумел удержать свою власть и вскоре умер. Его преемником стал старший из трех сыновей, Александр II, который вскоре был убит своей матерью, Элимеей. Она долгое время вела тайную любовную интригу с Птолемеем, неизвестного происхождения, который был мужем ее дочери. Во время отсутствия Александра в Фессалии она убедила его взять в руки оружие против Александра по его возвращении, и фиванцы поспешили присоединиться к этому движению, поскольку было необходимо ослабить силу Македонии, прежде чем она смогла бы одержать новые победы в Фессалии. Пелопид организовал компромисс, по которому тридцать пажей Александра были отданы в заложники, а Птолемей получил часть княжества, имя которого он принял. Этот компромисс, казалось, был заключен только для того, чтобы ускорить падение царя, который был убит во время праздничного танца. Его мать отдала руку убийце, а также трон, на который он вступил под именем опекуна двух младших сыновей, Пердика и Филиппа (368-365 гг. до н.э.).

Вызванный из Халкидики Паусаний, называемый «из царской династии», хотя к какой ветви королевской семьи он принадлежал, установить не удастся, начал энергичную кампанию против регента. Его успех был незамедлительным; Эвридика бежала со своими двумя сыновьями к Ификрату, который находился с аттическим флотом в соседних водах, и он окончательно подавил восстание. Тем не менее положение Птолемея не стало более безопасным; убийство Александра было нарушением соглашения с Фивами, и друзья убитого царя обратились к Пелопиду, который выступил с поспешно собранной армией. Но золото Птолемея вызвало недовольство в рядах, и Пелопид был вынужден довольствоваться заключением нового соглашения с царем. Птолемей оставил своего сына Филоксена и пятьдесят гетеров в качестве заложников в знак своей добросовестности; возможно, именно это и стало причиной, по которой Филипп отправился в Фивы.

Когда он достиг зрелого возраста, Пердикка III отомстил за смерть своего брата, организовав убийство узурпатора. Чтобы избежать влияния Фив, он посвятил себя делу Афин, храбро сражаясь против олинфян на стороне Тимофея. Но примерно в это же время иллирийцы, несомненно, по подстрекательству линкестийцев, хлынули через границы. Пердикка успешно противостоял этому вторжению, но в отчаянной битве при Эмпире ( ) он и четыреста других человек погибли. Вся страна была теперь опустошена иллирийцами и открыта для вторжения пеонийцев с севера.

[360-350 гг. до н.э.]

Такова была ситуация, когда Филипп, представлявший интересы несовершеннолетнего сына Пердика Аминта, принял командование армией в 359 году. Он обосновался в Македонии после смерти Птолемея, получив часть княжества в результате компромисса, который Пердикке посоветовал заключить Платон, и войска, которые уже были у него, составили ядро его поддержки. Иллирийцы и пеоны уже вторглись в страну, к ним присоединились бывшие претенденты на трон, Аргей и Паусаний из Афин, при поддержке фракийских князей, а также три внебрачных сына его отца, которые также предъявили права на трон. При поддержке и сочувствии всей страны Филипп справился с первыми серьезными чрезвычайными ситуациями; проявив дальновидность, умение и

решительность, он спас страну от захватчиков, трон от ложных претендентов, а королевскую династию от новых интриг и бедствий. А когда афиняне, совершившие глупость, отвернувшись от него в благодарность за признание их прав на Амфиполь, встревожились его успехами и образовали с Грабосом Иллирийским, Липпеем, пеонийцем, и Цетрипорисом, фракийцем, наступательный и оборонительный союз с целью сломить мощь Македонии, прежде чем она полностью укрепитя, Филипп, уже захватив Амфиполь и завоевав его жителей, быстро продвинулся к границам и вскоре подчинил варваров, которые были совершенно не готовы к конфликту.

Около 356 года границы были защищены от вторжения варваров на многие годы вперед. Вскоре после этого все интриганы исчезли из двора. Из линкестийцев Птолемей и Эвридика были мертвы; один из сыновей Эропа, Александр, позже утвердился при дворе благодаря браку с дочерью верного Антипатра; два оставшихся сына, Геромен и Аррибей, были приняты в милость другими высокопоставленными лицами, а два сына Аррибея, Неоптолем и Аминтас, воспитывались при дворе. Два претендента на трон, Аргей и Паусаний, примерно в это время исчезают из исторических хроник. Законный наследник престола, сын Пердика Аминтас, от имени которого Филипп сначала осуществлял власть, был привязан к делу Филиппа браком с его дочерью Кинаной.

ФИЛИПП-ОРГАНИЗАТОР

[350-324 гг. до н. э.]

Таким образом, Македония под властью князя, который умело и систематически развивал и использовал ее ресурсы, поднялась на такую высоту, что наконец могла помыслить о выходе из своих пределов и, во главе объединенной Греции, вступить в борьбу с персидской мощью. В исторических хрониках, которые мы имеем перед собой, силы, которые на самом деле способствовали поразительному успеху Филиппа, как ни странно, кажутся упущенными из виду. Хотя авторы прослеживают все его искусно спланированные действия, которые привели к захвату и порабощению всех греческих государств одно за другим, они оставляют нас в неведении относительно всех подробностей, касающихся личности, которой принадлежала эта рука и которой она обязана своей силой и твердостью. Золото, которое, как они всегда показывают, эта рука распределяла в точно выбранный момент, кажется единственным средством достижения целей, которое они приписывают Филиппу.

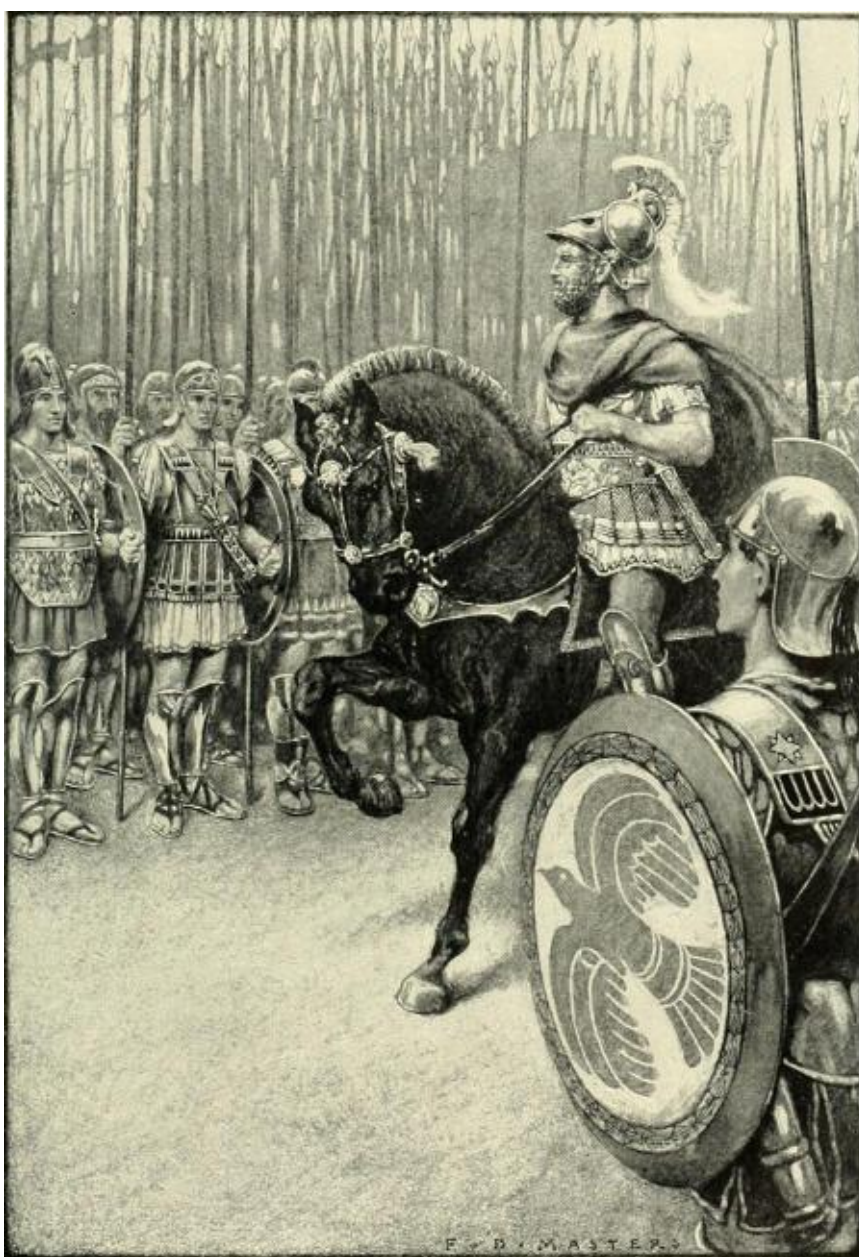
При внимательном рассмотрении внутренней жизни государства выделяются два события, которые, возникнув по более ранним причинам, были доведены до полного значения Филиппом и фактически легли в основу его власти.

«Мой отец, — сказал Александр Аррианский мятежным македонянам в Описе в 324 году, — взял вас под свою защиту, когда был царем, а вы, нищие и одетые в шкуры, пришли сюда из своих гор, где пасли свои стада овец, которые с трудом защищали от иллирийцев, фракийцев и трибаллов; он дал вам хламиды солдат и привел вас на равнину, где обучил вас быть равными варварам в бою». Каждый мужчина, способный носить оружие, действительно всегда выходил на войну, но только для того, чтобы вернуться к своему очагу или плугу, когда его услуги больше не были нужны. Опасности, с которыми столкнулся Филипп, когда впервые вступил на престол, атаки, от которых ему приходилось защищать землю, угрожаемую со всех сторон, привели к принятию меры, которая, уже начатая при правлении Архелая, могла бы предотвратить большую часть последующих внутренних конфликтов, если бы она была доведена до конца. Основываясь на долге

каждого человека перед своей страной в военное время, Филипп создал постоянную армию из местных сил, которая, постоянно увеличиваясь в размерах и силе, в конце концов достигла численности в сорок тысяч человек.

ВОЕННАЯ ДИСЦИПЛИНА

Филипп не только сформировал эту армию, но и довел ее до высокого уровня дисциплины и боеспособности. Сообщается, что, к большому неудовольствию ленивых, он отменил багажные повозки для пехотинцев и разрешил только одного конюха на каждого всадника; также что он часто, даже в летнюю жару, организовывал марши на двадцать пять миль и более, с провизией и снаряжением на несколько дней. Дисциплина Филиппа была настолько строгой, что в войне 338 года два высокопоставленных офицера, которые привели в лагерь лютниста, были немедленно уволены. В самой службе от подчиненных требовалось строгое повиновение начальству, а система продвижения по службе основывалась исключительно на признании опыта и заслуг.

ФИЛИПП И ЕГО СОЛДАТЫ

Преимущества этой военной конституции скоро стали очевидны. В различных провинциях и зависимых от королевства территориях возникло чувство, что они являются частью единого целого и что Македония поднялась до уровня нации. Прежде всего, благодаря своему единству и уверенности, внушенной этой военной системой, македонские племена осознавали свою высокую боевую эффективность и нравственную силу, проистекающую из прочной социальной организации, во главе которой стоял сам царь. Крестьянское население этого королевства предоставляло царю выносливый и податливый материал для формирования его солдат, а знать поставляла в гетери высших военных чиновников, которые отличались рвением и чувством достоинства своего призвания. Естественно, что армия такого рода оказывалась значительно превосходной по сравнению с наемными войсками или даже гражданскими войсками, нанимаемыми эллинскими государствами, и что народ, обладающий такой физической свежестью и энергией, имел явное преимущество перед греческим населением, силы которого ослабели из-за слишком углубленного изучения демократии или из-за пагубного влияния городской жизни. Благоприятная в этом отношении судьба позволила Македонии сохранить свои прежние качества до тех пор, пока они не понадобились для выполнения какой-то великой задачи; и в конфликтах между царем и аристократией она, вопреки примеру, поданному Элладой столетиями ранее, отдала победу царю. Действительно, эта власть над свободным и могущественным крестьянским народом, эта военная монархия, направляла народ в нужное русло и заставляла его принимать форму и власть, обозначенные демократами в Элладе, которые, однако, не смогли воплотить свои планы в жизнь.

МАКЕДОНСКАЯ КУЛЬТУРА

[380-356 гг. до н.э.]

С другой стороны, образование, наиболее заметный результат эллинской цивилизации, теперь должно было стать частью жизни македонского народа, завершив тем самым работу, начатую предыдущими правителями. В этом начинании пример, подаваемый двором, имел огромное значение, поскольку дворянство естественным образом составляло класс с самой высокой культурой в стране. Такое разделение не имело аналогов в других странах, поскольку спартанцы были все без исключения некультурными, но при этом обладали верховенством над низшими классами своего народа; свободные афиняне считали себя все без исключения представителями высшей культуры; в то время как другие государства, отказавшись от правящего класса или введения демократии, подчеркивая разницу между богатыми и бедными, еще больше понизили общий интеллектуальный уровень.

Во времена Эпаминонда Филипп жил в Фивах, где ученик Платона, Эвфрей из Ореуса, оказал сильное влияние на его будущую жизнь. Исократ называет самого Филиппа другом литературы и образования, и это уважение подтверждается его назначением Аристотеля на должность наставника своего сына. Он стремился с помощью поучительных лекций, организованных специально для пажей и молодых людей при его дворе, укрепить их привязанность к своей персоне и подготовить их к обязанностям, возлагаемым на дворян в их высоком положении. Члены аристократии, сначала в качестве пажей, затем в качестве гетеров, или телохранителей короля, и, наконец, в качестве командиров различных подразделений армии или послов в греческих государствах, имели достаточно частые возможности проявить себя и получить награду за верную службу; но повсюду было заметно отсутствие той утонченности, которой восхищался король и которой он сам обладал в высокой степени. Даже его самые ярые противники должны были признать, что в Афинах едва ли можно было найти равного ему по социальным качествам; и какова бы ни была тенденция к сохранению при его дворе старых македонских привычек к дракам и

пьянству, придворные праздники, приемы иностранных послов и празднование национальных игр отличались тем великолепием и роскошью, которые были так дороги эллинскому вкусу. Размер королевских владений, доходы от земельных налогов и пошлин на судоходство, рудники Пангеи, которые приносили тысячу талантов в год, и, прежде всего, порядок и экономия, введенные Филиппом в управление государственными делами, подняли его королевство на высоту, которой никогда раньше не достигало ни одно греческое государство, за исключением, возможно, Афин во времена Перикла.

Даже аттические послы были впечатлены характером знати, собравшейся при дворе Пеллы, а также роскошью и военным великолепием, царившими там. Большинство знатных семей, таких как Баххиады из Линкестиса, дом Полисперкона или Оронта, которому, по видимому, принадлежал район Орестис, были княжеского происхождения. Пердикка, старший сын Оронта, получил командование фалангой Орестии, которое, когда он стал гиппархом, перешло к его брату Алкиту. Самым важным из этих княжеских родов был род Элимеи, основанный Дердасом во время Пелопоннесской войны. В 380 году второй Дердас вступил во владение землей и присоединился к Аминтасу из Македонии и спартанцам в их нападении на Олинф; позднее упоминается, что он был взят в плен олинфянами. Мотивом Филиппа взять в жены сестру Дердаса, Филу, было либо более прочное увязывание интересов Дердаса со своими собственными, либо урегулирование какого-то спора, возникшего между ними. Братья Дердаса, Махатас и Харпал, получили высокие должности при дворе. Однако разлад между Филиппом и этой семьей так и не был полностью устранен, и, несомненно, король поддерживал его, чтобы держать разных членов семьи на расстоянии и в неопределенности относительно его благосклонности. Махатас едва ли мог быть уверен в справедливом решении суда, председательствовавшего в котором царь, и Филипп воспользовался ошибкой, совершенной одним членом семьи Дердаса, чтобы обратить ее в общественное замешательство остальных, с большой резкостью отвергнув все просьбы Харпала в пользу его родственника.

Среди знатных семей, собравшихся при дворе в Пелле, две заслуживают особого упоминания благодаря своему влиянию: это были дома Иолласа и Филота. Сыном Филота был мудрый и верный полководец Парменион, которому Филипп неоднократно доверял самые сложные походы. Именно ему Филипп обязан своей победой над дарданами в 356 году, а позднее — владением Эвбеей. Братья Пармениона, Асандр и Агафон, а также его сыновья Филот, Никанор и Гектор, продолжили славу его имени, а его дочери вышли замуж за представителей самых высокопоставленных семей страны: одна за Козна, вождя фаланги, а другая за Аттала, дядю позднейшей жены царя. О том, что не менее почетная и влиятельная должность была отведена сыну Иолласа, Антипатру, или, как его называли македоняне, Антипасу, свидетельствуют слова царя: «Я спал спокойно — Антипас стоял на страже». Проверенная верность этого государственного деятеля, его ясное, хладнокровное суждение как в военных, так и в политических делах, казалось, выделяли его как особенно подходящего для высокой должности наместника, которую он вскоре должен был занять. Он выдал свою дочь замуж за сына знатной линкстейской семьи, считая это самым верным способом заручиться их поддержкой; его сыновья, Кассандр, Архий и Иоллас, стали известны только позже.

Развитие македонского государства под правлением Филиппа было сходно с развитием двора, но к этому утверждению следует добавить, что в политической жизни страны преобладал монархический элемент, что было обусловлено как прежним положением государства, так и силой личности Филиппа. Прежде чем мы сможем полностью понять

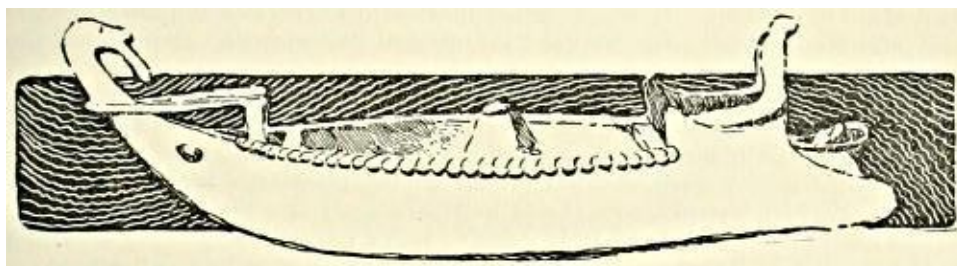

характер Филиппа и его методы, необходимо рассмотреть все факты в их взаимосвязи. Находясь в центре массы противоречий и несоответствий самого необычного характера, грек в отношениях со своим народом, македонец по отношению к грекам, он превосходил последних в эллинском коварстве и вероломстве, а первых — в прямолинейности и энергичности, в то время как он превосходил обоих в понимании цели, в логическом осуществлении своих планов, в сдержанности и в скорости исполнения. Он был искусен в искусстве ставить своих противников в неловкое положение, всегда представляя себя перед ними с другой стороны и наступая на них с неожиданной стороны. По натуре сладострастный и любящий удовольствия, он был столь же безрассуден в удовлетворении своих appetites, сколь и непостоянен, оставаясь при этом совершенным хозяином себя даже тогда, когда казался наиболее подвластным страсти; действительно, можно задаться вопросом, в каких его добродетелях или недостатках наиболее ярко проявлялась его истинная натура. В нем, как в физических чертах портрета, объединены все различные характеристики его времени — пронизательность, утонченность, легкомыслие в сочетании с большой гибкостью и многогранностью, а также способностью к высоким мыслям.

ОЛИМПИА, МАТЬ АЛЕКСАНДРА

[359-336 гг. до н. э.]

В ярком контрасте с Филиппом был характер его жены Олимпиады. Она была дочерью Неоптолема, царя Эпира, и, познакомившись с ней в юности на Самофракии, Филипп женился на ней с согласия ее дяди и опекуна Аримбаса. Красивая, сдержанная, страстная, Олимпиада была приверженкой тайных обрядов Орфея и Вакха и практиковала магические искусства фракийских женщин. Сообщается, что во время ночных оргий ее часто видели мчавшейся по горным тропам с тирсом и извивающимися змеями в руках; а в ее снах повторялись фантастические картины, которыми был заполнен ее мозг. Согласно преданию, в ночь перед свадьбой ей приснилось, что она оказалась в эпицентре страшной бури, во время которой на ее колени упала горящая молния, которая, разгораясь все сильнее и сильнее, в конце концов исчезла в собственном диком пламени.

Бронзовая модель греческого корабля

Когда традиция далее рассказывает, что среди других знамений, данных в ночь рождения Александра, храм Артемиды в Эфесе, который вместе с Мегабизом, его евреями и иеродулами эллинов составлял яркий пример истинного восточного язычества, был сожжен дотла; и что одновременно с известием о рождении сына Филипп получил вест о тройной победе — это просто выражает в популярной форме значение появления героя на свет и великие мысли, связанные с таким событием.

Теопомп говорит о Филиппе: «В целом, Европа никогда не производила человека, который мог бы сравниться с сыном Аминта». Однако дело, которое он поставил целью своего

существования, не было выполнено этим коварным, решительным и упорным царем. Возможно, он использовал это стремление, укорененное в самой природе истории и культуры Греции, чтобы объединить весь греческий мир; но он был вынужден скорее требованиями ситуации, в которой оказался, чем внутренней силой самого вдохновения, и не смог довести его до полного осуществления. За морем лежала земля, в которой заключались величие и будущее Македонии, но взгляд, который он устремлял на эту землю, часто затуманивался, и прочная структура его планов затуманивалась под воздушными образами его желаний. Амбиции Филиппа совершить великое дело разделяли все вокруг него, как аристократия, так и простой народ; это был подтекст, который слышался в каждой фразе македонской жизни, манящая возможность, которая постоянно манила будущего. Македонские армии сражались против фракийцев и одерживали победы над греками, но Восток был настоящей целью, за которую они сражались и побеждали.^{[b](#)}

МАКЕДОНСКАЯ ФАЛАНГА

[358-357 гг. до н.э.]

Спартанцы создали систему тактики, то есть военное снаряжение, которое было принято всеми другими греками. Фиванцы добавили к ней систему компактных масс, преимущество которой было продемонстрировано победой при Левктрах. Филипп, обученный в школе Эпаминонда, усовершенствовал эту систему и создал македонскую фалангу, которую Плутарх сравнил с чудовищным зверем, усыпанным железом. Это была масса гоплитов, шестнадцать рядов в глубину, тесно прижатых друг к другу и вооруженных своего рода пиками длиной семь ярдов, называемыми *сариссами*. Солдаты в первых пяти рядах держали это оружие обеими руками, лицом к врагу. Копья первого ряда выходили на пять ярдов за линию сражения, копья второго ряда — на четыре ярда, и так далее до пятого ряда, копья которого также выходили на ярд за грудь солдат, стоящих позади. Остальные ряды прижимались к первому и не давали ему отступить, держа *сарисы* острием вверх, опираясь на плечи солдат впереди, и эта густая завеса из копий эффективно отражала стрелы врага. Непреодолимая на ровной местности, но неспособная быстро менять фронт или быстро маневрировать, эта громоздкая пехота поддерживалась с тыла и с флангов легкой пехотой пельтастов, которые начинали сражение.

Перед ними и по бокам бежали лучники и фронтеры, нерегулярный отряд, состоящий из чужеземцев, которые в случае необходимости закрывали фланги. Кавалерия гетерии, или товарищей царя, вооруженная копьями и саблями и состоящая из молодых людей, принадлежащих к высшей знати, составляла вместе с фалангой основную силу македонской армии. Кроме того, существовал отряд легкой кавалерии и корпус инженеров, приданный к осадной артиллерии, которая состояла из балист и катапульта, недавно изобретенных машин для стрельбы дротиками по врагу и валунами по городским валам. Создание постоянной армии было важнейшей военной инновацией Филиппа. При слабых предшественниках Филиппа множество претендентов на трон сделало дворян разрозненными и практически независимыми, но у них не было ни пенастов, как в Фессалии, ни гелотов, как в Спарте.

Не отменяя открыто древние привилегии, Филипп сумел сделать их безвредными, передав их армии, где всегда существовал военный и политический совет. Аристократы постепенно были вынуждены покинуть свои поместья и постоянно находились при дворе, привлеченные удовольствиями и высокими должностями. Среди них считалось честью, когда их сыновья принимались в корпус гетерии, и эти молодые члены королевской гвардии, выполнявшие домашние обязанности по уходу за его персоной, на самом деле

были заложниками, переданными в его руки. «Никогда, — говорит Тит Ливий, — не видели рабов, столь раболепных в присутствии хозяина и столь высокомерных в других местах».

Что касается простого народа, то в его положении ничего не изменилось. Он никогда, как в Греции, не образовывал политического органа, и в Македонии не было городов. Внешне все происходило с согласия народа, но армия была македонским народом. Филипп часто произносил речи перед своими войсками, что не представляло никакой опасности, поскольку солдаты воинственного вождя никогда не отказывали ему в одобрении. Македония была нацией солдат, поэтому ее правительство, содержащее постоянную армию и ведущее непрерывные войны, не могло быть иным, как военной монархией.

РОСТ ФИЛИППА

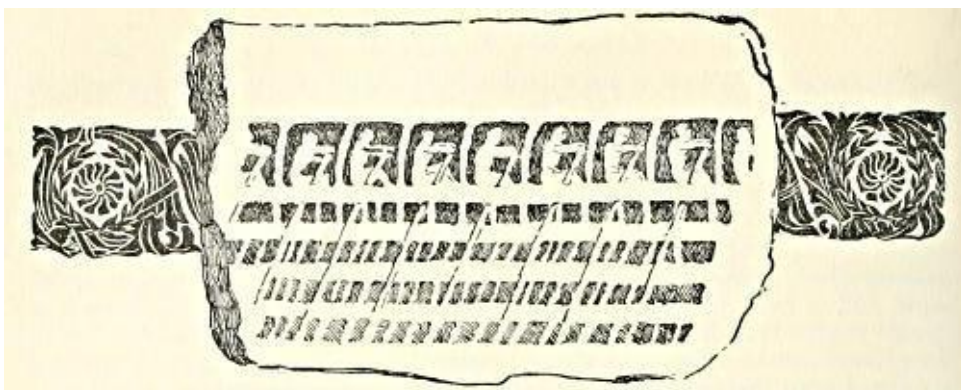
Как только он защитил свое царство от нападений варваров, Филипп захотел распространить свое владычество на море, доступ к которому был закрыт греческими колониями. Некоторые из них находились под защитой Афин, другие — под защитой Олинфа. Амфиполь был независимым; Олинф и Афины были одинаково заинтересованы в сохранении этой независимости, и сам Филипп официально признал ее; тем не менее было решено не соблюдать это обязательство, а захватить Амфиполь. Необходимо было не дать олинфцам и афинянам объединиться для его защиты, и в этом Филипп проявил хитрость, обладая в еще большей степени, чем Лисандр, качествами лисы и льва. Он убедил афинян, что его единственным желанием при захвате Амфиполя было передать его им в обмен на Пидну, македонский город, который поставил себя под их защиту. В то же время он обеспечил нейтралитет олинфян и даже получил от них помощь, передав им Антема и пообещав им Потидею, которая принадлежала афинянам. Последние, чрезмерно доверяя его доброй воле, не откликнулись на призыв Амфиполя о помощи. Филипп захватил город, а затем вероломно вторгся в Пидну и захватил ее, удерживая оба города. Афиняне были побеждены, но не могли отомстить за это вероломство, поскольку в то время были вовлечены в войну союзников и нуждались во всех своих силах, чтобы довести ее до конца. Это подтолкнуло Филиппа к следующему шагу: он захватил Потидею, которая была занята афинским гарнизоном, вежливо отправил гарнизон обратно в Афины и передал город олинфянам, которых он хотел поставить в положение конфликта интересов с афинянами (357 г.).

Став хозяином Амфиполя, Филипп пересек Стримон с намерением завладеть горнодобывающим районом горы Пангея. Он основал там, на месте древнего города Крениды на острове Тасас, новый город, который назвал Филиппами, на монетах которого была отчеканена голова Геракла, предка македонских царей. Город Филиппы был одновременно военным постом, входом во Фракию и центром эксплуатации рудников горы Пангея. Эти рудники, которые эксплуатировались гораздо лучше, чем тасийцами и афинянами, приносили Филиппу годовой доход в тысячу талантов [200 000 фунтов стерлингов или 1 000 000 долларов], из которых он чеканил красивые золотые монеты, носящие его имя. Этот источник богатства, который позволял ему содержать свою армию и покупать предателей в греческих городах, способствовал его величию не меньше, чем фаланга. Он заявлял, что нет такого города, который был бы неприступен, если бы в него можно было загнать мула, груженного золотыми монетами.^c

ГРЕЧЕСКИЕ МАСКИ

ФРАГМЕНТ СКУЛЬПТУРЫ, ИЗОБРАЖАЮЩИЙ ГРЕБЦОВ НА ГАЛЕРЕ

ГЛАВА XLIX. ТРИУМФЫ ФИЛИППА

ДЕМОСТЕН, ОРАТОР

Банальная пословица «перо сильнее меча», как и все другие пословицы, выражает едва ли половину правды. Никогда еще не было более явного противостояния между этими двумя острыми инструментами, чем в истории Греции того периода, поскольку эта история становится едва ли не сражением между великолепным организатором армий и великолепным капитаном аргументов, и параллель тем более близка, что Демосфен, хотя и считается оратором, был гораздо более ярким писателем; поскольку он явно уступал в ораторском искусстве своему великому сопернику Эсхину, а его речи ценны главным образом своей логикой и осторожными рассуждениями. В отличие от брэнной славы чистого и простого ораторского искусства, искусство Демосфена дошло до нас в значительной полноте и составляет учебник, красноречие которого мало ценится студентами, которые с неохотой распутывают его плотно сплетенную ткань.

Поскольку это противостояние между царем Македонии и сыном афинского производителя было почти равным, будет полезно кратко ознакомиться с биографией Демосфена, поскольку мы уделили столько внимания формированию характера Филиппа.

Отец этого великого оратора был афинянином по происхождению и занимался кузнечным ремеслом, благодаря чему приобрел значительное состояние. Он женился на дочери некоего Гилон, который поселился на берегу Эвксинского моря и заключил союз с богатой наследницей этой страны.^[15] В возрасте семи лет Демосфен лишился отца, который оставил ему состояние, позволявшее ему входить в число самых богатых граждан. Хотя для управления его имуществом и руководства его образованием были назначены опекуны, они, по-видимому, разбазарили одно и пренебрегли другим. Оставленный в раннем возрасте полностью сам по себе, он начал тратить деньги со всей расточительностью и тщеславием молодости, выступал в качестве хорега или президента театральных представлений и оснастил военный корабль для службы республике. Первую часть своей жизни он прожил без какой-либо определенной цели или задачи, предаваясь в таком состоянии лени и изнеженности, что его имя было заклеено термином порицания [Batalos]. Но семена гениальности, которым было позволено либо прорасти в дикой роскоши, либо лежать в спящем состоянии из-за пренебрежения, вскоре проросли с удивительной силой. С тех пор он решил полностью посвятить себя изучению красноречия. В то время афинская молодежь с большим энтузиазмом занималась всеми видами знаний, но особенно философией и риторикой. Платон основал свою школу в Академии, и ее посещало огромное количество людей. Демосфен посещал ее с большим усердием, а также школу ритора Иса. После этих подготовительных занятий он испытал свои силы против своих опекунов, которых он заставил вернуть ему часть его имущества. Воодушевленный этим успехом, он взобрался на трибуну, чтобы выступить перед народом с речью о положении дел, но его слушали с очень небольшим вниманием и без признаков одобрения. Не унывая от такого неблагоприятного приема, он сделал вторую попытку, но она оказалась столь же неудачной.

Когда он уходил, чрезвычайно подавленный своей неудачей и решив отказаться от занятия, к которому природа, казалось, не приспособила его, лишив его свободного использования органов речи и достаточного количества дыхания, чтобы четко произносить предложения средней длины, он встретил одного из своих друзей, комика, который призвал его преодолеть врожденные и приобретенные недостатки, от которых он страдал. Он сразу же приступил к исправлению, с величайшим упорством и самыми необычными средствами (

), своего быстрого и нечленораздельного произношения, некрасивых и неловких жестов при декламации и нескольких врожденных недостатков, от которых он страдал.⁴

Анекдоты о борьбе Демосфена со своими недостатками запомнились многим людям, для которых само имя царя Филиппа остается неизвестным. Эти анекдоты основаны на свидетельствах самого оратора. Читателю едва ли нужно напоминать о часах, которые он проводил, разговаривая с полным ртом гальки, крича, чтобы перекричать рев бурного океана, практикуя свои жесты перед зеркалом, тренируя легкие бегом и декламацией, поднимаясь на крутые холмы, из которых состоит Греция, брея половину головы, чтобы заставить себя оставаться дома и заниматься учебой, и месяцами запершись в подземной комнате, где он восемь раз переписал все сочинения Фукидида и отточил свои собственные фразы до совершенства.

Таким образом, он вступил в безнадежную борьбу в защиту системы муниципальной изоляции и ревности, которую он считал свободой, но которая принесла Греции бесчисленные преступления и страдания и держала маленький полуостров в постоянной тени полной катастрофы перед более сильным врагом. В некотором смысле Демосфена можно сравнить с защитниками прав штатов в Соединенных Штатах до Гражданской войны, за исключением того, что американцы и не мечтали довести свои теории до такой степени. Чтобы сравнить эти два случая, нужно представить себе, что южане Америки требуют не просто, чтобы штаты не входили в какую-либо федерацию, но чтобы даже самый маленький город каждого штата шел своим собственным мелким путем.

ЭСХИН, СОПЕРНИК ДЕМОСТЕНА

Несмотря на то, что Демосфен во многих отношениях является героической фигурой, не следует забывать о том, что он сталкивался с противодействием не только со стороны Македонии, но и внутри своего собственного города. Потомки склонны к чрезмерному обобщению, и Эсхин пострадал больше, чем следовало, от того, что оказался противником Демосфена. Обычно Эсхина считают предателем, лицемером и наемным адвокатом Филиппа в Афинах. Однако стоит помнить, что если бы его совет был принят и македонцы были встречены с радушием, а не войной, как проповедовал Демосфен, результат был бы точно таким же, за исключением того, что было бы избежано много кровопролития и отвратительных интриг и злодеяний. Когда Демосфена хвалят за его решимость и настойчивость в своей идее, Эсхина следует хвалить за то же самое в той же степени. Когда испытываешь сочувствие к Демосфену из-за вражды, с которой он столкнулся, нужно помнить, что Эсхин был сослан и перенес это с достоинством. Эсхин так и не был признан виновным в получении денег от Македонии, в то время как Демосфен злорадствовал над бедностью Эсхина и хвастался своим богатством. С другой стороны, известно, что Демосфен принимал деньги от Персии. И, если можно различать степени вины в взяточничестве, можно считать, что персидские деньги были гораздо грязнее для грека, чем полугреческое золото Македонии, поступавшее из рук царя, чьей великой амбицией было организовать Грецию в федеративную монархию и возглавить ее против Персии.

Эсхин утверждал, что он был из знатной семьи, и, хотя Демосфен объявил его происхождение самым низким и нечестным, он, безусловно, представлял аристократическую партию. Его дружбу с Филиппом нельзя объяснить трусливым стремлением к миру любой ценой, поскольку он проявил себя храбрым воином, в то время как Демосфен бросил свой щит и бежал с поля битвы при Херонее, куда его красноречие призвало греков. Эсхин был писателем большого таланта, и три его речи, сохранившиеся до наших дней, ценятся почти так же высоко, как и речи Демосфена. По мнению , Эсхин, по-видимому, обладал гораздо лучшим голосом и внешностью, чем тот женоподобный студент,

которого потомки считают величественным громовержцем. Нигде лучше, чем у Превоспародолд, не было подытожено добро и зло в характере последнего:

НЕПОПУЛЯРНОСТЬ ДЕМОСФЕНА

«Демосфен никогда не был полностью популярен. В нем не было ничего величественного, кроме красноречия и воли. Ему не хватало достоинства характера. Можно ли сказать, что в Афинах для популярности политического деятеля были необходимы высшие добродетели? Ни в коем случае. Добродетель была титулом, но и противоположность добродетели также имела свое влияние, когда она соединялась с элегантностью. Демосфен, который получил смешное прозвище [Баталос] из-за скрытых развратных наклонностей и посвятил остаток своей молодости неблагодарной работе, не обладал ни грацией порока, ни достоинством добродетели. Он не был ни Аристидом, ни Алкивиадом. Он не обладал и легкостью Клеона и многих других демагогов. Он был человеком тревоги и труда. Он не обладал добродушной и веселой дерзостью популярного оратора, который играет с народом и самим собой и оживляет трибуну; он не обладал и противоположностью этого, то есть естественным достоинством, величественным спокойствием, которое делало Перикла органом божественного разума, своего рода посредником между Афинами и их судьбой, между народом и духом республики. Демосфен был яростным и трудолюбивым. Его речи пахли маслом, но в них не было гладкости. Это была преднамеренная ярость, результат как искусства, так и вдохновения. Короче говоря, народ видел, как этот оратор медленно поднимался из посредственности и покупал свою власть долгими ночными занятиями; он терпеливо прививал себе гениальность. Они освистывали Демосфена и видели, как он возвращался сильнее; они снова освистывали его, и он возвращался всемогущим. Толпа неправа, редко прощая такие чудеса. Толпа, с вечной несправедливостью, охотнее одобряет праздность гения, чем плодотворную подготовку к работе; она добавляет свою пристрастность в пользу судьбы, и слава, которая дается сама собой, в ее глазах более блестяща, чем та, которую нужно завоевать. Поведение Демосфена, столь же высокомерное, как и его красноречие, часто раздражало менее подозрительную демократию. Этот энергичный дух, питаемый состязаниями, которые только борьба и усилия сделали плодотворными, никогда не сомневался в своей естественной стремительности. Демосфен применял к политическим трудностям ту же силу, которую он так успешно использовал против своих естественных трудностей; он относился к своим противникам как к препятствиям, которые мешали ему стать красноречивым. Однажды соучастник Филиппа, Антифон, предстал перед народным собранием и был отпущен с оправдательным приговором. Демосфен лишил его преимущества народного приговора, привлек его к суду Ареопага и не успокоился, пока тот не был приговорен к смерти. Когда демократия терпеливо позволяла себе быть защищенной от самой себя и отменять свои приговоры?

«Демосфен принадлежал к аристократии; к аристократии денег, это правда, но достаточно прочитать Аристофана, чтобы почувствовать, что эта аристократия была самой тяжелой ношей для тех, кому не повезло к ней принадлежать. Демосфен был богат, сын богатых родителей, и он хвастался этим с опасной неумеренностью. В *«Речи о короне»* он противопоставлял свое богатство бедности Эсхина с отвращением и жестокостью, противоречащими афинскому духу.

«Добавьте к стольким причинам непопулярности естественную непоследовательность народа, жертвы, которых Демосфен требовал от него, опасности и неудачи его политики, и вы удивитесь прочной власти этого великого человека. Объяснение этому кроется исключительно в силе и ясности его чудесного гения. Каждый день он демонстрировал свою поразительную красноречивость, которая заключалась в том, что он поднимал свою

аудиторию выше ее обычного интеллекта, на мгновение передавая толпе щедрость великой души и пророчество высшего ума. Он сделал людей способными чувствовать то, что было благородным в политике, и понимать то, что было необходимым. Он показал им в этой политике естественный результат афинской судьбы. Он отождествил свою работу с работой той высшей силы, против которой все жалобы бесполезны, а всякая злость смешна, — работой Необходимости».

Но, пожалуй, самое убедительное право Демосфена на вечную память заключается в той неизбежной красоте, которая окружает проигранную битву, проведенную до конца. Профессор Джебб^е сказал: «Как государственный деятель, Демосфен не нуждается в эпитафии, кроме своих собственных слов в речи *«О короне»*: «Я говорю, что, даже если бы событие было заранее известно всему миру, Афины не должны были бы отступать от этого курса, если бы Афины уважали свою славу, свое прошлое или будущие поколения».

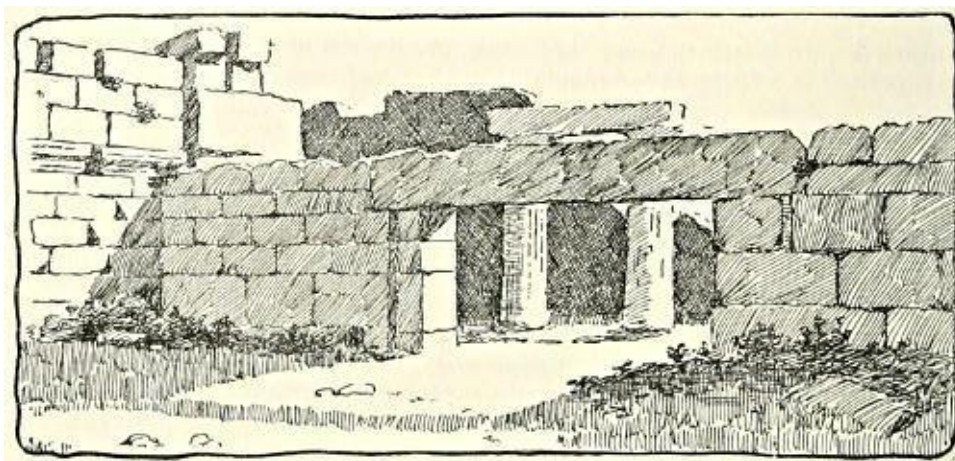
ЛУЧШАЯ СТОРОНА ФИЛИППА

Но, наконец, стремясь быть объективными, следует вспомнить и о лучших сторонах царя Филиппа. Ему тоже приходилось преодолевать препятствия, и он страдал от печальных последствий успеха; ведь мы прощаем слабости, пороки и подлые поступки того, кто терпит неудачу, но склонны приписывать успех человека, который достигает цели, исключительно его злым поступкам. Здесь мы можем снова процитировать Прево-Парадоля^е):

«Филипп внимательно наблюдал за Грецией с ее неизлечимыми и ежедневно усиливающимися слабостями и предвидел великолепное будущее, в котором эти бессильные и разъединенные народы воссоединятся под его верховной властью. Он понимал, что греческая империя, защищаемая наемниками и лишенная граждан, принадлежит тем, кто может поставить в ряды наибольшее количество обученных солдат, и что патриотизм больше не играет никакой роли в этой высшей борьбе. Инстинкт и страсть к хитрости, терпению, искусству подкупа делали его чрезвычайно подходящим для тех коррумпированных и лживых маневров, которые разделяют врага и готовят победу. К этим драгоценным дарам добавлялась безудержная амбиция, достаточно сильная, чтобы не отступать перед лицом любой опасности, достаточно просвещенная, чтобы искать только подходящие сражения и становиться великим только через успех. Именно потому, что Филипп всегда предвидел свои действия и надеялся на великие дела, они всегда были уместными и полезными, и он совершал их с такой ужасающей активностью. Он полностью посвятил себя интригам, сражениям, формированию своей армии, подчинению Греции и огромным надеждам.

«С неким ужасом Демосфен видел и описывал его как человека, поглощенного все более сильными желаниями и увлеченного скрытой силой от одного предприятия к другому. «Я видел Филиппа с выколотым глазом, сломанным плечом, искалеченной рукой, раненой бедром, без церемоний и колебаний отдавшего судьбе все, что она хотела взять из его тела, при условии, что остальная часть останется сильной и почитаемой». Кто не видит, что его безудержная деятельность преследовала более возвышенную цель, чем подчинение Греции, и что этот великий человек, спешащий закончить дело, боялся, что жизнь внезапно не оправдает его амбиции? Что могла сделать Греция с таким гением, поддерживаемым таким характером?»

Руины ворот Пропилеи в Афинах

Профессор Бэри еще более прямолинеен в похвале Филиппа и в осуждении Демосфена: «Ни одному из великих правителей мира история не оказала меньшей справедливости, чем Филиппу. Подавляющее величие сына, превосходившего его самого, затмило его и привлекло внимание людей к достижениям, которые никогда не могли бы быть осуществлены без трудолюбивой жизни Филиппа». Он также отмечает, что у нас нет информации о потрясающем завоевании Филиппом Фракии и что все, что мы о нем знаем, поступило к нам из афинских уст и главным образом из «злой красноречивости» Демосфена, по этой причине греческая история времени Филиппа часто рассматривалась «как не более чем биография Демосфена», чью политику профессор Берри считает ретроградной и тормозящей, не облегченной никакими новыми идеями. Время требовало афинского государственного деятеля, обладающего гибкостью и здравым смыслом. В долгосрочной перспективе Эсхин был ближе к этому идеалу, чем Демосфен.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

[359-351 гг. до н. э.]

Александр, тиран Феров, был убит в 359 году своими зятями по наущению своей жены Фебы, которая позаботилась о том, чтобы лишить его меча, пока он спал, и убрать собак, охранявших вход в его спальню. Затем она ввела своих братьев, и когда те засомневались, нанося удар, она пригрозила разбудить мужа. Убийцы захватили власть Александра, и один из них, Ликофрон, был на троне, когда Филипп был вызван, чтобы противостоять ему, могущественной семьей Алевадов из Ларисы, которые, как и македонские цари, утверждали, что являются потомками Геракла. Филипп в то время осаждал Метону, единственный город в Термаическом заливе, который все еще входил в состав Афинского союза. Получив рану, стоившую ему одного глаза, он взял город, сравнял его с землей и воспользовался представившейся возможностью вторгнуться в Фессалию. Ликофрон заключил союз с фокийцами, и Файллус, брат Ономарха, пришел ему на помощь с семьей тысячами воинов. Филипп победил Файлла, но сам был побежден Ономархом, который заставил его отступить в Македонию, а сам вернулся в Беотию, чтобы захватить Коронею. Однако вскоре Филипп появился снова с новой армией: его войска, объединенные с войсками Фессалии, насчитывали двадцать тысяч человек и три тысячи лошадей. Против фокийцев, которые похитили сокровища храма Дельф, он выступил как мститель Аполлона, и все его солдаты носили венки из лавровых листьев из Темпы.

Сражение произошло недалеко от Пагасейского залива, где стоял афинский флот. Филипп одержал полную победу, в основном благодаря фессалийской кавалерии. Фокидцы потеряли шесть тысяч человек; из пленных три тысячи были брошены в море как кощунники, но многие из них смогли доплыть до афинских кораблей. Ономарх был убит в бою, а его тело распято. Ликофрон подкупил чиновников и получил разрешение отступить со своими войсками на Пелопоннес, передав город Феры Филиппу, который захватил порт Пагасы и флот, построенный Александром. Филипп заставил своих фессалийских союзников выплатить ему в качестве военной компенсации большую часть доходов страны. Он хотел продвинуться дальше и под предлогом вторжения в Фокию двинулся к Фермопилам, чтобы занять позицию в месте, которое было ключом ко всей Греции. Но афинский корпус под командованием Диофанта занял перевал, и Филипп был вынужден повернуть назад (352 г.).

ПЕРВАЯ ФИЛИППИКА

[351 г. до н. э.]

ДЕМОСФЕН

Именно в эту эпоху Демосфен произнес перед народом Афин свою первую филиппику. Греки были настолько поглощены своими частными соперничествами, что не обращали внимания на быстрый и растущий прогресс македонской монархии. Только один человек увидел опасность; у него не было других орудий, кроме патриотизма и красноречия, но с их помощью он сражался отважно, и хотя он не смог сохранить свободу своей страны, он по крайней мере сохранил ее честь. Неравный конфликт, который должен был разразиться между Демосфеном и Филиппом, был не только дуэлью между самым способным политиком и величайшим оратором; это была дуэль на смерть между двумя принципами — монархизмом и республиканизмом. Эти два принципа уже однажды, во времена правления Ксеркса, противостояли друг другу, но в то время греки смогли забыть о своих частных разногласиях перед лицом общей опасности и противопоставить численному превосходству не только героизм, который не всегда достаточен для победы, но и военную тактику. Теперь условия были другими; Филипп позаимствовал у греков их тактику, которую довел до совершенства, и сумел обратить в свою пользу состояние страны, которая теперь была

более чем когда-либо разделена. Она больше никогда не обрела того единства военного командования, которое было так необходимо перед лицом врага. Гегемония Спарты, которую Афины благородно приняли в Мидийской войне, была навсегда разрушена, а Спарта, тщетно борющаяся под двойным бременем Мегалополиса и Мессены, не обращала внимания на прогресс Филиппа. Фивы, сломавшие мощь Спарты, не были достаточно сильны, чтобы занять ее место, и, глупо пригласив врага, слишком поздно раскаялись и погибли в искупление своей вины. Остались Афины, но как они упали по сравнению с прежним состоянием активной энергии. Напрасно Демосфен пытался пробудить их; они просили только одного — заснуть долгим сном изможденных народов. «Когда же, афиняне, — воскликнул великий демагог, — вы пробудитесь и выполните свой долг? Какого нового события, какой неотложной необходимости вы ждете? Что может быть более неотложным для свободных людей, чем опасность позора? Будете ли вы всегда собираться на публичных площадях, чтобы спрашивать друг друга: «Ну, что нового?» Что может быть новее, чем человек из Македонии, провозгласивший себя победителем Афин и повелителем всей Греции? Филипп мертв? Нет, он только болен. Но какое вам дело, болен он или мертв; если бы небо избавило вас от него сегодня, завтра вы бы вызвали появление другого Филиппа, ибо его победоносное продвижение — это гораздо меньше результат его собственной силы, чем вашей инертности».

Война союзников истощила основной источник доходов Афин, и, как часто бывает в случае расточительных людей, вынужденных экономить, город предпочел обходиться без необходимого, чем отказываться от лишнего; суверенный народ категорически отказался сократить свои гражданские расходы. ПерИКЛ, учреждая государственные фонды, не мог предвидеть, что наступит день, когда афиняне предпочтут развлечения сохранению безопасности нации. «Почему удивляться успеху Филиппа, — спрашивает Демосфен, — когда все суммы, ранее выделенные на покрытие военных расходов, теперь растрачиваются на бесполезные празднества, а кроме того, декрет под страхом смертной казни угрожает любому, кто предпримет попытку вернуть их прежнему назначению?» Он часто возвращается к этой неизлечимой склонности афинского дилетантизма, приводя в пример крайнюю пунктуальность, с которой соблюдались публичные праздники, в противовес непунктуальности администрации во всем, что касалось морских дел или войны. «Скажите мне, почему ваши помпезные праздники Панафинеи или Дионисии, которые стоят больше, чем вооружение флота, всегда отмечаются в назначенный день, а ваши флоты, как в Метоне, Пагасах и Потидее, прибывают слишком поздно? В соблюдении ваших праздников все регулируется законом; каждый из вас заранее знает хорега, гимнасиарха своего племени; он точно знает, что он получит и в какой момент он это получит; ничего не является неопределенным, неожиданным, упущенным. Во время войны, со всеми подготовками, которые она требует, нет порядка, нет предусмотрительности, нет ничего, кроме всеобщей суматохи. При первом тревожном сигнале назначаются триерархи, производятся обмены, требуются субсидии. Затем на корабли сначала вызываются метекты, затем вольноотпущенники, затем граждане, затем... Но пока идет вся эта подготовительная работа, то, что должен был спасти наш флот, уже погибло. Все это, граждане, несомненно, очень неприятно слышать, но если, опуская из речи все, что оскорбляет, мы исключаем сам предмет, то зачем говорить, кроме как для удовольствия ваших ушей? И это было практически правдой: люди слушали Демосфена, потому что он хорошо говорил, а затем шли слушать ораторов противоположной стороны и, наслаждаясь этим прекрасным ораторским искусством, развлекались так же великолепно, как если бы они посетили театр или Одеон.

ФИЛИПП И АФИНЫ

Филипп, казалось бы, бездействуя, стремился заставить афинян забыть о нападении на Фермопилы, которым он оправдывал опасения Демосфена. Но он не тратил время зря: он занимался вербовкой сторонников, привлекая на свою сторону даже некоторых грабителей Дельфийского храма. Он принимал их деньги на хранение, тем самым прочно привязывая их к своим интересам. Он установил или поддерживал тиранов на острове Эвбея, двое из которых, притворившись предателями, призвали афинян на помощь, но предали их, как только те откликнулись на этот призыв; Фокион с трудом спас афинскую армию от уничтожения. Чтобы завладеть Амфиполисом, Филипп заставил олинфян выйти из афинского союза, уступив им Потидею; однако они пожалели об этом шаге, как только увидели, что их независимость находится под угрозой. Филипп обвинил их в том, что они дали убежище македонским заговорщикам, и последовательно захватил несколько городов Олинфской федерации: Аполлонию, Стагиру, Мекиберну, Торону. Олинфяне обратились за помощью к Афинам, и Демосфен, поддерживая их просьбу, произнес три своих самых знаменитых речи, называемых «*Олинфские*». В первой он показал афинянам, в какой опасности они находятся, поскольку, если Филипп станет хозяином Олинфа, он непременно нападет на Афины со всеми своими силами. Затем он указал на средство исправления положения: более рациональное использование государственных денег. Не имея возможности напрямую атаковать теорику, он обошел эту трудность, потребовав реформу законов, регулирующих ее использование.

«Не удивляйтесь, афиняне, если я говорю вопреки мнению большинства. Установите номотетов не для того, чтобы создавать новые законы, а для того, чтобы отменить те, которые приносят вам вред, и я четко укажу, какие именно. Это законы, регулирующие театр и военную службу. Одни жертвуют праздникам города средства, выделенные на войну, другие обеспечивают безнаказанность трусам. Раньше мы не имели соперников, были правителями у себя дома и арбитрами в чужих землях. Спарта была разгромлена, Фивы оккупированы, и ни одна держава не могла соперничать с нашей империей. Что мы сделали? Мы потеряли наши провинции и бесполезно растратили полторы тысячи талантов. Война вернула нам союзников; в мирное время мудрые советники заставили нас их потерять, и наш враг стал великим и могущественным. Может ли кто-нибудь отрицать, что именно благодаря нам Филипп поднялся? Несомненно, вы ответите, что снаружи дела обстоят не в нашу пользу, но внутри, какие чудеса были совершены! Назовите их! Восстановлены стены, отремонтированы дороги, перестроены фонтаны и сотня других мелочей. Посмотрите на авторов этих великолепных работ: прежде бедные, теперь они богаты, и пропорционально росту их состояния происходит упадок государства. Власть прощать находится в их руках, ничего не достигается без них; а вы, афиняне, терпите, когда у вас отнимают все: союзников и деньги. Многочисленные, вы обращаетесь как с прислугой, радуетесь, когда ваши хозяева бросают вам ежедневную мизерную подачку, цену входного билета в театр. Какой позор такое положение! Они дают вам ваше, а вы благодарите их, как будто они проявили к вам милосердие! Я хорошо знаю, что мне может дорого обойтись то, что я так ясно показываю вам ваше бесчестье, но еще дороже это обойдется тем, кто привел к этому бесчестью».

Только в демократии можно было найти правителя, который принял бы столь суровые упреки. Афиняне знали, что Демосфен прав, но отказаться от театра — это было очень трудно; реформировать управление финансами — это заняло бы очень много времени! В первую очередь была удовлетворена самая насущная потребность: две армии были

отправлены на помощь олинфянам, которые храбро сражались в своей обороне. Но эти армии состояли из наемников под командованием Хареса, равнодушного полководца, который был на службе у всех. Присутствие таких войск привело к беспорядкам среди осажденных, не оказав им ни малейшей помощи. В конце концов было решено отправить армию из граждан, но было уже слишком поздно: два предателя сдали город врагу (347).

В Афинах и во всей Греции царило ошеломление, когда стало известно, что Филипп разрушил Олинф и продал его жителей. Но сострадание было недолгим: «Каждый народ, — говорит Демосфен, — казалось, считал выигранным время, потраченное Филиппом на разрушение другого». Тем не менее, владение Халкидикой сделало его хозяином Эгейского моря и приблизило его к Фракийскому Херсонесу, уступленному афинянам царем Керсobleптом. Его флот, уже превосходивший по величине флот Афин, угрожал Имбросу, Скиру, Лемносу и Эвбее, совершил высадку в Аттике, унес галеру Паралиана и снес трофеи в Марафоне. Афиняне, уставшие вести борьбу в одиночку, попытались создать против Филиппа общий союз, но его щедрость создала ему многочисленную фракцию. Даже в Афинах мало говорили о чем-либо, кроме добрых намерений царя. Среди тех, кто его поддерживал, было много подкупленных, в частности оратор Демад, возможно, также Эсхин; но некоторые из обманутых были честны, среди них ритор Исократ, который был ослеплен успехом Филиппа, и многие, похожие на Фокиона, который всегда смотрел на темную сторону, проповедуя мир, потому что считал победу невозможной, хотя он был лучшим полководцем, которого имели Афины. «Обладайте военным величием, — советовал он афинянам, — или сделайте своих друзьями тех, кто им обладает». Когда Демосфен увидел, как этот человек встал, чтобы ответить ему, он сказал: «Вот, — сказал он, — топор моей речи».

[352-346 гг. до н. э.]

Священная война продолжалась. После смерти Ономарха его брат Файллуc сменил его на посту командующего. С помощью дельфийского сокровища он собрал большую армию наемников. Спартанцы предоставили ему тысячу человек, ахейцы — две тысячи, афиняне — пять тысяч четырехсот всадников; таким образом, Спарта и Афины косвенно участвовали в грабеже, поскольку Файллуc оплачивал содержание отправленных ему войск. Он вторгся в Беотию и захватил большую часть городов Эпикнеидийской Локриды, но заболел и умер, и его место занял Фалайк, сын Ономарха. Командование этой армией бандитов стало своего рода наследственной королевской властью. Поскольку Фалайк был еще очень молод, ему дали наставника в лице Мнасея, который вскоре был убит. Фалайк продолжил войну, но десять тысяч талантов, последние из сокровищ Дельф, были израсходованы, и фокийцы требовали расчета. Фиванцы также исчерпали свои ресурсы, несмотря на триста талантов, которые они получили от царя Персии. Они обратились за помощью к Филиппу, но тот не хотел снова рисковать, сталкиваясь с термопильским перевалом, охраняемым афинянами, и они были вынуждены выйти из борьбы. Афиняне были в действительности рады прекратить войну, которая длилась десять лет, не принеся им никакой выгоды, и желали примирения с фиванцами.

Казалось даже возможным установить общий мир между греческими государствами, поскольку все они были одинаково утомлены долгой и бесплодной войной. Филипп косвенно дал понять афинянам, что он готов вести переговоры о мире. Поскольку было трудно угадать их мотивы, эти шаги были восприняты с подозрением. Тем не менее, по предложению Филократа было решено отправить десять послов, среди которых были сам Филократ, соперничающие ораторы Демосфен и Эсхин, а также актер Аристодем. Эсхин

позже упрекнул Демосфена в том, что тот не проявил красноречия перед Филиппом, что не было ничем необычным, поскольку только Алкивиад или Лисандр могли соперничать с Филиппом в хитрости, а Демосфен был привык открыто высказывать свои мысли перед свободным народом. По крайней мере, в отличие от многих своих коллег, он был невосприимчив к красивым речам, банкетам и подаркам.

МИРНЫЙ ДОГОВОР

Послы вернулись, не добившись от Филиппа ничего, кроме расплывчатого обещания уважать афинские владения во Фракии. За ними последовали три македонских посланника; были согласованы условия мирного договора, и другое посольство, вероятно, аналогичное первому, было уполномочено получить подпись Филиппа. Вопреки совету Демосфена, эта посольская миссия путешествовала короткими этапами по суше и ждала Филиппа в Пелле в течение месяца, давая ему время вести войну против царя Фракии, союзника Афин. Наконец он вернулся и убедил послов сопровождать его до Фера под предлогом желания их посредничества между двумя фессалийскими городами. В Ферах он подписал договор, но отказался вписать в него имя фокийцев. После отъезда послов он быстро двинулся на Фермопилы и захватил перевал, который на этот раз оказался без охраны. В этом и заключалась цель всех его колебаний и задержек. Афиняне были обмануты, а их послы оказались либо обманутыми, либо соучастниками; позже Демосфен даже обвинил Эсхина в том, что тот продался Филиппу.

Измена Фалека была еще более очевидна. До заключения мира он отказался от помощи сначала афинян, а затем спартанцев, которые предложили занять крепости. Фокидцы были предоставлены своей судьбе. Филипп явился, и крепости были сданы ему на единственном условии, что Фалайку будет позволено уйти на Пелопоннес с десятью тысячами наемников. Таким образом, этот вождь разбойничьей банды, не найдя больше ничего, что можно было бы украсть в Дельфах, без сопротивления сдал свою страну врагу. Фокидцы оказались во власти Филиппа, который предал их ненависти фиванцев.^b

Царь занял страну, не нанеся ни одного удара, а затем созвал Амфиктионский совет в Дельфы, чтобы судить фокианцев и их союзников и навести порядок в делах национального святилища.

НАКАЗАНИЕ ФОКИЯН

[346 г. до н. э.]

Приговор был достаточно суровым. Суд, в котором участвовали только представители народов, которые, как фиванцы, локрийцы и фессалийцы, принимали участие в Священной войне, следовал велениям мести и страсти. Фокидцы, как проклятые, были изгнаны из Амфиктионского союза, и два голоса, которыми они до сих пор обладали, были переданы Филиппу и его преемникам; все города, а их было двадцать два, должны были быть разрушены (за исключением Абы), а их жители — поселиться в деревнях, насчитывающих не более пятидесяти жителей. Беглецы должны были быть прокляты и объявлены вне закона, где бы они ни были обнаружены; те, кто остался, должны были платить Аполлону ежегодную дань в размере пятидесяти талантов [10 000 фунтов стерлингов или 50 000 долларов] и быть лишены оружия и лошадей до тех пор, пока не будет возмещено украденное сокровище. Филипп в будущем должен был председательствовать на Пифийских играх. Желание мести зашло так далеко, что этеане даже предложили сбросить со скалы всех мужчин, за исключением мальчиков и стариков, как грабителей храма: бесчеловечное предложение, которое Филипп с гневом отверг. На фоне такой необузданной

ярости македонский царь, который не проявлял милосердия к своим врагам, казался мягким правителем.

Приговор был приведен в исполнение с безжалостной суровостью; древние города, такие как Гиамполис, Панопеус, Даулис, Лилея, с тех пор исчезли из истории; их бывшие жители либо скитались бездомными по чужим странам, либо доживали свои дни в печальном рабстве. Многие присоединились к отрядам наемников, которые Тимолеон Коринфский в следующем году повел в Сиракузы; другие перешли с Фалаеком на Крит, где через некоторое время вождь встретил свою смерть при осаде Кидонии. Все фокианцы, принимавшие участие в ограблении храма, встретили страшную смерть, но судьба тех, кто остался, была не более завидной. Спустя несколько лет, когда Демосфен отправился в Дельфы, он увидел картину бедствия: «разрушенные дома, развалившиеся стены, опустевшая от мужчин трудоспособного возраста страна, несколько скорбящих женщин, детей и стариков; такое несчастье, которое невозможно описать словами».

Отношение афинян

Весть об этих событиях обрушилась на преданных афинян как гром среди ясного неба. Полагаясь на королевскую милость и милосердие, они сдали фокийцев их врагам со связанными руками, и как же было вознаграждено это доверие! В Афинах, следовательно, никто не присоединился к песням радости, которые раздавались в Дельфах, когда Амфикиционный совет ( ) и греческие послы, приветствовавшие Филиппа как защитника почтенного святилища, были приглашены им на банкет, где были принесены жертвы, возливания и молитвы в честь Аполлона; напротив, среди граждан царило большое волнение и смешанные чувства печали, возмущения и страха. Люди воображали, что уже видят македонского царя в Аттике. По предложению Каллисфена они решили привести женщин и детей из сельской местности в город, спрятать свое имущество и подготовиться к обороне. Вопреки запрету Амфикиционного совета, беженцам из Фоки было обещано гостеприимство и защита.

Тем не менее, когда Филипп через свое посольство раскрыл свои мирные намерения, но в то же время остался поблизости со своей армией в готовности, ситуация начала рассматриваться более спокойно. Тем не менее, на первом собрании народ так шумел, что ораторы не могли быть услышаны, и Эсхин крикнул посланникам Филиппа: «Крикунов много, а бойцов мало». Но когда, учитывая давление обстоятельств, даже Демосфен поднял свой голос «за мир» и предупредил общее собрание о необдуманных действиях, поскольку в конце концов было бы «глупо и совершенно бессмысленно» вступать в общую войну из-за «тени в Дельфах», они подчинились неизбежному и признали *свершившийся факт*. Новое посольство во главе с Эхином донесло македонскому правителю о согласии Афин с решением амфикитионов и о своем вступлении в храм-союз. Удовлетворенный этим результатом, царь устроил пифийские игры с необычайной пышностью, а затем вернулся в Македонию, оставив гарнизон в Фокиде.

МАКЕДОНСКАЯ ПАРТИЯ

В последующие годы, пока Филипп укреплял свое наследственное царство и расширял его границы, успешно сражаясь с иллирийцами и трибаллами, с эпирами и молоссами, а также с восточными фракийцами, а земля Эллады лежала в руинах и разбита, афиняне использовали это время, чтобы возродить свою торговлю, укрепить и оснастить свой флот, а также построить новые великолепные здания для общественных нужд. Но гражданский раскол становился все более очевидным и мешал длительному исцелению и лечению больного государства от тяжелых ран прошлых лет. Со времени мошеннического посольства

македонская фракция, приверженная Эсхину и Филократу, и патриоты, почитавшие Демосфена, Ликурга и Гиперида своими лидерами, занимали враждебную позицию друг по отношению к другу.

Если сначала Эсхин встал на сторону Филиппа из естественной склонности, потому что был ослеплен королевской личностью и мог обманывать себя относительно его намерений, то теперь он по личным мотивам был самым горячим сторонником царя, поскольку тот называл его своим другом и обогащал подарками. Тот, кто когда-то выглядел так бедно и скромно, теперь гордо носил голову, ходил в длинных струящихся одеждах и своими щедрыми тратами демонстрировал изменение в средствах, которыми он располагал. Человек практической мудрости давно распознал обманчивую игру македонянина, но продолжал «проходить по мосту для него».

Филократ еще более бесстыдно выставлял напоказ свою бесчесть. Он открыто признавал, что Филипп щедро вознаграждал его, и его расточительность, развратная жизнь и беспечность, с которой он предавал себя чувственным удовольствиям и порокам, были свидетельством великолепных подарков его богатого покровителя. Но среди всех сторонников Македонии наибольшее рвение проявлял Демад, сын бедного моряка, чьи грубый ум и популярный стиль красноречия все еще выдавали в нем бывшего моряка. Вокруг этих людей, к которым следует добавить умного, но беспринципного Пифея, роилась масса людей, желавших мира любой ценой, чтобы наслаждаться жизнью в покое и комфорте, и таких низких духом, которые ставили золото и удовольствия выше чести и своей родины.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

[346-343 гг. до н. э.]

Эта партия имела свои корни и поддержку в эгоистичной и любительской природе толпы, и по мере того, как она приобретала власть и приверженцев, тем больше становилось достоинств людей, которых ни почести, ни прибыль не могли поколебать в их верности родине, которые с подозрением смотрели на все начинания и интриги Филиппа и признавали сохранение свободы, полученной от отцов, достойной целью всех борьбы и усилий. Среди этих людей, помимо Демосфена, который в эти годы проявил удивительную активность, стремился сорвать планы Филиппа во всех направлениях и, в частности, пытался предотвратить интриги Македонии в Пелопоннесе путем умиротворения и примирения, благородный оратор Ликург выделялся в первых рядах патриотов своей скромной простотой и строгостью. Как Сократ и Фокион, враг всех чувственных удовольствий и изнеженности, он добился большего благодаря своим достоинствам и благородному характеру, чем благодаря своей несколько неуклюжей красноречивости. Гиперид был откровенным и энергичным защитником интересов своей страны, но также был очень привязан к радостям этого мира, удовольствиям стола и красивым женщинам. Его любовная интрига с очаровательной куртизанкой Фриной была широко известна. Талантливый, живой и образованный, он очаровывал своих слушателей свежим и естественным шармом своей ораторской речи. Кроме того, «кудрявый» Гегесипп и Тимарх принадлежали к патриотической партии, но они нанесли ей ущерб в глазах народа своей дурной репутацией.

Позиция партий впервые проявилась в деле против Тимарха, который вместе с Демосфеном вынес на суд ревизоров (*logistæ*) обвинение против Эсхина по поводу мошеннического посольства (344). Чтобы опровергнуть это обвинение, Эсхин постарался доказать, что Тимарх был абсолютно неправомерен предпринимать такие действия из-за

своего бесстыдного образа жизни и дурной репутации, и он продемонстрировал это настолько убедительно, что его противник был наказан лишением гражданских прав, а его собственная честность была представлена в самом выгодном свете. Если бы Эсхин взял в руки оружие ( ) в знак морального возмущения порочным поведением своего противника, мы могли бы только одобрить его действия; но, далекий от того, чтобы выступать защитником добродетели, он относится к пороку и господствующей аморальности с величайшей снисходительностью и приоткрывает завесу только настолько, насколько это служит целям его партии. Более успешным было обвинение, выдвинутое Гиперидом в следующем году против Филократа. Осознавая свою вину, обвиняемый ушел в изгнание еще до вынесения приговора. Демосфен, возможно, почувствовал себя ободренным этим результатом и решил выдвинуть второе обвинение против Эсхина, касающееся измены и подкупа в связи с мошенническим посольством; но благодаря умелой защите обвиняемого и поддержке партии мира это знаменитое состязание также закончилось оправданием оратора (343 г.).

ИНТРИГИ ФИЛИППА И НАЧАЛО ВОЙНЫ

[344-341 гг. до н.э.]

Филипп использовал обманчивый мир, чтобы с помощью подкупа и интриг создать для себя союзы во всех греческих государствах, приобрести сторонников и поклонников и разжечь гражданские распри. Он приложил особые усилия, чтобы извлечь выгоду из внутренних разногласий в пелопоннесских государствах и непримиримой ненависти аркадцев, мессенцев и аргеев к Спарте; чтобы завоевать репутацию защитника благосостояния и таким образом постепенно перенять в свои руки власть главного арбитра. Тот факт, что эти интриги не увенчались полным успехом и что афиняне, предупрежденные и полные недоверия, значительно усложнили задачу македонских переговорщиков, можно считать результатом *Второй филиппики* Демосфена. В результате неприязнь Филиппа была направлена прежде всего против афинян, в которых он видел единственных противников своей жажды власти, и он стремился нанести им ущерб всеми способами, не нарушая прямо мир.

Он изгнал пиратов с аттического острова Халонес и оставил остров в своей собственности, а когда афиняне пожаловались, он предложил им его в качестве личного подарка; с помощью своей вновь созданной морской мощи он нанес ущерб афинской торговле, а также все больше и больше перебирал власть над морем в свои руки, и вместо того, чтобы вернуть афинянам Эвбею, как когда-то надеялись, он укрепил свою власть, поддерживая тайное соглашение со своими сторонниками, чтобы обеспечить им господство в Эретрии и Ореусе; в Фессалии он упразднил должность тагуса, или главы конфедерации, и поставил над четырьмя округами четырех тетрархов, на которых он мог полагаться, — правительство, которое было рассчитано «сломать все попытки объединения и сделать разрозненные силы страны полностью подчиненными его целям».

Большое волнение среди афинян вызвало то, что Филипп вновь обратил свое оружие против князей Керсоблепта и Тереса, с которыми они были в дружеских отношениях. Очевидно, его намерением было обеспечить себе проход в Азию путем подчинения фракийских прибрежных земель и одновременно перерезать главные артерии афинской морской торговли, а именно вход в Понт. Королевский документ с некоторыми примирительными предложениями и предложением передать спорные вопросы на рассмотрение беспристрастного трибунала был призван отвлечь внимание афинян от их

владений на Херсонесе, но его предложения и требования были опровергнуты Демосфеном или, как убедительно показала новая критика, Гегесиппом в речи «*О Халонесе*». А чтобы покрыть свои фракийские владения старыми и новыми клерухами, афиняне послали генерала Диопейфа с эскадрой и наемными войсками. Двумя успешными походами ( ) Филипп теперь победил фракийцев в нескольких сражениях после отважного сопротивления и сверг их князей; он захватил один город за другим на Среднем Эвбее, где его солдаты зимовали в земляных укрытиях (в «грязевых ямах»), и укрепил свои новые владения, основав несколько колоний (Филиппополь, Верия, Кабила и т. д.); тем временем Диопейф кружил в водах Понта, заставляя города покупать безопасное плавание для своих торговых судов либо за дань, либо, как выразился командующий флотом, за добрую волю, и предпринял военную экспедицию на македонские побережья вдоль Пропонтиды.

Когда Филипп подал жалобу в Афины на это нарушение мира и пригрозил репрессиями, македонская партия высказала мнение, что следует попытаться примирить царя, отозвав и наказав генерала Амфибия ( ). Тогда Демосфен в своей великолепной речи «*Дела Херсонеса*» доказал, что мир был нарушен еще давно самим Филиппом и что афиняне, вместо того чтобы наказать своего смелого вождя, как того требовали коррумпированные слуги царя и трусливые сторонники мира, должны снабдить его новыми войсками и военными припасами, пока Филипп не успел довести все свои планы до конца и напасть на сами Афины.

ТРЕТЬЯ ФИЛИППИКА

После этого «словесного акта», который имел желаемый эффект, Демосфен в *Третьей филиппике* ясно дал понять афинянам необходимость заключить союз с остальными греческими городами для оказания взаимной помощи, чтобы сдержать наглый и злонамеренный характер македонянина, который под прикрытием мнимого мира совершал акты войны и насилия.

ГРЕЧЕСКОЕ ЗЕРКАЛО

(В Британском музее)

«В прежние времена, когда какие-либо эллины злоупотребляли своей властью для угнетения других, — так гласила эта замечательная, мудрая и энергичная речь, — вся Эллада поднималась на защиту права, а теперь мы позволяем «ничтожному македонцу», «варвару самого отвратительного характера», разрушать греческие города и проводить Пифийские игры или заставлять своих слуг проводить их. Эллины смотрят на это и ничего не делают, «как человек смотрит на град, молясь, чтобы он не попал в него»; его власть продолжает расти, и против нее не предпринимается никаких шагов, каждый рассчитывает на момент, когда другой потерпит крах, чтобы извлечь из этого выгоду для себя, вместо того чтобы думать о том, как спасти существование Эллады и активно действовать в ее интересах, хотя никто не может не понимать, что зло достигнет даже самых отдаленных. Когда-то человек, позволивший себя подкупить амбициозным и злобным врагам своей страны, стал жертвой всеобщей ненависти и был подвергнут суровому наказанию как тяжкий преступник; теперь все это как бы устранено, и вместо этого введено то, от чего Греция умирает: зависть к тому, кому что-то дано, смех, когда он в этом признается, ненависть к тому, кто его упрекает».

В *Третьей Филиппике* Демосфен с еще большей резкостью упрекает народ за его леность и деградацию; и хотя всякая вера не исчезла из его души, тем не менее не без основания это произведение было названо «изучением теней, в мрачных красках которого раскрывается

опечаленный дух, далекий от радостных ожиданий, в то время как в « » речи о Херсонесе, написанной под влиянием светлых надежд, дышит более свежий воздух».

Бурная красноречивость *Третьей Филиппики* произвела сильное впечатление. Теперь, в последний момент, собрание было поднято на решительные действия; оно на время передало руководство делами главным образом в руки Демосфена, патриотической партии, и энергично приступило к подготовке к обороне. В то время как Гиперид переманил на сторону Афин острова Хиос и Родос, Демосфен сам отправился на место военных действий, убедил Византию, отказавшись от своей давней ревности, примириться с Афинами и заключить союз о взаимной помощи (341 г.), а также приобрел Абидос и вместе с ним право на беспрепятственное судоходство по Геллеспонту. Тем временем персидские правители, которые в течение долгого времени с тревогой и беспокойством наблюдали за ростом и расширением Македонского царства, были прошены оказать помощь, и несколько государств на Пелопоннесе были побуждены присоединиться к «Эллинскому союзу против Филиппа». Это был свободный союз под руководством Афин с фиксированными взносами в виде денег и людей. Эвбея также присоединилась к союзу после того, как македонские правители в Эретрии и Ореусе были убиты, а другой изгнан Фокионом. В знак признания этих заслуг Демосфену был вручен золотой венок, который был возложен на его голову в театре на Дионисиях.

Чтобы подготовить членов союза к жертвам, Афины сами продемонстрировали великодушный пример патриотической преданности. Демосфен предложил не только изменить организацию триерархии, чтобы защитить менее состоятельных от угнетающей традиции и заставить богатых прилагать больше усилий в соответствии с их ресурсами; народ также согласился, что суммы, которые до сих пор обычно тратились на праздничные расходы, развлечения и театральные представления, должны быть использованы для военных операций. «Народ, — говорит Нибур, — чья бедность доминировала в ассамблее и который отказался от подарков, благодаря которым он мог позволить себе роскошь есть мясо в определенные праздничные дни, поскольку в остальное время года он питался только оливками, капустой и луком с сухим хлебом и соленой рыбой, — тот, кто пошел на эту жертву, чтобы обеспечить честь своей страны, — этот народ имеет все мое сердце и мое глубочайшее почтение».

ФИЛИПП ВОЗВРАЩАЕТСЯ В БОЙ

[341-340 гг. до н. э.]

Военные настроения в Афинах не остались неизвестными македонскому царю. Он скрывал свой гнев, пока продолжалась фракийская война, но когда он уничтожил некогда могущественное царство одрисов и обеспечил контроль над фракийскими районами с помощью колоний и гарнизонов, когда он провел свою армию через Эмус к гетам и завоевал колонии на западном берегу Понта путем примирения или силы, он отправил афинянам вызывающее письмо, полное жалоб и обвинений, и добавил к ним такие оскорбления, как вторжение в их владения на Херсонесе и захват афинских торговых судов, что народное собрание объявило о нарушении мира, сбросило колонну мира и приняло меры для оказания существенной помощи византийцам, которым Филипп уже тогда угрожал осадой.

В Афинах не было никаких иллюзий относительно важности этого шага. Когда Гегесипп рекомендовал отклонить последние предложения Филиппа, раздался крик: «Ты навлекаешь на нас войну!», на что он ответил: «Не только войну, но и скорую смерть, траурные одежды, публичные похороны и поминальные речи, если вы искренне захотите освободить эллинов и вернуть гегемонию, которую поддерживали ваши отцы».

Так закончился пустой мир Филократа, длившейся семь лет, и хотя с точки зрения положения дел и предыдущего хода событий не было никакой надежды на успех борьбы раздробленной Эллады против наступающей силы Македонского царства, находившегося в расцвете своей военной мощи, тем не менее мы не можем не испытывать глубочайшего уважения к мужественному порыву, к решимости, которая бросила вызов смерти и предпочла пасть славно и с честью под ногами вражеских армий, чем дольше быть добычей коварных уловок царя и его купленных сателлитов или дольше находиться в недостойном и губительном состоянии между войной и миром. Речь шла не о сохранении «устаревшего украшения», а о спасении свободы и народного правления, унаследованного от предков, о передаче в неизменном виде своим преемникам институты и политические формы, за которые предыдущие поколения отдали свое имущество и свою кровь, и о том, чтобы как можно дольше избежать разрыва с великим историческим прошлым.

ОСАДА ПЕРИНФА И ВИЗАНТИИ

[340-339 гг. до н. э.]

И что в греческом народе еще оставались сила и мужество, Филипп к своему великому огорчению вскоре получил наглядное доказательство перед Перинфом, морским городом, построенным террасами на высоком хребте языка суши на Пропонтиде, с рядами тесно сгруппированных домов, который он не смог взять после долгой осады с суши и с моря. Поддерживаемые византийцами и персидским правителем, храбрые граждане отразили штурм и атаку с мужеством. И теперь, воодушевленные примером перинфян и при содействии афинян, которые сначала послали Хареса, а затем Фокиона с кораблями и людьми на помощь своему союзнику, находящемуся в тяжелом положении, византийцы оказали мужественное сопротивление; так что и здесь Филипп был вынужден снять осаду и только благодаря хитрости ему удалось вывести свой флот из Черного моря через Босфор и Геллеспонт.

Слабые византийцы вряд ли продержались бы так долго против осады, которую Филипп проводил аналогичным образом с помощью таранов, машин для метания снарядов и подкопов, но афинянин Харес и его эскадра в победном сражении оттеснили македонский флот к Понту и из своего выгодного положения в Хрисополисе защищали вход в море, а доблестный Фокион делал все возможное, чтобы помочь в оборонительных мерах византийского полководца Леона, с которым он ранее познакомился в школе Платона. Таким образом, и здесь Филипп не достиг своей цели, несмотря на мастерство своих инженеров и храбрость своих войск, которые однажды даже проникли в город в дождливую безлунную ночь, но были отбиты в жарком бою горожанами, которые поспешно прибежали на помощь, чему в значительной степени способствовало появление северного сияния.

УПАДОК ПРЕСТИЖА ФИЛИППА; СКИФСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Золотой венок и благодарственные голоса, которыми спасенные перинфяне, византийцы и аттические клерухи на Херсонесе выразили свою признательность афинскому государству, были в особенности заслугой оратора Демосфена, который своей бескорыстной и патриотической деятельностью в основном способствовал этому возрождению энергии. Узнав о неудачах Филиппа в Перинфе и Византии, национальная партия подняла голову с еще большей гордостью. Опираясь на Афины, чьи корабли вновь господствовали в Понте вплоть до Фессалии, блокировали побережья и препятствовали македонской торговле и морской торговле, патриотическая партия, в которой еще не угас дух независимости, свободы и национальной чести, вновь активизировалась во всех греческих городах. Даже в

Фивах появились свидетельства, которые показывали, насколько велико было возмущение и подозрение по отношению к Филиппу. Сторонники Македонии и сторонники мира были оттеснены на второй план; эллинский союз получил новых членов и сторонников. Уважение к Филиппу явно ослабевало, тем более что в это время он находился со своей армией в отдаленных районах Дуная. Чтобы компенсировать своим войскам их бесплодные труды в виде набега и восстановить свою военную репутацию блестящим подвигом, Филипп повел свою армию из Византия против скифов на нижнем Дунае. Здесь он действительно одержал победу в великой битве, взял в плен много людей и захватил в добычу множество ценных лошадей и скота; но на обратном марше через страну трибаллов большая часть этой добычи была потеряна; только с большим трудом и, будучи сам тяжело ранен, он провел армию через перевал Эмус в свою страну.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ АМФИСЫ

[339-338 гг. до н. э.]

Только блестящий военный подвиг мог восстановить угасающий престиж Филиппа в Элладе, и его сторонники подготовили для этого почву. Они сумели разжечь новые разногласия среди эллинов и так искусно поступили, что Филипп получил повод для вторжения в Грецию и смог скрыть свои личные цели под благородным предлогом. Он смог во второй раз выступить защитником пифийского святилища и свергнуть своих противников.

Локрийцы из Амфиссы использовали значительную часть проклятой «Криссайской равнины» под поля и луга, построили кирпичные печи и фермы, а в укрепленном пристанище возвели таможенный дом, где паломники, направлявшиеся к святилищу оракула, должны были платить пошлину за приют и сопровождение. Дельфийцы оставили амфиссян в покое, чтобы те делали, что хотели, тем более что последние платили обычную десятину за землю, которую занимали, а также арендную плату за землю. После Фокийской войны, в которой локрийцы проявили столь большую ревность к чести храма, они вряд ли стали бы более небрежными в выполнении своих обязанностей; и, вероятно, в качестве подходящего вознаграждения за свои услуги они приобрели новые участки земли, которые возделывали. Но само святилище, вероятно, теперь занимало другое положение по отношению к греческому народу, поскольку иностранный царь принял на себя обязанности его защитника, а Пифия была обвинена в «филлипизации».

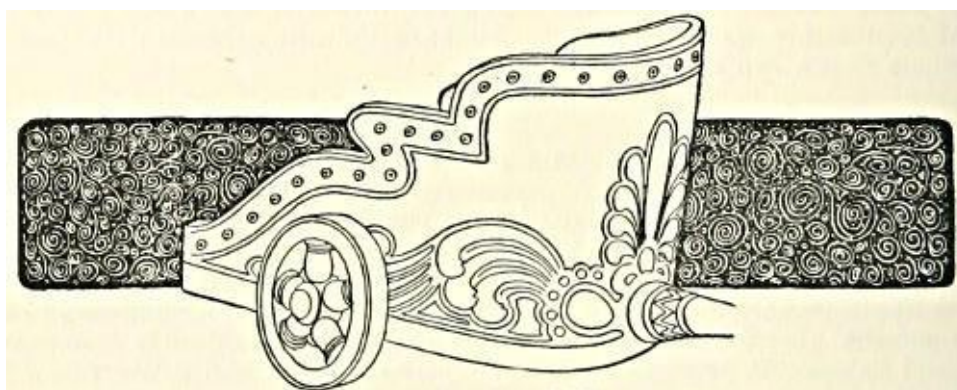
Эсхин, как помощник афинского депутата (Пилагора), находился в Дельфах на весеннем заседании Амфикионского совета. Он питал злобу к амфиссиянцам за то, что они примкнули к патриотической партии, и теперь воспользовался их положением, чтобы выдвинуть против них обвинение. Указав с высоты, на которой проходило заседание, на гавань и возделанную землю, он произнес торжественную речь перед собранием и привел его в такое возбуждение, процитировав древние законы и клятвы, что посланцы, охваченные чрезмерным религиозным рвением, на следующее утро выступили на Криссайскую равнину в сопровождении граждан и рабов Дельф, разрушили гавань, подожгли дома и снесли постройки. В ярости от столь внезапного и осуществленного без какого-либо расследования шага, амфиссияне ( ) напали на «крестоносцев» с оружием в руках, ранили некоторых, а другие спаслись бегством в Дельфы.

Здесь на собрании совета и граждан под председательством Коттифа из Фарсала было принято решение, что на следующем очередном собрании, которое должно было состояться в Пилах, будет определено наказание амфиссиян за их преступление против бога и

священной равнины, и для этой цели депутаты должны были получить специальные полномочия от своих государств.

Когда Эсхин представил свой доклад афинскому народу, Демосфен воскликнул: «Ты приносишь войну в Аттику — амфиктионскую войну»; и его предупреждающие слова были достаточно убедительными, чтобы удержать афинян от отправки делегатов в назначенный трибунал. Фиванцы также держались в стороне, хотя Тимолай, «величайший раб своих удовольствий», и другие сторонники Филиппа ревностно принимали участие в этом деле. Однако собрание все же состоялось, на амфиссиан был наложен тяжелый денежный штраф, и когда они отказались его платить, было решено начать против них войну. Но небольшая армия, которую Коттиф сам возглавил против них, ничего не добила; энтузиазма было так мало, что несколько племен не отправили свои контингенты, а остальные работали очень вяло. В результате на следующем осеннем собрании лидеры македонской партии смогли воспользоваться этим, чтобы избрать македонского царя командующим в Священной войне.

ГРЕЧЕСКАЯ БОЕВАЯ КОЛЕСНИЦА

Филипп вернулся из скифского похода лишь незадолго до этого, но не стал долго медлить. С армией, которая постепенно увеличилась до тридцати тысяч пехотинцев и двадцати тысяч всадников, он вторгся в Фокиду через проход Термопилы, хитростью захватил ущелья на Парнасе, которые были заняты полководцами Харесом и Проксеном, и после нескольких коротких сражений с наемниками взял Амфиссу. Город был разрушен до основания, жители изгнаны, а освященная земля возвращена дельфийскому святилищу. Завоевав Наупакт и передав его этолийцам, Филипп вернулся через горы, занял фокийский пограничный город Элатею в плодородной долине Кефиса, который, контролируя вход в Локриду и Беотию, служил отличной базой для дальнейших операций. Когда Элатея была поспешно укреплена частоколом и снабжена сильным гарнизоном, она превратилась в военный лагерь, представлявший непосредственную угрозу для Беотии и Аттики.

Демосфен ярко описал впечатление, которое произвела на совет и граждан Афин новость об оккупации Элатеи:

«Был вечер, когда к пританам пришел гонец с известием о том, что Элатея взята. Они немедленно встали из-за стола; одни прогнали торговцев с их прилавков и зажгли решетки, чтобы этим огненным сигналом созвать людей из окрестностей в город; другие послали к полководцам и дали сигнал тревоги: и город был в величайшем волнении. На рассвете следующего дня пританы созвали великий совет в здание совета; граждане собрались на

народном собрании, и еще до того, как совет проконсультировался и принял решение, все сообщество собралось на Пниксе. Когда совет появился, пританы повторили полученные новости и представили посланника, а тот доложил о своем отчете, глашатай спросил: «Кто хочет выступить?», но никто не вышел вперед; и сколько раз глашатай ни повторял этот вопрос, никто не вставал, хотя все стратеги и все ораторы были присутствовали.

Тогда Демосфен встал и первым выступил против идеи, что Филипп действовал в соответствии с договоренностью с Фивами:

«Тот, кто предавался чрезмерной тревоге, как будто Филипп был уверен в поддержке фиванцев, ошибался, ибо я убежден, что если бы это было так, мы не слышали бы, что он находится в Элатее, а не на наших границах. Но совершенно верно, что, предпринимая этот шаг, он имел в виду завоевание Фив для себя. Он уже переманил на свою сторону многих с помощью денег и хитрости, но тех, кто с самого начала сопротивлялся ему, он теперь не сможет завоевать. С какой целью он теперь занял Элатею? Чтобы, демонстрируя свою мощь в окрестностях и угрожая оружием, он мог побудить своих друзей к смелым действиям и запугать своих врагов, чтобы те сдались из страха или были принуждены остальными. Если же мы теперь вспомним наши прежние ссоры с фивами и начнем им не доверять, то мы, во-первых, исполним самое заветное желание Филиппа, а во-вторых, переманим на его сторону тех, кто до сих пор был его противниками, и тогда вместе с ним будет предпринята общая атака на Аттику».

Чтобы этого избежать, Демосфен предложил своим согражданам следующее: сначала избавиться от нынешнего страха, а затем опасаться фиванцев, поскольку они были гораздо ближе к объекту страха и именно им угрожала наибольшая опасность; затем они должны были бы выступить на Элевсин со всеми своими силами и кавалерией, чтобы показать, что они сами находятся под оружием, и таким образом партия свободы в Фивах была бы воодушевлена на борьбу за право, поскольку те, кто продался Филиппу, имели сторонника в Элатее; наконец, они могли бы выбрать десять послов, которые вместе со стратегами должны были бы сделать необходимые приготовления для похода, а затем отправиться в Фивы и объявить там, что афиняне готовы оказать помощь, если фиванцы пожелают и потребуют этого.

«Если они примут предложение и присоединятся к нам, мы достигнем своей цели, не ущемляя достоинства нашего государства; если мы не добьемся успеха, фиванцы будут виноваты только сами, если их постигнет несчастье, но мы не сделаем ничего постыдного или подлого».

СОЮЗ МЕЖДУ АФИНАМИ И ФЕБАМИ

Слова патриота были лучом света в мраке смятения и неопределенности. Его предложения были приняты без единого возражения, а сам он был поставлен во главе посольства, которое должно было вести переговоры о союзе с фивами и договориться с полководцами о мерах, необходимых для ведения войны. Демосфен и его спутники немедленно выступили в путь, а армия заняла свои позиции в Элевсине. Когда послы прибыли в Фивы, они сразу же встретились с послами Филиппа и его фессалийских союзников, которые при поддержке македонской партии рьяно пытались самыми заманчивыми обещаниями убедить фиванцев заключить военный союз с царем или, по крайней мере, сохранить нейтралитет и пропустить его войска в Аттику. Остроумный и красноречивый Пифон из Византии проявил большое мастерство, перечисляя все благодеяния, которые царь оказал их городу, и демонстрируя преимущества, которые принесет Фивам совместное нападение на Аттику, а также напоминая народу обо всех обидах и враждебных действиях, которые Афины когда-либо причиняли им и за которые

они теперь могут отомстить. Он не забыл упомянуть и о доле в трофеях в случае объединения с Македонией, а также о страданиях и ужасах войны, если они останутся на стороне Афин. Фебинский совет колебался. Но когда Демосфен умолял собравшихся на мгновение забыть все прежние разногласия и обиды и думать только о спасении своей родной Эллады и сохранении свободы и чести, когда он дал им понять, что общую опасность можно предотвратить только их твердой сплоченностью, — тогда все сомнения исчезли перед его пламенными словами. В восторге, которым наполнила их его речь, они забыли о личных интересах, страхе и благосклонности; они решили отказаться от короля и заключить с Афинами союз о нападении и обороне. Это было последнее мерцание огня, который так ярко светил в дни Персидской войны. В это время мнение Демосфена было решающим не менее, чем ранее в народном собрании Афин, в недавно созданном союзном совете в Фивах.

Условия договора точно не известны. Фивы были признаны главой Беотии, каждая сторона сохранила свои владения, и было решено восстановить фокийские содружества. Две трети расходов на войну должны были быть покрыты Афинами, одна треть — Фивами. С другой стороны, утверждение Эсхина о том, что Фивы должны были иметь единоличное командование на суше, а на море делить его с Афинами, вызывает обоснованные подозрения.

Вновь пробудившийся военный дух и союз двух самых могущественных греческих государств ни в коем случае не сулили ничего хорошего для предприятий Филиппа. Поэтому он вновь прибег к переговорам. Его друзья и послы заявляли, что он не имеет враждебных намерений по отношению к Греции, а лишь пришел, чтобы выполнить постановления амфикионов. Даже в Фивах и Афинах были известные люди, которые призывали к миру, ссылаясь на многочисленные злые знаки и предзнаменования.

«Пифия предсказывала тяжелые бедствия, а старые сивиллины предсказания, которые были в обращении, указывали на несчастные сражения и кровавые поля с трупами, ставшие добычей воронов и стервятников: побежденные плачут, а победителей постигает гибель».

Чтобы преодолеть эти впечатления, потребовалась вся энергия и решимость Демосфена. Он сам отправился в Фивы и поддержал решение беотархов и народного собрания; в Афинах, где даже Фокион высказался против войны, он, как говорят, пригрозил «за волосы затащить в камеру первого, кто предложит мир с Филиппом». Демосфен добился своего. Его популярность была настолько высока, что афиняне дважды за год удостоили его золотой короной.

В первые дни весны афинская гражданская армия выступила на Фивы и разбила лагерь перед городом; но фиванцы приняли их и угощали в своих домах, пока две союзные армии не вступили вместе в Фокиду. Два первых сражения с македонскими войсками при Кефисе и в «зимней» горной местности были благоприятны для эллинов. В Фивах и Афинах богам воздали благодарность жертвоприношениями и торжественными процессиями за успешные «речные и зимние сражения». Афинская армия особенно отличилась своей дисциплиной, вооружением и боевым духом. Те жители Фокиды, которые были способны носить оружие, присоединились к союзникам, которые теперь занимали ущелья, ведущие в Беотию. Чтобы вытеснить их из этой выгодной позиции и открыть себе проход, Филипп снова прибег к хитрости. Он послал часть своей армии в Беотию по другой горной дороге и приказал поджечь деревни и поселки. Это заставило беотийских вождей покинуть свои позиции и защищать свою страну. Филипп ждал этого; он быстро отозвал эту часть армии, а затем прошел через перевалы со всей своей армией на Херонею в равнине Кефиса, где широкая ровная местность предлагала благоприятное поле для сражения.

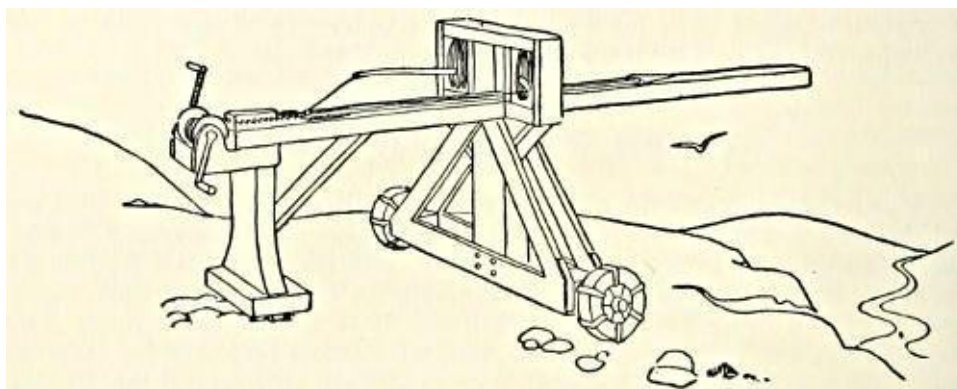
АРМИИ НА РАВНИНЕ ХЕРОНЕИ

[338 г. до н. э.]

Здесь он встретил армию греческих союзников. К фиванцам и афинянам, составлявшим ядро, присоединились эвбейцы, мегаряне, коринфяне, ахейцы и коркиряне, так что в целом греки, возможно, превосходили противника по численности. С другой стороны, они значительно уступали ему во всем остальном. Их поспешно созданные войска, состоявшие из представителей разных национальностей, не могли сравниться ни по подготовке и дисциплине, ни по владению оружием и военному опыту с хорошо вооруженными и закаленными войсками македонцев, которые недавно прошли через фракийскую войну, пересекли Эмус и сражались со скифами и трибаллами в степях Дуная, или с фессалийскими всадниками, которые были известны и уважаемы во всей античности. Эта эффективная, опытная армия была объединена единой волей признанного полководца и велась в бой опытными генералами, такими как Антипатр и другие, в то время как на стороне греков не было ни одного известного и уважаемого полководца. Афинский Стратокл и фиванский Теаген были храбрыми и добросовестными, но ни в коем случае не выдающимися вождями; а два других афинских полководца, Лисикл и Харес, расточительный и малоуважаемый капитан наемников, ни в коем случае не могли сравниться с Филиппом.

В этих условиях было очевидно, что битва при Херонее закончится поражением греков. Но они сражались и пали с честью. Это было последнее испытание силы эллинского народа; в рядах было лишь несколько наемных солдат, а подавляющее большинство составляли граждане-ополченцы. Тяжелая пехота фиванцев, среди которых почетное место занимала «Священная рота» из трехсот воинов, сохранила репутацию храбрости и дисциплины, которую она носила со времен Эпаминонда; афиняне, в рядах которых Демосфен служил в качестве рядового воина-гоплита, также были достойными членами союза. Они формировали левое крыло, в то время как фиванцы сражались на правом; остальные эллины и наемники заполняли центр. Филипп, осознавая важность сражения, с большой осторожностью распорядился своими войсками. Он сам принял командование крылом, противостоящим афинянам; другое он доверил своему сыну Александру, юноше в возрасте восемнадцати лет, который, окруженный самыми опытными воинами, был полон желания начать свою героическую карьеру славы и побед в этой решающей битве. Дуб на левом берегу Кефиса, где стояла его палатка, еще указывался во времена Плутарха.¹

Среди обвинений, выдвинутых Эсхином против Демосфена, было то, что, набирая наемных войска, он неправомерно использовал государственные деньги для оплаты людей, которые так и не появились; а также то, что он предоставил в распоряжение амфиссиан большое войско из десяти тысяч наемников, тем самым отняв их у главной афинской и беотийской армии; благодаря этому Филипп смог разгромить наемников по отдельности, в то время как все войско, если бы оно осталось вместе, никогда не было бы побеждено. Эсхин утверждает, что он сам решительно выступал против этого разделения сил, последствия которого были катастрофическими и деморализующими для всего дела.

ГРЕЧЕСКАЯ КАТАПУЛЬТА

В августе 338 г. до н. э. союзные греческие войска встретили Филиппа недалеко от Херонеи, последнего беотийского города на границе Фокиды. По-видимому, он был теперь достаточно силен, чтобы попытаться прорваться в Беотию, и, как говорят, выманил союзников из их сильной позиции на равнину, опустошив соседние поля. Диодор указывает, что его войско насчитывало тридцать тысяч пехотинцев и две тысячи всадников; несомненно, с ним были фессалийцы и другие союзники из северной Греции, но ни одного союзника из Пелопоннеса. Общая численность объединенных греков, противостоявших ему, неизвестна. Поэтому мы не можем сравнивать их численность, хотя превосходство македонской армии в организации неоспоримо. Самыми многочисленными греческими контингентами были афинский под командованием Лисикла и Хареса и фиванский под командованием Теагена; кроме того, были фокийцы, ахейцы и коринфяне, вероятно, также эвбейцы и мегаряне. Лакедемоняне, мессенцы, аркадцы, элеаты и аргивяне не принимали участия в войне. Все они, несомненно, были приглашены обеими сторонами, как Демосфеном, так и сторонниками Филиппа. Но их ревность и страх перед Спартой побудили последние четыре государства скорее смотреть на Филиппа как на защитника от нее, хотя в данном случае они не принимали активного участия.

Командование армией было разделено между афинянами и фиванцами, а ее передвижения определялись совместным решением их государственных деятелей и полководцев. Что касается государственных деятелей, то присутствие Демосфена, по крайней мере, гарантировало им здравые и патриотические советы, высказанные с большой убедительностью; что касается полководцев, то ни один из трех не был готов к столь серьезной и страшной чрезвычайной ситуации. К несчастью для Греции, в этот кризисный момент для ее свободы, когда все зависело от исхода кампании, ни Эпаминонд, ни Ификрат не были рядом. Фокион отсутствовал, будучи командующим афинским флотом в Геллеспонте или Эгейском море. Говорили о предзнаменованиях, ходили слухи об оракулах и пророчествах, призванных обескуражить греков; но Демосфен, воодушевленный видом столь многочисленной армии, единой и готовой защищать независимость Греции, отнесся ко всем этим рассказам с таким же безразличием, как Эпаминонд перед битвой при Левктрах, и обвинил дельфийскую жрицу в филиппизме. Более того, он был настолько уверен в исходе (согласно заявлению Эсхина), что когда Филипп, сам опасаясь поражения, был готов предложить условия мира, а беотархи склонялись к их принятию, то только Демосфен выступил против, объявив предателем любого, кто осмелится предложить мир, и хвастаясь, что если фиванцы боятся, то его соотечественники, афиняне, не желают ничего больше, чем свободного прохода через Беотию, чтобы атаковать Филиппа в одиночку.

БИТВА ПРИ ХЕРОНЕ

На поле битвы под Херонеей Филипп лично командовал отборным отрядом войск на фланге, противостоящем афинянам, а его молодой сын Александр, при поддержке опытных офицеров, командовал войсками, сражавшимися с фиванцами на другом фланге. О ходе сражения нам практически ничего не известно.¹¹⁶¹ Говорят, что сражение было настолько упорным, что в течение некоторого времени его исход был неопределенным. Священный отряд Фив, атаковавший в одной части фиванской фаланги, израсходовал всю свою силу и энергию в тщетной попытке сломить более сильную фалангу и многочисленные копья, противостоявшие им. Здесь юный Александр впервые проявил свою великую военную энергию и способности. После долгой и кровопролитной борьбы Священный отряд Фив был полностью разгромлен и погиб в своих рядах, а фиванская фаланга была разбита и оттеснена. Филипп, со своей стороны, все еще был вовлечен в нерешенный конфликт с афинянами, первый натиск которых, как говорят, был настолько стремительным, что заставил часть его войск бежать; настолько, что афинский полководец воскликнул в триумфе: «Преследуем их до самой Македонии». Далее говорится, что Филипп, со своей стороны, симулировал отступление, чтобы побудить их преследовать и нарушить их порядок. Мы читаем другое утверждение, которое, скорее всего, соответствует действительности: афинские гоплиты, хотя и были полны энергии при первом столкновении, не могли выдержать усталости и длительной борьбы, как обученные ветераны в противоположных рядах. Устойчиво отбивая их атаки в течение значительного времени, Филипп, видя успех своего сына, стал соперничать с ним и удвоил свои усилия, чтобы разбить и рассеять их. Таким образом, вся греческая армия была разгромлена с тяжелыми потерями.

Македонская фаланга, вооруженная и организованная Филиппом, имела шестнадцать рядов в глубину, что было меньше, чем у фиванцев в Делионе или при Левктрах. В ее передних рядах были ветераны, обладавшие большой силой и полной подготовкой, но, вероятно, они едва ли превосходили Священный отряд, который составлял передний ряд фиванцев. Но ее большое превосходство заключалось в длине македонского копья ( ) или сарисы, в количестве этих оружия, которые выступали вперед перед самыми передовыми солдатами, и в долгом опыте солдат в эффективном управлении этой непробиваемой шеренгой копий. Ценность усовершенствованной Филиппом фаланги была подтверждена его победой при Херонее.

Но победа была одержана не только благодаря фаланге. Военная организация Филиппа включала в себя множество видов войск помимо фаланги — телохранителей, как конных, так и пеших; гипаспистов, или легких гоплитов; легкую кавалерию, лучников, пращников и т. д.

Тысяча афинских граждан погибла в этой катастрофической битве; еще две тысячи попали в плен к Филиппу. Говорят, что потери фиванцев были также ужасающими, как и потери ахейцев. Но мы не знаем их численности; у нас также нет никаких сведений о потерях македонцев. Демосфен, сам присутствовавший в рядах гоплитов, участвовал в бегстве своих побежденных соотечественников. Его политические враги обвиняют его в крайней и позорной трусости, но из постоянного доверия и уважения, которые ему проявляют его соотечественники, ясно видно, что они не могут верить этим обвинениям. Два афинских полководца, Харес и Лисикл, оба бежали с поля битвы. Последний был впоследствии публично обвинен в Афинах оратором Ликургом. Лисикл был приговорен к смерти дикастерией. Чем отличалось его поведение от поведения его коллеги Хареса, который, безусловно, не был осужден и даже не был обвинен, мы не знаем.

Невыразима была агония в Афинах после известия об этой катастрофе, когда множество неизвестных граждан осталось на поле боя или в плену, а победоносный враг находился в

трех- -четырёх днях марша от города. Все население, даже старики, женщины и дети, разбрелись по улицам, охваченные яростью горя и ужаса, обмениваясь выражениями скорби и сочувствия и расспрашивая каждого беглеца, который прибывал, о безопасности своих родственников в битве. Была задействована вся элита граждан военного возраста, и до того, как был установлен размер потерь, существовали опасения, что для защиты города останутся только старики. Наконец стали известны точные потери: они были действительно тяжелыми и ужасными, но не полным крахом, как в случае с армией Никия на Сицилии.

Как и в том тяжелом случае, так и сейчас: среди всего этого бедствия и тревоги афиняне не были склонны к отчаянию. Масса граждан без приглашения поспешила собраться на общественное собрание, на котором были приняты самые энергичные решения по обороне. Были приняты декреты, обязывающие каждого вывезти свою семью и имущество из открытой местности Аттики в различные крепости; предписывающие сенаторам, которые по общему правилу были освобождены от военной службы, выступить в оружии в Пирей и привести этот порт в состояние, позволяющее выдержать осаду; поставить всех без исключения в распоряжение полководцев в качестве солдат для обороны и наложить наказание за измену на всех, кто сбежал; освободить всех рабов, пригодных для ношения оружия, предоставить гражданство метикам при тех же условиях и восстановить все привилегии граждан тем, кто был лишен гражданства по судебному решению. Последний из упомянутых декретов был предложен Гиперидом, но несколько других были выдвинуты Демосфеном, к которому, несмотря на недавнее поражение афинских войск, продолжали относиться с неизменным уважением и доверием. Не только он, но и большинство видных граждан и постоянных ораторов в ассамблее выступили с крупными частными пожертвованиями, чтобы удовлетворить насущные нужды момента. Каждый житель города помогал устранять недостатки в укреплениях Афин ( ). Материалы добывались путем вырубki деревьев в окрестностях города и даже путем забора камней из соседних гробниц, как это было сделано после Персидской войны, когда стены были построены по замыслу Фемистокла. Храмы были опустошены от оружия, висевшего в них, с целью вооружить безоружных граждан. Благодаря таким искренним и единодушным усилиям оборона города и Пирея вскоре была существенно улучшена. На море Афинам нечего было бояться. Ее мощный военно-морской флот остался нетронутым, и ее превосходство над Филиппом в этом элементе было неоспоримым. Послы были отправлены в Трезен, Эпидавр, Андрос, Кеос и другие места, чтобы просить помощи и собирать деньги; в одной из этих посольств служил Демосфен, после того как он обеспечил неотложные нужды обороны.

ФИЛИПП ЗАХВАТЫВАЕТ ФЕБЫ

Такие меры предосторожности были приняты в Афинах после этого рокового дня. Но Афины находились на расстоянии трех-четырёх дней марша от поля битвы при Херонее, а Фивы, расположенные гораздо ближе, первыми подверглись нападению Филиппа. О поведении этого принца после победы существуют противоречивые сведения. Согласно одному из них, он предался самому оскорбительному и разнузданному ликованию на поле битвы, особенно насмехаясь над ораторским искусством и жестами Демосфена; от такого поведения его отвратил мужественный упрек Демада, который в то время был его пленником как один из афинских гоплитов.¹¹⁷ Сначала он даже отказался дать разрешение на погребение убитых, когда вестник из Лебадеи пришел с обычным требованием. Согласно другому рассказу, поведение Филиппа по отношению к побежденным афинянам было мягким и терпеливым. Каким бы ни было его первоначальное поведение, несомненно, что его последующие меры были суровыми по отношению к Фивам и мягкими по отношению к Афинам. Он продал фиванских пленников в рабство; говорят, что он также потребовал плату

за свободу, предоставленную для захоронения убитых фиванцев, которая, согласно греческому обычаю, никогда не отказывалась и, конечно, никогда не продавалась победителем. Неизвестно, оказывал ли Фивы дальнейшее сопротивление или выдержал осаду. Но вскоре город попал в руки Филиппа, который казнил нескольких ведущих граждан, изгнал других и конфисковал имущество обоих. Совет из трехсот человек, состоявший из филиппистов-фиванцев, в большинстве своем только что вернувшихся из изгнания, был наделен властью над городом и правом жизни и смерти над каждым. Положение Фив стало таким же, как и тогда, когда спартанец Фебидас, действуя совместно с фиванской партией во главе с Леонтиадом, захватил Кадмею. Теперь в Кадмее был размещен македонский гарнизон, как тогда был размещен спартанский. При поддержке этого гарнизона филипписты-фиванцы стали бесконтрольными хозяевами города, обладая полной властью и не стесняясь удовлетворять свои политические антипатии. В то же время Филипп восстановил небольшие беотийские города — Орхомен, Платею, вероятно, также Феспию и Коронею — в качестве свободных общин, а не подчиненных Фивам.

В Афинах также ораторы, поддерживавшие Филиппа, громко и уверенно поднимали свои голоса, осуждая Демосфена и его политику. Новые ораторы, которые раньше вряд ли бы выступили ( ), теперь выступали против него. Однако обвинения полностью провалились; народ продолжал доверять ему, не упуская ни одной меры защиты, которую он предлагал. Эсхин, который ранее отрицал всякую связь с Филиппом, теперь изменил тон и стал хвастаться узами дружбы и гостеприимства, существующими между ним и этим принцем. Он предложил свои услуги в качестве посланника в македонский лагерь, куда, по-видимому, и был отправлен, несомненно, вместе с другими, возможно, с Ксенократом и Фокионом. Среди них был и Демад, только что освобожденный из плена. Либо под влиянием уговоров Демада, либо вследствие изменения в своем собственном настроении, Филипп теперь был склонен вести переговоры с Афинами на выгодных условиях. Тела убитых афинян были сожжены победителями, а их прах собран, чтобы отвезти в Афины, хотя официальное обращение глашатая с той же просьбой было ранее отклонено. Эсхин (согласно утверждению Демосфена) принял участие в качестве сочувствующего гостя в банкете и торжествах, которыми Филипп праздновал свою победу над греческой свободой. Наконец Демад с другими посланниками вернулся в Афины, сообщив о согласии Филиппа заключить мир, вернуть многочисленных пленников, находившихся в его руках, а также передать Ороп из рук фиванцев в руки афинян.

МИР ДЕМАДА

Демад предложил заключить мир афинскому собранию, которое с готовностью приняло это решение. Избежать вторжения и осады македонской армией было, несомненно, неописуемым облегчением, а возвращение двух тысяч пленных без выкупа было приобретением огромной важности не только для города в целом, но и для многочисленных родственников пленных. Наконец, возвращение Оропа — владения, которым они когда-то пользовались и за которое долгое время спорили с фиванцами, — было еще одним поводом для удовлетворения. Такие условия, несомненно, были приемлемы для Афин. Но с другой стороны, нужно было пойти на уступки, которые современникам Перикла казались бы невыносимыми, даже в качестве платы за предотвращение вторжения или возвращение пленных. Афиняне должны были признать возвышение Филиппа до главы греческого мира и способствовать аналогичному признанию со стороны всех других греков на съезде, который должен был быть созван в кратчайшие сроки. Они должны были отказаться от всех притязаний на лидерство не только для себя, но и для всех других греческих государств; признать не Спарту и не Фивы, а царя Македонии главой всего греческого мира; согласиться с переходом Греции из положения свободного, самоопределяющегося политического

объединения в провинциальную зависимость от царей Пеллы и Эги. Трудно представить себе более страшный удар по традиционному чувству гордости и патриотизма, унаследованному от предков, которые, отразив и разгромив персов, первыми организовали морских греков в конфедерацию, параллельную и дополняющую неморских греков, союзных Спарте; таким образом, они не допустили иностранного господства и создали греческий мир, основанный на родственных симпатиях и свободном правительстве. Такое традиционное чувство, хотя оно уже не определяло характер афинян и не влияло на их мотивы действий, все еще сильно влияло на их воображение и память, где оно постоянно поддерживалось красноречием Демосфена и других. Мир Демада, признававший Филиппа главой Греции, был отказом от всего этого гордого исторического прошлого и принятием нового и унижительного положения как для Афин, так и для Греции в целом.

Если бы Филипп не купил признание Афин, он мог бы потерпеть неудачу, пытаясь вымогать его силой. Ибо, хотя, будучи хозяином поля сражения, он мог безнаказанно опустошать Аттику и даже основать в ней постоянную крепость, подобную Декелее, флот Афин был по-прежнему силен, а его превосходство на море непреодолимо. В этих условиях Афины и Пирей могли бы быть защищены от него, как два года назад были защищены Византий и Перинт; афинский флот мог бы многими способами препятствовать его операциям; а осада Афин могла бы вызвать всплеск симпатии со стороны других греческих городов, что затруднило бы его дальнейшее продвижение. Таким образом, мы видим, что, столкнувшись с такими трудностями, если бы он довел афинян до отчаяния, Филипп поступил мудро, используя свою победу и пленных, чтобы добиться признания своего главенства. Его политическая игра была хорошо сыграна, как и всегда, но он не заслуживает похвалы за щедрость, о которой говорит Полибий.

Помимо признания Филиппа главой Греции, афиняне по предложению Демада приняли в его пользу различные почетные и комплиментарные голосования; какого именно характера они были, мы не знаем. Немедленное избавление от опасности и возвращение двух тысяч пленных граждан было достаточно, чтобы мир сразу же стал популярным; кроме того, афиняне, как будто осознавая свою нерешительность и слабость, теперь вступали на путь лести могущественным царям, который впоследствии привел их к позорной экстравагантности. Вероятно, именно в период преобладания этого настроения, которое продлилось недолго, молодой Александр Македонский в сопровождении Антипатра посетил Афины. Между тем уважение, которым Демосфен пользовался среди своих соотечественников, ничуть не уменьшилось. Хотя его политические противники считали, что наступил благоприятный момент для выдвижения против него множества обвинений, ни одно из них не увенчалось успехом.

Греческий мраморный стул

ФИЛИПП В ПЕЛОПОННЕСЕ

Покорив и укрепив Фивы, восстановив антифивские города в Беотии, заставив Афины подчиниться и заключить союз, а также установив гарнизон в Амбракии, одновременно подчинив Акарнанию и изгнав ведущих акарнанийцев, которые противостояли ему, Филипп затем направил свои войска в Пелопоннес. Он не встретил практически никакого сопротивления, за исключением территории Спарты ( ). Коринфяне, аргивяне, мессенцы, элеане и многие аркадцы подчинились его владычеству; некоторые даже стремились к союзу с ним из страха и неприязни к Спарте. Филипп вторгся в Лаконию с армией, слишком мощной, чтобы спартанцы могли противостоять ей на поле боя. Он опустошил страну и захватил несколько отдельных постов, но не взял и, насколько нам известно, даже не атаковал саму Спарту. Спартанцы не могли сопротивляться, но не хотели ни подчиняться, ни просить о мире. По-видимому, Филипп сократил их территорию и сузил границы со всех трех сторон: со стороны Аргоса, Мессены и Мегалополиса. У нас нет точных сведений о деталях его действий, но ясно, что он поступал так, как считал нужным, и что правительства всех городов Пелопоннеса перешли в руки его сторонников. Спарта была единственным городом, который противостоял ему, сохраняя свою древнюю свободу и достоинство в условиях слабости и унижения с более непоколебимой решимостью, чем Афины.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТРИГИ; СЕМЕЙНЫЕ СВАРКИ

Затем Филипп созвал съезд греческих городов в Коринфе. Здесь он объявил о своем решении организовать поход против персидского царя с целью освобождения азиатских греков и мести за вторжение Ксеркса в Грецию. Общее голосование съезда назначило его лидером объединенных греков для этой цели и постановило, что к нему присоединится греческая армия, сформированная из контингентов, предоставленных различными городами. Общая численность обещанных войск указана только у Юстина, который называет ее в двести тысяч пехотинцев и пятнадцать тысяч всадников; это была армия, которую Греция, безусловно, не могла предоставить, и в обещании которой мы с трудом можем поверить. Спартанцы держались в стороне от конгресса, продолжая отказываться признавать главенство Филиппа. Афиняне приняли участие в голосовании и поддержали его, что фактически было следующим шагом к осуществлению мира, заключенного Демадом. От них требовали предоставить хорошо оснащенный флот для службы под командованием Филиппа; в то же время они были лишены своего достоинства главы морского союза, а острова были включены в список морских владений Филиппа, вместо того чтобы продолжать посылать своих представителей на синодальное собрание в Афинах. В течение нескольких последующих лет военно-морские силы в доках Афин по-прежнему оставались большими и мощными, но с тех пор их морское господство исчезло.

Этот план — вторжение в Персию — теперь перестал быть объектом искренних стремлений всего греческого мира. Великий царь, больше не внушавший страх всей Греции, теперь мог рассматриваться как потенциальный защитник от македонского гнета. Освобождение азиатских греков от персидского господства само по себе было бы делом, благодарным для греческих чувств, хотя все такие желания, должно быть, постепенно угасали со времени мира Анталцида. Но освобождение, осуществленное Филиппом, было бы лишь переходом азиатских греков из-под владычества Персии под его власть. Синод в Коринфе не имел иной цели, кроме как привязать греков к его колеснице для далекого предприятия, выгодного для его солдат и отвечающего его ненасытной амбиции.

Именно в 337 году до н. э. была согласована и решена эта персидская экспедиция. В течение этого года были проведены подготовки, достаточно масштабные, чтобы истощить финансы Филиппа, который в то же время был занят военными операциями и вел тяжелую борьбу с иллирийским царем Плеуриасом. Весной 336 года до н. э. часть македонской армии под командованием Пармениона и Аттала была отправлена в Азию для начала военных операций; сам Филипп намеревался быстро последовать за ней.

Однако судьба распорядилась иначе. Незадолго до этого он принял решение отвергнуть свою жену Олимпиаду по обвинению в неверности; говорят, что она стала ему противна из-за своего яростного и жестокого характера. Он был женат на нескольких женщинах, последней из которых была Клеопатра, племянница македонского Аттала. Говорят, что именно по ее настоянию он отверг Олимпиаду, которая ушла к своему брату Александру Эпирскому. Этот шаг вызвал ожесточенные разногласия между сторонниками двух королей и даже между Филиппом и его сыном Александром, который выразил сильное недовольство отвержением своей матери. В разгаре свадебного пира Аттал предложил тост и молитву о том, чтобы у Филиппа и Клеопатры как можно скорее родился законный сын, который унаследует македонский трон. На что Александр в гневе воскликнул: «Ты что, объявляешь меня бастардом?» — и одновременно швырнул в него кубок. Разгневанный таким поступком, Филипп вскочил, вытащил меч и яростно набросился на сына, но упал на землю от страсти и опьянения. Только этот несчастный случай спас жизнь Александру, который ответил: «Вот человек, готовящийся переправиться из Европы в Азию, но неспособный уверенно перейти с одной кушетки на другую». После этой бурной ссоры отец и сын

расстались. Александр сопровождал свою мать в Эпир, а затем сам отправился к иллирийскому царю. Несколько месяцев спустя, по настоянию коринфянина Демарата, Филипп приказал вернуть его и примирился с ним; но вскоре возникла другая причина для недовольства, поскольку Александр начал переговоры о браке с дочерью сатрапа Карики. Отвергнув такой союз как недостойный, Филипп резко отчитал сына и изгнал из Македонии нескольких придворных, которых он подозревал в близких отношениях с Александром, в то время как друзья Аттала пользовались большой благосклонностью.

СМЕРТЬ ФИЛИППА

[336 г. до н. э.]

Таковы были вражды, раздиравшие двор и семью Филиппа. У него только что родился сын от новой жены Клеопатры. Его поход против Персии, решенный и подготовленный в предыдущем году, был фактически начат. Но Филипп предвидел, что во время его отсутствия может возникнуть опасность со стороны разъяренной Олимпиады, горько раздраженной недавними событиями и подстрекающей своего брата Александра, царя Эпира, с которым она теперь проживала. Теперь он считал необходимым еще больше сблизиться с ним, заключив особый союз, отдав ему в жены Клеопатру, свою дочь от Олимпиады. Для этого брака, отпразднованного в Эге в Македонии в августе 336 г. до н. э., Филипп устроил празднества с максимальной роскошью и великолепием, одновременно отмечая недавнее рождение своего сына от Клеопатры. Были устроены банкеты, разданы щедрые подарки, проведены гимнастические и музыкальные соревнования, трагические представления, в которых актер Неоптолем сыграл в трагедии «Кинир» и т. д., а также всевозможные аттракционы, известные в то время, с целью примирить враждующие стороны в Македонии и произвести впечатление на греков, которые из всех городов прислали своих представителей для поздравления. Статуи двенадцати великих богов, выполненные в великолепном стиле, были торжественно пронесены в театр; сразу за ними следовала статуя самого Филиппа как тринадцатого бога.

Однако среди этой праздничной толпы не обошлось без недовольных сторонников Олимпиады и Александра, для которых молодая царица с ее новорожденным ребенком представляла серьезную угрозу. Был и еще один, более опасный недовольный — Паусаний, один из королевских телохранителей, благородный юноша, родившийся в районе под названием Орестис в верхней Македонии, который по своим личным причинам питал смертельную ненависть к Филиппу. Провокацию, которой он подвергся, мы не можем ни удобно переписать, ни точно понять из-за противоречий в показаниях. Провокацию совершил Аттал, дядя новой царицы Клеопатры, нанеся Паусанию жестокое и отвратительное оскорбление. Даже за столь чудовищный поступок в Македонии нельзя было добиться справедливого правосудия в отношении влиятельного человека. Паусаний лично пожаловался Филиппу. По одной версии, Филипп отклонил жалобу уклончивыми ответами и даже отнесся к ней с насмешкой; по другой версии, он выразил свое недовольство этим поступком и попытался утешить Паусания денежными подарками. Но он не предоставил ни компенсации, ни удовлетворения чувствам оскорбленного человека. В результате Паусаний решил отомстить сам. Вместо того чтобы мстить Атталу, который был вне его досягаемости, находясь во главе македонских войск в Азии, его гнев обрушился на самого Филиппа, который отказался удовлетворить его требование о возмещении ущерба. Весьма вероятно, что мстительная Олимпиада решительно подтолкнула Паусания к убийству Филиппа. Что касается Александра, то, хотя он также был обвинен, нет

достаточных доказательств, чтобы подтвердить подобное утверждение;^[18] но то, что некоторые из его сторонников — люди, стремившиеся учитывать его чувства и обеспечить его преемственность — поддержали его, кажется вполне доказанным.

Не подозревая о заговоре, Филипп собирался войти в театр, уже переполненный зрителями. Когда он подошел к двери, одетый в белую мантию, он чувствовал себя настолько возвышенным от ощущения собственного величия и настолько уверенным в восхищенном сочувствии окружающей толпы, что прошел без оружия и охраны, приказав своим стражникам остаться сзади. В этот момент Паусаний, стоявший рядом с галльским мечом, спрятанным под одеждой, бросился на него, пронзил его тело оружием и убил. Достигнув своей цели, убийца сразу же убежал и попытался добраться до ворот, где он заранее расположил лошадей. Будучи сильным и ловким, он, возможно, сумел бы скрыться, как и большинство убийц Ясона Ферийского в очень похожих обстоятельствах, если бы не споткнулся о виноградные лозы. Охранники и друзья Филиппа сначала были парализованы удивлением и смятением. Однако в конце концов некоторые поспешили на помощь умирающему царю, а другие бросились в погоню за Паусанием. Леоннат и Пердикка догнали его и сразу же убили.

Каким образом и в какой степени сообщники Паусания помогали ему, нам не дано знать. Возможно, они искусно расположились, чтобы помешать преследованию и увеличить его шансы на побег, которые, казалось бы, были крайне малы после столь безрассудного поступка. Нам известны имена только трех предполагаемых сообщников — трех братьев из Линкестийского района Верхней Македонии, Александра, Геромена и Аррибея, сыновей Эропа, но, по-видимому, были и другие. Александр из Линкестии, чей тесть Антипатр ( ) был одним из самых заметных и доверенных чиновников на службе у Филиппа, принадлежал к хорошей семье в Македонии, возможно, даже был потомком древнего рода князей Линкестии. Именно он, сразу после того как Паусаний убил Филиппа, поспешил приветствовать принца Александра как царя, помог ему надеть доспехи и, как один из его телохранителей, отправился захватывать царский дворец.⁴

РЕЗЮМЕ ХАРАКТЕРА ФИЛИППА

Его характер всегда заключался в отсутствии характера в настроении и поступках; его принципы заключались в том, чтобы не иметь принципов и везде скрывать свои цели; его привычки заключались в том, чтобы не приучать себя ни к чему, а исключительно следовать вдохновению момента; его сила заключалась в том, чтобы оставаться хозяином самого себя в любых условиях и при любых действиях, и, несмотря на тысячу других причин и последствий слабости, следовать своему главному плану без изменений и руководить всем вокруг себя, в то время как для недальновидных он казался ведомым всеми.

Он обладал остроумием, проницательностью и красноречием и использовал их. Он был льстивым и снисходительным, когда речь шла о том, чтобы завоевать или обмануть; милосердным, когда он ненавидел; раздражительным, когда он любил; сострадательным, когда он сам наносил раны; готовым утешить, когда он решил поразить сердце еще глубже; беден, чтобы смягчить ярость ограбленных богачей, чтобы вознаградить своих помощников; щедр на обещания, когда видел, что люди легковжны; полон уважения к богам только тогда, когда ему хотелось; безразличен к законности средств, если они приводили к цели.

«Филипп, — говорит Павсаний, — совершил величайшие деяния из всех македонских царей, правивших до и после него, а также нарушил больше клятв и нарушил больше договоров».

Новая политика, которую установил Филипп, возникла исключительно благодаря его гению, и мастер понимал свою работу и знал, как ее использовать. Когда Филипп как государственный деятель с умностью и энергией создавал что-то новое, старое должно было уступить ему место. Старые методы больше не подходили; средства не приводили к цели, дороги больше не вели к ней; опасность приняла другую форму и угрожала с другой стороны. То, что могло бы спасти греков от подражания новым методам противника, от увлечения их духом и от быстрого вступления в другой вид сделок, они уже не были способны сделать. Рядом с политикой он создал усовершенствованное военное ведомство, но в обоих проникал один дух. Филипп обладал талантами, особенно необходимыми генералу. В самой большой опасности, полный присутствия духа, он никогда не сомневался в своей безопасности; его самые страшные размышления на поле боя были спокойными размышлениями и хитростью. Это поняли беотийцы, когда отрезали ему путь и уже считали его пойманным, и халкидоняне, чье искусно придуманное вероломство было разрушено его хитростью. Он предвосхищал всех своих врагов; они признавали, что по этой причине он всегда имел над ними преимущество.

Демосфен говорит афинянам: «Вы ведете войну с Филиппом так же, как варвары ведут боксерский поединок; когда кого-то ударяют, он пытается защитить это место, и если его ударяют в другое место, его руки направляются туда; но предотвратить удар или предвидеть его они не могут и не хотят. Так же и с вами: когда вы слышите, что Филипп находится в Херонее, вы решаете послать туда армию, когда он в Пидне, то и туда, так что он действительно является вашим командующим офицером». Он содержал постоянную армию и поэтому всегда был готов нанести удар; это давало ему большое преимущество, потому что, будучи монархом, он мог сразу же использовать свои боевые силы, не теряя времени на консультации.

Когда он напал на греков, его армия уже была обучена в боях с окружающими варварами; она должна была научиться, насколько это полезно и необходимо, и понять, для чего он заставлял их выдерживать мир. Он часто заставлял их маршировать триста стадий, обремененных оружием, шлемами, щитами и доспехами, а кроме того, едой, одеждой и утварью. Они должны были соблюдать строжайшую дисциплину. Один выдающийся тарентийский воин был уволен со службы за то, что позволил себе принять теплую ванну; Эроп и Дамасипп были уволены за то, что привели в лагерь певцов. Так же, как Эпаминонд, в школе которого учился Филипп, победил лакедемонянскую морю благодаря новой формации армии и лишил их эффективности их твердых, спокойных движений, так и Филипп сформировал македонскую фалангу.

Даже Эмилий Павел признал, что ничто не могло их утратить. Они выдержали испытание при Херонее, где были разгромлены священные войска фиванцев, и афиняне, также сражавшиеся в последней битве за свою свободу, не смогли одержать над ними верх.¹

ОЦЕНКА ФИЛИППА ГРОТОМ

Так погиб разрушитель свободы и независимости в эллинском мире в возрасте сорока шести или сорока семи лет, процарствовав двадцать три года. Наши сведения о нем весьма скудны. Ни его средства, ни его планы, ни трудности, которые он преодолел, ни его внутреннее управление не известны нам точно или на основании современных исторических источников. Но великие результаты его правления и основные черты его характера выделяются неоспоримо. К моменту его вступления на престол Македонское царство представляло собой узкую территорию вокруг Пеллы, частично исключенную из соседнего побережья независимыми и могущественными греческими городами. К моменту его смерти македонское господство простиралось от побережья Пропонтиды до побережья

Ионического моря, Амбракийского, Мессенского и Саронического заливов. В пределах этих границ все города признавали верховную власть Филиппа ( ), за исключением только Спарты и горцев, таких как этолийцы и другие, защищавшиеся своими труднодоступными землями.

Удача сопутствовала Филиппу, но это была удача, увенчавшая усилия редкого таланта. Беспокойная амбиция, неутомимая личная активность и выносливость, а также авантюрный мужество Филиппа были такими, что для короля они сами по себе были достаточной гарантией успеха, даже при гораздо меньших способностях. Среди причин завоеваний Филиппа была коррупция, широко используемая для разжигания раздора и подкупа сторонников среди соседей и врагов; он сочетал обаятельные и приятные манеры с безрассудными ложными обещаниями, обманом и вымогательством даже по отношению к союзникам, а также беспринципным клятвопреступлением, когда это соответствовало его целям — это подтверждается, и нет причин в это не верить. Такие разрушительные силы проложили путь для эффективной и замечательной армии, организованной и обычно командовавшей им самим. Ее организация переняла и расширила лучшие методы научной войны, применявшиеся Эпаминондасом и Ификратом. Начатая и завершенная Филиппом, а также завещанная как готовый инструмент для завоеваний Александра, она представляет собой эпоху в военной истории. Но чем больше мы восхваляем гений Филиппа как завоевателя, созданного для успешного посягательства и расширения за счет всех его соседей, тем меньше мы находим места для той мягкости и умеренности, которые некоторые авторы обнаруживают в его характере. Если в некоторых случаях его жизни такие качества можно справедливо признать, то мы должны противопоставить им разрушение тридцати двух греческих городов в Халкидике и массовую перевозку не желающих и несчастных семей из одного места жительства в другое.

Помимо своих навыков полководца и политика, Филипп был неплохим знатоком греческой риторики и литературы. Исократ обращается к нему как к другу литературы и философии; эту репутацию подтверждает его выбор Аристотеля в качестве наставника своего сына Александра. Однако у Филиппа, как и у двух Дионисиев из Сиракуз и других деспотов, эти увлечения не противоречили ни преступлениям амбиций, ни разгулу неумеренных страстей. Современный историк Феопомп, горячий поклонник гения Филиппа, осуждает не только вероломство его публичных действий, но и пьянство, азартные игры и всевозможные излишества, которым он предавался, поощряя подобное поведение у окружающих. Его македонская и греческая охрана, насчитывавшая восемьсот человек, была отрядом, в котором не мог жить ни один порядочный человек; она действительно отличалась военной храбростью и способностями, но была пресыщена грабежами и запятнана таким бесстыдным вероломством, кровожадной алчностью и необузданной похотью, которые подобали только кентаврам и лестригонам. Число любовниц и жен Филиппа было почти восточным по масштабам; и бесчисленные разногласия, которые таким образом возникли при его дворе из-за его потомства от разных матерей, были чреваты пагубными последствиями.

Оценивая гениальность Филиппа, мы должны также оценить тех, кто противостоял ему. Его удача была особенно заметна в том, что он попал в период раздора и отсталости в Греции (о чем говорится в последнем предложении *«Эллинских войн»* Ксенофонта), когда не было ни ведущего города, готового нести бдительность, ни ведущего полководца, готового взять на себя командование, ни граждан-солдат, готовых терпеть лишения постоянной службы. Филипп не сражался с такими противниками, как Эпаминонд, Агесилай или Ификрат. Насколько иначе могла бы сложиться его карьера, если бы Эпаминонд выжил после победы при Мантинее, одержанной всего за два года до вступления Филиппа на престол! Чтобы противостоять Филиппу, нужен был человек, подобный ему самому,

способный не только давать советы и разрабатывать планы, но и лично командовать, стимулировать рвение граждан-солдат и подавать пример, смело сталкиваясь с опасностью и усталостью. К несчастью для Греции, такого лидера не нашлось. В совете и в речах Демосфен был достаточен для чрезвычайной ситуации. Дважды перед битвой при Херонее — в Византии и в Фивах — он явно сорвал планы Филиппа. Но он не был способен взять на себя руководство в действиях, и рядом с ним не было никого, кто мог бы восполнить этот недостаток. На поле боя Филипп столкнулся только с той «общественной неэффективностью» в Афинах и других частях Греции, на которую жаловался даже Эсхин; и именно этому упадку греческой энергии, не меньше, чем его собственным выдающимся качествам, был обязан своим беспрецедентным успехом своего правления. Во время правления его сына Александра мы увидим, как подобный гений и энергия проявятся в еще большем масштабе и принесут еще более замечательные результаты, в то время как некогда бурная политическая жизнь Греции, после одной слабой попытки, опустится еще ниже, до ничтожности подчиненной провинции.^a

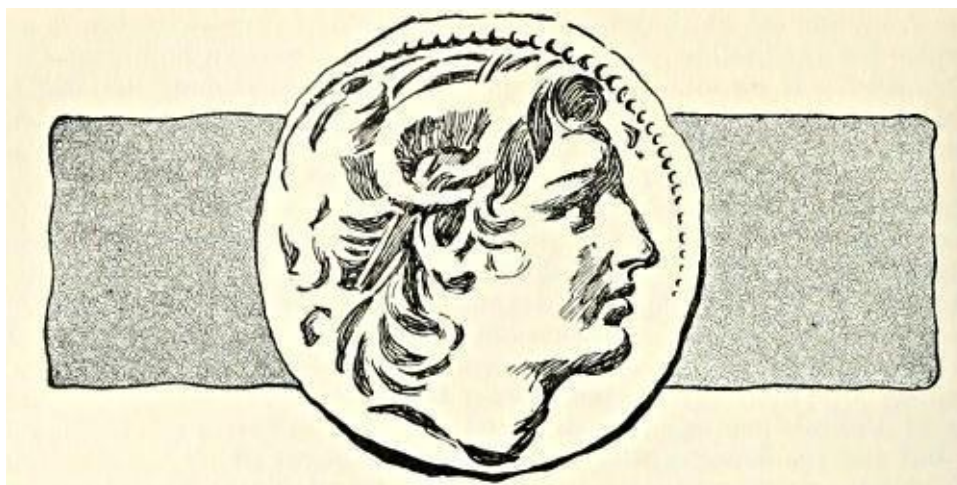
СНОСКИ

[15] [Это сделало Демосфена частично скифом.]

[16] [Нибур,^h , комментируя нашу скудную информацию, говорит: «Как будто муза Греции онемела в день смерти греческой свободы и набросила свой покров на смертельный удар». Позже он отмечает замечательное совпадение, что битва при Херонее произошла в том же году, когда Рим завоевал вольсков и латинян «и заложил основу своего господства над всей Италией».]

[17] [Согласно Диодору,ⁱ он сказал: «Поскольку Фортуна, о царь, представила тебя подобным Агамемнону, разве ты не стыдишься играть роль Терсита?» Говорят, что этот резкий упрек настолько поразил Филиппа, что он полностью изменил свой прежний курс и с восхищением освободил человека, который упрекнул его, и возвысил его до почетных мест.]

[18] [Но Нибур^h менее категоричен. Он восклицает: «Александр, без сомнения, был глубоко вовлечен в это убийство. Присяжные осудили бы его как соучастника. Но он был достаточно благоразумен, чтобы избавиться от участников заговора, которые могли бы его предать».]

ГЛАВА I. АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

Мир видел много великих завоевателей, но, безусловно, не более двух или трех, которые так неизгладимо запечатлели свои имена на страницах истории и привлекли воображение столь широкой аудитории, как герой Македонии. Метеорическая карьера молодого солдата, которую великий римский историк Аппиан справедливо сравнил с вспышкой молнии, имела все элементы драматической живописности. Александр был чудом своей эпохи и не менее чудом для каждого последующего поколения. Вокруг его имени вскоре возник миф, но этот миф был едва ли более удивительным, чем сухие факты его истории. Основные черты этой истории знакомы каждому школьнику, но любопытно, что до нас не дошло ни одного современного свидетельства о достижениях Александра. У нас есть рассказ о Персидских войнах, написанный Геродотом, который родился до их окончания. У нас есть записи о Пелопоннесской войне, написанные Фукидидом, который участвовал в ней, и Ксенофоном, который, должно быть, лично знал многих из ее величайших участников. Ксенофонт также оставил нам биографию Агесилая, который почти опередил Александра в завоевании Азии, и, делая это, он пишет не просто как современник, но как личный друг. Но самые древние из сохранившихся сочинений, рассказывающие нам о подвигах Александра, были написаны только через три века после жизни и смерти этого героя. Правда, современные записи об истории Александра были написаны в большом количестве, но по какому-то странному стечению обстоятельств ни одна из этих записей не сохранилась.

К счастью, однако, истории Александра, дошедшие до нас, все более или менее основаны на утраченных современных записях. Существует пять таких важных историй, все написанные, возможно, почти в одном веке, а именно работы Диодора, Юстина, Плутарха, Курция и Арриана. Самая древняя из них — история Диодора, которая датируется примерно временем Юлия Цезаря; самая поздняя — история Арриана, написанная, вероятно, во времена правления Адриана. Конечно, есть и многие другие классические авторы, которые упоминают Александра, но только эти пять дали нам нечто похожее на полную историю его деяний.

Из этих историй, по общему мнению, наиболее авторитетной является история Арриана.¹ Эта работа основана на сочинениях двух генералов Александра, Птолемея и Аристобула. Точку зрения, с которой написана эта работа, лучше всего описывают слова самого автора:

«Я включил в свое повествование как строго достоверные все утверждения, касающиеся Александра и Филиппа, в которых сходятся Птолемей, сын Лага, и Аристобул, сын Аристобула; а из тех утверждений, которые расходятся, я выбрал те, которые кажутся мне более достоверными и в то же время более достойными записи. Разные авторы по-разному описывают действия Александра; и нет никого, о ком бы писали больше или чьи описания больше различались бы между собой; но, по моему мнению, рассказы Птолемея и Аристобула заслуживают большего доверия, чем остальные — Аристобула, потому что он служил под командованием царя Александра в его походе, а Птолемея не только потому, что он сопровождал Александра в его походе, но и потому, что, будучи сам царем, фальсификация фактов была бы для него более постыдной, чем для любого другого человека. Кроме того, оба они более заслуживают доверия, потому что они составили свои истории после смерти Александра, когда на них не оказывалось никакого давления и им не предлагалось никакого вознаграждения за то, чтобы они написали что-либо, отличное от того, что действительно произошло. Некоторые утверждения, сделанные другими авторами, я включил в свое повествование, потому что они показались мне достойными упоминания и не совсем невероятными; но я привел их лишь как сообщения о деяниях

Александра ( ). И если кто-нибудь удивляется, почему, после того как так много других людей писали об Александре, идея составить эту историю пришла мне в голову, после того как я внимательно прочитал повествования всех остальных, пусть он прочитает мою книгу и тогда удивится — если сможет.

Когда задумываешься о библиотеке томов, написанных в последнее время об Александре и его деяниях, любопытно отметить, насколько скудны исходные материалы, на которых основана вся эта разработка. Все повествования Диодора, Юстина, Плутарха, Куртия и Арриана, если бы их напечатали вместе в полном объеме, составили бы сравнительно небольшой том. Нельзя также сказать, что какие-либо недавние открытия значительно изменили точку зрения, с которой следует рассматривать историю Александра, или в значительной степени дополнили наши знания по этому предмету. Читатель, который освоил эти пять классических авторитетных источников, узнал практически все, что конкретно известно о деяниях Александра, и каждый современный историк, который занимается этой темой, должен постоянно помнить об этих первоисточниках.

Прежде чем подробно рассмотреть деяния Александра, было бы уместно процитировать, в качестве перехода от отца к сыну, эпиграмматическое сравнение, сделанное Юстином между Филиппом и Александром, используя перевод Брауна 1712 года:

ФИЛИПП И АЛЕКСАНДР В СРАВНЕНИИ ЮСТИНА

[356-336 гг. до н. э.]

«Филипп был убит в сорок седьмом году своей жизни, процарствовав двадцать пять лет. У него был сын от актрисы из Ларисы по имени Аридеус, который правил после Александра. Как и положено принцам, у него было несколько других сыновей от разных жен, некоторые из которых умерли естественной смертью, а другие погибли насильственной смертью. Он был принцем, который больше любил оружие, чем пиры. Его величайшее богатство состояло в его военных запасах. Он был более искусен в получении денег, чем в их хранении, что было причиной того, что он всегда был беден и нуждался, несмотря на все свои грабежи и разбои. Он по натуре не был склонен ни к милосердию, ни к состраданию, но использовал и то, и другое безразлично, в зависимости от обстоятельств.

«Он не считал бесчестным никакой способ победить врага. В разговоре он был свободен и вежлив, но всегда коварный. Он обещал гораздо больше, чем намеревался выполнить. Он был одинаково хорош и в насмешках, и в серьезных разговорах. Он измерял дружбу не верностью, а преимуществами, которые она приносила. Его главные таланты заключались в том, чтобы притворяться любящим там, где он больше всего ненавидел, возбуждать вражду и недоверие между друзьями и в то же время заискивать перед обоими. Среди его других качеств красноречие было не последним, его беседа была живой и тонкой, и ее легкость не исключала ее элегантности, а ее элегантность не умаляла красоты ее легкости.

«Его преемником стал его сын Александр, который превосходил отца как в добродетелях, так и в пороках. Их методы завоевания были совершенно разными. Сын вел войны открытой силой, отец — хитростью и уловками. Один любил подло обманывать врага, другой — доблестно побеждать его на поле боя. Один был более тонким в совете, другой — более великодушным в своем нраве.

«Отец умел скрывать свои чувства и в большинстве случаев справлялся со своим гневом. Сын, когда он был в ярости, не умел ни успокаивать, ни сдерживать свою месть. Оба они были чрезмерно пристрастны к вину, но их пороки пьянства были разными. Отец бросал развлечения, чтобы сразиться с врагом и опрометчиво подвергать себя опасности. Сын,

будучи пьяным, ссорился со своими друзьями и обращался с ними как с врагами ( ). Таким образом, мы видим, что Филипп часто возвращался с битв раненым, а Александр приходил с банкета, запятнанный кровью своих друзей. Один правил совместно со своими друзьями, другой господствовал над ними. Отец предпочитал быть любимым, сын — страшным. Оба они были равными поощрителями и любителями учености. Отец был более хитрым, сын — более честным. Филипп был более умеренным в разговорах, Александр — в действиях, что проявлялось в его милосердии и щедрости по отношению к побежденным. Отец любил бережливость, сын был более склонен к роскоши. Обладая этими качествами, отец заложил основу для завоевания мира, которое сын совершил с величайшей славой».⁴

МОЛОДОСТЬ АЛЕКСАНДРА ПО КВИНТУ КУРЦИУ

Цари Македонии вели свою родословную от Геракла, а Олимпиада, мать Александра, считала, что ее семья происходит от Ахилла. С самого раннего детства ему не хватало ни соблазнов, ни примеров, которые побуждали бы его к стремлению к славе, ни учителей, которые учили бы его добродетели, ни упражнений, которые приучали бы его к ней. Его отец Филипп своими непрерывными войнами поднял репутацию македонцев, которые до того считались презренными, а завоеванием Греции сделал их грозными повсюду. В конце концов, он не только заложил основу для великих дел, которые были совершены после его смерти, но даже незадолго до своей кончины, решив вести войну в Персии, он набрал людей, собрал провизию, собрал деньги и, короче говоря, подготовил армию для этой экспедиции; и фактически открыл проход в Азию с помощью Пармениона.

Но именно в этот момент он был унесен, как будто для того, чтобы оставить своему сыну столь великие силы для продолжения войны и пожинания всей славы по ее окончании; что, по-видимому, было уловкой судьбы, которая всегда подчинялась только Александру. Этот принц вызывал такое восхищение у всех людей не только после того, как он совершил столь великие дела, но даже в самом начале своего пути, что возникал вопрос, не было ли бы более разумно ( ) приписывать божественное происхождение столь великого человека непосредственно самому Юпитеру, а не опосредованно тому же богу через Эацидов и Геракла.

Когда он сам отправился посетить храм Аммона в Ливии, его не устраивало ничего меньшего, чем быть названным его сыном, как мы покажем в продолжении. Кроме того, многие считали, что Александр был потомком змея, которого видели в спальне его матери и в которого превратился Юпитер; что его божественное происхождение подтверждалось снами и пророчествами; и что, когда Филипп послал в Дельфы, чтобы проконсультироваться по этому поводу, оракул предупредил его, чтобы он проявлял величайшее почтение к Аммону. С другой стороны, есть те, кто утверждает, что «все это — чистая выдумка и что были основания подозревать мать Александра в прелюбодеянии: ведь Нектанеб, царь Египта, изгнанный из своего царства, не ушел в Эфиопию, как обычно считалось, а отправился в Македонию в надежде получить помощь от Филиппа против персов. Что он обманул Олимпиаду с помощью магических заклинаний и осквернил ложе своего хозяина. Что с того времени Филипп ревновал ее, и что впоследствии выяснилось, что это было главной причиной их развода. Что в тот самый день, когда Филипп привел Клеопатру в свой дом, Аттал, дядя его жены, позволил себе упрекнуть Александра в низком происхождении, а сам царь отрекся от него как от своего сына. Наконец, что постоянные слухи о прелюбодеянии Олимпиады ходили не только в той части мира, но даже среди народов, которые он завоевал. Что вымысел о змее был взят из древних басен, специально чтобы скрыть позор этой принцессы. Что мессенцы ранее рассказывали ту же историю об Аристомене, а сиконийцы — об Аристодеме».

В действительности, такая же история была распространена о Сципионе, который первым разрушил Карфаген; и рождение Августа также считалось чем-то божественным. Что же касается Ромула, основателя Рима, то о нем нечего говорить, поскольку нет народа, который был бы настолько презренным, чтобы не верить в свое происхождение от какого-либо бога или от потомка бога. В конце концов, бегство Нектанеба не согласуется с теми временами, поскольку Александру было шесть лет, когда этот принц был побежден Охом и лишился своего царства и наследства; но, несмотря на все это, рассказ о Юпитере не менее вероятен. Утверждается, что сама Олимпиада, не имея ничего, чего можно было бы бояться после смерти мужа, смеялась над тщеславием своего сына, который хотел, чтобы все верили, что он был рожден Юпитером, и просила его в письме «не подвергать ее гневу Юноны, поскольку она не совершила ничего, что заслуживало бы такого наказания». Однако до этого времени считается, что именно она приложила все усилия, чтобы придать достоверность этой басне, и, как говорят, перед походом Александра в Азию предупредила его: «Помни о своем происхождении и не делай ничего, что было бы недостойно столь великого отца».

Но все сходятся во мнении, что между зачатием и рождением этого принца как чудеса, так и различные предзнаменования указывали на то, какая значительная личность должна родиться. Филипп видел во сне, как лоно Олимпиады было запечатано кольцом, на котором был выгравирован изображение льва; память об этом сохранилась в городе Александрия в Египте, который долгое время назывался Леонтополис. Аристандр, самый способный гадатель того времени, который впоследствии сопровождал Александра и был его главным жрецом, истолковал сон и сказал, что он означает великодушие и мужество младенца. В ту же ночь, когда Олимпиада родила, храм Дианы в Эфесе ( ), самый знаменитый во всей Азии, сгорел дотла. Это было сделано развратным злодеем, который, будучи арестован и подвергнут пыткам, признался, что не имел другой цели, кроме как сохранить свою память каким-то великим и запоминающимся актом безбожия. Поэтому маги, которые в то время находились в Эфесе, не считая столь великое несчастье лишь потерей храма, но рассматривая его как предзнаменование более великого разрушения, наполнили весь город скорбными восклицаниями: «Где-то зажглась факел, который по той же причине и из того же мотива однажды поглотит весь Восток».

Филипп, благословенный сыном, о котором столько счастливых предзнаменований заставляло его питать самые высокие надежды, обратил все свои мысли к его воспитанию. Будучи мудрым человеком и любящим свою страну, он легко понял, что все его усилия будут напрасны, если он оставит после себя невежественного и ленивого принца, который будет править Македонией, в то время как повсюду царит нестабильность, и что его слава не будет долговечной, если великие дела, которые он начал, будут утрачены и разрушены слабостью или небрежностью преемника. Среди его писем сохранилось одно, написанное Аристотелю, который в то время находился в Афинах вместе с Платоном. Это письмо отличается сдержанностью и изяществом и содержит следующие слова:

«Филипп желает Аристотелю здоровья.

Я должен сообщить тебе, что у меня родился сын; и я благодарю богов не столько за его рождение, сколько за то, что он родился в твоё время. Я надеюсь, что когда он получит образование и наставления от вас, он будет достоин нас и сможет унаследовать столь великое царство. Ибо я считаю, что гораздо лучше не иметь детей, чем рожать их для наказания и воспитывать их к позору и бесчестью их предков».

Филипп не ошибался: долгое обучение у Аристотеля заложило основу для всех великих подвигов, которые он совершил с тех пор.

Когда он вырос, его тело приобрело идеальную симметрию, суставы стали крепкими и сильными; несмотря на средний рост, он был гораздо сильнее, чем казался. Его кожа была белой, только щеки и грудь были окрашены в приятный красный цвет; волосы были желтыми и слегка вьющимися; нос был орлиным, а глаза разного цвета: говорят, что левый глаз был голубым, а правый — очень черным. В них была какая-то тайная сила, так что никто не мог смотреть на его лицо без почтения и страха. Он мог бегать с удивительной быстротой, чем часто занимался, даже когда был королем, считая это очень полезным в походах; и его часто видели бегающим за призом с самыми быстрыми людьми из его окружения. Он переносил усталость с терпением и стойкостью, которые даже превосходили всякое воображение; и благодаря этой одной добродетели он часто спасал как себя, так и свои войска в самых крайних ситуациях. Благодаря частым упражнениям и очень теплomu телосложению он так очищал организм от вредных веществ, которые обычно скапливаются под кожей, что не только его дыхание, но и пот, выделявшийся из пор его тела, были сладкими, а его одежда имела ароматный запах; и это, по мнению некоторых, было причиной его склонности к вину и страстям. До сих пор можно увидеть его портреты и статуи, созданные лучшими художниками. Чтобы красота его лица не пострадала от неумелости простых скульпторов или художников, он строго запрещал кому-либо рисовать его портрет без его разрешения и угрожал наказать любого, кто ослушается этого запрета. В результате, несмотря на обилие хороших мастеров, Апеллес был единственным, кто получил его согласие нарисовать его портрет; Пирготель — выгравировать его на драгоценных камнях, а Лисипп и Поликлит — изобразить его на медалях.

Говорят, что его наставник Леонид ходил слишком быстро, чему Александр научился у него, и впоследствии, несмотря на все свои усилия, так и не смог избавиться от этой привычки. Я не отрицаю, что многое зависит от воспитания, но я склонен приписывать это скорее характеру молодого принца, чем его привычке к этому, потому что человеку с таким пылом и стремительностью духа было невозможно не подчинять движениям своего тела. И эта его поспешность была так далека от того, чтобы считаться недостатком его преемниками, что они старательно подражали ему в этом, как и в его кривом шее, которая наклонялась к левому плечу, в его пронзительном взгляде и высоком голосе, будучи неспособными копировать добродетели его ума. На самом деле, среди них было много таких, чья долгая жизнь едва ли могла сравниться с его детством. Он никогда не говорил и не делал ничего подлого или низкого, все его слова и поступки соответствовали его судьбе или даже превосходили ее. Хотя он был очень амбициозен в отношении похвалы, он не стремился получать ее без разбора за все, а хотел, чтобы она возникала из самых достойных похвалы вещей, понимая, что похвала, возникающая из подлых поступков, бесславна и бесчестна, а победа, одержанная над самым подлым врагом, тем более благородна и прославлена. Поэтому, когда некоторые люди говорили ему: «Поскольку ты отличный бегун, ты должен записаться в число тех, кто будет бороться за приз на Олимпийских играх, следуя примеру царя с таким же именем, и тем самым ты приобретешь большую славу во всей Греции», он отвечал: «Я бы конечно так и поступил, если бы бежал против царей».

Всякий раз, когда Филипп одерживал какую-либо знаменательную победу или захватывал какое-либо богатое и сильное место, он не мог скрыть своего горя среди ликования других; и его слышали, как он жаловался среди мальчиков своего возраста, что «его отец не оставит ничего для него и для них, когда они станут мужчинами». Ибо он считал каждое приобретение власти и богатства умалением своей славы и имел более сильную страсть к чести, чем к богатству. Он был от природы склонен мало спать и искусственно усиливал свою бдительность. Если с ним происходило что-то, требующее серьезного размышления, он выставлял руку из постели, держа в руке серебряный шар ( ), который, падая в чашу, мог издавать шум и таким образом рассеивать тяжесть, склонявшую его ко сну. С самого детства

он любил великолепно поклоняться богам, и однажды, когда они приносили жертву, он бросил в огонь столько ладана, что Леонид, который был суровым и скупым человеком, не выдержав такой расточительности, воскликнул: «Ты можешь сжигать ладан таким образом, когда завоюешь страны, где он растет». Вспомнив эти слова позже, когда он улаживал дела в Аравии, где производят ладан, он послал Леониду огромное количество этого благовония, приказав ему «в будущем быть более щедрым в почитании богов, поскольку теперь он был убежден, что они щедро вознаграждают дары, которые им с радостью приносят».

Аристотель как его учитель

АРИСТОТЕЛЬ

То, что он понимал более возвышенные науки, очевидно из его письма к Аристотелю, в котором он жалуется, что «он осквернил их достоинство, разгласив их принципы». На что Аристотель оправдался, ответив: « » (что эти книги были опубликованы таким образом, что их можно было считать неопубликованными, поскольку никто не смог бы понять их смысл, кроме тех, кто уже был обучен принципам, которые они содержали). Когда Александр потребовал свои книги по риторике, он строго запретил ему передавать их кому-либо еще, поскольку он не менее стремился превосходить других в искусствах и науках, чем в силе и величии, и не мог терпеть, чтобы люди низшего сословия делили с ним эту славу. Кроме того, из его писем следует, что он изучал медицину у некоего Аристотеля, сына врача из рода Эскулапа. Но он так хорошо изучил ту часть философии, которая учит человека управлять собой и другими, что считается, что он взял на себя управление огромной Персидской империей скорее благодаря своему великодушию, благоразумию, умеренности и мужеству, чем благодаря своим оружию и богатству. Он откровенно признавал, что «больше обязан Аристотелю, чем Филиппу, ибо одному он обязан своей жизнью, а другому — тем, что эта жизнь была построена на принципах чести и добродетели». Тем не менее, некоторые полагали, и не без оснований, что его ум, и без того разжигаемый амбициями, был еще более возбужден чрезмерным значением, которое Аристотель придавал чести и славе, которые он ставил в один ряд с тем, что можно назвать благами; так что он не только развязывал одну войну за другой, чтобы расширить свои владения, но и хотел, чтобы его считали богом.

Из всех памятников древности он больше всего ценил Гомера, который, по его мнению, был единственным человеком, который в совершенстве описал мудрость, благодаря которой существуют империи; и его страсть к нему была настолько велика, что его называли «любовником Гомера». Он всегда носил с собой свои книги; даже когда ложился спать, он клал их и свой меч под подушку, называя их «своим военным провиантом и элементами воинской добродетели». Он считал Ахилла счастливым, что тот нашел столь великого человека, который прославил его добродетели.

Найдя среди добычи Дамаска самый любопытный ларец, как по содержанию, так и по мастерству изготовления, и когда его друзья спросили его, «для чего он больше всего подходит», он ответил: «Мы посвятим его Гомеру, поскольку вполне разумно, чтобы самый драгоценный памятник человеческого ума хранился в самом прекрасном произведении искусства». Отсюда самое точное издание этого поэта, которое Александр с большим трудом достал, было названо «изданием шкатулки», потому что в этой шкатулке персы хранили духи и благовония. Однажды, когда к нему подбежал некий вестник с хорошей новостью, в спешке протягивая правую руку и с выражением величайшей радости на лице, «Какие новости ты можешь мне сообщить, — спросил он, — которые стоят такой радости, разве что Гомер снова ожил?» Он достиг такого уровня счастья, что думал, что для полноты его славы не хватает только одного — человека, способного прославлять его. Часто читая его произведения, он почти все выучил наизусть, так что никто не мог цитировать его более легко и свободно, или судить о нем более справедливо.

Буцефал

Он проявил необычайную смелость и ловкость, к большому удивлению своего отца и других, в управлении лошадью Буцефалом, которая получила свое имя из-за отметины в виде головы быка. В то время Фессалия славилась прекрасными лошадьми, и в этой стране разводилось их большое количество, но ни одна из них не могла сравниться с Буцефалом ни по храбрости, ни по красоте; по этой причине Филоник из Фарсалы, считая его достойным величайшего князя в тех краях, привел его к Филиппу и предложил продать за шестнадцать талантов. Но когда они решили проверить его скорость и управляемость, выведя его на поля, никто из друзей и слуг царя не осмелился сесть на него, потому что он вставал на дыбы и пугал своей свирепостью всех, кто пытался оседлать его. Так что теперь его считали неуправляемым и бесполезным из-за его дикости, на что Александр вздохнул и сказал: «Какую прекрасную лошадь те люди теряют из-за своего невежества и трусости». После того как он повторил эти слова несколько раз, его отец упрекнул его за то, что он критикует всадников, которые были старше и более опытные, чем он сам, как будто он мог управлять этой лошадью лучше, чем они. На что он ответил: «Я буду управлять ею лучше, чем они, отец, если ты мне позволишь». На это отец спросил его: «Чем он рискует, если не сможет выполнить то, что на себя взял?» «Я потеряю стоимость лошади», — ответил он. На это все улыбнулись и согласились, что если он выиграет, отец купит ему лошадь, а если проиграет, он сам заплатит деньги. Тогда Александр, взяв лошадь за уздечку, повернул ее прямо к солнцу, чтобы она не видела свою тень, потому что заметил, что это пугает ее и делает более неуправляемой. Увидев, что ее ярость не сильно утихла, он погладил ее гриву, осторожно откинул плащ и сразу же вскочил на нее, хотя она пенилась от ярости. Тогда Буцефал, не привыкший подчиняться, начал брыкаться копытами, метать головой и упорно сопротивляться уздечке; затем он попытался вырваться и убежать во весь опор. Он находился на просторной равнине, подходящей для верховой езды, поэтому Александр, отпустив поводья и вонзив шпоры в бока, мчался вперед, крича со всей возможной силой и

яростью. И после того, как он преодолел огромное расстояние, пока не устал и не захотел остановиться, он подгонял его, пока его энергия не иссякла и он не стал послушным; после чего он привел его обратно очень кротким и послушным. Когда Александр спешился, его отец обнял его со слезами радости, поцеловал его и сказал: «Он должен найти для себя более обширную империю, ибо царство Македонии слишком мало для столь великого духа». Впоследствии Буцефал продолжал проявлять ту же ярость по отношению к другим, в то время как Александру он подчинялся с удивительной покорностью; и после того, как он был его спутником во многих трудах и опасностях, он был наконец убит в битве против Пора.^e

ПЕРВЫЕ ПОСТУПКИ АЛЕКСАНДРА

С самых давних времен пеласгийской древности и до эпохи Римской империи священный остров Самотраки, место ужасно таинственного поклонения, считался равным по святости Дельфам. Говорят, что именно здесь Филипп впервые увидел Олимпиаду, когда они одновременно участвовали в кабирийских мистериях, и решил просить ее руки. Олимпиада любила фанатичные оргии, которые праздновали фракийские и македонские женщины в честь своего Диониса; и даже говорят, что она ввела некоторые символы этого безумного культа — огромных ручных змей, которых вакханки обвивали вокруг шеи и рук — в дворец своего мужа. Этот поступок хорошо согласуется с другими чертами ее дикого, импульсивного характера. Кто может оценить, в какой степени этот раздражительный, неуправляемый характер мог способствовать сочетанию горячего энтузиазма с самым трезвым предвидением, которое отличает Александра, пожалуй, больше, чем любого другого человека, когда-либо занимавшего подобную должность?

Анекдоты, связанные с детством Александра, примечательны прежде всего тем, что указывают на то, что можно по праву назвать царственным духом, который не только осознавал, что он рожден, чтобы командовать, и не терпел никакого сопротивления своей воле, но и изучал, как он может подчинить все вещи и людей вокруг себя своим высшим целям. Эта врожденная царственность души вряд ли могла не найти своего пути к славе, даже если бы она изначально была спрятана в темном углу. Но принц, которому суждено было произвести столь великие перемены в мире, должен был быть вверен заботе человека, дух которого был не менее активен и амбициозен, который также не имел себе равных в области интеллектуальных завоеваний и который основал гораздо более прочное империя в сфере мысли. Никогда, ни до, ни после, два человека, столь великих в историческом смысле этого слова, не были соединены — и прежде всего в таких отношениях — как Александр и Аристотель.

Александру было всего тринадцать лет, когда он стал учеником философа. Эти отношения, по-видимому, продолжались между ними не более трех лет подряд. Александру было всего шестнадцать лет, когда Филипп отправился в поход на Фракию, из которого он вернулся только осенью 339 года, и ему было поручено регентство над царством — вероятно, под руководством совета — во время отсутствия отца. Тогда он, конечно, был занят государственными делами; и в течение этого времени восстание одного из покоренных племен, вероятно, на иллирийской границе, дало ему повод для его первого опыта в военном искусстве. Он подавил восстание, взял их главный город, изгнал его жителей и основал там новую колонию, которой дал название Александрополис. В промежуток между битвой при Херонее и смертью своего отца он был занят делами, совершенно чуждыми философским или литературным занятиям. Очень сомнительно, видел ли он Аристотеля снова, прежде чем вступил на престол. Их личные отношения, по крайней мере, должны были ограничиваться случайными встречами.

Приятно обнаружить, что, согласно записям, он все же написал книгу о должности царя специально для Александра. Тем не менее, у нас есть неоспоримые доказательства того, что даже в этом вопросе сила природы оказалась сильнее силы образования. Национальные предрассудки Аристотеля привели его к экстравагантным представлениям о превосходстве эллинской расы над остальным человечеством: как будто различие между греками и варварами было почти таким же, как между человеком и животным, личностью и вещью; поэтому рабство казалось ему не результатом несправедливости и жестокости, а неизменным законом природы, необходимым условием благополучия общества.

Отсюда он также вывел практическую максиму, которую он пытался внушить будущему завоевателю Азии, что он должен относиться к грекам как к своим подданным, а к варварам — как к своим рабам. Этот совет противоречил взглядам и чувствам Александра: он не соответствовал положению, которое его сознание собственной судьбы заставляло его принимать. Мы знаем, что он действовал по прямо противоположному принципу.

У нас есть по крайней мере основания полагать, что Александр, хотя ему было всего двадцать лет, когда умер его отец, узнал, подумал, увидел и сделал больше, чтобы подготовиться к той роли, которую ему предстояло сыграть, чем многие правители в полном расцвете сил и опыта. Как и его отец, он оказался при вступлении на престол в ситуации, которая требовала от него всех сил его ума и всей энергии его характера. Македония, хотя и находилась номинально в мире со всеми своими европейскими соседями, была окружена врагами, которые, как можно было ожидать, с нетерпением воспользовались бы возможностью, которая, казалось, представилась теперь, когда корона перешла к юноше, чтобы сбросить иго, которое они терпели с плохо скрываемым нетерпением. В самом королевстве были влиятельные семьи, которые не забыли времена, когда они стремились к независимости, если не к владению троном. Аминтас, сын Пердика, тоже был еще жив и мог быть соблазнен заявить о своих правах. Было известно, что двор Персии находится на чеку.

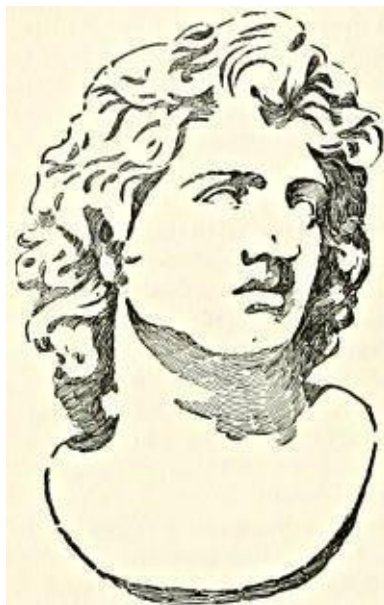
Первой задачей молодого царя было обеспечить себе безопасность внутри страны, а следующей — запугать враждебных соседей и вынудить их признать его превосходство, чтобы занять положение, которое занимал его отец на момент смерти. В Македонии, хотя и были амбициозные и недовольные вельможи, большинство народа признавало его титул и было привязано к его личности. Аминтас, сын Пердика, был казнен по обвинению в заговоре против жизни Александра. После того как его отцу были оказаны последние почести, царь явился на общее собрание своего народа и объявил о своем намерении с той же энергией продолжать дела своего предшественника и, как говорят, предоставил всеобщее освобождение от всех тягот, кроме военной службы.

Известие о смерти Филиппа вызвало всеобщее волнение по всей Греции. Мрачные перспективы, которые после битвы при Херонее, должно быть, омрачили столько сердец — мысль о том, что отныне лучшая греческая молодежь будет проливать свою кровь за осуществление планов, угрожающих их стране вечным подчинением, — внезапно сменились самыми живыми надеждами на освобождение от власти иностранцев. Во всех главных государствах слышались разговоры и велись приготовления, свидетельствующие о намерении воспользоваться неожиданной возможностью. Амбракия изгнала македонский гарнизон и восстановила свои демократические институты. Акарнанские изгнанники, которые укрылись в Этолии, готовились к возвращению, а этолийцы на своем съезде проголосовали за оказание им помощи в восстановлении. Афины взяли на себя ведущую роль в этих движениях и, по-видимому, были центром, откуда они исходили.

ДЕМОСФЕН ВЫСМЕИВАЕТ АЛЕКСАНДРА

Среди афинских послов, отправленных поздравить Филиппа, был Харидем; находясь в Эгее во время смерти Филиппа, он немедленно отправил курьера, которому было поручено донести новость Демосфену, прежде чем он сообщит ее кому-либо еще. Так случилось, что в этот момент оратор скорбел о потере единственной дочери, которая умерла всего семь дней назад, но его личная скорбь уступила место общественным заботам. Он немедленно отложил траурную одежду, вышел в белом платье, с праздничным венком на голове и радостным выражением лица, и его видели, как он совершал торжественное жертвоприношение на одном из общественных алтарей. Чтобы придать больший эффект этой важной вести, оратор, по-видимому, прибег к хитрости, которая доказывает, что он знал, что его соотечественники все еще суеверны и легковерны. Он явился перед советом Пятисот и объявил, что ему во сне было открыто Зевсом и Афиной, что с республикой скоро произойдет нечто очень хорошее. Вскоре после этого прибыли гонцы с вестью, которая подтвердила божественное предсказание. По-видимому, целью Демосфена было с помощью этого уловки произвести впечатление на народ своим собственным взглядом на изменения, которые смерть Филиппа внесла в положение и перспективы Афин. Это было, по крайней мере, столь же безобидное мошенничество, как и любое другое, и, если мошенничество может быть благочестивым, то оно заслуживает этого эпитета.^[19] Теперь он предложил, кроме того, установить религиозные почести памяти Паусания.

Такое поведение Демосфена было подвергнуто резкой критике его современниками по разным причинам, хотя и не по тем, которые делают его наиболее отвратительным с точки зрения принципов и чувств цивилизованного общества современности. Тем не менее, мы знаем, что даже в более благоприятных условиях, в которых мы живем, не только массовое убийство гугенотов отмечалось публичными торжествами и благодарениями в столице христианской Европы, но и убийство принца Оранского и Генриха III Французского открыто приветствовались, а Бальтазар Жерар и Клеман считались героями.

БЮСТ АЛЕКСАНДРА

(В Капитолийском музее, Рим)

Фокион возражал против предложенных проявлений радости по двум причинам: во-первых, потому что такое ликование по поводу смерти врага было подлым, а во-вторых,

потому что сила, одержавшая победу при Херонее, была ослаблена лишь потерей одной жизни. То, что потеря, которую Македония понесла в результате смерти Филиппа, могла быть оценена лишь как потеря одного солдата, было явно ложным; и лучшее оправдание, которое можно предложить Демосфену, заключается в том, что он хотел представить это событие в другом свете — в свете, который он, возможно, считал истинным. Мы не можем быть уверены, что он действительно так низко оценивал способности Александра, как считал целесообразным заявлять; хотя, по-видимому, впечатление, произведенное на него молодым принцем, когда он видел его при дворе его отца, было неблагоприятным, и по возвращении из посольства он высмеял его юношеские поступки. Действительно, Александр по крайней мере сыграл роль человека, превосходящего его самого, в Ферроне; но его настоящий характер и обещание величия, которое он давал, еще не могли быть известны в Афинах. Возможно, там дошли слухи о его многообразных занятиях и достижениях, что дало Демосфену повод сравнить его с Маргитом, героем пародийного стихотворения, приписываемого Гомеру, который знал многое, но ни в чем не был хорош; и оратор теперь осмелился заверить афинян, что им нечего бояться молодого царя, который никогда не покинет Македонию, а останется в Пелле, деля свое время между мирными занятиями и осмотром жертв, что никогда не позволит ему предпринять какую-либо опасную экспедицию.

Кроме того, у оратора были в запасе средства, которые он мог использовать против него, известные только ему самому и которые он был вынужден держать в секрете, но которые могли обоснованно укрепить его уверенность. Он поддерживал переписку с персидским двором и, по-видимому, уже получил от него денежные суммы, которые он мог распределять по своему усмотрению с целью сорвать предприятие Филиппа против Азии. Поведение Демосфена в этой сделке — если учесть, что он вел тайные переговоры с иностранным государством, против которого его собственное государство объявило войну, с целью нанести ущерб князю, который был союзником Афин — не может быть оправдано принципами, регулирующими отношения между цивилизованными нациями в наше время. Но как мало внимания уделялось таким сомнениям, когда бедствия Наполеона открыли перспективу восстановления независимости Германии!

Однако народ, по-видимому, слишком хорошо помнил смятение, последовавшее за битвой при Херонее, чтобы поспешно взять на себя обязательство возобновить борьбу с Македонией. Из речи Эсхина можно сделать вывод, что они не приняли предложение Демосфена в отношении Паусания. Но он убедил их послать послов во многие греческие государства с тайными инструкциями. Персидское золото или обещание субсидий, возможно, помогли преодолеть многие препятствия. Была еще одна сторона, на которую афинские посланники могли рассчитывать с еще большей уверенностью в дружеском приеме. Аттал, личный враг Александра, командовал войсками в Азии. Переговоры с ним были начаты посредством письма Демосфена, и, вероятно, только нехватка времени помешала их успеху.

АЛЕКСАНДР ПРОМЕЧАЕТСЯ ЧЕРЕЗ ГРЕЦИЮ

[336-335 гг. до н. э.]

Но все эти планы и приготовления были сорваны и пресечены стремительными действиями Александра. Похоже, что его старшие советники, которые долгое время были привычны к осторожной политике Филиппа, советовали ему на время оставить греков в покое и не предпринимать никаких попыток заставить их подчиниться, пока он не

установит хорошие отношения с варварскими племенами на северной границе, которые после смерти Филиппа начали представлять угрозу. Однако Александр понимал, что, если он пойдет по этому пути, дело его отца может быть разрушено за несколько месяцев: он видел, что его присутствие в Греции необходимо немедленно, и без промедления привел свои войска в движение. Проходя через Фессалию, он пытался примирить правящие семьи обещаниями. Все уступки, которые были сделаны Филиппу, были возобновлены для него: их доходы и войска были поставлены в его распоряжение. В Фермопилах он созвал Амфикиционный совет, возможно, до обычного времени осеннего собрания, с целью обеспечить поддержку северных племен, имевших право голоса в совете; и, по-видимому, от них он получил титул [Вождь греков], который был присвоен его отцу в Священной войне. Затем он быстрым маршем продвинулся к Фивам, где, поскольку еще не были сделаны никакие приготовления для выполнения поспешно принятого решения, его присутствие заставило недовольных полностью подчиниться.

Его приближение произвело аналогичный эффект в Афинах. Народ поспешил умиловить его, отправив посольство, чтобы извиниться за свои недавние действия и предложить ему все почести, которые они оказали Филиппу. Сам Демосфен был назначен одним из послов — возможно, благодаря интригам его противников ( ); он даже дошел до Киферона, направляясь в македонский лагерь. Мы не знаем, были ли это его собственные размышления об опасностях своей миссии или какие-то намеки, которые он получил относительно намерений Александра, что побудило его найти какой-то повод для возвращения. Остальные послы, однако, обнаружили, что царь готов принять их извинения и обещания, возможно, они были склонены поверить, что он никогда не подозревал республику в каких-либо враждебных намерениях. Он отправил в Азию своего верного офицера по имени Гекатей с приказом либо арестовать Аттала и доставить его в Македонию, либо казнить. По-видимому, Аттал так завоевал любовь своих войск, что Гекатей счел самым безопасным убить его тайно.

Александр послал перед ним послов, чтобы созвать новый конгресс в Коринфе. Он обнаружил, что это собрание было столь же раболепным, как и то, которое созывал его отец, и оно наделило его теми же титулом и полномочиями для ведения войны с Персией, что и Филипп. Только Спарта отказалась послать своих представителей на конгресс или поручила им не признавать его решения. Она привыкла — так она по-прежнему заявляла — сама играть ведущую роль среди греков и не хотела уступать свое наследственное положение другим. Александр, возможно, улыбнулся этим притязаниям государства, которое едва ли было способно защитить себя, но не счел нужным проверять его решимость, вторгшись на его территорию. Также и восстание Амбракии не казалось ему достаточно важным, чтобы задержать его настолько, насколько было бы необходимо для его подавления. Он даже снизошел до того, что заверил амбракийцев, что они лишь опередили его намерения: он сам по собственной воле восстановил бы их демократические институты. Это была уступка, которую его авторитетное положение позволяло ему сделать с достоинством и, следовательно, без опасности. Таким образом, за несколько недель уладив дела в Греции, он вернулся в Македонию с надеждой, что следующей весной сможет отплыть в Азию.

АЛЕКСАНДР ОЧИЩАЕТ СЕВЕР

Но когда в 335 году приблизился сезон военных операций, поступили сообщения о движениях среди фракийских племен и трибаллов, что, по-видимому, сделало необходимым для безопасности его королевства во время его отсутствия распространить ужас его оружия в этом районе, прежде чем он начнет экспедицию, которая уведет его так далеко от него. Ранней весной Александр выступил в поход к Дунаю. Небольшой отряд военных кораблей

получил приказ оснаститься в Византии и подняться вверх по реке, чтобы встретить армию. Через десять дней, переправившись через Эвр в Филиппополе, он достиг подножия Балкан. Здесь фракийцы собрали свои силы, чтобы охранять ущелья, и были замечены, укрепившись за своими повозками на вершине перевала. Поскольку дорога, ведущая к ним, была чрезвычайно крутой, они разработали план сбросить свои повозки на наступающих врагов, а затем напасть на их разбитые ряды. Александр понял цель их приготовлений и принял меры против опасности. Тяжелой пехоте было приказано, где позволяла местность, расступиться и пропустить повозки, а где это было невозможно, броситься на землю и соединить щиты над головой, чтобы спускающиеся массы могли перепрыгнуть через них. Удар наступил и прошел за несколько мгновений, не причинив солдатам вреда; они сомкнули ряды и поднялись с земли с еще большей отвагой. Враг был вскоре выбит из своих позиций умелой и энергичной атакой, оставив после себя полторы тысячи убитых; беглецы легко спаслись; лагерь, в котором находились их жены и дети, попал в руки победителей.

Перейдя горы без дальнейших помех, Александр возобновил свой поход и через три дня достиг правого берега Дуная, где он нашел галеры, которые ожидал из Византии. Под покровом ночи они беспрепятственно переправились и высадились в полях с непокошенным зерном. Фаланга, проходя через поля, сровняла их своими копьями, а кавалерия следовала за ней, пока они не достигли открытой местности, где враг, удивленный и встревоженный их неожиданным появлением, даже не дождался первой атаки конницы, а укрылся в своем городе, который находился всего в нескольких милях оттуда. Но даже этот город, плохо укрепленный, они покинули при приближении Александра и, взяв с собой на лошадей столько женщин и детей, сколько смогли, отступили в пустыню. Город был разграблен и разрушен до основания, и Александр, принеся жертву на правом берегу Дуная богам, которые обеспечили ему безопасный проход, вернулся в свой лагерь на другом берегу. Здесь он принял посольства с покорными или, по крайней мере, мирными предложениями от Сирмуса и многих независимых народов, граничащих с рекой. Его главная цель была достигнута, поскольку таким образом он доказал, какой ужас внушают его войска.

Теперь он повернул свой поход на запад, чтобы достичь границ Иллирии, через страну агрианцев и пеонийцев, на западной стороне гор, где находятся источники рек Эвр и Нест. Однако царь смог беспрепятственно продолжить свой поход вверх по долине Эригона, к крепости Пелиум. Она стояла на возвышенности посреди высоких лесистых холмов, которые также охранялись иллирийскими войсками, чтобы контролировать все подступы к этому месту; и варвары искали дополнительную защиту от нападений македонцев в жертвоприношении, которое они совершали на вершинах холмов, принося в жертву трех мальчиков, трех девочек и столько же черных баранов. Однако все эти меры предосторожности оказались бесполезными, и Александр, овладев соседними холмами, где он нашел жертвы этих ужасных обрядов, приступил к осаде самого Пелиума, но прибытие Главкия с многочисленной армией вынудило его отступить, чтобы обеспечить собственную безопасность. Мы не будем останавливаться на подробностях того, как он выбрался из крайне опасного положения. Достаточно упомянуть, что сначала он проник через труднопроходимую ущелье и переправился через реку в присутствии значительно превосходящего его по численности врага, а через три дня, внезапно вернувшись, ночью напал на союзников, чей лагерь был плохо охраняем, и разбил их войско. Глаукиас бежал к своему дому, и Александр преследовал его, нанося большие потери, вплоть до гор, которые защищали его территории. Клит сначала укрылся в Пелионе, но вскоре, отчаявшись на свои силы, поджег крепость и отступил в владения Глаукиаса.

ВОССТАНИЕ ФЕБЫ

Сообщения, которые доходили до Греции о действиях Александра в этих диких и отдаленных регионах, были, как можно предположить, очень неполными и сбивчивыми; и в конце концов, в период, когда о нем не было никаких известий ( ), появилась весть о его смерти, или же она была специально пущена в ход. Эта весть, по-видимому, побудила группу фиванских изгнанников ночью проникнуть в город и попытаться поднять восстание. Они начали с неудачного убийства двух офицеров македонского гарнизона. Затем они созвали собрание и убедили народ поднять открытое восстание и осадить Кадмею. Граждане, которые все еще находились в изгнании, были отозваны, рабы освобождены, а иностранцы получили новые привилегии. Демосфен предоставил им субсидию, которая позволила им приобрести оружие, побудил афинян заключить с ними союз и вдохновил народ на принятие решения о проведении экспедиции в помощь фиванцам. Однако это решение не было выполнено. Элида также открыто поддержала дело фиванцев, даже отправив свои войска к перешейку, где к ним присоединились войска некоторых аркадских государств. Но здесь их полководцы были вынуждены остановиться, получив известие о возвращении Александра.

Он все еще находился в Пелионе, когда узнал о восстании в Фивах. Он знал, что, если его не подавить вовремя, оно, вероятно, распространится, и беспокоился о гарнизоне Кадмеи. Поэтому он немедленно выступил в Бозотию. За семь дней, пересек верхние провинции Македонии и Камбунийский хребет в направлении его соединения с Пиндом, он достиг Пелинны в Фессалии. Еще через шесть дней он прибыл в Беотию. Его движения были настолько быстры, что, прежде чем фиванцы услышали, что он прошел через Фермопилы, он уже прибыл в Онхэст. Авторы восстания сначала не хотели слушать новости о его приближении; они объявили, что македонской армией командует Антипатр, а затем, что Александр, сын Эропа, был принят за его королевского тезку. Но когда правда выяснилась, они обнаружили, что народ по-прежнему готов продолжать борьбу, которая теперь стала безнадежной.

Александр, с другой стороны, желая дать им время для лучших советов, теперь медленно продвигался к городу; и даже когда он разбил лагерь у подножия Кадмеи, которую они окружили двойной линией осады, он некоторое время ждал предложений о мире, которые он был готов предоставить на очень мягких условиях. Внутри города была сильная партия, которая была готова подчиниться его воле и призывала народ броситься к его милости, но лидеры восстания, которые не могли рассчитывать на милость для себя, сопротивлялись всяким подобным предложениям, и, поскольку помимо своего личного влияния они занимали большинство постов в правительстве, они, к несчастью, одержали верх. Их целью было довести дело до крайности. Когда Александр послал требовать выдачи Феникса и Протитаса, двух их вождей, они в ответ потребовали выдачи Филота и Антипатра; а когда он объявил о помиловании всех, кто сдастся ему и присоединится к общему миру, они сделали встречное объявление с вершины башни, призывая всех, кто желает независимости Греции, присоединиться к ним против тирана. Эти оскорбления, и особенно враждебность и недоверие, которые они подразумевали, положили конец всем мыслям о мире, и Александр с неохотой приготовился к штурму.

Судьба Фив, по-видимому, в конечном итоге была решена скорее случайно, чем намеренно. Пердиккас, который стоял со своим подразделением перед лагерем, недалеко от фиванских укреплений, не дожидаясь сигнала, начал атаку и прорвался в пространство между вражескими линиями, а за ним последовал Аминтас, сын Андромена, который командовал соседним подразделением. Александр был вынужден вывести остальные свои силы ( ). Однако сначала он послал только несколько легких отрядов на подмогу двум

дивизиям ( ), которые вступили в бой с врагом. Однако когда Пердиккас был тяжело ранен, ведя своих людей во вторую линию укреплений, а фиванцы, которые сначала отступили, собрались и в свою очередь обратили македонцев в бегство, он сам выдвинулся на место сражения с фалангой и напал на них в разгар беспорядка, вызванного преследованием. Они были мгновенно разгромлены и бросились к ближайшим воротам города в таком замешательстве, что враг вошел вместе с ними и, вскоре получив подкрепление от гарнизона Кадмеи, овладел прилегающей частью города. Осажденные оказали кратковременное сопротивление на рыночной площади, но, увидев, что им угрожают со всех сторон, кавалерия бежала через противоположные ворота, а остальные — как могли, через найденные проходы. Лишь немногие пехотинцы смогли спастись, и победители утолили свою ярость бесконтрольным убийством.

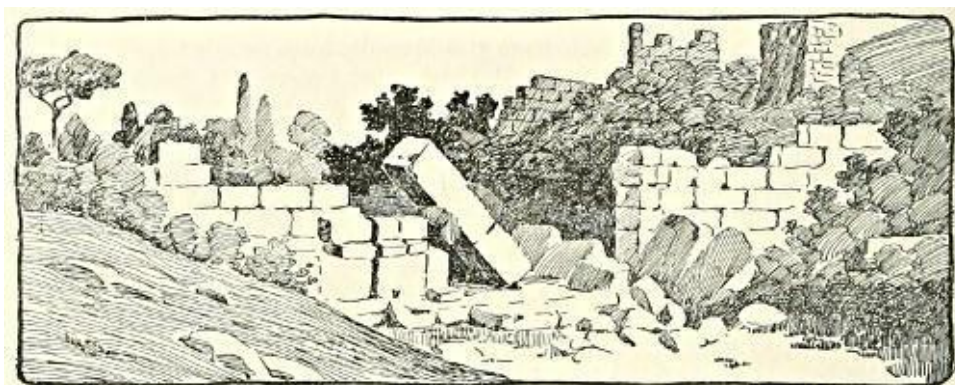
Однако не столько от македонцев, сколько от некоторых из их союзников фиванцы пострадали от крайней жестокости врага. Александр привел с собой отряд фракийцев в составе своих легких войск, и его подкрепили фокийцы и все беотийские города, враждебные Фивам, — в особенности Орхомен, Феспии и Платеи. Фракийцы, движимые своей привычной жестокостью, которую они продемонстрировали много лет назад при захвате Микалеса, и беотийцы, жаждущие отомстить за обиды, которые они перенесли от Фив в дни их процветания, наслаждались обычным разгулом убийств, грабежей и бессмысленных надругательств над теми, кто по возрасту и полу был наиболее незащищен. Однако кровопролитие сдерживалось алчностью, чтобы не потерять самую ценную часть добычи. Число убитых оценивалось в шесть тысяч, а пленных — в тридцать тысяч. Македоняне потеряли около пятисот человек.

СУДЬБА ТЕБЕ

Оставалось только определить окончательную судьбу завоеванного города. Александр, который, вероятно, уже принял решение, передал этот вопрос на рассмотрение совета своих союзников, в котором ведущую роль играли представители беотийских городов. Результат их обсуждений был легко предсказуем и не требовал убедительных обоснований. Над Фивами висел приговор, вынесенный еще во время Персидской войны, в которой они так безрассудно предали дело греческой свободы. Об этом никогда не забывали, и время от времени раздавались призывы к его исполнению. А город, которому греки так долго потакали, позволяя ему сохранять утраченное существование, тем не менее отличался безжалостным обращением с побежденными врагами. В случае с Платеей он не только подтолкнул спартанцев к хладнокровной резне, запрещенной греческими военными обычаями, но и уничтожил город, который своим героическим патриотизмом заслужил благодарность всего народа и сам по себе был памятником национального триумфа. Не было забыто и то, что, когда Афины были во власти своих врагов, только он один предложил стереть их с лица Греции.

Похоже, что эти старые обиды были поставлены на первый план, в то время как позднейшие акты насилия и угнетения в отношении беотийских городов, которые были настоящей причиной их непримиримой обиды, остались практически без внимания. Совет постановил, что Кадмея должна быть оставлена на месте, чтобы ее занял македонский гарнизон; что нижний город должен быть сравнен с землей, а территория, за исключением части, принадлежавшей храмам, должна быть разделена между союзниками: мужчины, женщины и дети, за исключением жрецов и жриц, а также некоторых граждан, которые были в гостеприимных отношениях с Филиппом или Александром или занимали должность проксена в государстве Македония, должны быть проданы в рабство. Под эту категорию, вероятно, попадала большая часть политических сторонников завоевателя. Он сделал одно

исключение, которое было скорее продиктовано его вкусом, чем гуманностью. Он приказал пощадить дом Пиндара и всех его потомков, которых удалось найти. Совет также постановил, что Орхомен и Платеи должны быть восстановлены. Разрушенные здания Фив, возможно, послужили материалом для восстановления Платей.

Руины Великих ворот в стенах Мессены

Вряд ли можно сомневаться в том, что политика сыграла большую роль в этой жесткой мере, и что Фивы были разрушены главным образом потому, что было небезопасно оставлять их в неприкосновенности, а пример их судьбы мог внушить остальной Греции здоровый страх. Сам Александр в своем последующем отношении к отдельным фиванцам молчаливо признал, что его суровость дошла до крайности, граничащей с жестокостью. Но жесткость, проявленная им в этом случае, позволила ему выглядеть великодушным и мягким в других случаях. Все греческие государства, проявившие к нему враждебность, теперь состязались друг с другом в извинениях, отречениях и предложениях о подчинении. В Элиде сразу же произошла реакция в пользу македонской партии, а в аркадских городах, которые прислали помощь фиванцам, виновники этого неосторожного шага были приговорены к смерти. Этолийцы, которые также проявляли некоторые признаки недовольства, отправили посольство, чтобы умиловить царя.

Однако Афины имели больше всего причин бояться его гнева и стремились предотвратить его раболепным почтением, что сразу же характеризует характер человека, который его предложил, и глубину, до которой упал народ после битвы при Херонее. Когда из Фив прибыли первые беженцы, афиняне праздновали свои великие Элевсинские мистерии. Все в панике бежали в город и вывезли свое имущество из страны за пределы городских стен. Было немедленно созвано собрание, на котором по предложению Демада было постановлено, что десять посланников, самых приемлемых из всех, кого можно было найти, должны быть отправлены, чтобы поздравить Александра с его благополучным возвращением из северного похода и с наказанием, которое он наложил на Фивы. Царь не проявил недовольства этой наглой подобиострастностью, но в ответ послал народу письмо с требованием выдать девять ведущих антимакедонских ораторов и полководцев — Демосфена, Ликурга, Гиперида, Полиэвкта, Хареса, Харидема, Эфиальта, Диотима и Мерокла, которых он обвинил как в действиях, приведших к битве при Херонее, так и во всех враждебных мерах, которые с тех пор были приняты в Афинах по отношению к его отцу и ему самому, в частности, в главной роли в восстании Фив.

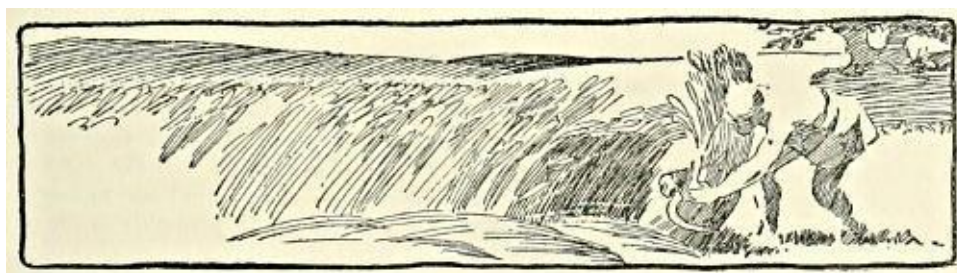
На собрании, созванном для рассмотрения этого требования, Фокион, как говорят, советовал народу сдать объекты недовольства или опасений завоевателя и призывал избранных жертв добровольно пожертвовать собой ради общественного блага. Сообщается, что Демосфен процитировал басню о волке, который призвал овец сдать своих собак. Народ колебался между страхом и нежеланием, пока Демад ( ) не вмешался, чтобы устранить

трудность. Он взялся — как общепринято считается, за вознаграждение в пять талантов — умиловить Александра и спасти угрожаемые жизни. Он обнаружил, что царь был удовлетворен наказанием фиванцев и был готов проявить милосердие, чтобы смягчить впечатление, которое оно произвело на греков. Он отменил свое требование в отношении всех, кроме Харидема, который, возможно, вызвал его особое недовольство своим поведением в Эге после смерти Филиппа и который теперь отплыл в Азию и направился ко двору Персии.

Победитель отпраздновал свое возвращение в Македонию Олимпийскими играми в Эге и играми в честь муз в Диуме в Пиерии. Жители Диума с большим почтением хранили память об Орфее и гордились тем, что хранили его кости. Во время игр поступило сообщение, что статуя древнего барда, которая, возможно, украшала его памятник недалеко от города, была замечена покрытой потом. Ликийский предсказатель Александра, Аристандр из Телмесса, велел ему приветствовать это предзнаменование: оно означало, что мастера эпической и лирической поэзии должны быть утомлены рассказом о его достижениях. Эти достижения теперь на некоторое время потребуют нашего безраздельного внимания.^h

СНОСКИ

[19] Именно епископ и доктор богословия Тирлволл оправдывает эту маскарадную игру. Если она «простительна» и почти «набожна», то и хитрости Филиппа заслуживают такого же нежного отношения.

ГРЕЧЕСКИЙ УРОЖАЙ

АПОЛЛОН И МЕРКУРИЙ

ГЛАВА LI. АЛЕКСАНДР ВТОРГАЕТСЯ В АЗИЮ

ПЛАНЫ ЗАВОЕВАНИЯ

[334 г. до н. э.]

Одного года и нескольких месяцев было достаточно Александру, чтобы впервые продемонстрировать свою энергию и военное мастерство, предначертанные для еще более великих достижений, и подавить растущие стремления к свободе среди греков на юге, а также среди фракийцев на севере Македонии. Следующая зима была посвящена завершению приготовлений, так что в начале весны 334 г. до н. э. его армия, предназначенная для завоевания Азии, была собрана между Пеллой и Амфиполисом, а его флот был готов оказать поддержку.

Вся оставшаяся жизнь Александра — от перехода через Геллеспонт в марте или апреле 334 года до н. э. до его смерти в Вавилоне в июне 323 года до н. э., одиннадцать лет и два или три месяца — прошла в Азии, среди непрекращающихся военных операций и постоянно умножающихся завоеваний. Он так и не вернулся в Македонию, но его достижения были настолько грандиозны, его завоевания настолько безграничны, а его жажда дальнейшего расширения территории настолько неутолима, что Македония теряет свое значение в списке его владений. Еще больше греческие города превратились в отдаленные придатки новой восточной империи. На протяжении всех этих одиннадцати лет история Греции практически не заметна, за исключением нескольких разрозненных событий. Только со смертью Александра греческие города вновь пробудились к активной деятельности.

Азиатские завоевания Александра не относятся непосредственно и буквально к сфере компетенции историка Греции. Они были осуществлены армиями, в которых генерал, главные офицеры и большая часть солдат были македонцами. Греки, которые служили с ним, были лишь вспомогательными войсками, наряду с фракийцами и пеонянами. Хотя они были более многочисленны, чем все другие вспомогательные войска, они не составляли, как десять тысяч греков в армии младшего Кира, силу, на которую он в основном полагался для достижения победы. Его главный секретарь, Эвмен из Кардии, был греком, и, вероятно, большинство гражданских и интеллектуальных функций, связанных со службой, также выполнялись греками. Многие греки также служили в армии Персии против него и составляли более значительную часть реальной силы (не считая простого количества) в армии Дария, чем в армии Александра. Таким образом, экспедиция косвенно вписывается в поток греческой истории благодаря мощной вспомогательной роли греков с обеих сторон — и еще больше благодаря ее связи с предыдущими проектами, мечтами и легендами, задолго предшествовавшими укреплению Македонии, — а также благодаря характеру, который Александр счел целесообразным принять. Отомстить Персии за вторжение Ксеркса в Грецию и освободить азиатских греков было замыслом спартанца Агесилая и фераитянина Ясона, надежды которых основывались на памятной экспедиции и благополучном возвращении Десяти тысяч. Этот план был рекомендован ритором Исократом сначала объединенным силам Греции, когда греческие города еще были свободны, под совместным руководством Афин и Спарты; затем — Филиппу Македонскому как главе объединенной Греции, когда его победоносные войска вынудили признать его главенство, отстранив от власти и Афины, и Спарту. Предприимчивый Филипп с удовольствием принял назначение главой Греции для осуществления этого проекта. От него она перешла к его еще более амбициозному сыну.

Хотя на самом деле это был план, основанный на македонских амбициях и направленный на укрепление Македонии, экспедиция против Азии таким образом была включена в череду греческих событий под панеллинским предлогом ( ) мести за давние оскорбления Ксеркса. Мы называем это притворством, потому что оно перестало быть подлинным чувством эллинов и теперь служило двум разным целям: во-первых, чтобы возвысить это предприятие в глазах самого Александра, чей ум был очень восприимчив к религиозным и легендарным чувствам и который охотно отождествлял себя с Агамемноном или Ахиллом, увековеченными как исполнители коллективной мести Греции за оскорбление Азии; во-вторых, чтобы помочь удержать греков в спокойствии во время его отсутствия. Он сам осознавал, что истинные симпатии греков были скорее неблагоприятны, чем благоприятны для его успеха.

Помимо этого угасшего чувства, демонстративно возрожденного для целей Александра, отношение греков к его азиатским завоеваниям было очень похоже на отношение немецких контингентов, особенно контингентов Рейнского союза, которые служили в великой армии, с которой император Наполеон вторгся в Россию в 1812 году. Они не были заинтересованы в победе захватчика, которая могла привести только к еще большему угнетению. Они были готовы поддерживать своего лидера, пока его власть оставалась непоколебимой, но не дольше. Тем не менее Наполеон считал себя вправе рассчитывать на них, как на французов, и объявлять немцев, служивших России, предателями, утратившими верность, которую они были ему должны. Мы видим, что он проводит такое же четкое различие между русскими и немецкими пленными, как Александр между азиатскими и греческими пленными. Македонский принц упрекал этих греческих пленных в измене провозглашенному статуту коллективной Эллады, согласно которому он был объявлен генералом, а персидский царь — общественным врагом.

Эллада как политическое образование теперь перестала существовать, за исключением тех случаев, когда Александр использует это название в своих целях. Ее составные части присоединены к Македонскому царству как придатки, несомненно, имеющие значительную ценность. За четырнадцать лет до вступления Александра на престол Демосфен, призывая афинян защищать Олинф от Филиппа, сказал им: «Македонская держава, рассматриваемая как придаток, имеет немалую ценность, но сама по себе она слаба и полна затруднений». Перевернув позиции сторон, эти слова точно отражают то, чем стала сама Греция по отношению к Македонии и Персии во время вступления Александра на престол. Если бы персы играли свою игру с достаточной осторожностью и энергией, его успех измерялся бы степенью, в которой он мог бы присвоить себе греческую силу и удержать ее от своего врага.

Запоминающиеся и прославленные проявления Александра, к которым мы сейчас переходим, являются проявлениями не правителя или политика, а полководца и солдата. Его характер и внешний вид составляют своего рода историческую эпоху. Он выделяется не только своими солдатскими качествами — самой смелой и даже авантюрной храбростью, неутомимой личной активностью и выносливостью в отношении трудностей и усталости — хотя одни только эти качества, когда они встречаются у короля, оказывают такое сильное влияние на его подчиненных, что их достаточно для достижения великих свершений, даже в сочетании с полководческим талантом, не превосходящим средний уровень его времени. Но в военном искусстве Александр еще больше превосходил своих современников. Его стратегические комбинации, использование различных видов сил, направленных на достижение одной цели, его дальновидные планы проведения кампаний, его постоянная предусмотрительность и находчивость в решении новых проблем, а также быстрота передвижения даже в самых неблагоприятных условиях — все это в огромных масштабах — не имеют себе равных в древней истории. Они подняли искусство систематического и

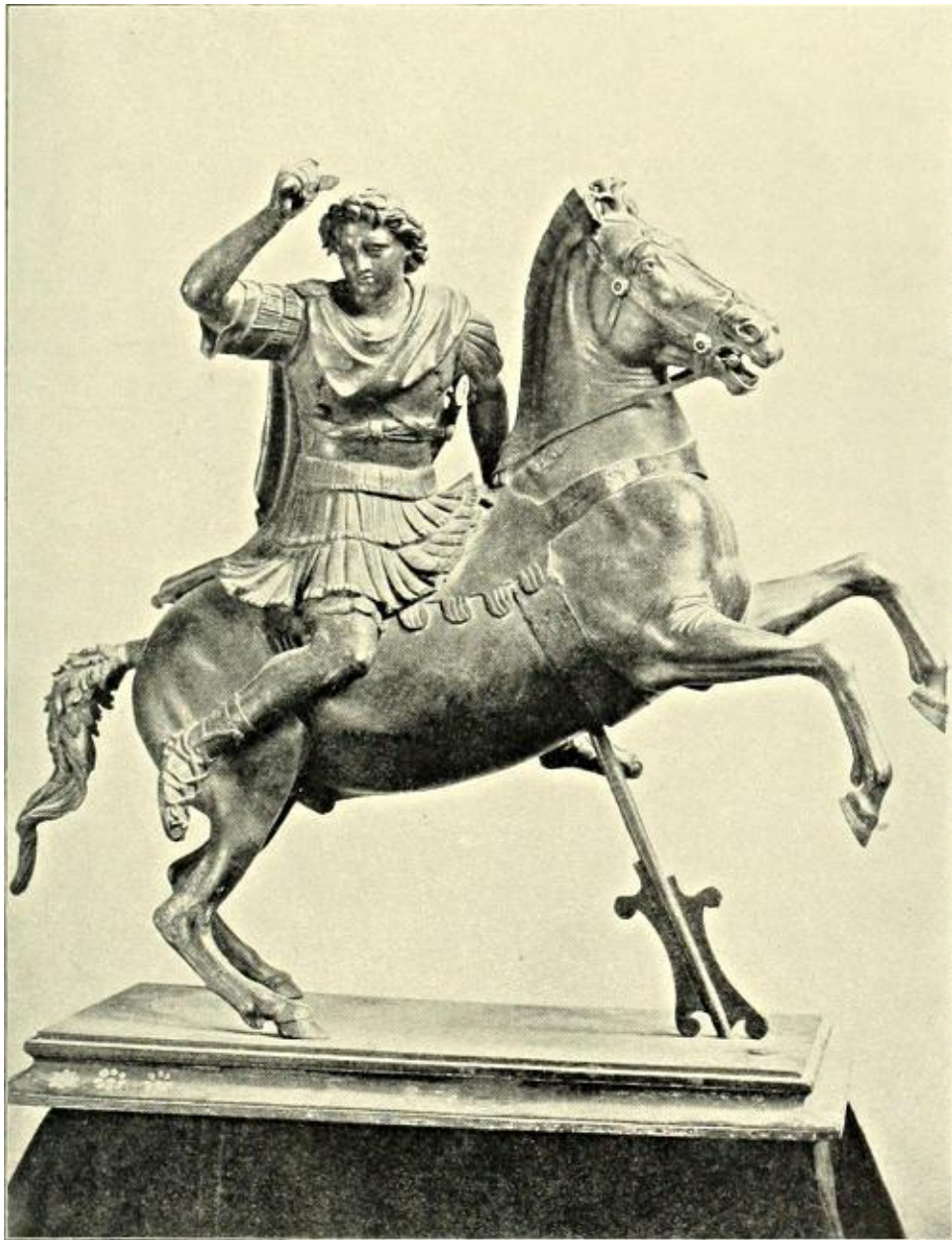
научного ведения войны на такой уровень эффективности, что даже его последователи, обученные в его школе, не смогли сохранить его в неизменном виде.⁴

ПРОБЛЕМА И ВОЙСКА

На первый взгляд проекты Александра кажутся несоразмерными имевшимся в его распоряжении ресурсам. По своей площади его царство (даже с учетом Греции) едва достигало одной пятидесятой части Персидской империи, а численное соотношение его боевой мощи к боевой мощи Персии на море и суше было еще менее благоприятным для него. Если добавить к этому, что после смерти Филиппа македонская казна была истощена, что большая часть королевских владений была отчуждена, что большинство налогов и дани были отменены и, наконец, что в казначействах Персидской империи скопились огромные запасы золота и серебра, Александр, завершив вооружение, которое обошлось ему в восемьсот талантов [около 160 000 фунтов стерлингов или 800 000 долларов], имел не более семидесяти талантов [14 000 фунтов стерлингов или 70 000 долларов], чтобы начать войну с Азией, — это предприятие действительно кажется безрассудным и почти химерическим.

Но более тщательное изучение обстоятельств показывает, что планы Александра, хотя и были, безусловно, смелыми, не были опрометчивыми, а входили в рамки сил и средств, которыми он располагал. Чтобы осознать возможность и необходимость их успеха, понять организацию его армии и характер ее операций, мы должны забыть аналогии с современными кампаниями, поскольку война — как и все остальное в истории, мало зависящее от обычных законов и условий — меняет свою теорию и цель с изменением местных и исторических условий. Армии, завоевавшие Восток, не смогли противостоять легионам Рима.

Что касается финансовых соображений, то мы должны прежде всего иметь в виду, что Александр вторгся на территорию врага, где он мог разумно ожидать найти сокровища и запасы всякого рода. Как только его войско было вооружено и снабжено деньгами и продовольствием, достаточным до встречи с врагом, он больше не нуждался в большом военном фонде, поскольку войны его времени не были дорогостоящими из-за дорогих боеприпасов и сложных перевозок. Таким образом, нехватка денег не мешала Александру, а хваленые сокровища Великого царя и персидских сатрапов делали их еще более желанными для македонских солдат.

СТАТУЯ АЛЕКСАНДРА

Несоразмерность морской мощи Македонии представляется более серьезной проблемой. Персидский царь мог командовать четырьмя сотнями кораблей, его флот принадлежал финикийцам, лучшим морякам древнего мира, и, по крайней мере, в своей последней морской битве они нанесли поражение элинам. Македонская морская мощь, основанная Филиппом, но еще не прошедшая испытания, была незначительной, а флот, который должен был выйти против персов, состоял в основном из триер греческого союза, от которых, естественно, нельзя было ожидать крайней преданности. Планы Александра были полностью основаны на превосходстве его сухопутных войск, и единственное назначение флота заключалось в обеспечении их безопасности на первых этапах похода. Когда эта цель была достигнута, флот стал обузой, и Александр вскоре воспользовался возможностью, чтобы распустить его.

Наконец, обращаясь к македонской армии, мы не можем не признать в ее организации редкое сочетание счастливых обстоятельств и великого военного таланта. Моральное превосходство греческой армии, в отличие от материального превосходства персов, все более и более славно доказывалось почти в каждой войне на протяжении последних двух

столетий. Чем выше развивалось искусство войны среди греков в результате гражданских и внешних конфликтов, тем более грозными они становились для войск Персидской империи ( ). Армия Александра, полная воинственного рвения и гордых воспоминаний, владеющая всеми техническими тонкостями военного дела и известная своей тщательно продуманной организацией как первое в истории стратегическое формирование, несла в себе уверенность в победе.

Армии Азии всегда отличались яростью своих атак, подавляющим численным превосходством и дикими набегами туда и сюда, что делало их грозными даже в бегстве. В дополнение к этому, на службе у персов находились многие тысячи греков, так что Александр не мог рассчитывать на то, что ему придется вести войну только с варварами, но должен был ожидать от врага греческого оружия, мужества и военного мастерства. Наконец, в соответствии с естественным размахом его великого предприятия, при формировании своей армии он должен был учитывать как мобильность, необходимую для наступления, так и стабильность, необходимую для военной оккупации.

РАЗМЕР АРМИИ

Во времена Филиппа македонские войска насчитывали тридцать тысяч пехотинцев и от трех до четырех тысяч всадников. Александр возглавил примерно такое же количество войск против Фив. Отправляясь в Азию, он оставил в Македонии двенадцать тысяч пехотинцев и полторы тысячи всадников под командованием Антипатра, а их место заняли восемнадцать сотен фессалийских всадников, пять тысяч греческих наемников и семь тысяч тяжеловооруженных солдат, предоставленных греческими государствами. Кроме того, в его отряде было пять тысяч трибаллов, одрисов, иллирийцев и т. д., от одной до двух тысяч лучников и легкой пехоты агрианцев, шестьсот греческих всадников, девятьсот фракийцев и пеонийцев. Таким образом, общая численность его войск составляла чуть более 30 000 пехотинцев и чуть более 5000 всадников. Это, с небольшими отклонениями, вытекающими из деталей повествования, является оценкой Диодора. Птолемей Лаги приводит те же цифры в своих *«Мемуарах»*, а Арриан повторяет их за ним. Когда Анаксимен считает тридцать четыре тысячи пехотинцев и пять тысяч пятьсот всадников, он, возможно, включает в это число корпус, который уже был отправлен в Азию Филиппом. Оценка Каллисфена в 40 000 пехотинцев явно завышена.

Вся пехота и кавалерия не были разделены на легионы или бригады, а на отряды, вооруженные одинаковым оружием и, в некоторой степени, набранные из одного и того же района ( ). Сами преимущества македонской армии делали необходимым устройство, которое было бы неудовлетворительным в нынешних условиях; фаланга не была бы фалангой, если бы она сражалась с кавалерией, легкой пехотой и фракийскими пращниками, объединенными в полноценную армию в миниатюре. Именно широкое использование небольших боевых единиц сделало необходимым, чтобы части армии были самодостаточными и повторяли в меньшем масштабе организацию целого. Против такого врага, как азиатские орды, собравшиеся для сражения без предварительной дисциплины и подготовки, считающие все потерянным после одного поражения и не получающие ничего, кроме новой опасности, в случае победы над организованными войсками, — против такого врага сплоченные и однородные массы имеют преимущество простоты, веса и внутренней стабильности, и в том же регионе, где фаланга Александра победила армию Дария, римские легионы пали под яростным натиском парфян. В целом армия Александра была хорошо приспособлена для таких сражений, и поэтому большую ее часть составляли фаланги и тяжелая кавалерия.

ФАЛАНГА И КАВАЛЕРИЯ

Солдат фаланги Александра

Особый характер фаланги объяснялся оружием и координацией действий отдельных ее членов. Они были тяжело вооружены по греческим представлениям, оснащены шлемами, доспехами и щитами, защищавшими все тело, а их основным оружием были македонская сарисса, копье длиной более шести метров, и короткий греческий меч. Предназначенные исключительно для ближнего боя в массе, они должны были быть расположены таким образом, чтобы, с одной стороны, спокойно ждать самого яростного натиска врага, а с другой — быть уверенными в том, что смогут прорвать ряды противника. Поэтому они обычно стояли в шестнадцать рядов, копья первых пяти рядов выступали за передний край, образуя непробиваемый и действительно неприступный барьер для наступающего врага; задние ряды клали свои сариссы на плечи тех, кто стоял впереди, так что атака фаланги была непреодолимой благодаря двойной силе веса и движения. Только тщательная гимнастическая подготовка отдельных членов фаланги делала возможным единство, точность и быстроту, необходимые для очень сложных маневров группы людей, скученных на столь небольшом пространстве. Александр имел около восемнадцати тысяч таких тяжеловооруженных солдат, так называемых пеших гвардейцев, и в начале кампании они были разделены на шесть дивизий под командованием генералов Пердика, Кэна, Кратера, Аминта, сына Андромена, Мелеагра и Филиппа, сына Аминта. Ядро этих войск, по крайней мере, составляли македонцы, и дивизии были названы в честь македонских округов, из которых они были набраны: Элимейская ( ), таким образом, дивизия под командованием Козна происходила из Элимеи, дивизия под командованием Пердика — из Орестиса и Линкестиса, дивизия Филиппа (впоследствии возглавляемая Полисперхоном) — из Стимфеи и т. д.

То, чем была фаланга для пехоты, тем были македонские и фессалийские *илаи* для кавалерии. Обе они состояли из тяжеловооруженных солдат и включали в себя знати Македонии и Фессалии; равные по оружию, рождению и славе, они соперничали друг с

другом, стремясь отличиться в глазах царя, который обычно сражался во главе их. Важность этого рода войск для предприятия Александра была доказана почти в каждом сражении ; ужасающие как в единоборствах, так и в массовых атаках, их дисциплина и доспехи делали их превосходящими легкую азиатскую кавалерию, каким бы большим ни было ее число, и их натиск на пехоту противника обычно был решающим. По оценке Диодора, рыцарство Македонии и Фессалии состояло из пятисот рыцарей каждое; но он, как и Каллисфен, оценивает кавалерию македонской армии не более чем в четыре тысячи пятьсот человек, в то время как наиболее авторитетные источники оценивают ее численность в более чем пять тысяч. Оба отряда рыцарей были вооружены одинаково — Калас, сын Харпала, командовал фессалийцами, а Филотас, сын Пармениона, — македонянами.

Последние, естественно, занимали самое высокое положение во всей македонской армии и носили название «гвардии» или «царской гвардии». Она состояла из восьми *илаев*, или эскадронов, которые назывались без различия по названиям своих округов или своих *илархов* (полковников). Отряд под командованием Клита, называвшийся королевским *иле*, занимал первое место среди македонского рыцарства и составлял *агему*, или королевскую гвардию. Помимо этих рыцарей из Македонии и Фессалии, в армии было еще шестьсот греческих всадников; они обычно прикреплялись к фессалийскому эскадрону и, по-видимому, были вооружены и обучены аналогичным образом. Ими командовал Филипп, сын Менелая.

Следующим по рангу идет особый македонский отряд, гипасписты. Афиняне под командованием Ификрата уже создали под названием пельтасты отряд с льяными кольчугами, более легкими щитами и более длинными мечами, чем у гоплитов, чтобы иметь силы, более быстрые в атаке, чем последние, и более тяжелые, чем легко вооруженные войска. Этот новый вид войска был с большим одобрением принят в Македонии; солдат фаланги был слишком тяжело вооружен для службы при короле, а легко вооруженный солдат не был ни достаточно достоин, ни достаточно полезен. Для этой цели была отобрана промежуточная сила, которая получила название гипаспистов от длинного щита, аспиды, как его называли, который они переняли от фаланги. Эта сила имела огромное значение в войне против азиатских племен, поскольку рельеф местности слишком часто мешал полноценному использованию фаланги, и часто было необходимо предпринимать неожиданные атаки, быстрые марши и всевозможные удары, для которых фаланга была недостаточно мобильна, а легкие войска — недостаточно устойчивы. Для занятия высот, форсирования рек, поддержки и сопровождения кавалерийских атак эти гипасписты были прекрасно приспособлены. Их численность составляла шесть тысяч человек. Весь корпус возглавлял Никанор, чей брат Филотас командовал рыцарями гвардии, а отец, Парменион, описывается как генерал фаланги. Первая хилиархия принадлежала Селевку; она носила название «королевские гипасписты», и в ее рядах сыновья знатных семей проходили свою первую военную службу в качестве пажей короля. Вторая носила название «королевская охрана гипаспистов» и охраняла палатку короля.

ЛЕГКИЕ ВОЙСКА

Легкие войска македонской армии имели особое значение. Они происходили из стран одрисов, трибалов, иллирийцев, агров и из верхней Македонии; они были вооружены своим национальным оружием нападения и обороны и, благодаря охоте и набегам, к которым они были привычны у себя на родине, а также бесчисленным мелким войнам своих вождей, они были чрезвычайно ценны в стычках, прикрытии линии марша и для всех целей, которым служат пандуры, хорваты и горцы в современной войне. Наиболее известными среди них

являются агрийские охотники и македонские лучники, которые, возможно, вместе составляли корпус численностью около двух тысяч человек. Едва ли найдется сражение, в котором они не играли бы заметную роль, а о преданности, с которой они сражались, свидетельствует тот факт, что должность токсарха приходилось заполнять заново три раза за год ( ). В начале кампании эту должность занимал Клеарх, а Аттал командовал агрианцами. Численность других легких войск, обычно известных под общим названием фракийцев, составляла пять тысяч человек под командованием фракийского князя Ситалкеса.

Очевидно, что в этих войсках Александр применил стратегический элемент, который до этого практически не существовал. В любом случае, легкие войска греческих армий до его времени не имели большого значения ни по численности, ни по назначению; они также не избежали определенного презрения — естественного результата предпочтения греков к фехтованию, которое становилось еще более естественным в связи с тем, что их легкая пехота состояла частично из отбросов народа, а частично из варварских наемников. Теперь на сцену вышли легкие войска, национальные особенности которых оказались выгодными в этом конкретном виде боевых действий, а сила и слава которых заключались в искусстве удивлять, пугать и отступать в кажущейся суматохе, что казалось бессмысленным и сомнительным для греческих воинов. Сам знаменитый спартанский полководец Брасидас признавал, что наступление этих племен — с их громкими боевыми криками и угрожающим размахиванием оружием — имело в себе что-то тревожное; их капризный переход от атаки к бегству и от беспорядка к преследованию был чем-то ужасным, против чего ничто, кроме строгой дисциплины эллинского полка, не могло защитить. На самом деле, эти отряды могли в совершенстве выполнять свою задачу, потому что, будучи по своей природе легкими войсками, они, в сочетании с плотными массами армии, должны были использоваться только для тех целей, для которых они были естественно пригодны.

Основной принцип боевого порядка македонской армии был следующим. Армия формировала два крыла: левое под командованием Пармениона и правое (которое обычно наносило основной удар) под командованием Александра. Пехота обоих крыльев, четыре дивизии фаланг справа и две, вместе с корпусом гипаспистов, слева, формировали основную линию, к которой присоединялись легкая и тяжелая кавалерия и легкая пехота; неизменным порядком было то, что македонская гвардия находилась справа, вместе с пеонской кавалерией и стрелками, агрианскими охотниками и лучниками; а фессалийская гвардия находилась слева, вместе с греческой кавалерией, одрискими фракийцами Агатона и, наконец, легкой пехотой, которая часто отрывалась от линии боя, чтобы защищать лагерь и обоз. В самой плотной формации, когда фаланга была прикрыта щитами и состояла из шестнадцати рядов, а кавалерия — из восьми рядов, линия сражения требовала равнины шириной не менее полумили для развертывания, поскольку, как правило, одни только фаланги образовывали линию длиной почти пять тысяч шагов.

Такова была армия, с которой Александр намеревался завоевать Восток. Хотя она была относительно небольшой по численности, у нее были все шансы на успех благодаря своей организации, отличной дисциплине различных корпусов, моральной силе всех и, наконец, личностным качествам царя и его полководцев. Персидская империя не была в состоянии оказать сопротивление; в ее размерах, положении подчиненных народов и неэффективности правительства содержались элементы ее неизбежного краха.

СОСТОЯНИЕ ПЕРСИДСКОЙ ИМПЕРИИ

Если мы рассмотрим положение Персидской империи в то время, когда Дарий Кодоман вступил на престол, то мы ясно увидим, насколько она была разложена и готова к распаду. Причина заключалась не в моральном разложении двора, правящей расы и народов, которыми она управляла. Эта коррупция, неизменная спутница деспотизма, никогда не наносит ущерба деспотической власти ( ), и величайшая империя современности доказывает, что даже в условиях шокирующего разврата при дворе, постоянных интриг и скандалов среди знати, насильственных смен династий и неестественной жестокости по отношению к партии, всемогущей до момента перемен, деспотизм все больше и больше расширяет свои границы. Несчастьем Персии было то, что у нее сменялись слабые правители, которые не могли удерживать бразды правления так твердо, как это было необходимо в интересах сплоченности империи; в результате народ утратил рабский страх, сатрапы — слепое повиновение, а вся империя — единственное единство, которое ее удерживало. Отсюда у подчиненных народов, все из которых сохранили свою старую религию, законы и обычаи, а некоторые — и своих родных князей, выросло стремление к независимости; у сатрапов, могущественных наместников обширных и отдаленных округов, — жажда независимой власти; у правящей расы, которая в привычке властвовать забыла о самих условиях своего установления и существования, — равнодушие к Великому царю и роду Ахеменидов. За сто лет почти полного бездействия, последовавшего за вторжением Ксеркса в Европу, произошло необычное развитие военного искусства, и Азия утратила способность противостоять ему; греческое оружие казалось более мощным, чем огромные полчища Персии, на которые сатрапы полагались в своих восстаниях, а царь Ох в своей кампании по подавлению восстания в Египте; так что империя, основанная победами персидского оружия, была вынуждена защищаться с помощью греческих наемников.

Правда, Охусу удалось восстановить внешнее единство империи и утвердить свою власть с фанатичной суровостью, свойственной деспотизму, но было уже слишком поздно. Он погрузился в бездействие и бессилие, сатрапы сохранили свое слишком высокое положение, и при возобновлении угнетения подчиненные народы, особенно западные сатрапии, не забыли, что они почти избавились от него.

ГРЕЧЕСКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ

(по Хоупу)

Наконец, после новых и ужасных осложнений, Дарий взошел на престол. Чтобы спасти империю, ему следовало быть энергичным, а не добродетельным, жестоким, а не мягким, произвольным, а не честным. Он завоевал уважение персов, все сатрапы были ему преданны, но это не могло спасти Персию. Его не боялись, а любили, и время скоро показало, что вельможи империи предпочитали собственное благополучие благосклонности или служению господину, в котором они могли восхищаться всем, кроме его императорских качеств.

Империя Дария простиралась от Инда до Эгейского моря, от Яксарты до Ливийской пустыни. Его правление, или, вернее, правление его сатрапов, не менялось в зависимости от характера различных народов, которыми они правили; нигде оно не было национальной формой правления и нигде не имело гарантии зависимой организации; их власть ограничивалась удовлетворением произвольных прихотей, взиманием постоянных пошлин и своего рода наследственным владением, которое стало обычным явлением при слабых правителях. Таким образом, Великий Царь практически не имел над ними никакой власти, кроме силы оружия или той власти, которую они признавали по личным причинам. Условия, существовавшие повсюду в Персидской империи, лишь делали разлагающегося колосса менее способным подняться на свою защиту.

Племена Ирана, Турании и Арианы были действительно воинственными и счастливыми под любым правлением, которое вело их на битвы и грабежи, а всадники из Гиркании, Бактрии и Согдианы составляли постоянную армию сатрапов в большинстве провинций, но

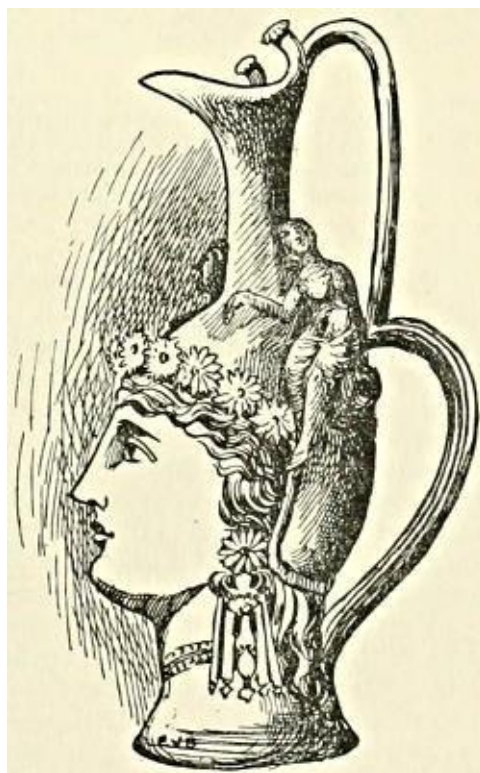
среди них не было большой привязанности к Персидской империи, и, несмотря на то, что их натиск был ужасающим в армиях Кира и Камбиза, они были совершенно неспособны к серьезной и длительной обороне, особенно когда противостояли греческой доблести и военному мастерству.

А западные племена, которые удерживались в подчинении только силой и часто с трудом, наверняка бы отказались от персидского дела, если бы к их границам приблизился победоносный враг.

Греки на побережье Малой Азии едва удерживались в подчинении тиранами, которые зависели в своем существовании от империи и ее сатрапов, а внутренние племена полуострова, после двух веков сурового угнетения, не имели ни силы, ни воли подняться на защиту Персии. Они даже не принимали участия в предыдущих восстаниях сатрапий Малой Азии, они были тупы, ленивы и забыли свое прошлое. То же самое можно сказать и о двух Сириях по обе стороны моря; долгие века рабства привели жителей к самому низкому уровню апатии, и с отвратительным безразличием они подчинялись любой судьбе, которая их постигала. Только на побережье Финикии сохранилась старая разносторонняя жизнь, а с ней и больше опасности, чем преданности Персии; и только частные интересы и ревность Сидона удерживали Тир верным персам. Наконец, Египет никогда не ослаблял и не скрывал своей ненависти к иностранцам, и опустошения Охаса могли ослабить его, но никогда не могли покорить. Все страны, завоеванные Персидской империей к своей гибели, были фактически потеряны при первом же нападении с запада.⁴

ВХОД В АЗИЮ, СОГЛАСНО АРИАНУ

Весной 334 года до н. э. Александр завершил приготовления и двинулся к Геллеспонту (оставив управление делами в Греции в руках Антипатра), ведя с собой пехоту, состоящую из лучников и легко вооруженных солдат, численностью около тридцати тысяч, и чуть более пяти тысяч всадников. Сначала он направил свой поход на Амфиполь, мимо озера Церкинит, а оттуда к устью реки Стримон, которую перейдя, он прошел мимо горы Пангея, по дороге, ведущей в Абдеру и Маронею, морские города Греции. Оттуда он двинулся к реке Эбру, которую легко переправился, и прошел через страну Плетис к реке Мелас, а оттуда, на двадцатый день после своего отправления из Македонии, прибыл в Сестос, откуда, двинувшись в Элею, и принес жертву на могиле Протесилая, потому что из всех греков, сопровождавших Агамемнона в осаде Трои, он первым ступил на азиатский берег.

ГРЕЧЕСКИЙ КУВШИН ДЛЯ ВИНА

(Бардон)

Цель этого жертвоприношения заключалась в том, чтобы его поход в Азию был более успешным, чем предыдущий поход Протесилая. Затем, поручив Пармениону переправить большую часть конницы и пехоты из Сестоса в Абидос, они были перевезены на 160 триремах, помимо многих других грузовых судов. Несколько авторов сообщают, что Александр отплыл из Элея, другого порта в Греции, сам командуя флагманским кораблём; а также, что, когда он был посреди Геллеспонта, он принёс в жертву быка Нептуну и Нереидам и вылил в море возлияние из золотого кубка. Кроме того, говорят, что он первым делом вышел на берег в Азии в полном вооружении и воздвиг алтари Юпитеру Десценсору, Палладе и Гераклу. Когда он прибыл в Илион, он принес жертву Палладе Илиаке и, закрепив оружие, которое он носил, в ее храме, снял оттуда некоторые освященные доспехи, которые оставались там со времен Троянской войны. Эти доспехи во время его похода всегда несли перед ним несколько щитоносцев. Говорят также, что он принес жертву Приаму на алтаре Юпитера Герцея, чтобы тем самым отвратить гнев его манов от потомков Пирра, от которого он вел свою родословную.

Когда он прибыл в Илион, правитель Менетий увенчал его золотой короной; то же самое сделал афинянин Харес, который прибыл для этой цели из Сигея; и несколько других, как греков, так и азиатов, последовали их примеру. Затем он окружил гробницу Ахилла венком (как Гефестион сделал это с гробницей Патрокла) и провозгласил его счастливым, поскольку у него был такой вестник, как Гомер, который увековечил его имя; и действительно, он заслуженно был назван так, потому что этот единственный случай поднял его на вершину человеческой славы. Что касается его действий, то до сих пор никто не описал их должным образом ни в прозе, ни в стихах, и никто не пытался сделать это в лирическом стиле, как поэты делали это ранее с Иероном, Гелоном, Фероном и многими другими, чьи подвиги ни в коей мере не были сопоставимы с его; по этой причине его

величайшие деяния менее известны, чем наименьшие и самые незначительные из многих древних полководцев.²

БИТВА НА ГРАНИКУ

Армия, прошедшая смотр на азиатском берегу после переправы, насчитывала в общей сложности тридцать тысяч пехотинцев и четыре тысячи пятьсот всадников, распределенных следующим образом:

ПЕХОТА

Македонская фаланга и гипасписты	12 000
Союзники	7
Наемники	5
Под командованием Пармениона	24 000
Одрисы, трибалы (оба фракийские племена) и иллирийцы	5
Агрианцы и лучники	1
Всего пехота	30

КАВАЛЕРИЯ

Македонская тяжелая — под командованием Филота, сына Пармениона	1500
Фессалийская (также тяжелая) — под командованием Каласа	1500
Разные греческие войска — под командованием Эригия	600
Фракийцы и пеоны (легкие) — под командованием Кассандра	900
Всего кавалерии	4500

Такова, по-видимому, наиболее достоверная оценка численности первой армии Александра. Однако существовали и другие оценки, самая высокая из которых составляла 43 тысячи пехотинцев и 4 тысячи всадников. Помимо этих войск, должно было быть также достаточное количество метательных машин и орудий для сражений и осад, которые мы вскоре увидим в действии. Что касается денег, то военная казна Александра, частично истощенная щедрыми подарками его македонским офицерам, была столь же скудной, как и казна Наполеона Бонапарта при первом вступлении в Италию для своей блестящей кампании 1796 года. По словам Аристобула, у него было только семьдесят талантов [14 000 фунтов стерлингов или 70 000 долларов]; по данным другого источника, не более чем средства для содержания его армии в течение тридцати дней.

Ранее македонские полководцы Парменион и Калас переправились в Азию с отрядами войск. Парменион, действуя в Эолии, взял Гринию, но был вынужден Мемноном снять осаду с Питаны; в то время как Калас в Троеде был атакован, разгромлен и вынужден отступить в Ретоум.

Таким образом, мы видим, что в период, предшествовавший высадке Александра, персы располагали значительными силами, а Мемнон действовал активно и успешно даже против македонских полководцев в регионе к северо-востоку от Эгейского моря. Это может помочь объяснить ту роковую неосторожность ( ), в результате которой персы позволили Александру без сопротивления переправить свою великую армию в Азию весной 334 года до н. э. У них были достаточные средства для охраны Геллеспонта, если бы они решили привести свой флот, который, включая силы финикийских городов, был явно превосходным по сравнению с любым военно-морским вооружением, имевшимся в распоряжении Александра. Персидский флот действительно вошел в Эгейское море через несколько недель после этого. Теперь планы Александра, его приготовления и даже предполагаемое время похода, должно быть, были хорошо известны не только Мемнону, но и персидским сатрапам в Малой Азии, которые собрали войска, чтобы противостоять ему. К сожалению, эти сатрапы полагали, что могут противостоять ему на поле боя, игнорируя явное мнение Мемнона об обратном и даже отвергая его благоразумные советы, выдвигая недоверчивые и клеветнические обвинения.

К моменту высадки Александра мощные персидские войска уже были собраны под командованием фригийского сатрапа Арсита вблизи Зелии в Геллеспонтской Фригии, при поддержке нескольких других ведущих персов: Спитридата (сатрапа Лидии и Ионии), Фарнака, Атизея, Митридата, Реомитра, Нифата, Петина и др. Сорок из этих людей были высокого ранга (назывались родственниками Дария) и отличались личной доблестью. Большую часть армии составляла кавалерия, включая мидийцев, бактрийцев, гирканийцев, каппадокийцев, пафлагонийцев и т. д. По численности кавалерии они значительно превосходили Александра, но их пехота была гораздо меньше по численности, однако в значительной степени состояла из греческих наемников. Общая численность персидской армии, по данным Арриана, составляла двадцать тысяч всадников и почти двадцать тысяч наемных пехотинцев; по данным Диодора — десять тысяч всадников и сто тысяч пехотинцев; по данным Юстина — даже шестьсот тысяч. Цифры Арриана выглядят более достоверными; в данных Диодора общая численность пехоты, безусловно, значительно превышает реальность, а численность кавалерии, вероятно, ниже.

Мемнон, который присутствовал со своими сыновьями и своей дивизией, горячо отговаривал персидских военачальников от рискованного сражения. Напоминая им, что македоняне не только значительно превосходили их по пехоте, но и были воодушевлены лидерством Александра, он настаивал на необходимости использовать их многочисленную кавалерию для уничтожения фуража и провианта, а при необходимости даже самих городов, чтобы сделать невозможным любое значительное продвижение вторгшихся войск. Придерживаясь строго оборонительной позиции в Азии, он рекомендовал вести агрессивную войну в Македонии, привести флот, погрузить на него мощные сухопутные войска и приложить все усилия не только для атаки уязвимых точек Александра на родине, но и для поощрения активной вражды против него со стороны греков и других соседей.

Если бы его план был энергично осуществлен с помощью персидского оружия и денег, мы едва ли можем сомневаться, что Антипатр в Македонии быстро оказался бы в серьезной опасности и затруднительном положении, а Александр был бы вынужден вернуться и защищать свои владения; возможно, персидский флот помешал бы ему вернуть всю свою армию. В любом случае, его планы по вторжению в Азию на время пришлось бы отложить. Но его спасли от этой дилеммы невежество, гордость и денежные интересы персидских вождей. Неспособные оценить военное превосходство Александра и в то же время осознавая свою личную храбрость, они отвергли предложение об отступлении как бесчестное, намекая, что Мемнон желает продлить войну, чтобы повысить свою значимость в глазах Дария. Это чувство военного достоинства было еще более укреплено тем фактом, что

персидские военачальники, получавшие все свои доходы от земли, обеднели бы в результате уничтожения сельскохозяйственной продукции. Арсит, на территории которого находилась армия и на которого в первую очередь повлиял бы этот план, высокомерно объявил, что не позволит сжечь ни одного дома. Занимая ту же сатрапию, что и Фарнабаз шестьдесят лет назад, он чувствовал, что под давлением Агесилая он окажется в том же затруднительном положении, что и Фарнабаз — «не имея возможности добыть себе пропитание в своей собственной стране». Предложение Мемнона было отклонено, и было решено дожидаться прибытия Александра на берегах реки Граник.

Эта незначительная река, упомянутая в «Илиаде» и увековеченная благодаря связи с именем Александра, берет свое начало на одной из вершин горы Ида недалеко от Скепсиса и течет на север в Пропонтиду, куда впадает в точке, расположенной несколько восточнее греческого города Парион. Он не очень глубок: вблизи места, где расположились персы, он, по-видимому, был переходим во многих местах; но его правый берег был довольно высоким и крутым, что создавало препятствие для атаки врага. Персы, выдвинувшись из Зелии, заняли позицию у восточного берега Граника, где последние склоны горы Ида спускаются к равнине Адрастеи, греческого города, расположенного между Приапом и Парием.

Тем временем Александр продвигался к этой позиции из Арисбы (где он провел смотр своей армии) — в первый день до Перкоте, во второй до реки Практиус, в третий до Гермота; по пути он принял добровольную капитуляцию города Приап. Зная, что враг находится недалеко, он выслал вперед отряд разведчиков под командованием Аминта, состоящий из четырех эскадронов легкой кавалерии и одного эскадрона тяжелой македонской (компаньонской) кавалерии. Из Эрмота (четвертый день от Арисбы) он двинулся к Гранику в аккуратном порядке, с основной фалангой в двойном строю, кавалерией на каждом фланге и обозом в тылу. Приблизившись к реке, он приготовился к немедленному нападению, хотя Парменион советовал подождать до следующего утра. Хорошо зная, как и Мемнон на другой стороне, что шансы на открытое сражение были полностью против персов, он решил не дать им возможности уйти ночью.

Александр сам взял на себя командование правым флангом, а левый фланг был передан Пармениону; под правым и левым флангами подразумевались две половины армии, каждая из которых включала в себя три *таксея*, или подразделения фаланги, с кавалерией на фланге, поскольку не было признанного центра под отдельным командованием. На другой стороне Граника персидская кавалерия выстроилась вдоль берега. Меды и бактрийцы находились справа под командованием Реомитра, пафлагонцы и гирканы — в центре под командованием Арсита и Спитридата, а слева — Мемнон и Арсаман со своими дивизиями. Персидская пехота, как азиатская, так и греческая, оставалась в резерве; только кавалерия должна была сражаться за переправу через реку.

В таком положении обе стороны простояли некоторое время, наблюдая друг за другом в напряженной тишине. Поскольку не было ни стрельбы, ни дыма, как в современных армиях, все детали с каждой стороны были хорошо видны другой стороне; так что персы легко узнали самого Александра на правом фланге македонцев по великолепию его доспехов и военной формы, а также по уважительному поведению окружающих его людей. Их главные вожди соответственно собрались на левом фланге, который они усилили основными силами своей кавалерии, чтобы лично противостоять ему. Вскоре он обратился к войскам с несколькими словами ободрения и отдал приказ о наступлении. Он поручил первую атаку эскадрону кавалерии, который в тот день был начеку (эскадроны Аполлонии, капитаном которых был Сократ, в этот день под командованием Птолемея, сына Филиппа), при

поддержке легкой кавалерии или копейщиков, пеонийских дротиков (пехота) и одного подразделения регулярной пехоты, по-видимому, гипаспистов. Затем он сам вошел в реку во главе правой половины армии, кавалерии и пехоты, которая продвигалась под звуки труб и с обычными боевыми криками. Поскольку местами глубокие воды ( ) мешали прямолинейному маршу в одной ровной линии, македоняне изменили направление своего движения, чтобы пройти по бродам, сохраняя фронт вытянутым, чтобы максимально приблизиться к противоположному берегу в линии, а не отдельными колоннами с флангами, открытыми для персидской кавалерии. Не только правый фланг под командованием Александра, но и левый под командованием Пармениона продвигался и переходил в одном движении и с такими же мерами предосторожности.

Передовой отряд под командованием Птолемея и Аминта, достигнув противоположного берега, столкнулся с упорным сопротивлением, сосредоточенным здесь в одной точке. Прямо перед ними стояли Мемнон и его сыновья с лучшими всадниками персидской кавалерии; одни находились на вершине берега, откуда они метали копья, другие — у кромки воды, чтобы сблизиться с противником. Македоняне пытались всеми силами высадиться на берег и прорваться через персидскую конницу, но тщетно. Находясь на более низкой местности и на неустойчивой почве, они не могли оказать никакого влияния, были отброшены назад с некоторыми потерями и отступили к основным силам, которые Александр теперь переправлял через реку. Когда он приблизился к берегу, вокруг него возобновилась та же борьба, с еще большим упорством с обеих сторон. Он сам был в первых рядах, и все вокруг него были воодушевлены его примером. Всадники обеих сторон столкнулись друг с другом, и борьба превратилась в состязание физической силы и давления людей и лошадей; но македоняне имели большое преимущество, поскольку были привычны к использованию сильных копьев для ближнего боя, в то время как персидским оружием были метательные копья. Наконец сопротивление было преодолено, и Александр с окружающими его людьми, постепенно оттесняя защитников, пробился на высокий берег к ровной местности. В других местах сопротивление было не столь энергичным. Левый фланг и центр македонцев, переправляясь одновременно по всем проходимым местам вдоль всей линии, одолели персов, расположившихся на склоне, и с относительной легкостью поднялись на ровную местность. Действительно, никакая кавалерия не могла устоять на берегу, чтобы противостоять фаланге с ее длинными копьями, где бы она ни достигала подъема сплошным фронтом. Легкий переход македонцев в других местах помог заставить тех персов, которые сражались с самим Александром на склоне, отступить на ровную местность выше.

Мужество и опасность Александра

И здесь, как и на берегу, Александр был в авангарде личного столкновения. Его пика сломалась, и он обратился к стоящему рядом солдату — Аретису, одному из конных гвардейцев, который обычно помогал ему сесть на лошадь, — и попросил другую. Но этот человек, также сломавший свое копье, показал его осколок Александру и попросил его обратиться к кому-нибудь другому; после чего коринфянин Демарат, один из соратников-всадников, находившийся поблизости, дал ему свое оружие. Так вооружившись заново, Александр погнал свою лошадь на Митридата (зятя Дария), который подводил колонну кавалерии для атаки, но сам значительно опередил ее. Александр вонзил копье в лицо Митридату и сбил его с ног. Затем он повернулся к другому персидскому вождю, Ресаку, который нанес ему удар саблей по голове, сбив часть шлема, но не пробив его насквозь. Александр отомстил за этот удар, пронзив Ресака копьем. Тем временем третий персидский военачальник, Спитридат, был уже совсем близко к Александру ( ), подняв руку с саблей,

чтобы сразить его. В этот критический момент Клит, сын Дропида, один из старых офицеров Филиппа, занимавший высокую должность в македонской армии, с полной силой ударил по поднятой руке Спитридата и отсек ее от тела, тем самым спасая жизнь Александру. Другие ведущие персы, родственники Спитридата, отчаянно бросились на Александра, который получил много ударов по доспехам и оказался в большой опасности. Но усилия его соратников, находившихся поблизости, удвоились, чтобы защитить его личность и поддержать его смелость. Именно в этом месте персидская кавалерия была впервые разбита. Слева от македонской линии тессалийская кавалерия также сражалась энергично и успешно; а легко вооруженные пехотинцы, смешавшиеся с кавалерией Александра, нанесли большого ущерба врагу. Разгром персидской кавалерии, однажды начавшись, быстро стал всеобщим. Они бежали во всех направлениях, преследуемые македонцами.

Но Александр и его офицеры вскоре сдержали этот пыл преследования, отозвав свою кавалерию, чтобы завершить победу. Персидская пехота, как азиатская, так и греческая, оставалась без движения и приказов, наблюдая за кавалерийской битвой, которая только что закончилась катастрофой. Александр немедленно обратил на них свое внимание. Он привел свою фалангу и гипаспистов, чтобы атаковать их с фронта, в то время как его кавалерия атаковала со всех сторон их незащищенные фланги и тыл; он сам атаковал вместе с кавалерией, и его лошадь была убита под ним. Его пехота была более многочисленной, чем их, так что при таком превосходстве результат едва ли мог быть сомнительным. Большая часть этих наемников, после отважного сопротивления, была избита на поле боя. Нам говорят, что никто не спасся, кроме двух тысяч пленных и некоторых, которые остались скрытыми на поле среди трупов.

В этом полном и решительном поражении потери персидской кавалерии не были очень серьезными в чистом количестве, поскольку было убито только тысяча человек. Но гибель ведущих персов, которые проявили чрезвычайную храбрость в личном столкновении с Александром, была ужасной. Были убиты не только Митридат, Ресак, Спитридат, чьи имена уже были упомянуты, но также Фарнак, зять Дария, Митробарзан, сатрап Каппадокии, Атизес, Нифат, Петин и другие; все они были персами высокого ранга и влияния. Арсит, сатрап Фригии, чья опрометчивость в основном стала причиной отклонения совета Мемнона, сбежал с поля битвы, но вскоре после этого покончил с собой из-за мучений и унижения. Персидская или персидско-греческая пехота, хотя, вероятно, индивидуально сбежало больше людей, чем подразумевается в рассказе Арриана, как целое была безвозвратно уничтожена. Никаких сил не осталось на поле боя, и впоследствии их не удалось вновь собрать в Малой Азии.

Потери со стороны Александра, как говорят, были очень небольшими. Двадцать пять всадников из отряда, принадлежавшего к дивизии Птолемея и Аминтаса, были убиты при первой неудачной попытке переправиться через реку. Из остальной кавалерии было убито шестьдесят человек, из пехоты — тридцать. Это приводит нас к общим потерям со стороны Александра. Это только число убитых; число раненых не указано, но если предположить, что оно в десять раз превышает число убитых ( ), то общее число будет составлять 1265 человек. Если это верно, то сопротивление персидской кавалерии, за исключением того места, где Александр сам и персидские вожди вступили в конфликт, не могло быть ни серьезным, ни длительным. Но если добавить к этому сражение с пехотой, то небольшое число убитых и раненых македонцев будет выглядеть еще более удивительным. Общая численность персидской пехоты составляла почти двадцать тысяч человек, большая часть которых были греческими наемниками. Из них только две тысячи были взяты в плен; почти все остальные (по словам Арриана) были убиты. Греческие наемники были хорошо вооружены и вряд ли позволили бы убить себя безнаказанно; кроме того, Плутарх прямо утверждает, что они сопротивлялись с отчаянной доблестью и что большая часть потерь

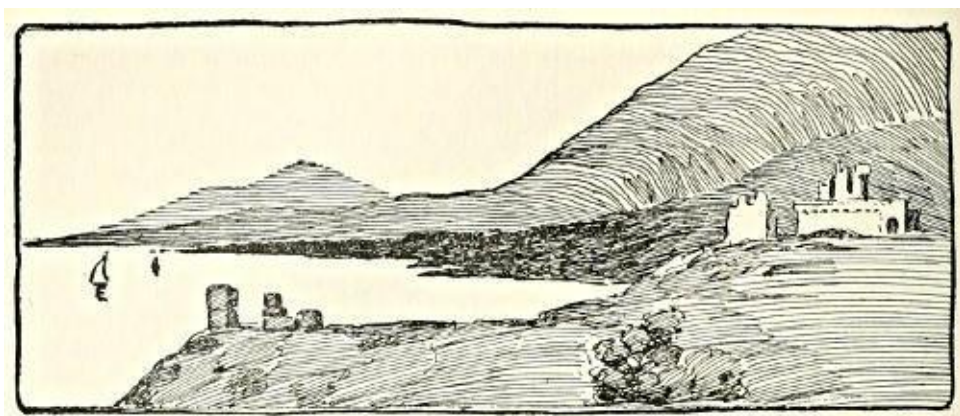
македонцев была понесена в столкновении с ними. Поэтому нелегко понять, как общее число убитых может быть приведено в соответствие с утверждением Арриана.

После победы Александр проявил величайшую заботу о своих раненых солдатах, которых он лично посещал и утешал. Для двадцати пяти убитых товарищей он велел воздвигнуть бронзовые статуи, изготовленные Лисиппом, в Диуме в Македонии, где они еще стояли во времена Арриана. Выжившим родственникам всех убитых он также предоставил освобождение от налогов и личной службы. Тела погибших были с почестями похоронены, как тела врагов, так и тела его собственных солдат. Две тысячи греков, служивших в персидской армии, которые попали в плен, были закованы в цепи и отправлены в Македонию, чтобы работать там рабами; Александр приговорил их к такому наказанию на том основании, что они взяли в руки оружие от имени иностранца против Греции, вопреки общему решению, принятому синодом в Коринфе. В то же время он послал в Афины триста доспехов, отобранных из трофеев, чтобы посвятить их Афине на Акрополе с надписью: «Александр, сын Филиппа, и греки, за исключением лакедемонян, *(представляют эти дары)* из трофеев иностранцев, населяющих Азию». Хотя голосование, на которое ссылался Александр, не отражало никаких существующих стремлений греков и давало лишь санкцию, от которой нельзя было безопасно отказаться, он все же нашел удовлетворение в том, что прикрыл свой собственный импульс к самовозвеличиванию под видом мнимой общегреческой цели, что в то же время было полезно для укрепления его власти над греками, которые были единственными людьми, способными, как офицеры или солдаты, защищать Персидскую империю от него. Его завоевания привели к исчезновению подлинного эллинизма, хотя и распространили его внешний блеск, и особенно греческий язык, по большей части восточного мира. «Истинные интересы Греции, — говорит Гроут, — лежали больше на стороне Дария, чем Александра».

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОБЕДЫ АЛЕКСАНДРА

Ни одна победа не могла быть более решительной и ужасающей, чем победа Александра. На поле боя не осталось сил, способных противостоять ему. Впечатление, произведенное столь великой общественной катастрофой, усилилось благодаря двум сопутствующим обстоятельствам: во-первых, количеству погибших персидских вельмож, что почти повторяло плач Атоссы, Ксеркса и хора в трагедии Эсхила «Персы» после битвы при Саламине; во-вторых, рыцарским и успешным подвигом самого Александра, который, подражая гомеровскому Ахиллу, не только бросился в самую гущу сражения, но и убил двух из этих вельмож собственными руками. Такие подвиги, впечатляющие даже сейчас, когда мы читаем о них, в момент их совершения, должно быть, произвели сильнейшее впечатление на воображение современников.^f

---

Поле битвы при Иссе

ГЛАВА LII. ИССОС И ТИР

Арсит после битвы бежал во Фригию, но там, как говорят, одолеваемый горем и стыдом за поражение, которое он приписывал своим собственным советам, покончил с собой. Александр передал его сатрапию Каласу, призвал варваров, бежавших в горы, вернуться в свои дома и приказал оставить дань на прежнем уровне. Парменион был отправлен, чтобы захватить резиденцию сатрапа Даскилиум. Сам царь, повернув на юг, двинулся к Сардам. Весть о его победе произвела такое впечатление в столице Лидии, что, когда он подошел к ней на расстояние восьми или девяти миль, Митрин, командир гарнизона, в сопровождении главных жителей города, вышел ему навстречу и мирно сдал город, цитадель и сокровища. Он оставил Митрина на почетном месте рядом с собой, а командование цитаделью поручил Паусанию, офицеру своей гвардии. Чтобы примирить лидийцев, он восстановил их древние законы, то есть отменил ограничения, которые были наложены на них политикой персидского правительства, когда оно подавило их восстание после первого завоевания. В то же время, возможно, чтобы приучить их к греческим обычаям, он приказал построить на цитадели храм Зевсу Олимпийскому. В качестве гарнизона были оставлены отряд кавалерии и легкой пехоты, а также аргивский контингент.

Через четыре дня Александр прибыл в Эфес. Там тоже, как только пришла весть о сражении, отряд наемников, размещенный там Мемноном, сел на корабль с Аминтом, сыном Антиоха, македонским эмигрантом, который бежал из своей страны, чтобы избежать последствий недовольства царя или потому, что он признавал свою причастность к некоторым заговорам, сформированным против него. Эфес был разделен на олигархическую и демократическую фракции, которые, по-видимому, были почти равны по силе. Олигархия поддерживалась Персией, поэтому ее противники с надеждой ждали предстоящего вторжения и, вероятно, получили обещания поддержки от Филиппа. Произошли бурные беспорядки, в которых олигархи, при поддержке войск Мемнона, одержали верх, вынудили многих своих противников покинуть город, свалили статую Филиппа, стоявшую в храме, совершили там другие кощунственные действия и вскрыли гробницу Герофита, великого народного лидера, похороненного на рыночной площади. После прибытия Александра ( ) последовала полная реакция: демократия была официально восстановлена, изгнанники вернулись в свои дома, а победившая партия жаждала мести своим побежденным угнетателям. Александр вмешался, чтобы предотвратить кровопролитие, и запретил любые судебные разбирательства по наказанию за политические преступления. Городу было разрешено потратить дань, которую он ранее платил персидскому правительству, на свой новый храм, который еще не был достроен. Позже он предложил покрыть все расходы на строительство при условии, что его имя будет высечено на нем как имя основателя — предложение, которое эфесяне отклонили с изящной лезтью. Перед отъездом он совершил великое жертвоприношение богине, сопровождаемое торжественной процессией всей его армии в боевом порядке. Подобными мерами, особенно установлением демократии и отменой дани, он стремился завоевать расположение всех других греческих городов на побережье, что было для него очень важно в этот момент, пока морская мощь Персии еще оставалась грозной.

Тем временем он получил предложения о подчинении от Магнесии и Тралл в долине Меандра и послал Пармениона, чтобы тот занял эти города. Сначала у него были основания надеяться, что Милет также без сопротивления сдастся ему, поскольку Гегесистрат, командующий гарнизоном, направил ему подобное предложение в письме. Но приближение персидского флота, который следовал из Финикии, побудило Гегесистрата изменить свое

намерение и защищать свой пост. Однако Никанор, адмирал Александра, опередил варваров и прибыл со своим флотом из 160 галер в Ладе, прежде чем они появились, и Александр немедленно обеспечил контроль над островом, который контролировал вход в порт Милета, с отрядом из четырех тысяч человек. Персы, обнаружив, что им закрыт путь, бросили якорь у Микалы. Их флот насчитывал четыреста кораблей. Однако, несмотря на это огромное неравенство, Парменион посоветовал царю рискнуть морским сражением. Он считал, что победа принесет огромные преимущества, а поражение не ухудшит положение его флота, поскольку и без того враг был хозяином моря. Предзнаменование, которое он заметил, подтвердило его мнение. Александр указал ему, что его можно интерпретировать иначе, и что его аргументы не более обоснованы, чем его правила гадания. Македонский флот уступал финикийским и кипрским галерам не только по численности, но и по морскому мастерству и подготовке. Было бы просто безрассудством вступать в сражение при таких неблагоприятных условиях; и поражение, далеко не оставив его в том же положении, в котором он находился сейчас, могло повлечь за собой последствия не менее важные и катастрофические, чем всеобщее восстание в Греции. Орел, который был замечен сидящим на берегу за королевской галерой, означал, что ему суждено было победить персидский флот своими действиями на суше.

Милет был разделен на два отдельных города внутренней стеной, которая, по-видимому, была гораздо крепче внешней; если, конечно, то, что называли внешним городом, не было просто открытым пригородом. Александр взял его штурмом при своем первом прибытии, а затем приготовился осаждать другой. Горожане пришли к компромиссу с гарнизоном и по взаимному согласию направили к царю одного из самых выдающихся граждан с предложением о нейтралитете, которое он отклонил, приказав им готовиться к немедленному нападению. Его инженеры вскоре пробили брешь в стене, и его войска взобрались на нее на глазах у персов, которые не могли прийти на помощь своим друзьям, поскольку Никанор, чтобы перекрыть всякую возможность помощи, подошел к устью внутренней гавани и поставил там несколько галер бок о бок, чтобы эффективно перекрыть вход и выход. Когда осаждающие начали врываться через пролом, граждане и гарнизон бежали к морю; некоторые отплыли на лодках, но обнаружили, что устье гавани закрыто, прежде чем они достигли его; около трехсот наемников доплыли до скалистого островка в гавани и приготовились защищаться там, пока Александр, восхищенный их мужеством, не позволил им спасти свои жизни, поступив на его службу. Персидский флот некоторое время продолжал стоять на якоре у Микалы в надежде втянуть врага в сражение, но, поскольку ему приходилось добывать воду из устья Меандра, Александр приказал Филоту отправиться туда с отрядом пехоты и кавалерии и помешать экипажам высадиться на берег. В результате флот был вынужден отправиться на Самос за провизией; вскоре он вернулся и попытался заставить македонцев врасплох в гавани, но, потерпев неудачу, отступил от побережья Милета.

Александр теперь понял, что его флот будет мало полезен ему, а состояние его финансов было таково, что он с трудом мог нести расходы на его содержание. С другой стороны, он надеялся закрыть персам доступ ко всем портам Азии и таким образом лишить их возможности продолжать военно-морские операции. Поэтому он решил распустить свой флот, оставив только небольшой отряд, в который входили афинские галеры, для перевозки осадных машин, и сосредоточить свое внимание на ведении войны на южном побережье.

Галикарнас

Его первой целью было взятие Галикарнаса, где противник собрал почти все силы, которые у него оставались в этом районе. Мемнон, который после битвы при Гранике

послал свою жену и детей в качестве залога своей верности Дарию и был наделен им высшей властью на западе Азии и командованием всеми его морскими силами, долгое время готовился к обороне этого места, где он сам, вместе с персидским сатрапом Карию Оронтобатом, многочисленный гарнизон из греков и варваров, ожидал приближения захватчика. Их воодушевляло присутствие двух афинян, Эфиальта и Фрасибула, которые прибыли, чтобы предложить свои услуги в борьбе с общим врагом. Флот, стоявший у входа в гавань, также мог оказать хорошую услугу во время осады. Город, построенный на возвышенностях, которые резко поднимаются от моря в форме театра, был естественно укреплен и тщательно укреплен как стенами, так и ровом шириной сорок пять футов и глубиной примерно в половину этого. Александр, отправляясь из Милета, захватил все города, расположенные между этим городом и Галикарнасом; и при входе в Карию его встретила Ада, вдова Идриея, которая сдала ему свою крепость Алинду, просила разрешения усыновить его в качестве своего сына и поставила себя под его защиту. Затем он продвинулся к Галикарнасу и разбил лагерь примерно в полумиле от стен.

Он начал с того, что засыпал ров, чтобы его машины и деревянные башни могли приблизиться к стенам. Осажденные совершали много энергичных вылазок с целью поджечь машины, но всегда были отбиты, иногда с большими потерями. Однажды безумная попытка двух македонских солдат, которые, вызвав друг друга на испытание мужества за чашкой вина, предприняли штурм цитадели только с суши, привела к сражению, которое едва не переросло в общее и могло закончиться захватом города. Две башни и промежуточная стена были разрушены машинами, но прежде чем удалось воспользоваться проломом, осажденные построили за ним еще одну кирпичную стену в форме полумесяца. Дважды они предпринимали отчаянные попытки уничтожить машины, которые Александр привёз, чтобы использовать против этой новой стены — во второй раз, по наущению Эфиальта, всеми своими силами; но они были разгромлены с большими потерями, в которых погиб сам Эфиальт, и считалось, что Александр мог бы тогда штурмовать это место, но был склонен пощадить его в надежде, что оно скоро сдастся. Фактически, Мемнон и Оронтобат теперь отчаялись защищать его еще долго и решили покинуть его. Глухой ночью они подожгли деревянную башню и некоторые дома и склады возле стены, и пока пожар распространялся, они сбежали и переправились на Кос, где, по-видимому, они ранее хранили свои сокровища. Часть гарнизона укрылась в цитаделях, часть — в Арконнесе. Александр немедленно вошел в город и остановил распространение пламени. Но как только он стал его хозяином, он сравнял его с землей. Однако он не считал целесообразным оставаться там, пока не изгнал врага из оставшихся крепостей; поручив провинцию Аде, он оставил ее с примерно тремя тысячами пехотинцев и двумястами всадниками под командованием македонского офицера, чтобы те подчинили их. Сам он продолжил свой поход вдоль южного побережья Малой Азии, чтобы овладеть портами, в которых могла бы укрыться персидская флотилия.

Но поскольку приближалась зима, он решил, прежде чем покинуть Карию, отправить часть своих войск, которые недавно женились, когда он отправлялся в поход, обратно в Македонию, чтобы они провели зиму дома. Он передал командование ими трем своим генералам, которые находились в том же положении, и приказал им по возвращении привести с собой столько новых войск, сколько они смогут набрать. Эта мера была как политической, так и благородной, поскольку его армия была сильно ослаблена, чтобы снабжать столько гарнизонов, сколько требовалось для завоеванных городов; и ничто не могло способствовать набору войск в Македонии больше, чем присутствие победоносных воинов, чье возвращение сразу же свидетельствовало о его успехе и щедрости. Другой офицер был отправлен, чтобы собрать все войска, которые он мог, в Пелопоннесе. Пармениону было приказано продвигаться с большей частью кавалерии и обозом в Сарды, а

оттуда во Фригию, где он сам, после того как пересечет побережье Ликии и Памфилии, намеревался встретиться с ним весной.

Во время своего марша через Карию он встретил небольшое сопротивление со стороны гарнизона крепкой крепости Гипарна и свернул в сторону, чтобы наказать за дерзость жителей Марморы в Перее. Переправившись через Ксант, он принял подчинение большинства ликийских городов. Фаселис даже преподнес ему золотую корону; и мотив, который побудил его оказать ему такую честь, может помочь объяснить готовность других ликийцев к подчинению. Жители Фаселиса сильно страдали от набегов соседей, горцев Писидии, которые даже заняли укрепленную позицию на их территории с целью постоянных нападений. Они надеялись, что Александр избавит их от этой неприятности, и они не были разочарованы.

Он все еще находился в окрестностях Фаселиса, когда ему сообщили о заговоре против его жизни, организованном его тезкой, сыном Эропа, которого он назначил командующим фессалийской кавалерией вместо Каласа, нового сатрапа Геллеспонтской Фригии. Похоже, что, несмотря на эту милость, линкестиец либо не мог простить царю казнь своих двух братьев, либо не мог забыть давние притязания своей семьи на царскую власть. Он вступил в переговоры с персидским двором через беглеца Аминтаса, и Дарий послал своего агента по имени Асисинес, чтобы тот тайно встретился с ним и предложил ему, если он убьет своего правителя, возвести его на престол Македонии или, по крайней мере, помочь ему в попытке завоевать его, дав ему тысячу талантов. Персидский посланник попал в руки Пармениона и раскрыл его дело; Парменион отправил его к царю. Александр созвал совет по этому вопросу и по его совету отправил приказ Пармениону арестовать линкестца и держать его под стражей.

Персидский вельможа

(по Бардону)

Между Фаселисом и приморскими равнинами Памфилии горы, образующие южную ветвь Тавра, круто спускаются к побережью, оставляя лишь узкий проход вдоль пляжа, который открывается только в спокойную погоду или при преобладании северного ветра. Мыс назывался горой Климакс. В то время, когда Александр собирался возобновить свой поход на восток, дул южный ветер, и волны омывали подножие утесов. Поэтому он отправил основную часть своей армии через горы в Пергу по окольному и труднопроходимому пути, который, однако, он заранее велел расчистить своим фракийским саперным войскам. Но сам он решил с несколькими последователями попробовать пройти вдоль берега; опасность и трудности имели для него очарование, которому он едва мог противостоять. Возможно, ветер уже утих; вскоре он сменился на северный — изменение, в котором он увидел особое вмешательство богов. Однако, по словам Страбона, он обнаружил, что вода все еще доходила почти до груди, и ему пришлось бродить по ней целый день. Когда он вышел из Перги, его встретила делегация из соседнего города Аспендуса, расположенного немного дальше на восток, у устья Эвримедона, которая предложила признать его власть, но просила не принуждать их принимать македонский гарнизон. Он удовлетворил эту просьбу, потребовав сто талантов и ежегодную дань, а также заложников для обеспечения их выполнения. Затем он начал свой поход во Фригию.

Его путь лежал через сердце Писидии, где он еще больше желал вселить страх, поскольку ее свирепые и беззаконные жители, чувствуя себя в безопасности за горными барьерами и почти неприступными крепостями, постоянно бросали вызов власти персидского правительства. Однако он не мог потратить время, необходимое для покорения всех ее крепостей. Термесс, расположенный на крутой скале и контролирующий узкий проход, ведущий из Писидии во Фригию, казался ему слишком сильным, чтобы пытаться его захватить, хотя он и изгнал варваров из позиций, которые они заняли за стенами, и стал хозяином прохода. Но сопротивление Термесса принесло ему предложения о союзе от его врага Сельге, другого из главных городов, что оказалось для него очень полезным. Он взял штурмом Сагаласс, хотя помимо его естественной крепости его жители считались самыми воинственными из писидийцев; за этим успехом последовало подчинение большинства небольших городов. Затем он продвинулся вдоль озера Аскания к Келане, где цитадель, расположенная на почти недоступной скале, охранялась гарнизоном из тысячи карийцев и ста греков, размещенным там сатрапом Фригии. Однако она предложила сдаться, если не будет освобождена в течение шестидесяти дней; и Александр счел лучшим принять эти условия; оставив отряд из полутора тысяч человек для наблюдения за ней и назначив Антигона, сына Филиппа, важным сатрапом центральной Фригии, он продолжил свой поход к Гордиуму, где приказал Пармениону встретить его.

ГОРДИЙ

Арриан не указывает прямо цель этого движения, которое, поскольку Александр намеревался далее направиться к побережью Сирии, предполагало огромный обход. Трудно поверить, что его удержала от прямого продвижения в Киликию трудность прохода через горную местность (Неприступную Киликию), которая непосредственно примыкает к Памфилии. Вероятно, он счел необходимым установить свою власть в центральных провинциях, по крайней мере, настолько, чтобы разорвать их отношения с персидским правительством и таким образом защитить греческие города на западном побережье от нападений, которые могли бы быть совершены на них с этой стороны, если бы полуостров к востоку от Лидии остался под властью Дария. Центральное расположение Гордия также обеспечивало более легкую связь с Македонией, что было очень желательно в связи с передвижениями персидского флота в Эгейском море, а также позволяло ему вести переговоры на более выгодных условиях с сатрапами провинций на Эвксинском побережье,

которые, увидев его так близко, могли опасаться немедленного вторжения. Соответственно, по-видимому, именно из Гордия он послал Гегелоха на побережье с приказом оснастить другой флот для защиты островов, которым угрожали персы.

Здесь к нему присоединились войска, которые он отправил на зимовку к своим домам, в сопровождении новых рекрутов: 3000 македонских пехотинцев и 650 всадников, 300 из Македонии, 200 из Фессалии, остальные из Элиды. Здесь он также принял посольство из Афин, которое прибыло с просьбой освободить афинских пленных, захваченных среди наемников в битве при Гранике и отправленных в Македонию. Александр не считал разумным, находясь в преддверии решающей битвы с Дарием, ослаблять свою строгость по отношению к грекам, которые приняли участие на стороне варваров, но разрешил афинянам повторить свою просьбу в более подходящий момент.

Гордиум в древние времена был резиденцией фригийских царей и, как полагают, получил свое название от Гордия, отца более известного Мидаса. В цитадели с религиозным почтением хранилась колесница, в которой, согласно местному преданию, Мидас со своими родителями въехал в город в то время, когда народ, раздираемый гражданскими распрями, собирался на собрание. Оракул сообщил им, что колесница привезет им царя, который уладит их распри. Внезапное появление Мидаса убедило их, что он был предначертанным для них царем; и когда он взошел на престол, он посвятил колесницу в цитадели в качестве благодарственного подношения царю богов, который еще до его рождения послал орла, чтобы тот сел на ее ярмо, пока Гордий пахал, в знак чести, уготованной его роду.

Эта легенда породила пророчество, что тот, кто развяжет узел из коры, которым ярмо было прикреплено к шесту, станет повелителем Азии. Александр не покинул Гордиум, пока не доказал, что это пророчество относится к нему. Он поднялся на цитадель и отделил ярмо от шеста. Его собственные последователи не пришли к единому мнению, развязал ли он узел, вытащив колышек,^[20] или перерезал его мечом. Но все зрители были убеждены, что он законно исполнил пророчество, а гроза с молниями, разразившаяся в ту же ночь, развеяла все сомнения по этому поводу (333).

Теперь он возобновил свой поход на восток и в Анкире принял посольство из Пафлагонии, обещавшее повиновение на несколько неоднозначном условии, что он воздержится от вторжения в их страну. Покорение этой обширной и очень гористой области задержало бы его слишком надолго от более важных целей, которые он преследовал, и поэтому он довольствовался этой демонстрацией подчинения, которая, по крайней мере, усилила и подтвердила страх, внушаемый его именем, и присоединил Пафлагонию к сатрапии Каласа. Продвигаясь через Каппадокию к перевалам Тавра, он не встретил никакого сопротивления, и его власть была по крайней мере номинально признана на большом расстоянии за Халисом, так что он мог назначить сатрапа Каппадокии. По дороге он получил известие из Тарса, что сатрап Арсам, узнав о том, что он прошел через Ворота, собирался покинуть город, который сначала намеревался защищать, и, как опасались, перед отъездом ограбил бы его. Тогда Александр с полной скоростью двинулся на Тарс со своей кавалерией и самой легкой частью пехоты, и Арсам, каковы бы ни были его намерения, бежал, оставив город невредимым, чтобы присоединиться к армии Дария.

Александр, прибыв в Тарс, пока его кровь еще бурлила от этих необычайных усилий, поддался искушению окунуться в чистые и прозрачные воды реки Кидн, протекавшей через город. Эта неосторожность, как полагали все, стала причиной лихорадки, которая охватила его сразу же после этого и которая вскоре стала настолько опасной по своим симптомам, что большинство его врачей отчаялись спасти ему жизнь. Однако один из них, акарнанец по имени Филипп, пользовавшийся его большим доверием, взялся приготовить лекарство, которое облегчило бы его состояние. Тем временем королю принесли письмо от Пармениона, в котором он сообщал о слухах, что Филипп был подкуплен Дарием, чтобы отравить его. Говорят, что Александр держал письмо в руке, когда врач вошел с зельем, и, дав его ему, выпил, пока читал — театральная сцена, как без подозрений замечает Плутарх, но такая, которая не была бы придумана, если бы не такой характер, и которую Ариан поэтому был вынужден, хотя и с сомнением, записать. Лекарство или превосходная конституция Александра взяли верх над болезнью, но прошло много времени, прежде чем он восстановил достаточно сил, чтобы возобновить поход.

Тем временем он послал Пармениона с примерно третьей армии, чтобы тот занял ближайший из морских проходов, ведущих из Киликии в Сирию. Сам он, когда достаточно поправился, продвинулся на запад с остальными силами к Анхиалу, где он увидел статую его предполагаемого основателя Сарданапала, сладострастного царя, который так отличался от него в своих взглядах на ценность и смысл жизни, о чем свидетельствовали ассирийская надпись на его памятнике и сама фигура. В Соли, куда он прибыл следующим, он обнаружил сильную склонность к персидским интересам, что побудило его разместить там гарнизон и дало ему весомый повод для требования взноса в размере двухсот талантов. Однако, похоже, что только олигархическая партия поддерживала персов, и, возможно, штраф был наложен только на них, поскольку он установил демократическое правительство, и гарнизон, возможно, был необходим для его безопасности. Прежде чем

вернуться в Тарс, он с частью своих войск вторгся в горы суровой Киликии и за семь дней силой или устрашением подчинил ее диких жителей. По возвращении в Соли он получил приятную весть о том, что Оронтобат был разгромлен в тяжелом сражении Птолемеем и Асандером и что цитадель Галикарнаса и другие места, которые он удерживал на побережье Карии, пали.

Дарий ранее понес гораздо большую утрату в связи со смертью Мемнона, который скончался от внезапной болезни во время осады Митилены, которую он, после того как с помощью вероломства захватил Хиос и остальную часть Лесбоса, плотно окружил с моря и суши. Александр, прежде чем покинуть Соли, отпраздновал победу своих полководцев и в то же время выразил свою благодарность за собственное выздоровление торжественной жертвоприношением Эскулапу, сопровождавшимся военным шествием, факельным бегом, музыкальными и гимнастическими состязаниями.

Затем он вернулся в Тарс и, отправив Филота с основной частью кавалерии через Алейскую равнину, сам взял более окольный путь вдоль побережья через Магарс в Маллус, город, который считал своим основателем аргосского героя Амфилоха. На этом основании, как потомок Гераклидов из Аргоса, он устранил внутренние беспорядки в городе и освободил его от дани, которую он платил персидскому правительству. В Малле он впервые услышал о приближении великой персидской армии, которой лично командовал Дарий.^b

ДАРИЙ СОБИРАЕТ НОВУЮ АРМИЮ

Если Александр выиграл от смерти выдающегося родосца [Мемнона] в плане своих собственных операций, то он выиграл еще больше от изменения политики, к которому это событие побудило Дария. Персидский царь решил отказаться от оборонительных планов Мемнона и перейти в наступление на македонян на суше. Его войска, уже созданные из разных частей империи, частично прибыли и продолжали прибывать. Их число становилось все больше и больше, в конце концов превратившись в огромную и многочисленную армию, общая численность которой, по некоторым данным, составляла шестьсот тысяч человек, а по другим — четыреста тысяч пехотинцев и сто тысяч всадников.

ФРИГИЙСКОЕ ОРУЖИЕ И ШЛЕМ

Зрелище этой эффектной и внушительной массы, с разнообразным оружием, одеждой и языками, наполнило Дария уверенностью, тем более что среди них было от двадцати до тридцати тысяч греческих наемников ( ). Персидские придворные, сами воодушевленные и

оптимистичные, подстегнули и усилили то же чувство у самого царя, который укрепился в своем убеждении, что его враги никогда не смогут ему противостоять.

Контингенты из Согдианы, Бактрии и Индии еще не успели прибыть, но большинство из тех, кто находился между Персидским заливом и Каспийским морем, уже прибыли — персы, мидийцы, армяне, дербики, барканцы, гирканы, кардаки и т. д.; все они, собравшись на равнинах Месопотамии, были, как говорят, пересчитаны, подобно войскам Ксеркса на равнине Дориска, путем ограждения пространства, способного вместить ровно десять тысяч человек, и последовательного прохождения через него всех солдат. Ни сам Дарий, ни кто-либо из его окружения никогда раньше не видели столь впечатляющего проявления персидской имперской мощи. Для восточного глаза, неспособного оценить реальные условия военного превосходства, привыкшего только к грубому и видимому подсчету численности и физической силы, царь, шедший во главе такой армии, казался богом на земле, который непременно сокрушит всех на своем пути, как большинство греков считали Ксеркса, и, по еще более веской причине, как Ксеркс считал себя самого полтора века назад. Поскольку все это оказалось роковой ошибкой, описание чувств, данное Куртием и Диодором, часто считается беспочвенной риторикой. Однако на самом деле это самонавязанная иллюзия необразованных людей, противоположная обученному и научному суждению.

Но хотя таково было убеждение восточных народов, оно не нашло отклика в сердце умного афинянина. Среди греков, находившихся в то время рядом с Дарием, был афинский изгнанник Харидем, который, навлекший на себя непримиримую вражду Александра, был вынужден покинуть Афины после македонского захвата Фив и бежал вместе с Эфиальтом к персам. Дарий, воодушевленный кажущейся всемогуществом своей армии, проходящей перед ним парадом, и слыша только один голос преданного согласия от окружающих его придворных, спросил мнение Харидема, полностью ожидая получить утвердительный ответ. Надежды Харидема были настолько связаны с успехом Дария, что он не стал скрывать своих убеждений, какими бы неприятными они ни были, в момент, когда еще была вероятность, что они могут оказаться полезными. Он ответил (с той же откровенностью, с которой когда-то Демарат обращался к Ксерксу), что огромное множество людей, стоящих перед ним, неспособно справиться с относительно небольшим числом захватчиков. Он посоветовал Дарию не полагаться на азиатов, а использовать свои огромные сокровища для субсидирования увеличенной армии греческих наемников. Он предложил свои искренние услуги в качестве помощника или командира. Для Дария его слова были одновременно удивительными и оскорбительными; у персидских придворных они вызвали нетерпимый гнев. Опьяненные зрелищем своей огромной армии, они сочли оскорблением и абсурдом утверждение о том, что азиаты бесполезны по сравнению с македонянами, и попытку убедить царя, что его империю могут защитить только греки. Они обвинили Харидема в измене, желая завоевать доверие царя, чтобы предать его Александру. Сам Дарий, уязвленный ответом и еще более разгневанный криками своих придворных, собственными руками схватил пояс Харидема и передал его стражникам для казни. «Вы слишком поздно поймете, — воскликнул афинянин, — правдивость моих слов. Мой мститель скоро настигнет вас».

Наполненный теперь уверенностью в успехе и славе, Дарий решил лично взять на себя командование своей армией и выступить в поход, чтобы сокрушить Александра. С этого момента его сухопутная армия стала действительно важной и агрессивной силой, с которой он сам должен был действовать. Здесь мы отмечаем его явное отступление от планов Мемнона — поворотный момент в его будущей судьбе. Он отказался от них именно в тот

момент, когда они могли быть наиболее безопасно и полностью осуществлены. В первую очередь, была линия Таврских гор, преграждавшая Александру вход в Киликию; линия обороны, практически неприступная. Во-вторых, даже если бы Александру удалось прорвать эту линию и захватить Киликию, оставалась бы узкая дорога между горой Аманус и морем, называемая Аманскими воротами, а также воротами Киликии и Ассирии — и после этого перевалы через саму гору Аманус — все они были необходимы Александру для прохода и могли быть удержаны, при принятии надлежащих мер предосторожности, даже против самой сильной атакующей армии. Лучшей возможности для осуществления оборонной части плана Мемнона не могло быть, и он сам, несомненно, рассчитывал, что такие преимущества не будут упущены.

Важное изменение в политике персидского царя проявилось в приказе, который он послал флоту после получения известия о смерти Мемнона. Подтвердив назначение Фарнабаза (временно сделанное умирающим Мемноном) адмиралом, он одновременно отправил Тимода (сына Ментора и племянника Мемнона) забирать с флота греческих наемников, служивших на борту, для включения их в основную персидскую армию. Это было явным доказательством того, что отныне основной упор в наступательных операциях будет перенесен с моря на сушу.

Тем более важно отметить такой отход от политики со стороны Дария как критический поворотный момент в греко-персидской драме, поскольку Арриан и другие историки упускают его из виду и представляют нам лишь второстепенные моменты этого дела. Так, например, они осуждают неосторожность Дария, который решил сразиться с Александром в узком пространстве возле Исса, вместо того чтобы дожидаться его на просторных равнинах за горой Аманус. Бесспорно, если допустить, что общее сражение было неизбежно, этот шаг увеличил шансы македонян. Но это был шаг, который не имел никаких существенных последствий, поскольку персидская армия под командованием Дария была едва ли менее пригодна для сражения на открытой равнине, как впоследствии доказала битва при Арбеле. Настоящая неосторожность — пренебрежение предупреждением Мемнона — заключалась в том, что он вообще вступил в сражение. Горы и ущелья были настоящей силой персов, которые должны были удерживать их как оборонительные позиции против захватчика.

ДАРИЙ В ИССЕ

Дарий вывел из внутренних районов свою огромную и разнородную армию, численность которой, по некоторым данным, составляла шестьсот тысяч человек. Его мать, жена, гарем, дети, личные слуги всех мастей сопровождали его, чтобы стать свидетелями того, что, как ожидалось, должно было стать несомненной победой. Для царя и его персидских вельмож было предусмотрено все необходимое для демонстрации роскоши и великолепия. Багаж был огромным: только золота и серебра, как нам говорят, было достаточно, чтобы загрузить шестьсот мулов и триста верблюдов. Над Евфратом был построен временный мост, и для переправы всей армии потребовалось пять дней. Однако большая часть сокровищ и багажа не была допущена в сопровождении армии до окрестностей горы Аманус, а была отправлена под охраной в Дамаск в Сирии.

Во главе такой подавляющей армии Дарий был готов немедленно вступить в общее сражение. Ему было недостаточно просто сдерживать врага, которого, как он рассчитывал, он полностью сокрушит, как только тот появится перед ним. Соответственно, он не отдал приказа (как мы только что видели) защищать линию Таврских гор; он без сопротивления пропустил Александра в Киликию и намеревался позволить ему таким же образом пройти через остальные крепкие перевалы — сначала через Ворота Киликии и Сирии между горой Аманус и морем, а затем через перевал, ныне называемый Бейлан, через саму гору Аманус.

Он ожидал и желал, чтобы его враг вышел на равнину, чтобы сразиться, где он был бы раздавлен бесчисленными всадниками Персии.

Но такие ожидания не сразу оправдались. Движения Александра, до сих пор столь быстрые и неустанные, казалось, приостановились. Мы уже упоминали об опасной лихорадке, угрожавшей его жизни, которая вызвала не только длительную остановку, но и большое беспокойство среди македонской армии. Все это, несомненно, было донесено персам с большим преувеличением; и когда Александр, сразу после выздоровления, вместо того, чтобы продвигаться вперед, отвернулся от них, чтобы подчинить западную часть Киликии, Дарий снова истолковал это как доказательство колебаний и страха. Утверждается даже, что Парменион хотел дожидаться нападения персов в Киликии, и что Александр сначала согласился на это. В любом случае, Дарий, после некоторого промежутка времени, пришел к убеждению и получил заверения от своих азиатских советников и придворных, что македоняне, хотя и смелые и торжествующие над пограничными сатрапами, теперь отступают, запуганные приближающимся величием и полной мобилизацией империи, и что они не будут сопротивляться его нападению. Под этим впечатлением Дарий решил продвинуться в Киликию со всей своей армией.

Тимод и другие греческие советники, а также македонский изгнанник Аминтас, осудили его новое решение и умоляли его не отступать от первоначального замысла. Они уверяли, что Александр выступит против него, где бы он ни находился, и притом очень скоро. Они настаивали на неосмотрительности сражения в узких ущельях Киликии, где его численное превосходство, и особенно его огромная кавалерия, будут бесполезны. Однако их совет не только был проигнорирован Дарием, но и осужден персидскими советниками как предательский. Даже некоторые греки в лагере разделяли слепую уверенность монарха и передавали ее в своих письмах в Афины. Был немедленно отдан приказ всей армии покинуть равнины Сирии и перейти через гору Аманус в Киликию. Переход через такой хребет, как гора Аманус, с многочисленной армией, тяжелым багажом и пышной свитой (включая всю необходимую королевской семье свиту) должен был занять немало времени; а единственные два перевала через эту гору были узкими и легко защищаемыми. Дарий выбрал самый северный из них, который привел его в тыл врага.

Таким образом, в то время как македонцы шли на юг, чтобы пересечь гору Аманус по южному перевалу и атаковать Дария на равнине, Дарий переходил в Киликию по северному перевалу, чтобы оттеснить их обратно в Македонию. Добравшись до Исса, по-видимому, примерно через два дня после того, как они покинули его, он стал хозяином их больных и раненых, оставленных в городе. С отвратительной жестокостью его вельможи подтолкнули его к тому, чтобы нанести этим бедным людям либо смерть, либо ампутацию рук и ног. Затем он двинулся вперед по той же дороге вдоль берега залива, по которой уже прошел Александр, и разбил лагерь на берегу реки Пинар.

Беглецы из Исса поспешили сообщить об этом Александру, которого они догнали в Мириандре. Он был настолько удивлен, что отказался верить этой новости, пока она не была подтверждена несколькими офицерами, которых он послал на север вдоль побережья залива на небольшой галере и которым было хорошо видно огромное персидское войско на берегу. Затем, собрав главных офицеров, он сообщил им о приближении врага, рассуждая о благоприятных предзнаменованиях, при которых теперь состоится сражение. Его речь была встречена овациями слушателей, которые требовали только одного — вести их на врага.

ПОДГОТОВКА К СРАЖЕНИЮ

Расстояние до позиций персов составляло примерно 18 миль. После ужина он отправился в поход и к полуночи достиг узкого ущелья (между горой Аманус и морем), называемого

Вратами Киликии и Сирии, через которое он прошел двумя днями ранее. Вновь овладев этой важной позицией, он отдохнул там последнюю часть ночи и на рассвете двинулся на север, к Дарию. Приблизившись к реке Пинару (которая протекала через перевал), он принял боевой порядок. Крайне справа он разместил гипаспистов, или легкую дивизию гоплитов; далее (справа налево) пять таксей, или дивизий фаланги, под командованием Коэна, Пердика, Мелеагра, Птолемея и Аминта. Ширина равнины между горами справа и морем слева, по некоторым данным, составляла не более четырнадцати стадий, или чуть больше полутора английских миль. Опасаясь, что превосходящие силы персов обойдут его с флангов, он дал строгий приказ Пармениону держаться ближе к морю. Его македонская кавалерия, соратники, вместе с фессалийцами были размещены на его правом фланге, как и агрианцы и основная часть легкой пехоты. Пелопоннесская и союзная кавалерия, а также фракийская и критская легкая пехота были отправлены на левый фланг к Пармениону.

Дарий, узнав о приближении Александра, решил сражаться там, где он расположился лагерем, за рекой Пинар. Однако он переправил через реку тридцать тысяч всадников и двадцать тысяч пехотинцев, чтобы обеспечить беспрепятственное формирование своих основных сил за рекой. Он сформировал свою фалангу, или основную линию сражения, из девяноста тысяч гоплитов: тридцать тысяч греческих гоплитов в центре и тридцать тысяч азиатов, вооруженных как гоплиты (называемых кардаками), по обе стороны от этих греков. Эти люди, не распределенные по отдельным подразделениям, а сгруппированные в одно целое или множество, заполняли пространство между горами и морем. На горах слева от него он разместил отряд из двадцати тысяч человек, предназначенный для действий против правого фланга и тыла Александра. Но из-за огромной численности своего обширного войска он не мог найти места для действий; соответственно, они оставались бесполезными в тылу его греческих и азиатских гоплитов; при этом они не были сформированы в какой-либо резервный отряд и не были готовы к оказанию помощи в случае необходимости. Когда его линия была полностью сформирована, он отозвал на правый берег Пинара тридцать тысяч всадников и двадцать тысяч пехотинцев, которых он послал в качестве защитных сил. Часть этой кавалерии была отправлена на крайнее левое крыло, но горная местность оказалась непригодной для действий, поэтому они были вынуждены перейти на правое крыло, где, соответственно, собралась большая часть персидской кавалерии. Сам Дарий в своей колеснице находился в центре линии, позади греческих гоплитов. Перед всей его линией протекала река или ручей Пинар, берега которой во многих местах были естественно крутыми, а в некоторых местах он заградил их насыпями.

БИТВА ПРИ ИССЕ

Как только Александр, благодаря отступлению персидского прикрывающего отряда, смог увидеть окончательные расположения Дария, он внес некоторые изменения в свои собственные, переместив свою фессалийскую кавалерию с правого фланга на левый и выдвинув копейщиков-всадников, или сариссофоров, а также легкую пехоту, пеонийцев и лучников на правый фланг. Агрианы вместе с частью кавалерии и еще одним отрядом лучников были выделены из общей линии, чтобы сформировать косою фронт против двадцати тысяч персов, размещенных на холме, чтобы обойти его с фланга. Когда эти двадцать тысяч человек подошли достаточно близко, чтобы угрожать его флангу, Александр приказал агрианам атаковать их и оттеснить дальше на холмы.

Сформировав таким образом свое войско, он дал войскам небольшую передышку после марша и двинулся вперед очень медленно, стремясь сохранить ровность своего фронта и

предполагая, что враг может перейти Пинар, чтобы встретить его. Но поскольку они не двигались, он продолжил свое продвижение, сохраняя равномерность фронта, пока не подошел на расстояние выстрела из лука, когда он сам, во главе своей кавалерии, гипаспистов и подразделений фаланги справа, ускорил шаг, быстро перешел реку и напал на кардаков или азиатских гоплитов на левом фланге персов. Неподготовленные к внезапности и ярости этой атаки, кардаки едва сопротивлялись мгновение, но, как только вступили в ближний бой, отступили и бежали, под сильным натиском македонского правого фланга. Дарий, который находился в своей колеснице в центре, понял, что это непредвиденное дезертирство подвергло его опасности с левого фланга. Охваченный паникой, он приказал развернуть свою колесницу и бежал со всей скоростью среди первых беглецов. Он оставался в колеснице, пока позволяла местность, но, достигнув каких-то изрезанных ущелий, покинул ее и сел на лошадь, чтобы обеспечить себе побег; он был настолько напуган, что бросил свой лук, щит и царский плащ. Похоже, он не отдал ни одного приказа и не предпринял ни малейшей попытки исправить первую неудачу. Бегство царя стало сигналом для всех, кто его наблюдал, тоже бежать; так что огромное войско в тылу быстро стало топтать друг друга в попытках пробраться через труднопроходимую местность, чтобы уйти от врага. Дарий сам был не только центром объединения всех разнородных контингентов, составлявших армию, но и единственным полководцем; так что после его бегства не осталось никого, кто мог бы отдать общий приказ.

ФРИГИЙСКОЕ ОРУЖИЕ И ШЛЕМ

Эта великая битва — или, скорее, та, которая должна была стать великой битвой — была таким образом проиграна из-за отступления азиатских гоплитов на левом фланге персов и немедленного бегства Дария через несколько минут после ее начала. Но центр и правый фланг персов, еще не осведомленные об этих несчастьях, вели себя доблестно. Когда Александр совершил свой быстрый рывок вперед с правым флангом, находившимся под его непосредственным командованием, фаланга в левом центре (которая находилась под командованием Кратара и Парменона) либо не получила того же приказа об ускорении, либо оказалась задержанной и дезорганизованной из-за большей крутизны берегов Пинара. Здесь она подверглась атаке греческих наемников, лучших войск на службе у персов. Бой был упорным, и потери македонцев были немалыми; был убит генерал дивизии Птолемей, сын Селевка, вместе со 120 лучшими воинами или избранными фалангитами. Но вскоре Александр, завершив разгром левого фланга врага, вернул свои победоносные войска из преследования ( ), атаковал греческих наемников с фланга и обеспечил своим врагам решающее превосходство. Эти греческие наемники были разбиты и вынуждены отступить.

Узнав, что сам Дарий бежал, они покинули поле боя, как могли, но, по-видимому, в хорошем порядке. Есть даже основания полагать, что часть из них пробилась в горы или через македонскую линию и бежала на юг.

Тем временем на правом фланге персов, ближе к морю, тяжеловооруженная персидская кавалерия проявила большую храбрость. Они были достаточно смелы, чтобы пересечь Пинар и энергично атаковать фессалийцев, с которыми они вели ожесточенную борьбу, пока не распространилась весть о том, что Дарий исчез и что левый фланг армии разгромлен. Тогда они повернули спиной и бежали, понеся ужасные потери от своих врагов во время отступления.

Когда разгром персов был завершен, Александр начал энергичное преследование. Уничтожение и убийство беглецов были огромными. На такой небольшой площади проходимой местности, иногда сужающейся до ущелья и пересекаемой частыми водотоками, их огромное количество не находило места и топтало друг друга. Столько же погибло таким образом, сколько от меча завоевателей; настолько, что Птолемей (впоследствии царь Египта, спутник и историк Александра) рассказывает, что он сам во время преследования подошел к ущелью, заваленному трупами, из которых он сделал мост, чтобы перейти через него. Преследование продолжалось до тех пор, пока позволял свет ноябрьского дня, но сражение началось только в поздний час. Лагерь Дария был захвачен вместе с его матерью, женой, сестрой, младенцем-сыном и двумя дочерьми. Его колесница, щит и лук также попали в руки завоевателей; было найдено три тысячи талантов [600 000 фунтов стерлингов или 3 000 000 долларов] денег, хотя большая часть сокровищ была отправлена в Дамаск. Общие потери персов, по некоторым данным, составили десять тысяч всадников и сто тысяч пехотинцев; среди убитых были несколько видных персидских вельмож: Арсам, Реомитр и Атиз, командовавшие на Гранике, а также Сабак, сатрап Египта. Со стороны македонцев, по имеющимся данным, было убито 300 пехотинцев и 150 всадников. Сам Александр был слегка ранен мечом в бедро.

Бегство Дария

Когда Александр вернулся ночью с преследования, он обнаружил, что для него была приготовлена персидская царская палатка. В ее внутренней части он слышал рыдания и плач женщин. Ему сообщили, что скорбящие были мать и жена Дария, которые узнали, что лук и щит Дария были захвачены, и давали волю своему горю, полагая, что сам Дарий был убит. Александр немедленно послал Леонната, чтобы заверить их, что Дарий все еще жив, и пообещать, что им будет позволено сохранить царский титул и государство, поскольку его война с Дарием была предпринята не из чувства ненависти, а как справедливое состязание за власть над Азией ( ). Помимо этого анекдота, который основан на достоверных источниках, было рассказано много других, не подтвержденных или неправдивых, о его добром отношении к этим принцессам; и сам Александр, вскоре после битвы, по-видимому, слышал выдумки об этом, которые он считал своим долгом опровергнуть в письме. Из сохранившегося отрывка этого письма ясно, что он никогда не видел и даже не думал увидеть пленную жену Дария, которую называли самой красивой женщиной Азии; более того, он даже отказывался слушать похвалы ее красоте.

Как огромное множество беженцев выбралось из узких пределов Киликии, или сколько из них покинули эту страну через тот же перевал через гору Аманус, через который они в нее вошли, — мы не можем понять. Вероятно, что многие, в том числе и сам Дарий, бежали через горы по различным второстепенным дорогам и тропам; которые, хотя и не подходили для регулярной армии с обозом, были удобным средством спасения для разрозненных отрядов. Дарий сумел собрать четыре тысячи беглецов, с которыми он поспешил в Тапсак, и там

переправился через Евфрат. Единственные остатки войска, все еще находившиеся в оборонительном положении после сражения, состояли из восьми тысяч греческих наемников под командованием Аминтаса и Тимодеса. Эти люди, пробиваясь из Киликии (по-видимому, на юг, через Мириандр или вблизи него), маршировали к Триполису на побережье Финикии, где они все еще находили те же корабли, на которых их привезли из Лесбоса. Захватив достаточное количество транспортных средств и уничтожив остальные, чтобы предотвратить преследование, они немедленно переправились на Кипр, а оттуда в Египет.

За этим исключением, огромное персидское войско исчезает после битвы при Иссе. Мы не слышим ни о попытках собраться или перегруппироваться, ни о каких-либо новых персидских силах, пока не прошло два года. Добыча, захваченная победителями, была огромна, не только в виде золота и серебра, но и в виде пленников для работорговцев. На следующий день после битвы Александр принес торжественную жертву благодарения, воздвигнув три алтаря на берегу Пинара, а также похоронил погибших, утешил раненых и наградил или поблагодарил всех, кто отличился в сражении.

Ни одна из побед, зафиксированных в истории, не была столь полной сама по себе и столь далекоидущей по своим последствиям, как победа при Иссе. Не только персидские войска были уничтожены или рассеяны, но и попытки Дария восстановить свою власть были парализованы пленением его семьи. Части рассеянной армии Исса можно проследить, появляющиеся в разных местах для проведения отдельных операций, но в течение почти двух лет мы не найдем дальнейшего сопротивления Александру, за исключением отважных свободных людей из двух укрепленных городов. Везде распространялось всепоглощающее чувство восхищения и ужаса перед силой, мастерством или удачей Александра, как бы это ни называли, наряду с презрением к реальной ценности персидской армии, несмотря на всю ее внушительную пышность и численное превосходство; презрение, которое не было новым для умных греков, но теперь передалось даже вульгарным умам в результате недавней беспрецедентной катастрофы.

Как полководец и как солдат, Александр действительно отличался выдающимся мастерством, не уступая Дарию в его явных недостатках. Ошибка последнего заключалась в том, что он вел сражение не на открытой равнине, а в узкой долине, в результате чего его численное превосходство оказалось бесполезным. Но это (как мы уже отмечали) было лишь одной из многих ошибок и отнюдь не самой серьезной. Результат был бы таким же, если бы сражение произошло на равнинах к востоку от горы Аманус. Превосходство в численности мало что дает на любой местности, если нет полководца, который умеет им воспользоваться; если войска не распределены по отдельным подразделениям, готовым объединиться для наступательных действий сразу по нескольким направлениям или, по крайней мере, оказать друг другу поддержку в обороне, чтобы поражение одной части не означало поражение всего войска. Вера Дария в простое численное превосходство была совершенно слепа и наивна; более того, эта вера, хотя и была чрезмерной изначально, исчезла сразу, когда он обнаружил, что его враги не бежали, а смело противостояли ему — как видно из его поведения на берегах Пинара, где он остался, чтобы подвергнуться нападению, вместо того чтобы выполнить свою угрозу раздавить горстку противников. Но Дарий поступил таким образом, который привел к неминуемому поражению в битве, не только как полководец. Даже если бы его распоряжения были самыми умелыми, его личная трусость, проявившаяся в том, что он покинул поле боя и думал только о своей безопасности, была бы достаточной, чтобы свести их эффект на нет. Хотя персидские вельможи обычно отличаются личной храбростью, мы увидим, что Дарий впоследствии снова проявит такую же печальную робость и такую же неспособность эффективно

использовать численное превосходство в битве при Арбеле, хотя она и велась на просторной равнине, выбранной им самим.

ОТ ИССА ДО ТИРА

Как хорошо, что Мемнон не дожидаясь отказа от своих планов и последовавшего за этим краха! Флот в Эгейском море, который после его смерти перешел к Фарнабазу, хотя и был ослаблен потерей наемников, которых Дарий отозвал в Иссе, и обескуражен серьезным поражением, которое перс Оронтобат потерпел от македонцев в Кари, тем не менее не бездействовал, пытаясь организовать антимакедонскую демонстрацию в Греции. Когда Фарнабаз находился на острове Сифнос со своими ста триерами, его посетил лакедемонийский царь Агис, который настоятельно просил его отправить на Пелопоннес как можно больше войск, чтобы поддержать движение, запланированное спартанцами. Но такие агрессивные планы были сразу же сорваны ужасающей новостью о битве при Иссе. Опасаясь восстания на острове Хиос в результате этой новости, Фарнабаз немедленно отплыл туда с большим отрядом. Агис, получив лишь субсидию в тридцать талантов и эскадру из десяти триер, был вынужден отказаться от своих планов на Пелопоннесе и довольствоваться руководством некоторыми операциями на Крите, которые должен был проводить его брат Агесилай, а сам он остался на островах и в конце концов сопровождал перса Автофрадата в Галикарнас. Однако, по-видимому, он впоследствии отправился вести операции на Крите и добился значительного успеха на этом острове, приведя несколько критских городов на сторону персов.⁴

Добыча Дамаска не была самым важным преимуществом, которое Александр извлек из битвы при Иссе. Она предотвратила опасность, которая, несмотря на смерть Мемнона, продолжала вызывать у него большую тревогу, поскольку ему по-прежнему угрожала опасность с тыла — всеобщее восстание греков и вторжение в Македонию, — которое могло прервать, а то и вовсе сорвать его предприятие.

Таким образом, Александру на данный момент нечего было больше бояться с этой стороны. Но тем не менее его главной задачей оставалось предотвратить повторение этой опасности и лишить персидское правительство всех средств для оказания помощи грекам в их попытках восстановить независимость. Он понимал, что, если он однажды станет хозяином Финикии и Египта, персы лишатся лучшей части своих галер, которые поставлялись финикийскими городами, и не смогут восполнить эту потерю. Тогда его власть будет неоспоримой во всех провинциях империи к западу от Евфрата.

Дарий продолжал бегство без остановки, пока не пересек реку в Тапсаке, куда он прибыл с примерно четырьмя тысячами беженцев, которые постепенно присоединились к его отряду; и только тогда он впервые почувствовал, что находится вне непосредственной опасности. Аминтас [греческий наемный полководец, бежавший из Исса], по-видимому, замыслил смелый план стать властелином Египта. Сабак, сатрап Египта, пал в сражении, и Аминтас, притворившись, что он имеет поручение от Дария, получил доступ в Пелузий. Затем он снял маску и, призвав египтян сбросить ненавистное иго Персии, двинулся на Мемфис. Мазак, персидский командующий Мемфисом, был разгромлен и вынужден укрыться за стенами города. Но победители подверглись неожиданной атаке Мазака, и Аминтас был убит вместе почти со всеми своими людьми.

Дарий действительно сохранил большую часть своей империи и по-прежнему распоряжался ею. Войска восточных сатрапий, в том числе некоторые из самых воинственных в его владениях, уже были призваны под королевский штандарт; и он мог рассчитывать, что через несколько месяцев окажется во главе еще более многочисленного войска, чем то, которым он командовал при Иссе. Возможно, отчасти с целью выиграть

время, как только он достиг безопасного места, он начал прощупывать настроение Александра, предлагая ему переговоры. Он послал к Александру двух послов. Он принял тон упрека, как человек, подвергшийся неспровоцированной агрессии. Теперь, в результате войны, он был вынужден высказать просьбу, однако такую, какую один царь мог бы обратиться к другому, — чтобы Александр вернул ему его мать, жену и детей. Сам он был готов стать другом и союзником Александра и просил того послать с двумя персидскими послами своих министров для переговоров с ним.

Персидские послы получили указание устно настоятельно выдвинуть просьбу, содержащуюся в письме их господина. Александр отправил с ними Терсиппа с письмом к Дарию, но с приказом воздерживаться от устных переговоров по этому вопросу. Письмо было своего рода манифестом, в котором он оправдывал справедливость своих действий различными доводами, по крайней мере, столь же весомыми, как те, которые обычно могут найти сильные, чтобы напасть на слабых. Он начал, как волк в басне. Предки Дария вторглись в Македонию и Грецию, и он был назначен греками их полководцем и пришел в Азию, чтобы отомстить за их и свои обиды. Ох был оказал помощь Перинфу и фракийцам против Филиппа. Именно благодаря интригам персидского двора Филипп был убит, и его смерть стала предметом хвастливого ликования в публичных письмах. Сам Дарий был соучастником Багоаса в убийстве Арсеса и узурпировал престол Персии: он пытался поднять греков на войну против Македонии и предлагал субсидии Спарте и другим государствам, которые, впрочем, были приняты только Спартой; но его агенты успешно подкупили многих частных лиц и неустанно трудились, чтобы нарушить спокойствие в Греции. Поэтому его вторжение было предпринято по справедливым причинам. Но поскольку боги увенчали его оружие победой, никто из тех, кто доверился его милосердию, не нашел повода сожалеть о своем выборе. Поэтому он пригласил самого Дария прийти к нему, как к повелителю Азии. Он мог заранее получить гарантии своей личной безопасности, а затем с уверенностью попросить о своей матери, жене и детях, а также о всем, что он мог пожелать. В будущем он должен обращаться к Александру как к царю Азии, не как к равном, а как к подданному, иначе он должен быть готов к тому, что с ним будут обращаться как с врагом. Если же он оспаривает его право на власть, пусть ждет его прихода и попробует сразиться в новом поединке. Он может быть уверен, что Александр найдет его, где бы он ни был.

На пути в Финикию Александра встретил Стратон, сын царя Арада Герострата, чья территория включала Мараф и несколько других городов на побережье. Сам Герострат, вместе со всеми другими финикийскими и кипрскими князьями, служил в персидском флоте под командованием Автофрадата. Тем не менее Стратон принес завоевателю золотую корону и сдал ему все города, находившиеся во владениях его отца. Когда он вышел из Марафа, ему капитулировал Библ, а Сидон, где каждое сердце горело ненавистью к Персии, приветствовал его как своего освободителя. Таким образом, он без сопротивления продвигался к Тиру. И даже из этого великого города он получил по дороге делегацию, состоящую из самых знатных граждан, среди которых был сын царя, принесшего золотую корону и подарок в виде провианта для армии, и объявившего, что тирийцы решили подчиниться всем его приказам.

ОСАДА ТИРА

[332 г. до н. э.]

Похоже, что язык, на котором было передано это сообщение, намекал на пределы того повиновения, на которое были готовы пойти тирийцы. Это не означало, что они должны были полностью отказаться от своей независимости. Александр, вероятно, понимал это, и

ничто не могло удовлетворить его, кроме абсолютного подчинения и полного владения таким важным местом. Но он отнесся к предложениям тирийцев так, как будто они были сделаны в том смысле, которого он требовал, и велел послам сообщить своим согражданам, что он намерен переправиться на их остров и принести жертву Мелькарту, финикийскому Гераклу, которого он считал тождественным герою Аргоса и Фив. Это был, пожалуй, наименее оскорбительный способ решить вопрос, и он заставил тирийцев высказать свое мнение более прямо. Теперь они сообщили ему, что во всех других вопросах они готовы подчиниться его желанию, но что они не допустят ни персов, ни македонцев в пределы своих стен; и они просили его совершить жертвоприношение, которое он желал принести, в Старом Тире, расположенном на побережье напротив их островного города, где у их бога было другое, и, вероятно, гораздо более древнее, святилище.

Александр с негодованием отпустил их послов и созвал совет своих офицеров, на котором объявил о своем намерении осадить Тир и объяснил причины, по которым это предприятие было необходимым, несмотря на всю его сложность. Он заметил, что вторжение в Египет будет небезопасным, пока персы владеют морем, и что продвижение вглубь страны против Дария, пока Тир остается нейтральным или колеблющимся, а Кипр и Египет находятся в руках врага, будет означать перенос войны в Грецию, где Спарта открыто враждебна, а Афины удерживаются от признания своей вражды только страхом. С другой стороны, покорение Тира привело бы к подчинению всей Финикии, а финикийский флот, являвшийся силой персидского военно-морского флота, вскоре перешел бы к той державе, которая владела городами, где он был оснащен и к которой принадлежали его экипажи. Кипр тогда быстро пал бы, и не осталось бы никаких препятствий для завоевания Египта. Тогда они могли бы отправиться на Вавилон, оставив все в безопасности на стороне Греции и с гордым сознанием того, что они уже отделили все провинции к западу от Евфрата от Персидской империи.

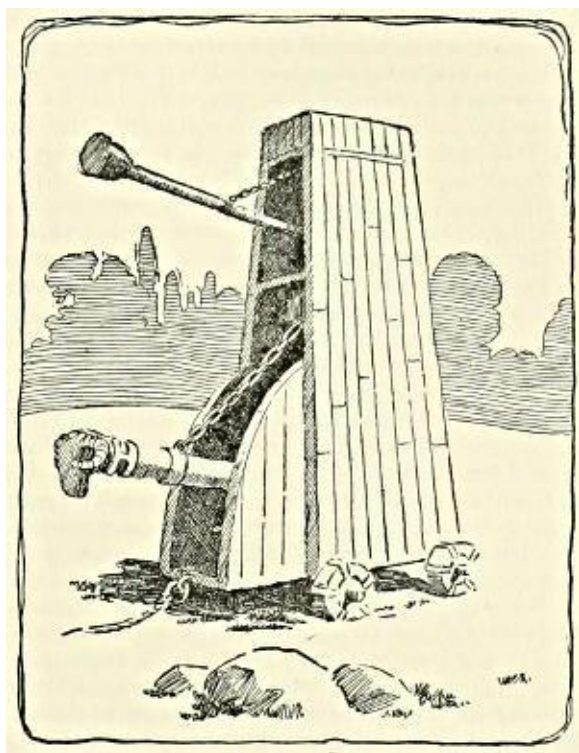
Мотивы, побудившие Александра начать осаду Тира, более очевидны, чем те, которые заставили тирийцев бросить вызов его власти после того, как так много других финикийских городов подчинились ему. Основная причина их поведения, по-видимому, заключалась скорее в коммерческом расчете целесообразности. Исход борьбы между Александром и Дарием был еще неопределенным; несмотря на свои прошлые успехи, македонский завоеватель мог встретить судьбу младшего Кира на каком-нибудь будущем поле битвы. В любом случае тирийцы верили, что их город будет неприступным, пока они будут иметь превосходство на море. Считалось необходимым, либо для того, чтобы удержать бога, либо для того, чтобы успокоить народное беспокойство, прибегнуть к средству, подобному тому, которое много лет назад было использовано эфесцами в аналогичной чрезвычайной ситуации — прикрепить статую Аполлона, который был объявлен другом Александра, золотой цепью к алтарю Мелькарфа. С другой стороны, Александр, по-видимому, счел разумным поднять боевой дух своих войск, заверив их в божественной помощи в предприятии, которое, казалось, превосходило человеческие возможности. Он тоже рассказал, что видел во сне Геракла, который взял его за руку и повел к стенам его города — знак, как истолковал это Аристандр, успеха, хотя и в геркулесовском труде.

Обычный завоеватель, возможно, сам нуждался в таких заверениях, чтобы воодушевиться, когда он собирался атаковать место, столь хорошо подготовленное к обороне, как Тир в то время, как с точки зрения природы, так и с точки зрения искусства. Остров, на котором стоял город, был отделен от материка каналом шириной в полмили, через который в штормовую погоду с большой силой прорывалось море. Этот пролив был действительно мелким со стороны финикийского побережья, но вблизи острова достигал глубины в три сажени. Стены, возвышавшиеся от края утесов, были высотой 150 футов со

стороны суши и состояли из огромных каменных блоков, скрепленных раствором. Город был хорошо снабжен продовольствием и военными запасами, имел множество обильных источников, был населен трудолюбивым и умным населением, опытным во всех искусствах морской войны, и обладал механиками и инженерами, по-видимому, не уступавшими тем, что можно было найти в македонском лагере. Хотя большая часть тирского флота отсутствовала, находясь на службе у персов, все еще оставалось достаточное количество военных галер и более мелких судов как для защиты гаваней — а их было две, одна на северной, другая на южной стороне острова — так и для нанесения ударов по врагу.

Александр не имел военно-морских сил, которые он мог бы немедленно противопоставить этому. Его план был скоро сформирован: он решил проложить дамбу через пролив и, когда она достигнет подножия стен, обстрелять их с нее из своих метательных машин. Настоящая трудность этого предприятия стала очевидной только тогда, когда дамба была проложена до середины пролива. Но по мере увеличения глубины, когда сама работа становилась все более трудоемкой и сложной, она оказалась в пределах досягаемости снарядов, выпущенных с вершины стен; а тирские галеры, заняв позиции на небольшом расстоянии, без перерыва беспокоили рабочих, которые не были вооружены, чтобы отражать эти атаки. Однако Александр приказал возвести две деревянные башни, чтобы укрыть рабочих и отразить нападающих.

Тирийцы теперь подготовили более грозный способ атаки. Лошадиный транспорт был заполнен сухими ветками и другими горючими материалами, на которые они вылили смолу и серу. В передней части было огорожено дополнительное пространство, чтобы сформировать огромную корзину для приема этих материалов, в середине которой были закреплены две мачты, на концах которых были установлены два котла, наполненные горючим жидкостью. Нос был поднят высоко над водой с помощью балласта, насыпанного у кормы. Осажденные, дождавшись благоприятного ветра, отбуксировали корабль за двумя галерами к молу, а когда он приблизился, подожгли его и, поддержанные ветром, направили его на конец мола между башнями. Пламя быстро охватило башни, но пожар не достиг полной силы, пока мачты не сломались и не вылили содержимое котлов на пылающий костер. Чтобы сделать его более эффективным, люди на борту галер с удобного расстояния обстреливали башни стрелами, чтобы сорвать любую попытку потушить огонь.

ГРЕЧЕСКИЙ ТАРАН

Из гаваней вышла стая лодок, заполненных людьми, которые вскоре разорвали колья и подожгли все машины, которые не были охвачены пламенем горящего корабля. Разрушение работы, которая стоила столько времени и труда, было завершено за несколько часов. Однако Александр не унывал; он отдал приказ начать строительство нового мола, более широкого, чтобы он мог вместить больше башен, и построить новые машины. Но когда он понял, что без военно-морских сил, способных противостоять тирийцам, он не сможет преодолеть трудности осады, он немедленно отправился в Сидон с отрядом легкой пехоты, чтобы собрать как можно больше галер.

Герострат, царь Арада, и Энилус из Библа, как только услышали, что он стал хозяином их городов, покинули персидский флот со своими эскадрами и частью сидонских галер, так что к Александру в Сидоне присоединились восемьдесят финикийских кораблей. Примерно в то же время прибыли десять кораблей из Родоса, столько же из Ликии, три из Соли и Маллуса, а также его собственный победоносный капитан Протеас из Македонии. Вскоре за ними последовали кипрские князья со 120 галерами. Теперь в его распоряжении было почти 250 кораблей. Пока флот проходил подготовку к морскому сражению, а машины были в процессе подготовки, он совершил экспедицию с несколькими эскадрами конницы и отрядом легкой пехоты ( ) в район Антилибануса, подчинил горцев и через одиннадцать дней вернулся в Сидон, где его ждало подкрепление в виде четырех тысяч греческих солдат, приведенных Клеандром из Пелопоннеса. Затем он отплыл в Тир в боевом порядке, сам, как и на берегу, командуя правым флангом, а Кратер — левым. Тирийцы, по-видимому, ожидали его приближения и были готовы встретить его; когда они увидели, сколько войск он привел с собой, они отказались от всяких попыток сопротивления и использовали свои галеры только для того, чтобы заблокировать устья своих гаваней. Когда Александр подошел, он обнаружил, что северная гавань слишком хорошо защищена, чтобы ее можно было атаковать, хотя он потопил три вражеских галеры, пришвартованные снаружи, и захватил одну, посвященную покровителю города. На следующий день он разместил киприотов под

командованием Андромаха у входа в эту гавань, а финикийцев — у другого входа, в том же квартале, где был разбит его собственный шатер.

Тем временем мол был восстановлен и активно продвигался вперед; из Финикии и Кипра было собрано большое количество механиков, которые построили множество двигателей, некоторые из которых были установлены на моле, другие — на транспортных судах и более тяжелых галерах. Сначала эти суда столкнулись с серьезным препятствием в виде слоя камней, которые осажденные вынесли в море с подножия утесов; попытки македонцев устранить это препятствие некоторое время срывались благодаря ловкости и смелости тирских водолазов, которые перерезали тросы кораблей, закрепленных для подъема камней. В конце концов тросы были заменены цепями, и проход был быстро очищен с помощью машин, которые поднимали камни со дна и бросали их в глубокую воду. Теперь стены подвергались нападению со всех сторон, и сражение становилось все более ожесточенным и напряженным, чем когда-либо. Осажденные пробовали все, что только могла подсказать им изобретательность, подстегнутая страхом, чтобы отразить эти атаки.

Особенно известным было одно из них, которое не менее достоверно, хотя авторы Арриана, похоже, промолчали об этом: изобретение щитов, наполненных раскаленным песком, который высыпался на нападающих и, проникая между их доспехами и кожей, причинял невыразимые мучения. Тем не менее, средства нападения продолжали превосходить средства защиты. Внутри стен начало распространяться уныние, и некоторые предложили возобновить ужасный обряд, который давно вышел из употребления — жертвоприношение мальчика из хорошей семьи Молоху. К чести тирского правительства, оно не поддалось ни этому кровавому суеверию, ни отчаянию; возможно, это была политика, направленная на то, чтобы подавить любые мысли о капитуляции, а не жестокость, которая побудила его казнить македонских пленников на вершине стен и бросить их тела в море на глазах у осаждающих, но оно направило энергию народа на более эффективные меры. Оно предприняло энергичную попытку заставить врасплох кипрский флот, стоявший у северной гавани, и почти добилось полной победы над ним; но Александр, своевременно получив известие о вылазке, незаметно обогнул город, переломил ход сражения и потопил или захватил большинство вражеских кораблей. Этот удар разбил все надежды на наступление; теперь безопасность города зависела главным образом от прочности его стен.

Даже эти стены, после нескольких безуспешных попыток в других местах, начали давать пробоины на южной стороне, и был открыт пролом, который Александр попытался использовать, но не нашел его сразу пригодным. Однако через три дня, когда штиль благоприятствовал приближению кораблей, он отдал приказ о всеобщем наступлении. Оно должно было быть проведено сразу со всех сторон, чтобы отвлечь внимание осажденных; в то же время флот должен был подплыть к обоим гаваням в надежде, что в суматохе он сможет прорваться в одну из них. Но главный удар должен был быть нанесен по брешу, которая уже была пробита. Сначала к ней подошли корабли, на которых были установлены метательные машины, и когда брешь была достаточно расширена, за ними последовали две галеры с десантными трапами и людьми, которые должны были взобраться на берег. Одной из них командовал Адмет, и она была заполнена войсками гвардии, а на другой сам Александр. Адмет и его люди первыми высадились на берег, воодушевленные непосредственным присутствием своего царя, который, после того как он немного задержался, чтобы понаблюдать и подбодрить своих воинов, сам взобрался на брешь.

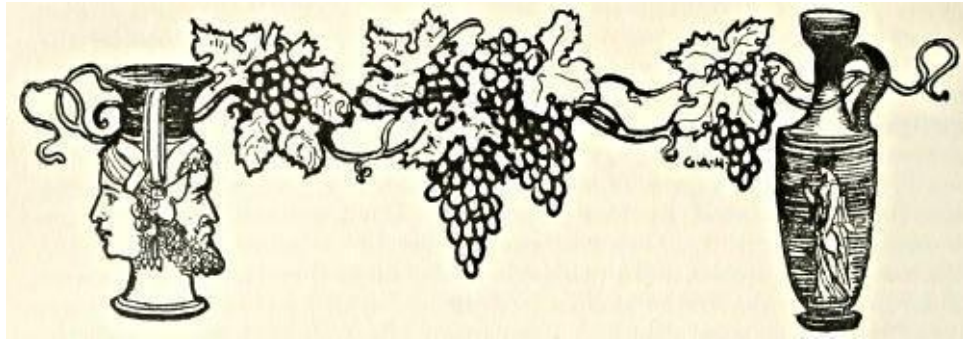
Как только македоняне закрепились, исход сражения не оставался сомнительным. Адмет, который шел впереди, был убит, но Александр вскоре овладел двумя башнями и промежуточной завесой, через которую войска с другого корабля хлынули вслед за ним, а затем продвинулся вдоль стен к царскому дворцу ( ), который стоял на самой высокой точке, чтобы с него было легче спуститься в центр города. Тирийцы, увидев, что стена взята, покинули свои укрепления и собрали свои силы на одной из площадей, где они доблестно противостояли нападавшим. Но тем временем обе гавани были взяты, их корабли потоплены или выброшены на берег, и осаждающие высадились, чтобы присоединиться к своим товарищам в городе. Вскоре это стало сценой беспощадной резни и грабежа. Македоняне, раздраженные длительностью и тяжестью осады, которая длилась семь месяцев, а также казнью своих товарищей, не пощадили никого из тех, кто попал в их руки. Царь, которого греки называли Аземильк, вместе с главными жителями города и несколькими карфагенскими посланниками, которые были отправлены с обычными подношениями Мелькарту, укрылся в своем святилище: и только они, по словам Арриана, были избавлены от общей участи смерти или рабства. Это был акт милосердия, которым завоеватель одновременно продемонстрировал свою набожность богу. Из остальных восемь тысяч погибли в первой резне, а тридцать тысяч, включая ряд иностранных жителей, были проданы в рабство. Но если верить Куртию, пятнадцать тысяч были спасены сидонянами, которые сначала спрятали их на своих галерах, а затем перевезли в Сидон — по-видимому, не без попустительства или согласия Александра. Кажется невероятным, что он приказал распять две тысячи пленников, хотя он мог бы наложить такое наказание на тех, кто играл ведущую роль в резне македонцев. Но после того, как царь и главные граждане были пощажены, нелегко понять, почему другие должны были страдать по этой причине.

Так пал Тир, богатый, красивый и гордый, король торговых городов в искусстве и оружии. Победитель отпраздновал свою победу торжественной военной и морской процессией, жертвоприношением и играми в честь покровителя, который таким образом выполнил свое обещание и, хотя и после многих месяцев трудов, наконец привел его в свой город. Он посвятил машину, которая первая разрушила стену, и священную галеру в святилище Мелькарта.^h

СНОСКИ

[20] Как рассказывает Аристокл, согласно Арриану. Дройзен замечает, что другая версия гораздо больше соответствует характеру и судьбе завоевателя и была бы более легко принята армией. Но, критически рассмотрев это, можно сказать, что это является причиной для предпочтения рассказа Аристокла, которого Дройзен в другом месте, как бы в порицании, называет «трезвым».

ГЛАВА LIII. ОТ ГАЗЫ ДО АРБЕЛЫ

Пока Александр еще осаждал Тир, прибыли послы от Дария, сообщив ему, что Дарий дарует ему десять тысяч талантов серебра, если он освободит его мать, жену и детей, а также всю страну между Евфратом и Геллеспонтом; и если он возьмет его дочь в жены, то будет назван его другом и союзником. Когда это посольство обсуждалось на совете, Парменион, как говорят, сказал ему, что на месте Александра он принял бы эти условия и, когда война закончится, больше не рисковал бы. На что тот, как говорят, ответил: «Я бы так поступил, будь я Парменионом, но поскольку я Александр, я должен поступать достойно Александра». Поэтому он ответил послу, что ему не нужны деньги Дария и он не примет часть его империи вместо всей, поскольку все сокровища и страна принадлежат ему; что он женится на его дочери, если захочет, без его согласия, но если Дарий хочет проверить его человечность, пусть придет к нему.

Когда этот ответ был передан Дарию, он, отчаявшись достичь мира, приступил к новым приготовлениям к войне. Тогда Александр решил отправиться в поход на Египет, и все города той части Сирии, которая называлась Палестиной, мирно сдались в его руки, за исключением Газы, которую удерживал некий евнух по имени Батис, который, предвидя это, уже нанял много арабских войск и накопил огромные запасы провианта, чтобы выдержать длительную осаду. Он также полностью полагался на прочность этого места, которое считал неприступным, и поэтому был твердо решил, что, когда Александр приблизится, ему будет отказано во входе.

ОСАДА ГАЗЫ ПО АРРИАНУ

Газа находится всего в двадцати стадиях от побережья и чрезвычайно труднодоступна из-за глубины песка и соседнего моря, которое везде мелкое. Сам город большой и густонаселенный, расположен на высоком холме и окружен крепкой стеной. Это также последнее населенное место, которое путешественники встречают на своем пути из Финикии в Египет, и граничит с обширной пустыней. Александр, сразу же после своего прибытия туда, разбил лагерь напротив той части стены, которая казалась наиболее уязвимой для штурма, и приказал принести туда свои машины; и, несмотря на мнение некоторых своих инженеров, что стену невозможно взять силой из-за высоты укреплений, он счел целесообразным высказать противоположное мнение: чем сложнее была попытка, тем более необходимо было ее предпринять, поскольку сама внезапность и энергичность их штурма навела бы на врагов немалый ужас. Он добавил, что, если ему не удастся взять город, это принесет ему большую позор, когда новость об этом дойдет до Греции, а также до Дария.

Поэтому он приказал построить вокруг города вал такой высоты, чтобы установленные на нем машины были на одном уровне с верхом стены, и построил этот вал напротив южной части стены, поскольку там, по-видимому, было легче всего атаковать. И когда вал был доведен до полной высоты, на него сразу же установили македонские машины. Примерно в это время, когда Александр, согласно греческому обычаю, приносил жертву с золотой короной на голове и только-только вступал в должность, над алтарем пролетела хищная птица и сбросила с когтей камень на его голову. Александр немедленно послал за гадателем Аристандом, чтобы тот объяснил, что означает это предзнаменование. Тот ответил: «Ты действительно захватишь город, о царь - , но берегись опасности, которая подстерегает тебя

в день его взятия». Услышав это, Александр удалился из зоны досягаемости их дротиков к метательным машинам на валу.

Но когда Александр увидел, что арабы совершают яростный выпад из города, поджигают машины и, пользуясь преимуществом более высокого положения, издевались над македонянами внизу и избивали их с вала, который они построили, — тогда, либо забыв о божественном предупреждении, либо движимый опасностью, грозившей его солдатам, он созвал своих тегетников и поспешил на помощь македонянам там, где они были наиболее уязвимы, и своим присутствием удержал их от бегства и оставления вала: но когда он так продвигался вперед, стрела из метательного орудия пронзила его щит и нагрудник и ранила его в плечо; когда он это заметил и понял, что предсказание Аристанда сбылось, он обрадовался, потому что, согласно тому же предсказанию, он должен был взять город.

Тем временем другие метательные машины, которые использовались при осаде Тира, прибыли по морю, и он приказал обойти вал вокруг всего города, шириной в две стадии и высотой в 250 футов. Когда метательные машины были подготовлены и установлены, стена была сильно встряхнута, и подкопы, проделанные в многих местах под ее фундаментом и удалявшие мусор, привели к ее обрушению. Затем осаждающие обстреляли горожан дротиками и выбили их из башен; однако трижды они выдержали удары македонцев, понеся большие потери в убитых и раненых. Но при четвертой атаке, когда Александр призвал своих людей, он так выровнял стену, которая была подкопана в некоторых местах, и расширил проломы, сделанные машинами в других местах, что македонцам, казалось, не составило труда прикрепить свои лестницы к руинам и штурмовать город. Как только лестницы были установлены, среди осаждающих возникла большая конкуренция за то, кто первым взойдет на пролом. Эту честь завоевал Неоптолем из рода Эцидов, один из его друзей; за ним последовали другие военачальники и другие, которые вошли со своими войсками; и когда многие македонцы оказались внутри стен, они выломали ворота, одно за другим, и впустили всю армию. Граждане, несмотря на то, что видели, как город был взят штурмом, были решительно настроены сражаться до последнего; собравшись вместе, все они погибли на месте после отважного сопротивления. Александр продал жен и детей в рабство, а из окрестностей сюда переселили колонию, и впоследствии город использовался как гарнизон.^b

Следующие события, не упомянутые Аррианом, достаточно характерны, чтобы быть процитированными из Квинта Курция, IV. 6. Обращение с Батисом, который командовал в Газе, если оно правильно описано, — что, однако, отнюдь не является достоверным, — является одним из тех приступов варварства, которые время от времени омрачали карьеру, в остальном полную достоинства.^a

СОБЫТИЯ ИЗ КВИНТА КУРЦИЯ

«Один арабец, солдат Дария, рискнул совершить поступок, превышающий его состояние, и, прикрыв свой меч щитом, пал на колени перед царем, как будто перебежал к нему; на что царь велел ему встать и приказал принять его на службу; но варвар, смело взяв меч в правую руку, нанес удар по голове царя; тот, уклонившись от удара, одновременно отрубил разочарованную руку варвара и похвалил себя за то, что теперь избавился от опасности. Однако, как я полагаю, судьба неизбежна, ибо, сражаясь отважно в первых рядах, он был ранен стрелой, которая прошла сквозь его доспехи и вонзилась в плечо, откуда ее извлек его врач Филипп. Кровь начала течь в большом количестве, и все стоявшие рядом испугались, так как никогда раньше не видели, чтобы стрела проникала так глубоко сквозь доспехи.

Александр же даже не изменился в лице, а велел им остановить кровотечение и перевязать рану. Так он некоторое время оставался во главе армии, либо притворяясь, либо преодолевая боль; но когда кровь, которая была остановлена перевязкой, начала снова течь в большем количестве, и рана (которая из-за своей свежести сначала не причиняла ему боли) при остывании крови начала опухать, он потерял сознание и упал на колени. Те, кто был рядом с ним, подняли его и отнесли в его палатку, а Батис, полагая его мертвым, вернулся в город в торжествующем настроении; но царь, не терпящий задержек (до того, как его рана зажила), отдал приказ возвести террасу на высоту городских стен, которые он приказал подрывать.

«Осажденные, со своей стороны, не бездействовали, ибо они возвели новое укрепление, равное по высоте старой стене, но оно, однако, не доходило до уровня башен, которые были установлены на террасе, так что внутренние части города были подвержены вражеским стрелам; и, чтобы завершить их тяжелую судьбу, стены были теперь разрушены минами, что дало македонцам возможность войти в город через проломы. Царь шел впереди всех, и, когда он беспечно вошел в город, его нога была ранена камнем; несмотря на это, опираясь на свое оружие, он сражался в первых рядах, хотя его старая рана еще не зажила; его обида была тем сильнее, что он получил две раны во время осады.

«Батис, проявив доблесть и получив несколько ран, в конце концов был брошен своими людьми, но это не помешало ему продолжать сражаться, хотя его оружие было скользким от его собственной крови и крови врагов: но, подвергшись нападению со всех сторон, он был взят живым и приведен к царю, который был так рад, что он оказался в его власти, что, хотя обычно он восхищался добродетелью даже у врагов, на этот раз уступил мести и сказал ему:

«Ты не умрешь, Батис, так, как хочешь, но ожидай, что подвергнешься всем мучениям, которые только может придумать изобретательность».

На эти угрозы Батис, не отвечая ни слова, бросил на царя не только бесстрашный, но и вызывающий взгляд, на что Александр сказал: «Заметили ли вы это упрямое молчание? Разве он предложил преклонить колени или проявил малейшую покорность? Однако я преодолею его молчаливость, если не другими средствами, то хотя бы стонами». Сказав это, его гнев превратился в ярость, поскольку удача уже испортила его нравы, и он приказал продеть веревки через пятки Батиса и привязать их к задней части повозки, и таким образом его тащили живым по городу, гордясь тем, что он подражал Ахиллу (от которого он происходил) в наказании своего врага».^c

АЛЕКСАНДР В ЕГИПТЕ

Осады Тира и Газы, которые в совокупности длились девять месяцев, были, по словам Грота, самыми тяжелыми сражениями, с которыми когда-либо сталкивался Александр.^[21]

Осада Газы, по-видимому, длилась три или четыре месяца, и, вероятно, только в декабре 332 года Александр начал свой поход в Египет. Здесь он мог с уверенностью рассчитывать не только на легкое завоевание, но и на горячий прием со стороны народа, который жаждал избавиться от персидского ига и даже приветствовал и поддержал авантюриста Аминтаса. Сам Мазак, как только услышал о битве при Иссе, понял, что всякое сопротивление Александру будет бесполезным, и встретил его с добровольной покорностью. В Пелусии он нашел флот и, оставив гарнизон в крепости, приказал ему продвигаться вверх по Нилу до Мемфиса, а сам отправился через пустыню. Возле Гелиополиса он переправился через реку и присоединился к флоту в Мемфисе. Здесь он примирил египтян, воздав честь всем их богам, особенно Апису, который был так жестоко оскорблен персидскими захватчиками; но в то же

время он устроил для местных жителей новое зрелище — музыкальный и гимнастический конкурс, для которого он собрал самых знаменитых артистов со всех концов Греции. Затем он сел на корабль и спустился по западной, или Канопической, ветви реки до Канопуса, чтобы осмотреть край дельты с этой стороны; и, обогнув озеро Мареотис, высадился на узкой полосе низменности, отделяющей его от моря и защищенной от сильных северных ветров, которые в противном случае опустошили бы и затопили бы ее, длинным скалистым хребтом, отделенным от материка каналом шириной почти в милю (семь стадий) и образующим остров Фарос. На этом месте стояла деревня Ракотис, где древние цари Египта разместили постоянную стражу для защиты этого входа в свои владения от авантюристов, особенно греков, которые могли посещать его с целью грабежа или торговли; в то же время для большей безопасности они передали соседний район пастушескому племени, которое считало всех чужаков врагами.

Острый взгляд Александра сразу же заметил преимущества этого места для города, который должен был стать великим торговым центром и связующим звеном между Востоком и Западом — одной из величайших целей, которые уже занимали его ум, — при этом обеспечивая его империи владение Египтом и передавая имя ее основателя далеким поколениям. Он немедленно отдал приказ о начале работ, сам начертил план, который был продиктован естественными особенностями местности,^[22] и обозначил места для некоторых из главных зданий, площадей, дворцов и храмов. Две главные улицы, пересекавшиеся под прямым углом на большой площади, одна из которых пролегла по всей длине города и образовывала ряд великолепных зданий, обеспечивала здоровье и удовольствие благодаря свободному потоку воздуха; а наводнения Нила защищали город от пагубных последствий, которые в противном случае возникли бы из-за близости озера. Дамба соединяла остров, на котором, как говорят, Александр сначала думал построить город, с материком и делила промежуточный бассейн на две гавани, которые были соединены между собой только каналом у обоих концов. В результате постоянного накопления песка этот перешеек был настолько расширен, что теперь он образует место современной Александрии. Тем не менее, было два недостатка, которые уравнивали столько преимуществ местоположения. Гавань была труднодоступна с обеих сторон, и на большом расстоянии ни на востоке, ни на западе не было другой. Это неудобство никогда не могло быть полностью устранено, хотя опасность приближения с моря впоследствии была значительно уменьшена благодаря возведению великолепной маячной башни на скале, недалеко от восточной точки Фароса, которая, как говорят, светила на расстояние почти сорока миль. Другим недостатком была нехватка воды, но эта проблема была решена с помощью нового канала, ответвляющегося от Нила, который обеспечивал постоянную подачу воды в цистерны, над которыми были построены дома. Однако Александрия оказалась в зависимости от любого врага, который мог овладеть каналом и лишить ее главного источника жизни. Частью плана Александра было заселить город смешанной колонией греков и египтян, в которой предрассудки двух рас могли бы быть стерты привычным общением, хотя греческие искусства и нравы должны были придать характер всему городу; поэтому среди храмов греческих богов он приказал построить храм для поклонения Исиде.

ГРЕЧЕСКИЙ КУВИН

Говорят, что благоприятное предзнаменование предвещало процветание, которое ждало новый город. Когда он собирался начертить линию стен, под рукой не оказалось мела, и пришлось использовать муку, которая вскоре привлекла большую стаю птиц со всех сторон, чтобы полакомиться ею. Аристандр, который никогда не терялся, истолковал этот случай как знак изобилия, которым город должен был наслаждаться и которое он должен был распространять. Это, вероятно, намного превосходило самые смелые надежды его основателя, но он еще меньше мог предвидеть или рассчитать все элементы новой интеллектуальной жизни, которые должны были там соединиться, и влияние, которое она должна была оказать на мнения и положение большей части мира.

Он все еще был занят этим, когда Гегелок принес известие о том, что персы были изгнаны из последних опорных пунктов своей власти в Эгейском море. Тенедос восстал против них, как только получил гарантии защиты со стороны Македонии. На Хиосе демократическая партия восстала против правительства, установленного персидскими сатрапами, и взяла в плен самого Фарнабаза; вскоре после этого Аристоники, тиран Метимны, приплыв в гавань, еще не зная о недавней революции, вместе с несколькими пиратскими кораблями попал в их руки. Все экипажи были казнены; сам он вместе с олигархическими лидерами, предавшими город персам, был отправлен к Александру для вынесения приговора. Митилена, где гарнизоном командовал афинский полководец Харес, также была вынуждена капитулировать, и весь Лесбос был возвращен. Гегелок также оставил своего коллегу Амфотера во владении Косом, который островитяне сдались добровольно. Там Фарнабаз бежал, но увёл с собой других пленников, среди которых, помимо Аристоники, было несколько тиранов, правивших под покровительством персов. Александром они были преданы на милость городов, которыми правили, и все они понесли жестокую смерть; хийцев, как врагов и предателей, он отправил под строгой охраной в ужасное изгнание в душную тюрьму на острове Элефантина.

Теперь он находился на границе Египта и Ливии. В регионе, который, по некоторым греческим легендам, находился недалеко к западу, Геракл и Персей пережили свои удивительные приключения: как полагали, оба они обращались к оракулу Аммона в сердце ливийской пустыни. Возможно, Александр желал повторить подвиги своих двух героических предков; а если он не слышал о них, то, возможно, его привлекала слава оракула и трудность добраться до него. Очень сомнительно, что его двигал интерес к ответам оракула, но вполне вероятно, что он не упустил из виду преимущества, которые мог извлечь из них, какими бы они ни были, а также таинственное достоинство, которое сама экспедиция могла придать ему в глазах его подданных. Однако если к этим мотивам

предприятия необходимо добавить какие-либо другие, более понятные с политической точки зрения, то можно предположить, что он также хотел внушить Кирене уважение к своей власти и показать, что даже ее уединенное положение не ставит ее вне досягаемости его оружия. На пути в Паретониум его встретили примерно на полпути послы из Кирены, которые принесли корону и другие великолепные подарки. После марша длиной около двухсот миль вдоль побережья — возможно, почти до восточной границы территории Триполи — он, по-видимому, взял направление на юго-восток, которое ведет к оазису за пять или шесть дней для частного каравана.

ПОСЕЩЕНИЕ АММОНА

Теперь македонцы впервые познакомились с лицом ливийской пустыни — ее беспутными песками, голыми скалами, палящим небом и обманчивыми образами. Можно легко предположить, что путешествие предоставило бесчисленные истории для развлечения лагеря. Трудно понять, как Александр мог оказаться в затруднительном положении, не имея проводников, хорошо знакомых с дорогой, как утверждали Птолемей и Аристобул — хотя один из них рассказывал, что затруднение путешественников было снято двумя большими змеями, которые указывали путь и были слышны даже тогда, когда их не было видно; другие описывали двух воронов, выполнявших ту же функцию. Являются ли эти рассказы просто плодом пустой фантазии или скрывают какой-то факт, который мы не можем установить, вряд ли стоит выяснять.^[23] Несомненно, что армия была освежена необычным дождем, в котором она увидела явное вмешательство богов. Наконец она благополучно спустилась в зеленую, хорошо орошенную и богато возделанную долину, где, окруженный густыми лесами, стоял дворец древних священников-царей, а рядом — храм Аммона.

Это был визит, которого Аммон, вероятно, никогда раньше не принимал, и жрецы, без сомнения, сделали все возможное, чтобы приветствовать королевского паломника с должными почестями и внушить ему глубочайшее почтение к своему оракулу. По-видимому, ответы не всегда давались в самом храме. Бог сам выбирал место для своих откровений. Его видимый символ, круглый диск из драгоценных камней, помещался в золотой корабль, по бокам которого висели священные сосуды из серебра; его несли на плечах восемьдесят священников в сопровождении процессии дев и матрон, которые сопровождали шествие священными песнопениями, в которых они умоляли о благоприятном и верном ответе, согласно тайному побуждению божества, которое направляло их шаги. Похоже, что Александра встретили такой процессией, когда он приблизился во главе своей армии, и провели в храм, где на его вопросы ответил главный жрец. Какими были эти вопросы и ответы, возможно, никогда не было известно никому, кроме собеседников. В самом деле, вполне вероятно, что жрец приветствовал его как героя божественного происхождения и обещал ему власть над миром: речь не могла быть более лестной, а предсказание более смелым, чем те, на которые иногда решались греческие оракулы, менее защищенные от разоблачения. Но достоверно известно, что Александр, по крайней мере в то время, не раскрыл того, что он услышал, а просто заявил своим последователям, что получил такие ответы, какие он желал, и продемонстрировал свое удовлетворение подношениями и пожертвованиями.

АЛЕКСАНДР ПОКИДАЕТ ЕГИПЕТ

Аристобул, возможно, просто небрежно выразился, когда сказал, что армия вернулась тем же путем: мы не можем не отдать предпочтение утверждению Птолемея, что она пошла прямой дорогой в Мемфис ( ); если, конечно, не принять предположение, которое могло бы сделать два рассказа более согласованными, — что Александр пересек пустыню в третьем

направлении, которое ведет прямо к озеру Мареотис. В Мемфисе он получил подкрепление, которое было послано ему Антипатром, а также посольства с поздравлениями и прошениями от нескольких греческих государств: среди них, по-видимому, было одно, которое принесло золотую корону, которая была утверждена съездом, собравшимся на перешейке по случаю Истмийских игр. Теперь ему оставалось только определить форму правления, по которой Египет должен был управляться в его отсутствие. Его целью было сразу же завоевать расположение египтян и обезопасить столь важную и легко защищаемую провинцию от амбиций своих собственных офицеров. Система, которую он установил, в некоторых отношениях послужила образцом для политики Рима при императорах. Он сохранил древнее деление страны на округа, называемые номами, и не только позволил им по-прежнему управляться местными магистратами, номархами, но и подчинил их всех власти двух египтян. Гарнизоны были размещены в Мемфисе и Пелусии. Страна на западной стороне дельты была передана под опеку Аполлония (Apollonius); страна на востоке, в сторону Аравии, — Клеомену (Cleomenes), египетскому греку из Навкратиса (Naucratis), который впоследствии прославился своей алчностью и финансовыми махинациями. Армия была оставлена под командованием Пеукеста ( ) и Балакра (Balacrus), а флот — под командованием Полемона (Polemon). Взаимная ревность этих офицеров была достаточной гарантией их лояльности.

Весной 331 года он вышел из Мемфиса, чтобы вернуться в Финикию. В Тире он обнаружил, что его флот прибыл, и совершил еще одно жертвоприношение Мелькарту, а также принял посольство, которое было привезено из Афин на *корабле «Паралус»*. Его главной целью было добиться освобождения афинских пленников, взятых в плен в битве при Гранике; и Александр теперь удовлетворил эту просьбу, а также несколько других просьб, с которыми выступила команда *«Паралуса»*, сопровождавшая послов. Сообщения, поступившие из Пелопоннеса, свидетельствовали о том, что он был угрожаем беспорядками из-за беспокойства Спарты; Амфотеру было приказано возглавить эскадру для помощи пелопоннесцам, которые были благосклонны к интересам Македонии и войне с Персией, и отбить Крит у спартанцев. Было приказано оснастить новый флот из ста кораблей в портах Финикии и Кипра, чтобы он последовал за Амфотером и усилил его. Сомнительно, посетил ли Александр в этот раз Иерусалим, но, по-видимому, он совершил поход в Самарию, чтобы наказать самаритян, которые, возможно, подстегнутые плохим обращением, восстали против Андромаха, взяли его в плен и сожгли заживо. При приближении Александра виновники этого злодеяния были выданы ему, и спокойствие было восстановлено. Затем он начал свой поход к Евфрату и до конца августа прибыл в Тапсак.

Костюм персидского магистрата

(По Бардону)

Часть войск была отправлена вперед, чтобы построить мост через реку. Переправившись, Александр не пошел по маршруту, который проложил Кир через месопотамскую пустыню, а направил свой поход на северо-восток, через страну, где было больше продовольствия и где армия меньше страдала от жары. По дороге в его руки попали несколько персидских разведчиков, от которых он узнал, что Дарий с армией, гораздо превосходящей по численности ту, которую он ранее выводил на поле боя, находился на левом берегу Тигра, готовый защищать переправу от него. Теперь он полным ходом продвигался к Тигру, но, достигнув его, не обнаружил ни самого Дария, ни каких-либо вражеских сил и не встретил никаких препятствий, кроме быстрого течения реки. На левом берегу он дал своим войскам несколько дней отдыха после их форсированного марша, во время которого произошло лунное затмение. Аристандр истолковал его как знак того, что в течение этого месяца персидская монархия обречена на потерю своей власти и славы; и когда Александр принес в жертву луне, солнцу и земле, как силам, которые совпали, чтобы произвести это предзнаменование, жертвы оказались предвещающими победу. Затем он двинулся на юг вдоль реки, и через четыре дня его разведчики донесли, что в поле зрения появилась группа всадников. Они бежали при его приближении, но некоторых догнали, убили или взяли в плен. От них он узнал, что Дарий со всей своей армией расположился лагерем недалеко оттуда.

Персидский царь использовал длительный перерыв, предоставленный ему операциями Александра после битвы при Иссе, чтобы собрать оставшиеся силы своей империи; он собрал войско, с помощью которого, если бы численное превосходство могло гарантировать успех, он мог бы разумно надеяться сокрушить своего противника. Кроме того, оно в основном состояло из более воинственных войск. Самым грозным подразделением, как по численности, так и по боевым качествам, были отважные племена, населявшие равнины на

восточной стороне Каспия ( ) и долины выше Кабула на границе с Индией. Ими командовал Бесс, могущественный сатрап Бактрии; за ним следовала группа конных лучников, предоставленных саками, которые кочевали в долинах к востоку от Трансоксианы и, хотя не признавали его власти, охотно присоединились к нему в качестве союзников ради жалованья и грабежа. Все провинции между Каспийским морем и Персидским заливом, от Сирии и Каппадокии до гор к западу от Инда, выслали своих лучших воинов.

Некоторые авторы оценивают общее количество в миллион пехотинцев и сорок тысяч всадников; это, возможно, большое преувеличение, но, вероятно, оно было слишком занижено теми, кто насчитал не более двухсот тысяч пехотинцев. Кроме того, было двести колесниц с косами и пятнадцать слонов, привезенных из западной Индии. С этой армией Дарий разбил лагерь на одной из широких равнин между Тигром и горами Курдистана, недалеко от Бумадуса, притока Лика, и деревни под названием Гаугамела (дом верблюда), которая должна была дать название сражению, произошедшему недалеко от нее, но по прихоти судьбы, примеров которой мы знаем много, была вынуждена уступить эту честь городу Арбеле, расположенному более чем в двадцати милях от нее, где Дарий оставил свой багаж и сокровища. Его придворные убедили его, что его поражение при Иссе было полностью связано с неблагоприятным рельефом местности, и поэтому он выбрал поле, на котором мог полностью продемонстрировать свои силы, и где у врага не было бы ни моря, ни гор, чтобы прикрыть свои фланги; он приказал расчистить и выровнять большой участок равнины для маневров своей кавалерии и колесниц.⁴

БИТВА ПРИ АРБЕЛЕ

Положение персидского царя вблизи Месопотамии было выбрано с большим военным мастерством. Было очевидно, что Александр по возвращении из Египта должен был пройти на север вдоль сирийского побережья, прежде чем атаковать центральные провинции Персидской империи. Прямой поход на восток из нижней части Палестины через великую сирийскую пустыню был тогда, как и сейчас, совершенно невозможен. Продвигаясь на восток из Сирии, Александр, перейдя Евфрат, достиг бы обширных месопотамских равнин. Богатые столицы империи, Вавилон, Сузы и Персеполь, находились бы тогда к югу от него; и если бы он прошел через Месопотамию, чтобы атаковать их, Дарий мог бы разумно надеяться преследовать македонцев своей огромной кавалерией и, даже не рискуя вступить в открытое сражение, измотать и в конце концов разгромить их. Мы можем вспомнить, что три века спустя римская армия под командованием Красса была фактически уничтожена восточными лучниками и всадниками на этих самых равнинах; и что предки парфян, которые таким образом победили римские легионы, служили тысячами под командованием царя Дария. Если же, напротив, Александр отложит свой поход на Вавилон и сначала попытается вступить в сражение с персидской армией, то местность по обе стороны Тигра в этой широте была весьма выгодна для такой армии, какой командовал Дарий; а в тылу у него были горные районы северной Мидии, где он сам в молодости был сатрапом, где он приобрел репутацию солдата и полководца и где он справедливо ожидал найти верность своей личности и безопасное убежище в случае поражения.

Его великий противник переправился через Евфрат, чтобы сразиться с ним, во главе армии, которая, по словам Арриана, копирующего дневники македонских офицеров, состояла из сорока тысяч пехотинцев и семи тысяч всадников. Изучая походы Александра, мы обладаем особым преимуществом, поскольку черпаем информацию из источников двух генералов Александра, которые играли важную роль во всех его предприятиях. Фактически, читая Арриана, мы читаем генерала Аристобула и генерала Птолемея о походах македонцев; и это похоже на чтение генерала Жомини или генерала Фуа о походах французов.

Оценка силы армии Александра, которую мы находим у Арриана, кажется разумной, если принять во внимание как потери, которые он понес, так и подкрепления, которые он получил с тех пор, как покинул Европу. Действительно, для англичан, которые знают, с какой небольшой группой людей их собственные генералы в Пласси, Ассаяе, Миани и других индийских сражениях разгромили большие войска азиатов, несоразмерность численности, о которой мы читаем в победах македонцев над персами, не представляет ничего невероятного. Армия, которой теперь командовал Александр, полностью состояла из ветеранов, обладающих высочайшим уровнем подготовки и дисциплины, преданных своему вождю и полных уверенности в его военном гении и победоносной судьбе.

Знаменитая македонская фаланга составляла основную силу его пехоты. Его солдаты были ветеранами, и он мог добиться от них такой точности движений и стабильности действий, которые, вероятно, новобранцы его отца не смогли бы выполнить, и которые, безусловно, были невыполнимы для фаланги под командованием его преемников, тем более что под их руководством она перестала быть постоянной силой и стала лишь ополчением. Основную силу его кавалерии составляли два отборных корпуса кирасиров, один македонский, а другой фессалийский, каждый из которых насчитывал около полутора тысяч человек. Они были вооружены длинными копьями и тяжелыми мечами, а лошади, как и всадники, были полностью оснащены защитными доспехами. Другие полки регулярной кавалерии были менее тяжеловооруженными, и было несколько отрядов легкой кавалерии, которую Александр смог прекрасно оснастить благодаря своим завоеваниям в Египте и Сирии.

Персидский царь максимально использовал все преимущества, которые были в его власти. Он велел тщательно выровнять большую площадь земли для маневров своих колесниц, вооруженных косами, и разместил свои военные запасы в крепкой крепости Арбела, примерно в двадцати милях в тылу. Риторика последующих веков любила описывать Дария Кодоманна как второго Ксеркса в своей показной роскоши и глупости, но объективный анализ его полководческих способностей в этой последней кампании показывает, что он был достоин носить то же имя, что и его великий предшественник, царский сын Гистаспа.

Узнав, что Дарий с большой армией находится слева от Тигра, Александр поспешил вперед и переправился через эту реку без сопротивления. Сначала он не мог получить точной информации о точном местонахождении врага, и, дав своей армии небольшую передышку, он четыре дня шел по левому берегу реки. Моралист может остановиться на том факте, что во время этого марша Александр, должно быть, прошел мимо в нескольких милях от руин Ниневии, великого города первобытных завоевателей человеческого рода. Ни македонский царь, ни кто-либо из его последователей не знали, чем когда-то были эти огромные холмы. Они уже превратились в безымянные массы заросших травой руин, и только в прошлом веке интеллектуальная энергия Лейарда спасла Ниневию от долгих веков забвения.

На четвертый день похода Александра на юг его передовой отряд доложил, что в поле зрения появилась группа вражеской кавалерии. Он немедленно сформировал свою армию для сражения и, приказав ей неуклонно продвигаться вперед, поехал впереди нескольких эскадронов кавалерии и атаковал персидскую конницу, которую обнаружил перед собой. Это была всего лишь разведывательная группа, и она сразу же разбежалась, но македоняне взяли в плен нескольких человек, и от них Александр узнал, что Дарий находится всего в нескольких милях от них, а также узнал о численности его армии. Получив эту новость, Александр остановился и дал своим людям четыре дня отдыха, чтобы они могли вступить в бой свежими и бодрыми. Он также укрепил свой лагерь и поместил в нем все свои военные

запасы, а также всех своих больных и инвалидов, намереваясь наступать на врага с полностью свободной от груза боеспособной частью своей армии. После этой остановки он двинулся вперед, пока еще было темно, с намерением дойти до врага и атаковать его на рассвете. Примерно на полпути между лагерями были небольшие возвышенности, которые скрывали две армии друг от друга. Но, когда Александр достиг их вершины, он увидел в ранних лучах солнца персидское войско, выстроившееся перед ним; и, вероятно, он также заметил следы каких-то инженерных работ, проводившихся на части местности перед ними. Не зная, что эти следы были оставлены персами, которые выровняли местность для свободного движения своих боевых колесниц, Александр заподозрил, что были подготовлены скрытые ловушки с целью помешать приближению его кавалерии. Он немедленно созвал военный совет. Некоторые офицеры были за немедленное нападение, несмотря на все риски, но более осторожное мнение Пармениона возобладало, и было решено не продвигаться дальше, пока поле битвы не будет тщательно осмотрено.

ГРЕЧЕСКИЙ СОЛДАТ, ВРЕМЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Александр остановил свою армию на возвышенности и, взяв с собой легкую пехоту и часть кавалерии, провел часть дня, разведывая противника и изучая характер местности, на которой предстояло сражаться. Дарий мудро воздержался от перемещения со своей позиции, чтобы атаковать македонян на возвышенностях, которые они занимали, и обе армии оставались на своих местах до ночи, не нанося друг другу вреда. Вернувшись в свой штаб, Александр созвал своих генералов и старших офицеров и, сказав им, что он хорошо знает, что их рвение не нуждается в поощрении, он убеждал их сделать все возможное, чтобы воодушевить и проинструктировать тех, кем они командовали, чтобы они показали все, на что способны, в завтрашнем сражении. Они должны были напомнить им, что теперь они не будут сражаться за провинцию, как сражались до сих пор, но что они собираются решить своими мечами судьбу всей Азии. Каждый офицер должен был внушить это своим подчиненным, и они должны были убедить в этом своих людей. Их природная храбрость не требовала долгих слов, чтобы возбудить их пыл, но им следовало напомнить о первостепенной важности стойкости в действии. Тишина в рядах должна была сохраняться до тех пор, пока это было уместно, но когда наступал момент атаки, крики и восторженные возгласы должны были наполнять врага ужасом. Офицеры должны были быть бдительными в получении и передаче приказов, и каждый должен был действовать так, как будто от его личного поведения зависел исход всей битвы.

Кратко проинструктировав своих генералов, Александр приказал армии поужинать и отдохнуть на ночь. Темнота опустилась на палатки македонцев, когда к Александру пришел его опытный генерал Парменион и предложил провести ночную атаку на персов. Говорят, что царь ответил, что он презирает кражу победы и что Александр должен побеждать открыто и честно. Арриан справедливо замечает, что решение Александра было столь же мудрым, сколь и смелым. Помимо путаницы и неопределенности, которые неотделимы от ночных сражений, ценность победы Александра была бы умалена, если бы она была одержана в обстоятельствах, которые могли бы дать врагу повод для оправдания своего поражения и побудить его возобновить борьбу. Александру было необходимо не только

победить Дария, но и одержать такую победу, которая не оставила бы его сопернику оправдания для поражения и надежды на восстановление.

Персы, по сути, ожидали ночного нападения и были готовы к нему. Дарий настолько опасался его, что вечером выстроил свои войска в боевой порядок и держал их на чеку всю ночь. В результате утром они были измотаны и обескуражены, в то время как их противники были свежи и полны энергии.

Письменный приказ о боевом порядке, который сам Дарий велел составить, после сражения попал в руки македонцев, и Аристобул переписал его в свой дневник. Таким образом, благодаря Арриану мы располагаем необычайно достоверной информацией о составе и расположении персидской армии. Крайне слева находилась бактрийская, дахская и арахосская кавалерия. Рядом с ними Дарий разместил войска из самой Персии, как конные, так и пешие. Затем шли сузийцы, а за ними — кадузийцы. Эти силы составляли левое крыло. Сам Дарий находился в центре. Он состоял из индийцев, карийцев, мардийских лучников и отряда персов, которые отличались золотыми яблоками, образующими наконечники их копий. Здесь же находилась телохранительная стража персидской знати. Кроме того, в центре, выстроенные в глубокий порядок, находились войска из Уксии и Вавилона, а также солдаты из Красного моря. Бригада греческих наемников, которые служили у Дария и которые были единственными, кого считали достойными противостоять македонской фаланге, была выстроена по обе стороны от царской колесницы. Правое крыло состояло из коело-сирийцев и месопотамцев, мидийцев, парфян, сакианцев, тапурианцев, гирканийцев, албанцев и сакесинов. Впереди линии левого крыла были размещены скифская кавалерия, тысяча бактрийских всадников и сто колесниц с косами. Слоны и пятьдесят колесниц, вооруженных косами, были выстроены перед центром; еще пятьдесят колесниц с армянской и каппадокийской конницей были выстроены перед правым флангом.

Так выстроившись, великое войско царя Дария провело ночь, которая для многих тысяч из них стала последней в их жизни. Утро первого октября медленно наступало для их утомленных стражей, и они слышали звуки македонских труб, призывающих к оружию, и видели, как войска царя Александра спускаются со своих палаток на возвышенностях и выстраиваются в боевой порядок на равнине.

Александру были необходимы как умение, так и доблесть, и немногие поля сражений были свидетелями более совершенного полководческого искусства, чем то, которое продемонстрировал македонский царь.^[24] Не было никаких естественных преград, которыми он мог бы защитить свои фланги; и не только он был уверен, что будет окружен с обоих флангов огромными рядами персидской армии, но и существовала непосредственная опасность, что они обойдут его и атакуют с тыла, пока он будет наступать на их центр. Поэтому он сформировал вторую, или резервную, линию, которая должна была, в случае необходимости, развернуться или отделить войска на любой из флангов, в зависимости от движений врага. Таким образом, с всей армией, готовой в любой момент сформировать один огромный полый квадрат, македоняне продвигались вперед двумя линиями против врага: сам Александр возглавлял правое крыло, а знаменитая фаланга формировала центр, в то время как Парменион командовал левым флангом.

Такова была общая схема расположения войск, которую Александр выбрал для своей армии. Но у нас есть подробные сведения от Арриана о расположении каждой бригады и полка; и поскольку мы знаем, что эти сведения были взяты из дневников македонских полководцев, интересно изучить их и прочитать имена и звания полководцев и полковников царя Александра в этой величайшей из его битв.

Восемь отрядов королевской конной гвардии составляли правый фланг армии Александра. Их командирами были Клит (чей полк находился на крайнем правом фланге, в

особенно опасном месте), Главкиас, Аристон, Сополис, Гераклид, Деметрий, Мелеагр и Гагелох. Филот был генералом всего подразделения. Затем шла пехота со щитами; их генералом был Никанор. Затем шла фаланга, состоящая из шести бригад. Бригада Коэна находилась справа, ближе всего к щитоносцам; рядом с ней стояла бригада Пердика, затем Мелеагра, затем Полисперхона; и затем бригада Аминта, которой теперь командовал Симмиас, так как Аминта был отправлен в Македонию для набора новобранцев. Затем шла пехота левого крыла под командованием Кратера. Рядом с пехотой Кратера были размещены кавалерийские полки союзников, генералом которых был Эригий. Далее шла фессалийская кавалерия под командованием Филиппа, которая занимала крайнее левое крыло всей армии. Все левое крыло было поручено командованию Пармениона, который имел в своем распоряжении фарсалийский кавалерийский отряд, который был самым сильным и лучшим среди всех фессалийских кавалерийских полков.

Центр второй линии занимал отряд пехоты фалангитов, сформированный из рот, которые были отобраны для этой цели из каждой бригады их фаланги. Офицерам, командовавшим этим корпусом, было приказано быть готовыми к развороту, если враг сумеет прорваться в тыл армии ( ). Справа от этого резерва пехоты, во второй линии, позади королевской конной гвардии, Александр разместил половину легкой пехоты из Агриании под командованием Аттала, а вместе с ними отряд македонских лучников Брисона и пехотный полк Клеандра. Он также разместил в этой части своей армии эскадрон кавалерии Менидаса и легкую кавалерию Аретеса и Аристона. Менидасу было приказано следить, не пытается ли кавалерия противника обойти фланг, и если да, то атаковать ее, прежде чем она полностью развернется, и таким образом самим обойти ее с фланга. Аналогичные силы были размещены слева от второй линии с той же целью. Там были размещены фракийская пехота Ситалкеса, кавалерийский полк Корана из греческих союзников и отряды Агатона из нерегулярной конницы одрисов. Крайний левый фланг второй линии в этом секторе удерживала кавалерия Андромаха. Часть фракийской пехоты осталась охранять лагерь. Перед правым флангом и центром было разбросано несколько отрядов легко вооруженных войск, копьеносцев и лучников, с целью отражать атаки вооруженных колесниц.^[25]

Выделяясь блеском своей доспехов и избранной группой офицеров, окружавших его, Александр занял свое место, как обычно, на правом фланге, во главе своей кавалерии; и когда все приготовления к сражению были завершены, а его генералы получили полные инструкции о том, как действовать в каждой вероятной чрезвычайной ситуации, он начал вести своих людей навстречу врагу.

Он всегда был привык свободно рисковать своей жизнью в бою и подражать личному мастерству своего великого предка Ахилла. Возможно, в смелом предприятии по завоеванию Персии Александру было политически выгодно поднять боевой дух своей армии до предела, подавая пример своей героической доблестью; и в последующих походах любовь к азарту, к «восторгу борьбы» могла заставить его, как и Мурата, по собственному желанию продолжать обычай, который он начал из чувства долга. Но он никогда не позволял воинскому пылу лишить его хладнокровия полководца; и в частности, в Арбеле он показал, что может действовать в соответствии со своей любимой гомеровской максимой

Ἀμφότερον, βασιλεὺς τ' ἀγαθὸς κρατερὸς τ' αἰχμητής.^[26]

Персидский царь возлагал большие надежды на эффект от колесниц с косами. Он планировал направить их против македонской фаланги, а затем поддержать их мощной атакой кавалерии, которая, как он надеялся, застанет копьеносцев в беспорядке после натиска колесниц и легко уничтожит эту самую грозную часть войск Александра. Поэтому перед персидским центром, где расположился Дарий и куда, как предполагалось, фаланга нанесет удар, земля была тщательно выровнена и разглажена, чтобы колесницы могли

атаковать с полной скоростью. Когда македонская армия приблизилась к персидской, Александр обнаружил, что фронт всей его линии едва равнялся фронту персидского центра, так что он был окружен с правого фланга всем левым крылом врага, а с левого — всем его правым крылом. Его тактика заключалась в том, чтобы атаковать одну точку вражеской армии и получить решающее преимущество, при этом по возможности избегая столкновения по всей линии. Поэтому он склонил свой порядок марша вправо, чтобы его правое крыло и центр могли столкнуться с врагом на максимально выгодных условиях, хотя этот маневр в некотором смысле мог поставить под угрозу его левое крыло.

Результатом этого косого движения стало то, что фаланга и его собственное крыло оказались почти за пределами территории, которую персы подготовили для действий колесниц; и Дарий, опасаясь потерять преимущество этой силы против наиболее важных частей македонских войск, приказал скифской и бактрийской кавалерии, которая была выстроена на крайнем левом фланге, атаковать правое крыло Александра и остановить его дальнейшее продвижение вбок. Против этих нападающих Александр послал из своей второй линии кавалерию Менидаса. Поскольку ее оказалось слишком мало, чтобы противостоять врагу, он приказал Аристону также из второй линии с его легкой кавалерией и Клеандру с его пехотой поддержать Менидаса. Бактрийцы и скифы начали отступать, но Дарий подкрепил их массой бактрийской кавалерии из своей основной линии, и теперь началась упорная кавалерийская схватка. Бактрийцы и скифы были многочисленны и лучше вооружены, чем всадники Менидаса и Аристона, и потери сначала были тяжелее на стороне македонцев. Но европейская кавалерия все же выдержала натиск азиатов и, в конце концов, благодаря своей превосходной дисциплине и действиям в эскадронах, которые поддерживали друг друга, а не сражались в беспорядочной массе, как варвары, македоняне разбили своих противников и прогнали их с поля боя.

Колесница с косой

Дарий приказал колесницам с косами атаковать конную гвардию Александра и фалангу; и эти грозные машины с грохотом помчались по равнине на македонские позиции. Вспомнив, какую панику вызвали боевые колесницы бриттов среди легионов Цезаря, мы не будем склонны высмеивать это оружие древней войны как бесполезное. Цель колесниц состояла в том, чтобы вызвать нестабильность в рядах, против которых они направлялись, а эскадроны кавалерии следовали за ними, чтобы воспользоваться таким беспорядком. Но азиатские колесницы оказались неэффективными в Арбеле благодаря легко вооруженным войскам, которые Александр специально назначил для этой службы и которые, ранив лошадей и возникших своими метательными оружиями и бегая рядом, чтобы перерезать ремни или схватить вожжи, сорвали запланированную атаку; а те немногие колесницы, которые доехали до фаланги, безвредно прошли через промежутки, которые для них открыли копейщики, и были легко захвачены с тыла.

Масса азиатской кавалерии теперь во второй раз собралась против крайнего правого фланга Александра и обошла его, с целью захватить фланг его армии. В критический момент Арет с всадниками из второй линии Александра бросился на персидские эскадроны, когда их фланги были открыты в результате этой маневра. Таким образом, Александр встретил и отразил все фланговые атаки врага с помощью войск, выведенных из второй линии, сохранив свежесть своей конной гвардии и остальной части передней линии своего крыла и будучи готовым воспользоваться первой же возможностью для нанесения решающего удара. Это произошло вскоре. Большой отряд всадников, который был размещен на левом фланге персов, ближайшем к центру, покинул свою позицию и устремился на помощь своим товарищам в кавалерийском бою, который все еще продолжался на крайнем правом фланге Александрова крыла против отрядов из его второй линии. Это образовало огромную брешь в персидском строю, и Александр мгновенно ворвался в это пространство со своей гвардией; затем, продвигаясь влево, он вскоре начал сеять хаос в левом фланге персидского центра. Теперь и пехота со щитами бросилась в атаку на шатающиеся массы азиатов; пять бригад фаланги с непреодолимой силой своих сарисс сбили греческих наемников Дария и прорвались через центр персидских войск. В начале сражения Дарий проявил умение и энергию; и теперь он некоторое время подбадривал своих людей голосом и примером, призывая их держаться крепко. Но копья конницы Александра и пики фаланги теперь все ближе и ближе сверкали перед ним. Его колесничий был сражен копьем, брошенным сбоку, и, наконец, Дарий потерял самообладание; сойдя с колесницы, он сел на быструю лошадь и умчался с равнины, не обращая внимания на ход сражения в других частях поля, где дела шли гораздо более благоприятно для его дела.

Операции Александра с его правым флангом и центром оставили его левый фланг без защиты перед огромным превосходством сил противника. Парменион как можно дольше держался в стороне от боя, но Мазай, командовавший правым флангом персов, выдвинулся против него, полностью обошел его с фланга и подверг его сильному давлению, нанося неоднократные удары превосходящими силами. Видя бедственное положение фланга Пармениона, Симмиас, командовавший шестой бригадой фаланги, которая находилась рядом с левым флангом, не пошел вместе с другими бригадами в большую атаку на центр персидских войск, а остался прикрывать войска Пармениона с правого фланга, иначе они были бы полностью окружены и отрезаны от остальной части македонской армии. Поступив таким образом, Симмиас неизбежно открыл брешь в левом центре македонцев; и большая колонна индийской и персидской конницы из правого центра персидского фланга ( ) проскакала через эту брешь и прорвалась через войска второй линии македонцев. Вместо

того чтобы развернуться на Пармениона или на тыл победоносного крыла Александра, индийская и персидская кавалерия направилась прямо к македонскому лагерю, одолела фракийцев, которые оставались на страже, и начала грабеж. Это было остановлено войсками фаланги второй линии, которые, после того как вражеские всадники промчались мимо них, развернулись, контратаковали лагерь, убили многих индийцев и персов, занимавшихся грабежом, и заставили остальных снова ускакать. Как раз в этот критический момент Александр был отозван от преследования Дария из-за известий о бедственном положении Пармениона и его неспособности больше противостоять яростным атакам Мазея. Взяв с собой свою конную гвардию, Александр направился к той части поля, где сражалось его левое крыло, но по дороге он встретил персидскую и индийскую кавалерию, возвращавшуюся из его лагеря.

Эти люди поняли, что их единственный шанс на спасение — прорваться, и в одной огромной колонне они отчаянно атаковали македонцев. Здесь произошло рукопашное сражение, которое длилось некоторое время, в результате чего шестьдесят конных гвардейцев короля пали, а три генерала, сражавшиеся рядом с Александром, были ранены. В конце концов македонская дисциплина и доблесть вновь возобладали, и большое количество персидских и индийских всадников было убито; лишь немногим удалось прорваться и ускакать. Избавившись от этих упорных врагов, Александр вновь сформировал свою конную гвардию и повел ее к Пармениону, но к этому времени тот генерал также одержал победу. Вероятно, весть о бегстве Дария дошла до Мазея и охладила пыл правого фланга персов, в то время как известие об успехе своих товарищей, должно быть, в равной мере воодушевило македонские войска под командованием Пармениона. Его фессалийская кавалерия особенно отличилась своей доблестью и стойким поведением, и к тому времени, когда Александр подъехал к Пармениону, вся персидская армия была в полном бегстве с поля сражения.^[27]

Для Александра было крайне важно захватить Дария, и он приказал продолжить преследование. Между полем сражения и городом Арбела, куда направлялись беглецы, находилась река Верхний Заб, и переход через эту реку оказался для персов еще более губительным, чем мечи и копья македонцев в сражении. Узкий мост вскоре был заблокирован тысячами бегущих, которые устремились к нему, и огромное количество персов бросились или были толкнуты другими в быстрый поток и погибли в его водах. Дарий пересек его и без остановки проехал через Арбелу. Александр достиг этого города на следующий день и завладел всеми сокровищами и запасами Дария, но персидский царь бежал слишком быстро для своего завоевателя.

Через несколько дней после битвы Александр вошел в Вавилон, «старейшую столицу земного империи», существовавшую в то время, как ее признанный повелитель и властелин. Ему еще предстояло совершить несколько походов в своей короткой и яркой карьере. Центральная Азия еще должна была увидеть поход его фаланги. Ему еще предстояло осуществить завоевание Афганистана, в котором Англия впоследствии потерпела неудачу. Его полководческий талант, а также его доблесть еще должны были проявиться на берегах Гидаспа и на поле битвы при Чиллианвалле; и ему еще предстояло опередить королеву Англии в присоединении Пенджаба к владениям европейского монарха. Но кризис его карьеры был достигнут; великая цель его миссии была достигнута; и древняя Персидская империя, которая когда-то угрожала подчинением всем народам земли, была безвозвратно разгромлена, когда Александр одержал свою венчающую победу при Арбеле.¹

СНОСКИ

[21] [Где-то в этот период относится живописная традиция, которую Гроте, Берри, Холм и другие не упоминают вовсе, даже чтобы опровергнуть; а именно, прием Александра в Палестине, как его описывает Иосиф Флавий. Хотя в это не верят даже такие еврейские историки, как Эвальд и Милман, это не совсем невозможно. Тирлволл, в отличие от Митфорда, счел это правдоподобным].

[22] [«Город по форме напоминал солдатский плащ», — говорит Диодор.]

[23] Что касается воронов, то нет причин сомневаться в буквальном факте. Похоже, что эти птицы считаются признаком близости колодца в африканской пустыне. Два ворона встретили Бельцони, когда он приближался к оазису Эль-Вак. Риттер, «Африка», стр. 969.

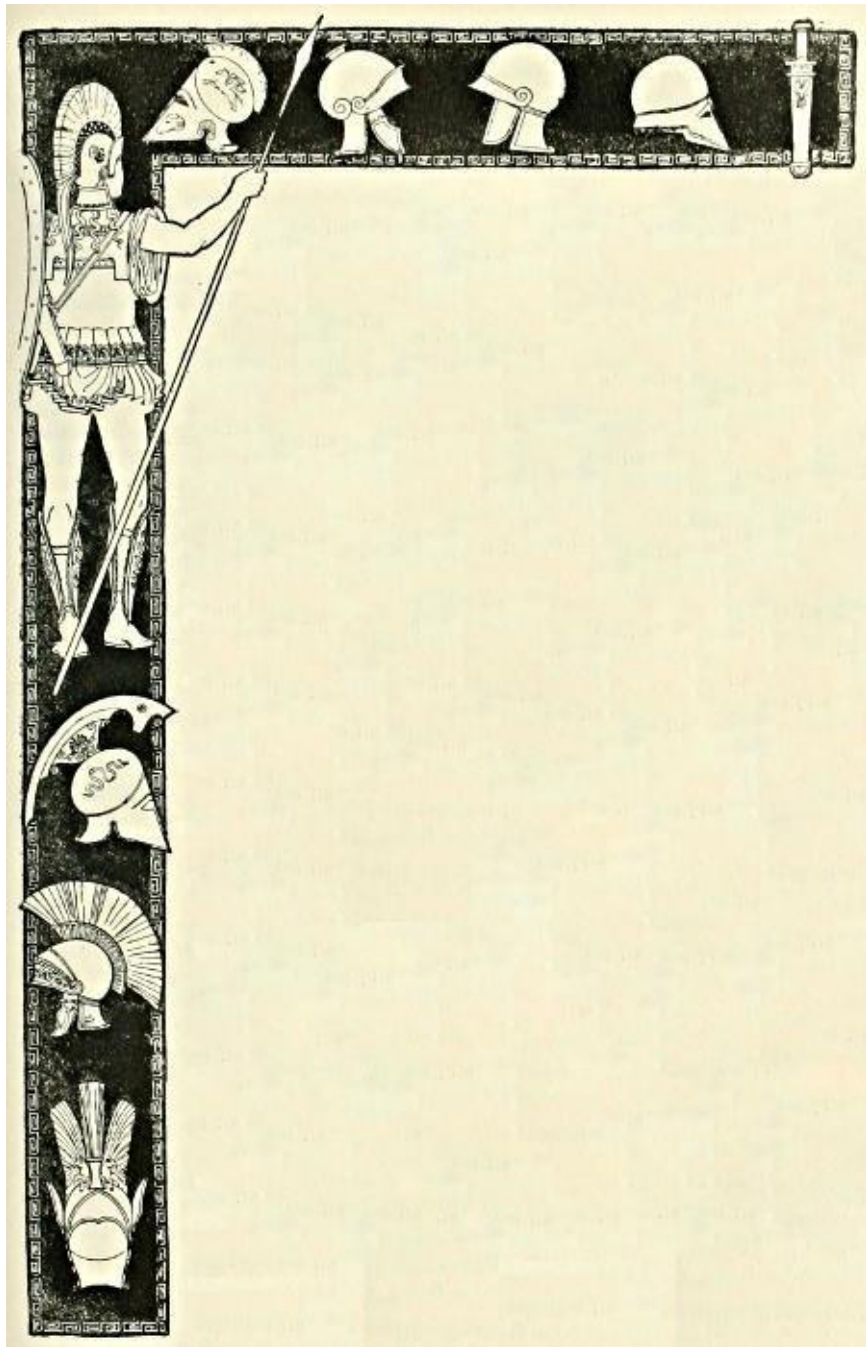
[24] [«Насколько мы можем проследить за расположением войск Александра, оно представляется наиболее ярким примером целостности военного гения и мудрого сочетания», — говорит Гроте.^h «Он действительно располагал такими же большими силами, как и его враг, потому что каждая рота в его армии была задействована».]

[25] Расположение войск Клебера в битве при Гелиополисе, где ему пришлось сражаться с восьмьюдесятью тысячами азиатов на открытой равнине, имея в своем распоряжении десять тысяч европейцев, стоит сравнить с тактикой Александра при Арбеле. См. Thiers, *Histoire du Consulat*, etc., т. II, кн. V.

[26] [«И хороший царь, и доблестный воин»].

[27] [Погибших персов было 300 000 по данным Арриана, 90 000 по данным Диодора и 40 000 по данным Куртия. Арриан говорит, что македоняне потеряли 100 человек, Куртий — 300, Диодор — 500.]

ГЛАВА LIV. ПАДЕНИЕ ПЕРСИИ

ВХОД В ВАВИЛОН, ОПИСАННЫЙ КВИНТОМ КУРЦИЕМ

Когда Александр продолжал свой поход на Вавилон, Мазай (который бежал туда с поля битвы) пришел со своими взрослыми детьми и сдался вместе с городом царю. Его подчинение было очень приемлемо для царя, поскольку осада столь крепкого места, несомненно, была утомительной. Кроме того, его качества и храбрость были весьма значительны, и он недавно отличился в последнем великом сражении, и его пример мог стать большим стимулом для других последовать его примеру. Поэтому царь принял его и его детей очень любезно; однако он сформировал свою армию, которую он лично возглавлял, в квадрат и приказал им войти в город в таком порядке, как если бы они шли на сражение.

В Вавилоне стены были заполнены вавилонянами, которые стекались туда, жаждая увидеть своего нового правителя, но большая часть вышла ему навстречу. Среди них был Багофан, правитель замка и хранитель королевской казны, который не хотел уступать в рвении Мазая. Он усыпал дорогу цветами и гирляндами и украсил ее по обеим сторонам серебряными алтарями, наполненными не только ладаном, но и всевозможными благовониями. За ним следовали подарки, предназначенные для царя, а именно: стада скота и лошадей, а также львы и леопарды в прочных клетках, специально предназначенных для этой цели. За ними следовали маги, воспевавшие гимны по обычаю этой страны. За ними шли халдеи, и не только вавилонские пророки, но и музыканты со своими инструментами. Замыкали шествие вавилонские всадники, чьи богатые одежды и снаряжение, как для них самих, так и для их лошадей, скорее свидетельствовали о роскоши, чем о великолепии.

Царь приказал толпе горожан следовать за его пехотой, и, окруженный своей стражей, въехал в город на колеснице и направился во дворец. На следующий день он осмотрел мебель Дария и все его сокровища. Красота и древность этого места привлекали не только взгляд Александра, но и всех, кто его видел.

«Царь прожил здесь дольше, чем где-либо, — продолжает Куртий, — и ни одно место не могло быть более разрушительным для дисциплины. Ничто не может быть более развращенным, чем нравы этого города,^[28] и ничто не может быть лучше снабжено всем необходимым для разжигания и поощрения всякого рода разврата и распутства: родители и мужья позволяют своим детям и женам prostituироваться перед своими гостями, если только им платят за это преступление. Цари и вельможи Персии получают огромное удовольствие от развратных развлечений, а вавилоняне очень пристрастились к вину и последствиям пьянства. Женщины в начале пира одеты скромно, но через некоторое время снимают верхнюю одежду и постепенно нарушают свою скромность; наконец (без обиды) они сбрасывают даже нижнюю одежду: и это не только позорная практика куртизанок, но и матрон и их дочерей, которые считают эту гнусную проституцию своих тел актом любезности.

«Разумно полагать, что победоносная армия, завоевавшая Азию, провалявшись тридцать четыре дня во всевозможных развратных утехах и разгуле, оказалась бы значительно ослаблена для любых последующих сражений, если бы появился враг; но чтобы ущерб был менее ощутимым, она время от времени как бы пополнялась свежими рекрутами, ибо Аминтас, сын Андромена, привел из Антипатра 6000 македонских пехотинцев и 500 всадников той же нации; а с ними 600 фракийских всадников и 3500 пехотинцев из той же страны. Из Пелопоннеса прибыли также 4000 наемных пехотинцев и 380 всадников.

Упомянутый Аминтас привел с собой 50 молодых дворян из Македонии, которые должны были служить его телохранителями».

Назначив Агафона правителем замка Вавилона и предоставив ему для этой цели семьсот македонцев и триста наемников, царь оставил управление территорией и городом Менесу и Аполлодору, выделив им гарнизон из двух тысяч пехотинцев и тысячу талантов, и приказал обоим провести новый набор в армию. Он передал Мазею, который перешел на его сторону, управление Вавилоном и приказал Багофану, сдавшему ему замок, последовать за ним. Он передал управление Арменией Митрену, который сдал Сарды. Из денег, найденных в Вавилоне, он приказал выдать каждому македонскому всаднику шестьсот динариев [около 20 фунтов стерлингов или 100 долларов], каждому иностранному всаднику — пятьсот, а каждому пехотинцу — двести.

Уладив все таким образом, Александр двинулся в страну под названием Сатрапене.

Когда царь шел на Сузы, Абулит, правитель этой провинции, послал своего сына навстречу ему, чтобы заверить его в своей готовности сдать город. Неизвестно, сделал ли он это по собственной воле или по приказу Дария, чтобы развлечь Александра добычей. Войдя в город, Александр взял из казны огромную сумму, а именно пятьдесят тысяч талантов серебра, не в монетах, а в слитках и брусках.^[29] Несколько царей долгое время копили эти огромные сокровища, как они думали, для своих детей и потомков, но один-единственный час передал их все в руки иностранного князя.

Затем он сел на царский трон, который был слишком высоким для его роста, и его ноги не доставали до земли; поэтому один из его пажей принес столик и поставил его под его ноги. Тогда один из евнухов Дария вздохнул, и царь, заметив это, спросил о причине его печали. Тогда евнух сказал ему: «Дарий привык есть за этим столом, и я не могу смотреть, не проливая слез, на то, как стол, освященный для использования моим господином, используется таким оскорбительным и презрительным образом». Услышав эти слова, царь начал стыдиться того, что нарушил законы гостеприимства, и приказал убрать стол, но Филот умолял его ни в коем случае не делать этого, а наоборот, принять это как доброе предзнаменование, что стол, за которым обычно ел его враг, теперь стал его подножием.

[330 г. до н. э.]

Александр, намереваясь теперь перейти в Персию, передал управление Сузами Архелаю, оставив ему гарнизон из трех тысяч человек; Ксенофил был ответственен за замок, имея в своем распоряжении гарнизон из македонцев старшего возраста. Забота о казне была возложена на Калликрата, а должность лейтенанта графства Сузы была возвращена Абулиту. Мать и дети Дария также были оставлены здесь.

Переправившись через реку с девятью тысячами пехотинцев, агрианцами, наемными греками и тремя тысячами фракийцев, Александр вошел в страну уксиев, граничащую с территорией Сузы и простирающуюся до границы Персии. Затем он присоединил уксийский народ к правительству Сузы; после этого он разделил свою армию с Парменионом и приказал ему пройти по равнинной местности, а сам с легко вооруженными войсками направился по горам, которые непрерывным хребтом тянутся в Персию.

НА ГРАНИЦЕ ПЕРСИИ

Разграбив всю эту страну, он на третий день прибыл к границам Персии, а на пятый день вошел в пролив Пилай Сусида. Ариобарзан с двадцатью пятью тысячами пехотинцев занял эти скалы, которые со всех сторон были крутыми и скалистыми, на вершинах которых

укрывались варвары, находясь там вне досягаемости дротиков. Здесь они специально вели себя спокойно и казались испуганными, пока армия не продвинулась в самую узкую часть пролива; но когда они увидели, что те продолжают свой марш, как бы презирая их, они свалили на них камни огромных размеров, которые, многократно отскакивая от нижних скал, падали с еще большей силой и раздавили не только отдельных людей, но и целые отряды.

Они также обстреливали их из пращ и луков со всех сторон; даже это не казалось тяжелым испытанием для этих храбрых людей, за исключением того, что они были вынуждены погибнуть без мести, как звери, попавшие в ловушку: при этом их гнев превратился в ярость, они схватились за скалы и, помогая друг другу подняться, сделали все, что могли, чтобы добраться до врага; но части, за которые они ухватились, не выдержали силы стольких рук и упали на тех, кто их ослабил. В этих печальных обстоятельствах они не могли ни стоять на месте, ни идти вперед, ни защищаться своими щитами из-за огромных камней, которые варвары бросали в них. Царь был не только опечален, но и стыдился того, что так опрометчиво ввел свою армию в это затруднительное положение. До этого дня он был непобедим, никогда не предпринимая ничего напрасного. Он без потерь вошел в Киликийский пролив и открыл себе новый путь по морю в Памфилию; но здесь счастье, которое всегда сопутствовало ему, казалось, остановилось, и не оставалось другого выхода, как вернуться тем же путем, которым он пришел. Поэтому, дав сигнал к отступлению ( ), он приказал солдатам идти плотным строем, соединив щиты над головами, и таким образом выйти из пролива, продвинувшись в него на тридцать стадий.

ПАСТУХ-ПРОВОДНИК

Вернувшись из ущелья, царь разбил лагерь на открытой равнине и не только созвал совет по поводу текущего положения дел, но и, будучи суеверным, обратился к пророкам за советом о том, что лучше всего сделать. Но что в таком случае мог предсказать Аристандр (который тогда пользовался наибольшим уважением)? Поэтому, отложив неуместные жертвоприношения, он приказал привести к нему людей, хорошо знакомых с этой местностью; эти люди рассказали ему о пути через Мидию, который был безопасен и открыт, но царь стеснялся оставить своих солдат непогребенными, ибо среди македонян не было обычая, более религиозно соблюдаемого, чем погребение своих мертвых; поэтому он приказал привести к нему недавно взятых в плен, среди которых был один, владевший как греческим, так и персидским языками; этот человек сказал ему, что ему бесполезно думать о том, чтобы вести свою армию в Персию через вершины гор; что узкие тропы пролегают среди лесов и едва проходимы для одиноких людей; что он был пастухом и знал все эти тропы досконально; и что он дважды попадал в плен: однажды к персам в Ликий, а теперь к нему.

Этот ответ напомнил царю о веѣтбе, которая говорила ему, что «ликийец должен быть его проводником в Персию»; поэтому, дав ему большие обещания, соответствующие нынешней необходимости и положению пленника, он приказал «вооружить его по македонскому обычаю и во имя удачи вести его вперед». Затем, поручив охрану лагеря Кратеру с пехотой, которой он командовал, и войсками под командованием Мелеагра, а также тысячей конных лучников, он приказал ему «соблюдать ту же форму расположения лагеря и поддерживать много костров, чтобы варвары могли подумать, что там находится сам царь ; но если он обнаружит, что Ариобарзан получил разведанные о его марше по извилистым узким дорогам и на основании этого выставил отряды, чтобы преградить ему путь, то тогда Кратер должен приложить все усилия, чтобы запугать его и заставить держать свои войска вместе, чтобы противостоять нынешней опасности; но если он (царь) обманет врага и

достигнет леса, то, когда враги, пытаясь преследовать царя, поднимут тревогу, он должен смело войти в пролив, из которого они были отбиты накануне, поскольку он может быть уверен, что он не защищен, а враг обратил свое внимание на себя».

В третью стражу он в полной тишине, без сигнала трубы, разбился на отряды и последовал за своим проводником по узкой тропе. Каждый легко вооруженный солдат имел приказ взять с собой провизию на три дня. Но помимо крутизны скал и скользкости камней, которые часто подводили их ноги, им очень мешал нанесенный снег, который иногда поглощал их, как будто они упали в ямы, и когда их товарищи пытались вытащить их, они сами попадали в те же ямы. Кроме того, ночь, незнакомая местность, а также неуверенность в том, верный ли проводник, очень усиливали их страх: ведь если он обманет стражу и сбежит, их могут поймать, как диких зверей, так что короля и их безопасность зависели от верности и жизни одного пленника. Наконец они достигли вершины горы.

Персидский дворянин в гражданской одежде

Отдохнув там и подкрепившись, он во второй страже продолжил свой поход без особых затруднений. Однако из-за уклона гор в сторону равнины перед ними возникла огромная пропасть (образованная слиянием нескольких потоков, размывших землю), которая преградила им дальнейший путь. Кроме того, ветви деревьев были так переплетены друг с другом и соединены так плотно, что преграждали им путь, как густая изгородь. Это привело их в крайнее отчаяние, и им с трудом удавалось сдерживать слезы. Тьма ночи еще больше усиливала их страх, потому что если и появлялись звезды, то их свет заслоняли густые ветви деревьев. Они лишились даже возможности пользоваться слухом, потому что ветер был сильный и, дуя на мешающие ветви деревьев, значительно усиливал шум. Наконец, долгожданный свет ослабил ужас, который усиливала ночь, и, двигаясь небольшими кругами, они избежали пропасти, и теперь каждый стал своим собственным проводником. Достигнув вершины холма, откуда они могли обнаружить передовые посты врага, они решительно показали с тыла врага, который не подозревал о таком повороте событий. Те

немногие, кто осмелился вступить в бой, были убиты; стоны умирающих и мрачный вид тех, кто бежал к основным силам, навели на них такой ужас, что они бросились бежать, даже не попытавшись испытать удачу.

Шум дошел до лагеря Кратера, и он немедленно двинулся вперед, чтобы захватить те проливы, где они потерпели поражение накануне. В то же время Филот с Полисперхоном, Аминтасом и Коэном, которым было приказано идти другим путем, нанесли новый удар по варварам, которые теперь были окружены со всех сторон македонцами; несмотря на это, они вели себя доблестно. Часто отчаяние является причиной надежды: будучи обнаженными, они окружили вооруженных и, благодаря своей массе, повалили их на землю, а затем пронзили нескольких из них их же оружием. Однако Ариобарзан с сорока всадниками и около пяти тысячами пехотинцев прорвал македонскую армию (при этом с обеих сторон погибло очень много людей) и попытался захватить Персеполь, главный город страны. Но, поскольку гарнизон отказал ему в пропуске ( ), а враг преследовал его, он возобновил сражение и был убит вместе со всеми своими людьми. К этому времени Кратер, маршировавший с максимальной скоростью, также присоединился к царю.

Царь укрепил свой лагерь в том же месте, где он разгромил врага: несмотря на то, что он одержал полную победу, большие и глубокие рвы во многих местах задерживали его поход, и поэтому он счел более целесообразным продвигаться не спеша, подозревая не столько попытки варваров, сколько коварство местности.

Во время похода он получил письмо от Тиридата (хранителя королевской казны в Персеполе), в котором тот сообщал ему, что «по слухам о его приближении жители ограбили казну, поэтому он просил его ускорить поход, прийти и завладеть ею; путь был безопасен, хотя через него протекала река Аракс». Никакая другая добродетель Александра не вызывает такого восхищения, как его быстрота во всех действиях. Поэтому, оставив пехоту позади, он всю ночь шел с кавалерией, несмотря на их недавнюю усталость, и на рассвете прибыл к Араксу. В окрестностях было несколько деревень, которые он разграбил и разрушил, а из материалов построил мост.

ОСВОБОЖДЕННЫЕ ПЛЕННИКИ; РАЗГРАБЛЕНИЕ ПЕРСЕПОЛИСА

Царь был недалеко от Персеполя, когда его взору предстало столь печальное зрелище, которому в истории едва ли найдется аналог. Это были четыре тысячи греческих пленников, которых персы жестоко истязали. У некоторых были отрезаны ноги, у других — руки и уши, а на телах всех были выжжены варварские знаки, и таким образом они были предоставлены на жестокое развлечение своих бесчеловечных врагов, которые, оказавшись теперь под иностранным господством, не сопротивлялись желанию выйти навстречу Александру. Они больше походили на странных существ, чем на людей, и отличались от них только голосом. Они вызывали у зрителей больше слез, чем проливали сами, потому что, несмотря на столь разнообразные бедствия, которые их постигли, их наказания были настолько разнообразны, что было трудно определить, кто из них был самым несчастным. Но когда они воскликнули, что наконец Юпитер, мститель Греции, открыл глаза, все зрители были так тронуты состраданием, что считали их страдания своими собственными. Александр, вытерев глаза (ибо он не мог сдерживать слез при виде столь печального зрелища), велел им «не унывать» и заверил их, что «они снова увидят свою родину и своих жен».

Некоторые согласились, но остальные были побеждены давней привычкой, которая сильнее природы; поэтому они решили «попросить царя выделить им место для проживания» и выбрали из своего числа сто человек, чтобы представить их просьбу.

Александр, думая, что они спросят, что он сам намеревается сделать для них, сказал им, что «заказал для каждого из них лошадь и тысячу динариев [34 фунта стерлингов или 170 долларов]; и что, когда они придут в Грецию, он так позаботится о них, что (за исключением бедствий, которые они пережили в плену) никто не будет счастливее их». Услышав эти слова, они расплакались и, подавленные, не могли ни поднять глаз, ни говорить, что заставило царя поинтересоваться причиной их печали. Тогда Евфимон дал ответ, соответствующий тому, что он сказал своим товарищам. Тогда царь, тронутый их несчастьем и решимостью, приказал раздать каждому из них по три тысячи динариев [102 фунта стерлингов или 510 долларов], а также по десять комплектов одежды, скот, овец и такое количество зерна, которое было достаточно для возделывания земли, выделенной им.

На следующий день, созвав всех своих генералов, он заявил им, что «ни один город не приносил грекам больше вреда, чем эта резиденция древних царей Персии: отсюда выходили все эти огромные армии; отсюда Дарий, а затем Ксеркс, вели свои безбожные войны против Европы; поэтому необходимо было сровнять его с землей, чтобы умиловить манов своих предков- ». Жители покинули город и разбежались в разные стороны, так что царь без дальнейших промедлений ввел в него фалангу. До этого он уже овладел многими городами, богатыми и великолепными, одни силой, другие путем переговоров, но богатства этого города превосходили все остальные. Сюда персы привезли все свое имущество; здесь лежали груды золота и серебра; было огромное количество одежды; мебель в домах казалась предназначенной не только для использования, но и для роскоши и показной пышности. Это дало повод завоевателям сражаться между собой, каждый считая врагом своего товарища, который получил самую богатую добычу: и поскольку они не могли унести все, что нашли, они теперь были заняты не захватом, а выбором и отбором.

Они разрывали королевские одежды, каждый желая получить свою долю; топорами они разбивали на куски изделия изысканного искусства; в конце концов, ничто не осталось нетронутым и не было унесено целиком; золотые и серебряные изображения были разбиты на куски, по мере того как каждый мог их схватить. Здесь бушевала не только алчность, но и жестокость; обремененные золотом и серебром, они не стали беспокоиться об охране пленников, а безжалостно убили их, варварски убив тех, кому сначала проявили милосердие в надежде на выгоду. Это побудило многих пойти на добровольную смерть, так что, надев свои самые богатые одежды, они бросались с крыш вместе со своими женами и детьми; некоторые поджигали свои дома (полагая, что это сделает враг) и гибли вместе со своими семьями в пламени. Наконец, царь отдал приказ не трогать женщин и не трогать их одежды.

КУРЦИЙ РАССКАЗЫВАЕТ О ГИГАНТСКОЙ ДОБЫЧЕ

Огромные сокровища, захваченные здесь, превосходили всякое воображение: но мы должны либо усомниться во всем остальном, либо поверить, что в казне этого места было найдено 120 000 талантов,^[30] которые царь, намереваясь использовать для войны, приказал «привести из Сузы в Вавилон лошадей и верблюдов, чтобы перевезти их для этой цели». Эта сумма впоследствии увеличилась за счет захвата Пасаргады, где было найдено шесть тысяч талантов. Этот город построил Кир, а его правитель Гобарес сдал его Александру.

Царь назначил Никарфида правителем замка Персеполя, оставив с ним гарнизон из трех тысяч македонцев; он также оставил Тиридата (который сдал сокровища) в тех же почестях, которыми тот пользовался при Дарии.

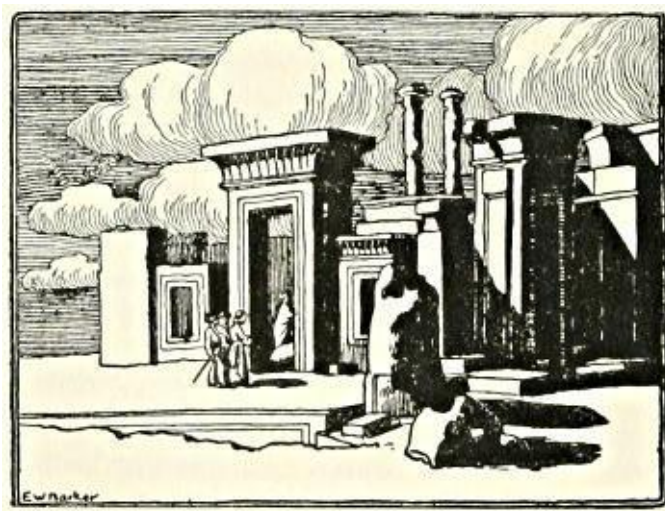
Александр оставил здесь большую часть своей армии с обозом под командованием Пармениона и Кратера, а сам, взяв с собой тысячу всадников и часть легко вооруженной пехоты, проник глубже в Персию в начале зимы. По дороге ему очень мешали ливни и бури,

которые казались невыносимыми, но, несмотря на это, он продолжал свое путешествие. Теперь он находился в стране, покрытой снегом и льдом: печальный вид этого места ( ) и непроходимые пустоши и безлюдные места наполняли усталых солдат ужасом; они начали думать, что оказались на краю света. Они с изумлением смотрели на страшные пустоши, в которых не было ни малейших признаков человеческой цивилизации, и поэтому требовали от него вернуться, «пока не исчезли свет и небо». Король воздержался от наказания их в их изумлении, но, прыгнув с лошади, пошел пешком впереди них по снегу и льду. Им было стыдно не следовать за ним; поэтому сначала его друзья, затем капитаны и, наконец, солдаты пошли за ним.

Король первым взломал лед киркой и проложил себе путь, а остальные последовали его примеру. Наконец, пробравшись через почти непроходимые леса, они начали обнаруживать то тут, то там признаки того, что это место было заселено, а также стада овец, бродившие туда-сюда. Жители жили в хижинах и считали себя в достаточной безопасности благодаря труднопроходимости местности. Увидев врага, они сразу же убили тех, кто не мог следовать за ними, и бежали в самые отдаленные горы, покрытые снегом; но после нескольких бесед с пленными их страх улегся, и они сдались королю, который не проявил к ним никакой суровости.

КУРЦИЙ ОПИСЫВАЕТ ОРГИЮ И СЖИГАНИЕ ПЕРСЕПОЛИСА

Александр, разорив Персию и подчинив себе несколько городов, наконец пришел в страну мардианцев, которые были воинственным народом и сильно отличались от остальных персов своим образом жизни. «Они выкапывают себе пещеры в горах, — говорит Куртий, — где и живут, питаясь своими стадами или дикими зверями. Женщины не отличаются более мягким характером, чем мужчины; у них густые волосы, а одежда едва доходит до колен. Они обвязывают лоб ремнем, который служит им и украшением, и оружием». Однако тот же поток судьбы поразил этот народ, как и остальные, так что на тринадцатый день после отбытия из Персеполя он вернулся туда снова.

Руины Персеполя

Затем он раздал подарки своим друзьям и остальным в соответствии с их заслугами, распределив между ними почти все, что было захвачено в городе.

Но его превосходные умственные способности, благородный характер, которым он превосходил всех царей, мужественная стойкость в преодолении опасностей, беспрецедентная быстрота в осуществлении и выполнении величайших замыслов, его непоколебимая верность тем, кто подчинялся ему, его удивительная милосердность по отношению к пленникам и его умеренность в допустимых и обычных удовольствиях — все это было омрачено его чрезмерной любовью к вину: потому что, несмотря на то, что его враг и соперник за империю в этот самый момент предпринимал самые серьезные приготовления к возобновлению войны, а недавно завоеванные народы все еще были недовольны его новым правлением, он проводил дни в пирах и веселье, на которые допускались и женщины, но не те, которых было преступлением насиловать, а те, которые были обычными и чье общение было позором для воина. Одна из них, по имени Таис, опьянев от вина, сказала ему, что он не может сделать ничего, что больше обязало бы всех греков, чем сжечь дворец персидских царей; что они ожидают этого в качестве возмездия за те их города, которые варвары разрушили. Эта пьяная блудница едва высказала свое мнение по столь важному вопросу, как некоторые из компании (тоже перебравшие с вином) сразу же одобрили это предложение: и царь не только выслушал его с терпением, но, стремясь воплотить его в жизнь, сказал:

«Почему мы не мстим Греции? Почему мы медлим с поджогом города?» Все они были взволнованы вином и в этом пьяном состоянии немедленно поднялись, чтобы сжечь город, который они пощадили, когда были вооружены. Царь показал им пример и первым поджег дворец, после чего его гости, слуги и наложницы сделали то же самое. В этом величественном сооружении было много кедра, и оно быстро загорелось, распространив пламя. Армия, которая располагалась недалеко от города, заметила пожар и, полагая, что это случайность, побежала помогать тушить его; но, подойдя к входу во дворец и увидев, что сам царь несет свежие факелы, чтобы разжечь огонь, они вылили принесенную воду и подкинули в огонь сухое топливо.

Так закончилась история величайшего города Востока, откуда столько народов получили свои законы, который был родиной столько царей, ранее главный ужас Греции; который оснастил флот из тысячи кораблей и послал армии, которые, как наводнение, почти покрыли всю Европу, построили мосты через море и прорубили горы, чтобы сделать море

проходом; и за столь долгое время, прошедшее с момента его разрушения, он так и не был восстановлен: македонские цари выбрали для своей резиденции другие города, которые сейчас находятся во владении парфян. Разрушение этого города было настолько полным, что если бы не река Аракс, мы едва ли знали бы, где он находился. Эта река протекала недалеко от стен города, который (как предполагают, а не знают наверняка соседние жители) был расположен примерно в двадцати стадиях от нее.

Македоняне стыдились того, что такой знаменитый город был разрушен их царем в пьяном угаре. Поэтому они отнеслись к этому серьезно и убедили себя, что «было целесообразно, чтобы он был уничтожен таким образом». Но что касается Александра, то, как только он пришел в себя, он, несомненно, раскаялся в содеянном и сказал, что персы «принесли бы Греции большее удовлетворение, если бы им пришлось видеть его сидящим на троне Ксеркса в его царском городе».

На следующий день он приказал выдать тридцать талантов ликийцу, который был его проводником в Персию. Оттуда он прошел в страну Мидию, где его встретили новые рекруты из Киликии. Они состояли из пяти тысяч пехотинцев и тысячи всадников, и те, и другие находились под командованием афинянина Платона. Получив это подкрепление, он решил преследовать Дария.^{[b](#)}

НОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАВОЕВАНИЯ

С этого момента (330 г. до н. э.) и до конца жизни Александра, в течение примерно семи лет, он посвятил себя завоеванию восточной половины Персидской империи, а также различных независимых племен, проживавших за ее пределами. Но ни Грецию, ни Малую Азию, ни какие-либо из его предыдущих завоеваний на западе ему уже не суждено было увидеть.

Что касается истории Греции, то первая часть азиатских походов Александра (с момента перехода через Геллеспонт до завоевания Персии, период в четыре года, с марта 334 г. до н. э. по март 330 г. до н. э.), хотя и не имеющая прямого отношения, тем не менее имеет существенное значение. Завершив в первый год свое правления порабощение эллинского мира, он в ходе последующих походов включил его в качестве небольшой части в обширную Персидскую империю, обновленную под его императорским скипетром. Он достиг результата, по сути, такого же, какой был бы достигнут, если бы вторжение в Грецию Ксеркса, предназначенное полтора века назад для включения Греции в Персидскую монархию, увенчалось успехом, а не провалом. Только по отношению к царям Македонии порабощение Греции никогда не было бы полным, пока она могла получать помощь от местных персидских царей, которые были вполне достаточной уравнивающей и опекунской силой, если бы они знали, как играть в свою игру. Но всякая надежда Греции на помощь извне исчезла, когда Вавилон, Сузы и Персеполь подчинились тому же правителю, что и Пелла и Амфиполь, — и этот правитель был самым способным полководцем и самым ненасытным агрессором своего времени, чье имя было связано с престижем почти сверхчеловеческого успеха. Тем не менее, даже против этой подавляющей силы некоторые из самых храбрых греков на родине пытались добиться освобождения с помощью меча: мы вскоре увидим, как печально закончилась эта попытка.

Но хотя первые четыре года азиатского похода Александра, в ходе которого он завоевал западную половину Персидской империи, оказали таким образом важное влияние на положение и судьбу греческих городов, последние семь лет, о которых мы сейчас собираемся рассказать, посвященные главным образом завоеванию восточной половины,

практически не затронули эти города. Грандиозные походы к рекам Яксарт, Инд и Гифас, которые провели его победоносные армии через столь обширные просторы Центральной Азии, не только не усилили его власть над греками, но даже отдалили его от любых отношений с ними и поставили его почти вне их поля зрения. Поэтому для историка Греции эти последние кампании вряд ли могут быть отнесены к сфере его интересов. Они заслуживают того, чтобы о них рассказали как о примерах военного мастерства и энергии, а также как об иллюстрациях характера самого прославленного полководца древности — человека, который, хотя и не был греком, стал повелителем всех греков.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ДАРИЯ

Прошло около шести или семи месяцев с момента битвы при Арбеле до того момента, когда Александр приготовился покинуть свою последнюю завоеванную территорию — собственно Персию. Все это время Дарий оставался в Экбатане, главном городе Мидии, надеясь, что Александр, завладев тремя южными столицами и лучшей частью Персидской империи, достигнет предела сытости и оставит его в покое в более бесплодном Востоке. Как только он узнал, что Александр движется к нему, он отправил свой гарем и багаж в Гирканию, на юго-восточную границу Каспийского моря. Сам он с небольшим отрядом последовал в том же направлении, унеся с собой сокровища города на сумму 7000 талантов [1 400 000 фунтов стерлингов или 7 000 000 долларов] и прошел через Каспийские ворота на территорию Парфии. Его единственным шансом было бежать в Бактрию на восточной окраине империи, разрушая по пути страну, чтобы задержать преследователей. Но этот шанс с каждым днем уменьшался из-за дезертирства среди его немногих последователей и гнева и отвращения многих из тех, кто остался.

Через восемь дней после того, как Дарий покинул Экбатану, Александр вошел в нее. Сколько дней занял его поход из Персеполя, мы не можем сказать: сам по себе этот поход был долгим, но он еще более затянулся, отчасти из-за необходимости подчинить проживавших в промежуточной местности горцев, называемых паретакенами, отчасти из-за слухов, преувеличивавших силу персидских войск в Экбатане и побуждавших его продвигаться с осторожностью и в строгом порядке. Захватив Экбатану, последнюю столицу-крепость персидских царей и их обычную резиденцию в летние месяцы, он остановился, чтобы дать отдых своим войскам и создать новую базу для своих будущих действий на востоке. Он сделал Экбатану своим главным складом, поместив в цитадели под охраной Харпала, казначея, с гарнизоном из шести или семи тысяч македонцев, накопленные сокровища своих прошлых завоеваний из Суз и Персеполя, составлявшие, как нам говорят, огромную сумму в 180 000 талантов [36 000 000 фунтов стерлингов, 180 000 000 долларов]. Парменион был назначен главнокомандующим этого важного поста и военных сил, оставленных в Мидии, сатрапом которой был назначен Оксодат, перс, заключенный в Сузах Дарием.

В Экбатане к Александру присоединились свежие силы из шести тысяч греческих наемников, которые прошли из Киликии вглубь страны, вероятно, перейдя Евфрат и Тигр в тех же местах, что и сам Александр. Таким образом, он смог уволить свою фессалийскую кавалерию и других греков, которые служили в течение четырех лет азиатской войны и теперь хотели вернуться домой. Он раздал им две тысячи талантов [400 000 фунтов стерлингов или 2 000 000 долларов] в дополнение к их полной зарплате и выплатил им цену за лошадей, которые они продали перед отъездом. Операции, которые он теперь собирался начать против восточных территорий Персии, были направлены не против регулярных армий, а против летучих отрядов и отдельных местных племен, которые полагались в своей обороне главным образом на трудности, которые горы, пустыни, лишения или просто

расстояние создавали для нападающих. Для этих целей ему требовалось увеличить число легких войск ( ), и он был вынужден навязать даже своей тяжеловооруженной кавалерии самые быстрые и утомительные марши, которые могли бы выполнить только его македонские товарищи; кроме того, ему приходилось действовать не столько с большими массами, сколько с небольшими и разрозненными отрядами. Поэтому он впервые создал регулярный таксис, или подразделение конных лучников.

Оставшись в Экбатане ровно столько, сколько было необходимо для этих новых приготовлений, Александр возобновил преследование Дария. Он надеялся опередить Дария и добраться до Каспийских ворот на северо-восточной оконечности Мидии; под этими воротами понимался горный перевал, или, скорее, дорога, на прохождение которой требовалось много часов, включая несколько трудных перевалов, простирающихся на восток вдоль южной стороны великой горной цепи Тавр в направлении Парфии. Он двинулся к Рагам, примерно в пятидесяти милях к северу от Каспийских ворот; он достиг этого города за одиннадцать дней, приложив такие усилия, что многие люди, а также лошади, были выведены из строя по дороге ( ). Но, несмотря на всю скорость, он узнал, что Дарий уже прошел через Каспийские ворота. После пятидневной остановки в Рагах, необходимой для его армии, Александр также прошел через них. Через день марша по другую сторону от них к нему присоединились два видных перса, Багистанес и Антибел, которые сообщили ему, что Дарий уже свергнут с престола и находится в непосредственной опасности лишиться жизни.

Заговорщиками, совершившими это, были: Бесс, сатрап Бактрии; Барсаент, сатрап Дрангианы и Арахосии; и Набарзан, генерал царской гвардии. Небольшие войска Дария были ослаблены ежедневными дезертирствами, и большинство из тех, кто остался, были контингенты из еще не покоренных территорий — Бактрии, Арахосии и Дрангианы — под командованием своих сатрапов. Греческие наемники, числом в полторы тысячи человек, и Артабаз с отрядом под его особым командованием неукоснительно придерживались Дария, но солдаты Восточной Азии последовали за своими сатрапами. Бесс и его соратники намеревались заключить мир с Александром, сдав ему Дария, если Александр будет преследовать их так энергично, что у них не останется надежды на спасение; но если им удастся выиграть время, чтобы добраться до Бактрии и Согдианы, они решили организовать энергичное сопротивление под своим совместным командованием для защиты этих восточных провинций, где проживало самое воинственное население империи. В отчаянных обстоятельствах этого дела этот план был, пожалуй, наименее безнадежным из всех возможных. Шансы на сопротивление Александру, и без того небольшие, стали абсолютно нулевыми под командованием Дария, который дважды подавал пример бегства с поля битвы, предавая как своих друзей, так и свою империю, даже когда он был окружен всеми силами Персии. Для храбрых и энергичных персов, если они не были готовы сразу подчиниться захватчику, не оставалось иного выбора, как отстранить Дария; и не похоже, что заговорщики сначала намеревались сделать что-то худшее. В деревне под названием Тара в Парфии они сковали его золотыми цепями, поместили в крытую колесницу, окруженную бактрийскими войсками, и так везли его вперед, отступая так быстро, как могли; Бесс взял на себя командование. Артабаз с греческими наемниками, слишком слабыми, чтобы помешать этому, с отвращением покинул армию и укрылся в горах Тапиров, граничащих с Гирканией в сторону Каспийского моря.

Узнав об этом, Александр приложил все усилия, чтобы догнать беглецов и захватить Дария. Во главе своей кавалерии, легкой конницы и отбора пехоты, отобранной за силу и активность, он немедленно выступил в поход, имея при себе только оружие и двухдневный запас провианта на каждого человека; Кратера он оставил, чтобы тот привел основные силы более спокойным маршем. Двухдневный форсированный марш, прерванный лишь коротким

полуденным отдыхом (был июль), привел его на рассвете к персидскому лагерю, который покинул его информатор Багистанес. Но Бесс и его войска уже были за ним, значительно продвинувшись в своем бегстве; на что Александр, несмотря на изнеможение людей и лошадей, продвигался с удвоенной скоростью всю ночь до полудня следующего дня. Там он оказался в деревне, где Бесс разбил лагерь накануне. Однако, узнав от дезертиров, что его враги решили ускорить свое отступление ночными маршами, он отчаялся догнать их, если не найдет более короткой дороги. Ему сообщили, что есть другая, более короткая дорога, но она вела через безводную пустыню. Выйдя на эту дорогу со своей кавалерией, он преодолел за ночь не менее сорока пяти миль, чтобы полностью застать Бесса врасплох.

Персы, шедшие в беспорядке без оружия и не ожидавшие врага, были настолько охвачены паникой от внезапного появления своего неутомимого завоевателя, что рассеялись и бежали, не пытаясь сопротивляться. В этот критический момент Бесс и Барсаентс убеждали Дария покинуть свою колесницу, сесть на лошадь и сопровождать их в бегстве. Но он отказался подчиниться. Однако они были решительно настроены не дать ему попасть живым в руки Александра, поскольку его имя было бы использовано против них и существенно уменьшило бы их шансы на защиту восточных провинций; кроме того, они были возмущены его отказом и испытывали к нему чувство ненависти и презрения, которое с радостью решили выразить. Бросив в него копья, они оставили его смертельно раненным и продолжили бегство. Его колесница, не имевшая никаких отличительных знаков и неизвестная даже самим персидским солдатам, некоторое время не была обнаружена преследователями. Наконец македонский солдат по имени Полистрат нашел его умирающим и, как говорят, услышал его последние слова, в которых он выражал благодарность Александру за доброе обращение с его пленными родственниками и удовлетворение тем, что персидский трон, утраченный им самим, перейдет к столь великодушному завоевателю. По крайней мере, можно с уверенностью сказать, что он так и не дождался встречи с самим Александром.

Александр совершил невероятные и неустанные походы в течение последних четырех дней, не без потерь многих людей и лошадей, с явной целью взять Дария живым. Это было бы удовлетворением его тщеславию — продемонстрировать Великого царя как беспомощного пленника, спасенного от своих собственных слуг мечом врага и пощаженного, чтобы занять какую-то подчиненную должность в знак показной снисходительности. Кроме того, помимо таких чувств, захват Дария был бы реальным преимуществом, поскольку благодаря его имени Александр смог бы подавить всякое дальнейшее сопротивление в обширных и плохо известных регионах к востоку от Каспийских ворот. Сатрапы этих регионов теперь отправились туда со свободными руками, чтобы разжечь как можно больше азиатских настроений и собрать как можно больше сил против македонского завоевателя, который был вынужден следовать за ними, если хотел завершить покорение империи. Поэтому мы можем понять, что Александр был глубоко уязвлен тем, что этот изнурительный поход не принес никаких результатов, и можем лучше объяснить ту дикую ярость, которую он впоследствии проявил по отношению к сатрапу Бессу.

Головные уборы, Древняя Персия

(По Бардону)

Александр распорядился похоронить тело Дария с полной помпой и церемониалом в царских гробницах Персии. Последние дни этого несчастного принца были описаны историками с почти трагическим пафосом; и в истории есть лишь несколько сюжетов, которые лучше подходят для возбуждения таких чувств, если мы просто учитываем масштаб его падения с вершины власти и великолепия до поражения, унижения и убийства. Но беспристрастный анализ не позволяет нам забыть, что главной причиной такого краха была его собственная слепота — его длительная апатия после битвы при Иссе и отказ от Тира и Газы в тщетной надежде выкупить королей, которых он сам подверг пленению, — и, наконец, что еще менее простительно, его личная трусость в обеих решающих битвах, которые он сам сознательно спровоцировал. Если мы проследим за его поведением на протяжении всей борьбы, то найдем мало того, что делает побежденного принца уважаемым или интересным. Те, кто имел наибольшие основания осуждать и презирать его, были его друзьями и соотечественниками, которых он мог защитить, имея для этого достаточные средства, но отбросил эти средства. С другой стороны, никто не имел больше оснований для снисходительности по отношению к нему, чем его завоеватель, для которого он сохранил неиспользованными бесчисленные сокровища трех столиц и для которого он всячески облегчил трудности завоевания, которое само по себе было практически невыполнимой задачей.

Недавний форсированный марш, предпринятый Александром с целью захватить Дария в плен, был чрезвычайно изнурительным для его солдат, которым требовался определенный период отдыха и компенсации. Это было предоставлено им в городе Гекатомпилос в Парфии, где вся армия вновь объединилась. Александр теперь начал явно чувствовать себя преемником Дария на персидском троне и вести себя соответственно: он презирал относительную простоту македонских обычаев и принял на себя пышность, показную роскошь и даже одежду персидского царя.

Для многих солдат Александра завоевание Персии казалось завершенным, а война законченной со смертью Дария. Они не хотели менять отдых и удовольствия Гекатомпилоса на новые тяготы, но Александр, собрав отборные полки, обратился к ним с убедительным призывом, который возродил энтузиазм всех. Его первый поход прошел через один из

перевалов в Гирканию, регион, граничащий с юго-восточным углом Каспийского моря ( ). Здесь он не встретил сопротивления. Александр предпринял экспедицию в горы Марди и заставил остатки полуразрушенных племен просить о мире.

После отдыха и празднеств в Зеудракarte, главном городе Гиркании, Александр с объединенной армией двинулся на восток через Парфию в Арию. За несколько дней он смог разгромить ариан. Затем он двинулся на юг, на территорию дрангов, или Дрангианы (современный Сеистан), где не встретил сопротивления.

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВ АЛЕКСАНДРА

В главном городе Дрангианы произошла отвратительная трагедия, первой жертвой которой стал Филот, а второй — его отец Парменион. Парменион, которому было уже семьдесят лет и который поэтому был мало пригоден для тяжелых испытаний, неотъемлемых от вторжения в восточные сатрапии, был оставлен на важном посту командующего большим складом и сокровищницей в Экбатане. Его многолетний военный опыт и доверительное положение даже при Филиппе сделали его вторым человеком в македонской армии после самого Александра. Все три его сына были солдатами. Младший из них, Гектор, случайно утонул в Ниле, находясь в свите Александра в Египте; второй, Никанор, командовал гипаспистами, или легкой пехотой, но, к счастью для него, умер от болезни незадолго до этого; старший, Филот, занимал высокий пост генерала конницы, ежедневно общался с Александром и получал от него личные приказы.

Филотусу стало известно, что солдат по имени Димнус поклялся Никомаху, своему близкому другу и любимому человеку, в тайне ( ), что он планирует заговор против Александра и пригласил его стать соучастником. Никомах, сначала потрясенный отвращением, в конце концов притворился, что согласен, спросил, кто является соучастниками Димнуса, и получил несколько имен; все они были вскоре переданы его брату Кебалину с целью разглашения. Кебалин рассказал об этом Филоту, умоляя его сообщить об этом Александру. Но Филот, хотя и общался с царем каждый день, в течение двух дней не сделал этого, после чего Кебалин начал подозревать его в попустительстве и распорядился раскрыть тайну Александру через одного из пажей по имени Метрон. Димнус был немедленно арестован, но пронзил себя мечом и скончался, не сделав никаких заявлений.

Все в этом заговоре, реальном или мнимом, основывалось на показаниях Никомаха. Александр с негодованием вызвал Филота и спросил, почему тот два дня не сообщал о том, что услышал. Филот ответил, что источник этой информации был слишком незначительным, чтобы заслуживать внимания, и что было бы смешно придавать значение простым заявлениям такого юноши, как Никомах, рассказывающего о глупых хвастовствах, обращенных к нему любовником. Александр принял или сделал вид, что принял это объяснение, пожал руку Филоту, пригласил его на ужин и разговаривал с ним с обычной для него фамильярностью.

Но вскоре стало ясно, что этот инцидент будет использован для позора и гибели Филота, чьи откровенные критические замечания о мнимом божественном отцовстве — в сочетании с хвастовством, что он и его отец Парменион были главными действующими лицами в завоевании Азии — не были ни забыты, ни прощены.

Некоторые из генералов, окружавших Александра, особенно Кратер, первый подкупник Антигона, разжигали эти подозрения из зависти к великому влиянию Пармениона и его семьи. Не было ни малейшего доказательства против него, кроме того факта, что он был осведомлен о смещении и дважды встречался с Александром, не сообщив об этом . Однако,

основываясь на этом единственном факте, Кратер и другие враги Филота так эффективно поработали, что подогрели подозрения и уже существовавшую неприязнь Александра, превратив их в яростную злобу. Он решил подвергнуть Филота позору, пыткам и смерти, а также казнить Пармениона.

Однако для того, чтобы осуществить это в отношении двух высших офицеров македонской службы, один из которых пользовался отдельным и удаленным командованием, требовалось проявить умение. Александр был вынужден заручиться поддержкой солдат и получить осуждение от армии в соответствии с древним македонским обычаем в отношении преступлений, караемых смертной казнью, хотя, по-видимому, этот обычай не всегда соблюдался. Он не только держал свое решение в секрете, но, как говорят, даже пригласил Филота на ужин с другими офицерами, беседуя с ним как обычно. Посреди ночи Филот был арестован, когда спал в своей постели, закован в цепи и одет в унижительную одежду. На рассвете было созвано военное собрание, перед которым Александр предстал в сопровождении главных офицеров, которым он доверял. Обращаясь к солдатам в яростном тоне, в котором смешивались печаль и гнев, он провозгласил им, что его жизнь только что была провидением спасена от опасного заговора, организованного двумя людьми, которых он до сих пор считал своими лучшими друзьями — Филотом и Парменионом — с помощью солдата по имени Димнус, который покончил с собой при аресте. Затем собравшимся был показан труп Димна, а Никомах и Кебалин были выведены вперед, чтобы рассказать свою историю. Письмо Пармениона к его сыновьям Филоту и Никанору, найденное среди бумаг, изъятых при аресте, было зачитано собравшимся ( ). Его содержание было совершенно расплывчатым и бессмысленным, но Александр решил истолковать его так, как ему было удобно.

Мы можем легко представить себе впечатление, произведенное на собравшихся солдат такими обвинениями со стороны самого Александра — откровениями о своей личной опасности и упреками в адрес вероломных друзей. Аминтас и даже Коен, шурин Филота, были еще более безмерны в своих нападках на обвиняемых. Они, как и другие офицеры, с которыми был согласован арест, показали пример яростного проявления против него и горячей симпатии к опасности, грозившей царю. Филотас выступил в свою защиту, но, хотя он энергично отрицал обвинение, его защита, по словам свидетелей, была слабой. Это было вполне естественно для человека, арестованного так внезапно и находящегося в крайне невыгодном положении; в то время как для любого другого потребовалась бы абсолютно героическая смелость, чтобы встать и осмелиться подвергнуть сомнению доказательства. Королевские пажи начали кричать, и все вокруг подхватили их, что они своими руками разорвут на куски отцеубийцу.

Для Филота было бы счастьем, если бы их гнев был настолько неуправляем, что побудил бы их привести приговор в исполнение на месте. Но это не соответствовало целям его врагов. Осознавая, что он был осужден по королевскому слову, не имея ничего, кроме слабого подозрения, они решили вырвать у него признание, которое оправдало бы их собственные цели не только против него, но и против его отца Пармениона, которого пока что ничто не уличало. Соответственно, в течение следующей ночи Филота подвергли пыткам. Гефестион, Кратер и Коен — последний из троих был шурином Филота — сами наблюдали за тем, как министры причиняли ему физические страдания. Сам Александр тоже был рядом, но скрывался за занавеской. Говорят, что Филот проявил мало стойкости под пытками, и что Александр, невидимый свидетель, насмехался над трусостью того, кто сражался рядом с ним в стольких битвах. Все, кто стоял рядом, были врагами и, скорее всего, описывали поведение Филота таким образом, чтобы оправдать свою собственную ненависть. Примененные пытки, крайне жестокие и длительные, в конце концов вырвали из него признание, в котором он указал на своего отца. Он был казнен; одновременно были

убиты все те, чьи имена были указаны Никомахом, — по-видимому, забиты камнями, без предварительных пыток ( ). У Филота в армии служило много родственников, и все они были потрясены известием о его пытках. Согласно македонскому закону, все родственники человека, виновного в измене, были приговорены к смерти вместе с ним. В связи с этим некоторые из этих людей покончили с собой, другие бежали из лагеря, ища убежища, где только могли. В лагере царил такой ужас и смятение, что Александр был вынужден объявить о приостановлении действия этого кровавого закона на время.

Теперь оставалось убить Пармениона, которого нельзя было оставлять в живых после жестокости, проявленной по отношению к Филоту; причем убить его нужно было до того, как он успеет об этом узнать, поскольку он был не только самым старшим, уважаемым и влиятельным из всех македонских офицеров, но и отдельно командовал большим складом в Экбатане. Александр вызвал к себе одного из своих спутников по имени Полидам, который был близким другом, товарищем и *адъютантом* Пармениона. Все друзья Филота в этот момент чувствовали, что его жизнь висит на волоске, поэтому Полидам вошел в присутствие царя в крайнем ужасе, поскольку ему было приказано привести с собой двух своих младших братьев. Александр обратился к нему, обвинив Пармениона в измене и намекнув, что Полидам должен будет отнести быстрое и секретное сообщение в Экбатану с приказом о его казни. Полидам был выбран как близкий друг Пармениона и, следовательно, как наиболее подходящий для того, чтобы обмануть его. Ему были переданы два письма, адресованные Пармениону: одно от самого Александра, в котором якобы содержались военные сообщения и приказы, другое, подписанное печатью покойного Филота и якобы адресованное сыном отцу. Вместе с ними Полидамас получил настоящую и важную депешу, адресованную Александром Клеандру и Менидасу, офицерам, непосредственно подчинявшимся Пармениону в Экбатане, в которой Парменион объявлялся виновным в государственной измене и им предписывалось немедленно убить его. Полидамасу было обещано большое вознаграждение, если он успешно выполнит это поручение, а его два брата были взяты в заложники на случай, если он засомневается или раскается. Он пообещал даже больше, чем от него требовали, — слишком счастливый, чтобы купить отсрочку от того, что казалось неминуемой смертью. Оснащенный местными проводниками и быстрыми дромадерами, он отправился по самой прямой дороге через пустыню Хорасан и прибыл в Экбатану на одиннадцатый день — расстояние, которое обычно требовало более тридцати дней для преодоления. Войдя в лагерь ночью, без ведома Пармениона, он передал свою депешу Клеандру, с которым он согласовал меры. На следующий день его принял Парменион, когда он гулял в своем саду с Клеандром и другими офицерами, назначенными Александром его палачами. Полидам бросился обнимать своего старого друга и был радушно встречен ничем не подозревающим ветераном, которому он преподнес письма, якобы присланные Александром и Филотом. Пока Парменион был поглощен их прочтением, он был внезапно сражен смертельным ударом меча Клеандра. Остальные офицеры нанесли ему еще несколько ран, когда он упал, а последний удар был нанесен даже после того, как жизнь покинула его тело.

Солдаты в Экбатане, услышав об этом кровавом деянии, взбунтовались, окружили стену сада и угрожали ворваться внутрь, чтобы отомстить за своего генерала, если Полидам и другие убийцы не будут им выданы. Но Клеандр, впустив нескольких зачинщиков, показал им письменные приказы Александра, и солдаты уступили, не без ропота и возмущения. Большинство из них разошлись, но несколько человек остались, умоляя разрешить им похоронить тело Пармениона. Даже это долго отказывал Клеандр, опасаясь недовольства царя. Наконец, однако, посчитав разумным частично уступить, он отрезал голову и передал им только туловище для погребения. Голова была отправлена Александру.

Среди многих трагических событий, описанных в этой истории, нет ничего более отвратительного, чем судьба этих двух полководцев. Александр, всегда поддающийся своим импульсам, проявил в этом случае личную злобу, достойную его жестокой матери Олимпиады, раздраженной, а не смягченной величием прошлых заслуг. Когда мы видим, как величайшие офицеры македонской армии лично, под присмотром Александра, подвергают распятиям и сожжению обнаженное тело своего коллеги Филота и собственными руками убивают ветерана Пармениона, мы чувствуем, насколько мы отошли от области греческого гражданского чувства к более дикой, частично восточной области иллирийского воина. Неудивительно читать, что Антипатр, наместник Македонии, который делил с Парменионом благосклонность и доверие Филиппа, а также Александра, задрожал, когда узнал о таких действиях, и стал искать убежище от подобных возможностей для себя. Многие другие офицеры были одинаково встревожены и возмущены этими событиями. Поэтому Александр, открыв и изучив письма, отправленные из его армии в Македонию, обнаружил в них столь сильное выражение возмущения, что счел разумным перевести многих явных недовольных в отдельный отряд, отделив их от остальной армии. Вместо того чтобы назначить замену Филоту на посту командующего конницей, он разделил это подразделение на две части, назначив Гефестиона командующим одной, а Клита — другой.

ЗАХВАТ БЕССА

[330-329 гг. до н. э.]

Осень и зима (330-329 гг. до н. э.) прошли для Александра в покорении Дрангианы, Гедросии, Арахосии и Паропамисады, современных Сеистана, Афганистана и западной части Кабула, расположенных между Газной на севере, Кандагаром или Келаром на юге и Фуррой на западе. Он не встретил сопротивления, но его войска сильно страдали от холода и лишений. У южной оконечности одного из перевалов Гиндукуша (по-видимому, к северо-востоку от города Кабул) он основал новый город под названием Александрия-ад-Каукасум, где поселил семь тысяч старых солдат, македонцев и других колонистов. К концу зимы он пересек могучий хребет Гиндукуш; это был пятнадцатидневный поход через заснеженные районы, сопряженный с большими трудностями для его армии. Достигнув северной стороны этих гор, он оказался в Бактрии.

СЕВЕРНЫЙ ПЕРСИДСКИЙ ВОИН

(По Бардону)

Бактрийский вождь Бесс, который принял титул царя, смог собрать лишь небольшое войско, с которым он опустошил страну, а затем отступил через реку Оксус в Согдиану, уничтожив все лодки. Александр захватил Бактрию практически без сопротивления; главные города, Бактра (Балх) и Аорнус, сдались ему при первом же проявлении нападения. Назначив Артабаза сатрапом Бактрии и оставив Архелая с гарнизоном в Аорнусе, он двинулся на север к реке Оксу, границе между Бактрией и Согдианой. Это был крайне тяжелый поход: два-три дня шли по песчаной пустыне без воды, при очень жаркой погоде. Оксус, шириной в шесть стадий, глубокий и быстрый, был самой грозной рекой, которую македоняне видели до сих пор. Александр переправил свою армию через него на надутых и набитых соломой палаточных кожах ( ). Удивительно, что Бесс не воспользовался этой благоприятной возможностью, чтобы сопротивляться переходу, который сам по себе был столь трудным; однако он был брошен своей бактрийской кавалерией в тот момент, когда покинул их территорию. Некоторые из его соратников, Спитамен и другие, испугавшись известия о том, что Александр переправился через Оксус, стремились заключить мир, предав своего вождя. Они направили соответствующее предложение, на что Александр отправил Птолемея с легким отрядом, который благодаря чрезвычайной скорости действий смог застать Бесса врасплох и схватить его в деревне. Александр приказал держать его в цепях, обнаженным, с ошейником на шее, у дороги, по которой шла армия. Доехав до этого места, Александр остановил свою колесницу и строго спросил Бесса, под каким предлогом он сначала арестовал, а затем убил своего царя и благодетеля Дария. Бесс ответил, что он не действовал в одиночку, что в этом были замешаны и другие, которые хотели добиться от Александра снисходительного отношения к себе. Царь больше ничего не сказал, но приказал бичевать Бесса, а затем отправить его в качестве пленника в Бактру.^[31]

Продолжая свой поход, Александр приблизился к небольшому городу, населенному бранхидами, потомками тех бранхидов, которые жили недалеко от Милета на побережье Ионии, управляли великим храмом и оракулом Аполлона на мысе Посидиум и 150 лет назад сдали сокровища этого храма персидскому царю Ксерксу. Эта сдача принесла им столько ненависти, что когда власть Ксеркса на побережье была свергнута, они вместе с ним ушли вглубь Азии. Радуюсь тому, что снова оказались в контакте с греками, они высыпали навстречу армии, чтобы приветствовать ее, предлагая все, что у них было. Александр, узнав, кто они и каково их происхождение, приказал убить все население — мужчин, женщин и детей. Они были убиты без оружия и попыток сопротивления, прибегая только к молитвам и мольбам. Затем Александр приказал сровнять стены и вырубить священные рощи, чтобы не осталось ни одного пригодного для проживания места, ни чего-либо, кроме пустоты и бесплодия. Такова была месть, совершенная над этими несчастными жертвами за деяния их предков в четвертом или пятом поколении. Александр, несомненно, считал, что он исполняет гнев Аполлона против проклятого рода, ограбившего храм бога. Македонская экспедиция была объявлена первоначально с целью отомстить современным персам за древние обиды, нанесенные Греции Ксерксом; таким образом, Александр следовал тому же чувству, мстя современным Бранхидам за деяния их предков, которые, по его убеждению, были еще более виновны, чем Ксеркс. Резня этого несчастного населения была фактически примером человеческого жертвоприношения в крупнейших масштабах, принесенного богам под влиянием религиозных побуждений Александра и достойного сравнения с тем, что сделал карфагенский полководец Ганнибал ( ), когда он принес в жертву три тысячи греческих пленников на поле битвы при Гимере, где семьдесят лет назад был убит его дед Гамилькар.

ПРЕДЕЛ ПРОДВИЖЕНИЯ АЛЕКСАНДРА НА СЕВЕР

[329-327 гг. до н. э.]

Затем Александр продолжил свое продвижение, сначала в Мараканду (Самарканд), главный город Согдианы, расположенный рядом с рекой Яксартес, которую он и его спутники, обладая несовершенными географическими знаниями, считали Танаисом, границей между Азией и Европой. Во время своего похода он оставил гарнизоны в различных городах, но не встретил сопротивления, хотя отдельные отряды местных жителей окружали его с флангов.

Здесь, на реке Яксартес, Александр запланировал основание нового города, который должен был носить его имя; он был предназначен для защиты от вторжений скифских кочевников с другой стороны реки. Он поселил в нем некоторых македонских ветеранов и греческих наемников, а также добровольцев из числа местных жителей. Армия скифских кочевников, показавшаяся на другом берегу реки, раздражила его тщеславие, и он решил переправиться и атаковать их. Переправив часть своей армии на надутых шкурах, он без особого труда разгромил их и быстро преследовал в пустыне. Но погода была очень жаркой, и армия сильно страдала от жажды; а та небольшая вода, которую удалось найти, была настолько плохой, что у Александра начался понос, который поставил под угрозу его жизнь. Эта погоня на несколько миль по правому берегу Яксартеса (по-видимому, в современном Ханате Хоканд) ознаменовала крайнюю границу продвижения Александра на север.

Вскоре после этого македонский отряд, неумело руководимый, был уничтожен в Согдиане Спитаменом и скифами: это было редкое несчастье, за которое Александр отомстил, захватив регион около реки Политиметус (Кохик) и перебив мечем жителей всех городов, которые он взял. Затем он вновь пересек Окс, чтобы перезимовать в Зариаспе в Бактрии, откуда ему было легче поддерживать связь с Западом и Македонией и где он получил различные подкрепления греческих войск.

Александр разделил свою армию на пять частей, пересек страну и подавил все сопротивление, а также принял меры по созданию нескольких военных постов или новых городов в удобных местах. Через некоторое время вся армия вновь собралась в главном городе Согдианы, Мараканде, где ей был предоставлен отдых и передышка.

АЛЕКСАНДР УБИВАЕТ СВОЕГО ДРУГА

[327 г. до н. э.]

Во время этой остановки в Мараканде (Самарканде) в 328-327 гг. до н. э. произошло памятное событие, на котором Александр убил Клита. Клит спас ему жизнь в битве при Гранике, отрубив руку персидского воина Спитридата, когда тот уже поднял меч, чтобы ударить его сзади. После смерти Филота важная должность генерала конницы соратников была разделена между Гефестионом и Клитом. Кроме того, семья Клита была связана с Филиппом столь давними узами, что его сестра Ланиса была выбрана кормилицей самого Александра, когда он был ребенком. Двое из ее сыновей уже погибли в азиатских сражениях. Поэтому, если и был человек, который занимал высокое положение при дворе или имел привилегию свободно высказывать свое мнение Александру, то это был Клит.

На этом банкете в Мараканде, когда, согласно македонскому обычаю, было выпито много вина и Александр, Клит и большинство других гостей были уже почти пьяны, энтузиасты или льстецы сыпали неумеренными похвалами на предыдущие достижения царя. Они возвысили его над всеми самыми почитаемыми легендарными героями; они провозгласили,

что его сверхчеловеческие деяния доказывают его божественное происхождение и что он заслужил апофеоз, подобный Гераклу, который только зависть могла удержать от него даже при его жизни. Сам Александр присоединился к этим хвастовствам и даже присвоил себе заслуги за более поздние победы своего отца, чьи способности и славу он принижал. Для старых македонских офицеров такое оскорбление памяти Филиппа было глубоко обидным. Но среди них всех никто не был более возмущен, чем Клит, растущей наглостью Александра — его мнимым родством с Зевсом Аммоном, которое отстраняло Филиппа как недостойного, — его предпочтением персидских слуг, которые давали или отказывали в доступе к его персоне, — его распространением на македонских солдат презрительного обращения, которое обычно терпели азиаты, и даже допуском их порки персидскими руками и персидскими розгами. Гордость македонского полководца за потрясающие успехи последних пяти лет была стерта его унижением, когда он увидел, что они привели лишь к тому, что его соотечественники слились с толпой раболепных азиатов, а принц разгорелся высокомерными устремлениями, унаследованными от Ксеркса или Оха. Но какими бы ни были внутренние мысли македонских офицеров, они хранили молчание перед Александром, чей грозный характер и чрезмерная самооценка не допускали никакой критики.

На банкете в Мараканде это долго сдерживаемое отвращение нашло выход, случайный, конечно, и непреднамеренный, но именно поэтому тем более бурный и безмерный. Вино, которое сделало Александра более хвастливым, а его льстецов чрезмерно льстивыми, полностью победило сдержанность Клита. Он упрекнул в нечестии тех, кто унижал древних героев, чтобы создать пьедестал для Александра. Он протестовал против несправедливости, заключавшейся в принижении возвышенной и законной славы Филиппа, чьи достижения он громко восхвалял, объявляя их равными и даже превосходящими достижения его сына. Ведь подвиги Александра, какими бы великолепными они ни были, были совершены не им одним, а той непобедимой македонской армией, которую он нашел готовой в своих руках; тогда как подвиги Филиппа были его собственными, поскольку он нашел Македонию поверженной и дезорганизованной и должен был создать для себя как солдат, так и военную систему. Великим орудием побед Александра были старые солдаты Филиппа, которых он теперь презирал, и среди них Парменион, которого он казнил.

Подобные замечания, высказанные грубым языком полупьяного македонского ветерана, вызвали громкое несогласие со стороны многих и глубоко обидели Александра, который теперь впервые услышал открытый взрыв неодобрения, ранее скрытый и известный ему только по догадкам. Но гнев и протесты, как со стороны Александра, так и со стороны других, только сделали Клита более безрассудным в излиянии своих чувств, которые теперь с радостью вырывались наружу после столь долгого сдерживания. Он перешел от старых македонских солдат к себе лично. Протянув правую руку к Александру, он воскликнул: «Вспомни, что ты обязан мне своей жизнью; эта рука спасла тебя на Гранике. Прислушайся к откровенному языку правды, или же воздержись от приглашения свободных людей на ужин и ограничься обществом варварских рабов». Все эти упреки глубоко задели Александра. Но ничто не было для него столь невыносимо, как уважительное сочувствие к Пармениону, которое напомнило ему об одном из самых мрачных поступков в его жизни — и о том, как он был спасен при Гранике, что ставило его в положение должника перед тем самым цензором, чьи упреки он теперь с болью воспринимал.

Наконец гнев и опьянение вместе взятые довели его до неконтролируемой ярости. Он вскочил с ложа и потянулся за кинжалом, чтобы наброситься на Клита, но кинжал был убран из-под рук одним из его слуг. Громким голосом и македонским словом приказа он созвал телохранителей и приказал трубачу бить тревогу. Но никто не подчинился столь

серьезному приказу, отданному в состоянии опьянения. Его главные офицеры, Птолемей, Пердикка и другие, окружили его, удерживали его руки и тело и умоляли его воздержаться от насилия; другие в то же время пытались заставить Клита замолчать и поспешно вывести его из зала, который теперь превратился в место беспорядков и смятения. Но Клит не был в настроении признать свою неправоту, уйдя; а Александр, разъяренный тем, что впервые кто-то противостоял его воле, воскликнул, что его офицеры держат его в цепях, как Бесс держал Дария, и не оставляют ему ничего, кроме имени царя. Хотя они и стремились сдержать его движения, они, несомненно, не осмеливались применять большую физическую силу, так что его огромная физическая сила и непрерывные усилия вскоре освободили его. Затем он выхватил копье у одного из солдат, бросился на Клита и пронзил его на месте, воскликнув: «Иди теперь к Филиппу и Пармениону».

РАСКАЯНИЕ АЛЕКСАНДРА

Как только деяние было совершено, чувства Александра претерпели полную революцию. Зрелище Клита, истекающего кровью труп на полу, следы ошеломления и ужаса на лицах всех зрителей и реакция на мгновенно утоленную яростную импульсивность сразу же погрузили его в противоположную крайность раскаяния и самоосуждения. Пospешно покинув зал и уйдя спать, он провел три дня в мучительном страдании, не принимая пищи и питья. Он разрыдался и многократно восклицал о своем безумном поступке; он думал о Клите и Ланице, о долге благодарности, который он был им должен, и осуждал себя как недостойного жить после того, как оплатил за такие услуги гнусным убийством. Его друзья наконец убедили его поесть и вернуться к активной деятельности. Все вместе пытались вернуть ему самоуверенность. Македонская армия проголосовала, что Клит был убит справедливо и что его тело должно остаться непогребенным, что дало Александру возможность отменить голосование и распорядиться, чтобы тело было похоронено по его приказу. Пророки утешили его, заверив, что его убийственный порыв возник не из его собственного естественного ума, а из безумного извращения, намеренно вызванного богом Дионисом, чтобы отомстить за упущение жертвы, причитавшейся ему в день банкета, но удержанной. Наконец, греческий софист или философ Анаксарх из Абдеры поднял Александру настроение своевременной лестью, назвав его чувствительность не чем иным, как великодушной слабостью, и напомнив ему, что в своем возвышенном положении завоевателя и великого царя он имеет право предписывать, что является правильным и справедливым, вместо того, чтобы подчиняться законам, диктуемым извне. Философ Каллисфен также был вызван вместе с Анаксархом к королю с той же целью — предложить утешительные размышления. Но, как говорят, он использовал совершенно иной тон в своей речи и скорее обидел Александра, чем утешил его.

Под влиянием таких утешительных слов и, вероятно, еще больше под влиянием абсолютной необходимости действовать, раскаяние Александра в конце концов уступило. Как и другие эмоции его пламенной души, оно было бурным и всепоглощающим, пока длилось. Однако нельзя сказать, что оно оставило какой-либо долговременный след в его характере или имело какие-либо последствия, оправдывающие безграничное восхищение Арриана, который практически не оставляет пощады убитому Клиту, в то время как выражает глубочайшее сочувствие к душевным страданиям убийцы.

Через десять дней Александр снова двинул свою армию, чтобы завершить покорение Согдианы. Он не нашел врага, способного противостоять ему в открытом бою, однако Спитамен с согдийцами и некоторыми скифскими союзниками вызвал многочисленные мелкие восстания, на подавление которых ушел еще один год. Александр испытал огромную усталость и лишения во время походов по горным районам этой обширной, пересеченной и

плохо снабженной стране, с каменистыми позициями, сильными по своей природе, которые его враги пытались защитить. Одна из этих крепостей, удерживаемая местным вождем по имени Сисимф, казалась почти неприступной и была взята скорее путем запугивания, чем с помощью реальной силы. Скифы, после частичного успеха над небольшим македонским отрядом, в конце концов были настолько основательно разгромлены и запуганы, что убили Спитамена и отправили его голову завоевателю в качестве умиловительного подношения.

ГРЕЧЕСКАЯ УРНА

После короткого отдыха в Наутаке в разгар зимы Александр возобновил операции, атаковав крепкую крепость под названием Согдийская скала, где собралось большое количество беженцев с достаточным запасом провианта. Это был утес, который считался неприступным, и, по-видимому, так и остался бы, несмотря на энергию и способности Александра, если бы его обитатели не пренебрегли охраной и не сдались при одном только виде горстки македонцев, взобравшихся на утес. Среди пленников, взятых Александром на этой скале, были жена и семья бактрийского вождя Оксиарта; одна из его дочерей, по имени Роксана, так очаровала Александра своей красотой, что он решил взять ее в жены. Затем он вышел из Согдианы на соседнюю территорию Паретакена, где находилось еще одно неприступное место под названием Скала Хориен, которое ему также посчастливилось взять.

Отсюда Александр отправился в Бактру. Послав Кратера с отрядом, чтобы довести до конца покорение Паретакена, он сам остался в Бактре, готовясь к экспедиции через Гиндукуш для завоевания Индии. В качестве гарантии спокойствия в Бактрии и Согдиане во время своего отсутствия он набрал тридцать тысяч молодых солдат из этих стран, чтобы они сопровождали его.

Именно в Бактре Александр отпраздновал свою свадьбу с пленницей Роксаной весной 327 года до н. э. В атмосфере покоя и торжеств, связанных с этим событием, восточный характер, который он приобретал, проявился сильнее, чем когда-либо. Он больше не мог быть удовлетворен, не получив поклонения и почитания от греков и македонцев, а также от персов; публичного и единодушного признания его божественного происхождения и сверхчеловеческого достоинства. Некоторые греки и македонцы уже воздали ему эту честь. Тем не менее, для большинства, несмотря на их крайнее почтение и восхищение им, это было отвратительно и унижительно. Даже властный Александр не решился издать публичные и официальные приказы по этому поводу; но персы и некоторые покладистые греческие софисты или философы, с его ведома, согласовали маневр, чтобы добиться своего неожиданным образом.

Во время банкета в Бактре философ Анаксарх, обращаясь к собравшимся с заранее подготовленной речью, восхвалял подвиги Александра, которые, по его словам, значительно превосходили подвиги Диониса и Геракла. Он провозгласил, что Александр уже сделал более чем достаточно, чтобы заслужить божественные почести от македонцев, которые, по его словам, непременно будут поклоняться Александру после его смерти и должны, по справедливости, поклоняться ему при его жизни, немедленно.

Эта речь была встречена аплодисментами, и подобные настроения были поддержаны другими сторонниками этого плана, которые продемонстрировали пример немедленного подчинения и первыми начали поклоняться Александру. Большинство македонских офицеров сидели невозмутимыми, возмущенные речью. Но, несмотря на свое возмущение, они ничего не сказали. Чтобы ответить на речь, несомненно, хорошо сформулированную и плавную, требовались определенные ораторские способности; кроме того, было хорошо известно, что тот, кто осмелится ответить, будет отмечен антипатией Александра. Судьба Клита, который высказал те же чувства в банкетном зале Мараканды, была еще свежа в памяти всех. Отвращение, которое многие испытывали, но никто не осмеливался выразить, наконец нашло своего выразителя в лице Каллисфена из Олинфа.

Этот философ, чья печальная судьба придает его имени особый интерес, был племянником Аристотеля и благодаря своему дяде с ранних лет был знаком с Александром, когда тот был еще мальчиком. По рекомендации Аристотеля Каллистен сопровождал Александра в его азиатском походе.

По случаю демонстрации, спровоцированной Анаксархом на банкете, Каллисфен был приглашен Гефестионом присоединиться к поклонению, которое собирались предложить Александру; и Гефестион впоследствии утверждал, что Каллисфен обещал согласиться. Но его фактическое поведение дает разумные основания полагать, что он не давал такого обещания, поскольку он не только считал своим долгом отказаться от поклонения, но и публично изложить свои причины для несогласия с ним, тем более что он заметил, что большинство присутствующих македонцев разделяли его мнение. Он утверждал, что различие между богами и людьми нельзя смешивать без нечестия и несправедливости. Александр в полной мере заслужил — как человек, полководец и царь — самые высокие почести, совместимые с человечностью; но возвысить его до уровня бога было бы как оскорблением для него, так и оскорблением для богов. Анаксарх, по его словам, был последним человеком, от которого следовало ожидать такого предложения, поскольку он был одним из тех, чье единственное право на общение с Александром основывалось на его способности давать поучительные и полезные советы.

Каллистен высказал то, что чувствовали многие из его слушателей. Речь была так тепло встречена присутствующими македонянами, особенно старшими офицерами, что Александр счел разумным запретить дальнейшее обсуждение этого деликатного вопроса. Вскоре присутствующие персы, согласно азиатскому обычаю, подошли к нему и поклонились ему; после чего Александр выпил несколько чаш вина с теми греками и македонцами, с которыми он ранее договорился. Каждому из них подали чашу, и каждый, выпив в ответ на тост, подошел к царю, поклонился ему, а затем получил приветствие. Наконец, Александр послал тост Каллисфену, который, выпив как и остальные, подошел к нему, чтобы получить приветствие, но без поклона. Об этом упущении Александру явно сообщил один из спутников, после чего он отказался принять Каллисфена для приветствия. Последний удалился, заметив: «Тогда я уйду, оказавшись в худшем положении, чем другие, что касается приветствия».

Каллисфену, безусловно, следовало бы раньше (если бы он мог уйти, не оскорбив никого) покинуть лагерь Александра, в котором ни один образованный грек не мог теперь общаться,

не отказываясь от свободы слова и чувств и не подражая раболепию Анаксарха. Но, находясь, как Каллистен, в зале в Бактре, когда было выдвинуто предложение Анаксарха ( ), и когда молчание означало согласие, его протест против него был как своевременным, так и достойным, поскольку был сопряжен с опасностью для него самого.

Каллистен хорошо знал эту опасность и быстро смог распознать ее в изменившемся отношении Александра к нему. С того дня он стал заметной фигурой в двух смыслах: во-первых, для самого Александра, а также для соперничающих софистов и всех сторонников задуманного обожествления — из-за ненависти и для того, чтобы придумать какое-нибудь обвинение, которое могло бы послужить его гибели; во-вторых, для более свободолюбивых македонцев, возмущенных свидетелей растущей наглости Александра и поклонников мужественного грека, который протестовал против предложения Анаксарха. Такие люди, несомненно, очень хвалили его, что усугубляло его опасность, поскольку они обязательно доносили об этом Александру. Повод для его гибели не заставил себя долго ждать.

ЗАГОВОР ЦАРСКИХ ПАЖЕЙ

Среди тех, кто восхищался Каллисфеном и стремился к общению с ним, был Гермолай, один из царских пажей — группы, отобранной из знатных македонских семей, которая выполняла обязанности по уходу за царем. Случилось так, что этот молодой человек, один из спутников Александра на охоте, увидев дикого кабана, мчавшегося на царя, бросил в него копьем и убил животное. Александр, разгневанный тем, что его опередили в убийстве кабана, приказал выпороть Гермолая на глазах у всех других пажей и лишил его лошади. Таким образом, униженный и оскорбленный — за поступок, который был не только невиновным, но и за невыполнение которого, если бы Александр получил какую-либо травму от кабана, мог быть наказан — Гермолай решительно намеревался отомстить. Он привлек к этому замыслу своего близкого друга Сострата и нескольких других пажей; они договорились убить Александра в его покоях в первую ночь, когда все они будут вместе нести стражу. Назначенная ночь наступила, и их секрет не был раскрыт, но план был сорван из-за того, что Александр до рассвета пил со своими офицерами и не ложился спать. На следующий день один из заговорщиков, испугавшись или раскаявшись, раскрыл план своему другу Хариклу, назвав имена всех участников. Эврилох, брат Харикла, узнав от него о том, что он слышал, немедленно сообщил об этом Птолемею, который передал информацию Александру. По приказу Александра указанные лица были арестованы и подвергнуты пыткам, в результате чего они признались, что сами замыслили убить его, но не назвали других соучастников и даже отрицали, что кто-либо еще был посвящен в заговор. Они упорствовали в своей отрицании, несмотря на то, что для получения новых имен были применены крайние меры. Затем их привели и предъявили как заговорщиков перед собравшимися македонскими воинами. Там они повторили свои признания. Говорят даже, что Гермолай, повторяя их ( ), хвастался тем, что это предприятие было законным и славным, осуждая тиранию и жестокость Александра, которые стали невыносимыми для свободного человека. Независимо от того, было ли такое хвастовство на самом деле, приведенные лица были признаны виновными и немедленно забиты камнями солдатами.

Казненными оказались молодые люди из хороших македонских семей, для осуждения которых Александр счел необходимым прибегнуть к тому, что он был уверен получить против любого — приговору солдат. Чтобы удовлетворить свою ненависть к Каллисфену — не македонцу, а лишь греческому гражданину, одному из выживших в разрушенном городе Олинфе — такая формальность не требовалась. Поэтому в его случае, как и в случае с Филотом ранее, необходимо было подобрать подозрительные моменты из его сообщенных высказываний и разговоров. Его обвиняли в том, что он обращался к пажам с опасными и

подстрекательскими речами, вызывая к Александру ненависть, подстрекая их к заговору и указывая на Афины как место убежища; кроме того, было хорошо известно, что он часто беседовал с Гермолаем. Для человека с буйным нравом и всемогущей властью Александра такие признаки были вполне достаточными основаниями для действий против того, кого он ненавидел.

В этом случае мы знаем о состоянии ума Александра из его собственных слов, приведенных в одном из упоминаний о его письмах, данных Плутархом. В письме к Кратеру и другим сразу после этого Александр ясно заявил, что пажы на протяжении всех пыток свидетельствовали только против самих себя. Тем не менее, в другом письме, адресованном Антипатру в Македонии, он использовал следующие выражения: «Пажи были забиты камнями македонянами, но я сам накажу софиста, а также тех, кто послал его сюда, и тех, кто укрывает в своих городах заговорщиков против меня». Софист Каллисфен был послан Аристотелем, который здесь упоминается, и, вероятно, афинянами после него. К счастью для Аристотеля, он находился не в Бактре, а в Афинах. Невозможно, чтобы он имел какое-либо отношение к заговору пажей. В этом жестоком всплеске угроз в адрес своего отсутствующего наставника Александр раскрывает истинное состояние души, которое побудило его уничтожить Каллисфена — ненависть к тому духу гражданственности и свободы слова, который Каллисфен не только лелеял, как и Аристотель и большинство других греческих литераторов, но и смело проявил в своем протесте против предложения поклоняться смертному.

Каллисфен сначала был подвергнут пыткам, а затем повешен. Его трагическая судьба вызвала глубокое сочувствие и возмущение среди философов древности.

Остановки Александра были грозны для друзей и спутников; его походы — для непокоренных туземцев, которых он решил рассматривать как врагов.^c

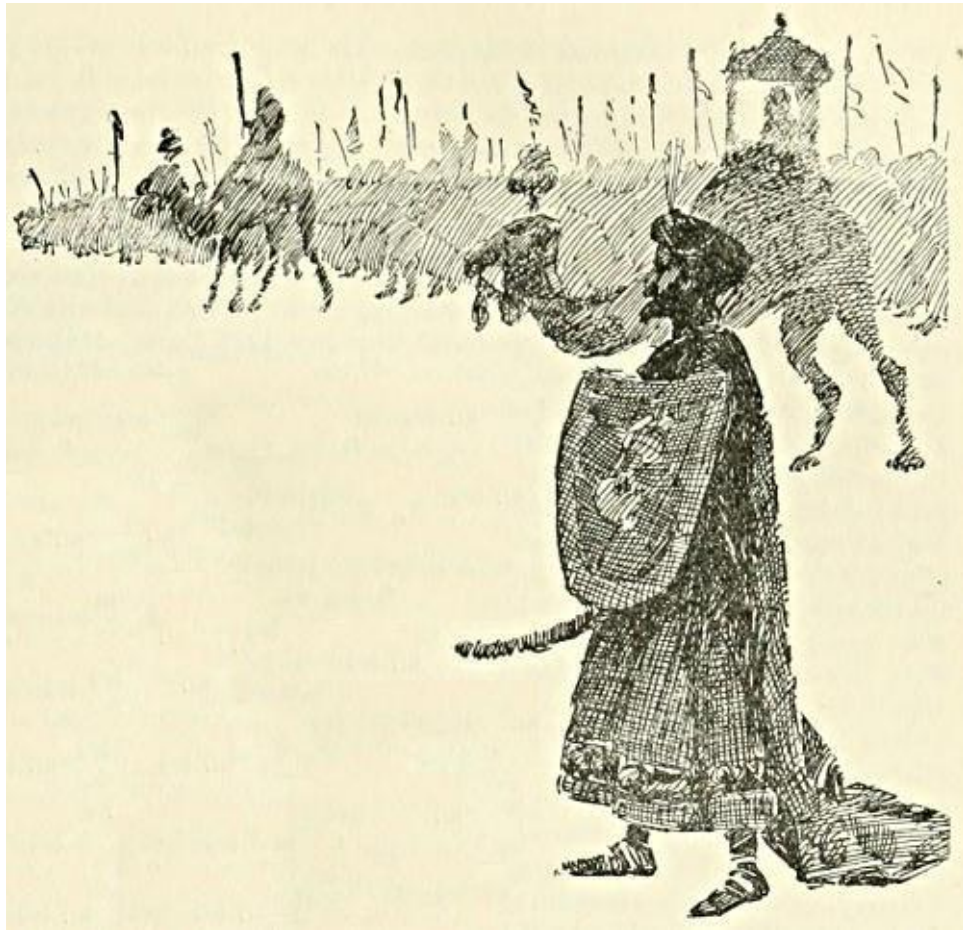
СНОСКИ

[28] [Курций, очевидно, говорит о Вавилоне своего времени (начало I века н. э.) и, без сомнения, правильно предполагает, что этот древний город не претерпел больших изменений со времен Александра. Читатель вспомнит рассказы о Вавилоне, приведенные из Геродота в нашем первом томе].

[29] [Гроут оценивает эту сумму в 11 500 000 фунтов стерлингов, что составляет около 55 000 000 долларов. Если рассчитывать в эгинских талантах, сумма будет гораздо больше. Гроут говорит, что это казалось бы невероятным, если бы не было найдено гораздо больше сокровищ Персеполя.]

[30] [Эта сумма, которую Гроут оценивает в 27 600 000 фунтов стерлингов или 138 000 000 долларов, не должна считаться невозможной, учитывая масштабы и вымогательство персидского деспотизма; солдатам платили провинции, которые их предоставляли; слуги правительства не получали зарплату наличными сверху; и королевские расходы на необходимые нужды были соответственно небольшими. Гроут отмечает, что когда Нади-Шах взял Дели в 1739 году, он обнаружил сокровища на сумму 32 000 000 фунтов стерлингов — даже больше, чем добыча Александра. Восточные деспоты также гордились огромными запасами драгоценных металлов. Профессор Бэри^d отмечает, как внезапное появление в обращении такой суммы «возмутило бы мировые рынки».]

[31] [Позже его привели к Александру, и тот приказал отрезать ему нос и уши. Калечение было отвратительным для греков, и даже Арриан^e (IV, 7) упрекает своего героя за это зверство. Затем Бесса передали мидянам и персам, которые, согласно Диодору,^f XVII, 9, «после того как подвергли его всевозможным пыткам и обращались с ним со всем возможным презрением и позором, разрезали его тело на мелкие куски и разбросали их повсюду из своих пращ». Плутарх,^g однако, говорит, что два прямых дерева были согнуты вместе, и к каждому из них привязали по одной ноге Бесса, так что, когда их отпустили и они разлетелись в разные стороны, его тело было разорвано на части.

ГЛАВА LV. ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ

После завоевания сатрапии Бактрии осталась только одна провинция Персидской империи, в которую Александр еще не вторгся со своими войсками. Уже до перехода через Паропамис он стал властелином большей части страны, которую персы называли Индией, и, возможно, почти достиг пределов, в которых признавалась власть Великого царя в последние годы монархии. Но власть первого Дария, безусловно, простиралась гораздо дальше на восток. В битве при Арбеле греки впервые увидели слонов, которые, как они слышали, были привезены с берегов Инда. Александру и его спутникам Индия с расстояния казалась новым миром, неограниченным по площади и изобилующим чудесами и богатствами. Даже без каких-либо других побуждений он, должно быть, горячо желал исследовать и покорить ее.

Царь Такшилы [или Такшасила] предложил Александру союз и просил у него помощи против могущественного соседа; таким образом, Александр убедился, что положение дел в этой части Индии было весьма благоприятным для его запланированного вторжения. В результате ряда революций, о которых не сохранилось никаких записей, большая часть этой территории во времена Александра попала под власть трех князей: Таксила и двух его родственников по имени Порос. Самым могущественным из них был непосредственный сосед Таксила; его территории простирались к востоку от Гидаспа. Именно против него царь Такшилы стремился укрепить свою власть, заключив союз с македонским завоевателем.

[327-326 гг. до н.э.]

Александр вторгся в Индию во главе 120 000 пехотинцев и 15 000 всадников. Следует предположить, что по крайней мере 70 000 из них были азиатскими войсками. Лето 327 года едва началось, когда он пересек горы и продвинулся к берегам Кофена, реки, образованной слиянием реки Кабул с Панджширом, более крупным потоком, впадающим в нее с северо-запада. Здесь, в соответствии с его призывом, его встретили Таксиль и несколько вождей из стран к западу от Инда, принеся подарки, которые считались самыми почетными; и поскольку он выразил желание получить слонов, они пообещали отдать всех, которых у них было, а это было не более двадцати пяти.

Александр разделил свои войска. Он послал Гефестиона и Пердика с сильным отрядом в сопровождении индийских вождей вниз по долине Кофена к Инду, чтобы подготовить мост для переправы армии, а сам направил свой поход в горы к северу от Кофена, между ним и Индом. Здесь находились территории трех воинственных племен — аспасийцев или гиппасийцев, гурейцев и ассакенов. Операции этой кампании, которая заняла остаток года, не требуют здесь подробного описания со всеми военными деталями. Он поднялся по изрезанной долине Хоэса и собрал огромную добычу, включая сорок тысяч пленников и от трехсот до четырехсот тысяч голов скота, из которых он отобрал лучших для отправки в Македонию. Затем он с некоторым трудом переправился через глубокую и быструю реку Гурей и вошел на территорию ассакенов. Александр принял капитуляцию столицы Массаги при условии, что наемники присоединятся к его армии. Но они проявили такой патриотизм, которого он не ожидал. Они были настолько не склонны обратить оружие против своих соотечественников, что, выйдя из города и разбив лагерь на холме, задумали бежать ночью. Александр был проинформирован об их замысле и, хотя они еще не приступили к его осуществлению, проявил меньшую щедрость, чем можно было бы ожидать от него, даже

если о милосердии не могло быть и речи, окружил холм своими войсками и всех их перебил. Затем, считая, что капитуляция была нарушена, он штурмом взял беззащитный город, где в его руки попали мать и дочь вождя.

Жители Базиры бежали в убежище, которое считалось неприступным и вскоре заполнилось беженцами со всех концов страны. Это был холм-крепость на правом берегу Инда, недалеко от его слияния с Кофеном. Его индийское название, по-видимому, было слегка искажено греками, в соответствии с их обычной практикой, до Аорнус, что соответствовало его необычайной высоте, как выше полета птицы. Он был отвесен со всех сторон и доступен только по единственной тропе, прорубленной в скале, хотя в одном направлении он был соединен с цепью холмов. Но его вершина представляла собой обширную равнину с плодородной почвой, частично покрытую лесом и содержащую обильные источники. Традиции страны, касающиеся его непреодолимой силы, по-видимому, дали повод для распространения в македонском лагере легенды о том, что сам Геракл безуспешно пытался его захватить. Александру не нужно было этого повода, чтобы воодушевиться на это предприятие. Он руководствовался принципом, которому обязан большинством своих завоеваний, — показать, что его не могут остановить никакие природные препятствия, и он решил сделать Аорнус своим.

Он не успел прибыть туда, как получил информацию о труднопроходимой тропе, ведущей на вершину холма, отделенного от скалы неглубокой, но довольно широкой впадиной. По этой тропе он послал Птолемея с отрядом легкой пехоты, который достиг вершины, прежде чем его заметил гарнизон, и немедленно, как ему было приказано, возвел укрепление и огненным сигналом сообщил о своем успехе в лагерь внизу. Индийцы тщетно пытались вытеснить его с этой позиции, и на следующий день Александр, несмотря на их энергичное сопротивление, после упорной борьбы присоединился к нему с остальной частью армии. Теперь он воспользовался своим численным превосходством и начал переносить насыпь через впадину. Он сам принимал участие в этой работе, и вся армия, воодушевленная его примером и призывами, продолжала ее с неустанным усердием. Но индийцы, потрясенные бесстрашием, с которым горстка людей захватила эту выгодную позицию, и встревоженные ходом работ, начали отчаиваться и подумывать о бегстве. Но пока они крались из этого места, Александр с частью своей стражи взобрался на пустую стену, вошел в крепость и с большим кровопролитием преследовал беглецов по равнинам внизу. Захват скалы, которая сопротивлялась нападениям Геракла, был отмечен торжественными жертвоприношениями и дал новый повод для красноречия Агиса и Анаксарха.

По-видимому, в ходе кампании в высокогорьях между Кофеном и Индом, по-видимому, на территории гураев, что македонцы были поражены некоторыми особенностями местной флоры и фауны, а также нравами туземцев и, вероятно, звучанием некоторых имен, напоминавших им легенды о Дионисе, чьи легендарные завоевания теперь так часто упоминали льстецы Александра с целью возвысить живого героя, которого они предлагали обожествить, над богом. Итак, мы читаем, что Александр прибыл в город под названием Ниса, который гордился Дионисом как своим основателем и в доказательство этого показывал плющ и лавр, посаженные им — зрелище, новое для македонцев с тех пор, как они покинули свою родину. Александр, как отмечает Арриан, был доволен их рассказом и хотел, чтобы все поверили, что он идет по стопам Диониса, поскольку надеялся, что македонцы, возбужденные соперничеством, будут более охотно переносить тяготы экспедиции, в которой он намеревался превзойти пределы, достигнутые божественным завоевателем. Если можно доверять этому замечанию Арианна ( ), то оно доказывает, что он еще не думал о каких-либо пределах своего продвижения в самых дальних уголках восточного мира.

Не позднее марта 326 года он пересек Инд, вероятно, немного выше его слияния с Кофеном. Он отпраздновал свое прибытие на восточный берег торжественной жертвоприношением, а вскоре после этого встретил Таксила, который вышел с армией и слонами, чтобы поприветствовать его и сопроводить в свою столицу, выражая ему самую полную преданность. По-видимому, именно во время своего пребывания в Таксиле Александр впервые смог удовлетворить свое любопытство в отношении учений и практик индийских аскетов. Он уже был свидетелем чего-то подобного в Коринфе, где встретил Диогена, жившего в простоте, достойной восточных гимнософистов — как греки называли мудрецов, которые почти обнаженными подвергали себя суровому индийскому небу. Сообщается, что он сказал, что если бы он не был Александром, он был бы Диогеном. Независимость человека, который не просил у своего королевского гостя ничего, кроме того, чтобы тот не стоял между ним и солнцем, поразила его как нечто, уступающее лишь завоеванию мира; и он испытал такое же восхищение индийскими квиетистами, которые проявляли родственный дух. Он желал увезти с собой некоторых индийских софистов в качестве спутников Анаксарха.

После торжественных жертвоприношений и игр Александр возобновил свой поход. Ему сообщили, что Порос собрал свои войска на левом берегу Гидаспа, чтобы защитить переправу; поэтому он отправил Козна обратно к Инд, с приказом распилить суда, на которых переправилась армия, на две или три части и перевезти их к Гидаспу. Он оставил всех своих инвалидов в Таксиле и усилил свою армию пятью тысячами индийцев, которыми лично командовал Таксилес. Прибыв на правый берег Гидаспа, он увидел всю армию Пора с двумя-тремя сотнями слонов, выстроенную на другом берегу.

Чтобы отвлечь внимание Пора, он разделил свою армию на несколько колонн, с которыми он совершал частые вылазки в разных направлениях, как будто не зная, где ему следует попытаться переправиться.

ВОЙНА С ПОРОМ

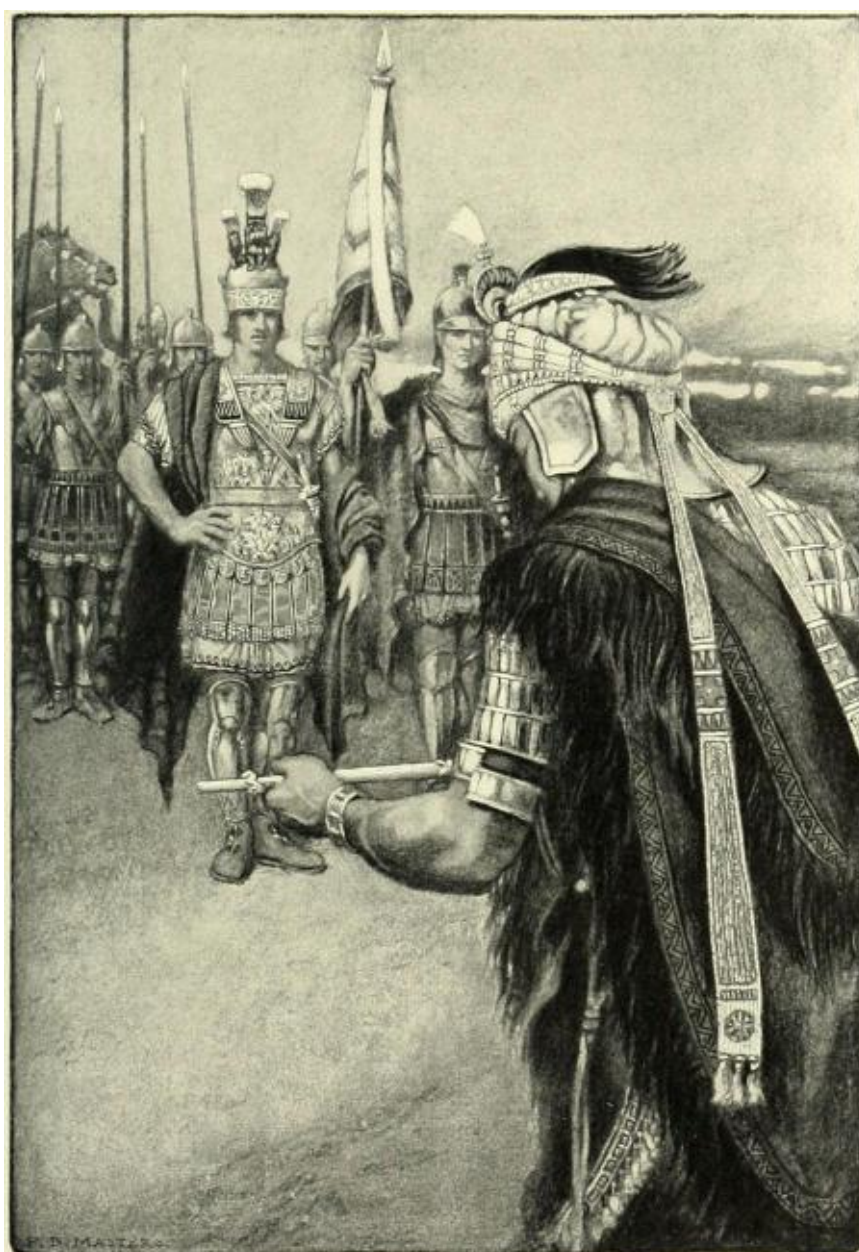
На расстоянии одного дня марша выше лагеря, на изгибе реки в западном направлении, где выступающий правый берег был покрыт лесом, поток разделял остров, также густо заросший лесом. Это было место, которое Александр выбрал для своей попытки. Он приказал перенести туда суда, привезенные по частям из Инда — укрытие леса позволило рабочим собрать их снова незаметно. Были также предоставлены шкуры, которые нужно было набить соломой. Ночь за ночью он выезжал со своей кавалерией, делая как можно больше шума, и продвигался вверх или вниз по реке, как будто пытаясь переправиться. Порус сначала выводил своих слонов и двигался в сторону, откуда доносился шум. Но когда эта уловка повторялась много раз, он перестал обращать на нее внимание и не трогал своих слонов, слыша шум на другом берегу.

Александр сам выступил с отбором своей македонской кавалерии, а также с бактрийскими, согдийскими и скифскими вспомогательными войсками, всего около пяти тысяч человек, и отборным подразделением тяжелой и легкой пехоты, в которое входили гипасписты и бригады Клита и Козна. Он направил свой поход на достаточном расстоянии от реки, чтобы скрыться от глаз врага, и около заката солнца прибыл на противоположный берег острова. Ночью сильный дождь, сопровождавшийся страшной грозой, немного затруднил работу солдат, но шум также помог заглушить стук топоров и молотков и весь шум подготовки, который в противном случае мог бы дойти до поста на противоположном берегу.

С наступлением света дождь прекратился, и буря утихла: войска немедленно погрузились на корабли. Сам царь вместе с Птолемеем, Пердиккой, Лисимахом и Селевком, основателем сирийской династии, поднялся на борт небольшой галеры вместе с частью гипаспистов. Лесистый остров скрывал их движения, пока, миновав его, они не оказались на небольшом расстоянии от левого берега. Тогда их впервые заметили индийцы, стоявшие там на страже, которые немедленно помчались на всех парах, чтобы передать весть. Порос не был из тех, кого так легко сломить. Первая мысль, которая пришла ему в голову, когда он получил известие, была о том, что еще есть время догнать врага, пока тот не завершил высадку, и он немедленно послал одного из своих сыновей с двумя тысячами всадников и 120 колесницами в это место. Александр атаковал всей своей кавалерией. Индийцы едва дождались удара этой значительно превосходящей их силы. Четыреста из них были убиты, в том числе и сам принц.

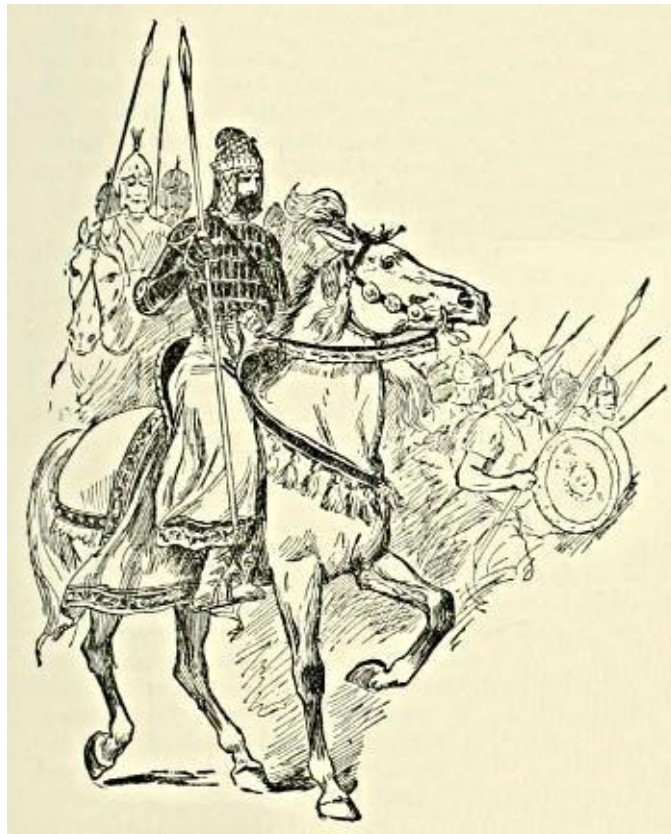
Даже эта катастрофа не сломила мужество Пора; оставив часть своих слонов, чтобы сдерживать Кратера, он двинулся на решающий бой с двумя сотнями слонов, всей своей кавалерией (около четырех тысяч человек), тремя сотнями колесниц и большей частью своих тридцати тысяч воинов.

КАПИТУЛЯЦИЯ ПОРА

Александр, увидев врага, приказал своей кавалерии остановиться, чтобы дать время пехоте догнать его и перевести дух после долгого и быстрого марша, а сам, наблюдая за расположением вражеской армии, решил, как он будет атаковать. Он, как обычно, расположился на правом фланге с основной частью кавалерии, а Коэну с двумя эскадронами — на левом. Свойственной ему проницательностью он предвидел, что атака на левое крыло врага вынудит правую кавалерию выйти на защиту, и приказал Коэну в этом случае напасть на их тыл. Сначала было приказано выдвинуться конным лучникам, которые доставили врагу некоторое беспорядки градом стрел. Затем Александр повел в атаку остальную часть своей кавалерии. Индийская кавалерия правого фланга была подведена на подмогу левому флангу, но в то же время была атакована с тыла Коэном и с фронта Александром. Все войско, в полном беспорядке, укрылось за линией слонов, и македонская фаланга продвинулась вперед, чтобы воспользоваться замешательством и поддержать свою кавалерию. Однако удар огромных животных, пока они были под контролем, нанес ущерб даже рядам фаланги и дал время индийской кавалерии собраться. Но когда они были оттеснены второй атакой македонской конницы ( ) и сражение переместилось на более узкое пространство, слоны, сдавленные со всех сторон, стали неуправляемыми; многие из них потеряли своих погонщиков и, обезумев от ран, обрушили свою ярость без разбора на друзей и врагов. Тогда фаланга открыла для них большое пространство и уклонилась от их атаки, в то время как легкие войска обстреливали их снарядами или калечили их хоботы и оттесняли их обратно в свои ряды, где, пока хватало сил, они сеяли хаос и смятение. Наконец, когда многие из них были убиты, а остальные, изможденные ранами и усталостью, перестали быть грозными, Александр приказал провести еще одну общую атаку конницы и пехоты; и индийцы, разгромленные по всем направлениям, бросились бежать. К этому времени Кратер и подразделения на правом берегу завершили переправу и, присоединившись к преследованию со всей энергией свежих войск, устроили страшную резню среди беглецов.

Число убитых на стороне индийцев, согласно более умеренным оценкам Диодора, составило около двенадцати тысяч. Среди них были два других сына Пора и большая часть его главных офицеров. Было взято в плен девять тысяч человек и восемьдесят слонов. Потери македонцев, как обычно, оцениваются всего в несколько сотен человек.

Сам Порос, сидя на слоне, руководил действиями своих войск и доблестно участвовал в сражении. Он получил ранение в плечо — его тело защищал доспех необычной конструкции, который был устойчив ко всем снарядам, — но, в отличие от Дария, пока его войска удерживали свои позиции, он не собирался сдаваться. Однако, когда он увидел, что все рассеялись, он тоже повернул своего слона для бегства. Он был заметной мишенью и его легко догнали. Все, о чем он просил Александра, было, чтобы с ним обращались как с королем; и когда Александр заметил, что это не более, чем король должен сделать для своего собственного блага, и предложил ему высказать какую-нибудь просьбу для себя, его ответ был все же, что все было включено в этом. Его ожидания едва ли могли сравниться с щедростью завоевателя. Он не только был восстановлен в своем королевском достоинстве, но и получил большую прибавку к своим владениям. Однако, безусловно, не чистое великодушие или восхищение его характером побудили Александра к такому поступку. Он осознавал, что его силы недостаточны, чтобы сместить местных князей к востоку от Инда и присоединить их территории к своей империи в виде сатрапии. Отсюда и проявилась его щедрость по отношению к Таксилу. Но сам Таксил мог стать грозным соперником, и единственным способом обеспечить македонское господство в Пенджабе было уравновесить соотношение сил.

Александр, похоронив убитых и торжественно отпраздновав свою победу с обычной для него пышностью, предоставил основной части своей армии месяц отдыха, возможно, в столице Пора. Продолжение дождей, вероятно, было главной причиной этой задержки. Но прежде чем покинуть место своего триумфа, он основал два города недалеко от Гидаспа — один, который он назвал Никея, недалеко от поля битвы, а другой — недалеко от места, где он переправился через реку; этот он назвал Буцефала, в честь своего доблестного коня, который пал либо от усталости, либо от ран в час победы.

ВОСТОЧНАЯ ГРАНИЦА

Прежде чем возобновить свой поход на восток, Александр приказал срубить большое количество леса для кораблей в лесах на верхнем течении Гидаспа, где в изобилии росли ели и кедры, и сплавить его по течению к своим новым городам, а также построить флот для плавания по Инд. Во время своего похода вверх по реке Гидраотес Александр получил или вынудил подчиниться некоторые другие более мелкие племена. Приблизившись к Сангале, он обнаружил, что кафы прочно укрепились на изолированном холме недалеко от города, за тройным барьером из повозок. Последовала кровавая бойня, поскольку осажденные оказали энергичное сопротивление, и более двенадцати тысяч осаждающих, в том числе несколько генералов, были ранены. В отместку было убито 17 тысяч варваров, 70 тысяч были взяты в плен. Затем Александр продолжил свой поход на юго-восток и прибыл к берегам Гифасиса, или, вернее, реки, образованной слиянием Гифасиса (Биаса) с Гесидрусом (Сутледжем).

Здесь он наконец достиг предначертанного предела своего продвижения на восток. Александр, без сомнения, давно разочаровался в узких границах, которые, согласно географии его времени, он сначала присвоил Индии и восточной части земли. Океан, который он когда-то представлял себе не очень удаленным от берегов Инда, по мере его продвижения отступал на неизмеримое расстояние. Он обнаружил, что за Гифасисом

пустыня, более обширная, чем любая из тех, которые он до сих пор пересекал, отделяла равнины Пяти рек от региона, орошаемого притоками Ганга, реки, более могущественной, чем Инд; что страна к востоку от Ганга была резиденцией великой монархии, гораздо более могущественной, чем монархия Пора, земля гангаридов и прасийцев, чей царь мог выставить на поле боя двести тысяч пехотинцев, двадцать тысяч всадников и несколько тысяч слонов. То, что эта информация скорее разжигала любопытство и амбиции Александра, чем сдерживала его, вряд ли может вызвать сомнения у тех, кто хорошо знаком с его характером, даже если это и не было прямо указано древними.

Но рассказы, которые разжигали его пыл, погрузили македонян в угрюмое уныние, которое в конце концов вылилось в открытые ропоты. Возможно, если бы они видели перед собой какую-то четкую и определенную цель, они не уклонились бы от опасностей и трудностей последнего предприятия, каким бы трудным оно ни было. Но выйти из региона, который когда-то казался им краем обитаемого мира ( ), в новую серию завоеваний, конца которой они не могли предвидеть, было достаточно, чтобы напугать даже самых смелых духом. Их мысли начали с неудержимой силой возвращаться к их домам на далеком западе, так как у них были основания опасаться, что они вот-вот будут навсегда оторваны от них ^[32]). Ведь даже из тех, кто смог бы избежать многочисленных опасностей новой кампании, сколько людей было бы обречено остаться колонистами и провести остаток своей жизни в этой чужой стране! Индия была еще более безнадежным местом изгнания, чем Бактрия и Согдиана, где греки, насильно поселенные там, удерживались только страхом. Желание вернуться стало всеобщим и вскоре превратилось в твердое решение не продолжать путь.

Трудно предположить, насколько аргументы, с помощью которых Александр пытался преодолеть сопротивление своих войск и воодушевить их своим собственным духом, походили на те, которые ему приписывают Арриан и Куртий. Угроза, которую Куртий вкладывает в его уста, что, если македоняне не последуют за ним, он бросится на своих бактрийских и скифских союзников и проведет экспедицию только с ними, скорее всего, неверно отражает тон, который он принимал. Но можно легко предположить, что он выразил свои желания и призвал армию к послушанию с страстной красноречивостью. Однако не только чувства войск, но и мнение его офицеров были против предложенного предприятия; и Коэн, в речи, которая была либо лучше написана, либо более точно передана, чем речь царя, призвал его отказаться от своего замысла. Александр в недовольстве удалился в свою палатку.

На следующий день он снова собрал армию и сделал еще одну попытку преодолеть их нежелание, заявив, что не будет заставлять македонцев сопровождать его; он был уверен, что среди них найдется достаточно добровольцев для его цели; остальные могут вернуться домой и сказать, что они оставили своего царя в окружении врагов. Но даже этот призыв не возымел никакого эффекта. Три дня он не выходил из своей палатки, куда не допускались даже его главные офицеры, ожидая изменения в настроении солдат. Но тишина, царившая в лагере, убедила его, сильнее, чем могли бы убедить слова, что их решение было окончательным. Тогда он почувствовал, что пришло время уступить — возможно, не без некоторой гордости от мысли, что в армии не было ни одного человека, способного, как он, презирать трудности и опасности. Однако он, по-видимому, зашел слишком далеко, чтобы отступить без какого-либо другого предлога. Жертвоприношения легко послужили таким предлогом. Когда они оказались неблагоприятными для перехода через реку, он созвал совет и объявил о своем решении отступить.

Армия приняла это решение со слезами радости и криками благодарности. Прежде чем покинуть Гифасис, он приказал построить на его берегах двенадцать огромных алтарей и посвятить их богам, которые привели его к победе; затем, после торжественного

жертвоприношения и игр, он начал возвращаться назад. На Ацесине он обнаружил город, который по приказу Гефестиона был построен и готов принять колонию; там он оставил инвалидов-наемников и столько же жителей соседних районов, сколько желали поселиться там.

Флот на Гидаспе был теперь почти готов, но два новых города так сильно пострадали от дождей, что армия некоторое время была занята их восстановлением. Тем временем Александр окончательно урегулировал дела в северном Пенджабе, в результате чего Порос получил новые территории, так что его владения, как говорят, включали семь народов и более двух тысяч городов, а также, по-видимому, титул, который устанавливал его превосходство над всеми вождями к востоку от Инда.

ПОХОД НА ЗАПАД

[326-325 гг. до н.э.]

Флот, который, вероятно, в основном был собран из местных жителей, насчитывал, по словам Птолемея, почти две тысячи судов различных типов, в том числе восемьдесят военных галер. Командование всем флотом было поручено Неарху. Александр разделил свои силы на четыре корпуса. Основные силы с около двумя сотнями слонов должны были продвигаться по восточному берегу под командованием Гефестиона. Кратар должен был вести меньший отряд пехоты и кавалерии по противоположной стороне реки. Филипп с войсками своей сатрапии получил приказ идти окольным путем к месту, где два других полководца должны были ждать флот, на который сам царь должен был сесть вместе с гипаспистами, лучниками и отрядом своей конной гвардии — всего восемь тысяч человек. Утром в день отправления Александр под руководством своих предсказателей принес жертвы и произнес молитвы, которые считались наиболее подходящими для умиловления сил индийских рек — Гидаспа и стремительной Ацесины, которая вскоре должна была впасть в него, и могучего Инда, который впоследствии должен был принять их объединенные воды. Среди богов запада с особым почтением призывали Геракла и Аммона; затем, под звуки труб, флот начал спускаться по реке.

Это было зрелище, которого грудь Гидаспа никогда раньше не видела и не видела с тех пор. Его высокие берега были переполнены туземцами, которые стекались со всех сторон с жадным любопытством, чтобы посмотреть, и сопровождали флот на некотором расстоянии, прежде чем они могли насытиться видом величественных галер, лошадей, людей, могучей массы судов, скользящих вниз в непрерывном порядке; и когда соседние леса оглашались сигналами боцманов, размеренными криками гребцов и плеском бесчисленных весел,двигающихся в идеальном ритме, индейцы тоже выражали свое восхищение мелодиями своей национальной музыки.

Александр, продвигаясь вперед, высаживал свои войска везде, где считал необходимым продемонстрировать силу, чтобы вынудить соседние племена подчиниться, хотя и с неохотой тратил время на эти набеги; он стремился как можно скорее достичь границ Малли, воинственного племени, от которого он ожидал энергичного сопротивления и которое он поэтому хотел застать врасплох, пока оно не завершило свои приготовления и не объединилось со своими союзниками, в частности с южными соседями Оксидраками или Судраками. Через пять дней он прибыл ко второму месту сбора, к слиянию рек Гидасп и Ацесина. Его индийские лоцманы предупредили его об опасности, с которой флот столкнется в этом месте ( ); однако он не смог ее избежать. В это время обе реки сливаются в узком месте, где их противостоящие воды режут и бушуют, образуя водовороты и волны. Несколько длинных галер потеряли большую часть весел и были сильно повреждены; две

из них столкнулись друг с другом и полностью разбились, а многие члены экипажей погибли. По некоторым сведениям, Александр сам в какой-то момент посчитал, что его галера находится в такой опасности, что он был готов прыгнуть за борт. Когда течение расширилось и утратило свою силу, мыс на правом берегу предоставил флоту укрытие.

Пока флот проходил необходимый ремонт, Александр отправился в экспедицию вглубь страны против сибов, или сиваев, названных так, несомненно, в честь индийского божества, которое было главным объектом их поклонения. По возвращении к флоту к нему присоединились три его генерала, и он немедленно приступил к подготовке к покорению малли.

Нет сомнений, что название этого народа сохранилось в названии современного города Мултан. Объединенные силы малли и судрацев, по самым скромным подсчетам Диодора и Куртия, насчитывали восемьдесят тысяч пехотинцев, десять тысяч всадников и семьсот колесниц; а из того, как они объединены, можно предположить, что в этом отношении между ними не было неравенства. Но эти две расы состояли из совершенно разных элементов: название одной, по-видимому, произошло от названия касты судра, а в другой, несомненно, преобладали брахманы. Поскольку можно было ожидать, что они будут чувствовать себя наиболее безопасно на стороне пустыни, Александр решил сам пересечь ее с одной частью своей армии, проникнув в самое сердце их страны, в то время как две другие части армии пересекли ее в других направлениях, чтобы перехватить отступающих, которых он мог бы прогнать перед собой.^b

С удивительной легкостью и энтузиазмом Александр и его войска захватывали одну цитадель за другой и разгромили одну орду за другой, безжалостно убивая тех, кто сражался, и тех, кто бежал. Но современный читатель не с такой же легкостью и энтузиазмом просматривает каталог побед, который настолько длинный, что становится однообразным. Поэтому мы опускаем рассказы о различных успехах македонцев и спешим к живописной кульминации перед главным городом маллианцев, о которой рассказывает Арриан.^a

ХРАБРЫЕ МАЛЛИАНЦЫ

[325 г. до н. э.]

Когда защитники не смогли выдержать натиска, они отступили в крепость. Александр со своими войсками, взломав одну из ворот города, вошел в него и захватил его задолго до остальных. Пердикка и его отряд, едва взобравшись на стены (поскольку многие из них еще не успели вернуть свои лестницы), увидели, что город взят, потому что стены остались без защиты.

Однако осажденные, войдя в крепость и решительно настроенные удержать ее, некоторые македонцы пытались подкопать стены, другие — взобраться на них, и соответственно занялись установкой лестниц, где только могли, с целью штурмовать крепость. Но Александр, не терпя их медлительности, вырвал лестницу из рук одного из солдат, приставил ее к стене и, защитив свое тело щитом, сразу же взобрался наверх. За ним последовал Пеукестас, неся освященный щит, который Александр взял из храма троянской Паллады Афины ( ) и приказал нести перед собой во всех сражениях; за ним по той же лестнице поднялся Леоннат, а по другой — Абреас (который получал двойное жалованье за прежние заслуги). И вот Александр, достигнув вершины крепостной стены и закрепив свой щит для защиты, сбросил некоторых из защитников вниз, в замок, а других убил своим мечом, очистив место, где стоял.

Но королевские стрелки, проявляя чрезмерное рвение и стремясь подняться в слишком большом количестве, сломали лестницы и тем самым не только сами упали, но и помешали подняться другим. Александр тем временем стоял как мишень для всех индийцев, которые находились в соседних башнях, ибо никто из них не осмеливался подойти к нему так близко, чтобы сражаться врукопашную; и те, кто находился внутри замка, также бросали в него дротики, но с некоторого расстояния (поскольку индийцы возвели вал внутри стены, где они стояли, и легко узнавали его как по блеску его доспехов, так и по величию его мужества). Однако он решил, что лучше, чем продолжать оставаться на этом месте, где нечего было делать, броситься прямо в замок, полагая, что такое действие наполнит ужасом осажденных или, по крайней мере, значительно приумножит его славу, а если он умрет там, то заслужит восхищение и аплодисменты потомков; после чего он немедленно прыгнул в замок, где, прижавшись к стене, убил мечом некоторых из врагов, которые бросились на него, в том числе и индийского генерала. Других, когда они приблизились к нему, он поразил камнями и отбросил назад; но когда они во второй раз подошли ближе, он убил их также мечом, так что варвары теперь не смели больше пытаться подойти к нему, а собравшись вокруг него на некотором расстоянии, бросали в него свои дротики и другое оружие, которое у них было или которое они могли найти на том месте.

Пеукестас, Абреас и Леоннатус были единственными тремя людьми из всей македонской армии, которые взобрались на крепостную стену до того, как лестницы сломались, и они спрыгнули внутрь и отважно сражались, чтобы спасти своего царя. Абреас был ранен в лицо стрелой и упал замертво. Нагрудник Александра был пронзен стрелой, в результате чего он получил рану в грудь, которая, по словам Птолемея, была настолько опасной, что из-за обильного кровотечения его жизнь была поставлена под угрозу: тем не менее, пока он был горяч, он сохранял свою врожденную храбрость и доблестно защищался; но кровь, хлещущая из него, и падающие силы привели к головокружению и ознобу во всех конечностях, после чего он упал вперед на свой щит. Пеукестас, держа священный щит Паллады, стоял рядом с царем и защищал его от вражеских стрел с одной стороны, а Леоннат — с другой; но они тоже были тяжело ранены, и Александр был близок к тому, чтобы потерять кровь и жизнь.

Македоняне снаружи были в крайнем беспокойстве, решая, как им взобраться на стены и проникнуть внутрь замка, опасаясь, что их царь, который опрометчиво подверг себя опасности, взобравшись на стены и прыгнув вниз среди врагов, может оказаться в опасности; а поскольку их лестницы были сломаны, они использовали все свое мастерство, чтобы придумать другие способы подняться: тогда некоторые из них вбили в стену (которая была построена из кирпича) большие железные штыри и, ухватившись за них, с большим трудом поднялись; другие взобрались на плечи своих товарищей и таким образом достигли вершины; однако тот, кто взобрался первым, спрыгнул на другую сторону и увидел короля, лежащего на земле; а затем, последовавшие за ним другие, с ужасными криками и стенаниями, вступили в ожесточенную битву, пытаясь изо всех сил спасти своего короля, прикрывая его своими щитами. Тем временем другие сорвали решетки и выломали ворота между двумя башнями, проложив путь для своих товарищей, а часть стены, не выдержав сильных ударов других, открыла новый проход в замок.

ТЯЖЕЛАЯ РАНА АЛЕКСАНДРА И СКОРЬБЬ АРМИИ

Затем последовала жестокая резня индийцев: каждый найденный был убит, не пощадили даже женщин и детей. Затем македоняне обратили свое внимание на своего царя, которого унесли на щитах, не зная, умрет он или останется в живых. Некоторые авторы рассказывают, что Критодем, врач из Коса, вскрыл его рану и извлек стрелу; другие — что

эту задачу выполнил Пердиккас, поскольку врача не было, а дело было срочным: Александр приказал вскрыть рану, хотя и мечом, и извлечь стрелу из его тела. Однако во время операции он потерял много крови и снова потерял сознание.

Индийский принц, время Александра

Пока царь лежал там, ожидая заживления раны, в лагерь, откуда он отправился в этот поход, принесли известие о его смерти; при этом по лагерю пронесся внезапный крик, когда весть распространилась от одного к другому: и когда они немного пришли в себя и начали сдерживать свою скорбь, они были странно озадачены и находились в большом сомнении, кого выбрать во главе армии (поскольку многие, по мнению не только Александра, но и македонцев, казались одинаково достойными этой чести благодаря своим заслугам), и как им безопасно вернуться в свою страну, окруженной столькими жестокими и воинственными народами; некоторые из которых, которых они еще не посетили, по всей вероятности, будут отважно сражаться за свою свободу, а другие, которых они посетили, восстанут, когда избавятся от страха перед Александром. Кроме того, когда они начали думать о том, сколько огромных рек лежало между ними и их страной, которые они никак не могли пересечь, они почти впали в отчаяние; и действительно, все казалось им ужасным, когда они лишились своего царя: и даже когда прежние сообщения были опровергнуты и пришла весть о том, что он все еще жив, посланник с трудом смог добиться доверия, ибо они слышали ранее, что надежды на его жизнь были невелики; более того, когда пришли письма, сообщавшие, что он вскоре вернется в лагерь, многим эта весть показалась невероятной, ибо они полагали, что письма были не более чем уловкой его телохранителей и генералов его армии.

Когда Александр узнал об этом, он начал опасаться, что может произойти восстание, по этой причине, как только его здоровье позволило, он приказал отвезти себя на берег реки Гидротес, а оттуда вниз по течению к лагерю, который находился недалеко от слияния Гидротеса и Ацесина, где Гефестион командовал армией, а Неарх — флотом. Когда корабль с королем на борту приблизился к лагерю, он приказал поднять королевский флаг на корме, чтобы его видела вся армия. Но многие все еще не верили, что он жив ( ), думая, что корабль везет его мертвое тело, пока он наконец не приблизился к берегу и не протянул правую руку к толпе.

Тогда раздался громкий крик радости, некоторые подняли руки к небу, другие — к своему королю; и многие, которые отчаялись в его жизни, растаяли в слезах от такой внезапной и неожиданной радости. И когда, по прибытии на берег, ему принесли ложе или носилки, на которых его везли раньше, он отказался от них и приказал приготовить лошадь, на которую, взойдя, он снова принял радостные возгласы всей армии; берега и соседние леса эхом отражали этот звук. Когда он приблизился к своей палатке, он спрыгнул с лошади и показался своей армии пешком, чтобы дать им больше уверенности в своем здоровье. Тогда между ними возникло всеобщее соперничество, и они стремились подойти к нему как можно ближе, и некоторые стремились коснуться его рук, другие — его колен, третьи — только его одежды; а некоторые были довольны даже тем, что видели его и желали ему здоровья и счастья; некоторые принесли венки, а другие — цветы, которые росли в этой стране, чтобы усыпать ими его путь; и когда некоторые из его друзей упрекнули его за то, что он подвергает себя такой опасности ради армии, и сказали ему, что это дело не генерала, а простого солдата, Неарх рассказывает нам, что он плохо воспринял их упреки, и причина, по которой он обиделся на их смелость, по-видимому, заключалась в том, что их упреки были справедливы, и он сознавал, что заслужил их. Однако его мужество в бою и жажда славы заставили его пойти так далеко, что он не смог сдержаться и удержаться от опасности.^e

Пока Александр выздоравливал от тяжелой раны, те из маллов и судрак, кто остался в живых, послали послов и подчинились, сохранив столько гордости, сколько смогли. Им устроили банкет, а затем присоединили к сатрапии Филиппа и обязали тысячу их лучших воинов следовать за Александром вниз по реке. На слиянии рек Ацесины и Инд он велел Филиппу построить город. Его тесть Оксиарт, принесший весть о проступках сатрапа Паропамиса Тириаспа, получил сатрапию в свое распоряжение. Кратер был отправлен на запад, в Карманию, с основной частью сухопутных войск. Богатое княжество Музикануса сдалось без сопротивления, но позже подняло восстание, и Музиканус был повешен на кресте в качестве примера. Князь Патталы сдался без боя, и Александр отплыл к океану. Здесь македонцы впервые увидели настоящий океанский прилив, и многие из их кораблей, после того как сели на мель, были позже разбиты быстрым отливом на этом побережье, пока испуганные войска, как говорит Квинт Курций, «не смели ни выйти на берег, ни остаться на борту», и последовал обычный результат паники, ибо, как старый Джон Дигби в 1747 году причудливо перевел Куртия, «во всех бурных собраниях поспешность имеет пагубные последствия».

[325-324 гг. до н. э.]

Адмирал Неарх теперь должен был провести флот от Инда до Тигра через Персидский залив, что в те ранние дни было чудесным подвигом мореплавания. Примерно в августе Александр двинулся на запад по суше и вскоре достиг пустыни Гедросия, где ужасы похода заслуживают более подробного описания.^a

ПОЛУОСТРОВ

Затем он сам двинулся вперед к Пуре, столице Гедросии, куда прибыл на шестидесятый день после отправления из страны Оригов. Многие авторы, писавшие о жизни Александра, рассказывают нам, что все лишения, которые выпали на долю его армии во время похода по Азии, не шли ни в какое сравнение с теми, которые ей пришлось перенести во время этого похода. И Неарх уверяет нас, что, хотя он не мог не знать о трудностях, с которыми им пришлось столкнуться в такой стране, он все же был полон решимости идти вперед.

Он рассказывает, что жители сообщили ему, что ни один полководец никогда не смог безопасно провести армию через эти пустыни; что Семирамида, вступая в них с большим количеством людей во время своего бегства из Индии, провела через них не более двадцати человек из всей своей армии; и что Кир, сын Камбиза, который также пытался вторгнуться в Индию, но потерпел неудачу, потерял большую часть своих сил в этих опасных пустынях, и только он сам и семь его последователей смогли спастись; что эти истории, рассказанные Александру, не только не ослабили его решимость, но, напротив, еще больше воодушевили его на попытку провести свою армию через эти места, где и Кир, и Семирамида потерпели неудачу, чтобы показать, что для таких солдат, возглавляемых таким полководцем, нет непроходимых стран.

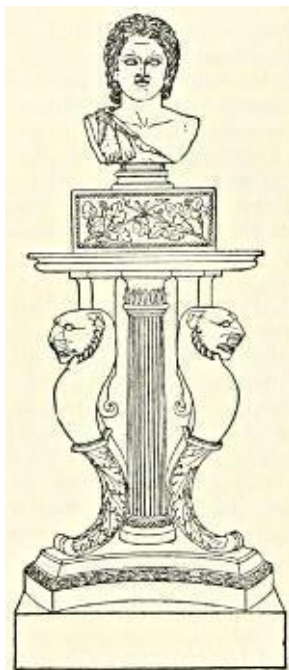
По этим причинам, а также для того, чтобы быть ближе к побережью и обеспечить свой флот всем необходимым, он решил вернуться тем же путем. Однако жара была настолько сильной, а нехватка воды настолько великой, что многие из его людей и большая часть их вьючных животных погибли — некоторые задохнувшись в глубоких раскаленных песках, но большая часть от жажды; ибо они нашли много маленьких курганов или холмов из песка, на которые были вынуждены подниматься, и где не было твердой опоры для ног, а они проваливались глубоко, как в глину или свежавывающий снег; и их лошади и мулы были не менее измучены и утомлены чрезмерной жарой и невыносимыми тяготами такого похода, чем люди. Большое расстояние между местами отдыха было одной из причин трудностей армии, поскольку из-за нехватки воды им часто приходилось продолжать поход гораздо дальше, чем в обычных условиях. Затем длина похода, чрезмерная жара и мучительная жажда, которую они терпели, унесли жизни многих из них.

Тогда солдаты начали убивать многих вьючных животных для собственного потребления; когда провизия закончилась, они посоветовались, убили лошадей и мулов, съели их мясо, а потом оправдались, притворившись, что животные умерли от жары или жажды, и никто не потрудился тщательно расследовать это дело: говорят, что даже сам Александр не был об этом в неведении, но, поскольку их нужды были понятны, он счел более разумным скрыть свое знание об этом, чем, по-видимому, одобрить это, позволив виновным избежать наказания. И теперь они оказались в таком затруднительном положении, что ни больные, ни уставшие от путешествия не могли идти дальше, отчасти из-за нехватки животных, отчасти из-за нехватки повозок, которые сами солдаты разбили на куски, потому что не могли легко тянуть их по песку. Многие также сломали свои повозки еще до начала этого похода из-за страха, что их заставят покинуть более короткий и ближайший путь и выбрать более дальний, только потому, что он был более удобен для повозок.

По этой причине многие остались позади — некоторые из-за болезни, некоторые из-за жары и усталости, а другие из-за жажды; и никто не позаботился ни о том, чтобы восстановить их здоровье, ни о том, чтобы помочь им продвигаться вперед; армия двигалась быстрым шагом, и все находились в такой опасности, что были вынуждены пренебречь заботой о отдельных людях. Если кто-то случайно засыпал из-за огромной усталости после тяжелого ночного марша, то, проснувшись, если у него были силы, он следовал за армией по следам ее шагов, хотя немногие из них добирались до нее, а подавляющее большинство тонуло в песках, как моряки в океане, и таким образом гибло.

Произошел еще один несчастный случай, который в равной степени затронул людей и животных: страна Гедросия, как и Индия, подвержена дождям, когда дуют этезийские ветры; но эти дожди идут не на равнинах, а в горах, где облака, не достигая вершин, как бы задерживаются ветрами и распадаются на ливни. Поэтому, когда армия разбила лагерь возле небольшого ручья, чтобы запастись водой, около второй стражи ночной

(наполнившись внезапными дождями, которые никто из них не заметил), он вылился таким страшным потоком, что многие женщины и дети, которые следовали за лагерем с королевским имуществом и вьючными мулами, которые остались в живых, были смыты. Более того, наводнение было настолько сильным, что солдаты едва смогли спастись, многие из них потеряли оружие, а некоторые и жизнь; многие, долго терпевшие крайнюю жару и жажду, найдя здесь много воды, при первом же приходе сюда, напились до избытка и умерли. И поэтому после этого Александр никогда не позволял своим людям разбивать лагерь вблизи реки, а только на расстоянии не менее двадцати стадий, чтобы они не бросались вперед и не пили слишком много, что могло привести к их гибели; он также следил за тем, чтобы те, кто приходил первыми, не входили в воду, чтобы не сделать ее непригодной для остальной армии.

Греческий треножник и бюст

В то время как армия страдала от ужасной жары и жажды в этой пустыне, Александр совершил один доблестный поступок, о котором мы ни в коем случае не можем промолчать, хотя некоторые авторы утверждают, что это произошло не здесь, а в пустыне Паропамис. Поскольку войска продолжали свой поход по пескам, отражавшим на них палящие лучи солнца, им приходилось ежедневно отправлять отряды на поиски воды; царь, хотя и был готов упасть в обморок от жажды, шел пешком во главе своих войск, чтобы его офицеры и солдаты (как это обычно бывает в таких случаях) могли с большим терпением переносить те лишения, которые их полководец разделял с ними. Тем временем несколько легко вооруженных солдат, отправленных на поиски воды, нашли небольшое количество воды недалеко от армии, в русле почти высохшего ручья, но она была очень грязной; тем не менее, они набрали ее, принесли в щите и преподнесли королю в качестве ценного подарка.

Он принял его, поблагодарил тех, кто его принес, и немедленно вылил его на землю в присутствии всего войска. Этот его поступок воодушевил солдат так же, как если бы каждый из них выпил по чашечке той воды, которую он отказался попробовать; и его необычайное самоотречение не менее достойно похвалы, чем благородный пример, который он показал как мудрый и опытный полководец.

Здесь произошел еще один случай, который, если бы не был быстро исправлен, мог привести к потере всей армии; поскольку пески перемещались туда и сюда под действием ветров, и вся поверхность была выровнена, их проводники сами не знали, как вести армию дальше: ни один след не указывал путь; не было ни одного дерева, ни куста, ни какого-либо холма, которые могли бы служить ориентиром. Кроме того, они не знали, как по дневному положению солнца и ночному положению звезд регулировать свой марш, как моряки в море ориентируются по созвездию Большой Медведицы, финикийцы — по Малой Медведице, а большинство других народов — по Большой Медведице. В этой сложной ситуации Александр был вынужден действовать по обстоятельствам. Однако он приказал своей армии повернуть налево, а сам, с несколькими отборными всадниками, поехал вперед, чтобы указать дорогу; но их лошади, совершенно измученные жарой, в большинстве своем остались позади, так что только он с пятью своими сподвижниками благополучно пересек пески и добрался до побережья. Однако по прибытии туда они выкопали яму у побережья и нашли много сладкой и чистой воды; после чего он приказал армии направиться туда, и после этого они путешествовали семь дней вдоль побережья и всегда находили много воды. Затем, когда его проводники заверили его, что снова знают дорогу, они покинули море и снова повели армию вглубь страны.⁴

ЧРЕЗМЕРНОСТИ И ЖЕСТОКОСТИ, ОПИСАННЫЕ КУРЦИЕМ

Таким образом, армия наконец достигла границ Гедросии, территория которой была очень плодородной. Здесь он остановился на некоторое время, чтобы дать отдых своим измученным войскам; в это время он получил письма от Леонната, в которых тот сообщал, «что он сражался и победил восемь тысяч пехотинцев и пятьсот всадников Оритов». Кратер также прислал ему известие, «что он схватил и заключил под стражу Озина и Зариаспеса, двух персидских вельмож, которые замыслили восстание». Затем царь назначил Сибурция правителем этой провинции вместо недавно умершего Мемнона, а затем двинулся в Карманию. Аспаст управлял этим народом и подозревался в стремлении к переменам во время пребывания царя в Индии; но когда он пришел на встречу с царем, его величество счел целесообразным скрыть свое недовольство и оставил его на прежней должности, пока не смог получить более четкую информацию о преступлениях, в которых его обвиняли.

К этому времени губернатор Индии (в соответствии с его приказами) прислал ему большое количество лошадей и тяглового скота из соответствующих стран, подчиненных его империи, и он снова сел на лошадь и дал новое снаряжение тем, кто в этом нуждался. Он также восстановил их оружие в прежнем великолепии, поскольку они теперь находились недалеко от Персии, которая не только жила в глубоком мире, но и была чрезвычайно богатой.

Поэтому, поскольку он не только соперничал с Бахусом в славе, завоеванной им благодаря завоеванию этих стран, но и в известности, он решил (его ум был возвышен над смертным величием) подражать ему в его манере торжествовать, хотя и неясно, было ли это изначально задумано Бахусом как торжество или только как развлечение и забава пьяной компании. Тогда он велел усыпать цветами и гирляндами все улицы, по которым он должен был пройти, и поставить перед дверями домов большие сосуды и чаши, наполненные вином. Затем он приказал сделать телеги, достаточно большие, чтобы вместить большое количество людей, которые были украшены как палатки, некоторые белыми покрывалами, а некоторые драгоценной мебелью.

Друзья царя и царская свита шли впереди, на головах у них были венки из разных цветов, в одних местах слышались флейты и гобои, в других — гармоничные звуки арфы и лютни ( ); за ними следовала вся армия, разгульно едя и пья, каждый вел свою повозку по мере своих

сил, а оружие (которое было необычайно прекрасным) висело вокруг них. Король со своими соратниками по разврату ехал в великолепной колеснице, груженной золотыми кубками и другими большими сосудами из того же металла. Таким образом эта армия вакханцев шла семь дней подряд, представляя собой благородную и верную добычу для тех, кого они покорили, если бы у тех хватило мужества напасть на них в этом пьяном состоянии: даже тысяче человек (при условии, что они были трезвыми) было бы легко овладеть этой буйной армией, погруженной в триумф, в состоянии переизбытка и излишеств семидневного разгула; но судьба, которая определяет цену и значение вещей, превратила этот военный скандал в славу. Современники и потомки с полным основанием восхищались тем, как они в пьяном состоянии смогли безопасно пройти через народы, которые еще не были достаточно покорены; но варвары истолковали самую дерзкую смелость, которую только можно себе представить, как обоснованную уверенность. Однако за всей этой пышностью и великолепием следовал палач, поскольку сатрап Аспаст, о котором мы упоминали ранее, был приговорен к смерти. Таким образом, мы видим, что роскошь не является препятствием для жестокости, а жестокость — для роскоши.

Примерно в это время к нему прибыли Клеандр и Ситалк, а также Агафон и Геракон (которые по приказу царя убили Пармениона), имея с собой пять тысяч пехотинцев и тысячу всадников; но за ними следовали их обвинители из соответствующих провинций, в которых они занимали префектуры; и действительно, им было невозможно искупить столько огромных преступлений, которые они совершили, хотя они и были инструментами в казни, вполне благодарной царю; ибо они не довольствовались грабежом народа, но даже разграбили храмы и оставили дев и главных матрон оплакивать нарушение их чести. В конце концов, своей алчностью и похотью они сделали само имя македонцев ненавистным для варваров; но ярость Клеандра превосходила всех остальных, ибо он не довольствовался осквернением благородной девы, но потом отдал ее своему рабу в наложницы.

Большинство друзей Александра не столько обращали внимание на тяжесть преступлений, в которых их теперь публично обвиняли, сколько на память о Парменионе, убитом их руками, которая, возможно, могла тайно заступиться за них в сердце царя; и они были вне себя от радости, видя, как эти исполнители его гнева сами испытывают его страшные последствия и «что никакая сила, приобретенная несправедливо, не может длиться долго».

Услышав их обвинение, царь сказал, «что их противники забыли об одном, и это было самое страшное из всех их преступлений, — о том, что они отчаялись в его безопасности; ибо они никогда не осмелились бы совершить такие злодеяния, если бы надеялись или верили, что он вернется невредимым из Индии». Поэтому он заключил их под стражу и приказал «казнить шестьсот солдат, которые были орудиями их жестокости». В те же дни были казнены и зачинщики персидского восстания (которых Кратер привез с собой).¹

Тем не менее жестокость в самом отвратительном смысле этого слова, беспричинная несправедливость всегда были чужды его натуре; у нас нет никаких доказательств того, что его характер стал в других отношениях более суровым или менее мягким, чем до его индийской экспедиции.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕРХА

Тем временем он пребывал в мучительной неопределенности и все больше поддавался мрачным мыслям о судьбе Нерха и флота. Наконец они были развеяны вестью о том, что Нерх высадился на побережье Кармании, в нескольких днях марша от лагеря. Вестником был правитель приморского района, в котором произошло это событие. Некоторые из людей, принадлежавших к флоту, во время экскурсии по стране встретили одного из солдат

Александра и узнали от него, что царь расположился лагерем всего в пяти днях пути от моря; он привел Неарха к губернатору, который поспешил в лагерь с радостной вестью. Александр посылал одну группу за другой с транспортными средствами для Неарха. Некоторые из его посыльных прошли лишь небольшое расстояние и вернулись без вестей. Другие прошли дальше, но сбились с дороги. Он начал подозревать, что его обманули, и приказал арестовать губернатора. Тем временем Неарх вытащил свои корабли на берег и укрепил военно-морской лагерь, где оставил большую часть своих людей, а сам отправился с Архисом, своим заместителем, и пятью или шестью товарищами на поиски царя. По дороге они встретили одну из групп, которая была отправлена с лошадьми и повозками на их поиски. Но их внешний вид настолько изменился из-за тягот путешествия, что, даже когда они спросили дорогу к лагерю, их соотечественники не узнали их, пока по предложению Архия они не представились. Некоторые поспешили сообщить Александру о их приближении. Узнав о небольшом числе прибывших, он пришел к выводу, что флот погиб и они единственные выжившие. Но их прибытие развеяло все сомнения и вызвало всеобщую радость.

Подробности путешествия не имеют отношения к нашей цели. Неарх был вынужден начать его до того, как ветры стали благоприятными, из-за враждебности индийцев в Паттале; и хотя он прождал двадцать четыре дня на аравийском побережье, впоследствии он потерял три своих корабля из-за неблагоприятного муссона. На побережье Ориты он встретил Леонната, который после отъезда Александра был вынужден защищаться от объединенных сил туземцев и их союзников. Он одержал великую победу с небольшими потерями; среди убитых был сатрап Аполлофан. По приказу царя Неарх получил от Леонната запас зерна, достаточный на десять дней, и обменял некоторых из своих менее активных моряков на более опытных из лагеря; но, по-видимому, он не нашел ни одного из складов, предназначенных Александром для его использования. После многочисленных трудностей и опасностей, связанных с морскими чудовищами, бесплодностью побережья, враждебностью варваров, а также трусостью и унынием собственной команды, он наконец, с помощью гедросийского лоцмана, достиг устья Персидского залива. Когда они увидели Аравию, Онесикрит — с какой целью, не совсем ясно — убеждал адмирала пересечь ее и направиться на юг. Однако Неарх благоразумно отказался отклоняться от указаний царя и в конце концов высадился у устья реки Анамис (Ибрагим), недалеко к востоку от острова Ормуз.^{[b](#)}

Александр, замыслив грандиозные планы, решил после завоевания всего восточного побережья перейти из Сирии в Африку, будучи очень разгневан на карфагенян, и оттуда, пройдя через пустыни Нумидии, направиться к Кадису, ибо, по общему мнению, именно там Геркулес установил свои столбы. Оттуда он намеревался пройти через Испанию, которую греки называют Иберией, от реки Ибер, и, перейдя Альпы, выйти к побережью Италии, откуда до Эпира было совсем недалеко. Поэтому он отдал приказ своим наместникам в Месопотамии «срубить лес на горе Ливан и перевезти его в Тапсак, город в Сирии, где он должен был быть использован для постройки больших кораблей, которые впоследствии должны были быть отправлены в Вавилон. Царям Кипра также было приказано снабдить их медью, пенькой и парусами».

Пока он занимался этим, он получил письма от царей Пора и Таксила, в которых они сообщали ему о смерти Абисара от болезни и о том, что его заместитель Филипп умер от ран, а также о том, что лица, причастные к этому событию, были наказаны. После этого он заменил Филиппа Евдомоном (который был командующим фракийцев) и отдал царство Абисара его сыну. Оттуда он прибыл в Пасаргады, город в Персии, сатрапом которого был Орксин, по своему знатности и богатству значительно превосходивший всех варваров; он происходил из рода Кира, бывшего царя Персии; его предки оставили ему огромное

состояние, которое он значительно увеличил, долгое время пользуясь своей властью. Этот вельможа вышел навстречу царю со всевозможными дарами, как для себя, так и для своих друзей; с ним были целые стада прирученных лошадей, украшенные золотом и серебром колесницы, богатая мебель, драгоценности, золотая посуда большой ценности, пурпурные одежды и четыре тысячи талантов чеканного серебра. Однако эта чрезмерная щедрость стала причиной его смерти; поскольку, одарив всех друзей царя подарками, превосходящими их ожидания, он не обратил внимания на евнуха Багоаса, который снискал расположение Александра своим отвратительным угодничеством; и, узнав от некоторых, желавших ему добра, что он очень пользуется расположением Александра, он ответил, что «он чтит друзей царя, но не его евнухов, поскольку это не в обычаях персов». Как только евнух узнал об этом ответе, он использовал всю свою власть и влияние, которые он так постыдно приобрел, чтобы погубить этого невинного дворянина.

Так случилось, что Александр приказал открыть гробницу Кира, чтобы отдать его праху почести; и хотя он полагал, что она полна золота и серебра, согласно общему мнению персов, в ней не было найдено ничего, кроме сгнившего щита, двух скифских луков и ятагана. Тем не менее, царь возложил на гроб золотую корону и накрыл его плащом, который носил сам, и, казалось, удивлялся, «почему такой великий принц, обладавший огромным богатством, был похоронен не более роскошно, чем если бы он был частным лицом». Тогда Багоас, стоявший рядом с царем, повернулся к нему и сказал: «Чего удивляться, что царские гробницы пусты, когда дома сатрапов не в состоянии вместить сокровища, которые они оттуда вынесли? Что касается меня, то я должен признаться, что никогда раньше не видел этой гробницы, но помню, как Дарий говорил, что вместе с Киром было похоронено три тысячи талантов. Отсюда и происходит щедрость Орксина по отношению к вам ( ), который, зная, что не сможет удержать это безнаказанно, надеялся, что, подарив вам это, он снискает вашу благосклонность».

Разжегши таким образом гнев царя, те, кому Багоас поручил это дело, вошли в комнату, так что он с одной стороны, а подкупленные свидетели с другой, так овладели вниманием царя, что Орксин оказался в цепях, не успев даже заподозрить, что его обвиняют. Этот подлый евнух не удовлетворился смертью этого невинного принца, но имел наглость ударить его, когда тот шел на казнь; на что Орксин, глядя на него, сказал: «Я слышал, что раньше в Азии правили женщины, но то, что евнух может быть царем, для меня совершенно ново». Так закончилась жизнь главного вельможи Персии, который был не только невиновен, но и был чрезвычайно щедр по отношению к царю.^[33] В то же время был казнен Фрадат, подозреваемый в стремлении к царскому величию. «Теперь, — говорит Куртий, — Александр стал слишком склонен верить ложным сведениям; отсюда ясно, что процветание способно изменить даже лучшую натуру, поскольку редко можно найти человека, достаточно осторожного в отношении удачи. Так, тот, кто еще недавно не мог найти в себе силы осудить Линкеста Александра, хотя его обвиняли два свидетеля, и который позволил освободить нескольких пленников низкого происхождения, даже вопреки своему собственному желанию, только потому, что они казались невинными остальным, и вернул королевства своим побежденным врагам, в конце концов настолько изменился, что даже вопреки своему собственному мнению даровал королевства некоторым по желанию печально известного катимита и лишил других жизни».

ГРЕЧЕСКИЙ КУВШИН ДЛЯ ВИНА

Примерно в то же время он получил письма от Козна о событиях в Европе и Азии, пока он покорял *Индию*, а именно, что Зопирий, его правитель Фракии, во время своего похода против гетов был застигнут внезапной бурей и погиб в ней вместе со всей армией; и что Скефт, узнав об этом, призвал своих соотечественников-одрисов к восстанию, в результате чего Фракия была почти потеряна, а сама Греция оказалась в опасности; поскольку Александр наказал за дерзость некоторых сатрапов (которые во время его войн в Индии совершали всевозможные преступления в своих провинциях), тем самым напугав других, которые, будучи виновными в тех же гнусных деяниях, ожидали, что их накажут таким же образом, и поэтому укрылись у наемных войск, намереваясь воспользоваться их помощью для своей защиты, если их призовут к казни; другие, собрав все деньги, которые смогли, бежали. Узнав об этом, царь разослал письма всем правителям по всей Азии, в которых приказывал им при первом же обнаружении распустить все иностранные войска в своих провинциях.

Харпал был одним из этих преступников; Александр всегда очень доверял ему, потому что он был ранее изгнан Филиппом по его вине, и поэтому, когда умер Мазай, он назначил его сатрапом Вавилона и хранителем сокровищ. Этот человек, потеряв все доверие царя из-за своих чрезмерных преступлений, взял из казны пять тысяч талантов, нанял шесть тысяч наемников и вернулся в Европу. Он в течение значительного времени следовал своим страстям и роскоши, так что, отчаявшись на милость царя, он начал искать иностранные средства, чтобы защитит себя от его гнева; и поскольку он все время культивировал дружбу с афинянами, чья сила была ни в коем случае не пренебрежимой, и чья власть, как он знал, была очень велика среди других греков, а также их личная ненависть к македонянам, он льстил своим сторонникам, что, как только афиняне узнают о его прибытии и увидят войска и сокровища, которые он привез с собой, они немедленно присоединятся к нему с оружием и советами; ибо он думал, что с помощью злобных инструментов, чья алчность ставила все на продажу, он мог бы с помощью подарков и взяток достичь своих целей с помощью невежественного и колеблющегося народа.

Узнав об этом, царь был в равной степени возмущен как Харпалом, так и афинянами, и немедленно приказал подготовить флот, решив немедленно отправиться в Афины; но пока он был поглощен этими мыслями, он получил письмо с известием, что Харпал действительно вошел в Афины и большими суммами подкупил главных граждан; несмотря на что на народном собрании ему было приказано покинуть город, после чего он удалился к греческим солдатам, которые схватили его, а затем он был вероломно убит неким путешественником.^[34] Удовлетворенный этим сообщением, он отложил свои планы перехода в Европу; однако он приказал всем городам Греции принять своих изгнанников, за исключением тех, кто осквернил свои руки кровью своих сограждан.

Греки, не смея ослушаться его приказаний (хотя и считали их началом подрыва своих законов), не только вернули изгнанников, но и возвратили им все их имущество. Афиняне

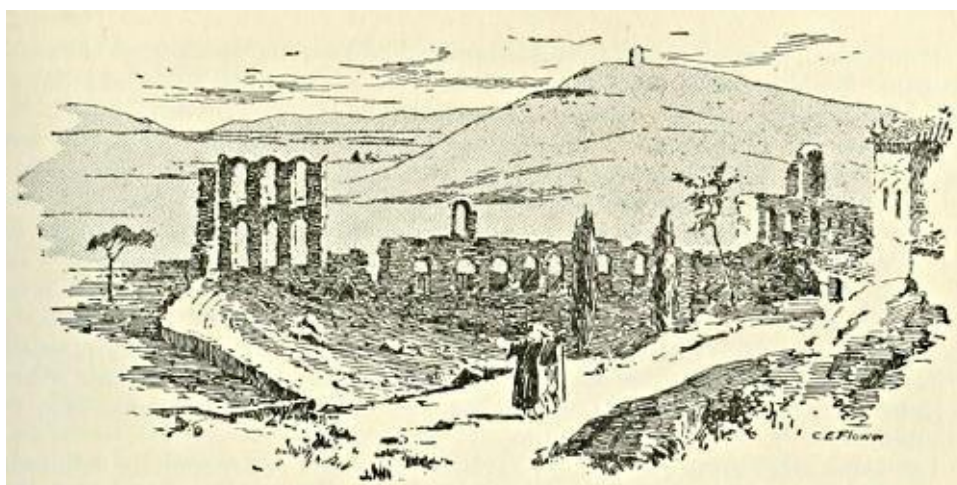
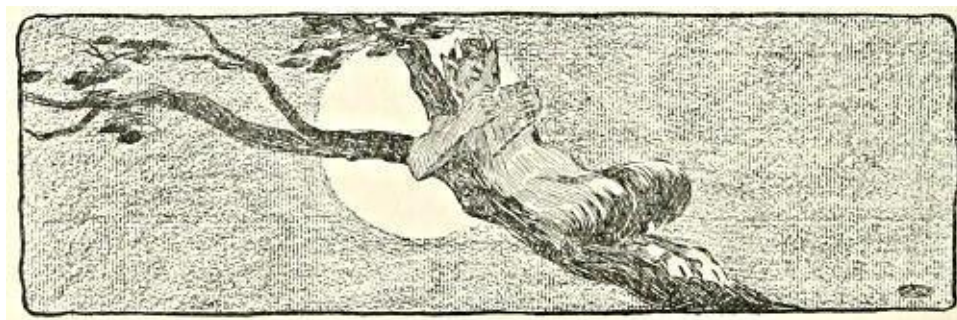
были единственным народом, который в этом случае отстаивал как свою собственную, так и общественную свободу; поскольку, считая это невыносимым ущемлением (не будучи привычными к монархическому правлению, а привычными к своим собственным законам и обычаям своей страны), они запретили изгнанникам входить на свою территорию, будучи готовыми терпеть что угодно, лишь бы не допустить на свою землю бывших отбросов своего города, а ныне отбросов мест своего изгнания.^f

СНОСКИ

[32] [«Копыта их лошадей были изношены от постоянных маршей», — говорит Диодор^d xvii.]

[33] [Однако Арриан^e говорит, что Орксин был явно виновен в осквернении и разграблении гробницы Кира и других актах святотатства].

[34] Более полное описание дел Харпала и указа о изгнании [см. в главе LVIII.](#)

Руины ТЕАТРА АТТИКА, Афины

ГЛАВА LVI. КОНЕЦ АЛЕКСАНДРА

ЕГО ПРОЕКТЫ

Можно сказать, что Александр вернулся в самое сердце своих владений, поскольку Инд, Яксарт и Нил стали македонскими реками. В то время для всего цивилизованного мира было очень важно узнать, какие планы витали в воображении молодого завоевателя, если они еще не были претворены в жизнь.

Многие полагали, что он намеревался обогнуть Аравию до устья Красного моря, а затем Африку; после этого войти в Средиземное море через Геркулесовы столбы, чтобы распространить ужас своего оружия по его западным берегам, и, наконец, исследовать северную оконечность Меотического озера и, если возможно, открыть проход в Каспийское море. Эти сообщения не были полностью лишены видимого основания. По-видимому, они возникли из простого факта, что Александр, возвращаясь из Индии, готовился оснастить флот на Евфрате и послал приказ в Финикию, чтобы там построили корабли и переправили их в Тапсак; оттуда они должны были спуститься по реке в Вавилон, где планировалось построить гавань, способную вместить тысячу военных галер.

Таким образом, было достаточно очевидно, что предстояло собрать большую армию для некоторых операций, которые должны были начаться в Персидском заливе; Александр также дал понять, что его планы были направлены на Аравию, поскольку он отправил три экспедиции для исследования ее побережья: сначала корабль под командованием Архия, соратника Неарха, который, однако, даже не рискнул переправиться на аравийскую сторону Персидского залива, а остановился на одном из островов. Андростен, который позже был отправлен с другим кораблем, проделал немного больше — он проплыл небольшое расстояние вдоль побережья. Самым смелым из авантюристов был киликийец по имени Иеро, который продвинулся гораздо дальше в том же направлении; но его мужество и настойчивость в конце концов были сломлены огромной протяженностью побережья, превысившей все его ожидания, и по возвращении он доложил, что Аравия почти такая же большая, как Индия. Однако из рассказа Арриана следует, что даже он не обогнул мыс, увиденный Неархом.

Трудно предположить, что Александр решил попытаться завоевать Аравию, зная так мало о природе и размерах этой страны, тем более что информация, которую он мог получить о ее внутренних районах, не могла быть обнадеживающей. Но не менее вероятно, что открытие и завоевание этой территории были целями, которые отныне и до самой его смерти занимали его мысли; ведь дух открытий здесь был стимулирован явной перспективой больших выгод, которые можно было извлечь из морского сообщения между Египтом и Индией. Убедиться в возможности открытия такого сообщения и обеспечить его, если не завоеваниями, то по крайней мере колониями, основанными на аравийском побережье, было замыслом, безусловно подходящим гению Александра и достойным его амбиций; и это, по-видимому, было первоначальным назначением нового флота. О любых других проектах, которые он мог иметь, спекулировать еще более бесполезно.

В течение некоторого времени после своего возвращения его внимание было поглощено различными заботами. Со всех сторон он продолжал получать новые жалобы на злоупотребления, совершенные его сатрапами и другими офицерами во время его отсутствия, а также новые доказательства того, что многие из них стремились установить

независимую власть. Особенно возмущало народ ограбление священных зданий. Вероятно, что почти во всех случаях такие оскорбления национальных чувств были вызваны безрассудной алчностью македонцев, хотя местные правители, возможно, также грубо злоупотребляли своей властью в других вопросах. Нередко, возможно, они потворствовали проступкам македонских офицеров, находившихся под их командованием, как, по-видимому, было в случае с Орксином и Полимахом. Так, Абулит, сатрап Сузы, и его сын Оксатр были казнены, как говорят, за невыполнение служебных обязанностей — по-видимому, слишком поспешно, поскольку Александр пронзил Оксатра своим сариссой; но именно македонец Геракон ограбил храм в Сузах. Такие действия, возможно, стали основной причиной восстания, которое вспыхнуло в Мидии, но было подавлено сатрапом Атропатом, который привез его организатора, мидянина по имени Бариакс, и нескольких его сторонников в Пасаргады, где они были казнены. Бариакс принял прямой цидарис и титул царя мидийцев и персов, к чему его, вероятно, подтолкнуло недовольство народа, вызванное вымогательствами и надменностью чужеземцев.

Но таких мер было едва достаточно для поддержания спокойствия в настоящем; для будущего требовалось гораздо больше. Все, что он наблюдал с момента своего возвращения, по-видимому, укрепило его прежнее убеждение, что для обеспечения долговечности его империи необходимо создать новую основу. И в Сузах он начал ряд мер, которые в отдаленной перспективе были направлены на объединение завоевателей с завоеванными, чтобы сформировать из них новый народ, а в ближайшей перспективе — на создание новой силы, независимой как от македонских, так и от персидских предрассудков и полностью подчиненной его целям. Первой из этих мер был великий праздник, на котором он одновременно отпраздновал свою собственную свадьбу со Статирой, старшей дочерью Дария (которая, по-видимому, теперь приняла имя Арсиноя), и свадьбы своих главных офицеров с персидскими и мидийскими дамами из самых знатных семей. Мы находим намек на то, что перед тем, как были согласованы предварительные условия, потребовалось некоторое усилие, и, зная характер и взгляды македонских полководцев, мы можем легко в это поверить. Пример царя, без сомнения, имел огромное значение в преодолении отвращения, которое они, должно быть, испытывали к такому союзу. Щедрость, с которой он распределил их невест из своего сокровища ( ), также оказала свое влияние; а их гордость была польщена снисходительностью, с которой он поставил их на один уровень с собой в церемонии.

БРАК ГРЕЦИИ С ПЕРСИЕЙ

Гефестион получил руку Дрипетис, сестры Статир; это было выраженным желанием Александра, чтобы дети его друга были родственниками его собственным. Кратер женился на Амастрисе, племяннице Дария; Пердикка — на дочери сатрапа Атропата; Птолемей и Эвмен — на двух дочерях Артабаза. Для Неарха Александр выбрал дочь Ментора от Барсины, что было знаком особой милости, поскольку он сам взял ее мать в свои ложе и уже имел от нее сына, которому дал имя Геракл и который впоследствии стал соперником за престол. Селевку он отдал дочь бактрийского вождя Спитамена. Это единственные имена, записанные Аррианом, но общее число офицеров, последовавших примеру царя, составило почти сто. Не менее важным для его цели было то, что более десяти тысяч македонских солдат либо уже были связаны узами брака, либо теперь были побуждены вступить в брак с азиатскими женщинами. Чтобы придать этому торжественность и обязательность, был составлен список их имен, и каждому было предоставлено приданое.

Богатство Азии и искусство Греции объединились, чтобы украсить это зрелище великолепием и красотой, достойными этого случая. Был возведен роскошный павильон,

вероятно, на равнине недалеко от города, способный вместить не только свадебную процессию, но и гостей, которых царь пригласил на банкет. Он поддерживался колоннами высотой шестьдесят футов, сверкающими золотом, серебром и драгоценными камнями, и был завешен и устлан самыми богатыми тканями. К зданию были пристроены девяносто две великолепно обставленные комнаты, а внешний двор, по-видимому, был огорожен перегородкой, также завешенной дорогой гобеленовой тканью, для приема десяти тысяч новобрачных солдат, каждый из которых получил золотой сосуд для возлияния, а также для приема чужеземцев, которых привлекли в дворец дела или любопытство. На переднем плане снаружи были накрыты столы для остальной части огромной толпы. Свадьба была торжественно отпразднована в соответствии с персидским обычаем. Каждой паре было отведено отдельное место: все они были рассажены полукругом, справа и слева от королевского трона. Когда последнее возлияние было объявлено звуками труб толпе снаружи, невесты вошли в банкетный зал и заняли свои места. Царь первым протянул руку Статире и приветствовал ее как свою супругу; остальные последовали его примеру. На этом, по-видимому, брачная церемония была завершена. Празднества длились пять дней и были наполнены разнообразными развлечениями, среди которых были музыкальные и театральные представления греческих артистов и выступления индийских жонглеров. Подданные Александра со всех концов империи состязались друг с другом в великолепии подарков, которые они приносили царю, и стоимостью венцов, которые он получил по этому случаю, по некоторым данным, составила пятнадцать тысяч талантов [3 000 000 фунтов стерлингов или 15 000 000 долларов].

Свадебный праздник был уступкой, полученной от македонцев в пользу древних господ Азии. Несмотря на щедрость и снисходительность царя, предпочтение, отданное персидскому церемониалу, вызвало ропот. Александр теперь пытался примирить их еще одним актом царской щедрости и распределением наград тем, кто отличился в последних походах. Он объявил о своем намерении погасить долги всех македонцев в армии и распорядился, чтобы все, кто желает воспользоваться его щедростью, подали свои имена для регистрации. Сначала это предложение было встречено очень прохладно и вызвало подозрения, что свидетельствовало о нездоровом состоянии духа, хотя отчасти оно было вызвано угрызениями совести, а также могло быть расценено как вызванное невероятным размером предлагаемого подарка. Общепринятым было мнение, что цель царя заключалась главным образом в том, чтобы получить информацию о состоянии их личных дел и, исходя из долгов, которые они набрали, составить мнение, которое не могло не быть зачастую неблагоприятным, о привычках и характере каждого из них. Поэтому лишь немногие явились, чтобы внести свои имена.

Александр, как только обнаружил причину этой общей нерешительности, упрекнул их за недостойное недоверие, заметив, что подданные не должны подозревать своего царя в лжи, так же как и он не должен лгать, и немедленно приказал поставить в лагере столы с кучами золота, где каждый мог получить сумму своих долгов, не регистрируя своего имени. Это великодушное доверие развеяло все сомнения; люди всех сословий потянулись с заявлениями о своих правах, и секретность была воспринята как большая милость, чем сама помощь.

Сумма, потраченная на эту щедрость, по некоторым данным, составила не менее двадцати тысяч талантов. Другие награды были вручены большому количеству людей в соответствии с их рангом и заслугами. Но популярность, которую царь завоевал благодаря этим мерам, вскоре подверглась суровому испытанию. Ведь вскоре после этого сатрапы, которые

несколько лет назад были ответственны за азиатскую молодежь, отобранную для обучения греческому языку и военному делу по македонской системе, прибыли в Сузы с отрядом из тридцати тысяч молодых солдат, обученных в этих школах, экипированных и вооруженных по македонскому образцу. Сам Александр был восхищен их прекрасными фигурами и воинственным видом, а также манерой, с которой они выполняли маневры, и немедленно приступил к их включению в свою армию. Пехота, по-видимому, на данный момент оставалась отдельной от македонских войск, но кавалерия, набранная из Бактрии, Согдианы и других восточных провинций, была принята в те же ряды, что и цвет македонской знати. Для их приема была сформирована пятая кавалерийская дивизия, и в то же время несколько молодых азиатских дворян были зачислены в эскорт, который до сих пор набирался из представителей первых семей Македонии.

Эти изменения вызвали ревность и недовольство старых войск в гораздо большей степени, чем любые предыдущие действия царя. Его принятие одежды и обычаев завоеванного народа вызвало у них недовольство, потому что указывало на цель, которая им не нравилась; недавние союзы, возможно, вызвали еще большее недовольство, потому что еще более явно и прямо вело к той же цели. Но новая организация армии была больше, чем просто тенденцией — это было не просто указанием, а первым шагом в осуществлении цели, которая их настораживала; это было началом уничтожения всех привилегий, которые они ценили больше всего. Было очевидно, что Александр хотел, чтобы его считали только их правителем, а не соотечественником.

Шумиха в лагере, вероятно, не ускользнула от его внимания и, возможно, побудила его раньше выйти из Суз, чтобы в ходе похода, который, благодаря новой занятости, возможно, заставил бы армию забыть о своих предполагаемых обидах. Поэтому он приказал Гефестиону вести основные силы к побережью, а сам сел на борт флота.^{[b](#)}

МЯТЕЖ

Прибыв в Опис, он созвал свои войска и объявил, что «все, кто по возрасту, немощи или потере конечностей не в состоянии выносить тяготы войны, будут освобождены от службы и смогут свободно вернуться домой. Но те, кто пожелает остаться с ним, должны будут насладиться его царской щедростью в такой мере, что станут предметом зависти тех, кто остался дома, и побудят других македонцев свободно разделить с ними их труды и опасности».

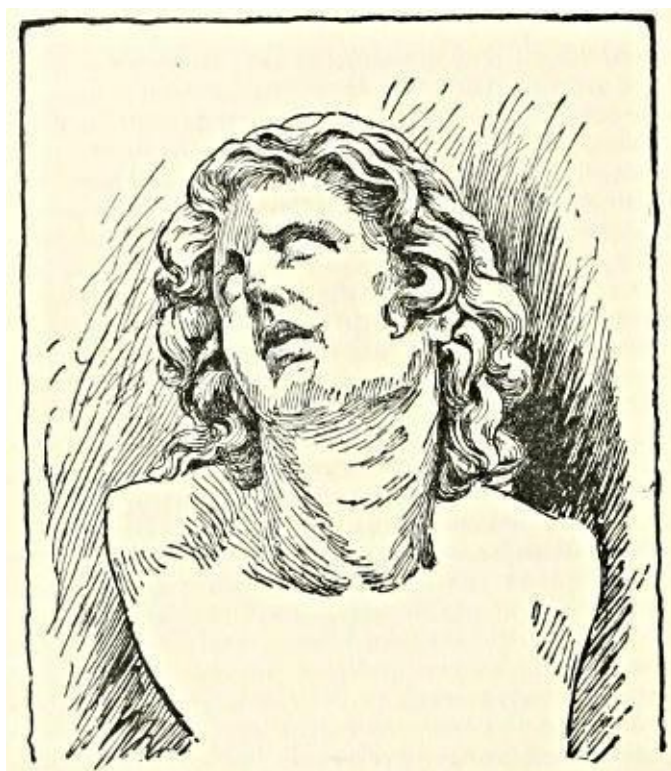
Это заявление было сделано Александром с целью угодить македонянам, но оно имело обратный эффект: они истолковали его как презрение к себе или как признание их бесполезности в дальнейших военных предприятиях, пришли в ярость и восприняли эту речь, предназначенную для армии в целом, как направленную против них. Однако в этой ситуации все их прежние жалобы возобновились, а именно: его согласие с персами в вопросе их обычаев; его разрешение носить македонские одежды молодым людям, которые были варварами, и называть их своими преемниками; и его допуск чужеземных всадников в вспомогательные войска; поэтому они больше не могли сдерживаться и все просили освободить их от военной присяги. Более того, некоторые зашли так далеко, что оскорбили его, сказав, что он и его отец Аммон могут в будущем объединить свои силы и вести войну против своих врагов ( ). Как только Александр услышал эти слова (ибо теперь он был гораздо более подвержен гневу, чем прежде), он мгновенно вскочил со своего места, где его окружали его военачальники, и приказал схватить вождя тех, кто пытался поднять народ на мятеж, и указал рукой на своих телохранителей, чтобы показать им, кого они должны схватить. Их было тринадцать, и он приказал немедленно казнить всех до единого; после

чего, пока остальные стояли в изумлении и молчали, он снова взошел на трибуну и произнес следующую речь.

«Далеко мне, о македоняне, от попытки отвратить вас от вашего желания вернуться домой (вы имеете полную свободу уйти, когда сочтете нужным), но я хочу, чтобы вы перед отъездом поняли, насколько вы изменились по сравнению с тем, кем были когда-то. И сначала, как и положено, я начну с моего отца Филиппа: он принял вас под свою защиту, бедный, скитающийся и не имеющий постоянного места жительства народ; многие из вас были одеты в шкуры и пасли небольшие стада овец в горах, которые вы не могли удержать без постоянных стычек с вашими соседями — иллирийцами, трибаллами и фракийцами, в которых вы часто терпели поражение. Вместо кожаных одежд пастухов мой отец одел вас в лучшие одежды; из бесплодных гор он спустил вас на плодородные равнины и научил вас военной дисциплине, так что вам больше не нужно было полагаться на безопасность суровых и недоступных гор, а только на свою доблесть.

Он дал вам города для проживания и прекрасные законы и уставы, которыми вы должны были руководствоваться. Он также завоевал для вас власть над теми варварами, которые раньше постоянно преследовали и оскорбляли вас, и освободил вас от рабства. Он присоединил к Македонии большую часть Фракии и, подчинив города на побережье, открыл ворота для торговли. Именно он покорил фессалийцев, которые раньше были для вас столь страшны, и сделал их вашими слугами; а победив фокийцев, он открыл для вас широкий и удобный вход в Грецию вместо узкого и трудного. Афинян и фиванцев, которые объединились в союз против вас, он так унизил (я сам присутствовал, чтобы помочь ему), что если раньше мы были данниками первых и рабами вторых, то теперь, напротив, оба эти города находятся под нашей защитой ( ). Он вошел в Пелопоннес, урегулировал там дела и был назначен главнокомандующим всех греческих войск в запланированной экспедиции против персов, чем принес славу не только себе, но и македонскому имени и народу.

Умирающий Александр

(По бюсту в галерее Уффици)

«Это были дары моего отца вам — великие, если рассматривать их сами по себе, но малые по сравнению с моими. Ибо когда я унаследовал царство моего отца, я нашел в его сокровищнице несколько золотых и серебряных кубков, но едва шестьдесят талантов, хотя на мне лежала его задолженность в пятьсот. Однако, не унывая от этого, я взял новый долг в восемьсот талантов. Я вышел из Македонии, которая едва могла вас прокормить, и провел вас через Геллеспонт, хотя персы тогда владели морем. Затем, победив в сражении генералов Дария, я присоединил к Македонской империи Ионию, Эолию, обе Фригии и Лидию. Затем я взял Милет штурмом и получил добровольное подчинение многих других народов и наций, которые подчинились и согласились стать данниками. Сокровища Египта и Кирены, которые мы получили без боя, помогли наполнить ваши казны; Келе-Сирия, Палестина и Месопотамия находятся в вашем владении. Вавилон, Бактрия и Сузы находятся в вашей власти. Богатства Лидии, сокровища Персии, богатства Индии и океана принадлежат вам. Вы назначены наместниками провинций. Вы стали военачальниками, князьями и генералами армий.

«Что, прошу вас, я оставил себе за все перенесенные тяготы, кроме этой пурпурной мантии и диадемы? Я ничего не утаил от вас; и ни один смертный не может показать сокровище, находящееся на моем хранении, кроме того, что принадлежит вам или хранится для вашего использования. У меня нет личных желаний, которые я хотел бы удовлетворить, чтобы копить богатства, потому что я питаюсь так же, как и вы, и довольствуюсь такой же долей отдыха. Более того, я довольствуюсь более грубой пищей, чем многие из вас, которые живут в роскоши, и я часто бодрствовал, чтобы вы могли спать спокойно и безопасно.

«Некоторые, возможно, могут намекнуть, что все это было приобретено вашими собственными трудами и опасностями, в которых я, ваш генерал, не принимал участия; но

кто осмелится утверждать, что он подвергался большим опасностям ради меня, чем я ради него?

«Смотрите, кто из вас получил раны, пусть откроет свою грудь и покажет шрамы, и я покажу свои, ибо нет ни одного места на передней части моего тела, которое было бы свободно от них; нет ни одного вида оружия, которое бросают рукой или метают, следы которого не были бы отчетливо видны на моей груди; ибо я был ранен мечами в ближнем бою и дротиками и стрелами на расстоянии; кроме того, я был сбит с ног камнями из вражеских метательных машин; и несмотря на то, что я так много страдал за вас от камней, дубин, мечей и метательного оружия, я все же привел вас к победе через все земли, через все моря, реки, холмы и равнины. Я торжественно отпраздновал ваши бракосочетания с моими собственными, чтобы ваши дети могли претендовать на родство с моими.

Я добровольно погасил долги всей моей армии, не слишком строго проверяя, как они были взяты; и, несмотря на огромные жалованья, которые вы тогда получали, вы извлекли немалую выгоду из грабежа городов, которые взяли штурмом. Добавьте к этому, что я награждал многих из вас золотыми коронами как вечным памятником вашей доблести и моего уважения к вам; а тот, кто падал в бою, доблестно сражаясь, помимо славы, которую он приобретал смертью, обычно удостоивался роскошного памятника. Более того, в Македонии воздвигнуты бронзовые статуи в знак доблести некоторых из них, а их родителям оказаны почести в виде полного освобождения от всех государственных налогов и сборов; ибо ни один из вас, сражавшийся под моим знаменем, никогда не имел повода отступить перед врагом.

«И теперь я решил освободить тех из вас, кто больше не в силах выносить тяготы войны, и отправить вас домой, нагруженных такими почестями и наградами, что ваши соотечественники и сограждане сочтут вас чрезвычайно удачливыми и счастливыми. Но поскольку вы все единодушны и всех вас овладела одна и та же мысль о возвращении, отправляйтесь все и сообщите дома, что ваш царь Александр, который покорил персов, мидийцев, бактрийцев и саков; который укротил уксиев, арахотов и драггов; который подчинил парфян, хорезмийцев и гирканийцев и проник до Каспийского моря; который прорвался через Кавказские горы и через Каспийский пролив; который пересек реки Оксус, Танаис и Инд (последнюю из которых до него пересекал только Вакх); который переправился через реки Гидасп, Ацесину и Гидроту, и также провел бы вас за Гифас, если бы вы не отказались следовать за ним; который вошел в океан через оба устья реки Инд, а затем, промаршировав через бесплодную и песчаную страну Гедроси (где до него никто никогда не проводил армию), покорил карманцев и оритов; который, наконец, переправив свой флот с побережья Индии в Персидское море, привел вас в Сузы в безопасности и с победой — скажите своим соотечественникам, говорю я, что после всех этих великих и славных деяний, совершенных для вас, вы покинули его, ушли от него и оставили его в руках и под опекой варваров, которых он победил. Когда ты расскажешь обо всем этом, твоя слава среди людей и представление о твоей набожности по отношению к богам значительно улучшатся».

Сказав это, он внезапно вскочил со своего места и удалился во дворец, не надев королевских одежд и не приняв никого из своих друзей ни в тот день, ни на следующий; а на третий день, созвав персидскую знать, он распределил между ними командование различными войсками и позволил тем из них, кого он сделал своими родственниками, поцеловать его ( ). Но македоняне, тронутые речью своего царя, стояли перед трибуналом, как ошеломленные люди, и хранили глубокое молчание; и никто из них не предложил сопровождать царя, когда он удалился во дворец, кроме его друзей и телохранителей,

которые окружили его. Однако многие стояли перед трибуналом и отказывались уходить, хотя не знали, что им делать и что говорить.

Но когда они поняли, что он даровал мидянам и персам — а именно, несколько команд армии; и что варвары были распределены по нескольким рангам и чинам; что персидская агема должна была называться македонским именем; и что вспомогательные пехотные войска и другие должны были состоять из персов; что соратники и вся королевская конная когорты должны были состоять из персов; и что полк персов будет называться королевским полком, — они не смогли сдержаться, побежали прямо ко дворцу и сложили оружие перед воротами в знак подчинения и раскаяния. Затем, стоя снаружи, они просили быть допущенными к королю, обещая, что они выдадут виновников недавних беспорядков и тех, кто поднял их на мятеж; и при этом заявляя, что они никогда не уйдут от его ворот, ни днем, ни ночью, пока не смогут убедить его проявить к ним милосердие.

Когда Александр понял это, он немедленно вышел к ним и, увидев их смиренных и подавленных, был настолько тронут их горем и плачем, что заплакал и стоял некоторое время, как будто хотел что-то сказать; но они оставались в той же молящей позе. Однако, наконец, Каллинес, принадлежавший к вспомогательному конному отряду, человек, пользовавшийся большим уважением как за свой возраст, так и за звание, которое он носил, сказал следующее:

«Твои македоняне, о царь, опечалены и недовольны, потому что ты сделал некоторых персов своими родственниками, удостоил их титулом своих сородичей и позволяешь им целовать тебя, в то время как они исключены из общества». Тогда Александр прервал его и ответил: «Теперь я делаю вас всех своими родственниками и отныне буду называть вас так». После этого Каллинес шагнул вперед и поцеловал его, а другие, кому это было угодно, последовали его примеру. После чего они снова взяли в руки оружие и с криками радости и песнями вернулись в лагерь. После этого он принес жертву богам, согласно обычаю своей страны, и устроил королевский банкет, который он удостоил своим присутствием, где македоняне были посажены ближе всего к нему; за ними сидели персы, а затем представители всех других народов, в соответствии с их достоинством или должностью, которую они занимали в армии.

Затем царь и все его гости пили из одной чаши; греческие авгуры, а также персидские маги произносили свои предсказания, желая процветания царю и армии и молясь о вечном согласии и единодушии между македонянами и персами для общего блага обеих наций. Говорят, что на этом пиру присутствовало девять тысяч гостей, которые все пили из одной чаши и все вместе пели одни и те же песни о мире и безопасности армии.

Затем македонцы, которые не могли следовать за армией по причине возраста или потери конечностей, были освобождены от службы, их число составляло около десяти тысяч человек, которым не только выплатили полное жалованье в соответствии со сроком службы, но и каждому дали по таланту [200 фунтов стерлингов или 1000 долларов] на покрытие расходов на путешествие. Тем из них, кто женился на азиатских женщинах и имел от них детей, было приказано оставить своих сыновей, чтобы они не стали причиной мятежа в Македонии, если бы сыновья и их матери были отправлены вместе. Однако он позаботился о том, чтобы научить их македонским обычаям и военной дисциплине, чтобы, когда они достигнут зрелого возраста, он мог вернуть их домой и передать их родителям, уже достигших зрелости.

Эти неопределенные и ненадежные вещи он обещал им при их отправлении, но добавил один верный и несомненный знак своей доброй воли по отношению к ним, назначив Кратера (которого он считал всегда верным себе и которого любил как свою жизнь) их военачальником, чтобы тот безопасно провел их в их страну; поэтому, пожелав им всем

здоровья и счастья и плача, глядя на их слезы, он отпустил их, приказав Кратеру, когда он выполнит свою задачу по безопасной доставке их домой, взять на себя управление Македонией, Фракией и Фессалией и председательствовать над свободами Греции. Кроме того, он приказал Антипатру прийти к нему и привести с собой других македонцев, молодых и энергичных, вместо тех, кто был отпущен. Он отправил Полисперхона вместе с Кратером и дал ему второе по значимости командование под его началом, опасаясь, что с Кратером может случиться несчастье в пути (он был несколько нездоров, когда отправлялся в путь), и они останутся без вождя.

Говорили, что Александр, подавленный клеветой, которой его мать обрушилась на Антипатра, хотел удалить его из Македонии. Но, возможно, этот призыв Антипатра не был предназначен для его позора, а скорее для предотвращения какого-либо бедствия, которое могло возникнуть из-за их ссор, которые он, возможно, не смог бы уладить. Царю было доставлено много писем, в которых Антипатр обвинял Олимпиаду в высокомерии, жестокости и вмешательстве в дела, не подобающие матери Александра, до такой степени, что, как говорят, царь жаловался, что ему пришлось дорого заплатить ей за те десять месяцев, что она носила его в своем чреве. Олимпиада, с другой стороны, обвиняла Антипатра в высокомерии из-за его власти и послушания, которым он пользовался у народа; она утверждала, что он начал совершенно забывать, откуда он получил свою власть, и считал себя достойным правления Македонией и всей Грецией, где он должен был выступать лишь в качестве наместника.

Таким образом, царь был настолько утомлен этими жалобами, что в конце концов начал склоняться к мнению тех, кто выступал за порицание Антипатра как человека, которого следует бояться больше, чем другого, если эти сообщения верны. Однако он ни словом, ни делом не давал ни малейшего повода полагать, что его чувства к нему изменились.^c

ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

После отъезда Кратера Александр отправился в Экбатану. Состояние казны и страны, которая так долго находилась в руках Клеандра и Ситалка, требовало его внимания. Это было также место, где он мог собрать информацию и согласовать меры в отношении регионов, граничащих с его владениями на севере вдоль побережья Каспийского моря, о которых его знания до сих пор были очень неполными. Но, без сомнения, одной из его главных целей было угодить мидянам, прожив несколько месяцев в их великолепной столице, одном из самых гордых городов древнего мира, где его персидские предшественники привыкли держать свой двор в течение части года. Присутствие Александра повсюду воспринималось как благословение. Во время своего путешествия по Мидии он осмотрел пастбища, известные, по-видимому, под названием Нисейская равнина, благодаря количеству и превосходству разводимых на них лошадей. Их число достигало 150 000, но в результате серии грабежей, которые свидетельствовали о беспорядке в провинции, оно сократилось почти на две трети. Здесь его встретил Атропат, сатрап северо-западной части Мидии, который, по-видимому, развлекал его маскарадом из ста женщин, оседланных и вооруженных топорами и короткими щитами, в соответствии с популярным представлением об амазонках. Таково предположение Арриана. Как бы то ни было, этот факт породил легенду, что Александр принял здесь посольство от царицы амазонок и пообещал навестить ее. На этом пути было еще несколько объектов, которые привлекли его внимание во время неспешного марша: беотийская колония, основанная Ксерксом, где до сих пор частично сохранилось использование греческого языка, а также сад и памятники Багистана, которые, согласно преданию, принадлежали Семирамиде.

В Экбатане, после того как он выполнил самые важные дела, которые его там ждали, он торжественно отпраздновал осенний праздник Диониса с необычайной пышностью. Город был переполнен приезжими, которые пришли посмотреть на зрелище; говорят, что из Греции собралось три тысячи артистов, чтобы принять в нем участие. Сатрап Атропат устроил пир для всей армии, и македонские офицеры, по-видимому, состязались друг с другом в придворных искусствах. Они вложили в уста герольдов прокламации, наполненные, как говорят, лестью, какой едва ли слышали персидские цари. Один из них, сохранившийся как образец наглого раболепия, но более примечательный как показатель чувств Александра, был сделан Горгом, мастером оружейной, который преподнес ему корону стоимостью три тысячи золотых монет и обязался предоставить десять тысяч полных комплектов доспехов и столько же всевозможных снарядов, подходящих для штурма города, когда бы он ни осаждал Афины.

СКОРЬБЬ О ГЕФЕСТИОНЕ

[324 г. до н. э.]

Среди театральных представлений было одно, которое благодаря необычности сюжета частично сохранилось от забвения, в то время как остальные, вместе с бесчисленными лучшими произведениями, были утрачены. Это была небольшая сатирическая пьеса под названием «Аген», автором которой, как общепринято считалось, был некий Пифон, возможно византиец, секретарь Филиппа; но существовало также необычное сообщение, что она была написана самим Александром. Даже если он не предложил тему или какие-либо сцены, сохранившиеся отрывки, безусловно, были призваны удовлетворить его чувства. В них упоминается бегство Харпала, который назван как по имени, так и по прозвищу, отражающему его самый известный порок; памятник, который он воздвиг в Вавилоне в честь Питионики, и щедрые пожертвования зерна, благодаря которым он получил афинское гражданство. Бедственное положение Афин, как будто им нужны были такие благодеяния, описывается в тоне горького сарказма, который переходит в тон серьезной враждебности, когда один из ораторов замечает, что зерно принадлежало Глицере, но, возможно, оказалось роковым залогом дружбы для тех, кто его получил. Нет сомнений, что этими словами поэт хотел выразить мысли Александра.

Но праздник был прерван событием, которое Александр воспринял как величайшее несчастье в своей жизни. Несколько дней назад Гефестион заболел лихорадкой, которая поначалу не давала никаких тревожных симптомов. Полагаясь на свою молодость и крепкое здоровье, он, по-видимому, пренебрег указаниями своего врача и своей неосторожностью усугубил болезнь, которая внезапно унесла его. Это был день, который должен был быть посвящен гимнастическим упражнениям мальчиков. Александр наблюдал за бегом, когда ему принесли весть о том, что состояние Гефестиона ухудшилось. Он немедленно поспешил к постели своего друга, но до того, как он прибыл, Гефестион скончался.

Горе Александра, хотя и не ожесточенное упреками в свой адрес, было страстным и бурным, как и то, которое он проявил при смерти Клита. Нет никаких доказательств того, что Гефестион обладал какими-либо качествами, заслуживающими того предпочтения, которым Александр его отличал: более того, есть основания полагать, что даже по мнению Александра его главным достоинством была преданность и покорность, с которыми он отвечал на пристрастие своего господина. Возможно, если бы привязанность была сформирована более взвешенно, потеря была бы ощущена не так остро. После того как первые приступы муки утихли, Александр искал утешения в чрезмерных почестях, которые

он оказывал своему умершему фавориту, и в тщетной видимости скорби, которую он заставлял демонстрировать всех людей и вещи вокруг себя.

Мы можем, как и Арриан, отказаться верить, что он был настолько жесток и безумен, что казнил невинного врача и снес храм Эскулапа, если таковой существовал, в Экбатане. Но нет никаких оснований сомневаться в утверждении Плутарха, что он приказал остричь лошадей и мулов и снести зубцы городских стен.^[35] Вероятно, это были обычные признаки всеобщего траура по смерти персидских царей, и несомненно, что он распорядился соблюдать его на всех своих азиатских владениях. Он также приказал, как это было принято в таких случаях, погасить священный огонь во всех персидских святилищах до окончания похорон. Для этого были предприняты приготовления, превосходящие по масштабу королевскую роскошь. Он приказал Пердикке перевезти тело в Вавилон, где за десять тысяч талантов [2 000 000 фунтов стерлингов или 10 000 000 долларов] должно было быть построено погребальное кострище, а похоронные игры должны были быть отпразднованы с невиданным ранее великолепием: для этой цели все художники, собравшиеся в Экбатане, должны были прибыть в столицу. Придворные, особенно те, кто мог быть заподозрен в иных чувствах, старались доказать свою симпатию к царю чрезвычайными проявлениями почтения к умершему фавориту. Эвмен, который недавно имел с ним бурную ссору, урегулированную только царской властью, ловко подал пример и посвятил себя и свое оружие покойному, возможно, предвосхищая желание Александра, чтобы Гефестион получил священные почести. Он хотел, чтобы это было сделано с санкции религиозных властей, и поэтому послал запрос к оракулу Аммона с вопросом, следует ли почитать Гефестиона как героя или как бога. Между тем, как говорят, он приказал прекратить звуки музыки в лагере. Подразделение кавалерии, которым командовал Гефестион, должно было сохранить его имя, а офицер, которому оно было поручено, должен был считаться лишь его лейтенантом.

Однако эти фантастические заботы только усугубляли его меланхолию, и его офицеры пытались отвлечь его более подходящим занятием, которое могло бы вывести его из Экбатаны, где он постоянно вспоминал о своей утрате. В конце концов он начал приходить в себя и пошел навстречу их желаниям. Удачно представился случай, который вновь призвал его к действию, и именно таким образом, который наиболее соответствовал его душевному состоянию. Коссы, населявшие высокогорье на границе Мидии и Персии, все еще не были покорены и, полагаясь на свои горные крепости, время от времени продолжали совершать грабительские набеги на своих соседей. Хотя сейчас была глубокая зима, Александр отправился, чтобы наказать и подавить их. Он разделил свои войска на две колонны и поручил командование одной из них Птолемею. Препятствия, создаваемые местностью и временем года, были такими, с которыми он привык справляться: варвары мало что могли сделать, чтобы помешать его продвижению. Их преследовали, как диких зверей, в их логова, и каждого, кто был способен носить оружие, казнили мечом. Это было жертвоприношение в память о Гефестиионе, в котором Александр, возможно, видел еще одно сходство с Ахиллом. Затем он пересек горы, спустился к Тигру и взял прямой путь на Вавилон.

В ВАВИЛОН

[324-323 гг. до н. э.]

На расстоянии нескольких дней марша от города его настигли предзнаменования надвигающейся беды. Делегация халдейских жрецов прибыла в лагерь и попросила о частной аудиенции, во время которой они сообщили ему, что их бог Бел открыл им, что ему грозит опасность, если он в это время войдет в Вавилон. Говорят, что Александр ответил

стихом Еврипида, выражая недоверие к гаданию. Но несомненно, что это предупреждение глубоко запечатлелось в его сознании. Его настроение было склонно к мрачным предчувствиям: и между словами халдеев и намеком, который он недавно получил от греческого предсказателя по имени Пифагор, существовала странная гармония.

ГРЕЧЕСКАЯ УРНА

Тем не менее жрецы обнаружили, что не могут убедить царя отказаться от своего намерения посетить столицу своей империи, где предстояло решить много важных дел и где его прибытия ждали посольства из отдаленных уголков мира. Тогда они настоятельно посоветовали ему хотя бы не входить в город через восточные ворота, чтобы его лицо было обращено к мрачному западу. Этот загадочный совет пришелся по душе Александру; он изменил маршрут своего похода и прошел некоторое расстояние вдоль берега Евфрата. Но затем он обнаружил, что озера и болота, образовавшиеся в результате наводнений реки к западу от Вавилона, окажутся непреодолимым препятствием. Он по-прежнему не хотел игнорировать предупреждение халдеев, но теперь был не против послушать Анаксарха и других философов-греков из своего окружения, которые с презрением относились к оккультной науке и особенно к ее вавилонским профессорам. Однако был еще один повод для недоверия — подозрение, что его священники-советники были озабочены не столько его безопасностью, сколько своей собственной. Перед тем как покинуть Вавилон, Александр приказал восстановить великий храм, разрушенный Ксерксом, под надзором жрецов. Доходы, выделенные ассирийскими царями на содержание храма, также управлялись жрецами и, пока храм лежал в руинах, использовались ими в своих интересах. Они знали, что присутствие Александра скоро положит конец таким злоупотреблениям.

Итак, он наконец вошел в Вавилон, не без тайного опасения, через зловещий квартал.^[36] Великий город, вероятно, никогда раньше не был свидетелем столь волнующей сцены, как та, которая разыгралась перед его стенами, где собралась толпа людей, преследующих различные цели. Неарх привел флот из Описа; корабли, перевезенные по суше из Финикии, прибыли из Тапсака; гавань была в процессе строительства, а другие корабли находились на стапелях в арсеналах самого Вавилона. Еще одна толпа рабочих и художников была занята подготовкой погребального костра Гефестиона и его похорон. И никогда прежде имперское величие Александра не проявлялось так явно, как в посольствах иностранных государств, которые теперь присутствовали при его дворе.^[37] Похоже, что некоторые из его историков были склонны преувеличивать количество и разнообразие этих посольств. Возможно, мы должны скептически отнестись к тем, которые, как говорят, прибыли — удивив македонян

и греков новизной и странностью своих имен и одежд — от европейских скифов, от кельтских и иберийских племен, из Эфиопии, из Карфагена, из Ливии и, по крайней мере, от трех итальянских народов: бруттов, луканов и тирренцев.

Цель итальянских посольств не упоминается: посольства бруттов и луканов легко объяснить, поскольку всего шесть или семь лет назад родственник и тезка завоевателя, Александр Эпирский, погиб в войне с ними. Мы готовы принять свидетельство о том, что в Вавилоне их встретили послы из Рима, и хотя эта сцена может показаться нам настолько запоминающейся, что она могла бы послужить поводом для вымысла, этот факт был зафиксирован до того, как величие римского имени могло бы натолкнуть на такую мысль. Страбон упоминает случай, который мог привести к этой миссии. Александр — мы не знаем точно, когда — направил протесты римлянам по поводу ущерба, который его подданные понесли от пиратов Антиума, подчинявшегося Риму. Александр, вероятно, был бы удовлетворен таким же господством в Италии, какое он приобрел в Греции: чтобы итальянские государства не образовали против него единого союза, а Рим в одиночку не смог бы долго противостоять такой армии, которую он мог бы направить против него, опираясь на силы и сокровища Греции, Азии и Африки.

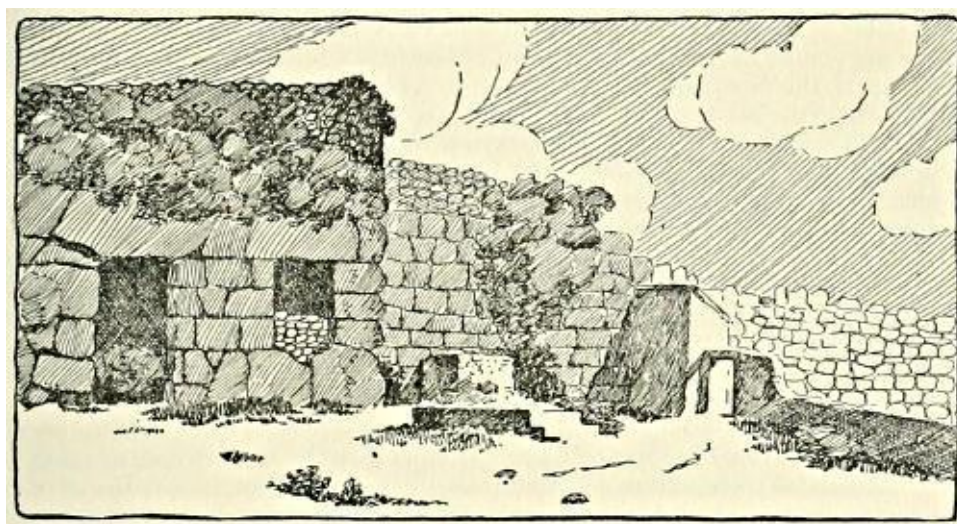
Среди посольств было несколько из греческих городов. Он отдал предпочтение в соответствии с достоинством их храмов. Так, Элида заняла первое место, за ней следовали Дельфы и Коринф, но храм Аммона был признан вторым после Олимпии. Эпидаврйцы получили подношение для своего бога, хотя Александр добавил замечание, что Эскулап мог бы поступить с ним лучше, чем позволить ему потерять своего дорогого друга.

Почести, предназначенные для Гефестиона, продолжали делить его серьезное внимание с более важными делами. Погребальный костер был наконец готов и представлял собой чудо великолепия, какого никогда не видел роскошный Восток. Часть стены Вавилона длиной около мили была снесена, чтобы обеспечить материалы для фундамента и каркаса здания. Это была квадратная башня, каждая сторона которой, по крайней мере у основания, имела ширину в стадион; высота составляла около двухсот футов, она была разделена на тридцать этажей и покрыта стволами пальм. Вся внешняя часть была покрыта группами колоссальных фигур и другими украшениями, все из золота, слоновой кости и других драгоценных материалов, а на вершине были установлены статуи сирен, устроенные так, что издавали жалобную мелодию. Все, кто стремился к благосклонности короля, вносили свои пожертвования на строительство или на похороны. Что касается великолепия заключительной церемонии, похоронных игр и банкета, то достаточно сказать, что оно соответствовало богатству этого удивительного произведения искусства, которое было возведено за счет, примерно в десять раз превышающий расходы на Парфенон, только для того, чтобы быть поглощенным пламенем.

Александр не был из тех, кто долго пребывает в меланхолических раздумьях.^[38] Теперь он, по-видимому, возобновил свои великие планы с привычной энергией. Примерно в это время он отправил три экспедиции для исследования побережья Аравии. Он был убежден, что Каспийское море соединяется через какой-то выход на его северной оконечности с океаном, опоясывающим Землю, и, возможно, надеялся, что через этот канал можно будет найти проход к побережью Индии. С этой целью он отправил Гераклида с группой корабельных мастеров на берега Каспия, чтобы построить флот, который мог бы исследовать его побережья и установить его границы. Тем временем он предпринял экспедицию из Вавилона на Евфрате, чтобы осмотреть канал под названием Паллакопас, который ответвлялся от него на юго-запад. Затем он сплавился по Паллакопасу в озера, которые принимали его воды, и исследовал каналы, соединявшие их друг с другом. На одном из участков берега его внимание привлекло место, которое, по его мнению, хорошо подходило

для строительства города ( ), и он приказал построить там город, который впоследствии заселил колонией греческих наемников. Окружность была большой, а проходы настолько запутанными, что однажды он на некоторое время отделился от основной части эскадры. На обратном пути через этот лабиринт вод произошел несчастный случай, сам по себе незначительный, но, по-видимому, достаточно зловещий, чтобы возродить то беспокойство, с которым он вступил в Вавилон и которое улегло, когда он снова оказался вне его пределов, а предсказание халдеев, по-видимому, не сбылось. Когда королевская галера, которой управлял сам Александр, проплывала по озеру, внезапный порыв ветра унес его кавсию в воду, а легкая диадема, которая окружала ее, зацепилась за один из тростников, растущих из могилы. Один из матросов немедленно поплыл, чтобы вернуть ее, и, чтобы не намочить, надел ее на свою голову. Александр наградил его талантом, но в то же время приказал выпороть его за то, что он бездумно взял на себя знак королевской власти. Говорят, что гадатели отнеслись к этому делу более серьезно и посоветовали царю предотвратить это предзнаменование, казнив преступника.

По возвращении он обнаружил, что все приготовления к его запланированной экспедиции почти завершены. Из западных провинций прибыли свежие войска, а Певкест привел армию из двадцати тысяч персов и отряд горцев из Косских и Тапурийских высокогорий. Александер включил персов в свою македонскую пехоту, так что в каждом ряду из шестнадцати человек было двенадцать персов, вооруженных луками или копьями, и четыре тяжеловооруженных македонянина. И вот послом, которых он послал к оракулу Аммона, вернулись с ответом, что Гефестион должен быть почитаем как герой. Это, вероятно, было именно тем, чего желал Александр. Он немедленно приступил к выполнению этого предписания и послал приказ своему сатрапу Клеомену воздвигнуть два храма новому герою, один в Александрии, другой на острове Фарос.

Руины греческой стены в Алатриуме

Из Греции также прибыли новые послы — из каких государств, нам не известно — чтобы оказать ему божественные почести, которых он требовал. Они пришли в коронах, согласно обычаю лиц, отправленных с священной миссией в храм, преподнесли ему золотые короны и приветствовали его с титулом бога. Но, как с подчеркнутой простотой замечает Арриан, он был теперь недалеко от своего конца. Об этом, казалось, свидетельствовало еще одно зловещее предзнаменование. Царь был занят набором вновь прибывших войск, совещаюсь со своими офицерами, которые сидели по обе стороны трона. Почувствовав жажду, он удалился, чтобы освежиться; совет на время поднялся, и в зале остались только слуги-евнухи. До его возвращения в комнату вошел человек, поднялся по ступеням трона и сел на

него. Рабы, вероятно, были настолько ошеломлены ( ), что не смогли помешать ему, хотя должны были это сделать; но когда дело было сделано, этикет персидского двора запрещал им прикасаться к тому, кто занял королевское кресло, и они разрывали на себе одежды и били себя в грудь в беспомощном смятении. По приказу Александра, который подозревал измену, мужчину допросили и подвергли пыткам. По некоторым сведениям, это был мессенец по имени Дионисий, который долгое время находился в тюрьме и только что сбежал. Можно предположить, что он был не в себе. Он не мог объяснить свой поступок, кроме как тем, что ему это пришло в голову. Поэтому для предсказателей было еще более очевидным, что это следует рассматривать как знак надвигающегося зла. Сам Александр, вероятно, так и считал, и это было тем более тревожно, что следовало за многими другими. Трудно поверить, что он был настолько одержим мрачными предчувствиями и суеверными фантазиями, как описывает Плутарх, если только он уже не был бессознательно поражен расстройством, которое оказалось для него фатальным: с другой стороны, кажется вероятным, что его тайные зародыши могли быть подпитаны подавленным состоянием его духа.

Наличие болезни, еще до проявления ее симптомов, возможно, лучше всего объясняет поведение, которое Плутарх приписывает ему в беседе с сыном Антипатра, Кассандром, незадолго до его смерти; эта сцена, по-видимому, имела очень важные последствия. Александр противопоставил Кассандру обвинителей Антипатра, и когда Кассандр отверг их обвинения как беспочвенные клеветы, сурово прервал его и спросил, разве люди, которые не пострадали от несправедливости, поехали бы так далеко, чтобы выдвинуть клеветнические обвинения. Кассандр ответил, что чем дальше от места предполагаемого преступления, тем безопаснее клевета. Но царь с негодованием ответил, что Кассандр продемонстрировал, как хорошо он изучил софистику Аристотеля, согласно которой каждый аргумент можно повернуть в две противоположные стороны, но что это не имеет никакого значения, если жалобы окажутся в какой-то степени обоснованными. До сих пор мы видим только доказательство того, что Александр сохранил всю силу своего ума и характера. Однако Плутарх добавляет, что, поскольку Кассандр на своей первой аудиенции не смог сохранить самообладание при виде персидского церемониала, который был для него совершенно новым, Александр схватил его за волосы и ударил головой о стену. Возможно, это грубое преувеличение, но то, что прием Кассандра был настолько жестким и насильственным, что оставил в его душе неизгладимое впечатление страха и ненависти, подтверждается, насколько это возможно, его последующим поведением.

ПОСЛЕДНЯЯ БОЛЕЗНЬ

Подготовка к запланированной кампании была уже настолько продвинута, что Александр устроил торжественное жертвоприношение за ее успех. Одновременно он устроил банкет для своих главных офицеров и продолжал пить с ними до позднего вечера. Когда он собирался ложиться спать, Медий, который, по-видимому, в последнее время стал для него таким же близким другом, как Гефестион, пригласил его на пир, за которым должно было последовать новое питье. Он согласился, и, по-видимому, большую часть ночи провел таким образом. На следующий вечер он снова устроил банкет в доме Медия, и снова пир продлился до поздней ночи.

В конце этого банкета, после того как он освежился в бане, он почувствовал такие сильные симптомы лихорадки, что решил остаться там на ночь. Смерть уже схватила его, хотя его крепкое тело поддавалось постепенному прогрессированию болезни только после упорной борьбы.

У нас есть подробный и, по-видимому, полный отчет о его последней болезни в официальном дневнике, который переписал Арриан. Тем не менее, в древности были распространены различные сообщения, которые он не подтверждает, и одно из них, приписывающее его смерть грубой нетрезвости, всегда было широко распространено. ^[39] Другое, которое было столь же широко отвергнуто, приписывало ее дозе яда, приготовленной Аристотелем, переданной Кассандром и введенной Иолласом, другим сыном Антипатра, который занимал должность виночерпия у царя. Поскольку эта версия, несомненно, была придумана врагами Кассандра, то и другая, возможно, была впервые распространена им и его сторонниками. В ней Александр представлен как выпивший огромный кубок с чашу Геракла, как ее называли, и мгновенно упавший, как от внезапного удара. Этот инцидент, конечно, не появился бы на страницах дневника, но он также не вполне согласуется с привычками Александра, который, по словам Аристула, пил в основном для того, чтобы продлить беседу, а также с другими сохранившимися подробностями о банкете. Если бы он был в своем обычном состоянии здоровья, то описанное в дневнике разгульное пиршество, вероятно, не оказало бы на него никакого влияния. Однако оно могло как ускорить начало лихорадки, так и сделать ее смертельной. Аристул рассказал еще один факт, который в дневнике был промолчан: в приступе лихорадки больной утолил жажду большим глотком вина.^b

СМЕРТНОЕ ПОСТЕЛЬНОЕ АЛЕКСАНДРА

Утром первого июня Александр проснулся очень больным. Разнообразные эмоции последних дней и быстрая череда банкетов сделали его слишком восприимчивым к болезни, и лихорадка сильно овладела им. Его пришлось нести на постели к алтарю для утреннего жертвоприношения, которое он обычно совершал ежедневно. Затем он лежал на кушетке в большом зале, принимая своих генералов и отдавая им необходимые приказы для отправления: армия должна была выступить 4 июня, а флот, на котором он собирался отправиться лично, — на следующий день. Затем его отнесли на кушетке к Евфрату, посадили на корабль и переправили в сады на другом берегу, где он принял ванну и провел ночь, дрожа от холода. После купания и жертвоприношения на следующее утро он ушел в свои личные покои и пролежал там на кушетке весь день. Медий был там и пытался подбодрить его разговором. Царь приказал вождям явиться к нему на следующее утро, а сам, слегка поужинав, лег спать.

Лихорадка усилилась, его состояние ухудшилось, и он провел всю ночь без сна. На следующее утро, после купания и жертвоприношения, были допущены Неарх и другие военачальники флота; царь сообщил им, что их отплытие должно быть отложено на один день из-за его болезни, но что он надеется к тому времени достаточно поправиться, чтобы отплыть шестого числа. Он остался в ванной; Неарху было приказано сесть у его постели и рассказать ему о своем путешествии. Александр слушал с большим удовольствием, радуясь, что и ему вскоре предстоит испытать подобные опасности. Между тем его состояние ухудшилось, лихорадка с каждой ночью становилась все сильнее. Тем не менее, утром 4 июня, после бани и утреннего жертвоприношения, он созвал офицеров флота и приказал им подготовить все для его приема и отплытия флота шестого числа. После вечерней бани лихорадка усилилась как никогда, силы царя заметно ослабели, и последовала бессонная ночь мучений.

На следующее утро его с высокой температурой отнесли к великому водохранилищу, где он с трудом принес жертву; затем он принял офицеров, отдал несколько приказов относительно отплытия флота, обсудил с генералами назначения на определенные должности и оставил выбор офицеров, подлежащих повышению, на их усмотрение, с

наставлением провести строгий экзамен. Наступил шестой день, король был повержен болезнью, но тем не менее он велел отнести себя к алтарю, принес жертвы и молитвы и отдал приказ отложить отплытие флота. Наступила мрачная ночь, и на следующее утро король едва смог принести жертву. Он приказал генералам собраться в прихожей дворца, а капитанам и офицерам — держаться вместе во дворе. Его отнесли из садов обратно во дворец. Он слабел с каждой минутой; когда вошли вожди, он узнал их, но не мог говорить. Лихорадка продолжалась всю ночь, и в течение следующего дня и ночи царь лежал безмолвный.

Впечатление, произведенное болезнью царя как на армию, так и на город, было неопишным; македоняне толпились вокруг дворца, они просили увидеть своего царя, они боялись, что он уже умер и что его смерть держат в секрете; они не прекращали своих стенаний, угроз и мольбы, пока им не открыли двери. Затем они прошли мимо постели своего царя, и Александр слегка приподнял голову, подал руку каждому и молча простился со своими ветеранами. На следующий день (это было 10 июня) Пифон, Пеукестас, Селевк и другие пошли в храм Сераписа и спросили бога, поправится ли царь, если его отнесут в храм и помолются ему. Ответ был: «Не приносите его, если он останется там, где есть, то скоро поправится». А на следующий день, ближе к вечеру 11 июня, Александр умер.^d

СНОСКИ

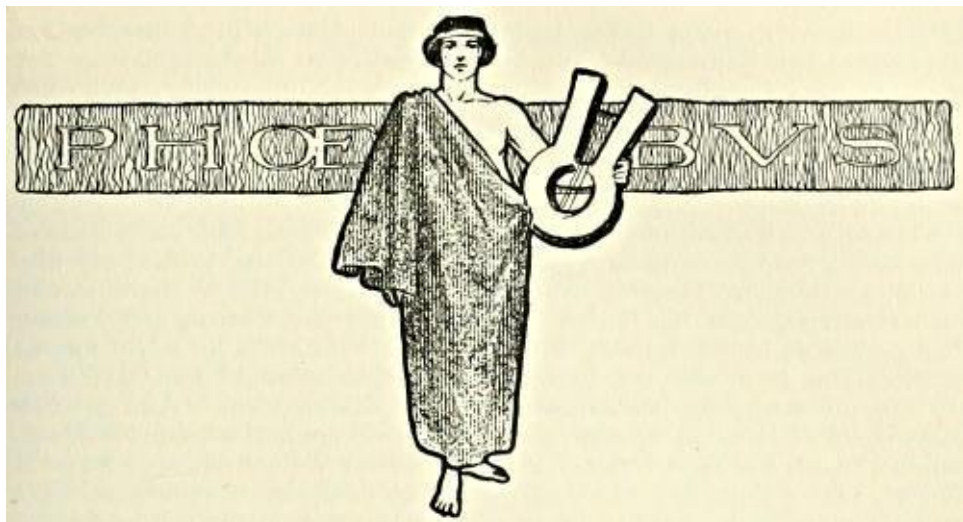
[35] Дройзен^d отвергает эти сообщения с крайним презрением, возможно, забывая о том, что Геродот (IX, 24) рассказывает о трауре по Масистию, во время которого персы брили себя, лошадей и вьючных животных: прецедент, который, по крайней мере, доказывает, что в рассказе Плутарха нет ничего абсурдного или невероятного; если это и не делает достоверным, что такие же признаки скорби были обязательной частью общего траура, объявленного Александром.

[36] Теперь можно считать достаточно достоверным, что возвращение Александра в Вавилон произошло в начале 323 года.

[37] [Niebuhr^f сравнивает этот период с пребыванием Наполеона в Дрездене перед его роковым походом на Москву. Он был так же окружен толпами посольств.]

[38] [И снова, картина уныния Александра, нарисованная Дройзеном ^g]: «С Гефестионом его юность ушла в могилу: и, хотя он едва переступил порог зрелости, он начал быстро стареть», кажется чрезмерно преувеличенной.

[39] [Нибур (^f) считает, что Александр вряд ли мог быть отравлен, поскольку яды того времени всегда действовали в течение двадцати четырех часов. Однако это ни в коем случае не является достоверным. Арат, герой Ахейского союза, умер от медленного отравления, согласно авторитетному источнику Полибию.]

ГЛАВА LVII. РАЗЛИЧНЫЕ ОЦЕНКИ АЛЕКСАНДРА

Теперь, когда мы рассмотрели столь великие деяния столь короткой жизни, неизбежно подвести итог разнообразной деятельности этого человека и кратко оценить значение его карьеры для цивилизации. Оценки Александра столь же разнообразны, сколь и мнения тех, кто их высказывает. Краткий обзор этих оценок полон контрастов и просвещает.^a

ЕГО ПОРОКИ И ДОБРОДЕТЕЛИ (АРРИАН)

Его тело было красивым и пропорциональным; его ум был живым и активным; его мужество было замечательным. Он был достаточно сильным, чтобы переносить лишения, и готов был встречать опасности; он всегда стремился к славе и строго соблюдал религиозные обязанности. К удовольствиям, связанным с телом, он относился безразлично, а к желаниям ума — ненасытно. В своих советах он был проницателен и хитр, и благодаря своей природной проницательности глубоко проникал в сомнительные вопросы. Он был очень искусен в организации, вооружении и управлении армией и славился тем, что вдохновлял своих солдат мужеством и воодушевлял их надеждами на успех, а также тем, что своим собственным примером великодушия развеивал их личные страхи. Он всегда приступал к отчаянным попыткам с предельной решимостью и энергией и всегда старался воспользоваться любой задержкой своих врагов, нападая на них врасплох. Он был самым строгим соблюдателем своих договоров, несмотря на то что никогда не попадал в невыгодное положение из-за хитрости или вероломства своих врагов. Он был бережлив в своих расходах на личные удовольствия, но щедр и великодушен в распределении своих подарков друзьям.

Если и можно что-то вменить Александру в вину, совершенное в порыве ярости и гнева, или если можно сказать, что он слишком подражал варварской гордости и вел себя слишком высокомерно, я не считаю это тяжкими преступлениями; и особенно если спокойно подумать о его юном возрасте и непрерывной череде успехов, то неудивительно, что придворные льстецы ( ), которые всегда льстят князьям в ущерб им самим, иногда сбивали его с пути. Но в его защиту нужно сказать, что во всей древности не было примера такого искреннего раскаяния у короля, как то, которое он нам продемонстрировал. Я не могу осуждать Александра за то, что он пытался убедить своих подданных в своем божественном происхождении, потому что разумно предположить, что он не имел в виду ничего большего, чем приобрести больший авторитет среди своих солдат. Он был не менее знаменит, чем Минос, Зак или Радамант, которые все утверждали, что являются родственниками Зевса, и никто из древних не осуждал их за это; его славные деяния ни в чем не уступали деяниям Тесея или Иона, хотя первый утверждал, что его отцом был Нептун, а второй — Аполлон. Его принятие и ношение персидской одежды, по-видимому, было сделано с политической целью, чтобы он не выглядел совсем презирающим варваров, а также чтобы он мог сдерживать высокомерие и наглость своих македонцев. По этой причине, по моему мнению, он разместил персидских мелофоров среди своих македонских войск и кавалерийских отрядов и предоставил им равную долю чести. Аристокл утверждает нас, что долгие банкеты и пьянство не были его удовольствиями; он не устраивал пиршеств ради вина (которое он не очень любил и редко пил в больших количествах), а для укрепления взаимной дружбы между своими друзьями.

Поэтому тот, кто пытается осудить или оклеветать Александра, не столько основывает свои обвинения на тех его поступках, которые действительно заслуживают порицания, сколько собирает все его действия в одну огромную массу и формирует на ее основе свое

суждение. Но пусть любой человек серьезно подумает о том, кем он был, каких успехов он всегда достигал и до какой степени славы он дошел; кто, без спора, царствовал как король обоих континентов, и чье имя распространилось по всем частям обитаемого мира; и он легко придет к выводу, что по сравнению с его великими и похвальными деяниями его пороки и недостатки незначительны и, учитывая его раскаяние и отвращение к ним впоследствии, их можно легко простить, и они не имеют достаточного веса, чтобы бросить тень на его правление.

Я убежден, что в то время не было ни одной нации, ни одного города, ни одного народа, куда бы не дошло его имя, и по этой причине, каким бы происхождением он ни гордился или каким бы ни считал себя, мне кажется, что над его рождением и поступками была какая-то божественная рука, так что ни один смертный на Земле не превосходил его и не равнялся с ним.^b

ЕГО ЛЮБОВЬ К УДАЧЕ (ЭЛИАН)

Достойны похвалы и славы деяния Александра, совершенные им при Гранике и Иссе. Его сражения при Арбелесе, пленение Дария, подчинение персов македонянам, завоевание всей Азии, присоединение индийцев к его владениям и т. д. Достойны похвалы его военные подвиги при Тире и Оксидакрисе. Но как мы можем в нескольких строках описать величие столь несравненного правителя? Пусть некоторые завистливые слуги и злословы считают, что успех его приключений следует приписывать Фортуне, но что с того? Он все равно остается выдающимся и достойным похвалы, поскольку его удача никогда не ослабевала и не иссякала, и он был убаюкан на коленях такой любящей дамы, что она никогда не отказывала ему в своей милости.^c

ЕСЛИ БЫ АЛЕКСАНДР ПЫТАЛСЯ ЗАХВАТИТЬ РИМ (ЛИВИЙ)

[Когда историк Рима, старый Ливий, писал о сравнительно малоизвестном полководце Папирии Курсоре, тот факт, что он был современником Александра и должен был бы встретиться с ним, если бы тот вторгся в Италию, побудил Ливия выразить столь римское пренебрежение к завоевателю мира, что мы не можем не процитировать это здесь, предпочтительно в старомодной форме анонимного перевода 1686 года.

Без сомнения, в ту эпоху, которая дала столько же великолепных полководцев, как и любая другая, не было человека, на которого государство Рим полагалось и зависело в такой степени, что, как заключили некоторые писатели, он [Папирий Курсор] был бы равным соперником великого Александра, если бы после завоевания Азии тот направил свои войска на Европу.

Хотя с самого начала этой работы может показаться, что я не стремился отклоняться от правильного порядка и последовательности повествования и не пытался украсить его экстравагантными вариациями или развлечь читателя и освежить себя приятными отступлениями, тем не менее, упомянув о столь великом короле и столь прославленном полководце, я не мог не раскрыть и не изложить те мысли, которые часто приходили мне в голову, и немного поразмышлять о том, каким бы было развитие событий в римских делах, если бы они столкнулись с этим прославленным завоевателем. Так как римское государство противостояло другим королям и народам, оно могло бы оказаться непобедимым и для него. Начну с сравнения полководцев друг с другом. Я не отрицаю, что Александр был великолепным лидером, но то, что усилило его славу, было то, что он был единственным и верховным полководцем; молодым человеком, чьи паруса всегда были наполнены благоприятными ветрами, и который умер, не успев испытать на себе ни одного из капризов судьбы. Опуская других славных князей и прославленных полководцев, яркие примеры неопределенности человеческого величия: что же подвергло Кира (которого греки так превозносят) или нашего великого Помпея в последнее время колебаниям колеса фортуны, как не то, что они жили долго? С другой стороны, давайте проанализируем римских полководцев, я имею в виду не всех за все времена, а тех, кто был консулами или диктаторами в те времена, с которыми Александр должен был сражаться, если бы он распространил свои знамена в эту сторону; это были М. Валерий Корвин, К. Марций Рутил, К. Сульпиций, Т. Манлий Торкват, К. Публилий Филон, Л. Папирий Курсор, К. Фабий Максим, два Деция, Л. Волумний, Манлий Курий, помимо множества выдающихся воинов, которые пришли после них; если бы он сначала напал на карфагенян (как он был решил сделать, если бы его не остановила смерть) и таким образом прибыл в Италию в преклонном возрасте. Каждый из них обладал такими же хорошими качествами и природными способностями, как Александр, и имел преимущество в виде несравненной военной дисциплины, которая передавалась из поколения в поколение с момента основания их города и теперь, благодаря постоянным наставлениям, достигла совершенства искусства. А учитывая, что Александр часто рисковал своей жизнью и подвергался всем военным тяготам и опасностям (что не мало добавляло к его славе), можно ли думать, что если бы Манлий Торкват или Валерий Корвин случайно встретились с ним во главе его войск, то ни один из них не оказался бы ему ровней, ведь оба они были известны как отважные воины еще до того, как получили командование? Боялись ли бы его Деции, которые бросались с преданными телами в самую гущу врага? Отказался ли бы Папирий Курсор, этот могучий человек, обладавший как физической силой, так и доблестью духа, сразиться с ним? Было ли вероятно, что один молодой дворянин смог бы перехитрить или управлять своими делами с большей осторожностью, чем сенат, о котором только он, кто бы он ни был, имел правильное представление, сказав: «Он состоял исключительно из королей»?

Здесь, по правде говоря, заключалась опасность, что он мог бы выбрать более выгодное место для лагеря, более тщательно обеспечить продовольствием, более осторожно предотвратить сюрпризы и уловки, лучше знать, когда рискнуть сражением, выстроить

свою армию более по-военному или укрепить ее резервами и новобранцами, лучше, чем любой из тех, кого я назвал . Увы! во всех этих вопросах он признал бы, что имеет дело не с Дарием, который, окруженный огромной свитой женщин и евнухов, размягченный ношением золота и пурпура и обремененный излишними принадлежностями своей роскошной судьбы, он действительно одержал бескровную победу, встретив скорее добычу, чем врага, и мог похвастаться только тем, что осмелился с достоинством презирать такое изобилие тщеславия.

В Италии у него были бы другие перспективы, чем в Индии, по которой он шел без труда с пьяной армией, пируя и веселясь всю дорогу: Но здесь он должен был встретить густой лес и почти непроходимые проливы Апулии; высокие горы Лукании и свежие следы недавнего поражения, которое постигло его собственное имя и семью, где его дядя Александр, царь эпиротов, был зарублен на куски.

Мы говорим до сих пор об Александре, еще не развращенном чрезмерной удачей, в которой никто никогда не обладал меньшим самообладанием, чем он: Но если мы рассмотрим его в его новом обличье и новой природе (если я могу так выразиться), которую он принял после того, как некоторое время был окрылен победами, мы можем признать, что он прибыл в Италию скорее как Дарий, чем как Александр, и привел с собой бастардную армию, полностью утратившую македонское мужество и манеры и погрязшую в разврате и изнеженности персов. Мне стыдно, что такой великий монарх, как он, имел привычку так часто менять свою одежду; его чрезмерную тщеславность, ожидая, что люди будут поклоняться ему, падая ниц к его ногам, когда бы они ни приближались к нему; его варварские жестокости и убийства своих ближайших друзей во время пиршеств и банкетов, а также смехотворное тщеславие, заключавшееся в том, что он выдумывал себе божественное происхождение и хвастался тем, что он сын Юпитера. Более того, поскольку его пьянство и жажда вина, его дикие страсти и вспыльчивый нрав с каждым днем усиливаются (я сообщаю только то, в чем сходятся все авторы), разве мы не должны думать, что его способности как полководца быстро угасли и были значительно ослаблены?

Но здесь, возможно, заключалась опасность (на которую часто ссылаются некоторые незначительные греки, которые воспевают славу даже парфян, чтобы принизить имя Рима), что народ Рима никогда не смог бы вынести величие и страх перед именем Александра (о котором, как я полагаю, они тогда едва ли слышали). Даже если мы будем восторгаться этим правителем, как только можем, все равно это будет лишь величие одного человека, приобретенное за чуть более двенадцати лет непрерывного счастья; и хотя некоторые высоко ценят его за то, что римляне, хотя и не потерпели ни одного поражения в войне, все же были разгромлены в нескольких сражениях, в то время как Александру удача сопутствовала в каждом сражении, они не учитывают, что сравнивают подвиги одного конкретного человека, да еще и молодого, с достижениями народа, который уже восемьсот лет вовлечен в войны.

ГРЕЧЕСКИЙ КОСТЮМ

(по Хоупу)

Следует сравнивать человека с человеком, полководца с полководцем, а не удачу одного с другим. Сколько римских полководцев я могу назвать, которые никогда не терпели поражения в свои дни? Мы можем перелистать целые страницы в анналах наших магистратов, полные консулов и диктаторов, чей успех, как и добродетель, был таким, что они никогда не доставляли республике ни одного дня печали или недовольства. И что делает их еще более достойными восхищения, чем Александр или любой другой царь в мире: некоторые из них занимали должность диктатора не более десяти или двадцати дней, а консулы — не более года. Их наборы часто препятствовались трибунами народа, так что они начинались слишком поздно, а иногда, из-за проведения суда для выборов, их отправляли домой слишком рано. В спешке дел год мог закончиться, и тогда они должны были оставлять все новые инструментам; то опрометчивость, то нечестность коллеги были либо большим препятствием для их успеха, либо, возможно, причиной беды. Много раз они добивались успеха после поражения своих предшественников или получали неопытную и недисциплинированную армию: от всех этих неудобств короли не только свободны, но и являются абсолютными хозяевами как своих предприятий, так и времени и средств, которые они будут использовать для их осуществления, руководствуясь всем своими советами, а не следуя им. Поэтому, если бы этот непобедимый Александр вступил в борьбу с этими непобедимыми полководцами, он рискнул бы всеми своими прошлыми удовольствиями, которые даровала ему удача; более того, в этом случае опасность была бы еще больше, поскольку у македонян был только один Александр, и он не только подвергался многим случайностям, но и добровольно подвергал себя частым опасностям. Но у римлян было много людей, равных Александру как по славе, так и по величию своих достижений,

каждый из которых, в соответствии со своей особой судьбой, мог либо жить, либо умереть, не подвергая опасности общество.

Остается теперь сравнить силы каждой из сторон, и то не по численности, качеству солдат или количеству их союзников и вспомогательных войск. В переписях, проведенных цензорами того времени, было насчитано двести пятьдесят тысяч римлян, и поэтому во всех восстаниях латинян они могли набрать десять легионов, причем почти полностью в городе; и в те времена часто одновременно содержались четыре или пять отдельных армий, которые вели войны в Этрурии, в Умбрии, с галлами (союзниками врага) в Самнии и в Лукании: С другой стороны, он должен был пересечь море, имея в своем распоряжении старые македонские отряды численностью не более тридцати тысяч пехотинцев и четырех тысяч всадников, причем большинство из них были фессалийцами; ибо такова была общая численность его войск, когда он казался наиболее грозным. Если бы он добавил к ним персов, индийцев или других из своих новых завоеваний, они скорее мешали бы ему, чем помогали. Кроме того, римляне имели под рукой запасы, чтобы в случае любой непредвиденной ситуации немедленно подкрепить свои войска из дома, тогда как Александр (как впоследствии случилось с Ганнибалом), воюя в далекой чужой стране, быстро потерял бы свою армию и не смог бы легко набрать новобранцев. Македоняне были вооружены щитом и копьем, похожим на пику; римляне — большим щитом, который закрывал почти все тело, и дротиком, оружием, которое было не менее полезным, чем копье, как для ударов и толчков с близкого расстояния, так и для бросков с дальнего расстояния. Солдаты обеих сторон были привычны стоять твердо и держать свои ряды; македонская фаланга была неподвижна и однородна; но римские батальоны были более различимы и состояли из нескольких подразделений, более готовых разделиться и снова сойтись при любой возможности.

Патриотическая оценка величия Рима

Если говорить о труде и путешествиях, то какой солдат может сравниться с римлянином? Кто лучше него способен выдержать и перенести все тяготы войны? Александр, потерпевший поражение в одной битве, был полностью разгромлен: но какая сила могла сломить мужество римлян, которых ни позорное поражение при Каудиуме, ни роковое поражение при Каннах не смогли ни в малейшей степени утратить или обескуражить? Несомненно, Александр, хотя его первая попытка и увенчалась успехом, часто скучал бы здесь по своим персам и индийцам; он бы хотел снова иметь дело с мягкими и трусливыми народами Азии и признал бы, что раньше он сражался только с женщинами, как, по преданию, сказал царь Александр Эпирский, когда получил здесь смертельное ранение, размышляя о тех легких испытаниях войны, с которыми этот молодой принц (его племянник) столкнулся в Азии, по сравнению с теми трудностями, с которыми ему самому пришлось бороться в Италии.

И действительно, когда я думаю о том, что морские сражения между римлянами и карфагенянами в Первой Пунической войне длились не менее двадцати четырех лет, я склонен предполагать, что даже всей жизни Александра не хватило бы, чтобы закончить войну с одним из этих государств. А поскольку в то время они были связаны древними союзами и находились в дружеских отношениях друг с другом, вполне вероятно, что одинаковое понимание опасности могло бы объединить их против общего врага. И чего же еще он мог ожидать, кроме полного разгрома и уничтожения совместными силами двух самых могущественных республик в мире? Римляне, хотя и не в дни Александра или когда македонская держава была на пике своего могущества, но впоследствии испытали мужество

македонцев под руководством Антиоха, Филиппа и Персея и вышли из этого не только без потерь, но даже без какой-либо опасности или риска.

Это может показаться гордым заявлением, но оно сказано без высокомерия: пусть между нами не будет гражданских войн; мы никогда не будем побеждены никаким врагом, ни конным, ни пешим; никогда в сражении, ни на равной местности, ни в невыгодных местах, мы не уступим в мужестве или решимости. Я признаю, что солдат в тяжелых доспехах может опасаться вражеской кавалерии в стране чемпионов, или испытывать неудобства от стрел, выпущенных с расстояния, или затруднения в непроходимых лесах или кварталах, где к ним нельзя доставить провизию; но пусть будет тысяча армий, более многочисленных и сильных, чем армия Александра и его македонцев, — пока мы держимся вместе и продолжаем любить мир и заботиться о гражданском согласии, в котором мы живем сегодня, мы способны и всегда будем способны разгромить их всех и обратить в бегство.^d

ЕГО НЕПОБЕДИМОСТЬ (ГРОТ)

[Против уверенности Ливия в римском оплоте следует поставить веру Грота в гений Александра].

Возвышенный до этого поразительного величия, Александр на момент своей смерти был немногим старше тридцати двух лет — возраста, в котором гражданин Афин становился важным военачальником; на десять лет моложе возраста консула в Риме; на два года моложе возраста, в котором Тимур впервые получил корону и начал свои завоевания за рубежом. Его необычайные физические силы не ослабевали; он приобрел большой военный опыт; и, что еще более важно, его жажда новых завоеваний была столь же неумной, а готовность достичь их любой ценой, несмотря на тяжелый труд и опасность, столь же полной, как и в тот момент, когда он впервые пересек Геллеспонт. Несмотря на то, что его прошлая карьера была великолепной, его будущие достижения, с такими увеличенными средствами и опытом, вероятно, были бы еще более великолепными. Его амбиции не могли быть удовлетворены ничем меньшим, чем завоеванием всего известного тогда обитаемого мира, и если бы его жизнь продлилась, он, вероятно, достиг бы этого. Нигде (насколько нам известно) не было военной силы, способной противостоять ему, и его солдаты, когда он командовал ими, не пугались и не сдавались ни перед крайней холодом, ни перед жарой, ни перед усталостью.

Патриотические чувства Ливия побуждают его утверждать, что Александр, вторгшись в Италию, потерпел бы поражение и погиб, как его родственник Александр Эпирский. Но с этим выводом нельзя согласиться. Если мы признаем, что мужество и дисциплина римской пехоты были равны лучшей пехоте армии Александра, то того же нельзя сказать о римской кавалерии по сравнению с македонскими соратниками. Еще менее вероятно, что римский консул, меняющийся ежегодно, мог бы сравниться с Александром в военном гении и комбинациях; даже если бы он был равен ему лично, он не обладал бы таким же разнообразием войск и оружия, каждое из которых было эффективно по-своему и все вместе служило одной общей цели; он также не обладал бы таким же безграничным влиянием на их умы, стимулируя их к максимальным усилиям. Я не думаю, что даже римляне смогли бы успешно противостоять Александру Великому, хотя известно, что за всю свою долгую военную карьеру он никогда не сталкивался с такими врагами, как они, и даже с такими, как самниты и луканы, сочетавшими в себе мужество, патриотизм, дисциплину и эффективное оружие как для обороны, так и для ближнего боя.

Среди всех качеств, составляющих высшее военное мастерство, будь то генерала или солдата, ни одно не отсутствовало в характере Александра. Наряду с его рыцарским

мужеством — порой чрезмерным и неуместным, что можно считать единственным военным недостатком, который можно справедливо ему вменить — во всех его операциях мы прослеживаем самые тщательные заранее принятые меры, бдительные предосторожности на случай возможных неудач и богатые ресурсы для адаптации к новым обстоятельствам. Несмотря на постоянные успехи, эти меры предосторожности никогда не прекращались. Его достижения являются самыми ранними зафиксированными свидетельствами научной военной организации в больших масштабах и ее ошеломляющих результатов. Александр поражает воображение больше, чем любой другой персонаж древности, благодаря беспрецедентному развитию всего, что составляет эффективную силу — как отдельного воина, так и организатора и лидера вооруженных масс; не только слепой стремительностью, приписываемой Гомером Аресу, но и умной, методичной и всеподавляющей сдержанностью, которую он олицетворяет в Афине. Но все его великие качества были пригодны для использования только против врагов; к этой категории, по сути, относилось все человечество, известное и неизвестное, за исключением тех, кто решил подчиниться ему. В его индийских походах, среди племен совершенно незнакомых людей, мы видим, что не только те, кто стоит на защите, но и те, кто бросает свое имущество и бежит в горы, преследуются и убиваются.

Помимо выдающихся заслуг Александра как солдата и полководца, некоторые авторы приписывают ему великие и благотворные взгляды на тему имперского правления, а также намерения, в высшей степени благоприятные для улучшения человечества. Я не вижу оснований для принятия этого мнения. Насколько мы можем рискнуть предсказать будущее Александра, мы не видим ничего, кроме лет повторяющихся агрессий и завоеваний, которые не закончились бы, пока он не пересек и не покорил весь обитаемый мир. Приобретение всемирного господства — понимаемого не в переносном, а в буквальном смысле, и представлявшегося более легким вследствие несовершенства географических знаний того времени — было главной страстью его души.

Персидская империя была разнородным соединением, не имевшим сильного чувства национальной принадлежности. Македонский завоеватель, захвативший ее трон, был еще более равнодушен к национальным чувствам. Он не был ни македонцем, ни греком. Хотя отсутствие этого предубеждения иногда считалось его достоинством, оно, по моему мнению, только создавало место для еще худших предубеждений. Ее заменила чрезмерная самооценка и высокомерность, проявившиеся еще в его ранние годы и разжигаемые необычайным успехом верой в божественное происхождение, которая, ставя его выше идеи общения с какой-либо конкретной национальностью, заставляла его воспринимать все человечество как подданных под одним общим скипетром, которым он сам должен был владеть. Согласно тогдашним представлениям, ближе всего к этой всемирной империи подошел персидский царь. Соответственно, Александр, одержав победу, принял положение и притязания свергнутого персидского двора как наиболее близкие к тому, что ему по праву принадлежало. Он стал более персом, чем македонянином или греком. Сам принимая, насколько это было безопасно, личные привычки персидского двора, он прилагал тщательные усилия, чтобы превратить своих македонских офицеров в персидских вельмож, поощряя и даже принуждая их к смешанным бракам с персидскими женщинами в соответствии с персидскими обрядами. На момент смерти Александра в его письменных приказах, данных Кратеру, был заложен план массовой перевозки жителей из Европы в Азию и из Азии в Европу с целью слияния этих народов в один путем умножения смешанных браков и взаимоотношений. Такое взаимное переселение народов было бы воспринято как крайне отвратительное и не могло бы быть осуществлено без принудительной власти. Неразумно спекулировать на нереализованных целях, но, насколько мы можем судить, такое принудительное смешение разных рас не сулит ничего благоприятного для счастья ни

одной из них, хотя и может служить впечатляющей новинкой и напоминанием о всемогуществе империи.

В отношении интеллекта и гениальности Александр был полностью эллином; в отношении характера и целей никто не мог быть менее эллином. Вместо того чтобы эллинизировать Азию, он стремился азиатизировать Македонию и Элладу. Его характер и нрав, изменившиеся за несколько лет завоеваний, делали его совершенно непригодным для следования курсу, рекомендованному Аристотелем в отношении греков — столь же непригодным, как и любой из персидских царей или французский император Наполеон, для того, чтобы терпеть частичное разочарование, компромиссы и острую критику, которые неотделимы от положения ограниченного правителя.⁴

Кокс⁵ в своей *«Общей истории Греции»* видит уже начавшуюся деградацию, предвещавшую его будущее, если бы он остался в живых, и соглашается с Гротом⁶ в отношении его азиатских тенденций. «Можно почти сказать, что результаты, которых он достиг, были именно теми, которые последовали бы, если бы Ксеркс победил при Саламине, Платеях и Микале».

ЕГО ЖЕСТОКОСТЬ (МЕНАРД И РОЛЛИН)

«Так закончил свою жизнь, — говорит Менар, — тот, кого называют Александром Великим. Пусть это имя останется, но он обязан своим величием не личным качествам, не собственным усилиям и не гению, а, как признавал Плутарх, Фортуне. Никогда еще не было примера столь безошибочного и столь незаслуженного процветания. Но Слава — женщина; она измеряет заслуги успехом. Александр создал школу; его личность загромождает историю и занимает огромное место. Упадок Греции и упадок Рима наполнены пародиями и карикатурами на него; даже в современную эпоху он остался типом и идеалом всех воинственных тиранов вплоть до Людовика XIV и Наполеона.

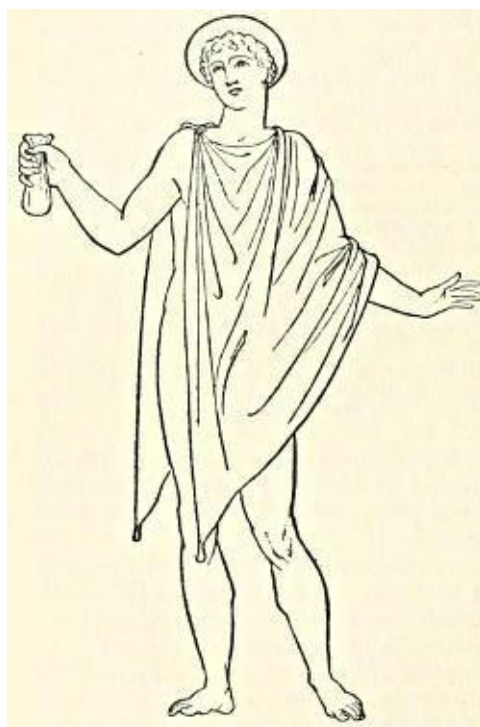
«Литература, которая создает его славу, в большинстве своем является плохой. Греки имперской эпохи, чтобы утешить себя за величие Рима, сделали все возможное, чтобы преувеличить славу Александра. Этот театральный герой стоит для ритора больше, чем законодатель, такой как Солон, или государственный деятель, такой как Перикл. Литераторы всех стран и времен были потрясены им и нашли в нем бога монархического идолопоклонства. Спасибо Роллену за то, что он высказал некоторые оговорки. Тот, кто жил в лучах королевской славы, не побоялся сказать, что сравнение с Александром, «наименее достойным из великих людей Плутарха», было плохим комплиментом для короля. В наши дни мы почти не читаем Роллена, и его суждения не имеют большого авторитета; говорят, что ему не хватало силы исторической критики. Возможно, это так, но у него была правильная совесть, что ценится еще больше. Он сделал историю школой нравственного воспитания, и именно благодаря этому последующие поколения стали сильными и здравомыслящими. Наши деды, которые учились истории у Роллена, совершили Французскую революцию».⁴

Интересно обратиться непосредственно к страницам Роллена, на которые ссылается Менар. Роллен делит жизнь Александра на две отчетливые половины: первая — прекрасная и блестящая, вторая — в ужасном контрасте с первой. Мы цитируем его резюме второй, более уродливой половины.⁴

Его непрерывное счастье, которое никогда не знало невзгод, опьянило и изменило его до такой степени, что он больше не казался тем же человеком; и я не помню, чтобы яд процветания когда-либо имел более внезапный и сильный эффект, чем на него.

Было ли когда-нибудь более безумное и экстравагантное предприятие, чем переход через песчаные пустыни Ливии; подвергать свою армию опасности гибели от жажды и усталости; прерывать ход своих побед и давать врагу время собрать новую армию, только для того, чтобы пройти такой долгий путь, чтобы получить имя сына Юпитера Аммона и приобрести за такую дорогую цену титул, который мог только сделать его презренным?

Мне кажется, что до битвы при Иссе и осады Тира нельзя отрицать, что Александр был великим воином и прославленным полководцем. Но я очень сомневаюсь, что за эти свои первые подвиги он должен быть поставлен выше своего отца, чьи действия, хотя и не столь ослепительные, тем не менее столь же высоко оцениваются знатоками и военными. Филипп, вступив на престол, застал все в беспорядке. Ему самому пришлось закладывать основы своей собственной судьбы, и он не пользовался ни малейшей иностранной поддержкой. Он в одиночку поднялся до той власти и величия, которых впоследствии достиг. Он был вынужден обучать не только своих солдат, но и офицеров, наставлять их во всех военных упражнениях, приучать их к тяготам войны, и только его заботе и способностям Македония обязана появлением знаменитой фаланги, то есть лучших войск, которые мир когда-либо видел, и которым Александр обязан всеми своими завоеваниями. Сколько препятствий стояло на пути Филиппа, прежде чем он смог овладеть властью, которую Афины, Спарта и Фивы последовательно осуществляли над Грецией! Греки, которые были самым храбрым народом во вселенной, не признавали его своим вождем, пока он не завоевал этот титул, проливая море крови и одерживая над ними бесчисленные победы. Таким образом, мы видим, что путь для осуществления великого замысла Александра был подготовлен; план этого замысла и превосходные инструкции по его осуществлению были разработаны для него его отцом. Теперь, не покажется ли гораздо более легкой задачей покорить Азию греческими войсками, чем подчинить греков, которые так часто торжествовали над Азией?

МЕРКУРИЙ

(С вазы)

Надо признать, что поступки этого принца излучают великолепие, которое ослепляет и поражает воображение, всегда любящее великое и чудесное. Его восторженная храбрость воодушевляет и увлекает всех, кто читает его историю, так же как она увлекала его самого. Но следует ли называть храбростью и доблестью смелость, которая в равной степени слепа,

опрометчива и стремительна; смелость, лишенную всяких правил, которая никогда не прислушивается к голосу разума и не имеет другого руководства, кроме бессмысленного рвения к ложной славе и дикого желания выделиться любой ценой? Такой характер подходит только военному разбойнику, у которого нет соратников, чья жизнь подвергается опасности только ему одному и который по этой причине может быть задействован в каких-то отчаянных действиях; но совсем иначе обстоит дело с царем, который обязан своей жизнью всей своей армии и всему своему царству. Истинная доблесть не стремится к самовыражению, не заботится о своей репутации, а направлена исключительно на сохранение армии.

Подходит ли какая-либо из этих характеристик Александру? Когда мы внимательно изучаем его историю и следим за его осадами и сражениями, мы постоянно беспокоимся о его безопасности и безопасности его армии и каждый момент приходим к выводу, что они находятся на грани уничтожения. Здесь мы видим быстрый поток, который собирается увлечь и поглотить этого завоевателя; там мы видим скалистую гору, на которую он взбирается, и замечаем вокруг него солдат, либо пронзенных вражескими стрелами, либо сброшенных с обрыва огромными камнями. Мы дрожим, когда видим в битве топор, готовый отсечь ему голову, и еще больше, когда видим его одного в крепости, куда его привела его опрометчивость, подверженного всем копиям врага. Александр всегда был убежден, что чудеса будут совершаться в его пользу, что, как замечает Плутарх, не может быть более неразумным: чудеса не всегда происходят, и боги в конце концов устают направлять и защищать опрометчивых смертных, которые злоупотребляют их помощью.

Александр, кажется, обладает только качествами второго ряда, я имею в виду военные, и все они чрезмерны; доведены до самой опрометчивой и самой отвратительной крайности, до пределов глупости и ярости; в то время как его царство остается добычей грабежей и поборов Антипатра, а все завоеванные провинции преданы ненасытной алчности правителей, которые довели свои притеснения до такой степени, что Александр был вынужден казнить их.

Его солдаты, по-видимому, не были лучше организованы; ибо, разграбив богатства Востока, после того как принц оказал им высшую милость, они стали настолько разнузданными, беспорядочными, развратными и предавшимися всякого рода порокам, что он был вынужден оплатить их долги щедрой суммой в 1 500 000 фунтов стерлингов.

Какие странные люди были эти! Как развращена была их школа! Как пагубны были плоды их побед!^h

ЕГО ЗЛОЕ ВЛИЯНИЕ (НИБУР)

Александр для Востока — то же, что Карл Великий для Запада; и, после Рустама, он является главным героем персидских сказок и романов. Для нас он также является человеком чрезвычайной важности, поскольку он придал новый облик всему миру. Он начал то, что теперь будет завершено, несмотря на все препятствия — господство Европы над Азией; он был первым, кто привел победоносных европейцев на Восток. Азия сыграла свою роль в истории и была обречена стать рабом Европы. Он также стал национальным героем греков, хотя был для них таким же чужаком, как Наполеон для французов, несмотря на то, что его семья восходила к мифическим героям Греции.

Но его личный характер предстанет перед нами в ином свете. Многие риторика, даже в древности, составили о нем правильное суждение. Кто не знает историю о пирате Антиохе ( ), который был приговорен Александром к смерти и, представая перед ним, сказал, что между ними нет никакой разницы! Восточные народы до сих пор называют его

«Александром-разбойником». Я не буду судить о нем с этой точки зрения, поскольку вся история мира вращается вокруг войн и завоеваний; я говорю только о его личном характере. Но, не соглашаясь с теми громкими заявлениями, которые так часто делались о нем, я без колебаний заявляю, что сложил о нем очень неблагоприятное мнение. Когда я смотрю на молодого человека, который в двадцать лет взшел на престол, сговорившись против своего отца, — который затем проявляет в своей политике жестокость, подобную жестокости дома Медичи в шестнадцатом веке, подобную жестокости Космо де Медичи и его двух сыновей, — который не только приносит в жертву свою мачеху Олимпиаде, но и приказывает убить невинного младенца несчастной Клеопатры, а также нескольких других близких родственников (мы не знаем их имен, так как Арриан умело уклоняется от их упоминания), который расправился со всеми, кто знал о его соучастии, а также с теми, кто ранее обидел его, — такой молодой человек осужден навечно.

Плутарх проявляет к нему глупую и необоснованную пристрастность, и так было повсеместно среди греков. Его пьянство нельзя отрицать, и этим они оправдывают его убийства, как, например, убийство Клита; и, чтобы поэтически завершить неопишемую глупость, совершенную позднейшими греками, они сравнивают его с Дионисом. Но его пьянство не объясняет всего, что он сделал. Он заставил злобно убить самым восточным образом самого невинного и самого верного слугу, лучшего полководца своего отца; этот человек был откровенным и открытым и знал, что Александр был тем, кем он был, благодаря ему. Убийство его друга Клита, который говорил ему правду, было страшным поступком. Я не понимаю, как люди могут оправдывать Александра, говоря, что он был необыкновенно великим человеком; если он был таким, разве он не был ответственен за свои необыкновенно великие способности? Все его поступки, которые хвалят как великодушные, носят театральный характер и являются простой показухой. Его дружба с Аристотелем не спасла Каллисфена. Его привязанность к Гефестиону была не дружбой, а позором. Его великодушие по отношению к пленным персидским принцессам не является чем-то необычным; если это не показуха, то это что-то вполне естественное и обычное; но это просто показуха.

ОБЕРТЫВАНИЕ МЕРТВЫХ В ГОРЮЧИЕ ПРОСТЫНИ

Действительно, следует признать, что Александр является самым замечательным явлением; но похвала, воздаваемая ему, может относиться только к его великому интеллекту и талантам. Он был совершенно необыкновенным человеком, обладавшим пророческим видением, способностью, которой также в значительной степени отличался Наполеон; когда он приходил в какое-либо место, он сразу же понимал его возможности и предназначение; у него был глаз практического человека. Если бы у нас не было других примеров его проницательности, то один только факт постройки им Александрии был бы

достаточным доказательством; он обнаружил место, которое на протяжении полутора тысяч лет было предназначено для соединения Египта, Европы и Азии. Невозможно не признать его великим полководцем. Более того, самый компетентный судья, Ганнибал, провозгласил его величайшим полководцем. Однако не следует забывать, что у него были превосходные инструменты — выдающиеся полководцы и великолепная армия. Если бы ему пришлось создавать свою армию, его предприятие не увенчалось бы таким успехом. Парменион, Филот, Птолемей, Селевк и Антигон были выдающимися полководцами, все они были воспитаны в школе его отца и приобрели большую репутацию еще при нем; и, если не считать единственного Эвмена, можно утверждать, что ни один великий полководец не был воспитан Александром. Точно так же король Фридрих II унаследовал армию, уже подготовленную его отцом, и большинство его полководцев служили в армии еще до него.

Александр предпринял азиатскую экспедицию как настоящий авантюрист. Он сам принял самую презренную пышность восточного деспотизма и наслаждался тщеславием и глупостью персов; восточные люди, привыкшие падать ниц перед ним, были его любимцами. Он забыл об уважении, которое полагалось его старым солдатам, и требовал от них, свободных людей, такого же падения ниц, как от персов.

Умер его никчемный друг Гефестион, и Александр отпраздновал его похороны таким образом, который показал полную бессмысленность и абсурдность, расточительность и совершение восточных ужасов. Чтобы принести умершему достойную жертву, он предпринял экспедицию против свободного народа горцев и истребил весь народ; и, по-восточному, он убил всех пленников в честь своего умершего друга. Все, что связано с этим периодом, постыдно; нечувствительный ко всему хорошему и недовольный собой, он все больше и больше предавал себя ужасающему пьянству. Он предлагал призы лучшим пьяницам, и ἀγών πολυποσίας закончился тем, что около тридцати человек напились до смерти: это событие мы можем рассматривать только с полным отвращением.

Возможно, ни один человек не оказал большего исторического влияния, чем Александр; это не подлежит сомнению. Но какое влияние он оказал и было ли оно благотворным, — вопрос, по которому мнения разделились. Что касается Греции, то его завоевания были в целом пагубными. Из-за него греческий народ был как бы охвачен чахоткой, поскольку он значительно сократил его численность. Огромное количество новобранцев, вероятно, ушло из Греции и Македонии в Индию и Верхнюю Азию, где он навсегда лишил их родины, назначив им поселения в этих странах. В природе вещей лежало, что Греция должна была быть утрачена и впасть в состояние полной слабости, когда рядом с ней возникло новое богатое и военное государство. Даже то добро, которое принесло создание этой македоно-азиатской империи, было вредно для Греции. Торговля переместилась в Александрию, и Афины перестали считаться торговым городом. Влияние Александра на ближние и дальние части завоеванной Азии было разным в разных странах. На Египет оно было благотворным, поскольку эта страна явно жила лучше при Птолемах, чем при персах. Первые три македонских царя Египта были прекрасными правителями и подняли страну до уровня процветания, которого она никогда не знала ни до, ни после, и этого периода было достаточно, чтобы такая страна залечила свои древние раны.

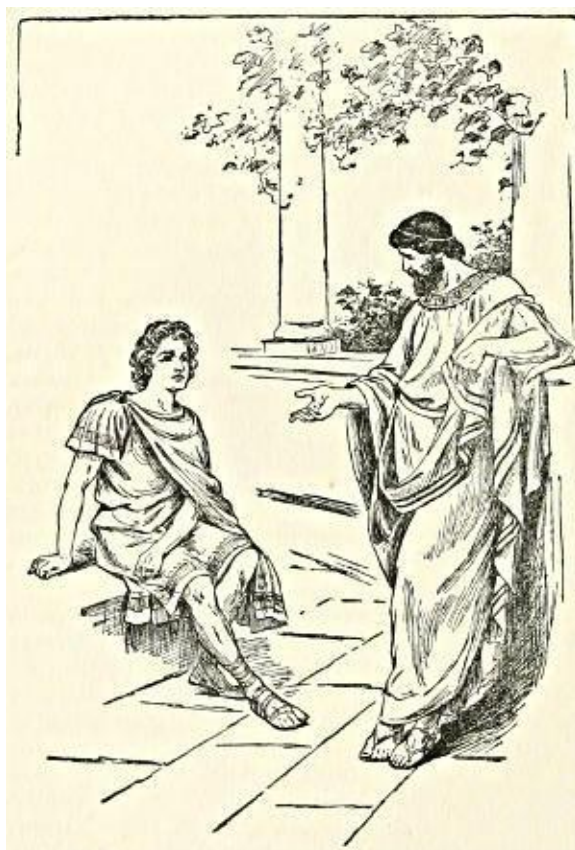
Современники Александра среди греков не ошибались в отношении влияния, которое он оказывал. Он умер, будучи ненавидимым и проклятым Грецией и Македонией. Если бы он прожил дольше, он, возможно, сам стал бы свидетелем падения построенного им империи. Он не мог быть иным, кроме как активным и энергичным, и не мог бы продолжать без , не навлек на себя гибель. Его намерением было не эллинизировать Азию, а сделать Грецию персидской; следовательно, если бы он дольше оставался в Азии, мы стали бы свидетелями

образования греко-персидско-македонской империи. Поскольку он хотел вооружить греков и македонцев по персидскому образцу, эти народы впоследствии, вероятно, подняли бы восстание и казнили бы его. Единственным способом спасти Грецию и вернуть ей свободу было бы то, если бы Александр прожил свою жизнь естественным образом и умер со славой своих подвигов.¹

ЕГО МОТИВЫ (ДРОЙСЕН)

[Епископ Тирлволл² видит большую пользу в завоеваниях Александра, но сомневается, были ли они все намеренными или в основном случайными успехами. Дройзен не сомневается в наличии четко определенных мотивов и крупных политических планов в уме Александра].

«То, что душа этого царя была построена по масштабам, превосходящим человеческие меры, — говорит Полибий, — является мнением, с которым все согласны». Его сила воли, широкий кругозор, интеллектуальное превосходство подтверждаются его поступками и строгой, жесткой логикой их последовательности. Каковы были его желания и каково его представление о своей работе (справедливый судья не будет желать иного критерия), об этом можно приблизительно судить только по тем частям его работы, которые ему было позволено реализовать. Александр был сведущ в высшей культуре и знаниях своего времени; он не мог бы иметь более скромного мнения о призвании царя, чем «повелитель знающих». Но для него, в отличие от его великого учителя, мысль о том, что такое монархия и «обязанность монарха как стража», не приводила к необходимости обращаться с варварами как с животными и растениями. Он также не считал, что его македонцы были обучены оружию со времен его отца для того, чтобы они могли быть, говоря языком философа, «хозяевами над теми, кто был по праву рабами»; тем более он не считал, что сначала его отец, а затем и он сам заставили греков вступить в Коринфский союз, чтобы они могли грабить беззащитную Азию, выжимать из нее все соки своим изысканным эгоизмом и бесстыдными интригами.

([См. стр. 262](#))

Он нанес Азии страшный удар. Он помнил копье своего предка Ахилла. Он понимал, что сила истинного королевского копья заключалась в его способности исцелять нанесенные им раны. С уничтожением старого царства, со смертью Дария, он стал наследником империи, правившей бесчисленными народами, которые до тех пор были рабами. Освободить их настолько, насколько они могли понять или научиться свободе, сохранить и развивать в них все, что было достойного и здорового, уважать и щадить все, что было священным в их глазах и принадлежало им, — это была задача, достойная короля. Он должен был знать, как умиловить их, как завоевать их, чтобы и они могли разделить бремя империи, которая постепенно должна была объединить их с греческим миром. Такая монархия не могла допускать упоминания о завоевателях и завоеванных после победы; она должна была стереть из памяти людей различие между греками и варварами.

На этом пути лежали неизмеримые трудности — многое было произвольным, многое — насильственным, неестественным — они казались делающими это предприятие невозможным. Но они не останавливали его и не сбивали с толку; они только усиливали его волю и укрепляли жесткую и сознательную уверенность в своих действиях. Работа, которую он взял на себя по возвышению молодежи, овладела им; набирая силу, как лавина, она увлекла его; разрушение, опустошение, поля с трупами отмечали его продвижение; вместе с миром, который он завоевал, произошли изменения в его армии, в его окружении, в самом человеке. Он пронесся, как буря, видя только свою цель и в этом свое оправдание.

Большинство не понимало и не одобряло то, что король делал или не делал. В то время как Александр пытался всеми средствами завоевать покоренных и заставить их забыть о своих завоевателях-македонянах, многие из его последователей в своей наглости и эгоизме спокойно требовали для себя безжалостного права завоевателей на насилие. В то время как Александр с одинаковой любезностью принимал поклоны персидских вельмож и поздравительные миссии, которыми Греция удостаивала его, принимая как поклонение, которое восточные народы считали своим долгом, так и военные орации своих фаланг, они хотели бы видеть себя равными своему царю, а все остальное — далеко ниже себя, в пыли смирения. И хотя они сами поддавались всей роскоши и разврату азиатской жизни, насколько это позволяли лагерь и окрестности их открыто неодобрительного царя, поддавались без какой-либо другой цели, кроме удовлетворения безумных appetitов, они обижались на своего царя за то, что он носил мидийскую одежду и принимал участие в персидских придворных церемониях, в которых миллионы азиатов признавали и почитали его как своего бога и царя.¹

ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФЕДЕРАЛИЗАЦИЮ (ПЁЛЬМАНН)

[Все признают, что отсутствие единства между греческими городами было причиной бесчисленных бедствий и что какая-то форма федерации была жизненно необходима. Многие считают, что Александр обеспечил необходимое объединение своей централизованной империей, но Пёльман придерживается противоположного мнения].

Своеобразный взгляд Дройзена на историю привел его к значительному переоценке преимуществ нового федерального режима. Правда, что в Элладе под старыми партийными названиями аристократов и демократов враждебные интересы богатых и бедных были вовлечены в безжалостную и страстную борьбу, и, если мы учитываем разложение, которое убивало жизнь общин, монархия казалась именно тем, что было необходимо для оказания

выравнивающего и примирительного влияния. Но королевство такого национального характера, главной целью которого было бы удовлетворение самых жизненных интересов нации и создание подлинного внутреннего мира, — такое королевство вовсе не было идеалом македонской монархии. Далекая от того, чтобы стоять над партийной борьбой, монархия поддерживала себя, благоприятствуя частным интересам той партии, которая переходила в македонский лагерь. Огромная эмиграция, вызванная последующим угнетением тех, кто принадлежал к оппозиции, является достаточным доказательством того, что новый порядок не привел к внутреннему миру, а, напротив, дал новую пищу разногласиям, от которых страдали общины. Что касается политики Филиппа, то цель союза была достигнута, когда он подчинил себе власть греческого народа; и даже если война против Персии имела свою национальную и эллинскую сторону, то такой ранний авторитет, как Полибий, справедливо и трезво судил, что македонский царь действовал в этом вопросе главным образом для достижения личной цели. Дройзен заблуждается, полагая, что подчинение Греции политике, которая по своей природе была призвана служить династическим и личным интересам, одновременно обеспечило грекам общую национальную политику.

Укрепление новой мировой державы было следствием неудержимого и победоносного продвижения Александра через сердце Персидского царства. Его политика заключалась в создании нового «эллинистического» режима, который должен был привести к мирному слиянию греков и варваров, и эта цель должна была быть достигнута путем установления равенства восточных и греко-македонских элементов в армии и администрации — например, путем назначения азиатов сатрапами наряду с европейскими военными губернаторами и казначеями. Он одержал победу над оппозицией, с которой столкнулся главным образом в армии.

Эта политика, безусловно, была неизбежным следствием его предприятия и условий, необходимых для его успеха; но нужно ли было ему так преувеличивать ее, что полностью вернуться к традициям восточного деспотизма? На этот вопрос не так легко ответить утвердительно, как делает это Дройзен, поскольку он видит в сопротивлении, которое встретили притязания Александра на апофеоз и поклонение в старом македонском духе и греческой любви к свободе, лишь «предвзятость».

Как справедливо заметил Ранке, для греков подчинение власти, против которой они веками боролись, означало полный разрыв со всей своей национальной историей. Безусловно, «город» пережил свое время как конечная политическая единица. Потребности времени требовали «перехода от городского устройства к государственному устройству», в котором сами города обладали бы лишь коммунальной независимостью. Но тогда они должны были, по словам Дройзена, «найти в универсальной связи свое право и свою защиту». И эту защиту не мог обеспечить никакой ориентализирующий деспотизм.¹

ЕГО НАСЛЕДИЕ (ГЕГЕЛЬ)

Александр имел счастье умереть в нужное время — *то есть*, это можно назвать счастьем, но скорее это была необходимость. Чтобы он мог предстать перед глазами потомков молодым человеком, его должна была унести ранняя смерть. Ахилл начинает греческий мир, а его антипод Александр завершает его: и эти юноши не только создают прекрасную картину самих себя, но в то же время представляют собой полный и совершенный тип эллинского существования. Александр завершил свое дело и осуществил свой идеал; и таким образом завещал миру одно из самых благородных и блестящих видений, которое наши скудные размышления только затуманивают. Для великой мировой исторической фигуры Александра современные стандарты, применяемые недавними историческими

«филистимлянами», — стандарты добродетели или морали — ни в коем случае не будут достаточными. И если в ущерб его заслугам утверждается, что у него не было преемника и он не оставил после себя династии, то мы можем заметить, что греческие царства, возникшие в Азии после него, и являются его династией. Греко-бактрийское царство просуществовало два столетия. Оттуда греки установили связи с Индией и даже с Китаем. Греческое господство распространилось на северную Индию. Другие греческие царства возникли в Малой Азии, Армении, Сирии и Вавилонии. Но среди царств преемников Александра особенно Египет стал великим центром науки и искусства, поскольку большое количество его архитектурных сооружений относится к времени Птолемеев, как было установлено по расшифрованным надписям. Александрия стала главным центром торговли — точкой соединения восточных нравов и традиций с западной цивилизацией. Кроме того, под властью греческих князей процветали Македонское царство, Фракийское царство, простиравшееся за Дунаем, Иллирийское царство и Эпирское царство.^{[m](#)}

НАСТОЯЩАЯ СЛАВА АЛЕКСАНДРА (УИЛЛЕР)

Если жизнь человека следует оценивать только по тому, что он создал в виде формальной организации, то мы должны признать карьеру Александра провальной, и даже более чем провальной. Он разрушил то, что нашел, и не построил ничего надежного на его месте. Его мечта о слиянии Востока и Запада не была воплощена в какую-либо видимую институцию, форму правления или закона, государства или церкви. Греция, Египет и Восток по-прежнему находились под разными правительствами.

Неудивительно, что историки, писавшие историю Греции, среди которых такие великие имена, как Нибур и Гроте, видели в карьере Александра не более чем блестящее нарушение мирового порядка, воцарение милитаризма, уничтожение греческой свободы и разрушение всего того, что делало жизнь Греции интересной для мира. Другое дело, что их слепота позволяла видеть в Александре лишь безумного оппортуниста и жадного завоевателя, чья жизнь, если бы она была пощажена, не могла бы принести ничего, кроме новых завоеваний; ведь Александр был прежде всего идеалистом, и те, кто не прочитал об этом в истории его жизни, могли бы и не читать ее вовсе. Гроте и Демосфен, каждый по-своему, являются типичными историками и государственными деятелями, которые потратили свои силы на сожаление о растрате хорошего семенного зерна, разбросанного по полям, обратив взоры на прошлый урожай, а не на будущий. Старые максимы, старые верования и старые добрые времена вновь утверждаются, защищаются и оплакиваются долго после того, как они перешли к более крупным плодам в развертывании более широкой жизни.

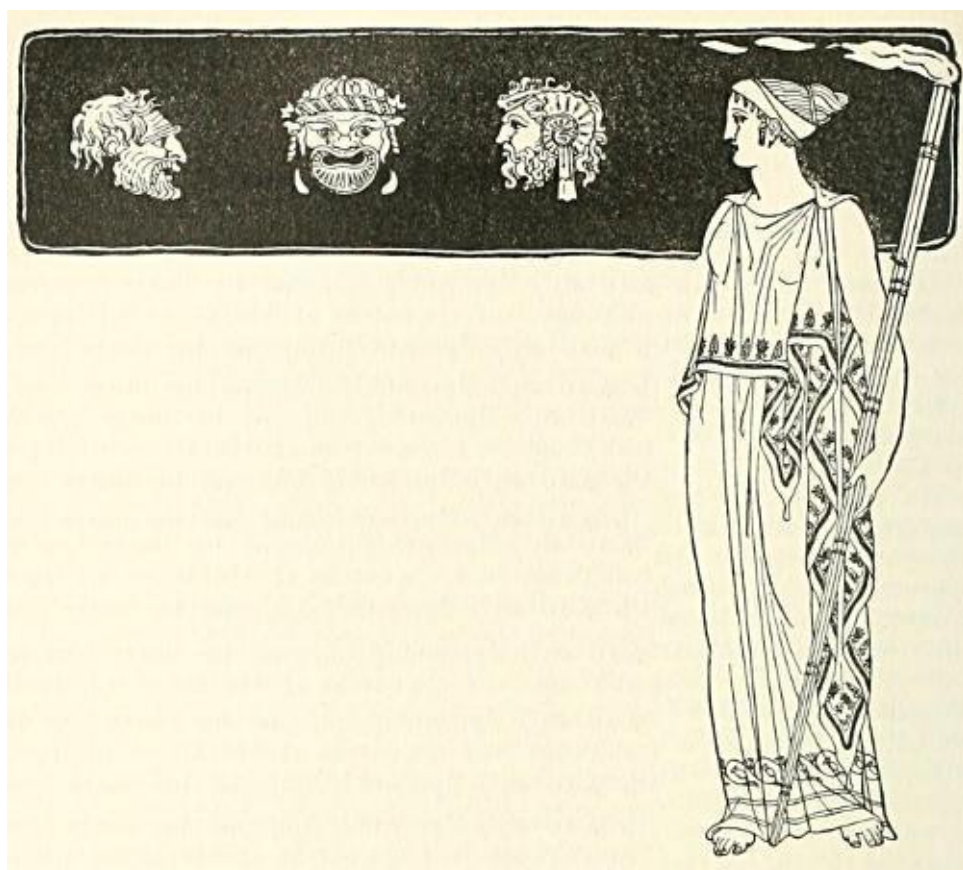
Когда началась карьера Александра, культура мира, закрепленная в двух основных типах, женском и мужском, если можно так широко их охарактеризовать, все еще была централизована и располагалась, с одной стороны, в богатстве и устоявшейся промышленной жизни долин рек Месопотамии и Египта, с другой — в свободной энергии древних греческих городских общин. Когда его карьера закончилась, барьер, разделявший эти области, был разрушен и больше никогда не восстанавливался.

Человек как основа для измерения вселенной, человек как источник правящей власти, возник в Греции; именно Греция сформировала закон красоты, из которого произошли искусства формы, закон спекулятивной истины, из которого посредством упорядоченных наблюдений произошли науки, и закон свободы, из которого произошло демократическое государство. Это было то, что древняя Греция сохранила для мира. Александр был сильным ветром, развеявшим семена; он был также рукой сеятеля.

История Александра стала историей смерти. Он умер преждевременно. Своей жизнью он положил конец древней Греции, а своей смертью — государству, которое он основал. Но все

трое — Александр, Греция, Великая Империя — каждый по-своему, как судит история людей и вещи, продемонстрировали внутреннюю ценность изречения: «Если пшеничное зерно не упадет в землю и не умрет, оно останется одно».[a](#)

ГЛАВА LVIII. ГРЕЦИЯ ВО ВРЕМЯ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА

Великий завоеватель был настолько более космополитом, чем греком, что было возможно и целесообразно проследить его карьеру как единое целое, почти не упоминая о небольшой территории, которую его отец так стремился приобрести и умиротворить. Но Греция, никогда не бывшая спокойной, не застыла в бездействии во время отсутствия Александра; и прежде чем приступить к рассмотрению запутанных отношений между преемниками Александра, будет полезно взглянуть на деятельность греков и их тщетные попытки восстановить порядок.^а

Истоки той политики греческих республик, которая привела к войне против Александра в самой Греции, в то время как он вел войну греческого союза против Персии, нигде не упоминаются древними писателями, а некоторые из них, по-видимому, даже старательно затуманивают их, однако тщательное изучение сохранившихся сведений позволяет в значительной степени проследить их.

Ничто в древней истории не остается более достоверно установленным, чем то, что под властью Македонии греческие республики пользовались не только большей свободой и независимостью, чем под властью Афин или Лакедемона, но, насколько можно судить, всем, что могло быть совместимо с объединением всех в один народ. И на этом дело не заканчивалось: Демосфен в афинском собрании ругал македонских монархов, союзников своего государства, главы греческого союза, таким образом, который в наше время считался бы крайне неприличным по отношению к врагу; он открыто признавался и даже хвастался изменническими действиями против общего союза, членом которого было его государство. «Я, — сказал он, — поднял Лакедемон против Александра; я организовал восстание против него в Фессалии и Перребии». Фактически, правительство Афин, которое, как мы видели ранее, Ксенофонт и Исократ описывали как склоняющееся к анархии, в сохранившихся произведениях последующих ораторов, и особенно в знаменитом состязании между Эскином и Демосфеном, в значительной степени показано как все еще продвигающееся по пути коррупции и деградации. В течение всего времени пребывания Александра в Азии борьба между партиями была ожесточенной: одна, под руководством Демосфена и при поддержке Персии, умело и неустанно боролась за господство в Афинах и Греции; другая, после Исократа, видя в Фокионе своего лидера, стремилась к миру под установленным господством Македонии и больше всего боялась влияния Демосфена и его соратников.

[333-331 гг. до н. э.]

Информация о внутренней политике Лакедемона доходит до нас редко, но через отношения с другими государствами. Агис, правящий царь из рода Проклида, которого мы уже видели активным противником Македонии, по-видимому, был человеком, подходящим для целей Демосфена. Возможно, он не был сильно опечален смертью Мемнона, как, вероятно, и Демосфен. Если бы Мемнон остался в живых, любой из них мог бы быть лишь вторым среди греков этой партии, которая не могла удержаться без покровительства Персии. Смерть Мемнона принесла большие потери, и партии оставалось бороться с гораздо меньшими шансами на успех. Но в этой борьбе Демосфен рассчитывал, благодаря своему таланту и обширным политическим связям, занять первое место среди греков, в то время как Агис считал себя фактически первым благодаря своему царскому достоинству и древнему величию лакедемонского государства; оба надеялись, что они по-прежнему будут пользоваться поддержкой Персии. До битвы при Иссе надежды обоих могли вполне

обоснованно быть высокими ( ), и, очевидно, они не были заброшены даже после неблагоприятного исхода этой битвы.

Если обратиться к фактам, признаваемым всеми, то мы увидим, что полуразрушенный Лакедемон никогда не переставал заявлять о своей политической оппозиции, которая в конце концов переросла в открытую враждебность по отношению к конфедерации республик, конституционно учрежденной под руководством Македонии; по-видимому, столь же конституционно, как и ранее под руководством Лакедемона, Афин или Фив. В самих Афинах всегда открыто поддерживалась оппозиция македонским интересам. Спарта вела переговоры с другими республиками с явными враждебными намерениями, и враждебные интриги Афин, по-видимому, не были секретом. Против этой открытой политической враждебности не было даже притворного применения силы; и, по всей видимости, противодействие влияния было едва ли столь сильным, как того требовала бы честная осторожность. Более обоснованным может показаться обвинение в халатности, инертности, близорукости; однако они никогда не предъявлялись Антипатру, которому было поручено управление Македонией и защита македонской партии в Греции. В то время как македонское господство, если и не беззаботно, то все же свободно осуществлялось, партийные интересы в каждом греческом государстве, повсеместная закоренелая ненависть сограждан к согражданам и в целом активный и беспокойный нрав греческого народа создали почву для того союза против конфедерации греческих народов, признававших лидерство Македонии, который Демосфен и Агис успешно сформировали.

КОНФЕДЕРАЦИЯ ПРОТИВ МАКЕДОНИИ

[331-330 гг. до н.э.]

Несомненно, что персидское золото, о котором пишут все авторы, в значительной степени способствовало продвижению интересов Персии. По-видимому, после катастрофической битвы при Арбеле, когда надежда персидского монарха даже на личную безопасность зависела от возможности создать Александру новых врагов, он нашел способ перечислить деньги в Грецию. Эсхин, которому Демосфен не противоречил, заявил перед собравшимся афинским народом, как о публично известном и неоспоримом факте, что им был предложен подарок в виде трехсот талантов (около шестидесяти тысяч фунтов) от имени царя Персии. Однако преобладание партии Фокиона в то время было достаточно, чтобы добиться отказа от этого позорного предложения.

Но в Пелопоннесе персидская партия под руководством царя Лакедемона, для которого не составляло труда получить субсидии от персидского двора, добилась превосходства. Аргос и Мессения были закоренелыми противниками Лакедемона и их не удалось склонить ни подкупом, ни угрозами. Но вся Элида, вся Аркадия, за исключением Мегалополиса, и вся Ахайя, за исключением одного небольшого города, отказались от союза под руководством Македонии и присоединились к Лакедемону в войне как против Македонии, так и против всех греческих республик, которые могли бы присоединиться к союзу. За пределами полуострова в целом преобладала противоположная политика; хотя в Афинах партия Фокиона могла лишь номинально поддерживать приверженность союзу и фактически сохранять нейтралитет, влияние партии Демосфена было достаточно велико, чтобы предотвратить любые действия против лакедемонского союза.

Однако этот союз не был настолько обширным, чтобы можно было надеяться, что с помощью только гражданских войск нескольких государств можно будет вести войну против общего союза под руководством Македонии; кроме того, эти государства не обладали достаточным богатством, чтобы содержать значительное число наемников,

готовых сражаться на стороне любой из сторон. Тем не менее, наемные войска были наняты для этого союза, по словам современного оратора Динарха, в количестве десяти тысяч человек — средства предоставила Персия, как утверждает Эсхин, который до сих пор не опровергнут Демосфеном ( ), и другого источника трудно представить. С такой подготовкой и такой поддержкой Агис решился начать наступательную войну. Небольшие силы противостоящих пелопоннесских государств были разгромлены и уничтожены или рассеяны; единственный враждебный аркадский город, Мегалополис, был осажден, и его падение ожидалось ежедневно.

Александр в то время преследовал Дария. Сообщения о нем, поступавшие в Грецию, конечно, различались: одни сообщали, что он находится на крайнем севере Азии, другие — в Индии. Тем временем в Фессалии и Перрэбии, подбуждаемые умелыми интригами Демосфена, и, по словам Диодора,⁴ также во Фракии, беспокоило Антипатра; в то время как его самым важным долгом, как наместника главы греческого союза, была защита членов этого союза, по-видимому, наиболее многочисленной части нации, от внутреннего врага, поддерживаемого великим внешним врагом, который угрожал им.

ВОЙНА В ГРЕЦИИ

Сохранившиеся сведения как о положении Македонского царства в то время, так и о последующих событиях, очень неполны. Но, по-видимому, никакие македонские войска, которые можно было бы направить на юг, не позволили бы Антипатру противостоять Агису; и прошло много времени, прежде чем он смог поднять на оружие достаточное количество республиканских греков, враждебных интересам Лакедемона и Персии, но боящихся их превосходства. Однако его успех в подавлении беспорядков в Фессалии и Фракии, воодушевивший ту часть греческого народа, которая опасалась республиканского правления, будь то демократического под руководством Демосфена или олигархического под руководством Агиса, в конце концов позволил ему собрать превосходящие силы.

Мегалополис сопротивлялся сверх всяких ожиданий. Антипатр, вступивший в Пелопоннес, чтобы освободить это место, встретил сопротивление Агиса. Завязалась кровопролитная битва. Говорят, что лакедемоняне сражались со всей упорностью, которую требовали их древние обычаи и которую вдохновляла их древняя слава. Но они были побеждены: Агис, сражавшийся во главе их войска скорее с духом героя, чем с мастерством полководца, получил рану, которая вывела его из строя, так что его пришлось уносить с поля боя. Его войска, неспособные противостоять превосходящим силам, управляемым более искусными военачальниками, обратились в бегство. Диодор рассказывает, что, преследуемый врагом, он категорически приказал своим слугам спастись и оставить его с оружием; и что, будучи выведен из строя, он отказывался сдаваться и угрожал всем, кто приближался к нему, и сражался до самой смерти.

Поведение победителя было таким, каким и должно было быть поведение избранного наставника и защитника свобод Греции. Лакедемонское правительство, чувствуя свою неспособность продолжать войну, в которую оно вступило, и лишившись главного зачинщика, направило к Антипатру делегацию для заключения мира. Антипатр, как заместитель генерал-капитана и наместник греческого народа, не взял на себя ничего больше, чем созвать в Коринфе съезд нескольких республик, на который он направил лакедемонских министров. Там вопросы были широко обсуждены и высказаны различные мнения. Решение, принятое в конце концов, по краткому описанию историка, не кажется тем, что лучше всего соответствовало бы мудрости и достоинству народа, привыкшего ценить свои устоявшиеся привилегии, или тем, что должно было бы им соответствовать. Не сумев договориться о мере, которая послужила бы прецедентом на будущее, было решено

постановить, что лакедемонское государство, подчиняясь милости своего великого и великодушного генерал-капитана, должно отправить пятьдесят ведущих спартанцев в Македонию в качестве заложников, чтобы гарантировать повиновение его решению. Мы обязаны Куртию дополнительной вероятной информацией о том, что собрание установило штраф в размере 120 талантов [около 24 000 фунтов стерлингов или 120 000 долларов] для элейцев и ахейцев в качестве компенсации мегалополитянам за ущерб, нанесенный им в ходе враждебных действий.

По всей вероятности, лакедемоняне были рады приговору, который в такой степени защищал их от обычной ярости партийной вражды среди греков и результат которого, как они имели основания надеяться, будет либеральным и мягким. Похоже, что не требовалось ничего больше, чем признать ошибку в враждебном противостоянии общему совету нации и отправить, с таким опозданием, лакедемонский контингент войск для поддержания уже завоеванной греческой империи в Азии.^b

Этот удар укрепил цепи, выкованные в Херонее, которые, однако, были еще суждено разорвать более чем одной доблестной борьбой, хотя и не окончательно сбросить. Говорят, что Александр, услышав о успехе Антипатра, презрительно отозвался о «битве мышей», которую вел его лейтенант, в то время как он сам убивал мириады людей и захватывал царства; и пока исход сражения оставался неизвестным, оно ни в малейшей степени не мешало его операциям. Однако победа Антипатра, пожалуй, была не менее тяжелой, чем его собственные победы над Дарием. Но с того расстояния, на котором он теперь находился, Греция и Македония начали казаться ему очень маленькими объектами. Его маленькое царство теперь было для него ценно главным образом как питомник солдат, и самое важное преимущество, которое он извлек из установления своей власти в Греции, заключалось в том, что она обеспечивала постоянное пополнение его армии новобранцами.

ДЕЛА В АФИНАХ

Довольно удивительно, что когда Агис, ободренный большим расстоянием, отделявшим Александра от Европы, возможно преувеличенными слухами об опасностях, угрожавших ему в Азии, и бедствиями, обрушившимися на македонскую армию на родине, рискнул начать свою злополучную борьбу, Афины сохранили нейтралитет. Позже это стало основанием для обвинения Демосфена в том, что он не воспользовался этой возможностью, чтобы продемонстрировать враждебность, которую он всегда испытывал к Александру. События доказывают, что он поступил наиболее разумно, но его мотивы остаются сомнительными ( ). Возможно, его сдерживало не мнение о безнадежности попытки, а стремление к миру, которое, по его наблюдениям, преобладало в стране, будь то из-за страха, ревности или по какой-либо другой причине. Если бы народ был готов вступить в борьбу, оратор, вероятно, не заставил бы себя ждать, чтобы воодушевить его. Но Демосфен, возможно, все же тайно поддерживал и помогал союзникам Пелопоннесского союза и, возможно, намекнул на это, когда, согласно сообщению его противника, хвастался, что союз был его делом. Исход этой борьбы и новости, поступившие вскоре после этого, о великой победе, которой Александр решил судьбу Персидской монархии при Гавгамелах [Арбеле], должны были разбить все надежды Афин, за исключением одной, которая, возможно, была подсказана внутренним опытом: безграничная амбиция завоевателя все еще могла привести его к какому-то предприятию, превышающему его силы.

ДЕМОСТЕН И ЭСХИН

Однако была там и партия, которая не скрывала своего интереса к успеху македонских войск. Перед битвой при Иссе, когда все считали, что Александр находится в большой

опасности, а Демосфен был уверен своими корреспондентами, что он не сможет избежать гибели, Эсхин говорит, что его постоянно дразнил соперник, который с ликованием показывал ему письма с радостными известиями, а он сам был подавлен перспективой бедствия, которое грозило его друзьям. Эсхин был активным лидером македонизирующей партии: все его надежды на окончательную победу над политическими противниками были основаны на македонском господстве. Но Фокион, хотя его мотивы были совсем другими, привнес весь вес своего влияния в ту же сторону. Его чувства были настолько хорошо известны, что сам Александр относился к нему как к высокоуважаемому другу; он писал ему письма из Азии с приветствием, которое он использовал только в отношении Антипатра, и неоднократно настаивал, чтобы тот принял великолепные подарки. Фокион, конечно, постоянно отказывался от них, и когда Александр написал, что их дружба должна прекратиться, если он будет и дальше отклонять все его предложения, он был вынужден заступиться за некоторых пленников, чью свободу он немедленно добился.

Урны и вазы

Катастрофа при Херонее (337 г. до н. э.) послужила сигналом для врагов Демосфена в Афинах, чтобы объединить свои усилия против него. В период после этого события и до смерти Филиппа он подвергался нападкам со стороны всех возможных правовых механизмов, которые могли быть применены против него, в виде судебных преследований самых разных форм и окрасок. Все эти попытки провалились; народ удостоил его более явных доказательств своего доверия, чем он когда-либо получал ранее: он никогда не принимал более активного участия и не оказывал более сильного влияния на государственные дела. Однако, похоже, что после полного триумфа македонских войск как в Азии, так и в Греции, Эсхин считал, что настал благоприятный момент для новой попытки того же рода. Этот процесс, самый знаменитый из древних судебных процессов, самое памятное событие в истории красноречия всех прошлых веков, заслуживает упоминания здесь, главным образом, потому что он проливает свет на характер и нрав афинских судов в то время, когда, как предполагается, народ находился на грани полного упадка, так что едва ли мог представлять интерес с исторической точки зрения — в то время, необходимо помнить, когда остальная Греция дрожала под игом чужеземца, а его воля, продиктованная так называемому национальному конгрессу в Коринфе, была верховной и непреодолимой.

Поводом для этого преследования послужили две должности, которые были возложены на Демосфена, по-видимому, в год после битвы при Херонее. Он был назначен своим племенем надзирателем за ремонтными работами, которые, согласно предложенному им декрету, должны были быть проведены на городских стенах, причем работа была равномерно распределена между десятью племенами. Одновременно он занимал еще одну должность — казначея теорического фонда, что предполагало значительную долю в общем контроле и управлении финансами. На обеих должностях он вносил щедрые пожертвования из своего личного имущества на нужды государства. На этом основании, но в особенности в знак одобрения его общественного поведения во всех случаях, по предложению его друга Ктесифона был принят указ о том, что ему должна быть вручена золотая корона. За этот указ Эсхин обвинил Ктесифона в нарушении закона по трем пунктам: во-первых, потому что было незаконно короновать магистрата до того, как он отчитался о своей должности; во-вторых, потому что было запрещено провозглашать такую честь, когда она была оказана народом, в любом другом месте, кроме места собрания в Пниксе, но особенно провозглашать ее, как предложил Ктесифон; и, наконец, потому что причина, указанная в указе, в той мере, в какой она касалась публичного поведения Демосфена, была ложной, поскольку он не заслуживал никакой награды. Суть вопроса заключалась в том, был ли Демосфен хорошим или плохим гражданином. Поэтому обвинителю, после краткого обсуждения сухих юридических аргументов, переходит к основной теме — полному обзору общественной и частной жизни Демосфена; а Демосфен, заинтересованный в том, чтобы отвлечь внимание от юридических вопросов, которые не были его сильной стороной, едва ли может найти место для них в своей защите собственной политики и действий, которая, наряду с яростными нападками на своего противника, занимает почти всю его речь.

Он хвастается тем, что на протяжении всей своей политической карьеры он неуклонно преследовал одну цель: укрепить Афины внутри и снаружи и сохранить их независимость, особенно от власти и хитростей Филиппа. Он признал, что потерпел неудачу, но это произошло после того, как он сделал все, что мог сделать человек в его положении — гражданин республики. Он потерпел неудачу в деле, в котором поражение было более славным, чем победа в любом другом, в борьбе, не менее достойной Афин, чем те, в которых их героические граждане в прошлые века заработали себе славу. Одним словом, вся речь проникнута духом той высокой философии, которая, будь то полученная в школах или из

жизни, утешала самых благородных из нашего рода в тюрьмах, на эшафотах и под всякими гонениями неблагоприятной судьбы, но в тоне, необходимом для того, чтобы произвести впечатление на разнородную толпу с подобными чувствами и на время поднять ее на уровень выше ее собственного. Влияние, которое она произвела на эту наиболее восприимчивую аудиторию, можно представить лишь слабо. В результате Эсхин не только проиграл дело, но и не получил даже пятой части голосов, и, следовательно, согласно закону, понес небольшое наказание. Но, по-видимому, он счел невыносимым оставаться на месте своего поражения, где ему пришлось бы жить в тишине и безвестности. Он покинул Афины и перебрался в Азию, как говорят, с целью искать защиты у Александра, только с помощью которого он мог теперь надеяться на победу над своими противниками.

Когда эта перспектива исчезла, он удалился на Родос, где открыл школу ораторского искусства, которая произвела на свет длинную череду красноречивых софистов и считается источником нового стиля красноречия, технически называемого азиатским, который стоял в отношении к аттическому стилю не иначе, чем композитный капитель к ионической волute, и был предназначен преобладать на Востоке везде, где говорили на греческом языке, вплоть до падения Римской империи. Он умер на Самосе, примерно через девять лет после Александра, пережив как своего великого противника, так и своего друга Фокиона.

ОБОЖАВАНИЕ АЛЕКСАНДРА; ЗОЛОТО АРПАЛЛА

[325-324 гг. до н. э.]

В течение года, предшествовавшего смерти Александра, тишина и неизвестность афинской истории были нарушены, отчасти благодаря новым мерам, принятым завоевателем по возвращении из Индии в отношении Греции, а отчасти благодаря приключениям Харпала.

Притязания Александра на божественные почести не могли восприниматься в Греции с теми же чувствами, которые они вызывали у победоносных македонцев. Для народа, подавленного непреодолимой необходимостью под чужим игом, не имело большого значения, в какой форме или под каким титулом завоеватель, в полноте своей власти, решил напомнить им об их подчинении. Они могли считать это требование бессмысленным оскорблением, но в остальном оно не было для них обидой. Возможно, не было много людей, достаточно низких, чтобы рекомендовать его, но, вероятно, было еще меньше таких, которые были настолько неразумны, чтобы считать его подходящим поводом для сопротивления. Оно не предполагало отречения от религиозной веры даже у тех, кто был твердо привержен народному вероучению, а насмешки, которые оно вызывало, были для большинства достаточной мезью за его наглость. Спартанский ответ послам царя был, пожалуй, лучшим: «Если Александр хочет быть богом, пусть будет». В Афинах этот вопрос обсуждался более подробно, но вряд ли мнения по нему серьезно разделились. Ему противостоял молодой оратор по имени Пифей. Более практичные государственные деятели заметили, что он еще не достиг возраста, чтобы давать советы по столь важным вопросам. Он ответил, что он старше Александра, которого они предлагают сделать богом. Ликург, по-видимому, высказался с суровостью, соответствующей его характеру, о «новом боге, из храма которого никто не мог уйти без необходимости очищения». Но из этого не следует, что он хотел, чтобы требование было отклонено. По крайней мере, Демад и Демосфен были согласны в основном, и их высказывания, насколько это известно, были очень похожи. Демад предупреждал народ, чтобы он не терял землю, пока спорит о владении небом, а Демосфен советовал ему не спорить с Александром о небесных почестях. Ассамблея согласилась с требованием царя.^[40]

Но приказ о возвращении изгнанников вызвал гораздо более сильные чувства, отчасти страха, отчасти возмущения. По-видимому, Александр, прежде чем отправляться в поход, когда его целью было примирить греков, заключил торжественный договор с национальным съездом в Коринфе — возможно, лишь подтвердив ранее заключенный Филиппом договор — не вмешиваться в существующие институты любого греческого государства, а сохранять их нетронутыми. Новая мера Александра была направлена на то, чтобы произвести революцию во всей Греции, где македонское влияние еще не было полностью доминирующим. Никанор, стагирит, был послан Александром для обнародования его указа во время игр в Олимпии. Там собрались несколько тысяч изгнанников и их друзей, которые с радостью выслушали прокламацию. Она была в форме письма, адресованного им в стиле имперской лаконичности: «Царь Александр изгнанникам из греческих городов. Мы не были виновниками вашего изгнания, но мы вернем вас в ваши дома, всех, кроме тех, кто находится под проклятием [за святотатство или убийство]. И мы написали об этом Антипатру, чтобы он заставил те города, которые не хотят вас принимать».

В Афинах это вызвало большую тревогу среди тех, кто имел основания опасаться исполнения этого указа. Народ не хотел подчиняться ему, но все же не осмеливался открыто отвергнуть его. Был выбран средний путь, который, по крайней мере, давал время. К Александру была отправлена посольская делегация, чтобы отговорить его от вмешательства; в Вавилоне афинские послы встретились с послами из нескольких других греческих государств, которые прибыли по тому же делу. Тем временем в Афинах царило не только сильное беспокойство по поводу исхода посольской миссии, но и опасения за непосредственную безопасность города.

[324-323 гг. до н. э.]

Таково было положение дел в Афинах, когда появление Харпала вызвало новую растерянность и беспокойство. Точное время его прибытия на побережье Аттики трудно установить. Но, по всей вероятности, это произошло после возвращения Демосфена из Олимпии. Как мы уже видели, Харпал увез с собой около пяти тысяч талантов и собрал около шести тысяч наемников. Поэтому он, должно быть, пересек Эгейское море с небольшим флотом, и, вероятно, слухи о его приближении дошли до Афин как минимум за несколько дней до его прибытия. У него были основания надеяться на благоприятный прием. Он прибыл со своей афинской любовницей, ради которой он оказал существенную услугу ее родному городу; и он уже приобрел там по крайней мере одного друга, на чье влияние он, возможно, возлагал большие надежды: Харикла, зятя Фокиона, который опустил до того, что взялся за возведение памятника в честь Пифионики и получил тридцать талантов в качестве вознаграждения. Он мог еще более уверенно рассчитывать на силу соблазна, который его сокровища и войска представляли для народа, если тот был уже готов рискнуть открытой ссорой с Александром, а также на обширные средства подкупа, которыми он располагал. Эти надежды не оправдались, и сначала он, безусловно, встретил полное отторжение. Кажется наиболее вероятным — хотя наши авторы оставляют это сомнительным — что его эскадре не было позволено войти в Пирей. Мы знаем, что по его первому прибытии состоялись дебаты, что Демосфен советовал народу не принимать его и что Филоклу, командующему в Мунихе, было приказано не допускать его вход. Филокл, по-видимому, впоследствии не подчинился этому приказу, но вполне вероятно, что он не сразу разрешил Харпалу высадиться на берег. Самое полное описание действий Харпала при его первом появлении в гавани Мунихии содержится в нескольких словах Диодора: «не найдя никого, кто бы его выслушал, он оставил своих наемников в Тенаре и с частью своего сокровища сам пришел просить защиты у народа». Сумма, которую он привез с собой,

составляла чуть более 750 талантов: этого, безусловно, хватило бы, чтобы подкупить большую часть продажных ораторов, и многие поддались искушению.

Был ли Демосфен одним из тех, кто принял взятку от Харпала, остается спорным вопросом с его времен до наших дней. Из следующего повествования будет видно, что доказательства не могут считаться окончательными ни в одну, ни в другую сторону; все, что можно доказать в его пользу, — это то, что чем полнее излагаются факты дела, тем более очевидны абсурдность и противоречия, связанные с предположениями о его виновности, в то время как те немногие факты, которые указывают на это, можно очень легко согласовать с предположением о его невинности.

Его роль в публичных дебатах по этому делу известна из достоверных источников — в основном из рассказов его современников и обвинителей. Всеобщее признано, что он был одним из тех, кто с самого начала выступал против приема Харпала. После возвращения Харпала в Афины, когда он переманил на свою сторону нескольких ораторов, из нескольких мест прибыли посланцы ( ) — от Антипатра, от Олимпиады и, по-видимому, также от Филоксена, македонянина, занимавшего высокий пост в Малой Азии, — с требованием выдать его. Демостен и Фокион оба сопротивлялись этому требованию; и Демостен провёл декрет, которым предписывалось хранить сокровища в цитадели, чтобы вернуть их Александру, и он сам был уполномочен принять их. Их сумма была объявлена самим Харпалом, но из 750 талантов в его владении осталось не более 308. Было ясно, что почти 450 талантов попали в другие руки. Демосфен добился принятия еще одного указа, которым Ареопаг был обязан расследовать это дело, и предложил, чтобы вместо обычного наказания — десятикратной суммы взятки — преступникам была назначена смертная казнь. Было проведено очень строгое расследование; были обысканы дома всех подозреваемых, за единственным исключением одного, который только что женился. Ареопаг вынес обвинительное заключение в отношении нескольких человек, среди которых был и сам Демосфен. Он был первым, кто предстал перед судом, был признан виновным и приговорен к уплате пятидесяти талантов. Не имея возможности собрать эту сумму, он был брошен в тюрьму, но вскоре сбежал и ушел в изгнание.

Одно несомненно ясно: Демосфен, был ли он подкуплен или нет, не перешел на другую сторону. Харпал, несмотря на усилия Демосфена и Фокиона в его пользу, был заключен в тюрьму, чтобы ждать решения Александра. Однако он сбежал, вернулся в Тенар и оттуда переправился со своими войсками и остатками сокровищ на Крит. Здесь он был убит Тимброном, одним из своих доверенных офицеров. Его управляющий бежал на Родос, где был схвачен по приказу Филоксена и вынужден раскрыть имена тех, кто принял взятки от его хозяина. Список был отправлен в Афины, и имя Демосфена — хотя Филоксена считали его личным врагом — в нем не фигурировало.

Вопрос о том, были ли в Афинах предприняты какие-либо приготовления к войне до смерти Александра, остается весьма неясным из-за скудности сохранившихся сведений. Вряд ли можно предположить, что какие-либо меры были приняты до возвращения из Вавилона послов, отправленных для переговоров с Александром; а промежуток между их возвращением и поступлением известия о его смерти не мог быть очень долгим. Тем не менее, можно считать почти определенным, что в этот промежуток времени было сделано хотя бы что-то с прицелом на войну, которая, как полагали, была неизбежна. Именно в это время часть наемников, распущенных сатрапами в соответствии с приказом Александра, была переправлена в Европу афинянином Леостеном. Сам Леостен некоторое время служил у Александра и, хотя был еще молод, завоевал высокую репутацию, но, по-видимому, он с отвращением покинул службу и уже вернулся в Афины, а затем отправился в Азию, чтобы собрать как можно больше распущенных войск, которых он высадил на мысе Тенар. Трудно

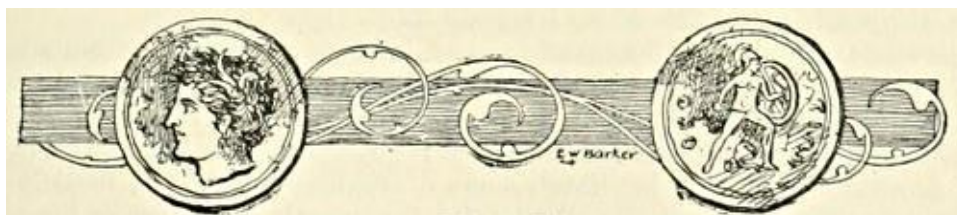

предположить, что он сделал это без какой-то скрытой цели; и его связь с Гиперидом — главой антимакедонской партии после ухода Демосфена — и его последующие действия едва ли оставляют место для сомнений в том, что цель заключалась в том, чтобы иметь в готовности силы для сопротивления Антипатру, если тот попытается привести в исполнение указ Александра.

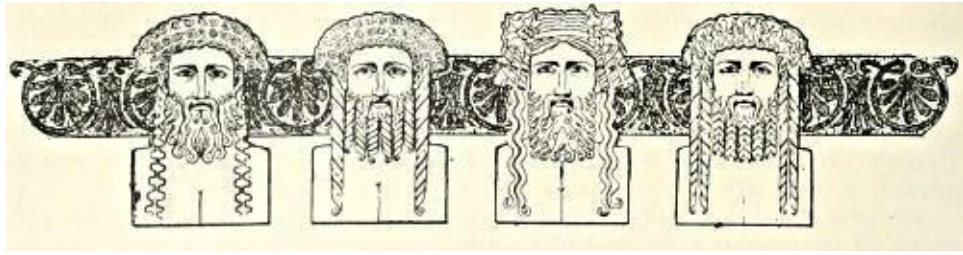
Когда весть о смерти Александра дошла до Афин, Фокион и Демад заявили, что не верят этому сообщению. Демад призвал народ не слушать эту новость: такое тело давно бы уже наполнило мир своим запахом. Фокион просил их проявить терпение, а когда многие голоса подтвердили правдивость этой новости, ответил: «Если он умер сегодня, он будет мертв и завтра, и послезавтра, так что мы можем обдумать все в спокойствии и с большей уверенностью». Но их протесты были проигнорированы. Совет пятисот провел закрытое заседание, и Леостену было поручено немедленно привлечь войска в Тенаре, около восьми тысяч человек, но тайно и от своего имени, чтобы Антипатр не заподозрил их намерения, а народ имел больше времени для других приготовлений. Подтверждение этого факта вскоре было получено из уст очевидцев, которые были в Вавилоне, когда это произошло.^e

СНОСКИ

[40] [Здесь мы приводим оправдание поступка Александра, написанное его главным биографом Дройзеном: ^d «Ни священная история, ни догма не были основаны на прочной основе доктринальных писаний, однажды и навсегда открытых как божественного происхождения; для религиозных вещей не было других правил или форм, кроме опыта и мнения людей, как оно было и развивалось в жизни, а также, возможно, наставлений оракулов и многочисленных интерпретаций знаков. Если оракул Зевса Аммона, хотя и высмеянный, в конце концов все же обозначил царя как сына Зевса; если Александр, происходящий из рода Геракла и Ахилла, завоевал и реорганизовал мир; если в действительности он совершил большее, чем Геракл и Дионис; если давнее просвещение умов, не привыкших к глубоким религиозным потребностям, оставило от почестей и праздников богов только развлечения, внешние церемонии и календарь, — то можно понять, что для Греции мысли о божественной чести и обожествлении человека не были слишком далеки. Александр был лишь первым, кто провозгласил себя тем, кого после него самые жалкие князья и самые позорные люди могли справедливо получить от эллинов и греков, прежде всего от афинян». Апофеоз Александра следует рассматривать как шаг, не вполне обусловленный тщеславием, и имеющий скорее политическое, чем религиозное или личное значение.

ГРЕЧЕСКИЕ ПЕЧАТИ

ГЛАВА LIX. ПРЕЕМНИКИ АЛЕКСАНДРА

Некоторые из наиболее важных исторических трудов о Греции, в частности труды Митфорда и Грота, заканчиваются со смертью Александра; и на самом деле в утверждении, что Греция как фактор цивилизации исчезла с окончанием эпохи Александра, есть определенная логика. Однако, если говорить только о хронологии, Греция продолжала существовать как нация, и в некоторых отношениях более сплоченная, чем когда-либо прежде, в течение периода после смерти Александра, столь же длительного, как и период ее расцвета до этого события. Именно в 500 году до н. э. ионийские города Малой Азии восстали против персидской власти и спровоцировали конфликт, главным результатом которого стало впервые выдвижение греческой нации на первый план в качестве мировой державы. От этой памятной даты до смерти Александра в 323 году до н. э. прошло 177 лет; и, как оказалось, между смертью Александра и окончательным падением Греции под властью римлян прошел еще один период точно такой же длины, кульминацией которого стало разрушение Коринфа в 146 году до н. э.

Но хотя эти два периода равны по продолжительности, насколько же они различаются по своему значению в мировой истории! Первый из них был насыщен событиями, которые сделали имя Греции известным на все времена; второй был просто периодом упадка, в котором некогда могущественный и все еще гордый народ тщетно боролся за восстановление своего прежнего статуса и в конце концов полностью рухнул под ударами более сильной державы. Тем не менее, с точки зрения географического простираения, Греция этого более позднего периода была гораздо больше, чем собственно Греция более раннего периода, поскольку теперь она включала, помимо первоначальной Эллады, территории Македонии и Эпира; но это никогда не было гармоничным союзом.

Древние греки классической территории никогда не смирились с господством своих северных соседей, которых они предпочитали считать варварами, но большую часть времени были вынуждены принимать это господство, как бы ни было им это неприятно; ведь македонские цари, хотя их власть и колебалась от времени к времени, всегда имели больше или меньше влияния на всю территорию новой Греции.

Метеоричная карьера Александра была прервана в тот момент, когда этот герой, хотя и совершил беспрецедентные в истории завоевания, еще не вступил в полную силу мужского возраста. Известно, что его всегда активный мозг кипел планами новых завоеваний, и нет сомнений, что, если бы он остался в живых, некоторые из них были бы почти немедленно реализованы. Каким был бы конечный результат, остается одной из тех загадок, которые всегда будут озадачивать умы вдумчивых исследователей истории. Такие догадки совершенно бесполезны, но от них невозможно уйти. Распространил бы завоеватель Востока свою власть и на Запад, покорив Европу, как он уже покорил Азию? Продолжил бы он еще полвека, если бы ему было дано столько времени, твердой рукой управляя обширными территориями, которые он завоевал, и удерживая свою могущественную империю под единым правительством с собой во главе, — или его могучая амбиция вскоре переступила бы границы разума, и какая-то неудача вскоре сбросила бы его с вершины власти? Никто не может ответить на этот вопрос, и все размышления на эту тему — лишь пустые мечты.

Но, отвернувшись от таких видений и обратившись к реальности, мы видим необыкновенную картину могущественной империи, построенной всего лишь молодым человеком, удерживаемой на мгновение, как бы в его руках, а затем внезапно разбитой на осколки, когда эта рука упала, пораженная смертью. За двенадцать лет юный Александр стал абсолютным повелителем территорий, которые, вероятно, никогда прежде не управлялись одним человеком в истории; но почти до того, как дыхание жизни покинуло его тело, и буквально до того, как это тело было положено в гробницу, между последователями великого полководца началась борьба, которая привела к почти немедленному распаду его империи.

Одним из самых верных признаков великого лидера является его способность собрать вокруг себя великих людей в качестве своих помощников. По этому критерию Александр действительно выглядит великим, поскольку среди его генералов, как показали последующие события, была целая группа людей, каждый из которых признавал себя подчиненным Александру, но отказывался подчиняться кому-либо из меньших по рангу; каждый из них, по сути, считал себя достойным быть царем и был полон решимости воплотить эту веру в жизнь, теперь, когда великого царя больше не было. Антипатр, Кратер, Антигон, Кассандр, Птолемей, Эвмен — это лишь некоторые из лидеров среди людей, которые сразу же начали спорить о владениях Александра, даже пренебрегая погребением его тела. Похоже, что Александр предвидел неизбежное разделение, поскольку, согласно преданию, на смертном одре его спросили, кому он хочет передать свою империю, и он слабо ответил: «Лучшему человеку!»

Действительно, было притворство, что империя будет сохранена для сына Александра, рожденного Роксаной после его смерти и получившего имя Александр Младший; но двадцать лет — это долгий срок ожидания правителя для новообразованной империи, в которой было столько элементов раздора, как в империи Александра; и какими бы искренними ни были некоторые лидеры, их первоначальные намерения сохранить империю для наследника ее основателя исчезли из сознания всех почти до того, как этот наследник родился. Действительно, существовала роялистская партия, которая в течение некоторого времени, возможно, искренне пыталась отстаивать права королевской семьи Македонии; но в ходе сложной серии восстаний и войн, в которые вскоре была вовлечена вся империя, стало трудно, если не невозможно, проследить мотивы, которые влияли на различных главных действующих лиц. Но какими бы ни были эти мотивы, результаты были очень ощутимыми и несомненными. Наследник Александра так и не был суждено достичь зрелости. И он, и его мать были безжалостно убиты Кассандром. Олимпиада, мать Александра, которая в течение некоторого времени принимала активное участие в борьбе, проявляя качества, которые объясняли многие черты ее великого сына, постигла та же участь.

Работа по уничтожению продолжалась до тех пор, пока царская семья Македонии, которую прославили Филипп и Александр, не была истреблена до последнего члена, и, наконец, после двадцати двух лет непрерывных войн, обширная империя Александра была разделена на три основные части: Македония, включая саму Грецию, под властью Антигонидов, потомков Антигона ( ); Азиатское царство под властью Селевкидов; и Египет под властью Птолемеев. Последующая история каждого из этих трех царств должна рассматриваться отдельно, но сначала мы должны кратко рассмотреть ту великую конгломератную борьбу, в результате которой произошло расчленение империи Александра. Об этом Нибур говорит:

«Споры между генералами Александра являются для меня самыми запутанными событиями в истории. Я очень часто внимательно их перечитывал, чтобы получить ясное

представление о них, но, несмотря на то, что с ранней юности я обладаю хорошей памятью, мне так и не удалось четко запомнить детали этих ссор и споров: я всегда сталкивался с трудностями. И так продолжается до сих пор; я не могу сгруппировать события таким образом, чтобы их было легко обзорно представить. Эта путаница возникает из-за того, что мы имеем дело с толпой людей, среди которых нет ни одного, кто бы выделялся благодаря своему личностному характеру. Вопрос всегда заключается в том, кто из грабителей будет господствовать, и невозможно испытывать симпатию к кому-либо из них. Один из них, конечно, лучше другого, и Птолемей, по моему мнению, лучший: он был благом для Египта, который под его правлением стал счастливым и процветающим, потому что его управление было разумным; но все же с моральной точки зрения он человек, к которому мы не можем испытывать большого интереса. Его личный характер оставляет нас совершенно равнодушными, когда мы однажды сформировали о нем мнение. Евмен — единственный, кто важен благодаря своему личному характеру; все остальные впечатляют только своими военными подвигами.

«В ранней истории Греции нам нравится следить за великими людьми шаг за шагом; но все эти македонцы оставляют нас совершенно равнодушными; нам неинтересно, кто из них потерпит поражение; даже трагическое падение Лисиша не может произвести на нас впечатления; я смотрю на это с большим безразличием, чем на корриду, в которой благородное животное защищается от натравленных на него собак. Я мог бы пожелать, чтобы земля разверзлась и поглотила всех македонцев. Каждый, кто хорошо знаком с древней историей, разделит со мной это чувство безразличия. И когда мы находимся под влиянием такого чувства, нелегко задумываться над такой историей; она не впечатляет наш ум.

«Было бы проще всего рассказать историю преемников Александра так же подробно, как она была изложена Трогом Помпеем и как она дошла до нас в трудах Диодора; но тогда перед нами предстал бы лишь огромный хаос. Даже там, где у нас есть обширная информация, мы должны двигаться быстро.

«Тот, кто желает исследовать эту историю, должен изучить восемнадцатую, девятнадцатую и двадцатую книги Диодора; но он не должен забывать, что в Диодоре есть много пробелов. В частности, восемнадцатая книга очень сильно искажена, и некоторые пробелы скрыты; ведь рукописи Диодора были созданы с намерением скрыть тот факт, что они неполны. Однако студент должен также сравнить *выдержки* из утраченного труда Арриана, приведенные в трудах Фотия».⁹

СОВЕТ В ВАВИЛОНЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА

Македоняне провели ночь после смерти царя под оружием, как будто чувствуя себя окруженными врагами. Мирные жители Вавилона, возможно, с большим основанием, боялись, что их богатый город станет ареной военных беспорядков и беззакония. Они едва осмеливались вылезать из своих домов, чтобы собрать новости; не зажигали лампы вечером, а ждали утра в темноте и тишине, внимательно прислушиваясь и дрожа при каждом услышанном звуке. Высшие чиновники, на которых в основном лежала забота о государстве, вероятно, провели это время вместе или по отдельности, не менее тревожно совещаясь. После смерти Гефестиона число тех, кто носил титул соматофилакса, сократилось до семи: Леоннат, Лисимах, Аристонос, Пердиккас, Птолемей (считавшийся сыном Лага, но, согласно довольно широко распространенному слуху, один из бастардов Филиппа, поскольку его мать была любовницей царя), Пифон и Пеукестас. Когда Александр умер, все они находились в Вавилоне.

На следующий день они созвали совет других македонских офицеров, некоторые из которых лишь немногим уступали им по званию и влиянию, чтобы обсудить важный вопрос о престолонаследии. Солдаты также хотели принять в нем участие и, несмотря на запрет, ворвались во дворец и заполнили проходы зала заседаний, так что многие стали свидетелями происходящего. Там их взору предстал печальный вид, который вновь пробудил в них сознание утраты — пустой трон, на котором лежали диадема, королевские одежды и доспехи. Это зрелище вызвало новый взрыв плача, который, однако, сменился глубокой тишиной, когда Пердиккас вышел вперед, чтобы обратиться к собравшимся. Сначала он положил на трон кольцо, которое получил от Александра в его последние минуты. «Это кольцо, — сказал он, — было королевской печатью, которую Александр использовал для самых важных государственных дел; оно было передано ему умирающим царем, но он предоставил его в их распоряжение. Однако для их собственной безопасности было абсолютно необходимо немедленно избрать вождя, способного защитить их от опасностей, которым они подвергнутся без главы в враждебной стране. Можно было надеяться, что через несколько месяцев Роксана родит им наследника престола. А пока им предстояло выбрать, кто будет ими править». Вероятно, он надеялся, что его скромно скрытое желание будет поддержано всеобщим одобрением. Но собравшиеся ждали совета.

Неарх предложил другой план. Как мы уже видели, он женился на дочери вдовы Ментора, Барсине, которая также была матерью сына Александра. Поэтому он указал македонянам, «что нет нужды ждать неопределенного исхода беременности Роксаны; наследник престола уже родился — Геркулес, сын Барсины: ему принадлежит диадема». Но Неарх был единственным из присутствующих, кто был заинтересован в этом выборе. Солдаты ударили копьями и щитами друг о друга в знак яростного несогласия, и Птолемей выразил их чувства по этому поводу: «Ни Барсина, ни Роксана не могут быть матерями принца, которого македонцы признали бы своим правителем. Можно ли было допустить, чтобы завоеватели Азии стали подданными сына варварской пленницы? Лучше было оставить трон вакантным, а лицам, входившим в государственный совет Александра, продолжать осуществлять высшее управление делами, решая все вопросы большинством голосов». Однако это предложение нашло мало сторонников; его следствием было бы окончательное исключение королевской семьи из престолонаследия, и к такому шагу были готовы лишь немногие.

Таким образом, большинство склонилось к совету Пердика, поскольку существовала явная разница между Барсиной и Роксаной, любимой женой Александра, которая в то время находилась во дворце, в то время как вдова Ментора осталась со своим сыном в Пергаме. Настал подходящий момент для того, чтобы кто-нибудь из друзей Пердика выступил от его

имени, и Аристонос, возможно, по предварительной договоренности, взял на себя эту задачу. Он заметил, что «Александр сам уже решил, кто наиболее достоин командования, когда, оглядев всех своих друзей, которые были у его постели, он передал свою королевскую печать Пердикке. Им оставалось только утвердить выбор Александра». Тем не менее, собрание не было склонно наделять Пердикку единолично, под каким бы то ни было титулом, верховной властью. Результатом всех обсуждений стал своего рода компромисс между предложениями Птолемея и Аристоноса. По-видимому, было решено, но не без громкого протеста, что, если Роксана родит сына, он унаследует трон, а пока для будущего принца будут назначены четыре опекуна, которые будут осуществлять королевскую власть от его имени. Пердикка и Леоннат должны были быть регентами в Азии, Антипатр и Кратер — в Европе.

Кавалерия — аристократическая часть армии — согласилась с решением своих вождей. Но оно было очень плохо воспринято всей пехотой. Не было никаких причин для их недовольства, кроме того, что с ними не проконсультировались по этому вопросу и что они хотели распоряжаться короной. Тем не менее, неясно, действовали ли они по собственной воле или были подбуждены к сопротивлению Мелеагром, который, по-видимому, был движим частично амбициями, а частично личной враждой к Пердикке. Сохранившиеся свидетельства о его поведении противоречивы в деталях, но сходны в том, что представляют его как лидера и душу оппозиции. По мнению некоторых авторов, он покинул совет офицеров после яростных нападок на Пердика, заявив, что народ является истинным наследником монархии и только он может по праву распоряжаться ею, и поспешил поднять солдат на восстание и грабеж. По мнению других, он был уполномочен успокоить их недовольство, но воспользовался случаем, чтобы разжечь его, и поставил себя во главе. Мы также не можем с уверенностью сказать, был ли он первым, кто предложил другого претендента на трон, чье имя вскоре было упомянуто на народном собрании.

Это был Арридей, сын Филиппа от Филинны, женщины из Фессалии, которую обычно описывают как низкого происхождения. Арридей либо был от природы недалеким, либо так и не оправился от последствий зелья, которое, как говорят, дала ему Олимпиада, чья ревность делала ее способной на любое преступление. Похоже, что Александр, либо из осторожности, либо из сострадания, удалил его из Македонии, хотя и не считал его достойным доверия для выполнения каких-либо команд; и теперь он находился в Вавилоне. Скорее всего, Мелеагр, понимая, что тот, кто возведет такого принца на трон, будет править под его именем, был первым, кто рекомендовал его как единственного законного наследника. Архидею армия, вероятно, была лично безразлична, но он был сыном Филиппа, без примеси варварской крови, и, что, вероятно, имело для них большее значение, он был бы их чистым созданием. Поэтому это предложение соответствовало их гордости и предрассудкам, которые были сильнее их уважения к Александру сейчас, как и при его жизни. После короткой паузы — возможно, вызванной удивлением, что в такой ситуации было предложено столь редко слышимое имя — все, как будто сделав счастливое открытие, разразились громкими возгласами в пользу Арридея; а Пифон, который, по-видимому, был послан советом, чтобы успокоить их, пытался показать нелепость их выбора, но только вызвал их недовольство. Мелеагр был уполномочен привести принца на собрание, и когда тот прибыл, его приветствовали как царя под новым именем Филипп. Он немедленно направился во дворец в сопровождении Мелеагра и под охраной войск. По-видимому, офицеры все еще находились там на совете, и когда появился Арридей, были предприняты попытки урегулировать вопрос путем обсуждения. Но поскольку вожди отказались одобрить выбор пехоты, они вскоре оказались под угрозой насилия со стороны и были вынуждены отступить. Арридей взойшел на трон и был облачен в королевские одежды.

ПЕРДИККАС, МЕЛЕАГР, ЭВМЕН И МАРИОНЕТОЧНЫЙ ЦАРЬ

Пердиккас приказал запереть дверь комнаты, где лежало тело Александра, и приготовился охранять ее с помощью шестисот отборных воинов; к нему присоединился Птолемей во главе королевских пажей. Однако вскоре они были побеждены превосходящими силами. Солдаты противной стороны ворвались в комнату; началась перепалка, сам Пердикка был атакован метательными снарядами, и кровь уже начала течь, когда некоторые из старших среди нападающих вмешались, сняли шлемы и умоляли Пердикку и его последователей прекратить бесполезное сопротивление.

Водонос

(по Хоупу)

Их посредничество положило конец этой прелюдии к долгому спору, который должен был развернуться за останки Александра. Но большая часть генералов и весь кавалерийский корпус покинули город и разбили лагерь за стенами. Пердиккас пока не последовал за ними; по-видимому, он надеялся, что в настроении толпы могут произойти какие-то изменения, которые он сможет легче обратить себе на пользу, если останется. Но Мелеагр, вероятно, опасаясь того же, и стремясь удовлетворить свою ненависть, убеждал царя отдать приказ о казни Пердика. Он не смог добиться этого; Арридей, возможно, был слишком робким, чтобы нанести такой сильный удар. Мелеагр был вынужден истолковать молчание своего королевского марионетки как согласие и послал вооруженный отряд к дому Пердика с приказом привести его во дворец или убить, если он будет сопротивляться. Когда к его дверям подошли, у Пердика было только около шестнадцати королевских пажей. Однако он появился на пороге с твердым выражением лица и устранил тех, кто пришел арестовать его, суровым достоинством своего вида и слов. Вероятно, они не считали авторитет Мелеагра достаточным основанием для убийства человека столь высокого ранга. Когда они удалились, он и его слуги сели на лошадей и поспешили в лагерь своих друзей.

Однако один видный член их партии остался в городе: Эвмен из Кардии, который уже решил, как поступить в интересах собственных, и в этой ситуации продемонстрировал свою прозорливость и ловкость, которые впоследствии помогли ему преодолеть множество опасностей и даже привели его к величайшей удаче. Евмен, в своем юном возрасте ( ),

привлек внимание Филиппа своими многообещающими талантами; он был воспитан при македонском дворе и работал у Александра как его главный секретарь и хранитель архивов ( ), а также в военном командовании. Он так высоко поднялся в милости царя, что мог даже не раз рискнуть поссориться с Гефестионом; но после смерти фаворита он старался, прибегая к изобретательным уловкам и тратя огромные суммы на честь его памяти, развеять все подозрения, что он с удовольствием воспринял это событие. В этой щедрости он проявил большую самообладание, поскольку обычно был очень бережливым.

Такой человек был создан для времен, последовавших за смертью Александра. Эвмен понимал, что он может быть в безопасности в борьбе между партиями только до тех пор, пока он может защищаться от ревности, которой подвергается иностранец, занимающий высокое положение среди македонцев. Как мы уже отмечали, он остался в Вавилоне после бегства Пердика под предлогом того, что не имеет права участвовать в спорах о престолонаследии, но втайне намереваясь содействовать интересам Пердика, насколько это было в его силах, поскольку, вероятно, предвидел, что эта сторона в конце концов одержит верх. Он принял на себя роль миротворца, и его кажущаяся нейтральность придавала его посредничеству большой вес. Ему помогали энергичные меры со стороны отколовшихся. Они начали прекращать поставки продовольствия и угрожать Великому городу голодом. Мелеагр находился в положении, которое с каждым днем становилось все более затруднительным. Его собственные войска призывали его к ответу за покушение на жизнь Пердика, и он мог укрыться только под королевской властью. В конце концов солдаты пришли всем составом во дворец и потребовали, чтобы к кавалерии было отправлено посольство с предложением о мире. В соответствии с этим были отправлены три посланника: примечательно, что один из них был фессалиец, другой — аркадец из Мегалополиса, так что, вероятно, третий, Перилай, чья страна не упоминается, не был македонцем. О последующих переговорах сообщается слишком неясно, чтобы их можно было описать. Говорят, что партия Пердика отказалась вести переговоры, пока им не будут выданы виновники ссоры, и что это требование вызвало бурные волнения в городе, которые утихли только тогда, когда Арридей, проявив больше энергии, чем ему приписывали, предложил отречься от короны. Однако не похоже, что это условие было принято.

ДОГОВОР

Согласно наиболее достоверным сведениям, договор был заключен на следующих условиях: Арридей должен был разделить империю с ребенком Роксаны, если это будет мальчик; Антипатр должен был командовать войсками в Европе; Кратер должен был возглавить дела в владениях Арридея; а Пердикка должен был получить командование конной гвардией, хилиархией, ранее возглавляемой Гефестионом, в которой Александр не позволял никому занять его место. По-видимому, эта должность в персидском дворе была эквивалентна должности премьер-министра или великого визиря всей империи. Однако было оговорено, что Мелеагр должен быть связан с Пердиккой в регентстве, хотя и с подчиненным рангом. О Леоннате как члене правительства больше ничего не слышно. Соглашение было ратифицировано торжественным примирением между враждующими сторонами. Кавалерия вернулась в город; фаланга вышла им навстречу; Пердикка и Мелеагр прошли между рядами, чтобы поприветствовать друг друга как друзья. Войска обеих сторон последовали их примеру и вновь объединились в одно целое.

Однако после всего произошедшего Пердикка и Мелеагр уже не могли доверять друг другу. Мелеагр, вероятно, полагался на защиту пехоты. Но Пердикка теперь завладел слабоумным царем, который был столь же пассивен в его руках, как и в руках его соперника,

и решил нанести первый удар. Прежде чем напрямую атаковать своего врага, он счел необходимым лишить его поддержки, которую тот мог найти в армии, и, по-видимому, разработал для этой цели очень тонкий план. Он подкупил посланников, чтобы те жаловались среди пехотинцев, что по недавнему соглашению Мелеагр был возвышен до равного с ним положения — по-видимому, не с целью вызвать недовольство или заручиться поддержкой этих войск, а чтобы заманить самого Мелеагра в западню. Мелеагр вскоре узнал о том, что в лагере говорили против него, и с возмущением пожаловался на это Пердикке, которого он, вероятно, подозревал в том, что тот был тайным автором этих слухов. Но Пердикка был настолько великим мастером притворства, что полностью успокоил его подозрения. Он сделал вид, что глубоко сочувствует его возмущению, и предложил арестовать агитаторов. Для более безопасного и верного достижения своей цели они договорились, что вся армия должна быть выведена на соседнюю равнину под предлогом торжественного очищения, которое должно было быть совершено по старинным македонским обрядам, чтобы очистить ее от крови, пролитой в недавней ссоре. По обычаю в таких случаях убивали собаку и несли ее внутренности, разделенные на две части, на противоположные концы поля, чтобы армия могла выстроиться между ними, фаланга с одной стороны, кавалерия с другой. По крайней мере, такой порядок был принят теперь двумя вождями.

В назначенный день Пердикка, с царем по бокам, встал во главе кавалерии и слонов, лицом к пехоте, которой командовал Мелеагр. После короткой паузы он приказал им выдвинуться. Войска Мелеагра были встревожены этим движением, поскольку теперь они заметили, что местность благоприятна для действий кавалерии и что, если на них нападут, они не смогут отступить без больших потерь. Но, поскольку они не получили приказа от своего вождя и были совершенно не уверены в намерениях Пердикки, они оставались неподвижными, пока между двумя линиями не осталось очень узкого промежутка. Тогда царь подъехал с одним эскадроном и, получив предварительные инструкции от регента, потребовал выдать виновных в недавних разногласиях для наказания, угрожая, в случае отказа, атаковать всей силой кавалерии и слонов.

Люди были потрясены внезапностью происходящего, и Мелеагр, который теперь осознал свою опасность, не имел достаточно присутствия духа, чтобы предпринять попытку самообороны. Пердикка воспользовался их смятением, чтобы выбрать около трехсот человек, наиболее отличившихся как сторонники его противника, и немедленно приказал слонам затоптать их насмерть на глазах всего войска и с явным согласием царя, чью сторону они поддерживали. После этой казни Мелеагр не мог надеяться на спасение, кроме как бегством. Он не был арестован на поле боя, но вскоре после этого укрылся в храме в Вавилоне, где был казнен по приказу Пердикки.

РАЗДЕЛ

Этим ударом власть регента была прочно установлена в отношении царя и армии. Оставалась более сложная задача. Он по-прежнему был окружен соперниками, столь же амбициозными, как Мелеагр, и более грозными благодаря своим способностям и влиянию. Его следующей заботой было удовлетворить их притязания, чтобы как можно меньше ослабить себя. Новое распределение сатрапий было согласовано по общему согласию, но, вероятно, в большинстве случаев под его руководством; по крайней мере, в некоторых случаях мы ясно прослеживаем его руку. Не было необходимости в полном изменении, и, по-видимому, общим принципом было сохранение как можно большего числа сатрапов, назначенных Александром, в своих правительствах. Провинции, расположенные вблизи восточной и северо-восточной границ империи, были, вероятно, наименее желанными, и в

них почти не было сделано никаких изменений. Были и другие, которые, поскольку были более желанными, было бы сложнее заменить их нынешних обитателей.

Наиболее важной частью нового соглашения была та, которая касалась правительств к западу от Евфрата. Птолемей, который не только пользовался уважением благодаря своей предполагаемой связи с королевской семьей, но и был очень любим армией за свои личные качества, положил глаз на Египет и получил его вместе с прилегающими регионами Аравии и Ливии. Клеомен не был смещен, но поставлен под его командование. Лаомедон остался в Сирии, Филотас — в Киликии, Асандр — в Кари, Менандр — в Лидии, а Антигон — в большой провинции, включавшей Фригию, Ликию и Памфилию. Но поскольку Ликия и Памфилия, как говорят, были также переданы Неарху, можно предположить, что он управлял этими провинциями в качестве подчиненного — это предположение подтверждается его последующими отношениями с Антигоном. Геллеспонтская Фригия была отведена Леоннату — возможно, в качестве компенсации за его участие в регентстве или для того, чтобы удалить его от двора; а Эвмен, которого Пердиккас считал своим верным сторонником, был награжден титулом сатрапа Пафлагонии и Каппадокии. Но эти страны, которые Александр никогда не подчинял, еще предстояло завоевать мечом у их коренного правителя Ариарата, который владел ими как наследственный вассал Персии.

В Европе управление Македонией и Грецией, а также западными странами на побережье Адриатического моря, которые впоследствии могли быть присоединены к империи, должно было быть разделено между Антипатром и Кратером — разделение, в котором Пердикка, возможно, видел перспективу столкновения между ними, способного укрепить его господство. Фракия, или весь приморский регион к северо-востоку от Македонии, провинция, которая никогда не подчинялась спокойно и где одрисы недавно были подняты на восстание своим вождем Сеутом, была передана Лисимаху, воину с железным характером и непоколебимой смелостью. В этом списке можно было бы ожидать увидеть еще два имени. Можно было бы предположить, что Аристонос займет в нем видное место, поскольку он проявил себя ярким сторонником Пердика; однако мы не слышим о каких-либо распоряжениях в его отношении. Поэтому было высказано предположение, что Пердик оставил его рядом с собой как одного из своих самых верных друзей. Возможно, по той же причине он доверил Селевку, которому суждено было сыграть столь важную роль в истории последующего периода, тысяченачальство, которое было назначено ему самому — действительно очень почетную и важную должность, но от которой он мог без опаски отказаться, поскольку она мало или вовсе не добавляла к его власти как регента.

ПОСМЕРТНЫЕ ПЛАНЫ АЛЕКСАНДРА

Жрица

(по мотивам Хоуп)

Оставался еще один вопрос, по которому он счел необходимым проконсультироваться с армией, чтобы избавить себя от опасной ответственности. В кабинете Александра были найдены документы, содержащие наброски нескольких грандиозных проектов. Казалось бы, их можно было легко уничтожить, но было известно, что они частично соответствовали инструкциям, данным Кратеру, и поэтому их нельзя было безопасно игнорировать без общего согласия. Некоторые из них касались оснащения огромного флота — тысячи галер, как говорят, самого большого размера — предназначенного для завоевания Карфагена и всего побережья Африки на Средиземном море вплоть до проливов, а также Испании и прилегающих морских регионов вплоть до Сицилии: для этой цели должна была быть проложена дорога вдоль африканского побережья. Другие планы касались новых колоний, которые должны были быть основаны в Азии европейцами, а в Европе — азиатами. Были также указания построить шесть новых храмов в Европе — в Делосе, Дельфах, Додоне, Диуме, Амфиполе и Кирре — каждый стоимостью в полторы тысячи талантов, помимо одного необычайной великолепия, посвященного богине Илиона, и памятника его отцу в Македонии, который должен был по своим размерам равняться самой большой из египетских пирамид.

Следует признать, что в этих планах есть некоторые моменты, которые выглядят подозрительно и которые, даже если они и приходили в голову Александру, мы не ожидали бы, что он зафиксирует их в письменном виде. Но часть, касающаяся храмов, вряд ли могла быть выдумана и, вероятно, содержалась в инструкциях, данных Кратеру. План обмена населением между Европой и Азией также вполне соответствует взглядам, которые Александр раскрыл при жизни. Однако этот план, как и план экспедиции в Африку, уже не мог прийти никому в голову и, возможно, был молчаливо отклонен. Но, возможно, Пердиккас опасался, что его коллеги могут потребовать от него выделения средств,

предназначенных для других целей, и поэтому счел целесообразным официально аннулировать все это с помощью высшей власти. Предположение, что он подделал проект экспедиции, чтобы сделать реальное содержание документов менее приемлемым для македонцев, кажется весьма маловероятным. Все они были представлены на военном собрании и отклонены как невыполнимые или бесполезные.

Во время бурных событий, последовавших за смертью Александра, его тело лежало в дворце непогребенным. Существуют различные сообщения о месте, выбранном для его погребения. Согласно одному из них, оно должно было быть перевезено в святилище Аммона. Но более вероятно, что было решено поместить его в гробнице его предков в Эге. Говорят, что гадатель Аристандр объявил, что ему было открыто, что земля, где оно покоится, обречена на вечное процветание и защиту от вторжений: однако это было не более чем древнегреческим суеверием относительно силы останков героя. Был отдан приказ построить погребальную колесницу, достойную этих драгоценных останков, и генерал Арридеус был назначен сопровождать их к западному побережью.^b

Описание Диодором (XVIII, 3) этой погребальной церемонии настолько великолепно, что как прощальный закат эпохи Александра заслуживает включения в данный текст:^a

ПОХОРОНЫ АЛЕКСАНДРА, ОПИСАННЫЕ ДИОДОРОМ

«Сначала был подготовлен гроб из чеканного золота, выкованный молотком так, чтобы соответствовать пропорциям тела; он был наполовину заполнен ароматическими специями, которые служили как для удовольствия чувств, так и для сохранения тела от разложения. Над гробом была крышка из золота, так точно подогнанная, что полностью соответствовала верхней части. Над ним был накинут любопытный пурпурный плащ, вышитый золотом, рядом с которым были размещены оружия покойного, чтобы все вместе представляло деяния его жизни. Затем была предоставлена колесница, в которой должно было быть перевезено тело, на вершине которой была возведена триумфальная арка из золота, густо усыпанная драгоценными камнями, шириной в восемь локтей и длиной в двенадцать. Под этим навесом был установлен золотой трон, соединенный со всей конструкцией, четырехугольной формы, на котором были вырезаны головы козлов-оленей, к которым были прикреплены золотые кольца диаметром в две ладони; на них висели, для красоты и пышности, маленькие короны разных красивых цветов, которые, как цветы, радовали глаз. На вершине арки была бахрома из сетки, на которой висели большие колокола, чтобы их звук был слышен на большом расстоянии.

«По обеим сторонам арки в углах стояли золотые изображения Победы, несущие трофей: Перистилий из золота поддерживал арку, капители колонн которого были ионического исполнения: Внутри перистилия на сетке из золота толщиной в палец висели четыре таблицы, равные по размеру стене, на которых были изображены всевозможные живые существа. У входа в арку стояли золотые львы, обращенные лицами к тем, кто приближался, чтобы войти. Из середины каждого столба вырос золотой акантус, ветви которого поднимались тонкими нитями до самых капителей. Над аркой, примерно посередине крыши снаружи, был расстелен пурпурный ковер под открытым небом, на котором была помещена огромная золотая корона в форме оливковой короны, которая при отражении солнечных лучей испускала такое удивительное сияние и блеск, что на расстоянии казалась вспышкой молнии. Под сиденьями или дном всего сооружения проходили две оси, вокруг которых вращались четыре персидских колеса, спицы и ободы которых были покрыты золотом, а диски были обкованы железом: концы осей были из золота и представляли собой головы львов, каждый из которых держал в пасти дротик. Было четыре тяговых дерева, к каждому из которых было прикреплено по четыре ярма, а к каждому яру было привязано по четыре

мула, так что мулов было шестьдесят четыре, самые сильные и крупные из всех, которых только можно было найти. Каждый мул был украшен золотой короной и золотыми колокольчиками по обеим сторонам головы; на шеях у них были надеты богатые ошейники, украшенные драгоценными камнями. И в соответствии с таким величественным зрелищем, его сопровождала огромная компания рабочих и пионеров (которые прокладывали пути для его прохождения).

«И таким образом Аррид (который потратил два года на подготовку) перевез тело царя из Вавилона в Египет. Птолемей, в честь царя, встретил тело со своей армией в Сирии, где он принял его, и сопровождал его с большой заботой и почтением: ибо он решил пока не везти его в храм Аммона, а хранить тело в городе, который построил сам Александр, самом знаменитом из всех городов мира. С этой целью он построил храм в честь Александра, величественный и великолепный, достойный славы и величия этого царя; и в этом хранилище он положил тело и почтил похороны покойного жертвоприношениями и великолепными представлениями, соответствующими статусу полубога».^c

НАСЛЕДНИКИ АЛЕКСАНДРА

[323-321 гг. до н. э.]

В то время как телу завоевателя оказывали такие почести, две живые объекты его любви стали жертвами мести Роксаны и амбиций Пердика. Роксана, с согласия агента, пригласила Статиру и ее сестру Дрипетис в Вавилон дружелюбным письмом, а когда они прибыли, она приказала их убить и тайно похоронить. Со временем Роксана родила мальчика, который был признан соправителем Филиппа Арридея в империи и получил имя Александр (Эгус).^b

Арридей, слабоумный

Теперь должно было начаться фиктивное правление Арридея. Он, должно быть, оставался с армией. Фаланга, без сомнения, не верила, что Арридей был идиотом, но, вероятно, считала его мудрым правителем, которого только клеветали: так же, как даже в Дании никто не верил, что Кристиан VII был сумасшедшим, из страха оскорбить величество короля. Безумие короля было в Гольштейне такой тайной, что люди шепотом пересказывали друг другу об этом, и верить в это казалось людям преступлением; в вере в то, что такое королевское отклонение от нормы — не безумие, а глубина мысли, есть что-то мистическое. Возможно, именно так чувствовали фалангиты.

Кавалерия была довольна, как только он оказался в их власти. Пердиккас был хилиархом, или администратором, а Кратер должен был заботиться о короле, как королева заботилась о короле Георге III, пока преемник управлял государством. Кратер был назначен ему своего рода наставником, который заботился о нем и всегда держал его в порядке; это показывает, насколько он должен был быть слабоумен. Арридей полностью исчезает из истории, он был не более королем, чем его племянник Александр, сын Роксаны, и упоминается только как имя. Но чтобы понять многие монеты и некоторые надписи, мы должны иметь в виду, что Арридей принял имя Филипп.

Сатрапии были теперь распределены заново.

Но прежде чем перейти к истории сатрапов, или правителей, мы должны рассказать о первой из ужасных сцен того времени, а именно восстание несчастных греков в ἄνω σατραπείᾱ (323 г. до н. э.) — термин, охватывающий Хорасан в его самом широком смысле, частично провинцию, собственно говоря, и частично всю Персию, к востоку от великой

Мидийской пустыни. Там Александр поселил пленных греков, которые служили наемниками у Дария, а также других греков из числа своих союзников; он сформировал из них военные колонии. Эти люди были доведены до отчаяния и подняли восстание, вероятно, когда услышали о Ламийской войне; они собрались и решили пробиться в Грецию. Против них была отправлена македонская армия под командованием Пифона. В этой ситуации проявилась страшная деморализация среди наемников; вероятно, он не смог бы ничего сделать против них, если бы не подкупил одного из их командиров, который во время сражения дезертировал со своего поста. Оказавшись в меньшинстве, они капитулировали. Пифон получил приказ от Пердикаса убить их всех, чтобы они больше не доставляли ему хлопот. Но Пифон составил другой план: он хотел использовать этих греков в качестве силы, с помощью которой он надеялся сыграть заметную роль; он был македонянином и имел права на империю, которая уже начинала разрываться на части. Соответственно, он пощадил их жизни; но теперь его македонцы восстали против него — здесь мы видим последствия национальной ненависти, существовавшей между греками и македонцами, — поскольку они сочли, что будет гораздо выгоднее убить греков и захватить добычу, которую они собрали. Поэтому они устроили среди них всеобщую резню и забрали их имущество. После этого Пифон вернулся, как будто он выполнил приказ Пердикаса. Это похоже на историю Али-паши. Вскоре после этого между правителями разгорелась вражда.

Диадокси

Генералы и сатрапы Александра, называемые по-гречески диадохами [διάδοχοι, или «преемники»], насчитывали около двадцати человек; ни один из них не был склонен играть подчиненную роль, но многие не могли даже думать о том, чтобы взять на себя верховную власть. Поэтому некоторые из них сначала держались в стороне от споров; это были люди, которые не питали больших надежд на себя. Вначале произошел большой разрыв между Пердиккой, с одной стороны, и Антипатром и Птолемеем, с другой.

Пердиккас претендовал на верховную власть, потому что Александр, дав ему свой перстень с печатью, передал ему эту власть; а Антипатр претендовал на нее как регент Македонии, потому что считал себя в этом качестве представителем нации. К нему присоединился Птолемей, потому что находился далеко, ибо если бы они были рядом друг с другом, Антипатр и Птолемей никогда не смогли бы стать союзниками. Но так как Птолемей находился в отдаленном и недоступном царстве, он считал себя в безопасности, а Антипатр не имел никакого желания лишать его царства.

Птолемей проявил себя как очень практичный и умный человек, поскольку ни на мгновение не думал о том, чтобы стать властелином всей империи Александра, в то время как другие более или менее питали такие мысли; но он был доволен огромным призом, который он выиграл в лотерее, — владением Египтом; и он стремился только к тем провинциям, которые можно было удержать из своего собственного царства, то есть к Сирии, Кипру и странам на противоположном побережье Азии, которые составляли монархию под властью Филадельфа и Эвергета, которые были хозяевами противоположного побережья. Это было вполне естественно, так как он не мог не желать обеспечить себе безопасность со всех сторон.

Антипатр стремился к власти, но презирал диадему, все еще сохраняя чувства солдата Филиппа. Он был уже в преклонном возрасте, будучи самым старшим из генералов; и у Филиппа не было никого, кто превосходил бы его по способностям, и он почитал его больше всех, например, отправив в посольство в Афины. Мы признаем Антипатра и Пармениона величайшими среди генералов Филиппа. Антипатр был человеком старой школы и отличался большой простотой. В то время как другие генералы появлялись в пурпурных

хламидах, он носил обычную македонскую одежду и палку, так что никто не мог отличить его от обычного македонянина. Такая притворная простота ( ), сочетающаяся с внутренней грубостью, очень часто встречается у людей кровожадного нрава. Даже Плутарх не может скрыть его жестокость.

Пердикка был худшим из всех. По-видимому, он был македонским дворянином. Хотя мы мало читаем о знати и тому подобном среди македонцев, он все же во всех обстоятельствах предстает как человек с большими претензиями. Он был виновен во всех возможных злодеяниях, даже в самых жестоких, не будучи кровожадным, как Антипатр, который был другим герцогом Альвы. Пердикка был чисто восточным и беспринципным человеком; человеком очень умеренных талантов, для которого ничего не было свято.

У него не было друзей; только Эвмен из Кардии был с ним связан и сблизился с ним. Как Кратер был самым рыцарственным и галантным среди македонцев, так Эвмен был самым умным и очень отличался своими большими талантами: он был бы выдающимся человеком в любое время. Он единственный человек того периода (если не считать Кратера, который погиб рано), к которому мы можем проявить личный интерес; он был настоящим Одиссеем, неиссякаемым в своих ресурсах. Он никогда не жертвовал другим ради своих интересов. Он всегда следовал велениям человечности, и хотя в его жизни были поступки, которые в лучшие времена вызывали бы осуждение, они все же достойны похвалы по сравнению с тем, что делали другие в то время. Будучи неисчерпаемым в советах, он также имел совершенно иные взгляды, чем македонцы. Будь он македонцем, он, несомненно, унаследовал бы Александра, насколько это было возможно и насколько это могло быть сосредоточено в руках одного человека. Но он был чужестранцем, уроженцем Кардии в Херсонесе, и это обстоятельство ставило его в такое положение среди македонцев, которое не позволяло ему подняться на ту высоту, которой он мог бы достичь в иных обстоятельствах.

Эвмен не поднялся, как остальные, только благодаря своим военным талантам, но в большей степени как государственный деятель. В возрасте двадцати лет он вошел в кабинет царя Филиппа и в течение семи лет работал у него секретарем; затем он без перерыва служил Александру до самой смерти царя, так что в течение двадцати лет был органом королевского правительства. Но он ни в коем случае не был неподходящим для призвания, благодаря которому в то время люди поднимались к величию, поскольку он был также хорошим воином. Александр имел конную гвардию, состоявшую из двух эскадронов, и одним из них командовал Эвмен. Если бы он был уроженцем Македонии, он, несомненно, затмил бы всех остальных. Впоследствии он проявил величайший талант полководца, что тем более удивительно, что во времена Александра он никогда не командовал армией: он лишь играл роль наблюдателя. Ему тогда было сорок лет, но он был похож на людей революции, которые продемонстрировали свои военные навыки, хотя никто и не подозревал, что они ими обладают. Евмен был назначен правителем Каппадокии и Понта, но сначала ему пришлось их завоевать. Пердиккас, чувствуя, что Евмен ему очень полезен, помогал ему в его завоеваниях.

Женщины-претендентки

Пока Пердикк помогал Эвмену, женщины из семьи Александра начали беспорядки с целью захватить власть. Еще при жизни Александра его сестра Клеопатра, вдова молосса, амбициозная, как и ее мать Олимпиада, и весь ее род, пыталась вмешиваться в дела Македонии. Еще до смерти Александра Олимпиада поссорилась с Антипатром и уехала к своей семье в Эпир. Клеопатра теперь пыталась получить влияние на Антипатра ( ), но тот не позволял ей этого; однако, похоже, что она действовала по поручению своего брата, который хотел помешать Антипатру слишком укрепиться, и поэтому позволял ей оказывать

некоторое влияние на Антипатра. Похоже, она была шпионкой своего брата. После смерти Александра Олимпиада оставалась в Эпире в течение нескольких лет, пока, к сожалению, не вернулась после смерти Антипатра. Клеопатра, опасаясь Антипатра, который был хозяином в Македонии, отправилась в Сарды, где она держала княжеский двор, который стал центром интриг и бесконечных сложностей того времени.

Женский костюм

Подобно тому, как королева Елизавета продолжала обманывать многих, позволяя им верить, что они могут надеяться на ее руку, так и Клеопатра давала надежду нескольким генералам, отчасти потому, что не была уверена в своем положении, а отчасти потому, что ожидала блестящих результатов от своего брака с одним из полководцев. Таким образом, она сумела поддержать надежду, особенно у пожилого Пердика. Это вызвало большую тревогу у Антипатра, который попытался противодействовать этому плану и связать Пердика с собой, предложив ему в жены свою дочь Никею. Эта двойная интрига вполне соответствовала духу всех сделок того времени; в ней была вся их подлость и неправда. В результате Пердикка оказался в очень затруднительном положении из-за этих переговоров. Он считал опасным обижать Антипатра, но последний не был серьезен, желая только отложить Пердикку и выиграть время, и таким образом оба переговора ни к чему не привели.

Примерно в то же время в Малой Азии появилась еще одна дочь Филиппа, которую одни называют Киной, а другие — Кинаной, что является варварско-македонским именем. Она была дочерью Аудаты, иллирийской женщины, поскольку царь Филипп, согласно македонскому обычаю, жил в полигамии, как и другие варварские цари. Судьба этой Кины была очень трагичной. Тот факт, что никто никогда не сделал последние несчастья семьи Александра предметом исторической трагедии, показывает, как мало известно о истории того времени; здесь мы имеем превосходный сюжет для трагедии, и если бы Шекспир знал о судьбе этой принцессы и Олимпиады, он, несомненно, взял бы его за основу для своей музыки.

Кина была замужем за претендентом на престол Аминтасом, двоюродным братом Александра, и осталась в Македонии со своей единственной дочерью Адеей, которая впоследствии приняла греческое имя Эвридика, которое также носила ее бабушка, мать Кины, чье иллирийское имя было Аудата; Эвридика было распространенным именем в семье Филиппа (его мать также носила это имя), так же как Лаудика или Лаодика было распространенным в семье сирийской династии. Имена македонцев очень часто путают; примечательно, что среди македонских принцев иногда даже братья носят одно и то же имя; например, двух братьев Антигона Гонатаса звали Деметрием.

Кинана была амазонкой, сопровождавшей своего отца в его последней экспедиции, и она воспитала свою дочь таким же образом. Она отправилась в Малую Азию с целью поднять революцию; она принадлежала к фракции Антипатра, и, без сомнения, по заранее согласованному с Клеопатрой плану Пердиккас заставил своего брата Алкитаса убить ее; она умерла как героиня. Это произвело ужасное впечатление на македонцев и стало главной причиной падения Пердикки.

СМЕРТЬ ПЕРДИККА

Вскоре после этого между Пердиккой и Антигоном, сатрапом Фригии, разгорелась война, в ходе которой Эвмен выступил в поддержку Пердикки. За этим последовала общая борьба, в которой Пердикку поддержал только Эвмен; все остальные, не только Птолемей, Антипатр и Антигон, но также Лисимах и Кратер, выступили против Пердикки.

Пердиккас, который был вынужден предпринять что-то, чтобы сохранить свою власть, теперь (321 г.) предпринял поход против Птолемея, которого он хотел изгнать из Египта, в то время как Эвмен защищался в Малой Азии.

Это предприятие, которое было действительно очень трудным, провалилось; Птолемей очень благоразумно укрепился за Нилом и отлично подготовился к обороне. Армия очень неохотно следовала за Пердиккой, и после нескольких недель и месяцев тщетных попыток прорвать линии Птолемея, среди его людей вспыхнуло восстание, и он был убит собственными войсками^[41] (321). Его власть длилась три года, начиная со смерти Александра, и в течение этого периода он всегда брал с собой Арридея. Антипатр, который еще до этого уехал в Малую Азию, теперь вышел на передний план в лагере. Генералы Пердикки с радостью заключили мир с Птолемеем.

Антипатр теперь взял на себя верховную власть в империи, которой ранее обладал Пердиккас, и все согласились с этим, потому что он находился на самом большом расстоянии.

Номинальные цари были теперь переданы Антипатру. Несчастный Филипп Арридей был женат на Эвридике, дочери Кины, — обстоятельство, которое представляет интерес только в связи с трагической судьбой дома Филиппа. Эвридика, из-за своей амбиции, теперь пыталась внести сумятицу в дела, но Антипатр взял ее и Арридея, а также Роксану и ее ребенка с собой в Европу и заставил их, пока он был жив, вести себя более скромно. В некотором смысле амбициозным македонским правителям в Азии, возможно, было неприятно, что члены королевской семьи находились в Македонии в руках Антипатра, но в то же время именно это обстоятельство проложило путь к их независимости.

Тогда же было предпринято новое распределение сатрапий, которое, однако, вскоре было сведено на нет Птолемеем, который силой стал властелином Финикии и Сирии и изгнал правителей этих провинций.

ПОДВИГИ ЭВМЕНА

[321-301 гг. до н.э.]

Тем временем в Малой Азии шла война между Эвменом, сатрапом Каппадокии, и Антигоном, сатрапом Фригии, на стороне Антипатра; в этой войне пал Кратер. Он пришел на помощь Антигону, но Эвмен одержал блестящую победу над ним, и Кратер лишился жизни. Но теперь против Эвмена поднялась буря: против него собирались превосходящие силы, которым он не мог противостоять. Иногда он одерживал успех, но в конце концов потерпел поражение.

Факты таковы. После смерти Пердика Эвмен, вместе с другими сторонниками Пердика, особенно его братом Алкитасом из Писидии, был объявлен вне закона на собрании македонской армии, которая в таких случаях представляла нацию. Антигон был уполномочен привести приговор в исполнение, и он также получил необходимые для этого средства, но использовал их для того, чтобы установить для себя более обширное господство.

Эвмен, проиграв сражение в Каппадокии перед Антигоном, заперся с пятьюстами людьми в горной крепости Нора в Каппадокии и распустил всю свою армию в надежде, что, если обстоятельства улучшатся, его солдаты будут притягиваться к нему, как к магниту. Он выдержал осаду в течение полугода. Затем, после тщетной осады в течение зимы, он сбежал от осаждающих, удерживая их, пока не собрал силы в других местах. Он бежал в Сирию, а затем в верхние сатрапии (которые не принимали участия в предыдущей войне) к Антигене из Сузы и Пеукестасу из Персии. Затем между Эвменом и Антигоном разразилась вторая война.

Смерть Антипатра, произошедшая в это время, сильно изменила все обстоятельства. Он назначил Полисперхона регентом, и тот призвал Олимпиаду снова выступить. Антигон, Кассандр и Птолемей (хотя последний не проявлял особой активности) выступили против него; Полисперхон, с другой стороны, связался с Эвменом от имени Олимпиады и ее внука и призвал его взять семью Александра под свою защиту.

Эвмен теперь появился в верхней Азии с полной властью от Олимпиады. Аргираспиды и большинство ветеранов Александра также находились в тех краях, по какой причине, мы не знаем. Они считали себя инвалидами, наслаждались полным досугом и жили в величайшем изобилии, как последователи норманнов в Англии. Все они были *сеньорами*. До сих пор они не присоединялись ни к одной из сторон и жили как народ мамелюков, почти в форме республики. Эвмен, имея полномочия Олимпиады, обратился к ним и переманил их на свою сторону. Сатрапы также заявили о своей поддержке, и он получил в свое распоряжение королевские сокровища. Имея в своем распоряжении эти средства, Эвмен в течение многих лет вел войну от имени Олимпиады и молодого Александра. В течение многих лет он преодолевал ревность македонских полководцев, которые ненавидели его как иностранца, и контролировал этих старых неверных воинов. Он убедил их покинуть свои веселые кварталы ради целей, которые он им изложил, следовать за ним и рисковать своей жизнью ради его личных целей; он руководил ими всеми, создавая видимость, что все они равны, и воздвигнув символический трон Александра.

Весь македонский мир теперь был разделен на две массы, которые сражались друг с другом как в Европе, так и в Азии. Кассандр сражался в Греции против Полисперхона, а Антигон в Азии против Эвмена, по-прежнему притворяясь, что он обязан выполнять постановления македонской армии против Эвмена.

Однако власть Антигона значительно усилилась благодаря войне, которую ему поручили вести: он не только стал правителем сатрапии Каппадокии в Западной Азии, принадлежавшей Эвмену, и других сатрапий в Малой Азии, таких как Писидия и Ликия, но также занял Мидию и промежуточные провинции, так что его власть простиралась от Геллеспонта до Персии. Он разместил свой штаб в Экбатане, откуда вел войну против южных провинций. Чтобы атаковать их, ему пришлось пройти через пустыню Рей и Ком, которая отделяет Фарс и Керман от Мидии. Там Антигон предпринял знаменитый поход через пустыню, чтобы атаковать союзников в их зимних кварталах; но то, как Эвмен обнаружил и сорвал его поход, гораздо более блестяще, поскольку он обманул своего врага и заставил его отказаться от своего плана, который не мог не увенчаться успехом, и отступить. На восьмой год после смерти Александра Антигон завершил войну против Эвмена, атаковав его с гораздо превосходящими силами. Пеукестас проявил себя как жалкий человек, но Антигон вел войну самым умелым образом. В конце концов (316 г. до н. э.) он разгромил союзников и захватил огромный восточный обоз и их гаремы, которые они везли с собой; и чтобы вернуть их, они заключили мир с Антигоном. Это была цена, за которую несчастный Эвмен был выдан своими собственными войсками, как Карл I был выдан шотландцами. Антигон с удовольствием спас бы его, но был вынужден принести его в жертву национальной ненависти македонян к грекам.

ИМПЕРИЯ АНТИГОНА

Эта война утвердила господство Антигона, который благодаря своей победе над Эвменом и подчиненными ему сатрапами получил верховенство над их провинциями и теперь владел обширной империей. Он был первым, кто проявил достаточно мужества, чтобы отказаться от всякого лицемерия, и в 306 г. до н. э. принял диадему и царский титул. До этого никто не осмеливался сделать это, так же как Наполеон долго колебался, прежде чем принять императорский титул. Антигон был уже в преклонном возрасте, примерно одного возраста с Пердиккой и несколько моложе Антипатра (который был самым старшим среди полководцев), если принять во внимание возраст, в котором он умер в 301 году до н. э. Он был одним из старых офицеров Филиппа и притом хорошим. По сути, как и большинство из них, он был не более чем солдатом, но по способностям превосходил большинство из них. Среди тех, кто боролся за империю (если не считать Эвмена-чужеземца и Кратера, которые погибли рано), он и Лисимах были, вероятно, лучшими. Помимо Антипатра и его сына Кассандра, только они были настоящими полководцами. Птолемей отличился только умелой защитой Египта от Пердика; впоследствии, в войне против Антигона, о нем нечего особо сказать.

Тем временем в Македонии произошли большие изменения. Антипатр вел себя спокойно в последние годы: он правил от имени Арридея и маленького сына Александра, которому на момент его смерти не было еще и семи лет. Геракл был старше, но незаконнорожденным и считался неспособным наследовать отцу: он тоже находился в Македонии со своей матерью Барсиной. Антипатр держал царскую семью в Пелле в роскошном плену, в то время как сам жил в величайшей простоте.

Но когда его конец приближался, он принял необычное решение относительно регентства (319 г. до н. э.). Двое из его сыновей были еще живы: один, Иоллас, который, как говорили, отравил Александра, был мертв, но Кассандр и Филипп были еще живы. Антипатр не передал регентство и свою власть ни одному из них, а передал ее незначительному эпиротскому принцу по имени Полисперхон или Полиперхон.

ПОЛИСПЕРХОН ПРОТИВ КАССАНДРА

Это соглашение сделало Кассандра и Полисперхона врагами. Как только отец закрыл глаза, а Полисперхон приступил к управлению, Кассандр покинул Македонию, отправился к Птолемею в Египет, собрал войска и приготовился к нападению на Полисперхона. Он был сознавал свое превосходство: он был человеком, который в сложных ситуациях умел выпутываться; он был полководцем, который мало предпринимал, но был очень осторожен в том, что предпринимал, и был замечательным инструментом в мести за жестокость Александра по отношению к грекам. Антигон и Птолемей, как мы уже упоминали, присоединились к нему, хотя последний не принимал активного участия в войне, стремясь прочно установить свое господство во внутренних районах.

Началась война, которая принесла несчастной Греции страшные разрушения; разорения повторялись постоянно, пока страна не была полностью разрушена, то есть полностью уничтожена.

Однако эта война между двумя претендентами на македонскую корону и опеку над несчастной королевской семьей принесла еще больше страданий Македонии, чем бедной Греции.

Полисперхон поддерживал Олимпиаду, с которой его связывала национальная принадлежность. Она все еще жила среди своих соотечественников в Эпире, куда уехала еще при правлении Александра. Тот факт, что Закид, мелкий князь молоссов, изгнанный ею, теперь поддерживал ее и из-за этого навлек на свою семью большие беды, показывает, что национальные узы были сильнее, чем узы, возникающие из семейных связей. Полисперхон, как мы уже говорили, связался с Олимпиадой и призвал ее вернуться в Македонию и взять на себя управление страной в качестве опекуна своего внука Александра, сына Роксаны. Она с готовностью приняла это предложение, и теперь оба они установили связи с Эвменом.

Последний получил от Олимпиады полную власть действовать по своему усмотрению, как если бы он был *лейтенантом короля*, и это побудило аргираспидов и сатрапов Верхней Азии выступить в его пользу. Олимпиада, однако, по-видимому, осталась в Эпире. Эвридика, с другой стороны, присоединилась к партии Кассандра, и вражда между двумя царицами стала причиной гражданских войн в Македонии. Полисперхон, по-видимому, был менее амбициозен и довольствовался званием первого генерала.

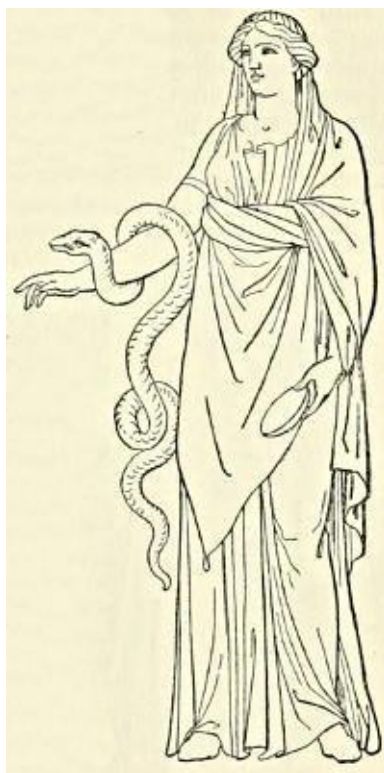
В то же время Полисперхон также стремился заручиться поддержкой греков и от имени царя обратился к ним с прокламацией, в которой он, используя язык искреннего сочувствия, заявлял, что греки не должны вменять царю жестокость, с которой они столкнулись со стороны генералов (Антипатра и Кратера); что он не одобрял и не знал о них; что он не одобряет изменения в их конституции и что они должны быть восстановлены в том виде, в каком они были при Филиппе и Александре ( ). Кроме того, все изгнанные греки, за исключением нескольких, должны были вернуться. Для осуществления этой меры Полисперхон отправился в Грецию.

Кассандр появился с несколькими тысячами солдат, которых он собрал в Азии. С этой небольшой армией он начал войну, описанную в другом месте, в которой он восстановил власть своего отца и многое другое. Когда Кассандр утвердился там, Полисперхон больше не нападал на него, а обратился к Пелопоннесу, чтобы осуществить свои указы.

В то время как Полисперхон и Кассандр сражались друг с другом в Греции, Олимпиада правила в Македонии с трагической яростью. Македонцы ненавидели и презирали ее как личность и как иностранку, и она хорошо это знала. Она помнила, что старая национальная партия в Македонии считала Александра сыном иностранца, что, с другой стороны, брак Филиппа с Клеопатрой, племянницей Аттала, был встречен всеобщим ликованием, и что она была вынуждена уйти вместе с Александром. Поэтому она считала настоящих македонцев своими личными врагами, и чем страшнее был ее характер, тем больше она раздражалась и тем больше предавала себя актам яростной жестокости. Рассказы об этом, безусловно, не преувеличены, поскольку в этот период мы движемся по совершенно исторической почве, хотя это и бесплодная и истощенная почва, которая не дает ни одного цветка поэзии. История того времени вполне достоверна, но мы можем радоваться, что у нас нет очень подробных описаний этого периода.

Среди жертв Олимпиады мы находим ее пасынка, бедного Арридея, и его несчастную жену Эвридику, дочь Кинаны. Эту Кинану она преследовала всеми способами как смертельную врагиню, а Эвридику она считала внучкой соперницы. В молодости Филипп любил Олимпиаду, но потом он был потрясен ею и отдалился от нее; она стала ему ненавистна. Он жил в дикой полигамии, и его любовницы были для нее предметом поистине восточной ненависти. Эвридика, внучка такой соперницы, была молода, жива и столь же амбициозна. Олимпиада питала к ней ненависть увядающего возраста и злобное отношение к свежести молодости. Необходимо также иметь в виду, что мать Эвридики была замужем за Аминтасом, лидером партии, изгнавшей Олимпиаду из Македонии. Ее мать, Кинана, была смелой женщиной, и Эвридика была человеком с таким же характером; она хотела править от имени своего мужа.

Гигея

(по мотивам «Надежды»)

В то время как Полисперхон завязывал отношения с Олимпиадой, Эвридика вступила в отношения с Кассандром. Олимпиада, по-видимому, все еще находилась в Эпире, когда Полисперхон отправился в Фокиду, а оттуда — на Пелопоннес. Он взял с собой в этот поход Арридея, но впоследствии, должно быть, отправил его обратно в Пеллу. Олимпиада вернулась в Македонию с армией эпиротов и этолийцев, которой противостояли Эвридика ( ) и македонские войска. Олимпиада использовала влияние своего имени и имени своего сына, чтобы переманить на свою сторону сторонников Эвридики. Македонцы были крайне ненадежными и, по-видимому, переходили на сторону противников не только из-за подкупа, но часто и по простой прихоти; и только после того, как власть Антигонидов укрепились, эта неверность прекратилась. Эвридика и Арридей, брошенные македонцами, попали в руки Олимпиады, которая приказала казнить их. Желая насладиться их смертью, она сначала намеревалась убить их голодом и приказала замуровать их в подземелье, давая им немного еды. Но поскольку это длилось слишком долго, Олимпиада, потеряв терпение и опасаясь, что может возникнуть бунт, приказала вскрыть подземелье и убить безобидного идиота фракийцами. Эвридика была вынуждена выбрать способ своей смерти и умерла с большой твердостью. Олимпиада теперь выдвинула своего маленького внука Александра с его матерью Роксаной. Таким же образом она обрушилась на весь дом Антипатра, один из сыновей которого был также убит.

[316 г. до н. э.]

Но жестокость Олимпиады вызвала недовольство и восстание среди беспокойных и мятежных македонцев. Когда Полисперхон был вынужден отступить из Мегалополиса, большинство греческих городов выступили на стороне Кассандра. Таким образом, Кассандр закрепился в Греции; и пока Полисперхон отступал, Кассандр последовал за ним в Македонию, где народ провозгласил его правителем, и только Пелла, Пидна и Амфиполь

выступили против него. Олимпиада со своим внуком Александром, Роксаной и другими бежала в Пидну. Полисперхон был покинут своими войсками, подкупленными Кассандром, и был вынужден бежать с несколькими верными сторонниками в Этолию.

Костюм молодого человека из высших слоев общества

Олимпиада оказалась запертой в Пидне; город был расположен совсем близко к морю, и никто не был склонен оказать ей помощь. Евмен в то время находился в Верхней Азии, участвуя в войне против Антигона. Если бы Антигон, как он сам того желал, примирился с Евменом, последний мог бы выступить посредником от имени Олимпиады; но в любом случае помощь с этой стороны пришла бы слишком поздно. Осажденные в Пидне страдали от страшного голода, и Олимпиада была вынуждена сдаться. Она просила пощадить ее жизнь, и Кассандр обещал ее пощадить, но не имел намерения сдержать свое слово. Вдовы и сироты тех, кто был убит Олимпиадой, выдвинули против нее обвинения перед македонянами, которые снова собрались на *Марсовом поле*. Олимпиада не явилась и была приговорена к смерти. После этого она заявила о своей готовности предстать перед судом македонцев, но Кассандр приказал казнить ее, сказав, что он должен подчиняться воле народа.^а Олимпиада получила предупреждение, что она должна подготовиться к смерти. Она надела королевские одежды и, опираясь на двух своих женщин, вышла навстречу солдатам. Даже они были настолько потрясены величиим ее присутствия и бесчисленными великими воспоминаниями, связанными с ее именем, что не смогли привести в исполнение приказ Кассандра. Он был вынужден поручить кровавое дело тем, кто ее обвинил и кто был достаточно жаждет мести, чтобы взяться за это сам. Она подчинилась своей судьбе с непоколебимой твердостью, не уклоняясь от их мечей и не произнося ни слова, недостойного ее рода и судьбы.^б

Молодой Александр и его мать Роксана были отправлены в Амфиполь, где некоторое время содержались в строгом заключении, а затем казнены. Геркулес, сын Барсины, был также убит, причем тоже Полисперхоном, но когда именно это произошло, точно установить

невозможно. Полисперхон теперь исчезает из истории. Его сын Александр еще некоторое время продолжал играть определенную роль, но это длилось недолго.

После падения Олимпиады все остальные города, которые до того времени сопротивлялись, открыли свои ворота Кассандру, и теперь он был царем Македонии, не имея царского титула.

Примерно в то же время Антигон, победив Эвмена, стал властелином всей Азии, в то время как Лисимах правил во Фракии, а Птолемей — в Египте. Не нужно говорить, что власть Антигона в самых восточных сатрапиях была лишь номинальной или вовсе не существовала, но в отношении Вавилонии, Персии и других внутренних провинций дело обстояло иначе, поскольку там он действительно правил как господин. Но ни один из князей еще не принял царский титул. Таково было положение дел в 316 году до н. э.

В междоусобицах, которые отныне возникают между правителями, на сцену уже выходит молодое поколение, которое ни в коем случае нельзя сравнивать со старшими, выпускниками школы Филиппа. Селевк был одним из этих молодых людей; он еще не прославился, но, возможно, познакомился с войной еще во времена Филиппа. Он был примерно одного возраста с Александром и во всех смыслах был *enfant de la fortune*, который поднялся только благодаря своей необычайной удаче. [Его царство и его последователи, известные как Селевкиды, будут рассмотрены в одной из следующих глав.] Антигон завоевал для себя империю с помощью военных кампаний, трудов и лишений; он потерял один глаз, а в конце концов и жизнь. Птолемей был соратником Филиппа и прославился под началом Александра. О Кассандре мы уже говорили; а Лисимах был вынужден завоевать Фракию, владением которой он теперь наслаждался.

Ему было дано завоевать эту страну, поскольку она не была сатрапией, а находилась под управлением Антипатра. Страна стала данницей еще во времена Филиппа, но сохранила свои древние династии. Князья одрисов, хотя и зависели от Филиппа и были ослаблены им, все еще существовали; и во время правления Александра Фракия всегда была объединена с Македонией. Но после его смерти Пердикка разделил две страны с целью ослабить Антипатра и превратил Фракию в сатрапию, которую он отдал Лисимаху, а Лисимах подчинил ее.

ЛИСИМАХ

Неизвестно, был ли Лисимах фессалийцем или македонцем. Он был капитаном королевской гвардии и очень известен, особенно благодаря своей львиной храбрости. Когда Каллисфен был подвергнут пыткам Александром ( ), Лисимах, увидев его ужасное состояние, из сострадания дал ему яд — смелый поступок при тиране с таким характером, как Александр. Эта история показывает, что Лисимах считался человеком независимым в своих взглядах, сохранившим свой свободный и гордый дух, когда Александр уже стал восточным деспотом.

Он создал свою империю с помощью небольших средств и большую часть своей жизни был достаточно разумным, чтобы довольствоваться своим владением. Только в старости амбиции одолели его и увлекли, хотя, возможно, не без более глубоких мотивов и желания спасти себя. Однажды он пересек Дунай в тщетной попытке завоевать земли за рекой; возможно, это была лишь попытка отразить вторжение народов севера. Ему предстояло решить сложную задачу — покорить диких и воинственных фракийцев, чья страна кажется нам, северянам, прекрасным южным раем, но была ужасна для греков из-за сурового арктического холода; и этот ужас усугублялся дикими нравами жителей. Однако на побережье находились большие и великолепные греческие города, а также прекрасный

Херсонес. Мы мало знаем о правлении Лисимаха и даже не знаем, проживал ли он в Византии или где-то еще. Позднее, во время войны с Антигоном, он, по-видимому, проживал в Азии, в Сардах или Эфесе.

КАССАНДР У ВЛАСТИ

[316-307 гг. до н. э.]

Когда Кассандр завладел Македонией, он истребил семью Александра, и никто не поднял руку в их защиту. Аристобул, который хотел вмешаться, был выдан и принесен в жертву. Поэтому примечательно, что он женился на Фессалонике, единственной выжившей дочери Филиппа; но это могло быть вызвано гордостью узурпатора или надеждой таким образом укрепить свое господство. Его правление в Македонии было одновременно полным господством над Грецией, за очень редкими исключениями, одним из которых была Спарта.

Фивы были восстановлены Кассандром сразу после завоевания Македонии (316 г. до н. э.), поскольку, ненавидя Александра, он уничтожил все, что тот создал. Благодаря владению фиванской территорией беотийцы были настолько связаны с интересами Македонии, что возник вопрос о целесообразности восстановления Фив. Неизвестно, вызывали ли они подозрения Кассандра. Было очень трудно убедить беотийцев согласиться на восстановление; во всей остальной Греции это считалось актом величайшей справедливости и, по-видимому, было общим национальным утешением.

Примерно в то же время Кассандр основал Кассандрею, что является замечательным доказательством его практической мудрости. Филипп истребил или продал греческое население македонского побережья, за исключением Амфиполя и Пидны. Одним из этих разрушенных городов была Потидея, которая сначала была колонией Коринфа, но впоследствии принадлежала афинским клерухам. Теперь на этом месте Кассандр собрал не только многих чужеземцев, но и всех греков, особенно олинфян, которые еще остались в живых после разрушения их города, и построил Кассандрею. На месте незначительного городка Терма он основал Фессалоники, которые назвал в честь своей жены. Этот поступок также свидетельствует о большой практической мудрости. Салоники, расположенные в прекрасной гавани и в плодородном районе, теперь расширились и стали главным торговым центром Македонии, который сохраняется до наших дней. Кассандрея (ныне Кассандра) вскоре стала великой и могущественной; она часто разрушалась, но всегда восстанавливалась; ее положение было настолько удачно выбрано, что она естественным образом всегда восстанавливалась.

Таково было положение Греции в то время, когда появление Деметрия Полиоркета, сына Антигона (307 г. до н. э.), взбудоражило все, не принеся никакой пользы. Еще до этого он активно участвовал в войне против Птолемея.

Поражение и смерть Эвмена принесли Антигону огромную монархию, простиравшуюся от Геллеспонта до Индии. Согласно раннему принципу баланса сил, другие теперь требовали, чтобы он отказался от части своих завоеваний; они даже считали необходимым, в интересах справедливости и баланса сил, чтобы страны верхней Азии образовали отдельное государство.

Селевк, дитя удачи, был предназначен получить эту империю; человек, который был любимцем судьбы, но ничем не отличался как герой или государственный деятель. В том же году (316 г. до н. э.), когда Кассандр завоевал Македонию, а Антигон, после победы над Эвменом, вернулся из Верхней Азии, Антигон намеревался приказать арестовать Селевка в Вавилоне. Но тот сбежал, и халдеи предсказали Антигону, что судьба его семьи зависит от

этого дела. Легко было предсказать начало, но не конец, потому что Селевкиды не свергли Антигона. Селевк отправился к Птолемею, которого он убедил начать войну против Антигона.

Так в 316 году до н. э. началась вторая или третья великая внутренняя война между македонскими князьями — мы говорим «вторая или третья», потому что возобновление войны в 318 году до н. э. можно рассматривать либо как продолжение первой, либо как вторую войну. В этой войне Антигон поссорился с Кассандром, а Птолемей объединился с Кассандром и Лисимахом против Антигона. Лисимах, однако, был достаточно хитрым, чтобы держаться в стороне, насколько это было возможно, и Кассандр тоже сначала принимал в ней гораздо меньшее участие, чем Птолемей. Вначале, собственно говоря, против друг друга выступили только Антигон и Птолемей.

Война сначала велась главным образом в Сирии и на Кипре. Птолемей захватил Келе-Сирию и южную Финикию. Антигон теперь направил свои войска против него и поначалу в целом добился успеха, так что он стал властелином Сирии и большей части Кипра, пока на четвертый год войны Деметрий Полиоркет не проиграл битву при Газе против Птолемея, о чем мы поговорим ниже.

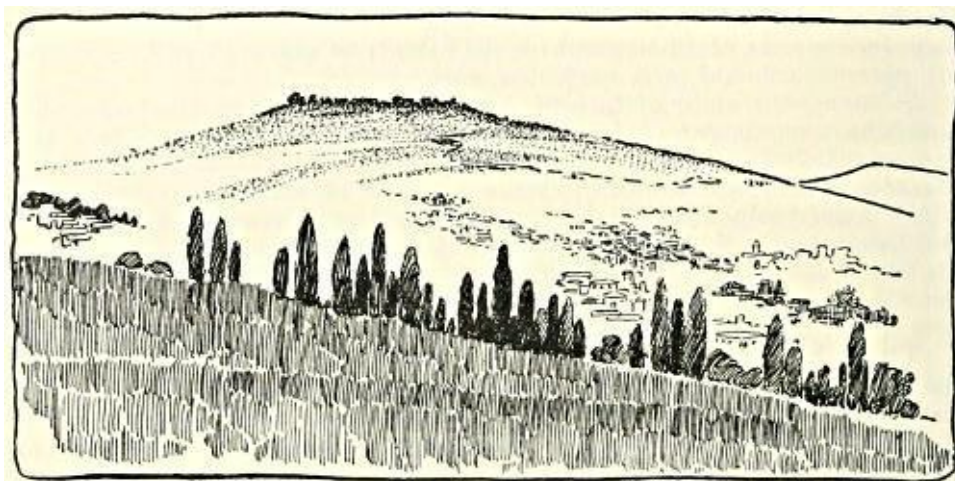
Тем временем, однако, генералы Антигона вели войну в Греции против Кассандра с 315 г. до н. э. до конца 312 г. до н. э. Стоит отметить, что и Антигон, и Птолемей считали греков достаточно важными, чтобы пытаться завоевать их благосклонность, провозгласив эту борьбу войной за независимость греков; оба они, однако, не имели никаких серьезных намерений такого рода. В самый первый год войны Антигон послал Аристодема из Милета с флотом и большими суммами денег в Грецию, вероятно, с единственной целью отвлечь внимание Кассандра и помешать ему переправиться в Азию.

[312-311 гг. до н. э.]

Это принесло Греции невыразимые страдания. Каждый город был слишком слаб и мало склонен к самообороне; каждый бросался в объятия той стороны, которая случайно оказывалась у его ворот. Александр, сын Полисперкона, остался в Пелопоннесе, обосновавшись в основном в Коринфе и Сикионе; теперь он присоединился к Антигону, от которого получил деньги и войска. Он и Аристодем также набирали солдат в Греции, и теперь война разразилась, особенно в Пелопоннесе. Кассандр, прорвавшись на полуостров, завоевал Кенхрей, порт Коринфа.

Но внезапно Александр предал Антигона и вероломно заключил мир с Кассандром от своего имени и от имени своего отца. Таким образом, Аристодем был изгнан из Пелопоннеса и отправился в Этолию, откуда он вел войну против соседних стран Пелопоннеса, Ахайи и Элиды. Лозунгом всегда было «Свобода и автономия для Греции», но, несмотря на это, города подвергались ужасающим зверствам. Во время первой кампании основным театром военных действий были Аркадия и Арголида, а во время второй — Элида и Ахайя. Почти вся Ахайя была опустошена во время этой кампании, а Патра и Эгион были захвачены. Затем Александр был убит, и его вдова Кратесиполис, сохранив власть над Коринфом и Сикионом, правила там почти как абсолютная царица.

Сцена в Сирии

Но Кассандр перенес войну в Этолию; эти события придали конфликту все большее значение, и акарнаны, начав опасаться, бросились в объятия Кассандра и македонцев. Теперь, получив поддержку Кассандра, они пытались избавиться от своих связей с этолийцами. В следующем году началась война Кассандра против Этолии.

В 312 г. до н. э. Антигон провел большие приготовления и под командованием Птолемея, сына своей сестры, послал армию в Грецию, в частности в Беотию, которая была возмущена Кассандром за то, что он заставил ее отказаться от территории Фив. Вместе с ними Птолемей завоевал Халкиду, и везде, куда они приходили, им удавалось изгнать гарнизоны Кассандра, у которого в Греции не осталось ни одного города, кроме Афин, который был на его стороне. Но в то время как Антигон одерживал победы там, он терял позиции в других частях страны, и поэтому в 311 г. до н. э. он был вынужден заключить мир со своими противниками.

[312-308 гг. до н. э.]

В Сирии Антигон поручил верховное командование против Птолемея и Селевка своему сыну Деметрию, который тогда был еще очень молодым человеком. Этот Деметрий играет очень заметную роль в истории. Ему выпала честь быть описанным в биографиях Плутарха — честь, которую мы вполне могли бы не даровать Деметрию, поскольку он был презренным человеком. Мы знаем о нем, частично из биографий Плутарха, а частично из ряда анекдотов Афиня, что он был самым беспринципным и отвратительным человеком из всех существующих: его вероломные поступки по отношению к Александру, сыну Кассандра, — не единственное, за что он заслуживает нашего презрения. Он был также сластолюбивым человеком самого вульгарного и презренного типа; он наслаждался грязью, в которой купались самые низкие развратники; он был совершенно бессердечным человеком, не знавшим дружбы; его единственными друзьями были самые низкие существа, соратники его похотей. В конце концов, Кассандр был способен различать людей, заслуживающих уважения, как он показал при выборе Деметрия Фалерийского; так же поступал и Птолемей; но мы знаем, что Деметрий Полиоркет жил в Афинах в тесном общении с самыми презренными и отверженными людьми того времени. Он также проявлял по отношению к своим солдатам неблагодарность и бессердечность, которые вызывали отвращение; они были ему совершенно безразличны, и он рассматривал их только как свои инструменты. Они совершали для него великие дела, но он всегда без зазрения совести жертвовал ими, оставляя на следующий день на гибель тех, кто накануне спас ему жизнь. Кроме того, он был азартным игроком, чью скучную апатию могли возбудить только большие перемены в

судьбе, и который ставил на карту все. Он примечателен своей огромной удачей: «Удача подняла его выше всякого воображения, а затем покинула его, но когда он казался полностью потерянным, она снова протянула ему руку», — говорит Плутарх в стихе, который он применяет к нему.

Такой человек не заслуживал бы никакого внимания, если бы не то, что он сыграл важную роль и что природа наделила его большими способностями, особенно в механике, в соответствии с увлечением того века механическими науками. В этом отношении, как и во многих других, его можно сравнить с современным человеком, регентом Филиппом Орлеанским, который, однако, был гораздо лучшим человеком. Деметрий был великим изобретателем в области механики и многое сделал для совершенствования военного инженерного дела: это заслуга, которую он не присвоил себе несправедливо, но он в полной мере заслуживает свою репутацию в этом отношении. Незадолго до этого механика получила большой импульс в военном деле, и были усовершенствованы машины всех видов. Машины, которые на протяжении веков оставались неизменными, теперь, отчасти благодаря прогрессу математики, а отчасти благодаря увеличению богатства, которое можно было на них потратить, были усовершенствованы за один год больше, чем раньше за несколько столетий.

Деметрию было восемнадцать лет, когда Антигон поручил ему командование армией против Птолемея. Первая попытка закончилась неудачей, поскольку в Газе он потерпел полное поражение, и Птолемей вновь овладел Келе-Сирией. Птолемей вел войну в духе великодушия, поскольку, объявив ее гражданской войной между македонцами, он освободил пленных без выкупа, чем завоевал расположение македонцев. Антигон теперь сам взял на себя командование, а Птолемей вновь эвакуировал города Келе-Сирии и разорил их.

Затем был заключен мир, но он продлился недолго. Кассандр убедил Птолемея, племянника Антигона, который находился в Беотии, а также другого генерала на Геллеспонте, поднять восстание. Однако Антигон вскоре вернул эти земли. В том же году Птолемей захватил Кипр и распространил свою власть на побережье Малой Азии.

В следующем году Птолемей, до того бывший союзником Кассандра, появился с флотом в Греции. Вероятно, беотийцы и пелопоннесцы призвали его на помощь против Полисперкона, и он имел хороший повод заявить, что пришел отомстить за убийство Роксаны и Александра. Кратесиполь сдался ему, уступив ему княжество Аргос и Сикион, поскольку не мог больше удерживать эти города; но нанять наемников было нелегко: это удалось сделать только с помощью хитрости. Впоследствии пелопоннесцы не спешили выполнять свои обещания, а сам Птолемей, вероятно, не придавал большого значения этому завоеванию. Поэтому он заключил договор с Кассандром, по которому он получил владение Пелопоннесом, за исключением Аргоса и Сикиона.

[308-306 гг. до н.э.]

Антигон отправил своего сына Деметрия с флотом в Грецию. Никто там не был готов пожертвовать собой ради Кассандра, у которого не было флота, так что он не мог предпринять ничего против Деметрия. Последний неожиданно появился перед Пиреем: гавань не была закрыта, он высадился и быстро захватил Пирей, прежде чем удалось занять посты. Он немедленно объявил, что экспедиция была предпринята с целью восстановления свободы и автономии Афин, и его соответственно встретили с энтузиазмом. Македонский гарнизон под командованием Дионисия заперся в Мунихе, и между Деметрием Полиоркетом и городом начались переговоры. Деметрий Фалерей был отправлен в качестве посла в лагерь в Пирее: Деметрий обещал афинянам амнистию, город был объявлен свободным, и

была восстановлена древняя демократическая конституция; но Деметрий Фалерей был сослан в изгнание.

Деметрий Полиоркет теперь осаждал македонцев в Мунихе. Он не собирался идти в Афины, пока не взял эту крепость; сначала она была блокирована, пока шли приготовления к осаде. Пока строились осадные машины, Деметрий выступил на Мегару, где находился гарнизон Кассандра. Город был взят штурмом и разграблен, и только по настоятельной просьбе афинских послов его жители были спасены и не были увезены в рабство. Затем он вернулся в Пирей, где атаковал Мунихию, пока слабый гарнизон, изнемогая, не был вынужден через несколько дней сдаться, после чего он ушел. Укрепления были снесены до основания, а место отдано афинянам. Афины теперь были свободны, но Деметрий, для защиты афинян, оставил там гарнизон из своих войск. После этого он некоторое время оставался в Афинах, где его встретили с энтузиазмом, как описано в других источниках.

Если бы Деметрий остался в Афинах и продолжил войну против Кассандра, он мог бы легко завоевать всю Грецию, но его отозвал его отец Антигон, потому что Птолемей стал властелином Кипра. Примерно в месяц Гекатомбеон Деметрий отплыл на Кипр; и теперь, благодаря блестящей победе Деметрия над Менелаем, братом Птолемея, близ Саламина на Кипре, Антигон и Деметрий завоевали господство на море. Кипр был отвоеван. Менелай со всеми своими силами на острове был вынужден капитулировать, и таким образом, все море вокруг оказалось под властью Антигона и его сына. Но экспедиция, которую они вдвоем предприняли против Египта, оказалась неудачной.

ПРИНЯТИЕ ЦАРСКОГО ТИТУЛА

[307-305 гг. до н.э.]

До сих пор ни один из князей не принимал титула царя, но после победы при Саламине Антигон взял диадему для себя и своего сына. Сразу после этого Птолемей, Кассандр, Лисимах и Селевк сделали то же самое ; и годы теперь считались от их вступления на престол (306 г. до н.э.): это и есть так называемые македонские эры.

Деметрий теперь отсутствовал в Афинах в течение трех или почти четырех лет; в это время город был предоставлен сам себе, и это было тяжелое время. Мы можем легко представить себе, что Кассандр не бездействовал и пытался вернуть Афины, которые были для него так важны. Он владел Панактом и Филами и нанес городу тяжелейшие страдания. Эта война, без сомнения, должна рассматриваться как одна из главных причин ужасной нищеты, в которой мы впоследствии находим Афины, ибо нет никакого сомнения, что вся территория была опустошена во время набегов из Панакта и Фил. В этой войне Демохарес был стратегом Афин и, располагая только ее ресурсами, он в течение четырех лет самым умелым образом действовал против Кассандра, пока не вернулся Деметрий.

Согласно порядку, соблюдаемому Трогом Помпеем, но не согласно порядку Юстина, который здесь совершенно необоснованно опустил многое, мы теперь переходим к походу Деметрия на Родос, состоявшемуся через год после неудачной экспедиции на Египет.

ОСАДА РОДОСА

[305-304 гг. до н.э.]

Соленая и вяленая рыба из Эвксинского моря была предметом широкого потребления в Египте, и именно для этой торговли Родос был естественным перевалочным пунктом. В результате этого родосцы и Птолемеи были естественными друзьями и союзниками, и

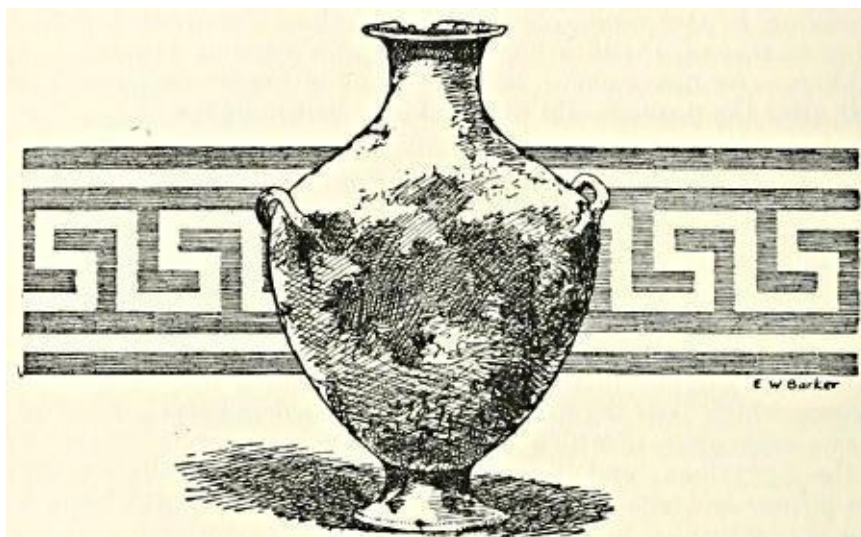
Родос ни в коем случае не мог отделиться от Египта; все его существование зависело от торговых преимуществ, которые даже первый Птолемей предоставил ему. Таким образом, Родос был слабым местом, в котором Деметрий Полиоркет и Антигон могли атаковать египтян; и для Египта это было бы огромной потерей, если бы два принца завоевали остров, владение которым было для них одинаково важным.

Военные действия начались с того, что Деметрий захватил родосские торговые суда, плывшие в Египет; это был первый в древности случай захвата нейтральных судов. Родосцы ответили тем же, захватив корабли Антигона, который теперь объявил эту меру актом открытой вражды, и Деметрий получил приказ осадить Родос. Пока Антигон занимался приготовлениями, родосцы, видя, что флот Птолемея был разгромлен, попытались заключить мир, но предложенные им условия были такими, что они не могли их принять. Антигон требовал сто заложников, которых он сам должен был выбрать, право свободно использовать гавань Родоса для своих военных кораблей и безусловный союз против Птолемея. Эти условия были отвергнуты родосцами.

Тогда Деметрий высадился на Родосе. Его приготовления были огромны: решимость родосцев мужественно защищаться не вызвала сомнений, и поэтому были предприняты все усилия, чтобы заставить их сдаться силой. Деметрий появился с двумя сотнями военных кораблей, ста семьюдесятью транспортными судами и множеством небольших судов; говорят, что он взял на борт не менее сорока тысяч человек, частично моряков, частично солдат. Он собрал свои войска в Лориме, напротив Родоса, и во время перехода море между Карией и Родосом было покрыто его кораблями. Он высадился без сопротивления, построил гавань для своих военных кораблей и приблизился с осадными машинами. Тем временем весь остров был захвачен, страна Эвбея ( ) была опустошена, и все, кто не бежал в город, были увезены в рабство.

Пока Деметрий так располагался лагерем перед стенами города, родосцы предпринимали самые необычные приготовления. Их граждане были призваны под оружие; при переписке было обнаружено, что только шесть тысяч человек были способны носить оружие, и не более тысячи метеков и чужеземцев, которые были готовы верно взять на себя оборону. Сначала они, по-видимому, не нанимали наемников, но позволили своим рабам взять в руки оружие, а после окончания войны наградили их свободой и правом голоса.

Эта осада столь же интересна и важна, как осада Родоса под командованием Сулеймана против благородного великого магистра де л'Иль Адама в 1522 году, которая была одной из самых героических оборон в современной истории. Точно так же осада древнего Родоса является одним из самых славных достижений в поздней истории Греции.

Деметрий наконец устал, поняв, что игра не стоит свеч. Осада могла бы продлиться еще несколько месяцев, и эта перспектива вызывала у него нетерпение, поскольку он терял огромное количество людей и кораблей. Вдобавок к этому, Кассандр полностью брал верх в Греции, а Антигон обнаружил, что все вокруг восстают против него. Соответственно, Деметрий, при посредничестве Афин и нескольких других греческих городов, заключил мир, которым он надеялся спасти свою честь. Он был основан на условиях, которые родосцы были готовы принять с самого начала: они должны были помогать Антигону и Деметрию во всех других войнах, но не против Птолемея, «а поскольку войны двух принцев были направлены главным образом против Птолемея, родосцам гарантировался нейтралитет». Кроме того, они должны были сохранить свою городскую свободу, а также всех своих подданных.

Деметрий теперь вернулся в Грецию. Кассандр блокировал Афины, пока Деметрий осаждал Родос; и теперь последний появился с очень значительным флотом, чтобы освободить Афины. Он высадился в Аулисе на Эврипосе ( ), между Оропом и Халкидой, чтобы подойти с тыла к Кассандру и заставить его отступить из Афин. У Деметрия был хороший порт в Аулисе. Халкида находилась в руках Кассандра и имела беотийский гарнизон, но это было большое, запустевшее место, и его легко было взять. Чтобы не оказаться в окружении, Кассандр был вынужден отступить и прошел через Беотию в направлении Фессалии. Ему удалось добраться до Фермопил; Деметрий преследовал его, и Гераклея сдалась ему, а шесть тысяч македонских солдат объявили о своей поддержке.

[304-301 гг. до н. э.]

Затем Деметрий вторгся в Аттику, завоевал Панактум и Филы, которые были заняты Кассандром и через которые он контролировал Аттику. Афиняне с энтузиазмом приняли Деметрия как своего благодетеля. Все, что могла придумать нахальная лесть, было исчерпано, и то, что делалось теперь, имело характер карикатуры.

Из Афин Деметрий совершил несколько походов в разных направлениях, но город оставался его штаб-квартирой. Во время этих походов опустошение страны все более усиливалось, и удивительно, что Аттика не превратилась в полную пустыню уже в то время.

Весной 303 года Деметрий вторгся в Пелопоннес, который находился в руках Кассандра и Птолемея, и вновь проявил себя на поле боя как отличный и активный полководец. Он завоевал Коринф, Сикион, Буру и Эгион. Затем он предпринял экспедицию со своим флотом в Леуку и Коркиру. Коркиряне были врагами Кассандра. Пока Деметрий был занят в тех краях, римляне продвинулись до крайней точки Мессапии и, соответственно, оказались очень близко к Деметрию.

Оттуда Деметрий вернулся в Коринф, где созвал конгресс греков, первый после времен Александра. Там он был провозглашен гегемоном греков, а весной отправился в Афины, где афиняне, украшенные венками, вышли ему навстречу и приняли его как бога, сопровождая ладаном и процессиями.

После этого Афины должны были выплатить военную контрибуцию в размере 250 талантов, которые Деметрий на глазах у народа раздал своим куртизанкам, высмеивая афинян. Подобные вещи, естественно, довели народ до ярости.

Деметрий теперь был хозяином большей части Греции. В следующем году он собрал большую армию своих союзников и прошел через Халкиду в Фессалию с пятьюдесятью шестью тысячами человек, чтобы встретиться с Кассандром. Он отнял у него большую часть Фессалии, а затем, после того как оба безрезультатно сражались друг с другом, они расстались, поскольку Деметрий был вызван в Азию своим отцом, потому что там против него была сформирована большая коалиция. Поэтому, чтобы уйти с честью, Деметрий заключил мир с Кассандром, в котором Греция была объявлена свободной, а затем переправился в Азию.

ПАДЕНИЕ АНТИГОНА

[301-300 гг. до н. э.]

Селевк, который теперь был хозяином Вавилона и верхних сатрапий, без особых усилий покорив весь Иран вплоть до Индии, вместе с Птолемеем, Кассандром и Лисимахом сформировал коалицию против Антигона. Это первый известный в истории случай создания большой коалиции князей равного ранга и равной независимости. Антигон, который теперь владел только Малой Азией, Кипром, частью Сирии и большей частью Греции, таким образом, столкнулся с противодействием со стороны всего остального македонского мира; и именно против этой коалиции Деметрий ввел свою армию в Малую Азию ( ). Мы очень мало знаем о деталях этой войны, но, по-видимому, враги наступали на Малую Азию со всех сторон. Решающая битва произошла недалеко от Ипса в Фригии; ее исход определила, в частности, замечательная пехота Лисимаха и Кассандра. У Селевка были только азиаты; фаланга Птолемея не имела большого значения, и только его наемники сражались храбро; но правда в том, что на самом деле он не обладал талантом полководца. Антигон пал в сражении, и поражение было настолько полным, что вся его империя была разрушена. Деметрий с небольшим отрядом бежал в приморские города Ионии, но вел себя достойно похвалы.

Империя Антигона была теперь раздроблена: западные провинции были разделены между Кассандром и Лисимахом, верхние провинции были отнесены к Селевку, а Кипр и Сирия — к Птолемею, который, однако, не удерживал верхнюю Сирию, а ограничился Финикией и Кипром. Плистарх, брат Кассандра, получил Киликию в качестве особой компенсации для Кассандра, который сам получил Карию и Памфилию, а Лисимах приобрел Лидию, Ионию, Фригию и северное побережье Малой Азии.

ДЕМЕТРИЙ НА СВОБОДЕ

После битвы при Ипсе Деметрий с несколькими тысячами человек бежал в Эфес, где у него был флот, и он не совсем отчаялся в успехе своего дела. Кипр, Сидон и Тир, а также несколько ионийских городов и островов все еще находились в его владении, и он был далеко не незначительной фигурой. Теперь он проявил большое мастерство и собрал все свои силы, чтобы утвердиться в Греции и снова попытаться счастья. Ведь он хорошо понимал, что коалиция полководцев, вторгшихся в империю его отца, скоро распадется, и тогда один из них, вероятно, обратится к нему за помощью, что впоследствии и сделали Селевк и Птолемей. Он послал великого Пирра сначала в качестве переговорщика, а затем в качестве заложника к Птолемею. Пирр был его соратником по оружию; он потерял свое царство из-за Кассандра и теперь скитался по миру в надежде завоевать себе царство. К этому времени, а

точнее, к несколько более раннему периоду, относится и экспедиция авантюриста Клеонима, претендовавшего на трон Спарты, из которой он был, возможно, несправедливо изгнан.

Из Эфеса Деметрий проплыл через Кикладские острова в Афины, где он хотел сначала обосноваться. Но афиняне были полны решимости воспользоваться взаимной ревностью князей, чтобы обеспечить свою независимость, и поэтому они послали посольство навстречу Деметрию и объявили ему, что не примут его.

Афины на время были пощажены, и Деметрий, прежде чем атаковать город, предпринял несколько других экспедиций. Сначала он направил свой флот к побережью Фракии, укрепился в фракийском Херсонесе и начал войну против Лисимаха, который тем временем захватил Лидию, Карию и Фригию. Лисимах не пользовался поддержкой других князей, да и в этом не было необходимости, и Деметрий не совершил там никаких завоеваний. Между тем, однако, для него зародилась новая удача благодаря Селевку, который, поссорившись с Птолемеем и будучи недовольным своей долей, был готов заключить дружбу с Деметрием. Он просил руки Стратоники, дочери Деметрия, которую, однако, впоследствии отдал своему сыну Антиоху. Деметрий теперь отплыл со своим флотом в Киликию и Сирию и, проходя мимо, овладел Киликией и сокровищами, которые там хранил Плистарх, сын Кассандра, а затем начал ссориться с Селевком. Ибо когда Киликия и финикийские города оказались во власти Деметрия, Селевк тщетно просил, чтобы они были переданы ему; и Деметрию не без труда удалось избежать его заговоров: однако официального разрыва отношений не произошло. Затем Деметрий примирился и с Птолемеем, как мы уже упоминали, благодаря посредничеству Пирра. Теперь он снова появился в Греции с усиленными войсками. Он укрепился в Пелопоннесе, хотя точно неизвестно, сколько городов он там подчинил.

[300-295 гг. до н. э.]

Тем временем умер Кассандр, и Деметрий, опираясь на недавно увеличенный флот, начал осаду Афин. Он снова поссорился с Птолемеем, который теперь послал флот на помощь афинянам.

Деметрий блокировал город с суши и с моря, и афиняне, лишенные доступа к морю, пострадали от страшного голода. Они питались всеми видами животных, неперевариваемыми травами и травой, которая росла на Акрополе. Египетский флот, пытавшийся доставить продовольствие в Пирей, был отбит Деметрием. В конце концов, после упорной обороны, голод заставил их сдаться. Каждая катастрофа приближала город к гибели, хотя Деметрий, считая себя победителем, проявлял большую мягкость. Он созвал афинян без оружия в театр и окружил здание своими гоплитами. Но он удовлетворился тем, что напугал их ужасами смерти, и, упрекнув их в неблагодарности, объявил, что прощает их. Афиняне были вынуждены сразу же уступить ему право держать гарнизоны в Мунихе и Пирее, но в остальном им теперь жилось под его властью лучше, чем в то время, когда он, будучи их другом, предавался своим излишествах. Он даже кормил афинян, давая им зерно и другие предметы первой необходимости.

Деметрий теперь вернулся в Пелопоннес. Во время этой экспедиции он был близок к тому, чтобы стать хозяином Спарты. Спартанцы со времени битвы при Мегалополисе не принимали участия в борьбе греков за независимость. В тот период Спарта становилась все более бессильной, хотя и наслаждалась миром. То, что теперь ободрило ее и побудило выступить против Македонии, осталось незамеченным историками того времени; и это было бы необъяснимо, если бы мы не знали, что Птолемей и Лисимах продолжали войну против Деметрия. Мы также знаем, что вплоть до времени Клеомена ( ) между Спартой и Александрией существовала постоянная связь, откуда можно предположить, что этот союз

уже существовал и что все лакедемоняне получали жалованье из Александрии. Между Спартой и Деметрием действительно имели место враждебные действия, но они не имели никакого значения. Неизвестно, какими силами располагал Архидам и что побудило его начать войну. Все, что мы знаем, это то, что Архидам был разгромлен под Мантинеей, что Деметрий продвинулся до Лаконии и что Спарта теперь во второй раз была окружена частоколом и рвами, а в некоторых местах также стеной: по крайней мере, Пausаний относит укрепления к этому времени. Он также называет поражение при Мантинее третьим большим ударом по Спарте после битвы при Левктрах и битвы Агиса. Деметрий, без сомнения, мог бы легко преодолеть эти укрепления, если бы в тот момент не получил известие о том, что все его дела идут плохо, и если бы по этой причине не отказался от войны со Спартой.

Птолемей захватил все места на Кипре, за исключением Саламина, который он осаждал и в котором находились дети Деметрия. Лисимах становился хозяином Ионических и других морских греческих городов в Малой Азии, которые до сих пор находились под властью Деметрия. Египетский флот, по-видимому, одержал верх, вероятно, потому, что Птолемей стал хозяином Тира и Сидона, в результате чего Деметрий лишился возможности получать древесину и войска. Азиатская провинция с этого момента исчезает из истории Деметрия, и он снова оказался в очень затруднительном положении.

СМЕРТЬ КАССАНДРА; ДЕМЕТРИЙ ПОБЕЖДАЕТ И ПРОИГРЫВАЕТ

Но смерть Кассандра и несчастья его семьи открыли новые перспективы для Деметрия. Кассандр умер от водянки в 297 году. Его старший сын Филипп, по-видимому, был его единственным наследником, но он умер вскоре после этого в Элатее в 296 году; два других сына, Антипатр и Александр, разделили империю между собой. Оба были очень молоды, и их мать Фессалоника, дочь царя Филиппа, была единственной выжившей членом семьи; они едва ли были старше подростков, если время брака Кассандра с Фессалоникой правильно указано у Диодора. Фессалоника была назначена опекуном или уполномочена разделить империю между своими двумя сыновьями. Сделать это справедливо было трудной задачей.

Антипатр, старший из братьев, считая, что мать обошлась с ним несправедливо при разделе, убил ее; он обратился к своему тестю Лисимаху, который поддержал его. Но Александр, который был ограничен западной Македонией, обратился к Пирру, который тем временем вернулся в свое отцовское царство, с просьбой о помощи; для этой цели он уступил ему владения, которые македонские цари имели в Эпире, вместе с Амбракией и Аккарнией. Но, не доверяя Пирру, он одновременно обратился к Деметрию. Поскольку Пирр продал свою помощь, можно предположить, что Деметрий тоже не оказал ее без каких-то корыстных мотивов; он явно добился уступки ему Фессалии, которая полностью принадлежала Кассандру. Деметрий, войдя в Фессалию, встретил Александра в Лариссе. Оба интриговали друг против друга и стремились убить друг друга. После многих попыток и неоднократных заговоров Деметрий нанес удар и добился убийства Александра.

Македонские войска последнего теперь остались без царя; Деметрий выступил с прокламацией, в которой заявил, что действовал только в целях самообороны, что его жизнь была в опасности (что было действительно правдой, но все македонские князья были одинаково плохими), и призвал македонцев подчиниться ему. Войска подчинились Деметрию, и он был провозглашен царем. Лисимах, захватив власть своего зятя Антипатра, отказался от своих новых македонских владений и заключил мир с Деметрием, который таким образом стал властелином всей Македонии. Теперь он правил Македонией, Фессалией, Аттикой, Мегарой и большинством городов Пелопоннеса. Однако спартанцы продолжали войну против него.

Во время этих борьбы Деметрий хотел отнять у Пирра ту часть Македонии, которую Александр уступил ему, и таким образом он начал ссориться со своим самым верным другом. Во время своего пребывания в Александрии Пирр женился на Антигоне, дочери Птолемея от его первой жены; и, пока он был жив, он был уверен в дружбе александрийского двора. Подробности войн между Пирром и Деметрием не могут быть частью этой истории, поскольку они незначительны и несущественны. Пирр был союзником этолийцев и с большим мастерством защищался от значительно превосходящих сил; и через несколько лет он одержал победу. Ему повезло, что Деметрий в то время планировал более грандиозные дела: он думал о восстановлении империи своего отца — бессмысленная идея в условиях того времени. Он построил огромный флот и набрал армию, которая, по некоторым данным, насчитывала сто тысяч человек. Его империя включала не только Македонию и Фессалию, поскольку номинально он был также гегемоном греков, как и Филипп и Александр до него, и владел рядом прибрежных городов в Азии; части его королевства были очень разбросаны. Но он собрал свою армию с огромными усилиями; его подданные были ужасно угнетены, и все его владения находились в состоянии брожения. Его правление в целом было невыносимым для македонян из-за его гордости и жестокости; они не были народом, который позволял бы себе управляться по-азиатски. Он очень редко появлялся на публике и не принимал прошений, но однажды он проявил необычную доброту, приняв все прошения и бросив их в складки своей одежды. Все были очень рады, но когда он пересек мост через Аксий, он бросил их все в реку. Такие вещи, естественно, возмутили весь народ против него.

ГРЕЧЕСКАЯ МАСЛЯНАЯ БУТЫЛКА

[286-285 гг. до н. э.]

В конце концов Пирр, призванный более отдаленными царями и, без сомнения, приглашенный самими македонцами, воспользовался этим брожением и вторгся в Македонию с небольшим войском. Деметрий выступил против него; Пирр маневрировал и вел переговоры с македонцами, пока они не подняли всеобщее восстание, отказавшись подчиняться Деметрию и приказав ему уйти. Он был рад уйти и, как мы полагаем, отправился в Деметрию в Магнезии, которую он сам построил на берегу Пагасейского залива, недалеко от древнего города Иолка, и которая впоследствии перешла в руки его сына Антигона. Оттуда он продвинулся в Грецию. Он был великим полководцем; его острый ум как военного командира подтверждается основанием Деметриаса и Нового Сикона: крепость Деметриас оказала важное влияние на судьбу Греции. Деметрий правил Македонией пять или шесть лет.

Деметрий вскоре заключил мир с Пирром, и если бы он терпеливо ждал, то мог бы быть уверен в своем восстановлении; но он не мог ждать, он хотел решить все сразу, и поэтому в своем беспокойстве переправился в Азию. Он оставил в Греции своего сына Антигона, прозванного Гонатасом, который остался хозяином большей части Греции. Его отец сохранил власть над Фессалией и некоторыми греческими городами, в которых у него были гарнизоны, а также над крепостью Деметриас, где он создал арсеналы и причалы для военных кораблей, и управлял Фессалией и Эвбеей. Деметрий высадился в Малой Азии, желая предпринять экспедицию вглубь Азии, как человек, которому больше нечего терять; одному Богу известно, какими мечтами он мог баловать себя, думая о свержении империи Лисимаха и Селевка. Он не мог представить себе ничего другого, кроме успешного исхода своего замысла. Соответственно, он сначала появился со своими войсками в азиатских провинциях Лисимаха, где его встретил Агафокл, сын Лисимаха, который успешно вытеснил

его из этих провинций, так что он был вынужден продвигаться вглубь материка. Таким образом, он втянул свою армию в Армению, точно так же, как Карл XII втянул свою в Украину. Его унылые войска в конце концов сдали его Селевку, который окружил его и отрезал от моря. Он был взят в плен, но Селевк обращался с ним с большой мягкостью. Некоторое время он продолжал жить очень довольной и счастливой жизнью, как совершенно беззаботный человек; Селевк, который правильно оценил его, подарил ему большой персидский дворец с охотничьими угодьями и т. д. в Сирии. Селевк, возможно, использовал бы его против Лисимаха, но в это время умер Деметрий.

ЛИСИМАХ, АРСИНОЯ И АГАТОХЛ

[285-283 гг. до н. э.]

В этот период, после убийства своего зятя Антипатра, последнего наследника старшего Антипатра (возможно, в наказание за покушение на его жизнь), Лисимах владел частью Македонии, но впоследствии уступил ее Деметрию. Македоняне теперь признали Пирра своим царем, но Лисимах вторгся в его царство, и после семи месяцев единоличного правления Пирр был вынужден разделить свою империю между собой и Лисимахом. Македоняне, отвергнув его как чужака, сдались Лисимаху, которого они почитали как давнего товарища Александра и считали своим близким родственником, поскольку он был либо фессалийцем, либо македонцем. Однако разделение между Лисимахом и Пирром продлилось недолго, поскольку вскоре Лисимах изгнал Пирра из своего царства. Он правил Македонией в общей сложности пять лет и шесть месяцев, частично совместно с Лисимахом, а частично единолично.

Империя Лисимаха постепенно расширялась и укреплялась. Греция не подчинилась ему; Антигон Гонат, получивший большую часть флота своего отца, удерживал там остатки отцовских войск и из Деметриаса правил частью Греции, хотя многие греческие города провозгласили свою независимость. Помимо собственно Македонии и Фракии, Лисимах правил Лидией, Мизией, Ионией, Карией и, без сомнения, также Фригией Великой — империей, столь прекрасной, сколь он мог только пожелать, «и именно той величины, которую Александр должен был придать своей империи, чтобы обеспечить ее стабильность». Его реальной резиденцией, по-видимому, была Лисимахия в Херсонесе, недалеко от древней Кардии. За исключением Фессалоник, все эти македонские князья построили для себя новые столицы; Александрия, по крайней мере, была расширена Птолемеем.

До завоевания Македонии Лисимах предпринял экспедицию через Дунай против Дромихата, царя геттов. На равнине Бессарабии его отступление было перекрыто, и он со всей своей армией был взят в плен. Щедрое поведение дакийского царя Дромихата ( ) прославляется в сборнике анекдотов; Лисимах был освобожден, и его власть не ослабла после этого поражения.

[283-282 гг. до н. э.]

Но королевский дом вскоре стал ареной страшной трагедии, поводом для которой послужила семья Птолемея. Птолемей развелся со своей первой женой Эвридикой, дочерью Антипатра, а его вторая жена, интриганка Береника, использовала все средства, чтобы умиловить ослабленного возрастом Птолемея и добиться назначения преемником своего собственного сына. Она преуспела в этом настолько, что пожилой Птолемей за два года до своей смерти уступил трон своему младшему сыну Птолемею Филадельфу и сам принес ему клятву верности ( ). Первенец Птолемей, по прозвищу Кераун, обратился к

Лисимаху, чей старший сын Агафокл был женат на его сестре Лисандре, также дочери Птолемея Сотера от его первой жены Эвридики. Лисимах, который принял его дружелюбно, был женат на Арсинои, дочери Птолемея от его второй жены, от которой у него было два сына. Эта Арсиноя теперь прибегала к тем же интригам в доме Лисимаха. Его старший сын, Агафокл, был уже человеком очень зрелого возраста (Лисимах был семидесяти четырех лет, когда умер) и большого авторитета. Он успешно командовал войсками своего отца во многих кампаниях, был очень популярен по всей стране и был предназначен стать преемником своего отца. Но Арсиноя ненавидела его как мужа своей сводной сестры, к которой она питала смертельную вражду, а также потому, что он был препятствием на пути ее собственных детей. Поэтому она решила лишить его и трона, и жизни. Следует иметь в виду, что в случае смерти Лисимаха она имела основания опасаться за свою жизнь, и что, согласно обычаям того времени, мачеха и ее дети были бы убиты Агафоклом, как только он взойшел бы на престол.

Поэтому Арсиноя клеветнически сообщила Лисимаху, что его жизни угрожает его сын Агафокл. Последний сначала подвергся оскорблениям и преследованиям со стороны отца, а вскоре после этого был убит ядом. Поскольку это произвело большое впечатление, Лисимах приказал казнить нескольких других своих сыновей и начал мстить всем, кого Арсиноя указывала как сторонников Агафокла. Все это привело к полной анархии как в доме Лисимаха, так и в его царстве. Поскольку каждый чувствовал, что его жизнь в опасности, его вельможи начали обращаться за защитой к Селевку, к которому бежала Лисандра, жена Агафокла, вместе с одним из братьев своего мужа. Селевк не возражал против того, чтобы его призвали вмешаться. Он выступил из Вавилона через горы Тавр в Западную Азию и, хотя в основном благодаря предательству, одержал решительную победу над пожилым царем в Нижней Фригии. Лисимах, как и во все другие времена, проявил большую доблесть, но пал в сражении. За исключением Кассандры, где вдова Арсиноя проживала со своими детьми, все Македонское государство сдалось Селевку.

СЕЛЕВК; АНТИГОН; ПТОЛЕМЕИ

Таким образом, вся империя Александра, за исключением Египта, южной Сирии, части Финикии и Кипра, была объединена под скипетром Селевка. Поскольку он не видел свою родную страну с начала похода Александра, Селевк теперь пересек Геллеспонт, чтобы завладеть своей родиной, возможно, с намерением провести там остаток своих дней в мире. Но во время жертвоприношения в окрестностях Лисимахии он был убит Птолемеем Керауном, которого он защищал в его несчастьях, руководствуясь политикой того времени, чтобы иметь опасного претендента на трон против Птолемея Филадельфа. Состояние распада было таково, что Птолемей без каких-либо трудностей был признан царем македонскими войсками Селевка и всей Македонией. Соответственно, он завладел империей. Не было наследственной династии — в этом заключалась беда. Птолемей Кераун проложил себе путь к трону убийством и неблагодарностью, но сам по себе он был не незначительным человеком: он был очень храбрым и решительным. Какова была его мораль, мы увидим в дальнейшем.

[281-280 гг. до н. э.]

Азиатские провинции Лисимаха были полностью объединены с Сирийской империей, которой Антиох по-прежнему беспрепятственно владел, поскольку Селевк еще при жизни отдал ему верхние провинции. Антиох стремился отомстить за смерть своего отца, и между Птолемеем Керауном и этим Антиохом, прозванным Сотером, разразилась война, поскольку все македонские цари с одинаковыми именами отличались прозвищами. Его называли

Сотером за то, что он победил галлов в Малой Азии. Птолемей Кераун также воевал с Антигоном.

Война с Антиохом длилась недолго, поскольку Антиох был достаточно мудр, чтобы ограничиться Азией и не расширять свою власть дальше. Он не хотел вступать в Европу, потому что не смог бы защитить свои владения там. Поэтому он вскоре прислушался к предложениям о мире.

Похоже, что с Антигоном не был заключен окончательный мир; он был слишком слаб, чтобы что-либо предпринять против Македонии, и, по-видимому, был достаточно разумным, чтобы избегать всего, что могло бы вызвать более серьезные действия против него.

Птолемей стремился укрепить свою власть с помощью договоров, и здесь наш путеводитель переходит к истории Пирра: Птолемей пытался заключить союзы, отказался от своих притязаний на Египет, примирился со своим братом Птолемеем Филадельфом и пытался завоевать дружбу Пирра.

На протяжении всего этого периода Антигон Гонат вел войну с Птолемеем Керауном, Антиохом Сотером и Птолемеем Филадельфом и вел с ними мелкую морскую войну. Но в тот же период против него велась общая греческая война «с помощью Египта». Эта война упоминается только в одной главе Юстина, и мы должны найти в ней путь к пониманию путем тщательного толкования; по этой причине война была упущена из виду всеми, кто писал об Амфикионии. Она возникла в Амфикионии. Юстин, который упоминает ее дату, 281 год, однако, не называет ее амфикионской войной. Дело в том, что греки искали повод для объединения своих сил, чтобы избавиться от господства Антигона, и поэтому вступили в войну против этолийцев, которые были союзниками Антигона.

Несложно понять, что под предлогом Амфикионии спартанцы вновь получили помощь союзников и восстановили свое господство. Спарта имела верховное командование армией. Арей (или, как его называют латиняне, Ареас), который в то время был царем Спарты, а также его сын Акротат, сильно отличались от предыдущих спартанских царей. Во время его правления Спарта вновь стала государством, имеющим некоторое значение, но не благодаря его силе, а благодаря его имени и, возможно, в большей степени благодаря его удаче. Война велась на египетские деньги; с их помощью Арей собрал армии, которыми он командовал, и войны продолжались в течение долгого времени. Египет помогал своим флотом, но не предоставлял сухопутные войска, которые были предоставлены Ареем.

Эта война стала началом нового вмешательства Египта в дела Греции, поскольку со времени, когда Деметрий Полиоркет удалил гарнизоны Птолемея Сотера из Коринфа и Сикиона, египетские цари, по-видимому, не вмешивались в дела Греции. Это новое вмешательство разорвало Грецию на части, и благодаря субсидиям, которые получала Спарта, мощь этого государства вновь возросла.

ПТОЛЕМЕЙ КЕРАУН В МАКЕДОНИИ

После Амфикионской войны Юстин переходит к Птолемею Керауну и делам Македонии. Он правил два года, или полтора года, и за это время совершил множество преступлений. Его сестра Арсиноя, вдова Лисимаха, жила с двумя сыновьями в Кассандрее; македонские принцессы имели такие города, где они проживали вдовствуя и где, в случае смены династии, они могли быть в безопасности от любых враждебных махинаций. Кассандрея быстро процветала, и ее владение имело огромное очарование для ее брата. Если бы

Арсиноя поставила себя под защиту Птолемея Филадельфа, своего сводного брата, последний имел бы очень сильную позицию в Македонии, где мог бы быть размещен его флот, а ее сыновья могли бы тогда поставить себя во главе недовольных в Македонии и выступить в качестве претендентов на престол. Самым простым способом для Птолемея Керауна теперь было убить свою сестру и ее сыновей, и вопрос о том, следует ли это делать, не мог вызвать никаких сомнений в соответствии с принципами того времени; единственное сомнение заключалось в том, как это сделать.

Греческий кувшин

Чтобы осуществить свой план, Птолемей просил руки своей сестры, в соответствии с представлениями семьи Лагидов, которые приняли египетские взгляды на брак с сестрой. Арсиноя сначала была очень робкой, и ее старший сын, хотя и был еще ребенком, предвидел, что должно было произойти, и предупредил мать, сказав, что все это было коварным замыслом. Но Арсиноя была глупой женщиной, которая позволила себя обмануть перспективой стать королевой, так же как позже Никея позволила себе быть соблазненной Антигоном Гонатом. Она доверилась ему, открыла ворота крепости и впустила его в город. Но теперь тучи рассеялись с ее глаз, и она слишком поздно обнаружила, каковы были его намерения. Птолемей вероломно захватил ворота города, и первым делом убил двух мальчиков на глазах у их матери; саму Арсиною лишили всех украшений (ведь алчность этих людей была не меньше их других пороков) и с позором отправили на Самофракию. Позже она вернулась в Египет, где и прожила остаток своей жизни. История того периода открывает перед нами интересное, но ужасное зрелище; она отнюдь не так однообразна и не так незначительна, как нам легко представить.

За этим преступлением Птолемея Керауна вскоре последовало наказание — прибытие галлов, как описано выше.

Птолемей собрал свои войска, но глупо отказался от помощи, предложенной ему дарданами, и бездумно рискнул вступить в сражение, результат которого был таким же, как и в битве при Аллии. Ни одна армия не могла противостоять ярости кельтов, не привыкнув к их внешнему виду и их ужасным боевым крикам и не научившись выдерживать удар, с которым опьяненные и разъяренные кельты бросались в бой. Только знакомство с этими вещами делало сопротивление возможным. Птолемей, несмотря на все свои преступления,

был способным воином; он сражался храбро, пока, получив тяжелое ранение, не попал в руки галлов, которые убили его.

АНАРХИЯ В МАКЕДОНИИ

[280-277 гг. до н. э.]

Мы ничего не знаем о последствиях этой победы, кроме того, что в Македонии наступило состояние анархии, которое длилось четыре года. Паника охватила всю страну, и даже ряд городов, без сомнения, пал под натиском галлов; открытая местность была полностью затоплена галлами, а все население было перебито мечом или уведено в рабство, как это обычно делают татары и турки, последние из которых в 1683 году увезли из Австрии не менее двухсот тысяч человек. Наследника престола не было, поскольку Птолемей не оставил потомства; семьи Кассандра и Лисимаха были истреблены, а Пирр в это время находился в Италии; гражданские беспорядки, вспыхнувшие среди македонцев, которых смерть их царя оставила без руководства, довершили несчастье. Один Мелеагр, брат Птолемея Керауна, выступил в качестве царя, а затем Антипатр, сын Филиппа, брат Кассандра; но ни один из них не смог удержаться из-за раскола среди македонцев. Что стало с Мелеагром, неизвестно, но Антипатр впоследствии появляется снова.

В этих условиях Сосфен, как мы видели, собрал армию и успешно противостоял врагу. Его подвиги привлекли столько внимания, что македонцы провозгласили его своим царем. Но он не принял царский титул для себя, а только потребовал, чтобы они принесли ему клятву верности как стратегу; тем не менее, он числится среди царей Македонии. Его скромность делает ему честь. Когда варвары насытились убийствами и грабежами, они постепенно отступили, и Сосфен восстановил часть Македонии. Но два года спустя последовало новое вторжение варваров в их походе на Дельфы; он встретил их со всеми своими силами, но битва была проиграна, и этот храбрый и достойный человек умер в результате болезни в 279 году.

Затем снова наступило состояние анархии. Против друг друга выступили несколько претендентов, упомянутых в фрагментах Порфирия о македонской истории: снова выступил Антипатр, затем Птолемей, сын Лисимаха, Арридей и Антигон. Кажется, что Антипатр на время взял верх, по крайней мере, он владел Македонией в то время, когда Антигон Гонат получил власть. Среди претендентов мы также находим Эвридику, дочь Лисимаха и вдову Антипатра, сына Кассандра; она, владея Кассандрией, вернула ее жителям свободу. Это, должно быть, произошло после 280 года, когда она еще находилась в руках Птолемея Керауна, и до 277 года, когда Антигон Гонат победил своих соперников. Мы почти ничего не знали бы об этом периоде, если бы, к счастью, провидение не сохранило несколько разрозненных упоминаний здесь и там, а также выдержки из Порфирия о хронологии македонских царей у Евсевия.

Так прошло четыре года полного страдания, пока Антигон Гонат, заключив мир с Антиохом Сотером, не выступил из Греции и Фессалии к побережью Македонии и не был с готовностью признан македонцами (277 г.). Он восстановил Македонское царство. С греческой точки зрения, а также с точки зрения общечеловеческой, мы можем только презирать его; но для македонского народа он был благодетелем — настоящим Камиллом, и он значил для Македонии даже больше, чем Камилл для Рима.

Поход галлов на Дельфы был современником второй кампании Пирра против римлян, и в течение многих лет он не позволял себе поддаться на эти опасности и вернуться через Адриатику, хотя и стал более склонен к заключению мира. В этот период Антигон стал властелином вакантного престола Македонии.

Правление Антигона Гонатаса довольно малоизвестно; в истории едва ли найдется другой период, который был бы столь же малоизвестен. Это замечательный период, и за тридцать шесть лет его долгого правления произошло немало великих событий.

АНТИГОН ГОНАТ

Он был сыном Деметрия Полиоркета и Филы, дочери Антипатра, так что по матери он был внуком Антипатра и сводным братом Кратера, сына Кратера. Антигон вернул Македонию только через десять лет. В промежутки между этими событиями он правил очень разрозненной империей и, по-видимому, проживал в Деметриасе в Магнезии. Невозможно с уверенностью сказать, принадлежали ли ему в тот период Коринф и Халкида или они уже были в руках Кратера. Однако он был хозяином части Фессалии. Только в 277 году он стал царем Македонии. Хронология здесь находится в самом ужасном беспорядке.

[277-266 гг. до н.э.]

Даже его завоевание Македонии не дошло до нас в виде связного повествования, и мы можем только догадываться о связи событий. Македония была завоевана галлами и не имела законного правителя, Антипатр был лишь узурпатором. Антигон, вероятно, прибыл по морю и предложил македонянам стать их царем. После того как он высадился на берег и разбил лагерь недалеко от Лисимахии, он вступил в контакт с галлами, которые владели открытой местностью. Еще находясь в лагере на побережье, он попытался заключить с ними мир, но они были столь же вероломны, сколь и нецивилизованы, и в самый критический момент он узнал, что они вероломно выступили против него. Покинув свой лагерь, он отступил к своим кораблям, а часть его армии осталась скрытой в лесу; затем они напали на его лагерь, опьянели, и когда, занявшись грабежом, они впали в беспорядок и переели и перепили, Антигон напал на них и разгромил. Эта победа сразу же подняла его в глазах народа и принесла ему большую славу. Затем он победил Антипатра и провозгласил себя царем Македонии, хотя, конечно, не всей Македонии. Внутренние районы сначала не принадлежали ему и по-прежнему были заняты галлами.

Для Македонии он был очень благодетельным правителем и проявил себя как чрезвычайно благоразумный, вдумчивый и решительный человек.

В самом начале его правления произошла война, которую Антигон, чтобы вернуть Македонию, вел против Аполлодора, тирана Кассандры, человека, чье имя интересно в то время, когда греческая история не может указать ни одного другого важного человека.

Это был первый успех Антигона, и он также расширил свое господство в Греции, но афиняне устояли против него.

Затем Пирр вернулся из Италии после семилетнего отсутствия; он был очень возмущен поведением Антигона, от которого он требовал помощи против Италии, а тот неосмотрительно отказал ему. Антигон вышел навстречу Пирру до перевалов Ауса, где впоследствии была основана Антигония. Пирр нанес ему поражение в довольно важной битве; во время отступления галлы, которые должны были защищать Антигона, были почти все убиты, а македонская фаланга, покинув Антигона, провозгласила Пирра царем. Таким образом, Пирр на время стал царем Македонии, а Антигон был ограничен несколькими местами на побережье: Фессалониками, Кассандреей и Фессалией.

Пирр вторгся в Грецию и погиб в Аргосе, куда Антигон последовал за ним с армией.

Антигон тогда расположился с вооруженными силами в центре Пелопоннеса. Он воспользовался возможностью стать хозяином полуострова и перестроить его по своему усмотрению. Не имея возможности разместить гарнизоны повсюду, он передал управление всеми городами, которые сдались ему, своим сторонникам и установил тиранов, готовых использовать свою власть в его интересах. Поэтому иногда, когда Антигон отсутствовал, происходили восстания. Особо можно упомянуть свержение Аристотима из Элиды, которое было осуществлено благодаря героическому заговору, возглавленному бездетным стариком; это одно из благородных событий в умирающей Греции.

ХРЕМОНИДЕСКАЯ ВОЙНА

Афины и Спарта под руководством своего царя Аррея, по-видимому, вступили в союз с этолийцами и царем Птолемеем против Антигона. Дружба, которая возникла между Антигоном и спартанцами в результате войны с Пирром, была недолгой; Антигониды и Птолемеи были и оставались смертельными врагами, и поэтому спартанцы, будучи союзниками Птолемея, вновь вступили в войну против Антигона. Мы не знаем, как Афины были втянуты в эту войну, заключили ли они неосторожно союз с Птолемеем или же Антигон сам искал с ними ссоры. Но союз между Афинами и Птолемеем действительно существовал, и египетский флот был размещен недалеко от Аттики, чтобы поддерживать Афины с моря. Аттика была жестоко разорена вторжениями из Беотии, а сами Афины были осаждены и часто блокированы. Эта война длилась много лет и довершила гибель Афин, так же как осада и завоевание Титилой довершили разрушение Рима.

Эта война в Аттике называется Кремонидской войной, потому что ее душой был афинянин Кремонид.

Мы знаем об этой войне очень мало. Птолемей послал флот под командованием адмирала Патрокла на помощь афинянам; и пока он должен был высадиться и освободить Афины с морской стороны, Аррей с спартанцами и их союзниками должен был атаковать македонцев и заставить их снять осаду с сухопутной стороны. Но Аррей действовал слишком медленно. Таким образом, обе стороны, будучи неспособными прийти к соглашению, вернулись домой, не добившись ничего. После очень долгой осады, во время которой Птолемей Филадельф, несмотря на все свои благие намерения, ничего не добился, Афины, будучи полностью истощенными и беспомощными, были вынуждены капитулировать.

СЫН ПИРРА ЗАХВАТЫВАЕТ МАКЕДОНИЮ

[265-239 гг. до н. э.]

Среди различных перемен того периода можно упомянуть временное завоевание Македонии Александром II Эпирским во время Кремонидской войны. Этот Александр был единственным из трех сыновей Пирра, который пережил своего отца и был достоин его. После смерти отца он остался в спокойном владении страной. Он очень походил на своего отца и был, по сути, его почти точной копией, хотя и с более слабыми чертами. Он также обладал интеллектуальной культурой своего отца и, как и он, был писателем. Александр был таким же беспокойным, как и его отец, но он не был азартным игроком в той же степени, что и его отец, который ставил все на одну карту. Пока Антигон был глубоко вовлечен в войну с Грецией, Александр вторгся в Македонию, которая тогда еще была настолько слаба (и еще не была так привязана к новой династии, как позже при Филиппе, внуке Антигона), что македонские войска перешли на его сторону, и Александр был без труда признан царем. Но он не смог удержать новое приобретение. Деметрий, сын Антигона, который тогда был еще очень молод, собрал новую армию, напал на него и отвоевал у него

Македонию, так же как Карл XII в молодости блестяще отразил подобное нападение. Деметрий преследовал Александра до Эпира, так что тот был вынужден укрыться в Акарнании и вернулся в свое царство только с помощью этолских городов. Впоследствии Александр Эпирский действительно проводил враждебную политику по отношению к Македонии, но старался не вступать с ней в войну. Его царство Эпир было укреплено и имело ту же территорию, которую ему оставил Пирр, и он был союзником этолийцев.

Трог говорит, что после покорения Афин, около 264 года, и после смерти Арея, Антигон был вынужден вести войну с Александром, сыном своего брата. Этот Александр был сыном Кратера, сводного брата Антигона, от Филы.

Мы не будем решать, верно ли утверждение о том, что Антигон отравил Александра, но нет сомнений в том, что он захватил Коринф вероломным образом и закрепился на Пелопоннесе. Однако из-за небрежности пожилого Антигона, чьи мысли были обращены не к Греции, а к восстановлению Македонии, союз ахейских городов был возрожден и обрел новую силу. Антигон стал вторым основателем Македонского царства, но чем больше он укреплял свою страну, тем больше пренебрегал Грецией. Арат из Сикиона, как мы уже видели, захватил Коринф и изгнал македонский гарнизон. Потеря Коринфа стала смертельным ударом для Антигона, поскольку из-за этого он утратил власть над Пелопоннесом. Этолийцы, считая себя таким образом подверженными опасности, вступили в союз с Антигоном. Ахейцы получили значительную поддержку от Птолемея Эвергета. Антигон умер в возрасте семидесяти трех лет, и его преемником стал его сын Деметрий, чье правление было бесславным и несчастливым для Македонии. Величайшим событием правления Деметрия является его великая война за владение Эпиром, которую он вел с этолийцами.

[242-232 гг. до н. э.]

Александр Эпирский, сын великого Пирра, оставил после себя пятерых детей — двух сыновей, Пирра и Птолемея, и трех дочерей. К моменту его смерти сыновья были еще очень молоды, и его вдова Олимпиада, которая была одновременно его сестрой и женой, согласно отвратительному обычаю Птолемеев, выступала в качестве опекуна детей. Царство Александра включало в себя весь Эпир, который принадлежал его отцу, и часть Акарнании, которая досталась ему в долю, когда страна была разделена между ним и этолийцами ( ). Но его отношения с этолийцами были нестабильными, и Олимпиада не была лишена опасений; возможно, в Эпире уже были заметны признаки брожения, которое впоследствии проявилось столь страшным образом, и вполне вероятно, что недовольные обратились к этолийцам. Олимпиада, не имея возможности самостоятельно оказать сопротивление этолам, обратилась за защитой к македонцам, пытаясь устроить брак одной из своих дочерей (чье имя ошибочно написано как Птия; без сомнения, следует читать Фтия) с Деметрием Македонским. Деметрий принял это предложение, хотя он уже был женат на сирийской принцессе Стратонике, сестре Антиоха Теоса, с которой он теперь развелся, чтобы жениться на Фтии.

Стратоника, оставив Деметрия, уехала в Малую Азию, как сообщает Юстин, наш единственный источник; однако развод не привел к войне между Македонией и Сирией, поскольку последняя была слишком слаба. Но в самой Сирии ярость этой женщины привела к большому бедствию. Она отправилась ко двору в Антиохию, предложив свою руку Селевку Каллинику; и когда он отклонил предложение, она своими интригами побудила беспокойных антиохийцев признать ее своей царицей. Селевк как раз был занят походом

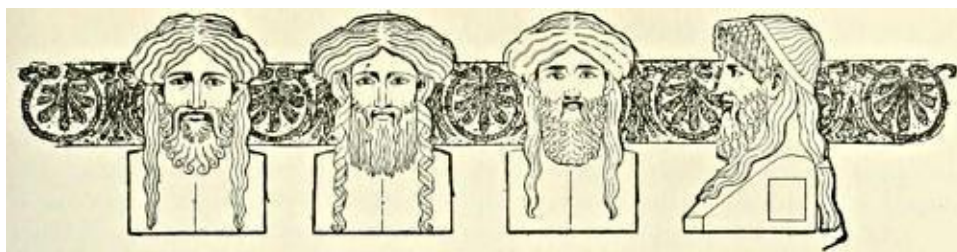
против верхних сатрапий, и когда он вернулся, он победил Стратонику. Теперь, покинутая антиохийцами, она была взята в плен и казнена.

Брак Фтии с Деметрием стал причиной большого смятения и несчастья, втянув его в войну с этолийцами. Последние воспользовались бедственным положением Эпира, чтобы напасть на эпирскую часть Акарнании и овладеть всей страной. Деметрий поспешил на помощь эпиротам, и таким образом между македонянами и этолийцами разразилась война, в которой последние присоединились к ахейцам, к которым они в остальном испытывали непреодолимую неприязнь. Это была самая блестящая война, которую когда-либо вели греки против македонян, но мы ничего не знаем о ее отдельных событиях. Неизвестно, закончилась ли война заключением перемирия или иным образом.

С момента Ламийской войны никогда еще восстановление национальной независимости греков не было так близко, как после смерти Деметрия. Он умер во время похода против дарданов, процарствовав десять лет, оставив после себя Филиппа, мальчика пяти-шести лет, как раз в тот момент, когда римляне впервые появились со своими войсками на восточном побережье Адриатики.^[4]

СНОСКИ

[41] [Диодор живо описывает, как Пердиккас пытался пересечь Нил; часть его армии благополучно перешла реку, но сотни последовавших за ними солдат погибли. Тогда Пердиккас отозвал авангард, и сотни солдат утонули. Разгневанные потерей двух тысяч жизней «без единого удара», рыцари убили его в его палатке.]

ГЛАВА LX. СОБЫТИЯ В САМОЙ ГРЕЦИИ ПОСЛЕ СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА

В предыдущей главе речь шла о событиях послеалександровской эпохи, в основном касающихся отдаленных территорий распадающейся империи. Теперь мы должны рассмотреть ход событий в самой Греции с греческой точки зрения. Некоторые моменты из этого были в обязательном порядке затронуты в предыдущей главе, но для ясности необходимо некоторое повторение. Мы возвращаемся в Грецию и станем свидетелями того, как смерть Александра повлияла на Афины.

ЛАМИЙСКАЯ ВОЙНА

[323 г. до н. э.]

Мы видели, что известие о смерти великого завоевателя сначала не было принято на веру. Слушатели надеялись, но сомневались. Когда известие подтвердилось, эффект был потрясающим.^a Сразу же закончились колебания и секретность. Настроения народа вырвались наружу, как долго сдерживаемая волна. Фокион и ораторы македонской партии тщетно пытались их сдержать. Их влияние исчезло — как вскоре на собственном опыте убедился Демад. Никто не слушал никого, кроме тех, кто рекомендовал самые решительные и энергичные меры. Было решено без промедления отправить Леостену оружие и деньги для его наборов в Тенаре, с указанием больше не скрывать цель, для которой они предназначались. Остатки сокровищ Харпала и взысканные штрафы обеспечили необходимые средства.

Теперь, когда вновь открылась перспектива создания общегреческого союза для защиты национальных интересов, было очень важно, чтобы Афины немедленно объявили о своем решении как можно шире. Другим декретом народ объявил о своей готовности отстаивать свободу Греции и освободить города, удерживаемые македонскими гарнизонами; для этой цели предстояло оснастить флот из сорока триер и двухсот более крупных галер с четырьмя рядами весел. Все граждане в возрасте до сорока лет должны были вооружиться: жители семи племен должны были готовиться к службе за границей, остальные должны были оставаться дома для защиты Аттики. Наконец, были назначены послы в главные государства Греции, чтобы объявить, что Афины, как и в дни своей древней славы, снова собираются встать на передний план в борьбе с общим врагом и вложить в это предприятие все свои последние ресурсы — людей, деньги и корабли, — а также призвать всех, кто желает независимости, последовать их примеру.

Успех афинских переговоров, по-видимому, был не столь велик в Пелопоннесе, как в северных государствах, хотя именно они были подвержены первым нападениям врага ( ). Спарта, Аркадия и Ахайя до конца держались в стороне от борьбы — то ли из-за ревности к Афинам, то ли из-за воспоминаний о последнем неудачном противостоянии с Македонией. Мессене, Элида, Сикион, Флиос, Эпидавр, Троезен и Аргос присоединились к союзу, но даже из них некоторые, по-видимому, воздерживались, пока их не воодушевил первый успех других союзников. В северной Греции Леостен был одним из самых активных и успешных послов. Как только он закончил оснащение своих войск в Тенаре, оставив их, по-видимому, под командованием младшего офицера, он отправился в Этолию. Он обнаружил, что этолийцы, встревоженные и возмущенные угрозами Александра в отношении Эниад, искренне поддерживали национальное дело, и получил обещание о предоставлении семи

тысяч человек. Затем он обратился за помощью к Локриде, Фокиде и другим соседним государствам. Почти везде, от границ Македонии до Аттики, царил бодрый настрой. Свои контингенты прислали долопы, горцы Эты, все города Дориса, Карист в Эвбее, локрийцы и фокийцы, многие племена западных долин Пинда, такие как энианы, ализаны и афамантийцы, леукадийцы и, по-видимому, по крайней мере часть акарнанов. Союзники получили подкрепление даже из-за пределов Греции: от молоського вождя Ариптея, который, однако, впоследствии дезертировал и предал их, а также в очень небольшом количестве из Иллирии и Фракии. Но политика, в результате которой были разрушены Фивы, а их территория разделена между беотийскими городами, теперь имела для Греции более катастрофические последствия, чем мог предвидеть завоеватель. Было известно, что за успехом греков последует восстановление Фив — фивские изгнанники, вероятно, составляли сильную группу в греческой армии; и поэтому беотийцы, хотя и окруженные со всех сторон силами союза, ревностно придерживались македонской причины, которая была в их частных интересах и в их закоренелой ненависти к павшему городу.

Антипатр получил известие о смерти Александра — для него не печальное событие — почти одновременно с известием о событиях в Греции. Его положение было очень сложным и опасным. Все силы, которые он имел в своем распоряжении, были невелики, и, если бы он пошел на Грецию, ему пришлось бы оставить часть войск для защиты Македонии. Тем не менее Антипатр решил не ждать подкрепления и не оставаться в обороне, а искать врага. Силы, которые он смог вывести на поле боя, насчитывали не более тринадцати тысяч пехотинцев и шестисот всадников. Могло показаться, что он, а не афиняне, действовал опрометчиво, когда с такой небольшой армией рискнул вторгнуться в Грецию: возможно, он слишком полагался на превосходство македонской дисциплины и тактики, а также на воспоминания о своей победе над Агисом. Однако следует отметить, что он рассчитывал на поддержку фессалийцев и, вероятно, некоторых других северных государств; он мог надеяться, что быстрым движением разгромит союз, прежде чем тот успеет собрать свои силы, или, по крайней мере, помешает ему получить свежие подкрепления. Он также приказал Сиппасу, которого оставил вместо себя в Македонии, с максимальной тщательностью набирать войска и, возможно, рассчитывал на быстрое пополнение своих сил этими новобранцами. Его казна была хорошо наполнена, поскольку он получил от Александра большую партию сокровищ; а флот, который их доставил, состоявший из 110 галер, остался с ним и теперь получил приказ сопровождать операции армии.

Леосфен был избран главнокомандующим не столько в честь Афин, сколько из-за доверия, которое возлагалось на его способности. Афиняне могли выделить не более пяти тысяч пехотинцев и пятисот всадников из афинских войск; к ним добавились две тысячи наемников. Но теперь беотийцы, возможно, ободренные вестью о приближении Антипатра, собрали свои силы, чтобы противостоять проходу этой небольшой армии, и разбили лагерь недалеко от Платы, несомненно, в значительном численном превосходстве, чтобы следить за перевалами Киферона. Леосфен, узнав об их движении, поспешил с частью своих войск на помощь своим соотечественникам, соединился с ними и дал сражение врагу. Он одержал полную победу, воздвиг трофей и вернулся в свой лагерь с этим счастливым предзнаменованием более важных успехов.

К Антипатру присоединился сильный отряд фессалийской кавалерии под командованием Менона из Фарсала, что давало ему в этом роде войск решающее преимущество над союзниками. По-видимому, он выстроил свои войска в долине Сперхия и предложил сражение. Леостен не стал ждать атаки. Возможно, он имел тайную договоренность с фессалийским полководцем. Но его армия насчитывала тридцать тысяч человек, и, возможно, именно вид его превосходящих сил определил колеблющееся настроение Менона. Судьбу дня решила фессалийская кавалерия, которая в разгаре сражения перешла

на сторону греков. Нам не известно, какие потери понес Антипатр, но он не считал безопасным пытаться отступить через Фессалию. Он поискал ближайшее убежище и бросился в город Ламия, который находился в укрепленном положении на южной стороне горы Отрис, примерно в трех милях от моря, начал восстанавливать укрепления и запастись оружием и провизией, возможно, поставляемыми флотом. Его единственной надеждой было то, что он сможет выдержать осаду до прибытия подкрепления. Леосфен немедленно приступил к укреплению лагеря возле города и, тщетно вызвав врага на новое сражение, несколько раз пытался взять его штурмом. Но место было слишком крепким, гарнизон слишком многочисленным: нападавшие были отбиты с большими потерями, и в конце концов он был вынужден превратить осаду в блокаду.

Это было первое преимущество, полученное за многие годы над македонскими войсками, которые, возможно, начинали считаться непобедимыми; и оно, безусловно, привело врага, недавно владевшего Грецией, в состояние крайней нужды и опасности. Доверие народа было поднято до предела благодаря посольству Антипатра, который просил о мире. Нам не известно, какие условия он предложил, но его предложения, вероятно, были расценены как признак отчаяния. Народ считал его уже находящимся в своей власти и требовал, чтобы он сдался на его милость. Тем не менее, они не ослабляли своих усилий, а использовали полученное преимущество, чтобы привлечь дополнительные силы для общего дела. Полиэвкт был отправлен с другими посланниками в Пелопоннес, чтобы поднять на борьбу государства, которые до сих пор оставались нейтральными. Здесь ему противостояли некоторые из предателей, которых Афины недавно изгнали из своего лона, но его поддержали добровольные усилия его старого коллеги Демосфена.

Как только смерть Александра освободила афинян от ограничений, наложенных на них его властью, ораторы македонской партии погрузились в презрение и негодование народа, и некоторые из них поплатились за свою прежнюю надменность и подлость. Демад, пожалуй, был наказан наиболее мягко в соотношении со своими преступлениями. Тем не менее, он был привлечен к суду по нескольким обвинениям, в том числе как автор декрета, который присваивал Александру божественные почести, за что он был приговорен к штрафу в размере десяти талантов [2000 фунтов стерлингов или 10 000 долларов]. Но он был частично лишен гражданских прав ( ), чтобы не иметь возможности участвовать в общественных делах. Бронзовые статуи, которыми он был удостоен и которые опозорили город, были переплавлены и использованы для целей, наиболее ярко выражающих презрение и отвращение к оригиналу. Однако он остался в Афинах, наслаждаясь своим нечестно нажитым богатством, ожидая, пока осуществление обвинений Фокиона не поднимет его снова из его позорной неизвестности и не заставит народ прислушаться к его голосу. Временщики Пифей, обвинявший Демосфена, и остроумный обжора Каллимедон, которого Демосфен обвинил в предательской переписке с изгнанниками в Мегаре, также были осуждены, мы не знаем по каким обвинениям, и были вынуждены либо по приговору к изгнанию, либо чтобы избежать худшего, покинуть Афины. Теперь они сбросили маски, открыто поступили на службу Македонии и были наняты Антипатром, чтобы противодействовать влиянию афинских послов в Пелопоннесе всей силой своей ораторской дальности.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕМОСТЕНА; СМЕРТЬ ЛЕОСТЕНА

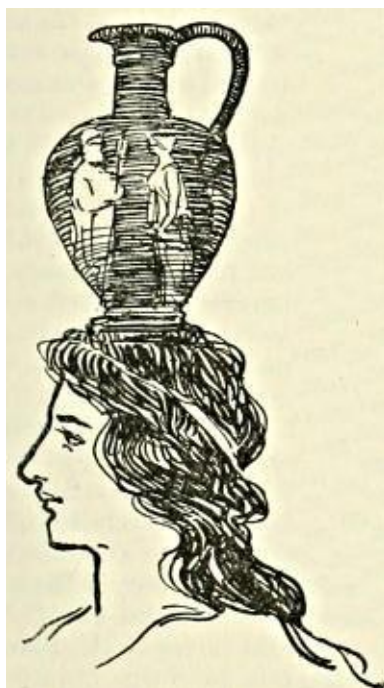

Демостен не смирился с вечным изгнанием так же спокойно, как Эсхин. Возможно, это было проявлением слабости, но такой слабости, которая не умаляет нашего уважения к нему, — он встретил эту мысль с меньшим мужеством, чем мысль о смерти. Но когда он услышал об успехах Леостена, когда он узнал, что афинское посольство объезжает Пелопоннес, чтобы отстаивать дело национальной независимости, и что на каждом шагу ему мешают наемники Антипатра, его уныние и обида исчезли; он покинул свое уединение, присоединился к посланникам и сопровождал их до конца их миссии. Именно ему она обязана своими важнейшими результатами. Сикион, Аргос и даже Коринф упоминаются среди государств, которые были привлечены в союз благодаря его красноречию. Его родственник Демон воспользовался общим настроением, чтобы предложить декрет о его возвращении. Он был принят, и не в форме акта милости, а в форме уважительного приглашения. Государственные власти отправили корабль, чтобы привезти его из места его пребывания. Когда корабль вернулся с ним в Пирей, торжественная процессия во главе с магистратами и жрецами вышла ему навстречу, чтобы приветствовать его и сопроводить обратно в город. Теперь он снова поднял руки — возможно, к богине, которую он несправедливо упрекнул — и поздравил себя с возвращением, гораздо более счастливым, чем возвращение Алкивиада, поскольку оно было результатом свободной доброй воли его сограждан, а не вынужденным страхом. Это был действительно день такой чистой славы, который не мог быть затмевен тысячей скандальных анекдотов, что он с радостью согласился бы на цену, которую впоследствии за это заплатил. Наказание, к которому он был приговорен, все еще оставалось неисполненным, и это было одно из тех обязательств, которые, по-видимому, не могли быть отменены по закону. Но Демон принес указ, согласно которому Демосфену из казны было выделено пятьдесят талантов, номинально для покрытия расходов на алтарь, который ежегодно украшался за счет государственных средств для одного из праздников.

Но эти яркие проблески радости и надежды вскоре были затменены. Удача Антипатра упала до самой низшей точки; теперь она должна была постепенно набирать силу. Первым бедствием, обрушившимся на греческое дело, была смерть Леостена. Антипатр направил вылазку против осаждающих, которые были заняты обходными работами. Завязался ожесточенный бой, и Леостен, поспешивший на помощь своим людям, был поражен в голову камнем из метательного орудия, потерял сознание и был отнесен в лагерь, где скончался на третий день.

Оставалось решить, кто займет место Леостенеса. Как мы видим, выбор был без спора оставлен за Афинами. Командование получил Антифил, молодой человек, заслуживший высокую репутацию за мужество и военное мастерство.

ЛЕОННАТ

Водонос

Но тем временем приближалась помощь для спасения Антипатра. Леоннат прибыл, чтобы вступить во владение своей сатрапией, с инструкциями от Пердикаса помочь Эвмену в завоевании Каппадокии. Но если он и был когда-то серьезно настроен на это предприятие, то вскоре его отвлекли другие планы. Он вступил в тайную переписку с Олимпиадой, которая, находясь в открытой вражде с Антипатром и будучи весьма недовольна недавними договоренностями, желала через свою дочь Клеопатру, овдовевшую царицу Эпира, заключить союз с кем-нибудь достаточно могущественным, чтобы защитить ее интересы. История таких переговоров редко известна точно; известно только, что Леоннат получил письмо от Клеопатры, в котором она обещала ему свою руку — если он прибудет в Пеллу с достаточной силой, как можно предположить, чтобы победить Антипатра и обеспечить себе престол Македонии. Он был человеком оптимистичного нрава, а также с огромными амбициями, и с энтузиазмом принял это предложение. Пока он был занят этим планом, он получил сообщение от Антипатра, который теперь был заблокирован в Ламии, с просьбой о скорейшей помощи. Посланник Антипатра был уполномочен предложить Леоннату руку одной из дочерей Антипатра. Эвмен пытался отговорить Леонната от согласия на эту просьбу и заявлял, что считает свою жизнь находящейся в опасности из-за вражды Антипатра и Гекатея. Леоннат решил, что может безопасно довериться ему, показал ему письма Клеопатры и заверил его, что его намерения по отношению к Антипатру были исключительно дружественными. Но этот план совершенно не устраивал Эвмена, который понимал, что, вероятно, лишится своего сатрапства при покровительстве Пердика, и не доверял импульсивному характеру Леонната. Поэтому он бежал ночью, сопровождаемый лишь тремястами всадниками и двумястами вооруженными рабами, со своим сокровищем, которое составляло пять тысяч талантов, и бежал к Пердикке, чью благосклонность он обеспечил этим доказательством верности.

У Леонната теперь не оставалось выбора. Только в Македонии он мог надеяться утвердиться. Но, по-видимому, он счел необходимым для себя сначала подавить восстание греков, а затем избавиться от Антипатра. Поэтому он переправился в Европу и двинулся к месту военных действий. В Македонии он пополнил свою армию большим количеством войск, которая тогда насчитывала не менее двадцати тысяч пехотинцев и две с половиной

тысячи всадников. Когда Антифил услышал о приближении этой грозной силы, он сразу понял, что осаду необходимо снять, и, по-видимому, принял меры с большой рассудительностью и энергией. Он поджег свой лагерь, отправил багаж и всех бесполезных людей в Мелитею, город на Энипее, который находился недалеко от его пути, а сам, перейдя цепь Офрис, продвинулся с незагруженными войсками навстречу Леоннату, прежде чем к нему мог присоединиться Антипатр.

СМЕРТЬ ЛЕОННАТА; МОРСКАЯ ВОЙНА; ВОЙНА В ФЕССАЛИИ

Леонат атаковал с присущей ему храбростью, но после ожесточенного сражения его войска были разбиты, обращены в бегство и загнаны в болото, где он сам пал, пронзенный множеством ран. Греки остались хозяевами поля битвы и воздвигли свой трофей, третий, который они завоевали с начала войны.

Однако для Антипатра потеря, которую он понес в результате поражения Леонната, с лихвой компенсировалась преимуществом, которое он получил от смерти грозного соперника, хотя он, возможно, и не осознавал всей степени опасности. Он следовал за походом греков и, по-видимому, находился недалеко от места сражения, поскольку на следующий день он соединился с армией Леонната, которая немедленно признала его своим вождем. Теперь он оказался во главе войска, перед которым союзники, если бы не превосходство их кавалерии, не смогли бы устоять. Тем не менее, страх, внушаемый фессалийской конницей, был настолько велик, что он не рискнул спуститься на равнину; кроме того, он, вероятно, уже получил известие о приближении Кратера. Поэтому он продвигался по возвышенности на окраине равнины к границам Македонии. Антифил и Менон могли только наблюдать за его движениями и не предпринимали никаких попыток помешать ему, а оставались в центральной долине Фессалии.

Тем временем афиняне, которые взяли на себя всю тяжесть войны на море, потерпели поражение в том, что они привыкли считать своей стихией. Македонский адмирал Клит с его 240 кораблями одержал две победы над афинянами, которыми командовал Этион, и уничтожил большое количество их кораблей. Вскоре после этого, когда македонцы стали хозяевами моря, был отправлен отряд с сильным контингентом войск, состоящим из македонцев и наемников, под командованием Микона, чтобы вторгнуться в Аттику. Фокион возглавил сильнейшие войска, которые только можно было собрать, чтобы встретить врага, высадившегося на восточном побережье, недалеко от Марафона, и захватывавшего страну. Но враг был разгромлен и с большими потерями отброшен к своим кораблям, а Микон остался среди убитых. Так что даже эта морская война, хотя она, вероятно, нанесла афинянам серьезный ущерб, закончилась так, что напомнила им о лучших днях.

Вскоре после этого ситуация в Фессалии вновь изменилась с прибытием Кратера. Он привел с собой, помимо ветеранов, четыре тысячи тяжеловооруженных солдат, тысячу персидских лучников и пращников и полторы тысячи всадников. Вероятно, он вошел в Фессалию через один из западных перевалов, так как именно в этом направлении двигался Антипатр. Когда их войска соединились, Кратер уступил верховное командование своему коллеге. Затем они вышли на равнину, где располагались союзники, и разбили лагерь у берегов Пеней. Македонская армия теперь насчитывала от сорока до пятидесяти тысяч тяжеловооруженных пехотинцев, три тысячи легких войск и пять тысяч всадников. Греки были чуть более чем в два раза меньше по численности, поскольку этолийцы не вернулись в лагерь. Антифил и Менон поняли, что им придется рискнуть сражением, иначе вскоре их покинет большая часть войск. Сражение произошло на равнине Краннон, немного западнее дороги между Лариссой и Фарсалом, недалеко от подножия низких холмов, простирающихся от Энипея до Пеней. Как и раньше, сражение началось с кавалерии. Македонская кавалерия,

вероятно, находилась под командованием Кратера, но все равно не смогла справиться с фессалийцами; и исход сражения мог бы быть таким же, как и в том, в котором пал Леоннат, если бы македонцы не имели преимущества в виде двух способных и опытных полководцев. Антипатр, который возглавлял фалангу, увидев, что его кавалерия отступает, бросился на пехоту противника. Та была совершенно неспособна выдержать удар, но все же была так умело командована, что отступила в хорошем порядке на соседнюю возвышенность и заняла там позицию, с которой македонцы тщетно пытались ее вытеснить. Из этого факта можно сделать вывод, что Александру все же больше везло с врагами, чем с офицерами. Но Менон, заметив отступление своей пехоты, не рискнул продолжать сражение, в котором он был близок к решительной победе; он отвёл свои войска, и македоняне остались повсюду хозяевами поля боя.

РАЗРУШЕНИЕ СОЮЗА

Греки потеряли не более пятисот человек, но, хотя потери были незначительными, они были результатом поражения, а в таких обстоятельствах это неизбежно было фатальным для их дела. Антифил и Менон считали себя вынужденными вести переговоры. Антипатр сразу понял, что ему представилась возможность распустить союз без нового сражения. Когда греческие глашатаи пришли к нему с предложениями о мире, он заявил, что не будет заключать никакого договора с союзом, но готов принять послов от отдельных союзных государств. Он знал, что это будет непреодолимым искушением для каждого из них отказаться от общего дела, чтобы получить для себя более выгодные условия. Но чтобы ускорить их решение, он и Кратер осадили некоторые из фессалийских городов, в том числе Фарсал, который союзники были вынуждены оставить на произвол судьбы. Это доказательство слабости и опасность, которая вынудила их пойти на это, преодолели все колебания в меньших государствах союза. Один за другим они посылали своих послов в македонский лагерь и подчинялись условиям, диктованным Антипатром, которые были неожиданно мягкими. Их снисходительность привлекла тех, кто еще колебался, и вскоре все сложили оружие.

Два государства, которые возбудили и возглавили восстание, теперь остались беззащитными перед местью завоевателя, неспособные оказать друг другу какую-либо помощь — неспособные, даже если бы их силы были объединены, оказать ему какое-либо сопротивление. Фокион теперь имел печальное удовольствие использовать в интересах своей страны влияние, которое он приобрел благодаря своим давним связям с врагами страны. За готовность, проявленную им в этом случае, мы вполне можем простить ему его мягкий упрек — что, если бы она последовала его советам, ей не понадобилась бы его помощь; так как, по правде говоря, если бы она последовала советам Лицидаса в Персидской войне, она не стала бы предметом зависти и ненависти и, возможно, никогда не подчинилась бы македонскому господину. Честь посредничества он разделил с Демадом, к которому в этой чрезвычайной ситуации сначала обратились все. Пока буря войны надвигалась на границы Аттики, Демад сидел в стороне, как Ахилл, безразличный зритель, размышляя о своей бесчестии, и его можно было убедить вмешаться только мольбами и подарками. Он был лишенным гражданских прав человеком, который не имел права давать советы. Но он не был неумолим, и когда ему вернули право голоса ( ), он предложил декрет, который был немедленно принят, о направлении послов, в число которых входили Фокион и он сам, с полными полномочиями к Антипатру. Они обнаружили, что македонская армия расположилась лагерем на месте Фив и готовилась к вторжению в Аттику. Антипатр не согласился бы ни на что, кроме абсолютной капитуляции.

В конце концов были согласованы следующие условия: они должны были выдать ряд своих ненавистных ораторов, в том числе Демосфена и Гиперида; они должны были ограничить свои права гражданства в соответствии с афинским стандартом собственности; они должны были принять гарнизон в Мунихе и выплатить сумму денег за расходы на войну. Все статьи были приняты полномочными представителями и ратифицированы народом; вскоре после этого македонский гарнизон вошел в Мунихию, чтобы уточнить толкование тех статей, которые не были точно определены.

КАПИТУЛЯЦИЯ

Мы приходим к выводу, что афиняне были склонены ожидать возрождения древней ограниченной демократии, возможно, такой, какая существовала во времена Солона, при которой беднейшие действительно были бы лишены ряда должностей, но не привилегий, которыми они пользовались в ассамблее и судах. Несмотря на безнадежное положение народа, сомнительно, ратифицировали ли бы они договор, если бы заранее знали, как Антипатр понимал этот момент. Новое постановление, которое он издал, звучало очень умеренно, если не необходимо или справедливо, но на практике оно привело к тому, что почти две трети граждан были лишены гражданских прав, а многие высланы из Греции. Оно предусматривало, что от каждого гражданина требовалось иметь две тысячи драхм, и это обычно понималось как общая сумма имущества любого рода, которым должен был обладать каждый. Если это было так, то остается необъяснимой загадкой, почему из двадцати одной тысячи человек, имевших тогда право голоса, не более девяти тысяч могли обладать такой суммой [80 фунтов стерлингов или 400 долларов].

Лишенным гражданских прав гражданам Антипатр предложил город и район во Фракии. Большое количество представителей высшего сословия было официально изгнано.

Похоже, что взнос, упомянутый в договоре, не был взыскан сразу; возможно, он был специально оставлен в качестве дополнительной гарантии их хорошего поведения. Вопрос о Самосе был передан на рассмотрение королевского совета, и по приказу Пердика афинские колонисты вскоре были изгнаны из своих владений. По-видимому, республика также была лишена Лемноса, Имброса и Скироса.

КОНЕЦ ДЕМОСТЕНА

Демостен и его товарищи по несчастью покинули город до прибытия македонского гарнизона, но едва только стало известно, что Антипатр выступил на Афины. Демад предложил принять указ, приговаривающий жертв Антипатра к смерти. Они, конечно, успели бежать, прежде чем их могли арестовать по этому указу, и их первым убежищем стала Эгина.

Когда опасность стала более насущной, друзья расстались, ища отдельных убежищ. Аристоник и Гимерай укрылись в Эакеуме. Гиперид, по-видимому, сначала искал убежища у алтаря Посейдона на том же острове, но затем перебрался на Пелопоннес и бежал в храм Деметры в Гермione, когда-то считавшийся святилищем ужасающей святости. Демосфен выбрал святилище Посейдона на острове Калаурея недалеко от Троизена. У беглецов не оставалось никакой надежды на спасение, кроме защиты богов. Но Антипатр принял меры, чтобы сделать даже эту защиту бесполезной.

Антипатр преследовал друзей свободы до самой смерти не только в Афинах. Для осуществления своего замысла он нанял группу людей, которые из-за своего позорного занятия получили название «охотников за изгнанниками». Во главе этой банды стоял итальянский грек из Турии по имени Архиас. Он был актером, а затем, по-видимому, изучал и, возможно, практиковал риторику, но мы не находим никаких следов его связи с какой-либо политической партией в Греции, где, как иностранец, он вряд ли мог быть принят в какую-либо из них. Вероятно, он служил исключительно за плату, но при этом проявлял такой же рвение в выполнении своего задания, как если бы его двигал личный враг. В своих поездках его сопровождала стража из фракийцев, и с их помощью он вытаскивал большинство афинских изгнанников — которых он, как добычу, к которой его хозяин стремился больше всего, взял на себя поймать — из-под алтарей, к которым они прижимались. Аристоник, Гимерай и Гиперид были доставлены к Антипатру, который в то время находился в Коринфе или Клеонах, и по крайней мере первые двое были немедленно казнены. Гиперид, согласно более достоверным сведениям, был отправлен на казнь в Македонию. Но все, похоже, сходятся во мнении, что Антипатр не удовлетворился его кровью, а приказал сначала вырезать ему язык, а останки бросить собакам. Однако его кости были тайно спасены одним из его родственников и перевезены в Афины, где были похоронены в могиле его отцов.

Демостен спокойно ждал прихода Архиас в храм в Калаурее, хорошо зная, что святость этого места не защитит его, и был готов к своей гибели. Говорят, что накануне ночью ему приснилось, что он соперничает с Архиасом в трагической роли; что зрители отдали ему предпочтение, но он лишился награды, потому что не был снабжен необходимыми для выступления внешними атрибутами — что, по крайней мере, было удачной иллюстрацией его неудачи в реальной борьбе, которая была делом его жизни. Когда Архий пришел к дверям храма со своими спутниками, он застал Демосфена сидящим. Сначала он обратился к нему с дружеским убеждением, чтобы выманить его из укрытия, и предложил заступиться за него перед Антипатром.

Демосфен некоторое время молча слушал его любезные обещания, но наконец ответил: «Архий, ты никогда не убеждал меня своим поведением, и не убедишь меня и сейчас своими обещаниями». Когда актер понял, что его разоблачили, он сбросил маску и стал угрожать всерьез. «Теперь, — сказал Демосфен, — ты говоришь с македонского треножника; раньше ты только играл: подожди немного, пока я напишу письмо своим друзьям дома». И он взял свиток, как будто для того, чтобы писать, и, как обычно, когда он занимался сочинением, приложил конец тростника ко рту и прикусил его; затем он закрыл лицо своей одеждой и склонил голову. Согласно другому сообщению, его видели, как он достал что-то из куска полотна и положил это в рот ( ); фракийцы подумали, что это золото. Так или иначе, он проглотил яд, который хранил для этой цели. Когда он пробыл некоторое время в таком положении, варвары, думая, что он медлит из-за страха, начали издеваться над ним, называя его трусом; и Архий, подойдя к нему, призвал его встать и повторил свои предложения о посредничестве.

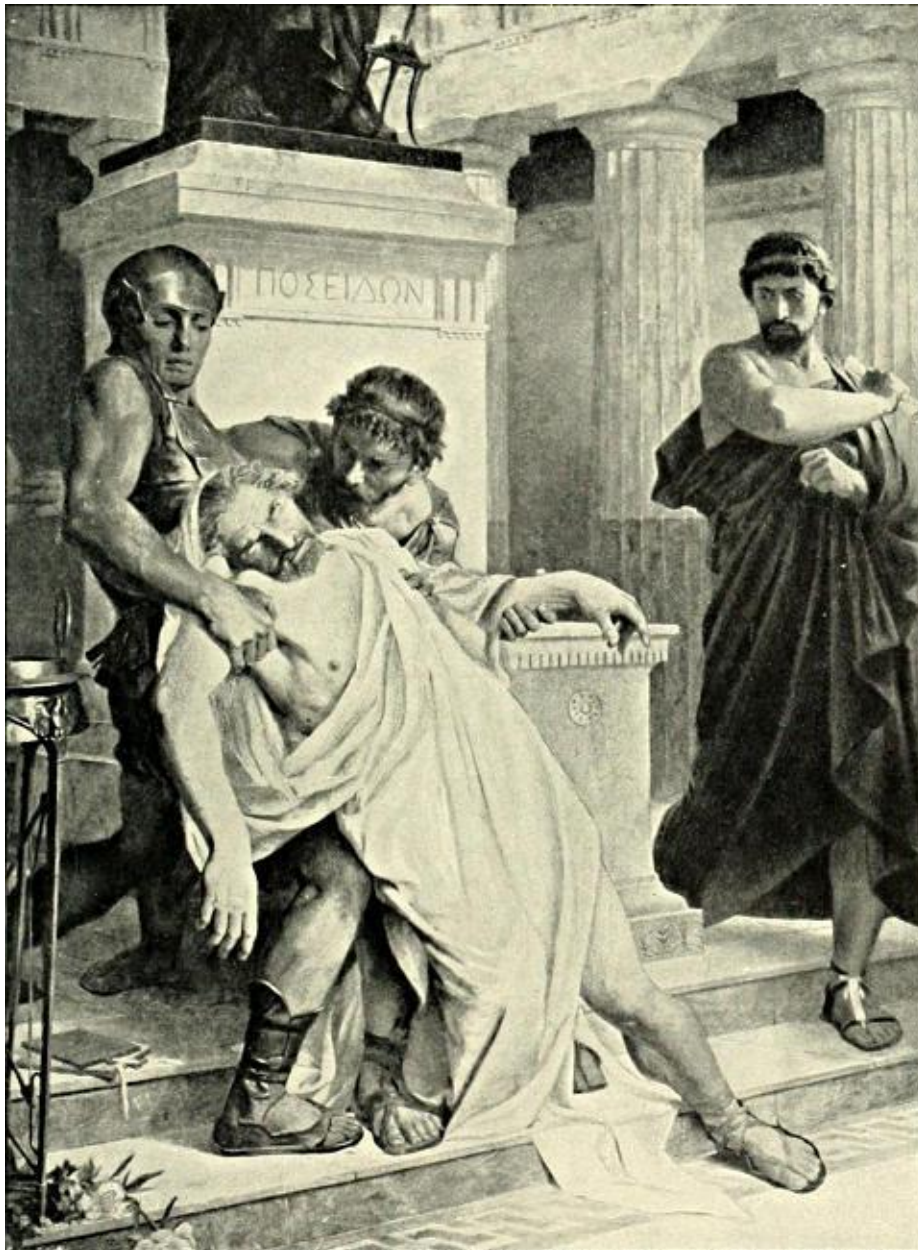
Демосфен почувствовал яд в своих венах; он открыл лицо, поднялся и, устремив взгляд на лицемера, сказал: «Пришло время, Архиас, закончить роль Креона и бросить мое тело собакам. Я покидаю твое святилище, Посейдон, еще дыша; хотя Антипатр и македоняне не пощадили даже его от осквернения». Сказав это, он шатким шагом направился к двери, но едва прошел мимо алтаря, как упал со стоном и испустил дух.

Его конец, несомненно, был бы более героическим, хотя и не в глазах его современников, если бы он смело встретил оскорбления и пытки, которые его ждали. Но его нельзя судить по представлениям о жизни, которые ему никогда не были представлены; согласно его

собственным представлениям, подчиниться врагу, которому он до сих пор сопротивлялся, ради нескольких дней позорного страдания, должно было показаться ему подлым. И даже с точки зрения высшей философии он мог думать, что боги, которые не смогли его защитить, освободили его от своей службы и позволили ему уйти с поста, который он больше не мог защищать.

Древние видели руку Провидения в судьбе гнусных орудий его гибели. О судьбе Демада будет рассказано позже; Архий закончил свои дни в крайней нищете, под гнетом всеобщего презрения. Только позже Афинам было позволено отдать должное заслугам своего великого гражданина, который, впрочем, никогда не терял их уважения. Наконец настало время, когда его племянник Демохарес мог смело предложить декрет, согласно которому его потомкам были предоставлены почести пританея и первое место на публичных зрелищах, а ему самому была воздвигнута бронзовая статуя на агоре. На ней была надпись, соответствующая по смыслу сну, который, как говорят, он видел в Калаурее: «Если бы сила твоей руки, Демосфен, равнялась силе твоего духа, Греция никогда не погрузилась бы под иго иностранцев». В эпоху Плутарха считалось, что сама статуя подтверждала общее убеждение в его невиновности по единственному обвинению, которое когда-либо бросало тень на чистоту его политического характера.^[42] Почести, возданные его памяти, не ограничивались Афинами. Ему был воздвигнут памятник в святилище, где он умер, и как в Калаурее, так и в других частях Греции он продолжал, вплоть до эпохи Адриана и, вероятно, до тех пор, пока там сохранялась память о прошлом, получать знаки общественного почитания, приближающиеся к поклонению герою.^b

СМЕРТЬ ДЕМОСТЕНА

ОЦЕНКА ДЕМОСТЕНА ГРОТОМ

Насильственная смерть этих прославленных ораторов, лишение прав и депортация афинского народа, подавление публичных дикастерий, оккупация Афин македонским гарнизоном и Греции в целом македонскими охотниками за изгнанниками — все эти события относятся к одной и той же катастрофической трагедии и знаменуют собой исчезновение автономного эллинского мира. О Гипериде как о гражданине мы знаем только то, что он от начала до конца, с ораторским талантом, уступающим только Демосфену, энергично противостоял македонскому господству над Грецией; хотя его преследование Демосфена в связи с сокровищами Харпала ( ) представляется (насколько нам известно) позорным. О Демосфене мы знаем больше — достаточно, чтобы составить о нем мнение как о гражданине и государственном деятеле. На момент смерти ему было около шестидесяти двух лет, и перед нами его первая *Филиппика*, произнесенная тридцатью годами ранее (352-351 гг. до н. э.). Таким образом, мы уверены, что даже в те ранние дни он мудро и дальновидно оценил опасность, угрожавшую греческой свободе со стороны энергичного и

агрессивного Филиппа. Он внушил своим соотечественникам эту надвигающуюся опасность в то время, когда более старые и влиятельные политики либо не могли, либо не хотели ее видеть; он громко призывал своих сограждан к личной службе и денежным пожертвованиям, подкрепляя свой призыв всеми уловками виртуозной ораторской речи, хотя такие неприятные предложения приносили ему только непопулярность. В период, когда Демосфен впервые обратился с этими искренними призывами к своим соотечественникам, задолго до падения Олинфа, власть Филиппа, хотя и была грозной, могла бы вполне удерживаться в пределах Македонии и Фракии; и, вероятно, так бы и было, если бы Демосфен в 351 году до н. э. обладал таким же общественным влиянием, как и десять лет спустя.

На протяжении всей карьеры Демосфена в качестве государственного советника, вплоть до битвы при Херонее, мы наблюдаем то же сочетание искреннего патриотизма с мудрой и дальновидной политикой. В течение трехлетней войны, закончившейся битвой при Херонее, афиняне в основном следовали его советам; и хотя конечные военные результаты этой войны были катастрофическими, за что Демосфен не мог нести ответственности, ее ранние этапы были достойными и успешными, ее общий план был лучшим из возможных, а дипломатическое управление — всеобщим триумфом. Но то, что придает целям и политике Демосфена особую величественность, — это то, что они были не просто афинскими, но в значительной степени и пангелленскими. Он стремился защитить от Филиппа не только Афины, но и весь греческий мир. В этом он превосходит величайших своих предшественников за полвека до своего рождения — Перикла, Архидаму, Агесилая, Эпаминонду, чья политика была скорее афинской, спартанской, фиванской, чем греческой. Он возвращает нас во времена вторжения Ксеркса и поколения, непосредственно последовавшего за ним, когда борьба и страдания афинян против Персии были освящены полным совпадением интересов со всей Грецией. Чувства, к которым Демосфен апеллирует в своих многочисленных речах, — это чувства благороднейшего и величайшего патриотизма, попытка разжечь древнегреческое чувство автономного эллинского мира как необходимое условие достойного и желанного существования, но в то же время внушение, что эти блага можно сохранить только трудом, самопожертвованием, преданностью судьбе и готовностью к тяжелому и неустанному личному служению.

УКРАШЕНИЕ С ВАЗЫ

С момента разрушения Фив Александром в 335 г. до н. э. до Ламийской войны после его смерти политика Афин не проводилась и не могла проводиться Демосфеном. Но, будучи обреченным на относительную неэффективность, он все же оказал Афинам существенную услугу в деле Харпала в 324 г. до н. э. Если бы он, вместо того чтобы противостоять союзу

города с Харпалом, поддержал его так же горячо, как Гиперид, преувеличенные обещания изгнанника, вероятно, возобладали бы, и война была бы объявлена Александру. Ламийская война не была его первоначальной идеей, поскольку в момент ее начала он находился в изгнании. Но он с безграничным энтузиазмом бросился в нее и сыграл большую роль в привлечении к ней большого числа греческих государств. Несмотря на ее катастрофический исход, она, как и битва при Херонее, была славной попыткой восстановить греческую свободу, предпринятой в обстоятельствах, которые обещали неплохие шансы на успех. Не было чрезмерной опрометчивости в расчетах на беспорядки в империи, оставленной Александром, на взаимную вражду между главными офицерами и на вероятность того, что придется сражаться только с Антипатром и Македонией, практически без подкрепления из Азии. Несмотря на то, что в конечном итоге это предприятие оказалось катастрофическим, риск был вполне оправдан, учитывая столь благородную цель; и если бы война затянулась еще на год, ее исход, вероятно, был бы совсем другим. Мы увидим это вскоре, когда перейдем к событиям в Азии. После столь разрушительной катастрофы, погубившей свободу слова в Греции и рассеявшей афинский демос по дальним землям, сам Демосфен в возрасте шестидесяти двух лет вряд ли мог желать продлевать свое существование в качестве беженца за морем.

Из речей, которые он сочинял для частных истцов, а иногда и для себя самого, перед дикастерией, и из многочисленных вдохновляющих и поучительных речей о текущих государственных делах, с которыми он обращался к собравшимся соотечественникам, несколько сохранились для восхищения потомков. Эти речи служат нам не только свидетельством его непревзойденного мастерства оратора, но и одним из главных источников, позволяющих нам оценить последнюю фазу свободной греческой жизни как действующую и действенную реальность.

АНТИПАТР В ГРЕЦИИ

[322-319 гг. до н. э.]

Смерть Демосфена с ее трагическими обстоятельствами в целом менее печальна, чем долгая жизнь Фокиона, агента македонского господства в полуопустошенном городе, где он родился свободным гражданином и которому он так долго помогал управлять как свободной общине. Бесчестье положения Фокиона, должно быть, усугублялось бедствиями в Афинах, вызванными как насильственной депортацией половины свободных граждан, так и из-за принудительного возвращения афинских поселенцев с острова Самос, который был отнят у Афин после сорока трех лет оккупации и возвращен самосцам и их возвращенным изгнанникам по указу Пердика от имени Арридея. Занимая эту неприятную должность, Фокион осуществлял власть с присущей ему честностью и мягкостью. Стараясь защитить граждан от беспорядков со стороны гарнизона Мунихии, он поддерживал дружеские отношения с его командиром Мениллом, хотя и отказывался от всех подарков как от него, так и от Антипатра.

По всему Пелопоннесу Антипатр очищал и реформировал города, Аргос, Мегалополис и другие, как он сделал в Афинах, устанавливая в каждом из них олигархию из своих сторонников — иногда с македонским гарнизоном — и казня, депортируя или изгоняя враждебных, непокорных или демократически настроенных граждан. Завершив покорение Пелопоннеса, он переправился через Коринфский залив, чтобы напасть на этолийцев, которые теперь были единственными греками, не подчиненными ему. Целью Антипатра было не просто покорить этот воинственный и грубый народ, но и переправить его массово в Азию и отправить в пустыни внутренних районов империи. Его армия была слишком

сильна, чтобы ей можно было противостоять на равной территории, поэтому все более доступные города и деревни попали в его руки. Но этолийцы храбро защищались, укрыли свои семьи в высокогорных городах и на вершинах гор своей очень пересеченной страны и нанесли серьезный ущерб македонским захватчикам. Тем не менее, Кратер, который вел такую же войну с Александром в Согдиане, проявил такое мастерство в захвате путей сообщения, что перехватил все их припасы и довел их до крайнего отчаяния в разгар зимы, которая к тому времени уже наступила. Этолийцы, несмотря на свою храбрость и выносливость, вскоре были бы вынуждены сдаться из-за холода и голода, если бы неожиданное прибытие Антигона из Азии не сообщило Антипатру и Кратеру такие новости, которые побудили их подготовиться к возвращению в Македонию с целью перехода через Геллеспонт и проведения операций в Азии. Они заключили мир с этолийцами, отложив на будущее свой план депортации этого народа, и отступили в Македонию, где Антипатр укрепил свой союз с Кратером, отдав ему в жены свою дочь Филу.

Другая дочь Антипатра, по имени Никея, была недавно отправлена в Азию, чтобы стать женой Пердика. Этот полководец, выступавший в качестве опекуна или премьер-министра царей из рода Александра (о которых теперь говорят во множественном числе, поскольку Роксана родила посмертного сына по имени Александр и сделала его царем совместно с Филиппом Арридеем), сначала стремился к тесному союзу с Антипатром, требуя выдать за него свою дочь замуж. Но новые перспективы открылись перед ним благодаря интригам принцессы в Пелле (Олимпиады с ее дочерью Клеопатрой, вдовой молоського Александра), которая всегда была в ссоре с Антипатром, даже при жизни Александра, и Кинаны (дочери Филиппа от иллирийской матери и вдовы Аминта, двоюродного брата Александра, убитого по приказу Александра) с ее дочерью Эвридикой. Уже упоминалось, что Клеопатра предложила Леоннату руку и сердце, пригласив его приехать и занять трон Македонии; он последовал ее призыву, но был убит в своей первой битве с греками, тем самым избавив Антипатра от опасного соперника. Первый план Олимпиады был таким образом сорван, и она послала к Пердикке, предлагая ему брак с Клеопатрой. Пердикка уже дал слово дочери Антипатра, но теперь он раздумывал, не будет ли лучше для его амбиций нарушить данное обещание и принять новое предложение. К этому шагу его подтолкнул Евмен, его самый способный друг и соратник, неизменно приверженный интересам царской семьи и при этом лично ненавидимый Антипатром. Но Алкитас, брат Пердика, заявил, что открыто и немедленно провоцировать гнев Антипатра было бы опасно. В результате Пердикка решил на время принять Никею, но вскоре отправить ее прочь и взять Клеопатру, которой Евмен передал его тайные заверения. Кинана (дочь Филиппа и вдова его племянника Аминтаса), воинственная и амбициозная женщина, привезла в Азию свою дочь Эвридику с целью выдать ее замуж за царя Филиппа Арридея. Не желая этого брака и, вероятно, под влиянием Олимпиады, Пердикка и Алкитас казнили Кинану. Но возмущение, вызванное этим поступком среди солдат, было настолько сильным, что угрожало их безопасности, и они были вынуждены разрешить брак царя с Эвридикой.

Все эти интриги продолжались в течение лета 322 года до н. э., в то время как греки все еще эффективно вели Ламийскую войну. Примерно осенью того же года Антигон (прозванный Одноглазым), сатрап Фригии, раскрыл эти тайные интриги Пердика, который по этой и другим причинам начал рассматривать его как врага и замышлять покушение на его жизнь. Осознав опасность, Антигон бежал из Азии в Европу, чтобы рассказать Антипатру и Кратеру о враждебных маневрах Пердика; услышав эту новость, два генерала немедленно отказались от войны с Этолией и вывели свою армию из Греции, чтобы заняться более важной задачей — противодействием Пердикке в Азии.

Весной 321 года до н. э. Антипатр и Кратер, согласовав свои действия с Птолемеем, правителем Египта, переправились в Азию и начали борьбу с Пердиккой, который, взяв с собой царей, выступил против Египта, чтобы атаковать Птолемея.

Смерть Пердика и дезертирство его солдат привели к тому, что полное превосходство перешло в руки Антипатра, Птолемея и Антигона. Антипатр был приглашен в армию, которая теперь состояла из объединенных сил Птолемея и Пердика. Там он был наделен опекой над личностями царей и своего рода министерским верховенством, которое ранее принадлежало Пердику. Однако он подвергался многим трудностям и даже большой личной опасности из-за интриг принцессы Эвридики, которая проявляла мужскую смелость, публично обращаясь к солдатам, а также из-за недовольства армии, которая требовала подарков, ранее обещанных им Александром, но на которые в тот момент не было средств. В Трипарадесе в Сирии Антипатр провел второе распределение сатрапий империи, несколько измененное, но в основном совпадающее с тем, которое было составлено вскоре после смерти Александра. Птолемею были закреплены Египет и Ливия, Антигону Великому — Фригия, Ликия и Памфилия, как и раньше.

Антигон был поставлен во главе главной македонской армии в Азии, чтобы разгромить Эвмена и других главных сторонников Пердика, большинство из которых были приговорены к смерти голосованием македонской армии. Через некоторое время сам Антипатр в сопровождении царей вернулся в Македонию, уклонившись от повторного требования со стороны своих солдат выдать обещанные подарки. Война Антигона, сначала против Эвмена в Каппадокии, а затем против Алкетаса и других сторонников Пердика в Писидии, длилась много месяцев, но в конце концов закончилась успешно. Эвмен, страдавший от постоянных измен и неповиновения македонцев, был разгромлен и изгнан с поля боя. Он укрылся с горсткой людей в неприступной и хорошо снабженной крепости Нора в Каппадокии, где он выдержал длительную блокаду, по-видимому, более года, против Антигона.

СМЕРТЬ АНТИПАТРА И ДЕМАДА

[319 г. до н. э.]

До того, как затянувшаяся блокада Норы подошла к концу, Антипатр, будучи в очень преклонном возрасте, заболел и вскоре умер. Одним из его последних поступков было казнь афинского оратора Демада, который был отправлен в Македонию в качестве посланника с просьбой об удалении македонского гарнизона из Мунихии. Антипатр обещал или дал надежду, что если олигархия, которую он создал в Афинах, будет непоколебимо поддерживать Македонию, он выведет гарнизон. Афиняне пытались убедить Фокиона отправиться в Македонию, чтобы добиться выполнения этого обещания, но он упорно отказывался. Демад, который охотно взялся за эту миссию, прибыл в Македонию в очень неблагоприятный для себя момент. Документы покойного Пердика попали в руки его противников, и среди них было найдено письмо, написанное ему Демадом, в котором тот приглашал его переправиться через границу и спасти Грецию от зависимости «от старого и прогнившего каркаса», имея в виду Антипатра. Это письмо сильно обидело Антипатра — тем более, что Демад, как говорят, был его постоянным пенсионером — и еще больше обидело его сына Кассандра, который приказал схватить Демада с его сыном, сначала убил сына на глазах и даже в объятиях отца, а затем убил самого отца, с горькими упреками в его неблагодарности. Все описания, которые мы читаем, в целом изображают Демада как расточительного транжиру и продажного и коррумпированного политика. У нас нет

оснований подвергать сомнению это утверждение; в то же время у нас нет конкретных фактов, чтобы его доказать.

ПОЛИСПЕРХОН И КАССАНДР

В своих последних указаниях Антипатр назначил Полисперхона, одного из ветеранов-офицеров Александра, главным администратором с полными полномочиями от имени императорской династии, а своему собственному сыну Кассандру он отвёл лишь второе место в качестве хилиарха, или генерала телохранителей. Он считал, что такое распределение власти будет более приемлемым для всей империи, поскольку Полисперхон был старше и имел более длительный стаж военной службы, чем любой другой из генералов Александра. Кроме того, Антипатр особенно боялся, что власть перейдет в руки принцесс, все из которых — Олимпиада, Клеопатра и Эвридика — были энергичными личностями, а первая из них (которая уехала в Эпир из-за вражды с Антипатром) была яростной и неумолимой.

Мыс Суниион

[319-318 гг. до н. э.]

Но планы Антипатра с самого начала были обречены на провал, потому что Кассандр не хотел уступать второе место и не терпел Полисперхона как своего начальника. Сразу после смерти Антипатра, но до того, как об этом стало известно общественности, Кассандр отправил Никанора с якобы приказами Антипатра заменить Менилла в правительстве Мунихии. Мениллу подчинился этому приказу. Но когда через несколько дней афинская общественность узнала правду, она была недовольна Фокионом за то, что он позволил произвести эту замену, предполагая, что он знал о реальном положении дел и мог бы не допустить нового командующего. Кассандр, обеспечив этот важный пост в руках убежденного сторонника, сделал вид, что соглашается с властью Полисперхона, и занялся охотой в сельской местности. В то же время он послал доверенных сторонников в Геллеспонт и другие места для продвижения своих планов, в частности, для заключения союза с Антигоном в Азии и с Птолемеем в Египте. Его посланцы были в целом хорошо приняты, и вскоре он сам внезапно покинул Македонию и отправился в Азию для согласования мер с Антигоном. Помощь Полисперхону в борьбе с императорской династией соответствовала политике Птолемея и еще в большей степени — политике Антигона. После смерти Антипатра Антигон решил стать реальным правителем азиатской Александрийской империи, поскольку обладал самой мощной в ней военной силой.

Еще до этого императорская династия была скорее названием, чем реальностью, но все же уважаемым названием. Но теперь предпочтение, оказанное Полисперхону покойным Антипатром, и отделение Кассандра привели к активной враждебности всех реальных

великих держав по отношению к династии. Полисперхон и его друзья не были слепы к трудностям своего положения. Главные офицеры Македонии были созваны для обсуждения, и было решено пригласить Олимпиаду из Эпира, чтобы она могла взять на себя опеку над своим внуком Александром (сыном Роксаны); передать азиатские интересы династии в руки Эвмена, назначив его верховным командующим; и сражаться с Кассандром в Европе, заручившись общей доброжелательностью и поддержкой греков. Последнюю цель планировалось достичь путем предоставления грекам общего освобождения от рабства и свержения олигархий и военных правительств Антипатра, которые в то время господствовали во всех городах.

ОЛИМПИА И ЭВМЕН

Последняя надежда на сохранение единства империи Александра в Азии, вопреки противоположным интересам великих македонских военачальников, которые неуклонно стремились разделить и присвоить ее, теперь заключалась в верности и военном мастерстве Эвмена. Полисперхон предоставил в его распоряжение императорские сокровища и солдат в Азии, особенно храбрых, но неверных и беспорядочных аргирасп. Олимпиада также обратилась к нему с трогательным письмом, прося совета как единственного друга и спасителя, на которого теперь могла надеяться императорская семья. Эвмен ответил, заверив их в своей преданности их делу. Но в то же время он посоветовал Олимпиаде не выходить из Эпира в Македонию, а если она все же приедет, то в любом случае воздерживаться от мстительных и жестоких действий. Обе эти рекомендации, достойные как его благоразумия, так и его человечности, были проигнорированы старой царицей. Она прибыла в Македонию, чтобы взять на себя управление делами, и хотя ее внушительный титул — мать великого завоевателя — вызывал сильные благосклонные чувства, ее многочисленные казни сторонников Антипатра вызвали роковую вражду к и без того шаткой династии. Тем не менее Эвмен, хотя его совет был проигнорирован, посвятил себя в Азии непоколебимой верности семье Александра, сопротивляясь самым заманчивым приглашениям присоединиться к Антигону против них. Его пример во многом способствовал сохранению тех же активных настроений у окружающих его людей; действительно, без него императорская семья не имела бы в Азии искреннего и авторитетного представителя ( ). Его доблестная двухлетняя борьба против значительно превосходящих сил Птолемея, Антигона и Селевка, а также против непрекращающегося вероломства своих собственных офицеров и войск, является одним из самых памятных подвигов древности. Хотя даже с военной точки зрения они едва ли уступают подвигам самого Александра, они, кроме того, демонстрируют гибкость и способности, которыми Александр не обладал и в которых не нуждался, для преодоления тысячи трудностей, созданных предателями и мятежниками вокруг него. До последнего Эвмен оставался непокоренным; он был предан Антигону подлым и продажным предательством своих собственных солдат, македонских аргирасп.

ИМПЕРСКИЙ УКАЗ О ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗГНАННИКОВ

Узнав о смерти Антипатра, большинство греческих городов послали послов в Пеллу. Для всех правительств этих городов, состоявших из его созданий, было чрезвычайно важно узнать, какой курс примет новая македонская власть. Полисперхон, убежденный в том, что все они присоединятся к Кассандру и что его единственный шанс бороться с этим соперником — заручиться симпатией и интересами народа в Греции или, по крайней мере, подрывать эти антипатрианские олигархии, — совместно со своими советниками составил прокламацию, которую он издал от имени династии.

Это провозглашение предписывало удаление всех гарнизонов и свержение всех олигархий, установленных Антипатром после Ламийской войны. Оно предписывало возвращение изгнанников, которые были изгнаны в то время. Оно восстановило положение, существовавшее до смерти Александра, которое, по сути, было в основном совокупностью македонизирующих олигархий, перемежающихся македонскими гарнизонами. Однако для существующих олигархий Антипатра это было смертельным ударом, и так это, должно быть, поняли греческие послы, в том числе, вероятно, делегации изгнанников, а также послы от гражданских правительств, которым Полисперхон передал его в Пелле. Не довольствуясь общим указом, Полисперхон направил специальные письма в Аргос и различные другие города, приказывая изгнать ведущих деятелей Антипатрии с конфискацией имущества, а в некоторых случаях казнить; имена, вероятно, были предоставлены ему изгнанниками. Наконец, поскольку было ясно, что такие строгие меры не могут быть выполнены без применения силы — тем более что эти олигархии будут поддерживаться Кассандром извне — Полисперхон решил ввести в Грецию большие военные силы, отправив туда сначала значительный отряд под командованием своего сына Александра для немедленных операций.

В Афины, как и в другие города, Полисперхон направил специальные письма, обещая восстановление демократии и возвращение изгнанников. В Афинах такая перемена была более значительной революцией, чем где-либо, потому что число изгнанников и депортированных лиц было там самым большим. Для девяти тысяч афинских граждан, проживавших в то время в городе, это было, без сомнения, отвратительно и тревожно, а для Фокиона и других ведущих антипатристов это грозило не только потерей власти, но, вероятно, ничем иным, как выбором между бегством и смертью. Однако положение дел в Афинах теперь было необычайно новым и сложным. Были антипатристы и девять тысяч полноправных граждан, были изгнанники, которые в соответствии с новым указом быстро начали возвращаться в город и требовать возвращения своего гражданства и собственности. Было известно, что Полисперх и его сын скоро придут с мощной армией ( ). Наконец, был Никанор, который удерживал Мунихию с гарнизоном не для Полисперкона и не для афинян, а для Кассандра; последний также ожидался с войском из Азии. Таким образом, здесь было несколько партий, каждая из которых отличалась от других своими взглядами и интересами, а некоторые были явно враждебны друг другу.

БОРЬБА В АФИНАХ

Первая борьба возникла между афинянами и Никанором по поводу Мунихии, которую они требовали от него эвакуировать в соответствии с недавним прокламацией. Никанор со своей стороны дал уклончивый ответ, пообещав выполнить требование, как только позволят обстоятельства, но в то же время умоляя афинян продолжать союз с Кассандром, как они были с его отцом Антипатром. По-видимому, он надеялся убедить их выступить в его пользу — и не без веских оснований, поскольку лидеры Антипатра и часть из девяти тысяч граждан не могли не опасаться исполнения указа Полисперкона. Кроме того, у него было еще более важное преимущество — тайное покровительство и поддержка Фокиона, который установил тесные отношения с Никанором, как ранее с Мениллом, и который больше всех боялся указа Полисперкона.

Предвидя серьезность грядущего противостояния, Никанор тайно вводил в Мунихию новых солдат. Вскоре, совершив неожиданное нападение из Мунихии и Саламина, он захватил Пирей врасплох, поместил город и гавань под военную оккупацию и перекрыл связь с Афинами рвом и частоколом. В ответ на эту явную агрессию афиняне бросились к

оружию. Но Фокион, как полководец, охладил их пыл и даже отказался возглавить их в атаке на Пирей, прежде чем Никанор успел укрепиться в нем.

ГРЕЧЕСКИЙ КРЕСТЬЯНИН

(по Хоупу)

Оккупация Пирея в дополнение к Мунихии была серьезным бедствием для афинян, поставив их в еще более тяжелое положение, чем при Антипатре. Богатый, активный и торговый Пирей, в котором находились афинский арсенал, доки и военные запасы, был во многих отношениях более ценным, чем сама Афина — для всех целей войны он был гораздо более ценным. Кассандр теперь имел отличное место для размещения войск и базу, которую Мунихия сама по себе не могла бы предоставить, для своих операций в Греции против Полисперкона; поэтому потеря Пирея ударила по нему не менее сильно, чем по афинянам. Фокион, в качестве генерала, был заранее предупрежден об опасности, мог бы предотвратить ее и должен был это сделать. Это было серьезным нарушением служебных обязанностей, и вряд ли можно найти другое объяснение, кроме как предательское попустительство. Похоже, что Фокион, предвидя свою собственную гибель и гибель своих друзей в случае триумфа Полисперкона ( ) и возвращения изгнанников, хотел способствовать захвату Пирея Никанором, чтобы заставить Афины заключить союз с Кассандром; этот союз, вероятно, был бы заключен, если бы Кассандр достиг Пирея по морю раньше, чем первые войска Полисперкона по суше. Фокион был здесь виновен, по крайней мере, в преступной халатности, а вероятно, и в еще более преступной измене, которая нанесла серьезный ущерб как Полисперхону, так и афинянам; об этом факте мы не должны забывать, когда будем читать о проявленной к нему горькой враждебности.

Известие о том, что Никанр овладел Пиреем, произвело сильное впечатление. Вскоре пришло письмо, адресованное ему самой Олимпиадой, в котором она приказывала ему сдать это место афинянам, которым она хотела предоставить полную автономию. Но Никанор отказался подчиниться ее приказу, все еще ожидая поддержки от Кассандра. Прибытие Александра (сына Полисперхона) с отрядом войск вселило в афинян надежду, что он пришел, чтобы помочь им силой захватить Пирей и вернуть его им. Однако их надежды вновь были обмануты. Хотя Александр разбил лагерь недалеко от Пирея, он не потребовал от афинских войск сотрудничества в его захвате, а вступил в открытые переговоры с Никанором, которого он пытался убедить или подкупить, чтобы тот сдал город. Когда

переговоры провалились, он решил дождаться прибытия своего отца, который уже шел на Аттику с основной армией.

ИНТРИГИ ФОКИОНА

[318 г. до н. э.]

Именно Фокион и его ближайшие соратники убедили Александра принять эту коварную политику: отказаться от возвращения Пирея афинянам и присвоить его себе. Для Фокиона восстановление автономности Афин — с их демократией и возвращением изгнанников, без какой-либо иностранной контролирующей силы — означало верный приговор к изгнанию, если не к смерти. Не сумев получить защиту от иностранных сил Никанора и Кассандра, он и его друзья решили положиться на Александра и Полисперхона. Они отправились навстречу Александру, когда тот входил в Аттику, объяснили ему нецелесообразность отказа от такого важного военного положения, как Пирей, пока война еще не закончена, и предложили ему сотрудничество в этом деле, обещая должным образом управлять афинской общественностью. Александр был доволен этими предложениями, принял Фокиона и других в качестве своих главных сторонников в Афинах и рассматривал Пирей как трофей, который нужно было закрепить за собой. Многочисленные возвращающиеся афинские изгнанники сопровождали армию Александра. Похоже, что Фокион желал впустить войска вместе с изгнанниками в качестве друзей и союзников в стены Афин, чтобы сделать Александра хозяином города; но этот проект был неосуществим из-за недоверия, вызванного среди афинян переговорами Александра с Никанором.

Однако стратегическая роль Фокиона, которую ему так часто доверяли, и его власть творить добро или зло теперь подходили к концу. Как только возвратившиеся изгнанники собрали достаточное количество людей, они потребовали пересмотра списка государственных чиновников и восстановления демократических форм правления. Они проголосовали за смещение тех, кто занимал должности при олигархии Антипатра и продолжал занимать их до настоящего момента. Среди них первым стоял Фокион; вместе с ним были его зять Харикл, Деметрий из Фалера, Каллимедон, Никокл, Тудипп, Гегемон и Филокл. Эти лица были не только смещены, но и осуждены — некоторые к смерти, некоторые к изгнанию и конфискации имущества. Деметрий, Харикл и Каллимедон искали спасения, покинув Аттику, но Фокион и остальные просто отправились в лагерь Александра, полагаясь на его защиту в соответствии с недавним соглашением. Александр не только принял их любезно, но и дал им письма своему отцу Полисперхону с просьбой обеспечить им безопасность и защиту как людям, которые приняли его дело и по-прежнему готовы были сделать все, что в их силах, чтобы поддержать его. Вооружившись этими письмами, Фокион и его спутники прошли через Беотию и Фокиду, чтобы встретиться с Полисперхоном, который шел на юг. Их сопровождали Динарх и платейский гражданин по имени Солон, оба из которых считались друзьями Полисперхона.

Только что восстановленная афинская демократия, которая недавно приняла осуждающие постановления, была встревожена известием о том, что Александр поддержал дело Фокиона и рекомендовал своему отцу проводить аналогичную политику. Было возможно, что Полисперхон с его мощной армией попытается оккупировать Афины и захватить Пирей, а также воспользуется Фокионом (как Антипатр после Ламийской войны) в качестве удобного инструмента управления. Похоже, что это был план Александра, и он рассчитывал на Фокиона как на готового помощника в обоих делах. Теперь восстановленные демократы, хотя и обязанные своим восстановлением Полисперхону, были гораздо менее покладистыми по отношению к нему, чем Фокион. Они не только не

пускали его в город, но даже не соглашались на его отдельное занятие Мунихии и Пирея. По предложению Агнонида и Архестрата они отправили к Полисперхону делегацию, обвинявшую Фокиона и его соратников в государственной измене, но в то же время требующую для Афин полных и не урезанных преимуществ недавнего царского провозглашения — автономии и демократии, с возвращением Пирея и Мунихии свободными и без гарнизонов.

Поскольку настроения, царившие в Афинах, ясно показывали, что Фокион больше не мог быть ему полезен в качестве инструмента, Полисперхон с нетерпением слушал его защиту, несколько раз прерывал его и настолько раздражал, что тот в конце концов ударил палкой по земле и замолчал. Еще более жестоко обошлись с другим обвиняемым, Гегемоном. Приговор не мог вызывать сомнений. Фокион и его товарищи были переданы в качестве пленных афинской делегации вместе с письмом от царя, в котором он давал понять, что считает их предателями, но оставляет их на суд афинян, которые теперь восстановили свою свободу и автономию.

ПОЗОР ФОКИОНА

Македонец Клит получил указание доставить их в Афины как пленников под стражей. Печальным было зрелище, когда они въезжали в город: их везли на телегах по Керамику, мимо сочувствующих друзей и озлобленной толпы, пока не достигли театра, где должна была собраться ассамблея.

Общее чувство антипатии к нему вылилось в яростные проявления. Аггонид, главный обвинитель, поддерживаемый Эпикуром и Демофилом, обнаружил, что их обвинения были встречены с одобрением и даже ожиданием, когда они предъявили Фокиону обвинение в качестве преступника, который помог подрыву конституции, страданиям своих сограждан, подвергшихся депортации, и удержанию Афин в подчинении иностранного властителя; в дополнение к чему предательство Пирея Никанору составляло новое преступление — наложение на народ ига Кассандра, когда недавний императорский указ обещал ему автономию. После завершения обвинения Фокион был приглашен для своей защиты, но ему не удалось добиться слушания. Несколько раз пытаясь выступить, он каждый раз прерывался гневными криками; несколько его друзей были заглушены криками таким же образом, пока он, наконец, в отчаянии не отказался от дела и воскликнул:

«Что касается меня, афиняне, я признаю себя виновным; я выношу себе смертный приговор за свою политическую деятельность; но почему вы должны судить этих людей рядом со мной, которые не виновны?»

ГРЕЧЕСКИЙ ТЕРРАКОТОВЫЙ КУВШИН

«Потому что они твои друзья, Фокион», — воскликнули окружающие. Фокион больше ничего не сказал, а Агнонид предложил принять постановление, согласно которому собравшиеся должны были поднять руки, чтобы решить, виновны ли обвиняемые, и если да, то они должны быть казнены. Некоторые из присутствующих воскликнули, что перед смертью их следует подвергнуть пыткам, но это жестокое предложение, совершенно противоречащее афинскому закону в отношении граждан, было отвергнуто не только Агнонидом, но и македонским офицером Клитом. Затем был принят указ, после чего было предложено поднять руки. Почти все присутствующие подняли руки в знак осуждения; каждый даже встал со своего места, чтобы сделать эффект более впечатляющим; а некоторые даже надели венки в знак триумфа.

После вынесения приговора пять осужденных — Фокион, Никокл, Тудипп, Гегемон и Пифокл — были переданы верховным магистратам полиции, называемым «Одиннадцатью», и отправлены в тюрьму для того, чтобы им была введена обычная доза яда. Враждебно настроенные зрители бежали рядом, издеваясь над ними и оскорбляя их. Говорят, что один человек встал перед ними и плюнул на Фокиона, который повернулся к государственным служащим и воскликнул: «Никто не остановит этого непристойного человека?». Это было единственное проявление эмоций с его стороны; в остальном он сохранял спокойствие и самообладание во время этого душераздирающего марша от театра к тюрьме, среди рыданий друзей, сломленных духом четырех товарищей и яростных проявлений антипатии со стороны своих сограждан в целом. Один луч утешения появился, когда он вошел в тюрьму. Это был день, когда всадники праздновали свою торжественную процессию с венками на головах в честь Зевса. Несколько из этих всадников остановились, проходя мимо, сняли свои венки и плакали, глядя через решетку тюрьмы.

На вопрос, есть ли у него что-нибудь сказать своему сыну Фокусу, Фокион ответил: «Я настойчиво прошу его не хранить злобу на афинян». Затем всем пятерым дали выпить болиголов, последним — Фокиону. Будучи осужденными за измену, они не были похоронены в Аттике; друзьям Фокиона не разрешили разжечь погребальный костер для сожжения его тела, которое было вывезено из Аттики в Мегарид наемным агентом по имени Конопион и сожжено там огнем, добытым в Мегаре. Жена Фокиона с горничными совершила возлияния и отметила место небольшим холмиком из земли; она также собрала кости и принесла их в Афины в своей груди под покровом ночи. Она похоронила их рядом со своим домашним очагом со следующими словами: «Возлюбленная Гестия, я вверяю тебе эти мощи доброго человека. Верни их в семейную усыпальницу, как только афиняне придут в себя».^[43]

Через некоторое время (как сообщает Плутарх) афиняне действительно опомнились. Они обнаружили, что Фокион был верным и превосходным государственным служащим, раскаялись в своей суровости по отношению к нему, отпраздновали его похороны за государственный счет, воздвигли статую в его честь и казнили Агнонида по публичному судебному приговору; а Эпикур и Демофил бежали из города и были убиты сыном Фокиона.

Эти факты, по-видимому, верны, но Плутарх упускает из виду их реальное объяснение. В течение двух-трех месяцев после смерти Фокиона Кассандр, уже владевший Пиреем и Мунихией, стал также хозяином Афин; олигархическая или фокионская партия вновь приобрела господство; Деметрий Фалерейский был отозван из изгнания и поставлен управлять городом под руководством Кассандра, как Фокион управлял им под руководством Антипатра.

Мы не можем без болезненного сочувствия читать рассказ о старике старше восьмидесяти лет, лично смелом, мягком и неподкупном, насколько это касалось его позитивного управления, погибшем под сильной и сокрушительной бурей народного проклятия. Но когда мы смотрим на всю ситуацию в целом — когда мы рассматриваем не только детали управления Фокиона, но и великие общественные цели, которым эти детали служили и к которым он вел своих сограждан, — мы видим, что это суждение вполне заслужено. В патриотизме Фокиона — и он сам, без сомнения, искренне так считал — не учитывались независимость Афин, автономия или самоуправление эллинского мира, условия в отношении иностранных царей, при которых только и могла существовать такая автономия. Он не имел ни панеллинского чувства Аристиды, Калликратиды и Демосфена, ни более узкого афинского чувства, подобного преданности Агесилая Спарте и Эпаминонда Фивам. Для Фокиона было безразлично, была ли Греция совокупностью автономных городов, с Афинами на первом или втором месте среди них, или одной из сатрапий под властью македонских царей. Это было одним из самых фатальных недостатков греческого государственного деятеля.

Именно в течение пятидесяти лет политического и военного влияния Фокиона греки были низведены из состояния свободы в абсолютное рабство. Насколько это великое общественное несчастье можно приписать кому-либо одному, то больше всего оно присуще именно Фокиону. Он был стратегом в течение большей части долгих лет, когда росла мощь Филиппа; его долгом было заботиться о безопасности своих соотечественников и бороться с еще незрелым гигантом. Он слышал предупреждения Демосфена и обладал именно теми качествами, которых не хватало Демосфену — военной энергией и способностями. Если бы он использовал свое влияние, чтобы просветить близорукость, стимулировать инертность, направлять вооруженные усилия своих соотечественников, то македонские цари могли бы остаться в пределах своих владений, и будущая история Греции могла бы быть совсем другой. К сожалению, он встал на противоположную сторону. Он действовал вместе с Эсхином и сторонниками Филиппа; не получая денег от Филиппа, он бесплатно делал все, что Филипп желал, — сводя на нет и высмеивая усилия Демосфена и других активных политиков. После битвы при Херонее Фокион получил сначала от Филиппа, а затем от Александра знаки уважения, которых не удостоивался ни один другой афинянин. Это было и результатом, и доказательством его прошлых политических действий — как антиэллинских, так и антиафинских.

Сделав в первой половине своей жизни многое для порабощения Греции македонскими царями, он во второй половине жизни в некоторой степени способствовал смягчению их господства; и самым почетным моментом в его характере является то, что он всегда воздерживался от злоупотребления их явной благосклонностью к себе в целях личной выгоды или угнетения своих сограждан. Александр не только писал ему письма, даже в период расцвета имперской власти, в духе уважительной дружбы, но и дарил ему самые щедрые подарки — однажды сумму в сто талантов [20 000 фунтов стерлингов или 100 000 долларов], в другой раз выбор из четырех городов на побережье Малой Азии, как Ксеркс дал Фемистоклу. Он даже выразил свое недовольство, когда Фокион, отказавшись от всего, согласился только просить об освобождении трех греческих пленников, заключенных в Сардах. Интенсивный и единодушный гнев народа против него — поучительное, хотя и печальное зрелище. Он был направлен не против человека или администратора — ведь в обоих этих качествах Фокион был безупречен, за исключением последнего сговора с Никанором о захвате Пирея, — а против его государственной политики. Это был последний протест исчезнувшей греческой свободы, как бы говорящий из могилы громовым голосом против той роковой системы недоверия, инертности, корысти и коррупции, которая предала некогда автономные Афины иностранному завоевателю.^e

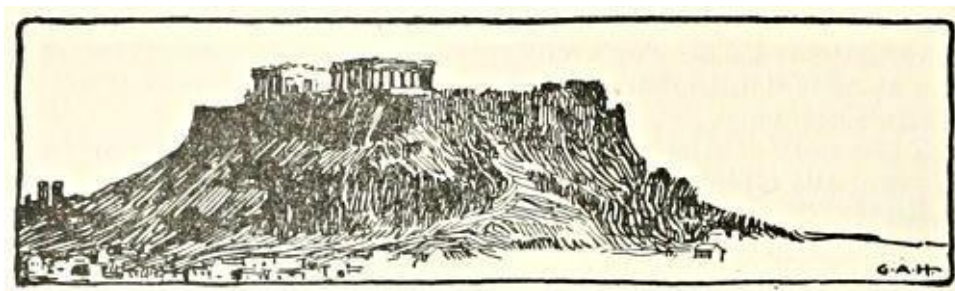

СНОСКИ

[42] Плутарх^c рассказывает следующую историю: «Один солдат, которого вызвали к своему командиру, положил все свои золотые монеты в руки статуи Демосфена, у которой обе руки были сложены вместе. Рядом с ней росло большое платановое дерево, листья которого, случайно сдутые ветром или специально положенные туда солдатом, накрыли золото, и оно пролежало там долгое время, и никто его не нашел, пока солдат не вернулся и не нашел его таким, каким оставил. После этого эта история разнеслась по всему городу, и многие мудрецы воспользовались этим поводом, чтобы сочинить эпиграммы в честь Демосфена, который при жизни никогда не был коррумпирован». Но та же история рассказывалась и о других статуях.

[43] Плутарх, *Фокион*, 36, 37. Плутарх рассказывает еще две анекдоты, достоверность которых вызывает сомнения. Никокл просил, чтобы ему разрешили выпить зелье раньше Фокиона, на что тот ответил: «Твоя просьба, Никокл, печальна и грустна, но поскольку я еще ни разу в жизни не отказывал тебе ни в чем, я удовлетворю и эту просьбу».

После того как первые четверо выпили, кроме Фокиона, больше не осталось болиголова; тогда тюремщик сказал, что не приготовит больше, если ему не дадут двенадцать драхм, чтобы купить ингредиенты. Наступило некоторое колебание, пока Фокион не попросил одного из своих друзей дать деньги, саркастически заметив, что тяжело, если человек не может даже умереть *бесплатно* в Афинах.^c

ГЛАВА LXI. ПРОВАЛ ГРЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

[318-309 гг. до н. э.]

Мы уже упоминали, что Полисперхон со своей армией находился в Фокиде, когда Фокион был приведен к нему во время его похода на Пелопоннес. До того как он достиг Аттики, Кассандр прибыл в Пирей, чтобы присоединиться к Никанору с флотом из тридцати пяти кораблей и четырьмя тысячами солдат, полученных от Антигона. Узнав об этом, Полисперхон также ускорил свой поход и явился под стены Афин и Пирея с большой армией из двадцати тысяч македонцев, четырех тысяч греческих союзников, тысячи всадников и шестидесяти пяти слонов — животных, которые теперь впервые были замечены в Греции. Сначала он осадил Кассандра в Пирее, но, обнаружив, что в Аттике трудно обеспечить пропитанием столь многочисленную армию, он с большей частью войска двинулся в Пелопоннес, оставив своего сына Александра с отрядом, чтобы противостоять Кассандру. Лично посещая различные города Пелопоннеса или обращаясь к ним через послов, он призывал к свержению олигархий, поддерживавших Антипатра, и восстановлению свободы и свободы слова для большинства граждан. В большинстве городов эта революция была осуществлена, но в Мегалополисе олигархия удержалась, не только заставив Полисперхона осадить город, но даже успешно защитив его от него. Вскоре после этого его адмирал Клит был разгромлен в Пропонтиде Никанором (которого Кассандр послал из Пирея) и Антигоном, потеряв весь свой флот.

После этих двух поражений Полисперхон, по-видимому, эвакуировал Пелопоннес и переправил свои войска через Коринфский залив в Эпир, чтобы присоединиться к Олимпиаде. Его партия была значительно ослаблена по всей Греции, а партия Кассандра пропорционально усилилась. Первым результатом этого стала капитуляция Афин. Афиняне в городе, включая всех или многих из возвращенных изгнанников, не могли больше терпеть полную изоляцию от моря, к которой их привела оккупация Пирея и Мунихии Кассандром. Афины без порта были практически нежизнеспособны; более того, Пирей считался его великим строителем Фемистоклом более необходимым для афинян, чем сами Афины. Было решено, что они станут друзьями и союзниками Кассандра; что они будут в полной мере пользоваться своим городом, портом Пиреем, своими кораблями и доходами; что изгнанные и депортированные граждане должны быть вновь приняты; что в будущем политические права должны принадлежать всем гражданам, владеющим имуществом стоимостью от тысячи драхм и выше; что Кассандр должен удерживать Мунихию с губернатором и гарнизоном до окончания войны с Полисперхоном; и что он также должен назначить одного афинского гражданина, в чьи руки будет передана верховная власть в городе. Кассандр назначил Деметрия Фалерийского (т. е. афинянина из дема Фалера), одного из соратников Фокиона.

Это соглашение фактически восстановило в Афинах правительство Антипатра, но без той суровости, которая отличала его первоначальное установление, и с некоторыми изменениями в различных аспектах. Она сделала Кассандра фактическим хозяином города (как и Антипатр до него) благодаря его назначенному правителю, поддерживаемому гарнизоном, и укреплению Мунихии, которая теперь была значительно расширена и укреплена, фактически контролируя Пирей, хотя этот порт был номинально передан афинянам. Но не было ни убийств ораторов, ни изгнания граждан; более того, даже минимальная сумма в тысячу драхм, установленная для получения политических прав, хотя

и исключавшая простой народ, должна была восприниматься как улучшение по сравнению с более высоким пределом в две тысячи драхм, установленным Антипатром. Кассандр, в отличие от своего отца, не был главой подавляющей силы, властелином Греции. Против него выступал Полисперхон с соперничающей армией и устоявшимся господством во многих греческих городах; поэтому в его интересах было воздерживаться от явно жестких мер по отношению к афинскому народу.^{[b](#)}

ГРЕЦИЯ В МИРЕ

Последующие события, в первую очередь в самой Греции, дают достаточное объяснение тому, что означал мир 311 года с точки зрения свободы греческих государств. И все же, похоже, старая магия этого слова не перестала обманывать ум и воспламенять сердца — ведь разве это слово не охватывало все, чего, как они думали, им теперь не хватало, а когда-то они наслаждались?

Их городские республики, безусловно, могли быть или стать свободными — свободными в определенном смысле, но независимыми — едва ли одна из них. Со всех сторон их окружали гораздо более могущественные державы, и хотя в этих маленьких государствах было много активных людей, готовых сражаться за плату, они были слишком бедны, чтобы создать значительные армии, слишком ревнивы и враждебны друг к другу, чтобы заключить надежный союз, и, наконец, общественный дух их граждан был слишком ослаблен, чтобы можно было надеяться на радикальное улучшение положения. Их время прошло. Только форма великой монархии могла бы удержать эту беспокойную жизнь, которая сама себя уничтожала; но все попытки в этом направлении не прижились среди народа, который был полностью сепаратистским и чьи представления о гражданстве никогда не выходили за пределы их различных городов. Те самые качества, которые так особенно подходили греческому духу, чтобы служить закваской, которая должна была воздействовать на народы Азии и способствовать их развитию, лишали его способности сохранять свою независимую политику и идти в ногу с новыми событиями того времени.

Положение Спарты в эти времена было странным. Законы Ликурга и старые формы все еще сохранялись, но старый дух исчез без следа. Это было царствование низшей безнравственности. Число граждан сократилось до нескольких сотен, конституция Ликурга, формально соблюдаемая, была ложью. Чем уже интеллектуальный круг, в котором может двигаться мысль, тем грубее должны быть представления, которые в нем господствуют. Литература и наука, утешение и надежда остальной Греции, до сих пор были запрещены в Спарте. Спарта не имела никакого другого интереса в этой ситуации, кроме того, что в ее владениях находилась всеобщая база для набора рекрутов для всех сторон — полуостров Тенар — и выдающиеся спартанцы всегда были рады выйти на поле боя в качестве наемников. Даже сын пожилого царя Клеомена II, Акротат, в 315 году возглавил наемную армию в Таренте и Сицилии, вызвав восстание тех, на чью службе он сражался, своей кровожадностью и неестественными страстями ( ). Он вернулся в Спарту опозоренным и умер, не успев унаследовать отцовский трон.

После смерти Клеомена (309 г.) Клеоним, достойный брат Акротата по развратности и высокомерию, потребовал корону; Геросия приняла решение в пользу молодого сына Акротата, Арея, и через несколько лет Клеоним поступил на службу в Тарент с отрядом наемников, чтобы опозорить имя Спарты, ведя себя еще хуже, чем его брат. На родине власть царей, поскольку государство больше не существовало для ведения войн, практически исчезла. Эфоры правили как олигархия, а олигархия хотела только спокойствия и удовольствий, укрывшись за мертвыми законами Ликурга; ничто не было дальше от их мыслей, чем идея восстановления своей прежней гегемонии, по крайней мере

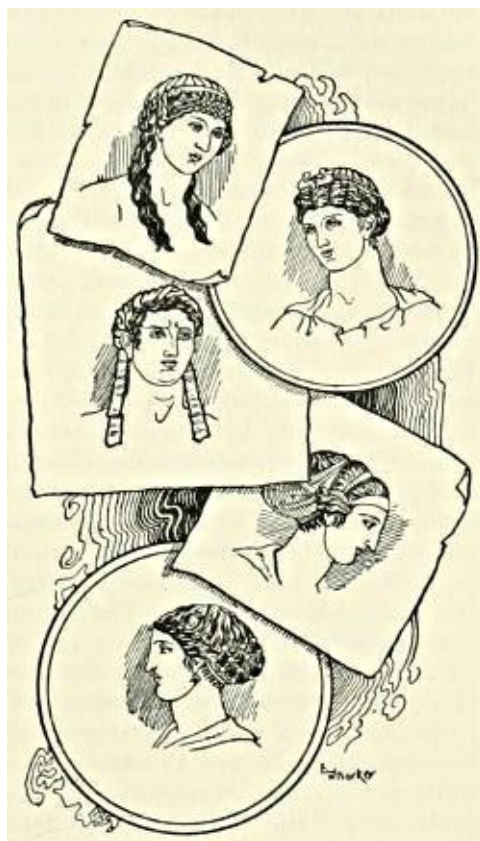
на Пелопоннесе — идея, которая теперь могла бы быть оправдана раздробленностью Греции и междоусобными распрями, которые вновь разгорались с новой силой.

АТЕНЫ ПОД ВЛАСТЬЮ ДЕМЕТРИЯ; СПАРТА ЗА СТЕНАМИ

Афины дают нам наиболее яркое представление об этом несчастном времени. Сколько раз менялись правящая партия и политика города со времени битвы при Херонее! Наконец, осенью 318 года, после победы Кассандра, государство приобрело форму, которая была далека от демократии. Человеком, которого народ избрал, а Кассандр утвердил в качестве государственного администратора, был Деметрий, сын Фанострата из Фалера. Он вырос в доме Тимофея и получил образование в области науки и политической жизни у Теофраста. Он был человеком столь же талантливым, сколь и тщеславным, столь же разносторонним в области литературы, сколь и бесхарактерным в политике — в остальном же, человеком мира и его удовольствий, который везде находил себе место.

Возможно, в молодости он жил как философ, его стол был очень скромным, «только с оливками в уксусе и сыром с островов». А потом, когда он стал правителем государства, он проявил себя, по мнению одних, как гуманный, дальновидный, превосходный государственный деятель; в то время как другие заявляют, что он тратил лишь небольшую часть доходов города (которые с помощью субсидий из Египта и Македонии он увеличил до двенадцати сотен талантов) на управление и поддержание города в состоянии готовности к войне; остальная часть уходила частично на публичные празднества и роскошь, а частично на его собственное разгульное и распутное существование. Тот, кто в своих постановлениях позиционировал себя как реформатор афинской морали, развращал нравы своим более чем сомнительным примером. Говорили, что каждый день он устраивал роскошные обеды, на которые всегда приглашалось большое количество гостей; по своим тратам на стол он превосходил даже македонцев, по своей эlegantности он превосходил киприотов и финикийцев; для ароматизации комнаты рассыпали нард и мирру, пол был усыпан цветами, комнаты украшали дорогие ковры и картины; он вел столь расточительный, столь роскошный образ жизни, что его повар, который получал остатки еды, смог за два года купить три недвижимости на прибыль, полученную от их продажи. Деметрий уделял большое внимание выбору одежды, он окрашивал волосы в светлый цвет, красил лицо, помазывал голову драгоценными маслами; он всегда был улыбчивым, он хотел понравиться всем.

Самая изысканная и необузданная распущенность соседствовала с той тонкой, изящной и остроумной культурой, которая с тех пор описывается эпитетом «аттическая» — и то, и другое характерно для жизни Афин в те дни. Было модно посещать школы философии.

ГРЕЧЕСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ.

Такие слова, как «дом», «целомудрие», «скромность», больше не слышались в Афинах того времени, или же они были лишь словами. Жизнь превратилась в фразы и эпиграммы, показную роскошь и занятое безделье. Афины раздавали лесть и развлечения могущественным мира сего и позволяли себе в ответ принимать их подарки и вознаграждения. Чем более олигархическими становились Афины, тем более раболепными они становились. Как государство, она играла роль паразита для королей и тех, кто обладал властью, лстивого нахлебника, который ничуть не стеснялся покупать восхищение и удовольствия ценой достоинства. Ее народ боялся только двух вещей: скуки и смеха — и было много поводов для того и другого. Религия исчезла, и на смену ей пришло равнодушие просвещения и суеверие — магия, колдовство, астрология. Моральное поведение, по старой привычке (ведь мораль, как и законы, была отвергнута), теоретически рассматривалось в школах и становилось темой для дебатов и литературных дуэлей. Две стандартные философские школы следующих веков, стоическая и эпикурейская, развивались в Афинах в этот период.

Конечно, для Деметрия было предметом гордости, что город был очень популярен и приносил большую прибыль. Сама торговля в Афинах в эти годы, вероятно, была более оживленной, чем в любое другое время, и соперничала с Родосом, Византием и Александрией. Согласно переписи, которая, вероятно, была проведена в год, когда Деметрий был архонтом (309 г.), население Аттики насчитывало 21 000 граждан, 10 000 иностранцев и 400 000 рабов — безусловно, огромное количество жителей для территории площадью чуть более сорока квадратных миль.^с

Завоевание Афин Кассандром, за которым последовал захват Панакта и Саламина, а также его умеренная политика по отношению к афинянам, обеспечили ему значительную поддержку в Пелопоннесе, куда он и направился со своей армией. Многие города, запуганные или убежденные, присоединились к нему и покинули Полисперхона; в то время как спартанцы, впервые почувствовав свою незащищенность, сочли разумным окружить свой город стенами. Этот факт, среди многих других современных ему, ярко свидетельствует о том, как характерные чувства эллинского автономного мира теперь умирали повсюду. Сохранение Спарты как города без стен было одной из самых глубоких и дорогих традиций Ликурга; постоянным доказательством бесстрашного поведения и уверенности спартанцев в себе перед лицом внешних опасностей. Возведение стен показало их собственную убежденность, но слишком хорошо подтвержденную реальными обстоятельствами вокруг них, что давление иностранцев стало настолько подавляющим, что едва ли оставляло им безопасность даже у себя дома.

ПОСЛЕДНИЕ ДЕЙСТВИЯ ОЛИМПИАДЫ

[317-311 гг. до н. э.]

Война между Кассандром и Полисперхоном теперь обострилась из-за вражды между членами македонской императорской семьи. Царь Филипп Арридей и его жена Эвридика, встревоженные и возмущенные восстановлением Олимпиады, которое планировал Полисперхон, обратились за помощью к Кассандру и попытались поставить в его распоряжение войска в Македонии. Однако в этом они потерпели неудачу.

Олимпиада, которой помогали не только Полисперхон, но и эпирский принц Эакид, вошла в Македонию из Эпира, по-видимому, осенью 317 г. до н. э. Она привела с собой Роксану и ее ребенка — вдову и сына Александра Македонского. Македонские солдаты, собранные Филиппом Арридеем и Эвридикой для сопротивления ей, были настолько подавлены ее именем и воспоминаниями об Александре, что отказались сражаться, тем самым обеспечив ей легкую победу. Филипп и Эвридика стали ее пленниками; первого она приказала убить, второму предложила только выбор между мечом, веревкой и ядом. Затем старая царица приступила к осуществлению своей мести семье Антипатра. Сто ведущих македонцев, друзей Кассандра, были казнены вместе с его братом Никанором, а гробница его покойного брата Иолласа, обвиненного в отравлении Александра Великого, была разрушена.

В течение зимы Олимпиада оставалась таким образом полностью господствующей в Македонии, где ее положение казалось сильным, поскольку ее союзники, этолийцы, владели перевалом при Фермопилах, а Кассандр был занят на Пелопоннесе войсками Александра, сына Полисперхона. Но Кассандр, освободившись от этих затруднений и обойдя Фермопилы морским путем в Фессалию, захватил Перрэбейские перевалы, прежде чем они были поставлены под охрану, и без сопротивления вошел в Македонию. Олимпиада, не имея армии, способной противостоять ему на поле боя, была вынуждена запереться в морской крепости Пидна вместе с Роксаной, маленьким Александром и Фессалоникой, дочерью своего покойного мужа Филиппа, сына Аминта.

Здесь Кассандр в течение нескольких месяцев блокировал ее как с моря, так и с суши, и ему удалось сорвать все попытки Полисперхона и Эакида освободить ее. Весной следующего года (316 г. до н. э.) она была вынуждена сдаться из-за невыносимого голода. Кассандр обещал ей лишь личную безопасность, требуя от нее сдачи двух великих крепостей, Пеллы и Амфиполя, что сделало его хозяином Македонии. Однако вскоре родственники многочисленных жертв, погибших по приказу Олимпиады, были поддержаны Кассандром в

их требовании казнить ее в отместку. Им не составило большого труда добиться обвинительного приговора в отношении нее от так называемого македонского собрания. Тем не менее, ее имя вызывало такое благоговение и уважение, что никто, кроме самих пострадавших, не смог привести приговор в исполнение. Она умерла с мужеством, достойным ее положения и властного характера. Кассандр взял Фессалонику в жены, а Роксану с ребенком Александром заточил в крепости Амфиполь, где (через некоторое время) приказал убить их обоих.

В то время как Кассандр был властелином Македонии, а императорская семья исчезала со сцены в этой стране, поражение и смерть Эвмена (произошедшие почти одновременно с пленением Олимпиады) устранили последнего верного сторонника этой семьи в Азии. Но в то же время это оставило в руках Антигона такое подавляющее превосходство во всей Азии, что он стремился стать наместником и хозяином всей Александрийской империи, а также отомстить Кассандру за истребление царской семьи. Его власть казалась настолько грозной, что Кассандр Македонский, Лисимах Фракийский, Птолемей Египетский и Селевк Вавилонский заключили соглашение, которое постепенно переросло в активный союз против него.

[317-315 гг. до н. э.]

Во время борьбы между этими могущественными князьями Греция предстает просто как группа подчиненных городов, удерживаемых, охраняемых, захваченных или желанных всеми ними. Полисперхон, потеряв всякую надежду на Македонию после смерти Олимпиады, был вынужден укрыться у этолийцев, оставив своего сына Александра сражаться как можно лучше в Пелопоннесе; таким образом, Кассандр теперь явно доминировал во всех греческих регионах. Утвердившись на македонском престоле, он увековечил свое имя, основав на перешейке полуострова Паллене, недалеко от места, где раньше стоял Потидея, новый город Кассандрея.

Проходя через Беотию, он взял на себя задачу восстановления города Фивы, который был разрушен двадцатью годами ранее Александром Македонским и с тех пор существовал лишь как военный пост на древней цитадели под названием Кадмея. Другие беотийские города, которым была передана территория древних Фив, были убеждены или вынуждены отказаться от нее, и Кассандр пригласил из всех частей Греции фивских изгнанников или их потомков. Из сочувствия к этим изгнанникам, а также к древней славе города, многие греки, даже из Италии и Сицилии, внесли свой вклад в восстановление. Афиняне, теперь управляемые Деметрием Фалерейским под верховной властью Кассандра, были особенно активны в этой работе; мессенцы и мегалополяне, чьи предки так много обязаны были фиванцу Эпаминонду, оказывали энергичную помощь. Фивы были восстановлены на территории, которую они занимали до осады Александром, и удерживались кассандровским гарнизоном в Кадмее, предназначенной для господства над Беотией и Грецией.

После некоторого пребывания в Фивах Кассандр продвинулся к Пелопоннесу. Александр (сын Полисперкона), укрепив перешеек, был вынужден погрузить свои войска со слонами в Мегаре и переправиться через Саронический залив в Эпидавр. Он лишил Александра Аргоса, Мессении и даже его позиций на перешейке, где оставил мощный отряд, а затем вернулся в Македонию. Его растущая мощь вызывала как опасения, так и ненависть в сердце Антигона, который пытался договориться с ним, но тщетно. Кассандр предпочел союз с Птолемеем, Селевком и Лисимахом против Антигона, который теперь был хозяином почти всей Азии и внушал всем им общий страх. Соответственно, из Азии в Пелопоннес с оружием и деньгами Антигон отправил милетца Аристодема, чтобы укрепить Александра против Кассандра, которого он далее объявил врагом македонского имени, потому что тот убил Олимпиаду,

заклучил в тюрьму других членов царской семьи и восстановил олинфских изгнанников. Он добился осуждения отсутствующего Кассандра так называемым македонским собранием по этим и другим обвинениям.

Антигон далее провозгласил от имени этой ассамблеи, что все греки должны быть свободными, самоуправляемыми и освобожденными от гарнизонов или военной оккупации. Ожидалось, что эти блестящие обещания привлекут сторонников в Греции против Кассандра; соответственно, Птолемей, правитель Египта, один из врагов Антигона, счел целесообразным выступить с аналогичными прокламациями несколько месяцев спустя, предлагая грекам те же блага от себя. Эти обещания, которые не были выполнены и не собирались выполняться ни одним из царей, по-видимому, не оказали практически никакого влияния на греков.

[315-312 гг. до н.э.]

Прибытие Аристодема в Пелопоннес возродило партию Александра (сына Полисперкона), против которой Кассандр был вынужден вновь привести все свои силы из Македонии. Несмотря на успехи против Александра в Аргосе, Орхоменосе и других местах, Кассандр не смог разгромить его и вскоре счел разумным переманить его на свою сторону. Он предложил ему отдельное правление Пелопоннесом, хотя и в подчинении у него самого; Александр принял предложение, став союзником Кассандра, и вместе с ним вел войну против Аристодема с переменным успехом, пока не был убит некоторыми личными врагами. Тем не менее, его вдова Кратесиполис, женщина мужественная и энергичная, по-прежнему сохраняла значительную силу в Сикионе.

Самыми упорными врагами Кассандра были этолийцы, о которых мы теперь впервые слышим официальное упоминание как о существенной конфедерации. Эти этолийцы стали союзниками Антигона, как раньше были союзниками Полисперкона, распространяя свои грабительские набеги даже на Аттику. Защищенные от иностранных гарнизонов отчасти благодаря своим грубым и жестоким нравам, отчасти благодаря своей гористой местности, они были почти единственными греками, которых еще можно было назвать свободными. Кассандр пытался держать их в узде через их соседей, акарнанов, которых он побудил к более концентрированному проживанию, объединив их многочисленные мелкие поселения в несколько значительных городов — Стратус, Саурия и Агриниум — удобные посты для македонских гарнизонов. Он также стал властелином Леукаса, Аполлонии и Эпидамна, победив иллирийского царя Главкия, так что его владения теперь простирались от Термаического залива до Адриатического моря. Его полководец Филипп одержал две важные победы над этолийцами и эпиротами, заставив первых отказаться от некоторых из своих наиболее доступных городов.

Власть Антигона в Азии существенно ослабла в результате успешного и прочного завоевания Селевком Вавилонии, с чего и началась эпоха последующих Селевкидов. Однако в Греции Антигон укрепил свои позиции по отношению к Кассандру. Он послал туда своего племянника Птолемея с большой армией, чтобы освободить греков, или, другими словами, изгнать гарнизоны Кассандра, в то же время отвлекая внимание Кассандра угрозой переправиться через Геллеспонт и вторгнуться в Македонию. Этот Птолемей (не египетский) изгнал солдат Кассандра из Эвбеи, Беотии и Фокиды; захватив Халкиду, Ороп, Эретрию и Карист, он вошел в Аттику и предстал перед Афинами. В городе проявилось такое большое желание вести с ним переговоры, что Деметрий Фалерийский был вынужден выиграть время, притворившись, что начинает переговоры с Антигоном, в то время как Птолемей ушел из Аттики. Примерно в то же время Аполлония, Эпидамн и Леукас, при поддержке флота из Коркиры, нашли способ изгнать гарнизоны Кассандра и вырваться из-

под его власти. Дела Антигона в Греции теперь шли успешно, но они были сильно затруднены недовольством и вероломством его адмирала Телесфора, который захватил Элиду и даже разграбил священные сокровища Олимпии. Птолемей вскоре сверг его и вернул эти сокровища богу.

[312-308 гг. до н.э.]

В следующем году был заключен договор между Антигоном, с одной стороны, и Кассандром, Птолемеем (Египетским) и Лисимахом, с другой, по которому верховное командование в Македонии было гарантировано Кассандру до достижения совершеннолетия Александра, сына Роксаны; Фракия была в то же время гарантирована Лисимаху, Египет — Птолемею, а вся Азия — Антигону. Одновременно все стороны договорились, что греческие города должны быть свободными. Однако для выполнения этого последнего положения фактически ничего не было сделано. Не похоже, что договор имел какой-либо другой эффект, кроме как усилил ревность Кассандра к Роксане и ее ребенку; обоих (как уже было сказано) он вскоре после этого тайно убил, поручив это губернатору Главкию в крепости Амфиполь, где они были заключены. Войска Антигона под командованием генерала Птолемея по-прежнему оставались в Греции. Но вскоре (в 310 г. до н. э.) этот генерал восстал против Антигона и перешел на сторону Кассандра, а Птолемей Египетский, обвинив Антигона в нарушении договора путем размещения гарнизонов в различных греческих городах, возобновил войну и тройной союз против него.

Полисперхон, который до сих пор сохранял местное господство над различными частями Пелопоннеса, располагая военными силами в Мессене и других городах, теперь был воодушевлен Антигоном поддержать дело Геракла (сына Александра от Барсины) и посадить его на македонский трон в противовес Кассандру. Этот молодой принц Геракл, которому было теперь семнадцать лет, был отправлен в Грецию из Пергама в Азии, и его притязания на трон поддерживались не только значительной партией в самой Македонии, но и этолийцами. Полисперхон вторгся в Македонию с благоприятными перспективами установления власти молодого принца, но счел выгодным принять вероломные предложения Кассандра, который предложил ему партнерство в правлении Македонией с независимой армией и властью в Пелопоннесе. Полисперхон, соблазненный этими предложениями, убил молодого принца Геракла и отвёл свою армию в Пелопоннес. Но во время своего похода через Беотию он столкнулся с таким неожиданным сопротивлением со стороны беотийцев и пелопоннесцев, что был вынужден перезимовать в Локриде (309 г. до н. э.). С этого момента, насколько мы можем судить, он командовал в южной Греции в качестве подчиненного союзника или партнера Кассандра.

За убийством Геракла вскоре последовало убийство Клеопатры, сестры Александра Македонского и дочери Филиппа и Олимпиады. Некоторое время она находилась в Сардах, номинально на свободе, но под наблюдением губернатора, который получал приказы от Антигона; теперь она готовилась покинуть это место, чтобы присоединиться к Птолемею в Египте и стать его женой. Несколько великих македонских вождей обращались к ней с просьбой о помощи или предлагали ей руку и сердце, но безрезультатно. Однако теперь Антигон, опасаясь влияния, которое ее имя могло оказать на его соперника Птолемея, тайно убил ее, когда она готовилась к отъезду, и возложил вину за это на некоторых из ее слуганок, которых он наказал смертью.

Все родственники Александра Македонского (кроме Фессалоники, жены Кассандра, дочери Филиппа от фессалийской любовницы) таким образом последовательно погибли, и все по приказу того или иного из его главных офицеров. Императорская семья с престижем своего имени таким образом пришла к концу.

ПТОЛЕМЕЙ В ГРЕЦИИ

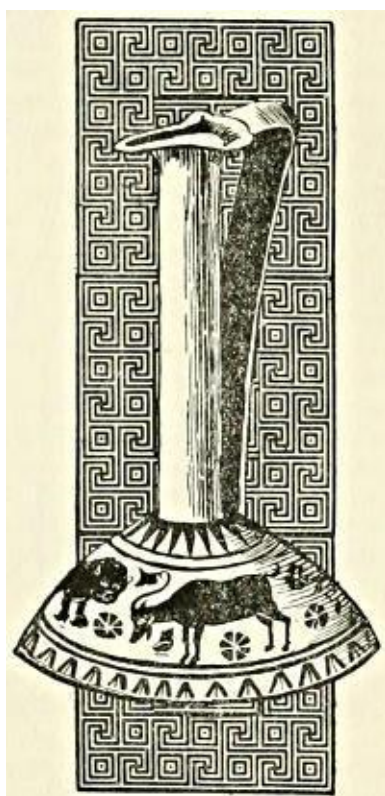
Птолемей Египетский отплыл в Грецию с мощным вооружением. Он захватил важные города — Сикион и Коринф, — которые были переданы ему Кратесиполис, вдовой Александра, сына Полисперкона ( ). Затем он объявил о своем намерении стать освободителем и призвал города Пелопоннеса к помощи против гарнизонов Кассандра. От некоторых он получил обнадеживающие ответы и обещания, но ни один из них не предпринял никаких действий и не поддержал его вооруженными демонстрациями. Поэтому он счел разумным заключить перемирие с Кассандром и уйти из Греции, оставив, однако, надежные гарнизоны в Сикионе и Коринфе. Греческие города теперь стали покорными и пассивными. Осознавая свою неспособность к самообороне и не желая предпринимать вспомогательных усилий, которые приносили им вражду без каких-либо перспектив выгоды, они ждали только поворотов внешнего вмешательства и приказов окружающих их властителей.

Однако в следующем году греческое господство Кассандра подверглось более серьезному потрясению, чем когда-либо прежде, в результате внезапного вторжения Деметрия, называемого Полиоркетом, сына Антигона. Этот молодой принц, отплывший из Эфеса с грозным вооружением, сумел так тщательно скрыть свои намерения, что фактически вошел в гавань Пирея (26 числа месяца Таргелион — мая) без ожидания или сопротивления со стороны кого-либо, поскольку его флот был принят за флот египетского Птолемея. Фалерейский Деметрий, застигнутый врасплох и слишком поздно попытавшийся защитить гавань, был вынужден оставить ее во владении врага и отступить за стены Афин, в то время как Дионисий, кассандрийский правитель, удерживал свои позиции с гарнизоном в Мунихе, но не имел армии, способной противостоять захватчикам на поле боя. Этот опытный фалерейский правитель, который в течение десяти лет управлял в качестве наместника и с помощью Кассандра, теперь почувствовал, что его положение и влияние в Афинах подорваны, а его личная безопасность находится под угрозой. Он получил разрешение уйти в Фивы, откуда вскоре перебрался к Птолемею в Египет. Афиняне в городе высказались в пользу Деметрия Полиоркета, который, однако, отказался войти в город, пока не осадит и не захватит Мунихию, а также Мегару с их кассандровскими гарнизоном. В короткие сроки он достиг обеих целей. Действительно, энергия, умение и эффективное использование орудий при осаде укрепленных мест были одними из наиболее заметных черт его характера, что принесло ему прозвище, под которым он известен в истории. Он провозгласил мегарцев свободными, сровняв с землей укрепления Мунихии, в знак обещания афинянам, что в будущем они будут освобождены от всех иностранных гарнизонов.

АТЕНЫ ПАССИВНЫЕ И ПОДЧИНЕННЫЕ

После этих успехов Деметрий Полиоркет торжественно вошел в Афины. На официальном собрании он объявил народу, что теперь они снова являются свободной демократией, освобожденной от всякого господства как иностранных солдат, так и олигархов внутри страны. Он также пообещал им еще одно благо от своего отца Антигона и от себя самого — 150 000 медимнов зерна для распределения и судовое дерево в количестве, достаточном для постройки ста триер. Оба эти объявления были встречены с благодарным ликованием. Чувства народа выразились не только в благодарностях и восхищении молодым завоевателем, но и в излияниях безмерной и чрезмерной лести. Стратокл (который уже был перед нами как один из обвинителей Демосфена в деле Харпала) вместе с другими исчерпал свою изобретательность, придумывая новые виды комплиментов и лести. Антигон и

Деметрий были провозглашены не только царями, но и богами и спасителями; ежегодно должен был избираться первосвященник этих спасителей, в честь которого назначалось название каждого последующего года (вместо того, чтобы называть его в честь первого из девяти архонтов, как это было принято до сих пор), и отмечались даты декретов и договоров; месяц Мунихион был переименован в Деметрион; в дополнение к предыдущим десяти были созданы два новых племени, которые должны были называться Антигониас и Деметриас; ежегодный сенат был назначен состоящим из шестисот членов вместо пятисот; портреты и подвиги Антигона и Деметрия должны были быть вплетены вместе с портретами Зевса и Афины в роскошную и объемную мантию, которую периодически несли в процессии в качестве подношения на Панафинейском празднике; место, где Деметрий сошел со своей колесницы, было освящено алтарем, воздвигнутым в честь Деметрия Катэбата, или «Спускающегося». Было принято несколько других подобных решений, признающих и почитающих как богов спасителей Антигона и Деметрия. Более того, нам сообщают, что были приняты решения о строительстве храмов или алтарей Филе-Афродите в честь Филы, жены Деметрия; и подобная честь была оказана его двум любовницам, Леене и Ламии. Говорят, что алтари были также посвящены Адиманту и другим, его веселым товарищам или льстецам. В то же время многочисленные статуи, воздвигнутые в честь Деметрия Фалерийского во время его десятилетнего правления, были снесены, а некоторые из них даже использованы в недостойных целях, чтобы еще больше унижить бывшего правителя. Проявления раболепного льстецства в Афинах по отношению к Деметрию Полиоркету были настолько чрезмерными, что, по слухам, он сам был ими возмущен и выражал презрение к этим развращенным афинянам своего времени.

Греческий кувшин

Самые восторженные голоса восхваления, предложенные в честь Деметрия Полиоркета его сторонниками, хотя и не одобрялись многими, вряд ли нашли бы единого явного противника. Однако был один человек, который осмелился выступить против нескольких голосов — племянник Демосфена, Демохарес, который заслуживает того, чтобы его

помнили как последнего известного представителя свободного афинского гражданства ( ). Мы знаем только, что такова была его общая политическая позиция и что его оппозиция раболепному оратору Стратоклу закончилась изгнанием четыре года спустя. По-видимому, в этот период он занимал должность генерала и активно участвовал в укреплении фортификационных сооружений и военного снаряжения города.

Изменение политики Афин проявилось в обвинении Деметрия Фалерийского и других ведущих сторонников покойного правительства Кассандра. Он и многие другие уже ушли в добровольное изгнание; когда начались их судебные процессы, они не явились, и все были приговорены к смерти. Но все те, кто остался и явился на суд, были оправданы; настолько незначительным было в этом случае реакционное насилие.

Дружба этого неприятного Фалерийца, а также Кассандра с философом Теофрастом, по-видимому, была одной из главных причин, вызвавших принятие ограничительного закона против свободы философствования. По предложению гражданина по имени Софокл было постановлено, что ни один философ не имеет права открывать школу или преподавать, за исключением случаев, когда он получил специальное разрешение, полученное путем голосования сената и народа. Новое ограничение вызвало такое отвращение и опасения, что все философы единодушно покинули Афины. Этот энергичный протест против авторитарного ограничения свободы философии и преподавания нашел отклик в сердцах афинян. Известность школ и профессоров была фактически единственной отличительной чертой достоинства, которая у них еще оставалась — тогда их власть исчезла, и даже их независимость и свободная конституция превратились в пустое слово.

ЦЕРЕРА

(С вазы)

Афинские послы были отправлены к Антигону в Азию, чтобы выразить благодарность народа и сообщить о недавних благодарственных голосованиях. Антигон не только принял их с великодушием ( ), но и, согласно обещанию, данному его сыном, отправил в Афины

большой подарок в виде 150 000 медимнов пшеницы и древесины, достаточной для постройки ста кораблей. В то же время он поручил Деметрию созвать в Афинах синод представителей союзных греческих городов, на котором могли бы быть приняты решения в интересах всей Греции. В тот момент он был заинтересован в создании временной самодостаточной власти в Греции с целью поддержания союза с ним во время отсутствия Деметрия, которого он был вынужден вызвать в Азию со своей армией, поскольку нуждался в его услугах для войны против Птолемея в Сирии и на Кипре.

Следующие три года Деметрий провел следующим образом: (1) Победоносными операциями вблизи Кипра, разгромив Птолемея и став властелином этого острова; после чего Антигон и Деметрий приняли титул царей, и их примеру последовали Птолемей в Египте, Лисимах во Фракии и Селевк в Вавилонии, Месопотамии и Сирии, тем самым упразднив даже титулярную память о семье Александра. (2) В неудачном вторжении в Египет по суше и морю, отбитом с большими потерями. (3) В осаде Родоса. Храбрые и умные жители этого острова более года сопротивлялись самым яростным атакам и самым грозным осадным орудиям Деметрия Полиоркета. Однако все их усилия были бы тщетными, если бы им не помогли значительные подкрепления и поставки от Птолемея, Лисимаха и Кассандра. Именно в таких условиях даже самые решительные и умные греки могут теперь сохранить свою ограниченную сферу автономии. Осада в конце концов закончилась компромиссом: родосцы согласились вступить в союз с Деметрием, но с оговоркой, что не будут действовать против Птолемея. В знак благодарности они построили ему храм, названный Птолемеом, и почитали его (с санкции оракула Аммона) как бога. Среди скал и мелей, через которые греческие города были теперь вынуждены пробираться, подвергаясь угрозе со всех сторон со стороны более могущественных королей, а впоследствии и со стороны гигантской республики Рима, родосцы вели свои политические дела с большей осторожностью и достоинством, чем любой другой греческий город.

[304-302 гг. до н. э.]

Вскоре после отъезда Деметрия из Греции на Кипр Кассандр и Полисперхон возобновили войну в Пелопоннесе и его окрестностях. Мы не знаем подробностей этой войны. Этолийцы враждовали с Афинами и совершали досадные грабежи. Афинский флот, отремонтированный и пополненный за счет древесины, полученной от Антигона, был вынужден предоставить тридцать квадрирем для помощи Деметрию на Кипре и был задействован в некоторых операциях вблизи острова Аморгос, где потерпел поражение. Но мы мало что можем узнать о ходе войны, кроме того, что Кассандр одержал верх над афинянами и что примерно в начале 303 года до н. э. он блокировал или угрожал блокировать Афины. Афиняне обратились за помощью к Деметрию Полиоркету, который, недавно заключив соглашение с родосцами, вновь прибыл из Азии с мощным флотом и армией в Аулис в Беотии. В Афинах его приняли с почестями, равными или превосходящими те, которые сопровождали его предыдущий визит. По-видимому, он провёл полтора года, частично в Афинах, частично в военных операциях, успешно проводимых во многих частях Греции. В качестве президента он отпраздновал великий праздник Гераи в Аргосе, по случаю которого он женился на Дидамии, сестре Пирра, молодого царя Эпира. Он убедил сикионцев перенести их город на небольшое расстояние, присвоив новому городу название Деметриас. На греческом соборе, созванном в Коринфе по его собственному приглашению, он был единодушно избран лидером или императором греков, как это было сделано с Филиппом и Александром ( ). Он даже распространил свои нападения на Леуку и Коркиру. Похоже, что большая часть Греции была либо оккупирована его гарнизонами, либо присоединилась к его подчиненным.

Кассандр был настолько напуган этими успехами, что послал послов в Азию, прося мира у Антигона, который, однако, возгордившись и полный высокомерия, отказался слушать любые условия, кроме безоговорочной капитуляции. Кассандр, доведенный до отчаяния, возобновил свои обращения к Лисимаху, Птолемею и Селевку. Все эти князья чувствовали себя одинаково угрожаемыми силой и настроениями Антигона и все решили энергично объединиться, чтобы свергнуть его.

УСПЕХ ДЕМЕТРИЯ В ГРЕЦИИ

[302-301 гг. до н. э.]

После непрерывного процветания в Греции на протяжении всего лета 302 г. до н. э. Деметрий вернулся из Леукаса в Афины примерно в сентябре, ближе к времени Элевсинских мистерий. Его встречали праздничные процессии, гимны, пеаны, хореографические танцы и вакханалические оды радостных поздравлений. Сохранился один из этих гимнов, исполняемый хором итифаллов — маскированных гуляк с венками на головах и руках, одетых в белые туники и женские одежды.

Подобные излияния, демонстрируя безмерное поклонение и покорность Деметрию, тем не менее еще более примечательны, поскольку выдают утрату силы, старческую слабость и осознание незащитности и униженного положения, которые, к нашему удивлению, публично провозглашаются в Афинах. Афиняне признают себя неспособными защищаться не только от иностранных правителей, но даже от вторжений этолийцев — греков, таких же, как они сами, хотя и воинственных, грубых и беспокойных. Когда таковы были чувства народа, когда-то самого смелого, уверенного в себе и организованного, а по-прежнему самого умного в Греции, мы видим, что история греков как отдельной нации или расы подходит к концу и что отныне они должны слиться с одним из более сильных течений, окружающих их.

После своих прошлых успехов Деметрий провел несколько месяцев в удовольствиях и роскоши в Афинах. Он был размещен в Парфеноне, поскольку считался гостем богини Афины. Но его развратные привычки вызвали еще более громкие комментарии, поскольку он предавался им в таком жилище, а насилие, которому он подвергал красивых юношей из хороших семей, приводило к различным действительно трагическим сценам. Однако покорное отношение афинян к нему не ослабевало. Утверждается даже, что, чтобы компенсировать то, что он воспринял как оскорбление, они приняли официальный указ по предложению Стратокла, в котором объявлялось, что все, что Деметрий может приказать, является священным в отношении богов и справедливым в отношении людей. Говорят, что изгнание Демохара было вызвано его саркастическими комментариями по поводу этого указа. В месяце Мунихион (апрель) Деметрий собрал свои войска и греческих союзников для похода в Фессалию против Кассандра, но перед отправлением он очень хотел пройти посвящение в элевсинские мистерии. Однако это было не время для этой церемонии: малые мистерии отмечались в феврале, а великие — в сентябре. Афиняне преодолели эту трудность, приняв специальное постановление, позволяющее ему сразу же пройти посвящение и получить подряд подготовительное и окончательное посвящение, между которыми обычно требовался годичный перерыв. Соответственно, он сдался без оружия в руки жрецов ( ) и получил первое и второе посвящение в апреле, непосредственно перед своим отправлением из Афин.

БИТВА ПРИ ИПСЕ

Деметрий ввел в Фессалию армию из пятидесяти шести тысяч человек, из которых двадцать пять тысяч были греческими союзниками — настолько обширным было в этот момент его влияние на греческие города. Но после двух или трех месяцев частично успешных военных действий против Кассандра он был вызван в Азию Антигоном для помощи в противостоянии грозной армии союзников — Птолемея, Селевка, Лисимаха и Кассандра. Перед тем как покинуть Грецию, Деметрий заключил перемирие с Кассандром, в котором оговаривалось, что греческие города, как в Европе, так и в Азии, должны быть навсегда автономными и свободными от гарнизонов и контроля. Это условие служило лишь благородным предлогом для ухода из Греции; Деметрий не особо надеялся, что оно будет соблюдаться. Весной следующего года в Фригии произошла решающая битва при Ипсе (300 г. до н. э.) между Антигоном и Деметрием, с одной стороны, и Птолемеем, Селевком и Лисимахом — с другой, с участием больших армий и множества слонов. Антигон потерпел полное поражение и был убит ( ); ему было более восьмидесяти лет. Его азиатское господство было разрушено, в основном в пользу Селевка, чья династия с этого момента стала доминирующей от побережья Сирии на восток до Каспийских ворот и Парфии; иногда, хотя и не полностью, дальше на восток, почти до Инда.

Последствия битвы при Ипсе быстро ощутились в Греции. Афиняне приняли указ, провозглашающий их нейтралитет и исключаящий обе воюющие стороны из Аттики. Деметрий, отступая с остатками своей разгромленной армии и отплывая из Эфеса в Афины, встретил в пути афинских послов, которые уважительно сообщили ему, что он не будет допущен. В то же время его жена Дидамия, которую он оставил в Афинах, была отправлена афинянами под почетным конвоем в Мегару, а некоторые военные корабли, которые он оставил в Пирее, были ему возвращены. Деметрий, возмущенный этим неожиданным отступничеством города, который недавно осыпал его лестными похвалами, был еще более унижен потерей большей части своих других владений в Греции. Его гарнизоны были в основном изгнаны, а города перешли под контроль или власть Кассандра. Его состояние было частично восстановлено благодаря заключению мира с Селевком, который женился на его дочери. Этот союз заставил Деметрия уйти в Сирию, в то время как Греция, по-видимому, все больше и больше попадала под влияние сторонников Кассандра. Один из этих сторонников, Лахар, при поддержке солдат Кассандра, установил в Афинах деспотию, подобную той, которой обладал Деметрий Фалерийский, но применял ее гораздо более жестоким и угнетающим образом.

Различные изгнанники от его тирании пригласили Деметрия Полиоркета, который снова переправился из Азии в Грецию, отвоевал часть Пелопоннеса и осадил Афины. Он блокировал город с моря и суши, так что давление голода вскоре стало невыносимым. Лахар, бежав, народ открыл ворота Деметрию, не без большого страха перед тем, что их ждет. Но тот проявил терпение и даже великодушие. Он пощадил всех, снабдил их большим количеством зерна и довольствовался военной оккупацией города, назначив своих друзей магистратами. Однако он разместил гарнизоны не только в Пирее и Мунихе, но и на холме под названием Музей, который был частью укрепленного кольца самого Афин (298 г. до н. э.).

В то время как Деметрий укреплял свою власть в Греции, он потерял все свои позиции на Кипре, в Сирии и Киликии, которые перешли в руки Птолемея и Селевка. Однако новые перспективы открылись для него в Македонии после смерти Кассандра (его зятя, брата его жены Филы) и последовавших за этим семейных распрей. Филипп, старший сын Кассандра, унаследовал престол своего отца, но через год умер от болезни. Между двумя оставшимися сыновьями, Антипатром и Александром, разгорелась кровопролитная вражда. Антипатр

убил свою мать Фессалонику и угрожал жизни своего брата, который, в свою очередь, обратился за помощью к Деметрию и эпирскому царю Пирру. Пирр, который был готов первым, вторгся в Македонию и изгнал Антипатра, получив в награду территорию под названием Тимфея (между Эпиром и Македонией) вместе с Акарнанией, Амфилохией и городом Амбракия, который отныне стал его главным городом и резиденцией. Антипатр искал убежища во Фракии у своего тестя Лисимаха, по приказу которого, однако, он вскоре был убит. Деметрий, занятый другими делами, более медлил с выполнением приказа, но, войдя в Македонию, он обнаружил, что достаточно силен, чтобы изгнать и убить Александра (который, конечно, пригласил его, но, как говорят, подготовил заговор с целью его убийства), и захватил македонскую корону; не без согласия значительной части народа, которому имя и деяния Кассандра и его сыновей были одинаково ненавистны.

[294-279 гг. до н. э.]

Деметрий стал таким образом властелином Македонии, а также большей части Греции, включая Афины, Мегару и большую часть Пелопоннеса. Он предпринял поход в Беотию с целью завоевания Фив; в этом он преуспел, но не без двойной осады города. Но Грецией в целом управлял Антигон (впоследствии названный Антигоном Гонатом), сын Деметрия, который сохранял свое господство непоколебимым в течение всей жизни своего отца; хотя Деметрий был лишен Македонии в результате временного союза Лисимаха с Пирром и впоследствии оставался (до своей смерти в 283 г. до н. э.) пленником Селевка. После кратковременного владения короной Македонии последовательно Селевком, Птолемеем Керауном, Мелеагром, Антипатром и Сосфеном, Антигон Гонатас вернул ее в 277 г. до н. э. Его потомки, цари из династии Антигонидов, удерживали ее до битвы при Пидне в 168 г. до н. э., когда Персей, последний из них, был свергнут, а его царство вошло в состав римских завоеваний.

О Греции в этот период мы не можем ничего сказать, кроме того, что большинство ее городов находились в зависимости от Деметрия и его сына Антигона — либо под оккупацией македонских гарнизонов, либо под властью местных деспотов, опиравшихся на иностранных наемников и поддержку Македонии. Дух греков был сломлен, а их привычка объединяться в чувствах и действиях исчезла. Вторжение галлов действительно пробудило их к временному союзу для защиты Фермопил в 279 г. до н. э. Но этот всплеск духа не прервал продолжение македонского господства в Греции, которое Антигон Гонатас продолжал удерживать на протяжении большей части своего долгого правления. Он значительно расширил систему, начатую его предшественниками, по изоляции каждого греческого города от союзов с другими городами в его окрестностях, установив в большинстве из них местных деспотов и подавляя наиболее важные из них с помощью гарнизонов. Среди всех греков спартанцы и этолийцы были наиболее свободны от иностранной оккупации и наименее ограничены в своей способности к самостоятельным действиям. Ахейский союз также развился впоследствии как обновленный росток из разрушенного дерева греческой свободы, хотя и не достиг ничего лучшего, чем слабая и ничтожная жизнь, и не был способен поддерживать себя без иностранной помощи.^b

На этом Гроте заканчивает свое бессмертное произведение и прощается с греческой историей следующими словами:

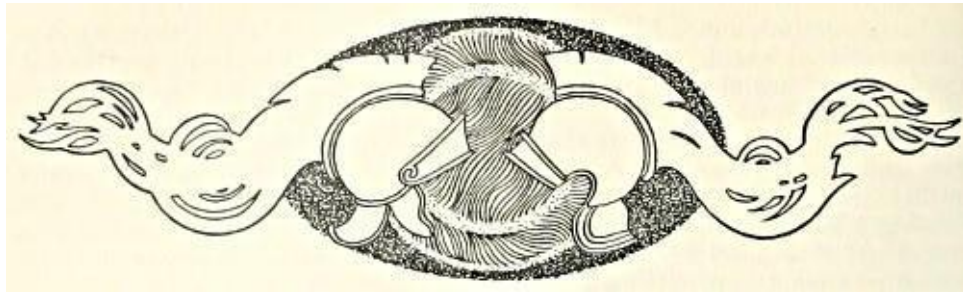
«Я не буду вмешиваться в этот поздний рост или полувозрождение. Он формирует Грецию Полибия, которую этот автор, по моему мнению, справедливо рассматривает как не имеющую собственной истории, а как придаток к какому-то иностранному центру и главному среди своих соседей — Македонии, Египту, Сирии, Риму. Каждый из этих соседей влиял на судьбу Греции сильнее, чем сами греки. Греки, которым посвящены эти тома —

Гомер, Архилох, Солон, Эсхил, Геродот, Фукидид, Ксенофонт и Демосфен — представляют собой, как их наиболее заметная характеристика, рыхлое объединение автономных племен или общин, свободно действующих и реагирующих между собой, практически не подвергаясь давлению со стороны иностранцев. Основной интерес повествования заключается в спонтанном объединении различных эллинских групп, в самопроизвольных союзах и конфликтах, в неудачных попытках создать нечто вроде эффективной федеральной организации или сохранить две постоянные соперничающие конфедерации, в энергичной амбиции и героической выносливости людей, для которых Эллада была всем политическим миром. Свобода Эллады, жизнь и душа этой истории с самого ее начала, полностью исчезла в первые годы правления Александра. После того как поколение греков, современников Александра, таких как Демосфен и Фокион, родившихся в условиях свободы, ушло в могилы, я продолжил изучать историю, погружившись в ту бездну греческой ничтожности, которая характеризует следующее столетие; продемонстрировав печальные свидетельства униженного рабства и мольбы о поклонении королю, к которым были вынуждены соотечественники Аристиды и Перикла из-за своей сознательной слабости под подавляющим давлением извне.

«Я не могу лучше завершить эту картину, чем показав, кем стал ведущий демократический гражданин в изменившейся атмосфере, которая теперь омрачала его город. Демохар, племянник Демосфена, упоминается как один из немногих выдающихся афинян последнего поколения. Он не раз избирался на высшие государственные должности; он отличался своей свободой слова, как оратор и историк, перед лицом могущественных врагов; на протяжении всей своей долгой жизни он оставался верным демократической конституции и был на время изгнан ее противниками. В 280 году до н. э. он убедил афинян воздвигнуть публичный памятник с памятной надписью в честь своего дяди Демосфена. Семь или восемь лет спустя Демохарес сам умер в возрасте почти восьмидесяти лет. Его сын Лахс предложил и добился принятия публичного указа о воздвижении статуи с приложенной надписью в его честь. В указе мы читаем перечень выдающихся заслуг перед обществом, благодаря которым Демохар заслужил такую похвалу со стороны своих соотечественников. Все, что автор указа, его сын и согражданин, может найти для описания, как возвышающее последнюю половину общественной жизни отца (с момента его возвращения из изгнания), сводится к следующему: (1) Он сократил государственные расходы и ввел более бережливое управление. (2) Он возглавил посольство к царю Лисимаху, от которого получил два подарка для народа — один в тридцать талантов, другой в сто талантов. (3) Он предложил голосовать за отправку послов к царю Птолемею в Египет, от которого было получено пятьдесят талантов для народа. (4) Он отправился с посольством к Антипатру, получил от него двадцать талантов и передал их народу на Элевсинском празднике.

«Когда такие миссии по сбору пожертвований являются делами, за которые Афины нанимали и вознаграждали своих самых выдающихся граждан, историк, привыкший к греческому миру, описанному Геродотом, Фукидидом и Ксенофоном, чувствует, что жизнь ушла из его предмета, и с грустью и унижением заканчивает свое повествование».¹

Похожее чувство, по-видимому, двигло большинством других выдающихся историков Греции, за исключением Тирлволла. Однако с немного измененной точки зрения, история позднейших борьбы этого замечательного народа против, казалось бы, predetermined судьбы представляет большой интерес. Даже если бы это было не так, наша нынешняя цель, которая рассматривает Грецию не как изолированное образование, а как часть мировой истории, требует, чтобы мы следили за трагической драмой до ее конца.

ГЛАВА LXII. ПОСТИЖЕНИЯ ПИРРА

Мы подошли к тому драматическому моменту, когда греки впервые встретились с римлянами в боевом порядке. В запутанной паутине истории этого периода ярко выделяется алая нить жизни Пирра Эпирского. Хотя более полное описание его войны с Италией следует отложить до истории Рима, здесь будет дано краткое изложение, а также краткое описание его страны и предков.^a

Эпир, несмотря на свое удаление от главных центров греческой мысли и деятельности и на то, что его жители считались едва ли не варварами, уже в ранний период оказывал немалое влияние на Грецию, в особенности благодаря оракулу в Додоне. Одним из самых ранних и процветающих поселений греков в Эпире была коринфская колония Амбракия, давшая название соседнему заливу. Успешные результаты этого эксперимента, по-видимому, побудили другие греческие государства последовать этому примеру, и Элатрия, Бухета и Пандосия стали свидетелями предприимчивости жителей Элиды. Феникс, который до сих пор так и называется, был самым богатым из всех городов Эпира и после падения Молосского царства стал центром Эпирского союза.

[около 360-288 гг. до н.э.]

Цари, или, вернее, вожди молоссов, которые в конечном итоге распространили свою власть на всю Эпир, утверждали, что являются потомками Пирра, сына Ахилла, который, согласно легенде, поселился в этой стране после разграбления Трои и передал свое царство Молоссу, своему сыну от Андромахи. Ранняя история династии очень туманна, но Адмет, живший в V веке до н. э., прославился своим гостеприимным приемом изгнанного Фемистокла, несмотря на то, что, вероятно, питал злобу к великому афинянину, который убедил своих соотечественников отказаться от союза, предложенного вождем молоссов, когда их победа над персами была уже обеспечена. Его преемником около 429 года до н. э. стал его сын или внук, Таримбас или Аримбас I, который по решению народа был помещен под опеку Сабиллинфа, вождя атинтанов, получил образование в Афинах и таким образом впоследствии стал проводником более высокой цивилизации среди своих подданных. Алкетас, следующий король, упоминаемый в истории, был современником Дионисия Сиракузского (около 385 г. до н. э.) и был обязан ему своей помощью в восстановлении трона. Его сын Аримбас II (унаследовавший трон после смерти своего брата Неоптолема) правил с мудростью и справедливостью и поощрял литературу и искусство. Ему Ксенократ из Халкидона посвятил свои четыре книги об искусстве управления; особо отмечается, что он уделял большое внимание образованию детей своего брата. Одна из его племянниц, Троада, стала его женой, а другая, Олимпиада, вышла замуж за Филиппа Македонского и удостоилась чести родить Александра Великого. После смерти Аримбаса его племянник Александр, брат Олимпиады, был возведен на престол при помощи Филиппа, который впоследствии был убит по случаю бракосочетания молодого царя с дочерью Филиппа Клеопатрой. Александр был первым, кто носил титул царя Эпира, и он повысил репутацию своей страны среди иностранных народов. Когда тарентийцы обратились к нему за помощью против самнитов и луканов, он в 332 г. до н. э. высадился в Паэстуме, недалеко от устья реки Силарус, и подчинил себе несколько городов луканов и бруттов; но во время второго похода в Италию он был окружен врагом, разгромлен и убит недалеко от города Пандосия на территории бруттов.

Аецид, сын Аримбаса II, сменил Александра и поддержал Олимпиаду в ее борьбе против Кассандра, но был свергнут собственными солдатами и едва успел вернуть свою власть, как погиб в 313 г. до н. э. в сражении с Филиппом, братом Кассандра. От своей жены Фтии у него был знаменитый Пирр и две дочери, Дидамия и Трояда, из которых первая вышла замуж за Деметрия Полиоркета. Его брат Алкетас, который унаследовал трон, продолжил войну с Кассандром до своего поражения; в конце концов он был казнен своими мятежными подданными в 295 году до н. э. Имя Пирра, который впоследствии взойшел на трон, придает истории его страны значение, которого она иначе никогда бы не имела.

ПРЕДКИ ПИРРА

Родившийся около 318 года и утверждавший, что он является потомком Пирра, сына Ахилла, а также связанный с королевской семьей Македонии через Олимпиаду, мать Александра Великого, он еще юношей стал царем диких горных племен Эпира и научился вести сражения в школе Деметрия Полиоркета и своего отца Антигона. В семнадцать лет он сражался на их стороне в памятной битве при Ипсе во Фригии, в которой они были решительно разгромлены объединенными войсками Селевка и Лисимаха. Вскоре после этого он был отправлен ко двору Птолемея Египетского в Александрию в качестве залога верного выполнения договора о союзе между Птолемеем и Деметрием, поскольку его сестра Дидамия была женой последнего. Благодаря Птолемею, на чью падчерицу Антигону он женился, он смог прочно укрепиться на троне Эпира и стал грозным противником Деметрия, который теперь был царем Македонии и лидером греческого мира.^e

[288-285 гг. до н. э.]

Деметрий не отказался от плана восстановить царство своего отца. Он провел огромные приготовления. Другие цари возобновили свой союз, в который включили Пирра, который долгое время был другом Деметрия, но теперь должен был стать его соперником. Это соперничество было тем более опасным для Деметрия, что он сделал себя ненавистным своей надменностью. Однажды, когда он, вопреки своему обыкновению, принял все представленные ему прошения, его видели, как он бросил их в реку, переходя мост.

Все цари того времени стремились подражать Александру, но говорили, что Деметрий изображал его как актер на сцене, склоняя голову вправо и влево, принимая величественный вид, украшая себя двойной диадемой и пурпурным плащом, на котором он велел вышить золотом солнце, луну и звезды.

Пирр, напротив, напоминал Александра своим пылом и смелостью. Он был типичным воином и авантюристом. Он любил войну саму по себе и презирал все остальное. Он пришел на помощь этолам, когда они были атакованы Деметрием, но два царя не встретились, поскольку оба заблудились. В то время как Деметрий опустошал Эпир, Пантарх, один из его лейтенантов, вступил в сражение с Пирром и во время боя вызвал его на единоборство. Оба были ранены, но Пирр победил своего противника; эфирцы, воодушевленные мужеством своего царя, одержали победу, а македоняне, потерпев поражение от него, все больше и больше восхищались им.

В то время как Птолемей поднял греческие города против Деметрия, Лисимах вторгся в Македонию через Фракию, а Пирр — через Эпир. Деметрий считал разумным сначала обратиться против Пирра, который был иностранцем, но вскоре пожалел о своем решении. Дезертирство было массовым, и вскоре в армии вспыхнул всеобщий мятеж. Солдаты не простили Деметрию того, что он допустил захват Верии, где большинство из них оставили

своих жен и деньги. Они массово перешли на сторону Пирра, чтобы просить его принять их под свое командование. Деметрий вернулся в свою палатку, снял корону и царский плащ, надел темную одежду и македонскую шапку и незаметно покинул лагерь. Едва он ушел, как его палатку разграбили.

Пирр был провозглашен царем Македонии, но на сцену вышел Лисимах и потребовал свою долю. Пирр не был достаточно уверен в македонцах, чтобы вступить в борьбу с одним из лейтенантов Александра, и согласился разделить города и провинции Македонии с Лисимахом. Когда Антипатр, убивший свою собственную мать, выступил против этого соглашения и пожаловался, что его лишают наследства, Лисимах приказал казнить его; с ним прервалась династия Александра.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕМЕТРИЯ

[285-281 гг. до н.э.]

Деметрий сначала ушел в Кассандрею, город, основанный Кассандром на месте Потидеи. Затем он перешел в Грецию, чтобы попытаться восстановить свою удачу. Афиняне под командованием Олимпиодора изгнали македонский гарнизон из Музея и вновь овладели Пиреем и Мунихией. Они пригласили Пирра, который, помогая им освободиться, дал им отличный совет больше не принимать царей в своем городе. Деметрий хотел осадить Афины, но философ Кратет, посланный к нему, отговорил его в его же интересах. У него оставались Коринф и некоторые части Пелопоннеса; там он оставил своего сына Антигона Гоната и отправился в Азию с имевшимися у него кораблями и примерно двенадцатью тысячами солдат. Большинство городов сдались, а несколько он взял силой, в том числе город Сарды. Некоторые офицеры и солдаты перешли в его лагерь. Но Агафокл, сын Лисимаха, появился с многочисленной армией. Деметрий, преследуемый через пустыню, вскоре оказался лицом к лицу с Селевком. Последний предстал перед войсками своего врага без оружия и призвал их покинуть разбойника, который даже не имел средств, чтобы им платить. Солдаты поняли мудрость этого совета и перешли на его сторону.

Деметрий попытался бежать, но вскоре умирал от голода и был вынужден сдаться Селевку. Лисимах предложил большую сумму за его казнь; Антигон Гонатас умолял Селевка освободить своего отца, предлагая отдать все, что он имел, в качестве выкупа и сдаться в качестве заложника.

Селевк отклонил оба предложения. Он довольствовался тем, что не давал этому неисправимому авантюристу снова попытать счастья. Он дал ему дворец, парк и все удобства жизни. Осаждавший развил вкус к охоте, а затем к азартным играм. Он скоро привык к этой беззаботной жизни, сильно поправился и умер от переедания (283).

КОНЕЦ ЛИСИМАХА, ЦАРЯ МАКЕДОНИИ

Как только Лисимах перестал бояться Деметрия, он обратился против Пирра и попытался подкупить его офицеров. Он упрекнул их в том, что они выбрали себе эпирского царя, предки которого были рабами Македонии, и предпочли его старому товарищу Александра ( ). Пирр не смог бороться с дезертирством своих войск. Каприз солдат дал ему Македонию; новый каприз отнял ее у него, и он отступил в Эпир. Можно подумать, что мы читаем историю Нижней или Византийской империи — плоды военного правления везде одинаковы. Македония была объединена с царством Фракия (286 г.), но это еще не было концом революций, которые продолжали сотрясать ее со времени смерти Александра. Эти

революции, всегда вызванные личными амбициями, а не вопросами принципа или национальных интересов, ярко опровергают утопию монархической стабильности.

Полигамия, практиковавшаяся македонскими царями, усугубляла соперничество, столь распространенное в королевских семьях. Агафокл, старший из сыновей Лисимаха, который укрепил трон своего отца благодаря сражениям с независимыми фракийцами и Деметрием, умер от яда, поданного по наущению его мачехи Арсинои, дочери Птолемея. За этим убийством последовали многие другие, поскольку у Агафокла было много друзей. Его вдова Лисандра, которая также была дочерью Птолемея, укрылась у Селевка и потребовала, чтобы он отомстил за нее. С ней был один из ее братьев, который, как и все члены королевской семьи Египта, носил имя Птолемей и имел прозвище Кераун, Гром, из-за своего буйного характера. Он был старшим из детей Птолемея Сотера, но интриги Береники, одной из его мачех, привели к тому, что он был лишен трона. Птолемей Сотер отрекся от престола в пользу сына, которого он имел от Береники и который правил под именем Птолемей Филадельф (285). Сначала старший брат отправился к Лисимаху, затем к Селевку, которого он пытался склонить на свою сторону.

Селевк, который питал надежду восстановить монархию Александра, имел возможность вмешаться в Македонию, чтобы отомстить за Лисандра, и в Египте, чтобы поддержать Птолемея Керауна. Он не мог определиться, когда Лисимах опередил его, объявив ему войну. Два восьмидесятилетних старика, в которых возраст не погасил амбиции, еще раз измерили свои силы в последней битве при Корупедионе во Фригии.^[44] Лисимах был убит; несколько дней его тело искали тщетно; оно было обнаружено благодаря его собаке, которая охраняла его и отгоняла хищных птиц. Его похоронили в городе Лисимахия, который он основал недалеко от Кардии на европейском берегу Геллеспонта (281 г.). Ряды ветеранов быстро редуют, и это неудивительно — прошло сорок беспокойных лет с момента смерти Александра.

СМЕРТЬ СЕЛЕВКА

[281-279 гг. до н. э.]

Селевк принял титул Никатор, завоеватель. Поражение и смерть Лисимаха сделали его властелином Малой Азии, Фракии и Македонии. На востоке он распространил свою власть на Верхнюю Азию вплоть до Инда, но отдал своему сыну Антиоху корону провинций за Евфратом. Антиох мог таким образом думать, что после смерти отца он объединит под своей властью все владения Александра, за исключением Египта. Говорят, что в то время, когда Селевк служил рядовым солдатом в армии завоевателя Азии, оракул Дидимейского Аполлона предсказал ему великое будущее, посоветовав ему никогда не возвращаться в Европу. Тем не менее, через шесть месяцев после битвы при Корупедионе он пожелал завладеть Македонией и закончить свои дни на родине. Он высадился в Лисимахии и в Дидиме ( ) принес жертву. Тогда Птолемей Кераун, который пришел к нему как проситель и был принят им как друг, заколол его перед алтарем (280 г.).

Смерть последнего из соратников Александра не была отомщена. Армия, которая не проявила верности ни одному из своих вождей, провозгласила убийцу царем Фракии и Македонии. Ему не составило труда избавиться от своих соперников. Антиох, которому он уступил Малую Азию, должен был подчинить восставшие города на Геллеспонте; Антигон Гонат, вовлеченный в борьбу с союзом городов на Пелопоннесе, не мог отстоять свои права на Македонию. Пирр был более опасен, но в этот момент тарентийцы, которые воевали с Римом, призвали его на помощь. Птолемей Кераун предоставил ему войска, слонов и

корабли для перехода в Италию, отдал ему в жены свою дочь и взял на себя обязательство защищать Эпир на время его отсутствия. Пирр сразу же выступил в поход, и убийца, возможно, полагал, что теперь он сможет спокойно наслаждаться узурпированным тронem. Но он не успел насладиться им долго: уже в следующем году на Македонию и Грецию обрушилось грозное нашествие варваров.

НАШЕСТВИЕ ГАЛЛОВ

[279-278 гг. до н.э.]

Многочисленные племена галлов, или галатов, как их называли греки, уже давно поселились на берегах Дуная, когда новая волна миграции бельгийских тектосагов, начавшаяся в Тулузе, привела в движение те народы, которые, мало зная искусства возделывания земли, находили все регионы слишком тесными для себя. Две или три сотни тысяч человек, разделенных на три отряда, обрушились, как облака саранчи, на Фракию, Македонию и Грецию. Птолемей Кераун, который в своей самонадеянности отказался от помощи дарданов, был разгромлен со всей своей армией. Его голова была насажена на копье и выставлена на всеобщее обозрение. Поля были опустошены, города закрыли свои ворота, и жители, привыкшие полагаться на защиту солдат, могли только стонать и взывать имена Филиппа и Александра. Македонец по имени Сосфен призвал их защищаться, собрал молодых людей и сумел отразить врага. Ему предложили корону, но он отказался, желая только звания генерала. Однако вскоре его небольшая армия, слабая и неопытная, вместе с ним пала под натиском новой орды варваров, которые, завершив опустошение Македонии, повернули в сторону Греции.

Афиняне, хотя и ослабленные борьбой с македонскими царями, решили остановить варваров в ущелье Фермопилы. Народы центральной Греции откликнулись на их призыв, но пелопоннесцы, считая себя достаточно защищенными Коринфским перешейком, не тронулись с места. Этолийцы предоставили наибольшее количество солдат, но командование было возложено на афинян, которые взяли на себя инициативу в сопротивлении. Их корабли оказали большую помощь греческой армии; они подошли к берегу, несмотря на трудности навигации среди болот, и обрушили на врага град стрел. Для варваров это была смертельная битва; их численное превосходство не давало им никакого преимущества в этом узком проходе. Затем, чтобы заставить этолианцев вернуться домой, Бренн^[45] отделил сорок тысяч человек, которые пересекли Сперхий и затопили Этолию огнем и кровью. Это была война дикарей; ничто не было пощажено, ни возраст, ни пол. Как и предполагал Бренн, этолианцы немедленно покинули Фермопилы, чтобы спасти или отомстить за своих жен и детей. Но отряд войск из Патр, единственного города на Пелопоннесе, который подумал о том, чтобы прийти на помощь этолам, уже столкнулся с варварами и нанес им такое поражение, что менее половины из них вернулись в лагерь в Фермопилах.

ЗАЩИТА ХРАМА В ДЕЛЬФАХ

Солдат из Галлии

Энейцы и Гераклеяцы, избавившись от соседства варваров с помощью вероломства, показали Бренну путь, по которому в древние времена персы обошли гору Оэту. Фокидцы, охранявшие ее, были сбиты с толку, и армия греков постигла бы та же участь, что и солдаты Леонида, если бы ей не посчастливилось укрыться на афинских кораблях. Галаты немедленно направились к Дельфам; они слышали о богатствах храма и в первую очередь ради этого вторглись в Грецию. Дельфийцы спросили у оракула, следует ли им перенести священные сокровища в безопасное место: «Бог, — ответила Пифия, — повелевает оставить вотивные дары на прежнем месте; он сам защитит свое святилище с помощью Белых Дев». Так Пифия указала на Артемиду и Афины, луну и свет. Именно ужасы ночи одержали победу над варварами. Гром, повторяемый большим эхом Парнаса, наполнил их страхом. Огромные куски скал отрывались от горы и давили их тысячами. В окружении священных лесов, подверженные таинственному ужасу, который приписывали Пану, они бросились друг на друга. Окутанные вихрем града и снега, они бежали в смятении, преследуемые как дикие звери по глубоким ущельям под непреодолимыми стрелами лучника, стреляющего издалека. Бреннус приказал им сжечь свои колесницы и убить десять тысяч раненых, которые мешали их бегству. Сам он, выпив много вина, заколол себя мечом. Остатки этой бесчисленной армии погибли от голода, усталости и нападений этолийцев и дарданов. По словам Юстина, Диодора и Павсания, ни один из них не спасся.^[46]

Другие отряды галатов были уничтожены примерно в то же время Антигоном Гонатом, который после смерти Сосфена вернулся в Македонию. Он оставил их в своем лагере, распределив своих солдат по лесам и кораблям. Когда варвары насытились вином и мясом ( ), он неожиданно напал на них и устроил великую резню. Поскольку эти галаты были сильны и храбры, он взял многих из них на службу и вскоре нашел им применение. На монетах, отчеканенных в память об этой победе, мы видим бога Пана, родоначальника панического страха, несущего трофей (278).

ПИРР И РИМЛЯНЕ

Отсутствие каких-либо федеративных связей между греческими городами Италии делало их неспособными сопротивляться коренным народам самнитов, луканов и бруттов. Поэтому они естественным образом были вынуждены просить поддержки у великой Римской республики, которая одна могла их защитить. Рим никогда не отказывал в защите тем, кто ее просил, даже если они находились вдали от Италии, — как, например, Марсель, который благодаря союзу с римлянами смог расширить свою торговлю, не опасаясь своих варварских соседей, лигуров и галлов. Первые отношения Рима с греческими городами Италии были дружественными: Локри, Турии и Региум просили и получили его союз и защиту. Только Тарент предпочел иметь римлян врагами, а не друзьями.

Он никогда не страдал ни от тиранов Сиракуз, ни от луканов, ни от самнитов, поскольку был отделен от них менее могущественными и менее воинственными народами. Под влиянием демократических институтов он достиг, по словам Страбона, удивительного процветания. Он стремился играть на Апеннинском полуострове доминирующую роль, подобную той, которую Сиракузы приобрели на Сицилии; поэтому он с тревогой и завистью наблюдал за ростом римской мощи. Безумным актом провокации тарентийцы полностью поставили себя в невыгодное положение и сделали войну с Римом неизбежной. Затем, согласно своему обычаю, они обратились за помощью к иностранному князю, и хотя на этот раз они выбрали самого храброго и умелого полководца того времени, борьба, в которую они вступили, привела к окончательному установлению господства римлян над всей Италией.

ПИРР, ПРИЗВАННЫЙ ТАРЕНТИЙЦАМИ

[280-279 гг. до н. э.]

Они призвали Пирра, царя Эпира, пообещав ему поддержку луканов и самнитов. Он с энтузиазмом воспользовался этой возможностью, чтобы возобновить попытку своего двоюродного деда Александра Молосского. Птолемей Кераун, чтобы избавиться от опасного конкурента, снабдил его солдатами и слонами. Пирр возлагал большие надежды на эту экспедицию.

Как только он прибыл, он приказал закрыть театр, гимназии и сады, где они собирались для обсуждения политики, запретил праздники и все несезонные развлечения, зачислил всех граждан и подверг их военной подготовке. Многие пытались сбежать, но он поставил охрану у ворот. Когда это вызвало ропот, он взял некоторых из недовольных и отправил их в Эпир.

Вскоре он узнал, что римская армия приближается. Он хотел дожидаться прибытия луканов и самнитов и предложил свои услуги в качестве посредника консулу Левину, но получил ответ, что римляне не принимают его в качестве арбитра и не боятся его как врага. Сражение произошло у реки Сирис, недалеко от Гераклеи. У короля под ним погиб конь, и, по словам Юстина, он даже был ранен. Он послал вперед своих слонов; римляне, которые никогда их не видели, назвали их луканскими быками. Именно они принесли Пирру победу. Увидев тела погибших римлян, все раненые в грудь и с руками на оружии, он сказал: «С такими людьми я скоро покорил бы весь мир». Он велел похоронить их так же, как своих собственных солдат (280).

Пирр вторгся в Кампанию, но не смог захватить Капую и не добился успеха в попытке захватить Неаполь. Он дошел до Пренесте и оказался в пределах видимости Рима, но римляне к тому времени собрали новую армию; он увидел, как легионы воскресают, как

головы гидры, и, опасаясь окружения, вернулся в Тарент. К нему была отправлена посольская делегация; он надеялся, что ему предстоит диктовать условия мира, но она прибыла лишь для того, чтобы обсудить выкуп пленных. Пирр предложил вернуть пленных без оплаты. Зная, что главный посол Фабриций был беден, он думал расположить его к себе, предложив исправить ошибки судьбы. Фабриций просто ответил, что его бедность не беспокоит его и не мешает ему пользоваться большим уважением в своей стране. Пирр послал Кинея в Рим с подарками для жен сенаторов; говорят, что эти подарки были отвергнуты; это не невозможно, хотя и весьма необычно. Историки не пришли к единому мнению относительно предложенных условий. Сенат был бы готов их принять, но высокомерная речь слепого старика Аппия Клавдия так повлияла на собрание, что оно ответило Пирру, что не может вести с ним переговоры, пока он не покинет Италию. Кинеас, вернувшись из Рима, сказал Пирру, что сенат показался ему собранием царей; с политической точки зрения, главы семейств, составлявшие римский город, действительно можно сравнить с гомеровскими царями; но если Кинеас имел в виду преемников Александра, то это сравнение было отнюдь не лестным для таких почтенных людей, как Курий и Фабриций.

[279-275 гг. до н.э.]

Не оставалось ничего другого, как продолжать войну. Новое сражение произошло под Аскулумом; Пирр, чьи итальянские вспомогательные войска были вооружены по-римски, умело совместил построение легиона с построением фаланги. Но римский солдат отрубил туловище слону: значит, луканийские быки не были неуязвимы. Согласно «Эпито́ме» Тита Ливия, исход сражения был неопределенным. Согласно Плутарху, в первый день преимущество было на стороне римлян, но на следующий день Пирр, сумев заманить их на местность, где он мог маневрировать своими войсками, обратил их в бегство и заставил укрыться в лагере. Он потерял своих лучших солдат, и когда его поздравили с успехом ( ), он сказал: «Еще одна такая победа, и мне придется вернуться в Эпир». Один из его последователей предложил отравить его для римлян: Фабриций осудил его за предательство и посоветовал ему лучше выбирать друзей. Он отпустил римских пленных без выкупа; сенат прислал ему такое же количество греческих и итальянских пленных. Было заключено перемирие, и он воспользовался им, чтобы перейти в Сицилию (278).

ПИРР В СИЦИЛИИ; ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИТАЛИЮ

Со времени смерти Агафокла Сицилия постоянно страдала от разбоев мамертинцев, обосновавшихся в Мессане, и от войн Гикета, тирана Сиракуз, против Финтия, тирана Агригента. Правление Гикетаса длилось девять лет, после чего он был свергнут Тинионом, который занял его место и оккупировал остров Ортигия, в то время как Сосистрат владел остальной частью города. Карфагеняне, воспользовавшись разногласиями между этими двумя лидерами, осадили Сиракузы. Тогда обе стороны обратились за помощью к Пирру. Он имел некоторые права на Сицилию как зять Агафокла. Он не мог пройти через Мессану, поскольку мамертинцы заключили союз с карфагенянами против него ( ). Он высадился в Тавромениуме, куда его пригласил тиран Тиндарий, и оттуда проследовал в Катану, а затем в Сиракузы, где его приняли как освободителя. Он примирил Тиниона и Сосистрата и, объединив силы сиракузян с теми, которые он привел с собой, изгнал мамертинцев и заставил их отступить в Мессану. Агригент, Леонтины, Селинус, Сегеста и многие другие города открыли ему свои ворота. Он взял Эрикс, лично возглавив штурм, и таким же образом овладел Панормом, главным портом карфагенян, которым из всех их сицилийских владений остался только Лилибей (277).

После двухмесячной осады он пришел к выводу, что это место неприступно, пока карфагеняне владеют морем. Тогда он решил, по примеру Агафокла, совершить поход в Африку. Но поскольку ему нужны были моряки, он потребовал от городов предоставить их и разгневался на их медлительность и сопротивление; его иго стало таким же тяжким, как иго карфагенян и мамертинцев. Он устал от Сицилии и использовал неоднократные призывы тарентийцев и самнитов как повод для отступления. С большим трудом он ускользнул от карфагенского флота, который потопил семьдесят его кораблей, а затем наткнулся на отряд мамертинцев, которые ждали его на побережье Италии. Он потерял свою арьергардную охрану и двух слонов; он был ранен и, когда отступал, чтобы перевязать рану, к нему подошел высокий солдат и напал на него. Но Пирр имел сильную руку и хорошо заточенный меч: он нанес ему удар по голове и разделил ее пополам. Варвары, пораженные восхищением, позволили ему продолжить свой путь. Он остановился в Локри, чтобы наказать жителей, изгнавших его гарнизон, а затем, поскольку ему не хватало денег, чтобы заплатить своим войскам, он разграбил храм Коре, один из самых знаменитых в Италии. Но суда, на которых перевозили священные сокровища, были выброшены на берег штормом. Пирр, охваченный страхом, вернул все деньги в сокровищницу богини и продолжил свой путь в Тарент.

В его отсутствие римляне отбили Кротону, приняли Гераклею в свой союз и несколько раз нанесли поражение бруттам, луканам и самнитам. Ослабленные этими поражениями союзники Пирра послали ему лишь небольшое количество солдат. Тем не менее он поспешил выйти в поле, чтобы предотвратить соединение двух римских армий, посланных против него — одной из Самнии, другой из Лукании. Недалеко от Беневентума он встретил консула Курия, который был вынужден вступить в сражение до прибытия своего коллеги. Но римляне уже не боялись слонов; они бросали в них горящую пахучую веревку. Некоторые слоны были убиты, а другие оставлены для триумфа. Победа римлян была полной (275 г.). Они захватили лагерь Пирра, который вернулся в Тарент с небольшим отрядом всадников. Он был вынужден отказаться от своих планов на западе. Весь замысел провалился, и он поспешил приступить к другому. Он сказал тарентинцам, что написал царям Македонии и Азии с просьбой о помощи и что уезжает, чтобы собрать новую армию. Он оставил им гарнизон. Тарентинцы вызвали карфагенян, которые направили свой флот в гавань. Но Милон, командир эпирского гарнизона, сдал цитадель римлянам. Они вошли в город, объявили его вассалом Рима и разоружили жителей.

Разрушенный храм недалеко от Афин

МАГНА ГРЕЦИЯ ПОДЧИНЕНА РИМЛЯНАМИ

Все коренные народы южной Италии, которые приветствовали Пирра как освободителя, были в конце концов покорены Римом. Это было освобождение для тех греческих городов, которые еще существовали, но они были лишь тенью своих прежних себя. Хотя они были свободны под защитой Рима, они бесследно исчезли из истории. Во времена Страбона название Магна Греция было уже древним воспоминанием, а греческий язык больше не использовался, за исключением Неаполя, Регия и Тарента. Из-за отсутствия федеративных связей между автономными городами эллинская раса с ее блестящей цивилизацией постепенно исчезла с территории Италии. Римляне были готовы вступить в ее наследство, чтобы в конечном итоге передать его Галлии и Испании. Они заново заселили некоторые древние греческие колонии, которые скатились в варварство, в частности Посидонию и Гиппоний, которые долгое время были заселены, одна кампанцами, другая бруттиянами, и которые сменили свои греческие названия на Пестум^[47] и Вибо Валентия.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПИРРА В МАКЕДОНИЮ

[274-272 гг. до н. э.]

Единственным преимуществом, которое Македония извлекла из завоеваний Александра, была бесплодная честь поставлять королевские династии в Египет и Азию. Ни одна часть наследия завоевателя не была предметом столь ожесточенных споров между амбициозными соперниками. За пятьдесят лет на троне сменилось десять королей в результате стольких же военных переворотов. После вторжения галатов Антигон Гонат, сын Деметрия, вообразил, что обеспечил себе владение опустошенной Македонией, заключив договор со своим соперником Антиохом Сотером, на чью дочь он женился. Но военная анархия еще не достигла своего апогея. Пирр, вернувшись из Италии и не зная, как оплатить свои войска, искал повод для войны. Он вторгся в Македонию с единственной целью — собрать добычу. Одержав несколько побед, он вспомнил, что когда-то был царем этой страны, выступил против Антигона, разгромил галатов, которых тот нанял в качестве наемников, и захватил его слонов. Затем он подошел к фаланге, узнал некоторых из ее командиров, обратился к ним по именам и протянул им руку. Все солдаты перешли на его сторону. Гордясь своей победой над галатами, он освятил их щиты в храме Итонийской Афины, нанял варваров, чью ценность он признал, и разместил их в качестве гарнизонов в македонских городах. В Эге ( ) они разграбили царские гробницы и разбросали кости. Это вызвало жалобы македонцев, но Пирр, как эпиротец, мало интересовался древними царями Македонии. У него не было времени наказывать наемников, и вскоре он нуждался в их услугах. Ему представилась возможность завоевать Грецию, и он хотел ею воспользоваться.

ЭКСПЕДИЦИЯ ПИРРА ПРОТИВ СПАРТЫ

[272 г. до н. э.]

Эту возможность ему предоставил Клеоним из Спарты, тот самый, который опередил его в экспедиции в Тарент. Он просил Пирра поддержать его права на спартанский трон, на которые он претендовал. Эфоры отстранили его от власти в пользу Арея, сына его старшего брата; и, чтобы довершить его огорчение, его жена Хелидонис, которую он очень любил, не скрывала своей неприязни и проявляла предпочтение к сыну Арея по имени Акротату.

Это показалось Пирру достаточным поводом для вторжения в Пелопоннес с двадцатью пятью тысячами пехотинцев, двумя тысячами всадников и двадцатью четырьмя слонами. Кроме того, он заявил, что его единственной целью является восстановление свободы

городов, которые Антигон держал в подчинении. Что касается спартанцев, то он, по его словам, не только не желал им зла, но и предлагал доверить им своих младших сыновей, чтобы они были воспитаны в духе Ликурга. Когда его солдаты начали грабить, спартанцы упрекнули его в нарушении верности. Он ответил: «Вы же тоже не имеете привычки заранее говорить о том, что собираетесь делать». Ничто не предвещало этой агрессии в мирное время, и город не был готов к обороне: вся армия последовала за царем Ареем на Крит, куда его вызвали гортынийцы. Клеоним хотел немедленно начать наступление, но Пирр предпочел дожидаться капитуляции, которая казалась неизбежной. Он разбил лагерь перед Спартой, полагая, что сможет войти в город, когда захочет.

Спарта была спасена женщинами. Было предложено отправить их на Крит, что вызвало их возмущение. Архидамия, мать Акротата и самая богатая наследница в Спарте, вошла в сенат с мечом в руке и от имени женщин протестовала против того, что их считают способными пережить гибель своей страны. Стены, возведенные в предыдущих войнах, оставляли город незащищенным в нескольких местах: ночь провели в рытье большого рва, параллельного лагерю врага, и с обеих сторон были сооружены баррикады из колесниц, колеса которых были зарыты в землю. Женщины взяли на себя треть работы и заставили тех, кто должен был сражаться на следующий день, отдохнуть. Утром они вооружили молодых людей и призывали их умереть под взглядами своих матерей. Во время сражения, которое длилось весь день, они держались рядом с ними, передавая им оружие, принося еду и питье и ухаживая за ранеными. Но, как отметил Роллин, если женщины Спарты и практиковали мужские добродетели, то иногда забывали о добродетелях своего пола: увидев молодого Акротата, который сражался как лев, возвращающегося покрытым кровью и пылью, они позавидовали судьбе Хелидонис. Плутарх добавляет деталь, которая показывает, насколько далеко спартанцы зашли в жертвовании семьей ради города: старики, по его словам, кричали: «Браво, Акротат. Сохрани Хелидонис, и пусть она даст стране детей, таких же храбрых, как ты». Что же касается самой Хелидонис, то, не желая попасть в руки мужа, она приготовила веревку, чтобы повеситься, если город будет взят.

На следующий день сражение возобновилось. Македоняне пытались засыпать ров ветвями. Пирр даже сумел перебраться через него и помчался к городу, но его лошадь была убита и бросила его на крутой склон; его друзьям с большим трудом удалось спасти его. Почти все спартанцы были убиты или ранены, и город был на грани взятия, когда на помощь пришел лейтенант Антигона. Почти в то же время из Крита прибыл Арей с двумя тысячами спартанцев. Пирр решил снять осаду. Он повернул в сторону Аргоса, где одна из партий призвала его противостоять другой фракции, поддерживаемой Антигоном. Арей преследовал его во время отступления, нападая на него в ущельях и уничтожая его арьергард, состоявший из галатов и молоссов. Чтобы отомстить за смерть своего сына Птолемея, погибшего в этой битве, Пирр уничтожил почти всю спартанскую армию, а затем продолжил свой путь к Аргосу.

СМЕРТЬ ПИРРА

Антигон занимал высоты. Пирр предложил ему уладить их спор в единоборстве, но Антигон ответил, что если Пирр устал от жизни, то он может найти много путей к смерти. Аргивяне умоляли двух царей отступить и позволить им остаться друзьями обоих. Они согласились на это, но ночью сторонники Пирра впустили его в город. Члены противоположной партии немедленно вызвали Антигона. В это же время прибыл Арей с остатками своей армии. Вся ночь прошла в сражениях на улицах, в общей суматохе. Пирр хотел отступить, но его галаты, пришедшие ему на помощь, заблокировали узкие улочки.

Один из его слонов упал поперек ворот, другой, чей погонщик был ранен, без разбора сбивал с ног друзей и врагов. Пирр получил удар копьем от аргивского солдата и обернулся против человека, ранившего его; мать солдата, которая вместе с другими женщинами наблюдала за сражением с крыши дома, увидев, что ее сын в опасности, схватила черепицу и бросила ее в голову короля. Он упал с лошади. Хотя он снял плюмаж со своего шлема, его узнали: ему отрубили голову и отнесли ее Антигону. Этот пример изменчивости судьбы напомнил последнему о его отце Деметрии, и он велел найти тело Пирра, которое он сожг вместе с головой на погребальном костре. Пепел он отправил сыну Пирра, Гелену, который вернулся в Эпир (272).

АНТИГОН ГОНАТ

[272-243 гг. до н. э.]

История двадцати лет, последовавших за смертью Пирра, малоизвестна. У нас нет других источников, кроме Юстина^а, который не всегда является надежным, и некоторых скудных упоминаний у Полибия^б и Павсания.^в Все, что мы знаем, это то, что эти двадцать лет не были периодом покоя для Греции и тем более свободы. Смертельный удар по греческой свободе был нанесен при Херонее, и оружие осталось в ране. Македонская монархия цеплялась за Грецию, как рубашка Несса. Хотя они были вынуждены отказаться от наследия Александра, македонские цари по-прежнему были наследниками Филиппа и были полны решимости продолжить его дело по подчинению Греции. Эта политика последовательно проводилась Антигоном Гонатом, который завещал ее своим преемникам. После смерти Пирра у него не было соперников за македонский трон. Большая часть армии царя Эпира состояла из македонцев и галатов, которые без труда перешли на службу Антигону. Его власть в Греции простиралась на Фессалию и Эвбею, на Коринф и часть Пелопоннеса, какую именно часть — неизвестно: Юстин неопределенно говорит, что пелопоннесцы были предательски выданы в его руки ( ). Иногда он размещал гарнизоны в городах, иногда устанавливал тиранов: «Большинство тиранов в Греции, — говорит Полибий, — восходят к этому Антигону». Изоляция городов, их взаимная ревность и соперничество политических фракций повсюду вызывали появление заинтересованных соучастников македонского узурпатора.

По примеру своих предшественников, Антигон Гонат был особенно заинтересован в завоевании Афин. Он сжег храм Посейдона в Колоне и священный лес, который его окружал. Война длилась шесть или семь лет. Восстание нанятых Антигоном галатов едва прервало военные действия; Арей, царь Спарты и лейтенант Птолемея Филадельфа, который был послан на помощь Афинам и мог бы воспользоваться этим отвлечением, остался бездействующим, и афиняне, покинутые своими союзниками, были вынуждены принять македонский гарнизон (268). Антигон также послал гарнизоны в Мегару, Саламин и мыс Сунион.

Но примерно в то же время Александр, царь Эпира, вторгся в Македонию, чтобы отомстить за смерть своего отца Пирра, и фаланга перешла на его сторону, тем самым дав новый пример того, с какой легкостью военные монархии меняют своих господ. Антигон отсутствовал; его сын Деметрий, который был еще очень молод, вскоре восстановил власть над Македонией. Александр, в свою очередь лишенный Эпира, нашел убежище у акарнанцев, которые впоследствии восстановили его власть над его королевством. Это не помешало ему договориться с этолийцами о разделе Акарнании, поскольку благодарность отнюдь не является королевской добродетелью. Антигон удерживал македонский трон до своей смерти в 243 году, и его династия сохраняла власть в этой стране более века, продолжая

завоевание Греции до самого конца, пока эта страна, измученная бесконечными войнами, наконец не бросилась в объятия римского народа.⁴

[272 г. до н. э.]

Несмотря на то, что такая карьера, как у Пирра, закончилась бесславно, заключительная сцена его жизни имела некоторые сходства с его общим характером. Он, несомненно, был одним из самых благородных людей своего времени, хотя, казалось бы, только в эпоху, привыкшую к жестоким преступлениям, он мог завоевать репутацию непорочной добродетели, в частности честности, которая ассоциируется с его именем. Обладая необычайной доблестью, которая возродила образ героической войны, он сочетал в себе многие качества великого полководца, и некоторые считали его превосходящим даже Александра в военном искусстве. Но вся его жизнь была не только чередой несвязанных между собой, в основном неудачных предприятий, но и могла быть рассмотрена, с точки зрения его самого, как одно плохо согласованное, запутанное и бесполезное приключение. С самого начала и до конца он был игрушкой не столько судьбы, сколько безмерных и беспорядочных желаний, импульсивной, но непостоянной воли. Его главной страстью была не столько амбиция, сколько любовь к действию; и, по-видимому, он ценил завоевания главным образом потому, что они открывали новые поля сражений. Но с точки зрения служения более высоким целям, и его жизнь, и его смерть были памятными и важными. Он способствовал установлению баланса сил между преемниками Александра на Западе. Он подверг римское оружие более суровому испытанию, чем оно когда-либо подвергалось ранее, и вселил в народ уверенность в собственной силе, которая придала ему мужества для борьбы с Карфагеном и подготовила его к господству над миром. Его смерть стала важной вехой в истории Греции, поскольку она освободила поле для окончательной борьбы между свободой Греции и могуществом Македонии, борьбы, которая закончилась только гибелью обеих сторон.⁵

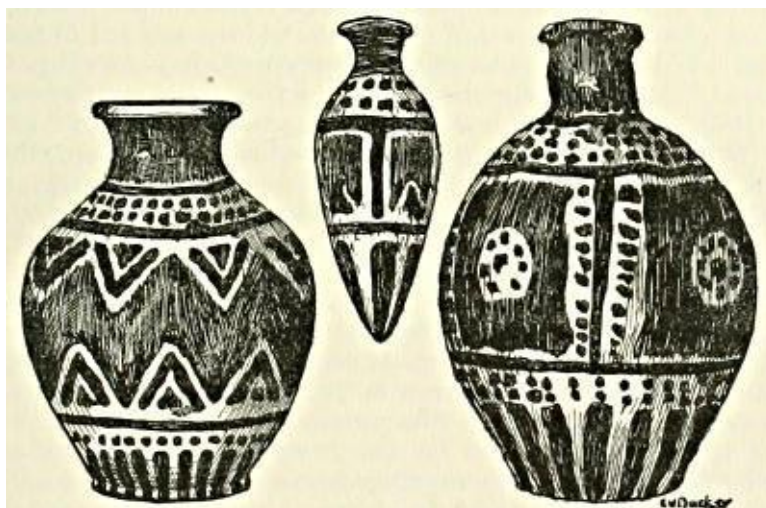
СНОСКИ

[44] [«Это, — говорит Юстин,⁶ — была последняя схватка между соратниками Александра; Лисимах был семидесяти четырех лет, Селевк — семидесяти семи».]

[45] [Это имя Бреннус, по-видимому, является лишь военным званием, относящимся к кымрийскому *brenhin* — король, хотя другие считают его собственным именем, подобным валлийскому «Бран»; некоторые историки называют Бреннуса просто «бренном».]

[46] [Вряд ли было бы необходимо добавлять рациональное объяснение этой сверхъестественной защиты Дельф, если бы не было желательно не отрицать заслуги 4000 доблестных дельфийцев и других воинов, которые так храбро защищали своих богов и алтари и, сбросив на галлов камни, пока те не впали в замешательство, атаковали их и повергли в панику, преследуя их даже в ночь сильной бури.]

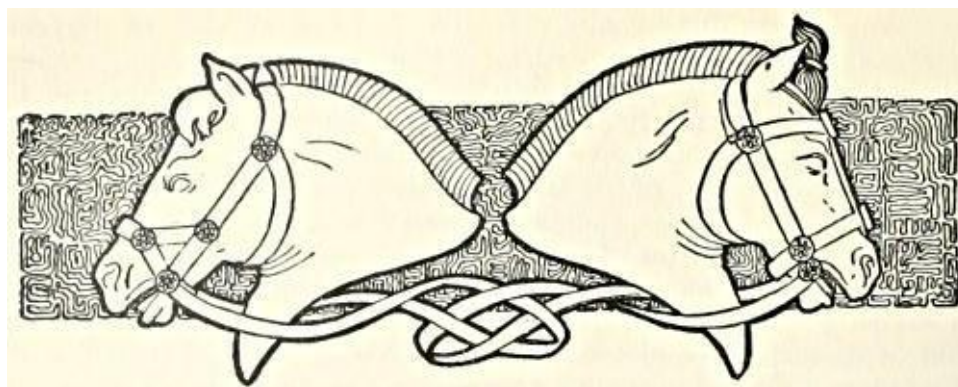
[47] [В Паэстуме до сих пор можно увидеть очень интересные руины трех греческих храмов. Два из них находятся в относительно хорошем состоянии, а один — храм Посейдона — является одним из самых впечатляющих сохранившихся сооружений. Вероятно, он так же древен, как Парфенон, и гораздо лучше сохранился.]

ГРЕЧЕСКИЕ БУТЫЛКИ

(Из музея Наполеона III)

ГЛАВА LXIII. ЛИГИ И ИХ ВОЙНЫ

В то время как культурные греки из древних городов и союзов постепенно поглощались Македонским царством, а дух свободы угасал среди роскоши и мимолетных удовольствий, среди театральных представлений и праздников, среди философии и культуры того времени, на передний план вышли две народности, которые пока еще мало подвергались влиянию греческой жизни и культуры. Это были этолийцы и ахейцы.

ЭТОЛЯНЕ

На протяжении веков этолийские горцы, ветвь эолийского народа, но с большой примесью иностранной (варварской) крови, вели простой крестьянский образ жизни, тихо и незаметно обитая в открытой местности, в деревнях и разбросанных усадьбах, вдали от культуры и утонченности, а также от изнеженности и роскоши других эллинских народов. Привыкшие к жизни в суровых условиях своей страны, которая, ограниченная на западе бурным потоком Ахелоса и на востоке Эвеном, не предлагала плодородных земель для возделывания, за исключением южного побережья, а внутренние районы были пригодны только для пастбищ и охоты, этолоны сохранили в неприкосновенности воинственный дух и дикую свободу первобытных времен, «когда закон действовал только там, где доходил меч, а честное грабеж на море и суше было ремеслом каждого храброго человека». Из чистой доблести и любви к сражениям они отправлялись в рискованные пиратские походы под командованием своих родных капитанов и вождей, проникая даже к дальним берегам Италии и Малой Азии, или поступали на службу в иностранные государства в качестве наемников; те же, кто оставался дома, обеспечивали свои скудные потребности грубой и простой жизни полевыми работами, скотоводством, коневодством и охотой.

Оружие было гордостью и украшением свободного человека, и он почти никогда не откладывал его в сторону. Когда этолийцы выходили на поле боя, вооруженные пращами и копьями, и выстраивались то в плотную фалангу, то в нерегулярные орды, их сила, ловкость и отчаянная храбрость делали их грозными для всех своих врагов. Их национальная одежда включала *каусию*, или белую шляпу с широкими полями, тунику, завязанную высоко и оставляющую руки свободными, и высокие критские ботинки. Правая нога оставалась босой при лазании или подъеме в гору, «чтобы обеспечить более твердую опору». В культуре и образовании они значительно отставали от других греков, которые в результате избегали и презирали грубых, надменных и хвастливых «горных крестьян». Однако со временем даже они развили некоторое художественное чувство и талант, поскольку по мере роста их могущества столица их союза, Термос, была богато украшена общественными зданиями и храмами, картинами и статуями. В этом неукрепленном городе, окруженном горами и плодородными землями, районы, входившие в союз, праздновали свой ежегодный фестиваль и собрание с ярмарками, играми и пирами, поскольку они были готовы наслаждаться жизнью во всех ее бурных и необузданных удовольствиях, как и рисковать ею в любых смелых предприятиях.

ЭТОЛСКИЙ СОЮЗ

С самых ранних времен города и районы, находившиеся под демократическим правлением, были объединены в своего рода свободную конфедерацию, которая накладывала лишь очень незначительные ограничения на независимые действия каждой общины; но только в македонский период, когда сила других государств была ослаблена гражданскими войнами, а их энергия парализована последствиями более высокого уровня цивилизации, несколько конфедераций родственных племен объединились, чтобы сформировать общий Этолийский союз, цель которого заключалась скорее в защите своих грабительских походов, чем в укреплении политической системы, основанной на моральных или правовых принципах.^[48] Ибо хотя зародыш энергичной федеративной и общинной жизни мог и дремлющий в этом выносливом и примитивном племени, но ему не хватало моральной дисциплины, авторитета закона и привычки к послушанию. Первым результатом нового единства и порядка, привнесенного в этолийское предприятие этим более тесным союзом, было распространение этолийского господства на запад над Эниадами и на восток над Наупактом.

С этого времени мы находим упоминания об этолийцах в каждом важном военном достижении; они мужественно противостояли македонской жажде господства; мы видим, как они защищают греческую свободу и независимость от Антипатра и Кассандра; они составили ядро сил, которые сдержали дикие орды кельтов при Фермопилах и свергли Бренна и его банды грабителей на священной земле Дельф. Везде мы видим их сильную руку и решительную энергию, влияющие на судьбы греческого народа в печальный период его упадка и падения, отталкивающие и задерживающие полное подчинение Греции, насколько это было в их силах.

Высшая власть федеративных государств принадлежала *Панаэтолиуму*, или Диете Лиги, которая регулярно собиралась на совет каждый год в день осеннего равноденствия в горном городе Термус, и на котором каждый свободнорожденный этолиец имел право присутствовать и голосовать. В случае необходимости это собрание иногда проводилось в другое время и в другом месте. Совет Лиги объявлял войну и мир, заключал союзы и договоры, а также направлял и принимал послов. Его работой руководил президент (стратѳ), который избирался ежегодно. В административных и судебных вопросах высшей властью обладал Совет, называемый *Апоклети*, члены или «ассессоры» (синедри) которого избирались ежегодно из числа членов Совета и знатных семей нескольких округов. Под председательством стратега Совет управлял обычным ходом дел и судебной системой как для лиги в целом, так и для нескольких округов или кантонов, защищал права Лиги и нескольких конфедеративных округов от нападений изнутри и извне ( ), а в некоторых случаях назначал комиссии, состоящие не более чем из тридцати членов.

Сначала все члены Лиги пользовались полными гражданскими правами в ее пределах и, соответственно, могли селиться в любой точке ее территории, приобретать земельную собственность, вступать в брак, участвовать в общественных собраниях, голосовать и занимать государственные должности. Этими привилегиями гражданства пользовались не только все этолийцы, но и все другие греки, присоединившиеся к Лиге добровольно или по принуждению, такие как жители некоторых городов и округов в Фессалии, Фокиде, Локриде, Мессении и других. После изгнания Аристотима, правителя Элиды, элейцы вступили в независимый оборонительный союз с этолийцами; они оказывали и получали помощь в случае необходимости, но сохраняли свою политическую автономию. Иначе обстояли дела с кефалленцами, которые платили дань как подданные Этолии и были обязаны обращаться за правосудием в этолийские суды.

АХЕЙСКИЙ СОЮЗ И АРАТ СИКИОНСКИЙ

В естественном противовесе этолийскому «крестьянскому союзу» союз ахейских городов возник во время правления Антигона Гоната. Это был последний энергичный росток, выросший из увядающего корня эллинского дерева свободы.

С древних времен двенадцать городов побережья Ахайи были объединены в свободный союз, для которого святилище Зевса Омогирия или Омория в районе Гелики служило местом собраний и советов. Это было религиозное объединение, основанное на родстве — в древней Греции было много подобных объединений — свободный союз для поклонения племенным божествам в традиционных формах, который не налагал никаких ограничений на политическую независимость своих членов. Не оказывая большого влияния на политическую и военную жизнь Греции, Ахайя отличалась скромными добродетелями, порядком, единством и патриархальной формой правления, в то время как Кротон, Сибарис и другие процветающие колонии в нижней Италии были ярким свидетельством культуры и творческой энергии ахайского народа. Честность и общественные добродетели простых и трудолюбивых жителей побережья пользовались таким большим уважением у остальной Греции, что после битвы при Левктрах великие эллинские государства просили их выступить арбитрами в своих внутренних спорах. Это древнее содружество было разбито и уничтожено македонскими правителями, которые хитроумно посеяли семена междоусобной розни ( ), а затем воспользовались последовавшими за этим разногласиями, чтобы подчинить и угнетать несколько городов с помощью иностранных гарнизонов и губернаторов. Но деспотизм не смог стереть память о счастливом прошлом. Воспользовавшись слабостью и хаосом, последовавшими за кельтским вторжением в Македонию, четыре города — Дима, Патра, Трита и Фара — изгнали свои гарнизоны и тиранов, возобновили союз, поклялись в взаимной помощи против внешних и внутренних врагов и обязались верно соблюдать постановления Лиги. Пять лет спустя к ним присоединился Эгион, который с тех пор стал столицей. Вскоре последовали другие: Бурс, где был убит тиран, Керинея, где правитель добровольно отрекся от престола, опасаясь подобной участи, Пеллен, Леонтий и Эгира.

Но даже в обновленном виде Ахейский союз в течение многих лет оставался в провинциальной изоляции, пока Арат из Сикиона^[49] не убедил свой родной город присоединиться к нему и не поставил перед ним более высокую цель — освободить Грецию от раздробленности и хаоса, вызванных исключительным учетом местных интересов, и пробудить национальный дух, единство и энергию.

[249 г. до н. э.]

Даже во времена македонского владычества Сикон не утратил своей былой славы. Его сады, плодородные поля и процветающие деревни, великолепные здания и коллекции произведений искусства, а также торговые суда в его защищенной гавани свидетельствовали о богатстве, культуре и оживленной торговле его жителей. Но внутренние разногласия, подогреваемые македонским коварством, подорвали основы его процветания. Возникли междоусобные распри, приведшие к революциям и тирании. Клиний, гражданин благородного происхождения, обладавший большим богатством и патриотическим духом, погиб в борьбе против тирана Абантида. С трудом его сын Арат, семилетний ребенок, был спасен и привезен в Аргос, где он вырос здоровым телом и духом под заботливой опекой друзей, в то время как его родной город подвергался одной тирании за другой, пока, сломленный духом и лишенный своих самых благородных граждан, он в конце концов не попал под власть злобного и жестокого Никокла. Тринадцать лет Арат жил в Аргосе в обществе богатых и культурных друзей своей семьи и общался с многочисленными сикионцами, которые искали убежища в этом соседнем городе от гнева и

преследований своего собственного тирана и которые с надеждой смотрели на энергичного и способного юношу, который сочетал в себе мужество и рассудительность и горел желанием освободить свою родину и отомстить за убийство отца. Он ловко обманул шпионов тирана, которым казалось, что он проводит все свои дни в беззаботной веселости с куртизанками и веселыми товарищами.

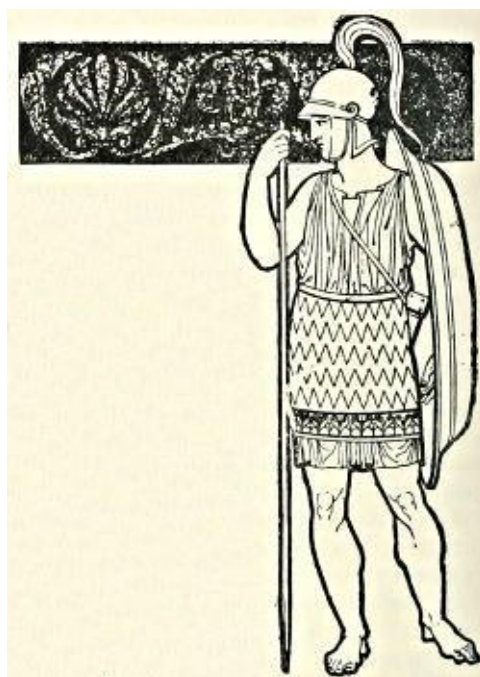
Когда благоприятный момент, казалось, настал, Арат покинул Аргос в компании нескольких беженцев и отряда наемников. Ночью они взобрались на стены, застали врасплох и обезоружили телохранителей тирана, а на рассвете призвали граждан подняться на борьбу за свою свободу. Никокл бежал в суматохе, его дворец был разграблен и сожжен, а его имущество конфисковано в пользу республики. Так без кровопролития было осуществлено освобождение Сикиона. Но вскоре возникла угроза новых беспорядков и волнений, когда около шестисот беженцев, которые когда-то были богатыми людьми, вернулись и потребовали возвращения имущества, которое давно перешло в другие руки. Чтобы не остаться без поддержки в этой сложной ситуации, Арат убедил дорийский город, который, несмотря ни на что, по-прежнему был богат, присоединиться к Ахейскому союзу на равных условиях в отношении законов и привилегий, а затем, с помощью большой суммы денег, предоставленной ему дружественным царем Египта Птолемеем по его личной просьбе в Александрии, он добился урегулирования и примирения между своими склочными согражданами.

Слава, которую он завоевал этим благоразумным и патриотическим поступком, в сочетании с большой услугой, которую он оказал союзу, убедив такой важный морской порт присоединиться к нему ( ), проложила молодому полководцу путь к высшей должности, но он скромно предпочел пробиваться вверх самостоятельно. Сначала он вступил в ахейскую кавалерию, но через шесть лет достиг звания стратега, которое до его смерти редко присваивалось кому-либо еще. Ясный ум, дальновидность и глубокое погружение в философскую и патриотическую культуру своего времени позволили Арату вскоре направить свою энергию на достижение великой цели — объединение всех пелопоннесцев под гегемонией Ахайи. Не вмешиваясь в автономию и свободу отдельных государств, он установил принцип равных прав для всех членов Лиги. Путь к должности и почестям был открыт для каждого человека в союзе, без различия по богатству или социальному положению; и хотя некоторые города или районы, которые постепенно присоединялись к союзу, могли предпочитать другую форму правления, конституция Ахайского союза, постепенно развивавшаяся под руководством Арата, сохраняла характер умеренной демократии. Кроме того, стараясь не вызывать местной зависти и не задевать местное самлюбие и предрассудки, вмешиваясь во внутреннее управление, традиционные привилегии и обычаи или религиозные особенности разных мест и общин, он пробудил чувство общей цивилизации, введя единые меры и веса, общую монету и равенство торговых прав, и закрепил его узами религии.

АРАТУС УПРАВЛЯЕТ СОЮЗОМ

Правительство Ахейского союза, сформированного под руководством Арата, было возложено на свободный народный собор, который собирался два раза в год (весной и осенью) в древнем месте совета, недалеко от Эгиона, и на котором каждый свободный гражданин, достигший тридцатилетнего возраста, имел право выступать, высказывать свое мнение и голосовать. Весной, в начале гражданского года, собор избирал должностных лиц союза: президента, секретаря или канцлера, а также сенат, который совместно с демиургами, или представителями десяти ахейских городов, первоначально входивших в состав Лиги, составлял высшую исполнительную власть, управляя политическими делами в

соответствии с декретами и постановлениями народного собрания и под его контролем, направляя обсуждение и голосование на больших собраниях Лиги и осуществляя необходимые приготовления к их проведению. В срочных случаях стратег и сенат действовали по собственной инициативе, без разрешения сената, но с обязательством отчитываться перед ним. Для урегулирования внутренних споров существовал суд Лиги, также назначаемый большим собранием. Стратег председательствовал на сенате, как и в большом и малом совете, и подтверждал декреты и ратифицировал документы своей подписью и печатью Лиги. Обладая исполнительной властью во внешних и внутренних делах, он отвечал за казну, взимал с союзников взносы в виде денег, кораблей и людей, а также обладал верховным командованием армией и флотом, при этом обязавшись отчитываться за свои действия. В военных делах ему помогал капитан кавалерии (гиппарх), а во внутренних делах — канцлер или секретарь (грамматеус).

Щитоносец

Эта замечательная конституция была в основном делом рук Арата, всегда бывшего «движущей силой» Лиги, и хотя его поздние годы во многих отношениях подвергаются критике, это практическое применение его философских и патриотических идей заслуживает самой высокой похвалы. Он является одним из тех персонажей, чьи портреты, искаженные благосклонностью и враждой приверженцев, неоднозначно воспринимаются в истории. Несмотря на то, что он упорно стремился в своих *«Мемуарах»* (основные моменты которых Плутарх сохранил в своей биографии) защитить свои действия и мотивы от неправильного понимания и правдиво представить себя своим современникам и потомкам, его записи тем не менее омрачены многими тенями и отмечены многими ошибками. «Арат не обладал великой эллинской душой, — таков вердикт Шорна, — его душа была узой и ахейской». Как человек он отличался многими прекрасными и приятными качествами, как гражданин он заслуживает уважения за свою великую любовь к родине, которой он посвятил свою жизнь с абсолютной преданностью и на укрепление которой были направлены все его усилия с редкой настойчивостью. Он беззаветно пожертвовал собой ради государства, отказавшись от своей собственности, дружбы, вражды и даже от непримиримой ненависти к тиранам, которой он был проникнут с юности; от всего, кроме амбиций, которые ставили под сомнение даже его патриотизм. Он желал сиять на ахейском горизонте в одиночестве и использовал свое влияние, чтобы подавить всех, кто пытался сиять рядом с ним.

Он с одинаковым отвращением относился к этолийскому союзу крестьян с его набегами и жестокими междоусобицами и к революционным попыткам спартанских царей Агиса и Клеомена; и, поочередно обращая свое оружие против них, он играл на руку общему национальному врагу, Македонии. Как стратег, его военные таланты были весьма посредственными. Он был замечательно искусен в организации внезапных атак и засад, и в осуществлении военных сюрпризов его смелость и дерзость были равны его хитрости и коварству, но как полководец он был малоспособен, и в своей первой кампании проявил неуверенность, робость и малодушие. Его сильной стороной не было смелое

противостояние опасности, в бою он терял самообладание и присутствие духа; в результате он предпочитал тайные и коварные уловки, притворство и обман прямой и отважной атаке.

Во время своего второго срока на посту стратега Арат укрепил репутацию, которую он завоевал освобождением Сикиона, но утратил в результате безуспешной кампании против этолийцев в первый год своего командования, благодаря успешной стратегии в Коринфе. С помощью хитрости и смелости ему удалось избавить неприступную цитадель Акрокоринт от македонского гарнизона и убедить этот важный город, один из трех «оков Греции», присоединиться к Лиге.^e

АРАТ ПРИБЫВАЕТ В КОРИНФ

Три брата, сирийские греки, похитили часть королевского сокровища в Коринфе, и один из них, по имени Эргин, время от времени приезжал в Сикион, чтобы обменять добычу в доме банкира, хорошо известного Арату. Через этот канал Арат узнал, что в стене цитадели есть доступное место; и Эргин, заручившись согласием четвертого брата, который служил в гарнизоне, взялся провести Арата к месту, где стена была не более пятнадцати футов высотой. Братья потребовали большое вознаграждение. Шестьдесят талантов [12 000 фунтов стерлингов или 60 000 долларов] должны были быть депонированы у банкира и выплачены им в случае успеха; и даже в случае неудачи, если они сбегут, каждый должен был получить дом и талант. Арат не мог сразу собрать такую большую сумму и был вынужден заложить свою посуду и украшения своей жены, купив, как отмечает Плутарх, привилегию опасного приключения на благо своей страны по цене, которую было бы великодушно отклонить, если бы она была предложена в качестве взятки. Когда наступило время, назначенное для попытки, оставив основную часть своих войск под ружьем, он с четырьмястами людьми, из которых лишь немногие были посвящены в тайну, направился к Коринфу. Когда они приблизились к стене, свет полной луны, который сделал бы скрытие почти невозможным, был перекрыт облаками, поднявшимися с моря. Несколько других благоприятных обстоятельств способствовали его успеху, хотя он полностью заслужил его своим мужеством. Эргин с семьей другими, переодетыми в путников, проникли через ворота и одолели стражу, а Арат с сотней своих людей взобрался на стену и продвинулся к цитадели с лестницами, приказав остальным следовать за ним. Но по пути через город он наткнулся на патруль, один из которых сбежал и вскоре поднял тревогу.

Арат, которому снова повезло с луной, пробивавшейся сквозь облака, когда он запутался в самой сложной части подъема, благополучно достиг стены цитадели и вскоре вступил в тяжелый бой с гарнизоном. Как только была поднята тревога, Архелай, обнаружив, что цитадель подверглась нападению, поспешил со всеми своими силами в том направлении. Но он случайно наткнулся на триста ахейцев, которые, не найдя следов своих товарищей, притаились за выступом скалы. Теперь они выскочили, как из засады, и полностью разгромили и рассеяли его войска. Но Эргин отозвал их с преследования, чтобы прийти на помощь Арату, и их прибытие решило исход сражения. К восходу солнца он овладел крепостью, и войска, которые следовали за ним из Сикиона, появившись в это же время, были с радостью приняты в нижней части города коринфянами, которые помогли захватить королевских солдат.^{г. до н. э.}

[242-232 гг. до н. э.]

Этим поступком, в котором он щедро рискнул своим личным состоянием, Арат завоевал такое доверие народа, что ахейцы с тех пор доверили ему ведение государственных дел и следовали его советам даже в те годы, когда он по закону был лишен должности стратега.

Города Трезен, Эпидавр, Клеона и Мегара вскоре восстали против Македонии и присоединились к Ахейскому союзу.

Восстание ахейцев вызвало зависть других государств и побудило македонцев к новым усилиям по восстановлению утраченных позиций. Старый царь Антигон заключил союз с этолийцами для совместного нападения на Ахайю на основе раздела завоеванных территорий. Но Арат, который выбрал Птолемея покровителем союза и тем самым обеспечил защиту Египта в случае возможной катастрофы, отразил этолийских мародеров, прежде чем они смогли объединиться с македонцами, и отговорил царя Антигона от предложенной кампании, пообещав ему оставшиеся владения на Пелопоннесе. Вскоре после этого умер пожилой Антигон Гонат, а его сын и наследник Деметрий II был полностью занят вторжением дарданов в свою страну.

Арат сумел использовать эти обстоятельства для новых завоеваний. Обеспечив себе защиту от атак с тыла благодаря наступательному и оборонительному союзу с этолийцами, он силой или хитростью склонил большинство государств Пелопоннеса присоединиться к Лиге. Так, Лидиад, молодой и талантливый принц, правивший в Мегалополисе, был убежден присоединиться, и богатая и обширная территория этого города была завоевана для Лиги. Тираны, брошенные Македонией, больше не могли противостоять силе Ахайи; они добровольно или под принуждением подчинились волне демократии; так что когда Деметрий II скончался после десяти лет слабого правления, а Антигон Досон (Обещающий) взял на себя управление Македонией во время несовершеннолетия царя Филиппа III, ахейцы правили Гермией, Флиусом и большей частью Аркадии, включили богатый остров Эгина в свои владения, убедили Аргос присоединиться к Лиге после долгой борьбы с тремя тиранами, сменившими друг друга, и заключили союз с Афинами (откуда, благодаря помощи Арата, македонские гарнизоны были вынуждены уйти) на равных условиях, хотя и без взаимных гражданских прав. Мантинея, Тегея, Орхомен и Элида были единственными городами, которые оставались под властью этолийцев, которые, однако, тем временем распространили свое господство на часть Фессалии; а Спарта, только что пробудившаяся от долгого транса и обновленная внутренним возрождением, стремилась вернуть себе господство, которым она обладала в славные дни древности. Из этих элементов зародился роковой конфликт, который сломал все, что осталось от силы Греции, в тот самый момент, когда римляне начали вмешиваться во внутренние дела воюющих государств.⁴

СПАРТА ПОД ВЛАСТЬЮ КЛЕОМЕНА

[232-227 гг. до н. э.]

К этому времени Лакедемон променял бедность и суровую дисциплину на богатство и развратные нравы. Общественные трапезы, последний залог спартанской бережливости и воздержания, были осуждены правителями государства и впали в немилость и вышли из употребления. Один или два князя, которые пытались остановить поток коррупции, были свергнуты, изгнаны и даже казнены. Законы Ликурга были полностью игнорированы. Все земли находились во владении нескольких семей, которые жили в величайшем роскоши, в то время как остальные спартанцы, лишенные своего наследства, были обречены на крайнюю нищету. Попытки царя Агиса IV ввести законы о роскоши, аннулировать все долги и провести новый раздел земель встретили сопротивление со стороны богатых и в конце концов были наказаны смертью под предлогом заговора с целью смены правительства.

В такой ситуации на спартанский трон взошел Клеомен, принц, который сочетал в себе честность сердца с воинственным духом и любовью к славе. При вступлении на престол он обнаружил, что как внутренняя конституция, так и государственные дела Спарты находятся

в крайнем беспорядке. Внутренние бедствия, сопровождавшиеся упадком духа, привели к всеобщему обезлюдению Лаконии. Вместо достаточного количества коренных жителей, чтобы занять тридцать девять тысяч участков, на которые Ликург первоначально разделил землю, теперь осталось только семьсот семей спартанской расы; и из них около шестисот, погрязших в крайней нищете и ничтожности, были неспособны проявить какую-либо энергию на государственной службе. Многие рабы также погибли из-за отсутствия работы и средств к существованию, а другие были увезены в большом количестве врагами Спарты. Таков был печальный упадок как общественной, так и частной добродетели! Клеомен, движимый своим природным склонностью к оружию, а также уже упомянутыми заявлениями этолийцев, чтобы возродить воинственный дух спартанцев, напал на Тегею, Мантинию и Орхоменос, города Аркадии. Покорив их, он без промедления двинулся на некий замок в округе Мегалополиса, который контролировал вход в Лаконию с этой стороны.

Сразу же после этого акта враждебности ахейские государства объявили войну спартанцам. Спартанский царь немедленно выступил в поход со всеми войсками, которые смог собрать, и опустошил территории городов, входивших в союз с Ахайей. С пятью тысячами человек он выступил против ахейского полководца Арата, который, поняв решимость спартанцев, отказался от сражения, хотя и стоял во главе двадцати тысяч воинов. Отступление Арата побудило элейцев, которые никогда не были последовательны в интересах Ахайи, открыто выступить против нее. Ахайцы попытались наказать это отступничество, но были разгромлены Клеоменом при Ликее, недалеко от границ Элиды, и полностью побеждены им в последующей кампании, недалеко от Левктр. Продолжая свою удачную серию, он подчинил несколько городов Аркадии, которые он укрепил своими лакедемонийскими войсками.

[227-223 гг. до н. э.]

Он вернулся в Спарту только с наемниками и убил эфоров, которых считал помехой для себя и угнетателями спартанских подданных; он пытался оправдать свой поступок, обвиняя этот порядок магистратов в неконституционности и перечисляя несколько случаев беззакония. Теперь он взял на себя управление правосудием и восстановил аграрные и сумптуационные законы Ликурга, которые он соблюдал, подавая собственный пример. Став таким образом хозяином Спарты, он направил свою энергию на зарубежные предприятия, которая в противном случае могла бы вылиться во внутренние беспорядки. Он разграбил территории Мегалополиса, прорвал ахейские линии в Гекатомбе и одержал полную победу. Ахейская армия, состоявшая из лучших представителей своего народа, была почти полностью уничтожена. Мантинейцы, убив ахейский гарнизон, размещенный в их городе, поставили себя под защиту спартанцев. Тот же дух измены и восстания проявился в большинстве других городов Пелопоннеса. В этой крайней ситуации они обратились к Клеомену с просьбой о мире, но Арат, который в течение некоторого времени отказывался брать на себя руководство государственными делами Ахайи, теперь восстановил свою власть и, настаивая на таких условиях, которые энергичный Клеомен не мог принять, сумел предотвратить тот мир, которого желали его соотечественники.

И Арат, и Клеомен хотели объединить все народы Пелопоннеса в одно государство и тем самым создать такой оплот свободы Греции, который мог бы противостоять любой иностранной державе. Но вопрос заключался в том, кому должно принадлежать верховное руководство общими делами. Даже Арат, столь превышестоящий над любовью к деньгам, в этом случае проявил себя рабом амбиций и, не желая видеть вышестоящего по власти, решил погрузить все в хаос.

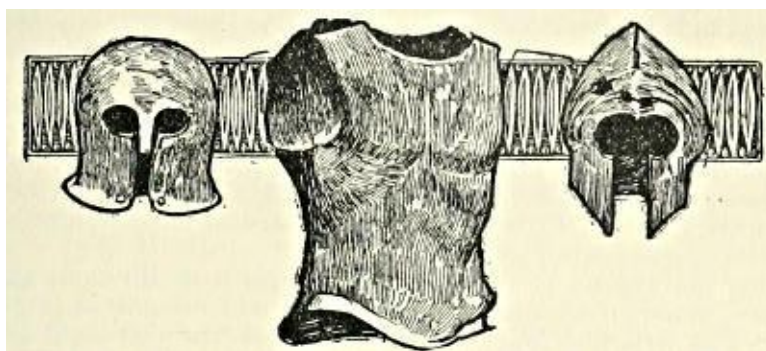
Прерывание мирных переговоров вызвало всеобщее волнение по всему Пелопоннесу; поведение Арата разжегло воинственный пыл Клеомена и вызвало ревность в разных государствах; ахейцы не смогли получить никакой помощи от афинян, этолийцев или аргивян. Коринф был на грани капитуляции перед спартанским царем; и даже Сикион был бы потерян, если бы своевременное раскрытие не предотвратило заговор. Здесь мы можем отметить чрезвычайную быстроту, с которой греческие государства вступали в любой союз, создававшийся для умаления любой силы, преобладавшей в Греции: доказательство того, что, как бы ни были развращены их нравы, их чувства свободы и равновесия сил еще не были полностью разрушены.

АНТИГОН ПРИЗВАН

[223-221 гг. до н.э.]

Недовольство Клеоменом побудило Арата разработать план привлечения помощи Антигона Македонского для уничтожения Спарты. Но в Греции эта попытка вызвала всеобщее отвращение, а Антигон был против любого вмешательства в греческие дела, не поддаваясь блеску амбиций. Но последнюю и самую большую из этих трудностей Арат преодолел с помощью различных уловок и заключил с Антигоном договор, условия которого заключались в том, что цитадель Коринфа должна быть передана в руки царя; что он должен возглавить Ахейский союз, руководить его советами и направлять его действия; что его армия должна содержаться за их счет. Из этих статей очевидно, что свободы Ахайи теперь исчезли, и что правителем этой страны стал Антигон.^[50]

Эта сделка вызвала возмущение пелопоннесских государств: они видели в Клеомене единственного защитника своих свобод. Узнав о движении македонцев, этот герой занял перевал в горах Онейских, откуда он контролировал Коринфский перешеек; но ахейцы, захватив Аргос, заставили его покинуть перевал и оставить его открытым для македонцев. Ахейцы вновь обрели превосходство в Пелопоннесе, и большинство городов на этом полуострове были вынуждены подчиниться их власти. Усилия Клеомена по восстановлению свобод Пелопоннеса и, конечно же, защите свобод остальной Греции, равны самым знаменитым подвигам древности. Но осторожный Антигон, богатый сокровищами, искусно затягивал войну и позволял своему стремительному противнику напрасно растрачивать свои силы. Клеомен был вынужден отступить в Селласию, чтобы прикрыть Спарту.

ГРЕЧЕСКИЕ КИРАСЫ И ШЛЕМЫ

(В Британском музее)

Антигон, таким образом, разбил лагерь на расстоянии, на равнине внизу, чтобы наблюдать за движениями врага и действовать в соответствии с обстоятельствами.

Клеомен, доведенный до крайней нужды из-за нехватки провианта, был вынужден открыть свои укрепления и без дальнейших промедлений вступить в сражение. Все его мастерство и доблесть, которые он продемонстрировал в этой ситуации, не смогли спасти его от полного поражения (221 г. до н. э.). Сначала он бежал в Спарту, а оттуда в Египет, где после различных приключений его высокомерный дух, не способный смириться с унижениями со стороны министров Птолемея Филадельфа, привел его к почетной, но преждевременной кончине.^f

Ускользнув от бдительности своих стражников, он совершил вылазку со своими друзьями, тринадцатью по счету, все с обнаженными мечами, и поднял крик о свободе. Александрийский народ смотрел и аплодировал, как на сцене театра, но не думая принимать какое-либо участие в действии. Спартанцы убили правителя города и еще одного придворного, но после безуспешной попытки взломать тюрьму в цитадели, обнаружив, что все их избегают, они отказались от своей безнадежной надежды и обратили мечи на свои собственные сердца. Пантей, самый дорогой друг царя, по его просьбе согласился остаться в живых, пока не увидит, что остальные испустили дух. Птолемей, как только узнал о случившемся, приказал казнить всех женщин и детей, принадлежавших покойным; и молодая жена Пантея, как говорят, оказала такую же благочестивую услугу Кратесикле, которая была вынуждена стать свидетельницей убийства своих двух внуков, как Клеомен получил от своего мужа. Тело Клеомена было снято с кожи и повешено на кресте, пока, если верить Плутарху, необычное событие не пробудило суеверные страхи Птолемея, не дало повод для новых искупительных обрядов во дворце и не побудило александрийцев почитать Клеомена как героя.

И действительно, он был героем, если сравнивать его с ними. Когда мы отворачиваемся от них и обращаемся к самой теме этой истории, мы чувствуем, как будто начинаем снова дышать более здоровой атмосферой: и уносим с собой укрепленную убежденность в том, что, какими бы великими ни были бедствия, которые постигли Грецию из-за плохо регулируемой страсти к свободе, все же жить там было лучше, чем под скипетром Птолемея — среди народа, который едва ли можно назвать имеющим историю в каком-либо более высоком смысле, чем стадо животных, всегда склонных к ярости, если их не подстегивать.^d

[221 г. до н. э.]

Во время отсутствия Антигона множество иллирийцев и других варваров вторглось в Македонию и совершило большие разрушения. Это вторжение ускорило его возвращение в свои владения. В решающей битве варвары были разгромлены, но македонский царь, напрягая голос во время сражения, разорвал кровеносный сосуд. Последовавшее кровоизлияние привело его в состояние упадка, и он умер через несколько дней, оплакиваемый всей Грецией.

Преемником Антигона II стал Филипп, сын Деметрия, последний из македонских царей с этим именем; принц, которому было всего семнадцать лет, умный, приветливый, щедрый и внимательный ко всем обязанностям королевского положения. Этот прекрасный характер сформировался благодаря хорошему природному складу ума, культивируемому наставлениями и примером Антигона, который назначил его своим преемником на македонском троне.

СОЦИАЛЬНАЯ ВОЙНА

[221-216 гг. до н. э.]

Ревность, которую этолийцы давно испытывали к ахейским государствам, усилилась из-за важности, которую они приобрели благодаря союзу с Македонией. Как только они избавились от страха перед Антигоном, они разграбили ахейское побережье и совершили грабежи во всех соседних странах. Арат, тщетно противостоявший им силами ахейцев, обратился за помощью к македонскому царю и получил ее. Филипп пообещал, что, как только уладит дела в своем царстве, отправится в Коринф, чтобы встретиться с представителями государств, вступивших в союз с Ахайей, и обсудить с ними план будущих действий. Тем временем этолийцы вновь вторглись в Пелопоннес, разграбили город Кинета в Аркадии, перебили большинство жителей и превратили город в руины. Совет ахейских союзников, собравшийся в Коринфе, единодушно решил, что, если этолийцы не возместят ущерб, им будет объявлена война, а руководство ею будет поручено македонскому царю. Так началась Социальная война, названная так по-латыни из-за союза, заключенного несколькими государствами, воевавшими против Этолии.

Филипп начал свои действия с осады Амбракиды, крепости, которая контролировала обширную территорию, по праву принадлежавшую Эпиру, но теперь находившуюся в руках этолийцев. Захватив эту крепость, он вернул ее эпирцам и приготовился перенести войну в Этолию. Этолийский дух не был сломлен ни потерей Амбракиды, ни угрозами Филиппа. Они вторглись в Македонию и совершили набеги на Ахайю, которую они довели до крайнего отчаяния. Наемники на службе у ахайцев взбунтовались из-за невыплаты жалованья; союзники Пелопоннесского союза стали безвольными или недовольными; даже мессенцы, за дело которых вначале в основном и взяла на себя Ахайя, боялись выступить против этолийцев; а спартанцы, несмотря на свои обязательства перед Ахайей, принятые на последних съездах, теперь убили или сослали всех своих граждан, которые были на стороне ахайцев, и открыто выступили против них. Ибо спартанцы, находясь в состоянии величайшего унижения, всегда с нетерпением относились к господству Ахайи, чему, по всей вероятности, в значительной мере способствовала гордость этой республики.

[216-208 гг. до н. э.]

Прошел год с момента образования союза против Ахайи, когда Филипп Македонский в разгар зимы в строжайшей тайне выступил в Коринф, где была размещена часть его войск. Он застал врасплох отряд элейцев, вышедших грабить сикионские земли, и взял Псофис, крепость в пределах Аркадии, которую захватили элейцы. Он разграбил Элиду, один из лучших регионов Греции с точки зрения земледелия и богатый всеми видами сельских богатств. Затем он подчинил своей власти Трифилию, район Пелопоннеса к югу от Элиды, и снял этолийское иго с мессенцев. Филипп умеренно использовал все свои победы. Он даровал мир всем, кто просил о нем, и все его поведение, казалось, было продиктовано теми же великодушными мотивами, которые ранее руководили поступками Антигона. Но среди этих благородных проявлений Филипп начал проявлять скрытые семена амбиций. Он сдерживал гордость и власть своих министров, которые были назначены на свои должности его предшественником Антигоном, и поддержал Эперата на выборах генерала Ахайи, противостоящего Арату. Чтобы компенсировать эту непопулярную меру и укрепить свою популярность среди ахайского народа, он осадил Тейхос, захватил эту крепость и вернул ее ахайцам, которым она принадлежала. Он также вторгся в Элиду и подарил димеям и соседним городам всю добычу. Теперь он воображал, что богатство и сила Ахайской республики находятся в его распоряжении, но новый генерал не обеспечил никаких запасов, и казна была истощена. Филипп теперь делал вид, что очень доверяет Арату. По совету этого государственного деятеля он предпринял попытку захватить остров Кефаллия, расположенный в Ионическом море, недалеко от побережья Пелопоннеса, и являющийся

крупным пристанищем этолийских пиратов. Его попытка, которая почти увенчалась успехом, была сорвана из-за вероломства его министров.

Теперь, следуя совету Арата, он вторгся в Этолию и опустошил ее, вернулся в Пелопоннес, разорил Лаконию и, опьяненный успехом, задумал подчинить всю Грецию и объединиться с Ганнибалом против римлян. Арат тщетно пытался отговорить его от этого замысла. Он послал послов к карфагенскому полководцу, но они были перехвачены вскоре после высадки в Италии; однако, заявив, что направляются в Рим, они вскоре были освобождены и добрались до Ганнибала, с которым заключили договор. На обратном пути они были снова перехвачены и отправлены со всеми своими документами в Рим. Но Филипп отправил других послов, и договор был ратифицирован. Было оговорено, что Филипп должен предоставить флот из двухсот кораблей, которые будут использоваться для нападений на итальянские побережья, а также что он должен помочь Ганнибалу значительными сухопутными силами. В обмен на эту помощь, когда Рим и Италия будут окончательно покорены, они должны были остаться во владении карфагенян, а Ганнибал должен был пройти в Эпир во главе карфагенской армии, чтобы действовать по желанию Филиппа, и, завоевав всю страну, передать ему те ее части, которые были удобны для Македонии.

В результате этого соглашения македонский царь вошел в Ионический залив с большим флотом, спустился к побережью Эпира, захватил Орикум, незащищенный морской порт на побережье Эпира, откуда был короткий путь до Италии, и осадил Аполлонию; но, будучи застигнут врасплох и разгромлен римлянами, тайно отступил через горы домой.

СОЮЗ С РИМОМ

Римляне, униженные победоносным оружием Ганнибала, не были в состоянии вести войну с Македонией; поэтому они решили, по возможности, поднять против Филиппа врагов в Греции, чтобы он был занят на родине защитой своих владений. С этой целью они обратились к этолам, которые, доверившись лестным заявлениям римского посла, поспешили заключить договор, основные условия которого были следующими: этолийцы должны немедленно начать военные действия против Филиппа на суше, которые римляне должны были поддержать флотом из двадцати галер; все завоевания, от границ Этолии до Коркиры, города, здания и территории должны принадлежать этолийцам, а все остальное добыча — римлянам. Спартанцы и элейцы, а также другие государства были включены в этот союз; и война началась с завоевания острова Закинф, который, в знак щедрости и добросовестности римлян, был немедленно присоединен к владениям Этолии. Эти события датируются примерно 208 годом до н. э.

[208-205 гг. до н. э.]

Уже отмечалось, что Филипп стремился подчинить всю Грецию. Арат, который мог бы противостоять ему в этом замысле, был убит ядом.^[51] Его влияние в Греции укрепилось с приходом римлян: греки считали его защитником свободы и своей опорой против римлян, которых они по-прежнему считали и называли варварами. Не только греки к северу от Коринфского перешейка, но даже Ахейский союз были готовы взять в руки оружие, чтобы поддержать его. Воодушевленный этими союзниками, он действовал с необычайной энергией: он успешно вел войну в Иллирии, выступил на помощь акарнана, которым угрожали этолийцы, и укрепился в Фессалии. Этолийцы, несмотря на эти преимущества, полученные над ними Филиппом, и на то, что впоследствии они были им разгромлены в двух жарких сражениях, остались неустрашимыми и продолжали войну с удивительным упорством. Соседние государства, теперь завидующие успехам Филиппа, пытались

посредничать в заключении мира; македонец также не проявлял нежелания вести переговоры с этой целью.

Мир был готов к заключению, когда римляне, глубоко заинтересованные в продолжении войны, послали свой флот на помощь этолам; те, воодушевленные также перспективой приобретения еще одного союзника, Аттала, царя Пергама, смело бросили вызов Филиппу и стали обсуждать условия, на которые, как они знали, он не согласится. Умеренность Филиппа усилила негодование его греческих союзников против этолийцев; и вскоре он нашел возможность воплотить это негодование в действие. Когда он присутствовал на Немейских играх, ему донесли, что римляне высадились на берег и опустошают страну от Коринфа до Сикиона. Он немедленно выступил в поход, атаковал и отразил врага и еще до окончания игр вернулся в Аргос. Это достижение значительно повысило его авторитет в глазах всей Греции, собравшейся на этом торжественном мероприятии. После других энергичных, хотя и безуспешных, попыток против римлян он был вызван обратно в Македонию из-за внутренних восстаний.

Ахейские государства, хотя и лишенные мощной помощи македонского царя, все же продолжали свои военные операции под руководством Филопэмена из Мегалополиса в Аркадии, с юных лет увлеченного идеей свободы и активно привлекавшего многих аркадийцев в Ахейский союз. Вскоре после смерти Арата, которому он превосходил в военном деле, но уступал в политических способностях, он стал главным лидером в ахейских советах. Он с тревогой наблюдал за униженным положением, в которое иностранное иго привело его соотечественников, и принял благородное решение освободить их от него. В качестве генерала Ахайи он улучшил их дисциплину, приучил их к лишениям и тяжелому труду, снабдил их более тяжелым вооружением и более мощным оружием. Результаты этой дисциплины скоро стали очевидны: армии Этолии и Элиды, которые напали на них в отсутствие Филиппа, были полностью разгромлены. Тем временем римляне, поддерживаемые Атталом, напали на Эвбею, одну из провинций Греции, которая, несмотря на то что была островом, отличалась плодородием почвы, обширностью территории и выгодным расположением. Филипп, со своей стороны, внимательно следил за своими врагами: его военные приготовления были энергичными и не без успеха. Война продолжалась с переменным успехом в течение шести лет, после чего римляне и Аттал ушли из Греции. Теперь был заключен мир между этолийцами и римлянами, с одной стороны, и Филиппом, с другой, чья успешная амбиция привела его, по естественному ходу событий, к нападению на владения египетского царя.

[205-199 гг. до н. э.]

Римляне, политика которых заключалась в том, чтобы никогда не иметь более одного врага за раз, согласились на мир с Македонией, потому что были вовлечены в войну с Карфагеном; но теперь, когда эта война закончилась, они с готовностью воспользовались первым же предложением, чтобы порвать с князем, чьи успехи вызвали ревность к его растущей силе. После того как жалобы были представлены политическим и влиятельным лицам из Аттала, Родоса, Афин и Египта, они с готовностью решили воспользоваться столь благоприятным моментом. И в первую очередь они провозгласили себя опекунами молодого царя Египта. Марк Эмилий был отправлен из Рима, чтобы объявить Филиппу о намерениях римского сената. Посол застал царя перед Абидосом, во главе армии, окрыленной победой. Филипп не был невосприимчив к преимуществам своего положения; однако римлянин, не смутившись поведением монарха, с достоинством и твердостью приказал ему не нападать на владения египетской короны, воздерживаться от войны с какими-либо греческими государствами и передать спорные вопросы между ним, Атталом и

родосцами на справедливое арбитражное разбирательство. «Хвастливая неопытность молодости, — сказал царь, — твоя грациозность и, более того, имя римлянина вдохновляют тебя на эту гордость. Я желаю, чтобы Рим соблюдал верность договорам, но если он снова решит рискнуть прибегнуть к оружию, я верю, что с помощью богов я сделаю имя Македонии столь же грозным, как и имя Рима». Все это, а также жестокое разрушение города Абидоса и гибель его жителей, произошло около 199 года до нашей эры.

Филипп, как и другие амбициозные принцы, теперь находился в состоянии вражды с большинством соседних народов. Рим, напротив, находился в положении, наиболее благоприятном для его амбиций: Карфаген был покорен; в Италии все остатки восстания были подавлены; Сицилия, в то время гордость западного мира своей плодородностью и богатством, вместе с большинством прилегающих островов была присоединена к его владениям; и даже те народы, которые еще не испытали на себе силу его оружия, с ужасом слышали о славе народа, непоколебимого даже Ганнибалом. Поэтому примерно через три года после заключения мира с Филиппом римляне отправили флот под командованием консула Сульпиция на помощь Афинам, которые в то время были осаждены македонцами.

Филипп был возмущен и попытался отомстить Афинам. Разочаровавшись в надежде заставить город врасплох, он опустошил окружающую его местность, разрушив даже храмы, которые до сих пор он делал вид, что почитает, и изуродовав и испортив все произведения искусства таким образом, что, по словам римского историка Ливия, от них почти не осталось следа симметрии или красоты. Здесь мы имеем возможность отметить контраст между гением Афин во времена Филиппа, отца Александра, и тем Филиппом, который теперь занимал македонский трон. Афиняне, подвергавшиеся преследованиям со стороны последнего упомянутого князя, прибегали к единственному оружию, которое им было известно — к язвительным речам своих ораторов и резким народным декретам. Было решено, что «Филипп должен навсегда оставаться объектом проклятия для афинского народа; что все статуи, воздвигнутые ему или любому из македонских князей, должны быть снесены; что все, что было принято в их пользу, должно быть отменено; что каждое место, в котором была установлена надпись или памятник в честь Филиппа, должно отныне считаться оскверненным и нечистым; что на всех торжественных праздниках, когда жрецы будут молить о благословении Афин и их союзников, они должны будут произносить проклятия на македонянина, его родственников, его войска на море и суше, а также на все македонское имя и народ: одним словом, все, что было принято в древности против Писистратидов, должно было в полной мере действовать против Филиппа; и что любой, кто предложит смягчить принятые решения, должен быть признан предателем своей страны и наказан смертью». Лесть афинян по отношению к своим союзникам была соразмерна их бессильным проклятиям македонского монарха. Такова связь между низостью духа и утратой свободы!

Провозглашение греческой свободы

[200-193 гг. до н. э.]

В течение двух лет между македонянами и римлянами велась вялая и нерешительная война, во время консульства Сульпиция и его преемника Виллиуса, что не очень-то пошло на честь этим полководцам, когда командование римской армией перешло к новому консулу Титусу Квинтию Фламинию, который, будучи римлянином, конечно, был не чужд военному делу, но больше отличался своим умением и ловкостью в переговорах, чем военным гением. Римский консул силой своего оружия, но еще больше ловкостью, с которой он осуществлял глубокую политику своего народа, довел Грецию до крайнего унижения. Отделив наиболее

значительные греческие государства, в частности этолийцев и ахейцев, от их связи с Македонией; расположив к себе греческие государства, которыми он управлял, после того как они стали его союзниками, с помощью бесконечных ухищрений; сделав помпезное, но коварное провозглашение их свободы на Истмийских и Немейских играх, он вынудил македонского царя сначала искать перемирия, а затем принять мир на этих унижительных условиях, которые были полностью одобрены римским сенатом:

«Чтобы все греческие города, как в Азии, так и в Европе, были свободны и восстановили действие своих собственных законов.

«Что Филипп до следующих Истмийских игр должен выдать римлянам всех греков, которых он держал в любой части своих владений, и эвакуировать все места, которые он занимал в Греции или в Азии.

Он должен был выдать всех пленных и дезертиров.

«Чтобы он сдал все свои корабли всех типов, за исключением пяти небольших судов и своей галеры с шестнадцатью рядами весел.

«Чтобы он выплатил римлянам тысячу талантов [200 000 фунтов стерлингов или 1 000 000 долларов], половину сразу, а остальную часть десятью равными ежегодными платежами.

«И что в качестве гарантии выполнения этих положений он должен предоставить заложников, одним из которых будет его сын Деметрий». Дата заключения этого мира — 198 год до н. э.

Фламиний, приняв различные декреты в пользу нескольких греческих общин, вступивших в союз с римлянами, изгнав из Аргоса Набиса, тирана Спарты, и добившись освобождения римских рабов в Греции, вернулся в Рим, к великому удовлетворению всей Греции, и, как и обещал, вывел все римские гарнизоны.

РАЗГРОМ ЭТОЛЯН

[193-187 гг. до н. э.]

Антиох, царь Сирии, славился великолепием своего двора, огромными сокровищами, многочисленными войсками, военным талантом и политической мудростью. Он посетил побережье Геллеспонта, ранее подчинявшееся царям Сирии, даже переправился во Фракию, на которую также имел претензии, и готовился восстановить Лисимахию, чтобы вновь сделать ее резиденцией правительства в странах, ранее принадлежавших Лисимаху. Притязания столь могущественного и политически искушенного князя на земли, которые римляне уже считали своими, вызвали ревность этого амбициозного народа. Они неоднократно уведомляли его, что «согласно договору с Македонией греческие города в Азии, как и в Европе, были объявлены свободными; что Рим ожидает от него соблюдения этого заявления»; и далее, «что отныне Азия будет границей его владений; и что любая попытка основать поселение в Европе будет рассматриваться Римом как акт враждебности». Антиох сначала проявил склонность к миру и, чтобы его достичь, был готов пойти на большие уступки, если бы римские амбиции можно было удовлетворить чем-то меньшим, чем унижение короны Сирии.

Но Ганнибал, заклятый враг Рима, как только услышал о его замысле вести войну против римлян, бежал из Карфагена ко двору Сирии и убедил его взяться за оружие. Этолийцы также просили его отстаивать дело Греции, несмотря на обманчивую видимость свободы, предоставленной Римом, которая на самом деле была более угнетающей, чем когда-либо

прежде. Ганнибал рекомендовал вторжение в Италию, где, по его мнению, Рим был уязвим. Имея всего одиннадцать тысяч сухопутных войск и подходящее военно-морское вооружение, он предложил перенести войну в самое сердце этой страны, при условии, что Антиох одновременно появится во главе армии на западном побережье Греции, чтобы, демонстрируя намерение вторгнуться с этой стороны, отвлечь внимание и разделить силы римлян. Этолийцы, с другой стороны, сказали ему, что если Греция станет ареной войны, то по всей стране произойдет всеобщее восстание против власти римлян. Антиох, предпочтя план этолийцев плану Ганнибала, вторгся в Грецию с небольшим войском и, не получив ожидаемой помощи от греческих государств, был разгромлен в проливе Фермопилы римским консулом Манлием Ацилием Глабрио. Он бежал с лишь пятьюстами людьми в Халкиду, откуда поспешно отступил в свои азиатские владения, за 187 лет до нашей эры.

Этолийцы отвергли условия мира, предложенные им римлянами, и консул продолжил осаду Гераклеи, которая вскоре сдалась на безразличных условиях. Он готовился осадить Наупакту, морской порт в Коринфском заливе, имевший огромное значение для этолийского народа, который теперь решил подчиниться вере римского народа и послал представителей, чтобы сообщить об этом решении римскому консулу. Ацилий, услышав слова представителей, сказал: «Так ли это, что этолицы подчиняются вере Рима?» Фенеас, возглавлявший этолийскую делегацию, ответил, что да. «Тогда, — продолжил консул, — пусть ни один этолиец отныне ни при каком предлоге, публичном или частном, не смеет переходить в Азию; и пусть Дикаарх со всеми, кто принимал участие в его восстании, будет передан в мои руки».

«Этолийцы, — прервал его Фэней, — подчиняясь вере римлян, хотели положиться на их великодушие, но не подчиниться рабству: ни честь Этолии, ни обычаи и законы Греции не позволяют нам выполнить ваше требование». «Это наглое уклонение от ответа, — ответил консул, — упоминать о чести Этолии и обычаях и законах Греции; вас следует даже заковать в цепи». Этолийцы, доведенные до безумия этим властным обращением с их представителями и народом, были воодушевлены в своем намерении отстаивать свою свободу с помощью оружия, надеясь на помощь из Азии и Македонии; но эта надежда не оправдалась, и они были вынуждены послать послов в Рим, чтобы умолять римский сенат о милосердии. Единственными условиями, которые они смогли получить, были либо уплата тысячи талантов [200 000 фунтов стерлингов или 1 000 000 долларов], сумма, которая, по их заявлению, намного превышала их возможности, и отсутствие друзей и врагов, кроме тех, кого одобрял Рим, либо подчинение воле сената. Этолийцы хотели знать, что они должны понимать под «подчинением воле сената»: поскольку им отказали в объяснении, они были вынуждены вернуться, не зная, какая судьба их ждет. Война с Римом возобновилась, но римская энергия и политика возобладали в этом неравном противостоянии, и этолийцы были снова вынуждены самым покорным образом просить консула о милости. Условия, которые им были предложены, были чрезвычайно жесткими: они были подвергнуты крупному штрафу, обязаны были уступить римлянам несколько своих городов и территорий и передать консулу сорок заложников, которых он сам выберет, не моложе двенадцати и не старше сорока лет. Но одно конкретное условие охватывало все, что власть имущие сочли нужным навязать: этолиане должны были «выказывать почтение империи и величию римского народа».

Преобладающая власть ахейцев на Пелопоннесе теперь стала предметом ревности и амбиций Рима. Несмотря на союз с Аханией, города Пелопоннеса сохранили свои особые привилегии и своего рода независимую суверенитет. Как только был заключен мир с Этолией, Марк Фульвий Нобилиор, которому было поручено ведение Этолийской войны по истечении консульства Ацилия, поселился на острове Кефалония, чтобы при первых признаках какого-либо спора в Ахайе быть готовым переправиться на Пелопоннес и

использовать любое разногласие для укрепления Римской республики. Такая возможность вскоре представилась: съезд ахейских государств всегда проводился в Эгии, но Филопмен, ныне ахейский полководец, решив разделить между всеми городами Лиги преимущества общего съезда, назначил следующий съезд в Аргосе. Жители Эгиона выступили против этого нововведения и обратились к римскому консулу с просьбой принять решение. Вскоре у Фульвия появился еще один повод для перехода в Грецию. Лакедемонские изгнанники, которые были изгнаны во времена тиранов и так и не были восстановлены в правах, проживали в городах вдоль побережья Лаконии, охраняемых ахейскими гарнизонами, и отрезали жителей Лакедемона от всякого общения с побережьем. Один из этих приморских городов был атакован спартанцами ночью, но защищен изгнанниками при помощи ахейских солдат. Филопмен представил эту попытку спартанцев как оскорбление всего ахейского сообщества. Он добился принятия декрета в пользу изгнанников, предписывающего лакедемонянам под страхом быть обращенными в враги выдать виновных в этом поступке. Лакедемоняне отказались подчиниться этому указу. Они расторгли союз с Аханией и предложили свой город римлянам. В отместку за это Филопмен, несмотря на позднюю пору года, опустошил территории Лакедемона.¹

ГРЕЦИЯ НА МИЛОСТИ «ДРУЖЕСТВЕННОГО» РИМА

Связь, которая ранее существовала между Македонией и Грецией, давая истории обеих стран после эпохи Филиппа и Александра Великого общий путь развития, со временем исчезла. Греки не желали этой связи с Македонией, хотя ничто другое не могло бы обеспечить городам их независимость. Ведь хотя македонские цари и стремились решительно осуществить свое желание установить над Грецией сюзеренитет, тем не менее конечной целью их стремлений было не порабощение Греции, а ее объединение с Македонией. Греки были бы так же свободны, как и македонцы при монархии, и они пользовались немалой степенью свободы.

Азиатский деспотизм не мог укорениться на этой земле, он не мог возникнуть спонтанно. Рим, безусловно, был способен осуществлять такую власть, поскольку он располагал силами, которые не были бы в распоряжении царя Македонии и Греции. Но греки боролись против объединения с Македонией, как если бы это было самым страшным из всех возможных исходов. Теперь, в качестве награды, они приняли власть жестоких римлян, которые все яснее и яснее проявляли свой характер сквозь завесу дружбы, союза и альтруистического энтузиазма по поводу свободы.

На землю Греции опустилась тишина, с тех пор как закончилась римская война против Сирии, тишина рабства. Закинф, Аполлония, Эпидамн и некоторые другие точки греческого мира с тех пор могли сразу же считаться и рассматриваться как подчиненные земли. В целом римляне в это время приблизились. Истрия была завоевана и превращена в провинцию. Даже об Этолии не говорили в последние годы жизни Филиппа; здесь тоже наступила тишина. Ни один из многочисленных маленьких союзов, которые теперь делили Грецию, не осмеливался и не мог осмелиться отказать римлянам в чем-либо, что те требовали — если, конечно, римляне придавали этому какое-либо значение. А какого рода были эти требования, можно судить по отдельным фактам, появляющимся в разрозненных фрагментах, из которых мы должны составить историю Греции этого периода. Фивы должны были вновь принять в свои стены убийцу беотарха Брахилла, потому что он убил ради Рима и был другом Рима.

ВАКХ

(по Хоуп)

Только из одной части Греции доносились звуки жизни и деятельности — из Ахайи; и римляне, в порядке исключения, сочли целесообразным несколько позаботиться об Ахайте и принять меры, когда представился случай, чтобы ускорить ее распад.

Но та жизнь и активность, которые все еще могут пробуждаться в Ахейском союзе, уже ни в коем случае не являются обнадеживающим зрелищем. Те из его членов, которые наиболее заслуживают уважения, поскольку не находятся на службе у римлян и все еще лелеют мысли о независимости, оказываются, если не лишенными реальной ценности, то, по крайней мере, лишенными осторожности и проницательности. Среди них выделяются Филопмен и Ликортас. Говорят, что сам Филопмен понимал, что исчезновение под властью римлян стало совершенно неизбежным и что единственное, что оставалось сделать, — это постараться отсрочить его как можно дольше. Это было правильным мнением для человека, который не решил уйти от рабства добровольной смертью. Но, по-видимому, Филопмен не придерживался мнения, которое ему приписывают. Он считал, что союз может когда-нибудь снова укрепиться и, если понадобится, восстать против римлян с оружием в руках. Иначе зачем было устраивать в Спарте это безумие и убийства? Старая спартанская жизнь должна была быть искоренена, новые граждане должны были быть уничтожены, потому что старая Спарта и сильная Спарта не хотели присоединяться к ахейцам, и поэтому Пелопоннес оставался разделенным. С мыслью, что единство Пелопоннеса наконец достигнуто, а связь прочна и полна, Филопомен и его друзья, возможно, отдохнули от праздника убийств в Спарте, которая теперь вновь оказалась вынужденной вступить в Ахейский союз.

Очевидно, главы союза думали, что теперь они могут действовать более свободно. Они осмелились упомянуть о независимости союза и продолжали не подчиняться приказам Рима. В этом они совершили одну из двух ошибок. Либо они думали, что сенат действительно желает их независимости, либо они воображали, что они все еще являются значительной силой и способны, в случае необходимости, защитить себя с помощью оружия. Римлянам не хотелось в тот момент снова появляться в Греции с армией, и поэтому на некоторое время, хотя и очень короткое, они позволили ахейцам произносить высокопарные и пустые речи. В конце концов, чтобы вернуть их в подчинение, не понадобилось ни малейшего применения меча, а лишь строгий приказ сената, и сразу же свободолюбие ахейцев сжалось до ничтожности.

Незначительные разногласия, возникшие в результате усилий ахейцев и противодействий спартанцев, были бы несущественны, если бы они не способствовали нашему пониманию римского метода. Уловки, которые были применены против Македонии, были применены и против ахейцев. Маленьких нужно было бить так же, как и больших, чтобы в конце концов и тех, и других можно было полностью и легко захватить. Римляне, должно быть, с удовольствием наблюдали за извращенными мерами, к которым прибегали Филопмен и ахейцы, чтобы заставить Пелопоннес присоединиться к союзу.^a

Римляне, таким образом приглашенные выступить в качестве арбитров в Греции, нашли способ сломить силу Ахайского союза, соблазнив его союзные государства — поведение, которое с точки зрения чистой морали должно казаться чрезвычайно вероломным, но которое, если в амбициозных замыслах государств и князей достижение цели считается достаточным оправданием средств, должно считаться изысканной политикой. Благодаря интригам римских посланников часть мессенцев взяла в руки оружие против ахейцев; а Филопмен, поспешивший подавить восстание, попал в их руки и был казнен.

РИМ ПРОТИВ ФИЛИППА

[185-179 гг. до н. э.]

Во время этих событий в Греции римляне, ревнуя к растущей мощи своего союзника Филиппа Македонского, искали повод для ссоры с ним и, в соответствии со своей обычной политикой, поощряли все жалобы и поддерживали притязания его врагов, готовые, в свою очередь, ограбить их, когда македонская мощь перестанет быть грозной. Небольшие кантоны или общины Фессалии, в которых он восстановил свою власть, теперь были побуждены заявить о своей независимости, и македонский царь был призван к ответу за те самые злодеяния, которые он совершил на стороне римлян. Для урегулирования разногласий были назначены комиссары. Они потребовали от Филиппа ( ) эвакуировать Энус и Маронею, на которые претендовал Эвмен. Это были города на Геллеспонте, которые благодаря своему морскому положению давали много преимуществ. Настроения и намерения римских комиссаров были очевидны, и Филипп, считая бесполезным поддерживать отношения с людьми, решившими в любом случае присоединиться к его противникам, смело упрекнул их в несправедливости, вероломстве и неблагодарности их народа.

В таком настроении он отомстил маронейцам, которые, как он полагал, выступали против него. Группа его самых свирепых фракийских наемников, проникнув в Маронию в ночь перед выходом македонского гарнизона, под предлогом внезапного беспорядка перебила всех жителей, подозреваемых в симпатиях к римским интересам, без различия положения, возраста или пола, и оставила город залитым кровью его жителей. Римляне пригрозили отомстить за эту резню, и Филипп был вынужден послать своего второго сына, Деметрия, в

Рим, чтобы принести извинения. Римский сенат, с целью развратить сыновнюю любовь Деметрия и переманить его на сторону интересов Рима, сказал ему, что ради него все, что было неправомерно в поведении его отца, будет прощено; и что, благодаря доверию, которое они к нему испытывали, они были уверены, что Филипп в будущем будет выполнять все, что требует справедливость: что будут посланы послы, чтобы убедиться, что все вопросы урегулированы надлежащим образом, и что, из уважения к сыну, они готовы простить отца. Это сообщение вызвало у Филиппа подозрения о связи между Римом и Деметрием; эти подозрения были подогреты инсинуациями и коварными уловками его старшего сына Персея, который, по словам римских писателей, был интриганом и бунтарем, подлым, неблагодарным и коварным.

Персей и Деметрий были в расцвете сил; первому было около тридцати лет, когда Деметрий вернулся из Рима, но он был рожден от матери низкого происхождения, швеи из Аргоса, и его характер был настолько сомнительным, что вызывал сомнения в том, был ли он действительно сыном Филиппа. Деметрий был на пять лет моложе, рожден от королевы, дамы королевского происхождения. Поэтому Персей затаил ревность к своему брату и коварно пытался подорвать его авторитет в глазах короля. Он обвинил Деметрия в замысле убить короля. Филипп, привыкший к кровавым деяниям, был потрясен рассказом Персея. Уединившись в внутренних покоях своего дворца с двумя своими вельможами, он торжественно вынес приговор своим двум сыновьям, находясь в мучительном положении, когда необходимо было признать одного из них виновным, независимо от того, можно ли было доказать или опровергнуть обвинение. Обезумев от сомнений, Филипп послал двух дворян, Филокла и Апеллеса, в качестве своих послов в Рим с поручением выяснить, если возможно, с кем Деметрий поддерживал связь и каких целей он добивался.

Персей, будучи чрезвычайно хитроумным и имея преимущество в качестве наследника македонской короны, тайно привлек на свою сторону послов своего отца, которые вернулись к королю с сообщением о том, что Деметрий пользовался в Риме высочайшим уважением и что его взгляды, по-видимому, были неоправданными; одновременно они передали письмо, которое, как они утверждали, получили от Квинта Фламиния. Царь хорошо знал почерк римлянина и отпечаток его печати, и точность подделки побудила его полностью поверить содержанию письма, тем более что ранее Фламиниус писал в похвалу Деметрия ( ). Нынешнее письмо было написано в другом духе. Автор признавал преступность Деметрия, который, по его признанию, действительно стремился к трону, но за которого, поскольку он не замышлял смерти никого из своих родственников, он заступался перед монархом. Исход этой жестокой интриги был поистине трагическим: Деметрий, признанный виновным в заговорах против короны и жизни своего отца, был казнен. Филипп, когда было уже слишком поздно, обнаружил, что его обманули подделкой, и умер от разбитого сердца.

ПЕРСЕЙ, ЦАРЬ МАКЕДОНИИ

[179-168 гг. до н. э.]

Персей унаследовал трон Македонии от своего отца за сто семьдесят девять лет до рождения Христа. Первые меры его правления казались столь же благосклонными, сколь и политичными. Он принимал вид доброжелательности и мягкости. Он не только вернул всех тех, кого страх или судебное осуждение в ходе последнего правления изгнали из своей страны, но даже приказал возместить доходы их поместий за время их изгнания. Его поведение по отношению ко всем своим подданным счастливо сочетало в себе царственное достоинство и родительскую нежность. Тот же характер, который определял его поведение

по отношению к своим подданным, он проявлял и в своих отношениях с иностранными государствами. Он завоевывал расположение греческих государств и посылал послов с просьбой подтвердить договоры, заключенные между Римом и Македонией. Сенат признал его право на трон и провозгласил его другом и союзником римского народа. Его инсинуации и интриги с соседями были тем более эффективны, что большинство из них начали предвидеть, чего им следует ожидать, если власть Рима распространится на всю Грецию, и рассматривали Македонию как оплот своей свободы от римского ига.

Единственными государствами, которые твердо стояли на стороне Рима, были Афины и Ахайя. Но в этом все они теперь согласились, что иностранная помощь была необходима во всех случаях, чтобы поддержать шаткие остатки падшей свободы, которая к этому времени была не чем иным, как выбором хозяев. Помимо всех тех преимуществ, которые Персей мог извлечь из обоснованной ревности к римским амбициям, он унаследовал все те мощные приготовления, которые были сделаны его отцом. Но вся эта сила пришла в ничто: она закончилась поражением и полным исчезновением королевской семьи Македонии. Он потерял все преимущества, которыми пользовался, из-за алчности, мелочности духа и отсутствия настоящего мужества. Римляне, обнаружив или заподозрив его амбициозные замыслы, искали и нашли повод для ссоры с ним. Римская армия вторглась в Грецию. В течение трех лет эта армия не сделала ничего достойного римского имени, но Персей, ослепленный или охваченный паникой, упустил возможность воспользоваться неоднократными шансами, которые предоставляли ему неспособность или коррумпированность римских полководцев. Луций Эмилий Паулл, избранный консулом, восстановил и улучшил дисциплину в римской армии, которая под командованием предыдущих полководцев была сильно ослаблена. Он выступил против Персея, изгнал его из укреплений на берегах реки Энипея, вступил с ним в сражение и разгромил его под стенами Пидны.

После разгрома своей армии Персей бежал в Пеллу. Он дал волю своему смятению и жестокости, убив собственноручно двух своих главных офицеров, которые осмелились критиковать некоторые аспекты его поведения. Встревоженные этим варварским поступком, его остальные спутники отказались приближаться к нему, так что, не зная, где спрятаться и кому довериться, он вернулся из Пеллы, куда прибыл только около полуночи, еще до рассвета. На третий день после битвы он бежал в Амфиполь. Будучи изгнанным оттуда жителями, он поспешил к морю, чтобы переправиться на Самофракию, надеясь найти безопасное убежище в этом месте, славящемся своей святостью. Прибыв туда, он укрылся в храме Кастора и Поллукса. Оставленный всеми, за исключением своего старшего сына Филиппа, без надежды на спасение и даже лишенный средств к существованию, он сдался Октавию, римскому претору, который перевез его в римский лагерь. Персей подошел к консулу с крайней раболепностью, склонив голову до земли и пытаясь своими молящими руками схватить его за колени. «Почему, несчастный человек, — сказал римлянин, — почему ты оправдываешь Фортуны за то, что может показаться ее преступлением, поведением, которое доказывает, что ты не заслуживаешь ее гнева? Почему ты порочишь мои лавры, показывая себя униженным противником, недостойным сражаться с римлянином?» Однако он смягчил эту унижительную речь, подняв его с земли и ободряя его надеяться на милосердие римского народа. После триумфального шествия по улицам Рима он был брошен в темницу, где умер от голода. Его старший сын Филипп и один из младших сыновей, по-видимому, умерли раньше него. Другой его сын, Александр, был нанят главными магистратами Рима на должность клерка.

УНИЖЕНИЕ ГРЕЦИИ

В течение пятнадцати дней после того, как Эмилий начал движение своей армии, все вооружение было разбито и рассеяно; а через два дня после поражения при Пидне вся страна подчинилась консулу. Десять комиссаров были назначены для помощи этому магистрату в урегулировании македонских дел. В Македонии была установлена новая форма правления, основные черты которой были начертаны в Риме. В этом случае римляне продемонстрировали яркий пример своей политики управления по принципу разделения. Все Македонское царство было разделено на четыре округа; жители каждого из них не должны были иметь никаких связей, заключать браки или обмениваться имуществом с жителями других округов, а каждая часть должна была оставаться полностью отдельной от остальных. Среди прочих правил, направленных на то, чтобы превратить их в состояние самого униженного рабства, им было запрещено пользоваться оружием, за исключением тех мест, которые были подвержены набегам варваров. Триумфальные игры в Амфиполе, превосходившие по великолепию все, что когда-либо видела эта часть мира, и на которые были приглашены все соседние народы, как европейские, так и азиатские, провозгласили расширение владений Рима и унижение не только Македонии, но и Греции, поскольку теперь суверенитет Рима не находил в этой части мира ничего, что могло бы противостоять ему.

Греческие государства без сопротивления подчинились разнообразным и многочисленным актам угнетения. Правительством, которое дольше всех сохраняло дух древних времен, было ахейское. В своем отношении к Ахайе римляне, хотя и привлекли на свою сторону нескольких ахейских вождей, были вынуждены действовать с большой осторожностью, чтобы уничтожение своих же союзников не помешало их планам. Они пытались найти следы переписки между ахейским сословием и покойным царем Македонии, но, не найдя таких следов, решили, что вымысел должен заменить доказательства. Гай Клавдий и Гней Домиций Агенобарб были отправлены из Рима в качестве комиссаров, чтобы заявить о том, что некоторые из первых людей Ахайи действовали в сговоре с Македонией. Одновременно они потребовали, чтобы все, кто оказался в таком положении, были приговорены к смерти, пообещав, что после принятия соответствующего указа они представят имена виновных. «Где же справедливость такого разбирательства? — воскликнула ассамблея. — Сначала назовите имена обвиняемых и обоснуйте свои обвинения». «Тогда я называю, — сказал комиссар, — всех, кто занимал должность главного магистрата Ахайи или был военачальником ваших войск». «В таком случае, — ответил Ксенон, ахайский вельможа, — я тоже буду признан виновным, ибо я командовал войсками Ахайи; и все же я готов доказать свою невиновность либо здесь, либо перед сенатом Рима». «Вы правильно сказали, — ответил один из римских комиссаров, подхватив его последние слова, — пусть же сенат Рима будет судом, перед которым вы будете отвечать».

Для этой цели был принят указ, и более тысячи ахейских вождей были переправлены в Италию за сто шестьдесят семь лет до Рождества Христова.^f Среди них был Полибий,^b который впоследствии прославился как историк римского завоевания и чье произведение, хотя и сохранившееся лишь фрагментарно после пятой книги из сорока оригинальных, является главным надежным источником информации о некоторых событиях периода, который мы только что рассмотрели. Если бы судьба пощадила нас и сохранила более поздние книги Полибия, наши знания об истории лиг были бы совсем другими, чем они есть сейчас, поскольку этот грек «дегенеративной» эллинистической эпохи общепризнан как самый философский и достоверный из всех исторических писателей среди своих соотечественников любого века, за исключением только Фукидида. Мы увидим больше его

работ, когда перейдем к истории Пунических войн, где он снова является главным авторитетом.^а

СНОСКИ

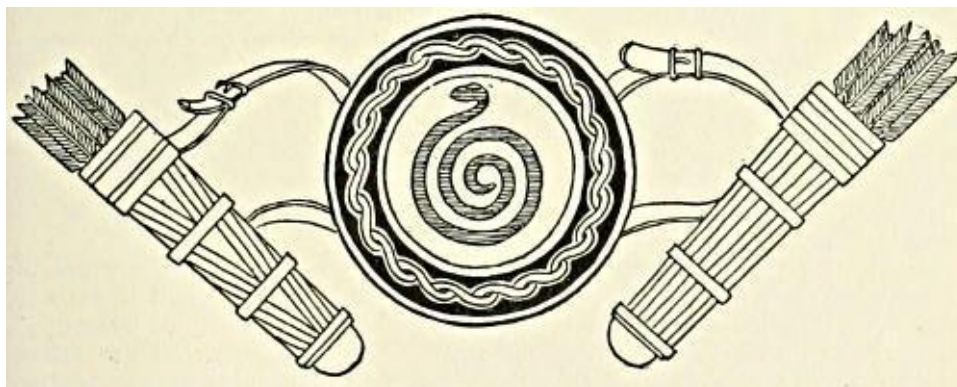
[48] [Фриман¹, сравнивая два великих союза, говорит: «Политическое поведение Ахейского союза, несмотря на некоторые ошибки и недостатки, в целом весьма почетно. Политическое поведение Этолского союза на протяжении всего века, о котором мы знаем лучше всего, просто позорно».]

[49] [Фриман¹ хвалит Марка из Керинеи как вероятного основателя или «Вашингтона первоначального союза», хотя позже он был затмевен Аратом.]

[50] [Фриман¹ называет Арата «создателем, хранителем и разрушителем» союза и с горечью сравнивает его сдачу Коринфа с передачей Кавуром Савойи и Ниццы Наполеону III.]

[51] [«Этот позорный поступок, — говорит Полибий,^б — некоторое время не был известен миру, поскольку яд не был такого рода, который приводит к немедленной смерти, а был одним из тех, которые ослабляют организм и постепенно уничтожают жизнь. Сам Арат очень остро ощущал нанесенную ему обиду. «Такова, Кефало, — сказал он своему любимому слуге, — награда за дружбу, которую я испытывал к Филиппу». Настолько велика и прекрасна умеренность, которая заставила страдальца, а не виновника обиды, испытать величайший стыд, когда он обнаружил, что все славные деяния, которые он совершил вместе с Филиппом, чтобы прославить этого принца, в конце концов были так подло вознаграждены.

«Таков был конец этого магистрата, который после смерти получил не только от своей страны, но и от всей Ахейской республики все почести, причитающиеся человеку, который так часто занимал административные должности и оказал государству такие выдающиеся услуги. Они постановили приносить ему жертвы и оказывать другие почести, присущие героям, и, одним словом, не упустили ничего, что могло бы сделать его имя бессмертным».

Равнина Аргоса

ГЛАВА LXIV. ПОСЛЕДНИЕ КАТАСТРОФЫ

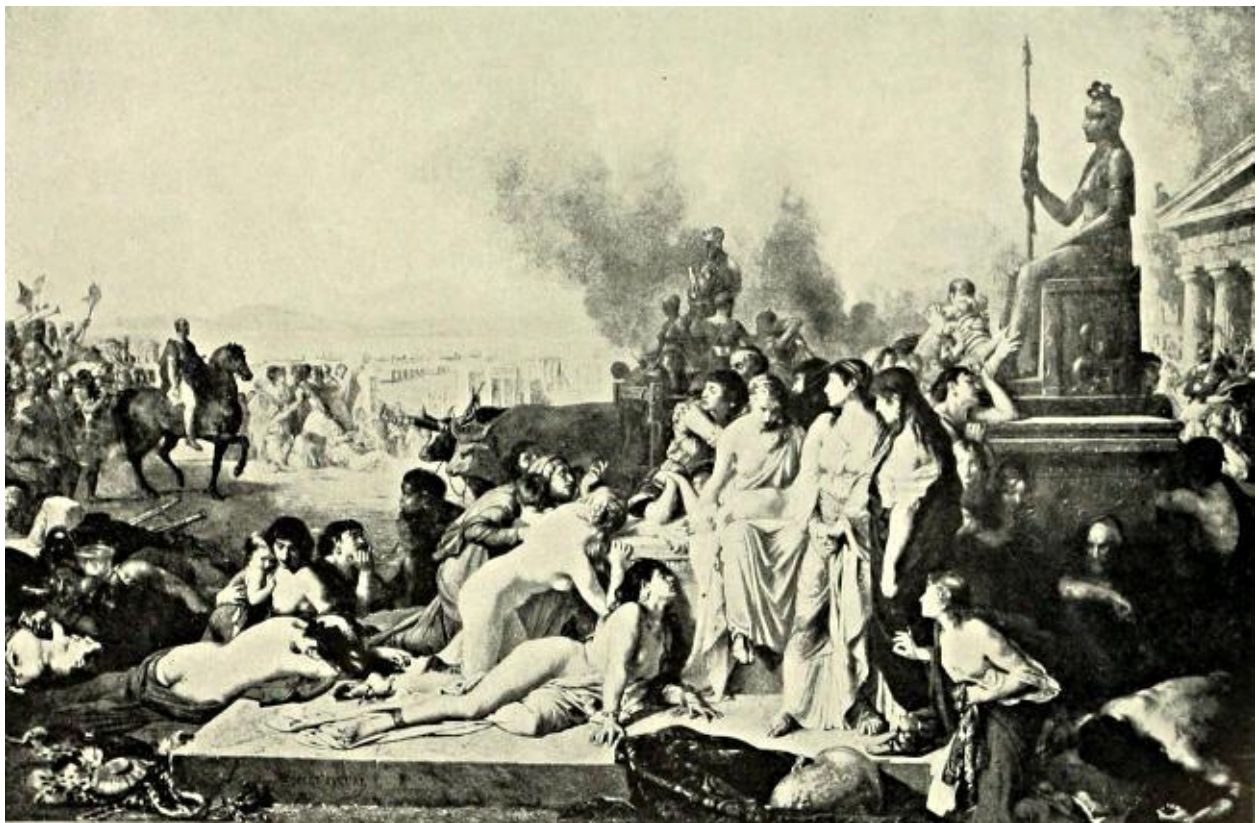
Положение Ахайи в период римского господства, с 172 по 152 год до н. э., было своеобразным и весьма неясным. Правительство находилось в очень плачевном состоянии; Калликрат и Андронидас тиранизировали ахайцев, хотя у них не было последователей, и хотя народ был настолько разгневан на первого, что его публично освистывали и все сторонились его. «Он был человеком, который во всех отношениях был заклеямен вечной позором; его никогда не приглашали греки ни на обед, ни на свадьбу», но все же было невозможно изменить направление, которое он задавал государству. «Его считали демоном, существование которого невозможно было контролировать». Не проявлялось никакого уважения к иностранным державам; это было состояние полной бездеятельности и праздности, но в то же время материального процветания. Торговля и сельское хозяйство процветали, как несколько раз упоминает Полибий; налоги были не очень высокими, законы соответствовали обстоятельствам, и поэтому это был период общего материального благополучия. Но в то же время очевидно, что количество регулярных браков значительно уменьшилось, а следовательно, и количество людей, родившихся гражданами; это было точно так же, как в конце Римской республики и при римских императорах, когда люди в основном жили в сожительстве. Это было плачевное состояние.

Не было и следа интеллектуальной жизни; литература перестала существовать, за исключением нескольких философов, которые все еще жили в Афинах. Поэзия ограничивалась небольшими стихотворениями и культивировалась в Азии больше, чем на Пелопоннесе; новая комедия полностью исчезла. Несмотря на материальное процветание, ничего не делалось для искусства и памятников. Ахейцы сохранили греческое имя до конца, но римлянам не нужно было их завидовать. Еще оставались некоторые места, которые нужно было подчинить, чтобы завершить установление верховной власти Рима, например, Карфаген; и пока этот город существовал, римляне обращали свой взор на тех, кто мог помешать им подчинить эти места.

[156-150 гг. до н. э.]

В середине II века до н. э. Ахайя охватывала весь Пелопоннес; она, должно быть, распространила свое господство даже за его пределы, поскольку, не говоря уже о Мегаре, которая ранее принадлежала ей, теперь она также включала Плерон и Калидон, которые изначально были этолийскими городами, но называются как этолийскими, так и ахайскими. В целом люди привыкли к Ахейскому союзу; только Спарта с неохотой поддерживала с ним связи.

Споры, которые в конце концов привели к роковой войне, возникли из-за интриг Меналцидаса, лакедемонянина, который даже поднялся до достоинства стратега. Этот Меналцидас, с удивительной изобретательностью в своей злобе, переходил из одной партии в другую. Считается, что ссоры между ахейцами и лакедемонянами возникли из-за его злодейств и злодейств Диея из Мегалополиса по случаю ссоры между Афинами и Оропом.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ КОРИНФА

Город Ороп, который афиняне с момента Пелопоннесской войны хотели захватить, который они часто подчиняли себе, но каждый раз теряли, был, по словам Павсания, передан им Филиппом после Македонской войны, то есть он сделал город вассалом Афин. Говорят, что афиняне разграбили город, потому что страдали от сильной нищеты, но, вероятно, они наложили на оропов слишком тяжелые налоги и взыскивали их слишком строго, так что оропы обратились к римлянам с просьбой о возмещении ущерба. Большое количество сохранившихся афинских тетрадрахм до сих пор свидетельствует о бедности, царившей в то время в Афинах, поскольку они состоят только из меди, покрытой тонким слоем серебра. Афиняне были тогда вынуждены выплатить оропанам сто талантов в качестве компенсации, но им удалось примириться с ними и убедить их не требовать деньги, вернуться к прежним отношениям и впустить гарнизон в свой город. Однако поведение этого гарнизона побудило оропов потребовать его вывода. Поскольку афиняне отказались, оропы обратились к ахейцам и подкупили Меналкидаса, который в то время был стратегом, десятью талантами; Меналкидас снова убедил Калликрата убедить народное собрание заставить Афины выплатить сто талантов. Но афиняне опередили их: они полностью разграбили Ороп, а Меналкидас также с величайшей наглостью взыскал обещанную сумму, в то время как сам отказался выплатить Калликрату обещанную ему сумму. Последний обвинил его в государственной измене, и Меналкидас ответил тем же. Первый уехал в Рим, а Меналкидас, как говорят, спас свою жизнь только благодаря подкупу Диея, который был стратегом.

Неясно, каким образом из этой несвязанной с этим спором возникли разногласия между ахейцами и лакедемонянами. Но они привели к войне, и это была ужасная война. Диэй с армией ахейских союзников вторгся в Лаконию, требуя осуждения непокорных. Один спартанский сенатор предложил, чтобы двадцать четыре человека, осуждение которых

требовал Диэй, по собственному желанию ушли в изгнание. Так и было сделано, и в соответствии с заранее согласованным планом все были приговорены к смерти. Но эти изгнанники были радушно приняты римским сенатом, и Диэй и Калликрат были отправлены в Рим, чтобы противодействовать их влиянию. Последний умер в пути, по-видимому, несколько изменив свое поведение в последние годы жизни. Диэй и Меналкидас яростно спорили перед сенатом, который просто приказал им вернуться и ждать, пока римское посольство не привезет окончательный ответ. Однако ахейцы не стали ждать, и Дамокрит, который тем временем сменил Диея на посту стратега, вторгся в Лаконию до прибытия римских послов, разгромил врага и продвинулся до самой Спарты. Он не имел намерения преследовать их дальше, и ахейцы соответственно обвинили и осудили его, полагая, что он был подкуплен; и он ушел в изгнание. Это произошло, вероятно, в 150 г. до н. э.; и Диэй теперь стал стратегом вместо Дамокрита.

Тем временем великая драма, разыгравшаяся во всем мире, достигла своего апогея. Римляне взялись за разрушение Карфагена, но это оказалось не так легко, как они себе представляли. В провинциях проявилась самая презренная сторона характера римлян; их считали грабителями и угнетателями; было известно, что их ненавидит весь мир, и ожидалось, что вспыхнет всеобщее восстание, распространившись от Испании до крайнего Востока. И считалось, что Рим не сможет противостоять ему. Возможно, народы слышали о внутреннем упадке Рима, о брожении в Италии и о недовольстве союзников.

[149-146 гг. до н. э.]

В этих условиях первое восстание вспыхнуло в Македонии. Римляне разделили эту страну на четыре части, так же как Наполеон хотел разделить Польшу на три государства — попытка, которая оказалась для него роковой. Римляне в Македонии не оставили вместе те массы, которые были едины по языку, происхождению и географическому положению, но с помощью дьявольской и расчетливой политики разделили страну на части, причем она была разделена таким образом, чтобы связи между ними были как можно меньше, а одно племя смешалось с другими. Все уважаемые люди Македонии под предлогом того, что они являются заложниками, были увезены со своими семьями в Италию, где они смешались с местными жителями и исчезли. Таким образом, все известные люди были удалены. Кроме того, были отменены *торговля* и *браки* между этими четырьмя провинциями, так что ни один македонец не мог владеть землей в двух разных провинциях, каждый был ограничен своим собственным районом. Но Македония все еще находилась в состоянии большого процветания, особенно благодаря своим рудникам и торговле, о чем мы можем судить по огромному количеству македонских денег того периода, которые дошли до нас. Разорванные части тела стремились вновь соединиться в одно целое.

МАКЕДОНСКОЕ ВОССТАНИЕ

В это время среди них появился человек лет сорока, называвший себя Филиппом и заявлявший, что он сын Персея и спасся от несчастий своего отца. Возможно, что он был псевдо-Филиппом, что его настоящее имя было Андриск, и что он был уроженцем Фракии: в то время было несколько таких самозванцев. Филипп победил римлян и за очень короткое время стал властелином всей Македонии, которая признала его. Он даже проник в Фессалию, где добился преимущества и успешно удержался против неподготовленных войск римлян. Все были на его стороне, но ахейцы, действуя очень непоследовательно, послали римлянам вспомогательные войска, хотя в то время все народы питали мысли о восстании, но ахейцы считали, что они еще не созрели для этого. Ахейские вспомогательные

войска пришли римлянам очень кстати; только благодаря им, которые находились под командованием римского легата, римлянам удалось защитить Фессалию, и с их помощью они отразили македонцев, пока не прибыл Метелл с римским легионом. Он победил этого Филиппа, которого римляне называют Андриском, в нескольких сражениях. Македония теперь стала римской провинцией, находящейся под абсолютной властью императора; сенат хладнокровно приказал им исключить из союза не только Лакедемон, но и все другие места, которые не принадлежали Ахайе в то время, когда ахейцы заключили договор с Римом в первой (или, более правильно, во второй) Македонской войне. К. Аврелий Орест вместе с другими посланниками доставил эти приказы в Коринф, куда он созвал союзников ахейцев.

АХЕЙСКАЯ ВОЙНА

Это очень несправедливое и наглое требование привело ахейцев в ярость; еще до того, как Орест закончил свою речь, совет поспешил на рыночную площадь, призывая народ собраться, и неудивительно, хотя это и является доказательством полного отсутствия здравого смысла у ахейцев, что они набросились на римских послов и оскорбительно выгнали их из театра. Все лакедемоняне, которые случайно находились в городе, были арестованы. После этого ахейцы снова вторглись в Лаконию, где тем временем Меналцидас покончил с собой, потому что нарушил перемирие, которое ему было велено соблюдать римлянами.

В это время македонское восстание еще не было подавлено, и судьба все еще оставалась неопределенной. Метелл еще не прибыл. Одновременно шла Третья Пуническая война; испанцы и иберийцы поднимали бунт; семья Масиниссы была подозреваема, и, короче говоря, римляне были под давлением со всех сторон. Поэтому их хитрой политикой была мягкость: они заявили, что готовы простить ахейцев, если те признают свою вину и извинятся. Но почти весь народ был теперь в состоянии опьянения, «согласно словам Писания, что Бог опьяняет народы для их собственного уничтожения». Стратѳу Критол играл роль героя и возбуждал умы народа, особенно простого люда, который и без того был взволнован в Коринфе. Когда римские послы начали говорить, никто не слушал их; они были вынуждены прекратить речь, и, поскольку беспорядки стали слишком сильными, они ушли. Критолай, а еще больше Дизй, теперь подталкивали ахейцев к безумному решению объявить войну римлянам и выступить на Термопилы. Война была объявлена номинально против лакедемонян, но на самом деле против римлян.

У нас есть только очень скудная информация о ходе этой войны, но *отрывки* Порфирогенита из Полибия⁴ проливают на нее свет. «Потомки не могут себе представить, — говорит Полибий, — с каким безумием велась эта война; было похоже, что люди бросились в нее с целью погибнуть».

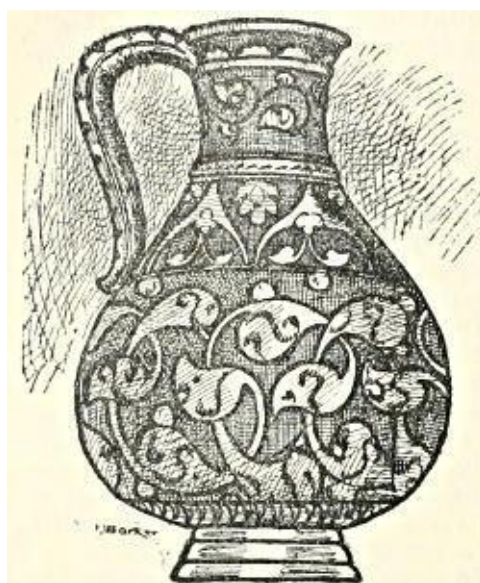
Критол собрал значительную армию. Беотийцы, возглавляемые фиванцами под командованием несчастного Пифея, и халкидийцы были единственными греками, которые встали на сторону ахейцев; этолийцы и другие народы оставались нейтральными; лакедемоняне, с другой стороны, были враждебно настроены по отношению к ахейцам, по этой причине все ахейцы не могли покинуть свою страну. Союзные войска продвинулись до Гераклеи у горы Эта и осадили этот город, чтобы защитить Фермопилы. Но там все было организовано настолько бессмысленно, что когда Метелл, узнав об этом, не дожидаясь приказа, с молниеносной быстротой ворвался из Македонии, чтобы прийти на помощь, ахейцы под командованием Диея и Критолауса поспешно бежали обратно через проход Фермопилы.

Метелл догнал их возле Скарфы, атаковал и нанес им такое сокрушительное поражение, что за несколько часов ахейская армия была полностью уничтожена; многие были убиты, многие взяты в плен, а многие разбежались. Диэй бежал, Критолай пропал без вести, возможно, погибнув в болоте. Вся армия была рассеяна. Аркадский отряд из тысячи человек, прибывший слишком поздно, был увлечен бегством остальных, и через несколько дней, в окрестностях Херонеи, он был частично взят в плен, а частично изрезан римлянами. Ахейцы беспорядочно бежали в Пелопоннес. В Беотии все жители, покинув города, укрылись в горах; Фивы были опустошены; многие покончили с собой от отчаяния, а многие умоляли римлян убить их, объявляя себя виновниками всех бедствий.

Диэй сменил Критолауса на посту главнокомандующего армией; он был человеком крайне некомпетентным и внушал страх только тем, кто ему подчинялся. Он прибег к самым крайним мерам: он постановил, что все судебные разбирательства по долгам должны быть прекращены, все заключенные должники должны быть освобождены, и что никакие долги не должны подлежать уплате до окончания войны — печальное постановление для богатых, но оно сделало его популярным среди черни. Двенадцать тысяч рабов должны были быть освобождены и вооружены (их называли *παράτροφοι*, то есть «молочные братья», дети рабынь или кормилиц); кроме того, были введены тяжелые военные поборы. Четыре тысячи человек были отправлены в Мегару для защиты этого места, а сам Диэй собрал армию на перешейке. Когда появился Метелл, эти четыре тысячи вскоре эвакуировали Мегару, и все силы были сосредоточены на перешейке близ стен Коринфа.

[146 г. до н. э.]

Греческий сосуд для воды

(Берлинский музей)

Метелл появился перед Коринфом. Вдохновленный чувством гуманности, он хотел пощадить город; такой величественный древний город был действительно чем-то почитаемым для многих римлян, и мысль о его разрушении была ужасна для Метелла. Возможно также, что он не хотел уступать консулу Муммию, который уже быстро продвигался вперед, честь завершить войну. Метелл снова послал к ахейской армии нескольких греков с предложением, по римским меркам, справедливых условий, если они сложат оружие, и просил их довериться ему. Что еще он мог сделать? Но Диэй, зная, что его

жизнь потеряна, довел бедных людей до безумия. Ахейцы, полагая, что Метелл предложил мир из слабости, едва не убили послов, и Дизей освободил их только после уплаты выкупа в десять тысяч драхм; это характерная черта человека, проявившего свою алчность до последней минуты. Гипостратег, который был благосклонен к римлянам, был подвергнут пыткам.

Тем временем прибыл Муммий и занял место Метелла. Он не испытывал таких чувств к ахейцам, как его предшественник, который вернулся в Рим. Муммий теперь имел армию из двадцати трех тысяч пехотинцев и трех тысяч всадников, в то время как ахейцы имели только четырнадцать тысяч пехотинцев и несколько сотен всадников. Ахейцы расположились лагерем на перешейке в сильной позиции, но это не помогло. У римлян был флот, предоставленный их союзниками, а у греков не было кораблей, и римский флот курсировал вдоль всего побережья Пелопоннеса, высаживаясь повсюду и опустошая страну с ужасающей жестокостью. Слова Фемистокла, сказанные пелопоннесцам, когда те хотели укрепиться на перешейке, теперь сбылись: войска, особенно элеанские, рассеялись во всех направлениях, чтобы защитить свои города, но не смогли этого сделать.

Несколько удачное сражение, в котором они разгромили отряд римлян, зашедший слишком далеко и не имевший должной поддержки, привело ахейцев в полное безумие, и, ободренные этим, они бездумно напали на римскую армию. Но их небольшое преимущество было немедленно нейтрализовано смертельным ударом; в великой и решающей битве ахейцы были настолько полностью разгромлены, что даже не смогли укрыться в Коринфе. Кавалерия сразу же бежала; пехота держалась лучше, но в конце концов все бежали в разные стороны в горы, а Дизей — в Мегалополис, где он сначала убил свою жену, а затем принял яд. Все население Коринфа покинуло город и укрылось в горах, как это сделали римляне по прибытии галлов, и было преследовано римлянами как дикие звери.^b

РАЗРУШЕНИЕ КОРИНФА

Муммий не ожидал столь легкой победы и, хотя ему сообщили, что ворота открыты, подозревая какой-то обман, прождал целый день, прежде чем вошел в город. Несмотря на то, что сопротивления не было, все мужчины, находившиеся в пределах городских стен, были преданы мечу; женщин и детей оставили для продажи; а когда все сокровища были вывезены, по сигналу трубы город был предан пламени. Так, как говорят, постановил сенат. Но месть за оскорбления, нанесенные римским послам, была, вероятно, скорее предлогом, чем мотивом этой жестокости. По крайней мере, в глазах римских солдат не менее преступным было то, что Коринф был самым богатым городом Греции. Едва ли какой-либо другой город мог похвастаться таким количеством драгоценных произведений искусства. Сам Муммий не ценил их так же, как и его люди, которые делали из лучших шедевров живописи доски для игры в кости, но он знал, что другие высоко ценят такие вещи, и поэтому сохранил те, которые считались самыми изысканными, чтобы украсить свой триумф.

До прибытия десяти комиссаров, которые были посланы осенью для упорядочения положения в Греции, он совершил поездку по Пелопоннесу, чтобы наказать города и лиц, которые принимали активное участие в войне. Стены всех таких городов были разрушены ( ), а все их население разоружено. Сторонники Диея были приговорены к смерти или изгнанию, а их имущество конфисковано; ахейцы, то есть города, которые участвовали в войне, были осуждены на выплату Спарте двухсот талантов [40 000 фунтов стерлингов или 200 000 долларов]. Большая часть территории Коринфа была присоединена к Сикиону. Затем Муммий двинулся на север, чтобы расправиться с повстанцами в Беотии и Эвбее. Он сравнял с землей Фивы и Халкиду — или, по крайней мере, их стены; приговорил беотийцев

и эвбейцев — или, что более вероятно, только эти города — к выплате ста талантов Гераклеи, которую они помогали осаждать; а в Халкиде он пролил столько крови ведущих граждан, что сам Полибий может оправдать его поведение предполагаемой мягкостью его характера только предположением, что его совет подтолкнул его к необычной суровости.

Десяти комиссарам оставалось, в соответствии с инструкциями сената, определить будущее положение завоеванной нации. Вся Греция, вплоть до Македонии и Эпира, была объявлена римской провинцией, а Ахайя удостоилась печальной чести дать свое имя всей территории. Но ревность сената не удовлетворилась формальным установлением его суверенитета; он также издал ряд постановлений, направленных на максимальное ограничение всякого рода союзов и связей между греками и на их приведение в состояние крайней слабости и упадка. Все федеральные собрания, все демократические формы правления были упразднены, а управление каждого города было возложено на магистратов, для которых в качестве квалификации требовалось наличие определенного количества имущества. Никто не мог приобретать землю в любой части провинции, кроме той, в которой находилась его франшиза. Детали этого плана и все временные меры по урегулированию ситуации в стране были оставлены на усмотрение Муммия и Десятки; и Полибий, который, по-видимому, прибыл в Грецию вскоре после падения Коринфа, теперь мог в некоторой степени смягчить бедствие, которое ему не удалось предотвратить; и, возможно, он не смог бы оказать такие услуги своим соотечественникам, если бы ранее не был столь отчужден, по крайней мере внешне, от национального дела. Как близкий друг завоевателя Карфагена, он пользовался наивысшим уважением и доверием; и он использовал свое влияние, чтобы завоевать уважение и благодарность своих сограждан. Сам Муммий, пресытившись кровопролитием и грабежами, проявил склонность к примирению с побежденными. Перед своим отъездом, хотя он и увез статую Посейдона из Истмов, чтобы посвятить ее — в грубом нарушение религиозных норм — в храме Юпитера в Риме, он восстановил ущерб, нанесенный общественным зданиям на Истме, украсил храмы Олимпии и Дельф и объехал главные греческие города, чтобы принять знаки их благодарности.

Политические институты, конечно, в соответствии с декретом сената, были строго олигархическими. И в этом отношении римское правительство, по-видимому, никогда не допускало никаких изменений. Но в некоторых других вопросах строгость первоначальных положений через несколько лет была значительно ослаблена. Штрафы, наложенные на ахейцев, беотийцев и эвбейцев, были сняты; ограничения на общение и торговлю были отменены; а федеративные союзы, которые были упразднены, были восстановлены. Римляне в своем официальном языке, по-видимому, описывали это возобновление старых форм как восстановление свободы Греции. Но даже если памятник, в котором эта громкая фраза, по-видимому, применяется к этому, сам по себе не иллюстрирует бдительность, с которой провинциальное правительство контролировало осуществление политической свободы, мы можем быть уверены, что эти возрожденные конфедерации не преследовали иной цели, кроме как дать повод для проведения периодических праздников и присвоения пустых титулов, успокаивающих, возможно, чувства народа, но не оказывающих ни малейшего влияния на его благосостояние. Конец Ахейской войны был последней стадией затянувшегося процесса, в ходе которого Рим окружил свою жертву кольцами своей коварной дипломатии, покрыл ее слизью своих льстецов и наемников, раздавил ее, когда она начала сопротивляться, а затем спокойно пожирал ее внутренности.

ГРЕЦИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ РИМЛЯН

Мы дошли до момента в политической истории Древней Греции, который можно считать ее концом, поскольку в последующих изменениях, произошедших в стране, народ оставался практически пассивным. События Митридатовой войны, в которой, как говорят, ахейцы, лакедемоняне и вся Беотия, за исключением Феспий, выступили против Рима, а королевская армия в Греции получила подкрепление в виде лакедемонийских и ахейских войск, могут служить указанием на то, что национальный дух не был полностью угашен или что римское господство воспринималось как невыносимо угнетающее. Но Афины, безусловно, не заслуживали кровавой мести Суллы за сопротивление, к которому их вынудила тирания Афиниона, не более, чем за доверчивость, с которой они слушали его лживые обещания.

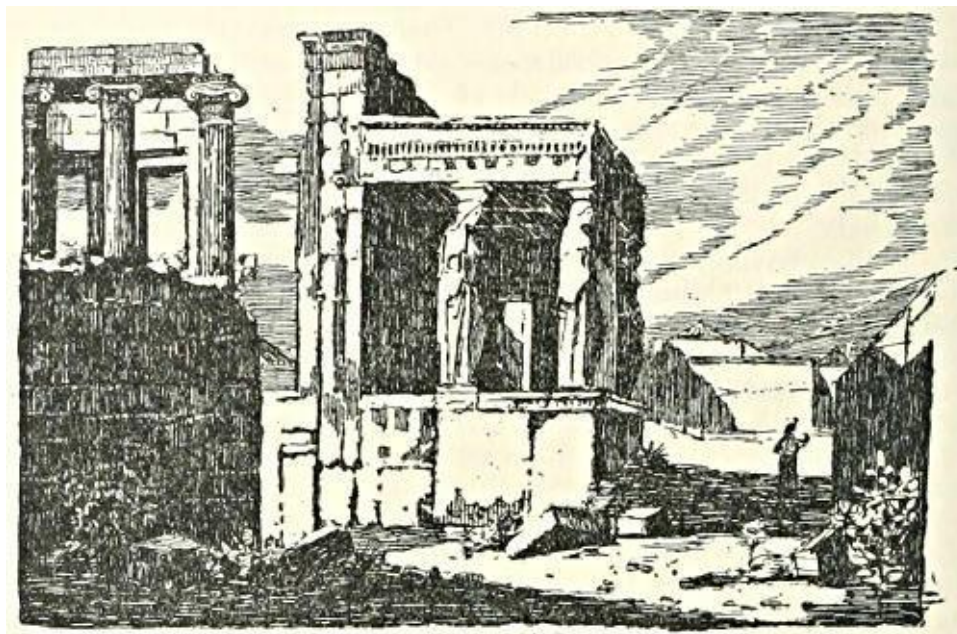
Ни один исторический факт не является более очевидным, чем то, что с этой эпохи нация непрерывно угасала. Страбон,^е который посетил Грецию чуть более века спустя (29 г. до н. э.), повсюду обнаружил опустошение. Помимо его особого перечисления разрушенных городов и заброшенных мест, а также его подчеркнутого молчания о настоящем, в то время как он исследует слабые следы или сомнительные предания прошлого, описание почти каждого региона дает повод для некоторых общих замечаний, иллюстрирующих печальную правду. Мессения была в основном заброшена, а население Лаконии было очень малочисленным по сравнению с древними временами; помимо Спарты, она насчитывала всего тридцать небольших городов вместо ста, которыми она когда-то славилась. Об Аркадии не стоило много говорить из-за ее полного упадка. Практически не было возделанных земель, только обширные пастбища для овец и обильные пастбища для стад крупного рогатого скота, особенно лошадей; и таким образом, пустынность Этолии и Аккарнии стала не менее благоприятной для разведения лошадей, чем Фессалия. И Аккарния, и Этолия, — повторяет он в другом месте, — теперь совершенно истощены и изнеможены, как и многие другие народы. От городов Дориса почти не осталось и следа; то же самое произошло с энианами. Фивы превратились в незначительную деревню; и другие беотийские города в той же степени — то есть, как он сам объясняет в другом месте, они были превращены в руины и названия, за исключением Танагры и Феспий, которые по сравнению с другими были достаточно хорошо сохранены.

В наше время принято объяснять этот спад населения потерей независимости, угнетающим влиянием иностранного ига — одним словом, неправильным правлением Рима. И было бы смело и, вероятно, ошибочно утверждать, что это было совершенно не связано с характером правительства, которому подчинялась Греция как римская провинция. Слишком хорошо известно, каким было это правительство — как редко оно управлялось честно, как легко, даже в самых чистых руках, оно становилось инструментом угнетения. Обычные бремена были тяжелыми. Рыбак из Гиароса, который был отправлен послом к Августу, чтобы пожаловаться на то, что на его остров был наложен налог в 150 драхм, который едва мог покрыть две трети этой суммы, был лишь одним из примеров общего недовольства. Греция не была избавлена от тех злоупотреблений, которые спровоцировали массовое убийство римлян в Азии в начале Митридатовой войны. И даже если бы у нас не было прямой информации по этому вопросу, мы могли бы сделать вывод, что она не избежала еще более угнетательных произвольных поборов со стороны коррумпированных магистратов и их жадных чиновников. «Кто не знает, — спрашивает Цицерон, — что ахейцы ежегодно платят Л. Пизону огромную сумму?» Было общеизвестно, что он получил от них сто талантов, помимо грабежей и других видов вымогательства. Картина, которую рисует Цицерон о зле, причиненном Л. Пизоном Греции, несомненно, риторически преувеличена, но она отражает полное обнищание, истощение и разорение. И здесь мы можем заметить, что

привилегии свободных городов, входивших в состав провинции, не давали никакой гарантии от алчности и угнетения со стороны Пизона или Верреса. Страбон отмечает, что лакедемоняне пользовались особым благоволением и оставались свободными, платя только добровольные пожертвования. Но эти пожертвования были одними из самых обременительных; и поэтому Афины, которые пользовались такой же неприкосновенностью, тем не менее, по выражению Цицерона, были разорваны на куски Пизоном. К этому следует добавить, что олигархические институты, установленные повсеместно — и даже Афины были вынуждены настолько ограничить свою демократию, что, по-видимому, от нее осталось лишь название, — способствовали накоплению собственности в руках немногих; как мы читаем, что весь остров Кефаллия подчинялся К. Антонию как его частная собственность.

Тем не менее, кажется очевидным, что когда эти факторы представляются в качестве основных причин сокращения населения Греции, последовавшего за потерей ее независимости, их значение значительно преувеличивается, в то время как другие, гораздо более значимые факторы, игнорируются или преуменьшаются. С одной стороны, ясно, что это сокращение началось не в ту эпоху, а продолжалось на протяжении многих поколений до этого. Сравнение сил, выставленных на поле боя для отражения кельтского вторжения государствами северной Греции, с силами, которые они предоставили в Персидской войне, будет достаточным доказательством этого факта; зло было глубже, чем разрушения войны. И теперь у нас есть свидетельство Полибия о том, что в период, непосредственно предшествовавший или непосредственно последовавший за установлением римского правления — период, который он описывает как период согласия и относительного процветания, когда раны, нанесенные полуострову, начали заживать, — даже тогда население быстро сокращалось по причинам, совершенно не зависящим от каких-либо внешних факторов и тесно связанным с моральным характером и привычками самого общества.

Руины ЭРЕХТЕОНА, Афины

Зло заключалось не в том, что поток населения был насильственно поглощен, а в том, что он текла слабо, потому что действовало влияние, которое приводило к иссушению

источника. Браки были редкими и бесплодными из-за преобладания безразличия или отвращения к обязанностям и удовольствиям семейной жизни. Историк связывает это нездоровое состояние чувств со вкусом к роскоши и показной пышности. Но это объяснение, которое может быть применимо только к богатым ( ), кажется совершенно неадекватным результатом. Настоящая причина была гораздо глубже и гораздо более широко распространена. В общих чертах ее можно описать как отсутствие почтения к порядку природы, к естественному откровению воли Бога; и санкционирование детоубийства было далеко не самой разрушительной или самой отвратительной формой, в которой оно проявлялось. Это был рак, который на протяжении многих поколений разъедал жизнь Греции.

Насколько мало пороки римского правительства имели отношение к сокращению населения Греции, становится еще более очевидным, если проследить его ход на протяжении истории империи. Переход от республиканских к монархическим институтам в целом был благоприятен для провинций, и особенно для Греции, которая не только была избавлена от опасности произвольного угнетения, но и отличалась многими признаками имперской благосклонности. В течение нескольких лет, примерно в начале этого периода, три новые колонии оживили южное побережье Коринфского залива. Помпей основал поселение пиратов в уединенном местечке Диме. Его великий соперник восстановил Коринф и, если бы прожил дольше, возможно, проложил бы канал через перешеек. Хотя торговля, которая после падения Коринфа была перенаправлена в Делос, а затем рассеяна Митридатовой войной, возможно, и не вернулась полностью в свое прежнее русло, тем не менее нет сомнений, что преимущества этого восстановления были в значительной степени ощутимы во всей Греции. Август основал еще одну густонаселенную римскую колонию в Патрах, которая пользовалась привилегиями свободного города. Никополь, по сути, был скорее памятником его победы, чем средством содействия процветанию Греции: он был заселен жителями запустевших городов соседних регионов, в результате чего Акарнания и Этолия превратились в пустыню.

Афины тоже вскоре восполнили потери, понесенные в результате резни Суллы, хотя Пирей так и не поднялся из руин. Но население Афин пополнялось, как и раньше, за счет щедрого предоставления или дешевой продажи гражданства. Оно было похоже на галеру Тесея, сохранившую только название и внешний вид древнего афинского народа, без какой-либо реальной естественной идентичности расы; поэтому Пизон не преувеличил, назвав его смесью разных народов. Бедность города, которая была главной причиной его несчастного перехода на сторону Митридата, по-прежнему продолжалась и лишь слегка смягчалась щедростью благодетелей, таких как Помпоний и Герод Аттик, или даже растущим притоком богатых иностранцев, которые приезжали сюда для изучения риторики или философии.

Хотя его великолепие увеличилось благодаря величественным сооружениям, добавленным к нему Адрианом и Иродом, возможно, большая часть свободных граждан никогда не была полностью уверена в своем ежедневном пропитании. Тем не менее, добрая воля ранних императоров проявлялась недвусмысленно. Они, кажется, всегда благосклонно прислушивались к жалобам и просьбам провинции, а Нерон зашел так далеко, что вознаграждал греков за их искусное льстение его музыкальным талантам полным и общим освобождением от провинциального правительства, что, возможно, компенсировало подарки, которые он требовал от них. Говорят, что греки злоупотребили своими новыми привилегиями, устроив раздоры и беспорядки, и Веспасиан восстановил проконсульскую администрацию и, прежде всего, дань — что, возможно, было его настоящей мотивацией — с замечанием, что они забыли, как пользоваться свободой. Но очевидно, что в целом, с правления Августа до правления Траяна, рост населения не сдерживался угнетением или какими-либо бедствиями. Тем не менее, в конце этого периода мы видим, как Плутарх

заявляет, что Греция больше, чем любая другая страна, пострадала от общего сокращения населения, вызванного войнами и гражданскими конфликтами прошлых времен почти во всем мире, так что она едва могла предоставить три тысячи тяжеловооруженных солдат — число, которое только Мегара набрала для Персидской войны; и его утверждение подтверждается картинами, нарисованными другим современным свидетелем.

В времена, когда настоящее было столь пустым и безрадостным, а будущее — столь мрачным и безнадежным, было естественно, что люди искали утешения в прошлом, даже если оно было менее насыщенным, чем в случае греков, властью и красотой, процветанием и славой. И тогда не было необходимости вызывать его образы ученым трудом из пыли библиотек или архивов. Вся земля была покрыта памятниками, являющимися самыми безупречными творениями человеческого гения и искусства. Не было ни одного региона, настолько опустошенного, ни одного уголка, настолько уединенного, чтобы быть лишенным их. Даже алчность римлян не смогла исчерпать эти сокровища. Хотя, как говорят, Муммий наполнил Италию скульптурами, которые он увез с собой, вполне вероятно, что в огромном множестве тех, что остались, их отсутствие, с точки зрения количества, едва ли было заметно. Если Нерон похитил из Дельф пятьсот статуй, там все еще могло остаться более двух тысяч.

Выразительное молчание этих памятников интерпретировалось легендами, которые жили в умах и сердцах людей; и пока в каком-либо месте оставались жители, всегда можно было найти гида, хорошо знакомого с этими традиционными знаниями. Город Панопей, расположенный у северного подножия Парнаса, хотя и прославленный Гомером как королевская резиденция, к моменту посещения Паусания превратился в жалкую группу хижин, в которых путешественник не мог найти ничего, достойного названия города, поскольку там не было ни архива, ни гимнастического зала, ни театра, ни рынка, ни фонтана; но люди помнили, что они не были фокийцами, а флегийцами: они могли показать могилу, покрывавшую огромное тело великого Тития, и остатки глины, из которой Прометей слепил человеческий род. Подобные древние реликвии в то же время с почтением хранились в большинстве частей Греции. Память о прошлом еще более эффективно сохранялась благодаря большому разнообразию праздников, игр, публичных жертвоприношений и других религиозных торжеств. После утраты национальной независимости битва при Платеях продолжала отмечаться Праздником свободы; несмотря на отсутствие каких-либо политических интересов, формы обсуждения сохранялись в амфикионском, ахейском, фокийском и беотийском советах. Герои как мифической, так и исторической эпохи по-прежнему почитались юбилейными обрядами — Арат и Демосфен, погибшие при Марафоне, не менее чем Аякс и Ахилл, Темен, Фороней и Меламп.

Религия греков, которая была так тесно связана почти со всеми их социальными удовольствиями и их важнейшими делами, никогда не теряла своего влияния на большую часть народа. Мы много слышим о переменах, произошедших в религиозных чувствах под влиянием спекуляций софистов и более поздних родственных философских школ, частых примеров кощунственного насилия, прогресса роскоши и растущего разложения нравов. Но это влияние, по-видимому, ограничивалось не очень большим кругом высших классов. Для простого народа язычество, вероятно, до самого своего исчезновения оставалось не просто наследственным обычаем, а личной, живой, дышащей и активной верой. В эпоху Антонинов аттические земледельцы все еще верили в могущественное воздействие своего героя Марафона, так же как аркадские пастухи воображали, что слышат свист Пана на вершине Меналуса. Национальные бедствия, заставляя греков еще сильнее цепляться за воспоминания о прошлом, усиливали влияние старой религии и делали их менее склонными принять новую веру, которая оскорбляла их патриотическую гордость и развеивала многие приятные иллюзии, а также противоречила всем их вкусам и привычкам.

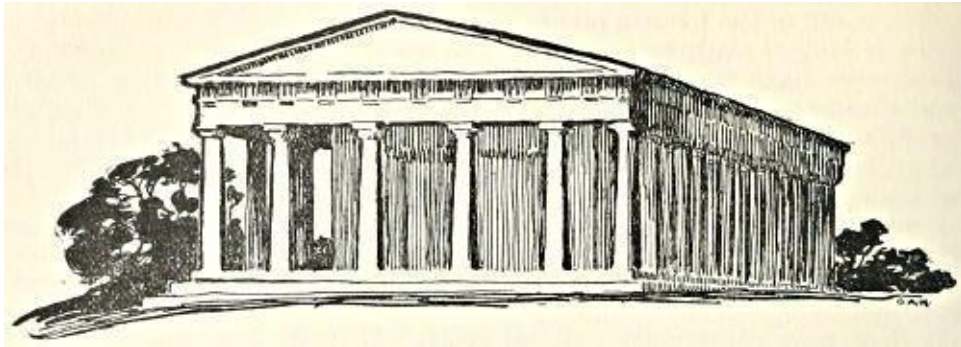
и лишала их главных удовольствий. Соответственно, кажется, что христианство, несмотря на утешение, которое оно предлагало за все, что оно отнимало, очень медленно распространялось за пределы городов, в которых оно было впервые зародилось; и его господство не было прочно установлено задолго до начала периода, в котором серия новых бедствий угрожала самому существованию нации.

Результатом персидского вторжения в сознании победоносного народа стало чувство ликующей уверенности в себе, которое способствовало развитию всех его сил и ресурсов. За ужасом кельтского вторжения последовало чувство безопасности, в значительной степени заработанное честной борьбой. Совершенно иным было впечатление, оставленное вторжением Алариха, когда Греция наконец избавилась от его присутствия. Продвижение варваров не было остановлено никаким сопротивлением, пока они не достигли самых дальних пределов страны. Они действительно отступили перед Стилихоном, но не были разгромлены и не потерпели поражения, унеся с собой всю добычу, чтобы беспрепятственно овладеть другой, недалекой провинцией. Прошло много времени, прежде чем греки вновь испытали это бедствие, но с тех пор они жили с осознанием того, что постоянно подвержены ему. У них не было ни сил, чтобы защитить себя, ни возможности рассчитывать на защиту со стороны своих правителей.

Безопасность Греции была одним из последних вопросов, которые занимали внимание двора Константинополя. В условиях полной неопределенности относительно того, как скоро новый завоеватель может пойти по стопам Алариха, любой слух о передвижениях орд, которые последовательно пересекали Дунай, мог вызвать панику даже в самых отдаленных уголках Пелопоннеса. Направление, в котором они могли двигаться, было столь же непредсказуемо, как и путь молнии. Кто мог предвидеть, что Аттила и Теодорих отклонятся от своего пути, чтобы напасть на другую добычу, что Гензерик после своего поражения под Тенаром не возобновит свое вторжение, что болгары так долго будут задержаны грабежом северных провинций? Во время правления Юстиниана наступление варваров становилось все более угрожающим, и в 540 году северная Греция вновь была опустошена смешанным полчищем гуннов и других не менее жестоких грабителей, в основном славянской расы.

Укрепленные фортификационные сооружения Истма действительно выдержали это нашествие, хотя они не смогли уберечь пелопоннесцев от землетрясений и эпидемий, которые в этот несчастный период постоянно уничтожали скудные остатки эллинского населения, спасшегося или пережившего вторжения варваров. Огромная линия крепостей Юстиниана свидетельствовала о неминуемой опасности, но не могла долго ее предотвратить. В течение VII и VIII веков сбылись самые худшие предчувствия: после многих временных вторжений страна была окончательно оккупирована славянскими поселенцами. Масштабы последовавших за этим преобразований наиболее ярко подтверждаются количеством новых названий, сменивших древние географические названия. Но историки описывают их в таких терминах, которые наводят на мысль, что коренное население было полностью уничтожено, а современные греки являются потомками варварских племен, которые впоследствии подчинились империи и приняли язык и религию, которые они с тех пор сохранили, от византийских миссионеров и анатолийских колонистов; и такая неясность витает над окончательной судьбой самой известной нации на земле, что гораздо легче показать слабость оснований, на которых была построена эта гипотеза, чем доказать, что она очень далека от истины.^{[d](#)}

ГЛАВА LXV. ЦАРСТВО СЕЛЕВКИДОВ

[323-312 гг. до н. э.]

В результате окончательного разделения империи Александра на три части, географически самая большая часть досталась Селевку, известному как Никатор, или Завоеватель, который дал свое имя царству, которому суждено было на протяжении многих поколений играть более или менее важную роль в истории Азии. Селевк сначала основал свою столицу в Вавилоне и восстановил власть греческого или македонского оружия над большей частью азиатской территории империи Александра. Впоследствии столица царства была перенесена в недавно основанный город Антиохию на побережье Малой Азии, который стал одной из важнейших столиц мира, порой почти соперничая с Александрией. Территория и власть Селевкидов были вскоре ограничены в связи с продвижением отдаленных народов, в частности парфян, и постепенно распались скорее медленными этапами, чем в результате внезапного удара одного завоевания. Главным образом из-за смещения прогресса далеко на запад, ему не суждено было сыграть действительно важную роль в строительстве мировой истории. По крайней мере, номинально царство продолжало существовать независимо еще долго после падения собственно Греции, но парфяне и сасаниды поочередно лишили его большей части его славы, и именно эти державы, а не собственно Селевкиды, вступили в соперничество и конфликт с римской мощью, когда эта новая госпожа мира распространила свое влияние на восток. Поэтому мы должны думать о царстве Селевкидов скорее как о звене во времени и пространстве между великими державами, чем о чем-то действительно важном само по себе. Поэтому нам достаточно краткого изложения его истории. Здесь снова, для ясности — если ясность возможна в этот хаотичный период — неизбежно некоторое повторение.^a

Царство Сирии не ограничивалось одной только этой страной, но также включало в себя обширные и плодородные провинции верхней Азии, которые составляли Персидскую империю; в полном объеме оно граничило со Средиземным морем с одной стороны и рекой Инд с другой. Эти обширные владения обычно называют Сирийским царством, потому что Селевк, первый из сирийско-македонских царей, построив в этой провинции город Антиохию, выбрал его, как и его преемники, в качестве обычного места своей резиденции. Здесь его потомки, получившие от него имя Селевкиды, правили, по словам Евсевия, в течение 251 года, то есть с 117-й Олимпиады, когда Селевк отвоевал Вавилон, до третьего года 180-й, когда Антиох Азиатский, последний из рода Селевка, был изгнан Помпеем, а Сирия была превращена в римскую провинцию. Прежде чем перейти к истории Селевкидов, мы приведем список царей этого рода с указанием лет их правления.

ТАБЛИЦА ЦАРЕЙ СИРИИ ОТ ОСНОВАНИЯ ЭТОЙ МОНАРХИИ ДО ЕЕ ПОРАБОЩЕНИЯ РИМЛЯНАМИ С УКАЗАНИЕМ ЛЕТ ИХ ПРАВЛЕНИЯ.

	Годы
Селевк Никатор	32
Антиох Сотер	19
Антиох Теос	15

Селевк Каллиник	20
Селевк Кераун	3
Антиох Великий	36
Селевк Филопатор	11
Антиох Эпифан	11
Антиох Эвпатор	12
Деметрий Сотер	12
Александр Балас	5
Деметрий Никатор	6
Антиох Теос	3
Трифон	4
Антиох Сидет	11
Александр Зебина	13
Антиох Грип	19
Антиох Кизикенский	21
Селевк Эпифан	7 месяцев
Антиох Эвсейб	1
Деметрий Евкар	2
Филипп	3
Антиох Эпифан	4
Антиох Дионис	7
Тигран	14
Антиох Азиатский	4

Селевк, основатель Сиро-Македонской империи, был сыном Антиоха, одного из главных военачальников Филиппа, отца Александра. Он служил под началом Александра с юных лет, сопровождал его в походе в Азию и был удостоен им чести командовать слонами, что было делом, требующим большого доверия и репутации. После смерти завоевателя Пердикка, которого офицеры единодушно назначили регентом империи, поставил Селевка во главе кавалерии союзников; в этой должности он прославился настолько, что Антипатр, сменивший Пердикка на посту регента, возвысил его до правителя Вавилона и его территорий.

СЕЛЕВК

На этом посту он был соблазнен примером других военачальников Александра, которые стремились к верховной власти в своих соответствующих владениях, предать свое доверие и задумываться о том, чтобы установить свою власть; поэтому, когда Эвмен, маршируя в Сузиану, принуждал его присоединиться к правителям верхних провинций против Антигона, который открыто восстал, он не только отказался оказать им какую-либо помощь, но даже попытался уничтожить и Эвмена, и его армию, перерезав шлюзы Евфрата и затопив всю равнину, где они расположились лагерем. Однако Эвмен, хотя и был застигнут врасплох, успел со своими войсками подняться на возвышенность, прежде чем вода поднялась до значительной высоты, и на следующий день, отклонив ее течение, нашел способ избежать опасности, не потеряв ни одного человека. Селевк заключил перемирие с Эвменом, предоставив ему свободное прохождение через свою провинцию. Но когда Антигон потребовал отчета о доходах его правительства, ответ, который он ему дал, так разгневал Антигона, что тот счел целесообразным покинуть свою провинцию и перейти под покровительство Птолемея, правителя Египта.

[312-300 гг. до н. э.]

Селевк, встретив дружеский прием у Птолемея в Египте, так убедительно представил этому князю, а также Лисимаху и Кассандру, грозную мощь и амбициозные планы Антигона, что он вовлек всех троих в союз против него. Эта война положила конец как жизни, так и правлению Антигона. После победы Птолемея над Деметрием в Газе Селевк, получив от победителя тысячу пехотинцев и двести всадников, направился к Вавилону, чтобы попытаться отвоевать этот город. Это предприятие считалось отчаянным даже его друзьями, но увенчалось всем желаемым успехом.

Селевк, став теперь хозяином города и замка, счел необходимым собрать все силы, которые он мог, не сомневаясь, что Антигон скоро пошлет армию, чтобы изгнать его из этих завоеваний. Соответственно, пока он был занят набором армии и обучением своих новобранцев, ему принесли весть, что Никанор, правитель Мидии под властью Антигона, наступает на него во главе десяти тысяч пехотинцев и семи тысяч всадников. Узнав об этом, Селевк выступил ему навстречу с тремя тысячами пехотинцев и четырьмястами всадниками и, перейдя Тигр, спрятал своих людей, когда враг приблизился, в болотах у реки, с намерением неожиданно атаковать Никанора; который, не имея никаких сведений о походе Селевка, разбил лагерь в невыгодном месте, где на следующую ночь был застигнут врасплох, а его армия, после больших потерь, была разгромлена. Те из солдат, которые выжили в этой битве, перешли на сторону Селевка, что позволило ему продолжить свои завоевания и в короткие сроки подчинить себе всю Мидию и Сузиану, а также многие соседние провинции. Укрепив благодаря этой победе свои интересы и власть в Вавилоне, он ежедневно усиливал их своей мягкостью, справедливостью, беспристрастностью и гуманностью до такой степени, что, начав с очень скромных позиций, за несколько лет стал величайшим и могущественным из всех преемников Александра.

И теперь Селевк, видя, что он спокойно владеет Вавилоном и его территорией, во главе значительной армии продвинулся в Мидию, где сразился и собственноручно убил Никанора, или, как его называют другие, Никата, которого Антигон послал против него. Подчинив всю Мидию, он продолжил свой поход в Персию, Бактрию, Гирканию и т. д., подчинив своей новой империи эти и все другие провинции по эту сторону Инда, которые ранее были

завоеваны Александром ( ). Тем временем Антигон и Деметрий приняли титул царя, и Селевк последовал их примеру, провозгласив себя царем Вавилона и Мидии.

Не имея, таким образом, врагов, которых следовало бы опасаться по эту сторону Инда, он решил переправиться через эту реку и внезапным вторжением овладеть обширными провинциями, известными под названием Индия. Александр ранее подчинил их себе, но после его смерти, пока его преемники были заняты взаимными войнами, некий Сандрокотт, или, как его называют другие, Андрокотт, индиец низкого происхождения, под ложным предлогом освобождения своей страны от тирании иностранцев, собрал мощную армию, изгнал македонян и захватил индийские провинции для себя. Чтобы вернуть эти провинции, Селевк переправился через Инд, но, обнаружив, что Сандрокотт стал абсолютным повелителем всей Индии и вывел на поле боя армию в шестьсот тысяч человек с огромным количеством слонов, он счел нецелесообразным провоцировать столь великую силу поэтому заключив с ним договор, он согласился отказаться от всех своих притязаний на эту страну при условии, что Сандрокотт предоставит ему пятьсот слонов — индийский князь с готовностью согласился на это предложение, и между ними был заключен мир.

Селевк, вторгшись в верхнюю Сирию, стал властелином этой богатой провинции и построил на реке Оронте город Антиохию, который вскоре стал и на долгие века оставался столицей Востока, поскольку сирийские цари, а впоследствии и римские правители, управлявшие делами восточных провинций, выбрали его своим местом жительства; а в более поздние христианские времена он был резиденцией главного патриарха Азии. Помимо Антиохии, Селевк построил в той же стране несколько других городов, менее значительных.

[283-273 гг. до н. э.]

Через несколько месяцев после смерти Деметрия умер также Птолемей Сотер, царь Египта, так что из полководцев Александра остались в живых только двое, а именно Лисимах и Селевк. Поскольку им было уже за семьдесят, ожидалось, что они завершат свою жизнь в союзе, который существовал между ними так долго, ведь они всегда были тесно связаны и, насколько могли, поддерживали друг друга; но произошло совсем иначе: между ними вскоре разразилась война, которая оказалась роковой для обоих.

Селевк легко поддался на уговоры вступить в эту войну, поскольку и без того был к ней достаточно склонен по другим причинам; но прежде чем он вступил в столь грандиозное предприятие, он не только передал своему сыну Антиоху значительную часть своей империи, но и, что было беспрецедентным примером, свою любимую царицу Стратонику. Селевк без особого труда убедил Стратонику принять в качестве мужа молодого принца вместо старого царя, и свадьба была торжественно отпразднована с величайшей помпой и великолепием; после чего Антиох и Стратоника были коронованы царем и царицей Верхней Азии, а Селевк добровольно уступил им все эти провинции.

Селевк продвинулся в Малую Азию, где легко подчинил себе все места, принадлежавшие Лисимаху. Город Сарды вскоре был вынужден капитулировать. Лисимах встретил врага при Корупедионе во Фригии. Сражение было очень кровопролитным, и победа долго оставалась неопределенной; но в конце концов Лисимах, который все время сражался во главе своих войск с невероятной храбростью, был пронзен копьем Малаконом из Гераклаиды и убит на месте, его солдаты бросились бежать и оставили Селевка хозяином поля битвы и всего своего обоза. Так погиб Лисимах, увидев смерть пятнадцати из своих детей; и поскольку он

был, по выражению Мемнона, последним камнем своего дома, который осталось снести, Селевк без сопротивления стал хозяином всех его владений.

Больше всего его радовало то, что теперь он был единственным выжившим из всех полководцев Александра и что в результате этой битвы он стал, как он сам себя называл, «победителем победителей». Эта последняя победа, которую он рассматривал как результат особого провидения в его пользу, дала ему лучшее право на имя Никатор, или завоеватель, которым историки обычно отличают его от других царей с таким же именем, которые впоследствии правили в Сирии.

Его триумф в этом случае длился недолго, ибо через семь месяцев, когда он вступал в Македонию, чтобы завладеть этим царством с намерением провести остаток своей жизни на родине, он был вероломно убит Птолемеем Керауном, которому он оказал бесчисленные милости. Таков был конец Селевка, величайшего по мнению Арриана полководца и самого могущественного князя после Александра в ту эпоху. Он умер на сорок третьем году после смерти Александра, на тридцать втором году греческой или селевкидской эры и на семьдесят третьем или, как утверждает Юстин, на семьдесят восьмом году своей жизни.

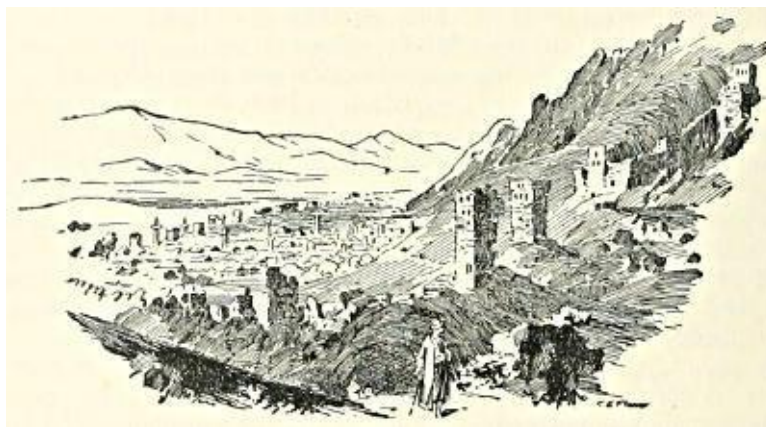
АНТИОХ СОТЕР

После смерти Селевка Антиох, прозванный Сотером, его сын от Апамы, дочери перса Артабаза, завладел империей Азии и правил ею в течение девятнадцати лет.

[277-261 гг. до н. э.]

После смерти Сосфена, который несколько лет правил в Македонии, Антиох Сотер и Антигон Гонатас, сын Деметрия, заявили свои права на это царство, которое принадлежало их отцам, сменившим друг друга на престоле. Но Антигон, который уже десять лет правил в Греции, был ближе и первым завладел этими владениями. Однако, не осмеливаясь напасть друг на друга, оба царя пришли к соглашению. и Антигон женился на Филе, дочери Стратоники от Селевка, Антиох отказался от своих притязаний на македонскую корону. В результате этого отказа Антигон не только спокойно владел Македонией, но и передал ее своим потомкам, которые правили там в течение нескольких поколений.

Антиох выступил против галлов, которые, благодаря поддержке Никомеда, получили поселения в Азии и часто нападали на соседних князей. Антиох разгромил их, нанеся им большие потери, и освободил эти провинции от их гнета; за это он получил титул Сотера, или «спасителя».

Руины Антиохии

Вскоре после этой успешной экспедиции против галлов Антиох, узнав о смерти Филетара, князя Пергама, воспользовался этой возможностью, чтобы вторгнуться на его территории с целью присоединить их к своим владениям; но Эвмен, племянник и преемник покойного князя, собрав значительную армию, встретил его под Сардами, разгромил в сражении и тем самым не только укрепил свое владение тем, чем уже обладал, но и расширил свои владения несколькими новыми приобретениями. После поражения Антиох вернулся в Антиохию, где казнил одного из своих сыновей за то, что тот поднял беспорядки в его отсутствие, и в то же время провозгласил другого, также называвшегося Антиохом, царем Сирии. Вскоре после этого он умер, оставив своему сыну единоличное владение своими владениями. Молодой принц был его сыном от Стратоники.

Антиох, вступив на престол, принял прозвище Теос, то есть бог, чем он отличался от других царей Сирии, носивших имя Антиох.

На третьем году правления Антиоха Сотера между ним и Птолемеем Филадельфом, царем Египта, разразилась кровопролитная война. В то время как Антиох был занят войной с царем Египта, в восточных провинциях его империи произошли большие волнения и восстания, которые, поскольку он не имел возможности немедленно их подавить, усилились до такой степени, что он так и не смог восстановить спокойствие; в результате Антиох потерял все провинции своей империи, лежащие за Евфратом.

[261-223 гг. до н. э.]

Эти беспорядки и волнения на Востоке заставили Антиоха Теоса устать от войны с Птолемеем; поэтому был заключен мирный договор на следующих условиях: Антиох должен был развестись со своей бывшей женой Лаодикой, которая была его сестрой по отцу, жениться на Беренике, дочери Птолемея, и передать корону по наследству сыну от этого брака. Через два года после этой свадьбы умер Птолемей Филадельф — и как только его зять Антиох Теос узнал об этом, он изгнал Беренику из своей постели и вернул Лаодику с ее детьми Селевком Каллиником и Антиохом Иераксом; но Лаодикия, хорошо зная его непостоянный характер и опасаясь, что он может снова бросить ее и принять Беренику, решила воспользоваться сложившейся ситуацией и обеспечить преемственность своему сыну, поскольку по недавнему договору с Птолемеем ее дети были лишены наследства, а корона была передана сыну Береники. Чтобы осуществить этот замысел, она отравила Антиоха; когда она увидела, что он умирает, она приказала тайно унести его тело и положить в его постель некоего Артемона, который очень походил на него как внешне, так и по голосу. Артемон с большим мастерством сыграл свою роль и, изображая Антиоха, нежно рекомендовал свою дорогую Лаодику и ее детей лордам, которые навещали его. От имени Антиоха, которого народ считал все еще живым, были изданы приказы, предписывающие всем его подданным подчиняться его любимому сыну Селевку Каллинику и признавать его законным правителем. После того как корона была обеспечена Каллиникусу с помощью этого гнусного уловки, смерть царя была публично объявлена, и Каллиникус без какого-либо сопротивления взошел на престол. Антиох Иеракс, другой сын Лаодики, в это время управлял провинциями Малой Азии, где он командовал значительным отрядом войск.^с

Едва Селевк в какой-то мере оправился от тяжелых поражений, нанесенных ему Птолемеем «благодетелем» в течение трехлетней войны мести, как его младший брат Антиох, прозванный «ястребом» (Гиеракс) за свою хищность, поднял знамя восстания вместе с Митридатом Понтийским, и (Селевк был разгромлен галатскими наемниками в ужасной битве при Анкире) стал властелином большей части Малой Азии, но был вынужден платить за это дань ордам кельтских разбойников, которые после своей победы захватили

провинции, безнаказанно грабя и разоряя их. Только после того, как Селевк примирился со своим братом и заключил мир, по которому он уступил последнему свои владения в Малой Азии, он смог постепенно воссоединить утраченные или мятежные провинции и восстановить спокойствие и порядок в своем царстве. Оба брата были храбрыми и энергичными, но кровопролитные распри в их семье и преступления, передававшиеся из поколения в поколение и порождавшие новые акты мести, ожесточили их умы. Одинаковые по энергичности, беспокойству и жестокости, они преследовали друг друга до самой смерти. Антиох умер беглецом в фракийском городе от рук кельтских убийц, а его царский брат пал в следующем году в неудачном сражении с Атталом I, завоевателем галатов и правителем Пергамского царства.

[223-196 гг. до н. э.]

Сын и преемник Селевка, который носил то же имя, что и его отец, с прозвищем «Гром» (Ceraunus), вступил в наследство королевства и войну с Атталом, но после трех лет правления погиб в битве от рук Никанора и галатского военачальника Апатуриуса. Сирийская армия тогда возложила корону на его младшего брата, Антиоха III. Тот, будучи занят восточными провинциями, поручил ведение войны в Малой Азии своему дяде по материнской линии Ахею ( ). Оба они сражались удачно и успешно. В то время как царь вел поход в Мидию и Персию, разгромил на поле боя мятежных сатрапов Молона и Александра и заставил их покончить жизнь самоубийством, а также принудил бактрийцев, парфян и индийцев признать верховную власть сирийского царя, Ахеус оттеснил своего противника Аттала за пределы его собственного княжества, оказал на него сильное давление в его собственной столице и, применяя политику, сочетавшую примирение и принуждение, убедил греческие города западного побережья подчиниться аннексии. Но, одурманенный успехом, он затем попытался создать независимое царство в Малой Азии и тем самым вновь помешал полному восстановлению владычества Селевкидов. Антиох, вовлеченный в новую войну с Египтом, из которого он планировал отнять промежуточную сирийскую территорию Ливана, был вынужден на время дать своему дяде свободу действий. Но едва он заключил мир с Птолемеем после катастрофической битвы при Рафии в древней стране филистимлян и отказался от своих притязаний на сирийское побережье, как выступил против предателя Ахея. Последний, покинутый большей частью своих войск, укрылся в укрепленном городе Сарды ( ), где был осажден Антиохом и, будучи вероломно предан в его руки, был подвергнут мучительной казни.

Антиох, которого лестные современные историки называют «великим», затем задумал восстановить империю Селевкидов в ее первоначальном размере. С этой целью он предпринял несколько лет продолжавшуюся авантюрную кампанию в восточном Иране и Индии, заставил восставших князей и государства принести ему дань уважения и вынудил их признать (скорее формально, чем реально) верховенство Сирии.

Как раз когда Антиох вернулся в Малую Азию, умер четвертый Птолемей, сладострастный Филопатор, и его сын Птолемей Эпифан, несовершеннолетний, унаследовал царство. Последовавшие за этим беспорядки, распри и слабость Египта вселили в предприимчивого царя Сирии надежду, что он все-таки сможет приобрести прибрежные земли Ливана. Укрепившись договором о разделе с Филиппом Македонским, который сам жаждал египетских владений в Малой Азии, Фракии и на островах, Антиох вторгся в Иудею с армией, сверг этолийского вождя Скопаса, командующего египетскими войсками, в Панаесе у истоков Иордана и подчинил себе побережье, включая укрепленный город Газу. Жители Иерусалима и Иудеи с радостью приветствовали правление Сирии, которое поначалу было мягким и примирительным, хотя вскоре стало еще более угнетающим, чем правление

Египта. Опекуны египетского царя поспешили предотвратить нападение на сам Египет, заключив мирный договор, в котором они отказались от всех притязаний на завоеванную территорию и обручили свою подопечную с Клеопатрой, дочерью Антиоха. Тем временем Филипп вел успешную войну в Малой Азии, Геллеспонте и на островах, хотя все его завоевания были сведены на нет катастрофическим сражением с римлянами при Киноскефалах.

[196-170 гг. до н. э.]

Вместо того чтобы мужественно поддержать своего союзника против могущественного противника с запада, Антиох попытался обратить отступление македонской армии себе на пользу. Он предъявил права на все территории к западу от Тавра и на обоих берегах Геллеспонта, которые его предок Селевк приобрел благодаря победе над Лисимахом; и, не довольствуясь господством над греческими городами на азиатском побережье и независимыми царями Пергама, Вифинии, Каппадокии, Понта и Армении, он пересек Геллеспонт, занял восстановленный город Лисимахия, а также другие места на Фракийском полуострове и угрожал Лампсаку, Византию, Эфесу ( ) и Гераклею. Опасаясь за свою независимость, князья и города, которым он угрожал, последовали примеру богатого и могущественного торгового города Родоса и поставили себя под защиту римлян. Последние, посредством неоднократных посольств, требовали от «великого» царя прекратить враждебные действия против своих союзников и освободить все греческие города в Азии и Европе. Антиох высокомерно отверг вмешательство римлян в его дела, заявив, что, так как он не беспокоится о проблемах Италии и западного мира, он запрещает римлянам ущемлять его прерогативы в Азии и Фракии, осуждая их требования как противоречащие справедливости и чести. [Он также предоставил карфагенскому Ганнибалу свою защиту и поддержку против Рима]. Дальнейшие переговоры посредством посольств и писем отсрочили начало войны на несколько лет, но не смогли отвести роковой удар от Сирийской империи. Битва при Магнезии навсегда сломила могущество Селевкидского царства; Сирия больше не прибегала к оружию. Антиох «Великий» был убит в Элимее, к югу от Каспийского моря, жителями города, когда он грабил храм Баала, чтобы наполнить свои пустые казны его сокровищами.^b

СЕЛЕВК СИЛОПАТОР

Его преемником стал Селевк, прозванный Филопатором, или, как его называет Иосиф Флавий^d, Сотер, что на самом деле было прозвищем его сына Деметрия. Этот принц правил одиннадцать лет и несколько месяцев, но произвел очень плохое впечатление из-за низкого положения, в которое сирийская империя была приведена римлянами, и из-за непомерной суммы в тысячу талантов, которую он был обязан выплачивать ежегодно в соответствии с мирным договором между его отцом-царем и этой республикой. Именно при этом принце произошел знаменитый случай с Гелиодором, о котором упоминается во второй книге Маккавейской и который описан в «Истории Израиля». Позже Гелиодор отравил Селевка и возложил корону на свою голову.

Антиох, брат Селевка, прибыв в Афины по возвращении из Рима, получил там известие о смерти своего брата и одновременно узнал, что Гелиодор захватил корону и поддерживается сильной партией, но что формируется другая партия в пользу Птолемея, который претендует на царство Сирии по праву своей матери, сестры покойного царя. Тогда Антиох обратился к Эвмену, царю Пергама, и Атталу, брату царя, которые провели его в Сирию во главе мощной армии, изгнали узурпатора и посадили его на трон. Вступив на престол, он принял имя Эпифан, то есть «прославленный», и это имя никогда не было более

неудачным. Его странное и экстравагантное поведение заставляло подданных считать его сумасшедшим; поэтому вместо Эпифана, или «прославленного», они называли его Эпиманом, то есть «сумасшедшим».

Антиох, с момента возвращения Аполлония из египетского двора, ведя необходимые приготовления к войне с Птолемеем, встретил войска Птолемея между горой Казиус и Пелузием. Затем последовало сражение, в котором египтяне были разгромлены с первого же удара. Антиох, проведя всю зиму в новых приготовлениях ко второй экспедиции в Египет, одержал вторую победу над войсками Птолемея, взял Пелузий и ввел свою армию в самое сердце королевства. В этом последнем сражении он мог уничтожить всех египтян до последнего человека, но вместо того, чтобы воспользоваться своим преимуществом, он проявил милосердие ( ), чтобы положить конец резне, лично объездив поле боя и запретив своим людям убивать кого-либо еще. Эта милосердность настолько покорила сердца египтян, что, когда он продвинулся вглубь страны, все жители добровольно подчинились ему; таким образом он стал хозяином Мемфиса и всего остального Египта, за исключением Александрии, которая все еще сопротивлялась ему. Во время второго вторжения Птолемей попал в руки завоевателя, но точно неизвестно, был ли он взят в плен или сдался добровольно. Именно в это время Антиох захватил Иерусалим и осквернил храм.

Александрийцы, видя, что Птолемей Филометор находится в руках Антиоха, которому он позволил управлять своим царством по своему усмотрению, считали его потерянным для себя и поэтому посадили на трон его младшего брата, дав ему имя Эвергет, которое впоследствии было изменено на Фискон, или «толстобрюхий», поскольку его роскошь и обжорство сделали его заметно тучным, и под этим именем он чаще всего упоминается в истории.

Антиох, узнав о том, что происходит в Египте, воспользовался этим поводом, чтобы в третий раз вернуться в эту страну под ложным предлогом восстановления свергнутого царя, но на самом деле он стал хозяином царства. Поэтому, разгромив александрийцев в морском сражении у Пелузия, он снова вступил в эту несчастную страну во главе мощной армии и продвинулся прямо к Александрии, чтобы осадить ее.

В этой крайней ситуации Птолемей Эвергет и его сестра Клеопатра, которые находились в городе, послали послов в Рим, чтобы рассказать о своем положении и умолять о помощи этой могущественной республики. Римские послы заставили Антиоха покинуть Египет. По возвращении, будучи сильно разгневан тем, что его заставили покинуть царство, которое он считал своим, Антиох выместил свою ярость на городе Иерусалиме, который не причинил ему никакого вреда. Но о разрушениях, которые он причинил Иудее, и о кровопролитной войне, которую он вел против иудеев, с доблестным сопротивлением, оказанным сначала Маттафией, а затем его сыном, храбрым Иудой Маккавеем, записано в истории этого народа.

с

После смерти Антиоха его любимец Филипп остался регентом во время несовершеннолетия Антиоха Евпатора. Однако Филипп был казнен своим соперником Лисием. Тем временем Деметрий, сын Селевка Филопатора, который много лет пробыл в Риме в качестве заложника, сбежал и захватил трон, взяв себе прозвище Сотер, «спаситель». Римляне признали его, но с таким небольшим энтузиазмом, что когда появился предполагаемый самозванец Александр Балас, утверждавший, что он сын Антиоха, римляне отдали предпочтение ему, и он победил Деметрия, который пал в битве в 150 г. до н. э. Он оставил сына, также по имени Деметрий, который с помощью Птолемея Филометора из Египта победил Александра Баласа и казнил его. Деметрий, называемый Никатор, был свергнут генералом по имени Трифон, действовавшим от имени Антиоха, сына Александра Баласа, который был коронован как Антиох Теос, но позже был казнен Трифоном, который претендовал на корону. Трифон был свергнут братом Деметрия Никата, который принял

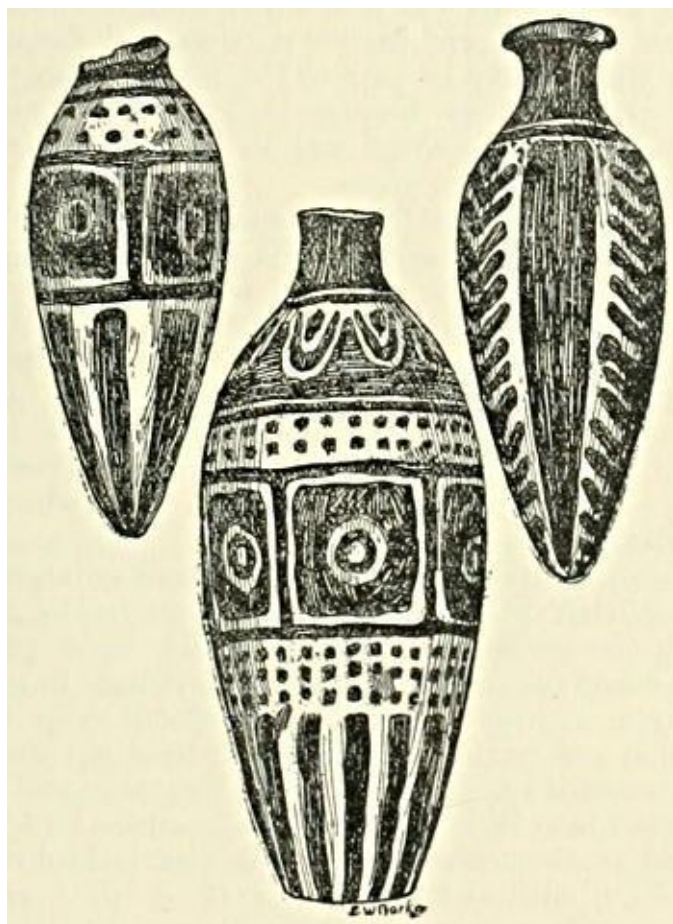
имя Антиох Сидет, монарх со многими хорошими качествами, и правил девять лет, заслужив похвалу даже от евреев, которые так сильно страдали от сирийских царей. Он был убит в сражении с парфянами, и Деметрий Никатор, который оставался в плену все эти девять лет, вернул себе трон, но был убит новым претендентом на престол, Александром Зебиной, который был казнен сыном Деметрия Никата, по имени Антиох Грип, который, как говорят, заставил свою мать Клеопатру — бывшую любовницу интриг — выпить чашу яда, которую она приготовила для него.

[125-65 гг. до н. э.]

После восьми лет правления ему противостоял его сводный брат Антиох Кизикен, который заставил его разделить королевство. После убийства Грипа Сирия вновь была объединена под властью Селевка Эпифана, который победил Кизикена, но через семь месяцев был изгнан Антиохом Эвсебом, который, в свою очередь, через год пал перед четвертым сыном Грипа, Деметрием Эвкером. Он был изгнан своим собственным братом Филиппом, а Филипп — младшим братом, Антиохом Дионисием.

К этому времени калейдоскопические распри Селевкидов ослабили Сирию настолько, что она была готова к захвату иностранцами, и армянский царь Тигран сделал ее своей добычей. Последний претендент на престол, Антиох Азиатский, продержался некоторое время, а затем призвал на помощь римлян, которые под командованием Помпея включили Сирию в состав империи и положили конец династии Селевкидов, правившей с 312 г. до н. э. по 65 г. до н. э.

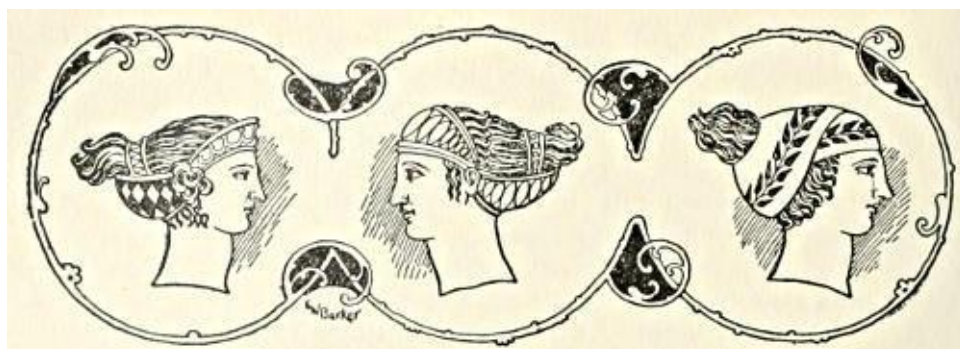

ГРЕЧЕСКИЕ БУТЫЛКИ

(В музее Наполеона III)

ГЛАВА LXVI. ЦАРСТВО ПТОЛЕМЕЕВ

[323-321 гг. до н. э.]

Когда империя Александра была поделена между его генералами, самым желанным уделом, пожалуй, был тот, который достался Птолемею. Этот проницательный полководец выбрал Египет в качестве своей доли и, несмотря на усилия соперников, сумел, отчасти благодаря изолированному географическому положению, удержать его и в конечном итоге стать признанным правителем и основателем династии царей, которая непрерывно правила там в течение трехсот лет.

Птолемей, помимо того, что был отличным полководцем, был, очевидно, человеком довольно широкой культуры и разносторонних достижений. Его способности иногда объясняют предположением, что он, вероятно, был сводным братом Александра Македонского, поскольку его мать была наложницей Филиппа; хотя его королевское происхождение, если оно действительно имело место, никогда официально не признавалось. Как бы то ни было, Птолемей был человеком с большими способностями как правитель, и о его общей культуре свидетельствует тот факт, что он написал историю жизни и походов Александра, которая, как мы уже видели, была одним из двух основных источников, на основе которых была составлена история Арриана.

Первый Птолемей основал, а его преемники расширили и увеличили знаменитую Александрийскую библиотеку, которая стала, пожалуй, самой важной коллекцией книг, когда-либо собранных в мире до того времени, и включала, как говорят, не менее полумиллиона рукописей. С библиотекой была связана организация, которая фактически была колледжем, где учились и преподавали самые выдающиеся ученые того времени. Язык и вся официальная жизнь, таким образом перенесенные в Древний Египет, были, конечно, греческими. Все официальные связи с метрополией вскоре были полностью разорваны; царство Птолемеев, как политический фактор, было совершенно отдельным явлением, но в более широком смысле новая египетская держава была по сути греческой. Александрия, новая Афины, стала центром греческой жизни, мысли и влияния; именно туда, а не в сами Афины, стекалась молодежь из провинций, чтобы пить из источника греческой культуры, которая сохраняла свое влияние в мире еще на протяжении нескольких поколений после того, как первоначальная Эллада была разбита в своей мощи и лишена всякого политического значения.

Но настало время, когда египетская империя также вступила в конфликт с римлянами. Трагическая романтическая история Клеопатры, последней дочери Птолемеев, известна всем, хотя, что любопытно, часто упускается из виду тот очевидный факт, что эта «дочь Нила» не была в полном смысле слова египтянкой, а до последней капли крови была македонской гречанкой, носившей даже имя одной из жен отца Александра Великого ( ). Именно эта египетская империя Птолемеев послужила прямым каналом передачи древнегреческой культуры в Рим, подобно тому, как Персия была каналом передачи египетской и вавилонской культуры в Грецию. Это было любопытное и интересное возрождение, благодаря которому Египет, который на протяжении нескольких столетий перестал играть важную роль в великой игре народов, вновь стал центром культуры всего мира, хотя на этот раз он несла экзотическую, а не местную культуру.

Но хотя империя Птолемеев имела гораздо большее значение, чем другие части расчлененной империи Александра, мы рассмотрим ее историю здесь довольно кратко,

поскольку нам необходимо более подробно вернуться к некоторым ее этапам в , продолжая историю той римской державы, которая в конечном итоге свергла царство Птолемеев.^{[a](#)}

ЦАРСТВО ПТОЛЕМЕЕВ: ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ДИНАСТИЯ ЕГИПТА^{[d](#)}

	Годы	Начало до н. э.
Лагус или Сотер правил	38	323
Филадельф	38	285
Эвергет	25	247
Филопатор	17	222
Эпифан	24	204
Филометор	35	181
Фискон или Эвергет II	29	146
Сотер II или Латир	10	117
Александр I (Сотер свергнут)	18	107
Сотер II восстановлен	7	89
Беренис	6 месяцев	81
Александр II	6 месяцев	80
Неус Дионис или Аулет	14	80
Птолемей Старший	4	51
Птолемей Младший	3	48
Клеопатра	14	44
Египет — римская провинция		30

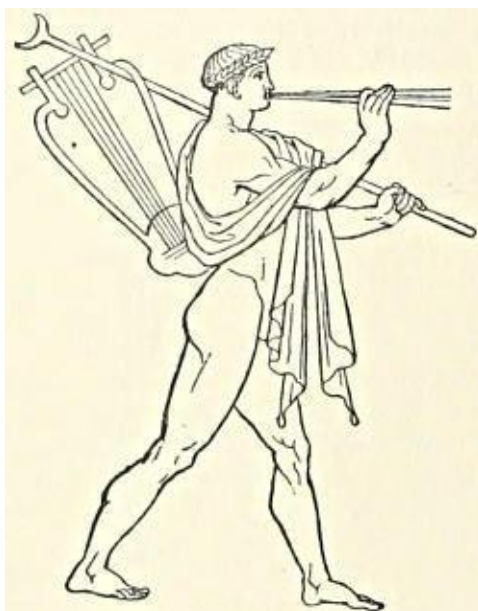
Когда совет генералов передал Египет Птолемею, Клеомен был одновременно и той же властью назначен вторым правителем и управлял Египтом в течение одного года до прибытия Птолемея, что по названию было первым годом правления Филиппа Арридая или, согласно хронологии, первым годом после смерти Александра. Первым делом Птолемей казнил Клеомена.

[321-316 гг. до н. э.]

Пердиккас, после смерти Клеомена и захвата тела Александра, увидел достаточно доказательств того, что Птолемей, хотя и был слишком мудр, чтобы взять на себя титул царя, на самом деле захватил власть; и теперь он повёл македонскую армию против Египта, чтобы заставить его подчиниться и наказать мятежного лейтенанта.

Пердиккас попытался переправиться через Нил в глубоких броды ниже Мемфиса. Часть его армии прошла первый брод, хотя вода доходила до груди солдат. Но они не смогли пройти второй брод из-за армии Птолемея. После этой неудачи целые отряды во главе со своими генералами покинули ряды; среди них был Пифон, генерал, который занимал такое же положение при Александре, как и сам Пердиккас, и который больше не мог терпеть его высокомерные приказы. После этого беспорядки распространились по всей армии, и Пердиккас вскоре пал от руки одного из своих же солдат.

После смерти своего вождя все причины для войны исчезли. Птолемей послал зерно и скот в лагерь вторгшейся армии, которая затем обратилась за приказами к тому, кто еще накануне был их врагом. Князя Филипп Арридей и молодой Александр оба попали в его руки; и он мог бы тогда, как опекун от их имени, посылать свои приказы по всем завоеваниям Александра. Но, хватаясь за то, что явно было вне его досягаемости, он потерял бы больше друзей и власти, чем приобрел бы; и когда македонская фаланга, голос которой был законом для остальной армии, спросила его совета по поводу выбора опекуна для двух принцев, он порекомендовал им Пифона и Арридея; Питона, который только что присоединился к нему и был причиной разгрома македонской армии, и Арридея, который передал ему тело Александра.

БАХКАНСКАЯ ФИГУРА

(По мотивам Хоупа)

Македонская армия, соответственно, выбрала Пифона и Арридея в качестве опекунов и правителей с неограниченной властью над всеми завоеваниями Александра; но хотя ни один из греческих полководцев, которые теперь удерживали Малую Азию, Сирию, Вавилонию, Фракию или Египет, не осмеливался признать это перед солдатами, на самом деле власть опекунов была ограничена маленьким королевством Македония. Смерть Пердика и отступление его армии оставили Финикию и Келе-Сирию без охраны и почти без правителя; и Птолемей, которого ранее сдерживала скорее его мудрая предусмотрительность, чем умеренность взглядов, послал армию под командованием Никанора, чтобы завоевать эти страны. Иерусалим был единственным местом, которое сопротивлялось египетской армии; но Никанор, по словам историка Агатархида, видя, что каждый седьмой день гарнизон уходил с стен, выбрал этот день для штурма и таким образом захватил город. Египет в прежние времена был внутренним королевством,

ограниченным пустыней, но Египет при Птолемеях был страной на побережье моря; а после завоевания Финикии и Келе-Сирии он стал властелином лесов Ливана и Антиливана, и его побережье простиралось от Кирены до Антиохии, на расстояние двенадцати сотен миль.

Мудрые и мягкие планы, разработанные Александром для управления Египтом, когда он был провинцией, были легко реализованы Птолемеями, когда он стал его собственным королевством. Греческие солдаты жили в своих гарнизонах или в Александрии по македонским законам, в то время как египетские законы исполнялись их собственными жрецами, которые пользовались всеми правами своего сословия и были освобождены от земельного налога.

В то время как Египет под властью Птолемея пользовался преимуществами своего изолированного положения и благодаря этому имел возможность спокойно развивать мирные искусства, другие провинции страдали от непрекращающихся войн генералов Александра, которые, как и Птолемей, стремились укрепить свою власть.

[316-311 гг. до н.э.]

Антигон, в своих амбициозных усилиях распространить свою власть на все провинции, силой или вероломством изгнал Селевка из Вавилона и заставил его искать убежища в Египте, где Птолемей принял его с той же добротой и мудростью, которые ранее принесли ему столько друзей. Селевк не нуждался в аргументах, чтобы убедить Птолемея в том, что Антигон стремится к всеобщему завоеванию и что его следующим нападением будет Египет. Поэтому он послал послов для заключения союзнических договоров с Кассандром и Лисимахом, которые охотно присоединились к нему против общего врага.

Птолемей переправился на Кипр, чтобы наказать царей маленьких государств на этом острове за то, что они присоединились к Антигону; ведь теперь, когда судьба империй решалась в морских сражениях, дружба с Кипром стала очень важной для соседних государств. Он высадился там с такой большой силой, что не встретил никакого сопротивления. Он присоединил Кипр к остальным своим владениям. Он изгнал царей и назначил Никокреона правителем всего острова. С Кипра Птолемей высадился со своей армией в верхней Сирии, а затем, поспешно маршируя в Малую Азию, взял Маллус, город в Киликии. Вознаградив своих солдат добычей, захваченной там, он снова сел на корабли и вернулся в Александрию. Это вторжение отвлекло врага от Келе-Сирии.

Достигнув Александрии, Птолемей направил свою армию к Пелузию, по пути в Палестину. В Газе его встретил молодой Деметрий с армией из одиннадцати тысяч пехотинцев и двух тысяч трехсот всадников, за которыми следовали сорок три слона и отряд легко вооруженных варваров, которые, как и египтяне в армии Птолемея, не учитывались. Но юношеская храбрость Деметрия не могла сравниться с хладнокровием и превосходством Птолемея; слонов легко остановили железные заграждения, и египетская армия, одержав полную победу, вошла в Газу, а Деметрий бежал в Азот. Птолемей в своей победе проявил щедрость, неизвестную в древней войне; он не только разрешил побежденной армии похоронить своих мертвых, но и вернул весь королевский багаж, который попал в его руки, а также личных друзей Деметрия, которые были среди пленных. Благодаря этой победе вся Финикия снова присоединилась к Египту, а Селевк вернул себе Вавилонию.

Когда Антигон, находившийся во Фригии на другом конце своего царства, услышал, что его сын Деметрий потерпел поражение при Газе, он выступил со всеми своими войсками, чтобы дать сражение Птолемею. Птолемей не решился рисковать своим царством, сражаясь с гораздо более многочисленными войсками Антигона. Поэтому, по совету своего совета генералов, он снес укрепления Акки, Иоппы, Самарии и Газы и отвел свои войска и

сокровища в Египет, оставив между собой и армией Антигона пустыню. Антигон затем повел свою армию на север, не нападая на Египет.

[311-306 гг. до н. э.]

За этим отступлением последовал мирный договор между этими полководцами, по которому было решено, что каждый из них сохранит за собой страну, которую он тогда занимал; что Кассандр будет править Македонией до тех пор, пока Александр Эгус, сын Александра Великого, не достигнет совершеннолетия; что Лисимах сохранит за собой Фракию, Птолемей — Египет, а Антигон — Малую Азию и Палестину; и каждый из них, желая быть признанным другом солдат, которые поддерживали его власть и удерживали в страхе все эти обширные завоевания, добавил совершенно ненужный пункт о том, что греки, проживающие в каждой из этих стран, должны управляться в соответствии со своими собственными законами.

Все провинции, удерживаемые этими полководцами, стали в той или иной степени греческими царствами, но ни в одной из них не поселилось столько греков, как в Нижнем Египте. Хотя остальная часть Египта управлялась египетскими законами и судьями, город Александрия подчинялся македонскому праву. Он не входил в состав нома Гермополитов, в котором был построен. Он едва ли был частью Египта, а скорее греческим государством в его окрестностях, удерживающим египтян в рабстве. В этом городе ни один египтянин не мог жить, не чувствуя себя представителем покоренной расы. Ему не предоставлялись привилегии македонского гражданства, в то время как они сразу же предоставлялись каждому греку, а вскоре и каждому еврею, который хотел поселиться там.

По договору, о котором только что говорилось, Птолемей в тринадцатый год после смерти Александра остался бесспорным правителем Египта. За эти годы он не только завоевал любовь египтян и александрийцев своим мудрым и справедливым правлением, но и заслужил их уважение как полководец благодаря своему умению держать войну на расстоянии. Он проигрывал и выигрывал сражения в Сирии, в Малой Азии, на острове Кипр и на море; но с тех пор, как Пердикк выступил против него, пока у него не было сил для защиты, ни одна иностранная армия не пила священные воды Нила.

В следующем году Птолемей, обнаружив, что его войска с трудом удерживают свои владения в Киликии, лично переправил армию, чтобы атаковать войска Антигона в Ликийи. Он завоевал все южное побережье Малой Азии.

[306-280 гг. до н. э.]

В то время как Птолемей был занят тем, что помогал греческим городам Азии обрести свободу, его брат и адмирал Менелай был почти изгнан с Кипра Деметрием. Тогда Птолемей собрал свой флот, насчитывавший 140 длинных галер и двести транспортных судов, укомплектованных не менее чем десятью тысячами человек, и отплыл на помощь своему брату. Этот флот под командованием Менелая встретил Деметрий с флотом Антигона, состоящим из 112 длинных галер и нескольких транспортных судов; и египетский флот, до сих пор властвовавший на море, был разгромлен у города Саламин на Кипре меньшим по численности флотом Деметрия. Это было самое тяжелое поражение, которое когда-либо постигало Птолемея. Восемьдесят длинных галер было потоплено, а сорок длинных галер со ста транспортными судами и восемью тысячами человек были взяты в плен. Он больше не мог надеяться удержать Кипр и поспешно отплыл обратно в Египет, оставив Деметрию

гарнизоны острова в качестве пленных, которые были зачислены в армию Антигона в количестве шестнадцати тысяч пехотинцев и шестисот всадников.

Эта морская победа дала Деметрию возможность избавить свою гордую душу от долга благодарности своему врагу; и, помня о том, что сделал Птолемей после битвы при Газе, он отправил обратно в Египет, без просьбы и выкупа, тех пленных, которые были высокого ранга, то есть всех, кто мог выбирать, на чьей стороне сражаться; среди них были Леонтиск, сын Птолемея, и Менелай, его брат.

Антигон был вне себя от радости, узнав о победе своего сына. Уменьшив власть Птолемея, он значительно облегчил себе путь к владычеству над империей Александра, которая в то время осталась без наследника; и он немедленно принял титул царя и дал тот же титул своему сыну Деметрию. В этом его последовали Птолемей и другие полководцы, но с той разницей, что в то время как Антигон называл себя царем всех провинций, Птолемей называл себя царем Египта; и в то время как Антигон завоевал Сирию и Кипр, Птолемей завоевал дружбу всех других царств и всех свободных городов Греции; все они считали его своим лучшим союзником против Антигона, общего врага.

В следующем году Антигон собрал свои войска в Келе-Сирии и приготовился к второму нападению на Египет. Гордость Антигона не позволила ему последовать совету моряков и подождать восемь дней, пока не утихнут северные ветры весеннего равноденствия; из-за этой поспешности многие из его кораблей потерпели крушение у побережья, а другие были отнесены в Нил и попали в руки Птолемея. Сам Антигон, маршируя с сухопутными войсками, обнаружил, что все крепости хорошо охраняются египетской армией; и, отступая на каждом шагу, унывая из-за потери своих кораблей и видя, как целые отряды его войск переходят на сторону Птолемея, он наконец последовал совету своих офицеров и повел свою армию обратно в Сирию, а Птолемей вернулся в Александрию, чтобы применить те умственные способности, которые он так успешно использовал на войне, в делах мира.

ГРЕЧЕСКАЯ ВАЗА

(В Британском музее)

Затем Антигон обратил всю мощь своего могущественного царства против маленького острова Родос. Галеры Птолемея, хотя и не способные противостоять на море более крупному флоту Деметрия, часто прорывались в гавань с долгожданными поставками зерна. Месяц за месяцем все уловки и механизмы, которые мог придумать изобретательный Деметрий, пробовались и терпели неудачу; и после того, как осада длилась более года, он был рад найти повод для вывода своих войск; а родосцы в своей радости провозгласили Птолемея «сотером», или «спасителем». Это имя он сохранил за собой навсегда, хотя греческие писатели чаще называют его Птолемеем, сыном Лага, или Птолемеем Лагом.

Следующим завоеванием Птолемея была Келе-Сирия; вскоре после этого войны между преемниками Александра были прекращены смертью Антигона, чья чрезмерная амбиция была одной из главных причин раздора. Это произошло в великой битве при Ипсе во Фригии, где все они встретились, имея в каждой армии более восьмидесяти тысяч человек. Антигон, царь Малой Азии, был в сопровождении своего сына Деметрия и Пирра, царя Эпира; он был побежден Птолемеем, царем Египта, Селевком, царем Вавилона, Лисимахом, царем Фракии, и Кассандром, царем Македонии; старик погиб, сражаясь отважно. После битвы Деметрий бежал на Кипр и согласился на условия мира, которые были ему навязаны четырьмя союзными правителями. Он послал своего друга Пирра в качестве заложника в Александрию, где этот молодой царь Эпира вскоре завоевал дружбу Птолемея, а затем женился на его падчерице. Таким образом, Птолемей остался хозяином всего южного побережья Малой Азии и Сирии — фактически всего побережья восточной части Средиземного моря, от острова Кос на севере до Кирены на юге.

Во время этих грозных войн с Антигоном Птолемей никогда не сталкивался с серьезными восстаниями покоренных египтян; и, возможно, эти войны сыграли свою роль в укреплении его трона.

[304-285 гг. до н. э.]

Первые дети Птолемея были от известной куртизанки Таис, но они не считались законными. О старшем, Леонтиске, мы впоследствии слышим, что он храбро сражался против Деметрия; о втором, названном Лагом в честь своего деда, мы ничего не слышим. Затем он женился на Эвридике, дочери Антипатра, от которой у него было несколько детей. Старший сын, Птолемей, был назван Кераун, «молния», и был изгнан отцом из Александрии. В своем отчаянии он бежал к Селевку, который принял его радушно, но после смерти Птолемея Сотера он подло замыслил заговор против Селевка и казнил его. Затем он победил в сражении Антигона, сына Деметрия, и на короткое время завладел Македонией. Он женился на своей сводной сестре Арсинои и казнил ее детей; вскоре после этого он сам был казнен галлами, которые либо сражались против него, либо были наемниками в его собственной армии. Его македонские монеты с именем Птолемей Кераун доказывают, что он сам взял себе это имя, и что это не было прозвищем, данным ему за его неуправляемый характер, как иногда считалось.

Другой сын Птолемея и Эвридики был казнен Птолемеем Филадельфом за заговор против его трона, на который, как старший брат, он, возможно, считал себя наиболее правомочным претендентом. Их дочь Лисандра вышла замуж за Агафокла, сына Лисимаха, но когда Агафокл был казнен своим отцом, она бежала в Египет со своими детьми и отдалась под опеку Птолемея. Затем он женился на Беренике, даме, которая прибыла в Египет вместе с Эвридикой и входила в состав ее дома. Она была вдовой человека по имени Филипп; от первого мужа у нее был сын по имени Магас, которого Птолемей сделал правителем Кирены, и дочь Антигона, которую Птолемей выдал замуж за Пирра, когда этот молодой царь жил в Александрии в качестве заложника Деметрия.

С Береникой Птолемей прожил остаток своих дней, и ничто не нарушало счастье его семьи. Он видел, как их старший сын Птолемей, которого мы должны называть именем, которое он принял в позднем возрасте, Филадельф, вырос таким, каким он мог только пожелать, и, движимый любовью к матери и хорошими качествами сына, он выбрал его своим преемником на троне вместо своего старшего сына Птолемея Керауна, который всеми своими поступками в жизни показал свою непригодность к этой должности. Его дочь Арсиноя вышла замуж за Лисимаха в его старости и подталкивала его против своего сына Агафокла, мужа своей сестры. Позже она вышла замуж за своего сводного брата Птолемея Керауна; и, наконец, мы увидим ее женой своего брата Филадельфа. Аргей, младший сын Птолемея, был казнен Филадельфом по обвинению в измене. О его младшей дочери Филотере мы ничего не знаем, кроме того, что ее брат Филадельф позже назвал в ее честь город на побережье Красного моря.

После последней битвы с Деметрием Птолемей вернул себе остров Кипр и Келе-Сирию, включая Иудею, и его трон стал крепче по мере того, как его жизнь подходила к концу.

Его последний публичный акт, совершенный на тридцать восьмом году его правления, был продиктован той же терпимостью, которая определяла всю его жизнь. Чувствуя тяжесть лет, которые давили на него, и понимая, что он уже не в состоянии выполнять свои обязанности так же хорошо, как раньше, и желая увидеть своего сына прочно сидящим на троне, он отложил свою диадему и свой титул и, не советуясь ни с армией, ни со столицей, провозгласил Птолемея, своего сына от Береники, царем, а сам довольствовался скромным званием соматофилакса, или сатрапа, своего преемника.

ПТОЛЕМЕЙ ФИЛАДЕЛЬФ

[285-245 гг. до н. э.]

Одной из главных проблем во время правления Филадельфа было восстание в Кирене. Управление этой частью Африки было поручено Магасу, сводному брату царя, сыну Береники от ее предыдущего мужа. Береника, которой удалось устранить Керауна, чтобы освободить место для своего сына Филадельфа на троне Египта, как говорят, даже поощряла мятежные и неблагодарные попытки своего старшего сына Магаса стать царем Кирены.

После нескольких лет войны между братьями Магас предложил мир, который должен был быть закреплен помолвкой его единственной дочери Береники с сыном Филадельфа. Филадельф согласился на это предложение, поскольку после смерти Магаса, который был уже изможден роскошью и болезнями, Кирена перешла бы к его собственному сыну. Магас действительно умер до того, как состоялась свадьба, но, несмотря на попытки его вдовы разорвать соглашение, договор был соблюден, и после этой свадьбы Кирена вновь вошла в состав Египетского царства.

Но черной пятной на характере Филадельфа, которую не могут затмить ни его блестящие научные и литературные достижения, ни окружавшая его слава, является смерть двух его братьев.

В молодости Филадельф женился на Арсиноэ, дочери Лисимаха Фракийского, от которой у него было трое детей — Птолемей, который унаследовал его владения, Лисимах и Береника; но, обнаружив, что его жена завела интрижку с Аминтом и его врачом Хризиппом Родосским, он казнил этих двоих и сослал царицу Арсиноэ в Коптос в Фиваиде.

Затем он взял в супруги свою сестру Арсинои, которая сначала была замужем за старым Лисимахом, царем Фракии, а затем за своим сводным братом Керауном, когда тот был царем Македонии. Поскольку они не были детьми одной матери, этот второй брак не был ни незаконным, ни неподобающим в Македонии; но ее третий брак с Филадельфом мог быть оправдан только законами Египта, их приемной страны. Оба они были уже в преклонном возрасте, и независимо от того, считал ли Филадельф ее своей женой, у них не было детей. Ее собственные дети от Лисимаха были казнены Керауном, и она с радостью усыновила детей своего брата со всей добротой матери. Однако этот кажущийся брак между братом и сестрой не избежал осуждения со стороны греков Александрии. Поэт Сотад, чьи стихи были столь же развратными, как и его жизнь, написал несколько грубых строк против царицы, за что был вынужден бежать из Египта, но был настигнут в море, завернут в свинец и брошен за борт.

В египетских надписях Птолемей и Арсиноя всегда называются «богами-братьями»; на монетах они называются Адельфи, «братья»; а впоследствии царь принял имя Филадельф, или «любящий сестру», под которым он теперь обычно известен.

Войны между Филадельфом и его великим соседом Антиохом Теосом, по-видимому, не велись очень активно, хотя они не прекратились полностью, пока Филадельф не предложил в качестве взятки свою дочь Беренику с большой суммой денег под видом приданого. Антиох был уже женат на Лаодике, которую он очень любил и от которой у него было двое детей, Селевк и Антиох; но политические амбиции притупили чувства его сердца, и он согласился объявить этот первый брак недействительным, а своих двух сыновей незаконнорожденными, и что его дети, если они родятся от Береники, унаследуют трон Вавилона и Востока. Мир между двумя странами длился до тех пор, пока жил Филадельф, и укреплялся добротой, которую каждый проявлял по отношению к другому.

Филадельф был слабого телосложения и имел слабое здоровье; и хотя он любил науку больше, чем другие цари своего времени, он также превосходил их в своей безмерной роскоши и любви к удовольствиям.

Он правил Египтом и соседними частями Аравии, а также Ливией, Финикией, Коэле-Сирией, частью Эфиопии, Памфилией, Киликией, Ликией, Карией, Кипром и островами Киклад. Остров Родос и многие города Греции были связаны с ним узами дружбы ( ) за прошлую помощь и надежду на будущее. Богатые города Тир и Сидон, как и раньше его отцу, выражали ему почтение, помещая его коронованную голову на своих монетах. Войска Египта насчитывали огромное количество: двести тысяч пехотинцев и двадцать тысяч всадников, две тысячи колесниц, четыреста эфиопских слонов, полторы тысячи военных кораблей и тысячу транспортных судов. Вряд ли даже четверть этой огромной армии составляли греки; остальные, вероятно, были египтянами и сирийцами, а также некоторыми галлами.

Эти огромные войска содержались за счет ежегодного дохода, столь же огромного, в размере четырнадцати тысяч восьмисот талантов, или двух миллионов двести пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, помимо налога на зерно, который взимался натурой, в размере полутора миллионов артаб, или около пяти миллионов бушелей. К этому можно добавить огромное количество золота, серебра и других ценных запасов в казне, которые, по хвастливым подсчетам, составляли неслыханную сумму в семьсот сорок тысяч талантов, или более ста миллионов фунтов стерлингов.

Торговля по Нилу была более активной, чем когда-либо прежде; прибрежная торговля на Средиземном море была новой; люди были богаты и счастливы; правосудие отправлялось египтянам в соответствии с их собственными законами, а грекам Александра — в соответствии с македонскими законами; флот командовал всей восточной половиной

Средиземного моря; школы и библиотека достигли большого расцвета благодаря мудрым планам Птолемея Сотера; с любой точки зрения Александрия была главным городом мира. В Афинах в этом столетии не было поэтов или других писателей, равных по заслугам тем, кто прославил Музей. Филадельф, соединив величие и хорошее правление своего отца с дорогостоящим великолепием и пышностью восточного монарха, настолько привлек внимание последующих веков к своему правлению, что его имя вошло в пословицу.

Само собой разумеется, что цивилизация этого времени была по сути греческой. Основная часть писателей и ученых того периода естественным образом наложила отпечаток этой культуры на эпоху. Однако старая цивилизация Египта, должно быть, повлияла на пришельцев во многих отношениях.

Филадельф умер на тридцать восьмом году своего правления, оставив королевство таким же могущественным и более богатым, чем оно было, когда он унаследовал его от своего отца; и он был счастлив, что у него был сын, который продолжил, даже в третьем поколении, мудрые планы первого Птолемея.

ПТОЛЕМЕЙ ЭВЕРГЕТ

Птолемей, старший сын Филадельфа, унаследовал от отца египетский трон и вскоре принял имя Эвергет. Он начал свое правление с сирийской войны, поскольку, как только умер Филадельф, Антиох, который женился на Беренике только потому, что это было одним из пунктов договора с Египтом, отослал ее вместе с маленьким сыном. Затем Антиох вернул свою первую жену Лаодику, и она, не доверяя своему изменчивому мужу, сразу же убила его, чтобы обеспечить трон своим собственным детям. Селевк, старший сын, захватил трон Сирии и, подталкиваемый матерью, послал отряд людей за Береникой с приказом убить ее вместе с сыном, который по условиям брачного договора был назначен наследником престола.

[245-222 гг. до н. э.]

Города Малой Азии поспешили на помощь царице и ее сыну, а ее брат Птолемей Эвергет, только что вступивший на престол Египта, без промедления двинулся на Сирию. Но было уже слишком поздно, чтобы спасти их ( ); оба были казнены солдатами Селевка. Многие города, движимые ненавистью к жестокости своего царя, открыли свои ворота армии Эвергета; и если бы его не отозвали в Египет из-за беспорядков в стране, он вскоре стал бы властелином всего царства Селевка. Так как он прошел за Евфрат, оставил египетскую армию в Селевкии, столице Сирии, и завоевал большую часть Малой Азии. На пути домой он возложил дары на алтарь в храме Иерусалима и там возблагодарил небо за свои победы. Его учили преклонять колени перед множеством греческих и египетских богов, и, поскольку Палестина была частью его царства, казалось вполне естественным добавить к списку богов и бога иудеев.

Едва Эвергет достиг дома, как Селевк, в свою очередь, двинулся на Египет и послал за своим братом Антиохом Иераксом, чтобы тот привел свои войска и присоединился к нему. Но прежде чем Антиох успел прибыть, армия Селевка была уже разгромлена, и Антиох, вместо того чтобы помочь брату в беде, постарался лишить его короны. Вместо того чтобы вести свою армию против Эвергета, он двинулся на Селевка и с помощью своих галльских наемников победил его в сражении. Но вскоре после этого сам предатель был разгромлен Эвменом, царем Вифинии, который вторгся в Сирию в надежде, что она станет для него легкой добычей после того, как будет раздираема гражданской войной. Антиох, после разгрома своей армии, бежал в Египет, полагая, что его враг Эвергет будет к нему более

благосклонен, чем его собственный брат после его недавнего предательства. Но Эвергет приказал держать его под строгой охраной, и когда он впоследствии бежал, он погиб в бегах от рук кельтских убийц, как уже было сказано.

Эвергет, установив мир со всеми своими соседями на побережье Средиземного моря, направил свои войска на юг. Он легко завоевал племена Эфиопии, чья дикая храбрость была слабым препятствием для оружия и дисциплины греков, и на время стал хозяином части высокогорья Абиссинии, страны гексумитов.

Эвергет не забывал своих союзников в Греции, но продолжал ежегодно выплачивать Арату, генералу Ахейского союза, деньги для поддержки силы, сдерживавшей македонцев; и когда спартанцы под предводительством Клеомена попытались свергнуть власть ахейцев, Эвергет не стал им помогать. Эвергет женился на своей кузине Беренике, которую, как и других цариц Египта, также называли Клеопатрой; от нее у него было два сына, Птолемей и Магас, старшему из которых он оставил свое царство после двадцати пяти лет непрерывного процветания. В период этого правления Египет находился на самом пике своей мощи и богатства. Он видел трех царей, которые, хотя и не были одинаково великими людьми, не одинаково пригодными для основания монархии или поднятия литературы народа, были одинаково успешны в тех областях, которыми они занимались. Эвергет оставил своему сыну царство, пожалуй, самое большое из когда-либо существовавших под одним скипетром, и хотя многие из его хваленых побед были подобны буквам, написанным на песке, следы которых скоро исчезли, он был, безусловно, величайшим монархом своего времени.

Но на этом заканчиваются светлые страницы в истории Птолемеев. Хотя торговля и сельское хозяйство по-прежнему обогащали страну, хотя искусство и литература не покинули Александрию, с этого времени мы можем отмечать только рост пороков и роскоши и измерять мудрость Птолемея Сотера по тому, как долго его законы и учреждения могли противостоять несправедливости и глупости его потомков.

ПТОЛЕМЕЙ ФИЛОПАТОР

[222-216 гг. до н. э.]

ГРЕЧЕСКАЯ ДЕВА

О смерти Птолемея Эвергета ничего не известно, и нет никаких доказательств того, что она была несправедливой. Но когда его сын начал жестокое и злобное правление, казнив свою мать и брата и взяв себе имя Филопатор, или «любящий отца», мир, похоже, решил, что он был убийцей своего отца и взял себе это имя, чтобы скрыть свой поступок. К сожалению, история не свободна от актов успешного злодеяния. Убив своего брата и воспользовавшись несовершеннолетием как Антиоха, царя Сирии, так и Филиппа, царя Македонии, Филопатор оказался в безопасности от врагов как внутри страны, так и за ее пределами, и предался беззаботной и разгульной жизни. Армия и флот были оставлены на произвол судьбы, а иностранные провинции, которые до сих пор считались оплотом Египта, охранялись лишь наполовину; но трон опирался на добродетели его предков, и только после его смерти выяснилось, что он был подорван его собственными пороками.⁴

По наущению своего министра Сосибия он приказал убить своего брата Магаса, чтобы тот не попытался захватить королевство. Вскоре последовала смерть Клеомена, изгнанного царя Спарты, которого защищал и обеспечивал предыдущий царь. Антиох Великий, который в то время правил в Сирии, заметив беспорядок и разврат, царившие при египетском дворе, счел, что настал благоприятный момент для объявления войны этой стране. Птолемей, которому, по-видимому, не доставало мужества, собрался с силами для чрезвычайной ситуации, собрал большую армию и выступил навстречу врагу. В начале войны Антиох одержал некоторые победы над египетскими войсками, но вскоре после этого в великой битве при Рафии, недалеко от Газы, он потерпел полное поражение с большими потерями, а Птолемей значительно расширил свое влияние в Палестине и Сирии. Униженный этим поражением и встревоженный успехами Ахея в Малой Азии, Антиох стремился заключить мир с Птолемеем; и египетский царь, хотя у него были все основания продолжать войну, был не менее заинтересован в возвращении к своим разгульным удовольствиям и был готов принять его предложение. В результате был заключен мир, по которому Келе-Сирия и Палестина были подтверждены как принадлежащие Египту. После этого Птолемей

отправился в Иерусалим, где его хорошо приняли и любезно обращались с жителями, пока он, предприняв безуспешную попытку войти во внутреннее святилище, не удалился из города, угрожая истреблением всему еврейскому народу. Похоже, что он не осмелился напасть на священный город, но, вернувшись в Египет, он издал указ, который велел высечь на столбе, установленном у ворот его дворца, исключая всех, кто не приносил жертвы богам, которых он почитал. Таким образом, евреи были фактически объявлены вне закона, а Антиоху IV Диодору ( ) было запрещено обращаться к нему за правосудием или просить его защиты. Но это было не все, чем он их наказал. Другим указом он понизил их с первого ранга граждан, на который они были возвышены по милости Александра, до третьего ранга. В результате они были унижены до такой степени, что были зачислены в число простого народа Египта.

[216-170 гг. до н. э.]

Во время этого правления римляне, вновь вступившие в войну с Карфагеном, послали в Египет послов, чтобы возобновить древнюю дружбу, которые привезли Птолемею и его царице великолепные подарки.

ЭПИФАН

После смерти Филадельфа в 204 г. до н. э. на престол взошел Птолемей Эпифан, которому тогда было пять лет. В начале его правления Египет посетила еще одна римская посольская миссия, и советники царя воспользовались этой возможностью, чтобы поставить молодого принца под опеку могущественной республики. Сенат Рима принял эту ответственность и послал Марка Лепида в качестве опекуна — доверие, которое после короткого пребывания в Египте он передал Аристомену, акарнанянину, который честно и умело исполнял обязанности этой важной должности в течение нескольких лет, пока царь не достиг четырнадцатилетнего возраста, когда, согласно обычаям страны, он получил право взять управление королевством в свои руки. Глупость наделения столь молодого человека абсолютной властью в данном случае проявилась в полной мере. Молодой человек, который пользовался всеобщей популярностью, находясь под руководством Аристомена, едва вступил на престол, как поддался влиянию никчемных людей, по совету которых он принял меры, приведшие к большим беспорядкам во всех сферах правительства; в конце концов его бывший способный и честный министр был казнен.

Эпифан женился на Клеопатре, дочери Антиоха Великого. Этот брак, по-видимому, состоялся, когда молодому царю было около семнадцати лет. Обычно считается, что он был отравлен своими вельможами, чтобы помешать ему вступить в войну с Сирией, на которую он решился, когда государственные финансы были настолько истощены, что они боялись, что им придется вносить значительный вклад в расходы на войну. Он оставил двух сыновей, Филометора и Фискона, и дочь Клеопатру, которая последовательно вышла замуж за своих двух братьев.

ФИЛОМЕТОР И ФИСКОН

[170-146 гг. до н. э.]

Филометор, старший из двух сыновей, которому тогда было всего шесть лет, был возведен на престол под опекой своей матери Клеопатры, которая в течение восьми лет управляла делами королевства с большим мудростью и успехом. После ее смерти управление страной было возложено на Леная, знатного вельможу, и Эвлая, евнуха. Одной из их первых мер было требование о возвращении Египту провинций Козле-Сирия и Палестина, которые были отторгнуты от Египта силой Антиоха Великого. Это требование привело к ожесточенной борьбе, которая более чем любое предыдущее событие продемонстрировала быстрое упадке египетской власти и рост влияния Рима.

Сирийская армия под командованием Антиоха Эпифана вела войну с такой энергией и успехом, что проникла к стенам Александрии и фактически захватила египетского царя. Неясно, был ли он взят в плен во время войны или добровольно сдался сирийскому царю. Но, как бы то ни было, сирийский монарх мало что выиграл от этого захвата. Хотя он и убедил Филометора заключить с ним договор, тот был немедленно отвергнут народом, который, считая правителя, находящегося во власти врага, потерянным для своей страны,

немедленно возвел на престол Фискона, брата царя. Это привело ко второму сирийскому вторжению, в результате которого Фискон был изгнан; Антиох восстановил Филометора в правительстве, но оставил Пелузий, ключ к стране, во владении сирийских войск. Исходя из этого и других признаков намерений сирийского царя, Филометор правильно судил, что тот намеревался, удерживая двух братьев в постоянном конфликте друг с другом, фактически сохранить Египет под своей властью. Действуя в соответствии с этим суждением, Филометор предложил своему брату условия примирения, которое с помощью их сестры Клеопатры было счастливо осуществлено.

Меры, принятые двумя братьями для восстановления независимости и процветания Египта, побудили Антиоха вновь ввести армию в эту страну. Однако на этот раз он был вынужден отказаться от своего предприятия из-за быстрого и энергичного вмешательства римлян. По соглашению между двумя братьями, они должны были править совместно, но едва они избавились от опасности иностранной агрессии, как начали ссориться между собой. Это быстро привело к открытому разрыву, в результате которого Фискон изгнал своего брата из королевства. Однако вскоре он был восстановлен в власти благодаря помощи Рима, который одновременно передал Ливию и Кирену Фискону. Возникли новые споры, и между ними произошли различные столкновения, в которых Рим считал себя вправе действовать как верховный правитель Египта и присуждать суверенитет по своему усмотрению.

Вскоре Филометор был спровоцирован на войну с Александром Баласом, который был возведен на престол Сирии в основном благодаря его поддержке. В ходе этой борьбы египетский царь вторгся в Сирию, где он полностью разгромил армию Александра под Антиохией, но через несколько дней умер от ран, полученных в сражении. Он оставил после себя высокую репутацию мудрого и милосердного правителя. Именно во время его правления, благодаря его благосклонности и благосклонности его царицы Клеопатры, евреям под руководством Онии было разрешено построить знаменитый еврейский храм в Гелиополисе.

[146-107 гг. до н.э.]

После смерти мужа Клеопатра пыталась обеспечить корону для своего сына, но некоторые из ведущих деятелей склонялись к Фискону и пригласили его из Кирены, где он тогда правил, в Египет. Царица собрала армию, чтобы противостоять ему, и гражданская война была неизбежна, когда благодаря посредничеству Рима было достигнуто соглашение, по которому Фискон женился на Клеопатре, которая была его сестрой и вдовой его брата, при том понимании, что они будут править совместно, а сын Клеопатры от Филометора будет объявлен следующим наследником престола. Это соглашение было нарушено сразу же после его заключения. В день своей свадьбы Фискон убил сына Филометора на руках у его матери и начал свою карьеру беззакония и убийств, для которой это было подходящим прелюдией. Он действительно принял имя Эвергет, «благодетель», которое александрийцы изменили на Какергет, «злодей» — эпитет, который он по праву заслужил, поскольку был самым жестоким и злым, самым презренным и подлым из всех Птолемеев. К евреям он проявлял непримиримую вражду и жестокость ( ), потому что они поддерживали дело Клеопатры. Затем он развелся со своей женой Клеопатрой и женился на ее дочери с тем же именем, которая была его племянницей, но не прежде, чем подверг молодую принцессу самым гнусным унижениям.

Головные уборы

Такое поведение вызвало отвращение у его подданных и, сопровождаемое чрезмерной жестокостью, привело к восстанию, в результате которого он был изгнан из королевства. Однако ему удалось восстановить свою власть, и в конце концов он умер в шестьдесят семь лет, процарствовав двадцать девять лет.

Столь же необычным, сколь и необъяснимым является тот факт, что этот самый развратный и кровожадный принц, чье имя прославилось почти всеми преступлениями, тем не менее прославляется самыми уважаемыми древними писателями как великий возродитель науки, покровитель ученых и сам автор некоторых известных произведений. Фискон оставил трех сыновей: Апиона от наложницы и Латириуса и Александра от своей жены Клеопатры. В своем завещании он оставил царство Кирена Апиону, а корону Египта — своей вдове вместе с одним из ее сыновей, которого она должна была выбрать. Воспользовавшись этой дискреционной властью, царица предпочла бы Александра, младшего сына, но это было настолько неприятно для народа, что она была вынуждена допустить Латира к совместному правлению и поместить Александра в царство Кипр. После десяти лет правления бывший принц был вынужден покинуть Египет, куда немедленно вернулся его брат; Лафир вернулся на Кипр и взял на себя управление этой страной. Именно в этот период Лафир вторгся в Иудею, которой тогда правил Александр Янней, и одержал над ним такую победу, что еврейское государство было спасено от гибели только благодаря помощи, присланной ему Клеопатрой из Египта.

[107-48 гг. до н. э.]

Тем временем младший брат Александр, почти восемнадцать лет нося титул «царя», но подчиняясь как раб жестокой и капризной воле своей матери, в конце концов устал от ее невыносимой тирании и казнил ее. Когда этот факт стал достоянием общественности, его

изгнали с трона, а Лафир, или Сотер II, был восстановлен в престоле; он правил еще семь лет. В этот период произошло падение Фив. Лафир, освободившись от власти своего соперника, взялся восстановить прежнее положение в королевстве. Это привело к восстанию, центром которого были Фивы. Этот древний город не только отказался подчиняться установленным законам, но даже боролся за восстановление утраченной независимости. Усилия были тщетны. Царь, разгромив мятежников в нескольких сражениях, осадил Фивы, которые, продержавшись три года, в конце концов были покорены и настолько разорены, что эта благородная столица так и не была восстановлена и в результате пришла в упадок.

РИМСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Преемником Латира стал его единственный законный ребенок, Клеопатра, настоящее имя которой было Береника. Однако эта принцесса едва вступила на престол, как ее призвали подчиниться диктату римской власти. Сулла, тогдашний пожизненный диктатор имперского города, как только услышал о смерти Латира, передал корону Египта Александру, сыну короля с таким же именем, который был изгнан из страны за убийство своей матери. Александрийцы убедили Александра жениться на Беренике и править вместе с ней. Он так и поступил, но через девятнадцать дней приказал убить ее. Однако он остался на троне и правил в течение пятнадцати лет так, как и следовало ожидать, учитывая жестокость его правления с самого начала. В конце концов народ, измученный его притеснениями и доведенный до отчаяния его жестокостью, поднялся единодушно и изгнал его с трона. Он предпринял несколько безуспешных попыток убедить Помпея помочь ему вернуть корону, но умер через несколько месяцев после изгнания в изгнании в Тире.

ПТОЛЕМЕЙ АУЛЕТ; КЛЕОПАТРА И КОНЕЦ

Египтяне, изгнав этого тирана, выбрали внебрачного сына Птолемея Лафира, чтобы занять вакантный трон. Этот принц, подарив Юлию Цезарю и Помпею шесть тысяч талантов (1 200 000 фунтов стерлингов или 6 000 000 долларов), был признан царем Египта в союзе с Римом. Его называли Птолемеем Аулетом, «флейтистом», но он взял себе титул Неус Дионис, «новый Вахх». Он был достойным представителем упавшего состояния египетского государства. Более женоподобный, чем любой из его предшественников, гордящийся тем, что танцует в женском платье в религиозных процессиях, он в то же время не уступал своему деду Фискону в жестокости и порочности своего поведения. Спустя некоторое время он, как и его предшественник, был изгнан с трона. Однако благодаря огромным подаркам ему удалось убедить Габиния, римского наместника Сирии, попытаться восстановить его на троне, что в конце концов и было сделано; Архелай, который был назначен правителем, был побежден и убит римлянами. Таким образом, Аулет был восстановлен на троне и умер, мирно обладая своим достоинством, примерно через четыре года после своего восстановления.

После восстановления на троне Аулет казнил свою дочь Беренику; после смерти он оставил двух дочерей, Клеопатру и Арсинои, и двух сыновей. Первый из них, Птолемей Старший, иначе называемый Дионис II, по завещанию своего отца женился на своей старшей сестре, которой тогда было около семнадцати лет; и юная пара была наделена властью над Египтом под покровительством Римской республики. Похоже, что эта знаменитая египетская принцесса проявила значительную энергию и талант даже в столь раннем возрасте. Она была настолько умна, что министры, ответственные за государственные дела, очень хотели избавиться от нее, и в конце концов лишили ее доли в суверенитете и изгнали из королевства. Однако Клеопатра проявила характер, соответствующий ситуации. Она

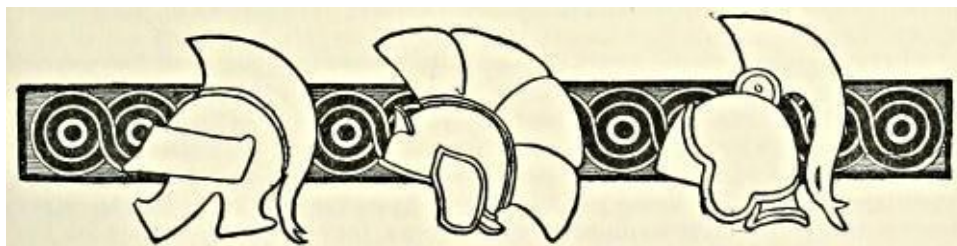
удалилась в Сирию, собрала армию и вскоре выступила на Пелузий, готовая бороться со своим братом за суверенитет над страной. Именно в тот момент, когда враждующие армии брата и сестры находились в пределах видимости друг друга, Помпей, потерпевший поражение в битве при Фарсале, прибыл в Египет в надежде на защиту и поддержку, но был казнен министрами Птолемея. Вскоре после этого Юлий Цезарь прибыл в погоню за своим соперником и получил в подарок голову Помпея и его кольцо.

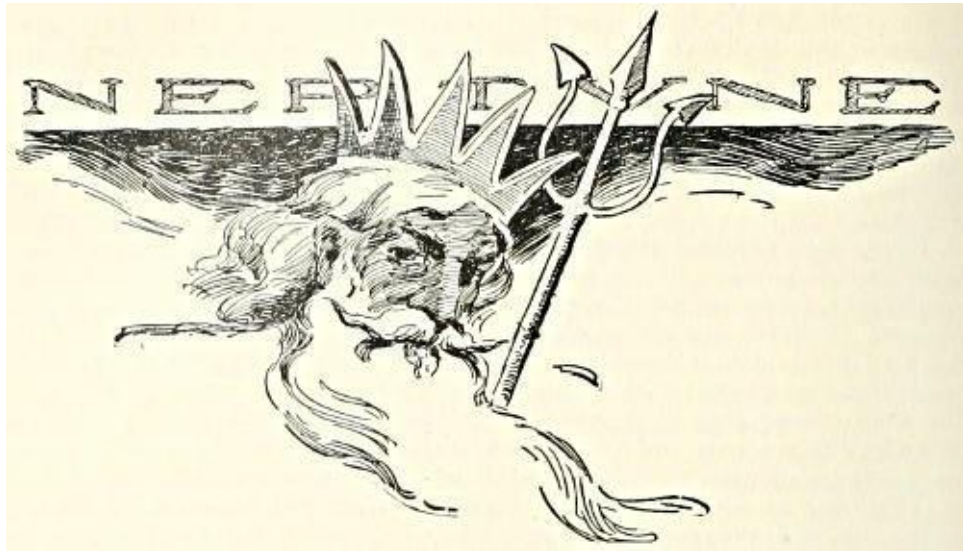
[48-30 гг. до н. э.]

Клеопатра, чья распушенность вполне соответствовала ее таланту и энергии, тайно отправилась в квартиру Цезаря, где ей удалось очаровать этого могущественного завоевателя и начать с ним интимную связь, в результате которой родился сын, названный в честь своего отца Неоцезарем. Скандал, вызванный этим поступком, позволил Птолемею и его министрам возбудить общественный дух александрийцев и всего Нижнего Египта против могущественного римлянина до такой степени, что он оказался в крайней опасности. Однако Цезарь распорядился небольшим отрядом солдат, который был с ним, таким образом, чтобы сдерживать египтян до прибытия Митридата с большим подкреплением, когда он разгромил египетские войска с большими потерями. В ходе этого конфликта Птолемей утонул в Ниле.

Цезарь вскоре привел дела Египта в соответствие со своими представлениями, посадив на трон Клеопатру. Но поскольку египтяне испытывали большую антипатию к женскому правлению, он заставил Клеопатру подчиниться фарсу вступления в брак со своим младшим братом, одиннадцатилетним мальчиком. Однако она продолжала держать власть в своих руках, пока он не достиг четырнадцати лет, когда по законам страны он получил право участвовать в совместном управлении делами. Тогда она приказала его отравить. Арсиноя, которую Юлий Цезарь увез в Рим и заставил идти, скованную золотыми цепями, перед его триумфальной колесницей, также была убита по наущению Клеопатры.

Смерть Цезаря потрясла всю Римскую империю и все ее колонии и смела последние слабые остатки египетской монархии и независимости. В этой ситуации Клеопатра немедленно решила поддержать триумвиров против убийц Юлия. Обвиненная в неверности этому делу, она была вызвана к Антонию в Тарс. Уверенная в силе своего очарования, она подчинилась и успешно соблазнила великого полководца. На самом деле он был настолько ослеплен этим связком, что пренебрег своими делами и в конце концов был настолько разорен, что, нанеся себе смертельную рану, умер на руках своей распутной любовницы. У Клеопатры было два сына от Антония, и вскоре после его смерти она разделила судьбу, которую сама навлекла на него. Чтобы не стать объектом насмешек на триумфе Августа, который был невосприимчив к ее соблазнительным чарам, она покончила с собой каким-то неизвестным способом; по преданию, укусом аспида. Египет стал провинцией Римской империи и оставался в этом состоянии до рождения Христа и еще долго после этого.^d

ГЛАВА LXVII. СОБЫТИЯ В СИЦИЛИИ

АГАТОХЛ

В то время как Греция и Македония были раздираемы спорами преемников Александра, Сицилия была добычей тирана, который по своей энергии, смелости и полному отсутствию морального чувства достоин быть причисленным к их числу. Это был век авантюристов и солдат удачи. Агафокл, сын рабочего гончара, прославился в молодости своей красотой, силой и мужеством, а также безнравственной жизнью. Он поступил на военную службу, и люди были поражены его ростом и весом его оружия. Он получил командование благодаря влиянию влиятельного гражданина, который его любил и на чью вдову он вскоре женился. Этот брак принес ему богатство, но его амбиции не ограничивались богатством. Он хотел завоевать признание народа своей красноречивостью, так же как он завоевал любовь солдат своей смелостью.

Тирания, естественный результат классового антагонизма в городе, вновь появилась в Сиракузах после смерти Тимолеона. Тиран Сосистрат пользовался поддержкой аристократов; Агафокл стал защитником интересов народа. У него также была личная обида на Сосистрата, который после похода против бруттов отказался наградить его за проявленную храбрость. Изгнанный из Сиракуз, он набрал армию из изгнанников, число которых всегда было очень велико из-за непрекращающихся революций на Сицилии и в Великой Греции. Он тщетно пытался захватить Кротон, затем служил у тарентийцев, которые вскоре изгнали его, потому что он хотел руководить их правительством.

[317-310 гг. до н.э.]

Спустя некоторое время в Сиракузах вспыхнула революция. Сосистрат был изгнан вместе с шестьюстами сторонниками своей фракции и обратился за помощью к карфагенянам. Агафокл вернулся, прославился в войне своим мужеством и умением и стал настолько популярен, что коринфянин Акесторид, генерал республики, заподозрил его в стремлении к тирании и хотел убить. Он избежал опасности, переодевшись в одежду раба Агефола ( ), и вскоре после этого они услышали, что он собирает войска. Был заключен мир с карфагенянами, которые вернули Сосистрата и его сторонников. Агафокл также получил разрешение вернуться и поклялся в храме Деметры уважать конституцию.

Вскоре после этого народ, очарованный его речами, провозгласил его защитником мира и поручил ему восстановить гармонию между фракциями. Согласно Юстину, который редко соглашается с Диодором, узурпация Агафокла была результатом договора с Гамилькаром, карфагенским полководцем, который снабжал его африканскими солдатами. Какова бы ни была правда, первым делом он использовал свою власть для массового убийства шестисот сенаторов, их родственников и друзей. Город был отдан солдатам, которые грабили дома, уводили женщин и убивали без разбора. Те сторонники олигархии, которым удалось избежать массового убийства, укрылись в Агригенте. Затем Агафокл созвал народ и объявил, что его единственным желанием было восстановить их свободу и что теперь он намерен уйти в частную жизнь. Его сторонники, особенно те, кто участвовал в грабежах, умоляли его остаться у власти. Он согласился, но при условии, что будет править один, поскольку его коллеги, которых ему могли бы назначить, возможно, попытались бы нарушить законы, а он не хотел нести ответственность за чьи-то действия. Было проведено голосование, и, поскольку богатые были парализованы страхом, а он пообещал бедным

списать долги и разделить земли, он получил все голоса. Но он не взял ни короны, ни каких-либо внешних знаков власти: ему хватало реальности; он даже не хотел иметь телохранителей. Не имея больше врагов, которых нужно было бояться, он позволил себе роскошь милосердия, тактику, которую позже подражал Август и рекомендовал Макиавелли. Затем он занялся управлением финансами, позаботился о потребностях армии и флота и присоединил к владениям Сиракуз некоторые города и территории внутренних районов.

Сиракузские изгнанники, укрывшиеся в Агригенте, подняли народ на войну против Агафокла, прежде чем его власть распространилась на всю Сицилию. Агригентинцы осознали опасность и, объединившись с жителями Гелы и Мессаны, послали в Спарту просьбу о прикомандировании генерала, поскольку боялись поручить командование одному из своих граждан, который мог бы воспользоваться им для узурпации тирании. Акротат, сын царя Клеомена, был ненавистен в Спарте; он воспользовался возможностью сражаться за границы. Но когда он прибыл в Агригент, он сделал себя всеобщим врагом из-за своей надменности, растраты государственных средств, развратной жизни и роскоши, более достойной перса, чем лакедемонянина. Он убил Сосистрата, главу сиракузских изгнанников, на банкете. Его изгнали, даже хотели побить камнями, но он сбежал ночью. Агригентцы заключили мир с Агафоклом, который, не опасаясь больше враждебности извне, смог укрепить и расширить свою власть. Сиракузские изгнанники, вынужденные покинуть Агригент, укрылись в Мессане, но мессанцы боялись гнева Агафокла; он предложил им союз и убедил их предоставить этим изгнанникам свободу города. Люди были поражены такими благородными чувствами, но через некоторое время он нашел способ выманить их из Мессаны, более шестисот человек, и казнить. Ему удалось добиться признания своей власти в большинстве городов Сицилии, и со всех сторон он казнил всех, кто внушал ему страх.

Все более растущий прогресс Агафокла пробудил страхи карфагенян, и они отправили в Сицилию большую армию под командованием Гамилькара ( ), сына Гиско. Битва произошла у реки Химера между Гелой и Агригентом. Говорили, что именно на этом месте бывший тиран Агригента Фаларис казнил своих врагов, заперев их в бронзовом быке, под которым развели огонь; холм, на котором стоял замок Фалариса, до сих пор назывался Экномос. Казалось, что Агафокл выиграл сражение, но неожиданная помощь пришла на помощь карфагенянам и принесла им победу. Затем города, которые приняли или терпели сюзеренитет Сиракуз, последовательно подчинились карфагенянам, и Гамилькар, властелин всей остальной Сицилии, осадил Сиракузы. Агафокл отремонтировал укрепления города и привел его в состояние обороны, но эти меры предосторожности могли только отсрочить неизбежное падение, поскольку никакой помощи со стороны ожидать не приходилось. Тогда Агафокл придумал необычайно смелый план: он решил перенести войну в Африку. То же самое сделал позже Сципион, но в менее сложных условиях, поскольку в случае Агафокла сначала необходимо было покинуть город, осажденный с суши и с моря.

[310-307 гг. до н. э.]

У него было мало солдат; он освободил и нанял рабов, заставив их принести клятву верности. Хотя он был безжалостен к своим политическим противникам, он знал, что некоторые из них еще живы и готовы капитулировать перед врагом. Он никому не рассказывал о своем плане. Он сказал сиракузцам, что все, чего он от них просит, — это немного терпения, и что у него есть надежный способ спасти их. В городе он оставил только солдат, необходимых для его обороны, а всех остальных посадил на корабли, позаботившись взять в заложники по одному члену из каждой семьи, которой он не доверял. Он убедил богатых избежать тягот и лишений осады, уехав в свои поместья, а когда они рассеялись,

приказал своим солдатам убить их и забрал их деньги. Порт был блокирован карфагенским флотом, но были замечены торговые суда, доставлявшие провизию осажденным. Карфагеняне выдвинулись, чтобы захватить их. Агафокл воспользовался случаем, чтобы покинуть порт, и торговые суда смогли войти, пока карфагеняне преследовали флот Агафокла. Он спасся благодаря упорной гребле и высадился со своей армией на побережье Африки.

Затем, принеся жертву, он сказал своим солдатам, что поклялся, если его корабли ускользнут от врага, сделать из них факелы для главных богинь Сицилии, Деметры и Коре, и, взяв уголь с алтаря, поджег свой флот. Солдаты, потеряв всякую надежду на возвращение, не имели другого выхода, кроме как одержать победу. Этот смелый поступок, ставший пословицей, был, возможно, необходим. У Агафокла было слишком мало солдат, чтобы часть из них использовать для защиты флота; его захватили бы карфагеняне, которые были хозяевами моря. Они захватили город развлечений, который Диодор называет Великим городом и Белым Тунисом. У Агафокла не было достаточно солдат, чтобы оставить гарнизоны; он сравнял его с землей и разбил лагерь под стенами Карфагена.

Карфагеняне, увидев свою страну разграбленной, подумали, что их армия на Сицилии была уничтожена. У них не было времени набирать наемников; они вооружили сорок тысяч человек и поставили во главе их Ганнона и Бомилкара. Эти военачальники принадлежали к двум соперничающим семьям. Карфагеняне часто принимали эту меру предосторожности в качестве гарантии против узурпации. Но эта толпа новых и плохо дисциплинированных солдат не могла противостоять небольшой армии Агафокла. Ганнон был убит, а Бомилкар, который стремился к тирании, повел войска обратно в город. Испуганные карфагеняне приписали свое несчастье гневу богов. Долгое время они приносили в жертву Молоху только детей, которых покупали; они думали, что он требует более ценных жертв, и принесли ему в жертву двести детей из самых богатых семей. Триста граждан предложили себя в жертву. Их поместили на руки бронзовой статуи и разжгли большой костер; жертвы упали в пылающие пламени. Диодор считает, что эти человеческие жертвоприношения, обычные среди финикийских народов, возможно, дали начало мифу о Кроносе, пожирающем своих детей, поскольку греки отождествляли своего Кроноса с финикийским Молохом.

Карфагеняне приказали Гамилькару прислать им часть своих войск; но, не желая покидать Сицилию, они объявили о полном разгроме Агафокла и в качестве доказательства прислали в Сиракузы клювы его сожженных кораблей. Антандр, брат Агафокла, хотел сдаться; этолиец Эвримедон убедил его не отчаиваться, и вскоре они получили известие об успехе греков. Мужество осажденных возобновилось; Гамилькар хотел попытаться штурмовать город; он был взят в плен, его голову отрубили и отправили Агафоклу, который бросил ее в карфагенский лагерь. Его успех принес ему союз ливийских и нумидийских народов. Он написал Офеллему, правителю Кирены, который сражался под командованием Александра, умоляя его вторгнуться на карфагенскую территорию, которая должна была быть поделена после победы; он оставил бы Африку Офеллему, а сам довольствовался бы Сицилией. Этот план соблазнил Офеллу; он поддерживал связь с афинянами, поскольку был женат на потомке Мильтиада. Он нанял наемников в Греции и отправился пересекать пустыню с многочисленной армией, везя с собой женщин и детей, поскольку они надеялись основать колонии. Армия сильно страдала от жары, жажды и укусов змей. Агафокл тепло принял своих союзников, накормил их, а затем убил Офелласа и включил его солдат в свою армию; женщин и детей отправили на Сицилию, где они погибли в шторме. Кирена стала частью владений Птолемея.

Греческий подсвечник

Примерно в то же время карфагеняне казнили Бомилкара за попытку захватить тиранию. Агафокл мог бы извлечь выгоду из смятения, которое это событие вызвало в Карфагене, но он получил тревожные известия. Агригентинцы попытались воспользоваться смертью Гамилькара, чтобы освободить Сицилию от владычества как Карфагена, так и Сиракуз. Агафокл, оставив командование своей армией своему старшему сыну Архагафу, сел на открытые лодки, которые были построены в спешке. При высадке в Селинунтии ему сообщили, что его офицеры только что разгромили армию агригентов. Он подчинил себе Гераклею, Термы, Центурипу, Кефалодиум и Аполлонию. Примерно в это же время, следуя примеру преемников Александра, он принял титул царя и поместил его на своих монетах (307 г.). Однако он не носил короны и, вместо того чтобы подражать недоверию Дионисия Старшего, ходил на собрания без охраны. Когда он устраивал банкеты, ему часто подавали еду в глиняных мисках, и он с удовольствием вспоминал времена, когда начинал свою жизнь как гончар. Он был легкомысленным и веселым, чтобы побудить своих гостей говорить свободно, но он запоминал все, что слышал, и когда таким образом обнаруживал, кому из них нельзя доверять, приглашал их по отдельности и казнил.

В Африке его сын Архагат сначала добился успеха, но обнаружил, что его армия ослаблена дезертирством, нуждается в предметах первой необходимости и склонна к восстанию. Солдаты жаловались на то, что им не платят. Он рискнул вступить в сражение и потерпел поражение. Тогда он решил покинуть армию, как позднее сделал Бонапарт в Египте. Солдаты, разъяренные тем, что их генерал бросил их, убили его двух сыновей и сдались карфагенянам, которые зачислили их в свою армию.

[307-300 гг. до н.э.]

По возвращении на Сицилию Агафокл в первую очередь выместил свой гнев на Сегесте, которая отказалась предоставить ему субсидии. По словам Диодора, эта экспедиция отличалась жестокостью: мужчин сжигали заживо, беременных женщин заставляли делать аборт, молодых девушек и детей продавали бруттиям, а город Сегеста, заселенный новыми жителями, получил название Дикаеополис — город мести. В то же время Агафокл приказал своему брату Антанду убить родителей, жен и детей солдат африканской армии, чтобы отомстить за убийство своих сыновей. Диодор добавляет, что эти жестокие казни вызвали такой ужас, что Агафокл, отчаявшись удержать власть, предложил Динократу,

генералу изгнанников, восстановить республику в Сиракузах. Но Динократ не желал этого; за двадцать лет, в течение которых он был лидером вооруженных отрядов, он приобрёл вкус к царскому достоинству. Не сумев заключить этот союз, Агафокл купил помощь Карфагена, уступив ему некоторые города, и разгромил Динократа, чьи войска сдались. Он приказал их убить, но пощадил Динократа, и, поскольку они были достойны друг друга, сделал его своим заместителем.

НИМФА

(Из статуи)

Он, следуя примеру Дионисия, предпринял завоевание южной Италии. Сначала он захватил Эолийские острова, чтобы заполучить сокровища, посвященные Коре и Гефесту в пританее Липары, а затем приготовился переправиться в Италию. Его приготовления вызвали опасения тарентийцев, которые и без того были угрожаемы с другой стороны коренным населением. Они обратились к спартамцам, чей царь Клеоним нанял наемников на мысе Тенар. Он сформировал значительную армию, объединив с ними силы Тарента и мессапиев, с которыми он заключил союз сразу по прибытии. Луканы, встревоженные, заключили мир с Тарентом, а Клеоним, не желая, чтобы его поход оказался напрасным, обратился против Метапонта, в который, однако, он вступил как союзник. Он наложил на город дань в шестьсот талантов и взял в заложницы двести молодых девушек, что вызвало к нему подозрения, поскольку, хотя он и был спартамцем, он имел репутацию человека распутного характера; однако позже он был наказан за порочное поведение своей жены Хелидонис. Затем, вместо того чтобы освободить Сицилию от тирании Агафокла, как он объявил о своем намерении, он напал на Коркиру, которая казалась ему удобным местом для наблюдения за греческими делами, ввел дань и установил гарнизон. Затем, вернувшись в Италию, не обращая внимания ни на тарентийцев, которые его вызвали, ни на мессапийцев, от которых он требовал союза, он начал без разбора сражаться и грабить под предлогом наказания тех, кого он называл мятежниками. Он вел эту пиратскую войну до

самых отдаленных уголков Адриатического моря. Итальянцы убили часть его войск, шторм уничтожил часть его флота, но он спасся и завершил свою серию приключений, призвав Пирра против своей страны, чтобы отомстить за свои брачные неудачи.

[300-289 гг. до н. э.]

Агафокл провел экспедицию против Коркиры в погоне за Клеонимом, но обнаружил, что Кассандр осаждает город с суши и с моря. Он сжег македонский флот и захватил Коркиру, которую отдал в приданое своей дочери Ланассе, которую он выдал замуж за Пирра, царя Эпира. По возвращении он обнаружил, что часть его наемников восстала против его внука Архагата, который не выплатил им жалованье; он приказал убить две тысячи из них. По словам Диодора, они были лигурами и этрусками, но, вероятно, среди них были и брутты, поскольку это наказание привело к войне между бруттами и Агафоклом. Он потерпел поражение и отомстил жителям Кротона, которые не причинили ему никакого вреда. Он сказал им, чтобы они не беспокоились о его наступлении, он только проезжал через страну, чтобы отвезти свою дочь в Эпир. Они не предприняли никаких приготовлений к обороне; он взял город, разграбил его и убил жителей. Затем он атаковал Гиппоний, который был в руках бруттов, взял его и разместил там гарнизон, который был убит вскоре после этого.

В старости он страдал от очень болезненного заболевания суставов, а его сын и внук спорили о его преемственности еще при его жизни. Последний заставил его любимца Мэнона отравить его с помощью едкого вещества, помещенного в зубочистку. Этот Мэнон был сегестанианином и стал рабом тирана; таким образом он отомстил за гибель своей страны. Говорят, что Агафокл, чтобы положить конец мучениям, которые он испытывал, приказал положить себя, еще живого, на погребальный костер; считалось, что это было наказанием за святотатство, которое он совершил на Эолийских островах, похитив священное сокровище Гефеста.

После смерти Агафокла его сын и внук были убиты Мэноном, который пытался захватить власть с помощью карфагенян. Сиракузяне выбрали Гикета своим полководцем и договорились, что они должны будут отдать заложников и вернуть изгнанников. Но при первых выборах магистратов наемники Агафокла заявили, что им было нанесено оскорбление, граждане вооружились, и грозила драка; в конце концов было решено, что наемники должны покинуть Сицилию. В основном это были кампаны, известные под именем мамертинов.

Агафокл нанял на свою службу большое количество из них. Когда было решено, что они должны покинуть Сицилию, они отправились в Мессану, чтобы сесть на корабли, и были гостеприимно приняты; но ночью они убили жителей и захватили их жен и имущество. Это поселение мамертинцев в Мессане стало новым источником беспорядков на Сицилии и позднее стало причиной первой войны между римлянами и карфагенянами.

ПИРР И РИМЛЯНЕ

[282-272 гг. до н. э.]

Отсутствие федеративного союза между греческими городами Италии делало их неспособными сопротивляться коренному населению — самнитам, лукам и бруттиям. Поэтому они были естественно вынуждены просить помощи у великой Римской республики, которая одна была способна их защитить. Первые отношения Рима с греческими городами Италии были дружественными. Только Тарент предпочел иметь римлян врагами, чем друзьями. Своим безумным провокационным поступком тарентинцы

полностью поставили себя в невыгодное положение и сделали войну с Римом неизбежной. Затем, по своему обыкновению, они призвали на помощь иностранного князя, и хотя на этот раз они выбрали самого храброго и умелого полководца того времени, борьба, в которую они вступили, привела к окончательному установлению римского правления над всей Италией.

Гигея

(С статуи)

Когда луканы и брутты напали на город Турии, союзник Рима, на его помощь была отправлена армия под командованием консула Фабриция, а в то же время эскадра из десяти галер курсировала в Тарентском заливе. Тарентинцы, собравшиеся в театре с видом на море, заметили некоторые из этих кораблей у входа в порт. Немедленно оратор по имени Филохар, известный под именем знаменитой куртизанки Таис из-за своей постыдной безнравственности, воскликнул, что присутствие этих кораблей является актом враждебности и что по условиям договора римлянам не разрешается проходить мимо мыса Лациниум. Народ поспешил в порт, потопил или захватил корабли, дуумвир, командовавший ими, был убит, гребцы были обращены в рабство. Римский сенат направил посольство с требованием возмещения ущерба. Послы едва вошли в театр, где собрался народ, как их встретили оскорбительным смехом. Они хотели выступить, но их произношение греческого языка было высмеяно, и их выгнали. Пьяница испачкал тогу главного посла; смех усилился. Римлянин обернулся и сказал: «Смейтесь! Скоро вы будете плакать, потому что моя мантия будет омыта вашей кровью».

Они вызвали Пирра, царя Эпира, пообещав ему поддержку луканов и самнитов. О его подвигах и смерти уже рассказывалось ранее.

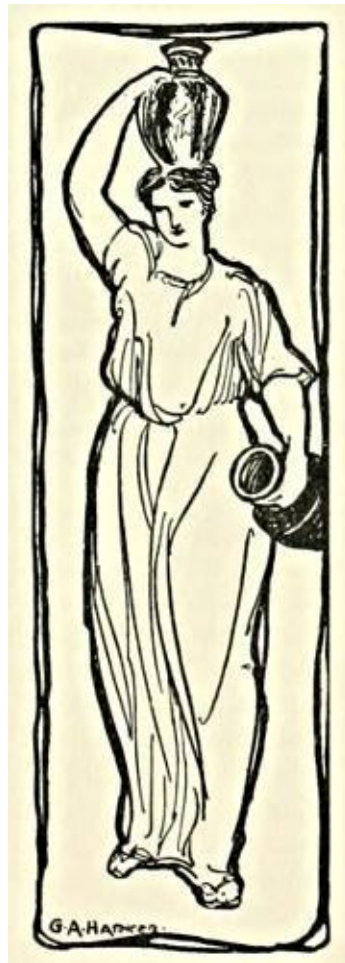
[272-216 гг. до н. э.]

Все жители южной Италии, которые приветствовали Пирра как спасителя, в конце концов были подчинены римскому правлению. Это было спасение греческих городов, которые еще существовали, но были лишь тенью своего прежнего величия. Хотя они были свободны под

защитой Рима, они бесследно исчезли из истории. Во времена Страбона название Магна Греция было уже древним воспоминанием, а на греческом языке говорили только в Неаполе, Региуме и Таренте. Из-за отсутствия федеративного союза между автономными городами эллинская раса с ее блестящей цивилизацией постепенно исчезла с итальянской земли. Римляне собирались пожинать плоды ее наследия и передать его Галлии и Испании. Они заново заселили некоторые из бывших греческих колоний, которые стали варварскими, особенно Посидонию и Гиппоний, которые долгое время были заселены, последний — кампанцами, первый — бруттиянами, и которые сменили свои греческие названия на Паэстум и Вибо-Валентия.

Римский мир не вернул греческим городам Италии славу, которая исходила от их искусства и литературы в бурный период их политической независимости. Бесчисленные расписные вазы, которые вызывают восхищение в наших музеях, и монеты бесконечного разнообразия достаточно, чтобы отметить их место в истории цивилизации. Не только богатый Тарент, но и города, не имеющие большого значения, Терина, Велия, Метапонт, Гераклея в Лукании, чеканили монеты неповторимого совершенства. Производство этих произведений искусства резко прекратилось вместе с коммунальной автономией, видимым символом которой была монета. В 268 году Рим, который до тех пор имел только литые медные монеты, впервые изготовил серебряные монеты и одновременно лишил всех своих итальянских подданных права чеканки монет. Немногие законы были более губительными для искусства.

Красивые культовые монеты короля Иерона и его жены, королевы Филистис, знаменуют последний период автономии Сицилии. После победы над мамертами из Мессаны Иерон был провозглашен королем сиракузцами, которые больше не чувствовали себя способными поддерживать беспорядки, связанные со свободой (269 г.). Покидая Сицилию, Пирр сказал: «Какое прекрасное поле битвы мы оставляем римлянам и карфагенянам!». Исполнение этого пророчества не заставило себя долго ждать, и Первая Пуническая война, разразившаяся в 263 году, развернулась на Сицилии. Вначале Гиер, союзник Карфагена, был разгромлен римлянами и перешел на их сторону. Его долгое и мирное правление стало для сиракузян переходным периодом между бурной автономией и неизбежным господством Рима.^{[b](#)}

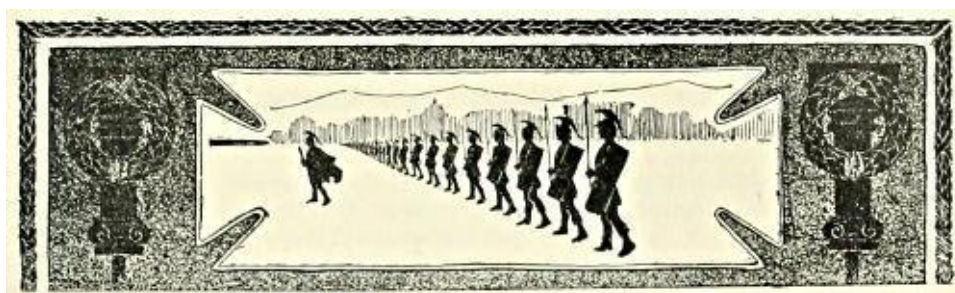

ГРЕЦИЯ

Климат незабываемых храбрых!
Чья земля от равнин до горных пещер
Была домом Свободы или могилой Славы!
Святилище могучих! Неужели
Это все, что осталось от тебя?
Приблизься, трусливый, прижавшийся раб;
Скажи, разве это не Фермопилы?
Эти голубые воды, омывающие тебя,
О, раболепное потомство свободных,
Назови, какое это море, какой берег?
Залив, скала Саламинская!
Эти сцены, история которых не неизвестна,
Встаньте и сделайте их своими;
Из пепла своих отцов
Угли их былых костров;
И тот, кто погибнет в борьбе,
Добавит к их имени страх,
От которого задрожит тирания,
И оставит своим сыновьям надежду, славу,
Они тоже скорее умрут, чем опозорятся;
Ибо борьба за свободу, однажды начавшись,
Переданная кровавым отцом сыну,
Хотя и часто терпит поражение, но всегда побеждает.
Свидетельствуй, Греция, твоя живая страница,
Свидетельствуй об этом, многовековая бессмертная эпоха:
В то время как короли, скрытые в пыльной тьме,
Оставили безымянные пирамиды,
Твои герои, хотя всеобщая гибель
Смела колонну с их гробницы,
Создали памятник более величественный,
Горы их родной земли!
Там твоя муза указывает чужому взгляду
Могила тех, кто не может умереть!

Долго рассказывать и грустно проследживать,
Каждый шаг от великолепия к позору:
Достаточно — ни один иностранный враг не смог подавить
Твою душу, пока она сама не пала;
Да! Самоунижение проложило путь
К рабству злодеев и деспотическому господству.

— Байрон; «Джаур».

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ РЕЗЮМЕ РАЗВИТИЕ ЭЛИНСКОГО ДУХА

НАПИСАНО СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЫ

Д-ром УЛЬРИХОМ фон ВИЛАМОВИЦ-МЁЛЛЕНДОРФФОМ

ПРОФЕССОР КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ БЕРЛИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И ДР.

Гомер стоит у истоков греческой истории; до него не было ничего, рядом с ним не было ничего, между ним и всем, что было после, лежала огромная пропасть; и все же нет ничего греческого, на что не падал бы его свет или тень. Гомер — это целый мир, и какой мир! В глазах многих, даже по сей день, он олицетворяет всю совокупность греческого духа; в глазах некоторых — всю поэзию. То, что представляют нам две эпические поэмы, настолько полно, настолько индивидуально, что, несмотря на все уступки в деталях, единство поэмы и автора постоянно вновь и вновь бросается нам в глаза. Гомер настолько мало устарел, что кажется вневременным; мы просто помещаем его в более солнечное утро человечества, но отнести его к какой-то исторической эпохе, представить его в условиях времени и места кажется кощунством; в этом, как и во многом другом, он схож со Ветхим Заветом. И все же классифицировать его таким образом — первая необходимость для истинного понимания. Сами греки не особо помогли нам в этом. Примерно во времена Сократа школа эстетической критики ограничила священное имя поэта Гомера, конечно, не без некоторых оснований, «Илиадой» и «Одиссеей»; и таким образом эти поэмы дошли до нас, но ценой потери всех других, имеющих такое же гомеровское происхождение; и поэтому Гомер более чем когда-либо стоит в одиночестве. Последним словом филологии древности было то, что Гомера ( )

следует объяснять только самим собой. Современная филология, казалось, шла к тому же выводу.

Открытиями последнего поколения запрет на эту изоляцию был снят. Только умышленная слепота может отделить Илион Гомера от Илиона, восстановленного на Хиссарлыке, хотя остатки последнего уходят корнями далеко за пределы времени Гомера и Приама. Не только эпоха гомеровских поэтов, но и эпоха гомеровских героев возникает перед нами из этих крепостей и гробниц. Связи, которые связывают его с более древней цивилизацией Азии и Египта, раскрыты, а достоверные хронологические данные уже позволяют нам определить достоверность того или иного факта. Из этих реальных останков мы начинаем получать некоторое представление об истории и народах, чье поэтическое отражение сияет для нас в *«Илиаде»* и *«Одиссее»*.

На берегах Эгейского моря во второй половине второго тысячелетия до нашей эры существовала роскошная цивилизация, которая получила импульсы с Востока и Юга, но в которой мы, тем не менее, узнаем дух Греции, увековеченный в гомеровских поэмах; и в азиатской родине Гомера связующие нити не обрываются, когда мы прослеживаем их назад. С другой стороны, в родине другие дикие греческие племена, которых мы называем дорийцами, вторглись в нее; они уничтожили древнюю высшую цивилизацию, обратили некоторых ее представителей в рабство, а остальных изгнали в Азию. Была еще одна иммиграция в Азию, на этот раз фригийско-фракийских племен, предков армян; те из прежнего населения, кто не был обращен в рабство, были изгнаны на юг. Эти племена мы привыкли называть карийцами. Было время, когда они проникли в Европу и на нескольких островах на протяжении веков продолжали бороться против эллинизирующего влияния, которому в конечном итоге полностью поддались. Но поскольку изучение этого долгого и важного периода еще находится в зачаточном состоянии, нашей главной задачей по-прежнему должно быть сбор материалов; одной из основных задач следующего поколения будет отбор и обработка накопленных материалов. В настоящее время для нас важнее, чем какие-либо детали, понять, каков исторический контекст как темы гомеровских эпосов, так и практики этой формы поэзии и существования поэтов, которые ее использовали.

Гомеровские поэмы являются наследием первого великого периода греческой истории. Мы можем приблизительно установить 800 год до нашей эры как самую позднюю возможную дату их создания. Тематика эпоса, героическая легенда, является хранилищем исторических воспоминаний о том раннем времени. Вполне естественно, что люди видели в героях эпоса основателей своего народа и своей цивилизации; но на самом деле именно благодаря Гомеру греческий народ впервые обрел самосознание, осознал свою индивидуальность и общую кровь, текущую в его жилах. Не только во времена героев, но и во времена поэтов эпоса греки не имели национального единства и национального самосознания, и то же самое можно сказать и об их цивилизации. Сказки, которые рассказывает Гомер, в значительной степени происходят в Аргосе, Фивах и Спарте; все герои происходят из страны, которую мы называем Элладой и отличаем от Азии как их родину. Почти все гомеровские боги также имеют там свои дома. Но теперь боги и герои, как и ахейское войско Агамемнона, перенесены в северо-западный угол Азии. Ахилл завоевал Лесбос; потомки Агамемнона правят в Митилене и Киме. Кима, Смирна и Хиос считаются местами рождения Гомера. Здесь, где позднее эолийский диалект столкнулся с более мощным ионическим, был усовершенствован искусственный диалект эпоса — диалект, который никогда и нигде не использовался в этой форме, — и героический стих, который никогда и нигде не был действительно популярной формой и был впервые завезен на Лесбос ионическим эпосом. Здесь, наряду с правящим классом, который утверждал свое происхождение от гомеровских богов и героев, сформировался класс профессиональных бардов, среди которых появились одаренные поэты, чьи имена были забыты в славе

единственного и неповторимого Гомера. Будем надеяться, что настоящий Гомер был достоин этого превосходства. Этими Гомеридами эпос, сначала исполнявшийся под аккомпанемент лютни, а затем декламируемый, распространялся все дальше и дальше по островам и вдоль побережья. Тематика пробуждала интерес повсюду; будучи, так сказать, национальной историей, эта форма завоевала для самой Греции все более широкий круг поклонников. Постепенно в родине появились местные барды, которые научились у странствующих рапсодов искусству сочинять стихи в гомеровском стиле, то есть использовать иностранный язык и иностранную форму искусства, но выражать новую тематику, которая, тем не менее, неизменно была каким-то образом связана с миром гомеровских героев. Соответственно, создание эпических поэм, всегда основанных на гомеровских легендах, сохранялось в родине на протяжении веков после того, как оно исчезло в Ионии, продолжаясь до VI века. Именно благодаря этим кругам Гомер был в основном сохранен.

Главное заключалось в том, что в гомеровском эпосе греки обрели средство выражения, способное выразить все, что люди могли сказать и услышать. Это был четко определенный и в то же время очень гибкий стиль, ни в коем случае не приспособленный исключительно для повествования; напротив, они никогда не отказывались от практики выражения всевозможных наставлений в этой форме, которая была популяризирована и сделана общепонятной школой с тех пор, как появились школы. Он также использовался в заклинаниях, в монументальных надписях и в мимолетных шутках. Самая абстрактная философия, описание звездного неба, догматическая сторона астрологии, да даже Псалмы и Евангелие от Иоанна были одеты в гомеровское одеяние. Точно так же для гения Греции характерно то, что он начинает свою эволюцию с создания такого способа выражения и на протяжении тысячи лет не устает от него. Инстинкт формы и приверженность однажды открытой форме также являются греческими; их сочетание сначала порождает беспрецедентное достижение, но на протяжении веков оно вынуждено трудиться на благо подражательной легкости и ортодоксального формализма.

Кроме того, Гомер создал для греков их героическую легенду. Все богатство разрозненных и беспорядочных воспоминаний и традиций различных племен и семей, в сочетании со всем, что занимало память и воображение человека, было собрано воедино искусством эпических поэтов. Таким образом, в воображении людей было построено другое, более прекрасное царство, из которого на настоящее падал такой яркий свет, что настоящее бледнело перед ним, а люди, еще будучи детьми, начинали чувствовать себя в этом царстве как дома. Именно здесь греки обрели свою общую родину, гордую и единую, в то время как на земле они все еще были в состоянии вражды друг с другом, а затем, когда все они подчинялись иностранным владыкам; и по сей день все те из нас, кто испил из источника Гомера, чувствуют себя в этой области как дома. Греки также получили своих богов от Гомера; не веру, которая делает сердце тяжелым и легким, раскаявшимся и искупленным, а имена и истории, отношения и любовные интриги их небесного воинства, то есть их мифологию.

Само название подразумевает, насколько оно было далеко от чего-либо, похожего на божественное откровение и святость. Муза говорит многое, что не соответствует действительности, но похоже на правду. Однако гомеровское искусство понимало секрет очеловечивания историй о богах так же эффективно, как и историй о племенах и царях. И это гомеровское искусство покорило воображение слушателей, то есть воображение всего народа, как только он прислушался к поэзии Гомера. Гомер дал грекам своих богов, и все греческие боги превратились в людей с даром. Он дает нам и полную картину природы, учит нас видеть то, что нас окружает, и печали и радости, которые определяют нашу короткую жизнь под солнцем. Розовый румянец рассвета, мерцание Собачьей звезды, порывы урагана, журчание горного ручья, верхушки елей в высокогорном лесу и кусты асфоделей на

необработанной земле; львы и волки в азиатских горах, лошади и собаки, верные спутники человека ( ), он видит ( ) все, показывает все, любит все; прежде всего, море, вечное, всегда новое, которое стало домом для ионийцев вместо матери-земли. В свете, в котором он видел Природу и описывал ее, греки привыкли смотреть на нее. Мало того, целые поколения получали удовольствие от воспроизведения того, что было сделано когда-то, и отворачивали взор от созерцания Реального, бесконечности которого не может исчерпать ни один Гомер.

В конце концов, суждение о Гомере, вынесенное Горацием, который повторяет вердикт стоиков, содержит в себе большую долю правды:

«Qui, quid sit pulcrum, quid turpe, quid utile, quid non,

Planius ac melius Chrysippo et Crantore dicit».

Он дает нам полную картину человеческих поступков, показывает нам князей и нищих, стариков и мальчиков, расцветающую девушку и совершенство демонической красоты. Эта полнота настолько богата, знание жизни поэтом настолько глубоко, что мы ясно осознаем полную нелепость любой попытки сравнить Гомера с какой-либо популярной поэзией. Платон справедливо называет его прародителем трагедии, и только одна картина мира может претендовать на родовое право, равное Гомеру, — картина, представленная на сцене Уильяма Шекспира.

В этом гомеровском изображении человечества, которое включает в себя бессмертных людей, то есть богов, и дополняется изображением природы, заключается та специфическая гомеровская особенность, которая очаровывает каждый неиспорченный ум и которую лучшие искусствоведы всех времен и народов никогда не устают восхвалять. Она свидетельствует о высокой психологической культуре как поэтов, так и слушателей. Никакое состояние первобытного варварства, подобное тому, которое описывает Тацит в «Германии», а только древняя и богато развитая цивилизация могла привести к этому. Свежее наблюдение природы в картинах Кносса, жесткая стилистическая конвенция каракатицы на золотом блюде Микен, например, смелый орнамент на расписных сосудах, таких как кувшин из Марселя, архитектура ульев-гробниц, показывают гомеровское чувство искусства в других регионах и в догомеровский период.

Это гомеровское искусство, безусловно, в основном эллинское. Но, несмотря на все это, оно является лишь одной стороной эллинского духа, который даже отдаленно не понимается теми, кто отождествляет его с Гомером. Эта форма искусства уже подвергается большой опасности в виде конвенционализма, стереотипной красоты. Стать гомеридом становится слишком легко, и тот, кто довольствуется таким достижением, тем самым отказывается от всех стремлений стать Гомером. А жизнь, изображенная Гомером, скрывает под своей блестящей поверхностью не только пустоту, но и зло. Здесь полностью отсутствует национальное самосознание, нет государства, собственно говоря, нет религии. Эти боги исчезнут в воздухе, как пар, с приходом истинного бога, который завоюет сердца людей, чтобы они служили ему. Эти мужчины и женщины наслаждаются и страдают — для чего? Чтобы расцвести и увянуть, как листья в лесу. Каков конец этого блестящего мира? Ужасы разрушения для Илиона и для ахейцев, возвращающихся домой на своем флоте — кораблекрушение.

Ионийцы были только что вырваны из своих родных гор и источников, от своих предков и богов; в страшной нужде они сражались и завоевали новые поселения на чужом побережье и среди чужих народов. Они были вынуждены отвернуться от своей матери-земли: море не может занять ее место, ибо только земля является *θεσμοφόρος*. Так что законными наследниками гомеровских поэтов являются именно те люди, которые отвергают гомеровские идеалы — милетский купец, который пересекает все моря, основывает фабрики и города, смешивается со всеми народами, собирает информацию и богатство со всех сторон; ионийский художник, который отказывается от наслоений традиционного стиля с традиционной героической легендой в поисках того, что является характерным и индивидуальным; субъективный мыслитель Ионии, который ищет в своей душе решение загадки мира и, обнаруживая космический закон там или в созерцании небес, безжалостно отбрасывает от себя прекрасные иллюзии Гомера.

Тем временем, в неизвестности и мраке, в материнской стране медленно возникала другая Греция. Иммигранты, перед которыми народы Агамемнона, Ахилла и Нестора — насколько они не были поработаны своими жестокими хозяевами — бежали через море,

должны были начинать все сначала. Остатки старой цивилизации стояли среди них, непонятные и загадочные, как римские крепости в странах, затопленных потоком германцев ( ) во время великого переселения народов. Там, где, как в Спарте, формы жизни, приспособленные к условиям миграции, сохранились в искусстве, сохранилась та примитивная грубость, которая (возьмем, к примеру) позволяла использовать только топор, а не рубанок при изготовлении дверного косяка. Мы повсюду видим самые древние и низшие формы религии — фетишизм, тотемизм, мрачную форму поклонения предкам; часто встречаются человеческие жертвоприношения. Орнамент утратил чувственное наслаждение формой, свойственное героическому периоду; он начинается с линий и точек. Влияние Востока, должно быть, на время полностью прекратилось. Насколько некомфортно должен был чувствовать себя азиатский грек в этом мире, показывает Гесиод, который резко критикует свою геликонскую деревню. Он был сыном эолийского иммигранта. Большая часть страны, не только все западное побережье, но и Фессалия, родина Эллада, *то есть* всего народа, больше никогда не играла активной роли в цивилизации. Это, конечно, должно было исходить от греков Азии; и города восточной границы, в которых преобладали остатки первоначального населения, Афины и Эвбея, к которым из дорийских городов присоединился морской город Коринф, были входными воротами в эту цивилизацию. Но процесс ее принятия и ассимиляции происходил в основном под давлением новых форм жизни, которые мы называем дорийскими. Что касается более древнего периода, то нам не хватает не только прямых свидетельств, но и достоверной информации почти на каждом этапе: только в начале VI века становится возможным в некоторой степени понять эту цивилизацию; но институты, их отражение в героических легендах и характер религии (не просто мифологии) позволяют сделать несколько выводов. Времена были тяжелые; в основном только правящий класс поднимался над жалкой, беспокойной, безрадостной борьбой за хлеб насущный, а ниже него рабы во многих случаях вели жалкое существование. Только к концу этого периода люди вышли за пределы стадии первобытного земледелия, и то не везде. Сельское хозяйство и скотоводство оставались основными средствами к существованию. Правящий класс был воинственным; там, где позволяли горы, они увлекались скачками, но для целей войны всадники не имели большого значения. Наибольшим общественным уважением пользовались физические упражнения, которые в мирное время заменяли военную службу; греческая гимнастика, о которой Гомер знал мало, стала священной благодаря соревновательным играм, которые постепенно не только стали кульминационными моментами жизни, но и вызвали первые проблески общественного духа.

Судьи на Олимпийских играх первыми применяют название «эллины» к нации — точнее говоря, к классу. Здесь, несмотря на политическое разделение на бесчисленные кантоны, несмотря на вечные распри и непримиримую вражду между местными жителями, члены этого класса ( ) признают друг друга, вступают в браки между собой, объявляют перемирие на время праздников и находят общий интерес в поддержании своего классового превосходства над низшими сословиями. Защита патриархальной организации ставит Спарту во главе свободной федерации. Дух эпохи — мужской. Во время гимнастических упражнений отбрасывается набедренная повязка, обнаженное мужское тело — самый прекрасный из объектов. Любовь к юношам становится не только национальным институтом, но и единственной сферой, в которой любовь требует сотрудничества души. Все представляет собой резкий контраст с Гомером. Гимнастика требует самоконтроля и тренировок; военная служба требует послушания; классовое господство не благоприятствует превосходству отдельного человека, но требует его подчинения классу. Таким образом, эти люди тренировали себя строго и аскетично и обрели контроль над собой, телом и душой. Они установили идеал совершенного человека, который благодаря тренировкам и послушанию зарабатывает право быть свободным и править. И они

предлагали ему перспективу стать равным богам, как Геракл, вступивший в рай; но на земле они удерживали его в пределах, возвышая над ним другой греческий идеал — идеал свободного самоуправяемого сообщества, совокупности равных по достоинству и, следовательно, равных по привилегиям свободных людей. Как бы ни изменилась реальность, эти два идеала остались незыблемыми, и они являются специфически европейским элементом индивидуализма ( ), который греки должны противопоставить Востоку — греки матери-страны, разумеется, поскольку Гомер не знает ничего, кроме безудержного индивидуализма; он воздает дань уважения герою, который, как в добре, так и в зле, не знает границ. Эти знатные люди не имеют права стремиться за пределы своего класса и не желают этого. Они изобрели идеал счастья, который можно было реализовать на земле; все, что требовалось, — это оставаться в пределах. Геракл, идеальный герой этого общества, не знал ничего, кроме труда на земле, но в обмен на это он собственными силами сделал шаг от человеческого к божественному. Эта величественная концепция показывает, на что считала себя способной дорийская самодостаточность.

Появился свободный человек; появилась и власть над ним, которую мы называем обществом или государством; в то время она называлась Законом или *Обычаем* — *Номос*; и эта власть освящена существованием представителя божественного откровения, бога (*т. е.* Аполлона) Дельфийского. Авторитет этого бога и оракулов, через которых он отвечает через своих жрецов, неоспорим. Он обращается к смертному с предупреждением «Познай себя», то есть как к смертному существу. Он предписывает самоконтроль и самоограничение; многочисленные греческие пословицы, рекомендуемые умеренность, похвала среднего и равенства, похвалы *софросине* относятся к этому периоду и этому миру. Без сомнения, об этой добродетели не говорили бы так много, если бы она не была столь редкой, но, хотя и ошибочно представлять греков как примеры добродетелей, которые они рекомендуют, установление этого морального идеала имеет большое значение; оно дополняет их веру в способность человека силой проникнуть в рай. Под руководством Аполлона музыка занимает место рядом с гимнастикой; музыка также обуздает дикие инстинкты; она включает в себя все виды интеллектуальной культуры, известные этому обществу. Мальчик учится петь, играть на лютне, держать ритм в танце; и все это освящается культом. Гармония должна царить в поведении и движениях тела, а также души. Дудочник занимает свое место в колонне во время марша; важным прогрессом является то, что боевой отряд теперь выдвигается навстречу врагу в строгом порядке и плотными рядами; это считается подходящим предметом для живописи, и не без оснований. Правящая каста не часто производит поэтов, которые одновременно являются музыкантами; поэты в основном привозятся с Востока: но дворяне должны уметь петь песни, танцевать и даже импровизировать стихи под заданную мелодию за бокалом вина. Женский пол также принимает участие в музыке; хоры девушек популярны, и местные поэтессы встречаются чаще, чем местные поэты. Наряду с торжественной серьезностью в определенные дни церемониального года мы видим самые безудержные веселья, экстатические гуляния, грубые пародии; но все это сдерживается, оно больше привлекает низшие слои общества и не находит выражения в искусстве до позднего периода.

Как и все институты, это поклонение и вся система культа Аполлона были установлены не без ожесточенных борьбы; и оно включило в себя, и таким образом сделало безвредными, многие вещи, которые оно не могло изгнать. Это особенно относилось к экстазу. Было время, когда нацию волновало мощное религиозное движение, берущее свое начало в фригийско-фракийских религиях; пришел великий бог Дионис, тот, кто ходит по земле, требуя веры и последователей, кто овладевает людьми своим духом и позволяет человеку испытать то, что он сам испытал и постоянно испытывает заново — божественное безумие, смерть и воскресение. Это движение, естественно, охватило и греков Востока, но

там оно не пленило души; гомеровские греки не ценили мистицизм. Здесь, напротив, в религии, которая постепенно гомеризировалась, возникло противоположное течение, способное, конечно, стать подводным течением, но только если его курс был бы направлен в русло официальной религии и если Аполлон пошел бы на компромисс с Дионисом. В более узких кругах, вне государственной религии, эта доктрина и практика, основанные на экстазе, искуплении человека, всегда сохраняли свои позиции; старая религия Деметры пережила подобные кризисы, и включение в государственный культ тайных обрядов, таких как те, что практиковались в Элевсине, не смогло подавить стремление к индивидуальной религии. Но на данный момент аполлоническая система торжествует.

К торжественному исполнению дорической музыки теперь добавилась дорическая архитектура. Храм, дом образа бога, созданный не для совместного поклонения, а для торжественных процессий или благочестивых размышлений, является совершенным выражением этой набожности. То, что боги принимают облик людей, является результатом гомеровского характера; но Зевс в виде обнаженного мужчины, метящего молнии, Аполлон в виде обнаженного юноши, спокойные, величественные матроны и девы — все это является дорическим идеалом божественности. В дополнение к этому мы получаем статуи мужчин, мужские образы (άνδρῆς) и девичьи образы (κόρη). Вдохновение для этих видов искусства, безусловно, пришло с Востока, но то, что нас интересует и радует в архаической скульптуре и в тех самых образцах, которые кажутся нам типичными, как подлинно греческими, — это дорический элемент; он раскрывается нам не только в Эгине и статуях обнаженных юношей, которые являются столько же богами, сколько людьми, но и в Идолино и дельфийском колесничем, Гестии Джустиниани и бегунье, в произведениях Поликлита и снова в произведениях Мирона; ведь Афины долгое время были частью этой культуры, главным пророком которой в последний час был фиванский Пиндар с его даром показывать нам как ее величие, так и ее отдаленность от современных представлений. По сей день Гомер и афиняне производят яркое впечатление на каждый неискушенный ум; Пиндар требует углубленного исторического изучения, как Вергилий, Данте и Кальдерон.

Благодаря своему расположению и тесным кровным связям между его населением и ионийцами, Афины были предначертаны для объединения цивилизаций Востока и Запада. Сравнительно большой полуостров Аттика, настолько изолированный, что он почти островной, уже на раннем этапе превратился в политическое образование. Аристократическое правление, правда, привело менее обеспеченное крестьянское население к состоянию рабства, но благодаря внедрению оливкового дерева сделало сельское хозяйство прибыльным; и, как и дорийцы в Коринфе, оно признало торговлю занятием, не унижающим достоинство людей высокого ранга. Материальные условия для улучшения были гораздо более благоприятными, чем на соседнем острове Эгина, где торговлей занимался только правящий класс, который обрабатывал свои земли с помощью купленных рабов. Но быстрый подъем Афин из неизвестности на первое место связан с одним человеком, в котором впервые соединились Восток и Запад — мудрым Солоном. Будучи благородного происхождения и симпатизируя дорийскому образу жизни, он, тем не менее, путешествовал по дальним берегам как купец, отбросил все предрассудки, суеверия и мистицизм ионитов и, прежде всего, приобрел умение использовать поэзию не только для политического, но и для нравственного поучения. Он был вдохновлен полной уверенностью в могуществе, мудрости и справедливости Бога, а также в доброте человеческой природы; все, что было необходимо, — это свобода, чтобы проявлять себя без помех и препятствий, — потребность, которая нашла свое воплощение в социальном порядке, — чтобы другие люди также могли обрести свободу, которая была их правом. Его народ верил в него и доверил ему организацию государства. Он передал власть всему народу, *то есть* меняющемуся большинству свободных и честных афинян, и дал им всем доступ к народному собранию,

исполнительному комитету, совещательному совету и национальному суду. В принципе, была установлена демократия. И принцип свободы и равенства не может быть затмевен ни злоупотреблением, ни неадекватным использованием; единственное ограничение, которому он подвержен, обусловлено более высоким принципом, который сам Солон поставил выше него и который, по крайней мере в теории, никогда не исчезает из политики греков — принципом справедливости. Независимо от того, какие изменения он претерпел, с Солоном появилась муниципальная конституция не только Афин, но и всей Греции, которая существует до сих пор, пока греческий дух прослеживается в исторической преемственности — свободное государство свободных людей. В то время, по сути, свобода не могла быть сохранена в Афинах. Но борьба великих семей, которые в течение еще ста лет боролись за господство ( ), только дала городу время более полно впитать ионийский дух, развивать промышленность и торговлю наряду с сельским хозяйством, использовать ту экономическую свободу, которая больше никогда не подвергалась посягательствам, и таким образом накопить силы во всех направлениях для решающего момента. Этот момент наступил с вопросом о том, будет ли Европа поглощена деспотической мировой империей Азии, которой уже бесславно подчинилась гомеровская Греция. Проблема заключалась не в национальных различиях, а просто в свободе или рабстве; рабстве, которое мудрый человек часто принимает, потому что оно, казалось бы, не угрожает индивидуальной свободе. Но свободное государство или класс, демократия Афин, не меньше, чем пелопоннесская аристократия, отказались с этим мириться. Афинская линия сражения одержала победу при Марафоне — это был триумф дорийского элемента. Оружие для морской победы при Саламине было быстро выковано гением Фемистокла, современного ионийца во всех смыслах этого слова. Вопреки всем человеческим расчетам, Ксеркс был побежден и вынужден отказаться от своих притязаний на всю Европу.

Дух Греции теперь стал национальной идеей; сородичи греков в Азии не только перешли на их сторону, но и сделали Афины — поскольку Спарта так медлила — президиальным центром конфедерации, беспрецедентной по своей мощи и масштабам для всего греческого мира; концепция огромной греческой империи в будущем, национальной конфедерации, казалась в тот момент вполне реализуемой, поскольку появилась возможность воплотить в жизнь первую мысль о ней. В политическом плане Афины также казались предназначенными для объединения греков Востока и Запада; и если бы они это сделали, греки обязательно завладели бы миром.

Под эгидой этих великих времен афинская трагедия возникла как наиболее совершенное выражение союза западного и восточного эллинизма, отмеченное чертами великого периода своего зарождения; ибо только когда Эсхил, воин Марафона, взял за основу древних экстатических дионисийских празднеств гомеровские героические легенды; только когда он заменил сатиров торжественным дорическим хором и удвоил ионийского рассказчика, было открыто драматическое искусство, которое, возвышаясь над пределами простого человечества и оставаясь частью поклонения богу, все же несло в себе зародыш развития в картину человеческой жизни, обращаясь к зрителю более прямо и эффективно, чем рассказ рапсода или песня барда. Множество талантов обратилось к этой новой форме, которая оставалась афинской даже тогда, когда поэты приезжали из-за границы, и становилась все более афинской, человеческой и современной. Однако никто не осмеливался отказаться от гомеровской тематики и обратиться непосредственно к современной жизни в поисках материала. И так продолжалось, хотя с упадком Аттической империи и ее великих поэтов трагедия (будь то аттическая драма или часть культа) больше не имела никакого внутреннего права на тематику героических легенд. И здесь снова авторитет великого достижения обрек потомков на глубокое подражание. Форма драмы, известная в Афинах как комедия, рассматривалась как нечто совершенно иное; и к тому времени, когда она была

приведена в форму остроумными афинскими поэтами и возведена в ранг литературного жанра, она, безусловно, далеко ушла от своего источника в том же маскараде и том же дионисийском экстазе. Комедия стала драмой и последовала за трагедией, сосредоточившись на определенном действии; она была не менее замечательна, чем трагедия, до тех пор, пока служила целям момента и необходимо ограниченному кругу афинского общества; но именно по этой причине она не оказывала всеобщего влияния и была обречена на распад вместе с крахом политической и социальной структуры. Последним литературным достижением Афин было преобразование ее, примерно во времена Александра, в изысканную, чисто речитативную пьесу, которая занимала точно такое же отношение к современной жизни, как позднее трагедия к героическим легендам. Эта новая комедия заслужила и получила такое же классическое *одобрение*, как и трагедия; но за этим последовало такое же рабское подчинение модели; фигуры Менандра, столь бесконечно банальные и провинциальные, увы! были обречены на то, чтобы появляться на комедийной сцене в роли «», как Медея и Орест на трагической, независимо от того, была ли пьеса написана и поставлена в Риме или Александрии. В этой окаменевшей и случайной форме на Запад была передана скорее теория, чем поэзия драмы. Аристотель, в частности, не смог продвинуться от случайной иллюстрации реальных представлений к сформулированному утверждению истины, и современные писатели до сих пор имеют вредную привычку бросаться терминами «трагедия» и «комедия», по крайней мере в теории. У нас есть желание восхищаться и способность понимать как то, чего достигли афиняне, так и причины, которые неизбежно привели к этому достижению: но основой современного драматического искусства является Шекспир — или Платон, который теоретически признавал, что трагики и комедианты — это отнюдь не противоречивые термины, и который, как и Шекспир, сочетал в себе и то, и другое.

В афинском искусстве V века, как и в трагедиях Эсхила, элементы Восточной и Западной Греции взаимопроникают, и каждый из них усиливает эффект другого. Парфенон — это дорический храм с ионическим фризом. Ионическим художникам-монументалистам поручено изобразить гомеровские сюжеты на широких поверхностях афинских и дельфийских портиков; способность увековечить деяния современной жизни — это их собственный вклад. Из благочестивого духа, вдохновляющего поэта «Орестеи», Фидий, обладая всем богатством и всем искусством, пытается создать образы богов, которые удовлетворяют религиозные чувства его времени. Для греков они были величайшими за все времена. Точно так же, как и в случае с трагедией, такое высокое напряжение усилий длится недолго. Затем ионический элемент становится преобладающим; на первый план выходит человеческий, субъективный аспект. Это неизбежно, и то, что он создал, достойно восхищения. Но в *пафосе* и этосе божественных образов, созданных Праксителем и Скопасом, нет ничего, кроме мифологического характера богов Гомера; они — бессмертные люди, и не более того; для Скопаса и Праксителя они не были чем-то более высоким. И это было правильно, потому что к тому времени понимание истинного божественного продвинулось настолько, что его ограничение в одном человеке было лишь символическим и не подразумевало идею физического воплощения.

Величайший и важнейший вклад Ионии заключался в смелости великих мыслителей и наблюдателей VI века, которые, поставив всю концепцию мира на новую основу, были обречены разрушить прекрасную иллюзию богов в человеческом облике, которую Эсхил и Фидий, возможно, все еще считали правдой. Только на ионийской земле, на земле Гомера, человек нашел в себе мужество и силу отбросить все условности, все традиции, встать в центр вселенной и сказать: «Ты не более чем то, что я признаю тобой, ты означаешь то, что я открываю в тебе». Идея изначально не была сформулирована с такой точностью, но именно в таком духе ионийцы приступили к работе — не только философы, но и безрассудные

натуры, которые в мире действия считали себя эталоном поведения — такие люди, как поэт Архилох, чей субъективизм в сочетании с жестокой откровенностью и распушенностью вызывал восторг и ужас у его современников и потомков. В этом отношении таилась страшная моральная опасность, и Иония, которая не изменила ничего, кроме своих господ, принесла в метрополию заразу, которую ни государство, ни общество не смогли преодолеть. Но для сильных натур она также предоставила лекарство, и мир, со своей стороны, обязан этому ионическому элементу лучшим из того, что греки завещали ему — науке, философии, естествознанию и истории, хотя, правда, сначала они должны были быть облагорожены афинянами. Это наиболее легко прослеживается на примере истории.

Historia — это субъективное исследование; Геродот, не обладая мощным интеллектом, дает нам, как он сам говорит, итог своих собственных исследований. Сюда входит то, что он видел, слышал, читал и думал, и все это в тесном сопоставлении. Субъективный ум определяет, как и что он может и должен рассказать. С другой стороны, афинянин Фукидид пишет о войне пелопоннесцев и афинян; здесь определяющим фактором является объект. Автор дает как себе, так и читателю отчет о своем предмете и своем методе, указывает степень достоверности своих различных утверждений и добавляет свои собственные интерпретации и выводы, насколько они ценны; таким образом, достигнут научный метод. Человек не утратил своей независимости, но сознательно ставит все свои силы на службу идее, в данном случае идее истины; и, хотя ему ясно, что он не может достичь ее в чистом и полном виде, он не сомневается в том, что объективная истина существует и доступна человеческому познанию.

Естественные науки в одночасье начали объяснять генезис (*das Werden*) в целом и в частности с помощью смелой гипотезы. Исследователь создал законы. Естественные науки, в свою очередь, приступили к проверке своих законов с помощью тысяч терпеливых, тщательных, независимых наблюдений за природой, чтобы накопить факты, из которых, в свою очередь, можно было бы вывести правило. Наиболее важным для этой цели является развитие той области, в которой чистая абстракция допускает непрерывную серию доказательств, области чисел и геометрических понятий. Здесь мы имеем подлинный процесс обучения, от которого со временем математика и получила свое название; здесь обманчивый характер чувственных восприятий так же ясен, как и существование познаваемых законов; здесь раскрываются необходимость и возможность сотрудничества многих и продолжения работы. Пифагор оказал благотворное влияние не благодаря своему религиозному братству, которое, если бы оно просуществовало, в конечном итоге превратилось бы в секту, а благодаря методичной организации обучения, которое стало научным в той мере, в какой оно обратило свое внимание на математику. В то же время, несмотря на все преждевременные гипотезы, медицина, отрасль наблюдения, наиболее тесно связанная с реальной жизнью, благодаря внимательному наблюдению и непрерывным экспериментам обнаружила правильный путь к познанию человеческого тела, его природы, его страданий, способов сохранения его здоровья или, при необходимости, его лечения. В астрономии и медицине наиболее явно проявляется разница между Востоком и Элладой. Тысячи лет назад вавилоняне уже наблюдали за небом; тысячи лет назад египтяне составляли рецепты из всевозможных лекарств и простых средств. Но это было колдовством, и даже греки должны были заплатить за то, что позволили себе поддаться его влиянию.

В сфере морали разрыв с тем *Номосом*, о котором мы говорили, представлял большую опасность: все здание аполлонической организации рухнуло. Демократия справедливо бросила человеку вызов перевести свою теорию в практику, и менталитет того времени был

настолько политизирован, что люди считали Анаксагора чудачком, потому что он по собственной воле посвятил себя *vita contemplativa* и отказался вмешиваться в политическую суматоху. Они отказались верить в его добросовестность, и политическая подозрительность в союзе с принципом устоявшейся власти, которая всегда естественным образом противостоит столь новой тенденции, изгнала его из Афин. И именно из-за того, что во всех других областях этот принцип был так силен среди греков, эпоха, которая осмеливалась выражать и преследовать каждую мысль, возникавшую в уме, приобретает свое особое значение. Активность, изобретательность и смелость периода софистов с его переизбытком талантов посеяли бесчисленные семена, многие из которых, не приносящие плодов в то время, были оставлены для правильной оценки современным миром. Таким образом, наука юриспруденции была бы развита, если бы падение империи не разрушило сферу, в которой могла бы преобладать единая система права: практика юридической профессии таким образом перешла в руки мелких адвокатов, а теория юриспруденции осталась за философами, которые честно искали принцип справедливости.

Современные спекуляции постепенно превзошли тенденцию рассматривать софистов глазами Платона и приписывать им моральный и интеллектуальный индифферентизм. Однако одно неоспоримо: все это движение, возникшее в Ионии, является рационалистическим насквозь; интеллект не признает ничего, равного себе. Пророк, такой как Эмпедокл, который был врачом, философом и поэтом, помимо того, что гордился своим убеждением, что он такой же хороший софист, как и любой другой, мог прославлять свое откровение в Пелопоннесе; в Афинах ( ) он не нашел бы себе места. С другой стороны, порт Афин был спроектирован милетцем в виде скучной шахматной доски, которая тогда была в моде для зданий на новых участках, хотя она может быть удовлетворительной только на бумаге, поскольку не учитывает характер ландшафта и не соответствует художественному вкусу греков. Рационалистичным в своем учении был единственный афинянин, чьи софистические доктрины оскорбляли его соотечественников, особенно потому, что вместо того, чтобы разбогатеть, как учителя мудрости из-за границы, он пренебрегал своими делами. Мы сами вряд ли исключили бы Сократа из категории софистов из-за его заслуг как диалектика, если бы реакционная демократия реставрации не казнила его как человека, опасного для общего блага. Он предпочел умереть, чем сделать что-либо, что противоречило бы его сознанию праведности, его Логосу, вере в реальность Добра, которую он не мог доказать рационалистическими методами; и моральное величие его смерти создало для веры человечества образ, который вечно свидетельствует о том, что человек свободен и счастлив, если он может основывать свои действия на вере в Добро; ему не нужен будущий мир наказаний и наград. Этот эксцентричный афинянин с лицом Силена не стремился стать богом, как Геракл, он чувствовал бы себя более комфортно в педантичной, чем в героической атмосфере: он просто не делал ничего, что считал неправильным. Утверждение, что воля подчиняется разуму — в большинстве случаев такое жалкое хвостовство! — для него было правдой. Сократ был афинянином до мозга костей и поэтому лояльным гражданином демократического государства; но, как и Солон, он сочетал в себе ионийский и дорийский темперамент; и, как и законодатель, он был лишен чувства мистицизма и всей сферы Неизвестного. Его жизнь понятна только как результат истории Афин; его смерть делает его типом человека, каким он может и должен быть. До тех пор, пока человечество будет существовать на нашей планете, пережить последние часы жизни этого старого и уродливого плебея будет главным опытом нашего нравственного воспитания.

То, что мы можем это сделать, что мы можем иметь Сократа в качестве нашего учителя, мы обязаны исключительно и полностью верности и поэтическому гению человека (Платона), который в дни этой агонии поставил перед собой задачу показать, что, как бы ни было трудно определить честность, мужество, благочестие и другие добродетели, честный и

мужественный, а значит счастливый человек продемонстрировал на собственном примере реальность этих абстракций. Одного этого было бы достаточно, чтобы сделать Платона благодетелем человечества, но это лишь малая часть его трудов. Совместив все, чему его научили Сократ и школа софистов, он объединил математику и мистицизм Пифагора. Он основал школу, которая была предназначена служить целям организованной научной работы на протяжении почти тысячи лет и которая является прототипом всех подобных организаций. Он закладывает основные принципы каждой философской науки, создавая и, когда считает, что нашел лучший путь, разрушая заложенные им самим основы. Многие из его интуитивных открытий были подтверждены только спустя столетия и десятилетия; другие все еще ждут подтверждения. Сила, присущая ему, лучше всего доказана энергией тех, кто уверяет нас, что его время прошло. Он поставил Эроса посредником между небом и землей; этот Эрос не имеет более достойного пристанища, чем сочинения Платона; благодаря им даже сегодня Психея учится пути к небу. Но Платон — грек до мозга костей, его можно понять только через его народ, а его народ — через него.

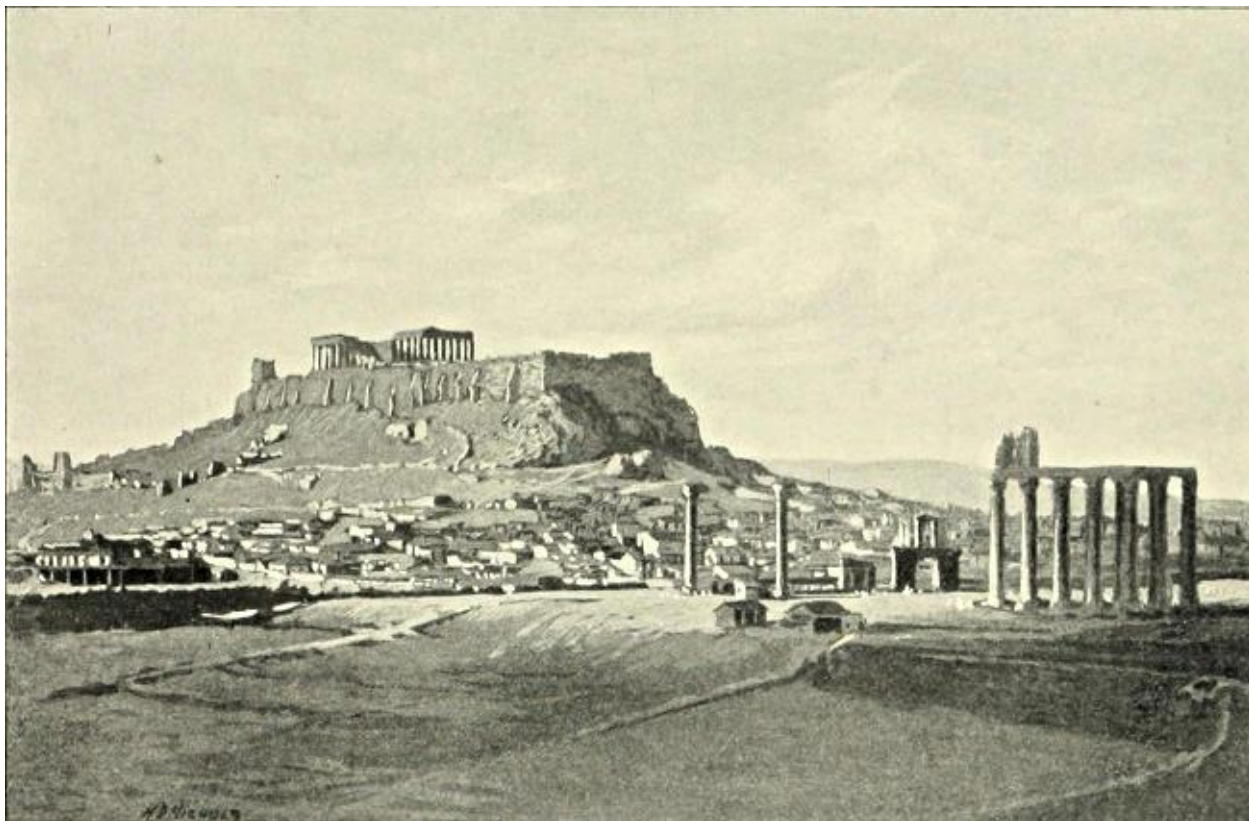
Платон был поэтом; и хотя он полностью сосредоточил свой ум на вечном типе, чрезмерно пренебрегая индивидуальным явлением и полностью отодвигая свою индивидуальность на второй план, тем не менее эта индивидуальность с ее поэтическим гением « » (вечно-светящимся) бросала свет и тень в ошеломляющей череде на каждую область созерцания, как полная луна, проносящаяся над горами и равнинами Аттики.

Науке требовались хладнокровное суждение и осторожность систематизатора. Она нашла их в лице Аристотеля, великого строителя среди людей (*baumeisterlicher Mann*), как называл его Гете. Именно благодаря ему наука впервые получила систематическое обращение и метод — инструменты своего ремесла. Существование этого человека и его работы навечно свидетельствуют о неестественном характере разделения единого и неделимого тела науки, пусть даже только на естественные и абстрактные науки. Ведь даже при сборе материала он трудился одинаково для всех отраслей. Бесплезно спрашивать, что было больше: его личные достижения или те, которые обязаны своим рождением его примеру. Ведь его последователи продолжали работу в его духе, даже более верно, когда, часто после бурных споров, они продвигались дальше него, чем когда они довольствовались просто разработкой плана мастера-строителя. Происходя из семьи врачей и обладая ионийским темпераментом, он внес наиболее существенный вклад в наследие, завещанное Платоном, в области естественных наук Ионии. Но он также хорошо знал все принятые в Афинах приемы ораторского искусства, авторитетно высказывался по вопросам логики, риторики и поэзии и умел обращаться со всеми литературными формами с мастерством настоящего мастера. Однако он не обнаружил свой собственный особый стиль, пока не соединил лаконичную простоту ионийской научной фразеологии с аттическим равновесием и аттической элегантностью. Таким образом, он стал отцом научной прозы, учебников, лекций и практических исследований. Даже в несовершенных переводах он давал пищу для мощных умов. Его собственные слова будут звучать современно до конца времен.

Характерным отличием между этими двумя философами является то, что Платон, несравненный мастер слова, яростно критиковал риторику, в то время как Аристотель сделал ее одним из основных элементов своей программы образования. Она была силой, и он соответственно с ней считался, не без уступки современным вкусам, которую мы не можем одобрить. Для современного ума риторика является наименее привлекательным элементом культуры и литературы древности. Мы можем понять, что в условиях политической агитации, которая пронизывала Аттическую империю, ораторское искусство, которое было повседневной необходимостью в парламентских дебатах и в судах, неизбежно должно было развиваться в искусство, и что литература должна была возникнуть в соответствии с нашей повседневной прессой. Также мы можем понять, что многообразная

интеллектуальная деятельность эпохи софистов и первые попытки науки нуждались в органе, который не только передавал бы практическую информацию, но и имел бы в виду эффект. То, что эта проза стала аттической, несмотря на то, что язык Афин едва прошел первую фазу развития в трагедии, было неизбежно с того момента, как Афины заняли лидирующее положение в Греции. В сфере языка, во всяком случае, страна достигла национального единства. Но для нас на первый взгляд кажется чудовищным тот факт, что в эпоху Перикла возникла установленная форма ораторского искусства, которая не только сознательно конкурировала с поэзией, но и стремилась заменить ее — и которая фактически преуспела в предотвращении развития какого-либо нового поэтического метода. Весь классический мир, включая латинян, посвятил этому искусству красноречия немало труда и мастерства, и его теория искусства в конечном итоге сделала поэзию лишь его подразделом. Сейчас мы все больше и больше начинаем понимать, как много современная поэзия обязана именно этой прозаической поэзии и ее методам: современное связующее звено рифмы было бесспорно открыто Горгием, которого Платон атаковал как поборника риторики; промежуточные звенья лежат перед нами в непрерывной цепи. Наше удивление утихает, если мы избавимся от предрассудков и осознаем, насколько произвольна любая граница между поэзией и прозой. Не только стихи Уолта Уитмена, но и многие из лучших стихотворений Гете были бы расценены любым греческим искусствоведам как проза. Проза действительно подразумевает, что язык движется пешком; обратное — что он взмывает ввысь с помощью того или иного приёма — применимо ко всем условным формам речи; независимо от того, выдержана ли она в регулярном размере или нет, это не имеет значения по сравнению с тем фактом, что она пронизана размером. Эллинская предвзятость в отношении стиля проявляется здесь в создании определенной формы, и мы не можем подвергать сомнению тот факт, что развитие периода требовало нового стиля, не ограниченного законами метра. Ведь на таком высоком уровне цивилизации поэтическая форма не достаточна для того, что мир хочет сказать и услышать. Пустая и условная рифмовка, опирающаяся на стилистические приемы, несомненно, достигла дурного престижа в греческой и латинской ораторском искусстве; но подобное зрелище было предоставлено поэзией и искусством резца и кисти. Если человек имел что сказать, как Аристотель, Полибий и Плутарх, ему не вредило облекать свои мысли в форму, эффект которой мы воспринимаем приятно, даже не понимая искусства, которому она обязана. Та же самая художественная условность и по сей день придает французской прозе, будь то литературной или вежливой беседе, очарование, которым германцы не обладают в равной мере. И французы достигли этого благодаря риторическому образованию, традиционно происходящему от методов древности. То, что элегантность не является для них врожденным качеством, показывает бесформенность такого великого писателя, как Рабле. Если бы мы могли прочесть законы Солона, то поняли бы, что аттическая элегантность также не была даром небес. Искусство, которое мы по-прежнему находим доминирующим в проповедях и житиях святых византийцев, является силой, которую нельзя презирать, даже несмотря на ее историческую ценность.

АКРОПОЛЬ СЕГОДНЯ

Опять же, в первую очередь Платон был против не этих условных уловок. Он был достаточно логичным, чтобы оценить высокую образовательную ценность приведения мысли в движение в регулируемых периодах (что многие люди сегодня упускают из виду); но поэт, рожденный небом, чувствовал, что этот интеллектуальный механизм противоречит прямому бессознательному самораскрытию эмоционального опыта. То, что вызвало у него страстный протест, было притязание риторики на формирование молодежи. Это должно было начинаться на основе новой системы, поскольку старое обучение музыке и гимнастике больше не было адекватным. Вопрос стоял между научным и философским образованием (Платон имел в виду, в частности, математику, которой мы также уделяем внимание) и традиционным и механическим обучением ума. Нет сомнений, что риторики обеспечивали последнее. Именно риторику стремятся достичь наши школы, практикуя устную и письменную речь на родном языке, и именно риторику они ранее стремились достичь, говоря и пишу на латыни. Платон отверг это, потому что это не было подлинным знанием, а тот факт, что ритор брал на себя смелость говорить обо всем, независимо от того, насколько он был знаком с предметом, и никогда не пытался скрыть, что он стремился к эффекту и ни к чему другому, казался ученику Сократа беззастенчиво аморальным. И когда Исократ, самый успешный и систематичный учитель риторики, назвал свою форму обучения философией, это, должно быть, прозвучало как насмешка в ушах подлинного философа. В молодости Платон на собственном опыте убедился, что ни одна поэтическая форма не подходит для изображения того, что для него было самым благородным из всех видений — Сократа в беседе со своими учениками и софистами. Он чувствовал в себе способность воплотить это видение непосредственно с помощью воспроизводящей силы воображения, не прибегая к каким-либо стилистическим условностям, кроме собственного поэтического огня. Таким образом, в божественном безумии поэта, о котором он позже говорит в *«Федре»*, он нашел форму, которая ему подходила. Эту форму он усовершенствовал и создал в расцвете своих сил произведения, в которых мы находим все достоинства всех

видов поэзии и риторики, но которые, тем не менее, являются чем-то совершенно отдельным и уникальным. В старости он, вероятно, почувствовал, что форма больше не соответствует содержанию, но не захотел от нее отказываться; и тот, кто в молодости горел энтузиазмом вместе с юным Платоном, в старости охотно прислушивается к стилю своей старости, потому что душа внутри него не состарилась. Великие писатели, такие как Аристотель и Цицерон, надежно сохранив эту характерную форму, которая была естественна только для одного периода и одного человека, в ячейках своей эстетической системы, действительно создали замечательные диалоги. Тем не менее, они являются подделками, и это полностью антиплатонический классицизм, который считает или считал бы диалог истинным или даже особенно хорошим методом научного исследования и изложения. Диалог Платона — это чудо, которое будет просвещать мир до конца времен, как афинская трагедия и комедия Аристофана; но он специфически афинский. Именно поэтому Аристотель в лучшие свои годы отказался от диалога в пользу простого изложения идей. Если бы усилия Аристотеля увенчались успехом, спор между риторикой и философией был бы урегулирован, поскольку риторическое образование заняло бы свое надлежащее и подчиненное место в философском образовании молодежи. Но непредвиденное расширение эллинской цивилизации не позволило такому развитию, и в более поздний период эта сила была утрачена. В диалоге *«Оратор»*, который наиболее близок по своему характеру к платоновским произведениям, Марк Цицерон, хотя и сам принадлежал к риторической школе, возобновляет попытку подчинить риторику научному образованию. Тем самым он воспроизводит идеи своих современников, последователей Платона в Академии. Эта попытка не увенчалась успехом ни в Риме, ни в Греции. Одним из самых ярких признаков упадка в эпоху империи является тот факт, что философия, за исключением узких схоластических кругов, уступает первенство риторике. Там, где латинский язык преобладал в особенности, философия становится не более чем частью общего образования; в то время как риторика, благодаря приверженности аттическим образцам стиля, которые становятся все более близкими и сложными, все больше превращается в пустую игру слов, которая служит только для маскировки внутреннего упадка, который она ускоряет. И все же вид вьющегося плюща на стволе мертвого дуба является справедливым.

На протяжении веков великим образцом для всех риторов был Демосфен. Его неповторимое величие наиболее ярко проявляется в их подражаниях, даже если речь идет о Цицероне. Он тоже понятен только в связи со своей эпохой и своим городом, единственным временем и местом, которые могли породить его как свой естественный плод. Государственные деятели великой эпохи Афин работали с живым словом, не закрепленным в письменных документах — так, например, Перикл. Постепенно политические памфлеты начали пробивать себе дорогу, выбирая среди других форм форму *δημιουργία*, или парламентской речи. Ведущие государственные деятели, конечно, писали очень редко, но литераторы, которых они сделали своими рупорами, со временем стали влиятельной силой в формировании общественного мнения. Среди них выделялся Исократ; он тоже использовал форму *δημιουργία* среди прочих, а его отточенное искусство речи придавало ей характер, который, должно быть, резко контрастировал со словами, продиктованными страстью момента в Пниксе. В результате сложившихся условий речи в судах иногда были приспособлены для того, чтобы производить эффект памфлета практически в той же форме, в которой они были произнесены. Популярность риторики также сохранила многие речи в судах, которые не имели особой тенденции, и таким образом, как ни странно, специальные ходатайства проникли в литературу. Но Демосфен был первым, кто поднялся до положения ведущего государственного деятеля благодаря публикации речей к народу или в судах, которые он либо действительно произносил, либо приводил в эту форму. Одновременно его произведения заняли свое место среди самых выдающихся классических произведений его народа. Его единственным образованием было образование адвоката, которое, надо

признать, включало в себя все искусства речи; ничто, что можно было бы хотя бы отдаленно назвать наукой, никогда не касалось его. В нашем моральном суждении о нем мы не должны применять никаких других стандартов, кроме тех, которые он сам признавал; он воспользовался той свободой, которой пользовались патриотические афинские государственные деятели еще во времена Фемистокла. Возможно, это не соответствовало платоническим стандартам, но тогда и государство Афин им не соответствовало. Очарование Демосфена заключается в его вере в демократические империалистические идеалы Афин Перикла. То, что эти идеалы давно утратили всякую надежду, было ключом к его судьбе; он сам был разрушен этим фактом. Его величие заключается в том, что силой слова и верой, которая делает слово сильным, он почти сумел вдохновить свой изможденный и эгоистичный народ своим патриотизмом и что, несмотря ни на что, Афины вновь вышли на арену, чтобы отстаивать свободу против Филиппа ценой жизни своих граждан. Трагическая сторона этого величия усиливает его очарование для того, кто видит сквозь иллюзии Демосфена и воспринимает исторически более правильную позицию Филиппа; но огонь страсти Демосфена увлечет даже такого человека. Это не то очарование, которому подвержены были риторика. То, что их очаровало, сначала отталкивает нас. Эллинское искусство сдерживало всю дикость и страсть, сводя их к самой гладкой, самой гармоничной форме. Демосфен не говорил так, в этом мы уверены. Как писатель, он практикует искусство конвенционализации с самым здравым суждением и самым осторожным интеллектом — мы обнаруживаем, что этот оратор может делать все, что ему угодно, его сила не знает границ; но он сам определяет узкие пределы, соответствующие росту гармоничной красоты; красоты, если хотите, стиля, в котором современное искусство украшало свои мавзолеи; ведь и в случае со Скопасом и Леохаром под размахом прекрасной линии дремлет огромный пафос.

Афинская независимость и мощь, а также греческая свобода, в противовес которой Филипп выглядел варваром и тираном в глазах Демосфена, на самом деле давно были лишь призраком. Попытка афинских государственных деятелей, от Аристиды до Перикла, превратить в афинскую империю конфедерацию городов, которая возникла в результате отражения персов, была величайшим деянием эллинов в сфере политики. Концентрация их цивилизации в единое целое под гегемонией Афин была достигнута. Но исход, который предвидел молодой Фукидид, когда в начале Пелопоннесской войны он решил написать свою историю, оказался иным, чем он, возможно, предполагал ( ), или чем можно было предположить с человеческой вероятностью. Афины не имели сил подчинить Пелопоннес; Спарта подчинила Афины и разрушила империю — но с помощью персов, которые были настоящими победителями. Результатом стало не только опустошение и ожесточение, сопутствующие длительной гражданской войне, но и отчаяние в отношении любого благоприятного исхода — да и вообще любого исхода. Восстановление афинской демократии, катастрофа Спарты, которая после Левктры может только бороться за свое существование, эфемерный подъем Фив, обусловленный превосходством одного человека, — все это не имеет дальнейшего значения в истории нации, кроме как подчеркнуть тот факт, что ни один из этих маленьких городов не мог сохранить суверенитет ни внутри страны, ни над своими соседями; что они существовали только благодаря общей слабости. Даже персидская мощь, которая так часто навязывает свою волю грекам даже без помощи вооруженных сил, существует только потому, что никто не нападает на нее. Всему этому миру не хватает доминирующей воли, которая принуждала бы его к своей выгоде. Ему не хватает хозяина. Многие осознают это, многие говорят об этом; в частности, это чувство широко распространилось в государстве, основанном на насилии и тем не менее могущественном, которое Дионисий Сиракузский создал для себя, победив карфагенян в час их нужды. Падение его династии вызвало реакцию, и дух древней муниципальной независимости обязан своей силой тому факту, что монархия, казалось, ставила под угрозу

даже личную свободу индивидуума. Как Филипп решил бы проблему, поставленную перед ним в день при Черонеи, бесполезно гадать. Задолго до этого пожилой Исократ призвал его занять место генерала Эллинского союза против персов. И теперь его сын столкнулся с той же проблемой. Именно он ее решил. Он был и остается господином, в котором нуждался эллинский народ.

Демосфен и все те, кто присягал старым идеалам суверенных городов, будь то олигархии или демократии, естественно, были неспособны понять великого царя и его империю, но даже Аристотель, похоже, думал так же, как и они, хотя он был наставником Александра и ясно видел необходимость реформ в обществе и мелких государствах и был сильно склонен воплощать свои политические теории в жизнь. В его исторических сборниках игнорируется македонская монархия, а его теории не вызывают подозрений в отношении того, что Александр задумывал и осуществлял. Это не должно нас удивлять, даже если мы видим в Александре венцом греческой цивилизации. Ведь все действительно великие люди в истории кажутся вдумчивому взгляду потомков провидением, появившимся в нужный момент, чтобы осуществить то, что давно предсказывали как необходимость, пророчествовали и к чему готовились. На самом деле они достигают результата совсем иным образом, своим собственным, часто противоречащим всем ожиданиям, поскольку они справедливо наполнены чувством, что вносят что-то новое и оригинальное. Но современники, не имеющие возможности читать историю в обратном порядке от события (даже если их интерпретация, вероятно, была бы верной), испытывают столкновение этого нового вклада с тем большей силой, чем выше они стоят над обычным стадом, которое, в конце концов, только подхватывает лозунг, восклицая «Осанна!» в воскресенье, а в пятницу «Распни!». Даже сейчас она считает себя необычайно мудрой за то, что берет свои лозунги у Демосфена или Аристотеля для осуждения Александра.

Александр отправился в Азию с намерением захватить империю персидского царя. Он достиг этой цели не в дикой оргии победы, а благодаря упорному настойчивому труду, который занял три года для завоевания и организации восточных провинций, но не перешагнул через себя с помощью чрезмерных амбиций. Только легенда делает его завоевателем мира. Он был македонцем, наследственным царем феодального государства, которое энергия его отца превратила в военную монархию. Он был греком в том смысле, который даже журналисты давно научились выражать, говоря, что грека делает не раса ( ), а образование. Но он также был признан законным преемником Ахеменидов и сам был готов нанимать персов наряду с македонянами и эллинами на службу империи. Соответственно, его империя не должна была основываться на национальности, она должна была возвышаться над народами и государствами. Он предоставил самоуправление в самом широком смысле этого слова королевствам, полукцивилизованным племенам, греческим и другим городам; он не только уважал все местные особенности нравов и религии, но даже зашел так далеко, что освободил народы от иностранного ига, как, например, в случае с египтянами. Но его империя должна была быть больше, чем конфедерация, она должна была быть эффективным образованием с имперским правлением, верховным над всеми, с имперской армией, готовым инструментом войны в руках суверена, чтобы обеспечить Всеобщий мир, как он называл свою империю, и с королевскими чиновниками, способными осуществлять достаточную власть для защиты не только составных частей империи друг от друга, но и отдельных лиц от произвольных действий отдельных общин. Наконец, он реализовал цивилизационную миссию государства так же полно, как и любой другой принц; он взялся за ирригацию Месопотамии, основал города, построил гавани и приступил к научному исследованию своего недавно открытого мира в стиле, которому даже в настоящее время мало аналогов.

Имперское правительство, как и имперская армия, было сосредоточено, головой и сердцем, в короле. От его личности зависело все. Абсолютная монархия была единственной возможной формой правления империи. Основатель этой империи, который имел на теле столько же ран, сколько и любой из его ветеранов, который лично командовал во всех сражениях, который сам, неустанно трудясь, вел дела администрации, вполне мог считать себя истинным королем, право которого на власть не оспаривал даже его учитель Аристотель, хотя тот и сомневался в возможности существования такого человека. Но Александр ни в коем случае не считал себя сувереном потому, что обладал властью. Он считал себя царем по милости Божьей, но не в смысле более или менее сомнительной легитимности, которую многие великие и мелкие правители склонны выдвигать в качестве единственного доказательства своего титула, а в том смысле, в котором подлинный художник и пророк могут претендовать на то, чтобы быть хранителями божественного духа. Когда Александр выдвигал на первый план божественное начало в себе, это было противоположностью самонадеянности. При жизни он проявлял самую скрупулезную набожность, и презирать его за лицемерие было бы презренно; он гораздо больше верил в чудеса и оракулы, чем мы готовы приписать ученику Аристотеля, хотя мы легко можем понять это в македонце и солдате. Для него это было откровением с небес, когда ливийский бог приветствовал его как своего сына. Разве его предок Геракл не был сыном Зевса и Амфитриона? Для него лично это было подтверждением его веры в свою миссию, а божественность его правителя придавала его империи религиозное освящение. В соответствии с этой идеей поклонение Александру заняло место над бесчисленными особыми культами племен и городов, семей и общин, став религией империи в целом. Есть много примеров того, как поклонение правителю занимало место в пантеоне наряду с поклонением божествам, имевшим тысячи разных имен и обликов; для поклонения умершим монархам прецедент дает древняя и священная практика почитания предков. Поклонение Платону и Эпикуру имело точно такой же характер. Таким образом, злоупотребления, в которых виновны слабаки и негодяи на троне, а также льстецы и подхалимы среди подданных, не должны нейтрализовать исторический и духовный авторитет института поклонения правителю, который неразрывно связан с институтом монархии Александра. Эта монархия является высшей стадией политической и социальной организации, достигнутой в древности. Ведь столь прославленная Римская империя — не что иное, как этот вид монархии, *imperium et libertas*. Цезарь фактически устремился к короне греческого царя. Что касается Италии и Запада, то Август, безусловно, хотел быть первым гражданином и не более того — доверенным агентом суверенного народа. Но для греческой половины его империи он с самого начала был и царем, и богом, и своей победой он обязан не в последнюю очередь своей собственной вере и вере других в божественность своего приемного отца. Со времен Адриана теория Августа была в основном опровергнута даже на Западе.

Это эллинистическое государство позволило отказаться от плана Александра; он бы предоставил персам полные права гражданства. Отныне эти права принадлежат только человеку, который был эллинизирован — юридическим подтверждением такого статуса является членство в эллинистическом сообществе. Это ясно прослеживается в Египте, где даже римский император не дарует римского гражданства ни одному египтянину, который не был принят в один из греческих городов страны. (В этой связи мы можем не учитывать специфически римские институты.) В остальном царь стремится сохранить идеалы древней Греции — свободного человека и свободного государства. Личная и экономическая свобода, правовая защита и свобода эмиграции в большинстве случаев гарантированы не только подданным одного королевства, но и всем грекам. Аналогичным образом, города пользуются весьма значительной свободой действий, степень которой варьируется от номинального суверенитета до управления королевскими чиновниками, которое в

настоящее время установлено в Александрии. Древние греческие муниципалитеты Азии, в частности, пользовались гораздо большими привилегиями, чем, например, города латинских стран в настоящее время. Напротив, сельская местность почти повсеместно была отведена под муниципальные общины; та тенденция, с которой мы знакомы по Римской империи, превращать народы, которые не принимали городские поселения (например, кельты), из племен в города, пусть даже только на бумаге, в равной степени заметна и в Сирии. Египет оставался «сельской местностью», *Хорой*, но при этом оставался варварским и порабощенным. Одной из причин гибели цивилизации древности был тот факт, что фермеры находились под опекой или даже в рабстве у города и отставали от него в образовании. Рабство как институт имело место только в западной половине империи, но не в Египте, Палестине и больших районах Азии. Сообщество, которое владеет собственной собственностью, взимает собственные налоги, имеет собственные законы и суды, собственную конституцию и выборных магистратов, является свободным во всех отношениях; тот факт, что она платит фиксированную дань королю и оставляет на его усмотрение или решение все вопросы мира и войны, взаимоотношений с иностранными государствами или даже с общинами, имеющими такой же политический статус, и во многих отношениях практически подчиняется его контролю, не умаляет ее свободы. Опасность такой ситуации заключается в том, что она сводит к минимуму интерес к собственному городу среди наиболее способных его граждан. Она не предлагает карьеры для эффективной политической деятельности. Хуже того, гражданин перестает носить оружие. Армия состоит из королевских войск, официальные звания присваиваются по королевскому назначению, и только монархия располагает большими ресурсами. К этому центру, к дворам и столицам тянется жизнь и всевозможные таланты. Очень немногие из свободных городов, в основном те, которые все еще сохраняли свои суверенные права, такие как Родос, оставались центрами цивилизации. Ни одно из новых поселений не стало таким, если только оно не было королевской столицей. Несомненно, не может быть подлинного патриотизма, когда гражданин не принимает участия в общественной жизни ни советом, ни действием. Несомненно, правительство, которое полностью опирается на способности суверена ( ), не может быть ни стабильным, ни долговечным. Но в целом мы должны признать, что эллины жили спокойно при таком правительстве. Только древние мелкие государства предпочли истечь кровью, чем отказаться от пустого имени свободы. Мы можем с симпатией относиться к попыткам создания конфедераций, предпринятым Критом, Пелопоннесом и Этолией, но мы не можем отрицать, что с политической точки зрения они не имеют большого значения; они не играют никакой роли в истории цивилизации.

Около 330 года были три человека, которые выступили в качестве представителей великих идеалов жизни — Александр, Аристотель и Демосфен. Демосфен погибает; время его греческой свободы и величия прошло; будущее принадлежит героям *vita activa* и *vita contemplativa*, людям действия, которые страстно нападают на дорический идеал *софросине*, как Александр, взяв за образец Ахилла Гомера. Во многих случаях они вдохновлены исключительно личными амбициями, и жажда удовольствий соединяется с любовью к власти. Конец — презрение к человеку и тошнота от сытости. Таковы Деметрий, завоеватель городов, и Пирр. Но немалое число людей научились у Аристотеля и Александра, в чем заключается долг царя. Первые правители династий Селевкидов и Птолемеев, Антигон Гонатас и Иеро из Сиракуз, посвятили всю свою жизнь труду и страданиям, выполняя высокий долг правителя. Клеомен из Спарты, социалистический мечтатель на троне, погибает в попытке возродить молодость Спарты и Пелопоннеса.

Люди созерцательной жизни исчезают из общественной и часто из социальной жизни; они привыкают жить в целомудрии в небольших кругах и общинах; на смену приходит только доктрина, причем зачастую эзотерическая, которая соседствует с научными исследованиями. Те, кто воплощают в жизнь то, чему научились у мастеров, как правило, мало способствуют научным исследованиям. Философия вынуждена сделать неизбежный шаг: от нее отрываются различные науки. То, что остается — метафизические и логические спекуляции — тем не менее сохраняет свое верховное господство в силу того, что с этого момента проявляется активная, эффективная сила философии, сила, которую она осуществляет как *magistra vitæ*, как религия сердца и уверенность интеллекта в жизни и поведении. Эта сила распространяет свое влияние на все более широкие круги, хотя и не может достичь низших классов; и пропасть между образованными и неграмотными становится все шире и шире. Афины остаются столицей этой философии; это их единственное отличие. Несмотря на большие различия между школами, они сходятся в том, что их идеалом является мудрец, человек, стоящий особняком, который занимает позицию не только над миром, но и вне его — противоположность царскому типу. Историческая преемственность древних идеалов, ионических не меньше, чем дорийских, несомненна.

Различные науки процветают там, где в их распоряжении есть необходимые средства, то есть при дворах. Это не придает им придворного характера, хотя Эратосфен и Аристарх были наставниками принцев; не только математика, но и все серьезные науки не знают королевского пути для королей. Библиотека, обсерватория, научные коллекции и медицинская школа Александрии, которые намного превосходят все другие, должны рассматриваться как непосредственный результат деятельности школы Аристотеля; первые два Птолемея почитали науку и по этой причине давали ей только средства и свободу. Во II веке их недостойные преемники изгнали сообщество ученых, которые затем обрели свободу по крайней мере на Родосе. Проследивая развитие математики и астрономии, мы видим, как ученые из тех немногих мест, где они с энтузиазмом трудились, поддерживали постоянную связь друг с другом посредством своих трудов; но, несмотря на великолепные успехи отдельных лиц, число тех, кто действительно может следовать за ними, очень невелико, и мы чувствуем, что, если эта переписка прекратится и немногие научные учреждения погибнут, наступит общий застой. Без изучения чистой науки прикладные науки никогда не будут прогрессировать; они скоро утратят свои позиции. Так было даже в той области, где наблюдение и практика наиболее тесно связаны между собой, — в медицине. Благодаря своим географическим, ботаническим и зоологическим исследованиям Александр оставил после себя огромный массив материалов, который сначала был дополнен многими дополнениями. Эратосфен в своей карте мира мог использовать некоторые астрономические определения местности, которые, очевидно, были сделаны для этой цели. Это и есть происхождение сети градусов, которой покрыт глобус, и можно было бы подумать, что другие ученые поспешили бы проверить и дополнить ее дальнейшими измерениями теней. Но это не так. Правда, Эратосфен жил в конце III века, когда великий период прогресса уже закончился, и злой гений Греции набирал силу, чтобы удовлетвориться достигнутым и, канонизировав его, положить конец дальнейшему прогрессу. Критика Гиппарха, вполне обоснованная в абстрактном плане, внесла свой вклад в это, отвергая достигнутое добро и создавая препятствия на пути к большему достижимому добру ради недостижимого наибольшего добра. Каждая область естественных наук представляет собой примерно то же самое зрелище. То, что было достигнуто трудами третьего века, здесь и там развивается дальше немногими (во многих случаях, как и было неизбежно, путем количественного увеличения), но в основном научное мышление было завершено; и отнюдь не все старые идеи были переданы, даже в этой окаменевшей форме. Деятельности девятнадцатому веку, который своими силами достиг несравненной

высоты знаний, оставалось оглянуться назад и оценить по достоинству достижения и интуицию более ранней эпохи.

В области абстрактной науки накопление материала — не только всего литературного наследия, но и всего того, что сохранилось в памяти человека, — было взято на вооружение в удивительно широких масштабах. Ионийцы уже обратили внимание на традиции варварских народов; исследование велось в духе Александра, и вскоре в нем приняли участие эллинизированные варвары, такие как Манефон, Берос и Аполлоний Карийский. Грамматика, наряду с филологией, лексикографией, текстологией и тщательным толкованием, также становится подлинной наукой, важность которой, опять же, первым осознал девятнадцатый век, когда, гордясь своей силой, он превзошел достижения этого раннего периода. Однако ни один шаг не был сделан в направлении создания подлинной науки истории, даже при изучении Гомера, который составлял центр и кульминационную точку этих исследований. Греки также не пытались получить научное представление о каком-либо иностранном языке, даже о латыни. Это одностороннее видение мешало их историческому суждению. Ни один из них не пытался смотреть с точки зрения другого ума, и поэтому их филология и наука истории остались рационалистическими.

Студентами в области языка и литературы были в основном поэты, люди, интересовавшиеся эстетикой; и поэзия того времени, насколько она дошла до нас, либо действительно эрудированная, либо имеет вид и изящество эрудиции, поскольку использует художественные формы более раннего периода, особенно ионической школы. Она демонстрирует огромное количество вкуса и элегантности; она опоясывает величественную жизнь дворов и центров обучения, тихие перистили городских домов и загородных вилл на берегу и у ручья; она богата и украшена, как гротески лоджий в Ватикане и фрески Фарнезины, навязчиво великолепна, как аллегории дворца Дожей и Люксембурга. Но она больше не рождала ничего, что зажигало бы дух всей нации и обращалось ко всему человечеству. Более того, она пренебрегала поиском новых форм и вскоре запретила их поиск. Без сомнения, в низших и численно более многочисленных слоях общества продолжала существовать поэзия, которая удовлетворяла их потребности, поэзия, которая, вероятно, обладала бы для нас сильным очарованием в силу своего народного характера; но роковым злом было то, что нация теперь была совершенно неспособна обновиться за счет появления свежих элементов.

Проза была более национальной по характеру и более ясной. Наша терминология несопоставима с терминологией того периода, и сами произведения стали жертвами более поздних стилевых тенденций, но когда мы видим, что исторический роман, любовная история, *роман-комедия*, роман о путешествиях и т. д. являются продуктами эллинистической культуры, мы подозреваем, что интеллектуальная деятельность в этой сфере была не менее заметной, чем в других.

В III веке склонность к мистицизму, по-видимому, была полностью подавлена, мы не находим никаких следов популярного религиозного движения, которое захватывает сердца людей и пленяет их чувства. Ионический дух преобладает повсюду. Великолепные ритуалы поклонения, строительство храмов и праздники — все это носит отпечаток поверхностности. Даже ученики Платона возвращаются к сократовской критике: результатом этого становится важнейшее научное произведение эпохи, хотя для непосвященных оно выглядит как чистый скептицизм. Однако оно имеет свое дополнение в собственных сочинениях Платона и в практическом признании его морального идеализма. Тем не менее, недостаток очевиден. Даже у самых благородных представителей активной и интеллектуальной жизни мы чувствуем тонкий рационалистический дух. Во II веке мистицизм начинает постепенно выходить на поверхность, часто ассоциируясь с древним

именем Пифагора, нередко предвещая вторжение варварского элемента и варварских религий. Астрология с ее тщетными суевериями уже появилась, подчинив себе ужасно поверхностную псевдонауку.

Даже человек, в котором интеллектуальная культура эллинистического периода в целом вновь величественно воплощается в конце, не избежал заражения этой ложной доктриной; я имею в виду Посидония, который в духе Аристотеля стремился посредством своих открытий, наблюдений и вычислений объединить ту сторону философии, которая касалась естественных наук, с метафизикой и этикой, в первую очередь и главным образом на основе старой стоической школы, хотя и под сильным влиянием Платона и Аристотеля. Помимо этих достоинств, он был блестящим описателем нравов и летописцем современной истории, верным приверженцем римской олигархии, хотя и предпочитал жить на Родосе, самом независимом из свободных городов. Своим монотеизмом, который был для него искренней религией, смесью мистицизма и разума, богатством энциклопедических знаний и пропагандой энциклопедического образования, он оказал на последующую эпоху более сильное влияние, чем любой другой человек; особенно среди римлян, поскольку Варрон и Цицерон, Саллюстий и Сенека находились под его влиянием. При всем нашем восхищении мы должны признать, что он сам не свободен от грубого суеверия, и что его ученость рискует быть размыта общей культурой. Мы можем судить об этом изменении, если вспомним, что он был учеником Панеция, поверхностного и проницательного друга Сципиона Эмилиана, который составил для римлян руководство по цицероновской доктрине долга ( ), впоследствии скомпилированное Цицероном в его *Di Officiis*, и который отверг «Федон», потому что доктрина бессмертия казалась ему недостойной уважаемого диалектика.

Посидоний был родом из Апамеи в Сирии, а страны, в которых большую часть населения составляли семиты, дали миру большое количество современных поэтов и писателей всех видов. Но лучшим свидетельством силы эллинизма являются те круги, которые противостоят ему, в первую очередь евреи, о которых у нас есть наиболее полная информация. Их независимость в деталях имеет гораздо меньшее значение, чем их общность мыслей и чувств. В таких произведениях, как «Притчи», «Екклесиаст» и «Мудрость», влияние греческой мысли очевидно. До и во время маккавейской реакции тематика Ветхого Завета была переработана по греческим методам в романы, эпосы и драмы. Пророчества и апокалипсис связались с поэтическими оракулами Греции, и националистическое движение, лидерами которого вскоре стали сами эллинистические князья, лишь в небольшой степени способствовало разрыву связей. В первые дни империи Филон не менее подвержен влиянию Посидония и Платона, чем Цицерон. Иерусалимские фарисеи и, в еще большей степени, население смешанных районов не могли отречься от эллинистической атмосферы, в которой они жили. Без Александра, без эллинизма мы не можем представить себе появление Евангелий.

Великой задачей эллинизма было образование народа, который им управлял. Это началось в незапамятные времена, когда греческий характер и греческие меры и веса были приняты на Тибре ( ), а первые храмы в греческом стиле возникли на римских рынках в честь богов Греции. Тем не менее латиняне сохранили свои национальные особенности и не допускали греческих поселений на своих берегах. Теперь речь шла уже не о вытеснении греческого языка, а о принятии всей греческой цивилизации. Греческие ученые, слушая речь Марка Цицерона, сетовали, что последнее преимущество их народа было у них отнято, и не без оснований. И все же благодаря завоеванию этой души Запад был завоеван для греческой цивилизации, хотя было не менее очевидно, что эллины однажды будут называться римлянами.

Для истории мира имело первостепенное значение то, что эллинистические царства были слишком слабы, чтобы вступить в решающую борьбу между Римом и Карфагеном, сначала за Сицилию (которая была полностью утрачена для греков), а затем за господство на Западе.

Рим уже изгнал греческое влияние из Италии. Этот важный факт слабости Греции был результатом преждевременной смерти Александра и невозможности сохранить единство империи, борьба за которое длилась пятьдесят лет и позволила возникнуть трем великим державам, которые сдерживали друг друга. К тому времени, когда Рим победил Ганнибала, Египет был настолько ослаблен плохим управлением, что бесславно, но благоразумно поставил себя под защиту Римской республики. Македония пала, но не без чести. Царь Азии больше не имел власти распространять свое влияние на Европу; он уступил Риму страны, которым обязан был этим титулом. Но падение империи, теперь называвшейся Сирией, повлекло за собой укрепление той национальности, которую Александр, правильно оценивая ее значение, хотел завоевать, дав ей долю в правительстве. С приходом к власти Арсакидской династии, называвшей себя филэллинами, иностранная национальность и нетерпимая религия отбросили эллинизм за Евфрат. Римский сенат с неохотой взял на себя управление греческими провинциями, справедливо полагая, что результат будет столь же пагубным для их собственного народа, как и для подчиненных провинций. Тем не менее, более безжалостная группа кровососов едва ли когда-либо нападала на беззащитную добычу. Отчаяние заставило азиатов увидеть спасителя даже в том диком каппадокийце Митридате, что привело к новой катастрофе. Сам Рим был полностью раздроблен, и в конце концов Греция стала ареной решающих сражений римской революции. Родос, последний город, который пользовался некоторой степенью иммунитета, был разграблен освободителями, убившими Цезаря. Насколько люди были черствы к таким катастрофам, мы недавно узнали, когда стало известно, что во времена Суллы северные варвары сожгли храм в Дельфах; это событие было полностью забыто в преданиях, дошедших до нас. Также выяснилось, что, вероятно, в то время был утрачен весь капитал, накопленный и обеспеченный в бесчисленных учреждениях, прекратились праздники богов, игры, банкеты; гильдии распались, даже гильдии музыкантов и актеров, которые обеспечили себе хартии от всех властей; обширные территории страны лежали в запустении. Некоторые отдельные лица приобрели собственность, которая впоследствии стала чрезвычайно ценной, и этот факт сам по себе препятствовал любому здоровому возрождению.

Август был освободителем, который в конечном итоге принес мир и порядок: и греки оказали своему спасителю чрезмерную честь. Он, без сомнения, заслуживал этого, но свежая сила уже не могла подняться в дряхлом и изувеченном дереве. Эллинизм видел, как погибло все, что могли уничтожить огонь и меч; единственное, что осталось нетронутым, было интеллектуальное наследие его предков. С ним он нашел убежище, оно оказалось победоносным даже над римлянами, его господами. Так завершился процесс, который определил будущее мира, процесс, в ходе которого нация не только отказалась от всех политических устремлений, но и стерла из памяти последние три столетия, настаивала на том, чтобы говорить так, как говорили Платон или Демосфен, или даже как Геродот и Лисий, забыла даже о подвигах Александра, размышляя о Саламине и Марафоне, и фактически дошла до того, что стала оспаривать возможность прогресса в поэзии и философии (включая несколько наук) за пределами классической эпохи, которую она решила завершить аттическим периодом. Подражание теперь было единственным безопасным путем, сам принцип прогресса был поставлен под сомнение. Это было так даже больше в теории, чем на практике; например, в изобразительном искусстве по-прежнему создавались оригинальные произведения, потому что художники редко обременены литературной культурой. Но во всей сфере языка результаты не могли не быть катастрофическими, поскольку пропасть между образованными слоями населения, которые благодаря школьному образованию и изучению могли изменять свою речь в соответствии с модой трехвековой давности и более, и народом, речь которого, лишенная всякого благородного влияния, быстро деградировала, вскоре стала настолько широкой, что они едва ли пытались достичь общего понимания. Сложность искусственных форм речи сделала необходимым уделять первостепенное внимание риторике и искусству стиля в школах, и слова постепенно заглушили идеи. Новизна в последних мыслях также не была желательна, они были тем более приветствуемы, чем больше походили на классические слова. Вся цель жизни на самом деле сводилась к повторению форм и содержания (насколько оно вообще существовало), освященных древними обычаями. Были возрождены даже такие устаревшие институты, как гимнастические игры, кропотливо восстановлено старое религиозное поклонение; во II веке после Рождества Христова Аполлон вновь начал давать оракулы в стихах. Авторитет Гомера был возвышен до чрезмерной степени; его знал каждый, кто ходил в школу. В широких кругах использование гомеровских фраз считалось поэзией, гомеровский Олимп — религией, и теперь, впервые, он занял место, которое сегодня занимает Ветхий Завет среди тех, у кого нет других книг. Это наиболее явно проявляется в христианской полемике.

Под либеральным и филэллинским правлением династии, вступившей на престол с Нервой, мир процветал; в материальном смысле Азия никогда не была счастливее. Эта эпоха могла похвастаться ораторами, которые говорили как Демосфен и Платон в одном лице. Среди образованных людей преобладало определенное количество философского образования; не было недостатка в милых и способных личностях; таких людях, как Плутарх, который изображает тот образец настоящего эллинизма, который герои Французской революции приняли вместо оригинала, и который передает, например, Монтеню большую часть мирской мудрости греков. Работа по компиляции, в которой астрономия и география обобщены Птолемеем, грамматика — Геродианом, а медицина — Галеном, имеет огромную ценность с точки зрения истории. Мелкий семитский памфлетист, такой как Лукиан, с таким мастерством копирует изящные формы античности, что в эпоху Возрождения и Просвещения он считается ведущим представителем греческого духа. Но эпоха все же находится в состоянии старческого слабоумия: есть естественные науки без экспериментов, абстрактные науки без беспристрастного исследования, знания без философии. Более глубокие души достигли точки, в которой их сила заключается в смирении. Надежда, единственное сокровище из всех, что осталось в ящике Пандоры в

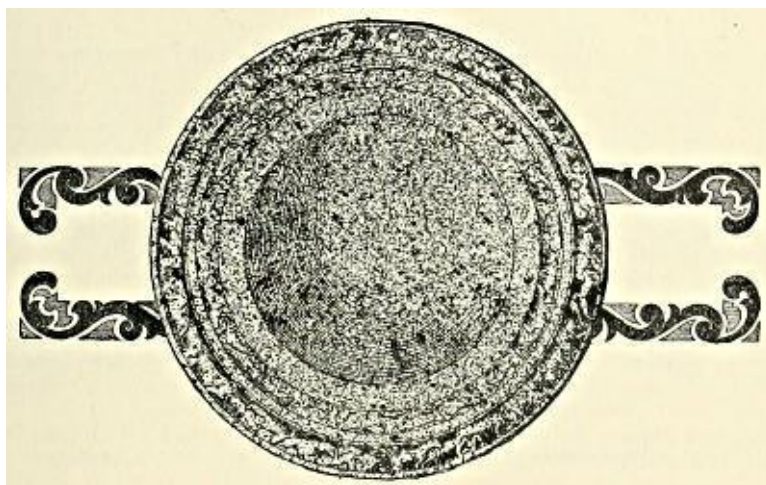
молодости нации, теперь исчезла. Никто не имеет живой веры, кроме тех, кто отрекся от мира. Платонический Эрос больше не является силой, а Агапе известна только тем, кому Павел ее открыл. Души людей утомлены; вскоре начинают болеть и их тела. Эскулап — единственный бог небес, почитание которого процветает наряду с почитанием императоров, богов империи; слабое здоровье тех, о ком мы слышим больше всего, становится тревожным фактором; при Марке Аврелии первая большая волна смертности прокатывается по империи. С этого момента процесс упадка ускоряется, особенно когда при Севере империя попадает в руки варварских полководцев. Не следует также забывать, что Август значительно ограничил восточную половину империи, которой он позволил остаться греческой. Он романизировал провинции на Дунае, Иллирию, Африку и даже Сицилию. Каждый год Восток посылал на Запад сильный контингент, и хотя этот факт внес наибольший вклад в ассимиляцию греческой культуры Западом (например, в Риме языком христианских общин до некоторого времени после этого был греческий), эти эмигранты тем не менее были навсегда утрачены для греческой нации. На Востоке древние народы были в движении; уже во II веке зарождается арамейская литература, во Фригии появляются надписи на народном языке; несмотря на Лонгина, Пальмира Зенобии больше не является греческим городом; наблюдается тревожный рост духовной силы в варварских религиях, даже в той, которая пришла через границу от парфян. В тех кругах, в которые нас приводит так называемый гнозис, которые не состояли исключительно из невежественных людей, греческий элемент является лишь одним из многих. Имперская армия все больше и больше становится силой, способствующей варварству. Неудивительно, что цивилизация рушится, империя распадается, а разорение германцев, которых классицизм той эпохи называет скифами, по выражению Геродота, только начинается. Своими злодеяниями в этот период готы и вандалы вполне заслужили вторичное значение, приданное их имени, хотя оно ошибочно ассоциируется с опустошением Италии и Африки. Они превратили Грецию в пустыню, разрушили Олимпию; что еще хуже, они уничтожили процветание Азии. Атлетические игры, которые заменили гимнастические состязания древности, но всегда сохраняли нечто от духа последних, практически прекратились. Все, что мир позволил создать — храмы, памятники и театры — было разрушено для строительства неадекватных стен. Повсюду тонкий слой образованных классов, покрывавший народ, наполовину отчужденный от цивилизации, полностью погиб. Диоклетиан и Константин восстановили некий порядок, но место греческого царя теперь занял восточный султан; свободный человек вымер. Затем пришла церковь, которая вскоре запретила свободу мысли. Ориген был мыслителем и филологом, почти не имевшим себе равных среди своих современников. Евсевий не имел себе равных среди ученых своего времени. Поэтому не христианство было виновато в том, что эти два человека не имели последователей, а уступили место полуслепому и едва честному суеверию Афанасия и вульгарному злоупотреблению Эпифания. Напротив, христианство продемонстрировало свою близость к эллинской цивилизации тем самым фактом, что они вместе увяли. Его земная победа должна ослепить глаза тех, кто меньше всего верит в Царство Божие, о котором проповедовал Иисус. От этого почти не осталось следа на Никейском соборе.

Качества, которые способствовали упадку цивилизации, были по сути греческими — удовлетворение нынешними достижениями и почитание власти. Классицистическое движение позволило им обрести исключительное влияние. Рука об руку с ними шло тонкое чувство формы; способность к подражанию никогда не достигала больших успехов. Христианство также подчинилось игу классической риторики; об этом свидетельствуют впечатляющие проповеди великих каппадокийцев, не менее чем детский *«Симпозиум дев»* Мефодия. В союзе с церковью эта формальная культура имеет большую заслугу в том, что сохранила значительную часть литературы древности в качестве помощи в образовании. Греческая способность к абстрактному мышлению проявила себя как мощная сила как во

благо, так и во зло. В середине ужасного III века она смогла укрыться в более чистом воздухе нематериальных концепций, хотя и ценой утраты удовольствия от видимого мира, характерного для ионической школы.

В этом последнем великом философском движении, назвавшем себя в честь Платона, от него осталось лишь имя и мистицизм его старости; и оно никогда не было более чуждо греческому духу, чем когда пыталось с помощью фантастической некромантии удержать древнюю систему религии. Такой же образ мышления практически в той же степени преобладал на христианской почве, и не только во многих кругах, отвергнутых церковью; ортодоксальная догма сама по себе является лишь одной из этих систем, хотя и канонизированной и сохранившейся на протяжении веков вместе со всей классической цивилизацией. Эта апатия естественно отталкивает нас, особенно когда мы сравниваем ее с активным прогрессом римской церкви, которая взяла на себя задачу цивилизации Запада из рук имперского Рима и превзошла все, что он сделал. Тем не менее, есть некое величие в зрелище этой древней и мумифицированной цивилизации, сохранившей греческий народ от полного разрушения, в конечном счете, перед лицом порабощения варварской расой и суровой и агрессивной религией. Но если такое великое политическое и интеллектуальное будущее, какого мы им желаем, когда-нибудь улыбнется грекам, или, вернее, римлянам, то оно не придет путем восстановления какой-либо устаревшей формы, оно не будет непосредственно вызвано духом древности, будь то греческой или христианской; но весь народ должен обновиться путем ассимиляции современной культуры Запада. Необходимо помнить, что Запад не подражал элинам, а правильно использовал их наследие, чтобы освободиться и обновиться. Эту услугу они по-прежнему оказывают и будут продолжать оказывать каждому человеку. Поднимая глаза на славу Греции, будь то гомеровская или дорическая, афинская или эллинистическая, люди, следующие принципу « », будут всегда черпать силу, чтобы быть свободными и добровольно служить Идее, и таким образом, если они сбились с правильного пути, научатся находить дорогу обратно к природе и Богу.

В политическом плане греки не завоевали господство над миром, они даже не достигли национального единства; но благодаря им все же возникла однородная цивилизация для всего мира. Мы тоже верим в такую цивилизацию будущего и трудимся над ее реализацией, потому что мы желаем и отстаиваем братство и согласие многих народов, стран и языков. Но цивилизация мира не знает более прочной связи, чем основа, общая для всех подлинных цивилизаций, и это наше наследие от Греции.

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

[Буква ^a зарезервирована для редакционных материалов.]

ГЛАВА XXXVII. ЦАРСТВО ТЕРРОРА В АФИНАХ

^b Конноп Тирлволл, *«История Греции»*.

^c Ксенофонт, *Эллинские войны*.

ГЛАВА XXXVIII. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

^b Джордж Гроут, *«История Греции»*.

^c Конноп Тирлволл, *указ. соч.*

^d Пьесы Аристофана.

^e Пьесы Еврипида.

^f Речи Лисия.

^g Фукидид, *«История греческой войны»*.

^h Плутарх, *Жизнь знаменитых людей*.

ГЛАВА XXXIX. СОКРАТ И СОФИСТЫ

^b Уильям Митфорд, *«История Греции»*.

^c «Федон» Платона (перевод Генри Кэри).

^d Джордж Грот, *указ. соч.*

^e Ксенофонт, *«Воспоминания»* и *«Апология Сократа»*.

^f Клавдий Элиан, *«Разные истории»* (перевод А. Флеминга).

^g Диодор Сицилийский, *Историческая библиотека*.

ГЛАВА XL. ОТСТУПЛЕНИЕ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ

^b Уильям Митфорд, *указ. соч.*

^c Ксенофонт, *«Анабасис»* и *«Катабасис»*.

^d Плутарх, *op. cit.*

^e Фридрих Д. Шлоссер, *Weltgeschichte*.

ГЛАВА XLI. СПАРТАНСКОЕ ГОСПОДСТВО

^b Карл О. Мюллер, *«История и древности дорийского народа»* (перевод Тафнелла и Льюиса).

^c Джордж Гроут, *op. cit.*

^d Джон Б. Берри, *«История Греции»*.

^e Аристотель, *Политика*.

^f Виктор Дюрюи, *«История греков»*.

ГЛАВА XLII. СПАРТА В АЗИИ

- ^b Уильям Митфорд, указ. соч.
- ^c Ксенофонт, указ. соч.
- ^d Конноп Тирлволл, указ. соч.
- ^e Плутарх, указ. соч.

ГЛАВА XLIII. КОРИНФСКАЯ ВОЙНА

- ^b Уильям Митфорд, указ. соч.
- ^c Ксенофонт, указ. соч.
- ^d Диодор Сицилийский, указ. соч.
- ^e Конноп Тирлволл, указ. соч.
- ^f Джордж Гроут, указ. соч.
- ^g Джордж В. Кокс, *Афинская империя*.
- ^h Джон Б. Берри, указ. соч.
- ⁱ Бартольд Г. Нибур, *Лекции по древней истории*.

ГЛАВА XLIV. ВОЗВЫШЕНИЕ ФИВ

- ^b Эрнст фон Штерн, *Geschichte der Spartanischen und Thebanischen Hegemonie*.
- ^c Ксенофонт, указ. соч.
- ^d Диодор Сицилийский, указ. соч.
- ^e Джордж Гроут, указ. соч.
- ^f Джон Гиллис, *«История Древней Греции»*.
- ^g Юлий Белох, *Griechische Geschichte*.
- ^h Адольф Хольм, *История Греции*.
- ⁱ Джон Б. Берри, указ. соч.
- ^j Джордж В. Кокс, указ. соч.
- ^k Георг Бузольт, *Griechische Geschichte*.

ГЛАВА XLV. ДЕНЬ ЭПАМИНОНДА

- ^b Бартольд Г. Нибур, указ. соч.
- ^c Джордж Гроут, , *op. cit.*
- ^d Джордж В. Кокс, указ. соч.
- ^e Уильям Митфорд, указ. соч.
- ^f Эрнст Куртиус, *Griechische Geschichte*.
- ^g Эрнст фон Штерн, указ. соч.

^b Конноп Тирлволл, указ. соч.

ⁱ Плутарх, указ. соч.

^j Диодор Сицилийский, указ. соч.

^k Ксенофонт, указ. соч.

^l Павсаний, «Описание Эллады».

ГЛАВА XLVI. КОГДА ФИВЫ БЫЛИ ВЕРХОВНЫМИ

^b Георг Вебер, *Weltgeschichte*.

^c Ксенофонт, указ. соч.

^d Джордж Гроут, указ. соч.

^e Исократ, *Архидам*.

^f Цицерон, «Тускуланские беседы» (*Tusculanarum Disputationum Libri V.*) и «Об ораторе» (*De Oratore*).

^g Полибий, «Всеобщая история».

^h Плутарх, указ. соч.

ГЛАВА XLVII. ТИРАНЫ В СИЦИЛИИ

^b Louis Ménéard, *Histoire des Grecs*.

ГЛАВА XLVIII. ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ

^b Johann G. Droysen, *Geschichte Alexanders des Grossen*.

^c L. Ménéard, *op. cit.*

^d Демосфен, *Речи*.

^e Геродот, *История*.

^f Фукидид, *op. cit.*

^g Арриан, *Анабасис Александра*.

^h Феопомп, *Филиппика*.

ⁱ Тит Ливий, «Анналы».

ГЛАВА XLIX. ТРИУМФЫ ФИЛИППА

^b L. Ménéard, *op. cit.*

^c Джон Поттер, «Древности Греции».

^d L. A. Prévost-Paradol, *Revue de l'histoire universelle*.

^e R. C. Jebb, в статье «Демосфен» в девятом издании *Encyclopædia Britannica*.

^f Дж. Б. Берри, указ. соч.

^g Джордж Гроут, указ. соч.

^h B. G. Niebuhr, *op. cit.*

ⁱ Диодор Сицилийский, указ. соч.

ⁱ Вильгельм Друмманн, *Verfall der griechischen Staaten*.

^k Плутарх, указ. соч.

^l Павсаний, указ. соч.

^m Ксенофонт, указ. соч.

ⁿ Георг Вебер, указ. соч.

ГЛАВА L. АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

^b Аппиан Александрийский, «История Аппиана Александрийского» (перевод с греческого Дж. Дэнсера).

^d Юстин, «История мира» (сокращенная версия «Филиппической истории» Трога Помпея).

^e Квинт Курций, «Войны Александра» (перевод Уильяма Янга, 1747).

^f Диодор Сицилийский, указ. соч.

^g Плутарх, *op. cit.*

^h Конноп Тирлволл, указ. соч.

ⁱ Арриан, *op. cit.*

^j Птолемей Лаги и Аристовул, цитируемые Аррианом, Диодором и др.

ГЛАВА LI. АЛЕКСАНДР ВТОРГАЕТСЯ В АЗИЮ

^b Джордж Гроут, указ. соч.

^c J. G. DROYSEN, *op. cit.*

^d Юрьен де ла Гравиер, *Les campagnes d'Alexandre*.

^e Арриан, указ. соч.

^f Джордж Гроут, указ. соч.

^g Птолемей Лаги, Аристовул, Анаксимен и Каллистен, цитируемые Аррианом, Диодором и др.

ГЛАВА LII. ИССУС И ТИР

^b Конноп Тирволл, указ. соч.

^c Джордж Гроут, указ. соч.

^d J. G. DROYSEN, *op. cit.*

ГЛАВА LIII. ОТ ГАЗЫ ДО АРБЕЛЫ

^b Арриан, указ. соч.

^c Квинт Курций, указ. соч.

^d Конноп Тирлволл, указ. соч.

^e Георг Г. А. Эвальд, «История Израиля».

^f Генри Х. Милман, «История евреев».

- ^g Диодор Сицилийский, *указ. соч.*
- ^h Джордж Гроут, *указ. соч.*
- ⁱ Уильям Митфорд, *указ. соч.*
- ^j Эдвард С. Крисси, *Пятнадцать решающих сражений мира.*
- ^k Джон Б. Берри, *указ. соч.*
- ^l Адольф Хольм, *указ. соч.*
- ^m Флавий Иосиф, *«Древности иудейские».*
- ⁿ Карл Риттер, *«Африка»* (в *«География»* и др.).
- ^o Луи А. Тьер, *«История консульства и империи».*

ГЛАВА LIV. ПАДЕНИЕ ПЕРСИИ

- ^b Квинт Курций, *указ. соч.*
- ^c Джордж Гроут, *op. cit.*
- ^d Джон Б. Берри, *op. cit.*
- ^e Арриан, *указ. соч.*
- ^f Диодор Сицилийский, *указ. соч.*
- ^g Плутарх, *указ. соч.*

ГЛАВА LV. ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ

- ^b Конноп Тирлволл, *указ. соч.*
- ^c J. G. Droysen, *op. cit.*
- ^d Диодор Сицилийский, *указ. соч.*
- ^e Арриан, *указ. соч.*
- ^f Квинт Курций, *указ. соч.*

ГЛАВА LVI. КОНЕЦ АЛЕКСАНДРА

- ^b Конноп Тирлволл, *указ. соч.*
- ^c Арриан, *указ. соч.*
- ^d J. G. Droysen, *op. cit.*
- ^e Плутарх, *указ. соч.*
- ^f Бартольд Г. Нибур, *указ. соч.*
- ^g Геродот, *указ. соч.*
- ^h Полибий, *указ. соч.*
- ⁱ Аристовул, цитируется Плутархом, Аррианом и др.

ГЛАВА LVII. РАЗЛИЧНЫЕ ОЦЕНКИ АЛЕКСАНДРА

- ^b АРРИАН, указ. соч.
- ^c КЛАВДИЙ ЭЛИАН, указ. соч.
- ^d ТИТ ЛИВИЙ, «Римская история» (перевод 1686 г.).
- ^e ДЖОРДЖ ГРОУТ, указ. соч.
- ^f ДЖОРДЖ У. КОКС, указ. соч.
- ^g L. MÉNARD, *op. cit.*
- ^h ШАРЛЬ РОЛЛЕН, *Древняя история*.
- ⁱ БАРТОЛЬД Г. НИБУР, указ. соч.
- ^k КОННОП ТИРЛВОЛЛ, указ. соч.
- ^l J. G. DROYSEN, *op. cit.*
- ^m ГЕОРГ В. П. ГЕГЕЛЬ, «Философия истории».
- ⁿ Р. ПЁЛЬМАНН, в «*Handbuch der classischen Alterthumswissenschaft*» Мюллера.
- ^o БЕНДЖАМИН АЙД УИЛЕР, *Александр Великий*.

ГЛАВА LVIII. ГРЕЦИЯ ВО ВРЕМЕНА ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА

- ^b УИЛЬЯМ МИТФОРД, указ. соч.
- ^c ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, *op. cit.*
- ^d ДЖ. Г. ДРОЙЗЕН, указ. соч.
- ^e КОННОП ТИРЛВОЛЛ, указ. соч.
- ^f ПЛУТАРХ, указ. соч.

ГЛАВА LIX. ПРЕЕМНИКИ АЛЕКСАНДРА

- ^b КОННОП ТИРЛВОЛЛ, указ. соч.
- ^c ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, указ. соч.
- ^d ДЖ. Г. ДРОЙЗЕН, указ. соч.
- ^e ЮСТИН, указ. соч.
- ^f АРРИАН, указ. соч.
- ^g В. G. НІЕВУНН, *op. cit.*
- ^h УИЛЬЯМ МИТФОРД, указ. соч.
- ⁱ ДЖОРДЖ ГРОУТ, указ. соч.
- ^j ФОТИЙ, Выдержки из «*Вифинской истории*» Арриана.

ГЛАВА LX. ДЕЛА В ГРЕЦИИ ПОСЛЕ СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА

- ^b КОННОП ТИРЛВОЛЛ, указ. соч.
- ^c ПЛУТАРХ, указ. соч.
- ^d J. G. DROYSEN, *Geschichte des Hellenismus*.

^e Джордж Гроут, указ. соч.

^f Диодор Сицилийский, указ. соч.

ГЛАВА LXI. ПРОВАЛ ГРЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

^b Джордж Грот, указ. соч.

^c Дж. Г. Дройзен, указ. соч.

^d Павсаний, указ. соч.

^e Юстин, указ. соч.

^f Диодор Сицилийский, указ. соч.

^g Плутарх, указ. соч.

^h Полибий, указ. соч.

ⁱ Конноп Тирлволл, указ. соч.

ГЛАВА LXII. ПОДВИГИ ПИРРА

^b L. MÉNARD, *op. cit.*

^c Тит Ливий, указ. соч.

^d Плутарх, указ. соч.

^e Статья «Эпир» в девятом издании *Encyclopædia Britannica*.

^f Конноп Тирлволл, указ. соч.

^g Юстин, указ. соч.

^h Пausаний, указ. соч.

ⁱ Полибий, указ. соч.

ГЛАВА LXIII. ЛИГИ И ИХ ВОЙНЫ

^b Полибий, «Всеобщая история» (перевод ср. Х. Спирса).

^c В. Шорн, «История Греции от возникновения Этол. и Achaean союза до разрушения Коринфа».

^d Конноп Тирлволл, указ. соч.

^e ГЕОРГ ВЕБЕР, *op. cit.*

^f Оливер Голдсмит, «История Греции».

^g L. FLATHE, *Geschichte Macedoniens und der Reiche welche von macedonischen Königen beherrscht wurden*.

^h ПЛУТАРХ, указ. соч.

ⁱ ЭДВАРД А. ФРИМАН, *История федерального правительства в Греции и Италии* (под редакцией Джона Б. Берри).

ГЛАВА LXIV. ПОСЛЕДНИЕ БЕДСТВИЯ

^b БАРТОЛЬД Г. НИБУР, *op. cit.*

^c Полибий, *op. cit.*

^d Конноп Тирлволл, *указ. соч.*

^e СТРАБОН, *География*.

^f ПАУСАНИЙ, *указ. соч.*

^g Л. ФЛАТЕ, *указ. соч.*

^h В. ШОРН, *указ. соч.*

ⁱ КОНСТАНТИН VII, Порфирородный, Выдержки из Полибия.

ГЛАВА LXV. ЦАРСТВО СЕЛЕВКИДОВ

^b ГЕОРГ ВЕБЕР, *указ. соч.*

^c *Всеобщая история*, составленная на основе оригинальных авторов, 1799 г.

^d ФЛАВИЙ ИОСИФ, *указ. соч.*

^e ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, *указ. соч.*

^f АППИАН, «*Римская история*».

^g ЮСТИН, *указ. соч.*

^h АРРИАН, *указ. соч.*

ГЛАВА LXVI. ЦАРСТВО ПТОЛЕМЕЕВ

^b ДЖ. Г. ДРОЙЗЕН, *указ. соч.*

^c S. SHARPE, «*История Египта*».

^d G. SMITH, *The Gentile Nations*.—ПАВСАНИЙ, *op. cit.*.—ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, *op. cit.*.—ИОСИФ ФЛАВИЙ, *op. cit.*.—АРРИАН, *op. cit.*.—ПЛУТАРХ, *op. cit.*.—ЮСТИН, *op. cit.*.—ЕВТРОПИЙ, *Краткая история Рима*.

ГЛАВА LXVII. СИЦИЛИЙСКИЕ ДЕЛА

^b Л. МЕНАР, *указ. соч.* — ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, *указ. соч.* — СТРАБОН, *указ. соч.* — ПЛУТАРХ, *указ. соч.* — ЭДВАРД А. ФРИМАН, статья «Сицилия» в девятом издании *Энциклопедии Британника*. — АДОЛЬФ ХОЛЬМ, *Geschichte Siciliens im Alterthum*.

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ГРЕЦИИ

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

В предыдущей части этой работы упоминалось о большом количестве историков Греции и о том, что их труды дошли до нас в фрагментарном виде. Также было обращено внимание на то, что историки Греции получают сравнительно небольшую помощь от эпиграфических надписей. Конечно, есть различные надписи, которые оказывают случайную помощь; например, знаменитая надпись на ноге статуи Рамсеса II в Абу-Симбеле; афинская надпись, относящаяся к работам над Эрехтеон; надписи со стен храмов в Эфесе, Приене и т. п. Однако все они дают лишь случайные фрагменты информации; вместе взятые, они составляют весьма скудную и фрагментарную историческую летопись. Однако существует одна надпись, имеющая гораздо большее значение. Это так называемый парийский мрамор или парийская хроника, которая была найдена на острове Парос, привезена в Англию в 1627 году по просьбе графа Арундела и впоследствии передана Оксфордскому университету, где она является частью коллекции мраморов Арундела.

Первоначально эта надпись содержала краткое изложение главных событий греческой истории (с различными заметными пропусками) от предполагаемого правления Кекропа в 1318 году до н. э. до архонтства Диогнета в 264 году до н. э. В настоящее время, однако, последняя часть записи утрачена, так что сохранившаяся часть охватывает только время Диотима в 354 году до н. э. Различные части надписи более или менее нечитаемы, и, как только что отмечено, в ней есть многочисленные очень заметные пропуски, особенно в отношении политических событий. Кроме того, как указал Клинтон,⁴ вся запись везде на год неверна. Тем не менее, как руководство по последовательности событий в греческой истории и как средство проверки других источников, Парианская хроника имеет огромное значение. Неизвестно, когда и кем была сделана эта надпись, но, по-видимому, она основана на более ранних источниках, которые в основном являются достаточно надежными.

Поскольку вся надпись Парианской хроники содержится на мраморной плите длиной всего около трех с половиной футов, очевидно, что ее записи должны быть максимально краткими; короче говоря, это просто последовательность имен. Для более полного описания событий греческой истории мы должны обратиться к обычным источникам, рукописям самих историков. Неисторические сочинения, конечно, не следует полностью игнорировать. Во многих случаях они оказывают нам важную помощь в заполнении пробелов или предоставлении подробностей. В частности, драматурги и ораторы предоставляют важные исторические данные; среди первых — Эсхил, Еврипид, Аристофан; среди ораторов — Исай, Исократ, Эсхин и Демосфен. Здесь и там следует обратить внимание и на произведения Платона и Аристотеля, а также, в меньшей степени, других философов. Но все они, повторим, имеют незначительное значение по сравнению с записями собственно историков.

В другом месте уже говорилось о большом количестве греческих историков. Г-н Клинтон перечисляет по имени сорок семь историков, процветавших до 306 г. до н. э., и это без учета историков Александра. Среди них есть более или менее известные имена, такие как Кадм Милетский, Гекатей, Элланик, Ктесий, Эфор, Феопомп, Динон и Анаксимен. Но из всего списка ранних писателей только трое представлены сохранившимися произведениями, которые не являются фрагментарными. Эти трое носят известные имена Геродота, Фукидида и Ксенофонта. Все они жили в одном веке и каждый из них оставил подробный отчет о относительно коротком, но очень значительном периоде греческой истории.

История Геродота заканчивается 478 годом до нашей эры; Фукидид описывает двадцать один год Пелопоннесской войны, хотя и затрагивает вскользь более раннюю историю; Ксенофонт, продолжая рассказ о Пелопоннесской войне с того места, где остановился Фукидид, ведет хронику до смерти Эпаминонда в 362 году до нашей эры.

Любопытно, что после Ксенофонта в течение примерно двух столетий не было ни одного греческого историка, чьи труды сохранились; а записи греческой истории за все другие периоды, кроме тех, которые охватывают Геродот, Фукидид и Ксенофонт, в основном сохранились в трудах авторов, живших задолго после того, как Греция перестала быть важной автономной нацией. Но, конечно, эти сочинения опирались на современные записи; и поскольку они были написаны в то время, когда их рассказы можно было проверить с помощью многочисленных исторических источников, которые сейчас утрачены, они имеют почти такое же значение, как если бы они сами были современными источниками. Этих более поздних сочинений сравнительно немного. Безусловно, самым важным из них является всеобщая история Диодора, на которую так часто ссылаются. Ценность представляет собой также сокращенная версия Юстина Трога Помпея, а также биографии Плутарха и Корнелия Непоса. Хроника Евсевия восполняет многие пробелы в записях, особенно в отношении ранних периодов греческой истории; то же самое можно сказать и о работе Павсания, которая, хотя и посвящена в основном географии, содержит важные исторические аллюзии, например, в отношении мессенских войн. Жизнеописания Александра Македонского, написанные Аррианом и Квинтием Курцием на основе утраченных сегодня работ современников Александра, дают нам полные сведения о жизни македонского героя. Для периода после Александра главным источником сведений являются фрагменты Полибия. Но они настолько скудны, что мы в основном должны полагаться на общеисториков Диодора и Юстина, как и в случае со многими другими периодами.

Как ни странно, до нас не дошло ни одного произведения, кроме общих исторических сочинений, посвященного истории Греции в целом; эту историю можно восстановить только путем сопоставления различных фрагментарных записей, и тот, кто хочет познать греческую историю из первых рук, должен в основном обращаться к только что упомянутым авторитетным источникам. Прочитав Диодора и Юстина, Плутарха и Непоса, а также Геродота, Фукидиду, Ксенофонта, Арриана и Курция, можно считать, что вы обратились к основным первоисточникам греческой истории. Мы уже имели возможность довольно подробно остановиться на некоторых из них, и более полные заметки о них можно найти в настоящей библиографии; но есть один из них, чье творчество настолько важно и чье место в истории литературы настолько уникально, что мы вправе уделить ему здесь более пристальное внимание. Речь, конечно же, идет о самом старом и в некоторых отношениях самом замечательном из всех — Геродоте, авторе, с которым мы сталкиваемся почти повсюду в древнем Востоке и который является практически единственным свидетелем великих событий, благодаря которым Греция заняла доминирующее положение среди народов, а именно событий так называемых Персидских или Мидийских войн.

Геродот, прославленный отец истории или, как его называет К. О. Мюллер, отец прозы, родился в Галикарнасе в Малой Азии около 484 года до н. э. и умер в Турии, Италия, около 424 года до н. э. Галикарнас был колонией дорийской Греции, и поэтому Геродот по своим предкам был скорее связан со спартамцами, чем с афинянами. Однако его произведение было написано не на дорийском диалекте, а на ионическом, который в то время был общепринятым средством литературного творчества в Греции, будучи диалектом, обычно используемым Гомером, Гесиодом и длинной чередой логографов. Стиль Геродота был признан критиками всех последующих веков почти совершенным в своем роде.

О жизни самого человека известно сравнительно мало. С его именем, как и с именами большинства знаменитостей древности, связано множество легенд, но часть из них, которую можно считать исторически достоверной, практически ничтожна. Однако вокруг имени Геродота постепенно сложились определенные представления, которые по общему согласию считаются его биографией в отсутствие более точной информации, которая, по-видимому, никогда не появится. Так, считается, что он родился в Галикарнасе в семье Ликса и Дрио и был племянником Панасиса, известного эпического поэта, из чего можно сделать вывод, что он происходил из литературной семьи. Кроме того, утверждается, что он покинул Галикарнас из-за тирании Лигдамиса, правителя колонии, который казнил его дядю Панасиса. Считается, что Геродот отправился на остров Самос и прожил там несколько лет; не установлено, совершал ли он свои обширные путешествия в поисках знаний оттуда или в более поздний период. В любом случае считается, что впоследствии он вернулся с Самоса в Галикарнас и лично помог свергнуть тирана Лигдамиса. Однако даже после этого события Геродот, по-видимому, не считал Галикарнас подходящим местом для проживания, поскольку впоследствии он переехал в греческую колонию Турии в Италии, где прожил последние дни своей жизни и, как предполагается, доработал и завершил свою историю. Колония в Турии была основана в 443 году, но вопрос о том, был ли Геродот членом первой группы, отправившейся туда, остается спорным; однако то, что он в конце концов отправился туда, кажется, принимается без оговорок.

Эти скудные факты, некоторые из которых отнюдь не являются достоверными, составляют практически все, что известно из внешних источников о реальной жизни Геродота. Конечно, существует множество других преданий, некоторые из которых, несомненно, основаны на фактах, а некоторые из почти неотделимы от имени Геродота. Например, есть история о том, что Геродот прочитал книги своей великой истории перед народом Афин и вызвал таким образом такой энтузиазм, что ему было выделено из государственной казны десять талантов (2000 фунтов стерлингов, 10 000 долларов). Если это соответствует действительности, то, по-видимому, литературная деятельность даже в те далекие времена приносила неплохой доход. Другая история, или, возможно, ее продолжение, гласит, что Геродот хотел познакомить греческий мир со своей историей и решил, что лучший способ сделать это — прочитать ее перед собравшимся в Олимпии народом. Неясно, когда именно состоялось это чтение, но, несмотря на отсутствие даты, утверждается, что оно вызвало огромный энтузиазм и что Геродот разделил почести этого события с победителями Олимпийских игр.

Другая версия этой истории, в которую хотелось бы верить, гласит, что юный Фукидид, слушая рассказы Геродота, был тронут до слез и загорелся желанием пойти по стопам великого писателя. Современные скептики жестоко отнеслись к этой традиции, утверждая, что дата рождения Фукидида слишком близка к дате рождения Геродота, чтобы придать этой истории достоверность. Но, как бы то ни было, эта история, вероятно, близка к истине, как и большинство других, которые мы связываем с именем отца истории.

Творчество Геродота примечательно, среди прочего, тем, что является старейшим полным прозаическим сочинением, дошедшим до нас из античности. Из этого не следует делать вывод, что Геродот был первым греком, писавшим прозу. Дело обстоит совсем иначе. Как хорошо известно, так называемому отцу прозы предшествовала длинная череда греческих писателей, которые создавали не только прозаические сочинения, но и сочинения по истории. Имена многих из этих людей известны, но их произведения дошли до нас лишь в виде скудных фрагментов. Однако они служат доказательством того, насколько велик был разрыв между лучшими из них и их преемником Геродотом. Несомненно, именно благодаря непревзойденному совершенству истории Геродота его произведение сохранилось благодаря трудам последующих переписчиков, в то время как произведения его

предшественников были обречены на медленное забвение, как и произведения многих других более поздних писателей древности.

Если верно, что стиль — это человек, то мы можем считать, что, несмотря на скудные современные сведения о его жизни, человек Геродот нам хорошо известен, поскольку его великое произведение, возможно, единственное, которое он когда-либо написал, дошло до нас в неизменном виде. Конечно, не сохранилась сама рукопись его произведения. Ни один автор классической Греции не дошел до нас напрямую в этом смысле. Но в те дни отдельные переписчики делали в небольшом масштабе то, что сегодня делает печатный станок в более крупном масштабе. И из многочисленных копий, которые были сделаны с Геродота в последующие века вплоть до периода Ренессанса, сохранилось менее двадцати. Большинство из них датируются только XV, XIV или, в лучшем случае, X веком. Однако есть две или три, которые, несомненно, еще более древние, хотя, вероятно, ни одна из них не была написана в течение тысячи лет после смерти самого автора. Тем не менее, наличие многочисленных копий, сделанных в разные века разными людьми, которые можно сравнить, дает достаточно уверенность в том, что в тщательно отредактированных изданиях современных ученых мы имеем довольно точное представление о том, что на самом деле написал Геродот.

Эта работа обычно называется *«Историей Персидской войны»*. На самом деле она гораздо больше, чем это. Исходя из идеи Персидской войны как основы, Геродот построил структуру, которую, возможно, более правильно было бы назвать историей мира, известного в его время. Сама работа ясно показывает, что, собирая материал для ее написания, автор много путешествовал по Азии и Египту. Он посетил Вавилон и дает нам описание очевидца славы этой знаменитой столицы; он долгое время прожил в Египте, своими глазами видел пирамиды и другие памятники этой удивительной цивилизации и слышал от жрецов невероятные рассказы о прошлом своей страны.

Если подумать о том, каким мог быть кругозор обычного грека того времени, который не выезжал за пределы своей страны, то легко понять, насколько то, что Геродот увидел в этих чужих землях, было для него абсолютно новым и очаровательным. Ему оставалось только рассказать о том, что он видел и слышал — конечно, при условии, что он обладал достаточным литературным мастерством, — чтобы создать повествование, которое для его соотечественников было бы столь же увлекательным, как романтическая история. Чудеса, которые он видел в Вавилоне и Египте, наверняка казались ему более удивительными, чем все, что он мог бы придумать. Поэтому, даже если его единственной целью было — как вполне вероятно — просто создать увлекательное повествование, у него не было никаких причин отступать от правды, которую он видел и слышал. Сегодня все признают, что он действительно придерживался правды. Однако были периоды в течение нескольких сотен лет после его эпохи, когда Геродот считался даже самыми авторитетными умами того времени банальным романистом. Греки и римляне примерно в начале нашей эры, во главе с Плутархом — или «ложно-Плутархом», вопрос о подлинности которого остается открытым, — не колеблясь, заклеили Геродота как автора басен. «Плутарх» пошел еще дальше и утверждал, что Геродот был также злонамеренным искажителем истины.

Однако такие нападки несколько не изменили того факта, что рассказы Геродота вызывали неизменный интерес у каждого последующего поколения читателей, и одним из любопытных результатов современных исследований и изысканий является доказательство того, что очень часто там, где Геродот, как предполагалось, придумывал басни, он на самом деле просто рассказывал, как можно яснее, о том, что он действительно видел.

Конечно, в этих повествованиях о фактах есть многое, что действительно является вымыслом, но это в основном относится к тем вещам, о которых Геродот сообщает из слухов и которые он явно обозначает как вторичные. Однако, будь то факты или вымыслы, вся история Геродота представляет собой одновременно полный интерес и чрезвычайную важность для современных историков. Ведь когда он рассказывает нам факты о народах древности, это очень часто факты, которые в противном случае были бы абсолютно недоступны нашему взору; а когда он рассказывает легенды, он, по крайней мере, ярко сохраняет для нас картину ментального состояния и интеллектуальной жизни образованного грека в период наибольшего могущества этой классической нации.

Нас сейчас интересует та часть сочинения Геродота, которая непосредственно касается дел Греции. Она посвящена в основном Персидским войнам, хотя и содержит много побочных упоминаний о других периодах истории. Геродот является практически единственным источником информации об этом периоде персидских вторжений, и мы в значительной степени опираемся на его сочинение из первых рук. Его повествование здесь может быть перефразировано и в некоторых незначительных деталях изменено, но оно никогда не может быть заменено. Рассказ Геродота заканчивается 478 годом — решающим годом, когда персы были окончательно изгнаны из Греции. Поскольку Геродоту в 478 году было шесть лет, он, должно быть, имел личные воспоминания о том, какое впечатление произвели на его старших рассказы о сражениях при Фермопилах ( ), Саламине (Salamis) и Платеях (Plataea); он, должно быть, всю свою жизнь общался с людьми, участвовавшими в этих конфликтах; поэтому его рассказ обладает всей практической силой отчета современного свидетеля.

Как мы уже сказали, в период после Персидских войн — эпоху Перикла — не было современных историков, хотя произведения поэтов и ораторов в некоторой степени восполняют этот пробел; а сохранившиеся художественные сокровища более красноречиво, чем слова, свидетельствуют о культуре того времени. Общие историки и биографы предоставляют нам основные подробности политических событий того времени и помогают нам преодолеть разрыв между Персидскими и Пелопоннесскими войнами.

Когда мы доходим до самой Пелопоннесской войны, мы сталкиваемся с трудом великого историка Фукидида. Критическая оценка его сочинений уже дана и не нуждается в повторении здесь. Не нужно также подробно рассматривать труды Ксенофонта, который, как уже отмечалось, явно продолжил историю Фукидида. Ранее мы уже имели возможность отметить, что Ксенофонт не равнялся своему великому предшественнику в истинном историческом смысле, а также в широте и беспристрастности взглядов. Его пристрастие к Спарте и дружба с Агесилаем привели к тому, что он не отдал должного великому фиванцу Эпаминонду, и мы уже отмечали, что лучшим источником информации об истории фиванского героя является запись Диодора, а не современное повествование Ксенофонта. Тем не менее, Ксенофонт остается важным источником для периода, о котором рассказывает его *«Эллиника»*. Его более популярное произведение, *«Анабасис»*, описывает живописный эпизод греческой истории, который был важен скорее как предзнаменование возможных будущих событий, чем из-за своей внутренней интересности.

Переходя к македонской эпохе, мы обнаруживаем, как и следовало ожидать, что живописная жизнь Александра вызвала появление множества летописцев, все из которых, как уже было сказано, были вытеснены более поздними работами Арриана и Куртия.

Подводя итог тому, что было сказано об оригинальных источниках греческой истории, можно сказать, что читатель, имеющий перед собой работы Диодора, Юстина, Плутарха, Непоса, Геродота, Фукидида, Ксенофонта и Арриана, получит доступ к основным источникам, на которые опирались современные историки. Но любому, кто рассмотрит этих

авторов в целом, станет ясно, что представление о греческой истории, полученное только из чтения этих классических писателей, будет несколько разрозненным и неудовлетворительным. Многие моменты хронологии останутся неясными, в истории будет много пробелов. Тем не менее, такое представление было единственным доступным до примерно столетия назад. Возрождение интереса к классическим авторам, произошедшее вместе с общим интеллектуальным прогрессом в эпоху Елизаветы, привело к переводу многих классических авторов такими людьми, как Томас Норт, Филемон Холланд и Артур Голдинг. Как мы уже отмечали, это также привело к созданию общей истории сэра Уолтера Рэли, которая была полной для периода, когда Греция была важной нацией. Но до более чем столетия спустя не было других попыток объединить историю Греции и придать ей современный облик.

Тогда стимул, данный историческим исследованиям успехом великолепного труда Гиббона, привел к попытке осветить историю Греции столь же всеобъемлющим образом. Первым, кто взялся за эту задачу в Англии, был Уильям Митфорд. Его работа была эпохальной, полной научной эрудиции, но имела определенные ограничения, которые непосредственно привели к созданию другим автором еще более монументального труда на ту же тему. Ведь, как хорошо известно, история Грота была написана с явным намерением бороться с представлением о греческой цивилизации, которое стало популярным благодаря книге Митфорда.

Существует две совершенно разные точки зрения, с которых можно рассматривать историю иностранного государства. Одну из них можно назвать «сочувственной», а другую — «антипатичной». Именно последнюю из них выбрал Митфорд, или, скорее, к ней его подтолкнул его характер, когда он рассматривал те аспекты жизни Афин, которые являются центральными фактами в политической истории Греции. Можно почти с уверенностью утверждать, что невозможно написать по-настоящему великую историю великого народа с антипатичной точки зрения. В лучшем случае можно получить только поверхностное знание о чужом народе — ведь достаточно сложно получить правильное знание о своей собственной расе. Каждый народ, как и каждый индивид, является странно непоследовательным организмом. Поступки, обусловленные его разнообразными настроениями, никогда не кажутся гармоничными; они так же разные, как две стороны щита или медали, и по мере того, как мы ухватываем ту или иную фазу этих противоречий, мы полностью меняем облик картины. Конечно, великий историк должен видеть все стороны и правильно их соотносить; но трудность заключается в следующем: гораздо легче обнаружить противоречия, чем лежащие в их основе согласованности, которые, в конце концов, необходимы для национальной жизни. Поэтому антипатичный историк с относительной легкостью выдвигает веские аргументы против нации, при этом совершенно упуская из виду ее лучшие стороны; в то время как симпатичный историк, ища лучшие стороны, ни в коем случае не может упустить из виду очевидные противоречия.

Чтобы проиллюстрировать это на конкретном примере: Митфорд был ярым тори и настаивал на том, чтобы оценивать поведение греков по своим собственным меркам. Он никогда не упускал возможности насмехаться над демократическими тенденциями Афин и указывать на несоответствия в афинской жизни. И он нашел для этого достаточно материала. Ничто не удивляет студента, который тщательно изучает историю Греции, больше, чем вопиющие недостатки этого народа. Вот два-три примера: афиняне всегда боролись за равенство прав, но (1) большинство их соседей были рабами; (2) они часто лишали своих лучших граждан права жить в Афинах, изгоняя их без предъявления обвинений в преступлениях посредством ostracism; и (3) они все время стремились установить имперскую власть Афин над другими городами — стремились к этому так яростно, что в конечном итоге это привело к полному падению самой Греции.

Опять же, говорят, что афиняне поклонялись эстетике и красоте. Их поэзия и искусство подтверждают правдивость этого утверждения. Однако за столом он ел руками; на улицах он открыто совершал неопишуемые поступки, и в отношениях со своими соотечественниками он так часто позволял себе самые отвратительные поступки, что «любить по-гречески» стало постыдным выражением среди народов. Сам Геродот записывает, что греки научили этим поступкам персов, которых до сих пор упрекают за них.

Не говоря уже о других примерах, здесь достаточно материала для антипатичного историка. Однако даже очень краткий анализ может послужить для изменения первоначального суждения, которое склоняет к осуждению греков как самых непоследовательных и бесчестных из смертных.

Так, что касается рабов, сочувствующий историк не забудет, что рабство существовало почти везде в древности, как среди хамитских, семитских, так и арийских рас; и что современные народы избавились от него только через две тысячи лет после падения Греции. Он также не забудет, что последней великой страной, отменившей рабство, были Соединенные Штаты, самая передовая из демократий, и что, когда началась великая борьба, в результате которой рабство было наконец искоренено, практически вся Европа в душе сочувствовала рабовладельцам, а не тем, кто боролся за освобождение своих братьев. Это гротескные противоречия, но, имея в виду более позднюю историю, мы едва ли можем считать рабство существенным греческим противоречием.

Затем рассмотрим вопрос об остракизме. На первый взгляд, конечно, кажется трудным примирить с разумом тот факт, что из Афин был изгнан один великий гражданин за другим — Фемистокл, герой Саламина, Аристид Справедливый, блестящий Алкивиад, Ксенофонт и Фукидид. Но рассмотрим этот вопрос немного подробнее. Здесь был небольшой народ, незначительный по численности, который пришел к уникальному принципу. Они испытали радости личной свободы, свободного «правительства народа, для народа и народом», и весь окружающий мир с завистью смотрел на их эксперимент. Всегда под рукой было золото Персии, чтобы помочь аристократической партии внутри страны в попытке свергнуть демократическую партию любыми средствами, честными или нечестными.

Каким же должно было быть отношение лучших граждан Афин к любому из своих сограждан, который приобрел большую популярность и влияние и, казалось, стремился использовать свою власть авторитарно? Такой человек, каким бы уважаемым и любимым он ни был — и именно в той мере, в какой он вызывал уважение и любовь, — должен был вызывать опасения. И голосование за остракизм в некотором роде решало эту проблему. Оно не требовало предъявления обвинения гражданину. Оно не обвиняло его в преступлении. Оно просто давало официальное выражение народному убеждению, что для государства будет лучше, если этот гражданин на время удалится из его пределов. Конечно, это было признанием слабости правительства. Мощная единая демократия, такая как Соединенные Штаты в наше время, не нуждается в таком законе; но слабое правительство, такое как французское, по-прежнему считает себя обязанным иногда прибегать к нему в случае политических преступников, которых боятся именно по той же причине, которая привела к остракизму в Афинах — как свидетельствует случай с Дерулемом и его союзниками. С этой точки зрения практика остракизма, которая, по всей вероятности, сохранила демократическое правительство Афин задолго до того, как оно было бы свергнуто, не является такой гротескной несообразностью, какой она кажется на первый взгляд.

Что касается фракций в городах, которые привели к тому, что Раскин называет «самоубийством Греции», то они кажутся столь же естественными, как и сама человеческая природа, если задуматься о том, что Эллада никогда не была единой страной под единым

правительством. Греки, безусловно, имели предубеждение в пользу своей расы по отношению к внешним варварам. Но их самое сильное предубеждение было в отношении своего собственного города. Идея свободы была слишком новой, чтобы сразу же понять концепцию федерации городов. Даже сейчас, после более чем двух с половиной тысяч лет экспериментов и усилий, эта идея была успешно реализована и практиковалась в широких масштабах в течение значительного периода времени лишь в нескольких случаях — в более поздний период в самих греческих городах, в позднем средневековье в городах северной Италии и в наши дни у англосаксонской расы. Поэтому неудивительно, что афиняне считали спартанцев политическими иностранцами, а борьба между ними не отличалась от борьбы, которая с тех пор велась между соседними государствами по всему миру. Ужасающий факт всеобщей бойни, непоследовательно нарушающий мечты о братстве людей, является одним из самых печальных свидетельств ограниченной цивилизации нашей расы. Но, имея в виду всю новейшую историю, мы вряд ли можем слишком сильно винить греков за то, что в 400 году до нашей эры они не были более продвинуты в этом отношении, чем весь остальной мир в 1900 году нашей эры.

Не вдаваясь в подробности, следует понимать, насколько разными являются точки зрения, с которых «сочувствующий» и «неприязненный» историк будут рассматривать тот или иной народ, в частности, такой гениальный народ, как греки. И, возвращаясь к Митфорду, вряд ли несправедливой будет критика, согласно которой его тяжеловесное произведение, несмотря на его эрудицию, «едва ли больше, чем огромная партийная брошюра». И это верно именно потому, что он всегда рассматривал греков с точки зрения своих собственных узких предрассудков. Однако это не означает, что история Митфорда бесполезна. На самом деле все обстоит совсем иначе. С учетом его предвзятости, его работу может с пользой прочитать каждый, и в ней есть много отрывков, которые не предвзяты и авторитетны, а достоинства ее стиля настолько высоки, что мы неоднократно возвращались к ней.

Но величайшим достижением Митфорда было то, что он вдохновил Грота на создание своего труда, поскольку именно возмущение, вызванное отношением Митфорда к греческим делам, побудило лондонского банкира, чьим хобби было изучение классики, представить иную точку зрения на греческую историю. Намерение бороться с Митфордом в конечном итоге привело к созданию концепции всеобъемлющей истории, и когда эта история была завершена, было представлено окончательное изложение греческих дел. После «Рима» Гиббона, пожалуй, величайшим историческим трудом, когда-либо созданным в Англии, является «История Греции» Грота. К сожалению, Грот не продолжил свою историю после эпохи Александра, поэтому нам приходится искать другие источники для периода упадка и падения греческой державы. Самые ранние эпохи греческой истории также были открыты благодаря работе Шлимана и его последователей со времен Грота. Нельзя отрицать, что в различных деталях теории Грота были изменены более поздними исследованиями. Но в целом его работа была основана на таких надежных основах и была задумана и выполнена в таком широком и философском духе, что она должна оставаться бессмертной, как и работа Гиббона, как законченное историческое сооружение.

Если бы нужно было выделить для особого упоминания ту часть работы Грота, которая была наиболее революционной и в то же время наиболее удовлетворительной, то можно было бы, пожалуй, сослаться на самую раннюю часть, посвященную мифам и традициям Греции. Почти само собой разумеется, что главными авторитетными исследователями такой темы, как эта, обычно являются ученые по профессии; ученые-кабинетники,

обладающие таким типом ума, который может посвятить годы энтузиазма изучению нескольких страниц малоизвестной рукописи и который может посвятить страницы полемики установлению правильного прочтения спорного текста, тема которого, возможно, совершенно тривиальна. Такой тип ума во многих отношениях достоин восхищения, и работа, которую он выполняет, заслуживает полного уважения, но это не тот тип интеллекта, которому человек готов следовать в решении вопросов более практического значения. И именно потому, что именно этот тип интеллекта в основном занимался этой проблемой, обсуждение ее обычно было столь мало практичным. Кроме того, еще одна группа людей, еще более склонных к фантазиям, а именно поэты, добавили свои скромные аргументы, столь же фантастические, предвзятые в своем взгляде любовью к великой литературе, в которой забальзамированы мифические сказания. Но Гроут сочетал в себе качества надежного и глубокого ученого с полным пониманием красоты литературы и редким практическим знанием мира повседневных дел ( ), что, возможно, давало ему более острый критический взгляд и более четкую историческую перспективу, чем у кого-либо, кто ранее пытался заниматься этой темой.

Гроут был практикующим банкиром и успешным финансистом, ставшим историком из чистой любви к своему предмету. Он применил к предмету греческой мифологии правила, которые можно охарактеризовать как здравый смысл. Он признавал, что миф не является результатом одного дня, а накоплением, возможно, многих поколений или даже веков легендарной истории. Он полностью признавал два очень важных базовых принципа практической психологии, а именно: во-первых, что самым редким достижением человеческого разума является что-либо, приближающееся к чистому вымыслу; но, во-вторых, что едва ли менее редким является рассказ, каким бы надежным ни было его историческое основание, который не содержит некоторых элементов вымысла. Другими словами, он признавал полную правдивость простого выражения «где много дыма, там и огонь», но он также признавал правду в том, что никогда не найдется двух человек, которые, увидев дым, согласились бы с точным соотношением между ним и огнем.

Применяя это к рассматриваемому случаю, Грот был убежден, что каждый важный миф и легенда должны иметь прототип, по крайней мере, в общих чертах, в реальной истории каких-то людей в какой-то период. Он сочетал это убеждение с не менее твердым убеждением, что в наши дни совершенно невозможно сказать, какие люди или какое время послужили исторической основой для этой традиции, или какая доля фактов смешана с окутывающим облаком мифов. Поэтому, когда Гроут приступил к написанию своей истории Греции, он пошел на компромисс в отношении мифического периода, что является одним из самых ярких примеров его практической мудрости. Он пересказывал басни как басни, обозначая легендарный период как таковой и не предпринимая никаких попыток определить, какое отношение какой-либо конкретный эпизод из этих легенд мог иметь к реальным событиям в жизни народа доисторической Греции. Решение Грота по этому вопросу было сразу же встречено с восторгом большим числом читателей; и хотя, конечно, оно ни в коей мере не заставило замолчать сторонников других точек зрения, можно справедливо сказать, что спустя более полувека нет другого способа трактовать этот период, который мог бы справедливо заменить тот, который установил великий историк.

Наша оценка Грота в других областях хорошо иллюстрируется тем, что мы широко используем его работы. Заметки о других историках Греции — многие из которых сами по себе ни в коем случае не являются неважными, но ни один из них не может сравниться с этим великим историком — будут представлены в следующей библиографии. Здесь достаточно вспомнить имена Тирлволла и Куртиуса среди общеисториков Греции более раннего поколения, а также имена Холма, Белока, Бузольта и Берри среди более поздних

авторов; в то время как для особых периодов особое значение имеют имена Дройзена, Мюллера, Шлимана и Финлея.

СНОСКИ

[52] *Fasti Hellenici*.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АВТОРОВ; С КРИТИЧЕСКИМИ И БИОГРАФИЧЕСКИМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ

Эббот, Э., История Греции, Лондон, 1892-1893. — **Элиан** Клавдий, ποικίλη ἱστορία, под редакцией Перизония, Лейден, 1701, Переменная история Элиана (перевод А. Флеминга), Лондон, 1576.— **Альфиери**, В., Трагедия об Агисе IV, царе Спарты. — **Олкрофт**, А. Х., Упадок Эллады, 371-323 гг. до н. э., Лондон, 1894; (в соавторстве с У. Ф. **Масомом**), Краткая история Греции до 495 г. до н. э., Лондон, 1891.—**Ежегодник** Британской школы в Афинах.—**Аноним**, Der Griechisch-turkische Krieg des Jahres 1897, Берлин, 1898; Семь очерков о социальном положении древних греков, Оксфорд, 1832.—**Аристобул**, цитируемый Плутархом, Аррианом и др. (в Fragmenta Мюллера).—**Аристотель**, Ἠθικὰ, под редакцией Целля, Гейдельберг, 1820, 2 тома; Πολιτικὰ, под редакцией Бартелеми Сен-Илера, с французским переводом, Париж, 1837; Этика, Политика (перевод Гиллиса), Лондон, 1804.—**Арриан**, Флавий, Ἀνάβασις Ἀλεξάνδρου, под редакцией Ф. Шмейдера, Лейпциг, 1798; The Anabasis of Alexander, Лондон.

Л. Флавий Арриан, родился в Никомедии около 100 г. н. э., умер в преклонном возрасте во время правления Марка Аврелия.

Рассматривая столь романтическую карьеру, как карьера Александра, историка совершенно невозможно оставаться спокойным, бесстрастным наблюдателем описываемых им событий. Поэтому мы видим, что многочисленные биографы Александра в большинстве своем явно занимают ту или иную противоположную позицию. С одной стороны, они считали Александра величайшим из героев и самым замечательным из людей, с другой — просто величайшим из авантюристов. В зависимости от того, какую сторону фактов из истории Александра подчеркивать, довольно легко выстроить убедительную аргументацию с любой из этих точек зрения. Но то, что мы сказали в другом месте о сочувствующем историке, в полной мере применимо и здесь, и нельзя ожидать, что кто-либо, не оценивающий те стороны его гения, которые выходят далеко за рамки обычного авантюриста, смог бы написать действительно удовлетворительную биографию Александра. Поэтому неудивительно, что действительно великие биографии Александра, как древние, так и современные, были написаны с сочувственной точки зрения.

Биография Арриана, которая, по общему мнению, значительно превосходит по важности все другие сохранившиеся до наших дней сочинения об Александре, безусловно, отличается наиболее разумным духом и, вероятно, настолько беспристрастна, насколько это вообще возможно для такого рода произведения. Арриан не щадит Александра и не стесняется в полной мере выражать его недостатки, но он полностью ценит величие своего героя и, как он сам прямо заявляет, взялся за написание его биографии, потому что считал, что до него никто не отдал должное этому герою. Арриан откровенно заявляет, что считает свое произведение достойным и что благодаря ему он сам должен быть признан одним из величайших писателей Греции. Учитывая все обстоятельства, возможно, странно, что потомки отказались согласиться с этим утверждением. Труды Арриана действительно признаны всеми как произведения высочайшего качества — безусловно, одни из самых беспристрастных и объективных исторических произведений древности. Однако, несмотря на чрезвычайную важность его темы, имя Арриана относительно мало известно широкой

публике, в то время как имя Ксенофонта, которого Арриан в некоторой степени считал своим учителем, знакомо всем, хотя тема его главного произведения была относительно незначительной.

Эта аномалия, возможно, отчасти объясняется тем, что Арриан явно следовал за Ксенофонтом как за учителем, поскольку никто не ожидает, что последователь будет поставлен на один уровень с создателем. Но более правдоподобным объяснением, вероятно, является то, что Арриан жил в поздний период, после того как слава Греции как литературного центра мира окончательно угасла; и было принято рассматривать все произведения этого позднего периода, с их неизбежными изменениями стиля, представляющими время упадка греческого языка, как нечто, на что с подозрением смотрят любители этого языка в его чистом виде. Кроме того, возможно, сама важность темы Арриана повлияла на постоянную популярность его произведения. Не было никакой причины, по которой какой-либо другой писатель после Ксенофонта мог бы подробно описать историю «Анабасиса десяти тысяч», поскольку эта история, как будто бы это был просто роман, обязана своей важностью почти исключительно стилю оригинального рассказчика. Но в случае с Александром все было совсем иначе. Бесчисленные писатели, что было вполне естественно, рассказывали его историю в период сразу после его смерти. Было неизбежно, что столь удивительная история будет продолжать вызывать интерес человечества на протяжении всех времен и будет пересказываться снова и снова бесчисленными поколениями историков. Даже если бы биография Арриана оказалась во всех отношениях полной и удовлетворительной, более поздние поколения наверняка потребовали бы, чтобы эта история была пересказана в духе их собственного времени, но на самом деле биография Арриана, при всей ее важности, отнюдь не является полностью полной. Конечно, она содержит все события, которые автор считал достоверными, но в ней явно опущены различные другие события, которые, будь то правда или вымысел, должны были вызывать постоянный интерес уже тем, что были связаны с именем Александра.

Каждое последующее поколение историков должно само судить, как это и положено критику, о различных противоречивых историях, дошедших до нас, и заново взвешивать доказательства той или иной стороны, создавая для себя новую историю Александра.

Ассманн, В., *Handbuch der Allgemeinen Geschichte*, Брауншвейг, 1853.

Башеле, Ж. А. Ф., *Histoire ancienne grecque*, Париж, 1883. — **Барайбар** (в сотрудничестве с **Менендесом Пелайо**) *Poetas liricos Griegos*, Мадрид, 1884. — **Беккер**, Вильгельм А., *Харикл*, или *Иллюстрации из частной жизни древних греков* (перевод Фредерика Меткалфа), Лондон, 1854. — **Белох**, Ж., *Griechische Geschichte*, Страсбург, 1893-1899, 2 тома. — **Бент**, Дж. Т., *The Cyclades: Life among the Insular Greeks*, Лондон, 1885. — **Беренс**, Э. М., *Myths and Legends of Ancient Greece*, Лондон, 1879. — **Берг**, ван ден, *Petite Histoire des Grecs*, Париж, 1880. — **Бергк**, Т., *Griechische Literaturgeschichte*, Берлин, 1872-1894. — **Бернхарди**, Г., *Grundriss der Griechischen Litteratur*, Галле, 1836, изд. 1876-92. — **Бертело**, А., *Les grandes scènes de l'histoire grecque*, Париж, 1889. — **Блэки**, Дж. С., *Noræ Hellenicæ*, Лондон и Эдинбург, 1874. — **Бланшар**, Т., *Les Mavroyeni*, Париж, 1893. — **Блюмнер**, Хьюго, «Домашняя жизнь древних греков» (перевод А. Циммерна), Лондон, 1895; «Технология и терминология ремесел и искусств у греков и римлян», Лейпциг, 1887. — **Бозж**, А., «Общественная экономика афинян» (перевод А. Лэмба), Бостон, 1857.

Август Бок, родился в Карлсруэ 24 ноября 1785 года, умер в Берлине 3 августа 1867 года. Он опубликовал издание Пиндара с непрерывным комментарием, латинским переводом и трактатом о греческой версификации (1811); а также «*Метрологические исследования, касающиеся весов, монет и мер древности*» (1838); *диссертацию о серебряных рудниках Лауриона в Аттике* и другие трактаты. Он начал работу над *Corpus Inscriptionum Grecarum*,

которую продолжил его ученик Франц и которая до сих пор остается незавершенной. Его наиболее важная работа о *публичной экономике афинян*, хотя и несколько устаревшая, сохраняет свое первоначальное значение во многих аспектах и, как хранилище знаний, почерпнутых из классических авторов, до сих пор не утратила своей актуальности.

Бонне, М., *Le Philologie classique*, Париж, 1892.—**Бужо**, Альфред, *Hist. des lett. étrangères*, Париж, 1876.—**Буго**, А., *Rivalité d'Eschine et Demosthènes*, Париж, 1891. **Брекиньи**, Л. Г. О. Ф. де, *Vie des anciens orateurs grecs*, Париж, 1752.—**Бронвер**, П. в. Л., *Histoire de la Civilisation Morale et Religieuse des Grecs*.—**Браун**, Дж. Б., *Stoics and Saints. Lectures on Later Heathen Moralists*, Глазго, 1893.—**Budge**, E. A. W., *The Life and Exploits of Alexander the Great*, Лондон, 1896.—**Bulwer**, H. L. E., *An Autumn in Greece*, Лондон, 1826.—**Bulwer Lytton**, E. G. E. L. См. Lytton.—**Burgess**, G., и др., *Greek Anthology*, Лондон, 1854.—**Бурнуф**, Э., «Мемуары о древности», Париж, 1879; «Афинская легенда», Париж, 1872; «Наука о религиях» (перевод Джули Либбе), Лондон, 1888; «История греческой литературы», Париж, 1869.—**Бэри**, Дж. Б., *История Греции*, Лондон, 1900; *Двойной город Мегалополис* (в Журнале эллинских исследований), Лондон, 1898.

Джон Б. Бэри, родился в 1861 году; получил образование в Тринити-колледже в Дублине, в 1893 году стал профессором современной истории в Дублинском университете; в 1898 году — королевским профессором греческого языка; в 1903 году — королевским профессором современной истории в Кембриджском университете. Профессор Бэри хорошо известен своей *«Историей поздней Римской империи»* и изданием книги Гиббона *«Упадок и падение»*. При подготовке истории Греции он колебался, как говорится в его предисловии, между тщательно проработанным трудом и более сложной задачей представления хорошо сбалансированного краткого изложения греческой истории в одном томе. Вероятно, он мудро выбрал последнее; и тем самым создал работу, которая, хотя и краткая, может по праву называться всеобъемлющей и авторитетной, а также интересной. Она не пытается заменить более подробные работы старых авторов и не вступает в конкуренцию с недавними немецкими изданиями, но это почти единственная работа, которая в одном томе дает читателю ясное представление о последних событиях микенской истории, одновременно охватывая историю Греции в целом до эпохи Александра.

Бузольт, Г., *Die Griechische Gesch. bis zur Schlacht bei Chæroneia*, Гота, 1893; (в Müller's Handbuch der klassischen Alterthumswissenschaft, Мюнхен, 1892).

Кайлеммер, Э., *Études sur les antiquités juridiques d'Athènes*, Париж, 1880. — **Карпароли**, Д., *Di leggenda di Alessandro Magno*, Мондови, 1892. — **Черч**, А. Дж., *Heroes and Kings*, Лондон, 1883; Лондон, 1900; *The Fall of Athens*, Лондон, 1894; *Nicias and the Sicilian Expedition*, Лондон, 1899; *Pictures from Greek Life and Story*, 1893.—**Cicero**, *Tusculanarum Disputationum Libri V. and De Oratore*, Рим, 1469.—**Clarke**, E. D., *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa*, Лондон, 1810.—**Клинтон**, Файнс Х., «*Fasti Hellenici*», Лондон, 1851. — **Коллинз**, У. Л., «Древние классики для английских читателей», Лондон, 1870. — **Конитолас**, Б., «Греция после краха», Париж, 1895.— **Константин VII**, Флавий Порфирогенет, *Ἐκλογαὶ περὶ Πρεσβειῶν* (Excerpta de Legationibus), *περὶ ἀρετῆς καὶ κακίας* (Excerpta de Virtutibus et Vitiis), под редакцией Вазезия, 1634; *περὶ γνῶμῶν* (Excerpta de Sententiis), Рим, 1827. — **Корнер**, Дж., *История Греции*, Лондон, 1885, 8 тт. — **Костард**, Г., *Диссертация об использовании астрономии в истории и т. д.*, Лондон, 1764.— **Куланж**, Ф. де, *Новые исследования некоторых проблем истории*, Париж, 1891. — **Кокс**, Г. В., *История Греции*, Лондон, 1874, 2 тома; «Общая история Греции», Лондон, 1876; «Афинская империя», Лондон, 1876; «Рассказ о Великой Персидской войне», Лондон, 1861; «Греки и персы», Лондон, 1877; «Жизнь греческих государственных деятелей», Лондон, 1885.

Джордж У. Кокс, родился в Бенаресе 10 января 1827 года; викарий Бекесборна, 1881 год, ректор Скрейингема, 1881-1897 годы. Его различные исторические работы пользовались большой популярностью, к которой их в значительной степени привела превосходная стилистика. Они научны в отношении обращения с фактами, но по сути художественны в их представлении. Никто не описал мифологический период более удовлетворительным образом. Очевидно, что, учитывая дату их публикации, в них не следует искать последние результаты исследований микенской цивилизации.

Краммер, Дж. А., Географическое и историческое описание Древней Греции, Оксфорд, 1828. — **Криси**, Эдвард С., Пятнадцать решающих сражений мира, Лондон, 1852. — **Кертис**, А. М., Возникновение Македонской империи, Лондон, 1877.—**Курциус**, Э. фон, «Греческая история», Берлин, 1887, 3 тома.

Эрнст Куртиус родился в Любеке, Германия, 2 сентября 1814 года; умер 12 июля 1896 года. Когда К. О. Мюллер предпринял то путешествие по Греции, которое началось так многообещающе и закончилось так катастрофически, его помощником был молодой немец, родственник ему по духу, который впоследствии стал, пожалуй, даже более известен, чем сам Мюллер, как историк Греции — Эрнст Куртиус. Работа, которую Мюллер не смог завершить, была продолжена Куртиусом, который посвятил всю свою жизнь изучению классической древности, как и его учитель до него. Именно Куртиус много лет спустя придумал провести раскопки на знаменитом местечке Олимпия. Куртиус, действуя в качестве посланника немецкого правительства, обеспечил своей стране монополию на раскопки в этом месте. Результаты этих раскопок, которые Куртиус некоторое время проводил лично, имеют огромное значение и представляют большой интерес, и были представлены миру в серии объемных томов.

Большая часть работ Куртиуса носила технический характер, но книга, благодаря которой он стал наиболее известен и которой, вероятно, его будут помнить дольше всего, была по сути популярной историей Греции — безусловно, самой популярной из всех работ на эту тему, когда-либо написанных в Германии. Это произведение, по сути, негерманское, если говорить о его структуре. Это сжатое повествование о событиях греческой истории, и, что действительно странно для немецкого произведения, оно совершенно не испорчено сносками: сноски, конечно, есть, но их относительно немного, и они помещены в конце каждого тома, где их легко найти тем немногим, кто хочет их найти, не портя интереса и не отвлекая внимания большинства читателей текста. Интересно отметить, что эта восхитительная и популярная история была написана по просьбе издателя как сопутствующее произведение к не менее известной истории Рима профессора Моммзена. Схожесть подхода и общая идентичность плана этих двух знаменитых произведений позволяют предположить, что издатель, возможно, сыграл немалую роль в предопределении их характера и объема; если это так, то мир обязан ему двумя из самых важных исторических трудов, которые появились на свет в стране историков.

Личную точку зрения профессора Куртиуса можно охарактеризовать как сочувственную и критическую одновременно; он обладал глубокими знаниями и с ранних лет проникся энтузиазмом Мюллера ( ), но, возможно, привнес в свою работу немного больше практичности, чем его великий учитель. Сочетание этих качеств сделало его почти идеальным историком. Как преподаватель он долгое время считался одним из самых успешных в стране великих учителей. Профессор Бойсен в популярной статье о Берлинском университете, написанной несколько лет назад для американского журнала, довольно подробно описал семинар профессора Куртиуса и выразил свое удивление и восхищение той легкостью и беглостью, с которой профессор Куртиус вел то, что можно было бы назвать непринужденной беседой на классической латыни. Такой случай гораздо менее необычен в

Германии, чем во Франции, Англии или Америке, поскольку в Германии студентов по-прежнему учат говорить на латыни — в той или иной степени — в гимназии, и немало учеников научились относительно легко владеть этим языком в устной речи. В случае профессора Куртиуса, возможно, его владение классическими языками менее примечательно, чем его практическое владение родным языком, поскольку есть много немецких профессоров, которые могут свободно говорить на латыни, но только один из них может писать по-немецки так, что любой, кто не является немцем, может читать его с удовольствием.

Курций, Квинт, *De Rebus Gestis Alexandri Magni*, Венеция, 1471; Войны Александра (перевод Уильяма Янга), Лондон, 1747.

Дальманн, Ф. К., *Forschungen auf dem Gebiete der Gesch.*, Альтона, 1822-1824.—**Даремберг**, К. В., и **Саглио**, Э., *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*, Париж, 1873; *La Médecine dans Homère*, Париж, 1865.—**Дарес** Фригийский, *Daretis Phrygii de Excidio Trojæ Historia*, L'hist. véritable de la guerre des Grecs et des Troyens, faite française par Ch. de Bourgueville, 1893.—**Даубан**, К. А., *Выдержки из древних авторов по греческой истории*, Париж, 1888.—**Дельтур**, Н. Ф., *Histoire de la littérature grecque*, Париж, 1885. —**Диодор** Сицилийский, *Βιβλιοθήκη ἱστορική*, под редакцией Л. Диндорфа, Лейпциг, 1828, 6 тт. The Historical Library, Лондон, 1700.—**Диоген** Лаэртский, *φιλόσοφοι βίοι*, под редакцией Х. Г. Хюбнера, Лейпциг, 1828, 6 тт.—*Lives and Opinions of the Most Eminent Philosophers* (перевод Ч. Д. Йонга), Лондон, 1848.—**Додж**, Т. А., *Великие полководцы; История происхождения и развития военного искусства*, Бостон, 1890. —**Дональдсон**, Дж., *Современная греческая грамматика*, Эдинбург, 1853. —**Драгумес**, Н., *Исторические воспоминания*, Париж, 1890.—**Дройзен**, Дж. Г., *Geschichte Alexanders des Grossen*, Гота, 1892; *Gesch. des Hellenismus*, Гота, 1877-1878.

Иоганн Густав Дройзен родился в Трептове, Померания, Пруссия, 6 июля 1808 года; умер в Берлине 19 июня 1884 года. Его история Александра была написана до того, как были предприняты какие-либо действительно великие современные истории Греции, и она намного превосходила все предыдущие попытки полнотой, с которой она опиралась на все источники древности, и критической проницательностью, с которой она анализировала собранный таким образом материал. Кроме того, она отличалась более чем средней ясностью стиля, что в сочетании с другими ее достоинствами сразу же принесло ей широкую популярность и авторитет, которые она сохраняет до сих пор. Действительно, только совсем недавно кто-то попытался написать историю Александра, которая могла бы составить конкуренцию труду Дройзена, за исключением обширных очерков, составляющих часть таких всеобъемлющих историй Греции, как труды Гроте, Тирлволла и Куртиуса.

Дройзен рассматривает свою тему с действительно сочувственной точки зрения. Для него Александр — великий герой; он полностью сочувствует идее монархии и считает Александра великим благодетелем своего рода, который, если бы остался в живых, еще более прочно запечатлел бы свой гений в самой важной эпохе в истории человеческой эволюции. Даже такие спорные моменты, как требование Александра, чтобы греки оказывали ему божественные почести по восточному обычаю, Дройзен, как мы видели, представляет в выгодном для своего героя свете. Однако из этого не следует делать вывод, что история Дройзена является лестной похвалой. С другой стороны, это работа беспристрастного критика с широким кругозором и ясным пониманием, который отнюдь не слеп к недостаткам своего героя, но считает, что, несмотря на эти недостатки, герой был не только одним из величайших военных гениев, но и одним из величайших людей всех времен.

Рассмотрев эпоху Александра, Дройзен, естественно, перешел к изучению более поздней греческой жизни. Его исследование эллинистической эпохи остается, пожалуй, самым всеобъемлющим и научным вкладом в эту сложную тему.

Дройзен, Г., (в «*Lehrbuch d. griechischen Antiquitäten*» Германа) Фрайбург, 1889; «*Untersuchungen über Alexanders des Grossen Heerwesen und Kriegführung*», Фрайбург, 1885; «*Athen und der Westen vor der Sicilischen Expedition*», Берлин, 1882. — **Друмманн**, В., «*Verfall der Griechischen Staaten*», Берлин, 1815.—**Dujon**, E., «*Problèmes de Mythologie*», Осер, 1887. —**Du Mesnil**, A., «*Politik des Epaminondas*», Мюнхен, 1863. —**Dunbar**, G., в «*Potter's Antiquities of Greece*», Эдинбург, 1820. —**Duncker**, M., *Abhandlungen aus der griech. Geschichte*, Лейпциг, 1887; *History of Greece to the End of the Persian War* (перевод), Лондон и Эдинбург, 1883.—**Дюрюи**, В., *Histoire des Grecs*, Париж, 1887-1889.—**Дайер**, Л., *Studies of the Gods in Greece at Certain Sanctuaries*, Лондон, 1891.

Элсер, К., Die Lehre des Aristoteles über das Wirken Gottes, Мюнстер, 1893.—**Или**, Т., Олимп, Сказки о богах Греции, Лондон, 1891.—**Эугамон**, Τηλεγόνια, (Телегония).

Фальке, Дж. фон, «Греция и Рим, их жизнь и искусство» (перевод У. Х. Брауна), Нью-Йорк, 1882 г. — **Фарфар**, Дж. А., «Язычество и христианство», Лондон, 1891 г. — **Феллоуз**, Ч., «Отчет об открытиях в Ликий», Лондон, 1841 г.—**Финлей**, Г., История Византийской и Греческой империй с 716 по 1453 год, Эдинбург, 1853; История Греции со времени завоевания крестоносцами, 1204-1461, Эдинбург и Лондон, 1851; История греческой революции, Эдинбург и Лондон, 1861; История Греции под властью Османской империи и Венеции, Эдинбург и Лондон, 1856; Греция под властью римлян, Эдинбург, 1844. Большинство работ Финлея, посвященных позднему периоду греческой истории, не входят в сферу настоящей библиографии. Они рассматривают византийскую эпоху с греческой точки зрения и, таким образом, дополняют работу Гиббона. Мы вернемся к ним, когда будем рассматривать позднюю Римскую империю. — **Флате**, Дж. Л. Ф. Ф., Geschichte Macedoniens, Лейпциг, 1832-1834. — **Флойгл**, В., Cyrus und Herodot, Лейпциг, 1881. — **Френкель**, А., Die Quellen der Alexander Historiker, 1884, 8 томов. — **Франсильон**, Р. Э., Gods and Heroes, Эдинбург, 1892. — **Фриман**, Э. А., History of Federal Government in Greece and Italy, Лондон, 1893; History of Sicily, Оксфорд, 1891; статья «Sicily» в девятом издании *Encyclopædia Britannica*. Первое издание работы профессора Фримена о федеральном правительстве, упомянутое выше, носило следующее название: «История федерального правительства от основания Ахейского союза до распада Соединенных Штатов»; название, которое указывает на трудности, с которыми может столкнуться историк, когда его энтузиазм заставляет его вступить в область пророчеств. По понятным причинам автор не смог завершить свою работу в соответствии с первоначальным названием. К сожалению, он не продвинулся в ее завершении так далеко, как мог бы, поскольку второй том так и не был опубликован. Однако фрагмент « », который он нам оставил, сохраняет большое значение в применении к поздним и тщетным попыткам греков гармонизировать отношения между своими враждующими городами. — **Фуртвенглер** (в сотрудничестве с **Лёшке**), «Mykenische Vasen», Берлин, 1886.

Гарднер, Перси, «Новые главы в истории Греции», Лондон, 1892; «Справочник по древностям Греции», Лондон, 1895. — **Гарнетт**, Р., «Венец из греческой антологии», Лондон, 1892.—**Геддес**, Уильям Д., Проблема гомеровских поэм, Лондон, 1878, 8 тт.—**Гельдарт**, Э. М., Современный греческий язык, Оксфорд, 1866.—**Гелл**, В., Маршрут по Греции с комментариями к Павсанию и Страбону, Лондон, 1810.—**Жерар**, П., Афинское образование в V и IV веках до н. э., Париж, 1889. — **Герхард**, Э., Греческая мифология, Берлин, 1854. — **Гервинус**, Г. Г., История XIX века, Лейпциг, 1853.—**Гиббон**, Э., Упадок и падение Римской империи, Лондон, 1853. —**Гилберт**, Г., Beiträge zur inneren Gesch. Athens, Лейпциг, 1877; Handbuch der Griechischen Staatsalterthümer, Лейпциг, 1893. —**Гиллис**, Дж., История Древней Греции, Лондон, 1825.—**Гладстон**, У. Э., «Исследования Гомера и гомеровской эпохи», Оксфорд, 1858. —**Гловер**, Р., «Леонидас» (стихотворение), « », Лондон, 1737. —**Годкин**, Э. Л., «Исторический педагог», Лондон, 1854. —**Голдсмит**, О., «История Греции», Лондон, 1825.

Оливер Голдсмит родился в Палласе, графство Лонгфорд, Ирландия, 10 ноября 1728 года; умер в Лондоне 4 апреля 1774 года. Имя Голдсмита более века было известно всем, но, вероятно, лишь немногие из множества читателей «Заброшенной деревни» и «Викария из Уэйкфилда» знают, что этот знаменитый поэт и романист был также историческим писателем. И, по сути, было бы слишком смело утверждать, что Голдсмит занимает в области истории такое же место, какое по общему признанию ему отводится в других областях литературы. Можно даже сказать, что Голдсмит вовсе не был историком в современном понимании этого слова: он не готовился к работе, проводя длительные личные исследования, не пытался выявить какие-либо новые факты или пролить новый

свет на предмет своего исследования. Проще говоря, он занимался написанием исторических трудов как чистой наемной работой, за которую он получал денежное вознаграждение, и, вероятно, не задумывался о чем-либо большем. Тем не менее, Голдсмит обладал некоторыми врожденными инстинктами ученого, и, кроме того, он был слишком великим художником, чтобы не знать, что правда лежит в основе всего искусства; поэтому, даже если он писал в некотором смысле небрежно, он не мог не опираться хотя бы на основные черты истории, которую ему предстояло рассказать, и было бы большой ошибкой полагать, что его история Греции совершенно ничтожна как простое изложение фактов. В целом, напротив, на нее можно полагаться как на простое изложение фактов, в то время как манера ее изложения, что само собой разумеется, выделяет ее из ряда обычных произведений.

Конечно, бывают моменты, когда дух автора несколько ослабевает, и здесь и там не хватает той удачности выражений и очарования повествования, которые мы привыкли ассоциировать с именем Голдсмита; но в целом история, как рассказ о жизни в Греции, изложена в манере, достойной автора *«Викария»*, что равносильно утверждению, что простой рассказ о греческой истории редко где-либо излагался так хорошо. Однако мастерство опытного писателя проявляется, пожалуй, даже больше в подборе и компоновке материалов, чем в простом стиле изложения в узком смысле этого слова. В частности, Голдсмит проследил запутанную паутину послеалександрийской истории и сплел ее в нечто вроде непрерывной и однородной ткани с легкостью литературного ресурса, которая действительно редко встречается среди писателей-историков. Конечно, для историка *важнее* содержание, чем форма, и нельзя было ожидать, что история Голдсмита сможет сохранить тот престиж, которым она когда-то пользовалась, после того как такие писатели, как Митфорд, Тирлволл, Гроте и Куртиус, посвятили годы усилий более подробному изучению той же темы. Тем не менее, история Голдсмита по-прежнему имеет свою полезность для определенной категории читателей. Вдумчивый отбор из нее вполне заслуживает того, чтобы стоять в одном ряду с лучшими работами, написанными на эту тему. Если в целом можно сожалеть о том, что Голдсмит не уделил времени приданию своей работе большей авторитетности, то нельзя не сожалеть и о том, что некоторые из более поздних авторов, в частности Гроте, не смогли добавить к своим более тяжеловесным произведениям что-то от очарования стиля, которое является главным достоинством истории Голдсмита.

Голл, Х., *Kulturbilder aus Hellas und Rom*, Лейпциг, 1878. — **Госселин**, П. Ф., *Géographie des Grecs analysée*, Париж, 1790. — **Грант**, А., *Greece in the Age of Pericles*, Лондон, 1893. — **Гроте**, Г., *History of Greece*, Лондон, 1846-1856; *Plato*, Лондон, 1865.

Джордж Гроте родился недалеко от Бекенхэма в Кенте 17 ноября 1794 года; умер в Лондоне 18 июня 1871 года. Он получил образование в области коммерции и, будучи банкиром, стал партнером в фирме Prescott, Grote & Co. Он продолжал активно заниматься бизнесом до 1843 года и трижды представлял город Лондон в парламенте, уйдя из общественной жизни в 1841 году. Первые два тома его *«Истории Греции»* были опубликованы в 1846 году, остальные тома выходили последовательно в период с 1847 по 1856 год. Его *«Платон и другие сподвижники Сократа»* (*Socrates*) в трех томах появилась в 1865 году. В политике Гроут находился под большим влиянием своего друга Джеймса Милля, принимая его теории о церковном устройстве и правительстве. За много лет до принятия законопроекта о реформе Гроут был одним из самых активных реформаторов, стремившихся продвигать идеи Милля и Бентама. Однако его работа в качестве политика была второстепенной по сравнению с его значимостью как историка, поскольку последнюю деятельность он сначала рассматривал как простое увлечение и, как говорят, завершил ее

только по настоянию своей жены. Мы уже подробно комментировали работу Грота во введении к этой библиографии.

Гранди, Г. Б., Персидская война. 1901. — **Гербер**, Х. А., История греков, Лондон, 1898. — **Гуль**, Э., и **Конер**, В., Жизнь греков и римлян, описанная по античным памятникам (перевод Ф. Хюффера), Лондон. 1877.

Хэдли, Дж., Филологические очерки, Нью-Йорк, 1873. — **Хан**, Дж. Г. фон, Фольклор современной Греции, Лондон, 1884. — **Холл**, Х. Р., Древнейшая цивилизация Греции. — **Хаммонд**, Б. Э., Политические институты древних греков, Лондон, 1895; Греческие конституции, Кембридж, 1896.—**Харрисон**, Дж. Э., Мифология и памятники древних Афин, Лондон, 1890. —**Харрисон**, Дж. А., История Греции, Нью-Йорк, 1885. —**Хазе**, Х., Общественная и частная жизнь древних греков, Лондон, 1836.—**Гегель**, Г. В. Ф., Лекции по философии истории, Лондон, 1857. —**Гейне**, Г., Собрание сочинений (второй цикл), Берлин, 1887. —**Хельбиг**, В., Италики в По-равнине, Лейпциг, 1879. —**Герман**, К. Ф., Lehrbuch Griechischer Antiquitäten, Фрайбург, 1880; Kulturgeschichte der Griechen und Römer, Гёттинген, 1857. — **Геродот**, Herodoti Historiæ, под ред. Швейггаузера, Страсбург, 1816, 5 тт.; History of Herodotus, перевод У. Белоу, Лондон, 1806.—**Герцберг**, Г. Ф., Gesch. der Griechen im Alterthum, Берлин, 1885; Geschichte von Hellas und Rom, 1879; Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer, Галле, 1866-1875; Gesch. Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens bis zur Gegenwart, Гамбург, 1876-1879. Работы профессора Герцберга отличаются приятной формой изложения и могут служить надежным источником наиболее авторитетных взглядов. Они не претендуют на такой объем оригинальных исследований, который характерен для стандартных работ Гроте и Куртиуса.—**Хогарт**, Д. Г., статья «Микенская цивилизация» в *новых томах* девятого издания *Encyclopædia Britannica*, Лондон.—**Хольм**, А., Gesch. Siciliens im Alterthum, Лейпциг, 1870-1874; Griechische Gesch., Берлин, 1893; History of Greece, Лондон, 1898.

Адольф Хольм родился в 1830 году в Любеке; в настоящее время он является профессором истории в Палермо, Сицилия. Работа профессора Хольма, сочетающая оригинальные исследования с достаточно популярным изложением, является одним из важнейших вкладов в эту тему за последнее время.

Хопф, Карл, Gesch. Griechenlands vom Beginn des Mittelalters (в Энциклопедии Эрша и Грубера), Лейпциг, 1818. — **Хуэльманн**, К. Д., Würdigung des Delphischen Orakels, Бонн, 1837; Anfänge der griech. Geschichte, Кенигсберг, 1814.—**Хуллманн**, Л. Д., Primi tempi della storia graeca, 1894.—**Хьюм**, Д., On the Populousness of Ancient Nations, Эдинбург, 1753.—**Хаттон**, К. А., Greek Terra-cotta Statuettes, Лондон, 1899.

Исократ, Архидам, под ред. Г. С. Добсона, Лондон, 1828, 2 т.

Jäger, O., Geschichte der Griechen, Гютерсло, 1896.—**Jahn**, O., Aus der Alterthumswissenschaft, Бонн, 1868.—**Jebb**, R. E., в статье «Демосфен» в девятом издании *Encyclopædia Britannica*.—**Джевонс**, Ф. Б., Афинская демократия, Лондон, 1895. — **Иосиф** Флавий, Ἰουδαϊκὴ ἀρχαιολογία, под ред. Диндорфа, Париж, 1845 (перевод У. Уистона, «Древности иудейские», Лондон, 1737); περὶ τοῦ Ἰουδαϊκοῦ πολέμου ἢ Ἰουδαϊκῆς ἱστορίας περὶ ἀλώσεως, под ред. Хадсона, Оксфорд, 1720 (пер. Уистоном, Лондон, 1737).—**Жюрьен де ла Гравьер**, J. P. E., Les campagnes d'Alexandre, Париж, 1884; La marine des anciens, Париж, 1880.—**Юстин**, Justini Historiarum Philippicarum Libri XLIV; History of the World, Лондон, 1853.

Келлнер, Г. К., Edle Griechen, Лейпциг, 1802. — **Кертененсис**, Р., Путешествие в Далмацию, Грецию и Азию. — **Кингсли**, Чарльз, Гипатия, Лондон, 1858. — **Колстер**, В. Х., Александр Великий, Берлин, 1866.—**Кортум**, Дж. К., Gesch. Griechenlands von der Urzeit bis zum Untergang des achäischen Bundes, Гейдельберг, 1854.—**Крузе**, Ф. К. Р., Hellas, Лейпциг, 1826.

Лейк, У. М., Исторический обзор греческой революции, Лондон, 1825. — **Лэнг**, Эндрю, Гомер и эпос, Лондон, 1893. — **Ларшер**, П. Х., Перевод Геродота, Париж, 1786. — **Ларди**, Э., Греко-турецкая война (см. Современная Греция), Париж, 1899. — **Ларок**, Ж., Греция в век Перикла, Париж, 1883. — **Лоран**, Т., Исследования по истории человечества, Брюссель, 1861-1870. — **Лик**, У. М., Исследования в Греции, Лондон, 1814; Топография Афин, Лондон, 1821. — **Лебо**, Шарль, «История Нижней Империи» (Hist. du Bas-Empire), «Истории и события» ( ) Париж, 1757-1786. — **Леки**, У. Э. Х., «Рационализм в Европе» (Rationalism in Europe), Лондон, 1870. — **Леннорман**, Ф., «Великая Греция» (La Grande Grèce), Париж, 1881. — **Лермини**, Э., Histoire des législatures et des constitutions de la Grèce, Париж, 1882. — **Летронн**, Ж. А., Fragments inédits d'anciens poètes grecs, Париж, 1838. — **Ливий**, Тит, Annales, Рим, 1469; под ред. Дракенборха, Лейден, 1738-1746, 7 тт. (перевод Филемона Холланда, «История Рима», Лондон, 1600; перевод Д. Спиллана, К. Эдмундса и У. А. Макдевитта, Лондон, 1849, 4 т.). — **Ллойд**, У. У., «Трилогия Софокла» (в журнале «Journal Hellenic Studies»), Лондон, 1884. — **Литтон**, Э. Г. Э. Л. Бульвер, «Афины: их взлет и падение», Лондон, 1837.

Эдвард Джордж Эрл Литтон Булвер-Литтон родился в Лондоне 25 мая 1803 года; умер в Торки 18 января 1873 года. Не раз случалось, что достижения человека в позднейшей жизни полностью затмевали славу его ранних лет. Так было и в случае с Булвером-Литтоном. В зрелом возрасте он стал настолько всемирно известен как политик и писатель, что, пожалуй, лишь немногие из его читателей знают, что он когда-то писал исторические труды. Отчасти это пренебрежение, возможно, объясняется тем, что он так и не закончил важную работу об Афинах, которая в свое время была очень широко известна и пользовалась большим успехом. Возможно, его успех как романиста в « » заставил его отказаться от своего раннего проекта, или, что более вероятно, отвлекающие факторы других видов деятельности помешали ему вернуться к работе, от которой он, должно быть, отказался с неохотой. В любом случае, два тома, которые он опубликовал по истории Афин, остаются ценным фрагментом. Они написаны с точки зрения горячего поклонника всех аспектов греческой жизни, и поэтому к его суждениям иногда следует относиться с определенной осторожностью. Однако в целом его работа, насколько она была выполнена, едва ли может быть превзойдена как оценка афинского народа и его жизни. Это работа человека, который, будучи выдающимся писателем, также имел большие достижения как ученый и исследователь. Любой, кто обратится к этим томам, с сожалением оставит их, понимая, что увлекательная история, о которой они рассказывают, так и не была завершена. Однако в том виде, в каком они есть, они представляют собой наиболее ценную оценку художественного народа человеком, который сам был художником.

Маколей, Г. К., Перевод «Истории» Геродота, Лондон, 1890. — **Макдермотт**, Т. Б., «Очерки греческой истории», Дублин, 1889. — **Махаффи**, Дж. П., Проблемы греческой истории, Лондон, 1892; Империя Александра, Лондон, 1877; Греческий мир под властью Рима, Лондон, 1890; Греческая жизнь и мысль от Александра до римского завоевания, Лондон, 1887; Введение в историю Греции Дюруи, Бостон, 1890; Путешествия и исследования в Греции, Лондон, 1876; История классической греческой литературы, Лондон, 1883; Империя Птолемея, Лондон, 1895.

Джон Пентланд Махаффи родился в Шапонере, недалеко от Веве, Швейцария, 26 февраля 1839 года.

Исследователи истории не раз вынуждены сожалеть о том, что величайшие ученые, как правило, совершенно не владеют ясным стилем письма. Поэтому настоящим удовольствием и сюрпризом становится встреча с признанным ученым, который также является выдающимся писателем. Таким человеком является профессор Махаффи. Как ученый, и в частности как исследователь всех аспектов жизни в Древней Греции, в том числе периода

правления Птолемея, профессор Махаффи давно завоевал себе репутацию. И даже беглый просмотр любой из его книг показывает, что он является писателем высокого уровня.

Объяснение тому, что можно было бы назвать почти аномалией, кроется, по-видимому, в широком круге интересов профессора Махаффи и в его здравом смысле, который он применяет к любой научной проблеме. Слишком многие исследователи древности увлекаются красотой греческого языка и настолько погружаются в классическую литературу, что вся их критическая проницательность, которой они когда-то обладали, сосредотачивается и растрачивается исключительно на словесных вопросах, не оставляя ничего для практического применения. Так в сознании людей возникли всевозможные мифы о слове «греческий».

Профессор Махаффи взял на себя задачу развеять некоторые из этих мифов. Мы уже имели возможность сослаться на его критику похвал Тукидиду. Кроме того, в гораздо более широком контексте профессор Махаффи давно указал, что распространенное представление о греках как о типе храбрых людей было явной иллюзией. Он обратил внимание на тот факт, что в некоторых из самых важных греческих сражений — например, в том, в котором спартанцы победили коринфян во времена Агесилая — общее число погибших иногда составляло всего полдюжины человек. Он отметил детскую манеру, с которой греческие вожди поддерживали мужество своих воинов речами и громкими заявлениями, а также то, как каждая сторона пыталась запугать другую громкими криками и звоном оружия при наступлении. «Это, — сказал он, — не характерные черты людей, которые являются храбрыми в современном понимании этого слова». Он снова спросил, возможно ли, чтобы современное воинское формирование год за годом отбивалось от стен Афин, когда внутри, так сказать, было лишь горстка людей, чтобы их защищать.

Продолжая в том же духе иконоборчества, профессор Махаффи указал, что некоторые из самых дорогих традиций греческой истории были интерпретированы и навязаны миру через умы предвзятых участников, а не в духе справедливости и равенства. Так, битва при Марафоне, о которой мы и сейчас привыкли слышать как о великом решающем сражении между Востоком и Западом, с трудом выдержит такую интерпретацию, если рассматривать ее без предвзятости. В лучшем случае это была, безусловно, гораздо менее важная и решающая битва, чем битва при Платеях, но так случилось, что афиняне были победителями в Марафоне, тогда как в Платеях честь дня досталась спартанцам; и поскольку афиняне через свою литературу служили рупором Греции, неудивительно, что событие, в котором они играли главную роль, было чрезмерно преувеличено, а память о нем передана потомкам в искаженных пропорциях. Огромная заслуга современной науки заключается в том, что она способна пересмотреть некоторые суждения по таким вопросам, которые дошли до нас с накопленной инерцией поколений, повторявших их.

Однако из вышесказанного не следует делать вывод, что задача профессора Махаффи в изучении истории Греции является полностью или даже в основном иконоборческой. Дело обстоит совсем иначе. Несмотря на то, что профессор Махаффи порой бывает критичен, в целом он является горячим и сочувствующим поклонником народа, который стал темой его жизненных исследований; но его похвальные суждения можно принимать с большей уверенностью благодаря тому, что он доказал нам, что, рассматривая греков, он не позволяет себе полностью увлечься своим энтузиазмом и не забывает, что греки, несмотря на свой национальный гений, были в конце концов очень человечными и их можно правильно понять, только оценивая по таким же практическим критериям, какие мы применяем к народам нашего поколения.

Профессор Махаффи знает современную Грецию не понаслышке, так же хорошо, как и древнюю Грецию, благодаря изучению классиков. Он очаровательно описал свои путешествия по Греции, а в последнее время он особенно увлекся эпохой Птолемеев, и его работы по этому периоду считаются одними из самых важных вклад в изучение темы, которую большинство исследователей греческой истории явно игнорировали.

Маннерт, К., География греков и римлян, Нюрнберг, 1788-1792. — **Мансо**, Дж. К. Ф., Спарта, Лейпциг, 1800-1805. — **Мартин**, Х., Les Cavaliers Athéniens, Париж, 1886.—**Масом**, В. Ф., Synopsis of Grecian History, Лондон, 1888.—**Масперо**, Г., Hist. ancienne des peuples de l'orient, Париж, 1886.—**Мела**, Помпоний, De Situ Orbis Libri III, под ред. Винетуса, Париж, 1572; (перевод Артура Голдинга, Rare and Singular Works of Pomponius Mela, Лондон, 1590).—**Мелинго**, П. в., Griechenland in unseren Tagen, Вена, 1892.—**Менар**, Л., Histoire des Grecs, Париж, 1893, 2 тома.—**Меривейл**, Чарльз, History of the Romans under the Empire, Лондон, 1850-1851.—**Мейер**, Э., Geschichte des Alterthums, Штутгарт, 1884-1893.—**Мильхоефер**, А., Anfänge der Kunst in Griechenland, Лейпциг, 1883.—**Миллиган**, У., Религия Древней Греции, Эдинбург, 1882.—**Митфорд**, У., История Греции, Лондон, 1841.—**Монсо**, П., Греция до Александра, Париж, 1892.—**Мюллер**, И., Справочник по классической археологии, Нёрдлинген, 1885 и т. д., 9 т., в процессе подготовки.—**Мюллер**, А. (в Lehrbuch der Griechischen Antiquitäten Германна), Фрайбург, 1880. —**Мюллер**, Х. Д., Историко-мифологические исследования, Гёттинген, 1892. —**Мюллер**, Карл, Fragmenta Historicorum Græcorum, Париж, 1841-1870, 5 тт.; новое издание, 1883.—**Мюллер**, К. О., История литературы Древней Греции, Лондон, 1858; История и древности дорической расы, Лондон, 1830; Handbuch der Archäologie der Kunst, Штутгарт, 1878.

Карл Отфрид Мюллер родился в Бриге, Пруссия, 28 августа 1797 года; умер в Афинах 1 августа 1840 года. Если сочувствие к гению народа является необходимым условием для великого историка, то Мюллер был как нельзя лучше подходящей личностью для написания истории греческого народа. Он был человеком с по сути поэтическим и артистическим темпераментом, который сочетал эти качества с глубокой эрудицией. Один случай из его молодости прекрасно иллюстрирует его характер. Это произошло во время его посещения знаменитой художественной галереи в Дрездене. Сам по себе этот случай не был ничем иным, как тем, что он был очарован знаменитым Рафаэлем. Перед этой картиной, как он сам пишет, он стоял совершенно завороченный и с трудом мог заставить себя отойти от нее, чтобы посетить другие части галереи. Конечно, любому человеку с менее впечатлительным темпераментом, увидевшему эту картину, будет совершенно ясно, что Мюллер, стоя в таком восторге перед «Мадонной», видел ее скорее внутренним взором своего собственного энтузиазма, чем более осязаемым органом чувств. Несомненно, в своем полугипнотическом трансе он был бы столь же восхищен, если бы на холсте вместо оригинальной картины была бы самая настоящая хромолитография. Он пошел смотреть Рафаэля, полный восторженных ожиданий, и был уверен, что не будет разочарован. Он не видел неуклюжей, механической, старомодной композиции; он совершенно не обращал внимания на недостаток рисунка, из-за которого у коленопреклоненной фигуры справа были неравные ноги. Он не знал, что, если бы он наткнулся на эту же картину без подписи и о которой он раньше не слышал, он вряд ли бы обратил на нее внимание; он знал только, что она олицетворяла идеал — идеал «», который с ранней юности не выходил из его головы. Стоять перед этой картиной и смотреть на нее своими глазами означало осознать этот идеал. Многие другие люди испытывали то же самое чувство перед тем же полотном и по той же причине; и для них, как и для него, это было испытанием личного темперамента, а не испытанием превосходства самой картины.

Обладая таким впечатлительным художественным темпераментом, неудивительно, что амбиции Мюллера с ранних лет были направлены в сторону Греции. С самого раннего

юности изучение классической эпохи стало его единственной страстью, и задолго до того, как он достиг среднего возраста, он стал известен ученым во всем мире как член того узкого круга, который сделал классическую культуру своей собственностью. Естественно, он не только учился, но и писал, и его работы о Греции стали классическими с момента их публикации. В те ранние годы, которые составили большую часть его трудовой жизни, его особый интерес был направлен на раннюю историю греков как нации и на попытки разгадать загадки того периода. В частности, его исследования дорийской расы стали известны, и « » до сих пор остаются практически последним словом в этой теме. Возможно, иногда следует учитывать энтузиазм и благоприятные предубеждения Мюллера, так же как и противоположную точку зрения Митфорда; но в целом работа Мюллера отличается прежде всего, помимо своей научной ценности, справедливостью и широтой взгляда, с которого рассматривается предмет.

Как ни странно, все важные работы Мюллера были написаны до того, как он сам посетил страну, о которой писал. Разумеется, он всегда хотел посетить Грецию, но его желание осуществилось только спустя долгое время. Однако, наконец, представилась возможность посетить Грецию в полуофициальном качестве; правительство предоставило ему отпуск от работы в университете и предоставило ему рисовальщика, который под его руководством делал эскизы в Греции. Осенью 1839 года он отправился в это памятное и, как оказалось, роковое путешествие. Существует история о его въезде в Грецию, которая иллюстрирует силу и очарование его личности. Друг Финлея, английский историк позднего периода Греции, случайно оказался на одной лодке с Мюллером и после высадки сразу же сообщил Финлею, что в Грецию прибыл самый необычный человек — человек, чье имя и национальность ему были неизвестны, но который удивил всех на лодке тем, что, казалось, одинаково свободно говорил на всех языках и с одинаковой эрудицией обсуждал все темы. «Я не знаю, кто он, — сказал рассказчик, — но это кто-то совершенно необыкновенный». Разумеется, Финлей не долго оставался в неведении относительно того, кто на самом деле был этот «кто-то совершенно необыкновенный».

Можно легко представить, с каким энтузиазмом и энергией Мюллер приступил к исследованиям в стране, каждая часть которой была ему так дорога и одновременно так знакома и так нова, но его труды не были суждены достичь ожидаемых результатов; вероятно, отчасти из-за переутомления и усталости он заболел лихорадкой, был доставлен в Афины в бессознательном состоянии и с бредом и умер там 1 августа 1840 года. Таким образом, его работа была прервана, когда он еще был в расцвете сил, но даже несмотря на это, он всегда будет помниться как один из самых выдающихся вкладчиков в греческую историю всех времен.

Манро, «Наблюдения над Персидскими войнами», Лондон, 1898; статья в «Журнале эллинских исследований». — **Мьюр**, Уильям, «Греческая литература», Лондон, 1854. — **Мюррей**, А. С., «Греческие бронзы», Лондон, 1898.

Нагиотт, Э., *Histoire de la littérature grecque*, Париж, 1883. — **Непос**, К., *De Viris Illustribus*, Венеция, 1471 (изд. Дионисием Ламбинусом, Париж, 1569); *Lives of Illustrious Men*, Лондон, 1723. — **Николай**, Р., *Griechische Litteraturgeschichte*, Лейпциг, 1876. — **Нибур**, Б. Г., *Lectures on Ancient History*, Лондон, 1852; *Stories of Greek Heroes*, Лондон, 1887. — **Нисе**, Б., *Gesch. der Griechischen und Macedonischen Staaten*, Гота, 1893. — **Ницш**, К. В., «Римская анналистика от ее первых истоков до Валерия Антиаса», Берлин, 1873.

Оман, С. W. С., «История Греции до македонского завоевания», Лондон, 1890; «История Греции до смерти Александра», Лондон, 1891. — **Онкен**, В., «Афины и Эллада», Лейпциг, 1866. — **Осборн**, Х. Ф., «От греков до Дарвина», Нью-Йорк, 1894. — **Овербек**, Дж., *Gesch. der Griechischen Plastik*, Лейпциг, 1857.

Пэли, Ф. А., Исследование происхождения письменности у греков, Лондон, 1881. — **Папаттегопулос**, К., История греческой цивилизации, Париж, 1875. — **Павсаний**, Ἑλλάδος Περιήγησις, под ред. Кюна, Лейпциг, 1696; (перевод Томаса Тейлора), A Description of Greece, Лондон, 1794.—**Perry**, W. C., Greek and Roman Sculpture, Лондон, 1882.—**Peter**, C., Zeittafeln der Griechischen Geschichte, Галле, 1886.—**Перро**, Г., в сотрудничестве с К. Чипие, Histoire de l'art dans l'antiquité, Париж, 1881.—**Филиппсон**, А., Thessalien und Epirus, Берлин, 1897.—**Филостефан Тимэй**, Сосибий, и **Деметрий Фалерский**, цитируемые Плутархом.—**Филострат**, Τὰ ἐς τὸν Τυανέα Ἀπολλώνιον, Венеция, 1502; Life of Apollonius, Лондон, 1809.—**Фотий**, Выдержки из «Битники» Арриана (в Fragmenta Мюллера).—**Пигорини**, в Atti dell' Accademia de Lincei.—**Платон**, «Республика» (перевод Генри Кэри), Лондон, 1861.—**Плиний**, «Historia Naturalis» (перевод Дж. Бостока и Х. Т. Райли), Лондон, 1848.—**Плуа**, К., «La nature des dieux», Париж, 1888.—**Плутарх**, Βίοι Παράλληλοι, Рим, 1470, 2 т. (под ред. С. Sintenis, Лейпциг, 1839-1846, 4 т.); Lives, Лондон, 1579; Lives of Illustrious Men, Лондон, 1829, и др.—**Роскок**, E., **Talfourd**, T., **Рутт**, Дж., и **Оттли**, A History of Greece, Лондон, 1851.—**Поэстион**, Дж. К., Hellas, Rom, und Thule, Лейпциг, 1882.—**Пёльманн**, Р. (в Müller's Handbuch der klassischen Alterthumswissenschaft, Нёрдлинген, 1885, и др., 9 тт. в процессе подготовки).—**Поллард**, А., «Правдивые истории из греческой истории», Лондон, 1892. —**Полиен**, «Στρατηγήματα», Лион, 1589; «Стратегии войны» (перевод Р. Шеперда), Лондон, 1793.—**Полибий**, Καθολικὴ κοινὴ ἱστορία, Париж, 1609; The History of (перевод Э. Гримстона), Лондон, 1693; The History of (перевод сэра Х. Спирса), Оксфорд, 1823 (фрагментарный, но очень ценный для более позднего периода).—**Померанц**, Б., La Grèce et la Judée dans l'antiquité, Лондон, 1891.—**Поттер**, Дж. Дж., Antiquities of Greece, Эдинбург, 1820.—**Пойнтер**, Э. Дж., On a Bronze Leg from Italy (в Journal of Hellenic Studies), Лондон, 1886.—**Преллер**, Л., Griechische Mythologie, Берлин, 1899.—**Прево-Парадоль**, Л. А., Essai sur l'histoire universelle, Париж, 1890.—**Пурпер**, Л., La résurrection de la mythologie, Париж, 1894.

Квине, Э., О Греции в ее отношениях с античностью, Париж, 1830.

Раде, С. Т. Г., La déification d'Alexandre.—**Рангабе**, А. Р., Greece: Her Former and Present Position, Нью-Йорк, 1867; Hist. lit. de la Grèce moderne, Париж, 1877.—**Ранке**, Л. Ф., Weltgeschichte, Лейпциг, 1883-1886, 8 тт.—**Редесдейл**, лорд (в книге Митфорда «Греция»), Biography of William Mitford, Лондон, 1822.—**Ренан**, Э., Études d'histoire religieuse, Париж, 1857.—**Реннелл**, Дж., Географическая система Геродота, Лондон, 1800. —**Риджуэй**, У., Ранний период Греции, Кембридж, 1901, 2 тома; Что люди производили предметы, называемые микенскими (в Журнале эллинских исследований), Лондон, 1886.—**Риттер**, Карл, География в соотношении с природой и историей человека, Берлин, 1817-1818, 2 тома.—**Робертс**, У. Р., Древние беотийцы; их характер и т. д., Кембридж, 1895.—**Робинсон**, У. С., Краткая история Греции, Лондон, 1895.—**Робион**, Ф., Les Institutions de la Grèce antique, Париж, 1882. — **Родд**, Дж. Р., «Обычаи и традиции современной Греции» (см. «Современная Греция»), Лондон, 1892. — **Роллин**, К., «Древняя история греков и македонцев», Лондон, 1881; «Древняя история египтян, карфагенян и т. д.», Лондон, 1841.—**Роуз**, Д., Популярная история Греции, Лондон, 1888.—**Раскин**, Дж., Præterita, Лондон, 1886-1900, 2 тома; Современные художники, Лондон, 1843.

Сардагуа, В., Storia della Grecia Antica, Верона, 1881.—**Сатас**, К. Н., Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce en Moyen Age, Париж, 1880.—**Сэйс**, А. Х. (в предисловии к книге Шлимана Троя, Лондон, 1884); (в книге Дж. П. Махаффи «История классической греческой литературы», Лондон, 1883); «О языке гомеровских поэм», Лондон, 1881.—**Шефер**, А., «Демосфен и его время», Лейпциг, 1885-1886; «Краткий обзор источников греческой и римской истории», Лейпциг, 1889. — **Шлиман**, Г., «Троя», Лондон, 1884; «Илион», Лейпциг, 1881; «Микены», Лондон, 1878; «Тиринс: доисторический дворец царей Тиринса», Лондон, 1886.

Генрих Шлиман родился в Ной-Букове, Мекленбург-Шверин, 6 января 1822 года; умер в Неаполе 27 декабря 1890 года. Он был во многих отношениях необыкновенным человеком. Ему в значительной степени было отказано в преимуществах раннего либерального образования, поскольку ему пришлось зарабатывать на жизнь еще в юном возрасте, но он компенсировал это, применив на практике удивительную систему самообразования, благодаря которой он смог в совершенстве овладеть целым рядом языков, ограниченным только его собственными желаниями. Французский, итальянский, испанский, английский, русский — он изучал их один за другим, уделяя каждому языку всего по несколько месяцев; но только в относительно позднем возрасте, а именно в тридцать пять лет, он взялся за изучение греческого. Причина этой задержки, как он сам объяснял, заключалась в том, что его интерес к греческой истории всегда был настолько сильным, что он не осмеливался взяться за изучение языка, опасаясь, что это отвлечет его от дела и повредит его бизнесу. Но теперь он так упорно занимался этим делом, что стал богатым человеком и мог позволить себе делать то, что хотел. Он освоил греческий так же быстро и полностью, как и другие языки, начав с современного греческого и перейдя в обратном хронологическом порядке к различным классическим авторам. Он научился не только читать на этом языке, но и легко писать на нем и свободно говорить, так что мог выражать свои мысли как на современном, так и на древнегреческом языке почти так же легко, как на своем родном.

Достигнув этого, он подготовил почву для попытки, которая, как он полагал в более поздние годы, была его амбицией на протяжении всей жизни, а именно — поиск места расположения древней Трои ( ). Накопив состояние, доход от которого был более чем достаточным для всех его нужд, он ушел из активного бизнеса и посвятил остаток своей жизни самонавязанной задаче. Насколько он преуспел в этом, известно всему миру. Вопреки мнению многих ученых, он выбрал холм Гиссарлык в качестве места расположения древнего Илиона, и его раскопки вскоре показали, что в древности на этом месте находилось не одно, а по крайней мере семь разных городов, каждый из которых строился на руинах предыдущего с большими промежутками во времени. Один из этих городов, шестой сверху, или, другими словами, самый древний, кроме одного, был, как он твердо убедился, сам Илион.

История его достижений уже была рассказана. Но здесь необходимо предупредить, что раскопки доктора Шлимана, какими бы замечательными ни были их результаты, при критическом рассмотрении, возможно, не доказывают столько, сколько может показаться на первый взгляд. Действительно, существует высокая степень вероятности того, что город, который он раскопал, действительно был тем, о котором говорится в гомеровских описаниях, но любому, кто внимательно изучает этот вопрос, должно быть ясно, что этот факт лишь в небольшой степени подтверждает гомеровское повествование в целом. Город Илион мог существовать, не вызывая такой череды событий, как описано в *«Илиаде»*. Сам доктор Шлиман пришел к этому выводу и впоследствии несколько изменил некоторые из своих более восторженных ранних взглядов, однако факт остается фактом: раскопки в Гиссарлыке должны быть приняты во внимание всеми, кто в будущем будет обсуждать статус гомеровского рассказа.

Если они и не доказали столько, сколько некоторые хотели бы, то, по крайней мере, дали огромный пищу для размышлений. Даже если бы они не дали ничего больше, то, по крайней мере, предоставили массу подлинных документов, касающихся жизни доисторического периода древней Греции. Еще более важными в этом отношении были раскопки, проведенные доктором Шлиманом впоследствии на местах древних греческих городов Микены и Тиринф. Илион не находился на греческой земле, и его связь с греческой историей была лишь предположительной, но эти другие города находились в самой Греции, и изучение их руин позволило включить в исторический период несколько веков греческой

жизни, которые до сих пор были совершенно неизвестны или известны только по случайным упоминаниям в гомеровских поэмах.

Шлоссер, Ф. К., *Weltgeschichte*, Франкфурт, 1844.

Фридрих Кристоф Шлоссер, родившийся в Йевере, Германия, 17 ноября 1776 года; умер в Гейдельберге 23 сентября 1861 года, Нестор немецких историков был назван — не без оснований — немецким Тацитом. Пожалуй, больше, чем кто-либо другой в начале XIX века, он повлиял на создание школы, которую можно назвать научной историей, не только благодаря своим трудам, но и благодаря личному влиянию на круг учеников, в который входили многие выдающиеся историки середины XIX века.

Профессор Шлоссер был прекрасным человеком и ученым. Его исторический кругозор был чрезвычайно широким, о чем свидетельствуют выбранные им темы, а сила его личности в равной степени проявилась в достигнутых им результатах. Его «*Всеобщая история*» и «*История XVIII века*» сразу же стали наиболее авторитетными трудами в этой области на момент их публикации, а вторая работа была вскоре переведена на английский язык.

Работа по *всеобщей истории* была первой попыткой такого рода, имеющей соответствующую всеобъемлемость, в современную эпоху. В первоначальном варианте, написанном самим Шлоссером, она носила в основном технический характер, но в то же время так явно содержала элементы великого популярного труда, что вскоре была доработана под руководством самого Шлоссера его учеником, доктором Г. Л. Кригком, и в этой популяризированной форме, несмотря на объемность в девятнадцать томов, быстро получила широкое распространение по всей Германии. Это было примерно в середине века. С тех пор было издано множество новых изданий популярной истории Шлоссера, и даже сегодня ее продажи в Германии, вероятно, превышают продажи любого другого подобного труда. Она занимает свое собственное место, с которым не может сравниться ни одна другая всеобщая история. Она обладает полным авторитетом, но при этом имеет по сути популярный характер. Это повествование о ходе мировых исторических событий. Ее стиль, хотя и менее красноречивый, чем у Вебера, достаточно ясен, а чувства, которые пронизывают ее на протяжении всего текста, в основном одобряются каждым читателем. У нас будет повод снова и снова возвращаться к ее страницам, и каждый такой повод будет усиливать удивление тем, что произведение, обладающее такой всеобъемлющей ценностью ( ), до сих пор не было доступно читателям на английском языке.

Шнайдер, Э., *Les Pélasges et leurs descendants*, Париж, 1884.—**Шорн**, В., *Geschichte Griechenlands von der Entstehung des ätol. und achäischen Bundes bis auf die Zerstörung von Korinth*.—**Шрадер**, О., *Die älteste Zeitteilung des indogerman*. Народ, Берлин, 1878.—**Шраммен**, Т., *Сказки о богах Древней Греции*, Лондон, 1894.—**Шухардт**, К., *Раскопки Шлимана* (перевод Э. Селлерса), Лондон, 1891 (замечательное резюме археологических результатов).—**Сеньобос**, К., *Историческое повествование и описание древней Греции*, Париж, 1891. —**Сержант**, Л., *Греция*, Лондон, 1880. —**Серре**, П., *Исследования по военной и морской истории греков*, Париж, 1885. —**Симпсон**, У., *Микены, Троя и Эфес*, Лондон, 1878.—**Sittl**, С., *Gesch. der griechischen Litteratur*, Munich, 1884.—**Smith**, A., *The Wealth of Nations*, London, 1891.—**Smith**, George, *The Gentile Nations*.—**Smith**, J., *Voyage and Shipwreck of St. Paul*, London, 1848.—**Smyth**, W., *History of Greece*, London, 1854.—**Стенгель**, П. (в «*Handbuch der Classischen Alterthumswissenschaft*» Мюллера, Нёрдлинген, 1876-1888).—**Страбон**, «*Γεωγραφικά*», Венеция, 1516, «*География Страбона*» (перевод с греческого Х. К. Гамильтона и У. Фалконера), Лондон, 1854, 3 тома.—**Штерн**, Э. фон, *Gesch. d. Spart. Hegemonie*, Дорпат, 1884.—**Симондс**, Дж. А., *Греческие поэты*, Лондон, 1893.

Тейн, Г., *Философия искусства в Греции*, Нью-Йорк, 1889; *Лекции по искусству*, Нью-Йорк, 1889.—**Тарбелл**, Ф. Б., *История греческого искусства*, Лондон, 1896.—**Тейлор**, Т., *Элевсинские и вакхические мистерии*, Нью-Йорк, 1891.—**Терксетти**, А., *Древняя и современная Греция с религиозной точки зрения*, Париж, 1884. — **Феогнис**, Ἐλέγεια (Стихотворения), Венеция, 1495; под редакцией Беккера, Лейпциг, 1815.—**Теопомп**, Φιλίππικα (Филиппики), *Theopompi Chii fragmenta, collegit, disposicit et explicavit*, Р. Х. Э. Вичерс, Лейден, 1829.—**Тьер**, Л. А., *Histoire du Consulat et de l'Empire*, Париж, 1845-1862, 20 томов.—**Тирлволл**, К., *A History of Greece*, Лондон, 1845.

Конноп Тирлволл родился в Стэпни, Лондон, 11 января 1797 года; умер в Бате, 27 июля 1875 года. Епископ Тирлволл был одним из тех необыкновенных людей, которых, возможно, гораздо больше, чем обычно думают, и о которых можно справедливо сказать, что они никогда не достигали и половины того, чего могли бы достичь, если бы сосредоточили свои силы и более настойчиво применяли свои способности. В детстве он был почти вундеркиндом в учебе, а во взрослой жизни он продемонстрировал, что способность к приобретению знаний у него сохранилась, освоив валлийский язык и проповедуя на этом языке, когда его пригласили на валлийскую кафедру. Но его усилия никогда не были сосредоточены в течение длительного периода на какой-либо конкретной области, и почти случайно, и, безусловно, под влиянием внешних факторов, он был побужден создать единственное произведение, которое передаст его имя потомкам. Эта работа, конечно же, является его историей Греции.

Такая критика ни в коем случае не является пренебрежительной по отношению к этой истории, ни, конечно, к достижениям Тирлволла в целом. Применение критики в этом смысле было бы абсурдным, поскольку даже сегодня можно усомниться в том, что работа Тирлволла не является лучшей общей историей Греции, которая когда-либо была написана. Безусловно, для широкого читателя она в большей степени сочетает в себе авторитетность и популярность изложения, чем любая другая работа на английском языке. Но эта работа была написана для удовлетворения популярного спроса, и хотя она ни в коем случае не была написана в спешке или небрежно, друзья Тирлволла всегда считали, что она могла бы быть более авторитетной, если бы была написана с другими мотивами.

Однако, в конце концов, возможно, мир лучше от того, что работа осталась в своем нынешнем виде. Тяжеловесные истории Греции не являются новостью, в то время как читаемые истории любой страны никогда не являются излишними на рынке. Частота, с которой мы обращались к страницам Тирлволла при рассмотрении истории Греции, была залогом нашей оценки положения, которое занимает его история после того, как два или три поколения исследователей искали новый материал в той же области.

Thouvenal, E. A., *La Grèce du Roi Othou*, Paris, 1890.—**Thucydides**, Συγγραφή, Venice, 1502; *The History of the Grecian War* (trans. by Henry Dale), London, 1852; *Of the Peloponnesian Wars*, London, 1856, 2 vols.—**Тимайенис**, Т. Т., *Греция во времена Гомера*, Нью-Йорк, 1885; *История Греции от древнейших времен до наших дней*, Нью-Йорк, 1881.—**Тозер**, Х. Ф., *Острова Эгейского моря*, Оксфорд, 1890; *Исследования в высокогорьях Турции*, 1869.—**Цунтас**, К., и Дж. И. **Манатт**, *Микенская эпоха*, Бостон и Нью-Йорк, 1897. —**Тиртей**, Εὐνομία, под редакцией Клоца. Бремен, 1764, *Фрагменты* 5, 6.

Вирхов, Р. (в книге Шлимана «Илиос», Лейпциг, 1881).

Вахсмут, К., «Город Афины в древности», Лейпциг, 1874.—**Уоддингтон**, У. Х. (в соавторстве с Ле Басом), Voyage Archéologique en Grèce et en Asie Mineure, Париж, 1847-1877, 6 тт. —**Уолтон**, А., The Cult of Asklepios, Итака, Нью-Йорк, 1894.—**Уоткинс**, Л., «Эпоха Перикла». —**Вебер**, Г., «Всемирная история», Лейпциг, 1857-1880; «История философии», Лондон, 1896. —**Уилер**, Бенджамин Айд, «Александр Великий: слияние Востока и Запада в всемирной истории», Нью-Йорк и Лондон, 1902.

Бенджамин Айд Уилер родился в Рэндольфе, штат Массачусетс, 15 июля 1854 года. С 1899 года является президентом Калифорнийского университета. Ранние публикации президента Уилера были посвящены в основном греческой филологии, но его интерес к другим аспектам греческой жизни подтверждается вышеупомянутой работой. Разумеется, эта работа является научной, но она также популярна в лучшем смысле этого слова: действительно, ни на одном языке не существует более читаемого и удовлетворительного описания жизни Александра.

Виламовиц-Мёллендорф, В., фон, Homerische Untersuchungen, Берлин, 1884. — **Уинтертон**, Р., Poetæ Minores Græci, Кембридж, 1684. — **Витт**, К., The Retreat of the Ten Thousand, Лондон, 1891; The Trojan War, Лондон, 1884. — **Вольф**, Ф. А., Prolegomena ad Homerum, Галле, 1795.—**Wordsworth**, С., Athens and Attica, Лондон, 1836.—**Wyse**, Т., Impressions of Greece, Лондон, 1871.

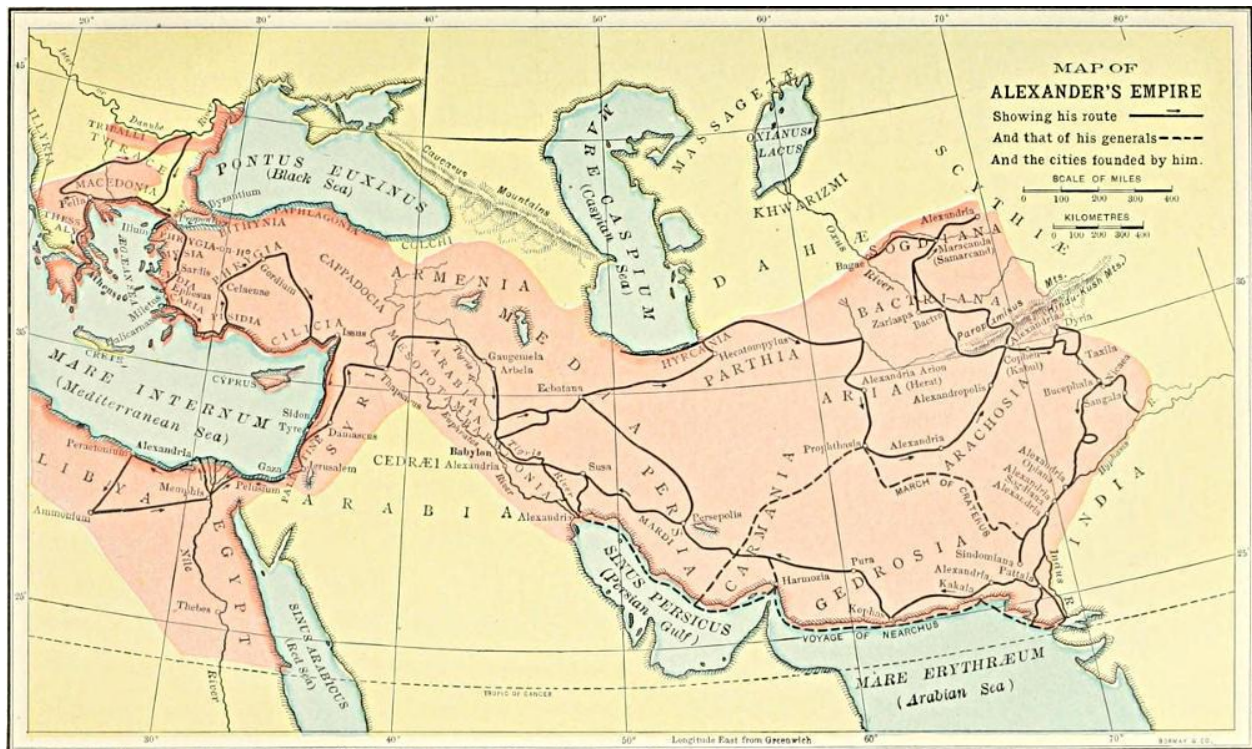
Ксант, Λυδιακὰ Βιβλία δ', Lydiaca (в C. Müller's Fragmenta Historicorum Græcorum, стр. хх-xxiii, 36-44).—**Ксенофонт**, Κύρου Ἀναβάσις, изд. Крюгером, Лейпциг, 1888, 7-е изд.; Anabasis of Cyrus, Лондон, 1881; Ἀπομνημονεύματα Σωκράτους, под ред. Кюнера, Лейпциг, 1882, 4-е изд.; Memorabilia, под ред. Дж. Р. Кинга, Оксфорд, 1874; Ἑλληνικά, The Hellenics, Лондон, 1855.

Зеллер, Э., История греческой философии, Лондон, 1881.

КАРТА ИМПЕРИИ АЛЕКСАНДРА

BORMAY & CO.

назад